

INSTITUTUL
DE RELAȚII INTERNAȚIONALE
DIN MOLDOVA

STATALITATEA MOLDOVEI: CONTINUITATEA ISTORICĂ ȘI PERSPECTIVA DEZVOLTĂRII

*Materialele Conferinței științifice internaționale,
24-25 martie 2017, organizată sub patronajul
Președintelui Republicii Moldova,
Igor DODON*

Chișinău, 2017

Conferința științifică internațională „Statalitatea Moldovei: continuitatea istorică și perspectiva dezvoltării” a fost organizată sub patronajul Președintelui Republicii Moldova Igor Dodon.

COLEGIUL DE REDACȚIE:

Valentin BENIUC, rector al IRIM, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar
Corneliu POPOVICI, doctor în filosofie, conferențiar universitar, consilier al Președintelui Republicii
Moldova în domeniul educației, culturii și cercetării

Sergiu NAZARIA, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, IRIM

Vladislav GROSUL, doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar,
cercetător științific principal, Institutul Istoria Rusiei al AȘR

Petru TOLOCICO, doctor habilitat în istorie, profesor universitar, academician, AȘU,
membru al AȘR, membru al Academiei Europene

Tamara GUZENCOVA, doctor habilitat în științe istorice, Director adjunct al Institutului de Cercetări Sociologice
din Rusia, conducătorul Centrului de cercetări a problemelor statelor din apropiata vecinătate

Florin PINTESCU, doctor în istorie, conferențiar universitar,
Universitatea Ștefan cel Mare, Suceava, România

Vladimir DERGACIOV, doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar,
expert în geopolitică, Universitatea Națională I.I. Mecinikov, Odesa, Ucraina

Mincio MINCEV, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar, Președinte al Centrului Științific Bulgar
Euroasiatic, Bulgaria

Mariana HAUSLEITNER, doctor habilitat în istorie, conferențiar universitar,
Freie Universität, Berlin, Germania

José Luis IRIARTE ÁNGEL, doctor în drept, profesor universitar, Universitatea Publică din Navarra, Spania

Ludmila LIPCOVA, doctor în istorie, decan al Facultății de Relații Internaționale a
Universității Economice din Bratislava, doctor habilitat în științe economice,
profesor universitar, Republica Slovacă

Stanislav MRAZ, doctor habilitat în drept, profesor universitar, rector al Universității „DANUBIUS”,
Republica Slovacă

Vasilii SICOVICI, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Republica Belarus

Gazis ŠAIMERDEN, doctor în istorie, consilier al Rectorului Institutului Pedagogic de Stat din Kustanai pe
probleme religioase, Kazahstan

Gheorghe COSTACHI, doctor habilitat în drept, profesor universitar, AȘM

Gheorghe ILIADI, doctor habilitat în științe economice, profesor-cercetător, AȘM

Victor PUȘCAȘ, doctor în drept, conferențiar universitar, USEM

Vitalie CAZACU, doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM

Victor STEPANIUC, doctor în istorie, conferențiar universitar, IRIM

Materialele sunt publicate în redacția autorilor.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

"Statalitatea Moldovei: continuitatea istorică și perspectiva dezvoltării", conferință științifică internațională (2017 ; Chișinău). Statalitatea Moldovei: continuitatea istorică și perspectiva dezvoltării" : Materialele Conferinței științifice internaționale, 24-25 martie 2017, organizată sub patronajul Președintelui Republicii Moldova, Igor Dodon / col. red.: Valentin Beniuc [et al.]. – Chișinău : IRIM, 2017 (Tipogr. "Print-Caro"). – 851 p. : tab.

Antetit.: Inst. de Relații Intern. din Moldova (IRIM). – Texte : lb. rom., engl., rusă. – Rez.: lb. rom., engl. – În red. aut. – Bibliogr. la sfârșitul art. – Referințe bibliogr. în subsol. – 100 ex.

ISBN 978-9975-56-439-7 (Tipogr. "Print-Caro").

342.1+32+94(478)(082)=135.1=111=161.1

S 79

SUMAR

DODON Igor, Președintele Republicii Moldova
Cuvînt de salut 27

DIMENSIUNEA ISTORICO-POLITOLÓGICĂ

BENIUC Valentin, doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Rector IRIM
Statalitatea moldovenească și continuitatea istorică: abordare teoretică interdisciplinară 34

GROSUL Vladislav, doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar, cercetător științific principal, Institutul Istoria Rusiei al AȘR
Conștiința națională a moldovenilor din Rusia și a principatului Moldav din sec. al XIX-lea 61

BURIAN Alexandru, doctor habilitat în drept, profesor universitar, director al Institutului de Cercetări Strategice al Universității de Studii Europene din Moldova, consultant științific al Institutului de Cercetări Juridice și Politice al AȘM, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar
Continuitatea statelor: succesiunea de drept, continuitatea istorică și perspectivele de dezvoltare a statalității moldovenești 88

PINTESCU Florin, doctor în istorie, conferențiar universitar, Universitatea Ștefan cel Mare, Suceava, România
România și Republica Moldova, state de frontieră. Asemănări, deosebiri, perspective 102

- POPOVICI Corneliu**, doctor în filosofie,
conferențiar universitar, consilier al Președintelui Republicii
Moldova în domeniul educației, culturii și cercetării
- POPOVICI Angela**, doctor în filosofie, conferențiar
universitar, Academia de Administrare Publică
*Consolidarea Statului Medieval Moldova prin organizarea
structurilor administrative regionale 119*
- LAVRIC Aurelian**, doctor în istorie, conferențiar universitar,
expert în studii de securitate
Misiunea statului moldovenesc: de la origini până în prezent ..127
- PASCARI Eugen**, istoric, publicist,
Asociația moldovenească a istoricilor și geografilor
- GHERȚEN Andrei**, doctor în științe geografice,
cercetător științific, Institutul de Geografie al AȘR
Statul moldovenesc pe hărțile geografice vechi 144
- ARTAMONOV Vladimir**, doctor în istorie,
cercetător științific principal, Institutul
Istoria Rusiei al AȘR
*Moldova în perioada Războiului Ruso-Turc
din 1710-1713 privită de ruși 156*
- BOICO Petru**, doctor în istorie, conferențiar universitar
*Evoluția statalității moldovenești între
Prut și Nistru (1812-1828) 177*
- HAUSLEITNER Mariana**, doctor habilitat în istorie,
conferențiar universitar, Freie Universität, Berlin
Minoritatea germană din Basarabia între 1814 și 1940 191
- PRIGARIN Alexandru**, doctor habilitat în istorie,
etnopolitolog, Odesa, Ucraina
*„Darurile pământului Moldovei” ca factor al formării
credințioșilor de rit vechi în Europa de Sud-Vest 200*

MINCEV Mincio, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar,
Președinte al Centrului Științific Bulgar Euroasiatic, Bulgaria
Statalitatea și națiunea în Europa 217

DERGACIOV Vladimir, doctor habilitat în științe
geografice, profesor universitar, expert în geopolitică,
Universitatea Națională I.I. Mecinikov, Odesa, Ucraina
*Geopolitica statelor de frontieră și criza politicii europene
a „Parteneriatului Estic”* 227

POPTOVA Ala, doctor în istorie, conferențiar universitar,
Universitatea de Stat din Comrat
Imaginea trecutului ca factor al formării identității 250

BUKARSKII Vladimir, *analist politic, director executiv
al filialei din Moldova a Clubului de experți „Izborsk”,
expert al Clubului Bizantin Internațional*
*Ortodoxia ca factor determinant al identității
civilizaționale a Moldovei* 260

SACOVICI Vasilii, doctor habilitat în științe politice,
profesor universitar, IRIM
*Securitatea națională ca factor important al
consolidării statalității Republicii Moldova* 267

ȘAIMERDEN Gazis, doctor în istorie, consilier al
Rectorului Institutului Pedagogic de Stat din Kustanai pe
probleme religioase, Kazahstan
Calea Kazahstanului de consolidare a statalității 277

Serghei NAZARIA, doctor habilitat în științe politice,
profesor universitar, IRIM
Mihail SPRÎNCEANĂ, doctor în istorie,
conferențiar universitar, IRIM
*Istoriografia modernă română despre natura războiului
Germaniei împotriva Uniunii Sovietice în 1941-1944* 286

STEPANIUC Victor , doctor în istorie, conferențiar universitar, IRIM <i>Autodeterminarea națională a moldovenilor în sec. XX: aspecte istorice și politico-juridice</i>	299
CVILINCOVA Elizaveta , doctor habilitat în istorie, profesor-cercetător, AȘM <i>Unitatea creștină și apropierea „distanței culturale” ca factori importanți ai consolidării statalității și dezvoltării durabile a Moldovei politenice</i>	330
CIOBU Emil , doctor în filosofie, conferențiar universitar, Ambasador, Consilier de Stat al Republicii Moldova, clasa I <i>Particularități ale constituirii statalității Republicii Moldova: probleme și perspective</i>	341
Vladimir POLIVȚEV , doctor în istorie <i>În apărarea rezultatelor revoluției și a restabilirii statalității moldovenești (1917-1918)</i>	354
ROȘCA Ludmila , doctor habilitat în filosofie, profesor universitar, IRIM <i>Coeziunea societății moldovenești – condiție a consolidării instituționale a statului Republica Moldova</i>	392
BENCHECI Marcel , doctor în științe politice, cercetător, Centrul de Cercetări Strategice al Institutului de Cercetări Juridice și Politice, AȘM <i>Securitatea națională a Republicii Moldova în contextul consolidării sistemului de securitate internațională</i>	404
BENCHECI Diana , doctor în științe politice, conferențiar universitar, USM Vasile CAZACENCO , USM <i>Consolidarea identității naționale în contextul coeziunii etnice și sociale în RM</i>	418

VOLCOV Eduard , doctor în filosofie, conferențiar universitar, IRIM <i>Disignul instituțional optimal pentru Republica Moldova (forma de guvernare și sistemul electoral optimal pentru RM)</i>	425
EFREMOV Valeriu , doctor în filosofie, conferențiar universitar, Academia Militară a Forțelor Armate „Alexandru cel Bun”, postdoctorand, USM <i>Fenomenul puterii în viziunea marxistă și weberiană: abordare teoretico-metodologică</i>	482
OLEINIC Ludmila , doctor în științe politice, IRIM <i>Cercetarea științifică a procesului de transformare postcomunistă (exemplul Republicii Moldova)</i>	501
AFANAS Nicolai , master în științe politice, doctorand, IRIM <i>Erodarea suveranității naționale în contextul proceselor integraționiste</i>	509
COMENDANT Vasile , doctorand, Academia de Administrarea Publică <i>Repere bibliografice privind contribuția autorităților publice în conservarea și revitalizarea patrimoniului cultural național</i>	522
IURAȘCO Elena , doctorandă, USM <i>Implicațiile organizațiilor societății civile în asigurarea tehnic-materială a instituțiilor preuniversitare din Republica Moldova</i>	536

DIMENSIUNEA JURIDICĂ

- PUȘCAȘ Victor**, doctor în drept, conferențiar universitar,
ex-judecător al Curții Constituționale a Republicii Moldova
*Dezvoltarea sistemului național de drept prin prisma
continuității istorice* 550
- MRAZ Stanislav**, doctor habilitat în drept, profesor
universitar, Rector al Universității „DANUBIUS”,
Republica Slovacă
Formarea statalității slovace 568
- José Luis IRIARTE ÁNGEL**, doctor în drept,
profesor universitar, Universitatea Publică din Navarra, Spania
*Identitatea europeană și problema statalității în
Europa contemporană* 581
- BÎRGĂU Mihail**, doctor habilitat în drept,
profesor universitar, USEFS
*Problema asigurării protecției drepturilor omului în
Republica Moldova ca unul din principiile fundamentale
a statului de drept* 587
- COSTACHI Gheorghe**, doctor habilitat în drept,
profesor universitar, cercetător științific principal,
Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM
*Stabilitatea Constituției – garanție indispensabilă a
statalității Moldovei* 600
- COJOCARI Eugenia**, doctor habilitat în drept,
profesor universitar, USPEE
*Particularitățile reglementării economiei de piață în
Republica Moldova* 611
- GUȚANU Eugen**, doctor în drept, conferențiar universitar, IRIM
STAYER Liliana, doctorandă, Academia MAI "Ștefan cel Mare"
*Statul de drept și drepturile omului: evoluție,
aspirații, realitate* 622

ROTARI Oxana, doctor în drept, conferențiar universitar, ULIM
Probațiunea postpenitenciară 628

SOSNA Alexandru, doctor în drept, USM,
cercetător superior, AȘM
LUPU Constantin, doctor în științe economice,
conferențiar universitar, USEM
*Aplicarea legislației în stabilirea răspunderii disciplinare
a muncitorilor și angajaților* 637

SOSNA Boris, doctor în drept, AȘM
TARLEV Dimitrii, master în drept, asistent de judecător,
Curtea Supremă de Justiție a RM
*Unele probleme ale executării impuse
a documentelor executorii* 657

BUGA Larisa, doctor în drept, IȘPCA
NICOLAEVICI Ion, IȘPCA
Evoluția instituției șefului statului în Republica Moldova 679

DIMENSIUNEA ECONOMICĂ

LIPCOVA Ludmila, doctor în istorie, decan al
Facultății de Relații Internaționale a Universității Economice
din Bratislava, doctor habilitat în științe economice,
profesor universitar, Republica Slovacă
*Relațiile economice externe ale Republicii Slovace și
impactul lor asupra edificării statalității slovace* 692

ILIADI Gheorghe, doctor habilitat în științe economice,
profesor-cercetător, consultant științific
INCE al AȘM și ME RM
*Noua paradigmă de stat a dezvoltării
social-economice echitabile* 702

CROTENCO Iurii , doctor habilitat în științe economice, profesor universitar, IRIM <i>Perspectivile dezvoltării economice a Uniunii Europene - premisă a creșterii economice în Moldova</i>	710
CAZACU Vitalie , doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM <i>Impactul investițiilor străine și transferurilor bănești asupra dezvoltării economiei Moldovei</i>	730
GOLOVATAIA Ludmila , doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM <i>Securitatea economică a Republicii Moldova în contextul comerțului internațional</i>	739
ANDREEVA Tatiana , doctor în științe economice, conferențiar universitar, IRIM <i>Tendențele principale ale colaborării Republicii Moldova cu UEA: probleme și perspective de dezvoltare</i>	752
GRIBINCEA Alexandru , doctor habilitat în științe economice, profesor universitar, ULIM ZEADI Hani , manager, Israel HAMAD Nimer , manager, Israel <i>Impactul turismului cultural asupra creșterii mândriei naționale, a patriotismului și statalității</i>	764
ROȘCA Petru , doctor habilitat în științe economice, profesor universitar, ULIM GRIBINCEA Alexandru , doctor habilitat în științe economice, profesor universitar, ULIM <i>Cercetarea și inovarea: factori-cheie în sporirea competitivității produselor moldovenești pe piața internațională</i>	771
BĂDĂRĂU Elena , doctorandă, ULIM <i>Repere de dezvoltare a comerțului exterior al Republicii Moldova la înc. sec. XXI</i>	787

CROTENCO Irina , doctorandă, ASEM <i>Premisele teoretice ale formării mecanismelor strategice de dezvoltare a Moldovei pe baza experienței internaționale .....</i>	796
SANDU Maxim , manager ITQS <i>Rolul și importanța inovației pentru creșterea competitivității țării .....</i>	809
LAZARI Silvia , referent, Parlamentul Republicii Moldova COJOCARU Virginia , USM <i>Riscurile și încrederea în spațiul european după BREXIT .....</i>	817
ȚURCANU Viorica , doctorandă, ULIM TĂBĂCARU Ludmila , manager, Federația Moldovenească de Fotbal COJOCARU Virginia , USM LAZARI Silvia , referent, Parlamentul Republicii Moldova <i>Politica securității economice a statului mic .....</i>	824
SHARFELDIN Ibrahim Mustafa , Mohammedelkhatim, doctorand, ULIM <i>Structura comercială și dinamica investițiilor directe în condiții contemporane .....</i>	841

CONTENTS

DODON Igor , The President of the Republic of Moldova <i>Welcoming words</i>	27
--	----

THE HISTORICAL-POLITICAL DIMENSION

BENIUC Valentin <i>Historical continuity of Moldovan statehood: interdisciplinary research</i>	34
--	----

GROSUL Vladislav <i>National consciousness of Moldovans in Russia and in the Moldovan principality in the XIX century</i>	61
---	----

BURIAN Alexander <i>Continuity of states: succession law, the historical continuity and development perspectives of the Moldovan statehood</i>	88
--	----

PINTESCU Florin <i>Romania and the Republic of Moldova, frontier states. Similarities, differences, perspectives</i>	102
--	-----

POPOVICI Korneli POPOVICI Angela <i>Consolidating Medieval Moldova's state by organizing regional administrative structures</i>	119
---	-----

LAVRIC Aurelian <i>Moldovan State's mission: from the emergence to the present time</i>	127
---	-----

PASCARI Eugene GERTSEN Andrei <i>The Moldovan state on ancient geographical maps</i>	144
--	-----

ARTAMONOV Vladimir <i>Moldavia through the eyes of Russians during the Russian-Turkish war of 1710-1713</i>	156
BOICO Petru <i>The evolution of Moldovan statehood in the interfluve between the Prut and Dniester rivers (1812-1828)</i>	177
HAUSLEITNER Mariana <i>The German Minority in Bessarabia 1814-1940</i>	191
PRIGARIN Alexander <i>"Moldovan land piety" as a factor in the formation of the Southeast Europe's old believers (18th century – the beginning of the 19th century)</i>	200
MINCHEV Mincho <i>Statehood and the nation in Europe</i>	217
DERGACHEV Vladimir <i>Geopolitics of the Border States and the crisis of the "Eastern Partnership" European policy</i>	227
Ala POPTSOVA <i>The image of the past as a factor of identity formation</i>	250
BUKARSKY Vladimir <i>Orthodoxy as the determining factor of the civilizational identity of Moldova</i>	260
SACOVICI Vasily <i>National security as the most important factor in strengthening the Republic of Moldova's statehood</i>	267
SHAYMERDEN Gaziz <i>The Kazakh way of statehood formation</i>	277

NAZARIA Sergey SPRINCEANA Mikhail <i>Romanian modern historiography about the nature of the German war against the Soviet Union in 1941-1944</i>	286
STEPANIUC Viktor <i>National self-determination of Moldovans in the xx century: historical and political-juridical aspects</i>	299
CVILINCOVA Elizaveta <i>Orthodox community and the proximity of "cultural distance" as important factors in strengthening statehood and sustainable development of multiethnic Moldova</i>	330
CHIOBU Emilyan <i>Features of formation of Moldovan statehood: problems and prospects</i>	341
Vladimir POLIVTSEV <i>In protection of the revolution results and restructuring of Moldovan statehood (1917-1918)</i>	354
ROSCA Ludmila <i>Moldovan society cohesion - a condition for the institutional consolidation of the Republic of Moldova</i>	392
BENKECH Marchel <i>The Republic of Moldova's national security in the context of the international security system formation</i>	404
BENKECH Diana <i>National identity formation in conditions of ethnic and social cohesion in Moldova</i>	418

VOLKOV Eduard
The optimal institutional design for the Republic of Moldova (the form of government and the optimal electoral system for the Republic of Moldova) 425

EFREMOV Valery
Power as a phenomenon in Karl Marx and Max Weber's works 482

OLEINIC Ludmila
Scientific research of the process of postcommunist transformation (Case study of Republic of Moldova) 501

AFANAS Nikolai
The Erosion of national sovereignty in the context of integrationist processes 509

COMENDANT Vasile
Bibliographic description of public authorities' contribution to preservation and revitalization of national cultural heritage 522

IURAȘCO Elena
The implications of the civil society organizations in the technical-material insurance of pre-university institutions in the Republic of Moldova 536

THE LEGAL DIMENSION

PUSKAS Victor
Historical continuity and development of the national system of law 550

MRAZ Stanislav
Formation of the Slovak Statehood 568

José Luis IRIARTE ÁNGEL <i>European identity and the statehood problem in the contemporary Europe .....</i>	581
BIRGAU Mikhail <i>The problem of ensuring the protection of human rights in the Republic of Moldova as the fundamental principle of the legal state .....</i>	587
COSTACHI George <i>Constitution stability - an indispensable guarantee of the Moldovan statehood .....</i>	600
COZHOCARI Eugeniya <i>Features of the market economy settlement in the Republic of Moldova .....</i>	611
GUȚANU Eugen STAVER Liliana <i>The rule of law and human rights: evolution, aspirations and reality .....</i>	622
ROTARI Oxana <i>Probation postpenitentiary .....</i>	628
SOSNA Alexandru LUPU Constantin <i>The Republic of Moldova's law enforcement on the disciplinary responsibility of workers and civil servants .....</i>	637
SOSNA Boris TARLEV Dimitrii <i>Some issues of the executive documents' enforcement .....</i>	657

BUGA Larisa NICOLAEVICI Ion <i>The head of state institution development in the Republic of Moldova .....</i>	<i>679</i>
---	------------

THE ECONOMIC DIMENSION

LIPKOVA Ludmila <i>Foreign economic relations of the Slovak Republic and their influence on the formation of the Slovak statehood .....</i>	<i>692</i>
---	------------

ILIADI George <i>The new state paradigm of socio-economic equitable development .....</i>	<i>702</i>
---	------------

CROTENCO Yuri <i>Prospects for the economic growth of the EU-27 until 2025 as one of the prerequisites for the economic growth of Moldova .....</i>	<i>710</i>
---	------------

CAZACU Vitalie <i>The impact of foreign investment and remittances on Moldova's economic development .....</i>	<i>730</i>
--	------------

GOLOVATAIA Ludmila <i>The Republic of Moldova's economic security in the context of international trade .....</i>	<i>739</i>
---	------------

ANDREEVA Tatiana <i>The Republic of Moldova's main tendencies of cooperation with the EAEC: problems and development prospects .....</i>	<i>752</i>
--	------------

GRIBINCEA Alexandru Hani ZEADI Nimer HAMAD <i>The influence of cultural tourism on the formation of national pride, patriotism and statehood .....</i>	<i>764</i>
--	------------

ROSCA Petru GRIBINCEA Alexandru <i>Research and innovation - a key link in Moldovan goods' competitiveness growth on the world market .....</i>	<i>771</i>
BADARAU Elena <i>The foundations of the Republic of Moldova's foreign trade development at the beginning of the 21st century .....</i>	<i>787</i>
CROTENCO Irina <i>Theoretical preconditions for the formation of strategic mechanisms for the development of Moldova on the basis of international experience .....</i>	<i>796</i>
SANDU Maxim <i>The role and importance of innovation for the growth of the country's competitiveness .....</i>	<i>809</i>
LAZAR Sylvia COJOCARU Virginia <i>Risks and confidence in the European space after BREXIT .....</i>	<i>817</i>
TURCANU Viorica TABACARU Liudmila COJOCARU Virginia LAZAR Sylvia <i>Small states' policies of economic security .....</i>	<i>824</i>
SHARFELDIN Ibrahim Mustafa <i>The trade structure and dynamics of direct investments in contemporary conditions .....</i>	<i>841</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ДОДОН Игорь, Президент Республики Молдова
Приветственное слово 27

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

БЕНЮК Валентин
*Историческая преемственность молдавской
государственности: междисциплинарное исследование* 34

ГРОСУЛ Владислав
*Национальное самосознание молдаван
России и Молдавского княжества в XIX веке* 61

БУРИАН Александр
*Континуитет государств: правопреемство,
историческая преемственность и перспективы
развития молдавской государственности* 88

ПИНТЕСКУ Флорин
*Румыния и Республика Молдова, приграничные
государства: общие и отличительные черты,
перспективы развития* 102

ПОПОВИЧ Корнелий
ПОПОВИЧ Анжела
*Становление Молдавского средневекового
государства посредством организации
региональных административных структур* 119

ЛАВРИК Аурелиан
*Миссия молдавского государства: от возникновения
по настоящее время* 127

ПАСКАРЬ Евгений ГЕРЦЕН Андрей <i>Молдавское государство на старинных географических картах</i>	144
АРТАМОНОВ Владимир <i>Молдавия глазами русских в период Русско-турецкой войны 1710-1713 гг.</i>	156
БОЙКО Пётр <i>Эволюция молдавской государственности в междуречье Прута и Днестра (1812-1828)</i>	177
ХАУСЛЕЙТНЕР Мариана <i>Немецкое меньшинство в Бесарабии в период 1814-1940</i>	191
ПРИГАРИН Александр <i>„Благочестие земли Молдавской” как фактор формирования старообрядцев Юго-Восточной Европы</i>	200
МИНЧЕВ Минчо <i>Государство и нация в Европе</i>	217
ДЕРГАЧЁВ Владимир <i>Геополитика рубежных государств и кризис европейской политики «Восточного партнёрства»</i>	227
ПАПЦОВА Алла <i>Образ прошлого как фактор формирования идентичности</i>	250
БУКАРСКИЙ Владимир <i>Православие как фактор цивилизационной идентичности Молдовы</i>	260

САКОВИЧ Василий <i>Национальная безопасность как важнейший фактор укрепления государственности Республики Молдова .....</i>	<i>267</i>
ШАЙМЕРДЕН Газиз <i>Казахстанский путь становления государственности .....</i>	<i>277</i>
НАЗАРИЯ Сергей СПРЫНЧЯНЭ Михаил <i>Современная румынистская историография о характере войны Румынии против Советского Союза в 1941-1944 гг. ....</i>	<i>286</i>
СТЕПАНЮК Виктор <i>Национальная самоидентичность молдаван в XX веке: исторический политико-правовой анализ .....</i>	<i>299</i>
КВИЛИНКОВА Елизавета <i>Православная общность и близость «культурной дистанции» как важные факторы укрепления государственности и устойчивого развития полиэтничной Молдовы .....</i>	<i>330</i>
ЧОБУ Емильян <i>Особенности становления государственности Республики Молдова: проблемы и перспективы .....</i>	<i>341</i>
ПОЛИВЦЕВ Владимир <i>На защите завоеваний революции и воссоздаваемой молдавской государственности (1917-1918 гг.) .....</i>	<i>357</i>
РОШКА Людмила <i>Социальная сплочённость молдавского общества – условие институциональной консолидации государства Республики Молдова .....</i>	<i>392</i>

БЕНКЕЧ Марчел <i>Национальная безопасность Республики Молдова в контексте формирования системы международной безопасности .....</i>	404
БЕНКЕЧ Диана <i>Становление национальной идентичности в условиях этнической и социальной сплоченности в Молдове .....</i>	418
ВОЛКОВ Эдуард <i>Оптимальный институциональный дизайн для Республики Молдова (форма правления и оптимальная электоральная система для Республики Молдова) .....</i>	425
ЕФРЕМОВ Валерий <i>Власть как явление в работах Карла Маркса и Макса Вебера .....</i>	482
ОЛЕЙНИК Людмила <i>Научное исследование процесса посткоммунистической трансформации (на примере Республики Молдова) .....</i>	501
АФАНАС Николай <i>Эрозия национального суверенитета в контексте интеграционных процессов .....</i>	509
КОМЕНДАНТ Василий <i>Библиографическое описание вклада органов государственной власти в сохранении и возрождении национального культурного наследия .....</i>	522
ЮРАШКО Елена <i>Влияние гражданского общества на материально- техническое оснащение институтов доуниверситетского образования Республики Молдова .....</i>	536

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ПУШКАШ Виктор

Историческая преемственность и развитие национальной системы права 550

МРАЗ Станислав

Формирование Словацкой государственности 568

ИРИАРТЕ АНГЕЛ Хосе Луис

Европейская идентичность и проблема государственности в современной Европе 581

БЫРГЭУ Михаил

Проблема обеспечение защиты прав человека в Республике Молдова как основополагающего принципа правового государства 587

КОСТАКИ Георгий

Стабильность Конституции – основной гарант государственности Молдовы 600

КОЖОКАРЬ Евгения

Особенности урегулирования рыночной экономики в Республике Молдова 611

ГУЦАН Евгений

СТАВЕР Лилиана

Правовое государство и права человека: эволюция, ожидания, реальность 622

РОТАРЬ Оксана

Постпенитенциарная probation 628

СОСНА Александр
ЛУПУ Константин
Применение законодательства Республики Молдова, устанавливающего дисциплинарную ответственность рабочих и служащих 637

СОСНА Борис
ТАРЛЕВ Дмитрий
Отдельные проблемы принудительного исполнения исполнительных документов 657

БУГА Лариса
НИКОЛАЕВИЧ Ион
Эволюция института президента в Республике Молдова 679

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ЛИПКОВА Людмила
Внешиэкономические связи Словацкой Республики и их влияние на становление словацкой государственности 692

ИЛИАДИ Георгий
Новая государственная парадигма социально-экономического справедливого развития 702

КРОТЕНКО Юрий
Перспективы экономического развития ЕС-27 до 2025 года как одна из предпосылок роста экономики Молдовы 710

КАЗАКУ Виталий
Влияние иностранных инвестиций и денежных переводов на экономическое развитие Молдовы 730

ГОЛОВАТАЯ Людмила <i>Экономическая безопасность Республики Молдова в контексте международной торговли .....</i>	739
АНДРЕЕВА Татьяна <i>Основные тенденции сотрудничества Республики Молдова с ЕАЭС: проблемы и перспективы развития .....</i>	752
ГРИБИНЧА Александр ЗЯДИ Хани ХАМАД Нимер <i>Влияние культурного туризма на формирование национальной гордости, патриотизма и государственности .....</i>	764
РОШКА Петру ГРИБИНЧА Александр <i>Исследование и инновация – ключевое звено в росте конкурентноспособности молдавских товаров на мировом рынке .....</i>	771
БЭДЭРЭУ Елена <i>Основы развития внешней торговли Республики Молдова в начале XXI века .....</i>	787
КРОТЕНКО Ирина <i>Теоретические предпосылки формирования стратегических механизмов развития Молдовы на базе международного опыта .....</i>	796
САНДУ Максим <i>Роль и значение инноваций для роста конкурентноспособности страны .....</i>	809

ЛАЗАРЬ Сильвия
КОЖОКАРУ Вирджиния
Риски и доверие европейскому пространству
после BREXIT 817

ЦУРКАНУ Виорика
ТАБАКАРУ Людмила
КОЖОКАРУ Вирджиния
ЛАЗАРЬ Сильвия
Политика экономической безопасности
малых государств 824

ШАРФЕЛДИН Ибрагим Мустафа
Комерческая структура и динамика прямых
инвестиций в современных условиях 841

Igor DODON, Președintele Republicii Moldova

Stimați participanți la conferință,
Stimați oaspeți, onorată asistență,

Vă salut la acest forum științific dedicat statalității Republicii Moldova. Îmi bucură privirea prezența unui public atât de solid, format din specialiști din diferite țări.

Noi trebuie să scoatem la lumină problematica statalității moldovenești, să o discutăm neîncetat, și eu vă mulțumesc sincer pentru contribuția dumneavoastră la elucidarea istoriei noastre politice.

În aceste vremuri, când identitatea și istoria moldovenească sunt în mod sistemic subminate, e nevoie de o mobilizare nu doar socială, ci și intelectuală, pentru a apăra valorile unui popor care vrea să-și trăiască propriul destin, în mod independent și cu demnitate.

Consider că acest forum este un exemplu de mobilizare intelectuală, iar mesajele dumneavoastră vor fi deosebit de prețioase nu doar în plan teoretic, ci și ca repere pentru diferite strategii aplicative, pe care le vom implementa în anii care vin.

Vă asigur, că în persoana mea, veți găsi mereu un susținător al identității și statalității moldovenești. Ca șef de stat, prima mea datorie politică și constituțională este să garantez și să consolidez statalitatea Republicii Moldova.

Pe parcursul ultimilor șapte ani, de când m-am lansat în politica activă, eu am participat în mod direct la zeci de evenimente destinate cultivării identității moldovenești. Am organizat numeroase conferințe științifice, am inițiat diverse proiecte patriotice, inclusiv campania națională „Iubesc Moldova”, am sprijinit publicarea unor monografii despre Istoria Moldovei.

Cu atât mai mult acum, când dețin o funcție influentă la nivel de stat, voi face tot posibilul ca prin acțiunile mele să contribui la protejarea și consolidarea statalității noastre.

Vă amintesc că, chiar din primele zile ale mandatului meu, am demonstrat prin anumite hotărâri și gesturi că voi fi consecvent în mesajele și acțiunile mele pro-stataliste și pro-moldovenești.

Am insistat să fie operate modificări în cele mai mici detalii, de la menționarea limbii moldovenești pe site-ul președinției, în locul limbii române, până la afișarea drapelului istoric al Moldovei medievale lângă drapelul de stat.

De asemenea, am popos ca ziua de 2 februarie să fie comemorată oficial, ca zi de importanță majoră în constituirea statalității moldovenești, care amintește despre eliberarea Moldovei de sub dominația străină, în 1365. E o zi care simbolizează afirmarea demnității național-statale a poporului Moldovei.

În această zi, voi decerna anual Ordinul „Bogdan Întemeietorul” unor persoane marcante, așa cum am procedat în acest an.

O altă inițiativă recentă, de fapt, un demers în adresa Guvernului, este cel de introducere a Istoriei Moldovei în curricula școlară.

Vă amintesc, că de mai bine de douăzeci de ani, de la obținerea independenței, noi, în loc să învățăm în mod firesc Istoria Moldovei, am învățat o Istorie a românilor, raportându-ne la miturile, viziunile și doctrina țării vecine.

E dificil să găsim în lume vreun alt exemplu când o țară învață după manualele de istorie a altei țări. E ceva de neconceput. Noi însă, cu preluarea istoriei altei țări și a altui popor am reușit să fim „originali” într-un mod cât se poate de neinspirat. Mai mult, am reușit să facem o eroare strategică greu de reparat. Am semănat confuzie și disensiuni în propria țară.

În Republica Moldova, trecutul istoric, așa cum este el tratat, din lanternă călăuzitoare spre viitor, a fost transformat în măr al discordiei, într-un veșnic teren al polemicilor și certurilor, care în loc să ne propulseze înainte, ne ține pe loc, în stagnare și dezbinare.

Nu e cazul acum să menționez căror forțe le convine această situație, contează că situația în cauză nu convine deloc dezvoltării liniare și sigure a statului Republica Moldova.

Este uimitor că, deși marea majoritate a populației țării noastre se identifică drept moldoveni și vorbitori de limba moldovenească, nouă ni se impune o altă istorie și o altă identitate. Și este uimitor că așa-numitele elite politice acceptă orbește acest lucru.

Toate sondajele de opinie, inclusiv recensământul din 2004, confirmă că cetățenii se percep pe sine ca moldoveni. Această percepție generală și autoidentificare a populației băștinașe este mai mult decît o constatare sociologică. Este o probă a faptului că socio-psihologic, identitar, simbolic, istoric și geografic oamenii de pe aceste pămînturi se regăsesc ca parte a unei comunități omogene, cu un nume reprezentativ și cu o memorie colectivă bine înrădăcinată.

Această comunitate, cu al său nume și cu a sa memorie istorică, formează fundamentul însuși al poporului. În lipsa acestui fundament, reprezentat prin nume, va dispărea și poporul.

Iată de ce este atît de important să ne îngrijim de identitatea noastră moldovenescă, deoarece ea stă la temelia statalității.

Уважаемые участники конференции,
Дорогие друзья,

Благодарю вас за участие на этом научном форуме, который, отчасти, приурочен и к 100-летию восстановления молдавской государственности, в декабре 1917 года.

Но к той дате, мы еще основательно подготовимся и накануне того события вновь встретимся.

Наша общая миссия очень важна, особенно сегодня, когда, как ни прискорбно это отметить, идет разрушение молдавской государственности, идет процесс деструктуризации молдавской идентитарной матрицы.

Так уж случилось, что, парадоксальным образом, с обретением независимости, мы стали терять наш национальный культурный код. Мы пали жертвой идеологической, информационной и психологической кампаний по искоренению молдавской идентичности и нашей исторической памяти.

Перед этими вызовами и выпадами, мы обязаны сплотиться. Это наш долг. Без молдавской идентичности, не станет и государства. А там, где крах государства, там и крах народа и всей его истории, какой бы великой она ни была.

Республика Молдова, на мой взгляд, может реализоваться как современное и крепкое государство, только сохраняя и развивая то восприятие о молдавской идентичности, которое еще имеется. Иначе, если мы не остановим процесс румынизации, страна пропадет, у Молдовы не станет будущего.

Краеугольным камнем всего процесса сохранения нашей государственности является преподавание курса Истории Молдовы в школах, вместо Истории румын. Наши гости это может показаться невообразимо, но наши дети учат Историю румын, усваивая мифы и имперскую идеологию соседней страны.

И это несмотря на то, что все социологические опросы, в том числе перепись населения 2004 г., подтверждают установившуюся на протяжении более 600 лет реальность: правители и жители Молдавского государства всегда считали себя молдаванами.

Эта национальная самоидентификация не просто социологическая констатация. Это свидетельство того, что психологически, этнически, символически, исторически и географически коренные жители этих земель сознают себя однородной общностью, с многовековым, прочно устоявшимся именем и глубоко укоренившейся коллективной памятью. Общность, историческая память и идентичность составляют основу народа. Без этого фундамента, выражающемся в этнониме молдовень и в глоттониме лимба молдовеняскэ, исчезнет сам народ.

Поразительно, но, вопреки тому, что подавляющее большинство населения нашей страны считает себя молдаванами и носителями молдавского языка, нам административно навязывают чужую историю и чужую национальность. И удивительно, что так называемые политические элиты поддакивают этой антимолдавской и антигосударственной пропаганде.

Я, как президент, сделаю все возможное, чтобы защитить и утвердить нашу государственность именно как молдавскую государственность. Нейтральную и независимую.

Считаю также принципиально важным создать молдавскую гражданскую нацию, которая будет содержать в себе все

этноты нашей страны, но в то же время будет обладать своей четкой идентичностью на международном уровне.

Все уважающие себя страны, все сильные государства имеют выраженную национальную идентичность. Именно во многом благодаря определению единой государственной идентичности, эти страны и стали сильными и уважаемыми. Достаточно вспомнить Россию, Францию, Испанию, Польшу или, весьма красноречивый пример, США - полиэтничное и даже многорасовое государство, каждый гражданин которого, однако, находясь за пределами страны, называет себя американцем. И подобных примеров множество.

Нам же, гражданам Республики Молдова, пока не хватает этой солидарности по принципу национальности. До сих пор у нас не были развиты понятие и образ государственной идентичности. Но пора уже это реализовать, если мы хотим выразить себя как единый народ.

Во всех этих стремлениях и делах, наша команда государственныхников очень надеется на интеллектуальную и теоретическую поддержку ученых историков, социологов, политологов, этнографов. Поэтому, еще раз выражаю свою признательность, что вы освещаете в своих работах этот наиважнейший для нас вопрос.

Stimați colegi,

Eu sunt adeptul ideii că statalitatea moldovenească are o istorie de secole, a cărei bază a fost pusă în secolul XIV. Noi de mai multe ori am pierdut suveranitatea, dar am păstrat memoria conviețuirii într-un propriu stat, independent, moldovenesc.

Statalitatea moldovenească trebuie consolidată și prin discuții academice, și prin inițiative politice, dar și prin programe naționale de restabilire a încrederii cetățenilor în propria țară.

Ca președinte, voi încuraja lansarea unor astfel de programe sau le voi susține pe cele existente, dacă ele își vor arăta eficiența. Voi fi consecvent în promovarea ideilor pe care le-am respectat dintotdeauna.

Vreau să vă anunț că și în acest an, sub egida președintelui, dar și în cadrul campaniei „Iubesc Moldova”, vor fi organizate evenimente și vor fi create produse prin care să promovăm statalitatea.

Vă anunț, în premieră, că în curând o echipă de profesioniști va purcede la crearea unui film documentar despre istoria poporului moldovenesc, de la începuturi, până în zilele noastre. Va fi o producție cinematografică excepțională, pe care o vom prezenta în toamnă, în ajunul jubileului de 100 de ani de la fondarea Republicii Democratice Moldovenești, la 2 decembrie 2017.

Cu acest prilej, sper să ne mai vedem în acest an. Dar și în anii care vin, pentru că misiunea noastră, de a discuta și întări statalitatea moldovenească, nu poate înceta vreodată.

Vă mulțumesc.

**STATALITATEA MOLDOVEI:
CONTINUITATEA ISTORICĂ
ȘI PERSPECTIVA DEZVOLTĂRII:
*DIMENSIUNEA
ISTORICO-POLITOLÓGICĂ***

STATALITATEA MOLDOVENEASCĂ ȘI CONTINUITATEA ISTORICĂ: ABORDARE TEORETICĂ INTERDISCIPLINARĂ

*Valentin BENIUC, doctor habilitat în științe politice,
profesor universitar, Rector IRIM*

Rezumat

În ultimii 20 de ani, savanții din străinătate au efectuat cercetări serioase privind natura statalității. În fond, această categorie a devenit un obiect separat de cercetare, având o extremă importanță metodologică în studierea statului. Autorul subliniază că „statul” și „statalitatea” sunt noțiuni politologice absolut diferite, care constituie diferite obiecte de cercetare. Recunoscând dinamica dezvoltării și continuitatea statalității, autorul explică existența instituțiilor fundamentale, care asigură reproducerea statalității în diverse modele de societate. Instituțiile de bază constituie osatura, scheletul societății care alcătuiește statul, imprimă trăsăturile esențiale ale situațiilor sociale, determină direcția (traectoria) comportamentelor umane colective și individuale. Instituțiile de bază se constituie istoric, pe parcursul interacțiunii sociumului, în proces de organizare, cu mediul ambiant.

***Cuvinte-cheie:** stat, statalitate, instituții, continuitate istorică, Moldova*

HISTORICAL CONTINUITY OF MOLDOVAN STATEHOOD: INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Abstract

Over the past 20 years, scholars from abroad have conducted serious research into the nature of statehood. In essence, this category has become a separate research object, having an extremely methodological importance in studying the state. The author points out that "state" and "statehood" are absolutely different political concepts, which constitute different research objects. Recognizing the dynamics of development and the continuity of statehood, the author explains the existence of fundamental institutions that ensure the reproduction of statehood in various models of society. Basic institutions are the bone, the skeleton of the society that make up the state, they prints the essential features of social situations, determine the direction (trajectory) of collective and individual human behaviors. The basic institutions are historically constituted, during the interaction of the socium, in the process of organization, with the environment.

***Keywords:** state, statehood, institutions, historical continuity, Moldova*

Deja de un pătrar de veac, o anumită parte a istoricilor, jurnaliștilor, scriitorilor, politicienilor moldoveni și a adeptilor lor ne conving cu înverșunare pe noi, cetățenii Republicii Moldova, că Statalitatea Moldovenească este un fenomen temporar, că perspectiva evoluției Statului Moldovenesc rezidă doar în unirea cu România și că poporul moldovenesc nu își are istoria sa cu rădăcini adânci, că, în cel mai bun caz, ea începe din anul 1991 cu denumirea Istoria Republicii Moldova.

Nu ne vom opri asupra genezei acestui fenomen și a influenței sale nocive asupra dezvoltării statului nostru. E o temă pentru altă conferință. În limitele acestui articol vom veni cu argumentele respective referitor la faptul că poporul moldovenesc își are Statalitatea sa de secole și Statul pe care-l reprezintă a parcurs o cale lungă și sinuoasă, având o istorie glorioasă și neinventată.

Reprezentanților altor țări prezenți la conferință o asemenea abordare li s-ar putea părea stranie: după atâția ani de existență a statului moldovenesc contemporan, noi, cetățenii Republicii Moldova, până în prezent mai discutăm chestiuni care în celelalte formațiuni statale postsovietice pur și simplu nu figurează pe nici o ordine de zi, politică sau educațională.

Așadar, despre statalitate.

În ultimii 20 de ani, savanții din străinătate au efectuat cercetări serioase privind natura statalității. În fond, această categorie a devenit un obiect separat de cercetare, având o extremă importanță metodologică în studierea statului. În această ordine de idei, se cere să remarcăm că „statul” și „statalitatea” sunt noțiuni politologice absolut diferite, care constituie diferite obiecte de cercetare, însă firește fiind legate între ele¹. Știința despre statalitate „îmbogățește atât teoria, cât și istoria statului și dreptului, ridicându-le la un nivel științifico-teoretic nou”².

Există diverse interpretări și definiții ale statalității ce reprezintă,

---

1. Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения //История государства и права - 2014. - №22. – с.42.

2. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения./ Известия Иркутской государственной академии. -2012, №3, с.129.

în linii mari, componentele ei structurale și anumite relații între ele. Spre exemplu, profesorul Burbulis subliniază că „statalitatea este structura puterii și a relațiilor puterii în stat, adică sistemul instituțiilor și regulilor interacțiunii dintre ele”¹. A. N. Kotova enumeră în calitate de atribute ale statalității Constituția, sistemul organelor de conducere supreme, centrale și locale, teritoriul, simbolică, cetățenia și suveranitatea statului². Asemenea interpretare, însă mai complexă, îi aparține lui L. A. Morozova. În calitate de componente ale statalității, autoarea remarcă însuși statul, regimul economic, organizarea socială și spiritual-culturală, sistemul de drept. Morozova consideră că o componentă de sine stătătoare a statalității este însuși omul³. O astfel de interpretare poate fi considerată o realizare serioasă în dezvoltarea teoriei statalității. În acest sens, pare interesantă concepția propusă de A. B. Vengherov. În opinia sa, „statalitatea” înseamnă continuitatea și reînnoirea organizării politice, structurale și teritoriale a societății⁴.

Un pas important în direcția oferirii unui caracter științific categoriei de ”statalitate” a întreprins profesorul A. S. Șaburov. După el, statalitatea reprezintă starea calitativă a unei societăți organizată din punct de vedere statal și definită prin stabilitatea și continuitatea unor concreți factori istorici, naționali, culturologici și de altă natură⁵.

În pofida serioaselor abordări științifice, interpretările de mai sus au un caracter contradictoriu în esența lor. Pe de o parte, componentele expuse doar în ansamblu pot defini într-o anumită măsură statalitatea ca fenomen social-politic, pe de altă parte, fiecare componentă luată separat (cu excepția unora ca de exemplu „continuitatea”, „organizarea spiritual-culturală”, „omul”) definește statul și nu statalitatea. Cauza principală a unei astfel de lacune teoretice, după părerea noastră, constă într-o tratare științifică tradițională ce nu răspunde la întrebările

---

1. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения./ Известия Иркутской государственной академии.-2012, №3, с. 128.

2. Котова А.Н. Русская нация и национальная государственность. - Екатеринбург, 1994.

3. Морозова Л.Ф. Проблемы современной российской государственности: учебное пособие.-М., 1998.- с. 10-12.

4. Теория государства и права: ч.1: Теория государства. М., 1995.

5. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения./ Известия Иркутской государственной академии,-2012, №3, с. 128.

fundamentale - prin ce se deosebește „statalitatea” de „stat”?; de ce statalitatea este stabilă în orice împrejurări, pe când statul în condiții defavorabile este sortit unor transformări dure, inclusiv dispariției?; de ce unele state odată dispărute renasc ca pasărea Phenix peste sute și chiar mii de ani din cenușa istoriei, iar altele se reduc la neant? Ne apropiem de răspunsuri relevante la aceste întrebări de-a dreptul complicate acei savanți care și-au propus o serioasă cercetare științifică a noțiunii de „continuitate a statalității” (A. B. Vengherov, N. A. Reabinin, L. A. Morozova, I. L. Bacilo și alții) și a concepției „instituțiilor de bază” care asigură „reproducerea statalității”(M. V. Iliin, Iu. A. Andreeva și alții.)¹.

Luând în discuție problema continuității istorice a statalității, autorii ajung la concluzia că continuitatea este legitatea fundamentală a dezvoltării statalității. Istorismul, neintermitența, continuitatea proceselor ce însoțesc evoluția statalității indică factorii care influențează acest proces. Ei sunt atât de ordin intern cât și de ordin extern: modul de conviețuire, starea de spirit, interesele geopolitice interne și externe etc. În convingerea noastră, caracterul și profunzimea acțiunii acestor factori asupra statalității poate fi determinată postfactum și se măsoară prin nivelul de pasionaritate a acestei statalități. În acest sens, kurzii, armenii, tibetanii au tot temeiul să constate un nivel înalt de pasionaritate; bieloruii și moldovenii, în virtutea diferitelor circumstanțe, manifestă o pasionaritate medie; locuitorii din Kosovo - una mică. În conștiința poporului moldovean, statalitatea ocupă un loc mult mai mic decât în subconștientul acestuia. Toate sursele de informare în masă antimoldovenești perturbază grav procesul firesc al conștientizării acesteia atât în școală, cât în societate în general.

Recunoscând dinamica dezvoltării și continuitatea statalității, o serie de cercetători menționează existența instituțiilor fundamentale care asigură reproducerea statalității în diverse modele de societate. Sub acest aspect, profesorul Iliin a relevat pe bună dreptate că pentru conștientizarea completă a evoluției statului este necesar să fie utili-

---

1. См. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения (Сафронова Е.В., Карсканова С.В./ <http://xn---7sddaj7auwnffhk.xn--plfi/article/1197>

zată categoria statalității, înrădăcinată ferm în baza instituțională a sistemului politic. Mai tranșant, referitor la instituțiile fundamentale ale statalității, s-a exprimat Iu.A. Andreeva. Analizând diverse puncte de vedere, cercetătoarea a ajuns la concluzia că statalitatea este un fenomen relativ stabil, în timp ce statul este instabil și suferă schimbări radicale. Statalitatea, conchide savanta, este un context etern al statului în activitatea sa vitală ¹.

În ultimii ani, savanții de profil umanist – sociologi, economiști, politologi, juriști, istorici, psihologi sunt preocupați de stabilirea unor legități, în cel mai bun caz, de depistare a unor legi sistemice, ce ar explica apariția și dezvoltarea statalității, transformările și specificul manifestării ei în diferite societăți național-statale. În această privință, concepția interdisciplinară a „matricelor instituționale” elaborată de către profesorul S. G. Kirdina prezintă un interes științific deosebit ².

Concepția se bazează pe lucrările lui K.Polanier și Duglas Nort, primii care au utilizat acest termen ³. Anume ei au înaintat poziția că sistemul de instituții al fiecărei societăți formează o „matrice instituțională” proprie, ce determină posibilele traiectorii ale dezvoltării ulterioare. Pe lângă aceasta, ei considerau că fiecare societate dispune de matricea sa instituțională unică.

După cum afirmă profesorul Kirdina, noțiunea centrală în teoria matricelor instituționale este cea de „instituție de bază”. Instituțiile de bază sunt interpretate ca temelii durabile, cu o adâncă pătrundere în istorie, experiența și practica socială care asigură reproducerea structurii social-politice în diverse tipuri de societate. În cazul de față, instituțiile de bază sunt concepute ca „invariante istorice”, ce-i permit societății să se dezvolte și să-și păstreze propria identitate,

---

1. См. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения (Сафронова Е.В., Карсканова С.В.) /<http://xn--7sbba7auwnffhk.xn--plai/article/1197> с.36.

2. См. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы. // <http://www.old.jourssa.ru/2001/1/4bKirdina.pdf>; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) <http://kirdina.mass.ru/doc/news/20feb06/2.pdf>.

3. Кирдина С.Г. Об институциональных матрицах: тезисы теории //http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=238

autosuficiență și integritate pe parcursul evoluției sale istorice, indiferent de voința sau dorința unor subiecți sociali concreți.

Instituțiile de bază constituie osatura, scheletul societății care alcătuiește statul, imprimă trăsăturile esențiale ale situațiilor sociale, determină direcția (traectoria) comportamentelor umane colective și individuale. Instituțiile de bază se constituie istoric, pe parcursul interacțiunii sociumului, în proces de organizare, cu mediul ambiant. Dacă privim societatea nu ca un conglomerat de indivizi (privire simplistă), ci ca o sumă de conexiuni și relații în care „acești indivizi se află alături unul de altul”, imediat devine clar că instituțiile de bază reprezintă esența acestor conexiuni.

Noțiunea „matrice instituțională” este interpretată conform sensului semantic contemporan al cuvântului „matrice”- ca bază generală ce determină reproducerea de mai departe a ceva. În teoria analizată se relevă că invariantele inițiale ce s-au creat în societățile concrete, posedă capacitatea de a se reproduce. Tocmai ele și asigură trăinicia statalității. Toate structurile instituționale ulterioare reproduc, dezvoltă și îmbogățesc modelul primar esența căruia se păstrează. Această concepție poate fi exprimată prin genialele cuvinte ale lui Shakespeare: „Natura te-ancrustat ca pe-un tipar/ ca-ntr-o amprență să răsari”.

Noțiunea de matrice instituțională ne concentrează atenția asupra caracterului firesc al apariției instituțiilor de bază și asupra posibilității de a reliefa acele structuri instituționale care, constituindu-se ca fiind necesare în virtutea îmbinării premiselor materiale, spirituale, naturale și istorice, se transmit, se reproduc și își continuă existența. Scoaterea în prim-plan a matricei instituționale a statului, a calității, a gradului de pasionaritate, a specificității de manifestare a acesteia, este sarcina primordială a științei moderne ce studiază procesele de apariție și dispariție a statelor (inclusiv a imperiilor), a comuniunilor de state, precum și a cauzelor apariției mișcărilor separatiste în componența statelor.

Astfel, matricea instituțională este un complex de instituții ce au luat ființă în mod firesc, un soi de „pattern”-e ce asigură însăși reproducerea statalității, iar în anumite circumstanțe renașterea statelor.

Sistemul de noțiuni utilizat: „matrice instituțională”, „instituție de bază”, „invariante istorice” „continuitate istorică”, „reproducere a

statalității” etc, reflectă calea firească de constituire a statalității și a instituțiilor sale de matrice ce garantează supraviețuirea popoarelor în condiții istorice complicate în care s-au pomenit. Luând în calcul acest factor, mulți autori contemporani în afară de cei deja menționați (V. M. Korelski, V. D. Perevalov, O. Iu. Vincenko) stabilesc legătura dintre statalitate și fenomenul mentalității și specificului național.

Ținând cont de cele enunțate mai sus, ajungem la concluzia că statalitatea moldovenească și-a „încrustat” adânc pecetea sa în memoria noastră istorică (ce-și are rădăcinile împlântate în istoria statalității romane târzii, apoi în perioada conviețuirii valahilor cu alte popoare în componența unor state slave timpurii și a Ungariei) și în experiența noastră istorică, consemnate inclusiv într-o literatură istorică bogată și transmise din generație în generație, reflectând mentalitatea, specificul și tradițiile noastre culturale sau, folosind expresia lui Andrei Koncealovski, genomul nostru cultural. Oare aceste categorii nu sunt expresia instituțiilor de bază, a invariantelor istorice ale statalității moldovenești ce garantează reproducerea lui permanentă indiferent de voința diferitelor forțe politice sau a influențelor nefaste ale factorilor politici externi? E o întrebare retorică.

Geneza diverselor popoare chiar de la bun început și în mod firesc plasează matricea instituțională a statalității în acea comunitate de oameni. Pe parcursul întregii istorii ea se manifestă cu intensitate variată, este un cadru stabil de perpetuare a acestui popor și bază de afirmare a statului ca instrument de autoapărare și autoconservare. În această privință poporul sau statul-comunitate indiscutabil își are istoria sa continuă. Unor astfel de popoare și unor astfel de state aparține poporul moldovenesc și statul moldovenesc.

În legătură cu aceasta vom preciza, că despre „continuitate” în istorie se poate vorbi, în opinia noastră, doar referitor la statalitate. În rest se aplică noțiunea de „continuitate istorică” ce poate fi percepută cel mai bine prin modelul dihotomic al „continuității și discontinuității”.

Din punct de vedere sociologic, prin continuitate se înțelege transmiterea experienței sociale și a cunoștințelor cu ajutorul sistemului de instituții - rituale, tradiții, drept, stat, religie, sistem de învățământ - de la o generație la alta. „Noul” niciodată nu apare pe loc

gol, el se sprijină pe „vechi” și preia tot ce este esențial și necesar din cunoștințele și experiența anterioară. Continuitatea este un mecanism specific al memoriei societății care exercită acumularea, conservarea, procesarea și transmiterea informației din trecut în baza căreia se creează noi valori ¹. Este o unitate filosofică în interiorul căreia are loc o permanentă luptă a contrariilor între extremitatea dezvoltării - discontinuității - și continuității ca atare.

După cum subliniază Smolina A.N.: „modelul continuității și discontinuității este posibil doar într-un anumit tip de organizare a timpului - în istorie” ². În acest model, concepția continuității apare doar grație faptului discontinuității căruia îi aparține într-un fel „dreptul de primogenitură”. Discontinuitățile în istorie, aceste mari impulsuri energetice deseori sunt tragice și deseori cu urmări distrugătoare. Ele și creează istoria ca atare, formează conștiința istorică, or construcția istorică liniară, succesivă, creată de gândirea liniară a istoricului nu poate fi considerată istorie veritabilă, ea nu formează adevărata conștiință istorică.

Din acest punct de vedere, statul moldovenesc contemporan posedă toate caracteristicile necesare ale unei statalități de veacuri, rezultatul firesc al căreia este statul moldovenesc - Republica Moldova, poporul căruia din generație în generație și-a făurit istoria sa proprie, aflându-și reflectarea în eforturile și faptele sale glorioase și mai puțin glorioase, făuritoare și distructive până la tragic.

Dacă cuiva i se pare că argumentele etalate nu sunt suficiente, în special în ceea ce privește istoria noastră, permiteți-mi să apelez la sprijinul teoretico-metodologic din partea profesorului în sociologie Eviatar Zerubavel (SUA). În articolul său ”Momente cruciale ale istoriei” savantul învederează: „În loc să privim istoria ca un lanț continuu de evenimente conjugate, ce decurg unele din altele ca notele în legato muzical, vom apela la viziunea mnemonică în care persistă rupturi între anumite fragmente ale istoriei...” ³ Autorul conside-

---

1. Стерхов П.А., Грозина Е.В. Механизм преемственности в развитии государственности (теоретический аспект). // <http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-preemstvennosti-v-razvii-gosudarstvennosti-teoreticheskii-aspekt>

2. Смолина А.Н. Преемственность и разрыв как основная модель истории. //Преемственность и разрыв в интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2000.

3. Зерубавель Э. Переломные моменты истории. – с.1/9 // <http://www.nlobooks.ru/node/6347>

ră cu drept cuvânt că viziunea discontinuă a trecutului conține producerea echivalentului mnemonic al spațiului liber în ortografie sau în fraza muzicală. Asemenea mijloace ale "punctuației istorice" prezintă esența procesului sociomnemonic, binecunoscut ca periodizare istorică. Altfel spus, textul neîntrerupt nu e text, iar istoria continuă și liniară nu e istorie.

Memoria colectivă percepe istoria prin perioade special evidențiate ce sunt determinate de evenimente istorice importante și percepute ca niște „cotituri” majore în viața poporului fondator al statului. Aceste „răbojuri” ajută la sistematizarea, memorarea și socializarea istoriei poporului, statului. Popoarele-state care nu au în memoria istorică cotituri istorice de anvergură, deseori le inventează sau depun serioase eforturi propagandistice pentru a hiperboliza unele evenimente istorice minore, socializându-le drept remarcabile și cruciale. Aceste momente istorice sunt prezentate ca epocale și fixate ca fapt istoric, doar post-factum, ele devenind în acest sens doar în retrospectivă. Cu alte cuvinte, evenimentele pe care „acum” le considerăm „momente decisive” ar fi putut să nu atragă atenția publică atunci când au avut loc.

Evenimentul principal de care ne amintim colectiv ca de o cotitură istorică este nașterea politică a statului. Din 191 de țări, calendarul politic al cărora l-a studiat profesorul Eviatar Zarubavel, în 139 se sărbătorește „nașterea națională” care este considerată ziua când țara a devenit formal independentă.¹ Sărbătorirea anuală multiplă a „nașterii” Panamei (de șase ori), Ecuadorului (de cinci ori), Haiti (de cinci ori) indiscutabil vorbește despre marele rol al unei asemenea „cotituri istorice”. „Nașterea statului” este reperul inițial al numărătorii mnemonice fără de care nu există începutul statului, prin urmare nici statul ca atare.

Anul nașterii Moldovei este considerat anul 1359, iar anul recunoașterii (din partea suzeranului - Ungaria) - 1365. În acest sens, statul moldovenesc are un „certificat” dublu - de naștere și de recunoaștere. După „nașterea” oricărui stat începe o cale istorică complexă în zigzaguri, neliniară care trece prin „discontinuități” și „continuități”.

Prima etapă a primei discontinuități istorice profunde pentru statul moldovenesc și poporul său, stabilită documentar de Tratatul

---

1. Зерубавель Э. Переломные моменты истории. – с.2/9 // <http://www.nlobooks.ru/node/6347>

de pace de la București, are loc, după cum se știe, în anul 1812. Astfel, divizarea administrativ-politică a Moldovei este începutul procesului întreruperii temporare a dezvoltării statului moldovenesc, nu însă și a statalității moldovenești. Înstrăinarea unei părți a teritoriului Moldovei - între Prut și Nistru - și includerea lui în componența Imperiului rus ca expresie a acestei discontinuități istorice continuă și se adâncește în perioada evenimentelor revoluționare de la 1848, precum și în procesul creării statului român. În anii 1859-1861, partea de vest a Moldovei istorice a intrat în componența statului unitar - Cnezatele Unite ale Valahiei și Moldovei, recunoscut de către Imperiul Otoman în anul 1862. Cu aceasta ia sfârșit ultimul act al primei cotituri mnemonice, discontinuități-continuități în istoria statului moldovenesc care la acea vreme împlinise 500 de ani.

Menționăm că dispărea statul moldovenesc în forma în care existase până la mijlocul secolului al 19-lea, dar nu dispărea statalitatea moldovenească. Componentele sale matrice au rămas în natura și conștiința moldovenilor de pe ambele maluri ale Prutului.

Totuși se cuvine să relevăm că în cadrul Cnezatelor Unite, iar ulterior în cadrul statului român, statalitatea moldovenilor a fost pusă unei revizuirii masive în favoarea identității române. Care este la etapa actuală calitatea matricei statale istorice (inițiale) a moldovenilor de peste Prut e dificil de afirmat fără serioase sondaje sociologice sau studii socio-umaniste, însă nu există nici o îndoială că ea se păstrează până în prezent. Cât privește statalitatea și identitatea statală a moldovenilor în cadrul Imperiului Rus și URSS, acestea nu numai că s-au păstrat, dar s-au reprodus în firescul lor contur social-cultural - proces caracteristic pentru toate componentele naționale și statal-identitare ale Imperiilor rus/sovietic: finlandezii, polonezii, letonii, estonii, lituanienii, armenii, georgienii, bielușii, azerii, ucrainenii, uzbekii, cazahii, kirghizi, turcmeni, tătari, abhazi, osetini, bașchiri, ceceni, kabardini, tuvini și multe-multe alte popoare.

Istoria demonstrează cu prisosință că imperiile sunt mari generatoare de state noi ce apar în mod obligatoriu ca urmare a imploziei lor. În afară de tragedia dezagregării, distrugerea imperiilor comportă și elemente constructive, constituind esența continuității istorice.

Efectul continuității în cazul acesta se produce printr-o acțiune dublă. Pe de o parte, continuitatea în procesul renovării statului în baza statalității obținute cândva și/sau în baza identității naționale; pe de altă parte, continuitatea ca mecanism de transmisie între imperiu și statele ce s-au desprins de el. Și într-un caz și în altul continuitatea se regăsește obligatoriu în cadrul discontinuității și se manifestă printr-o „primogenitură” specifică - apariția „noului”.

Astfel, identitatea statalității moldovenești în fond nu a suportat schimbări esențiale, rămânând funcțională până la renașterea statului moldovenesc, în anul 1991, iar succesiunea mnemonică a istoriei moldave, care nu este o invenție a cuiva, are propria sa particularitate, înrădăcinată adânc în conștiința noastră istorică. Doar enumerarea datelor mnemonice esențiale: anul 1359; anul 1365; anul 1538; anul 1775; anul 1812; anii 1859/1861; anul 1917; anul 1918; anul 1940; anul 1944; anul 1991 incită imediat memoria istorică pentru a reconstitui momentele-cheie ale istoriei noastre moldovenești. Acești ani sunt repere mnemonice, principalele componente cronologice ale istoriei statalității moldovenești, ale statului moldovenesc.

Analiza interdisciplinară a statalității moldovenești, a identității moldovenești, a istoriei poporului moldovenesc, a caracterului lor firesc și legitim, prezentată prin prisma matricelor instituționale, continuității istorice, fundamentării sociomnemonică a istoriei Moldovei nu pretinde să dea răspunsuri exhaustive de care are nevoie societatea moldovenească. Totuși, chiar după această analiză modestă, a pune la îndoială statalitatea noastră moldovenească, continuitatea statului nostru moldovenesc, istoria noastră moldovenească înseamnă a fi lipsit de o elementară percepție istorico-umanitară, sau a fi ideologic angajat în lupta împotriva propriului stat.

În continuare, prezentul discurs este expus în limba rusă, fiind suplimentat cu unele propuneri ce se referă la dezvoltarea practică a statalității moldovenești și consolidarea statului – Republica Moldova.

МОЛДАВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИЕМСТВЕННОСТЬ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Вот уже четверть века определенная часть молдавских историков, журналистов, писателей, политиков и их сторонники, настойчиво убеждают нас – граждан Республики Молдова, в том что Молдавская государственность это временное явление и перспектива ее эволюции состоит только в объединении с Румынией и в том, что молдавский народ не имеет свою глубинную историю, в лучшем случае она начинается с 1991 года, под названием История Республики Молдова.

Мы не хотим останавливаться на генезисе этого явления и его пагубного влияния на развитие нашего государства. Эта тема другой конференции. В рамках данной статьи хотелось бы представить соответствующую аргументацию относительно того, что молдавский народ имеет свою глубинную государственность и своё прошедшее через исторические тернии Государство со славной и не придуманной историей.

Для граждан других стран, подобная постановка вопроса может показаться странной: после стольких лет существования современного молдавского государства, мы до сих пор обсуждаем вопросы, которые в остальных постсоветских государственных образованиях просто не фигурируют ни в одной политической или образовательной повестке.

Итак, о государственности.

За последние 20 лет, зарубежные ученые провели серьезные исследовательские работы о природе государственности. По сути, данная категория стала отдельным предметом исследования имеющим исключительно важное методологическое значение для изучения государства. В этой связи следует отметить что «государство» и «государственность» – абсолютно разные политологические понятия, составляющие разные предметы исследования, но, безусловно, связанные между собой¹. Наука о государст-

---

1. Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения //История государства и права - 2014. - №22. – с.42.

венности «обогащает как теорию, так и историю государства и права, поднимая их на новый научно-теоретический уровень»¹.

Существуют различные трактовки и определения государственности, которые, в основном, излагают ее структурные компоненты и определенные отношения между ними. Например, профессор Бурбулис отмечает что «государственность есть структура власти и властных отношений в государстве, т.е. система институтов и правил их взаимодействия»². В качестве атрибутов государственности А.Н. Котов перечисляет Конституцию, систему высших, центральных и иных управляющих органов, территорию, символику, гражданство, суверенитет³. Подобная, но более комплексная трактовка принадлежит Л. А. Морозовой. В качестве компонентов государственности автор отмечает само государство, экономический строй, социально и духовно-культурную организацию, правовую систему. Морозова считает, что самостоятельным компонентом государственности выступает сам человек⁴. Подобную трактовку можно считать определенным шагом в развитии теории государственности. В этом смысле весьма интересной является концепция, предложенная А.Б. Венгеровым. Под «государственностью» он понимает преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации общества⁵.

Серьезный шаг в сторону онаучивания категории государственности предпринял профессор А.С. Шабуров. По его мнению, государственность это качественное состояние государственно организованного общества, определяемое устойчивостью и преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических и иных факторов⁶.

---

1. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения. // Известия Иркутской государственной академии. -2012, №3, с.129.

2. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения. // Известия Иркутской государственной академии. -2012, №3, с.128.

3. Котова А.Н. Русская нация и национальная государственность. – Екатеринбург, 1994.

4. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности: учебное пособие. – М., 1998. – с.10-12.

5. Теория государства и права: ч.1: Теория государства. М., 1995.

6. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения. // Известия Иркутской государственной академии. -2012, №3, с.128.

Несмотря на серьезный научный подход, выше изложенные трактовки, по своей сути противоречивы. С одной стороны, заявленные компоненты только в совокупности своей могут в определенной мере характеризовать государственность как социально-политическое явление, а с другой – каждый компонент в отдельности (за исключением некоторых, например, «преемственность», «духовно-культурные организация», «человек») характеризует не государственность, а государство.

Основная причина подобного теоретического изъяна, на наш взгляд, состоит в традиционном научном подходе, который не отвечает на основополагающие вопросы – чем отличается «государственность» от «государства»?; почему государственность устойчива в любой ситуации, а государство в неблагоприятных условиях подвергается серьезным трансформациям вплоть до исчезновения?; почему однажды исчезнувшие государства возрождаются через сотни и даже тысячи лет как птица Феникс из исторического пепла, а другие уходят в небытие? Приближают нас к ответам на эти сложные вопросы те ученые которые взяли в научную разработку такие понятия как «историческая преемственность государственности» (А.Б. Венгеров, Н.А. Рябинин, Л.А. Морозова, И.Л. Бачило и др.) а также концепция «базовых институтов» обеспечивающих «воспроизводство государственности» (М.В. Ильин, Ю.А. Андреева и др.)¹.

Обращаясь к проблеме исторической преемственности государственности, авторы приходят к выводу, что преемственность является основной закономерностью развития государственности. Историзм, непрерывность, преемственность процессов сопровождающих эволюцию государственности, указывают на факторы, влияющие на этот процесс. Они бывают как внутреннего, так и внешнего порядка: форма общежития, духовное состояние, проявленные геополитические интересы со стороны внешнего мира и т.д.

---

1. См. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения (Сафронова Е.В., Карсканова С.В.) // <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--plai/article/1197>

На наш взгляд сила воздействия этих факторов на государственность определяются постфактум и измеряется степенью пассионарности данной государственности. Например у курдов, армян, тибетцев есть основание констатировать высокий уровень пассионарности; у белорусов и молдаван в силу разных причин – средний; у косоваров – низкий. У нашего народа государственность занимает большее место в подсознании, чем в его сознании. Все антигосударственные, антимолдавские информационные потоки серьезно подавляют естественный процесс его осознания, как в школе, так и в обществе в целом.

Признавая динамичность и историческую преемственность государственности, ряд исследователей отмечают наличие базовых институтов обеспечивающих воспроизводство государственности в различных исторических типах обществ. В этом смысле профессор Ильин, например, справедливо заметил, что для комплексного осмысления эволюции государства необходимо использовать категорию государственности, являющейся жестко закрепленной в институциональную основу политической системы. Более определенно относительно о базовых институтах государственности высказалась Ю.А. Андреева. Анализируя различные точки зрения, исследовательница пришла к выводу, что государственность явление относительно постоянное, в то время как государство изменчиво и претерпевает коренные изменения. Государственность, заключает ученый, является вечным контекстом государства в своей жизнедеятельности¹.

В последние годы ученые гуманитарного профиля – экономисты, политологи, праведы, историки, психологи – озадачены поиском закономерностей, выявлением системного закона, объясняющих зарождение и развитие государственности, его трансформации и специфику проявления в различных национально-государственных обществах. В этой связи наиболее интересной

---

1. См. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения (Сафронова Е.В., Карсканова С.В.) // <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--plai/article/1197> с.36.

представляется междисциплинарная концепция «институциональных матриц», разработанная профессором С.Г. Кирдиной¹.

Концепция ученого об институциональной матрице базируется на работах К. Поланьи и Дугласа Норта, впервые употребивших этот термин². Именно ими были высказаны предположения о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», определяющую веер возможных траекторий дальнейшего развития. Кроме того они полагали, что каждое общество имеет свою уникальную институциональную матрицу.

Как утверждает профессор С.Г. Кирдина, центральным понятием в теории институциональных матриц является понятие «базового института». Базовые институты трактуются как глубинные, исторически устойчивые основы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальной структуры в разных типах общества. В данном случае институты понимаются как определенные «исторические инварианты», которые позволяют обществу развиваться, сохраняя свою самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции, существующие независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов.

Базовые институты формируют остов, скелет общества образующего государство, они задают наиболее существенные характеристики социальных ситуаций, определяют направленность (траекторию) коллективных и индивидуальных человеческих поведений. Базовые институты складываются исторически, в ходе взаимодействия организующегося социума с условиями внешней среды. Если понимать общество не как совокупность индивидов (упрощенный взгляд), а как сумму связей и отношений в которых «эти индивиды находятся друг к другу»,

---

1. См. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы. // <http://www.old.jourssa.ru/2001/1/4bKirdina.pdf>; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) <http://kirdina.mass.hc.ru/doc/news/20feb06/2.pdf>.

2. Кирдина С.Г. Об институциональных матрицах: тезисы теории//http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=238

то сразу становится ясно, что базовые институты представляют собой самое существенное в этих связях.

Понятие «институциональная матрица» трактуется на основе современного семантического значения слова «матрица» – как общей основы определяющей дальнейшее воспроизведение чего-либо. В рассматриваемой теории отмечается, что исходные инварианты, сложившиеся в конкретных обществах обладают способностью к воспроизводству. Именно они обеспечивают устойчивость государственности. Все последующие институциональные структуры воспроизводят, развивают и обогащают первичную модель, сущность которой, сохраняется. Данную концепцию можно выразить гениальными словами Шекспира: «Ты вырезан природой как печать, чтоб в оттисках себя передавать».

Понятие институциональной матрицы обращает наше внимание на естественность возникновения базовых институтов и возможность выделять те институциональные структуры, которые сформировавшись как необходимые в силу сочетания материальных, духовных, природных и исторических предпосылок, передаются, воспроизводятся и продолжают свое существование. Выявление институциональной матрицы государства, его качества, степени его пассионарности, специфики проявления – задача наиглавнейшая для современной науки, исследующей процессы возникновения и исчезновения государств (включая империи), союзов государств, а также причин появления сепаратистских движений в составе государств.

Таким образом, институциональная матрица это сформировавшийся естественным путем, комплекс институтов, своеобразные «паттерны» обеспечивающие воспроизводство самой государственности, а также, при определенных условиях, возрождение государств.

Использованный понятийный аппарат: «институциональная матрица», «базовые институты», «исторические инварианты», «историческая преемственность», «воспроизводство государственности» и т.д., отражают естественный путь формирования государственности и его матричных институтов, обеспечи-

вающих выживание народов в сложных исторических условиях, в которых они оказались. Учитывая этот фактор, немало современных авторов, кроме выше названных (В.М. Корельский, В.Д. Перевалов, О.Ю. Винченко) связывают государственность с явлением ментальности и национальной самобытности.

Опираясь на выше изложенное, мы приходим к выводу, что «печать» молдавской государственности «вырезана» на основе нашей исторической памяти (уходящей своими глубинными корнями в историю позднеримской государственности, а затем и в период совместного проживания волохов с другими народами в составе некоторых раннеславянских государств и Венгрии) и исторического опыта зафиксированных, в том числе, в богатой исторической литературе и переданных из поколения в поколение, отражающих нашу ментальность и самобытность, а также наши культурные традиции или, говоря словами Андрея Кончаловского, – наш культурный геном. Разве не являются эти категории выражением базовых институтов, исторических инвариантов молдавской государственности обеспечивающие его непрерывное воспроизводство, независимо от воли различных политических сил или неблагоприятных воздействий внешних политических факторов? Вопрос – риторический.

Генезис разных народов изначально закладывает институциональную матрицу государственности в данное сообщество. На протяжении всей истории она проявляется с различной интенсивностью, является устойчивым каркасом сохранения данного народа и основой для проявления государства как инструмент самозащиты и самосохранения. В этом смысле этот народ или сообщество-государство безусловно имеет свою непрерывную историю. К таким народам и таким государствам относятся молдавский народ и молдавское государство.

В этой связи следует отметить, что о «непрерывности» в истории можно говорить, на наш взгляд, лишь относительно государственности. В остальном применимо понятие «историческая преемственность», которую можно понять лучше всего через дихотомическую модель «преемственности и разрыва».

С социологической точки зрения под преемственностью понимается передача социального опыта и знаний при помощи системы институтов – ритуалов, традиций, права, государства, религии, системы образования – от одного поколения к другому. «Новое» никогда не возникает на пустом месте, оно основано на «старом» и усваивает все сущностное и необходимое из предыдущего опыта и знаний. Преемственность является особым механизмом памяти общества, который осуществляет накопление, хранение, переработку и передачу информации из прошлого, на основе которой создаются новые ценности¹. Оно является философским единством внутри которого происходит непрерывная борьба противоположностей между конечностью развития – разрывом – и самой преемственностью.

Как подчеркивает А.Н. Смолина «модель преемственности и разрыва возможна только в особом типе организации времени – истории»². В этой модели концепция преемственности возникает только благодаря факту разрыва, которому принадлежит своеобразное «право первородства». Разрывы в истории это великие энергетические импульсы часто трагичны и с разрушающими последствиями. Они и создают историю как таковую, и формируют историческое сознание, ибо линейная последовательная историческая конструкция, созданная линейным мышлением историка, не может считаться историей и не порождает истинное сознание истории.

С этой точки зрения современное молдавское государство обладает всеми необходимыми, если хотите объективными признаками глубокой государственности, естественным результатом которой является современное молдавское государство – Республика Молдова, народ которой из поколения в поколение творил собственную историю, нашедшую отражение в его славных и бесславных, созидательных и трагичных трудах и деяниях.

---

1. См.: Стерхов П.А., Грозина Е.В. Механизм преемственности в развитии государственности (теоретический аспект). // <http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-preemstvennosti-v-razvitiigosudarstvennosti-teoreticheskiy-aspekt>

2. Смолина А.Н. Преемственность и разрыв как основная модель истории. //Преемственность и разрыв в интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2000. – с.30-34.

Если кому-то покажется, что эти аргументы не достаточны, особенно что касается нашей истории, то позвольте заручиться поддержкой профессора социологии Эвиатара Зерубавеля (США). В своей статье «Переломные моменты истории» ученный отмечает: «Вместо того, чтобы рассматривать историю как непрерывную цепь сопряженных событий, перетекающих друг в друга, как ноты в музыкальном легато, мы обратимся к мнемоническому видению, в котором присутствуют разрывы между отдельными отрезками истории...»¹. Автор правомерно считает, что прерывистое видение прошлого включает в себе производство мнемонического эквивалента пробела в орфографии или в музыкальной фразе. Подобные средства исторической пунктуации являются сутью социомнемонического процесса, широко известного как историческая периодизация. Другими словами непрерывный текст – это не текст, а непрерывная, линейная история – это не история.

Коллективная память воспринимает историю через специально выделяемые периоды, которые определяются значимыми историческими событиями и воспринимаются в качестве главных «переломов» в жизни государственно-образующего народа. Эти «зарубки на память» помогают систематизировать, запоминать и социализировать историю страны, народа, государства. Народы-государства не имеющие в исторической памяти значимые исторические переломы часто сами их придумывают, или предпринимают постоянные пропагандистские усилия по гиперболизации малозначимых событий их биографий, социализируя их как важные и судьбоносные.

Некоторые из этих исторических моментов становятся судьбоносными и фиксируются как исторический факт вскоре после их завершения в коллективной памяти. Некоторые же, становятся «переломными» только в ретроспективе. Иначе говоря, события которые мы сейчас считаем «определяющими моментами» могли не привлечь общественного внимания в то время, когда они происходили.

---

1. Зерубавель Э. Переломные моменты истории. – с.1/9 // <http://www.nlobooks.ru/node/6347>

Главное событие, которое коллективно вспоминается как значительный исторический перелом – это политическое рождение государства. Из 191 страны, чей политический календарь изучал профессор Эвиатар Зарубавель, в 139-ти празднуют «национальное рождение» считающееся днём, когда страна стала формально независимой¹. Ежегодное многократное празднование «рождения» Панамы (шесть раз), Эквадора (пять), Гаити (пять) несомненно указывает на важную роль подобного «исторического перелома». «Рождение государства» – это мнемоническая точка отсчета, без которой нет начала государства, а значит нет и самого государства.

Для Молдовы годом рождения считается 1359, а годом признания (со стороны сюзерена – Венгрии) – 1365. В этом смысле молдавское государство имеет двойное «свидетельство» – о рождении и о признании. После «рождения» любого государства, начинается сложный зигзагообразный, нелинейный исторический путь, протекающий через «разрывы» и «преемственности».

Первый этап первого глубокого исторического разрыва для молдавского государства и его народа, документально зафиксированного Бухарестским мирным договором, происходит, как известно, в 1812 году. Таким образом, административно-политическое разделение Молдовы является началом процесса временного прерывания развития молдавского государства, но не молдавской государственности. Отчуждение части молдавской территории – между Прутом и Днестром и включение его в состав Российской империи как выражение данного исторического разрыва, находит свое продолжение и углубление в период революционных событиях 1848 года, а также в процессе создания румынского государства. В 1859-1861 годах оставшаяся часть исторической Молдовы вошла в состав единого государства – Объединенные княжества Валахии и Молдовы, признаным Османской империей в 1862 году. Этим заканчивается по-

---

1. Зарубавель Э. Переломные моменты историю – с.2/9 // <http://www.nlobooks.ru/node/6347>

следний акт первого мнемонического перелома, разрыва-преемственности в истории молдавского государства которому к этому времени исполнилось 500 лет.

Подчеркиваем – потерянно молдавское государство в том виде как оно существовало до середины 19 века, но не потеряна молдавская государственность. Его матричные составные остались в сознании молдаван на обоих берегах Прута.

Следует, однако, отметить, что в рамках Объединенных Княжеств, а в последствии в рамках румынского государства, государственность молдаван подвергалась решительному пересмотру в сторону румынской идентичности. Каково на данном этапе качество исторической (изначальной) государственной матрицы запрутских молдаван трудно сказать без социологических и иных социо-гуманитарных измерений, но то, что оно сохраняется до сих пор, нет ни каких сомнений. Касательно государственности и государственной идентичности молдаван в рамках Российской империи и в СССР, эти качества не только сохранились, но через культурно-национальный контур даже приумножились – процесс характерный для всех национальных и государственно-идентичных составных Российской/советской империй: финнов, поляков, латвийцев, эстонцев, литовцев, армян, грузин, белорусов, азербайджанцев, украинцев, узбеков, казахов, киргизов, туркмен, татар, абхазцев, осетин, башкир, чеченцев, кабардинцев, тувинцев и многих-многих других народов.

История решительно доказывает, что империи являются великими генераторами новых государств, которые непременно появляются в результате их разрушений. Кроме величия, эти разрушения обладают и созидательностью, являющейся сутью исторической преемственности.

Эффект преемственности в данном случае, проявляется через двойное действие. С одной стороны – преемственность в процессе восстановления государства на основе приобретенной когда-то государственности и/или на базе национальной идентичности; с другой – преемственность как передаточный механизм между империей и отколовшимися от нее государствами.

И в том, и в другом случае преемственность имеет место быть в рамках исторического разрыва и проявляется через своеобразное «первородство» – возникновение «нового».

Таким образом, идентичность молдавской государственности, по сути, не изменилась, она осталась функциональной до возрождения, в 1991 году, молдавского государства, а мнемонический ряд молдавской истории, не придуманный кем-то, имеет собственную историческую природу глубоко зафиксированную в нашем историческом сознании. Лишь обозначение основных мнемонических точек: 1359 г.; 1365 г.; 1538 г., 1775 г., 1812 г.; 1859/1861 гг.; 1917 г.; 1918 г.; 1940 г.; 1941 г.; 1944 г.; 1991 г. сразу провоцирует историческую память к восстановлению ключевых событий, нашей, молдавской истории. Эти годы – мнемонические точки, являются главными хронологическими составными истории молдавской государственности, молдавского государства.

Представленный междисциплинарный анализ молдавской государственности, молдавской идентичности, молдавской истории, их естественности и правомерности, – через призму теорий институциональных матриц, – исторической преемственности и исторического разрыва, социо-мнемонического обоснования истории Молдовы, не претендует на исчерпывающие ответы, в которых нуждается молдавское общество. Однако, даже после данного скромного анализа, подвергнуть сомнению нашу молдавскую государственность, преемственность нашего молдавского государства, нашу молдавскую историю, означает быть лишенным элементарного историко-гуманитарного чувства, а то и являться аморальным или даже злонамеренным индивидуумом.

Высшее изложенное является концептуальное, научно-обоснованное (насколько это возможно) видение автора. В этом контексте предлагаем читателям, экспертам, политикам несколько соображений, на наш взгляд конструктивных, в плане развития молдавской государственности и укрепления молдавского государства.

Затронем лишь гуманитарную сторону этого вопроса и подчеркнем:

I. Необходимо в серьез и надолго заниматься формированием граждан Республики Молдова начиная от детского сада и до глубокого постуниверситетского образования. Если реализация этого проекта будет запланирована только на сроки пребывания у власти, из этого не только ничего не получится, но будет даже на много хуже и разрушительнее чем ранее. Молдавское государство серьезно деформировано, и в первую очередь в головах у людей – начиная с политиков, интеллигенции и заканчивая детьми. «Разруха в головах», говорил классик. В этом смысле победу в борьбе за государство, за его адекватное восприятие – как необходимость, а не как обуза, одержит УЧИТЕЛЬ, которому надлежит платить достойную зарплату сравнимую с зарплатой военных (офицеров). Но не это главное. Главное – ему, учителю, нужен понятный и долгосрочный социальный заказ, исходящий от Молдавского государства, на формирование граждан Молдовы независимо от этнического происхождения. Сегодня этот заказ, как известно, исходит не от молдавского правительства.

II. Шансы на развитие и консолидацию любого государства, состоят в том числе в глубокой заинтересованности высшего руководства страны в развитии собственной национальной университетской системы образования и науки. И в этом случае, также подчеркиваем необходимость ясного социального запроса, со стороны государства, на формирование квалифицированных кадров и производство новых знаний и навыков. Только так можно создать так называемый средний креативный класс общества, который осознает лучше других необходимость формирования гражданина, укрепления государственности и его демократических устоев. В противном случае мы получим общество слабо образованных, мало культурных, мыслящих некреативно людей – постепенно превращающихся в бездушных роботов. Путь деградации в этом смысле давно начался. Грубое, непрофессиональное вмешательство министерства образования стало кошмаром для Академии Наук и профильных ВУЗ-ов.

Сегодня создаются все необходимые условия, в первую очередь, путем реализации дорогостоящих зарубежных проек-

тов под которые международные финансовые структуры готовы выделить многие миллионы долларов для «оптимизации» системы высшего образования и науки Республики Молдова, конечная цель которых – обвал университетской системы и науки нашей страны, созданной четырьмя поколениями лучших людей земли молдавской – с 1924 г. и по сей день. Эти две взаимосвязанные системы – высшего образования и науки безусловно необходимо постепенно реформировать, но не путем их грубой и циничной ликвидации.

Итак, если в школе учитель прививает определенные знания и навыки гражданина, то в ВУЗ-е преподаватель формирует креативного, мыслящего, высокоорганизованного гражданина.

Чтобы достичь этого будущему руководству страны необходимо будет:

1) формировать наш, собственный, осознанный, социальный заказ/запрос школам и вузам (я не имею в виду традиционное и глупое распределение мест в вузах, правительством);

2) поднять престиж учителя, преподавателя, ученого хотя бы до уровня престижа советского времени, в том числе посредством достойной зарплаты.

3) существенно снизить переток студентов из Молдовы в Румынии в первую очередь путем заключения двустороннего межгосударственного договора на паритетной основе и изменения общественного мнения в пользу наших национальных вузов.

4) статус работников образования и науки должен стать поводом для национальной гордости и подражания.

III. Необходимо серьезным образом заниматься культурой как духовной основой государства, культурой, которая исключила бы идентификацию молдаван как пьющую и глупую нацию. В этом смысле следует дорожить любым талантом, любым значимым социо-культурным проектом, любым проявлением культурного патриотизма основанного на служении молдавскому народу. Эти таланты необходимо продвигать и всемерно поддерживать, используя все медийные средства, в том числе международные коммуникационные сети. Суть и формы прояв-

ления молдавской культуры, ее содержание, должны стимулировать объединение всех жителей Молдовы в единую гражданскую нацию – опору и гарантию молдавской государственности.

В этом смысле нам нужны высокообразованные, высококультурные руководители минкульты, а не «заведующие сельскими клубами», которые иногда устраивают некие увеселительные мероприятия. Министерство культуры должно работать на продвижение фундаментальных политик и законов по конструированию обще-молдавской культуры, со своей спецификой, базирующейся на наших давних традициях объединяющих молдавское общество в единую гражданскую/политическую нацию. И для решения этой задачи необходимо создавать своеобразную молдавскую «массовую культуру» которую будут разделять не только граждане Республики Молдова, но и Румынии (Запрутской Молдовы).

Главное – необходимо придать молдавскому культурному коду глубокий исторический и культурологический смысл, который буквально был истреблен в последнюю четверть века.

IV. Важно найти объединяющий фактор и в молдавском спорте.

В этой связи, сверхнеобходимо всем миром во главе с президентом страны вкладываться в создание достойной футбольной команды европейского уровня которую полюбили бы и гордились бы все молдаване, независимо от этнической, религиозной или социальной принадлежности. Эта должна быть команда-символ, команда-гордость, команда-достоинство, команда представляющая нас в мире.

V. Каждая из этих, на мой взгляд, краеугольных задач имеет свой специфический инструментарий решения. Однако существуют системообразующие проекты, затрагивающие решение всех перечисленных. В этом смысле необходимо срочно взяться за написание фундаментальной, научно обоснованной истории Молдовы во всех ее проявлениях. Книги по истории Молдовы необходимо продвигать во всех школах, библиотеках, университетах, культурных и образовательных центрах, а людей напи-

савших их прославлять и поддерживать, с тем, чтобы к этой группе стремились примкнуть и другие ученые. Всех их следует задействовать в организации и проведении научных конференций, круглых столов, семинаров, дискуссий по всему спектру вопросов касающиеся Молдовы как государства. Этот проект необходимо начать реализовывать «уже сегодня», завтра будет малоэффективно и обойдётся значительно дороже. В этой связи жизненно необходимо создать Центр с условным названием «Рефлексирующая/мыслящая история».

VI. Касательно внешней политики и безопасности молдавского государства, которое «находится в точке пересечения всех бед» и геополитических интересов, по-сути отметим: Молдова как государство не имеет практически никаких системообразующих ресурсов. Поэтому необходимо как воздух, создавать высоко-профессиональное министерство иностранных дел с мощной аналитической инфраструктурой и высоко профессиональную систему информации и безопасности страны, не уступающую, по крайней мере соседним аналогам. Профессиональная работа этих 2-х структур является главным условием, базовым капиталом выживания молдавского государства.

Повторюсь – я лишь затронул проблему государственности Республики Молдова, но если осуществить сказанное в развернутом виде, получится своеобразная государственная программа, реализация которой представляет настоящую провокацию для нашего политического, интеллектуального, финансово-организационного потенциала.

В этом смысле жизненно-необходимо объединить все прогосударственные силы и ресурсы. «Партии-герои», «политики-герои», «президенты-герои» могут быть лишь в ходе предвыборной кампании для «ловли голосов» для последующей комфортной жизни самих «героев», но стране и обществу от этого только разруха. Власть должна осуществлять государственное строительство как минимум на 20-30 лет вперед. И только тогда у Молдовы появится реальная перспектива на развитие и процветание.

CONȘTIINȚA NAȚIONALĂ A MOLDOVENILOR DIN RUSIA ȘI A PRINCIPATULUI MOLDAV DIN SECOLUL AL XIX-LEA

*Vladislav GROSUL, doctor habilitat în științe istorice,
profesor universitar, cercetător științific principal,
Institutul Istoria Rusiei al AȘR*

Rezumat

Autorul reactualizează istoria constituirii limbii moldovenești în grafie chirilică, subliniind că limba este o componentă importantă a conștiinței naționale. De asemenea, acordă un spațiu larg noțiunilor: moldovean, popor moldav, națiune moldavă, utilizate după 1812. Autorul amintește și chiar argumentează că utilizarea largă a noțiunilor nu coincide în timp cu oformarea lor lingvistică. Așa de exemplu, în Revista „Вестник Европы” din 1807 este publicat articolul „Scrisori din Moldova”, în care se menționează existența moldovenilor, a limbii moldovenești, a Moldovei.

Cuvinte-cheie: *limba moldovenească, moldoveni, Moldova, Rusia*

NATIONAL CONSCIOUSNESS OF MOLDOVANS IN RUSSIA AND IN THE MOLDOVAN PRINCIPALITY IN THE XIX CENTURY

Abstract

The author updates the history of molding the Moldovan language in Cyrillic script, emphasizing that language is an important component of national consciousness. The author also gives a broad space to the notions: Moldavian, Moldavian people, Moldavian nation, used after 1812. The author recalls and even argues that the widespread use of notions does not coincide with their linguistic abstraction. For example, the article "Letters from Moldova" is published in the magazine "Europe's herald" in 1807, which mentions the existence of Moldovans, Moldovan language and Moldova.

Keywords: *Moldovan language, Moldovans, Moldova, Russia*

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ МОЛДАВАН РОССИИ И МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА В XIX СТОЛЕТИИ

Впервые Молдавия как страна на восток от Карпат упоминается в известной венгерской «Хронике Иоанна Тырнавского» 20 марта 1360 г. В этой же хронике впервые используется и термин «молдаване» в форме молдавос или молдаванос. Примерно в это же время появляется знаменитая народная баллада «Миорица», где также фигурирует молдаванин. Понятно, что первое упоминание не означает появление этого термина именно в это время. Он, конечно, появился раньше, и, на наш взгляд, значительно раньше. Точно также как значительно раньше появилось название Молдавия¹. О том как в дальнейшем использовался этноним молдаване имеется специальная литература, в том числе и современная².

В известной валашской летописи К. Кантакузино начала XVIII в. ее автор подчеркивал, что на вопрос, кто вы такие, валахи и арделяне отвечают – румыны, а жители Молдавии – молдаване³. В самой крупной молдавской летописи, принадлежащей перу И. Некулче, нам не удалось встретить ни одного упоминания молдаван как румын и, вообще, термин «румын» там отсутствует. В то же время как термина «Молдавия», «молдаване», «братья – молдаване», «молдавские обычаи» встречаются чуть ли не на каждой странице⁴. Валахию он называет Цара Мунтеняскэ и несколько раз Цара Ромыняскэ. Ни разу не говорит о румынском языке, а по по-

---

¹ См. подробнее: Паскарь Е. Неизвестная Молдавия. Европейские книгопечатные источники XV-XVI вв. о древнейшей и современной истории Молдавии. Одесса, 2014; Паскарь Е.Г., Герцен А.А. Топоним Молдавия: древнейшие упоминания и новые этимологии // Русин. 2016, № 1(43), с.9 – 35.

² См.: Гросул В.Я. О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык». Тирасполь, 1991; Стати В. Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование. Кишинев, 2009.

³ *Cronicari munteni*. București, 1980, p. 18.

⁴ Некулче Ион. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрии Молдовой. Киш., 1969, п. 57, 58, 59, 60, 65, 67, 68, 73, 82, 88, 97, 127, 178, 233, 263, 292.

воду молдавского языка можно прочесть следующую фразу: «Кэ Некулай – водэ молдовенеште ну штие...»¹ («Николай – воевода молдавского не знает...»).

В русском журнале «Вестник Европы» за 1807 г. была опубликована обширная статья под названием «Письма из Молдавии», где упоминаются молдаване, молдавский язык, Молдавия, Там, среди прочего пишется о сходстве молдавского языка с латинским, «ибо, - как там подчеркивается, - Молдавский и Валахийский от него произошли»².

И после присоединения Бессарабии к России в источниках разного характера пишется о местных молдаванах. «Природные жители молдаване» - фигурируют в записке 1820 г. видного декабриста В.Ф.Раевского³. О молдаванах, молдавском племени, молдавском народе оставил свидетельства и писатель А.Ф. Вельтман⁴, довольно долго (с 1818 по 1823 гг.) проживший в Бессарабии, изучавший молдавский язык и женатого на молдаванке. В дневнике Ф.Н. Лугинина также находившегося в то время в Бессарабии отмечается об одном из его знакомых Фантоне де Веррайоне : «Он уже много знает по молдавански»⁵. О молдаванах того времени пишет и крупный русский чиновник, вице – губернатор Бессарабии Ф.Ф. Вигель и в специальной записке 1823 г., где он неоднократно упоминает молдавский язык и молдаван⁶, и в своих обширных воспоминаниях, где также неоднократно пишется о молдаванах, молдавском народе и молдаванах и упоминаются валахи⁷. О молдаванах писал и А.С. Пушкин, почти

---

¹ Ибидем, п. 226.

² Вестник Европы. Январь, 1807, № 2, с. 148.

³ Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Документы о революционной деятельности и судебном процессе. Иркутск, 1980, с. 81.

⁴ Вельтман А.Ф. Избранное. М., 1989, с. 433, 446, 448, 455, 459, 460, 462, 487, 500, 517, 553, 554.

⁵ Там же, с. 553.

⁶ Вигель Ф.Ф. Замечания на нынешнее стояние Бессарабии. Писано в октябре 1823 года. М., 1892, с.3, 6, 9, 18, 30.

⁷ Вигель Ф.Ф. История светской жизни императорской России. М., 2008, с. 231, 458, 464, 473, 475,478,480, 482, 487, 491, 497.

три года проживший в Кишиневе, а попав в Одессу, он писал в тот же самый Кишинев, что скучает по своей родной Молдавии.

В источниках, которые отражают ситуацию в Бессарабии сразу после присоединения ее к России, нам не удалось встретить ни одного упоминания о молдаванах как о румынах. Такая же картина наблюдается в русских справочных изданиях того времени. В русской справочной литературе начала XIX в. неоднократно писали о молдавцах или молдаванах. Так, в одном из первых русских энциклопедических словарей отмечается народ молдавцы, «поселенный по разным местам в Екатеринославской губернии»¹. Интересно, что в словаре, вышедшем в 1801 г., в его первом томе, где идет речь о Вознесенском наместничестве, среди различных народностей, его населяющих, перечисляются молдаване и волохи. В следующем, втором томе, вновь отмечаются молдавцы, а также и волохи².

В вышедшем в 1843 г. новом аналогичном словаре, опубликованном под руководством С.П. Гагарина, среди жителей Бессарабской области и Херсонской губернии отмечаются молдаване. Они же фиксируются и среди жителей Молдавского княжества, а среди жителей Валахии отмечаются валахи³. Примерно такая же картина наблюдается и при употреблении термина «молдавский язык». Как известно, еще молдавский летописец первой половины XVII в. Г. Уреке один из разделов своего труда посвятил «нашему молдавскому языку» («пентру лимба ноастрэ молдовеняскэ»⁴). Специальную главу о молдавском языке поместил в своем «Описании Молдавии» Д. Кантемир. В этой и других главах термин «молдавский язык» упоминается раз десять. Используется Кантемиром и этноним «молдавский народ». Здесь же Д.Кантемир отмечает особенности разговорной

---

¹ Словарь географический российского государства. М. – П. Ч. 4. М., 1805, с. 394.

² Географический словарь российского государства сочиненный в настоящем оною виде. А – Г. Ч. 1. М., 1801, с. 945; Словарь географический российского государства, описывающий азбучным порядком. Г. – К. Ч. 2. М., 1804, с. 373.

³ Всеобщий географический и статистический словарь. Ч. 1. А – Г. М., 1843, с. 190, 272; Ч. 2. Д. – М., с. 560; Ч. 3. Н. – Я. М., 1843, с. 522.

⁴ Уреке Григоре. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971, п. 61.

речи приднестровских (он пишет о правом берегу Днестра) молдаван - «другие молдаване с трудом понимают их»¹.

Термин «молдавский язык», несмотря на свои латинские увлечения, широко применяет и М. Костин² и, например, Амф. Хотинский. Последний стал переводчиком и публикатором нескольких учебников на молдавском языке еще в конце XVIII в³. Им также переведен с итальянского на молдавский язык учебник физики, оставшийся в рукописи. Уже в названиях этих книг Амфилохие указывал, что они переведены на молдавский язык. Вот начало названия одного из таких изданий – «Де обште географие пе лимба молдовеняскэ» («Общая география на молдавском языке»), изданная в Яссах в 1795 г. Фотокопия её приводится в энциклопедии «Литература и искусство Молдавии»⁴, вышедшей тиражом 10 тыс. экземпляров, а также в известном каталоге⁵. Также на молдавском языке в Яссах в 1825 г. была опубликована знаменитая книга Д. Кантемира «Описание Молдавии» (ее там назвали «Скрисоаре Молдовой»), о чем сообщалось в самом ее начале⁶.

Любопытно, что одна и та же книга, изданная в Яссах и Бухаресте, в первом случае указывается как опубликованная на молдавском языке, а во втором – на румынском. Так, в 1809 г. была издана богословская книга под названием «Порядок по освещению церквей» в переводе с церковно – славянского. В Яссах указывали, что она переведена на молдавский язык, а в Бухаресте – на румынский⁷.

---

¹ Кантемир Д. Описание Молдавии. Киш., 1973, с. 188; Кантемир Д. Описание Молдавии. СПб., 2011, с.283.

² Letopisețul Țării Moldovei. Grigore Ureche, Miron Costin, Ion Neculce. Chișinău, 1990, p. 25 – 26.

³ Дин история гындирий сочиал – политиче ши филозофиче ын Молдова. Киш., 1970, п. 104 -105; Карта Молдовой. Сек. XVII – ынч. сек. XX.Едиций век. Сек. XVII - ынч. сек.XIX. Каталог женерал. Киш., 1990, п. 155 – 162.

⁴ Литература ши арта Молдовой. Енчиклопедие. 1. Киш., 1985, п. 32.

⁵ Карта Молдовой. Сек. XVII – ынч. сек. XX. Сек. XVII – ынч. сек. XIX.Каталог женерал. Киш., 1990, п. 158.

⁶ Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол.2. Киш., 1971, п.287.

⁷ Bianu I., Hodos N. și Simonescu D. Bibliografia românească veche. Т. III. 1809 – 1830. Вус., 1936, p. 12.

И в школах Молдавского княжества еще до присоединения Бессарабии к России обучали, среди прочего, молдавскому языку. Летом 1858 г. «Газета де Молдавия» сообщала о хрисове господаря К.Морузи от 29 мая 1803 г., в силу которого в г. Галаце была основана школа греческого и молдавского языка (де лимба Елиянскэ ши Молдовеняскэ)¹. Такие же школы по этому указу были созданы и в некоторых других городах княжества, в том числе и в Кишиневе².

Вообще, молдавский язык был объявлен официальным языком Молдавского княжества Органическим регламентом 1832 г., то – есть в первой конституции княжества³. Но он был в запрутской Молдавии не только официальным, но и широко использовался в быту и личной переписке. Видный молдавский писатель и государственный деятель, одно время даже рассматривавшийся в качестве претендента на господарский престол, К. Конаки в письме митрополиту Вениамину Костаке от 13 января 1837 г., посвященному проблемам образования в Молдавском княжестве, называет себя молдаванином и подчеркивает, что обучение должно производиться на молдавском языке (ын лимба молдовеняскэ)⁴. Там же он пишет об особенностях молдавского языка, отличающих его от других языков, в том числе и от языка арделян, то – есть румын из Трансильвании. Интересно, что в этом письме он часто упоминает глагол а ворови (говорить), в настоящее время, практически, не используемый⁵.

Термин «молдавский язык» продолжает применяться в это время и в церковных текстах. Например, он фигурирует во введении к «Житиям Святым», отпечатанных в митрополичьей типографии в Яссах в 1836 г⁶. О существовании молдавского язы-

---

¹ Gazeta de Moldavia, 26 юние 1858, № 50. Суплемент.

² Istoria învățămîntului și gîndirii pedagogice în Moldova. Chișinău, 1991, p.98 – 99.

³ Regulamentele organice ale Valahiei și Moldovei. Vol. I. Buc., 1944, p. 340.

⁴ Конаки К. Опере. Киш., 1978, п. 222 – 223, 225.

⁵ Ибидем, п. 224.

⁶ Colin A. Contribuția clerului ortodox din Principatele Române la afirmarea limbii naționale (1774 – 1848) // Revista istorică. Buc., 2001, Buc., 2001, №1 – 2, p. 188.

ка знали также иностранцы, в том числе и молдавского происхождения. О нём пишет Д.Н. Бантыш – Каменский в своей книге «Путешествие в Молдавию, Валахию, Сербию», вышедшей в Москве в 1810 г., где он сообщает о том, что молдавский язык преимущественно состоит из латинских слов, но содержит также и турецкие и славянские слова.

В издании части этого путешествия на румынском языке, помещенного в известной академической коллекции описаний иностранных путешественников, кстати, дается адекватный перевод этого термина – *limba moldovenească*¹, действительно соответствующий оригиналу. Там же он приводит в качестве примера ряд молдавских слов. Таким образом, Бантыш – Каменский писал о молдавском языке ещё до 1812 г. Но он в этом плане оказался далеко не первым иностранцем. В их числе оказался и отец Бантыш – Каменского – видный археограф Н.Н. Бантыш – Каменский. Еще в 1814 г. ему была посвящена специальная статья в журнале «Вестник Европы», где писалось о его происхождении «от древней молдавской фамилии», сопряженной свойством с домом князей Кантемиров². В одном из московских архивов сохранился оригинал «Иероглифической истории» («История иероглификэ») – известной книги Д. Кантемира, которая рассматривается специалистами как первый молдавский роман. На титуле этого сочинения имеется следующая приписка: «Книга сия на молдавском языке писанная подарена мною в московский архив Государственной коллегии иностранных дел 1783 года. Над. Сов. Николай Бантыш – Каменский³». Н.Н. Бантыш – Каменский был родственником Д. Кантемира по линии Бантышей и, конечно, хорошо знал, на каком языке была написана эта книга.

О молдавском языке упоминается и в послужном списке Д.В. Шуханова, молдаванина, ставшего русским генералом, героем Отечественной войны 1812 г. Там. Среди прочего, отмеча-

---

¹ Călători străini despre Țările române în secolul al XIX – lea. Serie nouă. Vol. I (1801 – 1821). Buc., 2004, p. 405.

² Вестник Европы, март 1814, № 6, с. 114 – 115.

³ Кантемир Д. История иероглификэ. Киш., 1957, п. 2.

лось следующее: «По российски, волосы, то – есть молдавски, турецки читать и писать умеет, и по немески говорить, архметике и геометрии вчен и закон Божий и экзерсии знает»¹.

О молдавском языке писали и другие иностранные авторы значительно раньше. Итальянский лингвист Сильвестри Амелио ещё в 1719 г. издал «Вокабуларио итальяно – мулдаво» («Итальянско-молдавский словарь»)². Молдавский язык, а наряду с ним и валахский, как мы уже отмечали, упоминает в 1807 г. московский журнал «Вестник Европы» в статье под названием «Письмо из Молдавии»³. Видный русский медик С.Добронравов, несколько лет проживший в княжествах, в своей книге также пишет как о молдавском, так и валахском языках.⁴ О русинах (руснаках), обитавших в Хотинском уезде и говоривших также на молдавском языке пишет в начале 30-х гг. XIX в. немецкий доктор Цукер⁵. А один из русских путешественников – А.Я. Стороженко, посетивший эти места в 1829 г., писал, что изучил молдавский язык ещё в 1808 г.⁶ О молдавском языке говорится и в материалах, предназначенных для служебного пользования и сейчас находящихся в архивах, например, в «Статистическом описании княжества Молдавского», составленном в начале 30 – х гг. XIX в. и поступившем в Военно – исторический архив Рос-

---

¹ Țvirăun V. Vitralii. Витражи. Chișinău, 2006, p. 263.

² Сеник В.Б. Глотоним «молдаван» как выражение их национального самосознания (Научная истина и ее современные фальсификаторы) // Материалы юбилейной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной 70-летию Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Тирасполь, 2000, с. 22; Молдаван П.П. Молдаване в истории. Киш., 1994, с. 131.

³ Вестник Европы. М., январь 1807, № 2, с. 147.

⁴ Добронравов С. Медико – топографическое описание Молдавии и Валахии. М., 1835, с. 85

⁵ Zucrer. Basarabia. Traducere din limba germană de Maria Pelivan. Chișinău, 1932, p. 10, 13 – 20.

⁶ Стороженко А.Я. Два месяца в дороге по Бессарабии, Молдавии и Валахии в 1829 г. М., 1872, с. 6.

сии¹. И число таких примеров использования за рубежом термина «молдавский язык» можно без труда продолжить, что, собственно, уже сделано в литературе².

Таким образом, глотоним «молдавский язык» средневекового происхождения. Не случайно известный писатель Михаил Садовяну в своем цикле романов об эпохе Штефана Великого, то – есть о второй половине XV в., пишет о молдавских словах и о том, что его герои изъяснялись по – молдавски³. Термин «молдавский язык» был широко распространен в Молдавии в публикациях различного рода, а народе, несомненно, был господствующим. Поэтому неудивительно, что после присоединения молдавских земель к России термин «молдавский язык» становится официальным. Еще в мае 1792 г., после того, как в состав России вошло левобережье Днестра, Екатерина II распорядилась о выделении земли в Дубоссарах известному молдавскому печатнику Михаилу Стрельбицкому и позволила ему завести там типографию «для печатания книг на греческом, российском, молдавском и прочих языках»⁴.

Среди прочих книг, Стрельбицкий издавал книги на молдавском языке, в том числе и сборник стихов молдавского поэта Иоанна Кантакузино, переселившегося в Россию в конце XVIII в. Этот сборник под названием «Поэзий ноо» («Новые стихотворения») был отпечатан в 90 – х гг. XVIII в. Там же в типографии Стрельбицкого в 1793 г. публикует «Песнь на кончину светлейшего князя Григория Александровича Потемкина – Таврического» и на титуле издания на молдавском языке указывается, что оно отпечатано в Дубоссарах «любителем народа Молдавии» - «юбитороль нямулуй Молдовии⁵» (сохранена транскрипция того времени – В.Г.). Термин «молдавский язык» упо-

---

¹ РГВИА (Российский государственный военно – исторический архив), ф. 438, д. 535. Ч. II, л. 173, 175.

² Молдован П.П. Молдаване в истории. Киш., 1994, с. 131.

³ Садовяну М. Братья Ждер. М., 1971, с. 173, 383.

⁴ Мурзакевич Н. Начало книгопечатания в Новороссийском крае // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1848, с. 217.

⁵ Антология поэзией модерне молдовенешть 1770 – 1840. Киш., 1988, п.17.

требуется в письмах, направленных архиепископом Амвросием князю Платону Зубову и князем Безбородко Екатерине II соответственно 23 января и 7 апреля 1792 г¹.

В России термин «молдавский язык» был официальным и после присоединения в 1812 г. Бессарабии к России. Он фигурирует в «Правилах временного правления Бессарабии 1813 года», по которым край управлялся первое время. В этих правилах, установленных 3 февраля 1813 г., в разделе под названием «О гражданском управлении», имеется параграф 19 – й, где записано «Дела определяемы должны быть на российском и молдавском языках»². Официальным, наряду с русским, молдавский язык объявляется и в «Уставе образования Бессарабской области 1818 года», изданном на молдавском и русском языках и являвшегося основным законом края после его присоединения к России. Устав рассматривается в качестве первой конституции Бессарабии. О молдавском языке там пишется несколько раз. Там прямо указывалось, что «Бессарабская область сохраняет свой народный состав, и в следствие сего, получает и особый образ управления»³. В разделе под названием «О Верховном Совете Области» можно прочитать следующие слова: «Дела в Совете производятся на Российском и Молдавском языках, по роду для них свойственному, то есть: распорядительные, казенные, уголовные и следственные по Русски и по Молдавски с соблюдением узаконений Российской империи и с сохранением прав и обычаев земли в отношении защищения частной собственности; а гражданские тяжёбые и межевые дела отправляются на одном языке Молдавском, и судятся по основанию законов и обычаев Молдавских»⁴.

---

¹ Халиппа И. Очерк истории народного образования в Бессарабии в первой половине XIX века // Труды Бессарабской губернской ученой Архивной комиссии. Т. 2. Киш., 1902, с. 176.

² Записка Бессарабского статистического комитета. Том 3. Киш., 1868, с. 110.

³ Устав образования Бессарабской области // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXXV. 1818. СПб., 1830, с. 222.

⁴ Там же, с. 224.

Всего лишь в одном абзаце молдавский язык упоминается три раза. Но это ещё не все. О нём пишется и в ряде других разделов Устава. В разделе под названием «О областном Правительстве» подчеркивается: «Дела в том Правительстве производиться будут на Российском и Молдавском языках, смотря по надобности. По части распорядительной все объявления, предписания и обнародования издаваемые Правительством, имеют быть писаны по Русски и по Молдавски, для надежнейшего об оных общенародного сведения». Или, допустим, раздел под названием «Об Областном Уголовном и Гражданском Судах», где отмечается, что «производство по делам уголовным и следственным имеет быть на Русском и Молдавском языках» и далее даются пояснения: «Допросы обвиняемых Молдавских уроженцев будут производиться на природном их языке, т.е. на языке Молдавском, а протокол будет сочиняем по Русски и по Молдавски». Или ещё далее, в том же разделе: «Члены уголовного суда пользуются правом писать оное на природном своем Молдавском»¹. В том же Уставе и молдавский язык, и молдавские обычаи упоминаются и далее, в других абзацах и параграфах.

Напоминаем, что здесь речь идет не о каком – либо частном письме, а об основных законах Бессарабии, их конституции, подлежащих неукоснительному исполнению. Примечательно и упоминание молдавского языка как природного языка населения Бессарабии, то – есть молдаване рассматривались как коренные жители края, а их молдавский язык как родной.

Молдавский язык как предмет изучался в Кишиневской духовной семинарии – первом среднем учебном заведении Бессарабской области. Хорошо известны имена учителей молдавского языка, там преподававших². При ряде монастырей и церквей в Бессарабии существовали *молдавские* школы. Молдавский язык изучался до середины 60 – х гг. XIX в. в Кишиневской гимназии. И когда эти школы были закрыты и отменено преподавание молдавского языка в гимназии и семинарии, а также в

---

¹ Там же, с. 225, 226.

² Popovski N. Istoria Bisericii din Basarabia. Chişinău, 1934, p. 5.

ланкастерских школах, то местная общественность добивалась возвращения *молдавского* языка в учебные заведения края. В сентябре 1841 г. бессарабское дворянство ходатайствовало перед бессарабским губернатором П.И. Федоровым о «назначении надежных преподавателей молдавского языка в каждое уездное училище»¹. Примерно с таким же пожеланием выступил и Областной совет Бессарабии в своем постановлении от 21 марта 1842 г., где высказывалось предложение улучшить преподавание языков, «в особенности молдавского». И далее: «Областной Совет полагает: на первый случай допустить преподавание в уездных училищах: Хотинском, Бельцком (и Кишиневском) одного только молдавского языка как более нужного для здешнего молдавского Юношества»².

Вопрос о необходимости изучения именно *молдавского* языка в Бессарабии ставился впоследствии неоднократно, как в конце XIX , так и в начале XX вв. В 1905 г. при создании «Бессарабского Молдавского Общества содействия народному образованию и изучению родного края» подчеркивалось, «что элементарное обучение возможно лишь на родном языке – молдавском. Русский язык обязателен»³. А в октябре 1912 г. очередной начальник Бессарабского губернского жандармского управления полковник Нордберг подчеркивал, что «крестьянская масса... весьма дорожит богослужением на молдавском языке»⁴. Несколько позднее, в 1918 г., в проекте Конституции Молдавской Национальной Республики, в 78 её параграфе записано: «Молдавский язык, как официальный язык государства является обязательным объектом изучения во всех школах республики»⁵.

В 1814 и 1815 гг. в Кишиневе издается «Молдавский букварь» («Букоавна молдовенякэ»), а в 1819 г. там же отпечатана

---

¹ Negru Gh. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Buc., 2000, p. 121.

² Ibidem, p. 122.

³ Ibidem, p.150.

⁴ Ibidem, p. 177.

⁵ Вехи молдавской государственности (Сборник текстов Конституций). Киш., 2000, с. 18.

«Краткая русская грамматика с переводом на молдавский язык для учеников Кишиневской семинарии и других школ Бессарабии» («Скуртэ руссакэ граматикэ, ку тэлмэчире ын лимба молдовеняскэ пентру ученичий Семинарулуй Кишинэулуй ши але алтор школе дин Басарабия»)¹. При этом в молдавском тексте была сохранена транскрипция того времени.

Если ознакомиться со статьей И. Халиппы о народном образовании в Бессарабии, вышедшей еще в начале XX в., то не остается сомнения, что именно термин «молдавский язык» был обычным термином в школьном деле, а еще в 1841 г., как отмечалось, было заведено дело под названием «Об усилении в Бессарабских училищах преподавания молдавского языка»². И в официальной переписке XIX и в начале XX вв. он упоминается неоднократно.

И уже значительно позднее, в 1918 г., не где – нибудь, а в Яссах издается «Молдавская грамматика» П.В. Ханеша³. Именно так назвал её автор, хотя в ней не учитывались особенности Бессарабии и, тем более, молдаван на левом берегу Днестра. Но поскольку этот термин был тогда привычным для российских молдаван автор предпочел дать своей книге это название. Проводниками молдавского начала в Запрутской Молдавии в начале XX в. были К. Хогаш, М. Садовяну, Н. Лабиш и др. Хогаш в 1900 г. опубликовал в Яссах свою работу под названием «Молдавизмы»⁴, ставшую своеобразным манифестом молдавофилов в Румынии. Это был откровенный крик души человека, открыто выступившего против отказа от молдавской традиции и замены молдавских слов и выражений мунтенизмами. Собственно, он был не первым, кто возмущался языковыми экзерсисами тогдашних филологов, отдаливших новый литературный язык от

---

¹ Ciobanu Șt. *Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă*. Chișinău, 1923, p. 79- 81.

² Халиппа И. Очерк истории народного образования в Бессарабии в первой половине XIX в. // Труды Бессарабской губернской ученой Архивной комиссии. Т. 2. Кишинев, 1902, с. 176.

³ Haneș P.V. *Gramatica Moldovenească* (Грамматикъ Молдовеняскъ). Iași, 1918.

⁴ Hogaș C. *Moldavisme*. Iași, 1900.

языка народа. Напомним возмущение А. Руссо, который в письме М. Когэлничану выступал против засорения родного языка иностранными словами и призывал писать более по – молдавски, с тем «чтобы бедные люди...имели хоть уголочек на молдавской земле, где бы говорилось по – молдавски»¹. Себя А. Руссо называет закоренелым молдаванином и исключение славянских слов рассматривал как равноценное уничтожению молдавского языка².

Выбрасыванием славянизмов из молдавского языка возмущались и российские слависты. Один из них – крупный российский славист, уроженец Кишинева и выпускник одесской гимназии и Московского университета, А.А. Кочубинский, прямо писал: «Была объявлена чистка народного языка от всего *славянского*, т.е. от его векового культурного элемента, с которым он так сжился, так сросся плотью»³. Кочубинский, знакомый с историей Молдавии и молдавским языком также возмущался и другими языковыми изменениями. Он, среди прочего, подчёркивал: «Так называемый литературный румынский язык, т.е. употребляющийся по сторону Прута, в королевстве, это – порождение национального шовинизма, дело последнего полувека местных политиков после Парижского трактата 1856 года, положившего начало объединению господарств Молдавии и Валахии»⁴.

А. Кочубинский пишет в своих работах о Румынии, румынах, румынском языке, но он же пишет и о Молдавии, молдаванах, молдавском языке. В специальной статье о молдавских изданиях для русских школ он особенно останавливается на пособиях для молдаван, изданных М.М. Чакиром, видя одно из существенных их достоинств в том, что их отличает «чистый,

---

¹ Руссо А. Опере алесе. Киш., 1955, п. 334.

² Ибидем, п. 192 – 193; Руссо А. Избранное. Киш., 1959, с. 14, 68.

³ Кочубинский А. Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХХVII. СПб., 1903, с. 401.

⁴ Там же.

народный молдавский язык, т.е. местный, бессарабский молдавский язык». В России термин «молдавский язык продолжал использоваться и после объединения княжеств и после того как молдавский язык перестал изучаться в бессарабских учебных заведениях. Например, в 1896 г. опубликовал свой русско – молдавский словарь А. Балдескул, составленный еще в 1884 г. В этом издании автор пишет о молдавском языке и никакого другого наименования этого языка не применяет¹. Такая же картина наблюдается и после 1905 г., когда можно говорить о молдавском культурном возрождении в России, приведшем к появлению вплоть до 1917 г. десяти газет и журналов на молдавском языке. До этого единственным периодическим изданием, публиковавшим материалы и на молдавском языке были «Кишиневские епархиальные ведомости».

После словаря Балдескула в России в конце XIX – начале XX столетий выходит еще ряд словарей, учебников, учебных пособий по молдавскому языку. Автор одного из них – Г. Кодрян, об одной из книг которого, изданной в 1901 г. в Кишиневе², сообщал в упомянутой статье А.А. Кочубинский, писал следующее: «Настоящий (по возможности дословный) молдавский перевод выражен народным языком употребляемым в разговорной речи молдаван Бессарабии, для которых литературный язык (румынский), состоящий из французских слов, мало понятен»³. Примерно такую же мысль проводит Г. Кодрян и во втором издании своего словаря в 1911 г., добавляя, что «на этом же народном молдавском языке изложены и богослужебные молдавские книги»⁴.

---

¹ Балдескул А. Русско – молдавский словарь. Одесса, 1896, с. 3 – 5.

² Бессарабия. Историко – географический очерк для желающих ознакомиться ближайшим образом с местным краем. Книга пригодная и для внеклассного чтения ученикам молдаванам. Кишинев, 1901.

³ Кодрян Г. Краткий русско – молдавский разговорный словарь (практическое пособие) для грамотных молдаван, а также и для русских, посещающих молдавские села Бессарабии). Кишинев, 1899, с. 1.

⁴ Кодрян Г. Русско – молдавский и молдавско – русский словарь. Кишинев, 1911, с. 4.

В 1907 и 1909 гг. дважды издает свой русско – молдавский словарь М. Чакир. В предисловии к нему, среди прочего, говорится: «Так как словарь предназначается для бессарабцев, то русские слова переведены на чисто молдавский простонародный язык, на котором говорили и говорят бессарабские молдаване»¹. Даже архимандрит Гурий, известный своими прорумынскими симпатиями, издает в 1909 г. «молдавский букварь», где применяются термины «молдавский язык», «молдавские буквы», «молдавский народ», помещается стихотворение под названием «Россия – моя родина» и отмечается, что «Россия – это наша страна», а «Румыния – маленькая страна»².

В этом издании по давней молдавской традиции букварь называется букоавна. В другом издании, опубликованном Гурием в 1917 г. уже латинскими буквами, букварь называется абечедар и хотя ещё применяется термин «молдавский язык», говорится, что «Бессарабия – наша отчизна, наша молдавская родина», помещается стихотворение «Мой язык», где упоминается молдаванин и молдавский язык, но отмечается, что эта книга отпечатана в типографии «Общества румынской культуры в Бессарабии»³. Уже после оккупации Бессарабии королевской Румынией Гурий еще больше меняет свои позиции и если раньше называл «нашей родиной» Россию, а затем Бессарабию, то теперь его родиной стала Румыния.

Издания начала XX в. свидетельствовали о том, что их авторы ведут поиски в области языка⁴. Многие следовали старой молдавской традиции, другие старались писать на языке народа, третьи настаивали на внедрении литературного румынского языка. Однако, во многих молдавских изданиях прямо говорилось, что литературный румынский язык молдаване России принимают плохо. Так, газета «Гласул Басарабией» («Голос Бесса-

---

¹ Чакир М. Русско – молдавский словарь. Киш., 1907, с. 4.

² Букоавна молдовеняскэ. Кишинэу, 1909, п. 1, 42, 47,50.

³ Abecedar Moldovenesc. Chişinău, 1917, p. 70, 122, 134 – 135.

⁴ Гром О.А. Молдавский национализм в «публичной сфере» (1906 – 1908 годы) // Славяноведение. 2015, № 3, с. 89 -102.

рабии»), издававшаяся на молдавском языке, писала в июле 1913 г. о том, что молдаванам чужда румынская литература из королевства и что «румынский литературный язык с трудом может пониматься бессарабским молдаванином»¹. Любопытное заключение делает эта же газета в марте 1914 г., когда замечает, что «молдаване из Румынии с трудом понимают нас, как мы с трудом можем понять их»².

Естественно, что в этих условиях молдавские просветители пытались писать на языке, понятном для широких слоев молдавского населения, и это стало причиной попыток создания литературного языка молдаван России. В лексике того времени применялись такие слова, как кувынтелник (словарь), талмач (переводчик), букиле (буквы) и другие, которые в настоящее время вышли из употребления. Но слова эти были понятны народу, поскольку являлись традиционными. Не все в то время верили в будущее молдавского языка. Издатель правомонархического журнала «Наше объединении», что выходил в бессарабском селе Нишканы, И. Чекан в 1910 г., среди прочего, писал: «Я сам язык молдавский плохо знаю и вообще я против этого языка, который не имеет будущности, так как нет у него своей интеллигенции, здесь в Бессарабии, нет поэтов и писателей. Так или иначе, этот язык сам собою погибнет». Вот такие предсказания делал этот издатель и автор. Правда, вместе с тем, он выступает против гонений на молдавский язык и предлагает его не трогать. Упоминает Чекан и о «молдавифильской партии» местного духовенства³, но, самое главное для нас, он постоянно использует термин «молдавский язык» по той простой причине, что в бессарабской сельской местности именно он был широко распространен.

После 1812 г., то – есть после присоединения Бессарабии к России термин «молдавский язык» продолжал использоваться и в Молдавском княжестве, что располагалось за Прутом. В этом отношении большой интерес представляет молдавская пресса,

---

¹ Гласул Басарабией. № 15, 21 июля 1913, п. 1.

² Гласул Басарабией. № 9 (45), 2 марта 1914, п. 1.

³ Наше объединение. Нишканы. № 2. 10 янв. 1910, с. 4 – 7.

прежде всего тогдашние молдавские газеты, первой из которых была «Альбина ромыняскэ» («Румынская пчела»), начавшая выходить с апреля 1829 г. и издателем и редактором которой был Георге Асаки. Асаки, как известно, родился на Буковине, в то время когда она уже вошла в состав Австрийской империи. Он учился в иезуитском колледже во Львове и местном университете, затем он продолжил учебу в Вене и Риме и получил широкое европейское образование, не только гуманитарное¹. Он находился под влиянием Ардяльской школы, проводники которой были последователями общерумынской идеи, что заметно по публикациям самого Асаки, и, вообще, по направленности его газеты.

В одном из номеров своей газеты Г. Асаки помещает статью, которая была выдержкой из работы валашского автора Григория Плешояну, где прямо писалось о румынах, родина которых Италия и город которых Рим, откуда и имя румыны или романы². Сам Асаки разделял это мнение и многократно пишет о румынском языке, упоминает румынский народ, румынскую нацию и довольно часто применяют термин «молдо – румыны». Но он же пишет о молдаванах, братьях – молдаванах, молдавских подданных, молдавской армии, сердцах молдаван, возрождении Молдавии, счастья Молдавии. Можно найти у него и упоминание о языке родины и то, Молдавия является колыбелью румынской литературы, причем в специальной статье пол названием «О румынской литературе»³.

В этой газете, вместе с тем, можно найти упоминание о молдавском народе (нямул молдовинеск - sic! – В.Г.)⁴ и ряд упоминаний о молдавском языке. То – есть применялся и такой глотоним. Первый раз мы его нашли в номере за 26 октября 1830 г. в рубрике «Официальные сообщения». Далее о молдавском языке пишется в номерах за 1 февраля 1831 г., 30 августа 1831, 28 января 1832, 24 декабря 1833 и т.д. Таким образом, в

---

¹ Асаки Г. Исторические новеллы. Киш., 1988, с. 3 – 4.

² Альбина ромыняскэ. № 55, 5 декабря 1829, п. 220.

³ Альбина ромыняскэ. № 12, 20 февраля 1830, п. 51 – 52.

⁴ Альбина ромыняскэ. № 56, 24 июня. Суплимент; № 75, 30 август, п. 280.

этой газете используются оба глотонима и румынский язык, и молдавский, но термин «румынский язык» используется чаще. Однако спешить с широкими выводами пока не следует, поскольку иная картина наблюдается при изучении другой газеты Молдавского княжества - «Фоае сэтяскэ» («Сельский листок»).

Эта газета издавалась тем же Г. Асаки с апреля 1839 г. по январь 1851. В ней пишется о Молдавии, молдаванах, молдаванках, молдавской одежде, молдавской обуви, молдавском табаке, молдавской бумаге и т.д. Молдавский же язык (молдовенеште, диалектул молдовенеск, лимба молдовиняскэ – sic! – В.Г.) по нашим подсчетам используется в этом издании 16 раз. Для сравнения можно сказать, что термин «румынский язык» (ромынеште) употребляется лишь два раза и то, один раз румыном из Трансильвании¹. Чем же объяснить такой контраст между двумя газетами, издававшимися одним и тем же редактором? Объяснение довольно простое. «Албина ромыняскэ» предназначалась для грамотных верхов, не случайно там параллельно шли тексты и на французском языке, а «Фоае сэтяскэ» издавалась для неграмотных низов, то – есть собственно для молдавского народа, поскольку в 30-х – 40-х гг. XIX в. неграмотных в Молдавском княжестве было более 90% населения. Эта газета распространялась примерно в двух тысячах сел Молдавии².

Уже в первом же номере «Фоае сэтяскэ» сельские общины обязывались подписывать эту газету, а священники должны были ее зачитывать своим прихожанам, а затем хранить³. Г. Асаки прекрасно знал как называют свой родной язык простые молдаване и учитывал это при издании сельской газеты. Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что молдавский народ не только в Бессарабии и заднеэстровском левобережье, не только на Буковине и Добрудже, но и в Молдавском княжестве

---

¹ Подробнее см.: Гросул В.Я. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821 – 1866 гг.). Киш., 2014, с.42

² Lemny Ş. Conştiinţa naţională în primele periodice din Moldova // Anuarul Institutului de istorie şi arheologie «A.D.Xenopol». XVIII. Iaşi, 1981, p. 246.

³ Фоае сэтяскэ. № 1, 2 апрел 1839, п. 2.

накануне его объединения с Валахией не только продолжал считать себя молдаванами, но и сохранил прежнее наименование своего родного языка и как и прежде называл его молдавским.

Глотоним «молдавский язык» продолжал употребляться и в Запрутской Молдове и после ее объединения с Валахией в 1859 г. Так, известный народник, а затем румынский социал – демократ К. Доброджану – Геря, послившись в Яссах, писал, что уже немного говорит на молдавском языке¹. Видный румынский театральный деятель П. Бурада также употребляет название «молдавский язык» (*limba moldovenească*) и неоднократно использует его в своей книге по истории театра в Молдавии, и тогда, когда речь шла о второй половине XIX в.² Это свидетельствовало о сохранении в народе данного термина.

Подтверждает этот вывод и известная сцена, описанная писателем Ионом Крянгэ в его рассказе «Ион Роатэ и Куза водэ», где говорится о беседе представителя крестьян в молдавском Диване ад – хок 1857 г. с молодым боярином. Среди прочего, крестьянин предложил боярину говорить «более по – молдавски»³. Но то, что стали говорить все меньше по – молдавски привело к тому, что сочинения самого Крянгэ, пожалуй, самого молдавского из молдавских писателей, язык которого был признан в Молдавии эталонным, стали издаваться с обширным словарем ...молдавизмов⁴, и чтобы выйти из такого ненормального положения их стали называть архаизмами. Это при том, что Крянгэ скончался в 1889 г. Собственно, это то же самое, что издавать сочинения Виктора Гюго, скончавшегося в 1885 г. со словарем французизмов, а А.П. Чехова со словарем русизмов. Вот к чему привела кривая дорожка, на которой все меньше и меньше говорили по – молдавски. Промолдавские симпатии Крянгэ хорошо известны, это даже стало одно время причиной

---

¹ Documente privind istoria României. Războiul pentru Independență. Vol. I. Partea I. Buc., 1954; p. 705.

² Burada T. Istoria teatrului în Moldova. Chișinău, 1991, p. 134, 143, 192.

³ Creangă I. Opere. Buc., 1996, p. 204.

⁴ Ibidem, p. 329 – 341.

его конфликта со старым другом – М. Эминеску. Но и наследие Эминеску нужно воспринимать во всем его объеме, не выдергивая тех или иных его высказываний¹.

Еще больше термин «молдавский язык» был распространен в Бессарабии и Левобережном Заднестровье. Не случайно в проекте Конституции Молдавской республики, провозглашенной 2 декабря 1917 г., в 78 – ом ее параграфе молдавский язык предусматривался как официальный². Более того, этот проект был принят уже в то время, когда Бессарабия была оккупирована румынскими королевскими войсками. При наличии этих войск Епархиальный съезд священников Artamonov V., Constantinov V. *Încercarea de trecerea lui Dimitrie Cantemir sub protektorat austriac în anul 1715 // Revista de istorie a Moldovei. Chişinău, 2011. N 1-2. P. 32-43; Артамонов В.А., Константинов В.А. Дмитрий Кантемир и монархия Габсбургов в 1715 г. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2011. Т.13. №3. С.342-345* епископы Бессарабии в ноябре 1918 г. отклоняют принятие в качестве официального румынского языка и призывают вести службу на национальном языке, подчеркивая, что таковым является молдавский язык (лимба молдовенскэ). В решении этого съезда подчеркивалось, что если молдавский язык сохранился в крае, то только благодаря священникам, «которые во времена царизма вели службу на молдавском (ын молдовенеште) языке»³. Ранее, на заседании Сфатул цэрий 5 февраля 1918 г., группа его членов предложила объявить равноправными языками Молдавской республики молдавский и русский языки⁴.

В молдавских школах Херсонской губернии, где препода-

---

¹ Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007, с. 187 – 189; Степанюк В. Государственность молдавского народа. Исторические, политические и правовые аспекты. Киш., 2006, с. 131.

² Текст проекта Конституции Молдавской Демократической республики см.: Popovschi V. *Reflecții asupra unei proiect de Constituție a Republicii Democratice Moldovenești // Revista de istorie a Moldovei. Chişinău, 1993, № 2, p. 53 – 57.*

³ Stati V. *Istoria Moldovei. Chişinău, 2002, p. 305.*

⁴ Левит И. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинев, 2000, с. 276.

вание велось на молдавском языке (ын лимба молдовеняскэ), участники съезда заднеэтровских, то – есть левобережных молдаван, состоявшегося в Тирасполе 17 и 18 декабря 1917 г высказали необходимость открытия молдавских школ¹. Такое решение было принято несмотря на участие в нём не только представителей около 30 сел Приднестровья, но и откровенных сторонников прорумынской ориентации, таких как П. Халиппа, возглавлявший делегацию Сфатул цэрий на этом съезде, и О. Гибу, проводивший идею о том, что Ардял, то – есть Трансильвания – это родина румынского народа.

Таким образом, термин «молдавский язык» средневекового происхождения, и он не был, как кое – кто пишет об этом, изобретен после 1812 г. Еще задолго до этого года вышли в свет грамматики молдавского языка. Одна из них по изучению молдавского и русского языков была издана в Яссах в 1789 г. Тоадером Школеру и имела в качестве приложения русско – молдавский словарь из 1500 слов². Другая «Молдавская грамматика» («Грамматика молдовеняскэ») была подготовлена архимандритом Макарие в 1770 г³. Русская грамматика на молдавском языке вышла в свет в 1819 г. в Кишиневе⁴. Там же в 1862 г. издается букварь для тех, кто жалеет изучать славянские и молдавские буквы, букварь (в оригинале – букоавнэ) очень схожий с букварем, изданным в 1794 г. Михаилом Стрильбицким⁵.

О молдавском языке и его происхождении оставили ряд соображений ряд русских людей, побывавших в Бессарабии сразу после 1812 г. Автор, пожалуй, самой первой книги о Бессарабии, П. Куницкий писал: « Молдавский языке есть испорченный латин-

---

¹ Ла молдовений де песте Нистру // Кувьнт Молдовенеск. № 116, 25 декембрие 1917, п. 3; Stati V. Moldovenii la răsărit de Nistru. Chişinău, 1995, p. 189-192.

² Крачун Т.А. Очерки по истории развития школы и педагогической мысли в Молдавии. Киш., 1969, с. 33; Кирияк В. Картя ши типарул ын Молдова. Кишинэу, 1977, п. 94.

³ Молдован П.П. Молдоване в истории. Киш., 1994, с. 131.

⁴ Краткая российская грамматика с переводом на молдавский язык. Киш., 1819.

⁵ Крачун Т.А. Указ.соч., с. 50.

ский и очень похож на итальянский»¹. Ему вторит известный историк П. Свинин, побывавший в Бессарабии в 1816 г. «Молдавский язык,- отмечает он, - имеет свое происхождение от латинского и удержал в своем основании более оригинального древнего римского, нежели итальянский, в самом Риме употребляемый»². Многочисленные упоминания о молдаванах, молдавском народе, молдавском языке, как отмечалось, оставил известный мемуарист Ф.Ф. Вигель, несколько лет проживший в Бессарабии³.

Вообще о языке молдаван вскоре после 1812 г. сохранились примечательные материалы. Так, в 1816 г. жители села Фрикацей, что возле Измаила, жаловались на то, что они не понимают церковной службы в местной церкви, которую совершал священник, приехавший два года назад, «поскольку понимают только молдавский язык» и просили прислать другого священника, знающего язык народа и местные обычаи⁴. Крестьяне Бессарабии называли свой язык молдавским и никак по – другому. О молдавском языке пишется в «Записках Бессарабского статистического комитета за 1868 г»⁵. Молдавским называли свой язык и Буковинцы вскоре после присоединения Буковины к Австрии. Молдавский иеродиакон Арсений, бывший монах Нямецкого монастыря, служивший одно время в митрополии в Яссах и затем приглашенный в Кишинев митрополитом Гавриилом, вспоминал, что в детстве он обучался в черновицкой школе, где изучал молдавский и немецкий языки⁶. И в Валахии, порой, исполь-

---

¹ Куницкий П. Краткое статистическое описание заднеэстровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте 1812 года. СПб., 1819, с. 15.

² Свинин П. Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867, с. 220.

³ Вигель Ф.Ф. История светской жизни императорской России. М., 2008, с. 482, 491, 492, 508, 532; Его же. Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. Писано в октябре 1823 года. М., 1892, с. 6, 9, 22, 30.

⁴ Tomescu C.N. Diferite știri din arhiva consiliului eparhial Chișinău // Arhivele Basarabiei. Chișinău, 1939, № 1 – 4, p. 61– 62..

⁵ Записки Бессарабского статистического комитета. Т. 3. Кишинев, 1868, с. 4, 12.

⁶ Arhivele Basarabiei. Chișinău, 1936, № 4, p. 248.

зовали термин «молдавский язык». Так, 14 июня 1856 г. валахский господарь Б. Штирбей сообщил турецкому министру иностранных дел М. Фуад – паше о распространении в Валахии унионистских изданий... на молдавском языке¹.

Соответствующее восприятие своего родного языка является важной составной частью национального самосознания. Но, конечно, самое главное это самосознание. Веками оно было молдавским и отражено во множестве источников. Один из румынских путешественников – Т. Бурада в конце XIX в. посетил села по левому берегу Днестра и издал небольшую книжку, которая так и называется «Путешествие в молдавские села Херсонской губернии (Россия)». Среди прочего, он пишет, что тамошние молдаване «не знают названия румын или его не употребляют»². Он же пишет как его радушно принимали в молдавских селах, узнав, что он «молдаванин» (кавычки – Т. Бурада – В.Г.) и по вере христианин³. А известный советский историк Е.И. Дружинина, изучая волнения крестьян в Тираспольском уезде в 1802 г., сумела ознакомиться с сотнями допросов крестьян, рассказывавших о своем поселении в этих местах. Она при этом подчеркивала: «Характерно, что почти все поселенцы данного района, за немногим исключением, причисляли себя к «нации молдавской»⁴. Это почти за сто лет до приезда Т. Бурады.

Что же касается бессарабских молдаван, то француз Жак Ансель пишет, «что бессарабцы известны только под именем молдаван»⁵. И уже во время Второй мировой войны один из руководителей ведомства пропаганды румынского губернаторства в Бессарабии – Мыцулеску в своем отчете писал, что «подведомственный ему аппарат трудится над тем, чтобы изменить

---

¹ Iorga N. Corespondența lui Știrbei – Vodă. Corespondența politică. București, 1904, p. 618- 619/

² Burada T.T. O călătorie în satele Moldovenești din gubernia Cherson (Rusia). Iași, 1893, p. 3.

³ Ibidem, p. 8.

⁴ Дружинина Е.И. Южная Украина. 1800 – 1825. М., 1970, с. 79.

⁵ Ancel J. La frontiers roumaines. Geographie politique // Revue historique du sud – est europeen. 1934, № 1 – 3, p. 34.

мировоззрение молдаван, сделать Бессарабию «самой крепкой в румынской вере». Эта задача являлась одной из важнейших, «ибо, как он подчёркивал, бессарабский крестьянин считает себя молдаванином, а не румыном». Прочитав этот отчет, диктатор И. Антонеску написал: «Там следует организовать сильную пропаганду в целях перевоспитания»¹.

Но румынские власти столкнулись с молдавским самосознанием значительно раньше. О. Гибу, активный проповедник румынизма, описывая события в Бессарабии 1917 – 1918 гг., вынужден был признать, что румынофилы все более убеждались в существовании здесь отдельного «молдавского народа», с национальным «бессарабским понятием»².

Термин «молдаване», «молдавский народ», «молдавская нация» применялся в Молдавском княжестве и после 1812 г. Название «молдавский народ» встречается в жалобе, направленной молдавскими боярами османской Порте в марте 1821³ г., а термин «молдавская нация» использовался молдавскими революционерами из Запрутской Молдавии в 1848 гг.⁴. Даже первый румынский господарь, то – есть господарь объединенной Молдавии и Валахии, А.И. Куза в июне 1846 г. писал : «Любой молдаванин должен быть проникнут надеждой в процветание страны и гордиться тем, что является молдаванином»⁵. Это отражение массового самосознания в княжестве. Известна, например, специальная листовка сторонников сохранения молдавской государственности, выпущенная ими на территории Молдавского княжества, которая была отпечатана 2 июня 1856 г. в газете «Звезда Дуная» («Steaua Dunării»), где предсказывались отрицательные последствия для Молдовы в случае её объединения с Валахией, в том числе и ликвидация молдавской нации (națiunea moldavă). Следо-

---

¹ Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 – 1945 гг. Киш., 1970, с. 177.

² Ghiu O. De la Basarabia rusească la Basarabia românească. Cluj, 1926, p. LI.

³ Documente privind istoria României. Răscoala din 1821. Vol. I. Buc., 1959, p. 44.

⁴ Georgescu V. Mémoires et projets de réforme dans les Principauté Roumaines. 1831 – 1848. Buc., 1972, p. 139.

⁵ Documente privitoare la anul revoluționar 1848 în Moldova. Buc., 1960, p. 46.

вательно, молдавская нация рассматривалась ими как существующая. Почти через десять лет, в марте 1866 г., там же в Запрутской Молдове была отпечатана и широко распространена прокламация сторонников воссоздания молдавской государственности, где имелись соответствующие требования, которые объявлялись голосом молдавского народа (*glasul poporului moldav*)¹.

Молдаване проживали также на Буковине. Во всяком случае австрийский этнограф Р.Ф. Кайндль сообщал, что в начале австрийского правления в Черновицах даже русины записывались молдаванами². Имеются также вполне достоверные материалы о проживании многих тысяч молдаван в Добрудже. О них пишет в своих записках известный экономист Ионеску де ла Брад, посетивший эти места в середине XIX в.³. А русский консул в Тульче К.Н. Леонтьев в январе 1868 г. дает следующие данные о национальном составе Тульчинского округа: турок – 11445, молдаван – 15430, татар – 10825, болгар – 9825 человек⁴. О молдаванах Добруджи пишет и Л.Д. Троицкий, посетивший эти места в сентябре 1913 г.⁵.

В данной работе мы не ставили задачи разобраться в использовании в Молдавии терминов «румынский народ» и «румынский язык». На этом мы останавливались в других своих работах⁶. Да, в русской литературе он также использовался⁷. Часто, например, цитируют специальную работу Л.С. Берга по Бессарабии и, в частности, следующие слова о том, что «молдаване –

---

¹ Прокламация находится среди материалов АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи), ф. Консульство в Бухаресте, д. 1132 (1866 г.), л. 96.

² Суляк С. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // Русин. 2012, № 1 (27), с. 17.

³ *Analele Dobrogei. Serie nouă. Anul V, nr. 2. Constanța, 1999, p. 110/*

⁴ Леонтьев К.Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты 1865 – 1872. М., 2003, с. 190.

⁵ Троицкий Л.и Раковский Х. Очерки политической Румынии. М., 1922, с. 95.

⁶ Гросул В.Я. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821 – 1866 гг.). Киш., 2014, с.46 – 58.

⁷ См., например: Арсений (Стадницкий А.Г.) Исследования и монографии по истории молдавской церкви. СПб., 1904, с. XIII.

это румыны, населяющие Молдавию, Бессарабию и соседние с Бессарабией части губерний Подольской и Херсонской; в небольшом числе живут они также в Екатеринославско губ.»¹. При этом обычно не обращают внимание на то, что видный этнограф и географ Берг, как известно уроженец Бессарабии, не говорит при этом о Валахии, Трансильвании и Добрудже и, самое примечательное, не отдают отчета в следующей фразе. Академик Берг далее пишет: «Сами себя они называют *молдован* (во множественном числе – *молдовень*)»². Но как раз это заключение и есть самое главное. Конечно, интересно как пишут о молдаванах в тех или иных странах, а также те или иные путешественники, но самоназвание и есть самосознание, все остальное вторично.

---

¹ Берг Л.С. Бессарабия. Страна – люди – хозяйство. Пг., 1918, с. 87.

² Там же.

CONTINUITATEA STATELOR: SUCEESIUNEA DE DREPT, CONTINUITATEA ISTORICĂ ȘI PERSPECTIVELE DE DEZVOLTARE A STATALITĂȚII MOLDOVENEȘTI

Alexandru BURIAN, doctor habilitat în drept, profesor universitar, director al Institutului de Cercetări Strategice al Universității de Studii Europene din Moldova, consultant științific al Institutului de Cercetări Juridice și Politice al AȘM, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar

Rezumat

În articol se analizează noțiunea de continuitate a statelor din punctul de vedere al dreptului internațional și al științei istorice. Autorul expune diverse doctrine privitor la succesiunea de drept a statelor, concomitent analizând diverse viziuni privind continuitatea istorică, pentru a demonstra perspectivele de dezvoltare a statalității moldovenești.

Cuvinte-cheie: *continuitatea statelor, succesiunea de drept, continuitate istorică, drept internațional, suveranitate, identitate, recunoaștere internațională*

CONTINUITY OF STATES: SUCCESSION LAW, THE HISTORICAL CONTINUITY AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF THE MOLDOVAN STATEHOOD

Abstract

The article analyzes the notion of continuity of states from the point of view of international law and of historical science. The author exposes the various doctrines concerning the succession of the law of the member, while analyzing the various visions on the historical continuity of the states, to demonstrate the development prospects of the moldovan statehood.

Keywords: *continuity of states, the succession law, historical continuity, international law, sovereignty, identity, international recognition*

Problema continuității statului, atât din punctul de vedere a succesiunii de drept, cât și a continuității istorice – este una dintre problemele-cheie ale dreptului internațional și relațiilor internaționale pe tot parcursul existenței umane în cadrul relațiilor interstatale.

Concomitent, aceasta este una dintre cele mai dificile probleme în relațiile internaționale, deoarece afectează în mod direct astfel de institu-

ții fundamentale ale dreptului internațional ca statul, care este subiectul de bază a dreptului internațional, instituția suveranității și recunoașterii în dreptul internațional, să nu mai vorbim despre astfel de concepte ca identitatea, moralitatea, etica, politica, ideologia, cu care se împletesc în mod constant, creând uneori conglomerate inimaginabile.

Nu mai vorbim despre faptul, că astfel de concepte ca „țara” și „stat”, care nu sunt identice, însă care sunt confundate în mod constant, în special în cazul în care apar probleme de interpretare a anumitor aspecte ce țin de identitate, suveranitate națională și de recunoaștere internațională.

În acest context, apare o întrebare firească despre o continuitatea istorică și succesiunea de drept. Sunt identice aceste noțiuni și concepte, sau totuși sunt diferite? Sunt influențate unul de altul, sau fiecare există separat, având aparatul său științific și metodele sale de cercetare?

Înainte de a răspunde la aceste întrebări, ar fi cazul să încercăm să descifrăm aceste noțiuni, pentru a percepe mai bine legătura dintre ele, sau lipsa acesteia.

În doctrina de drept internațional nu există o opinie unică referitor la raportul dintre noțiunile de „succesiune”, „continuitate” și „identitate”. Autorii sovietici au manifestat interesul față de succesiunea de drept în primul rând și în principal, din punct de vedere al dreptului tratatelor internaționale și nu au făcut diferențe între conceptele de „continuitate” și „identitate”.

Doctrina rusă de drept internațional recunoaște că Rusia este una dintre succesorii URSS, dar în acest caz se referă la o continuitate a Rusiei față de URSS, iar nu față de Imperiul Țarist.

Aceasta se referă la punctul de vedere juridic. În ceea ce privește continuitatea istorică, atunci continuitatea Rusiei moderne cu imperiul Rus, și chiar cu Rusia Chieveană, este incontestabilă, din punctul de vedere al istoricilor ruși.

Mulți savanți străini, oamenii de știință și cercetători, percep, de asemenea, identitatea și continuitatea ca sinonime. În opinia lui Vladislav Chaplinsky (Polonia), identitatea statului nu poate fi pusă la îndoială, dacă este recunoscut faptul continuității statului, și, dimpotrivă, o întrerupere a continuității, adică încetarea existenței statului, exclude

identitatea¹. În opinia lui, se vede diferența între identitate și continuitate prin faptul că la soluționarea chestiunii privind identitatea se compară două entități statale la diferite momente de timp, în timp ce continuitatea presupune că statul continuă să existe permanent.

În opinia savanților M. Bot și K. Schmidt (Germania), continuitatea juridică a statului, exprimată prin succesiunea de drept, corespunde capacității de identitate². Knut Ipsen (Germania) definește continuitatea juridică internațională ca o continuare a existenței subiectului de drept internațional în ciuda schimbărilor semnificative externe sau interne³.

Alți autori consideră că lanțul *continuitate-sucesiune* - *lipsa continuității/sucesiunii* exprimă grade diferite de o relații față de succesiunea de drept, și cred că continuitatea este ceva diferit de succesiune și chiar aceste noțiuni se exclud una pe alta. X. F. Resek (Brazilia) consideră că la baza continuității statului într-o măsură mai mare decât teritoriul și puterea suverană, este factorul populației: este imposibil de imaginat chiar dispariția temporară a populației, în timp ce teritoriul statului se află în afara controlului puterii de stat, ba chiar însăși puterea de stat ar putea să lipsească într-o situație de anarhie⁴.

O interesantă poziție exprimă colegii noștri din țările Baltice, Estonia, Letonia și Lituania⁵. Recunoscând, în linii generale, că

---

¹ Чаплинский В. Органы государственной власти в Польше XVI–XVII веков // *Вопр. истории.* – 1977. – №12. – С.151.

² Citat conform: Элен Аман. Взгляд европейских юристов на распад СССР. // *Правоведение.* -1999. - № 2. - С. 220 – 230.

³ Knut Ipsen, Christian Raap, Torsten Stein: *Wehrrecht und Friedenssicherung.* Luchterhand Verlag, Neuwied 1999.

⁴ Х.Ф. Ресек. *Международно-правовое регулирование вопросов гражданства при территориальных изменениях в Европе в XX веке: Автореф. дисс. канд. юрид. наук.* - Москва, 1999.

⁵ А се vedeа, spre exemplu: Лаури Мьялскоо. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Издательство Тартуского университета (Tartu Ülikooli Kirjastus), 2005 (Lauri Malksoo. *Anexarea sovietică și continuitatea statului: statutul juridic internațional al Estoniei, Letoniei și Lituaniei în anii 1940-1991 și după 1991.* Studiu a conflictului dintre cadrul normativ și forța drep-

problema recunoașterii continuității țărilor Baltice cu precedentele entități statale, existente în anii 1918-1940, este o chestiune destul de controversată, ei, cu toate acestea, formulează teza că continuitatea, totuși, există, dar ea a fost întreruptă de ocupația sovietică.

Fără a pune sub semnul întrebării metodele folosite de Stalin în cazul "aderării" la URSS a republicilor Baltice în 1940, nu pot fi însă de acord cu faptul că întreruperea ilegală a continuității statale conduce la faptul că însuși **continuitatea** este incontestabilă.

Este cunoscută doar maxima dreptului roman *ex injuria ius non oritur* – acțiunea ilegală (isprava ilegală) nu creează un drept, și doar faptele legale creează dreptul (*ex factis oritur ius*).

În plus, referindu-se la o lungă perioadă de inexistență reală a țărilor Baltice, o serie de savanți din domeniul dreptului internațional în mod sceptic au apreciat ideea de confirmare a continuității/identității și a dreptului de succesiune a acestor state ca "problematică" sau "dogmatic controversată"¹.

Alți savanți din domeniul dreptului internațional insistă, că recunoașterea continuității țărilor Baltice a fost simbolică, sau luată ca o decizie politică, nu neapărat reieșind din aplicarea conștientă a normelor dreptului internațional².

Oliver Dörr, chiar și a concluzionat că „această ficțiune, motivată politic, de nu poate fi explicată în cadrul normelor pozitive de drept internațional”³.

---

tului internațional. - Tartu, Editura universitatea Tartu (Tartu Ülikooli Kirjastus), 2005); СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов / Институт истории Литвы, Институт всеобщей истории Российской академии наук; составители А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. С. Лебедева; редакционная коллегия: А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. С. Лебедева, А. Ник-жентайтис, А. О. Чубарьян, Vilnius: LII leidykla, 2006; Фелдманис И. Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты (12-06-2005).

¹ O. Dörr. Die Incorporation als Tatbestand der Staatensukzession. Berlin: Duncker & Humblot, 1995, p. 49. (citată de: Лаури Мялксоо, Op.cit., p. 18).

² A se vedea: M. Koskeniemi and M. Lehto. La succession d'états dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande // 38 AFDI 1992, pp. 197–1988 (citată de: Лаури Мялксоо, Op.cit., p. 18-19).

³ Dörr. Op. cit., p. 355 (citată de: Лаури Мялксоо, Op.cit., p. 19).

Lauri Malksoo (Estonia), consideră că statutul juridic al țărilor Baltice nu poate fi evaluat în mod adecvat doar în cadrul abordărilor din punct de vedere al dreptului internațional. Fiind conștienți de faptul ce „prevede norma”, este nu mai puțin important, a ști „contextul aplicării (sau neaplicării) a normelor de drept”. Mai mult, pur și simplu pentru a cunoaște conținutul normelor de drept, juriștii ar fi cazul (în opinia lui) să însușească „maniera de comportament a statelor”, cât de confuză și lipsită de integritate nu ar fi această manieră, în unele cazuri¹.

Cu toate acestea, în opinia noastră, ar fi incorect de a exclude dreptul internațional, în general, din analiza unor sau altor evenimente, bazându-se doar pe așa-numitul „contextul aplicării (sau neaplicării) normelor de drept”, care uneori include doar așa-numitul „dreptul istoric”, „voia lui Dumnezeu” și alte pseudo-argumente menite să „justifice” unele sau altele modificări ale frontierelor de stat.

În cartea sa „Anexarea sovietică și continuitatea statului: statutul juridic internațional al Estoniei, Letoniei și Lituaniei în anii 1940-1991 și după 1991. Studiu a conflictului dintre cadrul normativ și forța dreptului internațional.” - Tartu, Editura universitatea Tartu (Tartu Ülikooli Kirjastus), 2005, Lauri Malksoo destul de rezonabil cercetează problema continuității și succesiunii de drept a țării sale, și înaintează sobru idei cu privire la interpretarea acestor concepte, pentru că și critică, conaționalii săi, deoarece decade din postulatul ideologic comun care se bazează pe „teoria ocupației”.

În lucrarea sa, autorul pornește de la ipostaza în conformitate cu care dreptul internațional și politica externă rămân de sine stătătoare, deși cu siguranță interdependente, ca fenomene și domenii de cercetare. Prin urmare, interpretările juridice a cazului țărilor Baltice sunt nu numai posibile, dar și inevitabile și necesare. Diferențele de interpretări a acestui caz de către specialiști doar arată (adesea în mod ascuns) importanța valorilor și a politicilor.

Juriștii nu ar trebui să fie înșelați cu privire la faptul că dreptul internațional se bazează pe valori și că determinarea acestor valori, cât și alegerea între ele în procesul de creare și de aplicare a normelor de drept internațional nu este niciodată un proces pur „juridic”, dar,

---

¹ Мялксоо, Ор. cit., p. 20.)

de asemenea, este un subiect de etică, moralitate¹ și, prin urmare, în mod inevitabil, și „politică”².

La moment, cercetatorii au două teorii opuse: „**teoria de ocupație**” și „**teoria anexării**”, în încercarea sa de a justifica **continuitatea** unui sau altui stat, atunci când acest lucru este problematic din punct de vedere al dreptului internațional.

Printre așa-numitele moduri primare de a dobândi teritorii se referă **ocupația**.

Ocupația – este ocuparea de către forțele armate ale statului a teritoriului, ce nu-i aparține, însă nu se manifesta prin declararea suveranității asupra ei, și, de obicei, este temporară. **Ocupația** trebuie să se distingă de la **anexare**, de la actul de aderare la un stat a teritoriului străin sau o parte din teritoriul străin în mod unilateral.

Dreptul internațional contemporan distinge trei tipuri de ocupație: Ocupația în stare de război, Ocupația postbelică și Ocupația în timp de pace.

Ocupația în stare de război. Modul și normele de drept privind ocupația militară sunt identificate în acorduri speciale internaționale, adoptate la a IV-a a Conferință de la Haga 1907, precum și de Convențiile de la Geneva din 1949, cât și protocoalele la acestea din 1977. Conform unor documente internaționale ocupația militară este o ocupație temporară efectuată de către forțele armate ale unui stat a teritoriului altui stat prin luarea în sine a celor mai importante funcții de conducere.

Un astfel de teritoriu este considerat ocupat, dacă puterea reală pe acest teritoriu a trecut în mâinile armatei inamice. Statul ocupant este obligat să respecte drepturile omului, să excludă deportările masive și măsurile de executare masivă a populației. Rezistența armată cu toate acestea, nu este factorul determinant a statutului de ocupație. Convențiile de la Geneva din 1949 (articolul 2) stipulează: "Convenția se va aplica, de asemenea, în toate cazurile de ocupație totală sau parțială a teritoriului înaltei Părți Contractante, chiar dacă

---

¹ C. Tomuschat. Ethos, Ethics and Morality in International Relations // EPIL 9, 1986, pp. 127–134.

² Мьялксоо, Op. cit., p. 20-21.

această ocupație nu va întâlni nici un fel de rezistență". Un exemplu de o ocupație în stare de război (care în mare măsură a determinat, de asemenea, necesitatea de a îmbunătăți convențiile internaționale în materia dată) pot fi considerate ocupațiile germano-fasciste a teritoriul URSS și a restului Europei în anii 1939-1945.

Ocupația postbelică. Modul și normele de drept de ocupație post-război se stabilesc, de regulă, prin tratate internaționale speciale a statelor interesate în mod special pentru această țară/teritoriu, în scopul îndeplinirii condițiilor tratatului de pace — de exemplu, în cazul aplicării contribuțiilor. Un exemplu de astfel de ocupație poate servi sistemul de ocupație adoptat la Conferințele marilor puteri de la Ialta și Potsdam privitor la sistemul de zone de ocupație postbelică în Germania și Austria în anii 1945-1949.

Ocupația în timp de pace. Modul și normele de drept a ocupației în timp de pace (engl. non-belligerent), ca și în cazul ocupației postbelice, se stabilesc acorduri interstatale speciale. Cu toate acestea, interpretarea acestui termen este complexă, deoarece există părerea că astfel de acorduri pot fi impuse prin forță.

Frapant caz de manifestare a unei astfel de dualitate este atitudinea față de introducerea trupelor sovietice în țările Baltice, în anii 1939-1940 — dacă s-a întâmplat oare o ocupație? Pe de o parte introducerea trupelor sovietice în țările Baltice s-a produs cu sancțiunea și pe baza deciziilor legitime a organelor legislative superioare ale țărilor Baltice, care au avut un sprijin pronunțat din partea majorității cetățenilor. Pe de altă parte — o serie de observatori indică la probabilitatea unui consimțământ nu destul de benevol (de bunăvoie) a republicilor Baltice, astfel cum negocierile au fost efectuate de pe poziții de putere din partea sovietică, și plus, au fost pre-acorduri privind împărțirea Europei de Est. Ca urmare, comunitatea internațională nu a elaborat o atitudine clară față de acest act.

Ca ocupații în timp de pace (ocupații neostile), de obicei, sunt considerate și numeroasele misiuni pacifitoare a trupelor ONU, NATO, ODKB și a altor organizații, dacă la o astfel de misiune există mandat ONU, legat de deciziile oficiale a Adunării Generale și/sau Consiliului de Securitate.

Anexarea - este anexarea sau alipirea cu forța de către un stat a teritoriului altui stat (totală sau parțială) în mod unilateral. Dreptul internațional contemporan consideră anexarea ca unul dintre tipurile de agresiune și în prezent, atrage după sine, pe plan internațional, răspunderea juridică.

Anexarea ar trebui să fie diferențiată de *ocupație*, care, în sine, nu atrage după sine modificarea juridică a apartenenței teritoriului. Astfel, de exemplu, Bosnia și Herțegovina, aflată încă sub ocupația Austro-Ungariei, din 1878, a fost anexată de ea numai în 1908, iar înainte de a fi anexată, formal a fost considerată teritoriul imperiului Otoman. Republica Turcă a Ciprului de Nord proclamată în 1983, după intrarea trupelor turcești în 1974, a fost recunoscută doar de Turcia, însă, cu toate acestea, nu este inclusă în componența ei.

Anexarea Crimeei este motivată de faptul că Crimeea până în anul 1954 "istoric" a aparținut Rusiei. Totodată, Crimeea a intrat în componența Rusiei, în 1783, iar înainte de asta, aproape 3 secole, a aparținut imperiului Otoman. În acest context, unii cercetători întreabă, de ce dar, nu ar anexa Crimeea Turcia, din moment ce ea a deținut-o «istoric» mai mult?

Alți cercetători se interesează, de ce Rusia nu ar renunța la Crimeea în favoarea tătarilor din Crimeea - popor, pentru care Crimeea este patria istorică, și care, de asemenea, au deținut Crimeea mai mult decât Rusia?

Însă, în acest context apar întrebările, de ce să nu fie dată Crimeea Greciei sau Italiei, dat fiind faptul că această peninsulă a aparținut cândva Greciei Antice și, mai târziu, Imperiului Roman? Cu atât mai mult, că aceasta s-a întâmplat cu mult timp mai înainte de apariția tătarilor în Crimeea, și „dreptul istoric” anume le-ar fi dat un astfel de „drept”. La urma urmei, nu a venit doar Profetul Muhammad la tătarii din Crimeea, zicându-le: „Luați, fraților, Crimeea! Крым – Ваш! Este neutră, nimănui nu aparține acest pământ”.

Evident, că toate acestea sunt un adevărat nonsens.

Concomitent, există „precedentul Kosovo”, și este necesar de menționat, că „precedentul Kosovo” – este un exemplu extraordinar

de politică de standarde duble, și a jucat un rol negativ în apariția precedentelor Abhazia, Osetia de Sud și Crimeea.

Aici, fără îndoială, trebuie să evidențiem încă un moment, care influențează procesul continuității.

Aceasta este „Teoria modificării frontierelor administrative” în cadrul imperiilor sau a unor formațiuni statale, care duce la transferul de teritorii la alte noi state, în cazul în care aceste imperii sau a alte formațiuni statale dispar. Acest proces duce la o rupere a continuității istorice.

Va spun de la bun început, că „teoria modificării frontierelor administrative” este, ca și în cazul cu „teoria ocupației” și „teoria anexării” - o ficțiune juridică (ficțiune legală)¹. Cu toate acestea, ca și în cele două cazuri anterioare, o asemenea „teorie” oferă posibilitatea de a lua în considerare problema continuității în afara statutului juridic de evaluare, bazându-se pe „contextul aplicării (sau neaplicării) normelor de drept”.

Chestiunea Crimeei – de asemenea, se referă la modificarea voluntară a hotarelor administrative în anii sovietici de guvernare, ceea ce a condus la conflictul actual între Ucraina și Rusia.

Dacă să luăm în considerație faptul, că Ucraina este stat fondator al ONU din 1945, împreună cu URSS, (deci, a fost subiect de drept internațional și în componența URSS), atunci apare întrebarea, de ce, în 1954, Crimeea a fost anexată Ucrainei doar prin modificare administrativă a frontierelor, și nu prin acord internațional, cum prevedea Statutul ONU și normele de drept internațional la acea perioadă (transferul de teritoriu poate fi legal efectuat doar prin intermediul unui acord internațional, sau prin intermediul unui referendum).

Acest lucru, de altfel, este valabil și pentru alte noi state apărute după destrămarea URSS, inclusiv Georgia, Armenia, Azerbaidjan, dar și a altor noi state, frontierele administrative ale cărora au fost voluntaristic modificate în anii de guvernare sovietică, și care a dus, în cele din urmă, la apariția conflictelor din Carabahul de Munte, Osetia de Sud și Abhazia.

De altfel, Ucraina, după destrămarea URSS, a obținut, ca rezul-

---

¹ Ficțiune Legală - tehnică juridică, care constă în presupunerea faptului, contrar realității.

tat a modificărilor administrative voluntariste a frontierelor, un imens teritoriu, multe părți ale căruia nu au nici o legătură istorică cu Ucraina, de exemplu, Sudul Basarabiei și Bucovina sau Donbas.

Dacă să ne întoarcem la chestiunea continuității Țărilor Baltice, această continuitate ar putea fi, în opinia noastră, recunoscută, dacă nu s-ar fi abuzat cu "teoria ocupației" și s-ar fi recunoscut existența statelor lor, în cadrul URSS, în calitate de "cvasi-state".

Desigur, suveranitatea acestor state a fost eviscerată, dar, oare ea nu este eviscerată și acum, când aceste state sunt membre ale UE și NATO? Oare pe teritoriul lor nu sunt trupe străine? Oare ei nu folosesc moneda unică europeană "euro", dar nu moneda sa? Veți spune, că armatele statelor membre ale NATO nu sunt ocupante? Da, dar, din punct de vedere legal, trupele sovietice, de asemenea, nu au fost trupe de ocupație. Și rubla a fost moneda republicilor Baltice, de asemenea, "la cererea oamenilor muncii", ca și acum.

Eu amintesc despre aceasta nu din considerentele, că țările Baltice "ar trebui" să se întoarcă în cadrul URSS. Doamne fereste! Eu mă refer la faptul că, din punct de vedere legal, este foarte dificil de a da o evaluare obiectivă tuturor acestor procese, fără a recurge la o varietate de diverse interpretări ce se contrazic, și fără aplicarea diverselor „teorii”.

Aproximativ aceleași probleme apar și în analiza întregului complex de probleme legate de statalitatea moldovenească.

Aceeași interpretare diferită a aceluiași evenimente istorice.

Și aici principalul nostru oponent și adversar pledează România, cu care, desigur, avem și o istorie comună, la diverse perioade, și nu poți nega acest lucru, dar cu care avem și perioade absolut diferite a istoriei, și acest lucru, de asemenea, nu poate fi negat.

Însă – se neagă. Se neagă Statul Moldovenesc, se neagă poporul moldovean, se neagă limba moldovenească. Și se aduc „dovezi” și „argumente”, că-ți pui mâinile în cap!

Se declară, în mod serios, la nivel de președinte de țară, că moldovenii și limba moldovenească sunt **inventate** de Stalin.

Nici mai mult, nici mai puțin. Adică, nu au fost niciodată moldovenii pe lume, și nu a fost niciodată limba moldovenească. Am apărut grație dorinței mustăciosului de la Cremlin.

Și cum să fie, atunci, cu muntele „Moldovanul” din Carpați? De asemenea, Stalin l-a inventat?

Iar mahalaua „Moldoveanca” de la Odesa? Oare, de asemenea, tot Stalin este de vina?

Din punct de vedere al dreptului internațional contemporan – Republica Moldova este un nou stat suveran, apărut în urma destrămării URSS, și nu este legată în mod juridic, în special în ceea ce privește succesiunea de drept, cu vechea Moldovă.

Însă, din punct de vedere al continuității istorice, Republica Moldova este indisolubil legată de Moldova medievală, în special de Țara Moldovei, și această relație se observă în toate: teritoriul, etnie, limbă, tradiții, mentalitate și așa mai departe și așa mai departe

Cu regret, în mod constant ni se interzice de a folosi aceste noțiuni și chiar de a gândi despre această continuitate istorică, explicându-ne, că nu a fost un astfel de stat, Țara Moldovei, că nu au existat astfel de oameni – moldovenii, că nu a fost o astfel de limbă – moldovenească, deoarece toate acestea, au fost inventate de Stalin.

În principiu, problemele iredentismului există nu doar în România. Aceeași problemă există și la alte popoare: albanezii din Kosovo și Macedonia, față de albanezii din Albania, armenii din Georgia, armenii din Carabahul de Munte, ungurii din Slovacia, România (Transilvania de Nord), Serbia și Ucraina (Transcarpatia), irlandezi din Irlanda de Nord, italienii în Dalmația, kazahi în Rusia, Uzbekistan și China, khmerii în Vietnamul de Sud și vietnamezi în Cambodgia, osetinii în Osetia de Nord și Osetia de Sud, polonezii în Belarus și Ucraina de Vest, rușii în Ucraina, Moldova, Kazahstan și țările Baltice față de limba rusă în Federația rusă, sârbii din Bosnia și Herțegovina, Croația și Kosovo, turcii în Bulgaria, uzbeki în Kazahstan, Tadjikistan, Turkmenistan, Afganistan și Kîrgîzstan, ucrainenii în Rusia, Polonia, Moldova și România, hutu în Republica Democrată Congo ș.a.

Cu toate acestea, indiferent de țară și popor, problemele iredentismului indisolubil sunt legate de problema continuității statelor.

În cazul României, discursul privitor la continuitatea ei cu Republica Moldova este lipsit de sens, deoarece din punct de vedere legal nu există nici un motiv.

Din punct de vedere juridic, statalitatea României începe în 1878, când a fost recunoașterea ei internațională ca stat, la congresul de la Berlin, și ea poate pretinde doar la propria sa identitate, obținută la 1878, și la continuitatea sa doar cu Principatele Valahia și Moldova, dintre Carpați și Prut, dar nu poate pretinde la o astfel de continuitate cu Moldova de Nord (Bucovina) și Moldova de Est (Basarabia), deoarece, la momentul său de recunoaștere în calitate de stat suveran, aceste teritorii făceau parte din imperiul Austriac și imperiul Rus (în baza acordurilor internaționale Austriaco-Turc din 1775, și Ruso-Turc din 1812), și aceste părți ale Moldovei nu au participat la procesul de constituire a statului Român.

Relativ continuității istorice, desigur, România poate beneficia de identitatea sa cu Principatele Valahia și Moldova, însă referitor la identitatea cu Moldova, această identitate este incompletă, deoarece Moldova de Nord (Bucovina) și Moldova de Est (Basarabia) pe parcursul a mai mult de 2 secole au fost parte componentă nu a României, ci a altor state (Imperiul Austriac, Imperiul Austro-Ungar, Imperiul Rus, URSS, Ucraina, Republica Moldova).

Republica Moldova, se identifică ca stat independent din 1992, când a fost recunoscută ca stat independent de către ONU, și din punct de vedere juridic este succesoare de drept a URSS; în ceia ce privește drepturile și obligațiile RSS Moldovenești, și nu poate pretinde la continuitatea sa juridică cu Țara Moldovei.

Țara Moldovei, ca identitate statală, cu statut de stat independent, a existat începând cu secolul XIV, 2 februarie 1365, când a fost recunoscută de regele maghiar și până la 1538, când a început campania sultanală în Moldova. Formal, Țara Moldovei, în limita frontierelor sale istorice, a existat în componența Imperiului Otoman până la 1775, când a avut loc prima dezmembrare a țării, Moldova de Nord (Bucovina) fiind alipită la Imperiul Austriac. A doua dezmembrare a Țării Moldovei s-a produs la 1812, când Moldova de Est (Basarabia) a fost alipită la Imperiul Rus. A treia, și ultima dezmembrare, s-a produs la 1859, când a s-a format Unia Moldo-Vlahia, redevinută în România în 1862, care a devenit stat independent în 1878, la Congresul de la Berlin.

Relativ continuității istorice, Republica Moldova poate pretinde la identitatea sa cu Principatul Țara Moldovei, inclusiv Moldova de Vest (Moldova dintre Carpați și Prut) și Moldova de Nord (Bucovina), dar nu poate justifica astfel de pretenții față de restul României – Muntenia, Oltenia, Transilvania, Banat, Dobrogea.

De asemenea, relativ continuității istorice, Republica Moldova poate pretinde la identitatea sa cu Sudul și Nordul Basarabiei, actualmente parte componentă a Ucrainei.

Din acest punct de vedere, pentru România, statalitatea moldovenească este, fără îndoială, un pericol, deoarece până în prezent problemele de identitate nu sunt rezolvate nici în România. În mod deosebit, acest lucru se simte în Transilvania, dar ecouri vizibile sunt și în Dobrogea, și în Banat, și în Moldova dintre Carpați și Prut. De aceea, consolidarea statului Moldovenesc în cadrul Republicii Moldova, ar putea fi pentru România un adevărat „cadou”.

Printre altele, tot cu „cadouri” și cu consecințe imprevizibile pentru România se poate încheia și așa-zisa „unire” a României și Republicii Moldova, deoarece acest eveniment, în cazul dacă va avea loc, va mobiliza Ungaria spre acțiuni adecvate în Transilvania, care ar putea „interesa” Bulgaria și Serbia, să inițieze „activități” similare în Dobrogea și în Banat, transformând România într-o „nouă Iugoslavie, model a anilor 90”.

Referințe bibliografice

1. A. Zimmermann. Staatennachfolge in völkerrechtliche Verträge. Zugleich ein Beitrag zu den Möglichkeiten und Grenzen völkerrechtlicher Kodifikation. — Berlin: Springer, 2000, p. 50.
2. Burian Alexandru. Geopolitica lumii contemporane. - Ed. a 2-a, rev. și adăug. Chișinău: CEP USM, 2008, p. 327 - 360.
3. Burian Alexandru. Moldovan Statehood: geopolitical perspective and prospects. In: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale, nr. 2, 2008, p. 37 - 49. [On-line]: <http://rmdir.md/pdf/RMDI-RI,%202008,%20Nr.%202.pdf>. (Посещение сайта: 22.03.2017).
4. C. Tomuschat. Ethos, Ethics and Morality in International Relations // EPIL 9, 1986, pp. 127–134.
5. Knut Ipsen, Christian Raap, Torsten Stein: Wehrrecht und Friedenssicherung. Luchterhand Verlag, Neuwied 1999.

6. O. Dörr. Die Incorporation als Tatbestand der Staatensukzession. Berlin: Duncker & Humblot, 1995, p. 49.
7. M. Koskeniemi and M. Lehto. La succession d'états dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande // 38 AFDI 1992, pp. 197–8.
8. Буриан Александр. Федерализация Евросоюза и перспективы НАТО. In: REGNUM, Москва, 12 декабря 2012 г. [On-line]: <https://regnum.ru/news/1603510.html#ixzz2U8v97sv2> (Посещение сайта: 22.03.2017).
9. Лаури Мьялсоо. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Издательство Тартуского университета (Tartu Ülikooli Kirjastus), 2005.
10. СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов / Институт истории Литвы, Институт всеобщей истории Российской академии наук; составители А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. С. Лебедева; редакционная коллегия: А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. С. Лебедева, А. Никжентайтис, А. О. Чубарьян, Vilnius: LII leidykla, 2006.
11. Фелдманис И. Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты (12-06-2005). (Проверено 28 марта 2011).
12. Х.Ф. Ресек. Международно-правовое регулирование вопросов гражданства при территориальных изменениях в Европе в XX веке: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - Москва, 1999.
13. Чаплинский В. Органы государственной власти в Польше XVI–XVII веков // Вопр. истории. – 1977. – №12. – С.151.
14. Элен Аман. Взгляд европейских юристов на распад СССР. // Правоведение. -1999. - № 2. - С. 220 – 230.

ROMÂNIA ȘI REPUBLICA MOLDOVA, STATE DE FRONTIERĂ. ASEMĂNĂRI, DEOSEBIRI, PERSPECTIVE

*Florin PINTESCU, doctor în istorie, conferențiar universitar,
Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România*

Rezumat

Partea practică, de analiză, a articolului prezintă mai întâi asemănările dintre România și Republica Moldova: România și Republica Moldova sunt locuite majoritar de un etnos neolatin, ortodox; ambele sunt, din punct de vedere geopolitic, torn countries („țări sfâșiate” – Samuel P. Huntington); acestea sunt weak states („state slabe” – Francis Fukuyama), care trebuie consolidate, în vederea asigurării liniștii și prosperității cetățenilor. La capitolul deosebiri sunt menționate cele de potențial economic și militar (în favoarea României), apartenența României la NATO versus neutralitatea Republicii Moldova, apartenența României la UE versus parteneriatul de cooperare între Republica Moldova și UE, în paralel însă cu posibilitatea ca acest stat să se îndrepte către Uniunea Vamală Eurasiatică. În plus, este menționat antirusismul latent din societatea românească versus neutralitatea sau sentimentele pro-ruse existente în rândul populației din Republica Moldova.

În finalul articolului, autorul menționează trei principii care ar trebui să stea la baza unor relații corecte dintre România și Republica Moldova: asumarea onestă a trecutului lor istoric comun; guvernarea de către liderii lor în raport cu principiile de bază ale geopoliticii; evitarea, în plan geopolitic, a pozițiilor „centriste” sau unilaterale și practicarea multilateralismului geopolitic.

***Cuvinte-cheie:** România, Republica Moldova, geopolitică, state sfâșiate, state slabe, multilateralism*

ROMANIA AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA, FRONTIER STATES. SIMILARITIES, DIFFERENCES, PERSPECTIVES

Abstract

The practical, analytical part of the article firstly presents the similarities between Romania and Moldova Republic: they are mainly inhabited by a neo-latin, Orthodox ethnos; both countries are, geopolitically speaking, torn countries (Samuel P. Huntington); they are weak states (Francis Fukuyama), which must be strengthened in order to ensure peace and prosperity for the citizens. As for differences, there are mentioned the ones with economic and military potential (in behalf of Romania), Romania's NATO membership versus Moldova Republic's neutrality, Romania's EU membership versus the partnership of cooperation between Moldova Republic and EU, yet in parallel with the possibility that this state

is to move towards to the Eurasian Customs Union. In addition, it is mentioned the anti-Russianism from the Romanian society versus the neutrality or the pro-Russian feelings existing among the inhabitants of Moldova Republic.

At the end of this article, the author mentions three principles which should underpin some proper Romania-Moldova relations: honest assuming their common historical past; governance by their leaders in relation with the basic principles of geopolitics; avoiding, geopolitically speaking, the "centrist" or unilateral positions and practicing the geopolitical multilateralism.

Keywords: Romania, Republic of Moldova, geopolitisc, torn countries, weak states, multilateralism

Semnificația dinamică a termenului „frontieră”. În limbajul comun, termenul frontieră trimite de regulă la o noțiune statică, legată de delimitarea unor realități materiale sau constructe teoretice (ex.: frontieră de stat, frontieră administrativă, frontieră culturală, frontieră lingvistică, frontieră a științei etc.). În limbajul geopoliticii, termenul „frontieră” poate avea, în funcție de autori sau context, un înțeles static sau dinamic.

Din punct de vedere sociologic și geopolitic, termenul „frontieră” (*frontier*) a fost lansat de către istoricul american Frederick J. Jackson Turner (1861-1932) în 1893, printr-un eseu faimos (*The Significance of the Frontier in the American History*), prezentat la o întâlnire organizată pe 12 iulie 1893 la Chicago de către American Historical Association. Eseul în cauză a fost publicat pe 24 decembrie 1893 în „Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin” apoi în „Report of the American Historical Association” (pentru anul 1893)¹. Ulterior, el a constituit peste 28 de ani capitolul I al unei culegeri de 13 eseuri intitulată *The frontier in American History*².

În viziunea sociologului și geopoliticianului Ilie Bădescu, „fenomenul frontierei” este văzut drept „totalitatea proceselor prin care se manifestă o expansiune istorică, fie a unui popor, fie a unei civilizații, fie a unei religii sau ideologii ori, în fine, a unui imperiu”³.

---

¹ Frederick Jackson Turner (1921), *The Frontier in American History*, New York, Henry Holt and Company, p. 1, nota 1.

² *Ibid.*, pp. 1-38.

³ Ilie Bădescu, Dan Dungaciuc et al. (1995), *Sociologia și geopolitica frontierei*, vol. 1, București, Editura Floare Albastră, p. 1.

Fenomenul „frontierei” în scrierile geopoliticienilor din România și Republica Moldova. Școala română de geopolitică a consacrat studii esențiale privind influența fenomenului frontierei asupra spațiului românesc mai cu seamă în perioada interbelică. Aceste studii, ale căror concluzii rămân valabile până astăzi, propagau o viziune geopolitică defensivă: România Mare nu reprezintă un stat artificial, rezultat al Primului Război Mondial, ci este un „stat de necesitate europeană” (Nicolae Iorga). Totodată, studiile în cauză căutau să demonstreze că unirea din 1918 a reprezentat o „revanche de la géographie contre l’histoire” (formula îi aparține lui Jacques Ancel, însă a fost popularizată în România în special de Gh.I. Brătianu și Ion Conea), ajutată de dreptul istoric, conștiința și lupta comună a românilor din Moldova, Muntenia și Transilvania în vederea realizării acestui deziderat.

În România interbelică s-a scris mult despre frontiere, văzute mai mult sub aspectul lor static. Există însă și studii care reflectă viziunea dinamică, de tip anglo-saxon, asupra acestora. În mod concret, spațiul românesc este văzut ca fiind integrat spațiului european, formând un avanpost al Europei și al „frontierei” europene, contrapus Asiei.

Adept al sistemului ratzelian al teoriei *statului organic*, savantul român Simion Mehedinți (1869-1962) publica în 1914 un articol intitulat *România în marginea continentului. O problemă geopolitică românească și europeană*. În articolul în cauză, el considera că România este un stat de importanță europeană, implicat în „chestia orientală”, constituind un avanpost al Europei (și, implicit al frontierei europene) în fața stepelor euro-asiatice. În acest context, „chestia orientală” și, implicit, România este încadrată într-un ansamblu geografic vast: „... chestia orientală se leagă însă acum, nu numai de strâmtoarele dintre Egeea și Marea Neagră, ci și de istmul dintre Marea Neagră și Baltică; se întinde adică peste toată fațada continentală a Europei răsăritene”¹.

Analizând rolul geoistoric al Moldovei în general și al frunțărilor ei răsăritene în special, Simion Mehedinți conchide că „înce-

---

¹ Simion Mehedinți (1943), *Opere complete*, vol. I, *Geographica*, partea a doua, București, Fundația Regală pentru Literatură și Artă, p. 87

pând din Pocuția (colțul dintre Prut și Ceremuș) și până la Gura Nistrului, *marginea de răsărit a Moldovei a fost hotarul răsăritean al Europei* – subl. S.M. (cum fusese și în antichitate)”¹.

Concluzia finală a acestui articol accentuează părerea lui Simion Mehedinți că pământul românesc a reprezentat și reprezenta (în perioada celui de-al doilea război mondial, nota ns.) extremitatea estică – din punct de vedere geografic și geopolitic – al Europei.

„Marginea răsăriteană a pământului dacic a fost din antichitate până azi hotarul de răsărit al Europei și continuă încă să fie. Înainte de a izbucni războiul mondial (1914-1918), un vestit geograf german, căutând o împărțire cât mai naturală a feței pământului în regiuni geografice, găsisese că Rusia nu face parte din Europa, ci merită mai curând numele de „Marea Siberie” (Gross-Sibirien). Prin urmare, întemeiați și pe această constatare obiectivă, socotim justificată afirmarea că cetatea carpatică și împrejurimile ei, formează *bastionul cel mai înaintat al Europei spre răsărit* (subl. S.M.); că poporul carpatic a fost timp de trei mii de ani, ca *popor mărghiaș* (*Randvolk*, subl. S.M.), o strajă de continuă veghe, și prin urmare nu e o semeție verbală, ci un adevăr pipăit, dacă acordăm Nistrului însușirea de „simbol geopolitic”².

Studiind ca nimeni altul influența geografiei asupra istoriei poporului român, așezat într-o poziție geopolitică dificilă, Gh.I. Brătianu (1898-1953) constata că această poziție a trezit (și încă trezește) interesul marilor puteri iar „interesul istoric pe care îl trezește o regiune geografică este un privilegiu ce se plătește scump”³. Același autor considera că cei doi „factori esențiali” care au determinat sensul și direcția unității românești au fost Muntele și Marea, iar frontiera românească (atât în sens dinamic, cât și static) a tins să se extindă

---

¹ Simion Mehedinți, *România în marginea continentului. O problemă geopolitică românească și europeană*, în Emil I. Emandi, Gh. Buzatu, Vasile S. Cucu – editori (1994), *Geopolitica*, vol. I, Iași, Editura Glasul Bucovinei, pp. 134-135.

² *Ibid.*, p. 143.

³ Gh. I. Brătianu, (1988), *Marea Neagră. De la origini până la cucerirea otomană*, vol. 1, traducere de Michaela Spinei, ediție îngrijită, studiu introductiv, note și bibliografie de Victor Spinei, București, Ed. Meridiane, p. 87. Editio princeps: *La mer Noire. Des origines à la conquête ottomane*, Monachii (München), Societas Academica Dacoromana, Acta Historica, IX, 1969.

natural, de la munte la mare. Principatele Moldova și Țara Românească, înființate în zone muntoase „nu au putut să trăiască și să se dezvolte liber decât în funcție de mare”¹ (de posibilitatea accesului la mare, nota ns.). Este absolut clar că, fără accesul la Marea Neagră și, implicit, la Oceanul Planetar, România ar fi în poziția de neînviat de „Land-Locked State”², iar potențialul său geopolitic, geoeconomic și geostrategic ar fi drastic diminuat.

Contribuția lui Gh.I. Brătianu la analiza fenomenului frontierei românești (în sens dinamic, definit la începutul acestui articol) poate fi cel mai bine surprinsă în analizele sale privitoare la **Spațiul de securitate românesc**, concept geopolitic cheie inventat în timpul celui de-al doilea război mondial și opus teoriei „spațiului vital” (*Lebensraum*) și complementar celui de „spațiu etnic” („spațiul locuit de același popor, în sensul de națiune: comunitate de origine, limbă, conștiință comună etc”)³.

Gh.I. Brătianu arată textual că „spațiul de securitate este după noi acela care cuprinde acele regiuni și puncte fără de care o națiune nu poate îndeplini nici misiunea ei istorică, nici posibilitățile care alcătuiesc destinul ei”⁴.

În viziunea autorului, spațiul de securitate românesc „se întinde de la Dunăre și Nistru, până în Crimeea... În spațiul nostru de securitate intră de asemenea și problema strămtorilor, prelungirea gurilor Dunării și a Porților de Fier, care-i reglează cursul, după cum intră și aceea a bazelor aeriene și navale ale Crimeii. Nu ne poate fi indiferent, chiar dincolo de hotarul nostru, cine le stăpânește”⁵.

Post 1990, principalul analist al spiritului „frontierei” româ-

---

¹ Idem (1943), *Origines et formation de l'unité roumaine*, București, Institutul de Istorie Universală „N. Iorga”, p. 37.

² Martin Ira Glassner (1996), *Political Geography*, New York et al., Jonh Wiley & Sons, Inc., cap. 29 (*Land-Locked States*), pp. 467-478, cu prezentarea acestora, analize și hărți.

³ Gh.I. Brătianu (1942), *Chestiunea Mării Negre*, ediție îngrijită de Ion Vernescu, vol. I, Universitatea București, Facultatea de Filosofie și Litere, p. 36. Curs șapirografi.

⁴ *Ibid.*, p. 37.

⁵ *Ibid.*, p. 30.

nești a rămas, indiscutabil, profesorul Ilie Bădescu. Concluziile sale autorizate asupra acestui subiect au fost expuse cu precădere într-o lucrare apărută în 1995, la care este coordonator și coautor¹.

Oferim în continuare două citate semnificativ din această lucrare care, în fond, constituie punctul de plecare al analizelor noastre.

„Fenomenul frontierei este ocazia unui popor de a-și verifica puterea de conservare a identității. Astăzi, popoarele nu se mai raportează unele la altele, ci, fiecare separat și toate laolaltă, la unul și același fenomen: frontiera europeană. Europa este un *fenomen de frontieră universală*. Acest lucru înseamnă că fiecare popor de pe planetă se confruntă, în epoca modernă, cu fenomenul *frontierei europene*. În sensul acesta, fiecare popor lucrează la soluționarea aceluiași probleme ridicate de *expansiunea europeană*. Deși are caracter universal, frontiera europeană se manifestă, de fiecare dată, ca ansamblu de *procese economice, sociale, politice, gnoseologice, culturale și psihologice* absolut specifice, inconfundabile de la un popor la altul”².

În continuare, Ilie Bădescu arată că popoarele sunt afectate de fenomenul frontierei în funcție de calitatea elitelor lor.

„Popoarele se raportează la procesele frontierei *prin mijlocirea elitelor lor*. De aceea, calitatea elitelor unui popor este calitatea raportării lor la procesele frontierei. ... Pe măsură ce înaintează în spațiu și timp, frontiera devine un *fenomen social total*, influențează deci toate celelalte procese, astfel că se manifestă și ca proces economic, dar și ca proces politic, cultural, psihologic și mai ales gnoseologic. Iată de ce *frontiera* reprezintă cadrul cel mai adecvat pentru studiul *alterității popoarelor și al tuturor celorlalte comunități*”³.

Menționăm că majoritatea ideilor din *Sociologia și geopolitica frontierei* privitoare la fenomenul „frontierei” au fost reluate în capitolele din volumul I al tratatului său de geopolitică, publicat în 2004⁴.

Oleg Serebrian (13 iulie 1969, Hădărăuți –), a studiat istoria și

---

¹ Ilie Bădescu, Dan Dungaciu et al. (1995), *Sociologia și geopolitica frontierei*, vol. 1 și 2, București, Editura Floarea Albastră.

² *Ibid.*, p. 2.

³ *Ibid.*

⁴ Ilie Bădescu (2004), *Tratat de geopolitică*, București, Editura Mica Valahie.

dreptul la Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă” din Chișinău și s-a specializat în relații internaționale la Institutul European de Înalte Studii Internaționale din Nisa. Ambasador al Republicii Moldova în Franța, UNESCO și Germania (post 2010), Oleg Serebrian este cel mai important geopolitician al Republicii Moldova, din cadrul celor cu viziune pro-europeană. Principalele sale lucrări de geopolitică sunt *Geopolitica spațiului pontic* (ediția a doua Chișinău, 2006), *Politica și Geopolitica* (Chișinău, 2004), *Despre geopolitică* (Chișinău, 2009), *Rusia la răspântie: geoistorie, geocultură, geopolitică* (Chișinău, 2014). Acest autor a analizat cu foarte mare acuitate deficiențele poziției geografice (și, implicit, geopolitice și geostrategice) a Republicii Moldova, stat de frontieră situat la intersecția sferelor de influență ale Rusiei și UE. Redăm succint o parte din ideile sale, deoarece „frontiera” rusă influențează, a influențat, influențează și probabil va influența situația din Republica Moldova și România.

Oleg Serebrian arată că **„Republica Moldova este o frontieră** (subl.ns.), mai exact un *limes* între romanitatea orientală și slavitatea orientală, între Europa de Sud-Est, Europa Centrală și Europa de Est, între spațiul de integrare europeană și cel de „dezintegrare eurasiatică”, între spațiul de securitate euroatlantic și zona de interese militare rusești directe”¹.

Această „frontieră” se confruntă însă, în viziunea autorului, cu o serie de riscuri. Astfel, frontierele etno-lingvistice ale țării nu sunt compacte, existând o populație ruso-ucraineană care formează un sfert din populația țării și o populație bulgaro-găgăuză în sud-vestul țării². În plus, „nici majoritatea românească nu are o frontieră etnică simplă, ea fiind perforată pe tot cuprinsul Republicii Moldova de micile enclave ruso-ucrainene, în timp ce „peninsule” și „insule” de populație românească radiază de-a lungul întregii frontiere moldo-ucrainene”³.

În continuare, geopoliticianul din Chișinău arată că etnosul romanic din Republica Moldova are o problemă de identitate: români

---

¹ Oleg Serebrian (2009), *Perspectivile geostrategice ale Republicii Moldova*, în Idem, *Despre geopolitică*, Chișinău, Editura Cartier, p. 78.

² *Ibid.*, p. 81.

³ *Ibid.*

sau moldoveni?, una de opțiune strategică: UE sau Comunitatea Statelor independente? (în anul 2009, în momentul scrierii lucrării; acum, Uniunea Euroasiatică, nota ns.) și una de organizare: stat unitar sau stat federal? (datorită presiunii minorităților neromâne, nota ns.). Totodată, mai sunt luate în calcul resursele naturale limitate, ritmul lent al reformelor social-economice, calitatea de „zonă-tampon” a țării¹.

Oleg Serebrian identifică trei tipuri de probleme cu care se confruntă Republica Moldova: „Siguranța națională a acestei țări este sfidată de o serie de factori de natură *internă* (conflictele teritoriale interne, slaba coeziune internă a națiunii, criminalitatea elitelor politice și economice, degradarea fizică și spirituală a națiunii), *externă* (poziția rezervată sau chiar ostilă a Rusiei și Ucrainei, dependența excesivă de resursele energetice importate), precum și *extrateritorială* (transformarea teritoriului Republicii Moldova într-un loc de trafic și de tranzacții privind comercializarea drogurilor, a armamentului sau a oamenilor)”².

Specificul relațiilor dintre România și Republica Moldova. Asemănări, deosebiri și perspective. România și Republica Moldova sunt țări mici, cu potențial geostrategic, geoeconomic și geocultural redus, motiv pentru care, prin ele însele, sunt actori statali secundari în jocul geopolitic internațional. Cu toate acestea, ambele țări sunt așezate „în calea tuturor răutăților” (Miron Costin), motiv pentru care supraviețuirea lor ca state independente depinde enorm de contextul geopolitic regional și internațional. Sau, așa cum arătam într-un articol publicat în 2011, relațiile bilaterale dintre România și Republica Moldova au fost, sunt și vor fi încă influențate de un complex de factori care acționează practic simultan:

1. Afinitățile istorice, culturale, religioase, lingvistice etc. stabilite de câteva sute de ani între etnosul neolatin din România și Republica Moldova;
2. Politicile regionale și transnaționale ale Uniunii Europene, confederație de state în care România este integrată și a cărei politică trebuie să o urmeze.
3. Poziționarea României și a Republicii Moldova la intersecția

---

¹ *Ibid.*, pp. 81-82.

² *Ibid.*, pp. 83-84.

intereselor geoeconomice și geostrategice ale Uniunii Europene, Rusiei și NATO¹.

Influența acestui complex de factori poate fi estompată/eliminată numai în contextul în care fenomenul globalizării va avansa de o așa manieră încât va conduce la eliminarea statelor naționale. Considerăm totuși exclusă această posibilitate, cel puțin pentru următorul deceniu, în urma renașterii militare fenomenale a Rusiei (Federației Ruse) și a avântului economic al Chinei.

Până atunci însă, o politică înțeleaptă, asumată de liderii ambelor state, ar trebui să fie ghidată de asemănările și deosebirile dintre ele. Numai pe baza acestora pot fi create, în opinia noastră, perspective corecte de dezvoltare. Însă, la baza perspectivelor în cauză trebuie să stea un fapt esențial: România și Republica Moldova să fie conduse numai de către elitele „reale”, în sensul desemnat de cunoscutul sociolog italian Vilfredo Federico Damaso Pareto, nu de cele „cu semnul minus”².

Asemănări între România și Republica Moldova, în plan general geopolitic

Asemănările dintre cele două state își au în primul rând originea în trecutul lor cultural-istoric, mai îndepărtat sau mai recent. Sintetizate pe scurt, acestea sunt următoarele:

1. România și Republica Moldova sunt locuite majoritar de un etnos neolatin, ortodox.

---

¹ Florin Pintescu (2011), *Relațiile bilaterale dintre Republica Moldova și România în perioada 2000-2010. Considerații geoeconomice și geostrategice*, în „Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale”, Chișinău, nr. 3, 2011, p. 34.

² „Ce este o elită cu semnul minus? Aceea în care se adună cei ai căror indici de capacitate reală se află sub nivelul indicilor de capacitate ceruți de titlurile ocupate (<<etichetele>> corespunzătoare locului deținut într-o <<clasă>> a societății). Elita, în sensul sociologiei paretiene, îi cuprinde pe toți cei care au indicii maximi de capacitate. Din acest punct de vedere vom constata că acest concept al lui Pareto este un concept teoretic, redă, adică, un caz limită. Oricum, elita reprezintă o <<clasă pozitivă>> la Pareto, adică acea „clasă” care grupează cele mai înalte capacități în raport cu titlurile (<<etichetele>> corespunzătoare” – Ilie Bădescu (2010), *Trăsături ale neo-imperialismului* în Ilie Bădescu, Lucian Dumitrașcu, Veronica Dumitrașcu (2010), *Geopolitica noului imperialism. Teorii vechi și noi. Introducere în geoscopia dominației*, București, Editura Mica Valahie, p. 34.

2. Ambele sunt, din punct de vedere geopolitic, *torn countries* („țări sfâșiate” – Samuel P. Huntington).

3. Aceste țări sunt *weak states* („state slabe” – Francis Fukuyama), care trebuie consolidate, în vederea asigurării liniștii și prosperității cetățenilor.

În continuare, punem la dispoziția cititorilor o serie de elemente minimale, care să probeze aserțiunile noastre.

1. Am tratat deja *in extenso* această problemă într-un articol scris în cheie geoculturală, publicat în cursul anului trecut¹. Spre finalul acestui articol, scriam următoarele:

„Pentru a prezenta cât mai plastic situația religioasă a credincioșilor ortodocși din Republica Moldova apelăm din nou la o comparație împrumutată de la părintele Martin H. Lissmann. Cât încă rămăsese lutheran, prin 1965, acesta denumea plastic Roma drept <<mamă>> iar Constantinopolul <<mătușă>>² (cu referire la originile doctrinare ale curentelor protestante din veacul XVI, nota ns.).

În continuare, arătăm următoarele: „credem că această sintagmă se potrivește și pentru Republica Moldova, a cărei „mamă” este România (pe filieră etnică, istorică și religioasă), iar Rusia îi este măcar parțial (pe filieră istorică și religioasă) „mătușă”.

În plus, etnosul majoritar din Republica Moldova este neolatin (ținând astfel de Roma!), cu religie greco-ortodoxă (ținând de Constantinopol!). Din punct de vedere geopolitic, acest stat este „condamnat” să se modernizeze în raport cu rețeta occidentală (singura care a avut succes în istorie, până în prezent), pe fondul păstrării tradițiilor culturale și religioase care țin însă de vechiul Constantinopol, nu de vechea Romă”³.

---

¹ Florin Pintescu (2016), *Republica Moldova între Roma și Constantinopol sau mitul eternei reînnoierii: o problemă geopolitică perenă*, în „Jurnalul Libertății de Conștiință/Journal for Freedom of Conscience, nr. 4, 2016, Editions IARSIC, pp. 389-402. Articolul citat al părintelui Martin H. Lissmann, cu studii teologice profunde în curentele protestante și romano-catolicism, convertit la ortodoxie în România de circa 40 de ani: Martin H. Lissmann (2016), *Adevărul nu poate aștepta*, partea I, în „Familia Ortodoxă”, nr. 4 (87), aprilie 2016, p. 61.

² Florin Pintescu (2016), *Republica Moldova între Roma și Constantinopol sau mitul eternei reînnoierii: o problemă geopolitică perenă*, pp. 399-400.

³ *Ibid.*, p. 400.

Adăugăm în plus doar faptul că și pentru România, Roma este „mamă bună”, iar Constantinopolul „mătușă”. De aceea, prin Constantinopol, România are rădăcini cultural-religioase comune cu Rusia și, cu atât mai mult, cu Republica Moldova.

2. În conformitate cu aprecierea lui Samuel Huntington, o *torn country* („țară sfâșiată”) are „o singură cultură predominantă, prin intermediul căreia aparține unei civilizații, dar conducătorii ei vor să o transfere în altă civilizație... De regulă, o parte importantă dintre conducători adoptă o strategie kemalistă (ce ține de Mustafa Kemal supranumit „Atatürk”, nota ns.) și decid că societatea lor ar trebui să respingă cultura și instituțiile ei nonoccidentale, să se alătore Occidentului, să se modernizeze și să se occidentalizeze”¹.

Evident, deși etnosul majoritar din România și Republica Moldova vorbește o limbă neolatină (fie că este numită de unii „limba română”, iar de către alții „limba moldovenească”²), a avut o evoluție istorică generală diferită până în prezent față de latinitatea din vestul Europei, iar viața sa materială și spirituală a fost puternică influențată de cultura și civilizația bizantină, slavă și chiar turco-otomană (inclu-

---

¹ Samuel P. Huntington, *Ciocnirea civilizațiilor și refacerea ordinii mondiale*, traducere din limba engleză de Liana Stan, București, Editura Litera, 2012, p. 195. Vezi și ediția engleză autoritativă a acestei lucrări: Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, Reading (Berkshire), Cox and Wyman Ltd. (paperback), 1998, p.138.

² Charles King (2005), *Moldovenii. România, Rusia și politica culturală*, traducere de Diana Stanciu, Chișinău, Editura Arc, 2005, pp. 5-6. „Ideea că moldovenii (cei din Republica Moldova, nota ns.) sînt o națiune distinctă, în sensul obișnuit al cuvântului, este problematică astăzi. Limba pe care o vorbesc ei este româna, chiar dacă a fost numită mult timp *moldovenească* de locuitorii din zonele rurale și este în continuare numită astfel în constituția republicii postsovietice. Istoria Moldovei moderne este o parte ce nu poate fi ignorată a istoriei mai largi a latinității răsăritene, regiune ce se întinde de la pădurile Transilvaniei și dealurile Bucovinei, în nord, până la Cîmpia Dunării și Marea Neagră, în sud, și pînă la dealurile rotunde și stepele ce se întind de-a lungul Nistrului, în est ... Atît istoria, cît și cei ce fac istoria le-au creat moldovenilor de astăzi (celor din Republica Moldova, nota ns.) un sentiment nesigur de diferențiere. Majoritatea recunosc fără rețineră că vorbesc o limbă asemănătoare cu româna (formele literare ale celor două limbi nu se deosebesc deloc astăzi), dar ei refuză, în același timp, să se definească, în ce privește naționalitatea, „doar” ca români”.

siv cu elementul său fanariot). De aceea, nu este de mirare că liderii celor două țări au încercat o strategie kemalistă și ante 1989 și post 1990. Evident, România și Republica Moldova nu s-au transformat în „țări occidentale”, ci în „țări sfâșiate”.

Sub acest aspect, emitem cu toată responsabilitatea o opinie care, credem, este singulară în peisajul științific din România de astăzi: Rusia a încercat să se occidentalizeze încă din secolul XVIII într-o manieră mai amplă și mai decisă decât au încercat-o și o încearcă România și Republica Moldova de astăzi. Evident, acest lucru trebuie pus pe seama resurselor sale mult mai vaste. În plus, procesul de „modernizare, nu occidentalizare” (ținând cont de „tradițiile, instituțiile și valorile proprii”, pentru a rămâne în tonul recomandării explicite în acest sens al lui Samuel P. Huntington)¹ al Rusiei, României și Republicii Moldova continuă și în prezent.

3. Chestiunea consolidării „statelor slabe” a fost pusă de Francis Fukuyama într-o lucrare celebră apărută în 2004, ale cărei argumente sunt valabile până în prezent. Astfel, autorul American arată următoarele: „For the post-September 11 period, the chief issue for global politics will not be how to cut back on stateness but how to build it up. For individual societies and for the global community, the withering away of the state is not a prelude to utopia but to disaster. A critical issue facing poor countries that blocks their possibilities for economic development is their inadequate level of institutional development. They do not need extensive states, but they do need strong and effective ones within the limited scope of necessary state functions”². Considerăm că analiza obiectivă a istoriei României și Republicii Moldova post 1990 nu mai necesită adăugiri suplimentare la argumentația savantului american. Pentru a diminua corupția endemică, pentru a oferi locuri de muncă și bunăstare cetățenilor, este necesară întărirea instituțiilor statale în cele două state supuse analizei.

Statul trebuie să devină principalul investitor în România și Republica Moldova, precum este în Rusia, China, Turcia, Brazilia,

---

¹ Samuel P. Huntington, *op. cit.*, p. 219 ediția română, p. 154 ediția engleză.

² Francis Fukuyama (2004), *State-Building. Governance and World-Order in the 21st century*, Ithaca, New York, Cornell University Press, p. 120.

deoarece capitalul de tip „speculativ” occidental (cel de tip „productiv” rămâne, de regulă, în majoritatea sa, în țările de origine), nu face în fond decât să inducă pauperizare și subdezvoltare în țările subdezvoltate în care își exercită influența¹.

Deosebirea dintre cele două state, cuantificabile în plan general geopolitic. La capitolul deosebiri, notăm aici doar pe cele legate de potențialul economic și militar, mai mare în cazul României și de apartenența la anumite configurații geopolitice.

Din punct de vedere geostrategic, România este membră a NATO, iar Republica Moldova și-a asumat practic, prin articolul 11 din Constituție, neutralitatea față de această organizație politico-militară.

Din punct de vedere geoeconomic, România face parte din Uniunea Europeană, iar Republica Moldova are un parteneriat de colaborare cu această organizație însă, în contextul continuării cu succes a ofensivei geopolitice a Rusiei, poate să se îndrepte spre Uniunea Vamală Euroasiatică.

Din punct de vedere geocultural, în societatea românească se păstrează sentimente anti-ruse considerabile (personal, le considerăm, în această epocă istorică, un non-sens), reminescentă practică a Războiului Rece și sentimente pro-UE și pro-NATO puternice. În Republica Moldova, situația este inversă: sentimentele anti-ruse există într-o măsură mult mai redusă, predominând în mod clar sentimentele de neutralitate față de Rusia sau sentimentele pro-ruse. În schimb, atașamentul față de UE și NATO (dacă există, în acest ultim caz), sunt considerabil mai reduse decât în România².

---

¹ Din literatura vastă consacrată acestei probleme recomandăm cititorului în special 3 lucrări recente: John Perkins (2010), *Confesiunile unui asasin economic*, traducere Ana Budică, București, Editura Litera Internațional, *passim*; Claude Karnoouh (2014), *Raport asupra postcomunismului și alte eseuri incorecte politic*, traducere din limba franceză de Teodora Dumitriu, *passim*; Ilie Șerbănescu (2016), *România – o colonie la periferia Europei*, București, Editura Roza Vânturilor.

² Nu oferim datele unor sondaje în acest sens, ce pot fi accesate în varianta lor electronică, deoarece le considerăm foarte volatile, depinzând în mod crucial de contextul realizării și de ce se urmărește prin publicarea lor. În această situație este foarte potrivită celebra remarcă a lui Winston Churchill, care arăta odată că el crede numai în acele statistici pe care a apucat să le falsifice el!

Cu toate acestea, perspectivele de cooperare între cele două țări sunt certe¹, totul depinzând însă de bunăvoința în acest sens a claselor politice din cele două țări și de evoluția contextului geopolitic internațional.

Perspectivele cooperării sau în loc de concluzii

Samuel P. Huntington arăta că liderii așa-ziselor „țări sfâșiate” le denumesc <<punți>> între două culturi” (*bridges between two cultures*)². Suntem într-un tot de acord cu ideea că „țările sfâșiate” reprezintă punți de legătură între două culturi (extinzând termenul, civilizații și state), putând însă reprezenta, în situații geopolitice nefecicite, și focare de conflict. În tot cazul, suntem de acord cu ideea lui Iurie Roșca, în conformitate cu Moldova trebuie să devină o „punte de aur” între culturile rusă și română³.

Prezentăm în continuare succint două scenarii teoretice ale evoluției relațiilor dintre România și Republica Moldova, urmate de prezentarea unor principii practice identificate de către noi că ar trebui să stea la baza cooperării oneste dintre cele două state.

În momentele de început ale unei lumi multipolare, dezechilibrată prin esența sa mai mult decât lumea bipolară sau cea unipolară, România și Republica Moldova pot deveni în principiu o punte de legătură între vestul Europei și Rusia, între Uniunea Europeană și Uniunea Vamală Euroasiatică. Acest fapt poate deveni posibil în cazul realizării unei Europe „de la Dublin la Vladivostok”, această idee a lui Jean Thiriart fiind teoretizată acum, printre altele, în lucrările lui Aleksandr Dughin, care profesează doctrina eurasianismului⁴.

---

¹ Subiectul a fost tratat pe larg în Florin Pintescu (2011), *Relațiile bilaterale dintre Republica Moldova și România în perioada 2000-2010. Considerații geo-economice și geo-strategice*. Trecerea a 6 ani de la apariția acestui articol nu a schimbat practic datele problemei cu excepția acutizării relațiilor NATO-Rusia, situație în care responsabilii politici din România și Republica Moldova trebuie să manifeste o atenție sporită.

² Samuel Huntington, *op. cit.*, p. 195 ediția română, *op. cit.*, p. 139 ediția engleză.

³ <https://sputnik.md/opinie/20160729/8361076.html>. Accessed 01.04.2017

⁴ Vezi în acest sens cele mai noi apariții în limba română: Alexander Dugin (2016), *Misiunea eurasiatică. O introducere în neoeurasianism*, traducere de Iurie Roșca, Octavian Racu, Lucian-Cătălin Cazac, Suceava, Alexandria Publishing House;

În cazul acutizării conflictelor dintre UE și NATO pe de o parte, iar Rusia pe de altă parte, România și Republica Moldova pot deveni, datorită poziției lor geopolitice nefericite (acestea sunt așezate „în calea tuturor răutăților”, Miron Costin), „picior de scaun al unei mari puteri” (Rudolf Kjellen), fie că se numește SUA (prin NATO), fie că se numește Federația Rusă. Nu mai comentăm ce se poate întâmpla cu cele două țări în cazul realizării acestui scenariu nefericit.

Principiile practice care ar trebui să stea la baza cooperării oneste dintre cele două state ar fi următoarele:

1. Liderii lor să cunoască și să își asume onest un trecut istoric comun

Referitor la acest ultim aspect, inserăm concluziile noastre din articolul nostru din 2011: „... aceste relații bilaterale trebuie să fie bazate pe încrederea generată de un trecut istoric comun (mai cu seamă trecutul recent), **asumat onest de părțile interesate și cu bunele și cu relele sale** și de credința în posibilitatea unui viitor comun. Sau, cum se arăta în prefața unei cărți destul de recente semnate de către Sergiu Nazaria și Victor Stepaniuc: „... trecutul nu poate fi supus nimănui, el nu poate fi schimbat cum ar dori unii. ... el poate fi doar studiat cu condiția unei cercetări conștiincioase a **tuturor** (accentul se pune pe cuvântul <<tuturor>>) documentelor păstrate ale epocii respective și cât e posibil pe **toate** memoriile participanților la evenimentele în cauză. În așa fel, istoricul poate doar să cunoască trecutul, dar nicidecum să-l schimbe în favoarea construcției unui „viitor corect”. Și aici e cazul să-l cităm pe cunoscutul poet anglofon, laureat al Premiului Nobel pentru literatură Thomas Stearns Eliot: <<Un viitor real poate fi construit doar pe un trecut real>>¹.”

Statele Unite și Noua Ordine Mondială. O dezbateră între Olavo de Carvalho și Aleksandr Dughin (2016), introduceri de Giuliano Morais și Ricardo Almeida, traducere din portugheză de Simina Popa și Cristina Nițu, București, Editura Humanitas. Olavo de Carvalho critică în această lucrare ideile de bază ale neoeurasianismului.

¹ Sergiu Nazaria, Victor Stepaniuc (2010), *Problema basarabeană și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris (1917-1947)*, Chișinău, Firma Editorial-Poligrafică “Tipografia Centrală, p. 5.

Referitor la problema asumării oneste a trecutului istoric comun, conchidem că atât tabăra istoricilor „pro-români” sau „pro-unioniști” din Republica Moldova și din România, cât și tabăra istoricilor din Republica Moldova care apără statalitatea „poporului moldovenesc” și se pronunță în contra unirii cu România, dețin suficiente „muniții” (în fapt, argumente adevărate, irefutabile!) pentru a mai continua ani buni lupta lor de idei”¹.

2. Conducătorii acestor state trebuie să cunoască și să acționeze potrivit principiilor de bază ale geopoliticii

Pentru a ilustra succint această idee, inserăm o apreciere a analistului politic din România, Cozmin Gușă.

„Se spune că, dacă liderii unui stat puternic știu geopolitică, atunci, acesta se va extinde; dacă liderii unui stat slab știu geopolitică, atunci, acesta va supraviețui; pe de altă parte, dacă liderii unui stat puternic nu știu geopolitică, atunci, acesta își va pierde prestigiul; iar dacă liderii unui stat slab nu știu geopolitică, atunci, acesta va succomba”²

3. Cercurile dirigente din România și Republica Moldova trebuie să evite cu orice preț sau să aplice numai în ultimul moment doctrine geopolitice „centriste”, unilaterale, aplicând în schimb multilateralismul geopolitic.

Geopoliticianul german Oskar von Niedermayer (1885-1948), arăta că doctrinele „centriste” sunt urmate de o „mare națiune” și, totodată, sunt „fără aplecare pentru politica internațională și incapabile de a înțelege marele joc geopolitic”³.

Doctrinele „centriste” se încadrează practic în categoria unilateralismului⁴, fiind opuse multilateralismului profesat inclusiv de

---

¹ Florin Pintescu (2011), *Relațiile bilaterale dintre Republica Moldova și România în perioada 2000-2010. Considerații geoeconomice și geostrategice*, p. 41.

² Cozmin Gușă (2011), *Imperialism în postcomunism. Geopolitica dezordinii în fostul lagăr socialist*, postfață de Dan Dungaciu, București, Adevărul Holding, p. 29.

³ Oleg Serebrian (2006), *Dicționar de geopolitică*, Iași, Editura Polirom, p. 193.

⁴ „Unilateralism – termen geopolitic ce definește preferința unui **stat**, de regulă o **mare putere**, de a acționa individual în vederea atingerii unor scopuri, deseori fără a ține cont de interesele altor state, sau chiar în detrimentul acestora” – Oleg Serebrian (2006), *Dicționar de geopolitică*, p. 289.

către fostele mari puteri Germania, Marea Britanie și Franța după cel de-al doilea război mondial. Politica multilateralismului este bazată pe cooperarea comună dintre mai multe țări, inclusiv prin intermediul instituțiilor internaționale, iar practicarea sa de către sus-menționatele puteri europene „este considerată a fi un rezultat al declinului puterii acestora și, implicit, al incapacității de a mai promova o **politică externă** de esență unilateralistă”¹

Nu credem că tradițiile geoistorice și resursele geoculturale, geoeconomice, geostrategice – într-un singur cuvânt geopolitice – ale României și Republicii Moldova permit practicarea fără riscuri majore a doctrinelor geopolitice „centriste” sau unilaterale.

---

¹ *Ibid.*, p. 185.

CONSOLIDAREA STATULUI MEDIEVAL MOLDOVA PRIN ORGANIZAREA STRUCTURILOR ADMINISTRATIVE REGIONALE

*Corneliu POPOVICI, doctor în filosofie, conferențiar universitar,
consilier al Președintelui Republicii Moldova în domeniul educației,
culturii și cercetării*

*Angela POPOVICI, doctor în filosofie, conferențiar universitar,
Academia de Administrare Publică*

Rezumat

În acest articol autorii analizează evoluția statului moldovenesc feudal, urmărind evoluția aparatului administrativ. Autorii menționează experiența pîrcălabilor de ținut, care aveau atribuții din cele mai largi. Ei judecau diverse pricini, încasau ferăia, aplicau amenzi, realizau anchete penale sau în materie de proprietate. Una din sarcinile lor cele mai importante era încasarea birului și transmiterea lui la vistierie. Datorită pericolului extern, care amenința existența Moldovei în a doua jumătate a secolului al XV-lea, instituția pîrcălăbiei ia o mare dezvoltare. În timpul domniei lui Ștefan cel Mare, pîrcălăbii cetățitorilor ce se aflau la hotar se recrutau din boierii ce făceau strajă cu oștenii în acele părți. În concluzie, autorii estimează implicarea pîrcălabilor în soluționarea problemelor de ordin administrativ, fiscal, și judecătoresc.

***Cuvinte-cheie:** stat, stat medieval, organizare administrativă regională, instituția pîrcălabilor*

CONSOLIDATING MEDIEVAL MOLDOVA'S STATE BY ORGANIZING REGIONAL ADMINISTRATIVE STRUCTURES

Abstract

In this article, the authors follow the evolution of the feudal Moldovan state, following the changes of the administrative apparatus. The authors mention the experience of landlocked craftsmen, who had the broadest attributions. They judged various causes, collected wire, applied fines, carried out criminal investigations or property matters. One of their most important tasks was to cash in and transfer to the treasury. Due to the external danger threatening Moldova's existence in the second half of the fifteenth century, the institution of the spell carried a great development. It was admitted that crackers in the cities of the border in the time of Stephen the Great were recruited from the boyars who wielded the armies

in those parts. In conclusion, the authors estimate the involvement of the scavengers in solving administrative, fiscal, and judicial problems.

Keywords: *state, medieval state, regional administrative organization, craftsmen institution*

Organizarea teritorial-administrativă a Țării Moldovei în forma ținuturilor a necesitat crearea unor organe administrative regionale și locale. Organizarea treptată a ținuturilor, perfecționarea aparatului administrativ a constituit o latură a procesului de întărire a puterii domnești. Referitor la administrația ținuturilor este incontestabil faptul că ea se formează odată cu constituirea lor, însă o anumită administrație regională în persoana curților de judecată domnești în târguri a existat înainte de instituirea, organizarea și generalizarea ținuturilor¹. În fruntea acestor curți de judecată se aflau vornicii care i-au precedat, probabil, pe pîrcălabii și staroștii, care la început existau doar în punctele strategice. Documentele epocii atestă faptul că o anumită perioadă de timp în același ținut au coexistat pîrcălabi, staroști și judecători, pînă la concentrarea funcțiilor judiciare și militare în mîinile pîrcălabului sau starostelui².

După generalizarea ținuturilor conducerea acestora era exercitată de pîrcălabi sau staroști în ținuturile care aveau în raza lor cetăți, iar în celelalte de sudeți. Pîrcălabii de Soroca și Orhei erau adesea citați în documentele epocii în calitate de membri ai sfatului domnesc. Însăși cuvîntul „pîrcălab” este de origine ungurească (*porcolab*)³. Pîrcălabii de ținut erau numiți și revocați din funcție de domn, ei dispunînd de atribuții judecătorești, militare, fiscale. Autoritatea pîrcălabilor era exercitată în limita ținutului care le-a fost încredințat. Faptul că autoritatea exercitată de ei se exprimă în acte prin același termen care desemnează și puterea boierului în satele sale, precum și suveranitatea domnului asupra țării, oglindește nediferențierea puterii încredințate acestor reprezentanți ai domniei în ținutul respectiv⁴. Dre-

---

¹ D.Ciurea, Organizarea administrativă a statului feudal Moldova, în Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A.D.Xenopol”, Iași, tom. II, 1965, p.154.

² Ibidem, p.155.

³ C.C.Giurescu, Istoria românilor, vol. II, p. II, București, 1940, p.419.

⁴ O.Maticescu, Istoria administrației publice românești, București, 2002, p.73.

gătorii care administrau ținuturile erau ei înșiși mari boieri. În acest context, rămîne valabilă observația lui A.Sava că „dreptul și obiceiul voievozilor de a dăruii boierilor lor credincioși izvoare de venituri nu s-a mărginit numai la întăriri de moșii, ei au concesionat credincioșilor lor cote părți din dajdii, veniturile publice ale domniei. Cu timpul aceste întăriri s-au statornicit asupra dregătoriilor permanente”¹.

Pîrcălabii de ținut aveau atribuții din cele mai largi. Ei judecau diverse pricini, încasau ferîia, aplicau amenzi, realizau anchete penale sau în materie de proprietate. Una din sarcinile lor cele mai importante era încasarea birului și transmiterea lui la vistierie².

Primele mențiuni despre atribuțiile judecătorești ale pîrcălabilor datează din a doua jumătate a secolului al XV-lea. Ei puteau judeca orice infrațiuni. Dacă una din părți era nemulțămîtă, pîrcălabul trebuia să fixeze termen de judecată la sfatul domnesc. Actul redactat după judecarea unui proces era întitulat „mărturie”, menționîndu-se rezolvarea litigiului în favoarea unei părți³. Judecățile și anchetele erau înfăptuite și de marii vătăfi de ținut, care aveau subalterni vătăfi.

Marii vătăfi de ținuturi apar ca colaboratori apropiați ai pîrcălabului, efectuînd anchete în legătură cu diverse încălcări de proprietate, furturi și crime, urmăresc pe vecinii fugiți, de asemenea supraveghează frontiera. La sfîrșitul secolului al XVI-lea a fost dublat numărul lor la fiecare ținut. Marii vătăfi de ținuturi erau boieri la origine, deținînd putere executivă, iar domnii li se adresau direct cu diverse porunci⁴.

Una din prerogativele importante ale pîrcălabilor era colectarea impozitelor prin sprijinirea agenților fiscali, subalterni ai marelui vistiernic. Pîrcălabii aveau dreptul de a intra în toate satele ținutului pentru a percepe dările. Ei erau împuterniciți să controleze după casticifele vistieriei plata impozitelor de către locuitori, efectuarea obligațiilor în muncă față de stat.

Părcălabii de asemenea obligau populația să presteze diverse munci, corvoade, le luau caii pentru transportarea încărcăturilor. Fi-

---

¹ A.Sava, Boierii mari ai Moldovei, p.468.

² D.Ciurea, Ibidem, p. 166.

³ N.Grigoraș, Instituții feudale, p.287.

⁴ D.Ciurea, Organizarea administrativă..., p.166-167.

ind răspunzători pentru strângerea dărilor pe ținut, pîrcălabii repartizau și impozitele excepționale, răspundeau de executarea „clăcilor” domnești. Tot ei judecau neînțelegerile cu caracter fiscal.

O altă atribuție a pîrcălabilor consta în sprijinirea vameșilor la încasarea taxelor vamale¹. Astfel, împuternicirile pîrcălabilor erau destul de largi, ei dispunînd de atribuții din cele mai diverse.

Sub ordinele pîrcălabilor se afla și organizarea militară în cadrul ținutului. Prerogativele militare ale pîrcălabilor țineau de instruirea și comanda unităților militare numite steaguri. Steagul era divizat în cete, conduse de cetași, hotnogi și vătafi de gloată. Pîrcălabii comandau și garnizoanele din cetăți. Cetățile potrivit importanței și sectorului pe care îl păzeau aveau garnizoane proprii alcătuite din slujitori, ostași de meserie, precum și dintr-un număr de locuitori din satele ocolului fiecărei cetăți care erau obligați să servească un număr fix de zile pe an, în schimbul unor reduceri sau scutiri de dări și munci². Pîrcălabii supravegheau frontiera, fiind ajutați și de țărani din satele de la marginea țării, care în schimb beneficiau de anumite scutiri fiscale.

În vechime hotarul țării se numea margine, termenul hotar fiind inițial întrebuițat în special la delimitarea moșiilor. Cronicarii folosesc destul de frecvent acest termen: „fiind oaste ungureasă la margine”³ sau „îndată au chemat pe alții carii s-au întîmplat acolo și au răpezit cu cărți în toate părțile să prinză marginile”⁴. Cînd hotarul era o apă, ceea ce se păzea în evul mediu nu era întreaga linie a hotarului, ci vadurile, iar dacă hotarele îl formau munții, se păzeau trecătorile. Vadurile, trecătorile și pasurile au determinat în trecut și rețeaua drumurilor de la periferie spre centru, în ceea ce privește legăturile Moldovei cu vecinii. De aceea o importanță deosebită o avea și paza acestor căi de comunicație. Baza de apărare a țării o constituiau cetățile construite în prejma trecătorilor și pasurilor, a vadurilor sau pe linia marilor drumuri. La trecători, pasuri și vaduri alături de dregătorii de la vamă era o straje, care avea partea ei din taxele care se per-

---

¹ N.Grigoraș, Instituții feudale, p.285-287.

² Ibidem, p. 303.

³ M.Kogălniceanu, Cronicele României, vol. I, București, 1872, p.196

⁴ Ibidem, p.242

cepeau. Astfel, un document din secolul al XV-lea specifica că negustorii „la Tighina vor plăti vama ce s-a plătit și mai înainte, după același obicei vor plăti și acum, și la straje câte 12 groși de car”¹.

Paza în partea de răsărit a țării era dificilă, datorită existenței unor teritorii întinse ocupate de turci și tătari. La paza hotarelor aici participau locuitorii din regiunile de margine, străjerii. Paza hotarelor prin satele de la margine făcea parte din vechile atribuții ale obștilor teritoriale de a participa la apărarea țării, care după organizarea statului a devenit o obligație a acestora față de domnie. Majoritatea străjerilor erau oameni liberi, care în schimbul unor scutiri fiscale îndeplineau acest serviciu pentru domnie². Petru Șchiopul a întreprins anumite acțiuni pentru apărarea granițelor răsăritene ale țării de incursiunile cazacilor și pentru oprirea fugii țăranilor. În 1587, în cadrul trupelor cu care pîrcălabul de Soroca Pârvul apăra hotarul de răsărit al Moldovei sunt amintiți hînsarii și „alții carii au venit de bunăvoie”³. Deși la paza marginii luau parte și cetele de „săteni cu moșie”, cadrele de conducere a străjerilor aveau un caracter militar. Cu toate că în secolul al XVII-lea armata Moldovei se redusese, totuși oamenii „pe lîngă slujba de gardă personală a domnului și a hatmanului făceau slujbe de păzitori ai granițelor și vadurilor”⁴.

Datorită pericolului extern, care amenința existența Moldovei în a doua jumătate a secolului al XV-lea, instituția pîrcălabiei ia o mare dezvoltare. Prin construirea cetăților Ștefan cel Mare constituie un redutabil sistem defensiv menit să apere Țara Moldovei de amenințările tătarilor, turcilor, polonilor, ungurilor. S-a admis că pîrcălabii în cetățile de la hotar pe vremea lui Ștefan cel Mare se recrutau din boierii ce făceau strajă cu oștenii în acele părți. Inițial cetățile aveau câte un pîrcălab, iar adăugarea celui de-al doilea a fost în legătură cu nevoia de administrare a târgului și de organizare a cetăților⁵.

Pîrcălabii în această epocă sunt citați în documente și fără titlul

---

¹ I.Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. II, p. 279.

² V.V.Hanga, Istoria dreptului românesc, vol. I, p. 359.

³ Gr.Ureche, Letopisețul Țării Moldovei, București, 1958, p. 216.

⁴ N.Iorga, Istoria armatei românești, p.119,121.

⁵ D.Nichita, Contribuții, p.98.

funcției, numai cu numele cetății. Aceasta dovedește că pîrcălabul nu putea fi conceput fără cetate, care devine punct de apărare a granițelor și loc de concentrare a trupelor în ținuturile din interiorul țării, unde domnul împreună cu oștenii săi se retrăgeau în caz de nevoie. Pîrcălabii aveau un rol important în cadrul sistemului administrativ, luau parte la sfatul domnesc, fapt fixat de documentele emise de cancelaria domnească, unde sunt citați ca martori, împreună cu ceilalți boieri. Cînd erau scoși din funcție, ei păstrau titlul de pîrcălab, fără numele cetății.

Se consideră că Ștefan cel Mare a fost creatorul sistemului de apărare prin cetăți și a instituției pîrcălăbiei¹. Pentru serviciile aduse domniei și țării pîrcălabii erau răsplătiți cu pămînt, recompense materiale, fie despăgubiri pentru locurile devastate cu ocazia năvălirilor dușmane. Statornicirea statului și a domniei ca instituție a făcut necesară apariția unui aparat permanent care să asigure administrarea țării în timp de pace, dar și să facă față amenințărilor din afară. În epoca medie, cînd atribuțiile publice nu erau strict diferențiate, aceleași persoane asigurînd atît administrarea țării, cît și apărarea ei.

Un comandant teritorial care asigură după 1650 paza regiunii de răsărit a Moldovei avînd în subordine slujitori din acest teritoriu este serdarul. Denumirea demnității pare a fi de origine turcă, avînd înțelesul generic de căpitan de oștire². Miron Costin definește statutul serdarului drept „un fel de hatman de cîmp”, care „trebuie să stea întotdeauna la Orhei sau la Lăpușna, la granița tătarească. Călărașii din aceste două ținuturi: Orheiul și Lăpușna sunt sub poruncile lui”³. Dimitrie Cantemir aduce unele precizări relativ la caracterul dregătoriei: „Oștile giosene sau din Țara de gios, în carile măcar că anume n-am pomenit Codrenii, Fălcienii, Lăpușnenii, Orheienii i proci, însă aceste toate sub un nume și sub un purtător să înțeleg, precum mai dinainte au fost sub vornicul de Țara de gios, intră acum sub săerदारul, care iaste sub hatman”⁴.

Nicolae Iorga a afirmat că serdarul este un dregător militar, un ofi-

---

¹ N.Iorga, Istoria armatei românești, p.38.

² Cf. A.Sava, Documente orheiene, p. XXIII.

³ M.Costin, Opere, București, p. 74.

⁴ D.Cantemir, Hronicul vechimei Romano-Moldo-Vlahilor, București, 1901, p.224.

ter de graniță, creat după tradiția turcilor și tătarilor¹. A.Sava a observat pe bună dreptate că aproape fiecare nume de serdar din secolul al XVII-lea este o dovadă despre rostul ostășesc al acestei dregătorii: Grigore Hăbășescu, Mihalcea Hîncu, Gavriliță Costache, Alexandru Buhuș, Constantin Cantemir, Gheorghe Albotă, Ioniță Costin și alții².

Fiind certe atribuțiile militare ale serdarilor, rămîne deschisă problema competențelor acestora în materie administrativă. Dimitrie Cantemir vine să clarifice statutul serdarului în cadrul ierarhiei dregătorilor statului. „Serdarul, logofătul al doilea și al treilea, postelnicul al doilea și căpitanul dorobanților, deși sunt sub poruncile altor boieri mai mari cu aceiași însărcinare încît s-ar părea că ar trebui puși mai bine în clasa a doua, totuși, fiindcă serviciul lor este mai de cinste decît al altora și trebuie să fie zilnic mai des pe lîngă principe, au obținut loc între primii boieri și aceleași drepturi cu ei”³. Marele cărturar remarcă că boierii de prima clasă „se bucură de privilegiul ca în toată Moldova, oriunde s-ar întîmpla să poposească, au căderea să asculte plîngerile locuitorilor și să hotărască asupra lor”⁴.

Serdarii care aveau drepturi de jurisdicție similare cu cele ale marilor boieri, se stabilesc în regiunea de unde își recrutau efectivele militare. Odată cu diminuarea puterii militare a Moldovei și accentuarea dominației otomane, cade și importanța militară a serdarilor care devin treptat judecători și administratori în regiunea din care recrutau ostașii⁵.

Concomitent în a doua jumătate a secolului al XVII-lea activau cîte doi pîrcălabi la Soroca, Orhei, Lăpușna, care prin tradiție dispuneau de atribuții judecătorești în teritoriul vizat. Astfel, se produce o anumită confuzie în ceea ce privește prerogativele pîrcălabilor și serdarului, ceea ce cauzează anumite conflicte de atribuții.

În anul 1730, Constantin Mavrocordat a fixat atribuțiile serdarului și ale pîrcălabilor de Orhei, Lăpușna și Soroca. Regiunea de margine rămînea sub supravegherea serdarului, care putea sancționa

---

¹ N.Iorga, Studii și documente, XXII, p.15.

² A.Sava, Boierii mari ai Moldovei, în... p. 478.

³ D.Cantemir, Descrierea Moldovei, p.82.

⁴ Ibidem.

⁵ A.Sava, Documente orheiene, p. XXVII.

și înlocui vorniciei de sate. Reședința serdarului era fixată în târgul Onițcani, unde acesta judeca și aplica amenzi. În celelalte târguri din ținuturile Lăpușna, Orhei, Soroca el avea dreptul să judece „trei zile numai odată într-un an, iar când s-ar tâmpla să meargă serdarul cu alte poronci, la giudecăți și la gloabe să nu se amestece”¹. Serdarul nu putea anula judecățile pîrcălabilor pe care le considera nedrepte, însă era împuternicit să anunțe domnia asupra faptului. În 1741 pîrcălabii de Orhei și Lăpușna au fost înlocuiți cu serdarul ținutal, care păstra atribuțiile militare asupra celor trei ținuturi de margine².

Pe lângă atribuțiile militare, administrative și judecătorești pîrcălabii din regiunile de margine aveau misiunea să reglementeze conflictele la frontiera dintre Moldova și Polonia.

Astfel, rolul pe care l-au avut în cadrul sistemului administrativ pîrcălabii de Lăpușna, Orhei și Soroca nu poate fi subestimat, reieșind din complexitatea sarcinilor puse pe seama acestora. Spectrul atribuțiilor exercitate de aceștia cuprindea mai multe domenii, iar valențele preponderent militare ale funcției se datorează necesităților de apărare de incursiunile străine. Rosturile ostășești ale instituției pîrcălabiei în regiunea vizată nu diminuează implicarea pîrcălabilor în soluționarea problemelor de ordin administrativ, fiscal, și judecătorec.

În concluzie, ținem să subliniem că originea unităților administrativ-teritoriale descinde în perioada anterioară întemeierii statului medieval Moldova. Vechile obști sătești organizate în țări au stat atât la baza constituirii noului stat medieval, dar și la baza organizării administrativ-teritoriale. Formarea și dezvoltarea structurilor administrative regionale cel mai bine individualizate sub forma ținuturilor care se circumscriu aceleiași omogenități etnice, lingvistice și culturale a determinat consolidarea statului medieval Moldova.

---

¹ A.Sava, Boierii mari ai Moldovei, în ... p.481.

² D.Ciurea, Organizarea administrativă a statului feudal Moldova, în AIIAI, 1965, t.II, p.174.

MISIUNEA STATULUI MOLDOVENESC: DE LA ORIGINI PÂNĂ ÎN PREZENT

*Aurelian LAVRIC, doctor în istorie, conferențiar universitar,
expert în studii de securitate*

Rezumat

Una dintre principalele tendințe ale lumii contemporane este întoarcerea națiunilor la demnitate și auto-afirmare. O caracteristică definitorie a țărilor cu guverne responsabile este formularea și implementarea unei misiuni de stat. De la începutul statalității sale, Moldova a avut o misiune legată de securitate: securitizarea frontierei estice maghiare, a drumului comercial moldovenesc, care leagă Europa de Nord și de Sud.

În prezent, Republica Moldova nu are o misiune clară în ceea ce privește rolul său regional. Datoria președinției moldovenești este de a elabora misiunea statului, care ar trebui să facă parte din proiectul țării.

***Cuvinte-cheie:** Misiunea statului, identitate, proiect de țară, idee națională, Studii de Securitate, Moldova*

MOLDOVAN STATE'S MISSION: FROM THE EMERGENCE TO THE PRESENT TIME

Abstract

One of the main trends of contemporary world is the return of the nations to dignity and self-affirmation. A defining characteristic of countries with responsible governments is formulation and implementation of a state mission. From the beginning of its statehood, Moldova had a mission related to security: the securitization of the Hungarian Eastern border, of the Moldovan commercial road, connecting Northern and Southern Europe.

Nowadays the Republic of Moldova does not have a clear mission, regarding its regional role. The duty of Moldovan presidency is to elaborate the mission of the state, which should be a part of the country's project.

***Keywords:** State mission, Identity, State project, National idea, Security Studies, Moldova*

Statul moldovenesc: în căutarea demnității și a nobleței pierdute. Una dintre tendințele definitorii ale lumii contemporane este revenirea națiunilor la demnitate și auto(re)afirmare. Sloganul cu care a câștigat alegerile prezidențiale Donald Trump "Let's make America great again!" s-a înscris perfect într-un context internațional în care:

1. Rusia lui Vladimir Putin face eforturi susținute și cu succes

în privința reînțarcerii statutului de mare putere, pe care l-a avut URSS, succesoarea căreia este Rusia;

2. Conducerea politică a Chinei de multă vreme a pus la temelia dezvoltării statului concepția de pe timpul împăraților chinezi, conform căreia entitatea statală respectivă este centrul pământului; drept urmare, toate politicile guvernării comuniste de la Pekin au ca scop dezvoltarea și creșterea ponderii Chinei pe plan internațional;

3. Politicieni de la putere din Turcia fac apel la tradiția imperială otomană, promovând concepția pan-otomană, care vizează renașterea Turciei și impunerea sa ca un pol de putere peste spațiul care a aparținut cândva Imperiului Otoman.

4. Țări ca India, Brazilia, Africa de Sud, statele „noii tigri asiatici” (de exemplu, Coreea de Sud ș.a.) – cu un ritm de dezvoltare economică deosebit de accelerat, ca să nu mai menționăm Germania și Japonia, au veleități de *puteri emergente*.

5. Regatul Unit al Marii Britanii și Irlandei de Nord iese din UE tocmai pentru a redeveni un centru în lumea multipolară.

În lume se observă o concurență acerbă între actorii dreptului internațional. Practic, în prezent suntem observatorii constituirii unei noi ordini mondiale – are loc reîmpărțirea sferelor de influență. Ori-cât ar părea de trist pentru unii teoreticieni ai Studiilor de Securitate, Idealismul cedează teren implacabil în fața Realismului. Se pare că în prezent se profilează o perspectivă clară în ceea ce privește viitorul comunității internaționale: statele cu guvernări inconștiente, care au ca unic scop delapidări din banii publici, nu vor putea rezista ca entități statale, vor dispărea de pe harta lumii, fiind înghițite de state consolidate, puternice, cu guvernări ce servesc interesele poporului de către care au fost alese.

Pe acest fundal se pare că Republica Moldova se prezintă ca un stat degradat moral, intelectual, biologic (demografic) și fizic (scade calitatea solului și a apelor – prin poluare, prin proliferarea organismelor modificate genetic, prin utilizarea nesăbuită a chimicalelor ș.a.). Este un stat care nu are o misiune formulată, o menire, un rost.

De ce poporul Moldovei, împreună cu guvernanții, au ajuns într-o asemenea stare de degradare? De ce statul moldovenesc nu se

înscrie în tendința ce se manifestă la nivel global – de revigorare a statelor-națiune?

Religia Creștină (Ortodoxă) conferă prin definiție demnitate credincioșilor (smeriți) ai Domnului nostru Iisus Hristos. Cum se face că un popor, care se declară peste 90% creștin-ortodox, este atât de lipsit de demnitate? Nu cumva identitatea creștin-ortodoxă este una de formă (de fațadă), iar în sufletele lor majoritatea moldovenilor nu prea au de-a face cu valorile creștine, respectarea cărora conferă credincioșilor demnitate și noblețe? Sunt întrebări ce merită răspunsuri.

Identitatea națională moldovenească. Cercetătorul american Robert Kaplan, consideră că Republica Moldova este un stat mult prea slab, cu *o identitate națională* slabă, ceea ce face țara vulnerabilă în fața pericolelor externe. În opinia sa, țara noastră are instituții slabe, netransparente și corupte. „Identitatea națională în Moldova este slabă”, a opinat Kaplan [1].

Într-adevăr, problema identității naționale (sau statale) moldovenești este una complexă, datorită mai multor factori, printre care merită să fie menționați câțiva, mai importanți:

1. Populația țării este multietnică, națiunea fiind constituită din mai multe comunități etnice – una majoritară și mai multe minoritare.

2. Comunitatea etnică majoritară este una divizată în funcție de etnonim: o parte (majoritatea) se identifică moldoveni, o altă parte se identifică români.

3. Nu există tradiții ale funcționării statului moldovenesc (au dispărut demult purtătorii lor). De aceea, moldovenii trebuie să depună eforturi susținute pentru a resuscita organismul statal moldovenesc.

O identitate se bazează pe valori. În cazul statului moldovenesc este vorba de următoarele seturi de *valori*:

1. Religioase: creștin ortodoxe – poruncile și tradiția (peste 90% din cetățenii moldoveni se declară creștin-ortodocși).

2. Etno-culturale: limba comunității majoritare (există două glotonime utilizate în spațiul cultural și politic moldovenesc: cel tradițional și constituțional – *limbă moldovenească* și un altul – *limbă română*) și tot ce a fost creat în această limbă; creațiile folclorice – cântece și dansuri populare, port popular ș.a.

3. Social-politice: valorile democratice, consfințite în constituția țării – drepturile omului, statul de drept.

Autoritățile statale trebuie să acționeze în vederea asumării de către populația țării a acestor valori. Atunci când ele vor fi împărțite de marea majoritate, când vor fi comune – identice pentru cât mai mulți, se va putea vorbi despre o identitate națională moldovenească puternică. Dar acest deziderat poate fi realizat printr-o politică de stat privind construcția și implementarea identității statale. Practic, este vorba de construcția statală (*state-building*), în sensul realizării unui pact societal privind elaborarea (identificarea) elementelor comune, adoptarea și asumarea unei identități moldovenești statale (naționale) de către toți cetățenii țării.

Idee națională și proiect de țară. În unul dintre manuscrisele sale Mihai Eminescu nota: „Idea comună, fie cea religioasă, fie cea politică, seamănă cu toarta pe care olarul o pune oricărei oale încât le poți înșira și aduna pe toate la un loc pe un fir de ață. Fără idei comune, nu există popor” [2, p. 146]. Expresia eminesciană *idee comună* (a unui popor) mai este folosită în perioada contemporană și sub forma *idee națională*.

În spațiul post-sovietic, mai ales în Federația Rusă ș.a., se discută mult pe marginea conceptului de *idee națională*. După prăbușirea ideii comuniste, care fusese pusă la temelie statului sovietic și care s-a dovedit a fi falimentară, conceptul de idee națională face trimitere la o ideologie (un set de valori) de stat, care ar lua locul celei comuniste desuete. Până în prezent nu se poate afirma că în vreun stat post-sovietic s-a reușit elaborarea unei idei naționale. Căutările continuă.

Totuși, o *idee națională*, dezvoltată într-un *proiect național* sau *proiect de țară*, este un element indisolubil pentru buna dezvoltare a unui stat la etapa contemporană. O idee națională poate contribui la consolidarea identității naționale (statale). De altfel, între cele două noțiuni există o legătură indisolubilă: o idee națională generează o identitate puternică și viceversa. Conceptul de *idee națională* a unui popor este legat și de noțiunile *ideal național*, *vis național*. Formularea ideii naționale și elaborarea proiectului național este o responsabilitate a păturii politicienilor și a intelectualității oricărui stat – a

specialiștilor în Studii de Securitate, dar numai în condițiile în care va exista o nevoie conștientizată de politicieni, respectiv o cerință în acest sens din partea politicului către experți.

În prezent, societatea moldovenească se află în căutarea unui *sens* sau *rost* (pierdut?). Sensul/rostul trebuie identificat, formulat și elaborat ca *misiune*, ca *proiect de țară*. Numai pentru un asemenea proiect (pentru un sens, pentru un rost, pentru o cauză, pentru o idee comună) cetățenii unei țări se pot uni, își pot sluji țara, se pot sacrifica pentru ea, în caz de necesitate.

Din anul 2009 guvernarea pro-europeană de la Chișinău a avansat obiectivul strategic de *integrare europeană* a RM. Este integrarea europeană o idee națională pentru statul moldovenesc? Datorită divizării societății moldovenești în două părți aproximativ egale, una dintre care se pronunță pentru vectorul vestic de integrare, iar cea de a doua – pentru vectorul estic, *integrarea europeană* nu se prezintă drept o idee națională (împărtășită de majoritatea societății). Chiar și în unele state din interiorul UE ideea integrării europene, sau a calității de membru al Uniunii, poate constitui un măr al discordiei (vezi cazul Regatului Unit al Marii Britanii și Irlandei de Nord, electoratul căruia a votat în cadrul referendumului din 23 iunie 2016 pentru ieșirea țării din UE, cu scorul de 51,90% la 48,10% [3]). De altfel, pentru un stat ca Republica Moldova, rămas în urmă în dezvoltarea sa în mai multe domenii, integrarea europeană este o modalitate optimă pentru modernizarea și eficientizarea sistemelor politic, de justiție, economic, social ș.a.. Preluarea și implementarea standardelor și practicilor europene în materie de relații interetnice, inclusiv în ceea ce privește elaborarea de politici multiculturale, pot contribui la perfecționarea relațiilor în cauză și, prin aceasta, la asigurarea securității societale a Republicii Moldova. Accesul produselor moldovenești pe piața de 500 milioane consumatori din UE poate contribui la creșterea economică a RM. Așadar, integrarea europeană este un instrument eficient în dezvoltarea și modernizarea statului. Într-un proiect de țară însă, politicienii de la putere trebuie să identifice elemente cu care Republica Moldova să fie utilă în cadrul UE (pentru statele sale membre) – în plan regional și pentru întreaga comunitate internațională.

Un proiect de țară ar putea să fie structurat pe cele cinci sectoare (teoretizate de Școala de la Copenhaga) ale conceptului de *securitate*. Autorii săi ar trebui să scoată în evidență care poate fi aportul statului moldovenesc în cadrul regional și internațional – deci ce poate oferi RM – în sectoarele: economic, de mediu, societal, politic și militar. Dacă vor fi stabilite obiective temerare, dar realiste și identificate resursele necesare, statul moldovenesc poate încerca să se afirme plenar pe plan regional și internațional, să-și acrediteze o identitate inconfundabilă, să-și împlinească un rost (pe care să și-l asume). Un proiect de țară presupune o misiune, o viziune (exprimată într-o concepție), o politică (de edificare statală), o strategie, o tactică și un plan de acțiuni. *O misiune* a unui stat vizează *un vis, un ideal național*.

Păstrând proporțiile, se poate afirma că în prezent situația statului Republica Moldova se aseamănă celei a Franței după al doilea Război Mondial. În acea perioadă, problema pe care și-o punea, spre rezolvare, președintele de Gaulle, era: „cum se putea restaura identitatea unei țări copleșite de sentimentul eșecului și al vulnerabilității” [4, p. 525]. În acest sens, „Conducând o țară sleită de conflicte întinse pe o întregă generație și de decenii de umilință, de Gaulle judeca politicile nu atât după criterii pragmatice, cât în funcție de capacitatea lor de a contribui la refacerea sentimentului francez al propriei demnități” [4, p. 526]. Este un exemplu pentru guvernarea de la Chișinău.

Misiunea unui stat. În Știința Managementului, cu referire la organizațiile profit – întreprinderile economice, este utilizată această relație între câteva noțiuni, care rezultă una din alta, astfel: *misiune* => *viziune* => *politică* => *strategie* => *tactică* => *plan de acțiuni*. Aceiași abordare este valabilă și pentru celelalte tipuri de organizații: partid politic, asociație obștească, Biserică și chiar *stat*.

Fără *o misiune* a unei entități nu există *o viziune* privind dezvoltarea sa, căci viziunea rezultă din misiune. Una dintre cauzele pentru care lucrurile merg prost în Republica Moldova este și (sau este în primul rând!) lipsa unei misiuni a statului, formulată și conștientizată, respectiv asumată de către conducerea politică și poporul țării.

În prezent se poate vorbi despre misiuni formulate și puse în aplicare în mod sistematic, ale unor țări ca:

1. SUA: de promovare a democrației în lume, a valorilor liberale.
2. Rusia: Imperiul Țarist – apărarea creștinilor ortodocși; URSS – promovarea comunismului; actuala Federație Rusă – apărarea valorilor tradiționale (deci promovarea ideologiei conservatoare), promovarea sistemului internațional multipolar (chiar dacă aceste deziderate sunt contestate de unele voci [5]),
3. China: realizarea statutului de principală putere economică mondială, din care rezultă instaurarea dominației geopolitice în regiunea Asiei de Sud.

Există și alte state care și-au asumat misiuni pe care le implementează cu succes (Germania – de motor economic al UE; Japonia – cu veleități de putere economică mondială, specializată în producerea de tehnologii înalte – Hi-Tech ș.a.).

O misiune nu trebuie să repete interesele naționale ale unui stat – asigurarea securității în toate sectoarele (Școala de la Copenhaga a stabilit primele 5 sectoare, la care adăugăm sectorul informațional, importanța căruia a crescut mult în ultima perioadă de timp):

1. economic: asigurarea bunăstării;
2. societal: realizarea unei păci societale, a unei societăți consolidate;
3. mediu ambiant: măsuri de protejare;
4. politic: instituții consolidate;
5. militar: consolidarea forței militare;
6. informațional: întărirea capacităților de apărare a sistemelor informatice (IT) în fața posibilelor atacuri ale hackerilor, protejarea spațiului informațional național.

Aceste interese sunt universale, adică sunt comune tuturor statelor care se respectă.

De asemenea, o misiune nu trebuie să repete prevederile din constituția țării.

În schimb, o misiune trebuie să fie împărtășită de majoritatea societății – de majoritatea cetățenilor unui stat. O misiune este un stimulent extraordinar pentru dezvoltarea plină a unei țări pe toate planurile. Misiunea este o parte componentă a unui *proiect de țară*.

Misiunea statului moldovenesc

1) *Perioada originilor – prestatală (a apariției statalității)*

De la începuturile sale formațiunea teritorial-administrativă moldovenească a avut o misiune legată de *securitatea* regională. Regele ungar Ludovic cel Mare de Anjou, conducătorul statului medieval maghiar, a creat o marcă de apărare împotriva tătarilor, pe teritoriul de unde avea să pornească statalitatea moldovenească. Prin acest teritoriu tătarii obișnuiau să atace Transilvania și Ungaria prin trecătorile Carpaților Orientali. Din cauza repetatelor incursiuni tătare, regii maghiari de la începutul secolului al XIV lea au luat decizia de a ocupa o parte a teritoriului de dincolo de Carpați și a-l transforma în zonă tampon de apărare. Mai precis, regele Ludovic a luat decizia de a transforma o parte a zonei de la est de Carpați în marcă militară de graniță, supusă regatului ungar. Printre cei trimiși în zonă (în 1343, după alți cercetători – în 1345) se afla și un lider local din Maramureș, Dragoș din Beden. Acesta avea misiunea de a elibera zona de tătari și de a cuceri teritoriul menționat și destinat formării mărcii de apărare. Regele maghiar a luat în stăpânire ținuturile dintre Siret și munți, cu valea Sucevei, Bistriței, Trotuș. În 1353 aici era o marcă de apărare a Ungariei, condusă în numele regelui Angevin de legendarul Dragoș. Mai mult decât atât, acesta întemeiază un soi de dinastie locală, fiind urmat la conducerea mărcii de fiii săi Sas și Balc.

Întemeietorul Moldovei a fost însă voievodul maramureșean Bogdan, din Cuhea, care s-a răzvrătit împotriva coroanei maghiare. Aflându-se în conflict cu maghiarii, printr-o acțiune energică, el a cucerit marca respectivă și a întemeiat noul Principat, devenind voievod al Moldovlahiei (denumirea originală a țării). Bogdan era un cneaz din Maramureș, care stăpânea 22 de sate și avea centrul cnezial la Cuhea. Cel mai probabil, Bogdan de Cuhea se revoltase împotriva autorității regelui maghiar, păstrându-și religia ortodoxă. În 1359, își strânge oamenii de pe domenii, supușii și vasalii, și trece munții în Moldova. Va ataca și va cuceri, în perioada 1359-1365, marca de apărare maghiară. Bogdan și moldovenii (localnicii care l-au susținut) au ieșit învingători. Acest lucru este consfințit de un document din 2 februarie 1365, ce poate fi considerat actul de naștere al statului independent Moldova. „Noi

având în vedere serviciile sale strălucite (se referă la Balc, fiul lui Dragoș), mai ales în țara noastră moldovenească, pe care le-a făcut nu fără vărsarea propriului sânge și fără răni și cu moartea fraților săi, a celor apropiați și a slujitorilor săi, îi dăm o moșie, numită Cuhea, în țara noastră a Maramureșului cu satele Ieud, Bascov, amândouă Vișaele, Moiseni, Borșa și amândouă Seliștele din aceeași țară a Maramureșului, cu toate pertinențele sale, anume ape, păduri și munți și orice s-ar ție de ele. Pe care moșie am luat-o dela Bogdan voievodul și dela fiii lui infidelii noștri notorii. Căci Bogdan și fii lui, prin lucrarea diavolului, dușmanul neamului omenesc, depărtându-se de la credința ce ne-o datora, au trecut pe de-ascuns din regatul nostru ungar în țara amintită a Moldovei și s-au silit s-o păstreze spre ofensa Majestății Noastre” [6], scria regele Ungariei într-un document de mare însemnătate pentru istoria Moldovei. Din acel moment, regii Ungariei nu au mai putut niciodată recupera acest teritoriu, care a devenit Voievodatul Moldovlahiei, mai târziu: Principatul Moldovei.

2) *Perioada afirmării statului moldovenesc independent*

Din 1359 până în 1484 (ocuparea de către Imperiul Otoman a cetăților moldovenești Chilia și Cetatea Albă – a litoralului moldovenesc al Mării Negre), statul moldovenesc a avut o misiune clară de securitate regională: protejarea drumului comercial care traversa țara – din nord (dinspre Liov) până la cetățile – porturi din sud (Chilia și Cetatea Albă). Acea cale comercială mai era numită „drumul moldovenesc”. Moldova era o punte de legătură între Europa Centrală (în primul rând Polonia, care i-a acordat sprijin) și spațiul Mării Negre (Imperiul Otoman), deci o punte de legătură între Nordul și Sudul Europei, între Nordul Europei și Orientul Apropiat. Statele și imperiile limitrofe erau interesate în păstrarea statului moldovenesc, pentru că el asigura un echilibru geopolitic în regiune. Este posibil ca acesta să fi fost factorul principal datorită căruia statalitatea moldovenească s-a perpetuat până în prezent. În toată istoria sa Moldova a avut o misiune legată de securitatea regiunii din care a făcut parte.

De la pătrunderea în regiune a puterii turce, mai ales pe timpul domniei lui Ștefan cel Mare (1457 – 1504) și până în 1538 (anul cuceririi de către turci, conduși de sultanul Suleiman Magnificul, a ce-

tății Tighina și a acceptării de către Moldova a suzeranității turce) Moldova își asumase misiunea de apărare a Creștinătății – adică a Europei, țara noastră fiind atunci „poarta Creștinătății”. O formulare a acestei misiuni a Moldovei o găsim într-o epistolă a Domnitorului Ștefan cel Mare, din 12 ianuarie 1474, către prinții Europei: „Țara noastră este poarta creștinătății, pe care Dumnezeu a ferit-o până acum. Dacă această poartă, care este țara noastră, va fi pierdută – Dumnezeu să ne ferească de așa ceva – atunci toată creștinătatea va fi în mare primejdie. Iar noi, din partea noastră, făgăduim pe credința noastră creștinească și cu jurământul Domniei-Noastre, că vom sta în picioare și ne vom lupta până la moarte pentru legea creștinească, noi cu capul nostru. Așa trebuie să faceți și voi, pe mare și pe uscat, după ce, cu ajutorul lui Dumnezeu Cel Atotputernic, noi, i-am tăiat dușmanului mâna cea dreaptă”. Din acest pasaj rezultă că Domnitorul moldovan Ștefan al III (cel Mare) și-a asumat, împreună cu poporul său, misiunea de a apăra Creștinătatea – *Europa* perioadei medievale – de pericolul ce emana de la Imperiul Otoman.

În perioada 1538-1859 (în cazul teritoriului Moldovei de Est, adică al Basarabiei – până în 1812) Moldova a făcut parte din spațiul geopolitic otoman, având o suveranitate limitată, dar fiind un stat-tampon între imperiile Rus, Otoman și Austriac. Un moment special l-a constituit anul 1856 – sfârșitul Războiului Crimeii. Într-un articol din 2 noiembrie 1879 marele intelectual Mihai Eminescu a consemnat misiunea statului moldovenesc asumată din 1856. Se știe că în urma războiului Crimeii (1853-1856), puterile europene (Anglia, Franța, Sardinia și Imperiul Otoman), care au învins Rusia, i-au impus să retrocedeze Moldovei regiunea gurilor Dunării – trei districte basarabene: Cahul, Bolgrad și Ismail. Din acel moment Moldova a primit (și-a asumat) o misiune legată de securitatea zonei gurilor Dunării. Eminescu scria: „Trebuie să fim un strat de cultură la gurile Dunării; aceasta e singura misiune a statului român și oricine ar voi să ne risipească puterile spre alt scop pune în joc viitorul urmașilor și calcă în picioare roadele muncii străbunilor noștri” [7, p. 213]. Marele înaintaș a scris despre necesitatea ridicării nivelului de cultură al poporului țării – la nivelul

misiunii geopolitice, încredințate de către puterile respectivului moment istoric și care a fost asumată de Moldova.

În perioada (16/28 mai) 1812 – (24 ianuarie /6 februarie) 1918 Moldova de Est (Basarabia) a fost integrată în Imperiul Rus, fiind aservită intereselor Sankt-Petersburgului.

Republica Democratică Moldovenească (24 ianuarie – 27 martie/9 aprilie 1918) nu a fost recunoscută de niciun alt stat.

În perioada 1918 – 1940 Basarabia, ca parte a statului român, a fost aservită intereselor României, atunci când statul român își asumase misiunea de apărare în fața pericolului sovietic.

În perioada 1944 – 1991 Republica Sovietică Socialistă Moldovenească (RSSM) a fost aservită intereselor URSS, participând la îndeplinirea misiunii de contrabalansare a flancului sud-estic al NATO.

De la 27 august 1991 până în prezent autoritățile Republicii Moldova nu au formulat o misiune a tânărului (renăscutului) stat.

3) Misiunea Republicii Moldova

Aflându-se la granița între două civilizații – Occidentală (Uniunea Europeană) și Slavo-Ortodoxă (Uniunea Eurasiatică), în prezent Republica Moldova poate fi o platformă de convergență a intereselor, inclusiv investițiilor din cele două spații geopolitice. Dincolo de dilema Est – Vest și de discuțiile în contradictoriu legate de aderarea la Uniunea Europeană sau la Uniunea Eurasiatică, autoritățile moldovenești trebuie să asigure un mediu de afaceri favorabil pentru agenți economici și pentru investitori din ambele spații/blocuri economice.

Dacă la începuturile sale Moldova a fost o punte de legătură între nordul și sudul Europei, acum Republica Moldova este un coridor de legătură între Vest și Est (este o țară de tranzit pentru conducta de gaz rusesc, pentru rute de transport auto). În ciuda opiniei potrivit căreia actualul stat moldovenesc se află într-o zonă geografică nefavorabilă – periferică, cu o conducere inteligentă această așezare geografică poate fi valorificată și în ea pot fi găsite avantaje.

Conform unei opinii vehiculate în spațiul mediatic, poziția geografică a Republicii Moldova (periferică, zonă gri) condamnă statul nostru la instabilitate, sărăcie, insecuritate etc. Îmi place o aserțiune a lui Stephen Covey: „Viața noastră este rezultatul alegerilor pe care le

facem. A da vina pe cei din jur, pe mediu, pe ceilalți factori exteriori, înseamnă a da acestor lucruri puterea de a ne controla”. Foarte mult, dacă nu totul, depinde de noi (de alegerile noastre – ale diriguitorilor țării).

În anumite condiții, poziția geografică a Republicii Moldova – la hotarul civilizațiilor Occidentală (Euroatlantică) și Slavo-Ortodoxă (Eurasiană) – ne poate ajuta. Occidentul s-a consacrat prin respectul legii, eficiență economică, bună organizare, materializate în tehnologii, drumuri, produse și servicii de calitate, printr-un nivel de trai ridicat, prin respect pentru drepturile omului. Toate acestea pot fi (și trebuie să fie) preluate în statul nostru, dacă vrem să fim performanți și să putem supraviețui în istorie. Pe de altă parte, spațiul estic, în ciuda istoriei dramatice (vezi consecințele actelor din 1812, 1940 și 1944 – mai ales crima privind amputarea teritoriului moldovenesc – a nordului și sudului Basarabiei), este cel cu care suntem legați spiritual – prin Ortodoxie, care a determinat elemente comune ale mentalităților celor două popoare.

O misiune a Republicii Moldova trebuie să consemneze cu ce țara noastră poate fi utilă – atât Occidentului, cât și Estului (prin exporturile noastre, prin stabilitatea și securitatea pe care să le putem asigura la noi în țară și la nivel regional, ca stat neutru, cu un statut de neutralitate recunoscut de actorii importanți). Prin apartenența noastră la familia limbilor romanice facem parte integrantă din Occident și trebuie să valorificăm acest fapt. Prin apartenența noastră la Biserica Ortodoxă facem parte din spațiul panortodox și trebuie să valorificăm și acest fapt. Occidentul este tezaurul de raționalitate din care putem și trebuie să ne inspirăm (pentru dezvoltarea organismului nostru statal), așa cum spațiul ortodox răsăritean (inclusiv învățătura sfinților părinți ortodocși ruși) este un tezaur de înțelepciune (profunzime duhovnicească) din care putem să ne inspirăm pentru dezvoltarea sufletului poporului nostru.

Și într-un spațiu civilizațional și în celălalt există și aspecte negative: viziunea conform căreia banul este măsura tuturor lucrurilor (sensul vieții omului pe pământ), proliferarea organismelor modificate genetic, practicile de afișare a homosexualității, a sexualității în general (a desfrâului – pornografiei), a „căsătoriilor” între persoane

de același sex – profanarea familiei – în Vest; pe de altă parte, nivelul de dezvoltare economică mai scăzut, gradul mai mare al delapidărilor și al corupției, respectiv nivelul de trai mai scăzut în Rusia, crizele economice ale căreia influențează starea economiei în Republica Moldova. Dacă nu vom opune stavile și nu vom rezista, acestea ne pot afecta. Atât Occidentul, cât și Rusia ne oferă atât beneficii, cât și pericole. Dacă le vom conștientiza, dacă vom ști care sunt valorile, interesele noastre (și ni le vom apăra), statul Republica Moldova poate supraviețui în istorie, se poate dezvolta, poate evolua.

Rolul geopolitic al statului moldovenesc la etapa contemporană este determinat de misiunea țării. Cum nu există o misiune formulată și asumată, nu se poate vorbi nici de vreun rol geopolitic al RM, în actualul context regional și global.

Integrarea comunităților etnice minoritare – factor de consolidare statală. O misiune a statului, pentru ca să fie pusă în aplicare cu succes, trebuie asumată și de minoritățile etnice. În Republica Moldova se atestă probleme cu privire la slaba integrare a comunităților naționale/etnice. Aceste probleme sunt o dovadă a incapacității autorităților de a edifica un stat viabil în toată perioada de independență (1991 – prezent), o amenințare la adresa securității societale, respectiv la adresa securității naționale a statului moldovenesc, făcându-l vulnerabil în fața riscurilor din exterior. Elaborarea și implementarea unei strategii privind asigurarea *securității societale* ar avea rol semnificativ în asigurarea *securității naționale* a RM.

Slaba integrare în societatea moldovenească, slaba cunoaștere a limbii de stat (Moldovenească/Română) de către comunitatea rusofonă denotă faptul că până în prezent Republica Moldova nu a devenit un stat atractiv pentru comunitățile etnice conlocuitoare. Succesul unui bun parcurs pe calea modernizării, susținut de o majoritate consolidată a societății moldovenești, implică eforturi pentru o mai bună integrare a comunității etnice minoritare.

Pentru a consolida societatea moldovenească, respectiv pentru a asigura securitatea societală – parte componentă indisolubilă a securității naționale, prin integrarea comunităților etnice minoritare, ar putea fi întreprinse mai multe măsuri, printre care menționăm:

1. elaborarea ideii naționale, a misiunii țării, a unui proiect de țară;

2. desfășurarea unui proces de edificare națională (a națiunii civice moldovenești);

3. sporirea rolului Biroului pentru Relații Interetnice (BRI), care poate fi transformat într-un minister responsabil de elaborarea de politici și strategii privind securitatea societală;

4. utilizarea de *soft power* (putere blândă) pentru a spori atractivitatea statului moldovenesc în raport cu comunitățile etnice minoritare din interiorul țării, la fel ca și în raport cu statele lumii;

5. îmbunătățirea condițiilor de studiere a limbilor materne și a culturilor proprii pentru minoritățile naționale/etnice.

6. elaborarea și implementarea de programe privind predarea limbii de stat (Moldovenești/Române), a culturii și istoriei naționale;

7. crearea unui canal al postului public de televiziune, care să emită în limba rusă (după exemplul Estoniei);

În contextul schimbărilor de ordin geopolitic în plan regional și global se impune consolidarea statului moldovenesc, așa încât el să poată fi capabil să răspundă tuturor provocărilor din interior și din exterior.

Fortificarea sistemului de securitate națională: depolitizarea instituțiilor de forță

Din 1991 până în prezent statul Republica Moldova încearcă să-și consolideze capacitățile, pentru a confirma statutul de actor al dreptului internațional. Eforturile privind edificarea sistemului de securitate națională trebuie intensificate, mai ales în prezent, în contextul instabilității din regiunea Europei de Est. Or, asigurarea securității unui stat vizează supraviețuirea sa.

În vederea edificării sistemului de securitate națională, de real folos sunt elaborările științifice ale cercetătorilor internaționali din domeniul Studiilor de Securitate. Este cunoscută practica guvernanților moldoveni de împărțire, conform unui algoritm stabilit, a tuturor funcțiilor înalte în stat. În Republica Moldova pot fi utile aceste considerații ale unor specialiști consacrați: „În statele dezvoltate, forțele armate și serviciile de *intelligence* sunt separate de viața politică normală, iar funcționarea lor este supusă unor proceduri elaborate de autorizare. Când o

astfel de separare nu există, așa cum se întâmplă în state slabe (Nigeria sub regimul Abacha, URSS sub Stalin) sau în statele mobilizate pentru războiul total, multe aspecte ale politicii normale sunt introduse în sfera securității” [8, p. 50]. Cei trei autori au specificat: „Conceptul de state puternice și slabe (...) se sprijină pe gradul de coeziune socio-politică din cadrul statului, care este ridicat în cazul statelor puternice și diminuat în cazul statelor slabe” [8, p. 73-74].

Privită prin prisma acestor concluzii ale unor experți occidentali, situația din statul Republica Moldova îl califică mai degrabă ca fiind unul „slab”, întrucât gradul de coeziune socio-politică din cadrul statului este redus, iar structurile de forță încă nu sunt separate de viața politică normală, funcțiile (posturile) respective fiind împărțite între actorii politici. Este de admis că depolitizarea instituțiilor de forță ale statului le-ar oferi mai multă stabilitate și instituțiile responsabile de asigurarea securității naționale vor fi capabile să-și facă eficient datoria. Același lucru este valabil și pentru funcțiile de consilieri pe probleme de securitate din instituțiile statului (Președinție ș.a.).

Un stat viabil este cel cu o justiție liberă, cu instituții ale statului nepolitizate, mai ales cele de forță, și cu o mass-media liberă.

Concluzii. Tema cu privire la *misiunea* statului moldovenesc (a *proiectului de țară*) este una complexă și de actualitate. Încă de la originile statalității moldovenești poate fi constatată o vocație în domeniul asigurării securității în context regional a noii formațiuni statale. Datorită vocației în cauză statul moldovenesc a supraviețuit pe parcursul secolelor, el asigurând un echilibru al intereselor geopolitice ale marilor puteri în regiune. Pe parcursul secolelor statul moldovenesc a avut un sens, un rost.

La etapa contemporană se impune identificarea, elaborarea și implementarea unei misiuni a statului Republica Moldova, care să mobilizeze societatea și politicienii de la putere și din opoziție, spre depunerea de eforturi întru afirmarea plenară a țării pe plan regional și global. Misiunea țării ar putea fi axată pe conceptul de *securitate*, cuprinzându-se toate cele 5 sectoare ale sale, stabilite de cercetătorii Școlii de la Copenhaga (politic – un stat în care este respectată demnitatea cetățeanului; economic – platformă de convergență a investi-

țiilor din UE și Uniunea Eurasiatică; mediu ambiant – spațiu în care sunt interzise organismele modificate genetic, în care se produc produse „bio” și ecologice; societal – diversitate etno-culturală, cu respectarea specificului fiecărei minorități etnice; militar – neutralitate).

O asemenea abordare, care s-ar axa pe un rol al statului moldovenesc din perspectiva securității, ar corespunde și tradițiilor seculare pe care le are formațiunea statală moldovenească. În cazul concret al Republicii Moldova de astăzi, în elaborarea misiunii statului se va porni de la statutul de neutralitate, care urmează să fie recunoscut pe plan internațional. Practic, se impune elaborarea și adoptarea mai multor strategii privind asigurarea: securității economice, securității societale, securității politice, securității mediului, securității militare și securității informaționale.

Inițiativa elaborării misiunii statale poate aparține președintelui Republicii Moldova, iar sarcina concretă în acest sens poate fi încredințată consilierului pe probleme de securitate, ținând cont de faptul că misiunea țării ar trebui să constituie o contribuție fundamentală la asigurarea securității naționale a statului moldovenesc. Desigur, președintele poate crea o comisie din care să facă parte experți în Studii de Securitate – reprezentanți ai mediului științific (de cercetare). Misiunea țării trebuie inserată într-un *proiect de țară*. În țara vecină de peste Prut – România, președintele Klaus Iohannis a creat o asemenea comisie, care activează în această direcție.

Referințe bibliografice

1. „Robert Kaplan: «Când ești în Moldova descoperi că există un sentiment foarte difuz al identității naționale»”, <http://www.europalibera.org/a/27597771.html>, accesat: 14.03.2017.
2. Eminescu, Mihai, *Fragmentarium*, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1981.
3. „Marea Britanie iese din UE – Filmul ultimelor 24 de ore care au dus la această decizie istorică”, <http://www.ziare.com/brexit/marea-britanie/live-brexit-ramane-sau-iese-marea-britanie-din-ue-1426554>, accesat: 24.06.2016.
4. Kissinger, Henry, *Diplomația*, Editura All, București, 2013.

5. „Apărătorii creștinătății? Misiunea creștină a Rusiei e numai fum în ochi”, <http://www.gazetaromaneasca.com/comentarii/aprtorii-cretintii-misiunea-cretin-a-rusiei-e-numai-fum-in-ochi/>, accesat: 16.03.2017.
6. „Adevărul despre întemeierea Moldovei: o provincie maghiară de graniță cucerită de un rebel”, adev.ro/oku00xadev.ro/oku00x, accesat: 14.03.2017.
7. Eminescu, Mihai, *Publicistică. Referiri istorice și istoriografice*, Editura Cartea Moldovenească, Chișinău, 1990.
8. Barry Buzan, Ole Wæver, Jaap de Wilde, *Securitatea. Un nou cadru de analiză*, CA Publishing, Cluj-Napoca, 2011.

STATUL MOLDOVENESC PE HĂRȚILE GEOGRAFICE VECHI

Eugen PASCARI, istoric, publicist, Asociația moldovenească a
istoricilor și geografilor
Andrei GHERȚEN, doctor în științe geografice, cercetător științific,
Institutul de Geografie al AȘR

Rezumat

În acest studiu autorul menționează că hărțile vechi reprezintă o operă de artă, redau esența geografiei istorice. Autorul prezintă cinci hărți vechi: I hartă este publicată la Roma, în anul 1572 și cuprinde spațiile statelor europene – Franța, Spania, Anglia, Germania, Moldova; a II-a hartă, publicată în lucrarea *Cosmografia*, a lui Sebastian Munster, în anul 1530, corespunde cerințelor școlii renascentiste; a II-a hartă, cunoscută sub numele de „Harta lui Reihersdorf”, autorul lucrării „*Descrierea Moldovei*”, publicată în anul 1550; a IV-a hartă – „*La Moldavia e la Bessarabia divise ne loro particolari distretti*», autor Bartolommeo Borghi, publicată în anul 1790 la Siena; a V-a hartă, publicată în anul 1730 de Mateus Zoiter, în Augsburg.

Cuvinte-cheie: hartă geografică, geografie istorică, state europene, Moldova

THE MOLDOVAN STATE ON ANCIENT GEOGRAPHICAL MAPS

Abstract

In this study, the author mentions that the old maps represent a work of art, render the essence of historical geography. The author presents five old maps: The First map is published in Rome in 1572 and includes the spaces of the European states - France, Spain, England, Germany, Moldova; The Second Map, published in *Cosmography*, by Sebastian Munster, in 1530, corresponds to the requirements of the Renaissance school; The second map, known as the "Map of Reihersdorf", the author of the "Description of Moldova", published in 1550; The Fourth map - "La Moldavia e la Bessarabia divise ne loro particolari distretti", author Bartolommeo Borghi, published in 1790 in Siena; The fifth Map, published in 1730 by Mateus Zoiter, in Augsburg.

Keywords: geographic map, historical geography, European states, Moldova

МОЛДАВСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА СТАРИННЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТАХ

Старинная карта – произведение искусства и науки, квинт-эссенция исторической географии, науки объединяющей два старейших, обширнейших и в то же время интереснейших и наиболее увлекательных направления исследований, как и столетия спустя своего возникновения остающихся актуальными, важными и полезными. География – наука о Земном пространстве, о всех процессах и явлениях свойственных ему. История – наука о всех событиях, происходивших в этом пространстве.

История и география Молдавии не одно столетие привлекают внимание как виднейших учёных своих эпох, так и самый широкий круг людей, просто увлечённых узнаванием интересных фактов и сюжетов о природе, человеке, обществе и их взаимоотношениях.

Возможно, самыми восхитительными произведениями историко-географической науки о наших краях являются замечательные старинные карты Молдавии и соседних стран, составленные в Средние века и Новое время и изданные в различных европейских странах и городах. По последним оценкам с XI до середины XIX вв. издано около тысячи различных картографических произведений, на которых тем или иным образом отмечена Северо-Западное Причерноморье и Молдавия. Наиболее интенсивно процесс создания и публикации таких произведений проявился, начиная с эпохи Великих географических открытий и в период распространения книгопечатного дела.

Старинные географические карты являются бесценными и мало изученными источниками по истории Молдавии и всего Северо-Западного Причерноморья. Остановимся всего на нескольких примерах, ярко иллюстрирующих обширную совокупность исследуемого материала

Карта первая, издана в Риме в 1572 г. Восходит к традициям портуланов, с высочайшей точностью отражавшим географические реалии своего времени в первую очередь для навигационных целей. На карте изображены важнейшие порты Сре-

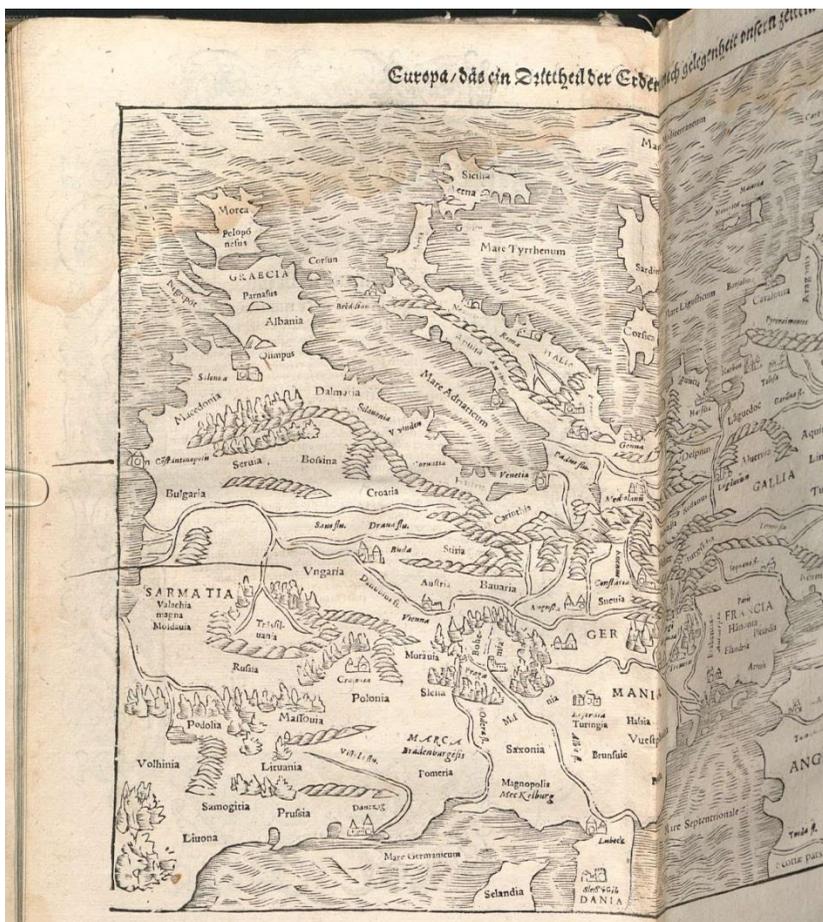
диземноморья, а также других частей морского побережья Европы, Азии и Африки.

На карте также указаны главные страны Европы: Франция, Испания, Англия, Германия, Италия. Примечательно то, что в Северном Причерноморье обозначена только Молдавия. Это свидетельствует о важнейшем значении страны в этом регионе Европы в середине XVI в.

Подчеркнем, со своей стороны, что географическое положение Северо-Западного Причерноморья и Молдавии в частности сохраняет своё стратегическое значение на протяжении всего исторического процесса с древнейших времён.

Карта вторая – карта Европы, опубликованная в книге Себастьяна Мюнстера «Космография», изданной в 1530 г. Восходит к другой – античной картографической школе, получившей интенсивное развитие в средневековой Европе и, в особенности, в эпоху Возрождения. Центральное место в этом научном направлении занимает география континентальной Европы.

Карта Мюнстера – так называемая «перевернутая» карта, на которой север находится внизу, а юг вверху. Здесь в Северо-Западном Причерноморье указаны сразу три названия, представляющие чрезвычайный интерес для исторической географии Молдавии: *Сарматия*, *Валахия Магна* (Великая Валахия) и, собственно, *Молдавия*. Топонимия, отражённая выдающимся средневековым картографом, безусловно, не случайна. Автор карты показывает историческую преемственность всех названий для одной и той же территории.

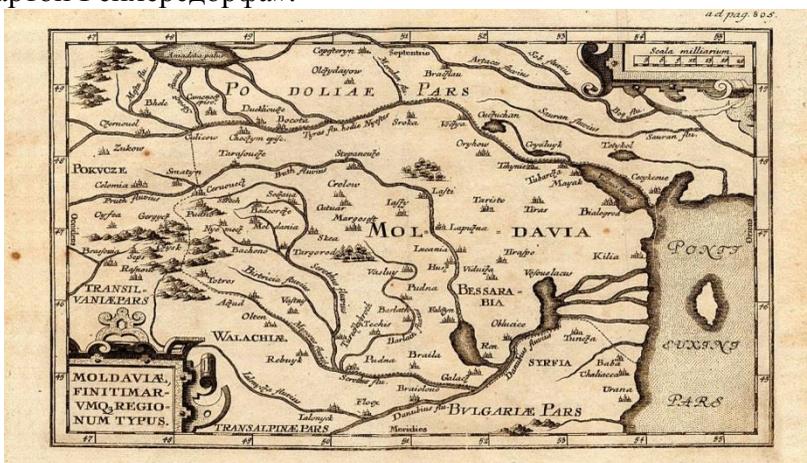

Но почему Сарматия, а не более привычная современным историкам Дакия? У данной топонимической традиции так же глубокая история. Как известно, некоторые древние географы, среди которых, например, ученый I в.н.э. Помпоний Мела, считали *Дакию* частью *Европейской Сарматии*. Такое мнение было общепринятым на протяжении более тысячи лет.

Тот же Мюнстер в своей «Космографии» пишет, что *Дакия* входила в *Нижнюю Паннонию*, которая, в свою очередь, была первой частью древней *Сарматии*. Историк III в. Дион Кассий, отмечал, что Римский император Марк Аврелий (161–180 гг.н.э.) хотел переименовать Дакию в *Сарматию*. Известный собиратель карт, автор первого Атласа современного типа Абрам Ортелий называет Трансильванию *Римской Сарматией*.

В свою очередь некоторые польские историографы эпохи Возрождения были убеждены в том, что сарматы были предками славян. «Древними же писателями и историками [эта страна] называется Европейской Сарматией, и как русские, так и поляки именуются сарматами» – отмечал Ян Длугош. А в 1677 г. Османская империя назначила Юрия Хмельницкого гетманом правобережно-го Войска Запорожского с титулом князя *Сарматии*.

Карта третья – ещё одна карта XVI в. Это хорошо известная многим историкам карта, которую иногда называют «картой Рейхерсдорфа».

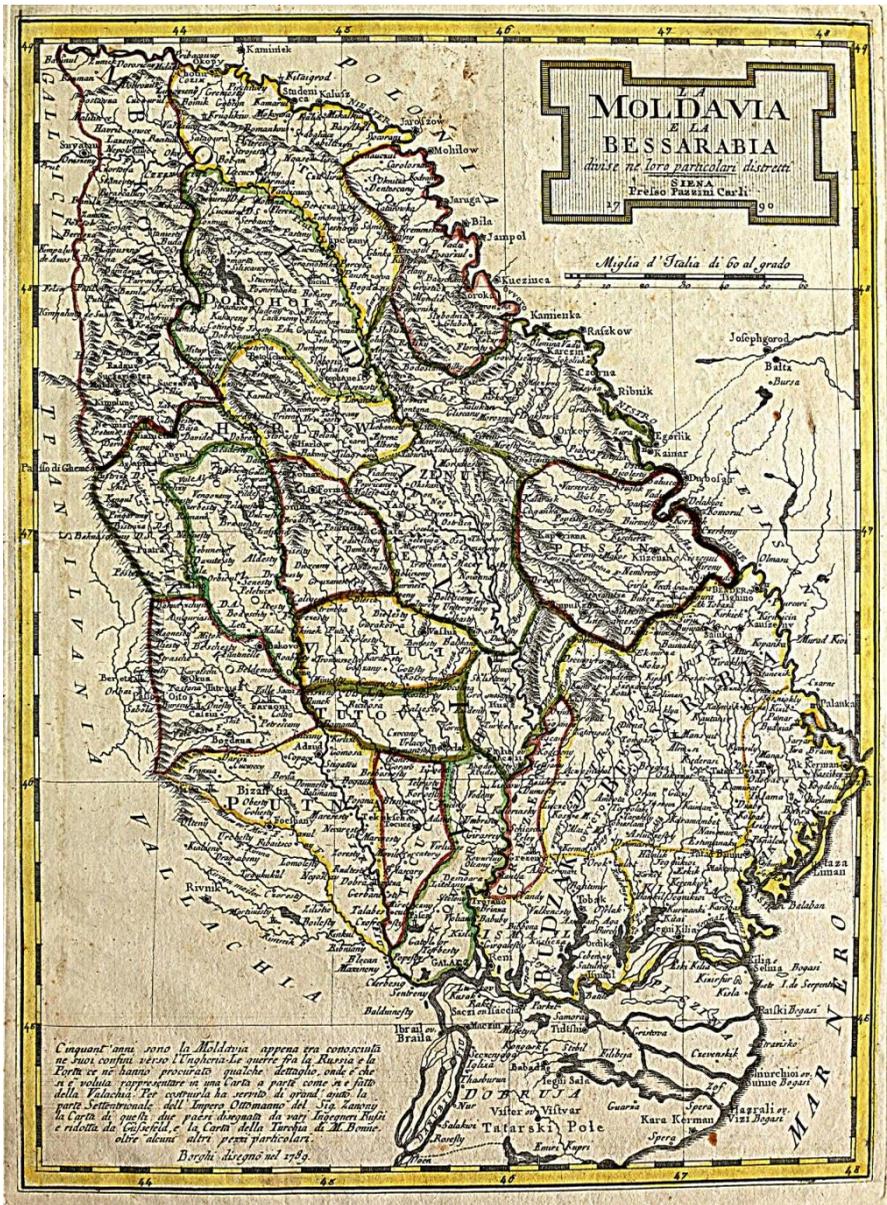
Хотелось бы внести некоторую ясность в вопрос авторства этой карты. Вполне возможно, сама карта не имеет непосредственного отношения к дипломату, служившему при дворе римского короля Фердинанда I Георгию Рейхерсдорфу, написавшему и издавшему в 1550 г. прекрасную книгу о Молдавии «Chorographia Moldaviae» («Описание Молдавии»).

Эта карта впервые появилась спустя полвека в изданной в 1595 г. книге историка и картографа Мартина Бронувия (Броневского) «Tartariae descriptio» («Описание Тартарии») в качестве иллюстрации к опубликованной здесь же (т.е. переизданной) книге «Описание Молдавии» Рейхерсдорфа. Вероятно, что эта, как и другие карты, опубликованные в книге, принадлежат Бронувию. Кстати, Бронувий, как и Рейхерсдорф, был уроженцем Трансильвании и, очевидно, очень хорошо разбирался в географии Северо-Западного Причерноморья. Это первая известная карта, на которой полностью изображена только сама Молдавия.

Карта четвёртая – восхитительная географическая карта «La Moldavia e la Bessarabia divise ne loro particolari distretti». Автор – итальянский картограф и издатель, «один из лучших географов Европы» Бартоломео Борги (Bartolommeo Borghi, 1750–1821). Создана в 1789 г., издана в 1790 в Сиене. Именно она была подарена президентом России Владимиром Путиным президенту Республики Молдова Игорю Додону, благодаря чему получила широкую известность.

Это одна из очень хороших в топографическом отношении карт конца XVIII в., потому что, как сказано в пояснении к самой карте, автор использовал наиболее подробные источники своего времени и в первую очередь работы авторитетных картографов.

Чрезвычайно высокий интерес в Западной Европе к Молдавии и её детальной картографии был связан с многочисленными австрийско-польско-русско-турецкими войнами в XVI–XVIII вв., главным театром действий выступала именно территория Северо-Западного Причерноморья.

Наиболее детально будет описана нами **пятая карта**, опубликованная в Аугсбурге в 1730 г. известным в свое время

немецким издателем и картографом Маттеусом Зойтером. Отметим важные детали карты – на ней кроме больших и малых городов, церквей, гербов и т. д., обозначены также этнонимы, т. е. названия проживающих в этом регионе народов. Поэтому её можно считать одной из первых этнополитических карт Молдавии и Северо-Западного Причерноморья.

Прежде всего, обратим внимание на названия государств: Principatus Moldavia (в переводе с латинского языка – Княжество Молдавия), Principatus Transylvania (Княжество Трансильвания), Principatus Walachia (Княжество Валахия) и Bulgaria (Болгария).

Северо-восточные границы Молдавии проходят по Днестру, где отмечено много городов. С востока Молдавия отделена границей от захваченной ещё в XV в. османами Бессарабии, которая в свою очередь делится на два санджаката (управляемые османскими

наместниками области или префектуры): Бендерский (Benderensis Sangiacatus) и Белгородский (Sangiacatus Bialogrodensis). В Бессарабии отмечено большое количество населенных пунктов, среди которых выделяются Бендеры (Tekin или Tegina, или Bender), а также Белгород (Аккерман) в устье Днестра (на правом берегу Днестровского лимана) и Исакча на Дунае. В восточном углу Бессарабии указаны Tartari Buziacenses – Буджакские Татары.

Река Прут разделяет Молдавию пополам на восточную и западную части. В восточной Молдавии крупнейшим городом является Хотин (на карте – Choeszyn или S. Choczyn), расположенный на правом берегу Днестра. В центральной Молдавии крупнейшим городом отмечен Lausane – Лозово (Лознова). Южные границы Молдавского княжества простираются до Дуная. В устье Прута обозначены два молдавских города: Галац и Рен – древний Tamarova Egeina, современный Рени.

В Западной части Молдавии крупнейшим городом являются Яссы (Iassy или Iazy), прилегающий к правому берегу Прута. Своими размерами среди прочих выделяются: Soczow (Czukaw, Czosawa) – современная Сучава, Targorod (он же Trescort), Hus на Пруте. Особым пунсоном отмечен Moldavorum Vigilia (древняя молдавская крепость) на реке Молда (Molda), к югу от него – Moldadania (Молдадания).

В западной части Молдавского княжества на границе с Трансильванией отмечена большая область *Moldavi Populi* – молдавский народ. Кроме того, в самой Трансильвании указаны четыре области *Moldavi* (молдаване), одна из них, пограничная на севере с Лембергской (т.е. Львовской) частью Русского графства (*Palat. Russiae Lembergensis pars*), находится рядом с городом *Maromagus* (Маромарус). Напомним, что именно из этих краев, согласно молдавским летописям романоязычные предки молдаван волохи (или влахи) переселились в Молдавию и стали называться молдаванами.

Об этой смене этнонима пишет известный молдавский летописец XVII в. Мирон Костин:

Нямул Цэрий Молдовой де унде се т[э]рэгэнязэ?

Дин цэриле Рымулуй, тот омул се крязэ,

Траян ынтыю ымпэратул, супуинду пе дахий

Драгош апой ын молдовень пременинду пре влахь.

Перевод:

Род Страны Молдавской откуда происходит (тянется, протягивается?)

Из земель Римских, каждый человек знает

Траян первый император, подчинивший даков

Драгош затем в молдаван превратил влахов.

На территории Трансильвании кроме Молдавского Народа – *Moldavi Populi* – отмечены и другие, среди которых: *Hungary Populi* (Венгерский Народ), *Saxones Populi* (Саксонский Народ), *Siculi Populi* (Сикульский Народ), *Valachi Populi* (Валашский Народ).

О Валахии. Столицей Валашского княжества является *Bucherest* иначе – *Buchorest*, где находится резиденция Валашского господаря (*Hospodaris Valachiensis*). Обращает на себя внимание валашский герб, на котором изображены головы трех темнокожих мужчин с чёрными вьющимися волосами и с белой ленточкой на лбу. Любопытно, что похожие изображения на флагах Сардинии и Корсики.

О Болгарии. Страна разделена на четыре области: Силистрийскую (Sangiacatus Silistriensis), Никопольскую (Sangiacatus Nicopolensis), Видинскую (Sangiacatus Bidenensis) и Сардикийскую (Sangiacatus Sardicensis, происходит от названия древнего города Сардика, позже Триадица, современная София). Добруджа, где обозначены Татары Добружские (Tatari Dobrucensis) полностью входит в состав Силистрийской области, которая по Дунаю граничит с Бессарабией, Молдавией и Валахией. Северные части Видинского и Никопольского санджаков захватывают значительные территории на левом берегу Дуная.

Обратим внимание ещё на одну область к югу от Болгарии – это Романия: Romania sive Thracia (Романия иначе Фракия). Со времен поздней античности и раннего средневековья Романией называли Римскую (Византийскую) империю. Крестоносцы, завоевав Константинополь в 1204 г., свое государство также называли Романией, которая сегодня в научной литературе больше известна как Латинская империя. После завоевания Константинополя османами в 1453 г., Романией, по-турецки Румелией, в европейских источниках называли Фракию. Однако по стечению обстоятельств во второй половине XIX в., это название дали новому государству – Румынии.

Выводы. Представленные географические карты хранят много чрезвычайно интересной и зачастую уникальной информации о Молдавии и Северо-Западном Причерноморье. Но это только малая часть колоссального научного и историко-культурного наследия, которое должно быть введено научный оборот и адекватно представлено всему обществу. Историкам, географам, этнографам, лингвистам предстоит большая работа в этом направлении. Молдавское историко-географическое общество готовит к публикации специальный *Атлас старинных географических карт* и мы надеемся, что при участии заинтересованных лиц он выйдет в свет в ближайшее время.

MOLDOVA ÎN PERIOADA RĂZBOIULUI RUSO-TURC DIN 1710-1713 PRIVITĂ DE RUȘI

*Vladimir ARTAMONOV, doctor în istorie, cercetător științific
principal, Institutul Istoria Rusiei al AȘR*

Rezumat

În anul 1711 Petru I îl trata pe Dimitrie Cantemir ca pe un asociat egal și proteja spațiul cuprins între Nistru și Carpați, și Dunărea de Jos. Capacitatea de luptă a soldaților moldoveni era apreciată ca inferioară în raport cu cea a serbilor, ungarilor, dar răgazul de la luptele grele în zona vestică a Nistrului era apreciat ca trădare a aliatului. În comparație cu polonezii, moldovenii în ochii rușilor se deosebeau prin ospitalitate și bunăvoință.

Pe Prut, armata rusă n-a suferit înfrângeri și doar starea de șoc a împăratului a condus la pacea grea din 12 iulie. În anii 1712-1713, împăratul evita războiul cu Turcia și se temea de relațiile conducătorului Moldovei cu agenții săi din Moldova și Valahia. Planul lui Cantemir de a trece de partea Habsburgilor în anul 1715 a rămas nedivulgat și el a intrat în elita Imperiului rus.

Cuvinte-cheie: *Moldova, Petru I, Dimitrie Cantemir, Turcia, soldații moldoveni, capacitate de luptă*

MOLDAVIA THROUGH THE EYES OF RUSSIANS DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1710-1713

Abstract

In 1711 Peter the great considered D. Cantemir as equal ally and all the space from the Dnieper to the Carpathians and the Lower Danube was taken under the protection of Russia. The combat readiness of the Moldavian hussar was estimated lower than that of Serbs and Hungarians, but the rest from the exhausting marches to the East of the Dniester river was considered a betrayal of an ally. Compared with Poles, Moldovans in the eyes of Russian were distinguished via hospitality and generosity.

On the river Prut, the Russian army was not defeated and only the shock of the king led to a severe world on July 12. In 1712-1713 Peter I was afraid of a war with Turkey, and feared relations D. Cantemir with his agents in Moldavia and Wallachia. Cantemir's plan to move to the Habsburgs in 1715 remained unknown and he entered the elite of the Russian Empire.

Keywords: *Moldova, Peter the great, D. Cantemir, Turkey, Moldavian hussars, fighting capability*

МОЛДАВИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1710-1713 ГГ.

Со времён князя Святослава в 968-971 гг., русские воины не появлялись в Днестровско-Прутском междуречье. После семи с половиной веков, в 1711 г., армия полтавских ветеранов-победителей во главе с царём, фельдмаршалом и основной частью правительства вошла в единоверную Молдавию. Москва в достаточной мере была знакома с княжеством, но вряд ли там детально знали уникальное молдавское прошлое.

Карпаты для молдаван не были горной крепостью, как горы для албанцев, черногорцев, шотландцев, черкесов и гуркхов. Пастушеско-животноводческое население, стиснутое в 1061-1240 гг. венграми и половцами, провело в XIII—XIV вв. быструю колонизацию к востоку от Карпат. Молдаване сберегли восточно-романскую самобытность и своеобразие отношений с окружающим миром.¹ При доминирующем восточно-романском языке и обычаях, молдаване освоили византийско-болгарское наследие. При симбиозе разных культур отличительной чертой молдаван была православная культура и духовность.

Междуусобица в Золотой Орде, начавшаяся с 1359 г., ускорила созревание молдавской государственности, которая пошла в рост почти одновременно с Великим княжеством Литовско-Русским и Великим княжеством Московским.

Тенденции к централизации были, но наследственной власти государей, как в Московском княжестве не сформировалось из-за нападений турок, ногайцев и крымских татар и внутренних смут. Родственные очаги государственности, существующие рядом, как правило, конфликтуют и Молдавия остро соперничала с Валахией.

Османская империя, ликвидировав вассальные Византию,

---

¹ . Артамонов В.А. Болгарский и молдаво-валахский очаги державности в Средневековье // Молдавско-болгарские отношения в Средние века и Новое время. Доклады международной научной конференции (Кишинёв, 21-23 октября 1996г.) Кишинёв, 1998. С. 25-26.

Сербское, Боснийское и Венгерское королевства, оставила Молдавию под «османским ограниченным сюзеренитетом» (Г.В.Гонца), так как та не лежала поперёк турецкой столбовой дороги Эдирне-София-Белград-Буда к Центральной Европе.

Молдавской национальной святыней, боевой славой и гордостью стал господарь Штефан III Великий. При нём Молдавия и Московское княжество всея Руси оставались двумя суверенными православными государствами. Высшим кредо Молдавии была идея православия и стремление к независимости. Молдаване осознавали непрерывность молдавской истории, оставались тождественны самим себе и лишь частично были адсорбированы «румынским миром». ¹

Господари отстаивали целостность исторической Молдовы, включая Буковину, Покутье и Буджак. Общественно-политической обособленности русинского, украинского и позже русского населения не было.

При ориентации господарей и боярства на Польшу, Венгрию, Турцию или империю Габсбургов, приверженность православию неизбежно выводила Молдавию на Россию. С 1812 г. молдавский рынок ориентировался на русский, в отличие, например, от финского, который после 1808-1809 гг. тянулся к Европе.

Каковы были взгляды русских на молдаван в период Русско-турецкой войны 1710-1713 гг.? ²

Для Молдавского княжества авторитет великого царя Петра и его огромной державы, особенно после победы над шведами в 1709 г., был огромен. При заключении договора в Луцке 13 апреля 1711 г. Д. Кантемира и царя не заботила изоляция Молдавии от российских владений, так как польская Правобережная Украина с 1704 по 1712 г. была под русско-казацким военным контролем. Царь принимал как единое целое всё пространство

---

¹ По-русски в настоящее время постоянно говорит 34,37 % горожан и 4,44 % сельчан. В 2004 г. румынами признали себя 3,40 % горожан и лишь 1,39 % сельских жителей. Мосионжник Л. Формирование многоэтнического общества в Бессарабии XIX в. // Русин 2010 № 4. С.67-68

² Имело бы смысл сопоставить и взгляды молдаван на русских в этот период.

от Днепра до Карпат и Нижнего Дуная. Переход Кантемира на сторону русских расценивался как важнейшее событие, о чём свидетельствовала гравюра с изображением князя лицом к величественной женщине, олицетворяющей Россию.¹

Посол в Речи Посполитой Г.Ф.Долгоруков авантюрно считал, что «можем... не токмо волохов и мултян, но и всем краем по Дунай за Божиею помощью овладеть».² Считалось, что появление православного царя у Нижнего Дуная вызовет мятеж в Дунайских княжествах, Болгарии и привлечёт из Венгрии 10-20 тыс. сербских добровольцев. Из сообщений агента в Стамбуле дубровчанина Л.Барки в феврале 1711 г. всё знали, что сил у противника будет не менее 118 400 человек,³ но этого не боялись, зная превосходство своих регулярных войск.

Большие надежды возлагались на первого балканского кавалера ордена Андрея Первозванного - валашского господаря К.Брынковяну, который в 1709 г. заключил тайный союз с царём, сулил поднять на восстание 30 тысяч сербов и болгар и обеспечить за деньги продовольствием Русскую армию.

Учитывая, что 13 апреля 1711 г. приказали собрать провиант для армии на 4 месяца, полагали, что кампания, возможно, продлиться не дольше четырёх месяцев. Впрочем, полной уверенности в «молдавском успехе» не было, учитывая наветы Брынковяну, что Кантемир предан туркам.⁴

---

¹ Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 50-51.

² За Дунай вряд ли собирались переходить, вопреки записи А.А.Яковлева: «Шереметев послан был наперёд с одною частию армии для благовременного строения моста чрез Дунай». Яковлев А.А. Выписка из журнала А.А.Яковлева, находившагося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711-м году // Отечественныя записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб., 1824. № 51. С.16.

³ Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф.89. Оп.1. 1711 г. Д.11. Л.19 и об.

⁴ Иерусалимский патриарх Хрисанф («друг туркам»), которого Порта позже, в 1712-1713 гг. собиралась поставить «на Казачью патриархию», писал, что «желание свобождения их принуждает писать и обещать то, чего не могут учинить», что Кантемир якобы предавал его самого и Брынковяну, сообщая туркам, что Хрисанф де «русской партии», что к русским господарь «пришёл

Поляки, боясь нашествия турок, весной 1711 г. убеждали русское командование вынести «всё седалище войны» в Молдавию. Австрийцы, имевшие виды на Дунайские княжества, беспокоились перемещением русских границ к Карпатам, но считали, что ни Молдавии, ни Валахии русские не удержат из-за отсутствия там крепостей и провианта.¹

Марш к Дунаю был подготовлен плохо - без детального расчёта расстояний и необходимого количества продовольствия и фуража. Обязательную перед любым вторжением разведку в Молдавии не провели и не учли уязвимость коммуникаций при переносе операций к Дунаю. Русское командование знало, что провианта и корма в Молдавии практически нет, травяной покров уничтожен саранчой, но, тем не менее, решилось поддерживать надежды молдаван на освобождение и выдержать условия Луцкого договора.

Залог успеха виделся в быстроте: *«пропущение времени смерти невозвратной подобно»*. Слабость молдавских нерегулярных войск принималась во внимание и Пётр I писал: *«Буде мы тою посылкою не ускорим, то... большая часть христиан не посмеют до тех мест к нам приступить, пока увидят разве нашу... счастливую баталию»*.² Вместе с тем надеялись, что молдавские, валашские и сербские полки могли бы стать ядром будущих национальных формирований в России. На молдаван надеялись, что они дадут проводников и сведения о силе турок и намерениях.

от нужды, а не от любви», что он и раньше остерегал не верить молдавскому князю. Патриарх Хрисанф – П.А.Толстому 13 августа 1712 г. РГАДА. Ф.89. Оп.1. Д.6. Л.725, 728.

¹ Австрийский посол Г.В.Велчек доносил из Москвы в феврале и марте 1711 г.: «Их силы и финансы малы, вооружение плохое, кавалерия к турецкой войне не пригодна, хороших генералов, кроме Януса и д'Энсберга нет, офицеры неопытны, но претензии московитов велики и, что самое главное, на их обещания нельзя положиться». РГАДА. Ф.32. Оп.5. Д.6. Л. 46, 56, 59, 68,86; Оп.1. Д.4. Л.86, 99, 176, 205.

² Письма и бумаги императора Петра Великого (далее ППВ). М.,1962. Т.11/1. С.221.

8 мая 1711 г. государь воззвал молдаван, валахов, греков, «славян», сербов, болгар, албанцев воевать за «древние свободы», «за освобождение церкви и веры святыя православныя от гонения бусурманского». Утверждалось, что русский самодержец не хочет «никакой корысти и над оными самовластия». Все освобождённые народы останутся с «прежними их принцы и начальники», все будут содержаться как «союзныя народы» под «вольной протекцией» России.¹

Запасной вариант предусматривал оставление Дунайских княжеств под контролем турок и подтягивание всех православных добровольцев за Днестр. Если *«турки чрез Дунай со всею силою перешли, то встать за Днестром в удобном месте и иметь добрую острожность... И трудиться привлекать к себе волохов, мультян, сербов и прочих христиан»*.

Фельдмаршал Б.П.Шереметев с корпусом кавалерии, Ингерманландским и Астраханским полками (14 тыс. 870 чел.) должен быстро навести переходы через Днестр, идти к Дунаю, овладеть там турецкими мостами, соорудить редуты и не допускать переправы противника. 17 мая Шереметев послал в молдавскую крепость Сороки манифест, чтобы «правоверные христиане» поднимались против неприятеля. Ставки месячных выплат обещались высокими - полковнику - 100 р., капитанам и ротмистрам 30 р., поручикам 20 р., хорунжим 15 р., рядовым 5 р.² (В 1712 г. после Прутского мира, ставки молдаванам резко уменьшились: полковникам - впятеро, поручикам и хорунжим - втрое меньше).

С 25 по 30 мая у Рашкова авангард Шереметева (2 пехотных и 10 драгунских полков - 14 873 чел.) продолжал «мешкотный» переход молдавской границы на Днестре.

30 мая «управитель» Кантемира, комендант Сорок С.Афендик сдал крепость русским, после чего получил чин полковника.

Рассеять турок нерегулярными силами численностью в

---

¹ Манифест всем христианским народам. ППВ. Т.11/1. С.225-227. Составлен С.Л.Владиславичем.

² Фельдмаршал граф Б.П.Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. Под ред. А.З.Мышлаевского. СПб.,1898. С.25-26.

8510 человек ¹ было невозможно. По просьбе Кантемира Шереметев 29 мая послал в Яссы полковника Г.И.Кропотова с 3 драгунскими полками и молдавским полком Ф.Апостола-Кигеча. С ними было послано 10 тысяч рублей для выплаты жалованья добровольцам-молдаванам и закупки провианта.

Главным было привлечь мнение молдаван на русскую сторону.

Поэтому под страхом смерти Шереметев запретил травить и косить хлеб у молдаван, *«дабы здешних обывателей хлебов, дорогою не отягчили и озлобление не чинили»* ² и ничего не брать безденежно. При степных переходах происходили «великие оплохи и частые непорядки». Ради пропитания отставали пехотинцы с ротными телегами и даже офицеры *«ради прихотей своих»*.

Молдаване подбадривали русских, говорили, что турки *«не имеют куражу и сами себе пророчествуют гибель»*. От них же исходила ложная весть, что Брынковяну идёт навстречу и находится якобы в двух днях пути от Ясс. ³

2 июня Кантемир уведомил Шереметева и С.Л.Владиславича, что раздаёт жалование ополченцам и рассылает указы по всей Молдавии, чтобы все вооружались и *«пришли к монаршеским войскам под мою команду до 15 числа сего месяца, а кто не придет, [то] шляхтич будет отлучен от маетностей своих, а народы будут преданы суду не токмо мирскому, но и церковному проклятию»*. «Любезнейшего брата» Брынко-

---

¹ Два молдавских полка Танских, одиннадцатая рота Кигеча, рота сербов и казаки атаманов Кутейникова, полковников Микифора Иванова, Лариона Леонтьева, Степана Михайлова. Извлечения из ведомости 31 мая 1711 г. отправленной из-за Днестра за милю. Мышлаевский А.З. Война с Турциею 1711 года. (Прутская операция). Материалы, извлечённые из архивов. СПб., 1898. С. 249-251. 28 мая Шереметев распорядился расписать, сколько нерегулярных «доброконные с оружием» и велел принимать молдаван только вооружённых и «доброконных». Там же. С.243.

² Б.П.Шереметев – А.А.Вейде 1 июля 1711 г. Мышлаевский А.З. Война с Турциею... С.147-148.

³ В.В.Долгоруков – Петру I 31 мая из-за Днестра. РГАДА. Каб.ПВ. Отд.2. Кн.13. Л.472-473.

вяну он побуждал немедленно присоединиться, *«понеже честь, достоинство и монаршеские милости получаютя с трудами и страхом»*.¹

3 июня принёс радость русским - Кантемир провозгласил Молдавское княжество под протекторатом царя. («Обязал чрез всю сию войну, яко союзник, крепко держатися и со всею своею силою купно с нами против общаго неприятеля действовать»). Но этот же день снял возможность перехода Брынковяну на русскую сторону - турки достигли Исакчи у Дуная и Валахия оказалась за их спиной.

В Яссах в то время собирались служивые, крестьяне, горожане, сапожники, портные, землекопы, трактирщики, батраки, мелкие купцы. Люди стекались под защиту полтавских победителей, боясь мести татар. Молдаванам после оглушительных русских побед 1709-1710 гг. казалось, что вдоль Дуная вырастет стена железных полков и турки не смогут противиться русским, ибо все христианские государства будут в союзе с Россией.² Проблем с языковым общением не было и русские солдаты были в восторге при встрече с православными единоверцами. (Отмечалось, что многие молдаване с офицерами русской службы хорошо говорили на латыни).

По сравнению с поляками молдаване в глазах русских отличались радушием и неописанной щедростью. В Сороках, Бельцах и Яссах жители, впервые увидевшие русских солдат, выкатывали на улицы бочки с вином. «Вся страна была с москвитянами», - писал молдавский гетман И.Некулче, сопровождавший Петра I от польской границы. Фельдмаршал Б.П.Шереметев вторил: «И последние мужики служить желают». Тогда же начались стихийные грабежи молдаванами лавок турецких купцов, угон скота и убийства турок.

Русское командование видело, что боеспособность мол-

---

¹Цвиркун В.И Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010 г. С.121; РГАДА. Каб.ПВ. Отд.2. Кн.13. Л. 1048 об., 1052.

² Мышлаевский А.З. Война с Турциею... С. 259. Для молдаван и валахов самым лучшим вариантом был бы выход Русской армии вообще за Дунай.

давских ополченцев была невысокой, они были необучены и плохо вооружены. Но вряд ли русские перешли на точку зрения француза Моро, что молдаване «ужасные воры» и годные «только для опустошения земли, как и татаре». ¹

Кантемир считал, что Молдавия едва от 6 до 8000 человек может выставить против неприятеля, и только «обитатели Нижней Молдавии привыкшие жить с татарами в войне, суть лучшие солдаты, притом и дичее других, также больше возмутительны и непостоянны... и без изъятия верят, что каждому человеку назначен свой день к смерти, прежде которого никто не умрёт, ни в войне не лишится жизни. Сие придаёт им великую отважность, так что иногда в бешенстве на неприятеля идут». ²

Напротив, молдавские («волошские») легкоконные полки Русской армии с начала их формирования в 1707 г., также как казаки и калмыки, отличались энергией и инициативой. К 1711 г. в петровской армии было 6 таких полков. ³ Доверие к ним было полное и в мае этого года партия браславского полковника Григораша Иваненко посылалась под Бендеры для сбора информации. Родственные молдавские и валашские войска, по мнению русского командования, с учётом православной взаимности, будут воевать вместе. ⁴

Через 15 дней после своего манифеста Кантемир собрал 17 полковников и 170 ротмистров, в ротах которых должно было быть набрано по сотне человек. ⁵ Господарь поднял всё, что

---

¹ «Господарь... привёл до шести тысяч плохой молдавской конницы: их всадники большею частию вооружены стрелами или полупиками, подобно казакам; все они ужасные воры». [Моро-де-Бразе]. Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года) // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1977. Т.8. С.413, 430. (Далее Моро).

² [Кантемир Д.К.] Дмитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнью сочинителя. М., 1789. С.222, 320.

³ Цвиркун В.И. У истоков русско-молдавского боевого содружества // *Ţvirscun V. Vitralii – Витражи. Chişinău, 2006. С.36.*

⁴ Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода... С.49.

⁵ Семёнова Л.Е. Княжества Молдавия и Валахия. Конец XIV – начало XIX в. Очерки внешнеполитической истории. М., 2006. С.282.

могла дать Молдавия и почти столько же, сколько собирали с княжества турки. Всего собралось 6-7 тысяч молдавских и русинских (с севера Молдавии) воинов. Но для Европы Пётр I и Г.И.Головкин представляли завышенное, до 10 тысяч, количество «благовооружённых и конных» молдаван,¹ к которым якобы скоро присоединятся валахи, «буджакские татары» и поможет воинство властителя «над многими степными ордами» калмыцкого хана Аюки. Поголовная мобилизация молдавского населения была невозможна.

Турецкому правительству Кантемир доносил о громадной силе русских и тем несколько замедлил движение турок на север.² В июне 1711 г. господарь тайно осведомил великого коронного гетмана А.Н.Сенявского о том, что трактат с Россией только обман, настоящее же его желание – быть под протекторатом Речи Посполитой - если боярам будут предоставлены места в Сенате и все шляхетские привилегии.³ Возможно, это был «запасной проект» извлечь Молдавию из-под ига османов.

Учитывая подход Русской армии, 6 июня Кантемир «себя, оружие своё и войска» присоединил к корпусу Шереметева. Он прибыл к фельдмаршалу в урочище Цуцору вместе с гетманом Некулче, пятью ротмистрами и боярским окружением.

Русский фельдмаршал торжественно встречал его за лагерьем, как равного союзника. «Полки все стояли в параде с распущенными знамены и честь была ему с барабанным боем». После обсуждения военной обстановки Кантемир в шатре Шереметева, «пив водку, кушали» вместе с русскими генералами. Свита князя была одарена «собольими и другими товары». Князь пока-

---

¹ Там же. С.289, 549.

² Kantecki K. Stanislaw Poniatowski, kasztelan krakowski, ojciec Stanislaw August. W Poznaniu, 1880. S.47.

³ 27 июня 1711 г. А.Н.Сенявский просил Августа II дать ему полномочия для подписания окончательного договора с Д.Кантемиром. Feldman J. Polska a sprawa wschodnia 1709-1714. Kraków, 1926. S.69. 26 июня он же поздравил из Львова П.П.Шафирово с присоединением молдавского господаря, но остерегал «быть осторожными с этим народом, ибо не было ещё примера, когда они сдержали бы свои обещания». РГАДА. Ф.79, Оп.1. 1711. Д.6. Л. 2.

зал Шереметеву своих верховых, вооружённых в основном, луками и короткими пиками. На дачу «новозатяжным» 5000 молдаванам Шереметев выделил 30 750 рублей.

Узнав о переходе противника через Дунай, фельдмаршал 8 июня собрал военный совет, который постановил переправиться на западный берег Прута, и повернуть к Яссам, то есть идти к Дунаю, прикрыв себя рекой Прут от османской армии, которая должна была двигаться вдоль восточного берега Прута.

Совет учтя, что «по обе стороны Дуная» собралось около 60 тысяч турок и 20 тысяч татар, а блокада врага приведёт войско к «худому состоянию», «рассудил за благо» перевести действия в оборонительные. Из-за Прута де можно будет «с неприятелем дефензиво поступать», высылая против врага «знатные партии».¹ Указывались и плюсы такого решения: можно овладеть хлебом в придунайских «без фортеции стоящих» городах, отрезать Валахию от неприятеля и привлечь её «частью чрез принуждение» на русскую сторону.²

Русские беспокоились, что бояре переметнутся к туркам из-за того, что царь «учинил господаря» наследственным молдавским самодержцем. Кантемир снял тревогу: *«хотя у него с ними [боярами] и есть противность, однако ж на них надёжен, что они николи к турецкой стороне не будут, разве некоторые немногие, кои на низу Прута живут»*.³

Господарь обещал к 15 июню собрать 10 тыс. молдаван, «а ежели кто не прибудет, к вышеписанному числу до наших войск, причтён будет за изменника». Обещалось доставить 15 000 баранов и 4000 волов, в значительной мере принадлежавших сбежавшим туркам. Несколько тысяч крупного и мелкого рогатого скота было значительной поддержкой Русской армии.

---

¹ Постановление военного совета в июне 1711 г. Мышлаевский А.З. Война с Турциею... С.262-263. Это постановление можно твёрдо датировать 8 июня.

² Часть молдавского боярства осталась на стороне турок. *«На воложский народ обнадёжится невозможно, ибо скоро могут чрез факции и деньги показать между собою ...разделение, о чём отчасти и показывается»*. ППВ. Т.11/1. С.546-547.

³ В. В. Долгоруков – Петру I 18 или 19 июня 1711 г. ППВ.Т.11/1. С.550.

Но хлеба и на три дня собрать нельзя – откровенно говорил князь, - в Молдавии был недород и налёт саранчи.¹

12 июня князь сообщал, что буджакских татар соберётся до 30 тысяч, а «турки и татары в великом страхе».²

Уклонение Шереметева с прямого пути к Дунаю и мешкота при сборе провианта вызвали гнев царя, который пригрозил пустить фельдмаршала «на съедение солдатам».³

Через 6 дней решающий совет основной армии 14 июня в районе Сорок оставил в силе решение Шереметева. В палатке генерала Я.В.Брюса зачитали обращение Кантемира, просившего всю Русскую армию спешить к его столице. **Симпатия – таково было отношение** к молдаванам «русской партии» в армии (Головкин, Шафиров, Брюс, Владиславич, Вейде, князя Долгоруков и Репнин), которая учитывала православную взаимность и считала, что состояние скверного турецкого войска невысокое. Напротив генералы-иноземцы д'Энсберг, фон дер Остен, В.Беркгольц и другие настаивали «на обороне» - отдохнуть от изнуряющих маршей за водной преградой Днестра и опереться на гарнизоны трёх крепостей - Могилева-Подольского, Сорок и (пока не захваченных) Бендер. На безводных и безлюдных степях между Днестром и Прутом армия де может погибнуть. Строить мосты и переходить Днестр под угрозой русского нападения турки не осмелятся. Генерал Л.Н.Алларт считал, что Кантемир, несмотря на стремление быть вместе с Россией, может ввести в заблуждение, как и Брынковяну, а его молдаване, которые привыкли служить в османском войске, могут и не быть одного с ним мнения.⁴

---

¹ «А хлеба нет, весьма отказал». «От оскудения хлеба начали есть мясо». Б.П.Шереметев – Петру I 16 июня 1711 г. ППВ. Т.11/1. С.547-548; Фельдмаршал граф Б.П.Шереметев... С.44. «Живыми консервами» армия и молдавские добровольцы запаслись в достатке и их хватило даже на обратный путь после 12 июля.

² В.В.Долгоруков - Петру I от 12 июня от р.Прут. РГАДА. Каб. ПВ. Отд.2. Кн.13. Л.1082.

³ Пётр I – Б.П.Шереметеву 12 июня 1711 г. ППВ. Т.11/1. С.285-286.

⁴ [Bruce P.H.] Des Herrn Peter Heinrich Bruce... Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Russland, Tartarey, Turkey, Westindien u.s.f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Russland. Leipzig, 1784. S. 46-47.

Идея отражать противника на Днестре была разумной, но Пётр I, сочувствуя единоверцам, надеялся на успех: *«Христиане бедныя zelo ревностно к нам поступают непрестанно и пишут неописанный страх и комфузию в поганых»*.¹ Довлел и хмель Полтавы - говорили, что неприятель, встретившись с русскими, падёт духом ещё ниже.

Дело решило пламенная речь «сорви-головы» - генерал-лейтенанта К.Э.Рённе – отсиживаться за рекой с такими прекрасными войсками недостойно; весь православный люд, как только появятся русские, поднимется и нет смысла тратиться на свои магазины, *«когда можно делать это на счёт неприятеля... Турки будут полууничтожены уже и тем, что увидят сильное войско его величества посреди их областей, готовое предписывать им законы»*.²

В главной квартире не учли, что османский дух не был сломлен в **1687-1689 гг.**, когда австрийцы вместе со славянами Сербии, Македонии, Далмации воевали в Валахии и Македонии, заняли Бухарест, а венецианцы осаждали афинский Акрополь. Были забыты слова П.А.Толстого о том, что турки считают себя неодолимыми, не боятся цесаря и ненавидят венецианцев. В тылу оставалась бендерская крепость и буджакские татары. «Устрашить» противника могла только антиосманская коалиция, но таковой в 1711 г. как раз не было. Сам Пётр I позже оценил Прутский поход как авантюрный: *«Сей марш против турков zelo отчаянно учинен»; «если бы получили викторию, тогда б еще дальше зашли»* и тогда бы *«еще хуже было»*.³

Но в середине июня, зная, что у Дуная собралось только 60-70 тысяч турок, царь *«чаял баталии, прося у Праведного Судии милости»*.⁴ Сдать только что поднявшихся молдаван на милость врагу было бы позором.

---

¹ ППВ. Т.11/1. С.216.

² Моро... С.420. О том же см.: Nordberg J.A. Histoire de Carles XII... Т.2.С.492

³ История Свейской Войны. (Подённая записка Петра Великого) М., 2004. Составитель Т.С.Майкова. Вып.1. С.176, 373-374. (Далее ГСВ).

⁴ ППВ. Т.11/1. С.296, 298.

В ту же ночь 14 июня войска стали переходить Днестр по наплавному мосту. 2000 солдат оставили в Могилеве-Подольском и три тысячи - в Яссах для защиты бояр и молдавской столицы, вместе с частью гусар молдавского полка ротмистра Ф.Апостола-Кигеча.¹

22 июня в лагерь Шереметева, тайно выехав из Валахии, прибыл великий спафарий (мечник) Фома (Тома) Кантакузино с восемью ротами лёгкой конницы и с «объявлением своей и всего мултянского народа к Его Царскому Величеству верности, что коль скоро войска Царского Величества к ним приблизятся, то они тотчас ко оному пристанут».² Обнадёживание о присоединении валахов оказалось ложным – когда корпус Рённе объявился у Дуная, к нему примкнуло чуть больше сотни «мултян».

В эти дни русское правительство появился шанс избавиться от нежеланной Турецкой войны и без потерь вернуться на Балтийский фронт. 23 июня в лагере у Ясс неожиданно появился грек-посланец – конюший и резидент валашского господаря в Москве Георгий Кастриот³. Кастриот объявил невероятное - верховный везир Мехмед Балтаджи тайно осведомил Иерусалимского патриарха Хрисанфа о желательности мирных переговоров.⁴ Возможно, он собирался «с царским величеством мир

---

¹ Б.П.Шереметев –Петру I 1 июля от р.Прут с Ясской стороны. РГАДА. Каб. ПВ. Отд.2. Кн.3. Л.1096 и об.

² О тайно отъехавшем из Валахии Ф.Кантакузино Шереметев оплошно писал, что надо быть с ним осторожным, не добивается ли он какого-нибудь своего интереса, иначе можно «озлобить» валашского господаря. Б.П.Шереметев – Петру I 22 июня от р. Прут. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн.13. 1069-1070; ППВ. Т.11/1. С.556.

³ Это был старый знакомец, предлагавший ещё в 1697 г. принять Молдавию и Валахию «под кров и власть» России, которая должна атаковать Очаков и Керчь, блокировать татар в Крыму, а валахи и молдаване нападут на Буджак. Семёнова Л.Е. Русско-валашские отношения в конце XVII – начале XVIII в. М., 1969. С.123-126.

⁴ После того, как Брынковяну услышал о рейде Рённе к валашским границам, «пришли на греческом языке и цифрами писанные письма от Бранкована от 7 июля, к канцлеру графу Головкину и к Кастриоту, в которых удивляется он и медленному ответу от Кастриота». Там же. С.112-113. В письме к

постановить, хотя и с малою прибылью турецкою, токмо бы королю шведскому дали свободную дорогу». ¹ Это подтверждали и пленные турки. ²

Миссия от валашского господаря подняла настрой и русский штаб отверг мирное предложение. Ведь в Молдавию вошли самые боеспособные войска вместе с победителем-самодержцем, опытной и храброй гвардией, лучшими генералами, офицерами, солдатами и канонирами. Представлялось, что стальной клин полтавских победителей разнесёт противника на пути к Дунаю. Командование придерживалось буквы Луцкого договора и понимало, что султан «не уступит волохов, а царском величестве, взяв их в верность за себя, [нельзя] уступать ему [султану] под меч». ³ Пётр I предписал «министру и надворному советнику» при штабе Шереметева С.Л.Владиславичу успокоить снедаемого тревогой Кантемира, что русские на мир не пойдут. ⁴ Подтверждение старых границ и уход Русской армии из Молдавии вместе с Кантемиром был невозможен.

Вечером 24 июня к молдавской столице с конвоем из 300 всадников отправился и Пётр I. При подходе к Яссам царя-освободителя и Екатерину Алексеевну встречало семейство Кантемира с женой Кассандрой и детьми, митрополит Гедеон II и молдавские бояре. От приёма 25 июня в Яском дворце монарх был в восторге («зело возделенный приём нас от господаря волоского и прочих сей земли»). Музыканты играли турецкие

Кастриоту валашский господарь выражал желание «с радостию видети такого приближения [русских], через что дабы и корреспонденцию чаще нам иметь, получая наставления от вас полезныя». Семёнова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия... С.285-286.

¹ Л.Барка – С.Л.Владиславичу 19 ноября 1711 г. РГАДА. Ф.89. Оп.1. 1711. Д.13. Л.40.

² Походный журнал 1711 г. Спб., 1854. С.63. Иностранцы наблюдали писали, что Балтаджи получил от султана разрешение «заклчить мир... без учёта интересов шведского короля». Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.С.119.

³ П.М.Апраксин – Ф.М.Апраксину 2 августа 1711 г. от озера Бакулинского. Мышлаевский А.З. Война с Турциею 1711 года... С.175.

⁴ Пётр I - С.Л.Владиславичу 20 июня 1711 г. ПШВ.Т.11/1. С.298.

напевы, сочинённые самим князем. Царь много раз обнимал, целовал и поднимал в объятьях невысокого молдавского князя. И царь, и П.П.Шафиров высоко оценили эрудицию и опыт Кантемира в политике и военном деле. Господарь был награждён портретом государя с бриллиантами.¹

26 июня Пётр вернулся к войску, стоявшему у Цуцоры и там «*светлейшему князю и самодержцу Молдавии*» предоставили почётное право принять парад в честь второй годовщины Полтавской битвы. Гвардия и войско «по всему фронту» отдавали честь барабанным боем Кантемиру. Российский государь как генерал-лейтенант, стоял перед Преображенским полком и салютовал палашом молдавскому князю. Красные знамёна гвардии символизировали освобождение молдаван и всех балканских христиан.

Способности Кантемира как человека «зело разумного и в советах способного» были сразу оценены. Кантемир великолепно знал военное (особенно турецкое) дело, умело обращался с пушками, был ловким наездником, на полном скаку далеко метал лёгкий дротик. При Русской армии он занял положение советника, а его молдавское ополчение («милиция») – фактически перешло под русскую команду.

Умом, красотой и манерами молдавский князь произвёл прекрасное впечатление. Господарь «был среднего роста, сложен удивительно стройно, прекрасен собою, важен, и с самой счастливой физиономией. Он был учтив и ласков; разговор его был вежлив и свободен. Он очень хорошо изъяснялся на латинском языке, что было весьма приятно для тех, которые его разумели».²

Утром 27 июня славили триумф под Полтавой. Генералитет и государь в походной церкви слушали обедню и Феофана Прокоповича, который славил мощь Российского царства. За праздничный, накрытый коврами «земляной стол» сели 220 ге-

---

¹Kantemir D. Geschichte des Osmanischen Reichs...S.766. Не все молдаване были согласны с Кантемиром. Некоторые его отряды, посланные для сбора провианта ушли к туркам. Nordberg J.A. Histoire de Carles XII roi de Suède. A la Haye, 1748.T.2. P.494.

² Моро... С.431.

нералов, офицеров и 15 виднейших бояр. Повторный пир в честь Полтавской битвы и Кантемира, который был посажен рядом с царём, «зело радостно» продолжался целый день. Дух командования и солдат был превосходным. «Царское угощение» имелось и для рядовых - для них государь закупил бочки молдавского вина. Бесшабашно веселились до одиннадцатого часа вечера. Но ночью заснувшие на пиру молдавские бояре и их слуги были позорно обшарены солдатами-мародёрами.

На генеральном совете в Яссах 28 июня постановили, что валахи, как и молдаване, должны приступить к великому государю и воевать против «врага креста Господня, турецкого солтана и его подданных бусурман». Кантемир, Ф.Кантакузин и Рённе предложили послать 15 тысяч войск в Валахию, чтобы «народ мултянский скорее к стороне нашей привлечь... и провианту на армию получить..., а ежели, государь тамошний... противен тому явится, то...дать народу обрать вместо него иного господаря». Если валахи соединятся с партией Рённе, то царь намеревался идти к Галацу и турецкой переправе на Дунае «под Облущицами». ¹

На праздник св. Петра и Павла 29 июня в Ясской соборной церкви «Трёх Святителей» молдавские бояре присягали на верность властителю России. «Государыню» Кассандру одарили соболями и бриллиантовым крестом. Все поздравили государя с именинами и снова до 7 часов вечера кутило застолье, будто в знак предстоящей победы.

Царь полагал, что турки даже с их артиллерией в 500 пушек (!) уклонятся от баталии и собирался повторить свой успех 1709 г. под Полтавой: *Дай Боже, чтоб в ыюле то же видеть как в ыюне [под Полтавой два года назад]*. ²

«Невыносимый трагизм» марша от Днестра до Прута, описанный позже в официозной «Истории Свейской войны» был

---

¹ П.П.Шафиров - Ф.М.Апраксину 30 июня 1711 г. Мышлаевский А.З. Война с Турциею... С.141; Соймонов Ф.И. История Петра Великого. СПб., 2012 С.221; Цвиркун В.И. Сратник Петра Великого. История жизни и деятельности Тома Кантакузино в письмах и документах. СПб., 2015. С.83.

² Пётр I— А.Д.Меншикову 30 июня 1711 г. ППВ. Т.11/1. С. 305.

преувеличен и вероятность русской победы была возможна. Если Пётр I предлагал авангарду регулярной конницы и части нерегулярной идти в Буджак для захвата провианта,¹ то Кантемир не рекомендовал двигаться дальше без пехоты и указывал на бесполезность отправки кавалерии в том направлении, так как ногайцы не только не приняли русское подданство, но вместе с кибитками и скотом откочевали к Дунаю и берегу Чёрного моря.

Вместе с Рённе к Браиле отрядили бригадиров Л.С.Чирикова и Г.И.Кропотова и 5 тыс. молдаван и валахов под командованием Ф.Кантакузино. На вербовку валахов и покупку провианта было выделено 15 тысяч рублей.²

Противники сближались по разным сторонам Прута. 29 июня Мехмед-паша от Дуная из Карталы потянулся вверх по восточному берегу. По его приказам от 1 и 2 июля турки начали сжигать деревни молдаван.³ Русской регулярной войсковой разведки, постоянного наблюдения и контакта конных разъездов с противником не было. 10 тысяч казаков, молдавские гусары русской службы и 6-7 тысяч ополченцев Кантемира не рассылались вперёд и по сторонам, а держались при регулярных полках «ради охранения дивизии, разъездов и караулов, также и для отсталых солдат в маршу».⁴

Во время нападений сипахов фузилёрные и гренадёрские роты драгун ружьями и мортирками успешно отбивали противника, но много молдаван, ехавших впереди, было перебито. Понимая, что молдаванам, как и остальным нерегулярным частям, трудно противостоять сипахам, их, как и драгунскую конницу, укрыли за пехотой и валами лагеря во время сражения на Пруте. Молдавانه споро работали над укреплением лагеря. И.Некулче записал, что русские солдаты «ободряли ополченцев молдаван, говоря, что при Полтаве сражались против более сильного врага

---

¹ ППВ.Т.11. № 4515, 4516, 4519, 4520.

² Семёнова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия... С.284. Подробную роспись корпуса Рённе см.: Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода... С. 157.

³ Kurat A.N. Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1962. Bd.10. H.1. S. 36.

⁴ А.И.Репнин – Б.П.Шереметеву 16 июля 1711 г. Мышлаевский А.З. Война с Турцией... С.157.

и победили». ¹ Из нерегулярных частей, кроме молдаван отбивались от турок сербы, венгры, французы и донцы. Сербы (239 чел.) и венгры (140 рядовых гусар и 117 рядовых пехотинцев) произвели хорошее впечатление на фельдмаршала Б.П.Шереметева, который считал их боеспособнее молдавских гусар. Гвардии подполковник князь В.В.Долгоруков тоже считал, что боеспособность молдаван не высока. «Во много мер венгров держать перед волохами прибыльнее, первое - что у них начальные люди добры гораздо и они им гораздо послушнее, из нерегулярных людей всех порядочнее, другое – волохов держать 3000, а венгров для прямого дела прибыльнее держать 1000 человек; венгров можно перед волохами назвать добрыми солдаты». ²

Сражение на Пруте окончилось с нерешённым результатом, Русская армия не потерпела поражения и только шоковое состояние царя привело к тяжёлым условиям мира 12 июля. ³ Конечно, никакого согласия на турецкое требование выдать Кантемира быть не могло. О том, чтобы выговорить что-либо в пользу Молдавии речи не было. Позже в Петербурге, чтобы подправить впечатление от неудачи на Пруте, её приписали казакам и молдаванам: «...волохов немалое число имели при себе, которые внутри обоза для безопасности своей были, от которых более комфузии, нежели помочи было, также как и от своих черкас или казаков украинских». ⁴ Потери молдаван и казаков не учитывались. На обратном пути полковые профосы не следили за порядком и полки грабили население. Конница Рённе уходила, «грабя и съедая всё, что находилось в стране. И население убегало из долин в горы. А когда слышали, что туда идёт Рент, то не ведали, куда уж дальше бежать». ⁵

---

¹ Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода... С.101.

² Потом 500 венгров перешло на польскую службу. В.В.Долгорукий - Петру 3 августа 1711 г. Мышлаевский А.З. Война с Турциею... С.177.

³ Артамонов В.А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015. С.65-66.

⁴ ГСВ. Вып. 1. С.371.

⁵ Так писал И.Некулче. Масан А. «До местечка Чернявец сего же сентября в 23 день» (о русско-шведско-казацкой стычке в Черновцах в 1709 г. и её международных последствиях) // Русин. Кишинёв, 2011. № 1. С.25.

Пётр I чувствовал свою вину за провал Прутской кампании - Кантемиру присвоили титул «светлейшего князя Российского», ему и его окружению «числом мужеска и женска полу больше четырёх тысяч душ» были выделены «дворы» в Харькове и имения бывшего генерал-майора Ф.Ф.Шидловского. Молдавский господарь в августе 1711 г. просил вместе с Некулче и частью молдавских бояр выезда «в отечество». ¹ Конечно, путь в Молдавию ему был заказан, но со свободным паспортом, он мог бы перебраться к Габсбургам, откуда продолжать попытки освобождения своей родины.

В 1712-1713 гг. царь любыми средствами стремился избавиться от войны с Турцией. И если до июля 1711 г. царь трактовал Кантемира как равноправного союзника, то теперь тот выглядел помехой на южном театре военных действий. Приходилось опасаться связей господаря с его агентами в Молдавии и Валахии, что могло нарушить мир с турками. Кантемир не мог согласиться с крушением своих планов и ещё с осени 1711 г. вёл переписку с Веной, чем вредил русской дипломатии. ² Вице-канцлер П.П.Шафиров, беспокоясь за судьбу мира, предложил выслать господаря «куда подале». Он несправедливо писал Г.И.Головкину 4 и 14 июня 1712 г. из Стамбула: «Как здесь слышу, [Кантемир] человек зело превратной и фалшивой и хану друг великой был... Может иногда и примирится [с турками]». «А ему [Кантемиру] истинно по здешним его поступкам верить нечего, ибо и на патриарха, и на брата своего, и на мулянского доводил туркам многожды». ³ Кантемир из района Харькова был переведён к Москве.

Разочарование и досада саднили душу господаря, который не терял веры в обретении независимости своего княжества. По-

---

¹ Б.П.Шереметев – Г.И.Головкину 23 августа 1711 г.: «Кантемир прислал ко мне брата своего конюшого и требует, дабы ему дать свободный пас, отпустить в ево отечество, но я того без указу Его Величества учинить не мог». ППВ.Т.11/2. С.413; РГАДА. Ф.89. Оп.1. 1711 г. Д.12. Л.19.

² Донесение И.Х.Урбиха в ноябре 1711 г. РГАДА. Ф.32. Оп.1. Д.4. Л.183 и об.

³ РГАДА. Ф.89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л.419 об., 427-428.

нимая, что все интересы царя теперь сосредоточились на Балтике, он в мае 1715 г., просил Габсбургов дать ему титул князя «Священной Римской империи» и вызвать, как имперского вассала на австрийскую службу из России, где ему навязывают «совершенное русское рабство».

План Кантемира перебраться к Габсбургам остался неизвестным русскому правительству. Пётр Великий, ценя учёность господаря, стремился удержать его в России. Кантемир вошёл в элиту Российской империи, стал видным сановником, сенатором и тайным советником, экспертом по делам Востока и ближайшим сподвижником царя-реформатора. Но путь князю в Европу был закрыт.

EVOLUȚIA STATALITĂȚII MOLDOVENEȘTI ÎNTRE PRUT ȘI NISTRU (1812-1828)

Petru BOICO, doctor în istorie, conferențiar universitar

Rezumat

În acest studiu autorul descrie procesul constituirii statalității moldovenești, menționând că statul moldovenesc apare în secolul al XIV-lea, proces susținut politic de Rusia. Pentru a-și argumenta concluzia, autorul aplică analiza de conținut la documentele semnate de împăratul Rusiei, arătând cum erau implementate dispozițiile regimului țarist. Autorul apreciază rolul mitropolitului Bănulescu-Bodoni în deschiderea instituțiilor culturale pe teritoriul Basarabiei. O idee importantă a studiului este despre specificul actului anexării Basarabiei la Rusia, proces susținut de biserica ortodoxă.

***Cuvinte-cheie:** statalitatea moldovenească, biserica ortodoxă, „Reguli”, conducerea civilă*

THE EVOLUTION OF MOLDOVAN STATEHOOD IN THE INTERFLUVE BETWEEN THE PRUT AND DNIESTER RIVERS (1812-1828)

Abstract

In this study, the author describes the process of establishing Moldovan statehood, noting that the Moldovan state emerged in the fourteenth century, a process politically supported by Russia. To argue the conclusion, the author applies the content analysis to documents signed by the Emperor of Russia, showing how the tsarist regime's provisions were implemented. The author appreciates Metropolitan Bănulescu-Bodoni's role in the opening of cultural institutions on the territory of Bessarabia. An important idea of the study is the specificity of the annexation of Bessarabia to Russia, a process supported by the Orthodox church.

***Keywords:** Moldovan statehood, orthodox church, "Rules", civil leadership*

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ПРУТА И ДНЕСТРА (1812-1828 гг.)

Государственность молдавского народа берет свое начало в середине XIV века. Своеобразие его истории состоит в том,

что территория княжества, по воле великих держав подвергалась территориальному расчленению дважды.

Турция как сюзерен княжества, в 1775 году уступила северную его часть, получившую название Буковина – Австрии, а в 1812 году восточную часть княжества, междуречье Прута и Днестра, получившую название Бессарабия – России. В результате объединения Дунайских княжеств в середине XIX века и образования государства Румыния, с 1862 года молдавское княжество прекратило свое существование.

Продолжательницей традиций молдавского княжества стала Бессарабия, сохранив национальный свой колорит в названии населения – молдаване, название языка – молдавский язык, традиции, обычаи, культуру и т.д.

Именно в восточной части, с получения статуса области, обозначившего определенный уровень национальной автономии в системе Российской империи, началась эволюция молдавской государственности. В результате перестройки административного устройства края, были заложены основы для возрождения государственности молдавского народа, правопреемницей которых стала Республика Молдова.

Самым значительным в эволюции современной государственности молдавского народа стали первые годы пребывания Бессарабии в составе России с 1812 по 1828 гг. Этому периоду и посвящено настоящее сообщение.

Россия не была удовлетворена результатом Бухарестского (1812 г.) мирного договора. В силу сложившейся международной обстановки, она вынуждена была довольствоваться присоединением лишь восточной части Молдавского княжества, междуречья Прута и Днестра. Преодолев противодействия австрийских и французских дипломатов, М.И.Кутузов – командующий Дунайской армией, 16 мая 1812 г. за 26 дней до нападения Наполеона заключил с Турцией мир. Междуречье Прута и Днестра (названное в 1813 г. Бессарабией) с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил перешли в состав России[1, с.242]. На повестку дня встали проблемы реформи-

рования присоединенной территории. Положение осложнялось тем, что до 1812 г. территория Бессарабии не имела единого управления.

Молдавский господарь и его администрация управляли центральными и северными уездами края. Южные районы находились под властью ногайских татар. Города и крепости Аккерман (Белгород-Днестровский), Бендеры, Измаил, Килия, Рени, Хотин и их окрестности, представляли собой райи и управлялись турецкой администрацией. Эти разнородные территории, обладали специфическими чертами в развитии экономики, этническим составом населения, темпами хозяйственной эволюции. Объединенные в 1812 г. в Бессарабскую область они вступили в новую фазу своего развития. К тому же возникли и ряд дополнительных обстоятельств. В 1807 г. буджакские татары были переселены в Крым. На малозаселенные земли Буджака стали селиться болгарские и гагаузские переселенцы из-за Дуная. Русское командование, наряду с наделением их земельными участками, предоставили и ряд льгот – освобождение на 3 года от налогов и повинностей. Специально назначенные русские офицеры, занимались устройством переселенцев, препятствуя закабалению их местными боярами [2, с.143]

Задачи, вставшие перед Россией в переустройстве административного управления в крае, были сложными, хотя Россия уже располагала опытом содействия улучшению социально – экономических отношений в княжествах, прибегнув к созданию русской гражданской администрации при командующем Дунайской армии. Ускоренного экономического развития края, как полагали сведущие люди при генеральном штабе Дунайской армии, можно было добиться только путем реформирования системы управления в крае, коренного изменения ее структуры, постепенного введения общероссийских законов и введения обновленной системы судопроизводства. Это требовало ограничения произвола местного боярства, отмены откупной системы сбора налогов и обеспечения благоприятных условий для податного населения, для хозяйственного прогресса края. А

поэтому, необходимо было организовать управление краем так, чтобы, прежде всего, не ущемлять в правах местную знать, гарантировать себе твердую социальную опору среди мелкого, среднего и, по возможности, крупного боярства.

С учетом международной обстановки, Россия перед мировой общественностью, Дунайскими княжествами и православными Балканских стран, должна была доказать, что присоединение Бессарабии это не просто, переход этого края от турецкого сюзеренитета в российское владение, а это что-то совершенно новое в обустройстве присоединенной территории. Во-первых, планируемые изменения, правительство России тесно связывало с социально-экономическими процессами, перестройкой форм и характера феодальных отношений, закладкой основ капиталистического уклада. Во-вторых, перестройку административного управления краем следовало провести без затяжки времени, несмотря на все трудности, порожденные Отечественной войной 1812 г.

В исторической литературе сложился своего рода шаблон, якобы разработку, утверждение и внедрение в действие положения об организации управления краем, было поручено командующему Дунайской армией адмиралу П.В. Чичагову. В действительности разработку проекта правил осуществили высококвалифицированные сотрудники государственной канцелярии под руководством И.Каподистрия, -грека, находящегося на дипломатической службе России, известного сторонника предоставления присоединенным территориям автономии. Закон под названием «Правила временного управления Бессарабией»²³ июля 1812 г. были подписаны командующим Дунайской армией и введены в действие в марте 1813 г.

«Правила 1813 г.» закрепляли за Бессарабией статус области. Военная власть вверялась командующему войсками, расположенными в крепостях и не пограничной линии. Гражданское правление от него не зависело. Гражданское правление области осуществлялось губернатором. В соответствии с «Правилами» было создано правительство Бессарабии. Гражданский

губернатор стал главой местной администрации, непосредственно подчиненной командующему Дунайской армией. Им стал крупнейший молдавский боярин Скарлат Стуруза, участник русско-турецких войн 1768-1774 и 1787-1791 гг., дослужившийся до звания бригадного генерала русской армии - личность хорошо известная не только в высших военных кругах, но и в правительстве России.

Областное правительство состояло из Общего собрания, куда входили все советники административных учреждений области, председателем которого являлся губернатор. При правительстве были учреждены два департамента. Первый ведал судебными вопросами на основе «местных указаний и обычаев». Второй – занимался статистикой, финансами и коммерцией. Каждый из департаментов делился на три экспедиции.

Дела в обоих департаментах велись на русском и молдавском языках параллельно. (3. Юбилейный сборник Кишинева. 1812-1912. К. 1914, с. 15). В составе областного административного аппарата численно преобладали молдавские бояре. Соотношение между молдавскими и русскими чиновниками составляло 7:5. В каждом департаменте решение по любому вопросу выносилось по большинству голосов[4, с. 44].

Обеспечение большинства во всех учреждениях местным представителям, преследовало цель широкого привлечения к управлению областью молдавских бояр, и сохранению национального характера края, что оказывало соответствующее впечатление в Дунайских и среди православного населения балканских стран, пребывающим под властью Турции.

Председательствовал в правительстве губернатор. Наряду с вопросами внутреннего управления области, губернатору предоставлялось право непосредственно связываться с губернаторами смежных губерний по текущим вопросам хозяйственной деятельности, а также с молдавским и валашским господарями по всем вопросам, касающимся различного рода взаимоотношений.

Таким образом, учреждение новой системы административных органов Бессарабии, положило начало обособлению

края, его отдаление от административной и политической системы молдавского княжества. Обособление края было обусловлено получением статуса области с ярко выраженными чертами ее автономных прав, как во внутренней жизни, так и внешней деятельности, особенно касательно взаимоотношений с Дунайскими княжествами.

Все эти новшества в совершенствовании административной системы области, превратили ее в самый продвинутый регион на Балканах. Они заложили предпосылки формирования основ тенденции к созданию молдавской государственности в будущем. Вместе с тем, что касается уездного управления, оно осталось почти без изменений. Уездное исправничество всецело находилось в руках местных бояр. Исправники располагали большой административной, судебной и исполнительной властью. Они назначали чиновников в округе (околе) – околашей, на участки (примарие) – управления городов, капитанов де мазыл и капитанов де тырг [4, с.45].

А поскольку «Правила» 1813 г. предоставляли жителям области права руководствоваться «их законами» или «обычаями земли», практически отражавшими феодальное право турецко-фанариотских времен, закреплявшие наиболее отсталые формы угнетения трудового народа, по существу, сохранялся откупной характер чиновничьих мест, ибо назначение чиновников не обходилось без взяток.

Объявив об освобождении населения от податей на три года, царские власти не определили источники существования чиновников. Все оставалось по-прежнему, что вызывало недовольство, прежде всего у крестьян. Это использовали протурецки настроенные бояре, уходя на жительство за Прут, где располагали собственностью, вели агитацию среди крестьян спасаться от введения в крае крепостного права, что приносило не мало хлопот областной администрации. Обеспокоен был и Петербург тем, что положение в Бессарабии продолжало оставаться тяжелым в виду хозяйственной разрухи, эпидемий, продовольственных затруднений, злоупотреблений протурецки

настроенного боярства, корыстолюбия и мздоимства чиновников и откупа казенных доходов, взяточничества, волокиты, бюрократизма. В областных учреждениях, к тому же, дела шли неважно и вызывали справедливые нарекания, так как для всех экспедиций нужно было набрать из местных жителей сведущих людей, а таких было мало[3, с. 16].

Вместе с тем были и факторы, которые благоприятно способствовали консолидации областной административной системы. Важнейшим из них явилось создание Кишиневской и Хотинской епархии православной церкви, 21 августа 1813 г., во главе с известным правительственным кругам России и на Балканах, Митрополитом Гавриилом Бэнулеску-Бодони.

Бэнулеску-Бодони Гавриил, митрополит Бессарабии (1813-1821), родился в Быстрице (Трансильвания). Учился в Киевской духовной академии и ряде духовных академий Греции, с 1774 года преподаватель Ясской господарской академии, затем Полтавской и Екатеринославской духовных семинарий. В последующие годы Бэнулеску-Бодони занимает высокие должности в церковной иерархии; митрополит Киева, Митрополит Молдавского княжества, а во время русско-турецкой войны 1806-1812 годов экзарх Дунайских княжеств Молдова и Валахия. С 1813 по 1821 – митрополит Бессарабии. На этом посту развил широкую культурную и административную деятельность. По его ходатайству в 1813 году была открыта Кишиневская духовная семинария – первое среднее учебное заведение в крае. В 1816 году при семинарии был открыт для детей дворян пансион. В 1818 году основывает первую типографию в Бессарабии. Бэнулеску-Бодони принимал активное участие в организации первых начальных ланкастерских школ в Бессарабии[5, с.91].

Митрополит стал доверенным, связующим звеном Кишинев-Петербург, от него исходила очень важная информация о положении дел в Области. В свою очередь Митрополит Гавриил, развернул плодотворную просветительскую деятельность не только в духовной, но и в светской жизни. Эта деятельность как митрополита, так и церкви в целом способствовали консо-

лидации бессарабского полиэтничного общества и превращения его в новую бессарабскую общность, не знавшую ни межэтнических ни межконфессиональных конфликтов.

Анализируя поведение оппозиционно настроенного боярства, которое в 1814 г. обратилось к царю с жалобой на факты ограничения его власти, автор «Правил» 1813 г.

И. Каподистрия посоветовал Императору Александру I сузить полномочия гражданского губернатора и назначить своего представителя (наместника) Области, с целью искоренения злоупотреблений в крае [6, с. 68]. С марта 1816 г. Область перешла под управление подольского военного губернатора А.Н.Бахметьева. Итак, губернатор Подолии и наместник Бессарабии, без какого-либо указания на совмещение должностей. Это было сделано с целью успокоить местное и в особенности оппозиционное боярство, тем что эта мера была временной, с целью соблюдения установленного законодательства.

Вместе с назначением наместника, для него была разработана и инструкция, в которой предписывалось: оживить хозяйство и торговлю, упорядочить сбор налогов, ликвидировать неурядицы в управлении, составить для Области гражданское уложение с обеспечением прав и преимуществ каждого сословия. «Поскольку народ Бессарабии не подвержен крепостному праву и пользуется полной свободой, - подчеркивалось в инструкции, - Его Императорскому Величеству угодно, чтобы сие положение не было подвержено ни малейшей перемене от какой-либо смеси жителей [2, с.224].

Итак, если при разработке «Правил» 1813 г. ставилась задача « не ущемлять в правах местную знать, гарантировать себе твердую социальную опору среди мелкого, среднего и, по возможности крупного боярства, при разработке проекта «Устава» ситуация изменилась. Боярство, в своем большинстве, признало административные нововведения, смирилось со своим положением, признав и мероприятия относительно ограничения злоупотреблений, признали и то, что «...народ Бессарабии не подвержен крепостному праву и пользуется полной свободой».

Это лишило оппозиционное боярство успеха агитировать крестьян покидать родные места.

Авторитет России, вырос на международной арене в связи с сокрушением Наполеоновской Франции, что налагало на Императора особую ответственность; ни в коем случае, он не мог допустить, чтобы положение Бессарабии стало хуже, чем было. Наряду с предписанием наместнику начать разработку для Области гражданского уложения и располагая сведениями о продолжении боярского произвола, Император обратился на имя не наместника, а на имя просвещенного экзарха Гавриила Бэнулеску-Бодони с рескриптом: «Поступив в подданство Российской империи, - отмечал Александр I – жители Бессарабии приобрели все выгоды. Я освободил всех жителей сего края на три года от разных податей... но к крайнему моему прискорбию известился самым достойным образом, что намерения мои не исполнены и беспорядки, особливо с некоторого времени, дошли до высочайшей степени так, что многие невинные семейства смиренных поселян, оставляя жилища свои, ищут убежища за границей. Все сие обращает на себя внимание, налагает на меня обязанность принять особые меры, дабы содеянное зло изгладилось и установилось для жителей Бессарабии на будущее время»[3, с.16]. И далее: «Чтобы все здесь изложенное было переведено на народный язык и при церковном оглашении распространено в слушание вверенной Вам паствы. Александр в С.-Петербурге, апреля 1 дня 1816 года. Вопреки феодальному режиму и самодержавию, при опасении самого выражения «Конституция», Император указывал на необходимость подготовки юридического акта конституционного характера, не видя в этом крамолу.

Вступив в свои права Бахметьев наряду с обновлением административных учреждений, создал Временный Комитет, где большинство составляло местное боярство (10:2) для выработки проекта Устава образования Бессарабской области. Сведения и подробности о результатах работы комитета над новым Законом становились общественным достоянием, это

вселяло уверенность населения в счастливом завтрашнем дне и приверженность к России [5, с.95].

Сведения и подробности о работе Временного комитета над новым законом и о том, что его утверждение Императором Александром I намечено провести в Кишиневе, не осталось безразличным и боярству Запрутской Молдавии и Валахии. На встречу с русским царем из княжеств прибыло около двухсот человек. Это свидетельствовало о том, что пребывание Бессарабии в составе России всего 6 лет и преобразования проводимые в крае, с участием местного населения, производило неизгладимое впечатление, своим новаторским подходом к примитивному прошлому в системе османской империи. Визит Императора в Бессарабию был подготовлен российской дипломатией с расчетом привлечь внимание, прежде всего Турции, Австрии, Англии и Франции к деятельности России по установлению статуса и определению места присоединенной провинции в системе Российской империи.

В 1818 году в апреле Кишинев удостоился посещения Его Величества императора Александра I, который проезжая от австрийской границы, где у него было свидание с императором австрийским, в город Одессу. Приехав из Дубоссар в город Кишинев вечером, Государь на второй день был в Митрополии и семинарии, а вечером присутствовал на балу, данном бессарабским дворянством в большом доме титулярного советника Теодора Крупенского, причем этот дом был переделан и приспособлен для приема Государя [7, с.82].

Направляясь в Кишинев царь знал, что проект закона, получивший официальное название «Устав образования Бессарабской области» уже составлен, что местное боярство, донимавшее его жалобами, будет удовлетворено, не только новшеством «Устава» 1818 г., но и тем, что будет приравнено в правах к русскому дворянству. Ждал визита Императора и простой народ, ждал покровительства и защиты от векового угнетения и унижения со стороны отуреченного боярства. Утверждением «Устава» в торжественной обстановке, царь хотел продемонстрировать всем

жителям Дунайских княжеств, а наряду с ними и православным христианам, поработанных Балканских стран, что Россия помнит о них, и готова взять под свое покровительство.

Указ об уравнивании в правах молдавского боярства с русским дворянством, радикально изменил отношение местной знати к порядкам, установленных новым законодательством. Наметился сдвиг в миграционном процессе. Покинувшие Бессарабию и бояре и крестьяне стали возвращаться в родные места. Это свидетельствовало о том, что область стала обособленным административным регионом, отличным во всех отношениях от общества запрутской Молдавии.

Бессарабия в это время стала краем, на который были обращены взоры населения его соседей, с завистью наблюдавших за событиями в Кишиневе. Россия преподносила урок своим оппонентам из Европы.

Программа пребывания Государя в Кишиневе 18-19 апреля 1818 г., была продумана всесторонне. Переночевав в доме наместника, как выразился одесский журналист, «превратившегося в дворец Освобождения Европы». На другой день был на завтраке у Митрополита, посетил духовную семинарию. Своим прещением духовной семинарии, Государь подчеркнул особую важность подготовки будущей краевой элиты не только в духе православия, но и преданности новой Родине. В то время любой из местных бояр, посчитал бы за честь приютить такого гостя. Однако выбор пал на экзарха (митрополита) и был сделан с расчетом на повышение не только авторитета митрополита, но и поднятия престижа православной церкви области, как составной части русской православной церкви перед верующими.

Бал, устроенный местным дворянством, царь открыл танцем с аборегенкой Пульхерией-Варфоломей – дочерью местного боярина. Это произвело особое впечатление на местное боярство, и на гостей – представителей княжеств Молдовы и Валахии, остававшихся под сюзеренитетом Парты. Организация торжественно-праздничного бала в присутствии Императора стала стимулом для более тесных связей в среде

элиты области, сближению местной знати с представителями русского офицерства, элитой колонистов. В сфере элиты формировались тесные связи, появлялись новые традиции, придававшие элитарному сословию новый облик, отличный от традиционного молдавского, не освободившегося еще от греко-фанариотского и турецкого влияния.

Крепостническая Россия, где правящие круги боялись слова Конституция « как черт ладана» могла гордиться цветом своей интеллигенции, победным маршем прошагавшей по Европе, которая все что могла выдать воплотила в «Уставе образования Бессарабской области» - юридическом акте равнозначном либеральной Конституции.

Невообразимо, Император утвердил закон, по которому в Области в качестве высшего административного и судебного органа учреждался Верховный совет из местных и русских дворян в соотношении в избранных 6 –и молдаван и 5-и назначенных Императором русских чиновников.

Верховный совет Бессарабской области, не имевший аналогов на Балканах, явился одной из главных предпосылок в создании в 1917 г. Сфатул Цэрий, провозгласившего 2 декабря Молдавскую Народную (Демократическую) республику.

Исполнительная власть, как предписывалось в «Уставе», осуществлялась губернатором и областным правительством. При областном правительстве назначался областной прокурор, а также уездные прокуроры. Учреждение прокуратуры восполнило упущения «Правил» 1813 г. Создание органа, которому вверялось право соблюдения законности во всех сферах жизни общества, придавало административной системе Области заверченный характер. Для сбора казенных податей в уездах вводились казначейства, как постоянный финансовый орган. В Области был создан надежный заслон от традиционных злоупотреблений чиновников[2, с.169-175]. В городах для руководства хозяйством, торговлей вводились городские думы и цеховые управы. Полицейская власть передавалась полицмейстеру. Уездные суды состояли из судьей и двух членов суда, избираемых

дворянство. Что касается крестьян (царан), то за ними, согласно «Уставу» «сохранялись права личной независимости от владельцев земель на прежнем основании» [8, с.151].

И все же при всех стараниях царизма, как заявил Император: «Моя цель заключается не в том, чтобы это безмерное добро и все, что вытекает из этого, стало достоянием какого-либо слоя общества, а все жители в равной мере могли извлечь выгоды». В политическом отношении народные массы края по-прежнему не пользовались «правами и преимуществами» в отличие от господствующего класса – дворянства] 8, с.16; с.156].

«Устав образования Бессарабской Области» 1818 г. юридически сформировал все органы административного управления сверху донизу, свойственные не только автономному территориальному образованию, но и самостоятельному государству. Таким образом «Устав» 1818 г. заложил основы в продвижении в будущем молдавского общества Бессарабской области к своей реальной государственности.

Однако введенная система административного управления Бессарабией 1818 г. не искоренила полностью беспорядки и злоупотребления чиновников. Поэтому в 20-е годы царское правительство продолжило перестраивать административное устройство Бессарабии. Наместничество было упразднено, Бессарабия была включена в новороссийское генерал – губернаторство на общих основаниях с новороссийскими губерниями. Согласно закону «Учреждения для управления Бессарабской областью», утвержденного Государственным советом 29 февраля 1829 г., Верховный совет был заменен Областным советом. Вместо Областного правительства было учреждено Областное правление. В крае вводились общероссийские учреждения, ограничившие возможности местных дворян обогащаться за счет чиновничьих должностей. «Учреждение» 1828 г. подтвердили права и привилегии населения, которыми они пользовались до его введения. Уравнение Бессарабии с губерниями России по административному устройству и положению,

завершило отмену систему управления характерную для отсталых феодально – государственных отношений периода османского господства. Вместе с тем вплоть до реформ 60 –70-х годов в России, Бессарабия сохраняла статус области с присущими ей национальными особенностями в управлении. Продолжал функционировать совещательный орган Областной совет. В тяжёлых делах по – прежнему применялись кодекс Доница и обычаи земли.

Библиография

1. Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига (1769-1812 гг.), К., 1984.
2. Гросул Я.С. Труды по истории Молдавии, К. 1982.
3. Юбилейный сборник Кишинева. 1812-1912. К. 1914.
4. Историческое значение присоединения Бессарабии и левобережного Поднепровья к России. К. 1987.
5. История Молдовы, т. 2, К. 2016.
6. Казаков И. А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения. М. 1955.
7. Крупенской А. Н. Краткий очерк о Бессарабии 1818-1828 гг. К. 1912.
8. Анцупов И. А., Жуков В. И. Административное устройство и управление Бессарабией (1812-1828)// Учен.зак. Кишинев. Госуниверситета, 1958, Т. 26.

MINORITATEA GERMANĂ DIN BASARABIA ÎNTRE 1814 ȘI 1940

*Mariana HAUSLEITNER, doctor habilitat în istorie,
conferențiar universitar, Freie Universität, Berlin*

Rezumat

Coloniștii germani din Basarabia au ajuns la numărul de vreo 60.000 de persoane în 1897. Deși reprezentau numai 3% din populația Basarabiei, au avut o contribuție importantă în economie. În Imperiul Rus au fost o sută de ani o populație loială. Dar în anii războiului erau considerați ca spioni și depravați de dreptul la proprietatea lor. După 1920 li s-a restituit proprietatea. Dar școlile germane au fost transferate în instituții românești. Nemulțumirea multor tineri care aveau puține șanse de ascensiune socială a contribuit la sporirea influenței nazismului. În toamna 1940 au fost strămutați 93.000 de germani din Basarabia în regiuni ocupate de Germania nazistă.

***Cuvinte-cheie:** Minoritatea germană, modernizare, autonomie culturală, nazism*

THE GERMAN MINORITY IN BESSARABIA 1814-1940

Abstract

The colonists immigrating to Bessarabia reached in 1897 the number of around 60.000 persons. Although they only amounted to 3% of the general population they contributed a significant part to the economic development. For 100 years they had been loyal citizens of the Russian Empire. During the years of World War I, however, they were suspected to be potential spies and therefore lost their right to dispose of their real estate properties. After 1920 these property rights were returned to them. However, most German schools were turned into Romanian institutions. Dissatisfaction with lacking job opportunities partly motivated many youths to join national-socialist organizations. During autumn of 1940 93.000 Germans were resettled from Bessarabia to areas occupied by the German Reich.

***Keywords:** German minority, modernization, cultural autonomy, national-socialism*

Germanii au locuit pe teritoriul Basarabiei numai 126 de ani, fiindcă au fost strămutați de Hitler în 1940. Chiar dacă este vorba de o perioadă destul de scurtă, studierea istoriei acestei minorități poate să fie utilă pentru a examina prin ce mijloace ei au reușit să aibă o importanță mare în economie. Ei erau un grup de numai trei procente din populația Basarabiei, dar au devenit influenți mai ales prin a crea structuri neguvernamentale.

Germanii au fost chemați de țarul Alexandru I. să populeze Buceagul, de unde au fost izgoniți anterior tătării. Primii au sosit acolo bulgarii și găgauzii, iar după 1814 germanii.¹ Cei mai mulți au venit din Germania de Sud, regiunea care este astăzi landul Württemberg. Țarul a promis ca fiecare cap de familie primește 65,5 ha pământ, toți vor fi scutiți zece ani de impozite și recrutări în armată. Pentru germani, lucrul cel mai important a fost ca statul să nu se amestece în administrația lor comunală și bisericească. Ei s-au așezat în marea majoritate în sudul Basarabiei, în sate separate lângă cealaltă populație. Administrația rusească a denumit mai multe colonii după localitățile unde armata rusă a luptat cu succes împotriva lui Napoleon ca de exemplu Arcis, Borodino, Tarutino, Tepliț și Leipzig. Celelalte colonii au primit în general denumiri germane. În 1826 trăiau cca. 9.000 de germani în 26 de colonii.² Având mulți copii, numărul germanilor a crescut repede: în 1897 erau deja 60.206.³

De la început germanii au fondat școli primare, fiindcă vroiau ca copiii lor să cunoască scrierile religioase. Aproape toți aparțineau bisericii evanghelice, unde un bărbat este acceptat ca matur, când citește din biblie în fața comunității. Centrul lor cultural a devenit Sărata, unde a fost înființată în 1844 o instituție de formare a cadrelor didactice de etnie germană.⁴

Situația economică a germanilor a fost în general mai bună decât a moldovenilor, fiindcă erau în posesie de pământ suficient. Ei au avut puține contacte cu țăranii moldoveni, numărul carora era mic în regiunea locuită de ei. Dar au avut legături extrem de strânse cu comercianții evrei, care le cumpărau surplusurile de marfă.⁵

Germanii putea să-și organizeze singuri administrația coloniilor.

---

¹ Brandes, Detlev: Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonien und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751-1914, München 1993, p. 116.

² Schmidt, Ute: Besarabia. Coloniștii germani de la Marea Neagră, Chișinău 2014, p. 85-100.

³ Solomon, Flavius: Identitate etnică și minorități în Republica Moldova. O bibliografie, Iași 2001, p. 160.

⁴ Fassel, Luminița: Das deutsche Schulwesen in Bessarabien 1812-1940, München 2000, p. 38.

⁵ Hausleitner, Mariana: Deutsche und Juden in Bessarabien 1814-1941. Zur Minderheitenpolitik Russlands und Großrumäniens, München 2005, p. 36.

Privilegiul de autoguvernare locală a rămas până în 1871. Centrul economic al germanilor a fost Tarutino unde era un târg mare în fiecare săptămână. Coloniștii au adus unelte agricole noi din Germania și au putut produce un surplus.¹ Ei au fondat asociații agricole/întovărășiri, începând din 1897. Numărul acestora a crescut repede și în 1907 s-a creat o centrală numită Uniunea de Economie germană din Basarabia (Deutsch-bessarabischer Wirtschaftsverband). Aceasta a dat credite țăranilor și a organizat transportul mărfurilor tuturor membrilor la piața din Tarutino sau la portul din Akkerman/Cetatea Albă. Așa și țăranii cu puțin pământ puteau participa la exportul grâului. Interesele politice ale germanilor le susținea deputatul Andreas Widmer în Zemstva din Akkerman și în prima Dumă de stat (1906).²

La Chișinău trăiau foarte puțini germani: ei erau ofițieri, funcționari sau mesteșugari. În 1838, țarul le-a dăruit biserica evanghelică Sf. Nikolai. Cel mai cunoscut german era Karl (Carol) Schmidt, care, începând din 1877 a fost 25 de ani primarul Chișinăului. El a contribuit mult la modernizarea orașului. După pogromul din aprilie 1903, la care au fost uciși 49 de evrei, Schmidt a criticat în comisia de cercetare că în ajun presa antisemitului Pavel Krușevan a agitat populația. Schmidt a fost demis din funcție, iar Krușevan onorat de către țar.³

Liderul germanilor din Chișinău a devenit în 1904 pastorul de origine baltică Erich Gutkewitsch, care a slujit până în 1940. El a înființat în 1907 organizația culturală (Kulturverein), care s-a impus în mod deosebit pentru învățământul școlar în limba germană. Din 1887 au crescut presiunile statului în direcția folosirii limbii ruse ca limbă de predare în școli. În anul 1897, 62,9% a bărbaților germani știau să citească în limba rusă. Acesta era numărul cel mai mare de știitori de carte din Basarabia, urmați de evreii.⁴

După ce portul de la Odesa a fost mărit germanii participau la

---

¹ Isert, Ingo Rüdiger: Die Bessarabiendeutschen, in: Bochmann, Klaus/Dumbrava, Vasile/Müller Dietmar/Reinhardt, Victoria (ed.) Die Republik Moldau. Ein Handbuch, Leipzig 2012, p. 226.

² Fassel, Das deutsche Schulwesen, p. 94.

³ Garusov, Olga: Karl Schmidt. Primar al Chișinăului 1877-1903, Chișinău 2014; Judge, Edward H.: Ostern in Kischinjew. Anatomie eines Pogroms, Mainz 1995, p. 105-108.

⁴ Frunțașu, Iulian: O istorie etnopolitică a Basarabiei 1812-2002, Chișinău 2002, p. 71.

exportul de cereale. Comercianții evrei cumpărau surplusul coloniștilor și îl transportau de la Akkerman la Odesa. Stepa Buceagului era și deosebit de propice pentru creșterea oilor și cailor. Mulți germani creșteau ovine caracul a căror blană era prelucrată în fabrici mici la Tarutino, Arcis, Tepliț și Sărata. Mesteșugarii germani produceau căruțe stabile, la mare căutare în sudul Rusiei și în Moldova.¹ Doi industriași germani aveau la Chișinău o uzină mecanică și o fabrică de obiecte de ceramică.²

Existau câțiva politicieni ruși, care, începând din 1912 cereau ca germanii să nu mai cumpere pământ pentru copii lor în alte localități. Dar în guvernul Imperiului rus germanii erau considerați un grup important din punct de vedere economic pînă la începutul primului război mondial.³ După pogromul din mai 1915, la Moscova toți coloniștii germani au fost tratați ca dușmani: vreo 200.000 germani din Wolhinia și Polonia rusească au fost deportați în Siberia, Ural și alte regiuni.⁴ Cei din Basarabia au fost expropriați prin legile țariste din 2 februarie și 13 decembrie 1915. Ei trebuiau să presteze muncă forțată pentru armată. Dar au scăpat de deportare, fiindcă în iarna 1916/1917 străzile erau înzăpezite, iar după aceea a intervenit revoluția din februarie 1917. Fiind deposedați de guvernul rusc, germanii au văzut cu ochi buni căderea țarului. Guvernul provizoriu Lvov a anulat la 11 martie 1917 în mod teoretic efectele decretelor din 1915, dar nu a prevăzut un sistem clar de reguli pentru repunere în posesie a coloniștilor.⁵ Imediat germanii au început să-și restabilească organizațiile economice și culturale. Școlile germane au fost redeschise în septembrie 1917.⁶

---

¹ Schmidt, Ute: Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Südosteuropa (1814 bis heute), Köln 2003, p. 48-50.

² Purici, Ștefan: Introducere în istoria Basarabiei, Suceava 2006, p. 42.

³ Hausleitner, Deutsche, p. 37.

⁴ Krieger, Viktor: Kolonisten, Sowjetdeutsche, Aussiedler. Eine Geschichte der Russlanddeutschen, Bonn 2015, p. 80.

⁵ Suveică, Svetlana: Integrarea Basarabiei la România și minoritatea germană, în: Turliuc, Cătălin/Solomon, Flavius (ed.): Puncte în istorie. Studii româno-germane, Iași 2001, p. 70-71.

⁶ Schroeder, Olga: Die Deutschen in Bessarabien 1914-1940. Eine Minderheit zwischen Selbstbehauptung und Anpassung, Stuttgart 2012, p. 51-55

Cînd a intrat armata română în Basarabia, în ianuarie 1918, mulți germani au sperat ca ea va stabili ordinea. Din octombrie 1917, trecuseră grupuri mari de soldați care se întorceau prin Buceag la vetrele lor și în trecere prădau gospodăriile germanilor. Dar în martie 1918 delegații germanilor s-au abținut de la vot pentru alipirea Basarabiei la România. Ei au declarat că n-au mandat pentru această decizie, fiindcă Congresul coloniștilor germani nu a putut să se întrunească din cauza stării de asediu. În martie 1919, germanii au trimis o delegație la regele Ferdinand și l-au rugat să abrogheze legea prin care au pierdut dreptul la proprietatea lor în Rusia. În august 1919, Congresul a solicitat din nou anularea legii din 1915. Un Decret-lege din 6 octombrie 1919 a repus coloniștii în drepturile lor anterioare, legi excepționale din 1915.¹

După 1920, mulți moșieri germani au pierdut a parte a pământului, fiindcă la reforma agrară s-a stabilit limita la 100 hectari. Dar și cîțiva germani săraci au primit loturi mici de pământ. Situația economică în sudul Basarabiei era după 1918 grea, fiindcă germanii nu mai puteau exporta produsele lor la piața din Odesa. Iar drumurile de fier în direcția porturilor dunărene Reni și Galați s-au construit abia în mijlocul anilor 1920. Pentru a organiza transportul mărfurilor în orașele din Regat, mulți coloniști au depus bani în societățile economice organizate de Uniunea Economică Germană (Deutscher Wirtschaftsverband). Au construit o rețea mare, prin care primeau credite și instrucții cum pot îmbunătăți producția lor.²

O mare problemă pentru germanii din Buceag era infiltrarea de agitatori din Uniunea Sovietică. Din cauza lor regiunea de graniță era sub stare de asediu, ceea ce aducea și daune vieții economice. Așa se poate explica de ce un grup de voluntari germani s-au alăturat cu arme jandarmilor români în septembrie 1924 cînd un grup de comuniști a

---

¹ Hausleitner, Deutsche, p. 76 și 98; Suveica, Svetlana: Controverse ale procesului exproprierii în Basarabia interbelică, in: Ihrig, Stefan/ Dumbrava, Vasile/Müller, Dietmar/Șarov, Igor (ed.): Istoria între știință și școală – perioada interbelică în Basarabia, Braunschweig/Chișinău 2008, p. 121.

² Schroeder, Die Deutschen, p. 56 și 218.

organizat o răscoală în Tatarbunar.¹ După suprimarea ei cu forțe militare, câțiva germani au fost onorați cu decorația “Barbație și Credință”. Pentru această ceremonie veniseră din București în 1925 miniștrii Ion Incuț și Gheorghe Tătărescu. Germanii sperau ca guvernul național liberal le va finanța ca răsplată școlile primare cu limba de predare germană, ceea ce nu s-a împlinit.²

În timpul țarismului, școlile primare aparținuseră bisericii evanghelice și sub administrația română deveniseră școli de stat. La început se mai predă în limba germană, dar numărul orelor în germană scădea rapid. La Congresul coloniștilor germani se cerea în august 1923 ca școlile primare să fie organizate de biserică și subvenționate din partea statului. La mijlocul anilor 1920, aproape numai învățătorii români au predat în localități germane și copii nu învățau să citească în limba maternă. Erau două excepții: un gimnaziu particular de băieți și unul de fete la Tarutino, care aparțineau bisericii și unde se predă în limba germană. Dar și acolo, începând cu 1926, elevii trebuiau să absolvească bacalaureatul în limba română. Ziarul germanilor a protestat, după ce un mare număr de absolvenți a fost respins din cauza că nu cunoșteau bine limba de stat.³

Problema românizării forțate a tineretului german a fost mult dezbătută în organizațiile germanilor. Toți germanii alegeau delegații pentru un Sfat al germanilor (Deutscher Volksrat). Mulți ani el a fost condus de teologul Daniel Haase, care era și capul bisericii evanghelice din Basarabia. Haase a fost ales în parlament începând cu 1926 și după 1927 el a susținut partidul țărănist. Între 1928 și 1930 guvernele țărăniste au finanțat câțiva învățători care au predat limba germană în școlile primare din localități unde majoritatea populației erau germani. Din cauza crizei economice mondiale aceste subvenții n-au mai fost posibile după 1930. Deorece nu mai existau șanse

---

¹ Asociația Istoricilor și Politologilor „Pro Moldova”: Istoria Moldovei, vol. III, Chișinău 2016, p. 87.

² Schroeder-Negru, Olga: Rebeliunea de la Tatar Bunar în 1924. Germanii basarabeni între anti-bolșevism și patriotism românesc, in: Ihrig, Stefan/ Dumbrava, Vasile/Müller, Dietmar/Șarov, Igor (ed.): Istoria între știință și școală – perioada interbelică în Basarabia, Braunschweig/Chișinău 2008, p. 89 și 91.

³ Hausleitner, Deutsche, p. 148; Schlarb, Tradition, p. 161-162.

pentru locuri de muncă, numărul elevilor de la seminarul de învățători germani din Sărata s-a redus repede: între 1933 și 1937 de la 245 la 150. Unii profesori și elevi care se vedeau marginalizați în societatea română au fondat primul nucleu nazist în Basarabia. Ei s-au alăturat grupului nazist Selbsthilfe a unor sași din Ardeal. Guvernul român a dizolvat această organizație în 1934, dar ea a activat mai departe infiltrând societățile culturale germane. Din Germania soseau docenți care agitau mai ales tineretul german din Basarabia cu idei rasiale.¹

La Chișinău mare influență a avut viceconsulul Germaniei Otto Hirsch. Care a deținut această poziție între 1925 și 1937. El era un comerciant bogat și a aderat la partidul lui Hitler deja în 1932. În 1933, el a făcut propagandă pentru un boicot împotriva mărfurilor din magazinele evreilor.²

Până atunci, germanii de la Chișinău aveau în general contacte bune cu evreii. Din corespondența viceconsulului Hirsch către Ambasada Germană de la București reiese că erau și germani, care nu s-au distanțat de evrei. De exemplu Rudolf Kurtz care era vicepreședintele camerei medicilor n-a susținut boicotul magazinelor evreiești. Când viceconsulul a vrut să-l izgonească pe Kurtz în 1933 din organizația germană de cultură (Kulturverein) s-au împotrivit mai mulți membri.³

Dar situația persoanelor cu poziții moderate a devenit grea după ce guvernul național liberal a interzis predarea în limba germană în școlile de stat. Au fost anulate toate concesiile guvernelor țărăniște. Peste o sută de învățători germani și-au pierdut locul de muncă. Lupta lungă a senatorului Haase nu a dat roade și el a fost

---

¹ Schlarb, Cornelia: Tradition im Wandel. Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Bessarabien 1814-1940, Köln 2007, p. 218-219; Schlarb, Cornelia: Einflüsse des Nationalsozialismus auf Kirche und Schule bei den Bessarabiendeutschen, in: Jahrbuch der Deutschen aus Bessarabien. Heimatkalender 2014, Hannover 2013, p. 129-147.

² Glass, Hildrun: Zerbrochene Nachbarschaft. Das deutsch-jüdische Verhältnis in Rumänien 1918-1938, München 1996, p. 597; Hausleitner, Deutsche, p. 153-154.

³ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Deutsche Gesandtschaft Bukarest, Kulturpolitik, R 60184, Scrisoarea lui Hirsch din 15.4.1933.

atacat de tineri naziști. Lângă ziarul săptămînal care îl susținea pe Haase “Deutsche Zeitung Bessarabiens” a apărut o concurență. Noua gazetă (“Deutsches Volksblatt”) era subvenționată din Germania. După o campanie de calomnie, senatorul Haase a fost înlăturat în 1934 de naziștii de la conducerea germanilor din Basarabia. În 1936 a fost destituit și ca reprezentant al bisericii evanghelice.¹

Noul lider politic a devenit Otto Broneske, care era cu 20 de ani mai tînăr ca Haase și studiasse în Germania. Din 1926 era secretar la centrala întovărășirilor germane (Verband Deutscher Genossenschaften). Această organizație primea subvenții din Germania. Broneske s-a alăturat în 1934 naziștilor din Ardeal, care, începînd din 1935 au dominat în organizațiile germane.

În timpul dictaturii regale a lui Carol al II-lea, partidele germane au fost dizolvate. Grupul german a activat în cadrul „Frontului Renașterii Naționale”. În februarie 1939, Broneske a fost cooptat în Consiliul de Coroană, o instituție cu caracter consultativ.² Cînd în ianuarie 1940 Carol al II-lea a vizitat Chișinăul Broneske a declarat că germanii vor lupta pentru patria lor împotriva bolșevismului. Despre ce s-a stabilit în acordul secret dintre Molotov și Ribbentrop în privința germanilor din Basarabia a aflat numai cîteva zile înainte de cedarea teritoriului de către România.³ În Germania nazistă se lucra în 1939 la planuri de strămutari a multor minorități germane pentru a obține teritorii omogene din punct de vedere a populației.⁴

După intrarea Armatei Roșii în Basarabia în iunie 1940 s-a început cu organizarea strămutării germanilor din Basarabia. Sub conducerea organizației din Berlin Volksdeutsche Mittelstelle au fost strămutați în septembrie 1940 peste 93.000 de persoane din Basarabia. Acești basarabeni au primit în regiunile ocupate de Germania gospodăriile polonezilor care au fost deportați anterior. Cei

---

¹ Eckert, Horst: *Aufstieg, Wirken und Fall des Oberpastors Daniel Haase*, Laatzen 2012, p. 105-137.

² Eckert, Horst: „Für Volkstum und Glaube“. *Otto Broneske und die Bessarabiendeutschen im 20. Jahrhundert*, Laatzen 2016, p. 159 și 246.

³ Broneske, Otto: *Deutsches Schicksal in der Fremde*, Stuttgart 1976, p. 165-166.

⁴ Lumans, Valdis O.: *Himmlers Auxiliaries. The Volksdeutsche Mittelstelle and the German National Minorities of Europe 1933-1945*, Chapel Hill 1993, p. 104-112.

mai mulți basarabeni nu s-au simțit bine acolo, fiindcă nu stăteau împreună cu rudele lor și foștii concetățeni. Erau amestecați cu germanii strămutați din țările baltice. Pamîntul l-au primit numai în arendă și trebuiau să producă după un plan și pentru prețuri stabilite de stat. Fiii celor strămutați au fost mobilizați pentru a lupta în divizile de SS organizate de oamenii lui Himmler.¹

Cînd a ajuns Armata Roșie în Polonia în ianuarie 1945 a început evacuarea tuturor germanilor. În timpul războiului au murit 10% din germanii din Basarabia. Ceilalți s-au răspândit în diverse regiuni din Germania de Vest și Est. Între familiile strămutate în 1940 și izgonite în 1945 a fost și cea a lui Horst Köhler care a fost președintele Germaniei între 2004 și 2010. El a susținut activitatea germanilor din Basarabia care sunt organizați în Bessarabiendeutscher Verein.² Această organizație a constituit în 2009 o comisie istorică care a analizat daunele aduse de nazism populației germane din Basarabia. S-a întocmit un grup de cercetare și s-a editat o carte cu citate din presa timpului.³

În concluzie se poate vedea de ce minoritatea germană a fost 100 de ani un grup loial în Imperiul rus. Dar după ce au pierdut dreptul la proprietatea de pamînt în 1915 germanii s-au bucurat cînd a fost înlăturat țarul. Germanii din Basarabia sperau ca vor optîne în Regatul român dreptul la autonomie culturală garantat la Conferința de Pace de la Paris din 1919. Dar politicienii din partidul național liberal au susținut un program de romanizare forțată. Prin el tineretul german s-a văzut marginalizat și a început să caute sprijin în Germania nazistă.

Despre viața germanilor care au trăit pe teritoriul Republicii Moldova s-au publicat în ultimii ani mai multe cărți în Germania. Relațiile germanilor cu moldovenii și alte popoare ar putea fi un proiect bun de cooperare pentru viitor.

---

¹ Jachomowski, Dirk: Die Umsiedlung der Bessarabien-, Bukowina- und Dobrudschadeutschen, München 1984, p. 198-203.

² Langguth, Gerd: Horst Köhler. Biografie, München 2007, p. 23-33.

³ Wolter, Stefanie: NS-Einfluss auf die Deutschen in Bessarabien. Eine Pressedokumentation, Stuttgart 2013.

**„DARURILE PĂMÎNTULUI MOLDOVEI” CA
FACTOR AL FORMĂRII CREDINCIOȘILOR DE RIT
VECHI ÎN EUROPA DE SUD-VEST
(SEC. XVIII – ÎNC. SEC. XIX)**

*Alexandru PRIGARIN, doctor habilitat în istorie, etnopolitolog,
Odesa, Ucraina*

Rezumat

În acest articol autorul descrie mobilitatea credincioșilor de rit vechi pe teritoriul Moldovei, Bucovinei, Dobrogei. În zonele de intersecție a frontierei imperiilor în sec. XVIII se concentrau comunitățile de creștini, care se simțeau în siguranță, avînd posibilitatea să treacă în caz de pericol dintr-un stat în altul. Numărul credincioșilor de rit vechi în aceste teritorii permanent creștea, de aceea autoritățile laice și bisericesti au negociat aceleași drepturi pentru toate varietățile de credincioși.

Cuvinte-cheie: *credincioși de rit vechi (lipoveni), Moldova, Bucovina, Imperiul Rus, Polonia*

**"MOLDOVAN LAND PIETY" AS A FACTOR IN THE
FORMATION OF THE SOUTHEAST EUROPE'S OLD
BELIEVERS (18th CENTURY – THE BEGINNING OF
THE 19th CENTURY)**

Abstract

In this article the author describes the mobility of old rite believers in the territory of Moldova, Bucovina, Dobrogea. In the intersection of the empires' borders in the 18th century the communities of Christians who felt safe, having the possibility to pass in case of danger from one state to another settled there. The number of old rite believers in these permanent territories was increasing, so secular and church authorities negotiated the same rights for all varieties of believers.

Keywords: *old rite believers (Lipovans), Moldova, Bucovina, the Russian Empire, Poland*

«БЛАГОЧЕСТИЕ ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОЙ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

Представление о благочестии иереев «земли Молдавской» выступили важным фактором старообрядческого движения в XVIII в. Именно из-за отношения к чистоте Молдавской церкви, ее приверженность византийским канонам, сформировалось юго-западное направление бегства и спасения ревнителей «древлего благочестия». В частности, на основании этих поисков сложилось современное староверческое население ряда историко-этнографических областей: Подолья [47; 48], Бессарабии [10, с.159-163; 46; 8, с. 25-37, 54 - 64; 9, с.13-36; 49, с.61 - 91], Буковины [53; 54; 56; 57; 60; 61; 62, р. 91 - 105], Добруджи [58; 59; 45]. При том, что такие религиозные аспекты старообрядческих миграций присутствуют в историографии [23; 59; 43; 44], они рассматривались достаточно фрагментарно и эпизодически. Накопление эмпирических данных из источников различных типов, позволяет по новому поставить проблему взаимодействия лидеров дониконовского православия и молдавских архиереев на раннем этапе.

Русские старообрядцы на протяжении всей своей истории проявляли высокую степень мобильности. Стоит им только почувствовать давление со стороны государства и официальной церкви, как сразу же вчерашний поселок превратился в пустыню, а его жители уже устроились за сотни, а иногда - и тысячи верст. Желание сохранить свою веру приводило к массовым переселениям за пределы государства. Активное освоение старообрядцами ряда регионов Европы в XVIII в. совпало со значительным расширением владений Российской империи. Эти параллельные процессы обусловили ситуацию, когда практически каждое поколение старообрядцев в поисках свободы вынуждено было искать новые места обитания.

На пересечении границ империй в XVIII в. сосредоточились древле-православные общины, для которых жизнь на границе стала удобной стратегией выживания. Причем, как в глобальном,

так и локальном смысле. Веру в данных обстоятельствах сохранить удавалось, «перебегая» из государства в государство.

Присутствие старообрядцев под именем «липован» на молдавско-греческих землях фиксируется уже в первой четверти XVIII в. Эти многочисленные и достаточно массовые общины старообрядцев генетически были связаны с Полесским (Ветковско-Стародубским) районом. Начало им положили поиски «благочестивого архиерея» у Ясского митрополита еще в 20-х годах XVIII в. [22 с.439] Староверы, обосновавшиеся на этой земле, продолжают поддерживать тесные отношения со своими полесскими собратьями [24 с.67-69]. Такой трансграничный характер связей подчеркивается деятельностью в 1720 - 1730-х гг. Владыки Епифания, который обслуживал общины от Днестра до Ветки [59, р.70-71]. Еще раньше, известно, что иеромонах Герасим, который окроплял некрасовцев, не раз списывался с ветковскими священниками [42, с.55]. «Посланником из Кубани» назвал он себя, дойдя до Ясского митрополита. Главной проблемой был поиск митрополита для создания полноценной церковной организации. Тогда как один из перспективных центров благочестия начала рассматриваться Молдавия.

В 1723 г. в Яссах побывали Спиридон Иванов (с Ардоне), «посланцы из Кубани» - некрасовцы во главе с Герасимом, архимандрит Иосиф из Спасоярославского монастыря [19 с.1138-1141]. Переговоры с Яским митрополитом Антонием в 1730 г. о посвящении в епископы ветковского монаха Павла закончились ничем [33, с.152]. Так же, отказом завершилась аналогичная просьба к константинопольскому патриарху Паисию. В 1732 г. один из стариков, живший в Ветке - Авраамий уже указывал, что «слышал у Валашской земли русского народа раскольников есть с 70 слобод» [42, с.56]. Приведенные факты переговоров свидетельствуют о бытовании местных общин, на которые опирались делегаты как из кубанско-донских территорий, так и ветковских.

Видимо в это время формируется старообрядческое население в Бессарабии. Например, на 1723 г. среди жителей Куничи уже отмечены староверы. Согласно установившейся историо-

графической традиции, обустройство здесь ревнителем «древлего благочестия» связано с переселением сюда казаков из Дона [24, с.262; 7, с.47-56]. В составе первопоселенцев могли также оказаться бывшие жители северно-русских регионов [21, с.115-127; 40, с.72-73]. Согласно народным преданиям, его основали выходцы именно из этих регионов еще в конце XVII в. [12, с.4; 46, с.19]. Объект их охоты - куница, в изобилии водилась в местных лесах, послужила поводом для образования ойконима. В результате похода русских войск в 1769 г., многие сторонники «древлего благочестия» переселились дальше в Молдову и на Дунай. Но к 1803 г. здесь проживало «52 липована», а к 1817г. - 90 дворов или 104 семейства [34, с.19].

Об активных конфессиональных связях староверов Керженца, Дона, Кубани, Ветки и Молдавии хорошо известно. Эти центры вместе в первой четверти XVIII в. в историко-религиозной литературе указываются как «главные центры поповщины» [33, с.126-128]. Есть немало свидетельств факта присутствия старообрядцев на молдавских территориях уже с конца XVII - начала XVIII в. [17, с.17; 55, р.663] Однако вряд ли эти переселения были массовыми.

Количественное усиление переселений в юго-западном направлении следует отнести к 1730-х гг. "Тогда, особенно во время господства грубого, жестокого, кровожадного временщика Бирона, много тысяч народа принимали раскол и бежали в Польшу, Молдавию и Валахию» [52, с. 124], - справедливо отмечал историк XIX в.

Генетически близкой к этому региону следует считать территориальную группу «Пилипон» Подолья. Эти старообрядческие общины сформировались, видимо в такой же последовательности и по аналогичным причинам. Их специфику обусловило проживание не на румынских, а на польских землях. В пределах Речи Посполитой они имели как религиозную свободу, так и ряд социально-экономических преференций. К факторам, помешавшим стабилизироваться на этих землях староверам, следует отнести трагические события Колиивщины, а также раз-

дела Речи Посполитой и включение ее западных территорий в состав Российской империи. Так, например, в результате похода русских войск под командованием И. В. Гудовича в 1764 г. из Подолья было выведено более 3-х тысяч старообрядцев [5, арк.26]. Для всех этих поселений был характерен топоним «Филипп» или его производные. Для многочисленных сел (Куреневка, Пилипоновка, Лука, Черемисы, Таможенник т.д.) были характерные уточнения: «Боровские», «Хребтиевские», «Александровские» и др. [48, с.21-22].

Считается, что старообрядцы появились на Подолье еще в конце XVII в. [47, с.42; 48, с.21-22]. Однако массовый процесс колонизации сторонниками дониконовского православия вряд ли имел место ранее второй четверти XVIII в., то есть после «выгонок» с Ветки и Стародубья (1735 г. и 1764г.). Здесь поселилось немало крестьян и мещан на помещичьих землях с условиями оплаты почти символической подати. Немало сторонников «древлего благочестия» поселились на землях Ходкевичей, Потоцких, Козловских и других [4, л. 8-9]. Выявлено немало аналогичных данных [например: 3], позволяющих раскрыть своеобразное положение старообрядцев - свободные в социальном плане крестьяне выплачивали арендную плату за пользование землей и другими ресурсами землевладельцам. В 1754 г. были собраны сведения о раскольниках, которые жили в Польше. Как выяснилось, в 95-е слободах и 4-х монастырях насчитывалось 3690 дворов с населением около 11070 душ мужского пола [23, с.89-91]. Лишь в Подольской губернии в 1807 г. оказалось 3 старообрядческие церкви, 27 часовен и 1 молитвенный дом [13 с.102]. Наряду со всеми этими сооружениями ремарка - «давно построены».

Уже с начала XVIII в. наблюдались единичные переселения подольских староверов в пределы Пруто-Днестровского междуречья. Здесь они фиксировались под именами *касан* или *руссу* [50, с.52].

После разделений Польши и вхождения Новороссийского края в состав Российской империи Подолье становится регионом выхода старообрядцев к южным губерниям - прежде всего,

к городам Бессарабии и Херсонской губернии. Например, в мае 1809 г. к Дюку де Ришелье обратился Дий Титов от имени 183 старообрядческих «пилипонов» Сорокодубов и Голопуповинов Брацлавщины. По этой просьбе видно их желание переселиться в Одессу, Григориополь, Тирасполь или Овидиополь [5, л. 1-7]. Военный губернатор, комментируя это, указывал, что таких документов было немало и многие из них были удовлетворены. Очевидные конвергентные процессы освоения пространств - пилипон в рамках Речи Посполитой и липоване - на молдавско-греческих землях. Начальной формой является русское самоназвание «филиппоны». Именно дьяк (по другим сведениям - монах) Филипп Ветковский в 1720-е гг. агитировал переселяться староверов с Ветки в юго-западном направлении, ближе к Ясскому митрополиту [24 с.26-27].

Особенностью их социального положения следует считать, что их права не оговаривались центральными властями Речи Посполитой, а регулировались нормами обычного права. Лично независимые пилипоны непосредственно договаривались с землевладельцами об условиях жизнедеятельности, выплачивая «оброк» и пользуясь правом внутреннего самоуправления [3, л. 2-3].

Объемы таких арендных выплат помогают понять конкретный пример. Так, в уже известном селе Сорокодубы на Брацлавщине 183 души пилипонов обязывались платить владельцу земли арендную плату деньгами, каждый хозяин должен был отработать по 4 дня «обжинки, корчму, винокурню, дамбу и дороги, держать в порядке лес». Вместо рекрутского постоя они должны были платить подушную подать, а также еще по 6 дней в году отработать «тяговые и пешие» [4, л. 8-9].

Спасаясь от крепостной зависимости, ослиные на помещичьих землях, большинство старообрядцев Подолья стремились приписаться к городским жителям края (Брацлав, Бар, Проскуров и т.д.). Это гарантировало им свободное состояние, согласно нормам Литовского статута. Однако, эта же ситуация оказалась опасной: «личность свободна, когда выбрала себе проживание и проживет в том 10 лет, то уже оседает его приписывают к земле

и оттоль выйти уже не может» [4, л. 7]. Из-за этого сложилась мобильность староверов как внутри Подолья, так и определились миграции на соседних территориях.

В первой половине XVIII в. на территории пограничья действовало несколько знаковых архиереев. Первым из них оказался Чигиринский владыка Епифаний Реуцкий, который пробыл полгода епископом на Ветке [33, с.152-153]. Затем на Стародубье появился монах Воскресенского монастыря Афиноген [33, с.153], который выдавал себя за владыку Луку, находившийся при сосланном Иоанне Антоновиче. Среди тех, кого рукоположил Афиноген, был и архимандрит Анфим. С последним - «епископом Кубанским и Хотинской райи» связан эпизод Некрасовской истории. Казаки, узнав об обмане, сделали над ним суд и утопили его в Днестре. Суд был проведен на казачьем Круге в Чебарчах (Чобручи). Приговор так же был приведен в исполнение по-казачьи - «в куль и в воду» [27, с.469-475].

Известно, что в середине XVIII в. старообрядцы заселяли Забахмуйский пригород Ясс [28 с.439] - резиденции православного митрополита. Не позднее этого времени в Мануиловце образованы были две обители сторонников дониконовского православия. Тогда уже действуют общества староверов в городах севера Бессарабии - Хотине, Бельцах, Сороках [38, с.212-215; 39, с.775].

Безусловно, что как «выгонки» 1735 г. и 1764 г., так и более спокойные времена поставляли в Валахию, Молдавию и Подолье новые партии староверов из Стародубского и Ветковского поселений [16, с. 48-50, 86-88; 15 с.90-109]. По подходящим подсчетам ежегодно в эти слободы и должности прибывали не менее двух тысяч новых жителей [14 с.99]. Естественно, что обеспечить такой прирост Полесский регион не мог, и поэтому часть из них отбывала дальше, в поисках новых территорий.

В социальном плане староверы Молдавии и Подолья представляли собой разнородные массы. В их составе были бывшие крестьяне, мещане, купцы и другие. Для части из них переход на молдавские земли был не только шансом сохранить свою веру, но и улучшить свое экономическое положение и статус.

В историографии, начиная с Н. И. Лилиева [24 с.262-263], принято считать, что «землю Молдавскую» староверы освоили во время хозяина Михаила Раковица (1704 - 1727 гг.). Вопрос в том, что представление о географии этой земли не было стабильным и, наверное, включало и территории Бессарабии, Валахии и других земель к югу от Молдовы. Подобное мнение подтверждает анонимное произведение «Сказание о молдавских староверах», в котором упоминаются первые массовые переселения 1724 г. и 1742 г. [41, с.24-29]

Количество старообрядцев на этих землях постепенно увеличивалось, поэтому представители государственных и церковных ведомств стремились уравнивать эту категорию в религиозном отношении с другими подданными Молдовы. Однако это не удовлетворяло старообрядцев, и они жаловались властям княжества на притеснения и просили защиты. Хозяева Александр-Константин Маврокордато (1782-1785 гг.) и Александр-Иоанн Маврокордато (1787 - 1792 гг.) соответствующими грамотами дарили липованам самостоятельность и свободу в делах веры, церковей, монастырей и скитов [59, p.188-192]. После этого они действуют, по мнению П. Сырки, «очень свободно и смело, как у себя; распространяют свое учение и находят себе адептов среди румынских русских и среди самих румын» [45, с.665].

С поздних последних примеров, в 1804 г. старообрядцы жаловались Хозяину Александру Мурузи на притеснения правительства, который ограничивали их действия при первом же благоприятном случае, и просили подтвердить свои прежние права. Что и произошло 22 декабря 1804 г., когда было подписана очередная грамота Хозяина. Она предписывала, что старообрядческие церкви, скиты, священников и монахов никто не вправе беспокоить по поводу их веры, но и сами сторонники старой веры могли принимать к себе только липован, и ни в каком случае - «православных христиан» [59, p.190 -191; 45, с.666-667]; с этим принципиальным для истории старообрядцев Юго-Восточной Европы документом нам пришлось «встретиться» в одной из экспедиций: оригинал или один из аутентичных спис-

ков до сих пор хранится в церкви Св. Лавра и Флора в с. Куничах Фалештского района Молдовы. Грамота датирована 9 января 1805 г. [25 с.143-150]. Старообрядцев предостерегали, если они будут вести себя иначе, то будут переданы в суд как «иноверцы», которым разрешалось менять свою веру только на «истинную», то есть ту, в которую входили все православные подданные Молдовы [25, с.147]. Учитывая тот факт, что прозелитизм был исключительным явлением в старообрядческой среде, вряд ли можно расценивать данный документ как ограничение липованских религиозных прав.

Воспользовавшись этими свободами, староверы заселили к середине XVIII в. север Бессарабии и Буковины: деревни липован Маноле, Леспедзах, Балашештах Сучавского округа, урочище Думаск Васлуйского [45, с.664; 46, с.20]. К 1760 - 1780-х гг. принято относить основания старообрядческих сел Грубное, Липоване (из-за Дуная, а затем - из Бессарабии и Европейской России) [31, с.33; 46, с.19], Фузовка, Ветрянка, Серков, Шолданешты, Белоусовка, Теленешты [32, с.7; 46, с.19].

Феномен этой группы анклавов состоит в их характере. Скорее всего, на протяжении более ста лет это были транзитные пункты для старообрядческих миграций. На эту мысль наводят наблюдения над изменениями численности жителей по годам [1, арк.30-31]. Очевидные ежегодные колебания в сторону резкого увеличения или уменьшения (до 200 человек при среднем количестве - 500). Данная тенденция перестает прослеживаться только в 1870-х гг. Геополитическое положение - вблизи границ Речи Посполитой, Российской, Австрийской и Османской империй - делало эти села удобными для многочисленных тайных миграций.

Специфика прослеживается в прошлом липованских анклавов Буковины. Изучение источников привело исследователей к следующим реконструкциям. Еще в 1760-х гг. учреждены были первые общины на территории края [53, р.11; 56, Р.13]. По преданию жителей, были зафиксированы еще в XIX в. Н. И. Субботиным, тогда они поселились в Соколинцах или Митока-Липовене, составляя значительную часть поселка Миток-Драго-

мирна [43, с.115]. Отдельные группы семей проживали в то же время в Петровцах, Липовцах, Кучурове, Комаровке. Р. Кайндль и И. Полек к древнейшим старообрядческим селам относили также Ступку Сучавского округа [54, с.6; 56, с.46].

После занятия Буковины и Молдавского княжества российскими войсками во время военных действий в 1769 г., часть старообрядцев была выведена в Россию, а часть поселилась «по разным местам», в т. ч. - в Молдавии и на Дунае [в специальной литературе указывалась только Молдавия, но обнаруженные нами документы позволяют говорить и о дунайских анклавах: например, в биографиях жителей с. Жебрияны в 4 случаях указаны районы выхода - Луковица, Домаск (3, л. 8-33)].

С 1774 г., когда Буковина вошла в состав Австрийской империи, начинается частичный возврат сторонников «древлего благочестия» в регион. В 1780 г. 20 семьями липован было основано поселение Климауцы или Климовцы (еще 6 переселилось в 1784 г.) [36, с.33-47], а в 1784 - 1785 гг. - Белый Колодец. Гораздо позже возникает община Мехидра (1836 г.), которая впоследствии переселилась в Луковцы (Липовень-Косованка 1845 г.) [35, с.14].

Староверы с 1783 г. начали селиться на Буковине как иностранные колонисты с целым рядом льгот и преимуществ. Такое положение фиксировалось в императорском патенте (от 9 октября 1783), который Иосиф II вручил древним старшинам - Александру Алексею и Никифору Ларионову. Согласно этому документу им дарилась: полная религиозная свобода, освобождение от налогов и податей на 20 лет, на тот же срок они освобождались от воинской повинности [2, л. 235-236; 36, с.42].

Причины данного события отразились в нескольких вариантах фольклорных преданий. Они были обработаны монахом Павлом в «Уставе Белоколодецкого монастыря». Вслед за этим источником: «Однажды несколько старообрядцев из числа живущих в устье Дуная, занимаясь ловлей рыбы, увидели, что какой-то, на их взгляд странно одетого, но, как могли они приметить, благородного господина преследуют разбойники и вовсе почти догнали. Ры-

боловы бросились к нему на помощь и успели его спасти. Тогда господин предложил им просить какие угодно награды за оказанную услугу. Старообрядцы отвечали, что никакой награды не желают, что, освободив его, они только выполнили обязанность христианского закона. После новых бесплодных убеждений принять какое-либо вознаграждение, странно одетый господин сказал им, что он из города Вена, чиновник австрийского императора, и если они не хотят принять от него лично, то не пожелают ли по крайней мере о чем-нибудь попросить самого императора, перед которым он готов за них ходатайствовать. С этих слов, да и по самому его «обращению», рыболовы поняли, что это должно быть «чиновник высокого сана», и поэтому его покровительство при случае может быть очень полезно: они ответили, что о предложении его скажут общинам. Глубокоуважаемый чиновник дал им записку с тем, что отметил свое имя и наставления, как поступить, если представится в нем потребность. Затем, поблагодарив их еще раз, отправился в дорогу» [43, с.115-116]. Аналогичные версии, но с другими деталями - кораблекрушение вместо разбойников или услуга австрийском генералу во время военных действий с турками - были записаны Н. М. Надеждиным [30, с.86; 20 с.437] и В. И. Кельсиевым [37, с.155].

Документально установлен факт переговоров представителей буковинских липован с Иосифом II и их дунайских соплеменников с герцогом Енценбергом в 1783 г. [36, С.35-37]. Получив льготы и привилегии, дунайские старообрядцы сообщали, что у Черного моря проживает около 2000 семей, готовых переселиться в Австрию.

Однако, из Подунавья в Буковину в течение 1783-84 гг. переселилось лишь 16 семей, 4 холостых, игумен и 6 монахов [36, с.40]. Массовому переселению препятствовала турецкая администрация. Узнав о выходах за пределы государства, чиновники Порты угрожали конфискацией имущества и запретили переселения как из Причерноморья, так и из Молдавии [61, с.62]. Так фольклорная традиция вступает вопреки документальным свидетельствам.

Благодаря удачному археографическому поиску М.Н. Сайко, возможно также восстановить численность и расселение липован Буковины [36, с.40, 47]. Общее количество их составляла почти 400 человек, из которых 125 прибыли из Подунавья. 27 семей (12 - переселенцев 1783 - 84 гг.) проживали в Митоке, 26 (6) - в Климовцах, а 22 - в Глубоком. В последнем обосновались также монахи. Вскоре эта община переселяется в урочище Варница, которое с 1785 г. переименовывается в «Белый Колодец».

С 30-х гг. XVIII в. формируется еще один район проживания старообрядцев - Приднестровье [18 с.535]. Их общины фиксируются источниками в поселках Ставучаны, Крестовка (Хребетеевка), Хилипоны, Кумишивка, Ветрянка, Маяки, Троицкое, Чобручи, Незвертайливка, Подкова. Состав этой территориальной группы был разнородным. Так, например, в Троицкую слободу в 1794 г. переселилось 50 семей старообрядцев из Молдавии и Добруджи [26 с.286]. А Чобручи не позднее 1750-е гг. существовала уже как значительная по количеству жителей станица игнат-казаков [5, с.248]. В связи с деятельностью Черноморского казачества (1789-1790 гг.), староверы перешли на правый берег Днестра и несколько выше Бендер основали новое село Спеа, которое со временем также переименован в Чобручи [6, с.108, 113].

Об общих тенденциях и процессах среди старообрядческого населения Восточной Европы свидетельствует история общины Плоское (ныне - с. Великоплоское Великомихайловского района Одесской области). Еще в начале XVIII в. южнорусские староверы бежали на Ветку, где и проживали до 1770-х гг. Вместе с другими единоверцами их вывели войска Румянцева в район крепости Св. Елисаветы, где и была основана слобода Плоская. Однако, в связи с переходом в разряд военных поселенцев в 1822 г., старообрядцы получили разрешение на переселение на Днестр, где и основали одноименный поселок [51, с.342-346]. Составляли старообрядцы значительную часть и в городах региона - Тирасполь, Бендеры, Балта [24 с.262; 9, с.36].

В одном из обнаруженных источников содержатся биографические по своей сути свидетельства жителей одного из дунай-

ских поселений этого времени - Жебрияны [3, л. 8-16]. Подобную картину предоставляют синхронные данные про староверам Килии [3, л. 1-7]. Отталкиваясь от них, становится возможным ретроспективно восстановить расселения и пути миграций старообрядцев 1760 - 1800-е гг. В это время массово происходило переселение в Подунавье из молдавских земель: деревни Куничное, Серковое, Мануиловка, Иванча, Фузовка, Митрофановка.

В течение XVIII - начала XIX в. формируются несколько кустовых ареалов расселения старообрядцев в Восточной Европе: Подолье, Буковина, Бессарабия, Молдавия. Все они были выселками из центральных регионов России, образовавшиеся путем сепарации и переселений. Староверы поселились на пограничье нескольких государств (Речь Посполитая, Габсбургская и Османская империи), что говорит о диаспорном характере групп. Они предпочитали пути эмиграции и сохранения своего благочестия открытому противостоянию с государственным аппаратом России. Расширение границ романовской империи привело к тому, что часть ареалов вновь оказалась внутренними территориями, обусловило дальнейшее бегство части из староверов. Центры дониконовского православия, которые сложились, можно рассматривать как транзитные через мобильность сообществ. Ряде анклавов удалось создать стабильность за счет специфического политико-юридического положения - особенно в составе Молдово-Грецких земель. В результате непринятие послениконовского православия стало своеобразной идеологией протеста и неповиновения. Сторонники «древлего благочестия» начали искать свои собственные пути спасения, один из которых привел к значительной сепарации русского этноса. Эти группы религиозных диссидентов вынуждены были искать волю исповедания, спасаясь за пределами России. Так образовалась масштабная и хорошо структурирована российская диаспора. Отдельные сообщества этих беглецов оказались в различных историко-этнографических регионах и странах. В частности, образуются и структурируются поиски конфессионального благочестия, улучшение социально-экономического положения, а также

политическое давление со стороны российского правительства и администрации привели к существенному расширению этих диаспорных образований в Молдавии и смежных территориях. А в основе этих сложных процессов находились представления части староверов о «благочестии земли Молдавской» и поиск «настоящих» иереев и архиереев 1720-х гг.

Библиография

1. Государственный архив Одесской области. – Ф.1. – Оп.249. – Д.575.
2. Государственный архив Черновицкой области. – Ф.3. – Оп.1. – Д.5182-6.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф.846. – Оп.2. – Д.165.
4. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербург. – Ф.1151. – Оп.1. – Д.239.
5. Де-Волан Ф.П. Описание земли Едисан // Наследие Ф.П.Де-Волана. Из истории порта, города, края. – Одеса, 2002. – С.73–200.
6. "Письма Г.А. Потемкину-Таврическому: I. Графа Л.Ф. Сегюра. II. Дюка Е.И. Ришелье. III. Графа А.Ф. Ланжерона. IV. Генерал-майора П.И. Турчанинова. V. Контр-адмирала Н.С. Мордвинова. VI. Письма обер-штеркригскомиссара М.Л. Фалеева. VII. Контракт садовника И. Бланка. VIII. Садовника В. Гульда." // ЗООИД. – Т.IX. – Одесса, 1875. – С. 228-259.
7. Абакумова-Забунова Н.В. Куничя: к вопросу о возникновении старообрядческого поселка // Липоване: история и культура русских старообрядцев. – Вып. X. – Одесса-Измаил, 2013. – С.47-56.
8. Анцупов И.А. Казачество российское между Бугом и Дунаем. – Кишинев, 2000. – 287 с.
9. Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVIII – XIX в.: социально-экономический очерк. – Кишинев: Инесса, 1996. – 251 с.
10. Бачинский А.Д. Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып.7 – Одесса, 1971. – С.159-163.
11. Бачинська О.А., Пригарін О.А. Етнокультурна характеристика населення міст Нижнього Подунав'я на початку XIX ст. (за матеріалами "Опису Кілії" 1808 р.) // Південна Україна XVIII – XIX століття: записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. – Вип.6. – Запоріжжя: РА «Тандем-У», 2001. – С.68 – 85.
12. Богомольная Р.А. Русская народная песня в Молдавии. – Кишинев, 1968. – 114 с.

13. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. – Кн.8. История распоряжений по расколу. – СПб, 1863. – 656 с.
14. Волошин Ю.В. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. – М.: Археодоския, 2005. – 292 с.
15. Волошин Ю.В. Розкольницькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII столітті. (історико-демографічний аспект). – Полтава: АСМІ, 2005. – 316 с.
16. Гарбацкі А.А. Стараабраніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст.ст. – Брэст: Выда-ва Брэсцкага дзяржа ун-та, 1999. – 212 с.
17. Днестр и Поднестровье. Описание губерний: Подольской, Бессарабской и Волынской. – СПб., 1878. – 214 с.
18. Добров Л. Южное славянство. Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. – СПб, 1879. – 657 с.
19. Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII века. – СПб, 1863. – Т.2. – 428 с.
20. Зверев Ст. Записка И.С.Аксакова о Бессарабских раскольниках // Русский архив. – 1888, Кн.3. – С.435-451.
21. Зеленчук В. С. Расселение и численность русского населения в Бессарабии XVIII – XIX вв. // Проблемы географии Молдавии. – Вып.4. – Кишинев, 1969. – С.115-127.
22. Иоаннов А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцев. – Санкт-Петербург: Изд. Теркова, 1855. – 376 с.
23. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). – М.: Наука, 1976. – 307 с.
24. Лилиев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII – XVIII вв. – Вып.1. – Киев, 1895. – 412 с.
25. Магола А.А. Старинная молдавская грамота, найденная в старообрядческой церкви села Кунича // Липоване: история и культура русских старообрядцев. – Выпуск 6. – Одесса, 2009. – С.143-150.
26. Материалы для истории Новороссийской православной Иерархии // ЗООИД. – Т.IX. – Одесса, 1875. – С.283-296.
27. Мельников П. Старообрядческие архиереи // Русский вестник. – 1865, Кн.6. – С.469 – 475.
28. Мельников П.И. Очерки поповщины. – М.: Вольф, 1898. – 589 с.
29. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. – Барнаул, 1999. – 557 с.
30. Надеждин Н. О заграничных раскольниках (1846) // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В.Кельсиевым. – Вып.1. – Лондон, 1860. – С.89-114.
31. Наулко В.И. Развитие межэтнических связей на Украине. – Киев, 1975. – 276 с.

32. Пархомович И. Краткий исторический очерк противороскольников миссии Кишиневской епархии // Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества. – Вып.3. – Кишинев, 1909. – С.5-125.
33. Прозоров И.А. История старообрядчества. – М., 2002. – 227 с.
34. Савельева И. Старообрядцы в Молдавии и на Украине // Вестник Российского фольклорного союза. – 2002, № 4. – С.15-20.
35. Сайко М. Из истории Белой Криницы // Белая Криница. – 1999, июнь. – С.14-19.
36. Сайко М.Н. Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70-е – 80-е годы XVIII в. – XIX в.) // Старообрядчество: история, традиции, современность. – № 1. – М., 1994. – С.31-50.
37. Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В.Кельсиевым. – Вып.1. – Лондон, 1860. – 894 с.
38. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса: Тип. Нитче, 1850. – Ч.1. – 386 с.
39. Скальковский А.А. Русские диссиденты в Новороссии // КС. – 1887. – Т.17. – апрель. – С.771-782.
40. Смилянская Е.Б., Денисов Н.Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность, певческая культура. – М.: Индрик, 2007. – 432 с.
41. Смирнов П.С. Из истории Раскола первой половины XVIII века (по неизданным памятникам). – СПб, 1908. – 233 с.
42. Смирнов П.С. Споры и раздоры в Русском Расколе в первой четверти XVIII века. – СПб, 1909. – 525 с.
43. Субботин Н. История белокриницкой иерархии. – Т.1. – М., 1874. – 387 с.
44. Субботин Н. История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. – Вып.2. – М., 1899. – 517 с.
45. Сырку П. Наши раскольники в Румынии и взгляд на них румынского общества // Христианское Чтение. – 1878, № 5-6. – С. 663-795.
46. Табак И.В. Русское население Молдавии. Численность, расселение, межэтнические связи. – Кишинев, 1990. – 135 с.
47. Таранец С. В. Куреневское тримонастирье: история русского старообрядческого центра в Украине 1675-1935). – К.: б.и., 1999. – 159 с.
48. Таранец С.В. Старообрядчество Подолии. – К.: б.и., 2000. – 239 с.
49. Таранец С. Старообрядці в Південній Бесарабії (від початку поселення до 1917 р.) // Наукові записки Інституту української археографії НАН України: Зб. праць молодих вчених та аспірантів. – Т.7. – К., 2001. – С.61 – 91.
50. Хайдарлы Д.И. Население Прото-Днестровского междуречья и южных районов Левобережья Днестра в XVIII в.: этнодемографические и исторические аспекты. – Кишинев, 2008. – 581 с.
51. Шмидт А. Херсонская губерния // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. – Т.1. – СПб, 1863. – 623 с.

52. Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и в первой половине XVIII. – Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. – 547 с.
53. Dan D. Die Lippowaner in der Bukovina. – Cernauti, 1890. – 34 p.
54. Dan D. Lipovenii din Bucovina // Popoarele Bucovinei. – Fascicula III. – Cernăuți, 1894. – 43 s.
55. Holban St. Rusii din Romania // Viata Basarabiei. – An.III. – V.11. – 1934. – P.659-683.
56. Kaindl R.F. Das Entstehen und Entwicklung der Lipowaner-colonien in der Bukowina. – Wien, 1896. – 151 s.
57. Kaindl R.F. Geschichte der Bukovina. – Czernowitz, 1898. – 312 p.
58. Lucaciu C., Teodorescu A. Din istoria si tradițiile lipovenilor. – București, 1998. – 71 p.
59. Melchisedek, ep. Lipovenismului adii schismaticii (Rascolnicii) și ereticii rusești. – București, 1871. – 534 p.
60. Polek D.J. Die Lippowaner in der Bukowina. I. Jahrbuch des Bukowiner Landes-Museums. – Czernowitz, 1896. – 87 s.
61. Polek D.J. Die Lippowaner in der Bukowina. III. Sitten und Gebriuche. – Czernowitz, 1899. – 49 s.
62. Siminowicz-Staufe L.A. Die Volkergruppen der Bukowina. Etnograrhisch-culturhistorische Skizzen. – Czernowitz, 1884. – 203 p.

STATALITATEA ȘI NAȚIUNEA ÎN EUROPA

*Mincio MINCEV, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar,
Președinte al Centrului Științific Bulgar Euroasiatic, Bulgaria*

Rezumat

Autorul supune analizei două fenomene: statul și națiunea, subliniind că, fiind ignorate și interpretate controversat, produc mai multe ne cazuri pentru comunitate. Abordarea istorică a fenomenelor: statul și națiunea, îi permite autorului să constate că liberalismul clasic și cel modern le abordează ca fenomene sociale pe cale de dispariție, menționând că apar la o anumită etapă a dezvoltării sociumului, dar tratat rolul se diminuează și ele dispar. Un singur fenomen nu dispare omul ca individ. Adepții conservatismului susțin că sunt instituții sociale, care după apariție își modifică formele, dar își păstrează esența și se transformă în elemente edificatoare a existenței sociale.

Cuvinte-cheie: *statalitate, națiune, liberalism, conservatorism, socium*

STATEHOOD AND THE NATION IN EUROPE

Abstract

The author analyzes two phenomena: the state and the nation, underlining that, being ignored and interpreted controversially, they cause more trouble for the community. The historical approach to phenomena: the state and the nation, allows the author to find that classical and modern liberalism approach them as endangered social phenomena, noting that they appear at a certain stage of society development, but gradually the role diminishes and they disappear. One phenomenon does not disappear a man as an individual. Advocates of conservatism claim that they are social institutions, which after their appearance change their forms, but preserve their essence and turn into edifying elements of social existence.

Keywords: *statehood, nation, liberalism, conservatism, society*

ГОСУДАРСТВО И НАЦИЯ В ЕВРОПЕ

Последние два десятилетия прошедшего века, как и первое десятилетие настоящего века, как будто нам показали, что эти два понятия – государство и нация – уже остаревшие, поскольку остаревшими являются и те реальные явления, которые ими отражаются. В периоде всех этих 30-ых лет в интеллектуальной, как и в материальной жизни общества триумфа добились идеи неолиберализма – так именно считают все еще идеологи неолиберализма.

Но пренебрежительное отношение к этим двум исторически сформировавшимся общественным явлениям оказалось большой теоретической ошибкой. И эта ошибка не только теоретическая, но и практическая, с серьезными негативными последствиями. Капиталистический глобализм сорвался. В кризис впал и капиталистический регионализм, имевший свой успех хотя бы десять лет назад.

Мы имеем отношение к таким историческим явлениям, которые на определенном этапе своего развития становятся институциями – такие явления суть семья, армия, церковь или государство и нация. Они становятся также объектами для различного политического подхода и научной оценки.

В связи с этой целью нам необходим кароткий исторический обзор.

Классический и модернизированный либерализм видит эти институции как переходящие исторические явления. Для него они появляются на определенном этапе общественного развития, но рано или поздно их роль постепенно затихает и они исчезают. Единственно непереходящей ценностью, пока есть человечество, оказывается человек-индивид.

Другой, противоположный подход, это подход консерватизма. Особое значение для него приобретают те институции, которые после своего возникновения в обществе меняют свою форму существования, но сохраняют свою сущность и превращаются в созидающиеся элементы усложняющегося общественного бытия.

Есть конечно и такие явления, которые становятся общественными институциями, которые в определенную эпоху имели значение составляющего элемента общества, но после этого исчезали с его сцены.

Это тоже тезис консерватизма, которые расширяет масштаб всех форм коллективного существования людей. Так формируется тезис теоретико-политического консерватизма, а именно: *индивидуальный человек имеет свой смысл и свою ценность только в коллективных формах сосуществования. И еще больше – он существует в них и благодаря им.*

В истории так называемого Нового времени (“модерна”) эти два подхода, приобретающих форму теоретико-политических концепций *либерализма и консерватизма*, остаются непримиримыми альтернативами. Г. Гегель делает попытку динамически синтезировать их, а К. Маркс и Фр. Энгельс превращают их в один из основополагающих тезисов их философского учения – исторического материализма. В основе этого учения лежит *формационный подход*, направленный на мировой исторический процесс. С точки зрения этого подхода как *государство*, так и *нация* суть только и единственно явления классового общества, возникающие на определенном его уровне. Учение марксизма абсолютизировало этот подход и считало его единственно верным и (следовательно) единственно эвристичным.

После распада реального социализма и после наступившего в связи с этим кризиса марксизма в качестве его идеологического и мировоззренческого основания мы становимся свидетелями чего-то противоположного – концептуальной абсолютизации т.называемого *цивилизационного подхода* к мировому историческому процессу. На самом деле оба подхода являются составными компонентами единого комплексного социо-исторического подхода. Им можно объяснить резко повышенный интерес к всем вопросам, связанным с нациями. А национализм в качестве особой психологической установки сумел пересечь за короткое время весь европейский континент – от Атлантики до Урала. Сила его проявлений разная в разных частях Европы, но везде к нему приклеивают позорную политическую этикетку – „популизм”. Это большая ошибка!

Возникновение настроений национальной самоидентичности, а также и все более ясный взгляд на национальный интерес, защищенный национальным государством – это объективное явление, вызванное объективно действующими факторами, а не есть изобретение зломыслящих политических демагогов.

В появлении этого вторичного, особенно для Западной Европы, национализма нет ничего странного. Вместе с разрушением восточно-европейского реального социализма

начинает исчезать быстрыми темпами и его противоположность, западноевропейская модель *социального государства*. Одно за другим пропадали социальные обеспечения трудовых слоев, которые были гарантированы первыми десятилетиями после Второй мировой войны в Западной Европе. Начал триумфировать корпоративный капитализм.

Уязвленные общественные слои – мелкая буржуазия и широкие массы наемного труда - постепенно, за три десятилетия стали благодатной почвой просыпания заснувшего после Второй мировой войны национализма Европы. Все это имеет своей причиной социально-классовый, формационный анализ периода второй половины XX века Старого континента.

К концу прошедшего столетия мощно стали действовать и другие факторы, связанные с формационными факторами, но имеющие и собственную специфику. Это и есть глобализм как практика могущего корпоративного капитала и как теоретическая догма неолиберальной интеллигенции.

Употребил слово „догма” и настаиваю на нем. Обосновывая неизбежность экономической глобализации реальной экономики, особенно финансов, теоретики неолиберализма громили все остатки традиционных институций и архаических ценностей. Самый сильный и целенаправленный удар был нанесен по идее *национального государства*, т.е. по двум важным, исторически и объективно возникнувшим институциям – по *нации* и *государству*.

Но стремление ограничить их значение в общественной жизни после Второй мировой войны при помощи буржуазного регионализма привело к идее создания *объединенной* Европы, без значения, что наименования объединения менялись во времени.

Глобалистский проект создать новый, более гармоничский порядок чем старый провалился и быстро свалился в банальный империалистический экспансионизм. Мир стал более настабильным чем раньше. Следствие всего этого есть и идущий к провалу самый успешный проект глобализма - Европейский союз. Выход Великобритании из Союза, установление „двух

скоростей” развития его членов – это есть первые шаги к провалу Союза как общеевропейского проекта.

Это вполне естественно! *Геополитический* статус северно-европейских государств отличается от статуса южно-европейских. Еще более специфичен этот статус в восточной и западной части Старого континента. Чтобы ни говорить, Восточная Европа сегодня есть колониальная периферия Западной Европы. Единственное исключение на Востоке это и есть самая большая страна - Россия. У нее могучий геополитический потенциал, комплекс материальных факторов, составляющих потенциал.

Таково положение не только государств, но и наций Европы.

Как отдельные государства, так и нации Европы возникают в разные исторические моменты. Есть старые и новые страны, есть старые и молодые нации. И по сей день возникновение новых наций в Европе продолжается.

Как ни странно, но самый динамический в своем *геополитическом преструктурировании* и есть Старый континент. Пока это в большей мере относится к восточной его части, нежели к западной. Но даже и на территориях больших европейских стран все более ясно набирают силы этнокультурные общности, у которых завтра будет законченная национальная самоидентичность.

Между прочим, они еще сегодня подчеркивают свою национальную специфику, что все еще недостаточно для того чтобы создать на территории, где они живут, свое национальное государство. Так или иначе процесс уже идет и его назвали „*сепаратизмом*”.

То, что предстоит Западной Европе, для Восточной Европы уже прошлое. И причина этому - *геополитическое* различие восточной и западной части Старого континента. Западная часть открыта к мировому океану и у нее вполне объективно благоприятные *геополитические* предпосылки вести без усилий глобальную политику.

Восточная и Центральная Европа не имеют такой объективной возможности – они живут в других *геополитических* условиях, что дает другое обличие их меняющимся во времени ситуациям. История здесь дала другой – и по времени, и по форме – способ формирования отдельных государств и наций. В большей своей части на заре Нового времени эти страны потеряли свой государственный суверинитет и стали периферией четырех восточноевропейских империй – Османской, Российской, Германской и Австро-Венгерской. В этих периферийных областях на основании этнической компактности и общности языка и специфической культуры началось формирование наций Центрального и Восточного европейского региона.

Начало национального возрождения периферийных этнических анклавов относится к середине XVIII века – в пиковую точку эпохи Просвещения. Можем объяснить это резким повышением и расширением образованности: периферийные этнические группы излучают собственную интеллигенцию, которая выполняет две важные задачи : восстанавливает этнокультурную память своего народа и конституирует единый нормативный народностный язык. Этнокультурный массив переходит в единую *нацию*, которая ставит своей целью создать на территории, где она живет, свое *национальное государство*.

Этот исторический путь прошли почти все восточноевропейские нации – от финнов на севере до греков на юге. Подобное по смыслу, но отличающееся по формированию есть и развитие титульной немецкой нации в Германской и Австрийской империях.

Таковым является и случай *турецкого* национального самосознания, которое ощущающим образом стало формироваться после Русско-турецкой освободительной войны 1877-1878 г., оно окончательно эманципировалось от *османско-имперского* самосознания после Первой мировой войны. За эти 40 лет окончательно закончилось восстановление государственности балканских наций, начало которого относится к рождению XIX -го века.

Национальные государства в остальной части Восточной Европы возникли после Первой мировой войны в результате распада Германской, Русской и Австро-Венгерской империй. Но вес этот ряд небольших европейских стран, сформировавшийся в направлении север-юг, стал истоком нестабильности и напряжения, а страх реакционных режимов этих стран от появления СССР – огромного и могучего социалистического государства – превратил их в „санитарный кордон” возле него.

За исключением Чехословакии (и скорее ее части Богемия и Моравия) остальные восточно-европейские страны были экономически слабыми: незначительно развитая промышленность и еще менее развитое сельское хозяйство. Кроме этого многовековое существование в пределах больших империй стерло резкие этнические границы между ними. И этот факт значим для всех стран региона без исключений, хотя оставался скрытым, а сейчас он источник межнациональных враждебных и невыносимых эмоциональностей.

В подобной геополитической обстановке наладились крепкое единство и взаимозависимость между завершением облика данных наций и строительством их государств. Это был апофеоз национального государства как особенной исторической формы идеи государственности – что относится даже к таким бывшим имперским странам как Германия и Турция.

Двадцатилетний период – с конца Первой мировой войны и до конца 30 годов XX века – прошел в незатишающем напряжении для Восточной Европы, что и находило свое распространение по всему континенту. В периоде 1939-1941 годов восточно-европейское геополитическое пространство необратимо дестабилизировали и оно стало заложником гигантского классового и цивилизационного столкновения между фашизированной Европой и СССР. От „санитарного кордона” оно перешло в боевое поле.

Не просуществовал долго и сталинский проект послевоенной Восточной Европы. Исходя из него страны региона должны были создать особую полосу не социалистического, а народно-

демократического типа, дружески настроенного к СССР. Но из-за Холодной войны начатое осуществление этого проекта прекратилось. Его заменили другим – советизацией Восточной Европы. Таким образом был создан блок социалистических стран, у которого была своя экономическая и военная организация.

В этом блоке отсутствовали Финляндия, Греция, Югославия, а с течением времени и Албания. Из них только у Финляндии была общая граница с СССР.

В результате Второй мировой войны установленные границы в Восточной Европе очерчивали более ясно, более точно и более справедливо национальные территории стран региона. Этот факт, как и единая государственная идеология данной геополитической общности не только снимали напряжение между включенными в нее национальными странами, но и содействовали их национальному восходу культуры, как и созданию их собственного национального хозяйственного комплекса.

Таковы предпосылки наличия государственного суверенитета каждой нации, возможного в своей максимальной степени.

Это положение коренным образом изменилось в самый конец 80-х годов прошедшего века, когда была разрушена социалистическая общественная система, установленная в странах Восточной Европы. При том изменилась не только *геополитическая* значимость региона, но и условия, в которых должно было существовать и развиваться национальное государство.

Изменение было резким и глубоким или, как и называли его тогда, *шоковым*. Оно не затрагивало только экономику, хотя она и была основополагающей. Устремленные к членству в Европейский союз и НАТО новые элиты восточноевропейских стран не сумели предвидеть последствий, которые принесет им это членство в связи с существованием самой модели *национального государства*.

Ослепленные своим антикоммунизмом эти элиты не дооценили коренным образом различающейся общественной и геополитической атмосферы, в которой существовала Западная Европа – не дооценили, различия между интеграционными

процессами Запада и Востока. Европейский союз не есть единственно общий рынок, он есть общая реальная экономика и общие финансы.

Национальные хозяйства в классическом смысле понятия перестали существовать. Не существует и реальный государственный суверенитет стран членок ЕС.

В восточной модели, представленной СЭВ, национальные хозяйства имели роль фундамента интеграционных процессов. И не только это, они были экономическим фундаментом и национального государства, гарантом ее суверенитета.

Не прошло больше 20 лет от включения большинства восточноевропейских стран в ЕС и идея национального государства всплыла с небытия. За последние годы общественные процессы всего европейского континента достаточно ясно свидетельствуют об этом.

* * *

Это положение Восточной Европы является результатом *геополитической* ситуации континента после османской инвазии и открытия Америки в самом конце XV –го века. С тех пор последовали больше четырех веков, полных драматизмом и трагическими переворотами *истории*.

Выражаясь в образах, географическое положение Восточной Европы определило ход ее истории. Но верна и противоположная зависимость - *геополитический* профиль и значимость Восточной Европы всего XX века и начало настоящего определяются скрыто или открыто действующими динамическими *историческими* факторами. Исследование этих факторов, их сущности и содержания, смысла и последствия есть объект не *геополитики*. Оно есть объект другой, близкой, но неидентичной с нею политической науки, которую можем назвать именем античной музы истории - *клиполитикой*.

Клиполитическое исследование пользуется данными исторической науки, но не совпадает с нею, как и геополитика не совпадает с наукой географии.

Клиполитический анализ данного общественного явления или события не занимает место геополитического анализа, не обезсмысливает его. Напротив – дополняет его.

Оба вида анализа являются диалектически и неразрывно связанными, что дает возможность представить адекватную картину настоящего, а также и точнее прогнозировать будущее.

А почему и не сотворить его!

GEOPOLITICA STATELOR DE FRONTIERĂ ȘI CRIZA POLITICII EUROPENE A „PARTENERIATULUI ESTIC”

Vladimir DERGACIOV, doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar, expert în geopolitică, Universitatea Națională I.I. Mecinikov, Odesa, Ucraina

Rezumat

În acest articol autorul supune analizei diferite fenomene ce explică geopolitica statelor de frontieră. Este vorba despre: stat de frontieră, parteneriat estic, semnificație geostrategică, mitul regimului fără vize. Diverse teze se referă la criza Uniunii Europene și a statelor europene. Autorul își exprimă propria opinie asupra viitorului Europei, întrebându-se ce va urma după eșecul Programului Parteneriatului Estic. Sunt descrise relațiile Uniunii Europene cu Rusia. În concluzie, autorul revine la obiectivele Parteneriatului Estic, menționând că acestea vizează interesele economice ale Uniunii Europene.

***Cuvinte-cheie:** geopolitică, state de frontieră, Parteneriat estic, Uniunea Europeană, Rusia*

GEOPOLITICS OF THE BORDER STATES AND THE CRISIS OF THE "EASTERN PARTNERSHIP" EUROPEAN POLICY

Abstract

In this article, the author deals with various phenomena that explain the geopolitics of the border states. It is about: border state, Eastern partnership, geostrategic significance, myth of the visa-free regime. Various theses refer to the crisis of the European Union and the European states. The author expresses his own opinion on the future of Europe, wondering what will follow after the failure of the Eastern Partnership Program. The relations of the European Union with Russia are described as well. In conclusion, the author goes back to the objectives of the Eastern Partnership, noting that they concern the economic interests of the European Union.

***Keywords:** geopolitics, border states, Eastern partnership, European Union, Russia*

ГЕОПОЛИТИКА РУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ И КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЁРСТВА»

Рубежное государство — держава, расположенная на цивилизационных (суперэтнических), геополитических, геоэкономических, конфессиональных и других рубежах между двумя и более центрами силы. Из бывших союзных республик к рубежным государствам относятся Украина, Молдова и Грузия. Всемирный Банк решил отметить в своём ежегоднике 25-летие распада СССР статистикой о динамике ВВП (ППС) стран мира с 1990 по 2015 годы. По его данным эти страны стали мировыми аутсайдерами по росту ВВП (ППС) с 1990 по 2015 годы, а Украина стала единственной страной в мире, не достигшей за годы независимости уровень 1990 года. Три страны по несчастью объединяет аморальная по своим последствиям вера в западные ценности¹, или как сказал известный европейский философ Карен Свасьян, желание стать частью «богатого пуза» Запада. По выражению патриарха американской экономической мысли Джона Гэлбрайта желание сиюминутной замены одной общественно-политической системы другой является «приступом глупого оптимизма». В результате три рубежных государства потеряли часть территорий и отброшены на мировую периферию.

«Восточное партнёрство». Финиш антиевропейского проекта Европы. После падения Берлинской стены и распада Советского Союза главной геостратегической задачей Европейского Союза была политика продвижения на Восток, которая исходила из прогноза сохранения положительных темпов экономического роста в обозримом будущем. Однако из-за системного внутреннего кризиса (финансового, еврозоны и миграционного) и игнорирования геополитических реалий, восточное направление европейской политики соседства, реализуемое в последние годы главным образом в рамках «Восточного партнёрства», стало

---

¹ Сэмюэл Хантингтон. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.

одной из острых общеевропейских проблем, вызывающих опасность открытия горячего фронта.

Официально программа «Восточного партнёрства» ставила цель сотрудничества и интеграции связей ЕС с шестью восточными соседями. Однако только Украина, Грузия и Молдова подписали соглашения об ассоциации с ЕС, Азербайджан воздерживается, а Белоруссия и Армения уже являются членами Евразийской экономической союза (ЕАЭС).

Времена безвозмездной экономической поддержки прошли. В 90-е годы для стран Центрально-Восточной и Восточной Европы были созданы программы ФАРЕ и ТАСИС и предложен общеевропейский проект трансмодальных транспортных коридоров. Однако по мере расширения на Восток стали проявляться финансовые ограничения в реализации евроинтеграционных программ. Ежегодные темпы экономического роста ВВП Евросоюза в 60-е годы были на уровне 5%, перед мировым финансовым кризисом — +3%, в 2008 году — +0,8%, а далее началась стагнация. В 2009 году ВВП сократился на -4,1%, 2012 (-0,3%), 2013 (0,0%), с небольшим ростом в 2010/11 гг. (соответственно, 2,1% и 1,7 %), 2014 году (1,3%, в еврозоне 0,9%) и в 2015 году (1,7%, в еврозоне 1,5%). В результате замедления темпов экономического роста уже в третий раз сокращается финансирование крупных инфраструктурных проектов, которые в 90-е годы выступали в качестве главного «пряника» для кандидатов в члены ЕС.

За последние два десятилетия Европейский Союз использовал «мягкую силу» для продвижения на Восток и на первых этапах трудно было отказаться от привлекательного предложения членства в ЕС. Но из-за поспешной евроинтеграции накопилось много проблем, угрожающих целостности ЕС. Инвестиционный бум завершился с началом мирового финансового кризиса¹.

По своему геостратегическому значению задача расширения

---

¹ Ян-Вернер Мюллер. (Принстонский университет, США) Упадок Восточной Европы. - Foreign Affairs, 2014, №2.

ЕС на Восток была сравнима лишь с созданием самого Европейского Союза в середине двадцатого столетия. Однако, остается открытым вопрос восточных границ и скорости объединения. Становится очевидным, что этот процесс будет не только медленным, чем казалось после падения «железного занавеса», но и может привести к нежелательному для Европы углублению геополитической конфронтации на постсоветском пространстве.

На Западе неоднозначно оценивается процесс продвижения ЕС на Восток. Впервые в истории Евросоюза при приеме новых членов (ЕС-25 и ЕС-28) политические цели доминировали над экономической целесообразностью, и был нарушен один из основополагающих принципов приема новых членов, чья экономика должна была соответствовать среднеевропейскому уровню. Это требование не выполнено, ВВП на душу населения у новых членов даже после десятилетия евроинтеграции уступает среднему европейскому уровню. Достаточно сравнить ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (средний по ЕС принят за 100%). В Болгарии он составляет 45%, в Румынии — 54%, в Хорватии — 59%, в Латвии — 64%, в Венгрии и Польше — 68%, в Эстонии — 73%, в Литве — 74%, в Словакии — 76%. При этом стоимость рабочей силы во много раз меньше среднеевропейского уровня.

Средства на реформировании экономики новых членов выделяются Евросоюзом и ложатся тяжелым бременем, прежде всего на Германию, чей вклад в консолидированный бюджет ЕС превышает 20 %. В Германии, которая является экономическим локомотивом европейской интеграции, сокращаются социальные программы, а \$1,5 трлн. вложенных в Восточную Германию не привели к выравниванию уровня жизни.

После падения «железного занавеса» особенно актуальными стали проблемы общеевропейской транспортной интеграции, обусловленной открывшимися перспективами для торговли и экономики, улучшения сообщения между Западом и Востоком Европы. В 1994 году на острове Крит вторая Общеввропейская конференция определила девять приоритетных

транспортных коридоров с учетом основных направлений перевозок грузов и пассажиропотоков. Предполагаемая стоимость развития коммуникационных коридоров оценивалась примерно в \$70 млрд. Финансирование осуществлялось за счет заинтересованных стран, международных финансовых организаций, частных инвестиций, программ ТАСИС и ФАРЕ. Проект планировалось реализовать к 2010 году при условии достигнутого взаимопонимания заинтересованных стран. Для современной Восточной Европы проект международных транспортных коридоров ЕС предоставлял реальную возможность мирохозяйственной интеграции. Однако поспешное расширение на Восток и финансовый кризис не позволили Европейскому Союзу в полной мере реализовать программу создания Панъевропейский транспортных коридоров. Европейский рынок транспортной инфраструктуры наглядно свидетельствует о нарастающих финансовых трудностях. Срок завершения грандиозного проекта переносится уже в третий раз, в начале с 2010 года на 2020 год и наконец — на 2030 год. При этом **из новой транспортной стратегии Евросоюза исключены страны «Восточного партнёрства».**

Трансформация миграционной политики и миф о либерализации безвизового режима. Еще несколько лет назад была популярна европейская идея частичной замены «желтых» и «черных» рабов (гастарбайтеров) на «белых» из Восточной Европы, но эти времена прошли. Европа в условиях экономического спада, кризиса еврозоны и миграционного кризиса не испытывает потребностей в дополнительной рабочей силе из-за рубежа¹. **Предлагаемый для стран «Восточного партнёрства» безвизовый статус не дает права на работу или проживание. Предоставление безвизового режима может заблокировать в Европейском парламенте любая страна ЕС. Недоступны для безвизовых поездок будут европейские страны, не входящие в**

---

¹ Великое миграционное нашествие в Европу и миф о либерализации безвизового режима. — Интернет-портал «Институт геополитики». http://dergachev.ru/geop_events/290316-03.html#.V00l_OlyKWO

«Шенгенскую зону» (Великобритания, Ирландия, Швейцария, Лихтенштейн, Болгария, Румыния и Словения).

Нарастающий кризис новых членов Евросоюза. К европейским континентальным проблемам как кризис еврозоны и миграционный кризис, кризис на Украине и выхода Великобритании из Евросоюза, можно прибавить нарастающий кризис новых членов Евросоюза из бывших стран народной демократии. Кризис наступал постепенно с первого дня их членства в Евросоюзе¹. Как уже отмечалось выше, в результате «головокружения от успехов» Брюссель нарушил один из основополагающих условий евроинтеграции. При вступлении в ЕС не одна из стран не вышла на средневропейский уровень по макроэкономическим показателям. С другой стороны, каждая страна рассчитывала на *большую* финансовую поддержку в модернизации экономики. Брюссель в полной мере не выполнил программу создания европейских международных транспортных коридоров.

В последние годы члены Вышеградской группы (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) все чаще выступают в качестве восточноевропейских «смутьянов». Лидером является Польша, в наибольшей степени обласканная Вашингтоном и Берлином. Только за последнее десятилетие Польша получила от Запада свыше 70 млрд. евро, это не считая многомиллиардный долг, списанный по просьбе США. Однако это не привело к уменьшению трудовой миграции поляков в Западную Европу.

В ближайшем будущем, независимо от миграционного кризиса, недовольство бывших европейских стран народной демократии политикой Брюсселя будет возрастать. Среди новых членов Евросоюза нет не одной страны, которая была абсолютно удовлетворена итогами европейской интеграции. Во всех странах произошла частичная потеря политического и экономического суверенитета. Соглашения с ЕС часто подписывались бездумно, когда политический популизм доминировал над экономической целесообразностью. Бедные

---

¹ Владимир Дергачев. Роковые рубежи Европы. — Вестник аналитики, 2009, № 1 (Москва, Россия).

страны стали еще беднее, в отношении которых ЕС часто выступает в качестве метрополии.

Утешительный проект «Восточного партнёрства». После распада СССР Запад использовал в отношении стран постсоветского пространства «мягкую силу» в виде неокOLONиальной оффшорной геополитики. Если в оффшоры выведено всего 5% национального богатства США, то в Российской Федерации – 50%, а на Украине – 80%¹.

В 2009 году на саммите в Праге было официально учреждено «Восточное партнёрство» в целях содействия политическим и социально-экономическим реформам в странах-участницах проекта при условии выполнения ими программных требований ЕС. Инициатива «Восточного партнёрства» принадлежала Польше при участии Швеции. Проект «Восточное партнёрство» с шестью постсоветскими государствами создавался как утешительный приз для постсоветских государств, которые *не будут* членами Европейского Союза (Украина, Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Грузия и Армения). Восточное партнёрство предполагало перспективу заключения соглашения об ассоциации нового поколения, глубокой интеграции в экономику ЕС, заключения всеобъемлющих соглашений о зонах свободной торговли, облегчения поездок в ЕС для граждан при условии реализации мер по повышению безопасности, внедрения мер энергобезопасности и увеличения финансовой помощи. **Но главной целью «Восточного партнёрства» является доступ ЕС на постсоветские рынки в одностороннем порядке.**

Проект рассматривался как очередной региональный вектор европейской политики соседства, дополнение к «Северному измерению» и «Средиземноморскому союзу». Мировой финансовый кризис не позволил реализовать программу «Северного измерения». Политика ближнего соседства со средиземноморскими арабскими государствами закончилась уничтожением Ливии — лучшей страны для жизни человека в Африке (по

---

¹ Владимир Дергачев. Оффшорная геополитика. — Вестник аналитики, 2011, № 4.

классификации программы ООН по человеческому развитию), неконтролируемой миграцией и росту терроризма в Европе.

Среди программ соседства необходимо вспомнить «Организацию черноморского экономического сотрудничества», которая так же оказалась неэффективной, особенно после несостоявшегося американского проекта ГУУАМ и вступления Румынии и Болгарии в Евросоюз.

В ноябре 2013 года прошел третий саммит «Восточного партнёрства» в Вильнюсе. Участникам проекта в качестве «пряника» было обещано «светлое» европейское будущее в «цивилизованной семье» вместо «темного» пророссийского. Молдова парафировала договор об ассоциации с ЕС, а Армения и Украина воздержались от его подписания. Германия как экономический лидер Евросоюза впервые в послевоенной истории попыталась реализовать свои геополитические интересы на Украине, но по требованию из Вашингтона, отказалась от своих намерений.

Рижский саммит, состоявшийся в мае 2015 года, особенно наглядно показал кризис восточной политики Евросоюза¹, в которой идеологическая антироссийская направленность доминировала над экономической целесообразностью. В саммите отказались принимать участие президенты Белоруссии и Азербайджана. Страны-партнеры требуют большей дифференциации в восточной политике ЕС и только три страны (Молдова, Грузия и Украина) декларируют желание вступления в ЕС. Многие западные эксперты признают разочарование восточных партнеров в программе сближения с ЕС. Брюссель не располагает финансовыми ресурсами, необходимыми для реализации программы. По мнению многих экспертов фактически произошла смысловая смерть «Восточного партнёрства». Не может дальше быть приоритетом восточной политики Евросоюза программа, раскалывающая постсоветское пространство,

---

¹ Александр Носович. В Риге умерло «Восточное партнёрство». — http://stockinfofocus.ru/2015/05/25/Рижский_бальзам_для_Украины,_или_Трещины_«Восточного_партнёрства». – «Deutsche Welle»

провоцирующая войны и политические кризисы, предлагающая вместо взаимовыгодного экономического сотрудничества «сдерживание имперских амбиций России».

Границы трех оставшихся членов «Восточного партнёрства» сформировались в советском геополитическом пространстве, и его трансформация привела к утратам территориальной целостности Молдовы, Украины и Грузии. Это произошло в первую очередь из-за националистической политики, игнорирующей геополитические реалии и исходящей из мифического принципа «Запад нам поможет» и стремления местных политиков продать свой суверенитет в обмен на гарантии личной безопасности. Особую активность в геополитическом переформатировании трех государств проявляют Соединённые Штаты Америки, что не подкрепляется соответствующей экономической помощью. Общим для этих беднеющих государств является и доминирование переводов гастарбайтеров в формирование национального ВВП.

Рассмотрим макроэкономические показатели оставшихся членов «Восточного партнёрства». Перед мировым финансовым кризисом индекс физического объема ВВП 2007 года к 1991 году составлял в Украине 47%, Молдове — 61 %, Грузии — 84 %. ВВП Украины на душу населения в 2008 году более чем в два раза превышал аналогичный показатель Молдовы и в 1,5 раза — Грузии. По прогнозу МВФ в 2016 году он почти сравняется с Молдовой и будет в два раза меньше, чем в Грузии, и меньше Папуа–Новая Гвинея (1973), самой динамично развивающейся страны третьего мира. Здесь за период 1970–2015 гг. ВВП на душу населения вырос в 7 раз. В Европе Молдова и Украина стали самыми бедными странами, чей ВВП на душу населения в два раза меньше недавнего многолетнего европейского аутсайдера (Албании).

Таблица 1. ВВП на душу населения (номинал) в 2014 – 2016 гг., по данным МВФ

<i>Место в мире</i>	<i>Страна</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016 (прогноз)</i>
134	Украина	2924	2004	1854
140	Молдова	2243	1804	1712
116	Грузия	4428	3788	3790
	Евросоюз		32006	
	Мир в целом		10023	

Источник: World Economic Outlook Database-April 2016, International Monetary Fund. Accessed on 12 April 2016.

Молдова. Результатом «Соглашения об ассоциации Молдовы с ЕС» стал глубокий экономический кризис. С Россией свернуты торговые связи, а Запад не собирается в обозримом будущем предоставлять Молдове членство в ЕС. В 2015 году Молдова первой из стран «Восточного партнёрства» получила безвизовый режим с Евросоюзом, который не решил проблемы трудовой миграции. По данным Всемирного банка, переводы молдавских гастарбайтеров составляют около трети ВВП страны.

Не произошла переориентация рынков сбыта молдавских товаров. Внешнеторговый оборот страны ежегодно сокращается, и по данным Национального бюро статистики в 2015 году экспорт товаров составил \$1967 млн., что на 16 % меньше, чем в 2014 году.

В 2015 году на международной конференции в Кишинёве политики и эксперты из Молдовы, Украины, Румынии, Болгарии, России, Германии, Литвы, Австрии и Словакии подвели первые итоги Ассоциации Молдовы с ЕС. В решении конференции отмечалось, что подписанное соглашение с ЕС об Ассоциации — большая ошибка, которая привела к многочисленным проблемам в экономическом и социальном развитии страны, а также для существования молдавской государственности. Нужны прагматические отношения с ЕС и стратегические с Россией, сохранение территориальной целостности

на основе федерализации. Политика молдавских властей привела к тому, что в евроинтеграции разочаровались даже самые большие оптимисты¹. **Выгоды от обнуления пошлин у Евросоюза оказались вдвое выше, чем у Молдовы.**

Молдавская экономика испытывает чрезмерную зависимость от внешней поддержки (кредитов), которая составила в 2012 году 13%, 2013 году –19% и в 2015 году – 17%. Особенно зависит от внешних кредитов сельское хозяйство (67%).

Главная причина политического и экономического кризиса в Молдове – проевропейская власть (с 2009 года), допустившая обвальное падение в экономике при росте коррупции. Имидж молдавских евроинтеграторов, находящихся во власти, подорван непрекращающимся политическим кризисом и коррупционными скандалами. В результате, как пишут СМИ, поддержка Брюсселем Кишинева стала «условной».

Грузия. За последние годы произошла кардинальная геополитическая и геоэкономическая трансформация Грузии, в которой все в большей мере вместо российского бизнеса стал доминировать не европейский, а турецкий бизнес. В Грузии активно работают турецкие банки, строительные компании, доминируют турецкие инвестиции. Европейский Союз не смог вложить капитал в создание производств на территории Грузии, в том числе из-за перманентной политической нестабильности на Южном Кавказе. Выгодное геостратегическое положение Грузии на пути транспортировки бакинкой нефти и возможная политическая нестабильность могут привести к непоправимым последствиям. В Турции набирают мощь националистические партии, а часть элиты не расстается с надеждой вернуть «оккупированную» Грузией территорию Аджарии.

Активизация сотрудничества Грузии с НАТО не стало гарантом целостности Грузии, а лишь усилила присутствие

---

¹ Материалы международной конференции «Соглашение об ассоциации между Республикой Молдова и Европейским Союзом: результаты первого года внедрения» (28 сентября 2015 года). — Интернет-портал «Институт геополитики» http://dergachev.ru/geop_events/051015.html#.Vx8ugfpyKW0

американских инструкторов и натовской Турции, которая как набирающая мощь региональная держава стремится восстановить свое влияние на территории бывшей Османской империи. Согласно Шестой статье Карсского договора 1921 года Турция имеет полное право «вернуть Батуми и его область», то есть Аджарию в случае его нарушения. На картах в турецких учебниках истории для 11-х классов территория Аджарии показана, как «оккупированная историческая область Батуми». В Аджарии выражают опасение усилением «турецкой экспансии»¹.

Не оправдались надежды на международные транспортные коридоры, проходящие через Грузию. Возможности для их создания в Черном море блокируются отсутствием стабильных двухсторонних торговых потоков. Созданные международные паромные линии работают с перебоями и нарушением расписания.

Брюссель проявляет все меньшее стремление к евроинтеграции с Грузией. После снятия запрета на импорт грузинских, преимущественно, сельскохозяйственных товаров, местные фермеры в большей степени стали ориентироваться на перспективный российский рынок.

«Европейская мечта» Украины. Благодаря «революции достоинства» страна стремительно становится беднейшей в Европе. В 90-е годы Украина была единственной страной Восточного блока, которая по макроэкономическим показателям соответствовала требованиям Брюсселя для вступления в Европейский Союз. По данным Программы человеческого развития (ПРООН) Украина в 1990 году занимала по макроэкономическим показателям 25 место в мире. Но украинская власть после провозглашения независимости на первое место поставила приватизацию, породившую доморожденных олигархов и крупномасштабную коррупцию. К 2013 году по Индексу человеческого развития Украина сместилась на 83 место, а по экспертным оценкам в последующие два года отброшена во

---

¹ Владимир Дергачев. Аджария. «Жемчужина Грузии». Бульдозером по геополитике. — Интернет-портал «Институт геополитики». http://dergachev.ru/geop_events/250516-02.html#.WNtKPJ7-uMo

вторую сотню (по прогнозу примерно 140 место). Очередной Майдан привел к утрате Крыма, гражданской войне на Донбассе и политической нестабильности.

Официальными кандидатами на вступление в Евросоюз являются Албания, Македония, Сербия, Черногория и Турция, которая ждет своей очереди еще с 60-х годов. В будущем кандидатами могут стать Косово, Босния и Герцеговина. То есть первоочередной, но долгосрочной программой является интеграция балканских стран. Украина в список кандидатов никогда не входила.

Заявление председателя Европейской комиссии Жан-Клода Юнкера о шансах вступления Украины в Евросоюз и НАТО через 20-25 лет является предсказуемым для Брюсселя и неприятным сигналом для украинских политиков, которые на протяжении многих лет обещают гражданам неизбежную скорейшую евроинтеграцию. Игнорирование Киевом соглашения Минск-2, углубляющийся внутривнутриполитический кризис и отсутствие результатов в борьбе с коррупцией, получившей новое дыхание, раздражает европейских чиновников. Кроме того украинская власть стремится эксплуатировать образ жертвы, вместо проведения экономических реформ в целях евроинтеграции.

После подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и зоне свободной торговли выгоды от обнуления пошлин у Евросоюза оказались на порядок выше, чем у Украины.

После очередного Майдана уровень жизни в Украине упал в два раза, национальная валюта обесценилась в 3,1 раза, инфляция превысила 40 %. На этом фоне главной задачей украинского правительства остаётся свёртывание торговых и других связей с Россией. В результате оборонная и авиационная отрасли лишились крупных заказов и 80% доходов. Создание свободной зоны торговли с ЕС привело к потере преференций на крупнейшем российском рынке сбыта продукции.

Ежегодные потери от разрыва экономических связей с Россией составляют \$15 млрд., взамен страна получает транши

МВФ по \$1 млрд. После так называемой «революции достоинства» произошло беспрецедентное падение прямых иностранных инвестиций в Украину в десять раз с \$4,5 млрд. в 2013 году до \$410 млн. в 2014 году. В последующие годы не восстановлен дореволюционный уровень. По традиции треть инвестиций поступает из оффшоров, куда выведены активы украинских и российских олигархов (Кипр, Британские Виргинские острова и др.). Падение ПИИ вызван в первую очередь уменьшением вложений украинского и российского бизнеса, выведенного в оффшоры¹. В 2016 году по сравнению с предыдущим годом транзит нефтепродуктов через Украину сократился в 6,3 раза. Число выехавших на работу за границу увеличилось на 1,2 млн. человек. Всего за границей трудится 4,6 млн. человек или 25% экономически активного населения. После подписания с ЕС соглашения о Зоне свободной торговли товарооборот увеличился незначительно, причем импорт из ЕС в десять раз превысил экспорт украинских товаров.

Миф об аграрной сверхдержаве. По заявлению бывшего американского посла Украина должна стать аграрной сверхдержавой. Но еще не было в мировой практике случая, чтобы страна, идущая по пути деиндустриализации и планомерно разрушающая вершину созданной высокотехнологической пирамиды, смогла рассчитывать на лидирующие позиции даже в третьем мире, когда вместо ракет будет выращивать «рапс» на биотопливо. Американский посол, вероятно, не знал, что по данным Института почвоведения и агрохимии за последнее 130 лет черноземы Украины потеряли до 30 - 40% гумуса и перешли в разряд почв со средним плодородием. Из 26 млн. га украинских черноземов не менее 15 млн. га находятся в деградированном состоянии. На этом фоне рекордное увеличение производства в 2016 году семян подсолнечника на 22% является пирровой победой. Семена экспортируются в Европу, которая

---

¹ Ростислав Аверчук. (Оксфорд, Великобритания) Прямые иностранные инвестиции в Украине: война и мир. — Еженедельник 2000, 3 марта 2017 года.

стремится не выращивать подсолнечник, так как эта культура сильно истощает почву.

***Информация для размышления.** В прошлом аграрной сверхдержавой была Аргентина¹. По численности населения она равновелика современной Украине, но её экономическая мощь (номинальный ВВП) в 6,5 раза превышает украинский показатель. В 1990 году этот макроэкономический показатель Аргентины был всего в 1,5 раза выше, чем в советской Украине. Самостийная Украина решила пойти путем деиндустриализации и наступить по рекомендациям внешних управляющих на грабли «аграрной сверхдержавы». Аргентина достигла временных успехов аграрной сверхдержавы и благодаря эффективной реформе народного образования. На Украине эта реформа привела во власть самостийных «патриотов» — мародерам от науки и образования, облечённых в плагиате диссертаций. За четверть века незалежности произведено столько липовых «кандидатов» и «докторов» наук, что, войдя во власть, они способны без Майданов эффективно парализовать будущее у государства.*

Как пишет британская Guardian, «Украина серьезно рискует оказаться несостоявшимся государством». Без кардинальной смены акцентов в экономической политики, исходящей из интересов страны, а не западных кураторов, Украину ждет дальнейшее падение ВВП, сокращение промышленного производства, безработица и девальвация национальной валюты.

Украина внесла весомый вклад в раскол восточноевропейского геополитического пространства, сыграв роль «пятой колонны» Запада и превратилась в лидеры «серой» зоны и беднейшую страну Европы. Украина стала «передовой» страной рыночного фундаментализма, основанного на бизнесе на государственных ресурсах. Можно сказать, что это вершины европейской интеграции страны, где власть уже живет по европейским сантехническим стандартам и сделает все возможное,

---

¹ Владимир Дергачев. Аргентина. Золотой век. Американские горки аграрной сверхдержавы. — Интернет-портал «Институт геополитики». http://dergachev.ru/geop_events/050317-03.html#.WNtXk57-uMo

чтобы закрепиться на достигнутых рубежах. В результате оффшорной геополитики на Запад выведены активы стратегических предприятий и практически утрачены основные рычаги управления экономикой и регулирования платежного баланса.

Украина должна осуществить конституционную реформу, которая должна оградить Восток, Юг Украины и Закарпатье от националистических поездов «дружбы» с дубинами, битами и указаниями, какие памятники ставить или кого сжигать. Если не будут сегодня обсуждаться проблемы федерализации и конфедерации, завтра будет поздно.

Чтобы у страны было будущее, Украине необходимо избавиться от псевдонациональной идеи «под кого залечь», неоднократно приводившей к утрате государственности (Руинам), и найти свое место в новом геополитической конфигурации Большой Европы. Для этого требуется профессионализм в управлении с опорой на украинский народ Запада, Востока и Юга Украины. Будущее Украины за нейтральным статусом. Украина должна оставаться нейтральным и дружественным соседям государством с сохранением обширных экономических связей на Западе и Востоке. **Если украинская власть выберет вместо нейтралитета проамериканскую или пророссийскую сторону, она будет разорвана без особого сожаления для основных геополитических игроков в Восточной Европе.**

Украине, Молдове и Грузии необходимо внимательно изучить опыт Албании — полувекового европейского аутсайдера, совершившего экономический рывок благодаря эффективному использованию фактора рубежности государства¹.

Что будет после провального «Восточного партнерства»? Сепаратизм, терроризм, финансовый кризис с частичной девальвации *евро*, миграционный кризис не позволяют Евросоюзу осуществлять дальнейшее продвижение на Восток. В Западной Европе ширится движение против «Евроленда», включая

---

¹ Владимир Дергачев. Албания. Страна горных орлов, победившая тоталитаризм и отсталость. — Интернет-портал «Институт геополитики». http://dergachev.ru/geop_events/181216-01.html#.WNtW7J7-uMo

противодействие расширению Европейского Союза и наплыву мигрантов (дешевой рабочей силы). Усиливающаяся «партия» евроскептиков не приведет в обозримом будущем к распаду Европейского Союза, но окончательно остановит продвижение на Восток, включая «европейский выбор» Украины. Дальнейшее расширение ЕС будет ограничено также дефицитом финансовых ресурсов, необходимостью «переварить» тылы на Балканах.

В Европейском Союзе с доминированием западного христианства православные государства могут рассчитывать в лучшем случае только на место маргиналов. Восточная Европа, принадлежащая к православной цивилизации, никогда не будет частью преимущественно западнохристианского Евросоюза. Православные Болгария мечтала стать «Японией на Балканах», а Грузия — Европой на Кавказе, а трансформируются в турецкий протекторат.

Между Западной Европой и Россией образовалась обширная «серая зона» формирующейся новой мировой периферии, грозящей стать очередным эпицентром мирового конфликта. Под видом «Восточного партнёрства» создается антироссийский «санитарный кордон» в Восточной Европе.

Создание нового «железного занавеса» возможно при условии, что Брюссель возьмёт на себя все издержки экономической антироссийской блокады, в первую очередь для стран Центрально-Восточной Европы. Но Брюссель не располагает такими финансовыми возможностями. Экономические санкции против России отрицательно влияют в целом на европейскую экономику.

В Центрально-Восточной и Восточной Европе усиливается роль Китайской Народной Республики. Эта сверхдержава входит в регион как мировой геэкономический игрок. Здесь создаётся важный плацдарм суперпроекта «Экономический пояс Шёлкового пути» в мирном наступлении на Европейский Союз. Будут созданы крупные транспортно-логистические центры в Белоруссии, Литве и России, включая Крым.

Геополитической и геэкономической нестабильности в Восточной Европе способствует эгоизм великих держав, преследующих свои стратегические цели. Они поставили новые

независимые государства (Украину, Молдову и Грузию) перед жестким выбором *Или/Или* между евроинтеграцией (зоной свободной торговли с ЕС) и евразийской интеграцией (ЕАЭС). Тогда как в европейской практике имеются процветающие государства, которые в своем внешнеполитическом и экономическом выборе исходят в первую очередь из своих национальных интересов. Например, лучшая в мире страна для жизни человека (по классификации Программы ООН по человеческому развитию) — Норвегия — не является членом Евросоюза, но пользуется всеми экономическими привилегиями Брюсселя. Даже при поддержке других скандинавских стран вошла в Шенгенскую зону.

Страны «Восточного партнёрства» оказались как в известной басне между лебедью, раком и щукой. Евросоюз и Россия тянут в разные стороны, а самая «правильная» страна в мире создаёт антироссийский «санитарный кардан», присваивая звания демократов местным марионеткам и радикальным националистов.

Внешняя экономическая экспансия, новые рынки для сбыта европейской продукции является жизненно необходимым для благополучия Европейского Союза. Но при этом Брюссель не располагает возможностями для финансирования программы «Восточного партнёрства» и ошибочно игнорировал геополитический фактор вторжения в постсоветское пространство — зону «жизненных интересов» России. Попытки геополитической трансформации восточноевропейских стран со стороны Брюсселя безуспешны и опасны, так как Евросоюз не обладает соответствующей военно-политической мощью. Деиндустриализация и вывод активов стратегических предприятий осуществлялись под «патронажем» Запада и не были компенсированы инвестиционным капиталом.

Пока Евросоюз по инерции продолжает демонстрировать намерения по сохранению политики «Восточного партнёрства», но его основные внимание сосредоточено на необходимость решения более актуальных задач преодоления внутреннего системного кризиса (финансового, миграционного и дезинтеграции).

Проект «Восточного партнерства» терпит поражение из-за недальновидной политики Евросоюза, главная цель которого была одностороннее расширение потребительского рынка без гарантий перспективы вступления в Евросоюз и мощной финансовой поддержки. Нарастающая конкуренция за влияние на постсоветском пространстве не только ослабляет «Восточное партнёрство», но может спровоцировать создание еще одного горячего фронта, не только на южных, но и восточных границах. При этом ни Евросоюз, ни Россия не заинтересованы в обострении конкуренции, которая может повредить двусторонним отношениям.

В конечном итоге «Восточное партнерство» повторит печальную судьбу других региональных программ европейского соседства, включая «Средиземноморское партнерство» и «Северное измерение». При этом следует обратить внимание на особенности европейской политики соседства, которая зависит каждый раз от страны, председательствующей в Совете ЕС. Вместе с уходом очередного председателя Европейского совета угасает очередной проект «соседства». В связи со сменой в 2017 году на этом посту представителя Польши, закончится проект «Восточного партнёрства», инициированного Варшавой.

Геополитические и геоэкономические сценарии в Восточной Европе в первую очередь определяются от исхода «большой геополитической игры» между Россией и Америкой. Будущее Европы как важной составляющей мировой экономики будет зависеть от реализации межблоковых мега-проектов, включая китайский суперпроект Большой Евразии от Лондона до Шанхая. В этой связи концепция биполярной Большой Европы после образования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайского суперпроекта «Экономический пояс Шёлкового пути» приобретает новое измерение.

После введения Евросоюзом экономических санкций против России только после восстановления утраченных торговых связей станет возможным обсуждать межблоковое сотрудничество ЕС – ЕАЭС. Однако реализация китайского суперпроекта Большой Евразии от Шанхая до Лондона может ускорить этот процесс.

Экономическое взаимодействие между ЕС и КНР в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути», ЕС и ЕАЭС будет чрезвычайно позитивным импульсом экономического развития для рубежных стран «общего соседства» — Украины, Молдовы и Грузии.

Евросоюз является крупнейшим торговым партнером ЕАЭС, который в свою очередь является третьим торговым партнером ЕС. Страны ЕАЭС заинтересованы в трансфере европейских технологий, а Евросоюз испытывает зависимость от «евразийских» углеводородов. Европейский континент нуждается в дальнейшем развитии трансграничной инфраструктуры. Сочетание конкурентных преимуществ ЕС и ЕАЭС даст взаимовыгодные преимущества.

В связи с проблемами реализации европейской стратегии экономического развития «Европа 2020» Брюссель в ближайшем будущем окончательно прекратит реализацию финансовых программ для государств ближнего соседства, включая Украину. Одновременно начнется процесс сближения экономического сотрудничества ЕС – ЕАЭС и будут устранены требования ЕС в отношении безальтернативного выбора Украины, Молдовы и Грузии.

Европейский Союз после Brexit. Чем крепче поцелуи, тем меньше денег¹. Выход из ЕС самой крупной военной ядерной державы, пятой экономики мира и второй по размеру вклада в консолидированный бюджет Союза (15%) сравнивают с геополитическим землетрясением и цунами евроскептицизма. Правда, Лондон никогда не был в тесных объятиях Брюсселя. Великобритания оставалась особым членом ЕС, не вошедшим в еврозону и Шенген.

В 90-е годы экономический рост в Западной Европе обещал безоблачное будущее, и началось «головокружение от успехов». К 2020 году с учетом расширения на Восток прогнозировался консолидированный семилетний бюджет Евросоюза в 1,5-2,0 трлн.

---

¹ *Владимир Дергачев.* Европейский Союз после Brexit. Чем крепче поцелуи, тем меньше денег. — Интернет-портал «Институт геополитики». http://dergachev.ru/geop_events/070716-01.html#.WNtcrJ7-uMo

евро. Европейский Союз, начав активное продвижение на Восток, не успел «переварить» новых средиземноморских членов, посадив их на иглу дешевых кредитов, ставших искрой зажигания дефолта после начала мирового финансового кризиса и кризиса еврозоны. Надежды бывших стран народной демократии на советский патернализм со стороны Брюсселя не оправдались.

Brexit неизбежно интенсифицирует центробежные процессы в «европейском доме», особенно в странах не желающих кормить иждивенцев. Политика европейского «плавильного котла» провалилась, вместо европейского народа англичане хотят оставаться англичанами, французы — французами и так далее. Повторяется ошибка СССР по формированию советского человека.

Как пишет *The Wall Street Journal*, решение Великобритании о выходе из состава Евросоюза рушит надежды украинцев на скорое вступление в блок¹. Модель «демократического» украинского форпоста цивилизованного мира против «варваров» уже не приносит дивиденды в Европе.

Основными спонсорами (странами-донорами) Евросоюза, у которых взносы в консолидированный бюджет намного превышают получаемые субсидии, являлось всего несколько европейских государств (Германия, Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды и Швеция). Из консолидированного бюджета ЕС больше всего получили Польша (12 млрд.), Португалия, Греция, Испания, Венгрия и Чехия.

Максимальный консолидированный бюджет Евросоюза никогда не превышал 1200 млрд. евро. В 2013 году после долгих переговоров из-за недовольства стран-доноров был впервые уменьшен бюджет на 100 млрд. евро. В семилетнем бюджете (2014 – 2020) расходы не должны превышать 960 млрд. евро, что соответствует 1 % ВНД ЕС (- 3,5 % по сравнению с прошлым бюджетом). Реально запланированные расходы были зафиксированы на уровне 908 млрд. евро. Но с учетом девальвации евро в ценах 2007 года фактически семилетний бюджет 2014 – 2020 года

---

¹ Brexit Spurs Worries in Ukraine Over Its Future With EU. — <http://www.wsj.com/articles/brexit-spurs-worries-in-ukraine-over-its-future-with-eu-1467570052>

уменьшился до 700 млрд. евро (примерно в 3,5 раза меньше радужных прогнозов десятилетней давности). После Brexit консолидированный бюджет суксился еще на 15 % (доля взноса Великобритании). Финансисты Лондон-Сити могут посчитать более точно, чем автор. Но факт, что с расширением Евросоюза денег в консолидированном бюджете становится все меньше.

Как считает американский лауреат Нобелевской премии Майкл Спенс, растущее напряжение в ЕС между странами в ближайшее время должно быть преодолено или же Союз распадется.

Евროзона всё больше превращается в две группы стран, движущихся на разных скоростях. У инвесторов вызывает повышенную тревогу возможность распада еврозоны. Реальный (с учётом инфляции) ВВП Италии находится примерно на уровне 2001 года, а Испании – на уровне 2008 года. В средиземноморских странах Европы, включая Францию, наблюдаются крайне слабые темпы восстановления экономики и упорно высокий уровень безработицы, превышающий 10%, а среди молодёжи младше 30 лет он намного выше. Между тем, уровень госдолга достиг или превысил 100% ВВП (в Италии равен 135%), при этом инфляция и темпы реального роста остаются низкими. Этот затяжной долговой кризис мешает использованию фискальных мер, способствующих возврату уверенных темпов роста экономики¹.

Заключение. Европейская политика соседства создавалась в первую очередь для расширения потребительского рынка Евросоюза. В ближайшее время произойдет корректировка этой политики, а точнее её финиш. Из-за системного внутреннего кризиса (финансового, еврозоны и миграционного) и игнорирования геополитических реалий, Брюсселю сегодня не до соседей, оказавшихся у разбитого корыта евроинтеграции.

К европейским континентальным проблемам как кризис еврозоны и миграционный кризис, кризис на Украине и выхода

---

¹ Лауреат Нобелевской премии: ЕС в шаге от распада. — <http://ktovkurse.com/mirovaya-ekonomika/laureat-nobelevskoj-premii-es-v-shage-ot-raspada> 03.03.2017 Project Syndicate

Великобритании из Евросоюза, можно прибавить нарастающий кризис новых членов Евросоюза из бывших стран народной демократии. Кризис наступал постепенно с первого дня их членства в Евросоюзе. При вступлении в ЕС не одна из стран не вышла на среднеевропейский уровень по макроэкономическим показателям и рассчитывала на *большую* финансовую поддержку в модернизации экономики. Брюссель эти ожидания не оправдал.

Проект «Восточное партнёрство» с шестью постсоветскими государствами создавался как утешительный приз для постсоветских государств, которые *не будут* членами Европейского Союза (Украина, Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Грузия и Армения).

Европейский союз, импотент в военно-политическом отношении и протекторат США, решил поиграть в геополитику. Самым большим «достижением» последнего «Дранг нах Остен», связанного с программой «Восточного партнёрства», стала гражданская война на Украине. При этом Брюссель не желает нести бремя ответственности за государство, не выполняющее требование «нормандской четверки» и соглашений Минск-2.

Многочисленные вызовы, с которыми сталкивается Евросоюз (Brexit, кризис еврозоны, миграционный кризис и др.) оставляет все меньше надежд для «светлого будущего» европейской периферии, где иждивенцы мечтают только о несбыточном патернализме Брюсселя. Времена относительно бесплатных пряников прошли. И на очередном саммите «Восточного партнёрства», если он состоится, взаимные поцелуи усилятся, но денег нет.

Между Западной Европой и Россией образовалась обширная «серая зона» формирующейся новой мировой периферии, грозящей стать очередным эпицентром мирового конфликта. Оптимистический сценарий заключается в ликвидации искусственно созданного под видом «Восточного партнёрства» межгосударственного буфера («санитарного кордона»). Будущее рубежных государств зависит от нейтрального статуса с опорой на собственный народ и отказа от геополитического курса «под кого залечь» и продажи суверенитета.

IMAGINEA TRECUTULUI CA FACTOR AL FORMĂRII IDENTITĂȚII

*Ala POPTOVA, doctor în istorie, conferențiar universitar,
Universitatea de Stat din Comrat*

Rezumat

În articol este supus analizei procesul formării imaginii trecutului sub influența transformărilor socio-culturale și evoluției sistemului de identitate. În Republica Moldova există o diversitate de imagini a trecutului. În baza analizei diverselor imagini, autorul conchide că formarea identității civile trebuie completată/susținută de politica memoriei, orientată spre conștientizarea proceselor dezvoltării statale.

***Cuvinte-cheie:** imaginea trecutului, identitate, Republica Moldova,, identitatea civilă, istoria, memoria, politica memoriei*

THE IMAGE OF THE PAST AS A FACTOR OF IDENTITY FORMATION

Abstract

The article considers the relationship between the processes of formation of the image of the past with the socio-cultural transformations and the evolution of the system identities. In the Republic of Moldova there is a variety of images of the past. It is concluded that the formation of civic identity should be supported by a memory politics focused on understanding the processes of development of the state.

***Keywords:** image of the past, identity, Republic of Moldova, civic identity, history, memory, politics of memory*

ОБРАЗ ПРОШЛОГО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальность обращения к теме образа прошлого predetermined тем, что социокультурные трансформации меняют механизм формирования идентичностей. Уже в индустриальном обществе статусы в основном становятся достигаемыми, а в постиндустриальном обществе процесс эволюции систем идентичности приобретает новые измерения. Хотя процессы, происходящие в современном обществе принято вписывать в контекст

глобализации, стоит согласиться с У.Беком в том, что особенностью её является расширение, плотность и стабильность взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их массмедиальной самоидентификации, а также социальных пространств и их телевизионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях [4, с.28].

Это многообразие, а также ускорение динамики трансформаций дало основание З.Бауману назвать современность –текучей, лишённой перспективы «восстановления принадлежности» в конце дороги, выбранной хронически «утратившими принадлежность» людьми [3, с.41]. Эта необходимость в восстановлении принадлежности в эпоху, когда индивидуализация, в соответствии с З.Бауманом «судьба, а не предмет выбора» [3, с.41], восходит к обосновываемой П.Тиллихом полярности «Я» и «мира». Проявляется она прежде всего в том, что полярной парой индивидуализации является партиципация [9, с.58]. Взаимосвязь индивидуализации и партиципации мыслится в контексте силы (энергии): Я утверждает себя как участника в силе какой-то группы, движения, в силе каких-то смыслов, в самой силе бытия как такового [9, с.59]. Таким образом, формирование системы идентичностей обеспечивает смысловое наполнение субъектности.

Вплоть до Нового времени вехой становления этноса и государства становится определение конфессиональной принадлежности: субъектами мировой истории становились прежде всего этносы, которые обретали конфессиональную идентичность включающую их в цивилизационное пространство, сакральным ядром которого была одна из мировых религий.

Секуляризация культуры, десакрализация мира требует реструктуризации системы идентичностей. Телеологизм и универсализм сохраняет идея Прогресса, она же предлагает механизм «искусственного воспроизводства» коллективной идентичности. В роли этого механизма обязано выступить Просвещение. И это очень своевременная мера, так как становление индустриального общества сопровождается урбанизацией. Но «естественное» воспроизводство коллективной идентичности, характерное для

традиционных обществ сохраняется прежде всего в селах и степень этой сохранности обратно пропорциональна размаху урбанизационных процессов.

Идея Прогресса оказывается слишком рациональной для того чтобы стать сакральным ядром новых систем идентичностей, хотя в период Французской революции ее и пытались сакрализовать, вводя Культ Разума. Тем не менее, она будет использована для построения различных универсалистских проектов. В упрощенном виде можно сказать, что в каждом из них будет поставлена во главу угла одна из граней прогресса – социальная справедливость, равенство, свобода, технический прогресс и т.д. Воплощать их в XX веке будут империи нового типа.

Между тем, кризис империй старого типа активизировал процесс создания наций. Процесс трансформации этноса в нацию происходил в контексте становления национальных государств эпохи модерна. Согласно Э.Геллнеру, национализм политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная границы должны совпадать [5, с.23.]

В ходе этого процесса создается этноцентричная картина мира. Важнейшей ее составляющей является выстраивание истории государственности – от ее ранних форм до существующей. Если формирование этой картины мира и образа прошлого происходит в период борьбы за независимость, то создание независимого национального государства - та самая цель, стремление к которой является двигателем исторического прогресса.

В единую цепь связываются звенья иногда создаваемые различными этносами, однако соединенными культурной преемственностью. Ярким примером является включение в историю Древней Греции Крито-Микенского периода, хотя создатели Минойской культуры Крита не были греками.

Таким образом формируется образ прошлого. В нем отражаются особенности исторического развития страны, региона, этноса. Он выступает в роли памяти об истории, определяет значение тех или иных событий в контексте национальной истории, содержит обоснование исторической миссии этноса или региона, аксиологи-

чески окрашивает пространство, соседей, персонажей исторических событий, указывает культурных героев [8, с.173].

Механизм формирования образа прошлого формируется еще в древности и многие его черты именно в древности отражаются наиболее ясно. Так, например, для создания перспективы необходимо обращение к максимально глубоким слоям прошлого, привязка к архетипическому событию или герою. И вот Гомер, уже не представляющий быта Микенской эпохи воспекает подвиги греков в Троянской войне. А позже вполне успешные и давно покорившие греков римляне именно из Трои выводят предка основателя Рима Ромула – Энея. Основанием для «прикрепления звена» может служить созвучие имен – так Иордан отождествляет гетов (фракийцев) с готами (германцами). Реальная генетическая связь могла не иметь никакого значения: имя удачливого народа наследовали те, кто видел в нем эталон. Интерпретация многообразных конкретных исторических событий часто сводилась к поиску архетипического события с присущим ему значением. Сокровищницей эталонных событий, героев, смыслов и образов для аллегорий выступала античность и Библейская история.

Даже в Новое время, призывая французов к революции, Ж.Л.Давид напишет «Клятву Горациев», а объединившиеся Княжества изберут для своего государство единственное «имперское» - «римское» - имя Румыния. Однако, мир уже пришел в движение, он приговорен к индивидуализации, а его деритуализация мешает возобновить «Вечное возвращение». И единое зеркало с единым отражением раскалывается. В разные стороны разлетаются деформированные осколки: образуются национальные историографические школы, либеральные, консервативные и т.д. В двадцатом веке раскол продолжится – появится гендерная история, микроистория. устная история. А на границах исторического миропорядка появятся фольк хистори, альтернативная история и вольные художественные реконструкции.

Точкой отсчета этих перемен является то, что память о прошлом также переходит в разряд прошлого. Для П.Нора в этом кроется объяснения значимости «мест памяти» «осознание

разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения» [7, с.18]. Трагическое противоречие заключается в том, что память разорвана тогда, когда особенно необходима: в XIX веке история, прежде всего национальная, очень востребована. Она должна обосновать миссию народа, добивающегося независимости или приступившего к созданию колониальных империй. Однако, становление индустриального общества сопровождается исчезновением крестьянства, являвшегося по преимуществу коллективной памятью.

Толстые тома академических текстов неспособны вдохновлять и объединять – отсюда потребность в памятниках, праздниках, всякого рода юбилеях и годовщинах. Рефлексия отливается в образе прошлого.

Образ прошлого определяет смысловые значения, но делает это исходя из ценностей и смыслов настоящего. Согласно Ю.М.Лотману «память — инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое» [6, с.388]. Образ прошлого страны способны разделять носители разных конфессиональных и этнических идентичностей. Он позволяет формировать гражданскую идентичность. В рамках единого образа прошлого могут существовать различные трактовки тех или иных событий, но интерпретация ключевых событий и пантеон культурных героев должны соответствовать некоей системе ценностей и, таким образом, представлять собой целостность [8, с.173]

Образ прошлого просеивает историю через сито памяти. П.Нора, видит различие истории и памяти в ощущении наличия или отсутствия дистанции. Если история — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет, то память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим [7, с.20]. Еще один способ различения связан с содержанием и механизмом наполнения содержания: история это репрезентация прошлого, а память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. [7, с.20].

Употребление термина «память» там, где ранее употреблялись термины «история» и «прошлое» для Ф.Анкерсмита — проявление того, что он называет «приватизацией прошлого»[2, с.23], и что можно было бы понять как повышение роли субъекта в определении контуров и значения прошлого. В роли этого субъекта может выступить социум. Развитие этнического или этнорегионального или национального самосознания – процесс обретения статуса субъекта. Осмысление этого позволило Б.Андерсону определить социум как «воображаемое сообщество» [1].

На формирование образа прошлого может влиять политика памяти, но в еще большей степени он связан с социокультурными трансформациями, так же, как и образ прошлого влияющими на эволюцию системы идентичностей. Взаимосвязь между ними сложна и противоречива: формирование новой субъектности предполагает выстраивание системы идентичностей и одновременно специфического образа прошлого. Социокультурные трансформации приводят к эволюции системы идентичности и находят отражение в эволюции образа прошлого. Иллюстрацией этому может служить эволюция образа прошлого гагаузов. Тогда, когда религиозная идентичность имело особо важное значение в системе идентичностей, история гагаузов вписывалась в славянский, преимущественно православный мир (Д.Чакир «Биографический очерк рода и фамилии Чакир», 1899) [10], Но когда процесс социокультурных трансформаций повышает значение этнической и языковой идентичности в системе идентичностей, то история гагаузов вписывается уже в историю тюркского мира (М.Чакир, «История гагаузов Бессарабии», 1934) [11].

. Особенно сложным образом процесс формирования коллективной идентичности разворачивается в тех регионах, которые в силу геополитических катаклизмов включаются в разные политические и даже цивилизационные пространства. Это в полной мере относится к Молдове, которая сохраняя молдавскую самобытность и идентичность, в разные исторические периоды признавала сюзеренитет различных государств, пребывала под протекторатом Османской империи, оказывалась в соста-

ве Российской империи и СССР. Только на протяжении последних ста лет четыре поколения одной и той же семьи, не покидавшей место жительства, могли родиться в 4-х разных государствах: Российской империи, Румынии, СССР, Республике Молдова. Более того, нынешние границы государства, определенные в 1940 году, объединяют регионы с разной исторической судьбой и разным этническим составом. Особенным этническим многообразием отличается Юг Молдовы.

Помочь формированию гражданской идентичности мог бы единый образ прошлого. Его развитие неизбежно должно было бы переосмыслить пространство и время. Символическое освоение пространства, выделение центра, сакральных мест – все это должно было происходить вновь и вновь вместе с изменением границ. И процесс этот идет. С созданием независимого государства Республики Молдова перестроились паломнические маршруты. Значительная часть их охватывает монастыри внутри страны. Но и те, что выходят за пределы Молдовы – изменились. Теперь они пролегают по всему миру Православия, и Молдова оказывается в центре выстроенных вновь и сохранившихся с прежних времен паломнических маршрутов.

Политика памяти мало помогала формированию гражданской идентичности: вопреки мировой практике в стране, обретшей независимость, изучалась не история государственности, а история выходящего за пределы страны культурного пространства. С этим пространством действительно много связано в истории и культуре, и оно воспринимается как единое носителями румынской идентичности. Это можно понять: в период, когда повсеместно шло формирование молодых европейских наций на основе этносов, различные исторические и геополитические обстоятельства благоприятствовали именно становлению румынской нации и румынского образа прошлого. Однако, в этом образе прошлого не было обозначено место не только для этносов компактно проживающих на территории Молдовы, но и для носителей молдавской идентичности. А это потенциальный заряд для межэтнических конфликтов.

Опыт Республики Молдова показывает: когда власти не поддерживают развитие единого для всей страны и гармоничного образа прошлого, то это способствует развитию этнических и этнорегиональных образов прошлого. Особенно хорошо это видно на примере образа прошлого гагаузов, который имеет в своем активе более чем столетний срок развития, политический ресурс в виде Автономии. Но что еще более важно – показателем его бурного развития является вовлеченность в его создание многочисленных энтузиастов. Вот только один пример - активность учителя физкультуры из села Баурчи Константина Курдогло, который опубликовал уже несколько томов переработанных ими воспоминаний жителей его села и Гагаузии в целом о трагических страницах истории второй половины XX века. Эти книги выходили тиражами в 1000 экземпляров и моментально расхватывались многочисленными читателями. Чаще всего энтузиасты культивируют разнообразные мифо-истории, но создание мифо-символического комплекса сопровождает развитие любого образа прошлого.

Есть энтузиасты и у молдавского образа прошлого – прежде всего В.Н.Стати и П.М.Шорников, С.М.Назария, но это именно исследователи, а не создатели мифо-историй.

Опыт Республики Молдова показывает и то, каковы пределы влияния политики памяти. Более чем двадцатипятилетнее изучение истории румын, а не истории молдавского государства не смогли нивелировать различий между образом прошлого Молдовы и Румынии. Для Румынии большое значение имеет история древности, прежде всего история фракийских царств. Показательно, что особый интерес вызывает не личность Бурбисты, которого, по словам Страбона боялись сами римляне, а личность Децебала. Это связано с тем, что именно в его эпоху состоялась первая, хотя и трагическая интеграция предков румын в Европу, олицетворением которой тогда был Рим. И это подлинный энтузиазм, доказательством чему является более чем миллион долларов, потраченные И.К.Дрэганом на создание самого большого монумента Европы, высеченного из скалы – портрета Децебала [12]. Румынский образ прошлого жив и

успешно развивается, о чем свидетельствует открытие Музея Цивилизации Кукутень в Яссах [13].

Для молдавского образа прошлого более ценен период средневековья. Это еще раз доказывается тем, что самое последнее, трехтомное издание Истории Молдовы (2017) начинает ее с эпохи Средневековья.

Важнейший и безусловный культурный герой – Штефан чел Маре ши Сфынт. Это легко понять, если вспомнить, что смысловые значения определяются исходя из ценностей и смыслов настоящего. Для православной Молдовы святой и воин, защитник православия, действительно является воплощением ценных добродетелей.

Значимость защиты Отечества, жертвенности, отстаивания этических ценностей и справедливости ценой жизни – то, что коррелируется с ценностями православия – многократно подчеркнута празднованием Дня Победы 9 мая, бережным отношением к памятникам Великой Отечественной войны.

Все это не означает, что история древности никак не стала частью молдавского образа прошлого. Однако, её значение ниже, чем в румынском образе прошлого.

С другой стороны эти различия не рефлексированы теми, кто всецело и ментально и эмоционально разделяет румынский образ прошлого. Это вполне стандартная реакция. Можно привести пример такого рода на болгарском материале: в музее болгарского города Молдовы есть отдельная большая экспозиция, посвященная русско-турецкой войне 1877-1878. В этот период болгары Твардицы уже жили на землях Бессарабии, хотя ряд жителей (тогда еще села) воевал в ней в составе русской армии.

Наличие нескольких образов прошлого свидетельствует о ментальном расколе, весьма укрепившемся за 25 лет. Это данность, которую нельзя отменить, как нельзя отменить этническую или этнорегиональную идентичность. Бережное и уважительное отношение к разнообразным образам прошлого должно сочетаться с попытками создания основ для диалога, дискурса в котором будут обсуждаться проблемные темы.

На единение страны будет работать тот образ прошлого, в котором сделан акцент на формировании гражданской идентичности. Для этого необходимо изучать, осмысливать и преподавать историю государства Республики Молдова.

В заключение можно сказать, что образ прошлого тесным образом связан с системой идентичностей. В Молдове сложилось многообразие образов прошлого. Формирование гражданской идентичности должно поддерживаться политикой памяти, ориентированной на осмысление процессов развития государственности

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-пресс Ц, 2001, 288 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. Москва: Европа, 2007, 612 с.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб: ПИТЕР, 240 с.
4. Бек У. Что такое глобализация? Москва: Прогресс-Традиция, 2001, 304 с.
5. Геллнер Э. Нации и национализм. Москва: Прогресс, 1991, 320 с.
6. Лотман Ю.М. Возможна ли историческая наука и в чем ее функция. В: Семиосфера, СПб: «Искусство-СПб», 2010, с.385-389.
7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В: Франция-память. СПб: Изд-во С- Петерб. Ун-та, 1999, с. 17-51.
8. Папцова А.К. Образ прошлого как фактор формирования системы идентичностей. В: 655-летию молдавской государственности посвящается. Исполнительный Комитет Гагаузии, Народное Собрание Гагаузии, Науч.-исслед. Центр. Гагаузии им. М. В. Маруневич; редкол.: Палачор Д.Г. [и др.]; гл. ред.: Пашалы П.М. – Комрат: Б. и., 2014 (Tipogr. «ELAN POLIGRAF»). С.169-181.
9. Тиллих П. Мужество быть.// Символ. №28, 1992. 119 с. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.odinblago.ru/muzhestvo_bit (дата обращения 3.05.17).
10. Чакир Д. Биографический рода и фамилии Чакир. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев: Pontos. 2005, с.25-56.
11. Чакир М. История гагаузов Бессарабии. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX века. Кишинев: Pontos, 2005, с.80-108.
12. Монумент царю Децебалу: скульптура в скале на странице Сербии и Румынии [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.travel.ru/wow/decebalus_rex.html ((дата обращения 3.05.17)
13. Muzeul Civilizației Cucuteni [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.muzeul.uaic.ro/ro/colectii/muzeul-civilizatiei-cucuteni.html> (дата обращения 3.05.17).

ORTODOXIA CA FACTOR DETERMINANT AL IDENTITĂȚII CIVILIZAȚIONALE A MOLDOVEI

Vladimir BUKARSKII, analist politic, director executiv al filialei din Moldova a Clubului de experți "Izborsk", expert al Clubului Bizantin Internațional

Rezumat

Articolul este dedicat justificării poziției Moldovei în sistemul civilizației slave-ortodoxe („Comunitatea Națiunilor Bizantine”), precum și identificarea factorilor de influență a creștinismului ortodox și tradiției literare slavone bisericești privind formarea statalității moldovenești și identității poporului moldovenesc. Autorul consideră Moldova modernă ca „țară sfâșiată”, ai cărei lideri se străduiesc să facă țara lor o parte din altă civilizație (de Occident). Potrivit autorului, fragmentarea Moldovei a fost evidentă, mai ales în al doilea tur al alegerilor prezidențiale din 2016.

***Cuvinte-cheie:** Biserica Ortodoxă, civilizația slavonă-ortodoxă, tradiția scrisă slavonă bisericească, civilizația occidentală, țară sfâșiată*

ORTHODOXY AS THE DETERMINING FACTOR OF THE CIVILIZATIONAL IDENTITY OF MOLDOVA

Abstract

The work is devoted to the substantiation of the place of Moldova in the system of Slavic Orthodox civilization ("Byzantine Commonwealth of Nations"), as well as to identify the factors influencing Orthodox Christianity and the Church Slavonic written tradition on the formation of the Moldovan statehood and the identity of the Moldovan people. The author views modern Moldova as a "torn country", whose leaders seek to make their country part of another (Western) civilization. According to the author, the severity of Moldova was especially evident during the second round of the presidential elections of 2016.

***Keywords:** Church, Slavic-Orthodox civilization, Church Slavonic written tradition, Western civilization, torn country*

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛДОВЫ

Мы живём в эпоху, которую французский учёный Ж.Кепель назвал «реваншем Бога»¹. По его словам, новый религиозный подход ставит своей целью возвращение священных основ для организации общества. Место того или иного народа в мире, его идентификация и его готовность к ответу на вызовы современности определяются его духовной традицией.

Известный американский мыслитель С. Хантингтон в своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» причислил Молдову к славяно-православной цивилизации². Справедливость этой точки зрения подтверждает вся история молдавского народа и молдавской культуры. Вся исконная культура Молдовы была основана на Православии и формировалась под влиянием Православной Церкви. Православие сформировало систему ценностей молдавского народа. На основе Православия сформировался молдавский бытовой уклад. Ритм жизни молдавского народа соизмеряется с православным календарём.

С созданием в 1401 году митрополии Молдовлахии под юрисдикцией Константинопольского патриархата Молдова обрела международный статус, сравнимый со статусом её соседей в Восточной Европе.³ Церковь, ставшая стержнем молдавской средневековой культуры, положила начало молдавскому летописанию, сыгравшему исключительную роль в утверждении молдавского национального самосознания и идентичности. Именно в качестве церковной возникла оригинальная молдавская литература. Именно Церковь стала инициатором просвещения в Молдавском княжестве: при поддержке Церкви возникла первая школа, под покровительством Церкви были напечатаны первые книги.

---

¹ Kepel, G. *The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World* / G.Kepel. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. – 215 p.

² Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 2005. С. 252.

³ Оболенский Д.Д. *Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов*. М., 1998. С. 275

Выдающаяся роль в формировании молдавской культуры принадлежит церковным подвижникам – епископу Макарию и его ученику монаху Азарии, иеромонаху Мисаилу из Путны, епископу Радауцкому Исае, киевскому митрополиту Петру (Мовилэ), молдавским митрополитам Григорию (Рошка), Анастасию (Кримка), Варлааму (Моцок) и Дософтею Бэрилэ, архимандриту Варфоломею (Мэзэрян), епископу Амфилохию Хотинскому, протопопу Михаилу Стрельбицкому, поэту и священнику Алексею Матеевичу. При этом молдавская цивилизационная идентичность формировалась как антитеза религиозным влияниям Запада: одним из известных трудов митрополита Варлаама является «Ответ на кальвинистский катехизис»¹. Против латинизации молдавского языка и богослужения высказывался и великий классик нашей литературы, православный священник Алексей Матеевич.²

Используя терминологию одного из родоначальников цивилизационного подхода Арнольда Тойнби, Православная Церковь стала той «куколкой», из которой вышла молдавская культура³. В результате молдавский народ был приобщён, по терминологии культурологов и религиоведов, к одной из великих письменных (суперэтнических) традиций, а именно к православно-византийской письменной традиции. По словам российского философа А.С.Панарина, единая письменная традиция, зафиксированная в Великой книге (тексте той или иной мировой религии), становится решающим интегративным фактором, предопределяющим общность исторической судьбы народов, принадлежащих к единой цивилизации.⁴

Определяющую роль в формировании молдавской культурной идентичности сыграл тот факт, что богослужение в Молдавском княжестве вплоть до XVII века осуществлялось на

---

¹ Sf. Varlaam al Moldovei. Răspunsul împotriva Catehismului calvin. Adaptare a textului de Pr. Dr. Dorin Octavian Picioruş. Bucureşti: 2010. – 50 p.

² Матеевич А. Моменты церковного влияния в происхождении молдавского языка. URL: <http://enews.md/articles/view/2430/>

³ Тойнби А. Постигание истории. М., 2003. С. 530.

⁴ Панарин А.С. Политология. Учебник. М., 1997. С. 371.

церковнославянском языке. Как отмечает британский историк русского происхождения Дмитрий Оболенский, «язык, используемый как средство отправления христианской литургии, тем самым становится священным языком, а говорящий на этом языке народ повышает свой статус и превращается в народ, посвященный Богу»¹. Церковнославянский язык стал применяться в Молдове повсеместно в литературе, богослужении и делопроизводстве. Молодое княжество, тем самым, приобщилось к высокой культуре Византии и славянского мира.

Главная заслуга в том, что молдавский народ принял именно православную письменную традицию, принадлежит болгарам, а именно Тырновской книжной школе. Именно она установила правила церковнославянского правописания, общие и для Русских княжеств, и для Молдовы, и для Валахии, и для Сербии. Эта школа стала транслятором византийской литературы на православные страны. Молдова стала частью большого культурного образования, которое Дмитрий Оболенский назвал «Византийским содружеством наций».

Ведущая роль в формировании молдавской идентичности принадлежала монастырям. Именно там, в скрипториях Нямецкого, Бистрицкого, Путнянского и других монастырей, были написаны первые летописи, жития святых и другие памятники молдавской литературы.² Благодаря трудам преподобного Паисия Величковского Нямецкий монастырь прославился далеко за пределами Молдовы, став транслятором исихастской традиции на русские земли. Непосредственно связанные с ним Оптиная и Саровская пустыни делаются двумя центрами русской жизни, по словам русского историка и философа Георгия Федотова, «двумя кострами, вокруг которых отогревается русская земля».³

Однако впоследствии молдавский народ постигло то же искушение, что и все другие народы Европы. Элита молдавского

---

¹ Оболенский Д.Д. Указ. соч. С. 357.

²² История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней/ Ред. кол.: В.И. Царанов (отв. ред.) и др.. Кишинёв, 1984. С. 147.

³ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/svyaty/zakl.html>

народа отвергла «великую традицию» и сделала выбор в пользу «малой», узконациональной традиции. «Передовые» европейские веяния породили у молдавского «образованного класса» отрицание традиционных культурно-духовных форм, пренебрежительное отношение к истории собственного народа, к собственной православной вере, которой они начали стесняться как «восточное варварство» (синтагма румынского учёного и государственного деятеля Т.Майореску)¹.

Таким образом, молдаване уже на протяжении 200 лет являются, по терминологии С.Хантингтона, типичной разорванной нацией. Согласно данной терминологии, расколотые страны – это страны, где большие группы принадлежат к разным цивилизациям². В разорванной стране присутствует одна господствующая в народе культура (в нашем случае – православная), но её лидеры стремятся к другой цивилизации (чаще всего к западной, как и в нашем случае). Элиты таких стран как бы говорят: «Мы один народ и все вместе принадлежим к одному месту, но мы хотим это место изменить».³

При этом, как отмечает Хантингтон, на данный исторический момент процесс переопределения идентичности нигде не увенчался успехом.⁴ Этой же точки зрения придерживается и русский философ, один из идеологов евразийства Н.С.Трубецкой в своей работе «Европа и человечество». По его мнению, «полное усвоение романо-германской культуры народами, не участвовавшими в её создании, не является безусловным благом и не имеет никакой моральной ценности». Народу, заимствующему чужую культуру, «приходится совершенно отказаться от собственного культурного творчества, жить отражённым светом Европы, обратиться в обезьяну, непрерывно подражающую романогерманцам». Такой народ, утверждает Трубецкой, всегда будет отставать от народов Запада, «усваивать и воспроизводить

---

¹ Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. București, 2011. P. 70.

² Хантингтон С. Указ. соч. С. 206.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же. С. 210.

различные этапы их культурного развития всегда с известным опозданием, и окажется по отношению к природным «европейцам» в невыгодном, подчинённом положении, в материальной и духовной зависимости от них».¹

В качестве характерных примеров разорванных стран Хантингтон приводит Россию и Турцию, которые, кстати, уже даже на уровне элит преодолели свою разорванность – русская элита в 2012 году сделала выбор в пользу православной цивилизации, турецкая элита в 2016 году – в пользу тюрко-исламской цивилизации. У нас многие политические лидеры говорят применительно к Молдове про «мост между Западом и Востоком». Но, по словам Хантингтона, мост – искусственное сооружение, которое не является частью ни того, ни другого берега. Когда лидеры применяют термин «мост» к своей стране, они подтверждают, что страна разорвана.²

Эта цивилизационная разорванность молдавского народа проявилась в ходе второго тура последних президентских выборов, когда отчётливо проявилось противостояние между прозападными элитами и большинством народа. В то время как Игорь Додон выступил от лица православного большинства, как защитник традиционных православных ценностей, его соперница Майя Санду, которая прежде прославилась запрещением молитв и закрытием часовен в школьных зданиях, стала знаменем прозападной, либерально-космополитической элиты. Недаром в её поддержку высказались лидеры движения содомитов³. И сегодня ряд фигур и средств массовой информации, её поддерживающих, открыто говорят о ликвидации Молдавской митрополии как юридического лица.⁴

---

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: 1999. С. 88-89.

² Хантингтон С. Указ. соч. С. 228.

³ За Санду призвали голосовать представителей секс-меньшинств. URL: <https://ru.sputnik.md/society/20161020/9525543/sandu-gei-lesbianki-golosovanie.html>

⁴ Vakulovski A. Mitropolia Moldovei se închide pentru un an? URL: <https://deschide.md/ro/stiri/editorial/4559/Alexandru-Vakulovski--Mitropolia-Moldovei-se-închide-pentru-un-an.htm>

Не случайно целый ряд представителей духовенства Молдавской митрополии чётко выразили свою позицию: за кандидата, которого поддерживают антихристианские, антицерковные силы, голосовать нельзя.¹ Да, можно сколь угодно осуждать Церковь за эту позицию, можно обвинять её во вмешательстве в политику, но Церковь – неотъемлемая часть общества, и заставить её замолчать, как социальный институт, нельзя и не удастся.

Сегодня битва за молдавскую идентичность продолжается. И она продолжится, пока и народ, и элиты Молдовы не захотят преодолеть свою цивилизационную разорванность и сделать чёткий выбор в пользу своей исконной, исторической православной традиции.

---

¹ Епископ Маркел призывает христиан отказаться в поддержке Майе Санду.
URL: https://deschide.md/ru/russian_news/politic_ru/2784/Епископ-Маркел-призывает-христиан-отказаться-в-поддержке-Майе-Санду.htm

SECURITATEA NAȚIONALĂ CA FACTOR IMPORTANT AL CONSOLIDĂRII STATALITĂȚII REPUBLICII MOLDOVA

*Vasilii SACOVICI, doctor habilitat în științe politice,
profesor universitar, IRIM*

Rezumat

În acest articol sunt analizate problemele asigurării securității Republicii Moldova, care tot timpul a fost și rămîne condiție importantă a conservării statalității, suveranității și independenței. În procesul investigației, autorul constată că în lucrările teoretice și în activitatea practică abordarea interesului național, definierea pericolelor, riscurilor ce vizează securitatea nu este științifică, obiectivă, ci întâmplătoare. Autorul conchide că în condițiile actuale securitatea în egală măsură este legată de relațiile internaționale și de politica internă a statului, dar interesele vitale ale statului pot fi asigurate doar prin evidențierea și neutralizarea pericolelor și riscurilor securității naționale a Moldovei.

***Cuvinte-cheie:** securitatea națională, interesul național, riscuri, provocări, statalitate*

NATIONAL SECURITY AS THE MOST IMPORTANT FACTOR IN STRENGTHENING THE REPUBLIC OF MOLDOVA'S STATEHOOD

Abstract

This article analyzes the problems of ensuring the security of the Republic of Moldova, which has always been and remains an important condition for the preservation of statehood, sovereignty and independence. In the process of investigation, the author notes that in the theoretical works and in the practical activity, the approach of the national interest, the definition of the dangers, the risks to security is not scientific, objective, but haphazard. The author concludes that under the current conditions, the security is equally related to the international relations and the internal policy of the state, but the vital interests of the state can be ensured only by highlighting and neutralizing the dangers and risks of Moldova's national security.

***Keywords:** national security, national interest, risks, challenges, statehood*

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Основополагающим положением теории национальной безопасности является *национальный интерес*. Гегелю принадлежит яркий, крылатый и одновременно глубокий афоризм: «интересы правят миром». И действительно национальный интерес для любой нации и любого государства является основой выработки внешней и внутренней политики, обеспечения национальной безопасности, укрепления государственности. Поэтому не зря, в современном мире нет более обсуждаемого, а с другой стороны, более проблемного вопроса, чем категории «национальный интерес», «национальные приоритеты, проблема обеспечения национальной и международной безопасности. Концепции национальной безопасности и военные доктрины практически всех государств мира содержат обязательные ссылки на «национальные интересы», как основу и исходные принципы определения главных угроз суверенитету и территориальной целостности.

К сожалению, в молдавской политологической науке и государственной практике подходы к определению национального интереса четко не определены, даже теоретически, нет этого понятия в Концепции и Стратегии национальной безопасности Республики Молдова, а также в других отраслевых программах, предусматривающих практические действия по их реализации¹.

Причина в том, что Республики Молдова на протяжении всего периода независимости находится в процессе трудного, порой крайне противоречивого, поиска своей новой идентичности, включая ее внешнеполитическую составляющую.

---

¹ Постановление Парламента Республики Молдова № 153 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Молдова» от 15.07.2011. Опубликовано. 14.10.2011 в Monitorul Oficial nr. 170-175, статья № 499; Закон Республики Молдова № 112-XVI «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Молдова» от 22.05. 2008 г. http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23303 (дата доступа – 1.08.2014 г.)

Во-первых, в стране до сих пор не достигнуто национальное согласие по таким базовым параметрам, как вектор внешнего политического развития, модели экономической и политической систем, национальные потребности и интересы.

Во-вторых, термин «национальный интерес» (основное, концептуальное понятие национальной безопасности) в молдавской практике государственного строительства распадается на множество понятий, затрагивающих и отражающих политические интересы различных политических партий, которые трудно синтезировать в нечто целостное.

В-третьих, нет четкости в осознании и отражении потребностей государства как важнейшей составляющей национального интереса в деятельности лидеров государства и политической элиты.

По причине отсутствия единства в определении национальных интересов молдавское общество разделено по политическим, этническим, культурным, психологическим и другим критериям. С другой стороны, и сама политическая власть не сможет утвердить свой легитимный авторитет, если она не опирается на систему национальных интересов и целей, понятных большинству народа, принятых и одобренных им. Таким образом, образовался порочный круг противоречивости множественности национальных интересов, действий власти, расходящихся с общественным мнением и с исторически сформированными традициями и ценностями народа.

Причем, никогда не вырваться из порочного круга существующих противоречивостей, если не признать, что при достижении своих национальных целей нельзя отрывать национальные интересы от критериев их достижения, нельзя усиливать разрыв между декларируемыми целями и методами их достижения, нельзя создавать проблемы для обеспечения безопасности других государств.

Характерной чертой пространства безопасности Молдовы является и то, что молдавская политическая элита пытается свести «национальный интерес» к «интересу государства», рассматривая государство в качестве основного средства выраже-

ния национальных интересов. Такая привязка национальных интересов исключительно к государству подчеркивает не полную демократичность государственного режима. В этих условиях основные интересы, как правило, негласно отождествляются с интересами правящей элиты, отдельно взятых носителей власти или даже отдельных личностей, что не способствует консолидации общества.

Первейшая задача концепции национальной безопасности Республики Молдова – это учет универсальных, общепризнанных во всем мире компонентов и стандартов национальных интересов и национальной безопасности. Это, во-первых, сохранение экономического, политического суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ; во-вторых, обеспечение защита целей и приоритетов государства и, самое основное, защита прав и свобод, достоинства и материального благополучия всех граждан.

По нашему мнению, правильное осознание иерархии приоритетов «гражданин – общество – государство», в котором главным действующим лицом является гражданин, а не государство, будет способствовать демократическому развитию страны. Кроме того, понятие «национальные интересы», по нашему мнению, является интегрированным понятием, оно должно основываться на создании условий к общественной и гражданской солидарности, социального развития человека, его включенности в социальную и общественную жизнь общества. Только государственная власть, опирающаяся на гражданскую солидарность, общенациональные интересы и ценности, общепринятые и общепризнанные цели, способна эффективно решать назревшие проблемы общественного развития и укрепления государственности.

Однако молдавская элита до настоящего времени слишком своеобразно и по-разному воспринимает понятие национального интереса. Приведу только один пример из последней практики молдавских реалий. Президент Молдовы г. И. Додон, осуществляя визит в Россию, основной упор сделал на сотрудничестве с Россией и ЕврАзЭС, видя этом, на наш, вполне обоснованно не

только возможность восстановления экономического сотрудничества с Россией, но и залог успешного и устойчивого развития экономики Молдовы. Но, практически, в то же время министр иностранных дел А. Галбур в европейских структурах высказал свое видение развития Молдовы. По его убеждению, системной модернизация государства и ускорение экономического роста возможны через продвижение политической ассоциации и экономической интеграции Молдовы с ЕС, посредством реализации Соглашения об ассоциации и Зоны свободной торговли, с последующим присоединением Молдовы к Европейскому союзу. Я опускаю здесь этический момент действий министра по отношению к Президенту страны, опускаю и тот факт, что не только в краткосрочной, но и в среднесрочной перспективе ЕС не готова интегрировать Молдову в свой Союз. Отмечу только одно, что без четко выверенного единого для государства национального интереса, сведенного в общую государственную концепцию, сложно определить, какие угрозы и вызовы национальной безопасности страны действительно существуют, а какие являются мифом или предрассудками, унаследованными от прошлого или порожденными настоящим. Все это ведет к тому, что практически невозможно четко выстроить политику обеспечения национальной безопасности Республики Молдова развивать и укреплять суверенитет.

В связи с существующей проблемой нельзя не согласиться как с мнением российского ученого Воронова А. А.: «Нация, лишенная четкого знания и понимания интересов, не может рассчитывать на успешное и прогрессивное развитие»¹, так и с мнением бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера, суть которого сводится к следующему: «Никогда не позволяйте другим определять повестку».

Политическая элита Республики Молдова на протяжении всего периода своей независимости никак не может «без повестки извне» сформировать реальные, адекватные времени, нацио-

---

¹ Воронов А. А. Основы национальной безопасности. Науч.- практ. пособие. М.: Ягуар, 2000.

нальные интересы, духовно мотивировать общество и провести его за собой, прервав замкнутый круг государственной нестабильности. В этой ситуации, на мой взгляд, Президент г. Додон находится в выигрышном положении, предложив все основные судьбоносные для народа вопросы решить на референдуме.

Следует отметить, что Республика Молдова продолжает проходить сложный путь становления, развития и упрочения своей государственности. На этом пути возникают различные угрозы и вызовы: отсутствует последовательность в выборе внешнеполитического курса страны и внутривластная стабильность, недостаточными темпами развивается экономика, нет должной социальной защиты населения, воздействие государства на процессы, протекающие в стране, весьма неоднозначно, коррупция, теневая экономика подрывают устои, веру в государство и справедливость и т. д. В свою очередь система национальной безопасности не всегда оперативно и эффективно реагирует на возникающие проблемы.

К сожалению, во многом формальный характер носят определенный в Республике Молдова перечень опасностей и угроз, рисков и вызовов, которым должна быть противопоставлена система национальной безопасности, Концепция и Стратегия по обеспечению национальной безопасности, локальные программы по отдельным направлениям жизнедеятельности личности, общества и государства.

Так, в Концепции национальной безопасности за 1994 и за 2008 гг. сформулированные угрозы практически одни и те же, хотя много воды с тех пор утекло. То есть изменилась в стране внутривластная ситуация, внешний вектор развития, в регионе и мире происходят глобальные изменения, но в системе национальной безопасности Республики Молдова неизменными остаются вызовы и угрозы, подходы к обеспечению национальной безопасности. Но, ведь известно, что угрозы также подвержены процессу непрерывной трансформации, и законодатели должны действовать достаточно оперативно и решительно для создания в нормативном плане благоприятных условий для от-

ражения вновь возникающих угроз, в первую очередь для обеспечения экономической безопасности, для устранения негативных действий в информационном пространстве, обеспечении кибербезопасности государства и т. п. В краткосрочной перспективе для Молдовы декларируемый процесс европейской интеграции влечет за собой комплекс серьезных проблем, вызовов и угроз. В их смягчении или нейтрализации роль государства важна как никогда ранее.

Следует особо отметить, что ясное видение вызовов и угроз, их характерных черт и особенностей, возможных сценариев реализации национальных интересов позволяет разработать стратегию противодействия и предотвратить возможный политический и экономический ущерб. Ошибки в оценке угроз могут стоить очень дорого. Неоправданное отвлечение экономических, финансовых, людских и иных ресурсов для противодействия и нейтрализации мнимых угроз способно привести к неспособности государства защитить себя, интересы общества и личности от реальных угроз. Как свидетельствует исторический опыт, неудачи участников геополитического противоборства (а даже малые страны всегда попадают в зону политических конфликтов или политического противостояния крупных государств) во многом связаны именно с неточной оценкой угроз национальной безопасности, выбора политических союзников, партнеров и политического вектора развития. При этом необходимо учитывать, что действительная реальность в современный период усиления процессов глобализации свидетельствует о том, что угрозы безопасности любой страны, в том числе и Молдовы не только не исчезают, но все больше возрастают.

В связи с этим сегодня особенно актуально стоит вопрос о реальных угрозах и их источниках политической безопасности Республики Молдова.

Следует отметить, что в организационно созданной системе национальной безопасности Республики Молдова связь между ее элементами пока носит неустойчивый характер. Иначе говоря, структура и качества системы уже существуют, но их

существование четко еще не определено, расплывчато и в этом смысле есть только возможность ее эффективного функционирования. В этом плане велика роль Высшего совета национальной безопасности Республики Молдова, который, только в настоящее время пытается найти новые подходы к организации и координации деятельности по обеспечению национальной безопасности страны.

Вместе с тем и здесь возникают законодательные ограничения, так как все государственные структуры, которые занимаются вопросами обеспечения безопасности страны должны руководствоваться законом «О государственной безопасности». А, как известно, цель обеспечения национальной безопасности, состоит в достижении и поддержании такого уровня защищенности *личности, общества, государства* от внутренних и внешних угроз, при котором гарантируется устойчивое развитие страны и реализация ее национальных интересов. Государственная же безопасность, как часть национальной безопасности, решает только вопросы защищенности суверенитета, независимости, территориальной целостности и конституционного строя страны, что, безусловно, важно, но не обеспечивает полного решения всех проблем безопасного развития.

В результате мы видим, что система вроде создана и функционирует, но фактически ее еще предстоит стать целостным, системным и эффективно функционирующим единым организмом. Существенным недостатком системы обеспечения национальной безопасности Республики Молдова является отсутствие научно обоснованных критериев и показателей обеспечения национальной безопасности в различных сферах. О чем свидетельствует тот факт, что системный анализ процессов, происходящих в пространстве и сферах безопасности Республики Молдова, не ведется. Прогнозные показатели и критические параметры безопасного развития различных отраслей и сфер безопасности правительством не утверждаются. Все это не добавляет эффективности в деятельность по обеспечению национальной безопасности Республики Молдова.

Актуальной для национальной безопасности Республики Молдова является разработка научно-обоснованных методик, позволяющих распознавать и определять пороговые значения основных угроз национальной безопасности, оперативно принимать меры по их нейтрализации, в повышении эффективности, оперативности, исполнительской дисциплины в выполнении и реализации принятых программных документов по обеспечению национальной безопасности Республики Молдова.

Кроме того, Молдова для своего выживания должна научиться эффективно конкурировать на международной арене, укреплять свои конкурентные внутренние возможности, и в первую очередь – наращивать человеческий капитал. С учетом того, что республика не может играть роль самостоятельного центра силы, необходимо наработать потенциал стратегического союза с сильными, экономически развитыми и просвещенными государствами и их объединениями. При этом залог успеха состоит в минимизации конфликтного потенциала с другими странами и региональными объединениями, поскольку всякое столкновение грозит катализацией не только внешних, но и внутренних противоречий, что уменьшает шансы остаться независимым и целостным государством.

В последнее время, по нашему мнению, значительно усилилась опасность внутренних угроз. Проблемы определения национальной (гражданской) идентичности, государственности, языка, истории, образовательных программ, правосудия и защиты государственного строя, коррупция, неэффективного оперирования на глобальном и региональном уровнях поставили Молдову и ее народ в очень трудное положение. Причем, длительное сохранение внутренних и внешних угроз без проведения общепринятой обществом внешней политики, эффективной внутренней экономической, инвестиционной, инновационной, социальной, демографической политики делает страну еще более уязвимой. Все это представляет не только серьезную угрозу национальной безопасности Молдовы, но в целом угрозу сохранения государственности Молдовы. Все это требует кардинального пересмотра всей системы

национальной безопасности, определения национального интереса и внешнеполитических целей, реальных угроз национальным интересам Республики Молдова.

Таким образом, Республике Молдова предстоит большая работа по созданию новой более эффективной системы обеспечения национальной безопасности, которую необходимо провести на основе общепринятых в мировой науке и практике подходов к обеспечению безопасного и устойчивого развития государств, изложенных нами выше. Без этого говорить не только об устойчивом развитии Молдовы, но даже о сохранении государственности не придется.

Библиография

1. Сакович В. А. Национальная безопасность Республики Молдова в контексте современных процессов глобализации и интеграции: теория, методология, прикладной анализ. Кишинев, 2016.
2. Воронов А. А. Основы национальной безопасности. Науч.- практ. пособие. М.: Ягуар, 2000.
3. Сакович В. А., Руснак Г. Е. Экономическая безопасность Республики Молдова: вызовы, угрозы, источники угроз; препятствия инновационному развитию // *Moldoscopie (probleme de analiză politică)*, № 3 (LXXIV), 2016. *Revistă științifică trimestrială, Chișinău* - 2016. С. 146 – 163.
4. Постановление Парламента Республики Молдова № 153 «**Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Молдова**» от 15.07.2011. Опубликовано. 14.10.2011 в *Monitorul Oficial nr. 170-175*, статья № 499.
5. Закон Республики Молдова № 112-XVI «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Молдова» от 22.05. 2008 г. http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23303 , дата доступа – 1.08.2014.

CALEA KAZAHSTANULUI DE CONSOLIDARE A STATALITĂȚII

*Gazis ȘAIMERDEN, doctor în istorie, consilier al Rectorului
Institutului Pedagogic de Stat din Kustanai pe
probleme religioase, Kazahstan*

Rezumat

Autorul abordează problema statalității, independenței, generalizînd experiența Kazahstanului în aceste probleme. Autorul menționează că edificarea noii statlități a Kazahstanului, desfășurată în anii 90 ai secolului trecut viza trei aspecte: strategic, instituțional și simbolic. Oformarea juridică a independenței a pus în fața instituțiilor statului mai multe sarcini, printre care autorul evidențiază: consolidarea instituțiilor politice, recunoașterea statului pe arena internațională, participarea la activitatea diferitor organizații internaționale. Scopul strategic vizat de autoritățile naționale era dezvoltarea statului suveran cu o putere prezidențială puternică. Autorul urmărește realizarea acestor obiective de către autorități și societatea kazahă.

***Cuvinte-cheie:** statalitate, Kazahstan, suveranitate, independență, politică externă, politică internă*

THE KAZAKH WAY OF STATEHOOD FORMATION

Abstract

The author addresses the issue of statehood, independence, generalizing Kazakhstan's experience in these issues. The author points out that the construction of Kazakhstan's new state in the 90's of the last century concerned three aspects: strategic, institutional and symbolic. The legal formation of independence has brought to the state institutions more tasks, among which the author points out: consolidation of political institutions, recognition of the state on the international arena, participation in the activity of various international organizations. The strategic goal of the national authorities was to develop the sovereign state with a strong presidential power. The author aims to achieve these goals by the authorities and the Kazakh society.

***Keywords:** statehood, Kazakhstan, sovereignty, independence, foreign policy, internal policy*

КАЗАХСТАНСКИЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Обретение в 1991 году государственной независимости поставило перед Казахстаном целый ряд сложнейших проблем, основными из которых стали формирование государственных структур и создание правовой базы для политических и экономических реформ.

Строительство новой казахстанской государственности в первой половине 1990-х годов велось в стратегическом, институциональном и символическом аспектах. После юридического оформления независимости Республики Казахстан перед государством и обществом был поставлен целый ряд первостепенных задач: создание государственных институтов власти, признание государства на международной арене, вступление его в различные международные организации.

Провозглашение реального суверенитета позволило добиться признания страны внешним миром. Удалось полностью урегулировать вопрос границы с Китаем, Туркменистаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Россией.

Стратегической целью было определено развитие суверенного государства с сильной президентской властью. Перед руководством страны стояли вопросы, от решения которых зависело не только эффективное функционирование общественно-политических институтов, но и само существование казахстанской государственности: определение четких границ государственности; решение неотложных проблем и проведение реформ; создание институциональных структур для обеспечения поддержки качественного развития общества; определение и укрепление государственной границы.

Реалистичное понимание ситуации и задач позволило Н. А. Назарбаеву сформулировать среднесрочный государственный подход: **сначала - экономика, потом - политика.**

Данные задачи были оформлены в «Стратегию становления и развития Казахстана как суверенного государства», разработанной

Н.А. Назарбаевым (1992). Базовым пунктом Стратегии явилось решение проблем в экономическом секторе. За основу была взята концепция немецкого экономиста, министра экономики, а позднее канцлера Германии Людвиг Эрхарда. Основой рыночных реформ должна была стать предоставляемая государством свобода предпринимательства и выбора сферы деятельности. Таким образом, уже в самом начале казахстанская экономика была ориентирована на использование опыта западных стран. Стратегия была нацелена на изменение социальной психологии, на избавление от страха перед самостоятельным предпринимательством. Была введена в обращение национальная валюта (тенге).

Внешняя политика. За 25 лет независимости Казахстан добился заметных успехов на международной арене: суверенитет Казахстана был признан практически всеми странами мира и международными организациями, сформировалась **многовекторная** внешняя политика, возрос авторитет страны в мировом сообществе. Внешняя политика Казахстана стремилась быть разумной и прагматичной, нацеленной на обеспечение реальной независимости страны по отношению к колебаниям мирового рынка и вариативным глобальным и региональным тенденциям. Уже на стадии формирования внешняя политика всесторонне учитывала геополитические факторы (соседство с мировыми державами - Россией и Китаем, глобальную роль США), транзитное положение, отсутствие прямого доступа к морским коммуникациям. Геополитические особенности страны, расположенной на стыке Европы и Азии, способствовали многовекторной внешней политике, установлению взаимовыгодных отношений с различными странами.

Казахстан признан 120 государствами. В стране зарегистрировано 68 посольств и представительств международных организаций. Казахстан имеет дипломатические представительства более чем в 100 странах мира и является членом многих международных организаций. Казахстан является участником более 70 международных организаций.

В январе 1992 г. Казахстан стал государством-участником ОБСЕ.

12 июля 1993 г. создана Международная организация по совместному развитию тюркской культуры (ТЮРКСОЙ).

2 февраля 1993 г. установлены дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Европейским Союзом (ЕС).

10 октября 2000 г. в г.Астане создано Евразийское экономическое сообщество. 15 июня 2001 г. создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

1-2 декабря 2010 г. под председательством Президента РК Н.Назарбаева состоялся Саммит ОБСЕ в Астане.

В июне 2011 года председателем ОИС стал Казахстан.

Наше государство в 1993 году добровольно отказалось от ядерного оружия. Тем самым завоевало международное доверие и в 1994 году получило гарантию безопасности от ряда ядерных держав – США, России, Великобритании.

Третья модернизация - жизненная необходимость.

Прошло 25 лет независимости РК. Независимость и суверенитет практически Казахстана состоялись, активно осваиваются месторождения нефти, урана и многих других полезных ископаемых, достигнуто заметное межнациональное и межрелигиозное согласие в стране. Все это – результат реализации стратегии 2030, принятой главой государства еще в 1997 году.

Большинство поставленных «Стратегией 2030» задач выполнены – с этим согласны большинство экспертов. В связи с этим главой государства разработана новая более амбициозная «Стратегия 2050».

Новое Послание главы государства – «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» имеет несколько политических особенностей. Во-первых, оно подводит итоги первой четверти века независимости Казахстана. Во-вторых, послание определяет стратегический путь Казахстана, формирует задачи в этом направлении и открывает новый этап дальнейшего развития государства. Как и 25 лет назад Казахстан оказался в сложнейшей ситуации перед необходимостью дать адекватные ответы вызовам глобального характера. Как и многие другие государства СНГ, Казахстан в настоящее время ис-

пытывает прессинг в виде идеологической, духовной, информационной, экономической и политической агрессии как со стороны Запада, так и с Востока. Этот прессинг глобализации может привести в результате к чисто номинальной независимости и суверенитету государства. Угроза для национальной безопасности и казахстанской государственности вполне реальна. И как бы некоторым не казалась подобная угроза нереальной и более того утопической, тем не менее, она существует и по прогнозам подавляющего большинства современных казахстанских политологов и специалистов она вполне ощутима.

Третий момент. Послание дает четкое понимание современной ситуации. Современный мир – это мир глобализующийся, он стал другим, но не стал более миролюбивым. Изменилась главным образом только расстановка сил на международной геополитической арене и возникли новые вызовы в виде экономической глобализации и нового противостояния цивилизаций.

Глобализацию характеризуют как уникальное пересечение глобальных влияний во всех сферах – она своеобразно объединяет тенденции политической, военной, экономической, миграционной, культурной и экологической систем. **Вестернизация как процесс** распространения западных ценностей по всему миру и как одно из проявлений глобализации нивелирует социокультурное разнообразие других цивилизаций, сопровождается кризисом базовых ценностей, проблемами в формировании национальной идентичности, вплоть до угрозы потери собственной самобытности.

Однако, чем более мир превращается в единое целое, тем более множатся различия и в первую цивилизационного свойства. По мнению С. Хантингтона, это закономерный процесс. Мир движется к новому порядку мироустройства, основанного на принципах цивилизационности. Мир становится многополярным.

Курс на Третью модернизацию собственно означает, что нам необходима новая экономическая модель, которая сможет избавить нас от зависимости от мировой нефтяной конъюнктуры. За двадцать пять лет независимости мы так и не смогли соскочить с нефтяной иглы. Как отметил глава государства, «нам сле-

дует встраиваться в глобальные цепочки производства товаров и услуг». Иными словами, нам жизненно необходимо найти свои ниши в мировой глобальной экономике, создавать свои экономические и товарные тренды и таким путем обеспечить уровень жизни наших граждан. И в конечном итоге занять свое место в 30-ке развитых стран мира. Необходимо новые глобальные вызовы и угрозы трансформировать в новые возможности. Это трудно, но это возможно. Более того, это необходимо, чтобы не остаться на обочине мировой цивилизации.

Проблемы национальной самоидентификации.

Как пишет С. Хантингтон, «в мире после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические, политические или экономические различия, а культурные. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос: кто мы есть. И они отвечают традиционным образом – обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы» [1. с. 15].

Казахстан как страна, как государство, как единая нация должны быть вечно. Не исчезнуть, а остаться в будущем. Для этого Послание определяет целый ряд задач, среди которых я бы выделил две основные. Во-первых, это генерация нового поколения, поколения Мәңгілік Ел. Когда то Моисей 40 лет водил евреев по пустыне и делал это специально. Необходимо было, чтобы вымерло поколение евреев, проживших основную часть жизни в египетском рабстве. А в пустыне родилась и выросла новая генерация евреев, уже не знавших рабства.

За 25 лет независимости в Казахстане выросло новое поколение, которое не знает кто такой дедушка Ленин. Это уже новые люди, более открытые, креативные и более свободные, чем мы – выросшие при социализме. Теперь их дети должны стать более свободным поколением. Это будет другая генерация. Но для этого необходимо другое воспитание и другое образование. Необходимо воспитать настоящих патриотов своей страны. Для этого и нужна **общенациональная идея Мәңгілік Ел**.

Четыре направления в сфере идейной консолидации. Межнациональное согласие, внутринациональное единство, идеология модернизации казахстанского общества, межконфессиональное согласие и религиозная терпимость - основные направления в идейной консолидации казахстанского общества.

Вторая задача. Образование тоже должно стать другим. И залогом этого нового образования будет полный и повсеместный переход на трехязычие в школах, колледжах и вузах. Исторически так сложилось, что языком мировой науки стал английский. Не русский, не казахский, а именно английский.

Кстати, на английский давно перешли страны Балтии, 10 лет назад подобную реформу в Грузии провел М. Саакашвили. Сейчас там выросло целое поколение, которое хорошо владеет английским и имеет возможность учиться и работать в любой стране мира. К этому надо стремиться и нам.

Вторым результатом трехязычия в стране будет иной статус казахского языка. Помимо государственного он будет языком межнационального общения. Все этносы и этнические группы, проживающие в Казахстане должны овладеть казахским языком на определенном уровне, который позволит свободно общаться представителям всех национальностей.

Сейчас появилось множество критиков трехязычного образования, много скептиков, считающих, что эта реформа провалится. Некоторые считают, что само по себе освоение английского ничего не даст для подъема нашего престижа в области науки. Такие ученые совершенно не знакомы с опытом Китая, Южной Кореи и Сингапура. В Китае поначалу занялись перево-

дом научной литературы на китайский. Это не решило проблему. В этом смысле интересен опыт Сингапура, где еще при Ли Куан Ю образование полностью было переведено на английский язык. В Китае это поняли и также стали переводить обучение на английский. Еще раньше это сделали в Южной Корее. Итогом этих реформ стал технологический скачок, который совершили Южная Корея, Китай, Сингапур. Сегодня их вузы не просто входят в топы ведущих международных рейтингов, но и являются центрами инноваций.

Евразийская интеграция.

Ход мирового исторического развития XXI столетия демонстрирует усиление противостояния между ведущими державами, возникновение гражданских войн и межэтнических конфликтов, терроризма, угрозы голода и эпидемий. Мировой экономический кризис, охвативший все континенты земного шара, набирает свои обороты, приобретая небывалый размах и глубину. Нестабильная глобальная ситуация в политике, четвертая промышленная революция требуют от Казахстана разработки собственного сценария (плана) экономического развития.

В настоящее время в мире идет образование новых политических и экономических полюсов. В условиях глобализации без интеграции не может просуществовать ни одно государство, включая такую мировую державу, как США. Все страны экономически и финансово зависят друг от друга. Изначально евразийская интеграция задумывалась как способ совместного противостояния стран Евразии мировым экономическим катаклизмам, Но как считают отечественные аналитики, евразийский вектор интеграционных проектов приобрел слишком стремительный характер[2. с. 51].

Итоги предшествующего этапа движения к Евразийскому экономическому союзу — трехлетнее членство РК в Таможенном союзе — ясно показали неподготовленность отечественной экономики к такому пути развития. Из года в год существенно ухудшается сальдо торговли РК с Россией и Белоруссией. Во многом по причине участия Казахстана в ТС увеличивается де-

фицит бюджета, усиливается процесс разорения малого и среднего бизнеса, происходит опережающий рост цен и тарифов.

Надежды на то, что ЕАЭС откроет нам необъятный российский рынок не оправдались по элементарной причине. Наши производственные мощности не рассчитаны на то, чтобы завалить российского соседа своей продукцией. Ряд отечественных аналитиков уверены в том, что в составе союза мы уже никогда не сможем развить собственное производство.

Современный мир, и Казахстан не исключение, ориентируется на западные ценности. Не только в плане уровня жизни и материальных благ, но и в смысле демократических ценностей. Только такой путь позволяет развиваться стране.

Мы рано или поздно придем к пониманию и желанию строить с Россией интеграционные проекты. Но, видимо, и Казахстан, и Россия еще слишком мало пожили врозь. Надо еще пройти очень длинную историко-культурную, политическую дистанцию, прожить и преодолеть прошлое, чтобы говорить о чем-то большем. Пока же все интеграционные проекты Казахстана с Россией – это продолжающийся распад СССР, затянувшийся во времени развод. Оказалось, что для постсоветских стран есть только два формата расставания с прошлым: первый – конфликтный, как в случае с Грузией и Украиной, второй – наш. Быть может, наш путь, наш формат и не самый плохой? [3].

Библиография

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ Т. Велимеева, М – АСТ, Москва, 2007. – 571 с., С. 15.
2. Жусупов С.Т. Геополитическое измерение национальной безопасности Казахстана в контексте евразийской интеграции // «Қазақстандағы парламентаризм», международный научно-аналитический журнал. – 2012. - №. 3 (17). – С. 50-53.
3. Сарым А. Кто мы для России – Мексика или Канада? [Электронный ресурс] / Режим доступа http://www.ratel.kz/outlook/aydos_saryim_kto_myi_dlya_rossii_meksika_ili_kanada/ (26 января 2014).

ISTORIOGRAFIA MODERNĂ ROMÂNĂ DESPRE NATURA RĂZBOIULUI GERMANIEI ÎMPOTRIVA UNIUNII SOVIETICE ÎN 1941-1944

*Serghei NAZARIA, doctor habilitat în științe politice,
profesor universitar, IRIM*
*Mihail SPRÎNCEANĂ, doctor în istorie,
conferențiar universitar, IRIM*

Rezumat

De-a lungul ultimilor 25 de ani, în România și Moldova se discută activ problema naturii războiului din 1941-1944 pentru România, precum și ceea ce era războiul din 1941-1945 pentru poporul moldovenesc: Marele Război pentru Apărarea Patriei, precum și pentru restul poporului sovietic sau împotriva voinței sale el a fost atras în al doilea război mondial; sau, ca parte integrantă a „neamului românesc”, a luptat împotriva „ocupantului sovietic”. Mulți istorici români numesc „Campania din Est” „Război Sfânt de eliberare” și neagă crimele din teritoriile ocupate.

***Cuvinte-cheie:** Basarabia, istorici, istoriografie, românism, război, ocupație, teroare*

ROMANIAN MODERN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE NATURE OF THE GERMAN WAR AGAINST THE SOVIET UNION IN 1941-1944

Abstract

Over the past 25 years, Romania and Moldova are actively discussing the nature of the 1941-1944 war for Romania, as well as the 1941-1945 war for the Moldovan people: the Great War for the Defense of the Homeland, as well as for the rest of the Soviet people, or against their will, they were drawn into the Second World War; Or, as an integral part of the "Romanian nation", fought against the "Soviet occupant". Many Romanian historians call the "Eastern Campaign" "The Holy War of Liberation" and deny the crimes in the occupied territories.

***Keywords:** Bessarabia, historians, historiography, Romanism, war, occupation, terror*

СОВРЕМЕННАЯ РУМЫНИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ХАРАКТЕРЕ ВОЙНЫ РУМЫНИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1941-1944 ГГ.

Введение. За последние 25 лет в Румынии и Молдове интенсивно обсуждается вопрос о характере войны 1941-1944 гг. для Румынии, а также развернулась дискуссия о том, чем всё же являлась война 1941-1945 гг. для молдавского народа: Великой Отечественной, как и для остальных советских людей; или он против своей воли был втянут во вторую мировую войну; или, как составная часть «румынского рода», боролся против «советского оккупанта». Многие румынские историки называют «Восточную Кампанию» «Священной и Освободительной войной» и отрицают преступления на оккупированных территориях.

22 июня 1941 г. фашистский режим Иона Антонеску втянул свою страну в преступную войну Гитлера против Советского Союза. Однако, в наше время нацистское вторжение в СССР квалифицируется некоторыми авторами как действие «румынской и немецкой армий по предотвращению большевистского нападения на Румынию и Германию» [1, р.49]. Заявляется, что «германо-советская война положила конец... антинародной политике преступного государства по отношению к мирному населению похищенной провинции» [1, р.43]. «Вступление Румынии в войну Германии против СССР привело к освобождению Бессарабии, севера Буковины, цинута Херца от советского оккупанта и его дьявольского государственного устройства». Более того, «местное население, как и значительная часть этнических групп, тепло и с уверенностью приветствовали возвращение румынской администрации, зная её как компетентную, неподкупную, которая проводила политику, опирающуюся на правду и справедливость» [2, р.111, 175].

Методология исследования. В статье на основе сравнительного анализа участия Румынии в войне против СССР и исследования фактов, явлений и проблем политики режима Антонеску на оккупированных территориях удалось выявить сущ-

ность и цели участия Румынии в войне, обобщить оценки румынистской историографии по данному вопросу.

Результаты исследования. Известный историк пишет: «Румыния вступила в эту законную оборонительную войну для возвращения своих территорий, попавших под русское господство. Румыния вступила в эту войну для освобождения своих попавших в рабство братьев. Начатая 22 июня 1941 г. война имела законный национально-оборонительный характер, это была навязанная румынскому роду война. Румынский народ боролся за своё физическое выживание и защищал свою национальную независимость. Он боролся за то, чтобы его страна, очаг не были стёрты с карты независимых государств» [3, p.148; 4; 5, p.47-48]. «Соглашение Иона Антонеску с Гитлером явилось необходимостью для Румынии, которая была вынуждена принять единственно возможное покровительство» [6, p.12]. Это была «справедливая война за освобождение исторических территорий и против коммунистической опасности с Востока» [7, p.239; 8, p.381, 405, 407]. Данный историк договорился до того, что назвал «Восточную Кампанию» «Священной Войной» [9, p.54]. И среди своих румынских коллег он далеко не одинок в своём мнении [10; 11, p.362; 12; 13; 14, p.216, 223, 242; 15, p.76, 97; 16, p.55; 17, p.16; 18; 19; 20, p.48-49; 21; 22, p.52; 23, p.22; 24; 25, p.20-21; 26, p.47; 27, p.47].

Правда, «учёные» Vuzatu & Petrenco совсем не оригинальны. Ещё 1 августа 1941 г. в своём отчёте министру иностранных дел М. Антонеску бывший посол Румынии в Москве Григорий Гафенку писал о своей беседе с В. Молотовым 24 июня 1941 г. Он пытался доказать, что Советский Союз ответственен за то, что Румыния оказалась союзником Гитлера: «Своей политикой в последнее время советское правительство ничего не предприняло для недопущения сегодняшней болезненной развязки в отношениях наших стран. В результате грубого прошлогоднего ультиматума, оккупации Бессарабии, Буковины и даже части старой Молдовы, о чём я неоднократно ранее говорил г-ну Молотову, в следствие нарушения нашего территориального суверенитета, применения насилия на Дунае даже во время переговоров по установлению демаркации

онной линии, Советский Союз разрушил в Румынии любое чувство безопасности и уверенности и породил оправданное опасение за само существование румынского государства. В тех условиях мы попытались найти поддержку в другой стороне. Эта поддержка не понадобилась бы и мы не искали бы её, если бы не чувствовали себя под угрозой» [28, p.229].

Интересен и воспроизведённый Гафенку ответ Молотова: «Думаете о территориях и не понимаете, что в опасности независимость и даже само существование вашей государственности. Мы никогда не ставили вашу независимость под сомнение. Наоборот. Когда-то боролись за неё. Мы заплатили человеческими жизнями за создание независимого румынского государства. С того момента и по настоящее время мы непрестанно уважали вашу страну и её независимость. И всё-таки вы подчинились немцам. Этим вы отказались от собственной независимости и присоединились к бандитскому нападению. Ещё будете жалеть. Германия убедительно доказала насколько её заботят интересы и существование малых государств. Не вижу, на что вы рассчитываете и на что надеетесь? Даже в случае германской победы, которая, убеждён, невозможна, вы пропали... Затем, поднявшись, подошёл ко мне, слегка наклонился и протянул мне руку» [29, p.10-11].

В действительности тезис о войне «за освобождение исторических территорий» опровергают даже официальные документы румынского правительства. Так, на заседании Совета министров от 8 июля 1941 г. заместитель премьера и «профессор международного права» Михай Антонеску сказал буквально следующее: «Столько времени, сколько продолжаются военные действия, румынское государство не издало декрета об аннексии этих территорий, мы лишь занимаемся их обустройством. Мы находимся в состоянии военной оккупации, а не оккупации как способа захвата территории. Таким образом, здесь осуществляется суверенитет оккупанта, а не суверенного государства. До того момента, когда мы сделаем формальную декларацию об аннексии, а это нельзя сделать до завершения военных действий или хотя бы до того, когда станет ясно их близкое окончание, до

того, с точки зрения чистого права, мы находимся в состоянии военной оккупации, и установленный здесь режим может руководствоваться лишь законами военного времени» [30, р.264]. Другими словами, даже высшее руководство фашистской Румынии понимало, что территория Бессарабии является, с точки зрения международного права, оккупированной территорией.

В контексте дискуссий последних лет о характере войны Румынии против СССР существует один довольно интересный аспект. Речь идёт о «смене вех» некоторых молдавских и других историков, которые в своё время писали и доказывали одно, а в начале 90-х годов перешли на противоположные позиции. Одним из ярчайших тому примеров является научная и общественная деятельность доктора исторических наук, профессора А.К. Мошану, долгие годы занимавшего видное место в молдавской коммунистической историографии и партийной номенклатуре, а впоследствии занявшего резко антисоветскую позицию и, будучи избранным председателем парламента Республики Молдова, в 90-е гг. стал одним из ведущих прорумынских политиков и крайним антисоветчиком.

В 1984 г. в одном престижном советском историческом журнале он опубликовал рецензию на двулогию И.Э. Левита, посвящённую МССР в годы Великой Отечественной войны. Следует подчеркнуть, что это не простая рецензия, а выражение своеобразного идейного кредо, если хотите – *professsion de foi*, в то время ещё товарища, Мошану. Так вот, этот ныне сторонник Петренко & Бузату на 4-х страницах текста не менее 12 раз использует синтагму «фашистская Румыния» и не менее 13 раз словосочетания типа «фашистский режим Антонеску», «фашистский режим Румынии», «фашистское государство», «военно-фашистский режим Антонеску», «фашистская клика Антонеску», «фашистский главарь» и т.д., и т.п. То есть, в то время товарищ, Мошану с неподдельным коммунистическим рвением и истинным советским патриотизмом клеймил то, что сегодня, успевший стать господином, Мошану с не меньшим, но уже румыно-патриотическим, остервенением, так же пламенно защищает.

В своей концептуальной статье Александр Константинович клеймит «участие режима Антонеску в агрессии против Советского Союза», «оккупационную политику диктатуры Антонеску на временно захваченной советской территории», осуждает «грубые фальсификации и искажения со стороны буржуазных историков, идеологов империализма», «пытающихся обелить внешнюю политику тогдашних румынских правителей, оправдать участие фашистской Румынии в войне против СССР ссылками на „русскую угрозу“, на необходимость защиты „национальных интересов“» [31, с.125, 126].

В то же время автор категорически поддерживает «движение Сопротивления в Румынии», «героическую борьбу советских людей против оккупантов», что, по его мнению, «лишний раз свидетельствует о лживости утверждений относительно „освободительной“, „цивилизаторской“ миссии фашистской Румынии на территории СССР» [31, с.126, 127]. Рецензент также глубоко возмущён тем фактом, что «правители этой страны пытались „румынизировать“ и колонизировать советские территории между Прутом и Бугом методами насилия и террора, путём уничтожения и переселения части местного населения и превращения остальных жителей в даровую рабочую силу эксплуататоров». Более всего вызывает неприятие автора тот факт, что «эта политика предусматривала полную ликвидацию социалистической системы хозяйства и общественной собственности на орудия и средства производства!» [31, с.127]

Следует затронуть ещё один дискуссионный момент. Речь идёт об утверждениях некоторых румынских историков о том, что США и Великобритания будто бы поддержали Румынию в войне против СССР, однако «только до Днестра» [32, р.1022-1026]. Так, К. Хлихор пишет, что «в начале освободительного похода, предпринятого Румынией с целью освобождения захваченных летом 1940 г. территорий, как США, так и Англия, считали, что переход Днестра румынскими армиями поставит её в положение войны с ними. До Днестра, – заявил 18 июля 1941 г. М. Антонеску американский посол в Бухаресте Франклин Мотт

Гюнтер, – румынская территория и война может считаться законной, а за ним это действие может иметь антианглийскую направленность. В августе 1942 г. американские аналитики пришли к выводу о необходимости принять русское требование касательно Бессарабии, но без Буковины» [13, p.856].

Трудно с ходу определить, чего в данной цитате больше: лжи или элементарного незнания. Во-первых, у Хлихора нет ссылок на архивы, а только на работы других румынских историков и на более раннюю свою. Но предположим, американский посол говорил на эту тему с румынским министром иностранных дел М. Антонеску. Где же тогда документальные свидетельства, подтверждающие его слова?

Но и это не всё, и здесь мы переходим ко второму моменту. Скорее всего г-н Антонеску (если информация о данном разговоре исходит от него) нагло врёт, а господа *хлихоры & К⁰* примитивно пересказывают его враньё, искажая истинное содержание состоявшегося разговора. Так вот, если современным румынским историкам неизвестна позиция США по бессарабскому вопросу, то «профессор международного права» Михай Антонеску не мог не знать, что США никогда не признавали аннексии Бессарабии Румынией и всегда считали её российской территорией [33, с.189, 190, 191, 246, 247; 34, p.122; 35, p.845, 846]. К тому же, данный деятель был главой внешнеполитического ведомства, поэтому даже без своего профессорства должен был знать об этом. Отсюда вытекает только один вывод: скорее всего такого разговора вообще не было, и это более поздняя выдумка румынских историков или мемуаристов.

Также маловероятно, чтобы американский посол Ф.М. Гюнтер не был знаком с позицией своей страны по бессарабскому вопросу. Кроме того, данная «информация» не подтверждается ни одним американским источником, не только официальным, но хотя бы неофициальным. И это не случайно, так как не мог Гюнтер высказывать тезис, противоречащий официальной позиции своего правительства.

Но предположим невозможное, допустим, такой разговор

состоялся, и посол сказал министру то, о чём сообщает нам Хлихор. Даже в этом случае нет оснований утверждать, что США признавали право Румынии на захват Бессарабии. Абсолютно все существующие и дошедшие до нас официальные американские документы свидетельствуют только об одном – правительство США считало Бессарабию советской территорией. И если бы посол высказал противоположное мнение, он немедленно перестал бы быть послом, а превратился бы в частное лицо.

Столь же бредовым является и утверждение, что «в августе 1942 г. американские аналитики пришли к выводу о необходимости принять русское требование касательно Бессарабии, но без Буковины». Дело в том, что нет никаких документов, подтверждающих, что во время войны хоть на секунду изменилась позиция американского правительства в отношении Бессарабии. По Хлихору получается, что так и случилось. Однако это может быть лишь в поражённом примитивным национализмом мозгу румынистов. Опять вопрос: где документы?!

И третье, если американцы считали Бессарабию советской даже в годы антисоветской интервенции и в течение 16 лет дипломатического непризнания, могли они «вдруг» изменить свою позицию, когда СССР стал их ближайшим и важнейшим союзником, и от него в решающей степени зависело дальнейшее существование США? Сразу после 22 июня в беседе замгоссекретаря С. Уэллеса с советским послом в Вашингтоне К. Уманским официально было заявлено, что «американское правительство считает СССР жертвой не спровоцированной, ничем не оправданной агрессии» и что отпор этой агрессии «соответствует историческим интересам Соединённых Штатов» [36, с.45; 37, с.348]. Такова была и позиция американских военных [38, с.634, 635-636, 641].

Что касается позиции английского правительства, достаточно хотя бы вспомнить слова У. Черчилля, высказанные в связи с нападением Гитлера на СССР: «Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги... Такова наша политика» [39, с.170-172; 40, с.513-514]. Как же могли англичане в тех условиях поддерживать И. Антонеску, ближайшего союзника сумасшедшего фюрера?

В продолжение вышеизложенного, ещё один аспект проблемы – о будто бы отличных от Германии целях Румынии в войне, аспект, так старательно выводимый румынистами, и о том-де, что западные союзники не поняли этого. Так, тот же Хлихор пишет буквально следующее: «В Вашингтоне и Лондоне *не поняли* [выделено нами – С.Н.], что Румыния боролась вместе с Германией против Советского Союза, но их цели и интересы не совпадали». Ниже наш автор открывает глаза «Вашингтону и Лондону» относительно реальных целей «борьбы Румынии рядом с Германией» – «для восстановления единства рода, а впоследствии она была вынуждена вести тяжелую борьбу [против Германии] для того, чтобы сохраниться как государство» [13, p.857].

Румынским историкам-националистам кажется, что США и Великобритания должны были в ходе войны на первый план выдвинуть «цели и интересы» Румынии. Что это – «святая наивность»? Скорее всего, данное явление следует назвать иначе – примитивный румынизм. Что касается «восстановления единства рода», оно в 1941-1944 гг. реализовывалось посредством истребления кликой Антонеску сотен тысяч мирных граждан – евреев, молдаван, украинцев и др. [41; 42, с.367-393; 43, с.152-179]. Наверное *Hlihor & K^o* «даже не подозревают» об этом... «Не знают» они и того, что союзники по антигитлеровской коалиции не преследовали целей в войне ликвидировать чью-то государственность, в том числе и румынскую. А фразы о том, будто после 23 августа 1944 г. Румыния продолжила борьбу, «чтобы сохраниться как государство», являются абсурдными, с научной точки зрения, и демагогическими, с политической. На деле огромную опасность существованию румынской государственности представляла гитлеровская Германия и проводимая кликой Антонеску антинациональная политика.

Между прочим, высшее румынское руководство реально осознавало эту опасность, что подтверждается документально. Так, на заседании Совета министров от 17 марта 1942 г. М. Антонеску поучал своих подручных грабить всё на оккупированных территориях, «но без документов, для того, чтобы завтра

русские не смогли достать эти документы и предъявить их нам за столом переговоров». А далее он заявил: «И не только русские. Даже если мы победим, наши союзники, чтобы поправить свои дела, заставят нас выплатить им военную контрибуцию» [44, р.320]. Таким образом, уже весной 1942 г. Окружение И. Антонеску не только не было уверено в победе Германии, но и осознавало, что Румыния является «союзником третьего сорта», которому в случае победы могли навязать военную контрибуцию как стране враждебной и побеждённой.

В этой связи уместно вспомнить установку, данную Гитлером руководству Третьего рейха в отношении румынского сателлита. О ней не мешало бы знать «национально озабоченным» апологетам «нерушимой дружбы» двух фюреров и союзнических отношений гитлеровской Германии и антонесковской Румынии. На совещании 16 июля 1941 г. в узком кругу своих приближённых Гитлер заявил: «В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и, соответственно этому, мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательности третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией» [45, с.582].

Часто в исторических трудах посткоммунистического периода присутствует молчаливое одобрение лозунгов типа: «Да здравствуют наши союзники и великий вождь Германии Адольф Гитлер!», «Да здравствует румынская и немецкая армии!», «Да здравствует король Михай и канцлер Гитлер!», «Долой жидов и коммунистов!» [1, р.59, 63; 2, р.92]. В этих работах предпринята попытка обелить политику румынской администрации в оккупированных провинциях в 1941-1944 гг. и, в первую очередь, по отношению к нашим согражданам еврейской национальности (хотя тут же оговоримся, что насилию и убийствам были подвергнуты далеко не только евреи).

Партизаны, боровшиеся с фашизмом (и защищавшие «жидов»), квалифицируются не иначе как террористы [1, р.49, 70; 2,

р.98, 99], национальные меньшинства названы «пятой колонной», утверждается, что «режим Антонеску являлся современной (читай: цивилизованной – авт.) диктатурой, толерантной по отношению к демократической оппозиции» [2, р.60, 395; 1, р.31]. Правда, следует отдать должное этому автору – он не одинок в своих утверждениях. Так, румынский историк А.Д. Дуцу называет партизан «подрывными элементами, организовавшими и исполнившими многочисленные акты агрессии против румынских войск». А взрыв румынской комендатуры 22 октября 1941 г. в Одессе данный историк называет «террористическим покушением» [46, р.31, 32].

Власовцев Петренко называет не иначе, как «освободительной армией» [47, р.30-31], игнорируя тот факт, что они совершили тягчайшие преступления не только против своего народа, но и участвовали в карательных экспедициях против польского, чешского, французского и других народов. Более того, на советско-германском фронте эти изверги не воевали, т.к. гитлеровцы не доверяли им, а были использованы на Западном фронте в борьбе с англо-американцами. В странах Западной Европы после войны подобные Власову «герои» были осуждены и приговорены к различным срокам заключения, а многие – к высшей мере через повешение, как, например, Квислинг в Норвегии или Лаваль во Франции.

В заключение следует отметить, что мы несём ответственность за то, чтобы историческая правда была признана и дошла до каждого гражданина, чтобы сегодня и в будущем исключались возможность преступлений против человечности, преследования по расовым, этническим, политическим соображениям, вероятность возрождения фашистского движения в любой его форме, антисемитизма, экстремизма, где бы они ни проявлялись.

Библиография

1. Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. – Chișinău, 1999. 176 P.
2. Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. 1940-1944. – Chișinău, 1997. – 346 P.

3. Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. – Iași, 1991. – 388 P.
4. Duțu A.D. Între Wehrmacht și Armata Roșie // Dosarele istoriei. 1999. Nr. 2. – P. 47-51.
5. Duțu A., Retegan M. România în război. 1421 zile de încleștare. – Buc., 1992. – 248 P.
6. Țurlea P. Basarabia și nordul Bucovinei sub regim sovietic // Historia. Revistă de istorie. 2009, Nr.9. – P. 8-12.
7. Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. – Buc., 1996. – 394 P.
8. Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX (1918-1948). – București, 1999. – 596 P.
9. Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est // Dosarele istoriei, 1999, Nr.7. – P. 53-55.
10. Anton M. Războiul sfânt // Dosarele istoriei. 2001, Nr.7. – P. 8-12.
11. Moraru A. Istoria românilor. Basarabia și Transnistria (1812-1993). – Chișinău, 1995. – 560 P.
12. Golnețchi V. Bătălia pentru eliberarea Basarabiei și a nordului Bucovinei // Cugetul. 1993, Nr.3. – P. 47-49.
13. Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr.9-10. – P. 855-875.
15. Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). – Iași, 1995. – 374 P.
16. Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului (1941). O decizie controversată. – Buc., 1995. – 194 P.
17. Nistor I.S. Românii în al doilea război mondial. – Cluj-Napoca, 1996. – 264 P.
18. Otu P. „Ostași, vă ordon: treceți Prutul!” // Dosarele istoriei, 1999, Nr.7. – P. 16-20.
19. Bărboi V. Eliberarea Basarabiei, a Bucovinei de Nord și a Ținutului Herța // Dosarele istoriei, 1999, Nr.7. – P. 20-25.
20. Duțu A.D. Eliberarea Basarabiei și a nordului Bucovinei // Dosarele istoriei. 2001, Nr.7. – P. 14-16.
21. Șuța I. Necesitate istorică, dorința a unei țări întregi // Dosarele istoriei. 2006, Nr.6. – P. 45-51.
22. Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr.12. – P. 51-55.
23. Moisuc V. Blestemul lui 23 august 1939. Premisele sale // Historia. Revistă de istorie. 2009, Nr.9. – P. 51-64.
24. Stoenescu A.M. Și totuși, ostașii noștri au trecut Prutul când au dat ordin nemții // Historia. Revistă de istorie. 2010, Nr.6. – P. 21-23.
25. Stănescu M. Trecerea Prutului – de la extaz la agonie // Historia. Revistă de istorie. 2011, Nr.6. – P. 48-53.
26. Scafeș I.I. Victorie plătită scump // Historia. Revistă de istorie. 2011, Nr.10. – P. 20-23.

27. Otu P. Eroii mareșalului Antonescu se întorc acasă // *Historia. Revistă de istorie*. 2012, Nr.4. – P. 46-49.
28. Hentea C. Propaganda la Stalingrad // *Historia. Revistă de istorie*. 2012, Nr.11. – P. 46-49.
29. Gafencu Gr. Misiune la Moscova. Culegere de documente. – București, 1995. – 240 P.
30. Raportul trimis lui Mihai Antonescu de către ambasadorul român Grigore Gafencu // *Historia. Revistă de istorie*. 2011, Nr.6. – P. 8-11.
31. Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. – București, 1996. – 623 P.
32. Лунгу В.Н., Мошану А.К. И.Э. Левит. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. (1.IX.1939 – 19. XI. 42). 1981; его же: Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19. XI. 42 – 23. VIII. 44). 1983. Кишинёв. Штиинца // *Вопросы истории*, 1984, №5. – С. 125-129.
33. Hlihor C. 22 iunie 1941 sau 28 iunie 1940? // *Revista istorică. Academia Română*, 1992, Nr.9-10. – P. 1021-1026.
34. Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. – М., 1996. – 380 С.
35. Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România // *Revista istorică. Academia Română*, 1993, Nr.9-10. – P. 841-857.
36. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 1. – М., 1984. – 510 С.
37. Вторая мировая война в воспоминаниях. – М., 1990. – 578 С.
38. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. – М., 1958. – 680 С.
39. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. – М., 1991. – 671 С.
40. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы. Т. 1. – М., 1983. – 542 С.
41. Назария С. Холокост: страницы истории (на территории Молдовы и прилегающих областях Украины). – Кишинёв, 2005. – 304 С.
42. Назария С. Генезис, ход и итоги Второй мировой войны: Факты и мифология. – Кишинёв, 2015. – 704 С.
43. Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. – Кишинёв, 2014. – 452 С.
44. Procesul lui Ion Antonescu. – București, 1995. – 478 P.
45. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. – М., 1958.
46. Duțu A.D. De la Nistru spre Volga și Caucaz // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr.7. – P. 29-36.
47. Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. 1939-1995. Ediția a II-a. – Chișinău, 1995. – 356 P.

AUTODETERMINAREA NAȚIONALĂ A MOLDOVENILOR ÎN SEC. XX: ASPECTE ISTORICE ȘI POLITICO-JURIDICE

*Victor STEPANIUC, doctor în istorie,
conferențiar universitar, IRIM*

Rezumat

În epoca contemporană, moldovenii din spațiul dintre Prut și Nistru, teritoriul Moldovei istorice, anexat la Rusia în 1812, au demonstrat voința de a-și păstra identitatea națională și a edifica statul moldovenesc contemporan în formă de Republică.

*Revoluțiile rusești și dezmembrarea Imperiului Rus în anul 1917 au creat condiții favorabile pentru procesul de autodeterminare națională în Moldova dintre Prut și Nistru (Basarabia) și la 2 decembrie 1917 este proclamată Republica Democratică Moldovenească - **Prima Republică Moldovenească** (1917-1918), care semnifică etapa incipientă de formare a statalității moldovenești contemporane.*

*După evenimentele de la 28 iunie 1940 este fondată RSSM - cea de-a **Doua Republică Moldovenească** (1940-1991), care, deși supusă ierarhic URSS, în anii 60-90 ai sec. XX, capătă caracteristici de stat cu suveranitate limitată.*

*Procesul de democratizare a URSS a facilitat lupta poporului moldovenesc și a elitelor politice- economice naționale pentru suveranitate și independență statală. Adoptarea Declarației de Independență a Republicii Moldova semnifică o nouă etapă în evoluția statalității moldovenești contemporane. Statul Republica Moldova independentă constituie cea de a **Treia Republică Moldovenească**.*

***Cuvinte-cheie:** statalitate moldovenească contemporană, teritoriul Basarabiei, Prima Republică Moldovenească (1917-1918), a Doua Republică Moldovenească (1940-1991), a Treia Republică Moldovenească (1991-), continuitate istorică, etnică, spirituală, autodeterminare națională*

NATIONAL SELF-DETERMINATION OF MOLDOVANS IN THE XX CENTURY: HISTORICAL AND POLITICAL-JURIDICAL ASPECTS

Abstract

In the contemporary era the Moldovans from the Prut and the Nistru - the territory of the historical Moldova annexed to Russia in 1812 - have demonstrated the will to preserve their national identity and to build the contemporary Moldovan state as a Republic. The Russian revolutions and the disruption of the Russian

Empire in 1917 have created favorable conditions for the process of national self-determination in Moldova between Prut and Nistru (Basarabia) and on 2 December 1917 the Moldovan Democratic Republic is proclaimed. First Moldovan Republic (1917-1918) signifies the early stage of building the contemporary Moldovan statehood. After the events of 28 June 1940 the Moldovan Soviet Socialist Republic is founded - the Second Moldovan Republic (1940-1991). Although subjected hierarchically to USSR, in the 60s-90s of the XX century, acquire characteristics of a state with limited sovereignty. The process of democratization of the USSR facilitated the struggle of the Moldovan people and its national political and economic elites for sovereignty and state independence. Adoption of the Declaration of Independence of the Republic of Moldova signifies a new stage in the evolution of the contemporary Moldovan statehood. The Independent Republic of Moldova represents the Third Moldovan Republic.

Keywords: contemporary Moldovan statehood, the territory of Bessarabia, process of national self-determination, First Moldovan Republic 1917-1918, Second Moldovan Republic 1940-1991; Third Moldovan Republic 1991 - until now, historical continuity, spiritual, cultural and ethnic history

În anul 1917, în Basarabia, Moldova dintre Prut și Nistru, teritoriul moldovenesc, anexat la Rusia în 1812, începe o mișcare puternică pentru renașterea statalității moldovenești, care capătă amploare în rîndurile ostașilor, țăranilor, muncitorilor, preoților etc., îndeosebi în vara și toamna anului 1917. Atunci, în cadrul a cca. 6000 de manifestații diverse, care denotă voința pentru autodeterminare națională, moldovenii au pledat pentru „autonomia Basarabiei” și „Republică Moldovenească”.

Merita să menționăm, ca ideile “moldovofile”, au persistat în conștiința moldovenilor în toată perioada de la 1812-1917, și se răspîndeau activ în Basarabia, îndeosebi după lichidarea de către guvernul țarist a autonomiei și transformarea acesteia în 1873 din „oblaste” (provincie) în gubernie rusească. Jandarmeria gubernială informa la 21.07.1875, că în rîndul intelectualilor din Chișinău există persoane „care manifestă tendințe moldovofile”. Într-un raport secret, alcătuit la cerința Departamentului Poliției din Peterburg, guvernatorul Basarabiei menționa: „Încă din perioada alipirii Basarabiei la Rusia a existat în cercurile conducătoare ale nobilimii moldovenești un partid moldovenesc deosebit...” [1, p.124-125].

Condiții favorabile pentru lupta deschisă a moldovenilor din

Basarabia pentru drepturi naționale au apărut în anii revoluției ruse din 1905-1907, când lozincile cu caracter național au început să fie susținute de studenți, țărani și muncitori.

Un grup de intelectuali moldoveni întemeiază în 1905 *Societatea Moldovenească din Basarabia* și săptămînalul *Moldovanul*. În octombrie 1905, la Chișinău se constituie grupul național-democratic moldovenesc, care editează ziarul „Basarabia”. Grupul național - democratic moldovenesc în curînd devine partid național-democratic moldovenesc, care se pronunță pentru restabilirea autonomiei Basarabiei, existentă pînă în anul 1818 (1828).

După Manifestul țarist de la 17 octombrie 1905 toate grupările politice național-democratice au pretins a-și promova deputați în Duma de Stat a Rusiei pentru a apăra „cauza” moldovenilor din Basarabia.

Ideea „autonomiei Basarabiei”, revenirea la statalitatea moldovenească constituia pentru moldoveni o speranță, un scop pentru care pledau și îl exprimau deschis cu prima ocazie. La 29 august 1906 ziarul Basarabia în articolul „*Ce înseamnă autonomia*” afirma: „... noi, moldovenii din Basarabia cerem autonomie... Noi am avut autonomie, am avut parlamentul (divanul) nostru, care alcătuia zacoanele...” [2, p. 64, 65-66].

O activitate rodnică pentru propășirea neamului moldovenesc din Basarabia în această perioadă desfășoară conducătorii bisericii din Basarabia, inclusiv Episcopul Vladimir Sinicovshi care, după exemplu de cîndva a lui G. Bănulescu-Bodoni, se pronunță pentru folosirea limbii moldovenești în biserică și păstrarea obiceiurilor locale în viața publică.

În 1906, preotul Alexei Mateevici publică un șir de articole-manifeste: *Lupta moldovenilor pentru drepturi, Unirea culturală, Alegerile...*

În aprilie 1913 este editată sub redacția lui Gr. Constantinescu, profesor de limbă moldovenească, ziarul „Glasul Basarabiei”, care continuă lucru de culturalizare a poporului moldovenesc, început anterior de revistele „Basarabia” și „Moldovanul”.

O semnificație aparte pentru viața social-culturală a Basarabiei a avut lansarea în mai 1913, la inițiativa lui V. Stroiescu, P. Halippa, N. Alexandri, S. Murafa, a revistei „Cuvînt moldovenesc”, care pu-

blică materiale despre viața social-politică, dar și fragmente din operele scriitorilor moldoveni: M. Eminescu, V. Alecsandri, A. Donici.

Ideea „*autodeterminării Basarabiei*”, aspirată de moldovenii decenii la rând, la începutul anului 1914 capătă noi aderenți. Șeful jandarmeriei din Basarabia, colonelul C. F. Nordberg, raporta, „...că în ultima vreme în mediul intelectualității basarabene a apărut *tendința de autodeterminare națională* și de desfășurare a culturalizării populației moldovenești din Basarabia”... [3, p. 258].

În iunie 1914 începe primul război Mondial care atrage în vîltoarea bătăliilor sîngeroase, purtate de Antanta cu Puterile Centrale, sute de mii de moldoveni.

Procesul renașterii naționale al moldovenilor capătă amploare și continuitate logică după Revoluția rusă din februarie 1917, care duce la prăbușirea Imperiului țarist și proclamă democrația și libertatea popoarelor. Principalele partide revoluționare, care au dominat viața politică în Basarabia anul 1917, au pledat sub diferite forme pentru dreptul popoarelor Rusiei la autodeterminare și autonomie politică. Liderul Partidului Socialistilor Revolutionari din Rusia V.Chernov într-un raport la Congresul III a susținut ideea autonomiei teritoriale și extra-teritoriale „... stabilirea principiilor egalității națiunilor, acordarea de suveranitate deplină pentru autonomii.” [4]. V. Lenin, conducătorul Partidului social-democrat (al bolșevicilor) din Rusia încă în 1914 în lucrarea sa *Despre dreptul națiilor la autodeterminare* recunoștea, că „tocmai particularitățile istorice concrete ale problemei naționale în Rusia fac ca recunoașterea dreptului națiilor la autodeterminare să fie la noi o problemă atît de vitală...” [5, p. 318-319].

În luna aprilie 1917, la Chisinau este fondat Partidul Național Moldovenesc, iar la Odesa- Partidul Progresist Moldovenesc. Aceste partide pledau activ pentru reforme sociale și naționale, pentru autonomia Basarabiei, care „a existat în anii 1812-1828”.

Problema autonomiei și chestiunile legate de ea sunt dezbătute la Adunarea eparhială extraordinară a preoțimii și mirenilor eparhiei din Chișinău, care a avut loc pe 19-22 aprilie 1917, la care au fost prezente toate 33 de ocruguri ale eparhiei, cu un număr de participanți de circa 250 persoane. Adunarea a susținut „Autonomia Basa-

rabiei... pe principiile autodeterminării, descentralizării și principiul electiv, în toate domeniile vieții politice, religioase, culturale, administrative, judecătorești etc.” [6,p.103].

Ideea „autonomiei Basarabiei” și „Republicii Moldovenești” a devenit foarte populară în rândurile ostașilor moldoveni, mobilizați pe fronturile I Razboi Mondial. Merita de menționat, că în anii 1914-1917 în armata rusă au fost mobilizați pe front circa 250-300 mii de basarabeni. În vara și toamna anului 1917, afectați de ideile partidelor de stînga, dar și a celor naționale, ostașii moldoveni, luînd exemplul celor ucraineni, georgieni, belaruși etc. au organizat mai multe întruniri la Odesa, Iași, Chișinău, unde au pledat pentru pace, reforma agrară, drepturi și autodeterminare națională.

În toamna anului 1917, mișcările politice de eliberare națională și socială în Basarabia capătă o amploare maximă. La numeroase întruniri ale ostașilor, țăranilor, intelectualilor, studenților, proprietarilor, preoților s-a cerut reforma agrară, autonomie pentru Basarabia, autocîrmuire moldovenească, instruire în școli în limba moldovenească.

Proclamarea de către Rada Centrală a Republicii Ucrainene autonome și pretențiile teritoriale ale acesteia către Basarabia încă din vara anului 1917 au creat premise reale pentru urgentarea procesului de formare a noii statalități moldovenești. Evenimentele decisive s-au desfășurat la inițiativa Comitetului Central Militar din Basarabia - organizație creată din reprezentanții tuturor unităților militare moldovenești de pe front.

În perioada 20-25 octombrie 1917, la Chișinău, și-a desfășurat lucrările Congresul Ostașilor Moldoveni, care adunase delegați de pe toate fronturile. Sprijinindu-se pe statalitatea multiseculară a poporului moldovenesc, primul Congres al Ostașilor Moldoveni – cca. 600 de delegați – a declarat „autonomia teritorială și politică a Basarabiei”, pentru ocîrmuirea căreia urma să se alcătuiască Sfatul Țării – un parlament temporar. Prin cele 11 rezoluții, Congresul a trasat principiile de activitate a Sfatului Țării, a stabilit sarcini concrete de consolidare a puterii de stat, a preconizat constituirea guvernului, care urma să realizeze suveranitatea statală a Moldovei. Academicianul Ștefan Ciobanu constată, că forul ostașilor moldoveni „a făcut ceea ce

noi, civilii, doream, dar nu aveam puterea s-o facem. Ei proclamă autonomia Basarabiei, dau naștere organului revoluționar Sfatul Țării...” [7, p.147-150]

„Sfatul Țării” – acest parlament moldovenesc temporar, care urma să pregătească alegeri în Adunarea Constituantă a Moldovei, se convoacă la Chișinău la 21 noiembrie 1917. La una din primele ședințe, Sfatul Țării, executînd Rezoluția a II-a a Congresului ostașilor moldoveni, a proclamat la 2 decembrie 1917 Republica Democratică Moldovenească. La 6 decembrie 1917 e format Guvernul Republicii Democratice Moldovenesti (Consiliul Directorilor Generali) în frunte cu P. Erhan.

Din primele zile ale existenței sale și îndeosebi după proclamarea Republicii Democratice Moldovenești, Sfatul Țării a luat în dezbateri diverse chestiuni dintre cele mai arzătoare: implementarea principiilor de administrare a republicii, stoparea anarhiei, organizarea cohortelor – unităților militare moldovenești, stabilirea contactelor cu țările vecine, orientarea și desfășurarea sistemului de învățămînt ș. a. În cadrul dezbaterilor s-a vorbit mult și despre limba de stat și de predare în școli. Majoritatea membrilor Sfatului Țării s-au pronunțat ca limba oficială a statului să fie limba moldovenească, iar limba rusă să fie limbă „neutră”. Proiectul Constituției Republicii Naționale Moldovenești, pregătit la indicația Sfatului Țării, în art. 78, stipula: „Limba moldovenească, limba oficială a statului, este obiect de învățatură obligator în toate școlile republicii” [8,p.18] Fostul ministru și apoi șef al guvernului Republicii Democratice Moldovenești Petru Cazacu menționa: „Avînd parlament (Sfatul Țării) cu președinte și birou, avînd moștenite toate organele și instituțiile de la Imperiul și Republica Rusească, avînd miliție și armată națională, votînd legi, publicîndu-le în Monitorul Oficial (gazeta „Sfatul Țării”), dînd proclamații, decrete – Republica Democratică Moldovenească avea aproape toate semnele exterioare ale unei organizări de stat, la care toți păreau a conveni”. [9,p.319]

Paralel cu organizațiile ostășești moldovenești care sprijineau Sfatul Țării, în Chișinău activau structurile politice și militare ale sovietelor, diferite comitete, structuri partiinice și militare ale fostului Guvern Provizoriu, dar și ale Guvernului bolșevicilor din Rusia, cu diferite orientări social-politice, care luptau pentru a-și impune superiorita-

tea și influența definitivă. Aceasta a fost una din caracteristicile de bază ale situației politice de la sfârșitul anului 1917, una din problemele, pe care Sfatul Țării n-a putut-o rezolva. Astfel, chiar de la înființarea Sfatului Țării s-a evidențiat rivalitatea politica și ideologica dintre moldavofili și românofili. Primii pledau consecvent pentru respectarea întocmai a principiilor adoptate de Congresul ostașilor moldoveni și confirmate de Declarația Sfatului Țării din 2.12.1917 privind proclamarea Republicii Democratice Moldovenești și pregătirea alegerilor în Adunarea Constituanta a Moldovei. Românofili (I. Pelivan, T. Ioncu, A. Crihan, Pan Halippa, ș. a), convertiți de forțe din exterior, promovau, la început în taină, linia de înglobare a Moldovei dintre Prut și Nistru în componența României. Privitor la controversata chestiune a atitudinii Sovietelor, a organizațiilor bolșevice și chiar a Guvernului din Petrograd față de actul proclamării Republicii Democratice Moldovenești, ne vom referi în continuare la unele documente pe măsură să elucideze, la acel moment, situația. Este de menționat, că în unitățile armate rusești dislocate în Moldova, în condițiile I război mondial inclusiv în Chișinău, o mare influență aveau Sovietele Chișinău și cel gubernial din Basarabia, controlate în toamna lui 1917 de eseri și bolșevici. Însă aceste Soviete, care aveau o anumită autoritate în rindurile populației nu au susținut activ ideea renasterii statalității moldovenești, nu au inițiat în anul 1917 crearea unei Republici sovietice în Moldova, în opoziție autonomiei proclamate de Sfatul Țării. La 6 decembrie, emisarii Guvernului Sovietic S. Cuib și N. Simonov, trimiși de la Petrograd pentru a ajuta bolșevicii din Basarabia la instaurarea Puterii Sovietice, în ședința publică a Sfatului Țării au salutat crearea Republicii Democratice Moldovenești, întemeiate pe principiul autodeterminării popoarelor. Desigur, aceste declarații ale emisarilor Guvernului bolșevic simbolizau o anumită recunoaștere politica a Republicii Moldovenești, care se anunțase parte componentă a Rusiei Federative și Democratice. Totodată este incorect a califica aceste declarații orale ca o recunoaștere de-jure de către Rusia Sovietică a independenței de stat a RDM. Au salutat și declarat susținere Republicii Democratice Moldovenești și reprezentanții diplomați ai Franței, României, Angliei și Statelor Unite ale Americii, care la 7 decembrie

se întâlnește cu I. Inuleț, Președintele Sfatului Țării, Președintele Republicii Democratice Moldovenești. Astfel, tînărul stat moldovenesc capătă în această perioadă și o anumită recunoaștere internațională, mai mult politica, decît juridica.

La 23 decembrie 1917, în cadrul unei ședințe comune a comitetelor executive ale Sovietelor Chișinău și Gubernial ale muncitorilor, țăranilor și soldaților, aflate sub conducerea bolșevicilor, s-a hotărît de a cere Sfatului Țării convocarea Adunării Constituante din Basarabia. Întru pregătirea acestei acțiuni s-a propus convocarea Congresului Sovietelor muncitorilor, țăranilor și ostașilor din Basarabia pe 19 ianuarie 1918 pentru completarea și democratizarea Sfatului Țării. Însă, Congresul Sovietelor din Basarabia (Congresul al III-lea) nu a fost convocat din cauza ocupației românești, lansată împotriva Republicii Democratice Moldovenești la începutul lui ianuarie 1918.

În toamna anului 1917, conducătorii Republicii Democratice Moldovenești au acționat pe vremuri tulburi, instabile, cînd evenimentele se derulau vertiginos și imprevizibil. Unele decizii ale Sfatului Țării nu totdeauna au fost corespunzătoare principiilor parlamentarismului european înrădăcinat de secole. Însă, pînă la năvălirea armatelor române (început de ianuarie 1918), ele au avut totuși suport legal - voința poporului moldovenesc, exprimată pe parcursul anului 1917, la miile de adunări ale obștinii, inclusiv ale țărănimii și reprezentanților acesteia la Congresul ostașilor moldoveni (20-27.10.1917) – pentru edificarea statalității moldovenești.

În decembrie 1917, Sfatul Țării, în calitate de parlament temporar al Republicii Democratice Moldovenești formează noile structuri statale- armata, militia, justiția, educația, sistemul fiscal, vamal, pune bazele politicii externe, pregătește proiectul Constituției Republicii Moldovenești.

Premisele, factorii formării Republicii Democratice Moldovenești (1917- 1918) au fost:

-revoluțiile ruse de la 1917, ideile libertății, autodeterminării naționale, idealul republicii democratice, lupta pentru reforma agrară, drepturi sociale și naționale;

-condițiile Primului Război Mondial, propaganda ideilor de-

mocratice în cadrul armatei ruse, comunicarea milioanei de ostași, ideile păcii și reformei agrare, democratizarea armatei, crearea comitetelor și sovietelor ostășești;

-memoria istorică a moldovenilor din Basarabia (Moldova din Prut și Nistru);

propaganda ideilor autodeterminării naționale, mișcarea națională pentru autonomia Basarabiei și autodeterminarea național-statală a moldovenilor în forma de Republică Democrată;

-exemplul Ucrainei Populare, comunicarea pe front a sute de mii de ostași moldoveni cu cei ucraineni, formarea Republicii Populare Ucrainene și adoptarea Constituției (Universalul), comunicarea liderilor politici moldoveni și cei ucraineni;

-factorul militar moldovenesc, cea mai activă parte a societății: cca. 250- 300 de mii de ostași moldoveni aflați pe front (țărani, muncitorii, intelectuali basarabeni) au format Comitetul Militar Central Moldovenesc, au organizat Congresul ostașilor moldoveni, au adoptat rezoluțiile despre autonomia Basarabiei și formarea Sfatului Țării, au preconizat pregătirea alegerilor în Adunarea Constituantă din Basarabia

-propaganda ideilor autodeterminării naționale de către cele mai influente partide ale timpului: Partidul eserilor - lideri Cernov, Kerenski, Partidul bolșevicilor din Rusia - conducător V. Lenin, Partidul Național Moldovenesc - lider P. Halippa.

Evoluțiile politice din iarna anului 1917-1918 au fost defavorabile, dramatice pentru tinarul stat Republică Democrată Moldovenească. În contextul Primului Război Mondial, la 9-26 decembrie 1917, România în cadrul unor tratative secrete cu Germania este impusă să cedeze Bulgariei Dobrogea, dar i se oferă posibilitatea să ocupe Basarabia, adică Republică Democrată Moldovenească.

La 26 decembrie 1917, A.I. Marghiloman (în martie 1918 devine prim-ministru al României) notează în jurnalul său, că, împreună cu comandamentul german de ocupație a României, „s-a redactat / proiectul de ocupare a Basarabiei”. [10, p. 295]

Astfel, ocupații germani ai României și liderii politici români rămași în Bucureștiul ocupat, cu acordul guvernului român de la Iași, încă la 26.12.1917 au hotărât ocuparea și lichidarea Republicii Democratice Moldovenești.

La 30 decembrie 1917, regele României hotărăște să ocupe Basarabia, iar la începutul lunii ianuarie 1918, armatele române năvălesc pe teritoriul R. D. Moldovenești.

La 6 ianuarie 1918, conducătorii RDM - I. Inculeț și P. Erhan, trimit Guvernului român o telegramă: „Protestăm contra introducerii armatelor române pe teritoriul R. D. Moldovenești.” [11, p.345]. La 8 ianuarie 1918, Gh. Pîntea, ministru de război al Republicii Democratice Moldovenești „a dat ordin armatei moldovenești să plece pe front împotriva vrăjmașului”. Armata moldovenească - 7-8 mii ostași, susținuta de țărani, muncitori, detașamentele militare ale sovietelor, încearcă să opună rezistență împotriva la 100-160 mii de ostași din 4 divizii române. Mai târziu, într-un raport la 8 ianuarie 1918, ministrul Gh. Pîntea relatează, ca unitățile militare moldovenești „...fără știrea mea au plecat pe poziție...” [12, p.175]. La 14 ianuarie 1918, armata română a ocupat Chișinăul. A doua zi, generalul român E. Broșteanu a ordonat în oraș starea de asediu. „După introducerea trupelor române în ținut (la început de ianuarie 1918), Sfatul Țării nu mai era stăpîn pe situație” [13, p.278]

În condițiile stării de asediu, cînd era interzisă orice activitate politică, în condițiile cînd 4 divizii românești cîmpănesc și cîmpănesc oprimau conducerea RDM, jefuiau și împrășiau populația pașnică, lichidau rezistența trupelor militare moldovenești și a detașamentelor civile în luptele de la Bender (16-25.01. 1918), la Bălți (22.01-05.02.1918), la 24.01.1918, Sfatul Țării proclamă „independența” Republicii Moldovenești. Cu toate acestea, în Declarația de Independență a Republicii Democratice Moldovenești este stipulată intenția Sfatului Țării de a îndeplini cerințele Congresului Ostașilor Moldoveni și Declarației din 02 decembrie 1917 despre organizarea alegerilor și „convocarea Adunării Constituante a Moldovei”. Însă, generalii români Broșteanu, Prezan, Schina au venit în Basarabia nu pentru consolidarea Republicii Democratice Moldovenești, ci pentru organizarea „unirii” acestui teritoriu cu România. Aceștia pun la cale intimidarea și izolarea deputaților, care pledau pentru independența republicii, se răfuiesc cu deputații Sfatului Țării care au protestat deschis și pașnic împotriva Armatei Române, omorîndu-i pe Rudiev, Prahnițchii, Coto-

ros, Panțiri, Ciumacenco, Grinfeld, Litvinov – circa 17 deputați ai Sfatului Tarii. În perioada 14 ianuarie-27 martie 1918 dispar fără urmă circa 38 deputați ai parlamentului moldovenesc Sfatul Tarii.

La 26 februarie 1918, conducătorii RDM-I. Inculeț și D. Ciugureanu în încercarea de a salva Republica Democratică Moldovenească pleacă la tratativele de pace de la București, însă sînt blocați la Iași la indicația regelui României, să nu participe la tratative cu Puterile Centrale (Germania). I. Inculeț se întîlnește la Iași cu diplomați străini: francezi, britanici și solicită recunoaștere internațională a Republicii Democratice Moldovenești...

La 16-22 martie, Sfatul Țării discută problema relațiilor cu Republica Ucraineană. La 20 martie 1918, d-nii I. Inculeț, președintele Republicii Democratice Moldovenești și D. Ciugureanu, șeful guvernului RDM sosesc la Iași cu intenția de a pleca la București (ocupat de nemți) pentru a trata pacea, dar „sînt puși în cunoștință de hotărîrea guvernului român de a se accepta solicitările de unire ...Dl Inculeț, după ce a ezitat un moment... a fost sfătuit să nu se opui” [14, p. 402].

Pentru ziua de 27.03.1918, chestia unirii a fost pusă la ordinea zilei, în urma insistențelor dlui Marghiloman, prim-ministrul României, care redactează personal textul declarației de unire. În condițiile unui drastic regim de ocupație, cînd era strict interzisă orice activitate politică, în sala unei clădiri încercuită de mitraliori români și survolată de cîteva avioane românești, la 27 martie 1918 Sfatul Țării votează „unirea”. C. Stere în ședința Sfatului Țării din 27 martie cheamă deputații să voteze Unirea, că „altfel România va fi nevoită să anexeze Basarabia”... [15, p. 279].

Mai tirziu politicienii români au recunoscut adevărul : România a cucerit prin forța armatelor Basarabia. Al. Marghiloman, prim-ministrul României, afirma ulterior: „...Basarabia a revenit sub steagul liber al României mulțămîtă tratativelor de la București" din decembrie 1917 dintre nemți și români. [14, p.288]

În urma expunerii sumare doar a unor informații bine documentate, privind premisele așa-zisei uniri, ne exprimăm părerea, că hotărîrile Sfatului Țării după 14 ianuarie 1918 nu au temei juridic. Aceste hotărîri, inclusiv „unirea din 27 martie 1918”, „nu sînt legitime” din motivele, că Sfatul Tarii:

1. Deși a avut mandatul de a convoca Adunarea constituantă pentru a adopta Constituția și a stabili căile de dezvoltare a Republicii Moldovenești, n-a făcut acest lucru, lăsându-se influențat de forțele militaro-politice străine;

2. Deși executa docil comenzile politice din Iași și ordinele comandantului garnizoanei românești de ocupație din Chișinău, continua să imite rolul de for conducător legal al Republicii Democratice Moldovenești;

3. În calitate de parlament temporar nu a realizat majoritatea sarcinilor trasate de Congresul ostașilor moldoveni, a uzurpat puterea, depășindu-și prerogativele, lichidând Republica Democratică Moldovenească, fără să se intereseze de părerea populației ei.

Nu poate fi calificat ca act benevol și voința a poporului moldovenesc unirea Basarabiei cu România în condițiile când Sfatul Țării, teritoriul, populația, granițele, vamele, suveranitatea Republicii Moldovenești s-a aflat sub controlul total al Armatei Române. Împușcarea a cca. 17 deputați ai Sfatului Țării, doar pentru faptul că au protestat împotriva ocupației străine, retragerea socialiștilor din Sfatul Țării, alungarea bolșevicilor, dizolvarea armatei moldovenești, dispariția a circa 38 deputați din Sfatul Țării după venirea trupelor române demonstrează, că după 14 ianuarie 1918 Sfatul Țării și-a pierdut legitimitatea.

Autonomia Moldovenească în Ucraina. Mișcarea pentru autodeterminarea național-statală a moldovenilor din stînga Prutului și Nistrului după 1918 a continuat. La 12 octombrie 1924, în baza raioanelor moldovenești din stînga Nistrului a fost creată Republica Autonomă Sovietică Socialistă Moldovenească. Ideea creării, pe baza localităților moldovenești din stînga Nistrului, a unei unități administrative național-teritoriale a fost inițiativa moldovenilor M. Frunze și G. Cotovschi, activiști de vază ai Rusiei Sovietice.

Mai mulți cercetători contemporani considera această republică o creatură stalinistă. În realitate, analizînd echidistant evenimentele din perioada 1917-1924 este de remarcat, că mișcarea pentru formarea autonomiei moldovenești în teritoriul Ucrainei sovietice a fost una, în primul rînd națională, și a avut ca fundament o premiză importantă-voința

populara. Procesul de renaștere națională, de reanimare a conștiinței naționale a moldovenilor din stînga Nistrului a început după Revoluțiile din Rusia, care au făcut posibilă proclamarea Republicii Democratice Moldovenești în baza dreptului popoarelor la autodeterminare. Cu un mare interes a fost discutată la Congresul moldovenilor de la Tiraspol (17-18.12.1917) situația național-politică a moldovenilor transnistreni. Hotărîrea Congresul moldovenilor de la Tiraspol (17-18.12.1917) a fost unanimă: “Dorim să ne unim cu frații noștri din Moldova! Vrem să ne *союдиним* cu Basarabia!” [16,p.256].

Dar unirea moldovenilor din stînga Nistrului cu frații lor din dreapta Nistrului deocamdată devenise imposibila dupa lichidarea de catre statul roman a Republicii Democratice Moldoveneesti. Nici proclamarea în mai 1919 a Republicii Sovietice Socialiste Basarabene pe baza raioanelor moldovenești din stînga Nistrului n-a reușit să consolideze populația de aici într-o unitate națională administrativ-teritorială. Noua formațiune național-statală – Republica Basarabeana Moldovenească nu s-a putut menține, din cauza că ofensiva unităților militare albgardiste în vara anului 1919 a făcut imposibilă legătura acesteia cu centrul - Rusia Sovietică.

Primele documente ce ne vorbesc despre intențiile unor personalități politice și oameni de știință de a crea o Republică Moldovenească în spațiul geografic est-nistrean datează cu februarie 1924. Unsprezece persoane au adresat organelor centrale ale puterii un demers în care se argumenta posibilitatea formării unei Republici Moldovenești. Încercări de acest fel, inclusiv demersuri, adunari, recomandari s-au făcut pînă la sfîrșit de octombrie 1924.

Luînd în considerație năzuința moldovenilor spre autodeterminare, CC al PC (b) din Rusia a însărcinat CC al PC (b) din Ucraina să ia măsurile necesare în vederea organizării de stat sovietice a oamenilor muncii din Moldova. Biroul politic al CC al PC (b) din Ucraina, examinînd această chestiune, a considerat „rațională delimitarea în componența RSS Ucrainene a Regiunii Autonome Moldovenești” (7 martie 1924). Avînd în vedere că majoritatea raioanelor cu populație moldovenească erau subordonate regiunii Odesa, munca de pregătire în vederea formării instituției supreme politico-administrative mol-

dovenești, al cărei guvern ar asigura funcționarea vieții sociale pe teritoriul său național, ce urma să fie conturat, trebuia să o coordoneze Comitetul gubernial Odesa al PC (b) din Ucraina.

Exprimînd aspirațiile populației moldovenesti din stînga Nistrului, sesiunea a III-a a Comitetului Executiv Central din Ucraina de legislatura a VIII-a a adoptat, la 12 octombrie 1924, hotărîrea istorică cu privire la formarea RASS Moldovenești în componența RSS Ucrainene. Republica Moldovenească Autonomă avea 11 raioane cu o suprafață de 8,1 mii km² și 545,5 mii de locuitori. Capitala provizorie a fost orașul Balta, din 1929 - Tiraspolul.

Pînă la convocarea Congresului I general al Sovietelor din Moldova, toată puterea în RASSM era în mîinile Comitetului Revoluționar provizoriu. Congresul I al Sovietelor de deputați ai muncitorilor, țăranilor și ostașilor roșii din Moldova din stînga Nistrului a avut loc la Balta între 19 și 23 aprilie 1925. S-au luat în dezbateră, alături de altele, rapoartele cu privire la bugetul de stat, împărțirea administrativ-teritorială, Constituția RASS Moldovenești. Asumîndu-și puterea supremă de stat, Congresul a ales organul suprem al RASS Moldovenești - Comitetul Executiv Central (CEC), în frunte cu G. Starîi, care, la prima sa sesiune, a ales Prezidiul CEC și a creat guvernul - Sovietul Comisarilor Norodnici (SCN) al RASS Moldovenești (președinte A. Stroev). Congresul a discutat și a adoptat Constituția Republicii Autonome Sovietice Socialiste Moldovenești, care legifera organizarea de stat a moldovenilor din stînga Nistrului - condiție a reunirii lor cu cei din dreapta Nistrului într-un Stat Moldovenesc integrat.

Documentele istorice, politico-juridice, manifestările populației ne îngăduie să tragem concluzia: chiar dacă a fost lansată de intelectuali și oameni politici, ideea creării Republicii Moldovenești în stînga Nistrului corespundea intereselor moldovenilor de aici. Indiferent de scopurile politice și de metodele aplicate, de conjunctura internațională în jurul Moldovei dintre Prut și Nistru, la începutul anilor 20 (veacul XX), crearea în raioanele moldovenești din stînga Nistrului a RASS Moldovenești în acea perioadă (1924) și în acele circumstanțe etnopolitice, etnogeografice, a fost singura condiție de salvare și ocrotire a etnicității moldovenilor de aici.

Crearea RASS Moldovenești ar putea fi socotită și ca o etapă de confirmare a îndelungatului proces de dezvoltare a statalității moldovenesti contemporane. RASSM a fost o formațiune națională administrativ-teritorială în componența RSS Ucrainene. Importanța definitivă a acestui act politic rezidă, în primul rând, în recunoașterea de către organele centrale ale URSS și ale RSS Ucrainene a existenței și dănuirii moldovenilor în stînga Nistrului. În al doilea rând, investită cu anumite prerogative administrative, RASSM a oferit, pentru prima dată în istoria moldovenilor est-nistreni, posibilități, fie modeste, de a renaște și confirma tradițiile naționale, de a reînvia limba maternă, de a reanima conștiința național-statală [17, p. 155].

În al treilea rând, crearea RASSM prefigura realizarea dreptului moldovenilor din stînga Nistrului de a se uni și a trăi împreună cu confrății lor din dreapta Nistrului într-un stat național integru. Această aspirație a fost exprimată de primul Congres al moldovenilor est-nistreni de la Tiraspol (17-18.12.1917).

Cu toate că dispunea de anumite însemne statale: avea organele sale de administrare alese, își desfășura activitatea conform prevederilor a două Constituții (1925,1936), Autonomia moldovenească din stînga Nistrului (1924-1940) n-a fost un stat moldovenesc, căci în componența ei moldovenii nu constituiau majoritatea populației RASSM. Autonomia moldovenească est-nistreană nu reprezenta întregul teritoriu național moldovenesc, întregul popor moldovenesc, toți vorbitorii limbii moldovenești, majoritatea caruia traia în Republica Democratică Moldovenească (Basarabia), anexată la România în anul 1918. Ori majoritatea moldovenilor din Basarabia ocupată nu a participat la crearea RASSM și aceasta autonomie nu putea avea legitimitate și prerogative juridice asupra populației și în teritoriul istoric moldovenesc dintre Nistru și Prut.

Republica Sovietică Socialistă Moldovenească - stat cu suveranitate limitată

La 28.10.1920 Franța, Marea Britanie, Italia, Japonia, profitînd de posibilitatea de a „pedepsi” Rusia bolșevică, au semnat în cadrul Congresului de la Paris recunoașterea unirii Basarabiei cu România. Savantul moldovean Al. Burian precizează, ca acest plan de „legalizare” a

unirii nu s-a realizat, deoarece „Japonia n-a ratificat tratatul amintit și, prin urmare, el așa și n-a mai intrat în vigoare” [18, p. 254]

Toate încercările autorităților României de a „legaliza” ocuparea „Basarabiei s-au dovedit a fi zadarnice, deoarece SUA și Germania, două mari puteri, n-au dorit să poarte tratative cu România la tema amintită, iar URSS a solicitat solutionarea „problemei basarabene” pe cale pasnica.

Guvernul SUA în problema Basarabiei a promovat o politică moderată, bazată pe prevederile dreptului internațional. Prin nota sa din 10.08.1920, Washingtonul a anunțat despre deplina respectare a granițelor. Presedintele american Woodrow Wilson era deranjat „ca nu avuse loc nici un plebiscit in respectiva provincie” [19 p.37] Istoricul american Adam B. Ulam conchide: „Rusia sovietică niciodată n-a renunțat la dreptul ei asupra acestui teritoriu (Basarabia), de facto cotropit cu forța de România în 1918” [20, p.299].

Moldovologul american Ch. King în monografia sa „Moldovenii” sublinia: „Odată ce Japonia nu a semnat niciodată acest tratat (Protocolul de la Paris din 28.10.1920), iar Statele Unite și Rusia nici nu au fost invitate să-l semneze, el a rămas un instrument fără valoare” [19 p.38].

Conștienți de totala inconsistență politico-juridică a „dreptului” asupra Basarabiei”, guvernării români au acceptat în primăvara anului 1921 propunerea de a convoca o întrunire preliminară, în cadrul căreia s-ar fi elaborat programul unei conferințe în vederea reglementării relațiilor sovieto-române. La Conferința preliminară sovieto-română și-a desfășurat lucrările la Varșovia în perioada 22 septembrie – 25 octombrie 1921 partea sovietică a propus să se discute și „chestiunea” Basarabiei, însa reprezentantul României, referindu-se la instrucțiile guvernului său, a refuzat să accepte și să discute ordinea de zi propusă.

La Conferința internațională convocată de țările Antantei la Genova (10.04-19.05.1922), șeful delegației sovietice Gh. Cicerin a făcut o declarație, în care amintea că Țara Sovietelor nu recunoaște anexarea „Basarabiei”, iar această problemă nu poate fi rezolvată fără participarea Rusiei Sovietice și fără luarea în considerație a voinței populației ținutului ocupat.

La Conferința sovieto-română de la Viena, care și-a desfășurat lucrările între 27 martie și 2 aprilie 1924, URSS desfășoară o amplă ofensivă diplomatică. În lunile ianuarie-martie, în perioada de pregătire către conferință, în afara hotarelor Republicii Moldovenești au avut loc mitinguri și adunări ale celor refugiați din „Basarabia” (RDM). Astfel, în sala Teatrului *Mozaica* din Moscova la 2.03.1924 se desfășoară un miting a 800 de „basarabeni”. Zece zile mai târziu, la 13.03.1924, tot la Moscova, a avut loc un alt miting al originarilor din „Basarabia”, la care a fost adoptată *Declarația către popoarele lumii și Porunca delegației sovietice la Conferința de la Viena*. De menționat că asemenea acțiuni ale refugiaților basarabeni au avut loc și la Odesa, Paris, Varșovia etc.

În prima zi a *Conferinței*, la 27.03.1924, șeful delegației sovietice, N. Krestinskii a făcut o declarație cu privire la „chestiunea Basarabiei” [21, p. 150-151] *Документы внешней политики СССР*. т. I, Москва, 1957.

În aceeași zi, delegația sovietică propune ca problema autodeterminării „Basarabiei” să fie rezolvată prin organizare pe teritoriul ei a unui plebiscit. „Guvernul URSS socoate că populația Basarabiei trebuie ea înseși să hotărască: 1. dorește să rămână în componența URSS; 2. dorește să iasă din Uniunea Sovietică și să se alipească României sau, în sfârșit, 3. preferă să existe în calitate de stat suveran de sine stătător” [21, p. 706].

Delegația română a respins organizarea plebiscitului pe teritoriul ocupat de România. Partea română a declarat că va fi dispusă să continue tratativele numai cu condiția, dacă partea sovietică recunoaște „Basarabia” parte componentă a României.

Mai târziu, diplomatul român Nicolae Titulescu recunoștea, că unirea Basarabiei cu România în 1918, adică „autodeterminarea Basarabiei” nu a fost hotărâtă în baza dreptului internațional, deoarece în Basarabia nu a fost plebiscit, cum s-a procedat în alte regiuni „unde anume forțele internaționale, iar nu cele militare...au asigurat ordinea” [22, p. 284].

După anul 1933, politica Germaniei hitleriste a adus Europa în pragul unui nou război mondial. Expansiunea militară germană lua

proporții îngrijorătoare: la 11-13.03.1938 s-a făcut *Anschluss*-ul - anexarea Austriei la Germania; la 29.09.1938, în urma *Acordului de la Munchen*, a fost dezmembrata Cehoslovacia, iar la 15.03.1939 armatele hitleriste cotropesc această țară.

La 23 august 1939, Uniunea Sovietică semnează *Tratatul de neagresiune cu Germania*. Protocolul adițional al Tratatului conținea stipulări despre interesul sovietic asupra Basarabiei, interes promovat deschis de diplomația sovietică după 1918, pe arena internațională și în relațiile sovieto-române.

La 26.06.1940, Guvernul sovietic a trimis părții române o notă, prin care sublinia: „Uniunea Sovietică consideră necesar și oportun, în interesele restabilirii dreptății, să procedeze împreună cu România la rezolvarea imediată a problemei retrocedării Basarabiei Uniunii Sovietice” [23, p. 17].

La 28 iunie 1940, guvernele URSS și al României au convenit ca „...România să înapoieze Uniunii Sovietice Basarabia și să transmită Uniunii Sovietice partea de nord a Bucovinei” [24, p. 297]. În aceste documente diplomatice ale guvernărilor sovietici de atunci, nu mai observăm atitudinea democratică față de drepturile poporului moldovenesc la autodeterminare și năzuințele lui de a renaște și a statornici Republica Moldovenească. Printr-un act diplomatic oficial, Guvernul URSS a demonstrat că nu mai dorește plebiscit pentru „Basarabia”. La 27.06.1940, noaptea, Consiliul de coroană al României regale a hotărât să accepte propunerea sovietică „de a întoarce teritoriul Basarabiei” fără nici o împotrivire, fără nici o condiție. Atare acțiune se califică în dreptul internațional ca o „tranzacție legitimă”, pe când în anul 1918 un asemenea acord n-a fost realizat, ceea ce, din punctul de vedere al dreptului internațional, poartă calificativul de „acaparare de teritorii” și constituie un act nelegitim” [18, p. 342].

La 3.07.1940, granița dintre URSS și România a fost restabilită pe Prut. La început de august 1940, la Moscova a avut loc sesiunea a VII-a a Sovietului Suprem al URSS. La solicitarea delegației moldovenesti la 2.08.1940 Sesiunea a VII-a a Sovietului Suprem al URSS, luând în considerație „dorința oamenilor muncii din Basarabia și din RASSM cu privire la reunirea poporului moldovenesc din Ba-

sarabia cu poporul moldovenesc din RASSM”, a hotărît: „A forma RSSM unională” [25, p. 24].

Este de remarcat, ca legitimitatea acestui act politico-juridic de formare a RSSM la Moscova este minima ori în iulie 1940 populația nu a participat prin referendum ori alegeri la constituirea statului Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. Pe parcursul lunii iulie 1940 autoritățile sovietice au organizat în localități întruniri cu cetățenii, însă aceste consultări nu au puterea juridică a unui plebiscit.

Așadar, în anul 1940 în teritoriul istoric moldovenesc dintre Prut și Nistru, în urma unor acțiuni sociale și politice, eforturi diplomatice, în vederea restabilirii și ocrotirii tradițiilor multisekulare ale statalității moldovenești, ce continuă, de la sec. XIV pînă în epoca modernă, s-a reactivat noua statalitate a poporului moldovenesc, care s-a format prin proclamarea Republicii Democratice Moldovenești la 2.12.1917. Din august 1940, statul Republică Sovietică Socialistă Moldovenească – A DOUA REPUBLICĂ MOLDOVENEASCĂ se dezvoltă în cadrul URSS.

Este de menționat, ca principiile democratice, drepturile la autodeterminare și suveranitate asupra teritoriului național, drepturi pentru care atît de mult a luptat și la care a rîvnit poporul moldovenesc, i-au fost lezate chiar din primele zile ale proclamării RSSM. În teritoriul republicii au fost incluse doar orașul Chișinău și șase județe ale Basarabiei: Bălți, Bender, Chișinău, Cahul, Orhei și Soroca; din teritoriile de care dispunea RASSM sînt incluse orașul Tiraspol și doar 6 raioane: Dubăsari, Camenca, Rîbnița, Grigoriopol, Slobozia și Tiraspol. Prin urmare, Moldova istorică, dintre Prut și Nistru, este scindată din nou. Guvernul sovietic abuziv decide să anexeze Ucrainei județele Cetatea Albă, Izmail, Bolgrad, regiunea Cernăuți, care constituiau teritorii istorice moldovenești, părți unitare ale Basarabiei, supuse, din nou, licitației intereselor străine. Celelalte 8 raioane ale RASSM au fost incluse în componența regiunii Odesa, iar fostul județ Hotin din „Basarabia” a intrat în regiunea Cernăuți a RSS Ucrainene. Pe baza județelor „basarabene” Izmail și Akkerman a fost formată și inclusă în componența RSS Ucrainene regiunea Akkerman, cuprinzînd un teritoriu de 12.400 km² cu o populație de circa 683.000 de oameni.

Analiza documentelor denotă că, în urma ciopîrtirii teritoriului istoric moldovenesc, s-a încălcat grosolan principiul constituțional fixat în articolul 15 din Constituția RASSM la 6.01.1938 și art. 15 al Constituției RSSM, adoptată la 10.02.1941 care stipula: „Teritoriul Republicii Sovietice Socialiste Moldovenești nu poate să fie schimbat fără voia RSS Moldovenești” [26, p. 107]. Pămînturile moldovenești au fost rășluite fără știrea poporului moldovenesc, fără aprobarea organelor de conducere ale Moldovei. Cîțiva ani mai tîrziu, în 1946, conducerea supremă a RSS Moldovenești a făcut încercări de a restabili dreptatea, de a readuce Moldovei pămînturile ei istorice - județele Hotin, Akkerman și Izmail transmise RSS Ucrainene. [27, p. 62-73].

Din păcate, nici scrisorile oficiale ale conducerii de vîrf a Republicii Moldovenești, nici adresările riguros fundamentate ale savanților și oamenilor de cultură din republică - acte de fermă poziție patriotică și bărbăție personală n-au fost luate în considerație de către organele supreme de resort ale Uniunii RSS.

În urma alegerilor în Sovietul Suprem al RSSM și concomitent alegerilor suplimentare în Sovietul Suprem și Sovietul Naționalităților ale URSS din 12.01.1941, a fost format Sovietul Suprem al RSSM (266 de deputați), 34 de deputați au fost aleși în Sovietul Suprem și 25 de deputați în Sovietul Naționalităților ale URSS. Sesiunea I a Sovietului Suprem al RSSM (8-10.02.1941) a ales Prezidiul Sovietului Suprem al RSSM (președinte F. Brovco, 1941-1951), a format Sovietul Comisarilor Norodnici, Guvernul RSSM (Președinte T. Constantinov, 1940-1945).

La 10 februarie 1941, Sesiunea I a Sovietului Suprem al RSSM a adoptat Constituția (Legea temeinică) a Republicii Sovietice Socialiste Moldovenești, articolul 13 al căreia stabilea, că „RSS Moldovenească înfăptuiește puterea de stat” numai „în afară de limitele determinate de articolul 14 al Constituției Uniunii RSS” [28, p. 107]. Constituția din 1941 a RSS Moldovenești a stabilit sistemul și prerogativele organelor supreme și locale ale puterii de stat și de administrare publică, a determinat sarcinile organelor justiției și ale procuraturii, drepturile și îndatoririle cetățenilor.

Pentru a înrădăcina în raioanele de vest ale RSSM (dintre

Nistru și Prut) principiile sovietice de ocîrmuire, puterea nouă acorda o deosebită atenție organelor, ale căror funcții erau reglementate de dreptul administrativ - miliția, securitatea. În baza Legii cu privire la formarea RSS Moldovenești, republicii i-au fost transmise toate întreprinderile industriale, de transport, de construcție, comerciale, ale industriei meșteșugărești, precum și instituțiile social-culturale și alte instituții din Moldova dintre Prut și Nistru și din RASSM.

Constituția RSS Moldovenești, deși, în mare parte, ignora temeurile istorice, național-culturale și etnodemografice ale statalității moldovenești, năzuia totuși să constate anumite particularități ale modului tradițional de gospodărire în obștea moldovenească. Bunăoară, în articolul 9 se menționa că „de rînd cu sistema socialistă a gospodăriei, în RSS Moldovenească se dă voie să ființeze și gospodăria privată a țăranilor individuali, meșteșugarilor și meseriașilor, întreprinderile mărunte private industriale și de tîrguială” [28, p. 106].

Fără nici o îndoială, reunirea moldovenilor de pe ambele maluri ale Nistrului la 28 iunie 1940, formarea Republicii Sovietice Socialiste Moldovenești la 2 august 1940 certifică realizarea deplină a voinței populației Moldovei dintre Prut. RSSM prezenta o statalitate moldovenească rîvnită de popor, dar nelegiferată, prin exprimarea dreptului acestui popor la autodeterminare.

Crearea RSS Moldovenești, indiferent de scopurile urmărite de conducerea URSS, în condițiile politicii antinaționale ale stalinismului, semnifică restabilirea, în noi împrejurări, a statalității renăscute prin voința reprezentanților muncitorilor și țăranilor moldoveni în haine militare la Congresul ostașilor moldoveni la 24.10.1917. Statul sovietic, vrînd-nevrînd, a luat în considerație tradiția și realitatea istorică: renașterea în epoca contemporană a statalității moldovenești la 2 decembrie 1917 în formă de Republică Democratică Moldovenească.

Existența Republicii Democratice Moldovenești (2.12.1917-27.03.1918), proclamarea RSS Basarabene (mai 1919), formarea la 12.10.1924 a RASS Moldovenești în teritoriul Ucrainei au fost o întruchipare a voinței moldovenilor din stînga Prutului de a se ocîrmui de sine stătător, de a-și ocroti tradițiile istorice, culturale și limba maternă.

Analiza faptelor, evenimentelor, documentelor istorice ne demonstrează elocvent că Republica Democratică Moldovenească (1917-1918) și Republica Sovietică Socialistă Moldovenească (1940-1990) au fost state cu suveranitate limitată. În condițiile suveranității limitate, Statul Moldovenesc contemporan nu totdeauna a reușit să-și impună voința pentru a-și ocroti drepturile și insemnele național-statale. Merită să accentuăm: în persoana RSS Moldovenești, create la 2.08.1940, poporul moldovenesc NU și-a redobândit deplina sa suveranitate asupra întregului său teritoriu național. Granițele teritoriului național-istoric moldovenesc, nemilos trunchiate la nord și la sud, au fost stabilite prin decretul Prezidiului Sovietului Suprem al URSS la 4 noiembrie 1940. RSS Moldovenească nu avea suveranitatea sa, adică supremația puterii sale de stat asupra diferitelor domenii de activitate, permanent fiind nevoită să ceară permisiunea Centrului pentru o acțiune sau alta. Deși RSSM avea toate atributele unui stat contemporan democratic, Sovietul Suprem al RSSM, Prezidiul său erau limitate în exercitarea drepturilor și prerogativelor suverane ale Republicii Moldovenești. Nu toate organele superioare executive formate de Sovietul Suprem al RSS Moldovenești se aflau în subordonarea sa deplină. Conform articolului 48 din Constituție, 10 Comisariate Norodnice (ministere) erau „unional-republicane”, deci în subordonarea Centrului. Numai cinci Comisariate Norodnice - ale învățămîntului, industriei locale, gospodăriei comunale, asigurării sociale, transportului de automobile erau „republicane”.

Sesiunea a II-a de legislatura a III-a a Sovietului Suprem al RSS Moldovenești din 11.04.1952 a adoptat Decretul Prezidiului Sovietului Suprem din 31 ianuarie 1952 *Cu privire la flagul de stat al RSS Moldovenești* — simbol al suveranității „unional-sovietice” a Republicii. Astfel, în anii Puterii Sovietice, ca și în perioada de ocupație română, au fost anulate simbolurile multisekulare tradiționale ale statalității moldovenești: drapelul moldovenesc, încă de la Ștefan cel Mare cu fond roșu — culoare ce s-a păstrat și în tricoulul cu fișii orizontale al Republicii Democratice Moldovenești, avînd toate — în mod obligatoriu — pe pînză capul de zimbru. A fost anulată și stema multiseculară — simbol veșnic al Statului Moldovenesc: capul de zimbru, avînd alăturate semiluna și steaua cu cinci sau mai multe

colțuri. De notat în mod expres: acest simbol al Statului Moldovenesc n-a fost interzis nici de otomani, nici de fanarioți, nici de guvernării ruși (1813 – 1917).

O anumită schimbare de mentalitate în problema ocrotirii identității național-statale moldovenești se produce în URSS după terminarea perioadei staliniste. La 18.10.1957, „Sovietul Miniștrilor al RSS Moldovenești hotărăște: 1. De a reîncepe de la 1 septembrie 1958 învățarea obligatorie a limbii moldovenești în republică. Ministerul Învățămîntului este investit cu dreptul de a elibera de învățarea limbii moldovenești, cu acordul părinților, elevii – copiii din familiile de militari...” [29, p. 334].

Concomitent, legile unionale privind perfecționarea sistemului de învățămînt general din 1958 și 1972 stabileau învățarea obligatorie de către toți cetățenii, inclusiv de moldoveni, a limbii ruse.

Avînd în vedere teoria că, suveranitatea de stat se exprimă prin supremația puterii de stat, în limitele granițelor de stat și prin independența sa de vreun stat străin pe arena mondială, atunci ea poate fi raportată la Statul Moldovenesc contemporan de pînă în august 1991 doar cu anumite rezerve. Astfel, statutul juridic al RSSM în cadrul URSS a fost indiscutabil mai înalt decît statutul Basarabiei în componența Imperiului Rus (1812-1917) și României (1918-1940).

Academicianul A. Lazarev consideră că, după eliberarea Moldovei dintre Prut și Nistru, poporul moldovenesc dispunea de posibilități reale pentru rezolvarea a două sarcini de o importanță vitală pentru viitorul său național: „prima – să folosească liber și în deplină măsură dreptul său la autodeterminare pentru a hotărî definitiv problema privind forma statalității sale” [30, p. 570]. Această sarcină a fost parțial rezolvată.

A doua sarcină – de a soluționa, în definitiv, chestiunea cu privire la suveranitatea sa de stat — a rămas multă vreme – pînă în august 1991 nerezolvată. Astfel, menținîndu-și, oricum, suveranitatea națională, poporul moldovenesc urma să-și obțină suveranitatea de stat deplină.

În constituțiile moldovenești sovietice nu era numit subiectul suveranității – poporul moldovenesc, în general, moldovenii nu sînt menționați, s-a ignorat totalmente continuitatea statalității moldove-

nești de-a lungul istoriei, limba moldovenească nu este fixată ca limbă oficială a statului pînă în 1989. Acestea și alte fapte, în aparență neînsemnate, dar foarte sensibile, au amplificat nemulțămirea, revolta înăbușită care au devenit masă critică, răbufnind în 1989, într-o mișcare de renaștere națională, ce a cuprins toate paturile societății moldovenești.

Republica Moldova Suverană și Independentă

Tendințele tot mai insistente ale republicilor sovietice unionale de a obține „deplina suveranitate”, care s-au manifestat în anii 60-80 a sec. XX, au avut la baza dreptul constituțional sovietic. Constituția URSS din anul 1977 în articolul 72 declara: “Fiecare republică unională își menține dreptul la ieșire din URSS”. Constituția RSSM, adoptată la 15 aprilie 1978, în articolul 69 de asemenea stipula: „RSS Moldovenească își rezervă dreptul de ieșire liberă din Uniunea RSS” [31, p. 26].

Decalajul dintre dreptul la autodeterminare, puterea suverană a poporului, declarate constituțional, și posibilitățile de a le exercita real era foarte mare, întîi de toate, în sferile politicii național-spirituale. Conducerea URSS s-a văzut constrînsă să slăbească pîrghiile sistemului administrativ de comandă partiinică. Lezarea demnității naționale prin ignorarea de către autoritățile partiinice a limbii materne, prin numirea în funcții importante a cadrelor exportate de „Centru”, prin sfidarea memoriei istorice și a valorilor culturale au făcut ca nemulțumirea societății să se manifeste deschis. După anii 1983-1985, odată cu începutul politicii „Perestroika”, intelectualitatea de creație, învățători, medici, ziariști, dar și segmente politice importante din cadrul conducerii PCM cer tot mai insistent oficializarea limbii moldovenești. Apelurile organizațiilor „neformale” – ale Clubului literar-muzical „Alexei Mateevici” (1988), ale Mișcării Democratice pentru Susținerea Restructurării, întîi de toate, lozincile „*Unire, moldoveni!*”, „*Limba moldovenească – limbă de stat!*” au fost susținute de majoritatea covîrșitoare a moldovenilor, căci corespondeau aspirațiilor naționale, revigorau conștiința lor etnică și lingvistică. Răspunzînd năzuințelor multiseculare și cerințelor imperioase ale moldovenilor, Uniunea Scriitorilor din Moldova a dat publicității proiectul său *Limba de stat: principii de funcționare*, primul

articol al căruia prevedea: “Limba de stat a RSS Moldovenești este limba poporului care a dat nume republicii...”. Deci limba moldovenilor, limba moldovenească [32].

Luînd în considerație opiniile cetățenilor, a colectivelor de munca, Sovietul Suprem al RSS Moldovenești, la 31 august 1989, a adoptat *Legea Cu privire la statutul limbii de stat a RSS Moldovenești*. S-a hotărît: „A completa Constituția (Legea Fundamentală) cu articolul 70¹, avînd următorul conținut: Articolul 70¹. *Limba de stat a Republicii Sovietice Socialiste Moldovenești este limba moldovenească*” [30, p. 11]. Actele legislative ale RSS Moldovenești cu privire la decretarea limbii moldovenești limbă de stat. Chișinău, Cartea Moldovenească, 1990, 50 pag.

Astfel, voința suverană a poporului moldovenesc, exprimata la mii de adunări și peste 362 mii de semnături și-a găsit expresia concretă. După 1831, cînd limba moldovenească a fost oficializată în Principatul Moldovei (Regulamentul Organic), după 1818, cînd limba moldovenească avea statut oficial în „oblastea Basarabiei”, abia în 1989 limba națională a poporului moldovenesc – limba moldovenească a fost legalizată constituțional.

Din august 1989, pînă în iunie 1990 Sovietul Suprem al Republicii Moldova a operat 14 modificări în Constituția Republicii Moldova.

Legile adoptate de Parlamentul Republicii Moldova în anul 1990 demonstau clar voința de a restabili suveranitatea statală și independența Moldovei față de URSS. În aceste împrejurări, Republica Moldova, pe de o parte, făcea pași tot mai îndrăzneți spre realizarea dreptului său la autodeterminare, pe de altă parte – actele politico-juridice în vigoare îi limitau posibilitățile de manifestare a voinței suverane a poporului. În vederea afirmării definitive a suveranității de stat a Republicii Moldova, Sovietul Suprem al RSS Moldovenești a adoptat *Declarația suveranității Republicii Moldova* (23.06.1990).

Declarația suveranității Republicii Moldova constituie un act de stat, care doar proclamă principiile fundamentale ale afirmării și asigurării suveranității Statului Moldovenesc. Era un program de lucru, un angajament social public, care urma să fie realizat. Principi-

ile fundamentale ale suveranității proclamate trebuiau metodic și consecvent traduse în viață. Întru implementarea formelor de realizare deplină a puterii de stat, Sovietul Suprem al RSSM a adoptat în mod operativ un șir de acte, avînd menirea de a confirma și consolida suveranitatea de stat a Republicii Moldova.

În procesul de elaborare și adoptare a actelor politico-juridice ce completează ansamblul legislativ, în vederea obținerii suveranității depline și a independenței, au fost firești acțiunile de a înlătura determinativele străine denumirii Statului Moldovenesc. Poporul moldovenesc totdeauna și-a numit Statul Moldova, Țara Moldovei, această denumire și-a păstrat-o în memoria sa istorică și a continuat-o în 1917, în noi condiții, cînd a denumit-o Republica Democratică Moldova. Pentru a confirma revenirea la statalitatea națională suverană a poporului moldovenesc și a se detașa de sistemul sovietic administrativ de comandă, Sovietul Suprem al RSS Moldova a adoptat la 23.05.1991 *Legea Cu privire la schimbarea denumirii statului RSS Moldova în Republica Moldova*.

Pe măsură ce se elaborau și se adoptau noi legi în vederea consolidării cadrului legislativ al suveranității țării, devenea tot mai stringentă necesitatea de a reglementa relațiile politice dintre stat și cetățean. Vidul juridic, sub acest aspect, a fost completat prin *Legea Republicii Moldova cu privire la cetățenia Republicii Moldova* (Nr. 596-XII din 5.06.1991), în care, pentru prima dată în istoria Moldovei, s-a stabilit o unică cetățenie a țării.

Actele politico-juridice enumerate, comentate în acest compartiment, denominarea, modificarea și completarea prerogativelor diferitelor structuri statale, administrative, redirecționarea vectorilor politicii interne și externe, într-adevăr au consolidat suveranitatea Republicii Moldova.

Totodată, deveneau tot mai clare, începînd cu anul 1990, tendințele de a reimprima Statului Moldovenesc trăsături și atribute național-statale ale României (tricolorul românesc, stema valahă ș. a.), impuse moldovenilor după 27.03.1918 – acțiuni ce au dus, în cele din urmă, la dezbinarea Republicii Moldova.

Evenimentele se derulau vertiginos: Sovietul Suprem al RSS

Moldova la 23.06.1990, prin Legea Nr. 148-XII „proclamă RSS Moldova stat suveran”; tot atunci, prin Legea Nr. 149-XII președintele Sovietului Suprem al RSSM M. Snegur „aprobă Avizul Comisiei Sovietului Suprem al RSS Moldova cu privire la aprecierea politico-juridică a Tratatului sovieto-german de neagresiune și a protocolului adițional secret din 23.08.1939, precum și consecințele lor pentru Basarabia și Bucovina de Nord”; la 19-22.08.1991, la Moscova are loc un puci; la 22.08.1991, Sovietul Suprem al RSSM scoate în afara legii Partidul Comunist al Moldovei

În anii 1989 - 1990 au apărut primele simptome de tensionare a relațiilor dintre națiunile conlocuitoare și etnosul titular. În zilele când Sovietul Suprem al RSSM discuta „legile lingvistice” – investirea cu statut de stat a limbii moldovenești, funcționarea limbilor, inclusiv a limbii ruse, care își păstra calitatea de limbă de comunicare interetnică, multe întreprinderi din Chișinău, Bălți, Bender, Tiraspol, Comrat au declarat grevă. S-a creat o situație absurdă: mari întreprinderi din Republica Moldova au declarat grevă împotriva decretării limbii de stat a limbii moldovenești, maternă majorității poporului (65% din populație), care a dat nume Statului Moldovenesc. Orice acțiune în vederea revenirii poporului moldovenesc la valorile sale istorice, național-culturale, de consolidare, inclusiv în viața spirituală, a independenței Statului Moldovenesc era calificată „naționalistă”, antisovietică, antirusească.

Autoritățile mai multor raioane din stînga Nistrului au propus să fie declarate în republica două limbi de stat: moldovenească și rusă, cel puțin pentru ei. Chișinăul a respins propunerea din start, fără a lua în considerație istoria acestui spațiu moldovenesc, aspectul etnodemografic, specificul lingvistic și cultural al populației multinaționale locale. Această poziție neconstructivă, ieșirile extremiste au adâncit înstrăinarea dintre malurile Nistrului, consolidînd organizațiile obștești est-nistrene, alimentînd convingerile est-nistrenilor că „Basarabia se unește cu România”.

Bacilul naționalismului extremist ametea tot mai multe minți înfierbîntate. Majoritatea deputaților, Guvernul lui M. Druc, prin hotărîri și legi nehibzuite, prin acțiuni nesăbuite, antistatale împingeau Republica Moldova spre catastrofa națională. La 12.05.1990

Sovietul Suprem al RSSM aprobă *Regulamentul cu privire la Drape-
lul de stat al RSSM*, și legiferează în calitate de drapel al Republicii
Moldova tricolorul fără stema, adică cel al României.

În scurt timp este în mod dubios legiferat în RSS Moldove-
nească și imnul României „Deșteaptă-te române”, care de asemenea a
acelerat procesele destructive separatiste pe teritoriul republicii.

Societatea moldovenească aștepta de la conducerea Republicii
Moldova garanții că țara nu se va uni, sub dictatul „frontiștilor”, cu
România. Guvernării, însă, au întârziat cu dialogul.

La 27 august 1991, Parlamentul Republicii Moldova adoptă
Legea Nr. 691-XII privind *Declarația de independență a Republicii
Moldova* [33, p. 60-62].

Acest act politico-juridic și istoric are o însemnătate deosebită
pentru poporul moldovenesc și statul moldovenesc contemporan,
deoarece a pus fundamentul pentru procesul de autodeterminare nați-
onală în condiții de libertate.

Textul *Declarației de independență a Republicii Moldova*, deși
conține mai multe inadvertențe politico-juridice, care alimentează ideo-
logiile forțelor separatiste și iredentiste, ce doresc dispariția statului
moldovenesc contemporan, este unul de importanță istorico-juridică
deosebită pentru poporul moldovenesc. Declarația de independentă ad-
optată de un Parlament legitim al statului moldovenesc în condiții de
libertate și respectare a principiilor dreptului internațional, este actul,
care a consfințit voința poporului moldovenesc la autodeterminare. Au-
todeterminarea poporului nostru în anul 1991, în comparație cu anul
1917 și 1940, a fost recunoscută nu doar în plan intern – de majoritatea
cetățenilor, ci și în plan extern – de majoritatea țărilor lumii.

La 2 martie 1992, Republica Moldova devine membru al Orga-
nizației Națiunilor Unite, iar la 13 iulie 1995 este acceptată în calitate
de membru în Consiliul Europei.

Adoptarea Constituției Republicii Moldova în 1994, constituirea
multipartitismului funcțional, organizarea alegerilor libere și democrati-
ce, recunoscute pe plan intern și internațional în anii independenței au
desăvârșit procesul de autodeterminare a poporului moldovenesc și de
consolidare a statalității sale contemporane-Republica Moldova.

Concluzii

1. În epoca contemporana moldovenii din spatiul dintre Prut si Nistru, teritoriul Moldovei istorice, anexat la Rusia in 1812 au demonstrat vointa de a a-si pastra identitatea nationala si a edifica statul moldovenesc contemporan in forma de Republica.

2. Revolutiile rusesti si dezmembrarea Imperiului Rus in anul 1917 au creat conditii favorabile pentru procesul de autodeterminare nationala in Moldova dintre Prut si Nistru (Basarabia) si la 2 decembrie 1917 la Chisinau parlamentul temporar Sfatul Tarii proclama formarea Republicii Democratice Moldovenesti.

3. Republica Democratica Moldoveneasca-**Prima Republica Moldoveneasca** (1917-1918) semnifica etapa de formare a statalitatii moldovenesti contemporane.

4. Anihilarea noii statalitati moldovenesti prin anexarea ilegala a teritoriului Republicii Democratice Moldovenesti (Basarabia) la Romania a provocat un sir de revolte in rindurile populatiei, si a favorizat ideile autonomiste in Basarabia. Actul „Unirii” nu a fost recunoscut pe arena internationala de SUA, URSS, Japonia, Ucraina sovietica si a fost obiectul unor confruntari politico-diplomatice intre URSS si Romania.

5. Formarea autonomiei moldovenesti in stinga Nistrului in anul 1924 pe teritoriul Ucrainei a demonstrat basarabenilor, ca moldovenii din URSS se bucura de dreptul de a avea propria statalitate nationala si au stimulat raspindirea in societatea basarabeana interbelica ideile autonomiste promoldovenesti.

6. Conventia sovieto-romana de la 28 iunie 1940 si anexarea Basarabiei de catre URSS a creat premise politico-juridice pentru autodeterminarea nationala a populatiei basarabene, insa Guvernul sovietic nu a organizat un plebiscit in problema autodeterminarii nationale si edificarii statului moldovenesc, si a format RSSM, contrar rigurilor constitutionale sovietice.

7. RSSM - cea de-a **Două Republică Moldovenească** (1940-1991), desi supusa ierarhic URSS, in anii 60-90 ai sec.XX , capata caracteristici de stat cu suveranitate limitata, deoarece in acesti ani elitele politice si economice nationale treptat obtin majoritatea functiilor-cheie in viata social-politica si economica a republicii.

8. Procesul de democratizare in URSS dupa anul 1985 a facilitat lupta poporului moldovenesc si a elitelor politice - economice nationale pentru suveranitate si independenta statala. Adoptarea Declaratiei de Independenta a Republicii Moldova semnifica o noua etapa in evolutia statalitatii moldovenesti contemporane. Statul Republica Moldova independenta este cea de-a **Treia Republică Moldovenească**.

Referințe bibliografice

1. NEGRU, Gh.. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău, Prut Internațional, 2000, 200 p.
2. VARTA, I. Problemele limbii române și cea a autonomiei în ziarul “Basarabia”. // Destin românesc, 1996, Nr. 1.
3. BOLDUR, Al. Istoria Basarabiei. București, Editura Victor Frunză, 1992, 453 p.
4. [http://www.gumilev-center.ru/vzaimootnosheniya-partii-socialistov-revolucionerov -s-rossijskimi-nacionalnymi-partiyami/](http://www.gumilev-center.ru/vzaimootnosheniya-partii-socialistov-revolucionerov-s-rossijskimi-nacionalnymi-partiyami/)
5. LENIN, V. Opere Complete vol.25 „Cartea Moldovenească” Chișinău, 1973, 745 p.
6. Patrimoniu. 1993. nr. 1. Chișinău, Univers. 103 p.
7. Șt. Ciobanu, Unirea Basarabiei, Chișinău 1993, pag. 147-150
8. Вехи молдавской государственности, Кишинев, 2000.
9. P.Cazacu, Moldova dintre Prut și Nistru. 1812-1918. Chișinău, 1992, p. 319.
10. MARGHILOMAN, Al. Note politice, vol. II, București, Editura Machiavelli, 1994, 306 p.
11. Cazacu, P., Moldova dintre Prut si Nistru, 1812-1918, Chisinau, 1992, 444 p.
12. Iz. Levit, Republica Moldovenească, Chisina.
13. Vasile Stati, Istoria Moldovei.
14. Cazacu, P., Moldova dintre Prut și Nistru, 1812-1918, Chișinău, 1992, 444 p.
15. Levit Iz. Republica Moldovenească, Chisinau, 2003, 400 p.
16. Stepaniuc, V. Statalitatea poporului moldovenesc, Chisinau, 2005, 520 p.
17. РОМАН, А. Участие трудящихся Молдавской АССР в деятельности советов(1924-1940). Кишинев, Știința, 1981, 176 p.
18. BURIAN, Al. Geopolitica lumii contemporane. Chișinău, Tipografia Centrală, 2003, 359 pag.
19. KING, Ch. Moldovenii. Chișinău, ARC, 2002, 274 p.
20. ULAM ADAM, B. Expansion and Coexistense. The History of Soviet Foreign Policy, 1917-1918. New York - Washington, 1968.
21. Документы внешней политики СССР. т. I, Москва, 1957.
22. Levit, Iz. Republica Moldovenească, Chisinau, 2003, 400 p.
23. Pactul Ribbentrop-Molotov și consecințele lui pentru Basarabia. Chișinău, Universitas, 1991, 119 p.

24. ADAUGE, M., FURTUNĂ, Al. Basarabia și basarabenii. Chișinău, Tipografia Centrală, 1991, 350 p.
25. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – 1958. Москва, 1959.
26. ЦАРАНОВ, В. Вехи молдавской государственности. Кишинев, Tipografia Academiei de Științe a Moldovei, 2000, 327 стр.
27. Cugetul. Nr. 5-6, 1993, p. 62-73.
28. ЦАРАНОВ, В. Вехи молдавской государственности. Кишинев, Tipografia Academiei de Științe a Moldovei, 2000, 327 стр.
29. STATI, V. Istoria Moldovei în date. Chișinău, Tipografia Academiei de Științe, 1998, 488 p.
30. ЛАЗАРЕВ, А. Молдавская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, Карта Молдовеняскэ, 1974, 910 стр.
31. Constituția Legea Fundamentală a Republicii Moldova, art. 69. Chișinău, 1978.
32. Moldova Socialistă. 16.03.1989
33. Constituția Republicii Moldova cu modificări și completări. Chișinău, Editura Iulian, 2005, 46 p.

UNITATEA CREȘTINĂ ȘI APROPIEREA „DISTANȚEI CULTURALE” CA FACTORI IMPORTANȚI AI CONSOLIDĂRII STATALITĂȚII ȘI DEZVOLTĂRII DURABILE A MOLDOVEI POLIETNICE

*Elizaveta CVILINCOVA, doctor habilitat în istorie,
profesor-cercetător, AȘM*

Rezumat

În acest articol sunt identificați factorii disponibili, care constituie baza pentru dezvoltarea durabilă a Moldovei multiculturale. Subliniază unicitatea poziției Republicii Moldova, care constă în faptul că ea, fiind multiculturală, după apartenența confesională este unită. Un alt factor important pe care autorul îl menționează este faptul că între etniile care locuiesc în Moldova există apropiere culturală etc., care, de asemenea, contribuie la dezvoltarea durabilă a țării. Totodată, se atrage atenția asupra faptului că, până în prezent, nu există de fapt o politică de stat, care vizează formarea și afirmarea unui sistem de repere valorice, care să unifice toate etniile cu domiciliul în Republica Moldova într-o națiune civică.

Cuvinte-cheie: *Moldova multiculturală, Ortodoxia, distanța culturală, naționalitatea*

ORTHODOX COMMUNITY AND THE PROXIMITY OF "CULTURAL DISTANCE" AS IMPORTANT FACTORS IN STRENGTHENING STATEHOOD AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MULTIETHNIC MOLDOVA

Abstract

This article identifies the factors that are the basis for sustainable development of polyethnic Moldova. Underlines the unique position of the Republic of Moldova, which lies in the fact that she, as the multiethnic, religious affiliation is one. Among other important factors, the author emphasizes the differences between living in Moldova ethnic groups, the proximity of cultural distance, etc., which also contributes to sustainable development of the country. However, attention is drawn to the fact that to date there is no actual state policy aimed at the formation and adoption of the system of values that unifies all living in Moldova, ethnic groups in civil nation.

Keywords: *multiethnic Moldova, Orthodoxy, cultural distance, civil nation*

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩНОСТЬ И БЛИЗОСТЬ «КУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ» КАК ВАЖНЫЕ ФАКТОРЫ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧНОЙ МОЛДОВЫ

В докладе профессора В. А. Саковича подчеркивалось, что важной и неотъемлемой частью национальной безопасности является разработка эффективной Концепции национальной политики Республики Молдова, поскольку нынешняя имеет во многом декларативный характер и потому не способствует укреплению Молдавской государственности. Очевидно, что духовно-нравственное развитие и воспитание гражданина Республики Молдова должно стать ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности. Вряд ли можно поспорить с тем, что невозможно построить крепкое государство без реального учета интересов, проживающих там этносов. Для Молдовы это особо актуально, поскольку это – полиэтничное образование.

Так, приоритетной целью, задекларированной в Концепции национальной политики Республики Молдова, является интеграция и консолидация единого поликультурного и многоязычного народа Республики Молдова путем приведения общенациональных интересов в соответствие с интересами всех этнических и языковых сообществ страны¹.

Решение данной задачи укрепляет государственность и обеспечивает устойчивое развитие Республики Молдовы. В связи с этим я бы хотела обратить внимание на то, что у нас – в Республике Молдова *уже есть* для достижения этой цели и на то, что *требует своего решения*. В процессе рассмотрения заявленной в теме статьи проблемы, автор, как представитель гагаузского эт-

---

¹ Закон № 546 от 19.12.2003 г. об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова. Опубликовано: 01.01.2004 г. в Monitorul Oficial, Nr. 1-5, статья № 24.

носа, будет делать акцент на взаимоотношениях молдаван с гагаузами, которые имели место в историческом прошлом, а также на тех, что характерны для современного периода.

1. Особенности между культурами проживающих здесь народов характеризуются **значительной культурной близостью**, поскольку традиционная культура – календарная и семейная обрядность, народное мировоззрение тесно переплетаются с православной обрядностью и календарем. Как показывает история и опыт изучения общего культурного наследия народов нашей страны, все этносы, которые волею судеб оказались на территории современной Молдовы, и для которых Молдова стала родиной, легко адаптировались. Уже спустя 50-70 лет проживая на данной территории, в языке гагаузов и болгар, например, появился ряд молдавских обычаев и обрядов, а также молдавские слова, отражающие ту или иную сферу культуры¹. И это при том, что эти два этноса компактно проживали на юге Бессарабии, и в основной своей массе не владели молдавским языком.

2. В основе довольно стремительного протекавшего процесса адаптации и аккультурации лежит **общая конфессиональная принадлежность – православие**². Подчеркну, что гагаузы, будучи тюркоязычными, по религиозной принадлежности являются православные. Поэтому они легко «вписались» в молдавское этнокультурное пространство. Вполне объяснимо, что ввиду конфессиональной общности, все праздники, отмечающиеся проживающими на территории Молдовы этносами, имеют во многом схожую обрядность. Кроме того, значительным является молдавское влияние в народно-религиозной сфере – посредством молдавской религиозной (канонической и неканонической) литературы гагаузы, например, получали знания по ис-

---

¹ Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002. 184 с.; Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.

² Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат-София: Tip. Centrală, 2013. 872 с.; Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.

тории христианства. Отмечу, что основная часть гагаузских апокрифических текстов была переведена в конце XIX – начале XX вв. с молдавского языка¹.

3. Православная церковь сыграла свою историческую роль в процессе становления и сохранения молдавской государственности. Она всегда выступала с подчеркнутой лояльностью к государству. **Для данного региона православная идентичность является государствообразующим элементом.**

4. Уникальность положения Республики Молдова заключается в том, что она, будучи полиэтничной, по конфессиональной принадлежности едина. Так, 96 % населения Молдовы принадлежит к восточно-православной церкви². **Православие в Республике Молдова является национальной ценностью.** Показательным в вопросе значимости для населения Молдовы в целом религиозной идентичности является то, что в нашей небольшой стране, по данным 2008 г., 1277 церквей, 42 монастыря, 8 скитов, 8 духовных школ³. Православная церковь издавна играла важную роль в поддержании межнационального мира. Православие, выступающее в качестве одного из важных факторов, обеспечивающих духовное единство народа.

5. Другим значимым фактором, стимулировавшим у различных этнических групп процесс адаптации и аккультурации, были **смешанные браки с молдаванами**. На всем протяжении совместной истории у этносов, осевших на территории Бессарабии, не было конфликтов и противоречий с молдаванами. Что касается гагаузов, то российский исследователь В. А. Мошков отмечал, что у них смешанных браков больше с молдаванами, чем с болгарями, с которыми они веками проживали совместно

---

¹ Квилинкова Е. Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев-Благовестград: Тип. Centrală, 2012. 600 с.

² Из приверженцев других конфессий значительное число составили баптисты (ок. 1,0 %), пятидесятники (0,42 %), адвентисты седьмого дня (0,4 %) и старообрядцы (0,15 %). Атеистами и не придерживающимися никакой религии объявили себя 46 тыс. человек (1,4 %). 75,7 тыс. человек (2,2 %) не указали свою религию [Православная церковь Молдавии, <https://drevo-info.ru/articles/10475.html>].

³ Православная церковь Молдавии // <https://drevo-info.ru/articles/10475.html>.

на Балканах: «Смешение между ними (гагаузами и болгарами – Е. К.) при помощи брака бывает, но сравнительно очень редко, по крайней мере реже, чем с молдаванами»¹. Современные гагаузы с гордостью говорят, что в их роду есть молдаване. Что же касается вывода, характеризующего предпочтительное отношение гагаузов к молдаванам, то он согласуется с результатами социологических опросов, проведенных современными молдавскими этнопсихологами, согласно которым, «наиболее близкими группами для молодежи гагаузов являются – молдаване, русские и своя группа, которой отдано значительное предпочтение». При этом они подчеркивают, что «по маркерам молдаване ближе к гагаузам, чем группа русских» и болгар².

Данные факты свидетельствуют о том, между гагаузами и молдаванами всегда существовало взаимопонимание. В основе этого лежало религиозная общность – православие и близкая культурная дистанция.

Вопрос о межэтнических взаимоотношениях экс башкан Гагаузии М. М. Формузал образно представил в виде стратегии выживания гагаузов. В этой связи он так сказал: «Гагаузы <...> отличаются большой толерантностью и дружелюбием по отношению к другим народам. <...> Смешанные браки для гагаузов – вовсе не редкость, а скорее, привычное явление. Гагаузы сумели «выработать секрет выживания как в суровых климатических условиях, так и в нелегких экономических и политических условиях. <...> А между тем никакого “секрета” не существует. Просто гагаузы, несмотря на чужеродную культурную, языковую и национальную среду, никогда не противопоставляли себя внешнему миру. Они понимали, что любое враждебное противопоставление – это изматывание жизненных сил народа, приводящее к краху и исчезновению его с лица земли. <...> Гагаузы

---

¹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение, 1901. № 2. С. 35.

² Кауненко И. И., Каунова Н. Г., Иванова Н. В. Идентичность в системе этнопсихологического и этнологического знания в Республике Молдова. Кишинев: Tipogr. Elan Poligraf, 2015. С. 110.

всегда уважительно относились к окружающим их народам, стремились к взаимообогащению культур и традиций. И история показала, что это лучшая формула поведения, единственная стратегия выживания для гагаузского народа»¹.

Таким образом, на примере гагаузов можно говорить о том, что на территории Молдовы исторически сложились все условия для безболезненной социально-культурной адаптации и интеграции всех проживающих этносов в единую нацию. Они со своей стороны прикладывали и прикладывают к этому свои усилия. Главной для них является забота о сохранении Молдовы как независимого и суверенного государства, в рамках которого они видят свое существование и развитие.

Однако, несмотря на имеющиеся благоприятные факторы, тем не менее на протяжении уже четверти века, прошедшие после объявления независимости, в Республике Молдова **продолжается процесс дезинтеграции как по этническому, так и по территориальному признаку**. В 90-е гг. прошлого столетия в Молдове произошла смена ценностных ориентиров. Эти явления продолжают оказывать отрицательное влияние не только на общественную нравственность, на отношение людей к обществу, государству, но и негативно влияют на межэтнический мир и согласие, на формирование общенациональной гражданской идентичности.

В общих положениях Концепции национальной политики Республики Молдова подчеркивается, что молдаване, как государствообразующая нация вместе с представителями других этносов, проживающих в Молдове (украинцами, русскими, гагаузами болгарскими, евреями, румынами, белорусами, цыганами (ромами), поляками и другими), – составляют **народ Молдовы, для которого Республика Молдова является общей родиной**.

---

¹ Формузал М. М. Феномен Гагаузии: истоки и горизонты развития (этнополитическое эссе) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». г. Комрат, 20–21 апреля 2007 г. М.: Старый сад, 2007. С. 44-45.

Подчеркивается, что терпимость и уважение к языкам, культурам, религиям и верованиям всех этнических сообществ, проживающих на территории Молдовы, всегда были присущи молдавскому народу. И сегодня это является неотъемлемым условием политического суверенитета и гражданского мира в нашей стране. *Государство обязуется всемерно заботиться о сохранении, развитии и свободном выражении этнической, культурной, религиозной и языковой самобытности всех этнических сообществ, проживающих в Молдове.*

1. Однако на деле данные положения не всегда соблюдаются. На днях (16 марта, 2017 г.) Министерство юстиции Молдовы решило «поставить точку» в вопросе о национальностях и этнических группах, проживающих на территории республики. Ведомство разработало некий классификатор, который должен стать ориентиром для сотрудников ГП «Registru» при оформлении документов о рождении ребенка. Список разделен на две категории: национальности (95 наименований) и этнические группы (62 наименования). Профильное ведомство считает, что правильнее разделять эти понятия. Национальность, по мнению Минюста, представляет собой этническую группу, которая в течение времени формировала свое государство. В частности, в списке национальностей наравне друг с другом находятся молдаване и румыны. Этническая группа, по мнению Минюста РМ, – это некая «социокультурная конструкция, связанная специфической концепцией»¹. К такой конструкции, в частности, власти относят и гагаузов, компактно проживающих на юге Республики Молдова.

В данном положении, в нарушение закона, гагаузов отнесли к некой «социокультурной конструкции», а не к национальности. Тем самым, искусственно и неправомерно малочисленный гагаузский народ был причислен к национальному меньшинству. Данное положение рассматривается гагаузской общественностью как попытка публично унижить и оскорбить гагау-

---

¹ <https://ru.sputnik.md/society/20170316/11667447/vlasti-moldovy-reshajut-nacionalnyj-vopros.html>

зов, поскольку их статус был прописан еще в 1994 г. 23 декабря. Тогда Парламентом Республики Молдова, в соответствии с заключенным Договором между руководством Гагаузской Республики и Республики Молдова, был принят международно-признанный Закон Республики Молдова «Об особом правовом статусе Гагаузии (*Гагауз Ери*)». В данном законе четко определено, что «первичным носителем статуса Гагаузии (*Гагауз Ери* – место, где проживают гагаузы) является **малочисленный гагаузский народ**, компактно проживающий на территории Республики Молдова». В результате, подобного рода положения и предложения со стороны такого правительственного органа как Минюст приводят к усилению межнациональной напряженности, затрагивающей, в конечном счете, население всей Молдовы.

2. Важным фактором устойчивого развития полиэтничной Молдовы является утверждение системы национальных ценностей, в основе которых лежит осознание всеми гражданами нашей страны своей принадлежности к народу Республики Молдова. Особо значимым в данном контексте представляется **утверждение системы ценностных ориентиров, которые объединили бы все проживающие в Молдове этносы в гражданскую нацию**. Это предполагает **воспитание у молодого поколения уважения к молдавской культуре, истории и к молдавскому языку**, как национально-духовной основы их общей родины. Для этого необходимо реальное обеспечение развития молдавской национальной культуры, изучения молдавского языка и истории Молдовы как основных элементов молдавской национальной идентичности и формирования гражданского сознания у представителей всех этнических сообществ Молдовы.

3. Вместе с тем **интеграцию всех проживающих в Молдове этносов в единое гражданское общество следует осуществлять в том числе путем передачи знаний об этнических особенностях народов Молдовы молдаванам и представителям всех проживающих на ее территории народов**. Поскольку нередко в Молдове встречается и такое, когда гагаузов, видимо, по незнанию причисляют к мусульманам (к туркам), что приво-

дит к восприятию их как иных или чужих. Это, в свою очередь, является источником межнациональной напряженности.

4. Вопрос о необходимости утверждения общей системы национальных ценностей обнажает имеющийся в данной области клубок противоречий. На деле у молдавских граждан пока **не сложилось ясно выраженной системы ценностных ориентиров, которые объединили бы все население Молдовы в единую историко-культурную и социальную общность.** В действительности мы имеем непрекращающиеся попытки демолдовенизации, отрицания существования молдавской нации и молдавской государственности, дискредитации молдавской истории, игнорирования этнонима «молдаване» и глоттонима «молдавский язык». Очевидно, что в данной области нужны специальные меры со стороны руководства Республики Молдова.

5. Судя по протекающим в Молдове процессам, которые характеризуются дезинтеграцией населения, можно предположить, что в последнее время большее внимание уделяется воспитанию чувства малой родины, в то время как чувство общей родины чрезвычайно размыто. Для этого **необходимо развивать систему гражданского патриотического воспитания,** создавать условия для реального освоения представителями других этносов молдавского языка и осознания общих национальных ценностей. Важным является то, что попытка каждым народом Молдовы сохранить свою культурную нишу не является угрозой для национальной государственности до тех пор, пока сохраняется взаимное уважение к языку, культуре и традициям.

В заключение еще раз отмечу, что у нас – в Молдове, есть основные элементы, позволяющие обеспечить государственное единство народа Молдовы – общая судьба на своей земле, уважение к существующим этнокультурным различиям, стремление к обеспечению благополучия и процветания Молдовы. Единая религиозная принадлежность и близкая культурная дистанция, служащие основой нашей повседневной жизни, являются мощным фундаментом, на котором может и должна строиться государственность Республики Молдова, которая будет служить ос-

новой для укрепления единства и суверенитета страны. В деле воспитания у населения Молдовы чувства общей родины следовало бы усилить значимость этнокультурных фестивалей, уроков патриотического воспитания, а также других мероприятий, позволяющих глубже проникнуться каждому гражданину, независимо от этнической принадлежности, чувством общей Родины, общей истории, культуры, традиций, а также значимости молдавского языка.

Сложные процессы в области культурной идентичности еще раз доказывают необходимость для правительства Молдовы искать и находить точки соприкосновения, учитывающие все многообразие и специфику культурного развития каждого проживающего в этом государстве этноса. А это значит, что при выборе и разработке правительством культурной политики должна учитываться конкретно-историческая действительность. В нашей республике для этого имеются необходимые условия, ***а также исторический опыт многовекового мирного сосуществования***. Необходима государственная воля и программы для того, чтобы этот межэтнический диалог велся в эффективном русле, благодаря которому активизировалась бы молдавская гражданская идентичность, сохранялась государственность и обеспечивались бы реальные права всех этносов, проживающих в Республике Молдова.

Библиография

1. Закон № 546 от 19.12.2003 г. об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова // Monitorul Oficial. Nr. 1-5, статья № 24. от 01.01.2004 г.
2. Кауненко И. И., Каунова Н. Г., Иванова Н. В. Идентичность в системе этнопсихологического и этнологического знания в Республике Молдова. Кишинев: Tipogr. Elan Poligraf, 2015. 292 с.
3. Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002. 184 с.
4. Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.
5. Квилинкова Е. Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев-Благодеевград: Tip. Centrală, 2012. 600 с.

6. Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат–София, 2013. Тір. Centrală, 2013. 872 с.
7. Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Тір. Centrală, 2014. 472 с.
8. Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Тірогр. Centrală, 2016. 732 с.
9. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1901. № 2; 1901. № 4; 1902. № 3.
10. Национальное бюро статистики Республики Молдова. Интернет-ресурс: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234> (дата доступа: 13.02.2017 г.).
11. Православная церковь Молдавии. Интернет-ресурс: <https://drevo-info.ru/articles/10475.html> (дата доступа: 13.02.2017 г.).
12. Формузал М. М. Феномен Гагаузии: истоки и горизонты развития (этнополитическое эссе) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». г. Комрат, 20–21 апреля 2007 г. М.: Старый сад, 2007. С. 43-52.
13. Интернет-ресурс: <https://ru.sputnik.md/society/20170316/11667447/vlasti-moldovy-reshajut-nacionalnyj-vopros.html> (дата доступа: 13.02.2017 г.).

PARTICULARITĂȚI ALE CONSTITUIRII STATALITĂȚII REPUBLICII MOLDOVA: PROBLEME ȘI PERSPECTIVE

*Emil CIOBU, doctor în filosofie, conferențiar universitar,
Ambasador, Consilier de Stat al Republicii Moldova, clasa I*

Rezumat

Articolul este dedicat analizei procesului de apariție și constituire a statalității Republicii Moldova. Autorul descrie situația care s-a creat în perioada declarării independenței politice, și consecințele social-economice ce au provocat crize politice și scăderea nivelului de trai al populației. În cercetare se accentuează rolul influenței factorului extern, îndeosebi a politicii externe a României, care în opinia autorului, prezintă un amestec flagrant în treburile interne a tînărului stat, scindează societatea moldovenească, amenință independența și provoacă situațiile de criză în toate domeniile vieții politice, social-economice și spirituale. În articol se subliniază necesitatea concentrării tuturor forțelor științifice și intelectuale ale statului pentru studierea și aprecierea situației ce s-a creat și elaborarea măsurilor necesare pentru ameliorarea ei și asigurarea dezvoltării democratice și prospere a statului independent și suveran Republica Moldova.

***Cuvinte-cheie:** Statalitate, independență, patriotism, dezvoltare, interes, criză, naționalism*

FEATURES OF FORMATION OF MOLDOVAN STATEHOOD: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the process of emergence and constitution of the Republic of Moldova's statehood. The author describes the situation that was created during the declaration of political independence, and the socio-economic consequences that caused political crises and the decrease of the living standard of the population. The research emphasizes the influence of the foreign factor, in particular of Romania's foreign policy, which, according to the author, presents a flagrant interference in the internal affairs of the young state, breaks down the Moldovan society, threatens independence and causes crisis situations in all areas of political, social-economic and spiritual life. The article emphasizes the need to concentrate all the scientific and intellectual forces of the state to study and appreciate the situation that has been created and to develop the necessary measures for its improvement and to ensure the democratic and prosperous development of the independent and sovereign state of the Republic of Moldova.

***Keywords:** Statehood, independence, patriotism, development, interest, crisis, nationalism*

Pe fondalul vitezei și profunzimii evenimentelor de la intersecția secolelor XX și XXI, a schimbării radicale a condițiilor social-economice de dezvoltare a societății moldovenești și al nivelului de trai al cetățenilor au fost lăsate uitării, a părut neînsemnată studierea cauzelor, care condiționează acțiunile atât ale persoanei fizice, cât și cele ale reprezentantului puterii. Însă studierea profundă ale acestor cauze, evidența lor strictă într-o situație concret istorică și social-economică contribuie substanțial la sporirea influenței puterii politice asupra mersului procesului dezvoltării societății.

La cotiturile brusce ale istoriei, urmate, de regulă de acutizarea fenomenelor de criză în toate sferile vieții sociale e mare tentația deținătorilor puterii ca dintr-o singură lovitură să rezolve toate problemele. Crește pericolul real de o tratare unilaterală a fenomenelor, posibilităților puterii și a abuzului de ea. Aceste atitudini, care de multe ori au fost dovedite de istorie, duc la aprofundarea și agravarea situației, iar pentru puterea în sine devin distrugătoare.

“În toate revoluțiile, și în special în a noastră, - menționa, aproape un secol în urmă, cunoscutul savant francez Gustave Le Bon, - vedem cum o minoritate neînsemnată de spirite mărginite, dar hotărâte, domină cu autoritate o imensă majoritate de oameni, deosebit de inteligenți uneori, dar lipsiți de forța caracterului. Alături de apostolii fanatici și de caracterele slabe, în revoluții se ivesc indivizi, ce nu se gîndesc decît să profite de pe urma lor. Numărul acestor indivizi a fost mare în timpul Revoluției franceze. Scopul lor era doar de a se folosi de împrejurări spre a se îmbogăți. ..., Politica lor consta doar în a se pune în slujba celui mai tare, împotriva celui mai slab”¹.

Această caracteristică a societății revoluționare franceze în mare măsură corespunde realității social-economice de astăzi a Republicii Moldova, dar și a Ucrainei și României. Anii ce s-au scurs după declararea independenței politice n-au prezentat o etapa de dezvoltare a societății, în care trebuia să se pună bazele politice și economice a dezvoltării unui stat suveran și independent. Dimpotrivă, astăzi, după un sfert de secol de dezvoltare independentă și democratică, a apărut

---

¹Revoluția franceză și psihologia revoluțiilor de Gustave Le Bon, Editura Anima, București, 1992, pag. 126.

doar un grup destul de redus de cetățeni, care dispun de avere, ce trezește o anumită doză de invidie la marea majoritate a cetățenilor și ură de moarte în interiorul acestui grup social, dar dimensiunile limitate ale țării le prezintă ca minuscule în comparație cu cifrele bogățiilor clasei oligarhilor din țările postsocialiste vecine – România, Ucraina, Rusia. Însă schimbările social-economice ce s-au produs, au format o bază temeinică pentru încetățenirea afirmației actuale despre rezultatele democratice și social-economice, care au reușit în acest scurt timp să transforme Moldova din grădina înfloritoare a Uniunii Sovietice în cea mai săracă țară din Europa.

Acest fenomen, în condițiile în care se pretinde că statul moldovenesc a devenit democratic, toate forțele lui științifice și intelectuale ar trebui să fie mobilizate pentru a se clarifica profund în situația politică și social-economică, ce s-a creat, și elaborarea celor mai adecvate propuneri științifice pentru o reformare cu rezultate reale și efective.

Dar, să vedem cum funcționează dreptul în acest stat, declarat de drept. Articolul 5 din Constituția Republicii Moldova cu titlul *Democrația și pluralismul politic*: “(1) Democrația în Republica Moldova se exercită în condițiile pluralismului politic, care este incompatibil cu dictatura și cu totalitarismul. (2) Nici o ideologie nu poate fi instituită ca ideologie oficială a statului”, n-a adus la rezultatele de democratizare așteptate, ci a scindat societatea moldovenească, aducând-o la o tensiune socială, pentru ameliorarea căreia, conform experienței istorice, pot fi efective doar actele revoluționare. S-au efectuat încercări de a arunca în groapa istoriei a tot ce a avut tangență cu perioada sovietică, și nu numai, fără a lua în calcul părerea mării majorități a populației, ignorând-o cu dispreț. Cerințele articolului 2 referitor la ideologie au fost realizate cu metodele considerate incompatibile în articolul 1. Apogeul în acest sens îl prezintă articolul 13 despre limba moldovenească ca limbă de stat din Constituție, încălcarea grosolană a căruia s-a făcut arogant și cu cheltuieli enorme de către puterea politică, pentru implantarea în conștiința tinerii generații, împotriva voinței majorității populației țării, a conceptelor ce corespund intereselor naționale ale țării vecine în detrimentul unității civice și consolidării statului și societății moldovenești. Fostul ambasador a României în Republica Mol-

dova, Marian Enache, menționa: „Tezele „Moldova Mare”, „popor moldovean” și „limba moldovenească”, ca și interpretarea partinică a istoriei Moldovei de către partidul de guvernământ din Republica Moldova (PDARM) și de către aliații săi pot constitui un pericol real pentru integritatea teritorială a României”¹. Limba moldovenească prezintă pericol pentru integritatea României nu pentru R. Moldova. Da introducerea pe cale anticonstituțională a limbii române nu-i periculoasă pentru integritatea R. Moldova?

Mai există oare vre-un temei de a te mai referi la această Constituție, călcată în picioare și batjocorită de elita politică, care pretinde că face reforme democratice. Care reforme democratice europene, atunci când e respinsă părerea majorității poporului. Însăși termenul de democrație, provenit din greacă, înseamnă puterea poporului. Schimbați Constituția! Nu-s voturile așteptate, nici în Parlament, nici la sondajele sociologie, nici la recesămîntul populației și nici o speranță la referendum. Caz unic, probabil nu numai în Europa. Politicienii sunt chemați să reprezinte și să promoveze interesele poporului, care la împluternicit prin votul său, nu că-i implanteze idei propuse, sau vîndute de reprezentanți ai altor țări și popoare în interesul lor. În majoritatea țărilor democratice, partidul care are cele mai multe voturi la alegerile parlamentare, singur se înțelege cu alte partide pentru crearea coaliției de guvernare. La noi din 2009, această regulă e încălcată, iar din 2014, chiar al patrulea după numărul de voturi a format coaliția de guvernare, iar primul a plecat în opoziție. Drept că după doi ani de guvernare a devenit majoritar la numărul de deputați, dovedind că asta e posibil, și chiar mai ușor, și fără participarea alegătorilor, principalul că sunt „proeuropeni” și nu „nu pro-ruși”, ca în timpul alegerilor, numai nu promoldoveni.

Lucrul de implantare a intereselor statului român s-a făcut conștient, chiar de la început cu lipsa de respect a elitei politice ale tînărului stat moldovenesc, cu o intensificare pe parcurs, plină de aroganță și ignorare a opiniei majorității populației Republicii Moldova. Iată comentariul cunoscutului istoric al perioadei unirii, Ion Nistor:

---

¹Enache Marian, Cimpoșu Dirin. Misiune diplomatică în Republica Moldova .1993-1997., Iași, Polirom, 2000, pag. 173.

„Votul acesta unanim face cinste celor ce l-au dat din iubire de neam și dragoste patriotică. Merită să fie amintite aici străduințele nobile ale Generalului Artur Văitoianu, care, în calitatea sa de comisar regal al Basarabiei, a contribuit foarte mult la îndulcirea aspirațiilor agitate, la restabilirea ordinii și legalității și la votarea unirii necondiționate”¹.

Vestitul scriitor român Dumitru C. Moruzi amintește, - „... cuvintele rostite de marele patriot, Ion Brătianu: - „Îmi place Transilvania, dar fără transilvăneni”². Rămîne de apreciat consecvența politicii românești, neschimbată mai mult de un secol, primele inscripții pe toate gardurile și monumentele istorice, lăsate să se ruineze din Chișinău, au fost: „Basarabia – pământ românesc”. În ambele cazuri prevalează teritoriul nu cetățenii... „Să învățăm a-i cunoaște și atunci îi vom iubi: *să-i învățăm să ne cunoască*, și atunci se vor mândri cu noi”³, scria Dumitru C. Moruzi în anul 1906.

Ambasada României în Republica Moldova, de la bun început, a avut un program strategic bine chibzuit de promovare a intereselor țării sale: - „... încurajarea orientărilor și acțiunilor Republicii Moldova spre organismele euroatlantice, impulsionearea acțiunilor de integrare economică și de consolidare a spațiului cultural și spiritual comun, contracararea tezelor istorice false cu privire la istoria limbii și poporului român, promovate de cercurile guvernamentale de la Chișinău, care alimentează tendințele naționalist-iredentiste din Republica Moldova sprijinirea acțiunilor de renaștere națională, vizînd, în principal, tînăra generație., ... reorientarea „Fondului la dispoziția cu Guvernului României pentru relații Republica Moldova” numai spre acțiuni care vizează consolidarea spațiului cultural și spiritual comun: continuarea editării și difuzării în Republica Moldova de studii pe teme istorice, lingvistice și culturale și cultivarea limbii române prin trimiterea de manuale școlare, acordarea de burse, schimburi de cadre didactice, extinderea legăturilor directe între unitățile de învățămînt, cultură și artă., ... în condițiile în care autoritățile

---

¹ Nistor Ion I.. Istoria Basarabiei. Institutul de Arte grafice și Editura „Glasul Bucovinei”. Cernăuți, 1923, pag.433.

² Dumitru C. Mjruzi. Rușii și Români, Muzeum, Chișinău, 2001, p. 87.

³ Ibidem. p. 110.

guvernamentale din Republica Moldova resping sistematic pătrunderea culturii românești în spațiul din stînga Prutului”¹.

E greu de găsit astăzi un alt stat, care nu tinde spre educarea și dezvoltarea sentimentului patriotic a cetățenilor săi, a formării acestui patriotism, în primul rînd în baza istoriei statului natal. Iar istoria oricărui stat prezintă, în primul rînd, activitatea personalităților notorii, a eroilor, care în dependență de perioada istorică, schimbul vechilor hotare și a sistemelor politice primesc aprecieri diametral opuse. Chiar George Washington destul de mult timp pentru mulți cetățeni ai Marii Britanii rămînea separatist și trădător. Cu regret acest fenomen astăzi este caracteristic pentru dezbaterile aprinse ale istoricilor noștri, dar și ai României, Ucrainei, Federației Ruse, practic a tuturor statelor, ce au trecut la un nou sistem social-politic.

În anii ce sau scurs după obținerea independenței politice s-a format o birocrație ideologică, care este reprezentată de un grup de ideologi-funcționari, fie ai statului sau așa-zisei societății civile, care cultivă dependența gândirii teoretico-ideologice de aparatul birocratic al celor ce mențin puterea de stat.

Cum a început acest proces. Iată viziunea din aprilie 1990, expusă într-un interviu acordat revistei „Tîmpul” din Iași, a prim-vice Președintelui Parlamentului Republicii Moldova, deputat al Sovietului Suprem al URSS, Președintele Frontului Popular-Creștin din Moldova Ion Hadârcă: „Vom pleda pentru realizarea unui stat independent și suveran. Pentru noi căile alese de republicile baltice ar putea să se complice într-o serie de probleme specifice acestei zone. Ele țin de moștenirea unor neînțelegeri, a unui balast etno- și geopolitic specific, o dependență marcată a complexului economic republican de Centru. De aici necesitatea eliberării de starea de dependență față de suprastructurile birocratice și față de izvoarele de materii prime. Este un mecanism dificil, care va necesita o perioadă de trecere de un an-doi. Admitem și existența unui sistem monetar independent de cel care există acum”².

La 27 august 1991, Parlamentul Republicii Moldova a legiferat

---

¹ Misiune diplomatică în Republica Moldova – 1993-1997 / Marian Enache, Dorin Cimpoescu, - Iași: Polirom, 2000, p. 174.

² Ion Hadârcă. Arena cu iluzii (interviuri, discursuri, eseuri), Timișoara, 2000, p. 73.

Declarația de independență a Republicii Moldova. În aceeași zi, Președintele statului Mircea Snegur într-un interviu pentru ziarul francez „Le Figaro”, la întrebarea corespondentului despre viitorul Moldovei a declarat: „În momentul de față noi creăm statul independent și democratic Republica Moldova conform politicii de integrare economică și spirituală cu România. Independența – aceasta, firește, este o perioadă vremelnică. De la început vor exista concomitent două state românești, dar aceasta nu se va prelungi mult timp. Eu repet încă odată, că independența Moldovei Sovietice prezintă o etapă, da nu un scop”¹. (Le Figaro. 27.08.1991).

Cu așa un start, spre economia de piață a unui stat independent, lipsit de tradiții și manageri cu experiență, era greu de așteptat la alte rezultate. Dar erau oare alte variante? Principalul ce a lipsit și mai lipsește încă, ar fi o echipă politică cu o ambiție bine conturată de a face statul independent și suveran efectiv politic, economic și spiritual. Dar a apărut un fenomen nou pentru foștii cetățeni sovietici, posibilitatea de a te îmbogăți și atunci inconștient mulți funcționari de stat intră în pielea eroilor revoluției franceze, descriși de Gustave Le Bon. State prospere în Europa contemporană, comparabile cu Republica Moldova, ca teritoriu și populație sunt, cu un nivel de viață printre primele, nu numai pe continent, dar și în lume. Trebuie de mobilizat toate forțele intelectuale ale țării pentru analiza problemelor și elaborarea strategiilor concrete în toate domeniile. Este straniu că problemele țărilor din această zonă au fost studiate de savanți de talie mondială și mai puțin de ai noștri. Iată concluziile laureatului Premiului Nobel pentru economie Elinor Ostrom: „Dezmembrarea terenului agricol în loturi mici a fost o gravă eroare a multor state fost-comuniste din Estul Europei. Sunt mai multe metode, prin care se poate crește interesul oamenilor pentru agricultură. După ce colectivizarea a reușit o creștere a productivității, așa cum s-a întâmplat în Europa Răsăriteană în secolul trecut, „privatizarea” agriculturii poate conduce la o scădere a productivității. Simpla împărțire a terenului agricol în mici loturi și cedarea lor către a patra, sau a cincea genera-

---

¹ Репида Л. Е. Суверенная Молдова: история и современность. ИПФ Центральная типография. Кишинев, 2008, с. 300-301.

ție de urmași a foștilor proprietari este, în mare măsură; inefficientă. Aceste politici transferă terenul agricol către un mare număr de oameni, din care mulți nu au avut nici o experiență anterioară cu agricultura. Existau mai multe opțiuni la dispoziție, mai eficiente decât împărțirea pământului – printre care organizarea în cooperative, în care fiecare proprietar să aibă un număr de acțiuni, în funcție de suprafața, la care avea dreptul de a fi împroprietărit. Bineînțeles, acționarii ar fi avut probleme în a organiza și eficientiza activitatea agricolă, dar ar fi operat la o scară, în care productivitatea crește”¹.

Ai impresia că autorul a fost martorul privatizării pământului la noi și a văzut cum oamenii au primit câte două, trei hectare de teren, împărțit în câte șapte, opt, bucăți, în diferite zone ale fostei gospodării, cea ce a complicat enorm organizarea procesului de producere a producției agricole. Acum aceasta se vede cu alți ochi, dar ca martor al acelor timpuri, îți poți închipui cu groază reacțiile mulțimii la încercările cuiva să pună la îndoială necesitatea acestei împărțiri.

Analistul american Robert D. Kaplan, acum un an, într-un interviu ziarului „România liberă” a caracterizat R. Moldova ca “o regiune vulnerabilă cu instituții slabe, cu un nivel extrem de mare de corupție și un stat haotic, din punct de vedere politic. Deci nu se va putea apăra în fața Moscovei”, iar în acest context, crede „... că marile puteri trebuie să ajute R. Moldova. România poate la rîndul ei, fi de folos, dar n-ar trebui să intre într-o astfel de combinație: ar fi prea provocator pentru Moscova. Eu cred că deocamdată România este norocoasă: nu s-a reunit cu R. Moldova, nu este parte a Spațiului Schengen și nu a aderat la Euro Zonă. Dacă ar fi fost membră a zonei euro ar fi ajuns ca Grecia, iar în Shengen ar fi avut multe bătăi de cap cu refugiații. Reunificarea cu R. Moldova ar fi dus la o situație internă, care ar fi fost mult mai rea decât cea actuală, ... Oamenii au planuri pe termen lung, dar în climatul politic actual, a vorbi serios despre reunificarea României cu R. Moldova n-ar fi înțelept”².

Încă un factor, relativ tînăr în relațiile internaționale, care în

---

¹ Adevărul. 24 septembrie 2010.

² <http://www.romanalibera.ro/opinii/-interviu/-cu-analistul-american-robert-d-kaplan-rusia-are-mai-multe-interese-strategice-in-romania-decat-sua-408076> accesat 06.03.2016

spațiul nostru a căpătat astăzi forme de neînchipuit posibile, manifestat chiar aici alături, la frații noștri, în Ucraina prin victime omenești trecute de zece mii, este naționalismul, care în conformitate cu experiența istorică a multor popoare, ar trebui să fie factorul unificator al mișcării de eliberare națională, la noi s-a dovedit a fi de import, slujește interesele naționale ale altui stat și este utilizat împotriva tînărului stat, seamănă discordie, vrajbă națională în societate, pesimism și neîncredere în dezvoltarea lui independentă. N-are nimic comun cu tradițiile acumulate de omenii muncii în ultimul sfert de secol, cărora, prin acest naționalism, li s-au impus forțat și insistent unele complexe de inferioritate și sărăcie spirituală, pentru a putea fi mai ușor manipulați în scopuri politice. Elitele noastre politice poartă răspundere pentru faptul că dacă astăzi se retrag ziarele plătite de statul român populația noastră practic rămîne fără ziare centrale în limba moldovenească cu grafie latină, rămîn două, trei ediții cărora deja li s-a făcut o imagine, pe care o pot suporta numai cei ce le fac astăzi, practic în bază doar de entuziasm patriotic. Cele alimentate de peste Prut, în aceste condiții n-ar rezista nici o zi. Numai au început discuțiile despre necesitatea verificării modului de gestionare a banilor publici românești în Republica Moldova, cînd a devenit președinte Traian Băsescu în România, și articolul de fond al faimosului săptămânal „independent” „Timpul”¹ a ieșit sub titlul „Nu mai vreau să fiu „român de pretutindeni”. Cum politicienii de pe Dâmbovița alimentează anitromânismul din R. Moldova”, semnat de Constantin Tănase, cu mențiunea distincției de „cavaler al Ordinului Național „Steaua României” în gradul de Comandor, ce a însemnat un mesaj în adresa noii conduceri: - „Eu am slujit România, indiferent de culorile ei politice interne. Vreți patriotism românesc – plătiți”. Din convingeri și, folosind terminologia des utilizată de „adevărații” români, - „din suflet”, la noi merge numai moldovenismul.

Dar cei de făcut? Trebuie să ne concentrăm asupra problemelor noastre. Nu trebuie să căutăm dușmani externi. Toate țările își promovează interesele sale, de aici și ciocnirile între state. Noi așteptăm cineva să ne ajute. Trebuie să ne organizăm, să analizăm, să ela-

---

¹ „Timpul”, 7 octombrie 2005 .

borăm strategii, să luptăm pentru obținerea realizării lor cu maximă eficacitate, să punem accentul în primul rând pe educația patriotică a tinerii generații. În acest domeniu este mult de lucru, dar această practică este utilizată cu succes, de secole, de toate statele lumii. Napoleon Bonaparte considera patriotismul prima calitate a omului civilizat, Mark Twain menționa că patriotismul cere să-ți iubești Patria totdeauna, iar Guvernul, numai atunci când o merită, Samuel Huntington declara: - „Ca patriot sunt profund preocupat de unitatea și puterea țării mele, ca o societate bazată pe libertate, egalitate drepturi individuale și respect față de lege”¹, iar cunoscutul savant din Brazilia, Ives Gandra Martins insistă că „Dobândirea independenței a obligat statele să-și educe corespunzător cetățenii”². Pentru început se cere în mod obligatoriu și de urgență introducerea în școli a Istoriei Moldovei, Bazelor statului și dreptului moldovenesc și Constituției Republicii Moldova. În ce formă și măsură, să decidă specialiștii în materie. La acest capitol este mult de meditat. Politica actuală de implantare severă a limbii moldovenești, fie și române, și refuzul la limba rusă, este îndreptată împotriva viitorului copiilor noștri. Ei, cu mare efort, la vârsta de 19 ani, sub stresul camerei de luat vederi își iau bacalaureatul, sunt foarte fericiți de succes, dar a doua zi conștientizează, ca cu această limbă nu au de lucru, iar peste hotare e mult mai cunoscută limba rusă, cu statutul de limbă de comunicare internațională. Acest fenomen a și produs plecarea în masă la studii peste hotare a copiilor celor cu bani. Iar ceilalți, marea majoritate ori se apucă de studierea unei noi limbi sau pleacă la muncă la „negru” peste hotare.

Trebuie să ne determinăm și referitor la doza de încredere, pe care o poate avea societatea în demnitarii de stat, care au jurat credință și altui stat. Apare întrebarea, cărui stat slujesc? Cu atât mai mult că majoritatea sunt cetățeni al statului, care juridic n-a recunoscut Republica Moldova prin refuzul să semneze tratatul politic de bază și cel de frontieră și depun mari eforturi spirituale și financiare pentru a o anexa. Poate ar trebui să-i salvăm de situația de duplicitate, în care

---

¹ Lumea în 2020, Chișinău, Editura Carter, 2008, p.159.

² Ives Gandra Martins. O viziune asupra lumii contemporane. Editura Continent XXI, București, 2001, p.86.

se află prin lipsirea de cetățenia a doua pe înalții funcționari de stat, conform listei funcțiilor aprobată de Parlament.

Cu regret, după cum am menționat mai sus, trebuie să constatăm că mijloacele de informare în masă, presa scrisă în limba română, în marea ei majoritate, este finanțată din bugetul statului român, dar niciodată n-au apărut măcar observații din partea organelor de resort, de amestec în treburile interne ale Republicii Moldova, dimpotrivă, periodic pe paginile ei apar pretenții că le sunt lezate drepturile, chiar și în campaniile electorale. Îmi închipui ce scriu diplomații străini despre acest lucru în informațiile trimise în țările lor.

Sau, altă problemă, care cere rezolvare urgentă. La în sfert de secol de funcționare independentă a statului, nu s-a ajuns la înțelegerea necesității unui centru de analiză profundă științifică a politicii interne și externe a statului cu sarcina de elaborare a recomandărilor operative guvernului pentru soluționarea problemelor curente, de talia, de exemplu, a conflictului transnistrean. Rolul Academiei de științe se reduce doar la participarea Președintelui la ședințele Guvernului, caz unic, cred că nu numai în Europa, dar nu pentru deservirea științifică a guvernării. Implicare în acest domeniu a organizațiilor neguvernamentale este riscantă, ele sunt finanțate de alte guverne și în cel mai bun caz, se vor îndepărta de interesele noastre naționale. Iar în fond cei mai buni experți din aceste organizații se consideră acei, care cel mai bine ghicesc gândurile patronului, care nu-i al nostru. Sunt cercetători gata să se implice, cu pregătirea necesară, la catedrele instituțiilor superioare de stat din republică, dar nu sunt solicitați, nu se bucură de nici o susținere, nici morală, nici materială din partea statului. În genere, se face totul ca noțiunea de stat legată cumva de statul Republica Moldova să fie exclusă din uzul cotidian; se utilizează - funcționar public, n-are importanță că rangurile de calificare aprobate se acordă sub numirea de Consilier de Stat; banii publici, nu ai statului; serviciu public, femei publice etc, totul într-un coș.

Pe parcursul anilor de independență politică așa și nu s-a pus problema pregătirii cadrelor diplomatice, mai mult ca atât, s-a încetățenit de acum convingerea că SNSPA - Școala Națională de Studii Politice și Administrative din București a rezolvat o dată pentru tot-

deauna problema de pregătire a cadrelor diplomatice pentru Republica Moldova. Iar aceasta a adus la aceea că noi trimitem peste hotare diplomați fără pregătire pentru apărarea și promovarea intereselor naționale ale statului Republica Moldova. Mai mult ca atât, avem, în țară, mai multe facultăți, care pregătesc specialiști pe specialitatea „relații internaționale”, dar nimeni, n-a fost deranjat de necesitatea coordonării programelor lor de studii, în scopul promovării intereselor naționale a Republicii Moldova, ca bază a formării apărătorului lor peste hotare, cum se face în toate țările, care se respectă pe sine. Fiecare stat își pregătește diplomații săi, Moldova nu trebuie să fie excepție. Noi practic nu folosim tribunalele organizațiilor internaționale a căror membri suntem. În presă periodic se vorbește despre enigma selectării cadrelor diplomatice, manifestări de corupție și nepotism. (vezi «Молдавские ведомости», 06.04.2012). Iar din cei care au acumulat experiență în misiunile noastre diplomatice peste hotare, se întorc în aparatul central foarte puțini, mulți folosesc funcția pentru a se angaja la serviciu în străinătate.

Este dureros faptul, că în ultimii ani, conducerea statului a promovat mai mulți din cei care nu cred în perspectiva lui de dezvoltare independentă, și a îndepărtat pe cei care stăruie să îndreptățească existența lui, să-l susțină și să-l apere. România e mult mai generoasă în această privință. Traian Băsescu numai în ultimul an de mandat prezidențial, la 26.03.2014 a decorat cu înalte distincții 29 de cetățeni ai Republicii Moldova „în semn de înaltă apreciere ale activității îndelungate și prestigioase în promovarea culturii, limbii și spiritualității românești în Republica Moldova”, printre care cunoscuți oameni ai culturii, savanți istorici, ziariști și slujitori ai bisericii.

Pentru statele mici și fără tradiții și experiență în elaborarea și promovarea interesului național, așa cum este și Republica Moldova, studierea și evidența strictă a acestor valori în dezvoltarea comunității mondiale este deosebit de importantă. Orice acțiune pe arena internațională are la bază interesul național al unei puteri concrete, și dacă acest interes este al altui actor al relațiilor internaționale, este puțin probabil ca el să corespundă întocmai intereselor naționale ale țării tale. Numai o cunoaștere profundă a problemei în cauză poate sta la

baza elaborării ideilor, în ce măsură ne putem atașa sau nu la această acțiune, în caz contrar vom fi folosiți, vorbind diplomatic, în calitate de aliat provizoriu în politica de realizare a unui interes național străin. Cu regret, dacă am dori sincer și echidistant să analizăm scurta noastră istorie a relațiilor internaționale, am găsi exemple când grație lipsei tradiției de dirijare statală și profesionalism diplomatic am fost împinși acolo unde au considerat alții că ar trebui să fim, nu unde ar fi o concordanță mai adecvată cu interesul nostru național. Unele probleme actuale ale politicii externe ale Republicii Moldova își au la bază și această dificultate.

ÎN APĂRAREA REZULTATELOR REVOLUȚIEI ȘI A RESTABILIRII STATALITĂȚII MOLDOVENEȘTI (1917-1918)

Vladimir POLIVȚEV, doctor în istorie

Rezumat

Victoria muncitorilor în manifestațiile din Petrograd din 1917 au avut ecou și în Moldova, unde în perioada 8-10 martie au avut loc manifestații cu lozincă „Jos tirania“ în orașele: Chișinău, Akerman, Tiraspol, Bender, Ismail, Orhei, Bălți. Entuziasmul trezit de evenimentele revoluționare a condus la unirea activiștilor în organizații, partide politice, grupuri de interes comun. În Consiliile create, majoritatea o aveau partidele de stînga, socialiștii moderați (menșevicii, eserii). Autorul descrie aceste evenimente cu scopul de a restabili procesul de reconstrucție a statalității moldovenești în primele decenii ale secolului al XX-lea.

Cuvinte-cheie: *revoluție, statalitate, entuziasm revoluționar, reformă, agresiune*

IN PROTECTION OF THE REVOLUTION RESULTS AND RESTRUCTURING OF MOLDOVAN STATEHOOD (1917-1918)

Abstract

The workers' victory in the 1917 demonstrations in Petrograd also echoed in Moldova, where during March 8-10 there were demonstrations with the slogan "Down with the tyranny" in the cities: Chisinau, Akerman, Tiraspol, Bender, Ismail, Orhei, Balti. The enthusiasm awakened by the revolutionary events led to the unification of activists in organizations, political parties, groups of common interest. The majority of the councils were the left-wing parties, the moderate socialists (Mensheviks, esters). The author describes these events to restore the process of reconstruction of Moldovan statehood in the first decades of the 20th century.

Keywords: *revolution, statehood, revolutionary enthusiasm, reform, aggression*

НА ЗАЩИТЕ ЗАВОЕВАНИЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВОССОЗДАВАЕМОЙ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1917-1918 гг.)

Февральская революция 1917 г в России свергла царское самодержавие и открыла широкие возможности внедрения политических и гражданских прав и свобод. В ходе революции в

Петрограде появились новые органы власти: Петроградский Совет рабочих (а вскоре и солдатских) депутатов и буржуазное Временное правительство. В Петросовете тогда преобладали умеренные социалисты, которые определяли совершившуюся революцию как буржуазную, поскольку страна для социализма не созрела, и соответственно считали, что власть должна перейти к буржуазии. Поэтому меньшевистко-эсеровское руководство Петросовета согласилось признать законность Временного правительства (сформированного в большинстве из представителей либеральной буржуазии) и поддерживать его в той мере, насколько оно будет проводить одобренную главным Советом страны «демократическую программу». Резким и неожиданным диссонансом прозвучал лишь голос вождя большевиков, призвавшего к взятию власти пролетариатом и беднейшим крестьянством, установлению Республики Советов и т. д., чьи идеи показались тогда многим его оппонентам явно нереалистичными и потому были недооценены.

После успеха в Петрограде в течение нескольких недель революция произвела победоносное и бескровное шествие по стране. Вести из столицы вызвали в Молдавии массовые демонстрации, состоявшиеся с красными флагами 8-10 марта в Кишинёве, Аккермане, Тирасполе, Бендерах, Измаиле, Оргееве, Бельцах под лозунгами «Долой тиранов, прочь оковы!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует народное представительство!», «Да здравствует демократическая республика!». Звучали призывы «не допустить возврата к старым порядкам, а укреплять всеми силами завоеванные свободы». После шествий и митингов, в которых участвовало гражданское население вместе с воинскими гарнизонами, начинались народные гуляния. В Молдавии, как и по всей стране, внезапно установилась атмосфера общего народного праздника. Сказывались эйфория от обретённой свободы и чувство всеобщего единения. Россию этого времени, а Молдавия пока оставалась её составной частью, недаром окрестили «самой свободной из воюющих стран». Тому имелось, как представлялось многим тогда, достаточно оснований. В своих декларациях и воззваниях Времен-

ное правительство уверенно обещало: осуществить полную и немедленную амнистию лицам, преследовавшимся старым режимом; ввести политические свободы (слова, печати, союзов, собраний и стачек); созвать на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительное собрание; прекратить всякую сословную, национальную и религиозную дискриминацию; признать права Польши и Финляндии на суверенитет; произвести перестройку местного самоуправления на демократических началах всеобщих выборов и т.д.

В обстановке народного энтузиазма общественно активные люди спешили объединиться и организоваться по партиям, профессиям, интересам. Вышли из подполья и быстро численно увеличивались революционные организации. Восстанавливались старые и создавались новые профсоюзы рабочих и служащих, а почти одновременно возникают и союзы местных предпринимателей. Рабочие, служащие, ремесленники, солдаты и офицеры гарнизонов, учащиеся стали избирать делегатов в новорождённые местные низовые органы власти – Советы. В течение марта Советы рабочих депутатов были созданы во всех городах и многих населённых пунктах Молдавии. В гарнизонах появились Советы солдатских депутатов, которые большей частью затем объединялись с местными Советами рабочих. Несколько позднее сформировались Советы крестьянских депутатов и земельные комитеты.

Во всех созданных в крае Советах решающий перевес имели представители левых партий; преобладали умеренные социалисты (меньшевики, эсеры, бундовцы, полей-ционисты и др.); своей активностью выделялись большевики, но их в первые месяцы революции в органах новой революционной власти было немного. По инициативе масс на рассмотрение первых же заседаний Советов были поставлены вопросы, выражавшие важнейшие их требования: о войне, 8-часовом рабочем дне, борьбе с дороговизной и спекуляцией, об охране правопорядка и др.

Как и по всей стране, в Молдавии в эти весенние дни параллельно с созданием Советов шло строительство органов

управления Временного правительства – губернского и уездного комиссариатов и их исполкомов. Комиссарами, как правило, назначались местные председатели земских управ. Это были в основном местные крупные помещики или их прямые ставленники. Так в крае установилось двоевластие (в ряде случаев впоследствии перераставшее даже во многовластие): на одной стороне были Советы рабочих и солдатских депутатов, крестьянских депутатов (и нередко низовые земельные комитеты, вышедшие из подчинения губкому и министерству земледелия), на другой официальные органы Временного правительства.

Не прошёл, однако, ещё первый месяц революции в Молдавии, как в общем хоре ликующих голосов стали замечаться первые проявления общественной настороженности и недоверия, революционного нетерпения. Ведь основные причины массового недовольства, которое привело к февральскому «революционному взрыву», - тяготы мировой войны, крестьянское малоземелье, бедственная жизнь рабочих, продолжающаяся нереализация ряда прав национальных меньшинств – оставались неустраненными. Министры буржуазного Временного правительства и социалисты-соглашатели из Петросовета решение коренных проблем страны (окончание войны, аграрный, рабочий, национальный вопросы, демократизация формы правления государством) откладывали до созыва Всероссийского Учредительного собрания, сроки выборов в которое сразу начали оттягивать.

Аграрный вопрос имел в Молдавии в 1917 г. особую остроту. Более 80% населения края было занято в сельском хозяйстве; к крестьянскому сословию принадлежало более 70% местных жителей. 46% всей земли в Бессарабской губернии, причём часто лучшей, сосредоточили в своих руках крупные собственники (помещики, монастыри, купцы, государство и др.). В четырех уездах (Бельцком, Кишинёвском, Оргеевском, Сорокском) крупным землевладельцам принадлежало более половины земли. В то же время 1/5 крестьянских дворов вообще не имела земли, столько же имели крошечный надел до 0,5 десятины (т. е. примерно немногим больше полгектара) и более 40% крестьянских хозяйств, располагая земельными участками от 0,5 до 5,5 дес., отно-

сились к категории малоземельных. Другими словами, большинство крестьянских хозяйств буквально ощущали «земельный голод». Ещё со средних веков молдавские крестьяне боролись за землю и волю, значительное количество протестных крестьянских волнений произошло в ходе и после крестьянской реформы конца 60-х гг. XIX в., а в революционные 1905 – 1907 гг. в Молдавии имело место около 110 крестьянских выступлений.

В условиях, когда старый репрессивный аппарат царского самодержавия был во многом разрушен и рассыпался, а солдаты из революционизированных частей российской армии, расквартированных в Молдавии, сами призывали молдавских сельчан решать вопрос о земле, не дожидаясь Учредительного собрания, местное крестьянство начало переходить к практическим действиям. Уже в марте 1917 г. первые крестьянские выступления произошли в Бельцком, Бендерском, Кишинёвском и Оргеевском уездах. Большой популярностью на крестьянских сходах пользовались эсеровские и большевистские идеи немедленной ликвидации помещичьего землевладения и отмены частной собственности на землю. Эти идеи получили одобрение на I-ом и II-ом губернских съездах крестьян Бессарабии в мае и августе 1917 г. С марта по июль 1917 г. в Молдавии имели место 163 крестьянских выступления (т. е. потрав лугов и покосов, порубок леса, захватов земли и др.).

И в дальнейшем крестьянское движение в Молдавии развивалось по нарастающей. Давая характеристику положения в Бессарабии в октябре 1917 г., губернский комиссар Временного правительства В. Г. Кристи с тревогой фиксировал: «В деревнях весь центр сельской жизни в настоящее время сосредоточился на захвате и разделе земли». Действиями крестьян руководили их авторитетные вожаки А. Г. Палади, Г. И. Галаган в Бельцком уезде, Г. Гобеску, Г. Чебан, А. Гордиенко, Д. Михалаки в Оргеевском уезде, И. С. Маковей, И. Брынза, Ф. Чобан в Бендерском уезде и др. Только в октябре в Бессарабии произошло 150 крестьянских

выступлений, и половина из них заключалась в захвате помещичьей земли. По другим данным, их было даже больше – около 200, 70% из них – отнятие (или присвоение) земли.

Ещё больше укрепил убеждённость крестьян в правомерности своих действий декрет о земле, написанный В. И. Лениным, и принятый при овациях зала 27 октября 1917 г. II-м Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали и за него голосовали посланцы Кишинёвского, Хотинского, Тираспольского, Аккерманского, Ренийского и других Советов нашего края. Декрет узаконивал то, что в значительной части уже было сделано, начиная с весны, летом и за половину осени 1917 г. крестьянскими Советами и низовыми земельными комитетами – изъятие земель у помещиков, монастырей, купцов, царского дома и др. Его текст соответствовал содержанию уравнительной аграрной реформы, разработанной эсерами на базе местных наказов крестьян: «Частная собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. Все земли с инвентарем и постройками передаются в распоряжение местных Советов и земельных комитетов». Борьба крестьян за землю получает ещё больший размах. В ноябре и декабре крестьяне 247 местных сёл поделили имущество помещиков. Крестьянские массы края к концу декабря 1917 г. – началу января 1918 г. получили безвозмездно около 1,5 млн. десятин пахотной земли, лесов и угодий, освободились от уплаты множества текущих платежей, налогов и задолженностей государству, помещикам, банкам. Если учесть, что весь земельный фонд Бессарабской губернии равнялся 4 млн. дес. (из которых до революции у помещиков было около 1,2 млн., а у монастырей государства, банков – около 400 тыс. дес.), то можно заключить, что большая часть владений крупных собственников перешла к крестьянам. Иными словами, крестьянские массы Молдавии в начале 1918 г. были весьма близки к реализации своей вековой заветной мечты – завершению «черного передела» в деревне.

Рабочий класс Молдавии в 1917 г. был сравнительно малочисленен и большей частью рассредоточен по мелким предприятиям. Тем не менее, пролетарские коллективы (преимущественно транспортных, промышленных, строительных и торговых рабочих) большей своей концентрацией выделялись в Бен-

дерах (только в депо и железнодорожных мастерских трудилось до 2,5-3 тыс. машинистов, мастеровых и рабочих), на Окницком узле и участке Окница-Ларга (6 тыс. железнодорожников), в Кишинёве, Тирасполе, Бессарабке, Аккермане, Унгенах, Килие, Рени и др. Общество Бессарабских железных дорог в мае 1917 г. в пределах Бессарабии использовало труд только строительных 20 тыс. рабочих. Если первые шаги местное рабочее движение сделало ещё в 70-е гг. XIX в., то с рубежа XIX-XX вв. забастовки в крае происходили почти ежегодно, в революционные же 1905-1907 гг. имели место около 120 стачек. Местное рабочее движение приобрело опыт и традиции. Его руководителями выступали активисты социалистических партий (меньшевики, бундовцы, большевики, эсеры).

Рождённые (и воссозданные) Февральской революцией профсоюзы и Советы укрепились организационно и расширили социальную базу. В городских и местечковых Советах представительство получали не только собственно рабочие и солдаты, но и ремесленники, служащие, учащиеся. К концу мая 1917 г. только кишинёвские профсоюзы объединяли более 10 тыс. рабочих, служащих и ремесленников. Тогда же Бендерский районный комитет Союза Юго-Западных железных дорог насчитывал в своих рядах более 6 тыс. рабочих и служащих, а Окницкий районный профсоюзный комитет объединял более 5 тыс. железнодорожников. В мае-июле 1917 г. в Тирасполе, Кишинёве, Бендерах и других городах были созданы центральные бюро профсоюзов.

Профсоюзы и Советы довольно скоро включились в отстаивание жизненных интересов трудящихся масс. Тираспольский, Кишинёвский, Резинский, Оргеевский и другие Советы активно и результативно утверждали 8-часовой рабочий день. Только в апреле-июне в крае произошло 24 стачки, в ходе ряда которых забастовщикам удалось добиться повышения зарплаты на 35, 50 и даже 75%. Профсоюзное и стачечное движение рабочих и служащих сплачивало их, превращало их в самостоятельную политическую силу. Авторитетными лидерами местных рабочих себя показали И. Н. Криворуков (в рабочем движении Кишинёва

– ещё с 1901-02 гг., в 1917-18 гг. – секретарь Центрального бюро профсоюзов Кишинёва), К. В. Галицкий (уже в годы первой революции - руководитель профсоюза рабочих-печатников Кишинёва, а в 1917-18 гг. – председатель кишинёвского ЦБ профсоюзов), Г. Л. Ляйфер, С. С. Ушерович, Б. Аснес и др.

Февральская революция дала мощнейший импульс развитию национальных движений народов России. Первые действия Временного правительства в деле ликвидации национального угнетения и установления национального равноправия вызвали удовлетворение и повышенные ожидания на национальных окраинах страны. Но в дальнейшем буржуазные министры, опасаясь политического расчленения новой России, стали «тормозиться» в предоставлении народам и народностям на бывших имперских просторах национально-территориальной и национально-культурной автономий, отговариваясь необходимостью дождаться соответствующего решения Всероссийского Учредительного собрания. В то же время российские революционные (социалистические) партии в принципе поддерживали лозунг права наций на самоопределение. В этих условиях разворачивает свою деятельность Молдавское национальное движение, которое ранее уже проявило себя в годы первой российской революции (1905-1907).

В начале апреля 1917 г. из молдавских интеллигентов и помещиков, группировавшихся вокруг газеты «Кувинт молдовенеск», в Кишинёве образуется ядро Молдавской национальной партии (МНП), к которой скоро присоединяется Молдавская прогрессивная партия, возникшая в марте в Одессе и включившая в себя преимущественно находившихся там военнотружущих-молдаван. Программа МНП требовала предоставления Бессарабии «самой широкой административной, судебной, церковной, школьной и экономической автономии», оставляя её «и впредь связанной с Россией на основе законов, представляющих общий интерес», т. е. не предусматривала выход Молдавии из состава России, указывала, что молдаване будут бороться за свои национальные права вместе со всеми народами России. Обращает на себя внимание, что программа имела откровенно молдавофиль-

ский характер. В ней использовались термины «молдаване», «молдавский язык», «молдавская душа», но совершенно отсутствуют упоминания о Румынии или о румынах. И это при том, что роль главного идеолога МНП и ответственного («секретаря для заседаний») за оргработу сумел взять на себя трансильванец, выдающийся румыноунионист, политический резидент Румынского правительства в Бессарабии Онисифор Гибу, а в руководящий комитет МНП вошли И. Е. Пеливан, П. Н. Халиппа (генеральный секретарь МНП) и др., имевшие давние контакты с правящими кругами Румынии. Авторы программы МНП отдавали себе отчёт, что румыноунионистские идеи среди многонационального населения Молдавии, и молдавского крестьянства, едва ли не в первую очередь, были крайне антипопулярны.

Главный идеолог и один из ведущих организаторов операции «Унире» О. Гибу отмечал, что приверженцев идей румынизма в Бессарабии было крайне мало. «Бессарабские» молдаване на самом деле не являются действительной частью румынского народа, у них нет к нему горячего чувства, они не стремятся ни в коей мере идентифицироваться с румынами.» Культура, принесённая в Румынию с Запада, свидетельствовал Гибу, казалась бессарабцам смешной и опасной, так как противоречила наследию предков, введение латинского алфавита они считали отказом от истинного православия, превращение молдавского языка в «румынский» они расценивали как его отчуждение, правление иностранной династии рассматривали как залог исчезновения запрутских молдаван. «Им было очень жаль – заключал Гибу, - бедную Молдову, которая предала и традиции, и язык, и душу, и будущее из-за обыностранившихся бояр и короля, чуждого и народу, и древним законам». Добавим, что в Пруто-Днестровье также помнили о кровавом подавлении антивалашского (антибухарестского) выступления молдаван в Яссах в апреле 1866 г.

К 1917 г. Румынское королевство оставалось отсталой аграрной страной с антидемократической цензово-куриальной избирательной системой, распущенными на годы войны профсоюзми, многими полуфеодальными пережитками в сельском

хозяйстве. Около 5 тыс. помещиков владели почти половиной посевных площадей, а свыше трех четвертей крестьян страдало от безземелья и малоземелья. Исключительно жестокое подавление крестьянского восстания в Румынии в феврале-марте 1907 г., с массированным использованием артиллерии (только по официальным данным было убито 11 тыс. крестьян, а по неофициальным подсчётам погибло около 15 тыс. крестьян и 3,5 тыс. жителей городов, а ещё на каторжные работы было осуждено свыше 18 тыс. повстанцев; это всё при большом количестве беженцев и высланных из страны) всколыхнуло прогрессивную общественность и крестьянские масс в Пруто-Днестровской Молдавии. Материальное положение жителей неоккупированной части Румынии в 1916-1918 гг. было гораздо хуже, чем бесарабцев. Характерен пассаж из разговора (своеобразного интервью) трансильванского журналиста с одним из видных бесарабских священников (из Оргеевского уезда), опубликованный осенью 1923 г. в бухарестской газете «Адевэрул»: «Дескать, виноваты, что не боролись против царей и россиян? А зачем было с ними бороться? О Румынии у нас знали только плохое, да и то не от русских, а от дезертировавших из армии румын. Тысячи и тысячи сбежавших солдат приносили со стороны «братьев» наихудшие известия, предпочитая быть сосланными в Сибирь, нежели отправленными под конвоем домой». Поэтому у большинства многонационального населения разных классов и сословий Пруто-Днестровской Молдавии сложился довольно устойчивый негативный образ «боярской» Румынии, переломить который заезжим и доморощенным румыноунионистам было делом крайне сложным, при соблюдении демократического плюрализма даже невозможным.

Поскольку молдаване в сословно-классовом отношении в большинстве были крестьянами, для МНП было важным сделать популярным в их среде своё решение аграрного вопроса. Однако, в первоначальной редакции программы МНП земельный вопрос (даже после серьёзных споров среди инициаторов создания партии) земельный вопрос решался половинчато, в конкретных

условиях 1917 г. явно в пользу помещиков – вследствие нахождения в руководящем ядре национальной партии (партийных председателей) латифундистов П. Горе, В. Херца и В Строеску.

Активисты МНП старались работать в среде крестьянства, а также таких сравнительно массовых групп интеллигенции как учительство, духовенство и др. Но продвижение влияния МНП шло очень туго. Внимание большинства активных крестьян было сфокусировано на аграрной тематике, учителя были заняты демократизацией системы образования, подготовкой введения обязательного бесплатного начального образования на родном языке. Представители крестьянства и учителей одобряли предоставление Бессарабии самой широкой территориальной автономии, но в составе демократической, федеративной России, что служило бы гарантией закрепления завоеваний революции на молдавской земле.

Важной составной частью развития молдавского национального движения в 1917 г. стали образование и деятельность Молдавских Советов и Комитетов солдатских и офицерских депутатов, создававшихся весной и летом 1917 г. К апрелю 1917 г. в царскую армию в (Восточной) Молдавии было призвано 250-300 тыс. призывников, в 1917 г. только на Румынском фронте и в Одесском военном округе несли воинскую службу более 90 тыс. молдавских солдат и офицеров. Процессы демократизации и революционизации старой российской армии не обошли их стороной. Военнослужащие-молдаване выделялись своей войсковой организованностью, гражданской сознательностью, уровнем политической грамотности. Среди них небезуспешную деятельность развернула МНП. В июле 1917 г. был создан в Кишинёве Центральный Молдавский (Военно-) Исполнительный Комитет Совета солдатских и офицерских депутатов (ЦМ ВИК)- представительный орган военнослужащих - молдаван Румынского фронта и его тыловых гарнизонов, среди прочих поддерживающий идею автономии Бессарабии.

В июне 1917 г. в Бессарабию по поручению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов прибыла группа агит-

таторов, преимущественно эсеров и этнических молдаван, во главе с И. К. Инкульцом и П. В. Ерханом «для борьбы с реакцией, антисемитизмом, сепаратизмом и углубления революции». Инкулец и Ерхан, используя свою репутацию «петроградских революционеров», довольно быстро выдвинулись на первые роли в губернском исполкоме и губисполкоме Совета крестьянских депутатов. Первоначально они дистанцировались от лидеров МНП, настаивая на признании верховной власти Временного правительства и безусловном приоритете социальных задач перед национальными, но потом включились в национальное движение и стали играть в нём ведущую роль.

Во всё более обострявшейся и дестабилизировавшейся политической обстановке осени 1917 г. ЦМ ВИКу удалось добиться согласия у командования Румфронта, Одесского военного округа и Ставки Верховного главнокомандования и начать формирование в сентябре национальных милицейских когорт, а с октября – I-го Молдавского пехотного полка. В условиях наглядного ослабления власти институтов Временного правительства (по мере роста «аграрных» и «продовольственных» «беспорядков») ЦМ ВИК и связанная с ним МНП посчитали своевременным заручиться поддержкой для осуществления своих целей такой организованной и реальной силой как военно-служащие-молдаване, созвав в Кишинёве Военно-молдавский съезд (работавший 20-27 октября). Этот съезд высказался за территориально-политическую автономию Бессарабии в составе демократической Российской федеративной республики, во главе которой до созыва Бессарабского Учредительного собрания будет находиться Краевой совет (Сфатул Цэрий), передачу всей земли «без выкупа трудящемуся народу» и др. Попытки включить в резолюции съезда термин «румынский» и т. п. встретили негодование большинства присутствующих и провалились. В последние дни работы военно-молдавского съезда пришла весть о победе большевистской революции в Петрограде, провозгласившей переход всей власти Советам.

В принятой 2 ноября 1917 г. ленинским Совнаркомом «Де-

кларации прав народов России» были изложены основные принципы национальной политики Советской власти во главе с большевиками – равенство и суверенность народов, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Это объективно открывало широкие возможности для воссоздания молдавской государственности. Однако, лидеров МНП не устраивала сама перспектива сотрудничества с «максималистами». Их, как и других противников Советской власти (кадетов, меньшевиков, правых эсеров и др.) страшило распространение ленинских декретов на Молдавию, пугали быстрый рост популярности и численности в крае большевиков и левых эсеров. «Если бы не было выступления большевиков, то с открытием Сфатул Цэрий не спешили бы», - признавался будущий председатель этого органа И. К. Инкулец.

Сфатул Цэрий открыл свои заседания 21 ноября 1917 г., заявив о своих претензиях на верховную власть в губернии. Этот орган был образован не на основе прямых выборов, а путём кооптирования представителей партий, общественных организаций, профессиональных и этнических групп, учреждений местного самоуправления, сословий др. с нарушением принципа пропорционального представительства. Так, например, МНП на выборах в ноябре 1917 г. во Всероссийское Учредительное собрание, получившая поддержку лишь 2,2% избирателей, имела 4 места, а эсеры, наиболее популярная партия в Бессарабии с почти третью всех голосов, поданных на выборах в ВУС, располагали в СЦ всего лишь одним местом. Краевой совет считался временным органом, действующим до созыва Бессарабского Учредительного собрания, выборы в которое так и не были проведены из-за опасения неблагоприятных результатов для МНП. В своей программной речи И. К. Инкулец заявил: «Бессарабия должна будет стать Демократической республикой, составляющей нераздельную часть Великой Российской Демократической республики».

2 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил образование Молдавской Демократической (Народной) республики (в составе Российского федеративного государства). Было сформирова-

но правительство – Совет Генеральных Директоров (СГД), во главе с П. В. Ерханом, в уезды начали назначаться комиссары СЦ и т. д. Образование МД(Н)Р знаменовало собой возрождение молдавской национальной государственности. Молдавская республика была признана Петроградским Советом и правительством Российской Советской Федеративной республики. Кишинёвский Совет РиСД приветствовал Сфатул Цэрий как орган, реализующий права молдавского народа на самоопределение, обещал поддержку ему в тех начинаниях, которые будут направлены на проведение в жизнь постановлений II-го Всероссийского съезда Советов о земле, мире, рабочем контроле. Но именно этого лидеры Сфатул Цэрий как раз и не желали, они отвергали любые проекты взаимодействия с большевиками.

Советы, по мере их большевизации, и Сфатул Цэрий обнаружили совершенно разные подходы к решению жизненно важных вопросов текущей жизни. Большевики, левые эсеры, левые бундовцы в Советах, например, рассматривали крестьянские волнения как проявление справедливой борьбы крестьян за землю, а многие сфатулоцэристы в них видели страшную анархию, которую необходимо обуздать, даже пустив в ход войска. Постепенно стало нарастать политическое соперничество между Советами и СЦ, во второй половине декабря дошло до явной конфронтации между ними.

В стенах Сфатул Цэрий разгорелись споры: какие войска привлечь для противодействия «аграрным беспорядкам» (курени украинской Центральной Рады, формирования из бывших пленных военнослужащих австро-венгерской армии или др.?). Румыно-унионистски настроенные лидеры МНП и СЦ уже в конце ноября 1917 г. направили в Яссы генерального директора внешних сношений И. Е. Пеливана и упомянутого О. Гибу с задачей выяснить: какую помощь может оказать румынское правительство «бессарабцам» в борьбе с «большевизмом, который пустил глубокие корни в Бессарабии».

В новых условиях, когда ленинский СНК взял курс на революционный выход России из войны, румынский кабинет, который ранее вовлёл страну в войну с целью отвоевания Тран-

силывании и Южной Буковины, ныне вернулся к планам об округлении восточных границ Румынии за счёт Бессарабии. Тогдашний румынский министр И. Г. Дука отмечал: «Когда развалилась Россия (подразумевается октябрьский 1917 г. переворот в Петрограде – В. П.) объединение стало достижимо». Образование Сфатул Цэрий румынские политики расценили как «пролог возвращения Бессарабии к матери-родине».

Первым «пробным камнем» на пути вторжения армии королевской Румынии стало занятие румынскими войсками в декабре 1917 г. припрутских населённых пунктов Бессарабии. В первых числах декабря в м. Леово вошёл небольшой румынский отряд вроде бы для охраны хлебных складов и получения партии продовольствия. Его появление вызвало у подавляющего большинства местных жителей бурю возмущения, крестьяне и мещане Леово были уверены, что «румыны пришли с целью отнять все завоевания революции». На митингах, организованных членами исполкома местного Совета, разгневанные леовцы потребовали от «непрощенных гостей» убраться туда, откуда пришли. При ретировании румынского отряда за Прут были убиты румынский офицер и два солдата. Спустя день в Леово вступили целых два румынских полка, жителям в ультимативной форме было предложено выдать «зачинщиков» оказанного сопротивления под угрозой расстрела каждого десятого леовца. Четырёх членов исполкома Леовского Совета во главе с И. Нестратом карателям удалось схватить и они были расстреляны. Группы убитых румынские офицеры приказали не убирать...

Практика таких частных вторжений продолжилась. 20 декабря 1917 г. от председателя Минжирского комитета Кицана поступила в Кишинёв следующая телеграмма: «Сёла: Поганешты, Сарата-Резешты, Войнеско окружены румынскими войсками. Расстреливается население. Просим неотложной воинской помощи». Спустя два дня пришло известие об аналогичной ситуации в Карпиненах и прилегающих к ним сёлах. Из текстов документов очевидно, что местное крестьянство встречало пришельцев из-за Прута враждебно и просило оказать помощь в борьбе с ними.

Совнарком неоднократно заявлял ноты протеста правительству Румынии по поводу незаконных захватов населённых пунктов Бессарабии, которую считал составной частью территории РСФСР, и расправ с революционными солдатами Румынского фронта. Румынский кабинет, зная о положительном отношении к своим планам «зачистки» Румфронта и Бессарабии от «большевизма» со стороны держав Антанты, ограничивался дипломатическими отписками.

Перед лицом аграрной революции, продовольственных бунтов, пьяных дебошей и др. Сфатул Цэрий и Совет Генеральных директоров обнаружили свою недееспособность. Они не могли не признать «черный передел» в деревне, не предупредить его. Уже в середине декабря 1917 г. П. В. Ерхан заявил на заседании СЦ: «На территории Молдавской республики нет ещё полноты власти, чтобы можно было проводить в жизнь те или иные начинания... Мы не можем принять меры... Если нет у нас сил, уйдем отсюда...». Обычно сфатулоцэристы оправдывались тем, что у них не было достаточно верных войск. Так, член СГД Шт. Чобану констатировал: «Именно те несколько молдавских частей, которые находились в распоряжении Сфатул Цэрий, и были заражены большевизмом, и надеяться на них было нельзя». Эмиссары СЦ и СГД активизировали свои тайные контакты с румынскими правительством и военным командованием.

В последней декаде декабря 1917 г. – начале 1918 г. особо активно в СЦ и СГД обсуждалась проблема привлечения контингента иностранных войск в Бессарабию. 22 декабря румынскому военному министру за подписями председателя СГД П. В. Ерхана, директоров В. Г. Кристи и П. Е. Пеливана была тайно отправлена телеграмма с просьбой о присылке в распоряжение СЦ полка трансильванцев из Киева. Но прения продолжались. Социалистический блок и блок нацменьшинств были категорически против прибытия румынских войск, указывая на то, что это может явиться первым шагом к военной оккупации края, создает угрозу всем политическим и социальным завоеваниям революции. Ерхан при открытом обсуждении колебался, пятеро

генеральных директоров прорумынской направленности в знак протеста подали в отставку. На заседаниях СГД дело доходило чуть «не до бросания чернильниц друг в друга».

Когда же слух о готовящемся приходе румынских войск дошёл до общественности Молдавии, разразилась крупномасштабная кампания горячих протестов. В ней приняли участие Бричанский СРиСД, IV-й съезд крестьянских депутатов Хотинского уезда, II-ой съезд крестьян Бельцкого уезда, совещание бессарабцев-делегатов II-го съезда Румчерода, ЦМ ВИК, солдаты 1-го Молдавского полка, 129-й молдавской аэробатарей, севастопольский отряд матросов-бессарабцев и др. Генеральный директор по военным делам Г. В. Пынтя сообщает о господствовавших тогда в обществе настроениях: «молдавское население, и в особенности солдаты-молдаване, были возбуждены и разгневаны тем, что придут румыны, чтобы отобрать у них землю, добытую в результате революции, и свободы, завоёванные после века страданий».

Готовясь к отражению неминуемо надвигавшейся интервенции, Губисполком Советов рабочих и солдатских депутатов Бессарабии совместно с Кишинёвским Советом при участии Временного Революционного комитета Южного района 24 декабря 1917 г. создали Революционный штаб советских общереспубликанских войск Бессарабского района во главе с сочувствующим большевикам штабс-капитаном Е. М. Венедиктовым. Сюда из Ясс 28 декабря перебрался Фронтной отдел большевизировавшегося в середине декабря Румчерода (т. е. ЦИКа Советов и солдатских (матросских) комитетов Румфронта, Черноморского флота и тыловых областей, включая Бессарабию), который вступив во взаимодействие с вышеназванными органами, объявил себя верховной властью на Румынском фронте. Все они развернули довольно активную деятельность. Завершилось это тем, что констатировали представители Центральной рады, с трудом пробравшиеся по маршруту Раздельная- Кишинёв-Унгены, в своей телеграмме, отправленной 1 января 1918 г. из Ясс в Киев: «В Кишинёве - город и станция в руках большевиков».

Румынское правительство и военное командование, дей-

ствуя в тесном контакте с частью лидеров СЦ и СГД, командующим русскими войсками на Румынском фронте генералом Д. Г. Щербачёвым, украинской Центральной Радой, представителями держав Антанты, разработали план захвата Кишинёва внезапным, комбинированным ударом с ходу. Полк трансильванцев, выполняя приказ румынского военного министра, следуя железнодорожным маршрутом Киев-Жмеринка-Раздельная-Кишинёв, наступал с востока. Одновременно от Прута, преимущественно по линии Унгены-Кишинёв двигались отряды румынских войск и гайдамацких куреней. Около 1 часа ночи 6 января эшелоны с трансильванцами (800-1000 чел.) прибыли на железнодорожные пути Кишинёвского вокзала, готовые занять станцию. Но их здесь уже ожидали поднятые по тревоге Фронтотделом и Кишинёвским исполкомом революционизированный 5-ый Заамурский кавалерийский полк, 1-й Молдавский пехотный полк и отряд Красной гвардии. От трансильванцев потребовали сложить оружие и убраться из Бессарабии. Они отказались. До утра шли переговоры, затем вспыхнула перестрелка. Потеряв шестерых убитых и много раненных, трансильванцы сдались.

Новоявленные румынские легионеры были введены в заблуждение насчёт истинных чаяний жителей Кишинёва, их шокировало, что безусловное большинство кишинёвцев восприняло крайне негативно одно только появление румынских подразделений в пределах родного города. Активный участник революционного движения в Молдавии Г. И. Борисов (Старый) называет трансильванцев «одураченными и обманутыми солдатами». Один из командиров румынских легионеров, эмиссар румынского Генерального штаба в Киеве, поручик Север Боку вспоминал: ...Поезд с трансильванцами, «который должен был быть встречен в Кишинёве с энтузиазмом, с цветами, был, наоборот, встречен враждебно... Ардяльские и банатские добровольцы были разоружены и затем (демонстративно – В. П.) проведены по улицам Кишинёва **под крики «ура» и единодушную брань толпы**, оскорбляемые и оплёванные». Обескураженные ввиду такого очевидного враждебного отношения широких масс

населения к интервентам, господу Инкулец и прочие деятели из Сфатул Цэрий, выражаясь словами С. Боку – « ставшие впоследствии румынскими министрами,... не осмелились тогда дать несчастным пленникам хотя бы стакан воды».

Инкулец и Ерхан, явившись на Кишинёвский вокзал, решились лишь на попытку уговорить солдат молдавского полка вернуться в свои казармы, указывая на то, что якобы ардяльцы не имеют враждебных намерений к местным революционным организациям и следуют транзитом на фронт. Нелепица их увещаний сразу выходила наружу, ведь часть рядового состава трансильванского полка офицеры уверили, что он прибыл в Кишинёв для охраны пресловутых румынских военных складов, другие точно знали, что им предстоит «аннулировать (т. е. ликвидировать или насильственно разоружить – В. П.) здесь большевистские войска». Поэтому молдавские солдаты не пожелали слушать руководителей СЦ и СГД. А вот для советских войск, рабочих, всего населения Кишинёва взятие в плен румынского отряда стало серьёзным фактором подъёма настроения, особенно для молодёжи, шедшей большими группами в Революционный штаб (на ул. Инзова, ныне Лазо №6) для записи в добровольческие формирования и получением оружия для защиты Кишинёва от румынского вторжения.

5 января 1917 г. «корниловские ударники» во главе с контрреволюционными офицерами, посланные генералом Д. Г. Щербачёвым, и гайдамаки внезапно на рассвете ворвались на Унгенский железнодорожный узел, сбив советский воинский заслон на пути движения в кишинёвском направлении. Здесь были расстреляны 12 членов Унгенского Совета рабочих депутатов. К вечеру 6 января передовые эшелоны с королевскими войсками доехали до ст. Страшены. Румынские батальоны разгрузились и походным порядком через Гидигич двинулись на Кишинёв. На позициях у Гидигича и Кожушны их встретили огнем советские революционные отряды. Интервенты в ночь на 7 января в беспорядке, бросая оружие, теряя ориентацию на местности, сдаваясь в плен мелкими группами, отступили к

Страшенам. «Крестьяне сёл, которыми проходили румыны, – сообщала пресса тех дней, – отнеслись очень враждебно к ним». В районе Страшен советскими частями был окружен и взят в плен отряд румынских войск (более 1000 чел.). После боёв под Страшенами румынские части начали отход к Унгенам. 7 января 1917 г. на ст. Корнешты четыре эшелона румынских войск, с которыми находился уполномоченный штаба Щербачёва генерал Некрасов, для придачи вида санкционированности действиям интервентов, были окружены революционным железнодорожным батальоном, потребовавшим разоружения прибывших. Часть румынских солдат сдалась, а другие вместе с Некрасовым попытались отбиться и скрыться. Некрасов, однако, был обнужен и, едва избежав самосуда разоруженных солдат в качестве «щербачевца», был убит местным жителем. Таким образом, только под Гидигичём, Страшенами и Корнештами в плен было взято более 1300 солдат и офицеров противника. Пленные рассказывали, что «операциями якобы руководит Щербачёв» и что «их ловили, насильно запирали в вагоны и отправляли, не объясняя куда и зачем». Газета «Голос революции» (печатный орган Румчерода), сообщая об оставлении румынскими войсками Унген, утверждала: «Возбуждение против румын, стреляющих разрывными пулями, велико. Сражаются с румынами все русские войска, не исключая национальных. Особенно ожесточённо против них настроены молдаване».

Параллельно с попыткой захвата столицы Молдавской Народной республики румынская армия принялась за создание себе плацдарма в южном бессарабском Припрутье. В первых числах января 1917 г. румынские войска при поддержке реакционного русского командования Румфронта вошли в Кагул и ряд сёл южнее (Вадул-луй-Исак, Манта, Прут и др.). Вошедшая было в Болград, румынская воинская часть боя с революционными русскими подразделениями ВРК VI-ой российской армии, к которым примкнули молдавские солдаты, не приняла и в ночь на 9-ое января разоружилась. Затем отряд ВРК VI-ой армии оперативно очистил от румынских войск Болград, Леово, Вулканешты и Ка-

гул. Отразили нападение из-за Прута гарнизон и вооружившееся население Рени. Русские генералы-щербачёвцы Коцебу, Дедюшин, Иванов и др. как пособники интервентов были арестованы.

Ввиду чрезвычайности ситуации днём 6 января 1918 г. прошло совместное экстренное заседание президиумов Бессарабского губернского и Кишинёвского городского исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов, крестьянского губисполкома и Молдавского Центрального военно-исполнительного комитета, принявшее решение о необходимости объявления Кишинёва на военном положении. Поскольку в общественном мнении были широко распространены обвинения в адрес членов СЦ и СГД в секретном сотрудничестве с Королевской Румынией на это собрание в «Дворец Свободы» (местонахождение Кишинёвского горСовета и исполкома губернского Совета рабочих и солдатских депутатов) были приглашены для объяснений И. К. Инкулец и П. В. Ерхан. Они заявили, что им о вводе румынских войск в край «ничего не известно», что они «ничего не знают». Те же директора, которые могут быть к этому причастны, будут удалены из СГД. Чтобы отвести подозрения от себя лично Инкулец и Ерхан отправили в адрес румынского правительства и Щербачёва следующую телеграмму: «Протестуем против ввода на территорию Молдавской республики румынских войск. Категорически требуем незамедлительно приостановить посылку войск и немедленно отозвать те войска, которые уже введены. Введение румынских войск в Бессарабию грозит ужасами гражданской войны, которая уже началась...». Часть членов СЦ и СГД попряталась, другие пробирались в Яссы, а некоторые демонстративно вышли из их состава. Как органы власти СЦ и СГД после событий 5-7 января 1917 г. перестали существовать, но идея сохранения Молдавской республики стала поддерживаться Советами.

Когда в Яссах поняли, что малыми силами Бессарабию не захватить, там была задумана крупномасштабная военная операция. Позднее румынский министр Т. Ионеску заявил: «...весь мир знает, что войска, направленные в Бессарабию, были посланы для того, чтобы завершить, когда можно будет и как только

можно будет, финальный акт присоединения Бессарабии. Такова истина». Но для создания идеологического прикрытия, своего рода идейной «дымовой завесы» румынские генералы и политики, связанные с ними деятели Сфатул Цэрий, представители держав Антанты твердили о том, что румынские части идут для охраны местных железных дорог и воинских складов и не будут вмешиваться во внутренние дела населения, уж тем более оккупировать Бессарабию.

Для переброски крупных воинских сил с фронта в Бессарабию румынское руководство заручилось негласным согласием немецкого командования. Уже в те дни Румчерод полагал, что на закулисных торгах Бессарабию предлагают Румынии в качестве компенсации за уступку Болгарии Добруджи и др.

Для ведения военных действий в Бессарабии были выделены четыре дивизии, имевшие 50 тыс. штыков и сабель. 11-я пехотная дивизия должна была захватить Кишинёв, а затем нанести удар на Бендеры. Для наступления на Бельцы и Сороки предназначалась 1-я кавалерийская дивизия. Юг Бессарабии (Кагул, Болград, Измаил, Килия, Аккерман) входил в зону оккупации 13-ой пехотной дивизии. Связующим звеном между 11-ой и 13-ой служила 2-я кавалерийская дивизия, которой предстояло двигаться на Чимишлию.

Румынская пехотная дивизия наступление на Кишинёв повела от Страшен и Хынчешт. Напряженные бои за город шли три дня (10-12 января). Силы, подчинявшиеся Фронтотделу в краевом центре накануне обороны, насчитывали 6 тыс. чел., т. е. значительно уступали противнику. Это были: 1-й пехотный Молдавский полк, 1-й гусарский Бессарабский полк, 1-й гусарский Молдавский полк, 3-й и 5-й (революционизировавшиеся) конные Заамурские полки, 14-я артбригада, добровольческие (красногвардейские) дружины др. Им была поставлена задача «удержать за собой Кишинёв до прихода подкреплений, а с их приходом перейти в наступление и изгнать румын из Молдавской республики».

О событиях тех дней тогдашний начальник Кишинёвского

гарнизона Ф. Я. Левензон (уроженец Оргеева) позднее вспоминал: «Наспех были сформированы отряды из добровольцев, непрерывно прибывавших в распоряжение исполкома. Здание фронтотдела (ныне Художественного музея – В. П.) превратилось в центральную базу формирования и вооружения новых частей из рабочих и вообще жителей Кишинёва. Вооружение велось беспрерывно, днём и ночью...Подгородние крестьяне, населявшие окраины, окружили наших бойцов заботой и вниманием. Они несли службу вместе с солдатами, кормили и поили их, ходили в разведку, каждый вооружался чем мог. От мала до велика, все, как могли, участвовали в обороне...». Защитникам Кишинёва запомнились яркие действия наших земляков Г. И. Котовского и И. Э. Якира, будущих героев гражданской войны. На молодого кишинёвского рабочего Н. А. Костина большое впечатление произвели выступления на митингах очень популярного среди кишинёвцев Г. И. Котовского, «где с присущим ему темпераментом он призывал солдат и рабочих к борьбе против посягательств румынских бояр на Бессарабию и их приспешников из «Сфатул Цэрий». Студент-кишинёвец И. Э. Якир организовал в январские дни 1917 г. своеобразный мобильный отряд из 20-30 бойцов, который оперативно действовал на грузовиках.

И всё же защитники Кишинёва были вынуждены отступить к Бендерам и Тирасполю. Причин было несколько. Общее неравенство сил, неотлаженное управление советскими частями, серьёзные колебания в позиции ЦМ ВИК (когда представители от солдат даже вышли из его состава), межпартийные трения в советских органах и то, что просфатулцэриэвски настроенным офицерам коварным способом удалось добиться в решающий момент нейтрализации значительной части солдат молдавских полков. События 6-7 января привели деятелей Сфатул Цэрий и ЦМ ВИКа к горьким выводам: «86% наших частей оказались на стороне Фронтотдела», «Солдаты были преисполнены решимости убить офицеров, подозреваемыми ими в предательстве». Поэтому на тайных совещаниях сфатулоцэристов было решено «вывести из большевистской атмосферы города солдат», «во что бы то ни ста-

ло желавших воевать с румынами», потому что те «приходят с целью отнять у нас землю и свободу». Скрытым сфатулоцэристам удалось добиться того, чтобы национальным частям, собранным компактно, был отведен в диспозиции обороны Кишинёва заведомо пассивный участок, а в дальнейшем реакционные офицеры постарались как можно дольше держать своих подчинённых в бездействии. Сказалось также и то, что ставка Щербачёва сорвала подход ожидаемой обороняющимися помощи с юга от российских частей 47-го корпуса и других соединений VI-ой армии.

В вечерние часы 13 января 1918 г. румынские воинские колонны, предварительно удостоверившись, что «большевики» покинули Кишинёв, вступили в город. В этот же день петроградский Совнарком разорвал дипломатические отношения с королевской Румынией из-за того, что последняя открыла «военные действия против Российской республики...». Затем СНК образовал и отправил в Одессу (первоначально предполагалось в Кишинёв) «Высшую автономную коллегия по русско-румынским делам», которая была уполномочена вести все дела, касающиеся взаимоотношений Советской страны с Румынией.

Днём 13 января, когда советские части уже отошли из Кишинёва, а командование 11-ой румынской дивизии ещё находилось в Страшенах, туда на встречу с генералом Э. Броштяну прибыла делегация лидеров СЦ и СГД. Когда П. В. Ерхан (не сложивший полномочий председателя СГД), очевидно, опасавшийся, что чрезмерно жёсткая политика румынской военщины повлечёт обратную реакцию, поведал румынскому генералу, что в Молдавской республике казнь отменена и преступников следует «предать военному Суду», то Э. Броштяну ответил: «Судья это я, и всякого рода преступления будут строго караться». Затем уже на встрече с делегацией членов Сфатул Цэрий в Кишинёве 19 января 1918 г. с солдафонской прямоотой Броштяну указал, что у них «нет власти». С большим основанием газета «Известия Одесского Совета» утверждала, что после 13 января в Кишинёве установилась «военная диктатура генерала Броштеану».

Румынская военная администрация немедленно развернула

репрессии против участников обороны Кишинёва, прочих противников и даже просто критиков нового режима. Был казнён помощник начальника Революционного штаба штабс-капитан Н. В. Дурасов. Солдаты 1-го Молдавского пехотного полка, активно участвовавшие в январских боях, были разоружены, а 17 из них, которые отказались присягнуть на верность румынскому королю, были расстреляны. К слову, само существование молдавских полков ввиду проявленных ими революционных настроений, было поставлено под сомнение, их предлагалось либо распустить, либо слить с румынскими частями. Расстрел грозил тем кишинёвцам, которые не хотели сдать имевшееся у них оружие. Но расстреливали вовсе не только большевиков или левых эсеров. Были, например, расстреляны ярые видные антибольшевики: меньшевичка и недавний член Сфатул Цэрий Н. Е. Гринфельд, народный социалист, редактор газеты «Свободная Бессарабия» Н. Г. Ковсан. Сам генеральный директор по военным делам Г. В. Пынтя 20 января признал, что в Кишинёве идут «частые расстрелы». Тогдашний секретарь Центрального бюро профсоюзов И. Н. Криворуков позже вспоминал: «Расстрелы без суда производились во всякое время дня и ночи. Бывали случаи, когда палачи не добивали своих жертв, а наскоро закапывали их полуживыми за городом на свалочном месте у предместья Рышкановки, засыпая тела легким слоем навоза».

Краевой центр был объявлен на осадном положении, был введен комендантский час, шли «подробные и тщательные обыски домов, дворов и сараев». Новые власти разогнали Советы и революционные комитеты, в том числе Центральному Молдавскому Военно-исполнительному комитету, по свидетельству Г. В. Пынти, было «приказано румынами освободить здание Дворца свободы в 24 часа». Интервенты даже распустили профсоюзы и кассы взаимопомощи. Уцелевшие профорганизации ушли в подполье, «Центральное бюро профсоюзов... продолжало свою работу в полулегальном состоянии». Со второй половины января 1917 г. из военнослужащих 11-ой румынской дивизии формируются летучие отряды для наведения «порядка»

в сёлах Кишинёвского и Оргеевского уездов, т.е. возвращения силой имущества «пострадавшим помещикам».

Даже при обозначившемся успехе румынских войск в районе Кишинёва лидеры СЦ и СГД, хорошо знавшие настроения большинства населения Молдавской республики, чётко отдавали себе отчёт, что торжествовать им на самом деле ещё не приходится. Выступая на заседании Сфатул Цэрий 13 января 1918 г. П. В. Ерхан заявил: «Я страшусь за те сёла и города, где ещё так сильны влияние большевиков и недоверие к Сфатул Цэрий. Меня ужас берёт за Аккерманский и Измаильский уезды, а также за Хотинский с Сорокским, где ненависть к Сфатул Цэрий доходит до своего апогея, где со злобой передают из уст в уста, что Сфатул Цэрий продал за деньги Бессарабию Румынии и грустно то, что об этом говорят не только тёмные невежественные массы, но и интеллигенция». Дальнейшее развитие событий как в краевом центре, так и на периферии вполне подтвердили это открытие председателя СГД.

18 января 1918 г. в здании Епархиального собрания (находилось на месте современного Дома правительства) открылся III-й Бессарабский губернский съезд Советов крестьянских депутатов, проведение которого было намечено ещё осенью 1917 г. Среди присутствующих было мало представителей Аккерманского, Измаильского и Хотинского уездов. Одни не смогли добраться из-за широким фронтом развернувшихся боевых операций румынских войск против советских отрядов, другие не поехали в Кишинёв узнав, что краевой центр оккупирован интервентами. Поэтому этот съезд выражал мнения и настроения **именно молдавского** крестьянства центральных уездов. Попытка старого руководства губернского исполкома и деятелей СЦ взять под контроль работу съезда с ходу провалилась. Предложенная делегатам кандидатура П. В. Ерхана на пост председателя съезда была громадным большинством отвергнута. Своим председателем делегаты избрали В. М. Рудьева, представителя Бельцкого уездного крестьянского съезда, 14 января 1918 г. протестовавшего против ввода румынских войск в Бессарабию и

признавшего власть петроградского СНК. «Избрание Рудьева, - подчёркнул «Голос Революции» - представителя левого крыла съезда, стоявшего на точке зрения Советской

власти, было встречено бурными овациями...». Василий Михайлович, уроженец молдавского села Попешты Сорокского уезда, которому война помешала завершить учёбу в Киевском коммерческом институте, активный участник I-го и II-го губернских крестьянских съездов, в качестве комиссара Бельцкого уезда был кооптирован в состав СЦ, в ноябре 1917 г. был избран по списку крестьянских Советов делегатом Всероссийского Учредительного собрания, в январе 1918 г. стал членом созданного в Бельцах «Революционного штаба по охране Бессарабии от нашествия румын». За активное отстаивание интересов сельских тружеников Рудьев, имевший и характерную для выходца из народа внешность, и обладавший, даже по признанию оппонентов, умением овладевать вниманием широкой аудитории, пользовался большим и главное всё растущим авторитетом среди масс молдавского крестьянства.

19 января III-ий съезд единогласно проголосовал за резолюцию о том, что «вся власть должна принадлежать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Съезд успел выбрать комиссию, которой поручил составить декларацию протеста против оккупации Бессарабии. Председатель съезда выступил с яркой речью, в которой осудил действия генеральных директоров СЦ и назвал оккупацию порабощением. «В настоящий момент, когда перед нами вырисовываются две дороги – одна к рабству, другая к свободе, работа съезда представляется особенно нужной». - говорил Рудьев, - «Мы признаем румынский народ, особенно румынское крестьянство, но мы не можем лишиться права контроля правительства, будь оно русским, румынским или молдавским. Пока нам не будут гарантированы свобода слова, собраний и неприкосновенность личности членов съезда, мы не можем спокойно продолжать наши работы. Единственное средство освободить наш дорогой край – выгнать в 24 часа румын, не жалея жизней своих, вставши как

один человек за поруганную румынами свободу нашу, добытую борьбой и кровью братьев наших. Это выступление делегаты встретили долго не смолкавшими аплодисментами.

Реакция румынской военной администрации не заставила себя долго ждать. Епархиальное здание было оцеплено солдатами, через полчаса после окончания речи Рудьева в зал заседания вошла воинская команда во главе с майором, на хорах расставили четыре пулемёта. Румынский офицер потребовал выдать ораторов, которые «оскорбляли» румынское правительство. От президиума съезда на переговоры с военным «диктатором Бессарабии – генералом Э. Броштяну» отправились В. М. Рудьев и В. Прахницкий. Обратного пути уже не было... Затем были арестованы ещё три члена президиума. Спустя некоторое время все пятеро: четверо молдаван (В. М. Рудьев, В. Прахницкий, Т. В. Которос, И. Панцырь) и украинец (В. М. Чумаченко) были расстреляны румынскими военными. Поскольку арестованные одновременно являлись членами Сфатул Цэрий, а по идее «личность депутатов должна быть неприкосновенна», от СГД последовал запрос об их судьбе к генералу Э. Броштяну. Генерал ответил, что арест членов СЦ не считает «вмешательством во внутренние дела республики». «Цель его прибытия сюда – борьба с большевиками, и никто не может ему мешать в этой борьбе». И вызывающе заключил: «Мы всегда будем поступать так». По более поздним данным, из 116 делегатов III-го крестьянского съезда всего были расстреляны 45 чел. Если в первые дни на съезде царила атмосфера возмущения и революционного подъёма, то в заключительные дни в епархиальном зале её сменила обстановка страха и растерянности. Но на местах, в сёлах и деревнях, уездах протестные настроения даже нарастали.

После Кишинёва следующим важнейшим объектом боевых действий 11-ой румынской пехотной дивизии стали Бендеры – имеющий особое значение стратегический узел дорог, место сосредоточения громадных военных складов. Борьба за него приняла очень упорный и ожесточенный характер. Бендеры неоднократно переходили из рук в руки. Сами румынские военные

источники признали, что «оккупация Тигины (Бендер) была произведена... с трудом и с потерями вследствие чрезвычайного сопротивления и враждебного противодействия». 11 января на многолюдном митинге солдаты местного гарнизона и бендерские рабочие решили встать на защиту города с крепостью на Днестре. Отступившие из Кишинёва члены Фронтотдела, депутаты Кишинёвского Совета и командиры революционных отрядов совместно с партийно-советским активом Бендер (Г. И. Борисов (Старый), уроженец молдавского села Божиены ныне Хынчештского района, ветеран революционного движения, тогда ещё меньшевик; П. В. Добродеев, уроженец Кишинёва, зампред Бендерского Совета и др.) образовали штаб обороны Бендер. Защищать город готовились революционизированные 5-й и 6-й кавалерийские полки и спешно создававшиеся красногвардейские отряды из рабочих железнодорожных мастерских и других предприятий, служащих, учащихся, жителей предместий. В распоряжение революционного командования предоставили себя солдаты формировавшегося в Бендерах 4-го молдавского полка.

Румынские войска в середине января 1918 г. двигались к Бендерам с двух сторон от Кайнар и от Кишинёва. Красногвардейский отряд бендерчан, упреждая нападение интервенционистских войск на город, на самодельном бронепоезде выехал им навстречу и в районе Кайнар взял в плен и разоружил румынские подразделения численностью более 800 военнослужащих, которые явно не хотели воевать. На совещании в штабе обороны Бендер было принято решение о временном отводе регулярных полков на левый берег Днестра для пополнения и реорганизации, в связи с чем основная тяжесть борьбы ложилась на красногвардейцев, артиллеристов и пулемётные команды. 16 января румынские войска вышли на ближние подступы к Бендерам и повели наступление на город. Командовавший наступавшей на Бендеры дивизией генерал Э. Броштяну бравировал на страницах прессы. 17 января он заявил: «Бендеры должны сегодня пасть, за ними Тирасполь, а потом уже очередь за Одессой. И её возьмём! Тогда покажем большевикам, что с нами нужно

считаться...». 17-19 января шли бои при явном неравенстве сил, прорывавшиеся к городским окраинам румынские части защитники города (в ряды которых встали старики, женщины и подростки) несколько раз отбрасывали вспять, захватывая в качестве трофеев даже орудия. Румынские батареи вели интенсивную артиллерийскую бомбардировку. По сообщению очевидцев: «Город весь содрогался от грохота орудий», разрывов снарядов. 19 января то ли от прямого попадания снарядов, то ли из-за диверсии взлетели на воздух огромные артиллерийские склады, находившиеся как в крепости, так и среди городских кварталов; город охватил ужасный пожар. Утром 20 января красногвардейцы и солдаты отошли из Бендер. Войдя в завоёванный город, румынская военная администрация произвела аресты многих деятелей-социалистов и уцелевших участников обороны вплоть до гимназистов, был организован военно-полевой суд, начались первые расстрелы, были запрещены профсоюзы и др.

Но борьба за город с крепостью у Днестра не прекратилась. В продолжение стихийно вспыхнувшего боя за железнодорожный мост у Днестра на утро 23 января революционные отряды выбили из Бендер румынские части, беспорядочно отступившие из города, но и сами в нем, очевидно, не имея приказа, не задержались. Представитель Румчерода, сообщая о румынских репрессиях, зафиксировал настроения бендерчан в те дни: «нечего и говорить, что население относится очень враждебно к румынам, за исключением маленькой кучки, приверженцев «Сфатул цэрий».

Силы Фронтотдела Румчерода в Тирасполе получили подкрепления: сводный отряд революционных солдат-добровольцев из VIII-ой армии, отряды рабочих-красногвардейцев и матросов, прибывшие из Одессы и Николаева и пр. Ранним утром 24 января, поддержанные артогнём, советские войска ворвались через мост в Бендеры, штурмом взяли старую крепость, овладели вокзалом и за три часа очистили город от королевских частей. Во время боёв к красным отрядам присоединились многие местные жители. В ходе бендерской наступательной операции были разбиты и отброшены от Бендер на 10-15 вёрст к Бульбокам и Кау-

шанам полки 22-ой румынской пехотной бригады. Отступивший противник оставил богатые трофеи и потерял около роты пленными. Важную роль в освобождении города от королевских войск 24 января сыграл сводный отряд из 500 румынских воинов-интернационалистов, сформированный и прибывший из Одессы. Газета «Lupta» - орган Румынского социал-демократического комитета действия писала: «Боевое крещение румынской революционной армии состоялось! У ворот старинной Бендерской крепости первые отряды этой армии сражались при взятии моста через Днестр и совместно с русскими матросами и Красной гвардией освободили город... Боевое крещение румынского вооружённого пролетариата на подступах к Бендерам – это начало нашей избавительной Революции».

25 января румынские войска, собравшись с силами, развернули очередное наступление на Бендеры. Начавшись у Бульбоки и Калфы, бои шли с переменным успехом, но затем под натиском регулярных полков королевской армии советским отрядам пришлось отойти на левый берег Днестра. Вступившие вновь в город румынские части провели жестокую и кровавую расправу над непокорными бендерчанами. Свыше 5000 чел., среди которых было много женщин, стариков и детей, были согнаны солдатами за каменный забор, отделявший город от железнодорожного полотна (в районе вокзала и железнодорожных мастерских). Там каратели продержали жителей, многих полураздетых, в холодную январскую ночь «на коленях под устремлёнными на них дулами винтовок в течение четырёх часов». Уставшего печально известным «чёрного забора» было расстреляно 150 железнодорожников и много других жителей. По данным сигуранцы, после нового захвата Бендер «румынскими солдатами было совершено много грабежей». Несмотря на очень строгие меры по контролю за поведением бендерчан румынская администрация в Бендерах чувствовала себя очень беспокойно из-за поступающей информации о готовящемся новом наступлении красных, враждебного настроения местного населения, беспокоящих налётов с левого берега Днестра.

Около 20 января 1918 г., т. е. в разгар боёв за Бендеры, начале борьбы за Измаил и Бельцы, был образован в Тирасполе Революционный комитет спасения Молдавской республики, выпустивший целый ряд воззваний. Свои политические задачи и состав комитет определял следующим образом:

«...Мы, верные сыны Бессарабии, делегация Молдавского комитета Крымского полуострова (в Севастополе в армии и на флоте несли службу несколько тысяч молдаван – В. П.) и члены исполнительных комитетов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов различных городов Бессарабии – Кишинёва, Бендер и т. д. – решили объединиться для того, чтобы оказать должное сопротивление врагам революции.

Мы создали революционный комитет спасения Молдавской республики, целью которого является вооруженная борьба против румын, которые оккупировали территорию Бессарабии, (и) установление новой власти, такой власти, которая соответствует в действительности интересам народа.

Во имя революции мы клянёмся не бросать оружия до тех пор, пока не будет восстановлена действительно народная власть в Молдавской республике».

Этот революционный комитет спасения Молдавской республики действовал в тесном контакте с Румчеродом, получал от него финансовую помощь. Комитет был связан и с Верховной автономной коллегией по русско-румынским делам, которая оказывала ему содействие.

Известие о переходе через Прут крупных сил румынской армии вызвало большую тревогу в г. Бельцы и одноимённом уезде. Бельцким уездным крестьянским Советом для защиты свободной Молдавской республики сразу же 8 января был создан Революционный штаб по охране Бессарабии («от румынского нашествия»), в который вошли председатель Совета А. Г. Паладий, председатель Бельцкого уездного земельного комитета и зампред Совета, учитель Г. И. Галаган, упомянутый Рудьев и др. А. Г. Паладий, уроженец молдавского села Старая Сарата Фалештской волости, являлся весьма авторитетной фигурой среди

крестьян Бельцкого уезда и Бессарабии. С июня 1917 г. – бес-
сменный председатель Бельцкого Совета, он был избран делега-
том и участвовал в работе II-го Всероссийского съезда Советов
крестьянских депутатов (26 ноября – 10 декабря 1917 г.) в Петро-
граде. Паладий 9 января призвал письменно население через во-
лостные земельные управы приступить к организации боевых
дружин. Тогда же Бельцкий Совет обратился к крестьянам Мол-
давской республики с воззванием, в котором призывал на борьбу
против оккупантов. В нём говорилось: «Лучше смерть, чем новое
рабство под игом кровопийцы- румынского короля. Да здрав-
ствует свобода! Да здравствует вольное крестьянство! Смерть
изменникам!». В тот же день в Бельцах состоялся трехтысячный
митинг рабочих и солдат гарнизона с участием представителей
близлежащих сёл, выразивший протест против вступления окку-
пационных войск в Бессарабию. Были открыты военные склады и
оружие стали выдавать желающим оборонять город и уезд.

В Бельцах формирование подразделений молдавской на-
циональной армии и революционных частей самообороны сли-
лись в один процесс. В этом самое активное участие приняли
штабс-капитан А. В. Попа, Паладий, Галаган, Левицкий и др.
Анатолий Васильевич Попа был уроженцем молдавского села
Большие Котюжаны Сорокского уезда, после учёбы в Бельцком
городском училище работал служащим, в 1914 г. призван в ар-
мию и после окончания Одесского полкового училища – на
фронте был трижды ранен и награждён тремя орденами, с сен-
тября 1917 г. в Кишинёве работает в составе ЦМ ВИК, участвует
в формировании I-го Молдавского полка. В январе 1918 г.
назначен военным комиссаром СЦ по Бельцкому уезду. После
того как Паладий, согласно решению II-го Бельцкого крестьян-
ского съезда, выехал на север для получения помощи от рево-
люционных соединений VIII-ой российской армии и ленинского
СНК, а Рудьев отправился в Кишинёв на III-й губернский кре-
стьянский съезд, на Попу легла практически вся полнота ответ-
ственности за организацию и руководство обороны Бельц. Ана-
толию Васильевичу, хотя и с большим трудом, в сжатые сроки

удалось сформировать к 20 января «батальон пехоты, два эскадрона кавалерии, отдельную пулемётную роту, автомобильную роту» и артбатарею неполного состава. На помощь добровольцам из жителей города (насчитывавших до тысячи чел.) и революционным солдатам гарнизонного полка подходили вооруженные группы крестьян из Куболты, Малых (Х)аснашан и других сёл. Вокруг Бельц рылись окопы, устанавливались пушки и пулемёты. Отряды защитников распределялись по участкам обороны. Объявленная Советом и Революционным штабом мобилизация и меры по вооружению добровольцев встречали саботаж (хотя чаще скрытый, чем явный) со стороны соглашательски настроенных членов старого состава исполкома Совета, латентных сфатулоцэристов, контрреволюционеров в гордуме и земской управе.

21 января 1918 г. 1-я румынская кавдивизия, переправившись через Прут, заняла Скуляны и подошла к Фалештам (в 26 вёрстах от Бельц), где её авангард был встречен огнём красногвардейцев; румынские солдаты были вынуждены дважды атаковать местечко и революционный конный отряд отошёл. Направляясь по объездной дороге к Бельцам, командир дивизии генерал М. Скина 22 января на автомобиле въехал в молдавское село Обрежа, где был захвачен местным вооружённым отрядом самообороны. Разъяренные крестьяне, видевшие в румынском генерале восстановителя помещичьих порядков, сначала хотели «разобраться» с ним на месте, но потом отвели его на суд в сельский комитет, откуда генерала и его адъютанта должны были отправить в Бельцы. Однако, подоспевшие румынские кавалеристы освободили своего начальника и примерно расправились с сельчанами Обрежи.

22 января румынские интервенты вышли на подступы к Бельцам с нескольких сторон. Попытка ворваться в город с юга натолкнулась на пулемётно-артиллерийский огонь и наступавшие, понеся потери, были вынуждены отступить. По другой дороге разъездам румынских кавалеристов удалось проскочить в город, но затем они революционными солдатами и дружинами

добровольцев были частично уничтожены у вокзала и на углу Петроградской и Николаевской улиц, а частично ретировались. Только 23 января, используя превосходство в вооруженной силе и воинской организации, результаты подрывной деятельности «пятой колонны» внутри города, в 3 часа пополудни после ожесточённого боя полки румынской кавдивизии заняли Бельцы, но стрельба продолжалась до темноты, пока последние защитники не отошли на север. Одну из групп вооруженных бельчан, позже защищавшую железнодорожные станции между Бельцами и Окницей, участвовавшую в боях с бояро-румынскими захватчиками в районе Рыбница – Шолданешты, отбивавшуюся от австро-германских интервентов у Слободского железнодорожного узла, возглавил А. Г. Паладий. Не в последнюю очередь на исход борьбы за Бельцы повлияло то, что серьёзные подкрепления бельчанам в лице революционных солдат-добровольцев из Асландузского полка и железнодорожников-красногвардейцев из Окницы приблизились к городу, когда он был уже занят королевскими частями.

Победителями, как это часто тогда бывало, сразу же были развязаны репрессии против членов революционных и социалистических организаций, участников обороны города. Только 23 января было арестовано около 1000 чел. 23-24 января было расстреляно около 20 чел. Карателям удалось схватить А. В. Попу, являвшегося подлинной душой сопротивления и Военно-полевым судом 1-ой кавдивизии он был приговорен к смертной казни. Но, учитывая огромный авторитет молдавского офицера-революционера в массах, его профессиональные качества, румынская администрация отменила смертный приговор и предложила Анатолию Васильевичу перейти на службу в королевскую армию. Однако, Попа предпочёл уйти на левый берег Днестра. Во главе партизанского отряда он принял участие в Хотинском восстании (январь 1919 г.). В дальнейшем командовал полком в составе Особой Бессарабской бригады и легендарной Бессарабской 45-ой стрелковой дивизии, геройски погиб в июне

1920 г. в бою с белополяками, посмертно награжден орденом боевого Красного Знамени.

Характерно, что занятие королевскими частями г. Бельцы во все не вызвало падения боевых настроений у окрестного крестьянства. 26 января генеральная сигуранца докладывала: «В Бельцком уезде среди крестьян царит большое возбуждение и бунтарство против вступления румынских войск в Бессарабию...».

В дальнейшие три недели (20-е числа января – первые две декады февраля 1918 г.) румынское наступление на север затормозилось. Королевские части вели боевые действия против отрядов революционных солдат и красногвардейцев и поддерживавших их крестьянских вооруженных формирований преимущественно вдоль железнодорожной линии Бельцы-Окница в районе станций София, Дрокия, Тырново и Дондюшаны.

Поход в южные уезды Бессарабии румынских 13-ой пехотной и 2-ой кавалерийской дивизий, 5-ой бригады кэлэрашей и других частей также сопровождался боями, а в ряде случаев встретил особенно упорное сопротивление. 10 января экстренный съезд крестьянских и рабочих самоуправлений района Буджака, проходивший в Аккермане, решил: не признавать власти Сфатул Цэрий и бороться против оккупантов. 10 января румынские войска, применив артиллерию, штурмовали и взяли Кагул, учинив потом расправу над защитниками города. 11 января румынские подразделения подошли к Болграду, но местные жители огнём двух пулемётов их остановили. Утром 12 января главные силы кавдивизии одолели сопротивление болгарцев. В назидание «упрямцам» затем в течение многих дней жителей города выгоняли на центральную площадь и поверх собравшихся румынские военные открывали сильную пулемётную стрельбу, во время паники производили личные обыски у болгарцев... Спустя несколько дней конная румынская разведка въехала в Тараклию. «Жители местечка, вооруженные частью ружьями, частью косами и вилами, стали прогонять румын...» Тогда по Тараклии открыла огонь румынская артиллерия. Тем не менее 250 крестьян-болгар, вооруженных чем попало, были исполнены решимости защищать

своё местечко..., но, понятно, тщетно. Жители м. Комрат, готовясь встретить «незваных гостей», организовали партизанский отряд. Однако, румынские кавалеристы взяли верх над комратскими партизанами. Упорные бои шли под железнодорожными станциями Чадыр-Лунга и Бессарабская.

Четыре дня (21-24 января) напряженные боевые действия, с применением артиллерии, велись за Измаил. Захватив этот город-порт интервенты арестовали около 1500 чел., с ходу расстреляли 14 матросов, а членов Совета матросских депутатов повесили. Килия в общей сложности отбивалась 10 дней до 25 января. До середины февраля велась ожесточенная борьба за Вилково и близлежащие рыбацкие посёлки (точнее за нижнюю часть Килийского гирла).

Итак, мы видим, что трудящиеся массы (Восточной) Молдавии стойко и упорно защищали в 1917-начале 1918 г. завоевания революции: политические и гражданские права (свободу слова, избирательного голоса, собраний, объединений, национального равноправия и др.), полученные крестьянами земли; в лице своих ведущих представительных организаций – Кишинёвского, Бендерского, Бельцкого, Тираспольского и других Советов, демократической части членов Сфатул Цэрий – поддержали идею воссоздания молдавской государственности в виде Молдавской республики. Военная операция румынских правящих кругов по насильственному захвату Бессарабии, натолкнувшись на вооруженное, политическое и морально-психологическое сопротивление большинства населения Пруто-Днестровья, даже более чем через полтора месяца своего проведения не достигла своих конечных целей. В Хотинском уезде, северной части Сорокского уезда, большей части Аккерманского уезда Советская власть при поддержке революционизированных воинских частей и красногвардейских отрядов из местных рабочих и крестьян достаточно прочно сохранялась до середины 20-х чисел февраля (по ст. ст.) 1918 г., т. е. до подписания Румынией с Советской Россией соглашения об очищении первой от своих войск и администрации Бессарабии. К тому же занятие румынскими вой-

сками большинства уездных городов Бессарабии вовсе не означало установления твердого контроля румынской военной администрации над сельской глубинкой; во многих волостях продолжались «аграрные беспорядки». Настоящий «carte blanche» замыслам румынского правительства относительно Бессарабии дало только генеральное наступление кайзеровских армий в феврале- марте 1918 г. на «Восточном фронте».

Для идеологического прикрытия военной операции «Унире» румынским правительством и генералитетом, лидерами Сфатул Цэрий широко использовался жупел «большевизма», но, по крайней мере, последние знали, что они грешат против истины. Местные организаторы и руководители сопротивления вторжению румынской армии очень часто не были большевиками. Т. В. Которос и П. В. Чумаченко являлись и остались социалистами-революционерами, меньшевиками числились Г. И. Борисов (Старый) и И. Н. Криворуков и т. д. Криворуков становится большевиком в 1918 г. Ф. Я. Левензон вступил в РСДРП(б) в феврале 1918 г. Борисов (Старый) оформил членство в РКП(б) в октябре 1918 г. Г. И. Котовский получил партийный билет в апреле 1920 г. А, например, А. Г. Палади принят в ряды ВКП(б) лишь в 1930 г. Многие видные противники румынской военной интервенции даже не были членами социалистических партий, их поднимало на борьбу не наличие большевистского партбилета, а горячее стремление к справедливому разрешению аграрного, рабочего и национального вопроса, принципиальное согласие с декретами и постановлениями ленинского СНК, категорическое неприятие к установлению в крае режима грабежа и террора.

COEZIUNEA SOCIETĂȚII MOLDOVENEȘTI – CONDIȚIE A CONSOLIDĂRII INSTITUȚIONALE A STATULUI REPUBLICA MOLDOVA

*Ludmila ROȘCA, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar,
IRIM*

Rezumat

În acest studiu autorul elucidează conținutul fenomenelor: coeziune socială și politic, accentuând relația lor de interdependență. Atât politicul, cât și fenomenul coeziunii sociale se manifestă deplin în societatea democratică. Coeziunea socială este asigurată mai întâi prin apartenența multiplă care plasează individul într-o pluralitate de grupuri. În al doilea rând, procesele decizionale par să nu favorizeze nici un grup singular sau individ, ci permit grupurilor care pierd bătălia politică să-și reconfigureze interesele în diferite moduri, prin diferite instituții și prin diferite coaliții pentru a putea câștiga altă dată. A treia modalitate de asigurare a coeziunii sociale este credința în democrație, caracteristică majorității sociale. În concluzie, autorul subliniază că democrația participativă oferă condiții favorabile pentru integrarea persoanei în ambi-anța socială, pentru participarea cetățeanului la procesul decizional.

***Cuvinte-cheie:** politic, social, coeziune socială, societate moldovenească, democrație, democrație participativă, excluziune, marginalizare*

MOLDOVAN SOCIETY COHESION - A CONDITION FOR THE INSTITUTIONAL CONSOLIDATION OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract

In this study the author elucidates the content of the following phenomena: social and political cohesion, emphasizing their interdependence relationship. Both politics and the phenomenon of social cohesion are fully manifested in democratic society. Social cohesion is firstly assured by multiple membership that place the individual in a plurality of groups. Secondly, decision-making processes seem to favor no single or individual group but allow groups that lose the political battle to reconfigure their interests in different ways, through different institutions and different coalitions to win another time. The third way to ensure social cohesion is the belief in democracy, which is characteristic of the social majority. In conclusion, the author points out that participatory democracy offers favorable conditions for the integration of the person into the social environment, for the participation of the citizen in the decision-making process.

***Keywords:** political, social, social cohesion, Moldovan society, democracy, participatory democracy, exclusion, marginalization*

În ultimele două decenii ale secolului XX teoreticienii consideră că *political* este un gen de activitate participativă și rațională a cetățenilor. În acest context, politica este definită prin competiția între elite pentru voturi și influență. Hanna Arendt prezintă *political* ca participare activă în viața publică. *Political* este cea mai nobilă expresie a vieții umane care constă în ieșirea oamenilor în afara nevoilor și suferințelor lor particulare, pentru a crea o lume publică în care fiecare poate apărea înaintea celorlalți în ceea ce are el mai specific. Împreună, în public el creează, prin cuvinte și fapte contingente – legile și instituțiile care le structurează viața colectivă, le reglementează conflictele și torc firul narativ al istoriei. Viața socială este supraîncărcată de competiție vicioasă pentru putere; de conflicte și violență care amenință spațiul politic. Hanna Arendt distinge conceptul politic de cel social prin care subînțelege *o structură modernă a vieții colective*, despre care cercetătoarea credea că eclipsează din ce în ce mai mult *political*. Forțele economice moderne și mișcărilor de masă converg în a crea un tărâm al nevoilor, producției și consumului, situat în afara căminului. Instituțiile guvernamentale își definesc obiectivele prin administrarea, stăpânirea și îngrijirea domeniului aflat în administrare publică și al politicii sociale. În consecință, viețile oamenilor pot fi bine îngrijite, iar guvernarile pot fi mult mai eficiente[1].

În contextul celor menționate, dreptatea socială – fenomenul, analizat de filosofia politică, se prezintă ca o condiție a libertății și a egalității, iar socialul trebuie să constituie o preocupare constantă a *political*ului. Scopul acestei investigații cuprinde analiza fenomenelor și proceselor aflate la intersecția *political*ului cu socialul. Este vorba despre: coeziunea socială, incluziunea socială ca însușiri ale democrației participative; despre instituțiile politice responsabile de elaborarea programelor ce vizează atingerea coeziunii și incluziunii sociale. O societate democratică trebuie edificată treptat, continuu, pe o temelie valorifică. În acest scop, vom redimensiona diferite interpretări teoretice ale fenomenelor corelate, considerînd că orice strategie sau program de activitate a instituțiilor politice trebuie argumentat și justificat științific.

O temă actuală a filosofiei politice o constituie fenomenul coeziunii sociale, care ar trebui apreciat în calitate de obiectiv prioritar al

statului Republica Moldova. Termenul *coeziune socială* a fost utilizat pentru prima dată de Emile Durkheim. Prin coeziunea socială subînțelegem: un mod de organizare al societății, caracterizat de o relație de interdependență susținută de loialitatea și solidaritatea membrilor ei. Componentele coeziunii societății sunt: consolidarea relațiilor sociale, recunoașterea și respectarea valorilor de către toate grupurile sociale, adoptarea unui model comun de interpretare al valorilor/ proceselor/ evenimentelor/ actelor, trăirea unei identități comune și al aceluiași obiectiv al comunității, încredere manifestată de către fiecare membru/grup social în raport cu alte persoane.

Conceptul teoretic al coeziunii sociale redimensionează: existența unor valori/sentimente în baza cărora este definită apartenența la un grup social; capacitatea societății umane de a asigura egalitatea între membrii săi și de a preveni marginalizarea oricărui cetățean; capacitatea formele de participare a individului la procesul decizional de a respecta principiile democrației și de a-și demonstra eficiența; capacitatea societății de a media conflictele dincolo de resurse și putere și de a tolera controversele; capacitatea societății de a media diversitatea politică.

Înțelegem ca un atribut individual, exclusivitatea socială este definită ca inabilitatea de participare la viața socială (dezavantaj socio-politic) și un nivel scăzut al bunăstării (dezavantaj economic). Estimată ca caracteristică societală, excluziunea socială se referă la o deteriorare la nivelul coeziunii sociale, cauzată de modul în care instituțiile reglementează distribuția bunurilor într-o societate. În acest context, conceptul de coeziune socială se află în relație cu cel al calității vieții. În literatura de specialitate sunt evidențiate trei modalități de interpretare a conexiunilor celor două concepte și respectiv fenomene sociale:

1. Deși coeziunea socială reprezintă un atribut al unei societăți, ea se recunoaște și se identifică în comportamentele, atitudinile și modalitățile de evaluare ale membrilor săi.

2. Elementele coeziunii sociale ale societății pot avea un impact direct asupra calității vieții individului.

3. Coeziunea socială afectează calitatea vieții unui individ sub toate aspectele ei. În opinia lui Ralph Darendorf o societate coezivă „...oferă oportunități tuturor membrilor săi în cadrul unei rețele de

acceptare, a valorilor și instituțiilor. O astfel de societate este una a incluziunii”.

Teoria lui Robert Dahl abordează problema coeziunii sociale în condițiile unui pluralism de grupuri de interese. Indivizii se alătură sau părăsesc grupurile în măsura în care reușesc să promoveze interesele în mod similar, coalițiile apar sau se dezintegrează în măsura în care atingerea scopurilor sau eșecurile îi determină să-și schimbe strategia [2].

Coeziunea socială este asigurată, mai întâi, prin apartenența multiplă care plasează individul într-o pluralitate de grupuri. În al doilea rând, procesele decizionale par să nu favorizeze nici un grup singular sau individ, ci permit grupurilor care pierd bătălia politică să-și reconfigureze interesele în diferite moduri, prin diferite instituții și prin diferite coaliții pentru a putea câștiga altă dată. A treia modalitate de asigurare a coeziunii sociale este credința în democrație, caracteristică majorității sociale. Particularitățile unei societăți coezive sunt:

- Existența unor valori împărtășite și a sentimentelor de apartenență la un grup de oameni;
- Capacitatea de a asigura egalitate între membrii săi și de a preveni marginalizarea oricăror cetățeni;
- Crearea condițiilor favorabile participării diferitelor elemente ale sistemului politic (partide, sindicate, guverne etc.) la procesul decizional;
- Capacitatea de a media conflictele și de a tolera controversele;
- Capacitatea de a media diversitatea politică, acceptarea pluralismului de opinii.

În acest context, Jenson analizează conceptul de coeziune socială prin evidențierea a cinci dimensiuni: apartenență, participare, legitimitate, recunoaștere, incluziune. O’Conner consideră că coeziunea socială acoperă trei aspecte: valori, identitate, cultură, caracteristice unei comunități; diferențe, divizări, inegalități și inechități, diversitate culturală, divizări geografice; asociații și rețele, infrastructură, valori și identitate. Woolley distinge trei căi de definire a coeziunii sociale: ca absența a excluziunii sociale; ca interacțiuni și conexiuni bazate pe capitalul social, ca valori împărtășite și abordări identice în interpretare, axate pe o identitate de grup. Este important să conștientizăm că în abordările menționate ale coeziunii sociale sunt

elemente comune desemnate de: apartenența la comunitate prin determinarea identității culturale, prin excluderea marginalizării sociale a oamenilor, desemnată de categoria – excluziune socială. În opinia savanților, excluziunea socială poate fi conceptualizată drept o insuficiență a patru subsisteme: subsistemul politic democratic și legal provoacă integrarea civică; piața muncii promovează integrarea economică; politica bunăstării promovează integrarea socială; institutul familiei și subsistemul comunitar susține integrarea și comunicarea interpersonală. Înțeleasă ca un atribut individual, excluziunea socială este definită ca inabilitatea de participare la viața socială (dezavantaj socio-politic) și un nivel redus al bunăstării (dezavantaj economic). Raportată la conceptul de bază al filosofiei politice – dreptatea socială, excluziunea socială este percepută ca o formă de deteriorare a coeziunii sociale, cauzată de modul în care instituțiile statului reglementează distribuția bunurilor într-o societate [3].

Fenomenul coeziunii sociale se află în relații de interdependență cu cel ce desemnează calitatea vieții, care se referă la condițiile de trai ale oamenilor. Conceptul de calitate a vieții este elaborat și promovat în secolul XX. Încercări de teoretizare a fenomenului întâlnim la grecii antici: Platon și Aristotel. Platon insista asupra faptului că oamenii pot fi fericiți doar într-o cetate bine organizată. Prin aceasta, Platon a lansat un nou subiect al dezbaterilor științifico-filosofice asupra rolului statului în crearea bunăstării individuale. În opera lui Aristotel găsim prima analiză aprofundată a conceptului de viață bună. Eudaimonia – tradusă forțat ca fericire, Aristotel o ridigă la rangul de valoare umană supremă, nu este o stare psihologică, ci o acțiune întreprinsă de om, cu scopul de a trăi în acord cu propriul Eu, adică de a-și actualiza potențialul. În opinia lui Aristotel, conceptul de viață bună este multidimensional și presupune existența mai multor bunuri: bunăstare materială, sănătate, prieteni, noroc, într-o măsură suficientă ca să permită practicarea virtuților morale și a celor intelectuale [4, P.296-318].

Umanismul și iluminismul reactualizează conceptul *calitatea vieții*. În planul guvernării este promovată ideea în conformitate cu care instituțiile statului trebuie să răspundă în fața cetățenilor pentru

modul cum au abordat diversitatea intereselor comunității. Iluminismul promovează ideea că politicul are o implicare profundă în crearea bunăstării oamenilor. Revoluția americană înscrie în programul său dreptul la fericire, iar ideologiile politice: liberalismul, social-democrația – propagă căi societale divergente de atingere a bunăstării sociale. În secolul XX, discursul științific al calității vieții se afirmă ca o formă de corectare a relațiilor sociale existente, ca o readucere a lor în cadrul normalității. Lyndon Jonson este politicianul care în discursul său despre Marea Societate a folosit primul formula *calitatea vieții*. Despre metodologia aprecierii nivelului calității vieții actualmente există o mulțime de lucrări științifice.

În literatura de specialitate sunt evidențiate trei moduri de a gândi/aborda relația dintre fenomenele/conceptele: *coeziunea socială și calitatea vieții*:

1. Deși coeziunea socială prezintă un atribut al unei societăți, ea se recunoaște și se identifică cu comportamentele/atitudinile și modalitățile de evaluare ale membrilor săi.

2. Elementele coeziunii sociale ale societății pot avea un impact direct asupra calității vieții individului.

3. A treia modalitate de gândire a relației vizează interpretarea, conform căreia coeziunea socială a unei societăți afectează calitatea vieții la nivel individual și de grup.

Un aspect important al studiului este *consolidarea instituțională* care inevitabil impune cercetarea fenomenului instituit, interpretat diferit în literatura de specialitate [5]. Deseori noțiunea *instituit* este aplicată în sens restrâns, fără a concretiza că este de fapt polisemantică. Descifrarea semnificațiilor noțiunii instituit și aplicarea corectă a fiecărui sens este o preocupare constantă a teoriei politice contemporane. Referindu-ne doar la instituțiile politice, actualizăm lucrarea: *Știința politică: direcții noi*, semnată de Boris Rostain. Savantul menționează că la începuturile civilizației, membrii gîntei treptat au înțeles că interesele comune pot fi apărate de patru instituții: o instituție este necesară pentru adoptarea deciziilor; al doilea instituit este responsabil pentru executarea deciziilor; al treilea instituit este necesar pentru reglementarea și soluționarea problemelor și situațiilor controversate, pentru in-

terpretarea și adoptarea mecanismelor de implementare și respectare a regulilor de convețuire. Al patrulea institut este preocupat de pedepsirea celor ce nu respectă normele și regulile de conviețuire. Este vorba despre: instituția legislativă, executivă, judiciară și de coerciție.

În teoria politică clasică este supusă analizei chestiunea: Care instituții politice sunt capabile să asigure dezvoltarea omului și a societății. Obiectul cercetării îl constituiau: statul, constituția și guvernul. Din antichitatea greacă problema este formulată de Platon în cele două lucrări: *Statul și Legile*. În lucrarea *Statul* Platon compară diferite forme de guvernare, iar în dialogul *Legile* descrie potențialul constituției. Concluziile lui Platon pot fi rezumate la afirmația: statul trebuie să se preocupe de virtuțile civile, să asigure pacea, stabilitatea și securitatea. În lucrarea *Politica*, Aristotel, analizând constituțiile poliselor grecești, își pune întrebările: Care constituție este corectă (ideală), Care este cel mai bun model de guvernare, Ce instituții trebuie să fie în organele puterii consultative, executive și judiciare?

Abordarea politologică a instituțiilor o vom urmări după opera *Leviathanul*, semnată de Tomas Hobbes [6]. Pînă la începutul secolului al XX-lea, în teoria politică dominantă era opinia, conform căreia *statul reprezintă baza sistemului politic, iar instituțiile sunt organizații administrative sau norme de drept*. Clasificînd statele după forma de guvernare, Tomas Hobbes menționează că indiferent de forma practică, statul trebuie să-și asume funcția conservării păcii și asigurării bunăstării poporului, apreciată ca lege supremă. Ne par interesante și chiar actuale afirmațiile lui Tomas Hobbes despre: *pacea între oameni este apreciată ca sănătate; instabilitatea politică internă – ca boală; iar războiul civil este comparat cu moartea*. Caracteristica principală a organizației politice este suveranitatea puterii, care are un caracter absolut și coercitiv.

Abordarea sociologică a instituțiilor o vom explica în baza operei lui Max Weber și Emil Durkheim. Weber definește instituțiile pornind de la semnificația latină: statul ca institut pur reprezintă o comunitate de oameni, comportamentul căreia este întemeiat pe raționamente: norme constituționale, legi etc.[7]. După aprecierile lui Durkheim, instituțiile reprezintă o construcție ideală în forma obiceiurilor, tradițiilor, credințe-

lor. În același timp, obiceiurile și stereotipurile se materializează în activitatea organizațiilor sociale a diferitor popoare, din timpuri istorice diferite. Politologii francezi, printre care îl întâlnim și pe savantul Maurice Duverger, au evidențiat două caracteristici ale instituțiilor politice: model ideal al sistemului politic; structuri politice ce se reproduc în practica politică în corespundere cu modelul ideal. În lucrarea: *Sociologia politică* (1968), Maurice Duverger definește instituțiile politice ca *modele a relațiilor umane, de pe care sunt copiate relațiile concrete, dobândind în așa fel caracter stabil, durabil, puternic* [8].

Generalizând interpretările instituțiilor politice, constatăm că din timpuri străvechi este observată semnificația lor practică; că pe parcursul istoriei aprecierea lor a suferit modificări esențiale, păstrându-se doar funcția principală de a asigura pacea, stabilitatea și prosperitatea societății. Sub aspect teoretic observăm că indiferent de obiectul cercetării fenomenelor și proceselor politice, abordarea instituțională se impune ca un aspect important, decisiv, deoarece răspunde necesităților practicii sociale.

Revenind la obiectivele studiului, constatăm un decalaj evident între teoria și practica socială-politică din Republica Moldova. Meditând asupra cauzelor acestuia constatăm că societatea moldovenească a inițiat procesul de democratizare a vieții comunitare fără a fi informată despre oportunitățile, pericolele, condițiile reușitei în acest proces. În literatura de specialitate este descris modelul *poliarhiei* asociată cu societatea în care este atestat un nivel relativ înalt al veniturilor, al bogăției, unde este observată o creștere stabilă a nivelului veniturilor și bogăției pe o perioadă îndelungată. Printre alte însușiri deosebite: un nivel înalt al urbanizării, vizibil se micșorează ponderea populației, ocupată în agricultură, o diversitate de domenii de activitate profesională; creșterea numărului studenților instituțiilor superioare de învățământ; în sistemul economic agenții – firmele, întreprinderile, se orientează în activitatea lor la piețele naționale și internaționale, sunt înregistrate schimbări serioase a indicatorilor tradiționali ai bunăstării: numărul medicilor și al paturilor medicale la o mie de locuitori, durata vieții, proporția familiilor care pot să-și permită obținerea diferitor mărfuri de uz îndelungat[4].

Actualmente, societatea democratică este caracterizată de următoarele însușiri:

- Participarea tuturor cetățenilor la procesul decizional.

- Supremația dreptului, a instituțiilor juridice. Aceasta permite instituțiilor statului să respecte principiul egalității tuturor cetățenilor în fața legii. Fiecare cetățean beneficiază de posibilitatea de a se justifica, de a fi justificat de instituțiile juridice care asigură respectarea drepturilor omului.

- Transparența. În statul democratic populația are acces la orice informație. Organele de informare în masă sistematizează și generalizează informația respectând principiul imparțialității. În mod normal toți cetățenii cointeresați fără obstacole au acces la informația solicitată.

- Flexibilitatea. O guvernare democratică se deosebește de celelalte sisteme și prin faptul că este în centrul evenimentelor, schimbărilor sociale și reacționează la cele, adoptate prin decizii și acțiuni concrete. Flexibilitatea instituțiilor de stat îi permite regimului democratic să fie receptiv la schimbările impuse de economia de piață, la mutațiile radicale ce au loc în societatea contemporană.

- Consensusul social. Respectarea echilibrului între interesele persoanei, a grupurilor sociale și ale statului – este condiția stabilității oricărui sistem politic, economic, social.

- Dreptatea, echitatea socială – sunt valori democratice, impun condiții activității instituțiilor statului democratic, cerându-le să creeze condiții egale pentru toți cetățenii [9, p.154-155].

Am expus caracteristicile societății democratice, ale poliarchiei cu scopul reactualizării lor și a redimensionării lor practice. După cum afirmă Dan Pavel în *Teoria unificată a puterii poporului*, Giovanni Sartori explica rațiunea suficientă a scrierii lucrării reprezentative *Teoria democrației reinterpretată* menționînd: „Între ideile democrației cea mai puțin invocată este aceea că *ideile greșite despre democrație fac ca democrația să meargă prost*”. Un regim democratic nu poate funcționa fără cunoașterea perfectă a teoriei democrației; mai mult pentru ca ideile corecte cu privire la democrație să aibă consecințe practice concrete, ele trebuie gîndite și aplicate astfel încît să țină întotdeauna seama de particularitățile locului și timpului, de specificul unor țări, regiuni, comunități mai mici, de tradiția istorică și de cultura politică a elitelor și maselor. În România se crede, afirmă Dan Pavel că

democrația nu înseamnă decît organizarea alegerilor și eventuala alternanță la putere a forțelor politicii rivale...[10, p.11].

În societatea moldovenească situația este mult mai complicată, din cauza că la momentul inițierii democratizării, modelul statului democratic de drept nu-l asimilase nici clasa politică, nici elita intelectuală. Fiind preocupată parțial de redimensionarea valorilor tradiționale, de formarea conștiinței istorice, elita intelectuală a societății moldovenești pe parcursul celor două decenii a ignorat cerințele și condițiile democratizării, a funcționării ei eficiente. În așa fel, la moment, atestăm nu doar că democratizarea *merge prost*, dar că s-au multiplicat consecințele negative ale procesului: ignorarea politicului susține afirmarea absenteismului; liberalizarea activității economice a condus, în condițiile unei crize economice profunde, la sporirea sărăciei, la migrația masivă a forței de muncă; la schimbări esențiale în structura demografică a populației, îmbătrânirea și mortalitatea pun în pericol existența ulterioară a neamului etc.[11;12;12;]. Toate acestea ar putea fi diminuate în condițiile unei stabilități politice și a relansării tuturor ramurilor economiei naționale. Stabilitatea sistemului politic este asigurată, în primul rând, de capacitatea grupurilor politice: de interes, asociative, neasociative, instituționale de a-și asuma responsabilitatea pentru tot ce se întâmplă în Republica Moldova. Aceasta le-ar permite să înțeleagă că orice acțiune politică care susține divizarea societății în două părți: proeuropenei și pro-asiaticii, pro-comuniști și pro-democrați contravine interesului național, care la moment nu este definit cu claritate, nu este conceptualizat și respectiv nu este asimilat de cetățeni. Înțelegerea și selectarea corectă a priorităților politicii interne și externe a statului presupune asimilarea teoriei democrației, o prioritate a căreia este integrarea tuturor cetățenilor în comunitate, participarea acestora la toate domeniile vieții publice: politică, economie, cultură. În acest context, analiza fenomenelor coeziune/excluziune socială este actuală, are o semnificație practică pentru implementarea adecvată a modelului democrației, statului de drept, statului social. Mai mult ca atît într-o societate caracterizată de multiple procese integraționiste, la toate nivelurile de organizare social-politică: local, național, regional, global interconec-

xiunile politicului cu economicul asigură succesul, eficiența gestiunii proceselor social-politice, sau, nefiind asimilate, adecvat apreciate, conduc la confruntări, crize, intensificarea conflictelor.

Concluzii. Teoria politică contemporană ne oferă caracteristica societății democratice, coezive, cunoscută sub fenomenul *poliarhiei*. Implementarea modelului în Republica Moldova impune un set de condiții tuturor componentelor sistemului politic. Este vorba despre necesitatea determinării clasei politice în problema interesului național și a funcțiilor principale ale statului. Asimilarea acestei informații va conduce la înțelegerea că, actualmente, politica internă și externă a statului este greșit orientată, nu satisface interesul național al societății moldovenești. De un sfert de secol discutăm despre identitate și nu vrem să înțelegem că pilonul principal al identității este apartenența civilă, politică la o comunitate – sunt cetățean al Republicii Moldova și apoi sunt moldovean, român basarabean, ucrainean, rus etc. A doua particularitate a identității persoanei ține de apartenența culturală la o comunitate mai restrânsă. Recunoașterea în problema identității a primatului politicului în raport cu socio-culturalul este o necesitate și nu un moft a unui savant, a unui politician.

Definirea și asimilarea conținutului interesului național este importantă, în primul rând, pentru clasa politică, care este obligată să-și răspundă la întrebarea: Pe cine deservim? Electoratul, poporul sau grupurile care, în mod conștient, se marginalizează cu un scop bine definit de liderii lor, sau de partidele politice/ ONG, interesate să destabilizeze situația în țară. Vă rog să reveniți la Tomas Hobbes și să meditați asupra comparației lui *instabilitatea politică este asemănătoare bolii*. În acest context, considerăm că este inadmisibilă activitatea partidelor politice care dispersează societatea în: *ai noștri și ceilalți*, proeuropeni și proasiatici. Ei formează societatea moldovenească, care își dorește să muncească acasă, să fie alături de familiile lor, să contribuie la prosperitatea țării, să-și redobândească speranța și încrederea într-un viitor mai bun.

Dacă clasa politică din Republica Moldova va înțelege semnificația coeziunii sociale și va promova politici, orientate spre consolidarea societății moldovenești, atunci vor dobândi realitate și proiec-

tele economice și cele de integrare regională. Până atunci vom gândi și vom trăi ca societățile tradiționale, vom aștepta ajutoare financiare, pe care capii de instituții politice le vor redistribui între ei după contribuție și autoapreciere.

Referințe bibliografice

1. Arendt Hanna, Criza republicii. 1972.
2. Dahl Robert, Analysis of Influence in Local Communities/Social Science and Community Action East Lanciug, 1960.
3. Liphart A. Democrația în societățile plurale. - Iași: Polirom, 2002.
4. Roșca Ludmila, Filosofia politică./ Filosofia. Ghidul afacerii de succes. – Chișinău: Print-Caro, IRIM, 2013, 324 p.
5. Tămaș S. Instituțiile democrației și societatea civilă. Dicționar politic. – București, 1996.
6. Гоббс Томас, Избранные произведения, Т.1, М. 1964.
7. Weber Max, Etica protestantă și spiritul capitalist. – București, 1993.
8. Duverger Maurice, Introduction a la politique. Paris: Gallimard, 1924.
9. Sartori Giovanni, *Teoria democrației reinterpretată*. Traducere de Doru Pop. – Iași: Polirom, 1999, 512 p.
10. Pop Dan, Teoria unificată a puterii poporului./ Sartori Giovanni, *Teoria democrației reinterpretată*. Traducere de Doru Pop. – Iași: Polirom, 1999, 512 p.
11. Roșca Ludmila, Știința politică. Manual. - Chișinău: UASM, 2005, 310 p.
12. Impactul crizei politice asupra economiei naționale. Coautor – Valentina Ursu./ Peculiarities of world economic development in the condition of globalization. International scientific-practical conference materials, Aprilie 15th, 2016, - 570 p. P.217-226. ISBN 978-9975-3092-7-1
13. Diaspora moldovenilor în Italia: experiențe valoroase de integrare. În limba engleză./ Materialele Conferinței științifice: Migration and European integration of minorites, Universitatea din Oradea, 6-8 noiembrie 2014, Istvan Polgar (ed.), Ioan Horga(ed.), Mircea Brie (ed.). – LAP LAMBERT, Academic Publishing, 2016, ISBN 978-3-659-75971-D

SECURITATEA NAȚIONALĂ A REPUBLICII MOLDOVA ÎN CONTEXTUL CONSOLIDĂRII SISTEMULUI DE SECURITATE INTERNAȚIONALĂ

*Marcel BENCHECI, doctor în științe politice, cercetător,
Centrul de Cercetări Strategice al Institutului de Cercetări Juridice
și Politice, AȘM*

Rezumat

Autorul trece în revistă toate documentele ce vizează securitatea națională a Republicii Moldova, evidențiind mai multe etape în elaborarea politicii de securitate. Prima etapă a politicii naționale de securitate și apărare înglobează perioada de la declarare a independenței Republicii Moldova și până la adoptarea Constituției țării noastre (1991-1994). Cea de a doua etapă în definitivarea politicii de apărare și securitate a țării începe cu adoptarea la 5 mai 1995 a Concepției Securității naționale a Republicii Moldova, considerată un important act juridic. În anul 2008 este adoptată Concepția Securității Naționale. În concluzie, autorul subliniază că securitatea națională a Republicii Moldova nu poate fi concepută în afara contextului securității internaționale, iar în cadrul eforturilor de integrare europeană a țării noastre o atenție deosebită se acordă intensificării cooperării cu UE.

***Cuvinte-cheie:** securitate națională, sistemul de securitate internațională, Republica Moldova, strategie, Concepția securității naționale, interes național*

THE REPUBLIC OF MOLDOVA'S NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM FORMATION

Abstract

The author reviews all the documents related to the national security of the Republic of Moldova, highlighting several stages in the elaboration of the security policy. The first stage of the national security and defense policy includes the period from the declaration of independence of the Republic of Moldova until the adoption of the Constitution of our country (1991-1994). The second stage in defining the country's defense and security policy begins with the adoption of the National Security Concept of the Republic of Moldova on May 5, 1995, considered an important legal act. In 2008, the National Security Concept was adopted. In conclusion, the author emphasizes that the national security of the Republic of Moldova cannot be conceived outside the context of international security, and within the efforts of the European integration of our country special attention is paid to the intensification of the cooperation with the EU.

***Keywords:** national security, international security system, the Republic of Moldova, strategy, national security concept, national interest*

Republica Moldova ca stat independent constituie element deplin al sistemului securității internaționale, adaptându-și sistemul național de securitate la exigențele celui internațional. Statul nostru participă activ în calitate de membru în cadrul organizațiilor internaționale de securitate, precum și la diferite operațiuni internaționale de pacificare.

De rând cu alte state ex-sovietice, Republica Moldova a devenit membru al ONU pe 2 martie 1992, concomitent cu adoptarea de către Adunarea Generală ONU a Rezoluției A/RES/46/223 [1]. La Conferința pentru Securitate și Cooperare în Europa țara noastră a aderat la 30 ianuarie 1992 în cadrul Consiliului Ministerial de la Praga, iar la 26 februarie același an a semnat Actul Final de la Helsinki. În rezultat, Republica Moldova a obținut susținere permanentă din partea OSCE, în special în contextul reglementării conflictului transnistrean, constituind principalul actor internațional colectiv, implicat plenar în procesul de soluționare a diferendului [2].

Printre cele mai importante acte normative care determină sistemul securității naționale menționăm: Constituția Republicii Moldova; Concepția Securității Naționale din 1995 (abrogată); Concepția Politicii Externe din 1995; Concepția Securității Naționale din 2008; Strategia Militară; Strategia Securității Naționale din 2011; Proiectul Strategiei Securității Naționale din 2016, Legea securității statului; Legea privind organele securității statului; Legea cu privire la apărarea națională etc. Analiza evoluției procesului de elaborare a politicii de securitate și apărare în dependență de modificarea componentei politice interne, a reacției prompte la provocările expuse din exterior, gen terorism, interese geostrategice din exterior, precum și a procesului de constituire a cadrului legislativ intern în domeniu, ne-a determinat să proiectăm etapele elaborării politicii de securitate și apărare, care este una mobilă și deci necesită o revizuire continuă și adaptare la circumstanțele unui mediu în permanentă evoluție.

Prima etapă a politicii naționale de securitate și apărare înglobează perioada de la declararea independenței Republicii Moldova și până la adoptarea Constituției țării noastre (1991-1994) [3, p.238]. Datorită evenimentelor de renaștere națională, tensionării coliziunii etnice, persistența conflictului transnistrean, politica de securitate și

apărare poartă un caracter de consolidare a statalității Republicii Moldova și de identificare a valorilor naționale. În perioada estimată, politica sectorială în domeniu este caracterizată de adoptarea legislației în domeniu, cum ar fi: Legea cu privire la apărare, Legea cu privire la forțele armate, Legea despre obligațiunea militară și serviciul militar al cetățenilor Republicii Moldova, prin care au fost stabilite bazele organizării și asigurării apărării naționale și modul de realizare a datoriei constituționale a cetățenilor pentru apărarea Patriei [4]. Au fost adoptate Hotărârea privind unele căi de soluționare a conflictului armat din raioanele de răsărit ale Republicii Moldova [5] și Hotărârea privind principiile de bază pentru reglementarea pașnică a conflictului armat, instaurarea păcii și înțelegerii în raioanele de Est ale Republicii Moldova [6]. La această etapă politica de securitate și apărare este orientată spre afirmarea Republicii Moldova ca subiect de drept internațional și ca actor al sistemului internațional de securitate prin aderarea țării la cele mai importante organizații internaționale, prin consolidarea parteneriatelor cu statele de interes strategic. Adoptarea Constituției Republicii Moldova la 29 iulie 1994 [7] a determinat inițierea procesului de conformare a legislației în vigoare la prevederile Legii Supreme. Constituția a definit și a consolidat caracterul distinct al politicii de securitate și apărare a statului moldovenesc. În art.11 al Constituției se declară statutul de neutralitate permanentă al Republicii Moldova și se stipulează că țara noastră nu admite dislocarea de trupe militare ale altor state pe teritoriul său.

După adoptarea Constituției, Parlamentul Republicii Moldova a aprobat principalele acte normative care reglementau sistemul organelor de securitate și atribuțiile acestora, incluzând forțele armate și de securitate într-un cadru constituțional și legislativ adecvat.

Cea de-a doua etapă în definitivarea politicii de apărare și securitate a țării începe cu adoptarea la 5 mai 1995 a Concepției Securității Naționale a Republicii Moldova, considerată un important act juridic având menirea să determine politica de securitate și apărare a Republicii Moldova. În anul 2008, aceasta este abrogată, fiind adoptată o nouă Concepție în domeniu. Concepția Securității Naționale din anul 1995 a constituit temei pentru elaborarea politicii de stat în domeniul securității.

ții naționale și de apărare, însă nu determina interesele naționale, ci menționa doar unele priorități ale politicii externe, reieșind din interesele naționale. În această perioadă a fost adoptată și Doctrina militară a Republicii Moldova [8]; potrivit prevederilor acesteia, scopul principal al politicii militare a țării îl constituie asigurarea securității militare a poporului și statului, prevenirea războaielor și conflictelor armate prin aplicarea mijloacelor de drept internațional.

Această etapă este determinată de legislația cu privire la organizarea activității organelor securității statului. Prin urmare, la 31 octombrie 1995 au fost adoptate atât Legea securității statului [9], cât și Legea privind organele securității statului [10], ambele excluzând unele lacune ale Concepției Securității Naționale, completată conceptual și structural. Legea privind organele securității statului vine cu o completare descriptivă a Legii securității statului, stabilind că organele securității statului au atribuții, cum ar fi:

a) apărarea independenței și integrității teritoriale a Republicii Moldova (atribuție specifică Ministerului Apărării), asigurarea pazei frontierei de stat, apărarea regimului constituțional, a drepturilor, libertăților și intereselor legitime ale persoanei de atentate ilegale (atribuții specifice Ministerului Afacerilor Interne, Serviciului de Informații și Securitate și Procuraturii Generale);

b) asigurarea, în limita competenței lor, a protecției economiei de atentate criminale; prevenirea evenimentelor extraordinare în transporturi, telecomunicații și la unitățile de importanță vitală (atribuții inerente Ministerului Afacerilor Interne, Serviciului de Informații și Securitate și Procuraturii Generale);

c) combaterea terorismului, a crimei organizate (atribuții inerente Serviciului de Informații și Securitate, Ministerului Afacerilor Interne), a corupției (preocupare a Centrului de Combatere a Crimelor Economice și Corupției), care subminează securitatea statului, precum și descoperirea, prevenirea și contracararea altor infracțiuni, a căror urmărire penală este de competența organelor securității statului [11].

Totodată, în această perioadă se observă intențiile distincte de reformare și modernizare a Serviciului de Informații și Securitate. Anexa Legii privind Serviciul de Informații și Securitate adoptate în

anul 1999 - „Regulamentul privind controlul parlamentar asupra activității serviciilor speciale” - indică crearea unei comisii parlamentare speciale care să monitorizeze respectarea de către SIS a prevederilor Constituției și a legislației. Legislația în vigoare conține prevederi ce stipulează exercitarea controlului parlamentar asupra sectorului de apărare și securitate a statului, gen audierea rapoartelor în plenul Parlamentului Republicii Moldova ale conducătorilor organelor securității statului, care are ca suport legal Regulamentul Parlamentului (art. 108) și Legea privind organele securității statului (art. 25). Una dintre cele mai diversificate forme de control parlamentar asupra sectorului de securitate și apărare constituie controlul prin expunerea de întrebări și interpelări, reglementată prin art.108 din Regulamentul Parlamentului. O altă formă de control parlamentar asupra organelor securității statului reprezintă participarea președintelui sau a vicepreședintelui Comisiei vizate la ședințele Colegiului SIS. Această formă în mare parte poartă caracter de supervizare a procesului, prin care activitatea SIS se conformează prevederilor legislației în vigoare. Domeniul de activitate al Comisiei parlamentare pentru securitate națională, apărare și ordine publică este stabilit printr-o Hotărâre a Parlamentului aprobată la începutul fiecărei legislaturi. De regulă, aceasta este axată pe problemele securității naționale, pe cele ce vizează realizarea activității în structurile specializate ale puterii executive menite să asigure securitatea națională, combaterea criminalității și terorismului, asigurarea ordinii publice, paza și regimul frontierei de stat, protecția secretului de stat.

Politica de apărare în această perioadă a culminat cu adoptarea la 26 iulie 2002 a Concepției Reformei Militare, care reprezintă un complex de idei, direcții, obiective, sarcini, mecanisme de perfecționare a sistemului de asigurare a securității militare a statului. Oportunitatea lansării procesului de reformă militară a fost condiționată de mai mulți factori. În primul rând, în virtutea faptului că forțele politice care au succedat la guvernare pe diferite perioade nu dispuneau de un număr suficient de cadre civile instruite și experimentate în domeniul construcției sistemului de securitate și apărare națională. În al doilea rând, perioada estimată s-a caracterizat prin aprofundarea cri-

zei economice și financiare în Republica Moldova, fapt ceea ce a condiționat apariția unei instabilități politice în interiorul instituțiilor publice centrale, prin care fapt s-a diminuat potențialul militar al țării și al Forțelor Armate.

Elaborarea Concepției Reformei Militare a fost determinată de necesitatea constituirii unei baze conceptuale noi pentru perfecționarea sistemului militar al Republicii Moldova în conformitate cu necesitățile de apărare impuse de modificările operate în situația geopolitică națională și internațională la moment [12, p.14]. Concepția prevede că una dintre direcțiile principale în care se va desfășura cooperarea cu alte forțe armate este conducerea și controlul democratic al forțelor armate [13].

Multiplele curențe, erori și contradicții din Concepția Securității Naționale, precum și deficiențele actelor legislative cu caracter strategic care se bazează pe prevederile Concepției au format treptat opinia despre caracterul deficitar al acestuia și despre necesitatea elaborării unui nou document [14, p.24].

Noua Concepție a Securității Naționale a Republicii Moldova, adoptată în anul 2008 [15], reprezintă începutul etapei trei a politicii de securitate și apărare a țării noastre, care include și adoptarea, la o diferență de trei ani, a Strategiei Securității Naționale a Republicii Moldova. Etapa a treia a politicii de securitate și apărare a Republicii Moldova (2008-2015) este dictată de modificările constante care au avut loc în mediul de securitate, dar și de stimularea unor reforme profunde în sectorul de securitate și apărare realizate în conformitate cu standardele și practicile euroatlantice, în același rând, de necesitatea de a eficientiza gestiunea sectorului de securitate națională, de a consolida capacitățile instituționale și de personal, precum și funcționalitatea instituțiilor din sectorul de securitate. Și Concepția Securității Naționale a Republicii Moldova, adoptată în anul 2008, conținea un șir de lacune, având un caracter declarativ, aplicabilitate limitată și interpreta confuz riscurile și amenințările la adresa securității naționale a Republicii Moldova, iar Strategia Securității Naționale, adoptată în anul 2011, o devansează cu mult. Spre exemplu, în cazul conflictului transnistrean nu este pusă în discuție prezența forțelor milita-

re și a armamentului rusesc pe teritoriul necontrolat al Republicii Moldova, fapt ce denotă inconsecvență în soluționarea conflictului, dar și tendința de a camufla faptele reale care condiționează menținerea regimului separatist din raioanele din stânga Nistrului. În acest document nu se face referință la staționarea trupelor militare ruse în Transnistria, ci se enunță despre evacuarea unor trupe străine de pe teritoriul Republicii Moldova [16, p. 268]. În consecință, Concepția face o distincție între trupele pacificatoare din Federația Rusă, care își onorează misiunea, și așa-zisa armată transnistreană, care este prezentată în calitate de amenințare gravă pentru securitatea națională. Reabilitarea prezenței militare ruse este cu atât mai vizibilă, cu cât în Concepție nu există nicio mențiune cu privire la decizia Summitului OSCE de la Istanbul din 1999, privind retragerea forțelor ruse de pe teritoriul Republicii Moldova și la Tratatul cu privire la Forțele Convenționale din Europa [17].

Autorii Concepției Securității Naționale a Republicii Moldova, vorbesc despre inițiativa de a deveni producători de securitate, neancorând la acest document prevederile Strategiei Europene în domeniul Securității, Politicii Externe și de Securitate Comună, respingând definitiv perspectiva de integrare euroatlantică, invocând participarea la consolidarea componentei de securitate a Comunității Statelor Independente. Or, pentru a deveni generator de securitate, Republica Moldova trebuie să aplice rațional tendințele regionale în domeniul securității [18]. În această Concepție unele componente de bază ale securității unui stat, cum ar fi securitatea alimentară, nici nu sunt schițate, iar altele (spre exemplu, securitatea economică) sunt abordate cu superficialitate.

În conformitate cu viziunile doctrinare naționale, de facto cel mai important act juridic al politicii naționale de securitate și apărare ce determină funcționarea sistemului de securitate și apărare, formele de asigurare a securității naționale, mecanismele și instrumentele de guvernare a sistemului securității este nu Concepția Securității Naționale a Republicii Moldova, ci Strategia Securității Naționale a Republicii Moldova [19]. Elaborarea Strategiei Securității Naționale a constituit un subiect distinct de-a lungul anilor în cadrul mai multor Planuri de acțiuni, inclusiv al celor de cooperare între Republica

Moldova și NATO (IPAP), însă a început de facto numai după aprobarea Concepția Securității Naționale a Republicii Moldova din anul 2008. Acest proces a fost unul lung, anevoios și finalizat cu mare întârziere. Abia la 15 iulie 2011, Parlamentul Republicii Moldova a aprobat Strategia Securității Naționale, care constituie primul document de acest gen din Republica Moldova. Strategia a preluat o abordare identică cu cea din Strategia Securității Europene în domeniul securității, conform căreia „securitatea națională a unui stat european nu mai poate fi privită în izolare” și „ține cont de abordarea esențială a securității naționale, caracterul multidimensional și interdependent al acesteia, determinat atât de starea de lucruri din domeniile politic, militar și al ordinii publice din țară, cât și de situația din sfera economică, socială, ecologică, energetică etc.”.

În scopul conectării continue a Republicii Moldova la sistemul securității internaționale, de rând cu adaptarea actelor normative în domeniul securității la noile circumstanțe internaționale se impune oportunitatea stringentă în realizarea reformei sectorului de securitate (RSS), ce derivă din oportunitatea de a promova o reformă militară sau în sectorul de apărare, reformă amplă și eficientă, care a evoluat în timp, astfel încât să includă conceptul multidimensional al securității. Această reformă consolidează forțele militare, poliția, serviciile de securitate, grănicerii, vama; prin intermediul acesteia ei obțin un ghid complet de obiective, instruire, responsabilități și coordonarea necesară. Organele abilitate din Republica Moldova conștientizează că pentru a aplica toate mijloacele de asigurare a securității va fi necesar de a implica un spectru diversificat de instituții [20, p.23-24]. Reforma sectorului de securitate trebuie să fie una eficientă, care să asigure dezvoltarea evolutivă a acestui stat. În anul 2006, discuția a avut ca rezultat semnarea unui Acord care avea să asigure temelia pentru promovarea unei astfel de reforme - Planul Individual de Acțiuni ale Parteneriatului (IPAP) semnat între Republica Moldova și Alianța Nord-Atlantică (NATO).

Soluția la problema în cauză a fost oferită în Raportul General al Activităților UE. În Capitolul V „Europa ca un partener global”, Secțiunea 4 „Contribuție la securitatea globală”, se menționează despre Stra-

tegia Europeană în domeniul Securității și Politica Externă și de Securitate Comună, în special despre Reforma sectorului de securitate (RSS). Raportul informa publicul că la 24 mai 2006, Comisia a adoptat un comunicat intitulat „Reflecții privind susținerea de Comunitatea Europeană a RSS”. În acest comunicat se declara că UE susține RSS în peste 70 de țări. Prin recomandările UE în domeniu este etalată importanța pe care instituțiile europene o atribuie RSS în țările cu care are semnate Planuri de acțiuni, cum este cazul Republicii Moldova.

Susținerea în continuare a reformelor sectorului de securitate inițiate în Republica Moldova devine o perspectivă importantă pentru asigurarea controlului asupra regiunii transnistrene. Pe de altă parte, printre subiectele cele mai importante pe care le expune o abordare a securității Republicii Moldova poate fi menționată și lipsa unei definiții acceptate în societate a interesului național [21, p.372]. Interesele naționale ale unei țări deseori depind de raportul dintre interesele naționale ale diferiților actori de pe arena internațională, de caracterul de concurență al acestor interese.

În Republica Moldova, formarea și evoluția interesului național este afectat de deficitul de integritate teritorială a statului (ca urmare a tendințelor separatiste din stânga Nistrului încununate cu existența de facto a formațiunii anticonstituționale rmn), de nivelul scăzut al democrației, de îmbinările paradoxale ale scopurilor democratice cu mijloace autoritare. Iar, capacitățile reduse ale factorului de putere în reformarea democratică a țării au frânat până la urmă promovarea interesului național pe arena internațională. Totodată, interesul național al Republicii Moldova este permanent știrbit de interesul geostrategic al Rusiei prin amplasarea contingentului militar rusesc în raioanele din stânga Nistrului, prin târăgânarea evacuării lui, prin stimularea și susținerea regimului anticonstituțional de aici. Interesele Rusiei și problema secesionismului transnistrean rămân a fi izvorul insecurității în regiune și principalul obstacol al integrării europene a țării [22, p.198].

Politica de stat în materie de securitate națională trebuie să fie orientată atât spre asigurarea intereselor și valorilor naționale, cât și spre prevenirea și soluționarea problemelor (amenințărilor, riscurilor, pericolelor și provocărilor) cu care se confruntă un stat. Excesul de

uzitare a principiului de neutralitate ar fi trebuit să coincidă în măsură egală cu cel legat de dezvoltarea sistemului național de apărare. Aceste condiții, dar și apariția noilor riscuri și vulnerabilități survenite în cadrul actualului sistem de securitate internațională, gen războiul hibrid, extinderea formelor noi ale terorismului, intensificarea tendințelor separatiste, au determinat actuala guvernare de la Chișinău să revină asupra prevederilor Strategiei Securității Naționale. În alte state, spre exemplu în România, elaborarea și adoptarea unei noi strategii are loc practic o dată la trei ani [23, p.25].

Proiectul noii Strategii, care în prezent se află în proces de analiză la Președinția Republicii Moldova și de consultare cu Academia de Științe a Moldovei, expune referințe noi care nu figurau anterior în actele oficiale. În acest proiect al Strategiei, în mod aparte se propune pentru prima dată declararea că pe continentul european NATO rămâne a fi Alianța politică și militară cu cele mai performante capacități militare și tehnologice, cu cel mai sporit nivel al coeziunii valorilor și al solidarității aliaților, în stare să asigure securitatea și apărarea colectivă în arealul de referință. În același rând, Uniunea Europeană, în calitate de principală structură și comunitate economico-politică pe continent, constituie factorul integrant și stabilizator în cadrul sistemului european și internațional de securitate.

Printre noile riscuri și amenințări expuse la adresa securității naționale a Republicii Moldova un atare document pentru prima dată include:

Persistența instabilității regionale și a conflictului de pe teritoriul Ucrainei, factori ce limitează capacitatea Republicii Moldova în promovarea intereselor strategice: integrarea europeană, procesul de identificare a unor soluții politice, viabile privind soluționarea conflictului transnistrean în condițiile respectării suveranității și integrității sale teritoriale, asigurarea securității energetice și a intereselor comercial-economice ale statului.

Dinamizarea acțiunilor militare și de diversiune, războiul hibrid și potențialul extinderii zonei de instabilitate de pe teritoriul Ucrainei au influență directă asupra unor elemente, grupuri cu viziuni extreme din Republica Moldova și păstrează riscul extinderii conflictului pe teritoriul Republicii Moldova.

Extinderea presiunilor politice externe manifestate prin: acordarea de susținere economică, militară și politică regimului neconstituțional de la Tiraspol; impunerea restricțiilor artificiale în accesul produselor moldovenești pe piețele tradiționale, inclusiv blocarea accesului cetățenilor Republicii Moldova pe piața muncii din alte țări; aplicarea tratamentului diferențiat în raport cu părți ale teritoriului vamal unic al Republicii Moldova (rmn, UTA Găgăuzia).

Dependența exagerată de resursele energetice, rețelele de distribuire și/sau furnizorii controlați de un singur stat, combinate cu valorificarea limitată a resurselor energetice alternative.

Persistența riscului sporit al atacurilor cibernetice asupra infrastructurilor informaționale și a obiectivelor de importanță strategică ale țării [24, p.329].

Aportul Republicii Moldova la consolidarea sistemului de securitate internațională s-a intensificat în urma semnării Acordului de Asociere dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană, semnat la Bruxelles la 27 iunie 2014, și se dezvoltă în cadrul Politicii Europene de Vecinătate și al Parteneriatului Estic. Consolidarea cooperării în cadrul Politicii Externe și de Securitate Comune a Ue (PESC) servește intereselor de durată ale Republicii Moldova, integrarea europeană rămânând, conform proiectului noii Strategii, obiectivul strategic ireversibil al agendei interne și externe a Republicii Moldova. Unul dintre capitolele incluse în Acordul de Asociere RM-UE se referă la Politica de Securitate. Disponibilitatea Republicii Moldova de a fi implicată în aranjamentele Politicii de Securitate și Apărare Comună a UE (PSAC) a fost inclusă în Programul de Activitate al Guvernului „Integrare Europeană, Libertate, Democrație, Bunăstare” pentru anii 2011-2014 [25]. Acordul de Asociere prevede și cooperarea internațională în domeniul luptei împotriva terorismului. Părțile convin să colaboreze la nivel bilateral, regional și internațional pentru a preveni și a combate terorismul în conformitate cu dreptul internațional, cu rezoluțiile ONU în domeniu, cu standardele internaționale în domeniul drepturilor omului, cu dreptul refugiaților și cu dreptul umanitar. La același spectru de idei se referă și cooperarea părților pentru a preveni utilizarea sistemelor lor financiare și a celor nefinanciare

relevante în scopul spălării veniturilor provenite din activități infracționale, precum și în scopul finanțării terorismului.

Un aport important în cultivarea educației de securitate, în monitorizarea, expertizarea și consilierea în domeniul politicii de securitate și prevenire a terorismului îl au think tankurile din țara noastră, precum: Institutul de Politici Publice, Asociația pentru Politică Externă, Institutul pentru Dezvoltare și Inițiative Sociale (IDIS Viitorul) etc. Spre exemplu, Institutul de Politici Publice dezvoltă proiecte în domeniul de securitate: "Consolidarea capacității mass-media de a informa și monitoriza reformele din sectorul de securitate și procesul de soluționare a conflictului transnistrean"; Asociația pentru Politică Externă: Dialoguri Transnistrene; "Sinteze și Dezbateri de Politică Externă și Integrare Europeană"; „Impactul aderării Republicii Moldova la Comunitatea Energetică Europeană asupra securității sectorului energetic autohton”. Prin intermediul acestor proiecte, instituțiile de securitate naționale sunt consiliate de societatea civilă și de instituțiile academice de profil.

Republica Moldova participă intens la activitatea sistemului internațional de securitate, aplicând eficient oportunitatea oferită de IPAP și UE de a participa de rând cu alte state partenere. În acest sens, autoritățile naționale urmează să formuleze o poziție definită cu privire la Politica de Securitate și Apărare Comună, care este un element distinct al Politicii Externe și de Securitate Comune a Uniunii Europene și reflectă aspirațiile Uniunii Europene de a asigura securitatea comună prin cooperare multilaterală în cadrul Uniunii Europene și cu participarea partenerilor din exterior. Politica de Securitate și Apărare Comună este o continuare a Politicii Europene de Securitate și Apărare, lansate în decembrie 1998 și a luat naștere ca unul dintre elementele Politicii Externe și de Securitate Comune a Uniunii Europene, care la rândul său, a fost dezvoltată în cadrul tratatelor de bază ale UE.

Republica Moldova cooperează cu structurile internaționale de securitate în domeniile prevenirii și soluționării conflictelor, gestionării crizelor, combaterii terorismului și neproliferării armelor de distrugere în masă. În calitate de element al sistemului securității internaționale, țara noastră participă la eforturile globale, regionale și sub-

regionale de promovare a stabilității și securității internaționale prin cooperarea în cadrul UE, NATO, ONU, OSCE și al altor organizații internaționale în domeniu.

Concluzii: Securitatea națională a Republicii Moldova nu poate fi concepută în afara contextului securității internaționale, iar în cadrul eforturilor de integrare europeană a țării noastre o atenție deosebită se acordă intensificării cooperării cu UE, orientată spre consolidarea securității naționale și a celei regionale. Rolul țării noastre în cadrul sistemului de securitate internațională este determinat de mai mulți factori, printre care: interesele naționale; principalele amenințări, riscuri și vulnerabilități la adresa securității naționale; principalele reperi ale politicii externe și ale politicii de apărare; căile de asigurare a securității naționale.

Referințe bibliografice

1. Rezoluția A/RES/46/223. <http://www.un.org/documents/ga/res/46/a46r223.htm> (vizitat la 14.11.2014).
2. Cooperarea RM-OSCE. <http://www.austria.mfa.md/cooperarea-rm-osce> (vizitat la 14.11.2014).
3. Benchei M. Etapele elaborării politicii de securitate și apărare a Republicii Moldova: provocări și soluții. În: Moldoscopia (Probleme de analiză politică). Chișinău: CEP USM, 2012, nr.2 (LVII), p. 237-240.
4. Legea Republicii Moldova cu privire la forțele armate, nr.966 –XII din 17.03.1992. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1992, nr.3/68 (abrogată la 19.09.2003).
5. Hotărârea Guvernului Republicii Moldova privind unele căi de soluționare a conflictului armat din raioanele de Est ale Republicii Moldova, nr.1068 – XII din 23.06.1992. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1992, nr.6-128-1.
6. Hotărârea Guvernului Republicii Moldova privind principiile de bază pentru reglementarea pașnică a conflictului armat, instaurarea păcii și înțelegerii în raioanele de Est ale Republicii Moldova, nr.1062 – XII din 16.06.1992. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1992, nr.6-127-1.
7. Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1994, nr.1.
8. Hotărârea Parlamentului Republicii Moldova privind doctrina militară a Republicii Moldova, nr.482-XIII din 06.06.1995. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995, nr.38-39/429.
9. Legea Republicii Moldova cu privire la securitatea statului, nr.618 din 31.10.1995. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1997, nr.10-11.

10. Legea Republicii Moldova cu privire la organele securității statului, nr.618-XIII din 31.10.1995. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1997, nr.10-11/117.
11. Legea Republicii Moldova privind Serviciul de Informații și Securitate, nr.753 din 23.12.1999. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1999, nr.156.
12. Sportel E., Faltas S. Reforma sectorului de securitate în Republica Moldova: consolidarea controlului asupra sectorului de securitate. Chișinău: CESS, 2009. 116 p.
13. Hotărârea Parlamentului Republicii Moldova cu privire la aprobarea Concepției reformei militare, nr.1315 din 26.07.2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002 nr.117.
14. Pîntea Iu. ș.a. Perspectivele cooperării Republicii Moldova în cadrul Politicii de Securitate și Apărare Comună. Chișinău: Bons Offices, 2011. 48 p.
15. Legea Republicii Moldova privind aprobarea Concepției Securității Naționale a Republicii Moldova, nr.112 din 22.05.2008. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2008, nr.357.
16. Benchechi M. Politica de securitate a Republicii Moldova. În: Materialele Conferinței științifice internaționale „Științe politice, relații internaționale și studii de securitate”, Sibiu, România, 2012, p.328-331.
17. Duțu P., Dinu A. Primăvara arabă și mediul de securitate. În: Echilibrul de putere și mediul de securitate. Vol.I/Duțu P. (coord). București: Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2011, p.166-179.
18. Grosu V. Considerații privind Concepția Securității Naționale a Republicii Moldova. În: Jurnal Academic, nr.9, 2008. http://www.prisa.md/rom/analize_csn_juracademic-grosu (vizitat la 14.05.2012)
19. Hotărârea Parlamentului pentru aprobarea Strategiei Securității Naționale a Republicii Moldova, nr.153 din 15.07.2011. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2011, nr.170-175.
20. Sportel E., Faltas S. Reforma sectorului de securitate în Republica Moldova: consolidarea controlului asupra sectorului de securitate. Chișinău: CESS, 2009. 116 p.
21. Benchechi M., Comendat V. Imaginea instituțională a organelor securității statului ale Republicii Moldova. În: Materialele Conferinței științifice internaționale, ediția VIII, Sibiu, România, 2014, p. 370-378.
22. Saca V. Aspecte statice și dinamice ale interesului național. Cazul Republicii Moldova. În: Moldoscopie (Probleme de analiză politică) (Chișinău), 2008, nr.2 (XLD), p.194-201.
23. Sportel E., Faltas S. Reforma sectorului de securitate în Republica Moldova: consolidarea controlului asupra sectorului de securitate. Chișinău: CESS, 2009. 116 p.
24. Benchechi M. Politica de securitate a Republicii Moldova. În: Materialele Conferinței științifice internaționale „Științe politice, relații internaționale și studii de securitate”, Sibiu, România, 2012, p.328-331.
25. Programul de Activitate al Guvernului pentru anii 2011-2014. <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=337937>, (vizitat la 07.03.2013).

CONSOLIDAREA IDENTITĂȚII NAȚIONALE ÎN CONTEXTUL COEZIUNII ETNICE ȘI SOCIALE

*Diana BENCHECI, doctor în științe politice,
conferențiar universitar, USM
Vasile CAZACENCO, USM*

Rezumat

Articolul "Consolidarea identității naționale prin coeziune etnică și socială" descrie problemele sensibile ale coeziunii etnice și sociale a cetățenilor Republicii Moldova. Într-o societate multiethnică, cum ar fi în Moldova, unde grupul majoritar este dispersat din punct de vedere etnic în auto-definiție, unii se consideră români, unii moldoveni, pentru a asigura stabilitatea și coeziunea etnicilor, accentuând construirea identității civice, decât identitatea națională. Cu toate acestea, autoidentificarea națională a cetățenilor Republicii Moldova trebuie să se conformeze modelului vestic al națiunii, care constă din teritoriul istoric, comunitatea juridică și o cultură și ideologie comună civică.

***Cuvinte-cheie:** identitate națională, coeziune socială, coeziune etnică, identitate politică, patriotism*

NATIONAL IDENTITY FORMATION IN CONDITIONS OF ETHNIC AND SOCIAL COHESION IN MOLDOVA

Abstract

The article "The strengthening of the national identity through ethnic and social cohesion" describes the sensitive issues of ethnic and social cohesion of Moldova's citizens. In a multiethnic society such as in Moldova, where the majority group is ethnically dispersed in the self-definition, some consider themselves Romanian, some Moldovans, in order to ensure stability and cohesion of important ethnicity that emphasize the construction of civic identity, rather than of national identity.

However, the national self-identification of Moldova's citizens must conform to the Western model of nation, which consists of historical territory, the legal community and a common civic culture and ideology.

***Keywords:** national identity, social cohesion, ethnic cohesion, political identity, patriotism*

La 31 august 1991 pe harta politică a lumii a apărut un nou stat – Republica Moldova. Teritoriul actual al acestui stat, numit istoric și

Basarabia, a cunoscut o evoluție fluctuantă, aflându-se în zona de interese a mai multor state. Nici în perioada țaristă, nici în perioada jurisdicției românești sau în perioada sovietică, actualul teritoriu al Republicii Moldova nu a avut o existență de sine-stătătoare: nu a avut suveranitate, nu a semnat acorduri și tratate și nu a fost recunoscut ca stat independent de către comunitatea internațională. Mai mult ca atât, din 1812 Basarabia devine provincie a Imperiului Rus, aflându-se în componența acestuia pînă în 1917. În perioada 1918-1940, actualul teritoriu al Republicii Moldova devine parte componentă a României. Ca mai apoi, să devină republică în componența URSS în perioada 1940-1991.

Evenimentele istorice perindate au afectat stabilitatea și siguranța identificării naționale a populației majoritare, moldovenii-basarabeni și a dus la apariția unei crize de identitate națională, care chiar și după 26 de ani de independență a Republicii Moldova creează un impediment major pentru coeziunea etnică și socială a cetățenilor țării noastre. Riscul acestei crize este survenirea separatismului teritorial, a divizării cetățenilor în „noi” și „ei”, discomfortul social al cetățenilor și instabilitatea politică. Astfel, datele Biroului Național de Statistică indică că conform rezultatelor Recensământului Populației și Locuințelor din 2014, 75,1% din populația Republicii Moldova s-au declarat moldoveni. Totodată 7,0% din populație se autoidentifică români [1]. Putem afirma că Republica Moldova nu mai este Basarabia de altă dată. Problematika identității naționale este mult mai complicată, din punct de vedere demografic, social și cultural, decât era cea a Basarabiei istorice.

Identitatea națională este un concept analitic, ambiguu, sensibil, cu multe sensuri contradictorii [2]. Identitatea poate deveni stereotip în discursul cotidian, cu toate că identitatea națională prezintă dificultăți de conceptualizare [3]. Ea exprimă atitudini, mentalități și comportamente colective rezultate din apartenența indivizilor la un stat național. Identitatea națională este fluidă, constant renegociată de politicieni în dependență de propriile interese, în special într-un stat de tranziție cum este Republica Moldova. Valorile ideologice și credințele sunt mai importante, decât cele materiale pentru individ, întru asigurarea inte-

grării acestuia în societate. În scopul diminuării divizării societății moldovenești și coeziunii etnice a cetățenilor este necesară asigurarea acestora cu dreptul la autoidentificare națională, ținându-se cont, totodată, de interesele naționale ale statului. Autoidentificarea națională a cetățenilor Republicii Moldova, însă, trebuie realizată conform modelului occidental de națiune, care este reprezentată de teritoriul istoric, comunitatea legal-politică, egalitatea legal-politică a membrilor, precum și o cultură civică și o ideologie comună.

Într-o societate multiethnică, precum este cea din Republica Moldova, unde grupul majoritar etnic este dispersat în autodefinire, unii considerându-se români, alții moldoveni, întru asigurarea stabilității și coeziunii etnice este important ca accentele să fie puse pe construcția identității civice generalizată și specializată, și nu pe identitatea națională. Identitatea civică generalizată se referă la angajarea în respectarea normelor și idealurilor democratice. Iar identitatea civică specializată exprimă afirmarea unui conflict rezultat din interesele individuale sau de grup. Între ele există o tensiune, întrucât identitatea civică specializată are întotdeauna tendința să devină atât de puternică, încât să diminueze din influența exercitată de identitatea civică generalizată. În acest fel, preocuparea pentru interesele particulare îi determină pe indivizi să nu respecte normele. Astfel o profundă și funcțională cultură civică este posibilă numai în măsura în care cetățenii se identifică mai intens cu sistemul democratic decât cu interesele lor specifice [4].

Asupra construcției identității civice o mare influență o are identitatea politică cu elementul său esențial - conștiința și identificarea cetățenilor de a aparține aceleiași structuri politice – Statul Republica Moldova, care are puterea să ia decizii pentru viața lor; identitatea religioasă - ortodoxia este elementul de conservare a culturii și spiritualității, cu recunoașterea Mitropoliei Moldovei, dependentă de Patriarhia Moscovei și a Mitropoliei Basarabiei dependentă de Biserica Ortodoxă Română. Identitatea lingvistică – limba ca liant al identității etnice. Dimensiunea economică – Republica Moldova fiind o țară agrară, cu un industrialism slab dezvoltat în comparație cu sfera serviciilor. Dimensiunea psihologică - moldoveanul este tolerant, ospitalier, sceptic, cu tendință spre activitate pasivă, adaptabil și influențabil. Dimensiunea geopolitică -

cultura moldovenilor din basarabia a fost puternic influențată de interesele geostrategice ale statelor terțe, în special, Rusia și România, aceasta fiind o sinteză între Orient și Occident.

Precum am menționat, caracterului moldovenilor îi este specific adaptabilitatea, o trăsătură emoțională intermediară între aptitudinea creatoare a Occidentalului și resemnarea pasivă a Orientalului, iar această trăsătură generează calitățile, dar și defectele moldovenilor: „Căci adaptabilitatea e o sabie cu două tăișuri. Ea poate însemna evoluție, inteligență, finețe, suplețe, progres, după cum poate însemna lașitate, duplicitate, șiretenie, superficialitate” [5].

Considerăm că întru asigurarea coeziunii etnice cetățenii Republicii Moldova trebuie să se identifice și să se afilieze nu cu națiunea, ci cu ansamblul de similarități de interese, credințe sau norme de viață, împărtășite de ei în societate, indiferent de naționalitate. O bună coeziune etnică va reuși în urma intensificării politicii de educare a spiritului Patriotismului la cetățenii Republicii Moldova, atât pe dimensiunea istorică, cât și cea politică, pentru ca acestora să li se cultive spiritul apartenenței la Patria-stat, și nu la Patria ca etnos istoric.

Sentimentul patriotic desemnează identificare cu comunitatea cetățenilor unui stat și loialitate față de un stat. Astfel, patriotismul reprezintă sentimentul de dragoste și devotament față de patrie și de popor. Acesta este un sentiment care are ca univers de referință Patria, ce pentru început este identificată cu locul natal. Trăirile și impresiile din copilărie rămân în memoria persoanei într-o formă sau alta pe parcursul întregii sale vieți. Astfel, Patriotismul se manifestă prin crearea de valori; fidelitatea față de țară; prețuirea acordată Patriei; istoriei și apărarea ei.

Identitatea națională și cea civică formează unitatea națională, care se bazează nu pe o omogenitate culturală, etnică sau lingvistică, ci pe coexistența pașnică și eficientă a tuturor membrilor, indiferent de bagajul lor cultural.

Ca urmare a declarării independenței Republicii Moldova, o nouă identitate națională este pe cale de a se constitui, cea a moldovenilor basarabeni. Dreptul la o identitate națională specifică moldovenilor basarabeni și deosebită de moldovenii de peste Prut se argumentează prin

evoluția istorică separată și din poziția geopolitică a țării. Astăzi, când vorbim despre identitatea națională, trebuie să ne referim obligatoriu la contextul în care ea se afirmă, desigur și la realitățile postcomuniste, la faptul că populația Basarabiei n-a participat continuu la procesul de construire a identității naționale române, dar mai ales la noua calitate a Republicii Moldova de stat independent, ceea ce a cauzat apropierea unei identități etnice diferite de cea a românilor.

Aceste circumstanțe au dus la diferențierea identității naționale a moldovenilor din Basarabia și a moldovenilor de peste Prut. Asupra creării identității naționale a moldovenilor din Basarabia un rol important l-au jucat Imperiul Rus, România și URSS. Aceste state au ocupat un rol central în formarea identității moderne a moldovenilor basarabeni, explicabil prin funcțiile ei multiple în mecanismele discursive privind limbile discutate pe acest teritoriu, dar și componenței teritoriale istorice ca parte integrantă a acestor state în diferite perioade istorice. Identitatea națională modernă a moldovenilor basarabeni este datorată moștenirii unei națiuni rupte și lipsite de stat timp de mai multe secole. Din această cauză, ea este puternic legată de identitatea religioasă, în special ortodoxia rusă și bazată pe un foarte puternic etos de victimizare, cu accent pe presiunile externe din partea statelor ce au interes în regiune. Punerea accentului pe dezvoltarea identității civice va permite coeziunea dintre grupurile etnice și omogenitatea socială.

Elementele esențiale ale identității naționale și civice a Republicii Moldova sunt: limba, simbolurile de stat, credința, istoria și contextul actual de dezvoltare economică și credibilitate a instituțiilor statului.

Diferența atitudinii lingvistice alienează societatea. De aceea este importantă înlăturarea frustrărilor lingvistice referitoare la limba rusă și limba română, ce crează bariere psihologice de unitate națională a tuturor cetățenilor statului. Frustrările lingvistice se referă la viziunile diferite referitoare la denumirea limbii de stat, dar și la rolul limbii ruse în contextul socio-politic actual. În pofida recunoașterii unității limbii române și a celei moldovenești de către oamenii de știință, limba rămîne un argument politic pentru legitimarea noului stat moldovenesc, dar și un motiv de tensionare a societății [6].

Astfel limba moldovenească trebuia să susțină crearea unei noi identități naționale, cea a poporului moldovenesc, diferit de cel român. Tentativa moldovenească de a construi noul stat după modelul statului-națiune, al cărui nucleu este națiunea titulară, cu limba și cultura acesteia, a provocat o opoziție puternică din partea minorităților sale naționale, care a dus la apariția regiunii separatiste – republica moldovenească transnistreană. Pe de altă parte, istoria Republicii Moldova (în anii 1995, 1996, 2002) a cunoscut manifestații de protest care revendicau eliminarea noțiunii de limbă moldovenească și substituirea ei cu cea de limbă română. Politicienii s-au mulțumit doar să opereze cu jumătăți de măsură în problema limbii vorbite de moldovenii basarabeni, făcând compromisul de a repune în drepturi limba română, numai prin revenirea la grafia latină, o sintagmă neutră, păstrând în noua legislație lingvistică adoptată termenul de „limbă moldovenească”.

Considerăm că identitatea națională a moldovenilor basarabeni se poate afirma și prin excluderea factorului lingvistic, ceea ce va elimina și tensiunile psiho-emoționale a etnicilor majoritari din țara noastră. Acest proces se poate realiza după modelul formării identității naționale a mexicanilor, peruenilor, columbienilor, cilienilor etc., care nu au fost nevoiți să inventeze o limbă pentru a-și forma propria identitate națională, dar au păstrat limba strămoșilor săi, a colonizatorilor, respectiv, spaniola, portugheza.

Din cele relatate mai sus și în scopul eficientizării consolidării identității naționale a cetățenilor Republicii Moldova prin prisma coeziunii etnice și sociale, considerăm necesare luarea următoarelor măsuri:

- Elaborarea unei strategii de restabilire a echilibrului valorilor etniilor din Republica Moldova, pentru a dinamiza procesul de conștientizare a identității noastre naționale și a consolidării bazelor societății moldovenești, care în ultimii ani pierde teren în fața valorilor consumetrice. Acest proces nu se poate realiza decât într-un stat democrat, care garantează drepturile și libertățile tuturor cetățenilor ei.

- Problema denumirii limbii oficiale a statului a produs o profundă scindare în cadrul populației republicii. Considerăm că asigurarea stabilității, armoniei etnice și înlăturarea alienării lingvistice va fi asigurată în rezultatul recunoașterii limbii ruse ca a doua limbă

administrativă în stat. Dar și odată cu înlăturarea in justiției lingvistice cu implicarea politicului în inventarea limbii moldovenești și recunoasterea limbii române, ca limbă vorbită de moldovenii basarabeni, cu accentul său specific regional și confirmată științific.

- În același context lingvistic, considerăm că într-o societate scindată referitor la denumirea limbii oficiale vorbite - includerea imnului de stat, ca simbol important al unității statului, cu genericul "Limba noastră" duce la alienare patriotică. De aceea, apreciem drept utilă schimbarea imnului Republicii Moldova, orientându-se spre un generic cu tenta educației patriotice a cetățenilor statului.

- Este important păstrarea tricolorului ca simbol al unității naționale a cetățenilor Republicii Moldova. Încă din epoca medievală Țara Moldovei cunoaște în jur de 20 de culori diferite de drapele, printre care și tricolorul. Cei care invocă aspirațiile românismului prin păstrarea tricolorului, atunci trebuie să învinuiască de tendințe românești și statul Andora, al cărui drapel este identic după culori cu cel al României și Republicii Moldova.

- Mărirea credibilității instituționale în rezultatul creșterii încrederii între Centru-Chișinău și regiuni, în special Gagauz Yeri, inclusiv prin mărirea investițiilor și dezvoltarea economică a regiunii.

Referințe bibliografice

1. Populația Republicii Moldova la momentul Recensământului este de 2 998 235, <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=30&id=5582>
2. Frederick Cooper Brubaker, Beyond Identity, în „Theory and Society”, 2000, 29. 1, p. 2
3. Simona Ștefănescu, Anca Velicu, Național și/sau european? reprezentări sociale ale identității în societatea românească actuală, București, Editura Expert, 2006, p. 16–17.
4. Constantin Schifirneț, Identitatea românească în contextual modernității tendințiale, p. 463, <http://www.revistasociologie.ro/pdf-uri/nr.5-6-2009/05-CSchifernet.pdf>
5. M. Ralea, Fenomenul românesc, ediție de Constantin Schifirneț, București, Editura Albatros, 1997, p. 90.
6. Radj Cărbune, Identitatea națională a Republicii Moldova, <https://radjcarbune.wordpress.com/2010/12/02/identitatea-nationala-a-republicii-moldova>

DISIGNUL INSTITUȚIONAL OPTIMAL PENTRU REPUBLICA MOLDOVA (FORMA DE GUVERNARE ȘI SISTEMUL ELECTORAL OPTIMAL PENTRU RM)

Eduard VOLCOV, doctor în filosofie, conferențiar universitar, IRIM

Rezumat

În acest studiu autorul justifică teza în conformitate cu care în perioada tranziției de la regimul totalitar - autoritar la cel liberal-democratic este importantă alegerea corectă a formelor de guvernare și sistemelor electorale, care ar corespunde instituțiilor politice, tradițiilor. Autorul analizează potențialul constructiv al diferitor modele de organizare și funcționare a republicilor democratice. În concluzie, autorul menționează că disignul optimal pentru Republica Moldova trebuie să cuprindă trei componente: sistemul electoral proporțional, cu 2% pragul electoral pentru partidele politice și timp de 2 campanii electorale să nu fie modificat; sistemul proporțional existent să fie transformat în mixt, modelul republicii parlamentare să fie păstrat cu modificarea – alegerea președintelui de popor.

***Cuvinte-cheie:** disignul instituțional, Republica Moldova, sistem electoral, regim politic, formă de guvernare, tranziție*

THE OPTIMAL INSTITUTIONAL DESIGN FOR THE REPUBLIC OF MOLDOVA (THE FORM OF GOVERNMENT AND THE OPTIMAL ELECTORAL SYSTEM FOR THE REPUBLIC OF MOLDOVA)

Abstract

In this study the author justifies the thesis according to which the correct choice of governing forms and electoral systems, which correspond to political institutions, traditions, is important during the transition from the totalitarian - authoritarian regime to liberal-democratic one. The author analyzes the constructive potential of different models of organization and functioning of democratic republics. In conclusion, the author mentions that the optimal design for the Republic of Moldova should comprise three components: the proportional electoral system, with 2% of the electoral threshold for the political parties and the time of the two electoral campaigns should not be modified; the proportional system to be transformed into mixed one, the model of the parliamentary republic should be preserved with the modification - the election of the president by the people.

***Keywords:** institutional design, the Republic of Moldova, electoral system, political regime, form of government, transition*

ОПТИМАЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (УТОЧНЁННАЯ ВЕРСИЯ)

I.

В мировой политической науке является азбучным положение о том, что в процессе перехода от тоталитарно-авторитарного режима к либерально-демократическому крайне важно осуществить правильный выбор оптимальных, исходя из специфики конкретной ситуации в той или иной стране и её традиций, политических институтов, прежде всего формы правления и избирательной системы (и как следствие – партийной системы), которые будут **содействовать или препятствовать модернизации страны, осуществлению структурных реформ, формированию гражданского общества, углублению и стабилизации либерально-плюралистической демократии.**

Реальная проблема в процессе указанного перехода (в том числе и в РМ) состоит в том, что установление новых либерально-демократических институтов крайне редко осуществляется с позиции рационального выбора, по рекомендациям компетентных политологов и юристов, учитывающих предшествующий опыт, всю совокупность факторов в конкретном развитии.

Происходит, как правило, обратное: политики продвигаются вперёд методом проб и ошибок, исходя из политической конъюнктуры, ожидаемых, по их мнению, выгод в предстоящих электоральных баталиях. Не обременяя, при этом, себя размышлениями, а к каким последствиям (позитивным или негативным) для судеб демократии, для политической стабильности приведут их избирательные нововведения.

В конечном счёте, формирование новых институтов является, как правило, результатом компромисса политических элит и их лидеров, составляющих правящее большинство. Нередко этот процесс осуществляется и под воздействием экстраординарных, чрезвычайных обстоятельств.

II.

Институциональному дизайну в новых независимых государствах (далее – ННГ) на постсоветском пространстве присущ ряд особенностей, среди которых выделяются следующие две:

Во-первых, формы правления и избирательные системы ННГ отличаются своего рода **“плавающим”** характером – до консолидации и стабилизации либерально-демократического режима (не путать с политической стабильностью авторитарно-демократического режима) происходит **безостановочный их дрейф** по всему полю форм правления и избирательных систем – от президентской республики через разного рода смешанных форм до парламентской республики и наоборот; и от мажоритарной избирательной системы через всевозможные виды смешанных до пропорциональной и обратно.

Во-вторых, периодически возникает своего рода **“люфт”**, разрыв, порой весьма значительный, между **конституционными и фактическими полномочиями высших органов государственной власти**. Другими словами, - реальный государственный режим существенно отличается от конституционного. [См.:1].

Так, в частности, в Республике Молдова, начиная с февраля 1990 г. и до настоящего времени, форма правления продрейфовала через 6 видов и подвидов республиканского устройства, в подавляющем большинстве смешанных (при которых высшее должностное лицо государства не только называлось по-разному (вначале Председатель Президиума Верховного Совета МССР, затем — Председатель Верховного Совета и, наконец, — Президент), но — и это главное — обладало неодинаковым **объёмом властных полномочий**) и **через 3 вида избирательных систем**. При этом три раза складывалась ситуация **“люфта”**.

Добросовестный исследователь выделит следующие **семь видов и подвидов форм правления**: 1) Советская республика в рамках СССР, в условиях начавшейся либерализации и демократизации, политического плюрализма и ослабления роли союзного центра (особенно после принятия Молдовой Декларации о суверенитете) и КПСС (с февраля 1990 г., выборов Верховного

Совета МССР до 3 сентября 1990 г., установления в Молдове института Президента республики и избрания Парламентом М.Снегура Президентом); 2) Формирующаяся парламентская республика (с 3-го сентября 1990 г. до 5 марта 1991 г., принятия закона “О совершенствовании исполнительной власти...”, согласно которому Президент, начавший осуществлять верховную исполнительную власть, расширил свои полномочия); 3) Полупрезидентская республика (с 5 марта 1991 г. до 8 декабря 1991 г., когда на всенародных выборах Президентом РМ был избран М.Снегур); 4) Условно “на 3/4” президентская (с 8 декабря 1991 г. до 27 августа 1994 г., вступления в силу новой Конституции РМ от 29 июля 1994 г., которая существенно урезала полномочия Президента республики); 5) Условно “на 3/4” парламентская республика (согласно Конституции РМ от 29 июля 1994 г., с 27 августа 1994 г. до 5 июля 2000 г., осуществления конституционной реформы по трансформации формы правления); 6) Условно “на 4/5” парламентская республика (с 5 июля 2000 г. по 23 декабря 2016 г.); 7) Вновь условно на “на 3/4” парламентская республика (с 23 декабря 2016 г., даты вступления в должность всенародно избранного президента РМ И.Н.Додона, по настоящее время).

Избирательных же систем в указанный период в РМ было несколько видов (**точнее 2 вида, причём вторая с несколькими модификациями**): 1) мажоритарная с 380 одномандатными округами (выборы в Верховный Совет МССР в 1990 г.); 2) пропорциональная (вся страна — один избирательный округ) с избирательным порогом в 4% (парламентские выборы 1994, 1998 гг.); 3) пропорциональная с порогом в 6% (парламентские выборы 2001 г.); 4) пропорциональная с порогом в 6% для 1 партии, в 9% для блока из 2-х партий и в 12% для блока из 3-х и более партий (выборы 2005 г.); 5) пропорциональная, вновь с уменьшенным порогом; 6) И т.д.

Ситуация же “люфта” между конституционными и фактическими полномочиями высших органов власти возникала в РМ в течение последних двадцати шести лет, по крайней мере, трижды.

Так, первый раз ситуация “люфта”, разрыва между консти-

туционными и реальными полномочиями Президента (и соответственно Правительства и Парламента) существовала в период с января 1993 г. (отставки унионистски ориентированного руководства Парламента во главе с А.Мошану и избрание спикером Парламента П.Лучински, признающего в тот момент ведущую роль Президента М.Снегура) до сентября 1994 г. (вступления в силу 27 августа 1994 г. новой Конституции РМ от 29 июня 1994 г., согласно которой были урезаны полномочия Президента республики и была установлена “на 3/4” парламентская форма правления). В указанный период де-юре функционировала “на 3/4” президентская республика, но де-факто республика была “на все 100%” президентской во главе с М.Снегуром.

Второй раз подобная ситуация возникла 15 января 1997 г. (инаугурация второго Президента РМ П.Лучински) и продолжалась вплоть до апреля 1998 г. (завершение легислатуры агросоциалистического Парламента во главе с Д.Моцпаном, признающего ведущую роль второго Президента и начало легислатуры Парламента нового состава). В этот период республика де-юре была “на 3/4 парламентской”, а де-факто — полупрезидентской во главе с П.Лучински.

И наконец, в третий раз ситуация “люфта” возникла в апреле 2001 г., когда после досрочных парламентских выборов 25.02.2001 коммунисты получили 50,1 % голосов и 71 мандат из 101 и избрания 4 апреля 2001 г. в Парламенте РМ президентом страны лидера ПКРМ В. Воронина, вступившего в должность 7 апреля 2001 г., и она - “ситуация люфта” - продолжалась в полной мере до выборов 2005 г., и в значительной мере с 4 апреля 2005 г. до лета 2009 г, когда де-юре республика у нас (после конституционной реформы 5 июля 2000 г.) на “4/5” являлась парламентской, а де-факто — президентской во главе с В. Ворониным, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти.

К огорчению, даже беде народа Молдовы и тот вид смешанной формы правления (на 4/5 парламентской) и тот вид пропорциональной избирательной системы (вся страна один избирательный округ с высокими “проходными баллами” – вначале

4%, затем 6 % для одной партии и т.д.), которые были установлены Конституцией РМ 1994 г. и соответствующим органическим законом (с изменениями и дополнениями), оказались в конкретно-политической ситуации РМ неудачными, оказывая на политический процесс, ход реформ и формирование гражданского общества в основном деструктивное, тормозящее, дестабилизирующее воздействие.

Достаточно вспомнить: а) семилетнюю перманентную конфронтацию как первого (после 1994 г.), так и второго Президентов РМ с Парламентом РМ; б) непрочное положение, недостаток прерогатив и отсутствие преемственности во внутренней политике часто сменяющих друг друга правительств; в) отсутствие прочного парламентского большинства, способного взять ответственность за правление в стране (после января 1997 г., а затем после 29 июля 2009 г.); г) слабую вертикаль исполнительной власти, явный дефицит должной оперативности при принятии решений, а главное – плохая исполнительская дисциплина как следствие - слабая управляемость страной, разгул коррупции и криминалитета; д) значительную долю (до 25-30%) избирателей из числа принявших участие в выборах, чьё мнение было проигнорировано из-за высокого избирательного порога. И многое другое.

Одной из причин (до конституционной реформы 5 июля 2000 г.) перечисленных негативных феноменов в РМ являлись **разновременность** выборов Президента и Парламента, что само по себе не являлось ещё причиной конфликта между ними, если бы не быстрая, порой чрезвычайно быстрая динамика соотношения ведущих политических сил и столь же быстрое маятникообразное изменение политической ориентации значительной доли электората.

Причём в РМ, в отличие от других стран СНГ, эта маятникообразная траектория осуществлялась сразу по двум шкалам (хотя и с разной скоростью и амплитудой): 1) “*лево - центр – право*”; 2) “*Вступление РМ в Союз России с Белоруссией, впоследствии сменившееся стремлением вступить независимой РМ в ЕАЭС – независимая РМ, стремящаяся вступить в ЕС – Уния с Румынией*”.

Действие указанной причины приводило и приводит к то-

му, что в течение срока одной легислатуры Парламента победители на одних выборах к другим, как правило, не только превращались в аутсайдеров, а вообще не преодолевали избирательный порог (вспомним, к примеру, судьбу АДПМ в 1998 г. или ПВСМ и ДП в 2001 г.).

Так, АДПМ, победившая с большим перевесом в 1994 г. (43,18%), даже не попала в парламент в 1998 (3,63%). А занявшие на выборах 1998 г. 2, 3 и 4-ые места правоцентристский и центристский электоральные блоки: Демконвенция (19,42%) и БДПМ (18,16%), — а также правая ПДС (8,84%) и составившие первые (после выборов) полтора года правящий <<Альянс за демократию и реформы>>, затем, на досрочных выборах 2001 г., проваливаются и не преодолевают ими же поднятый с 4% до 6% избирательный порог. ПВСМ и Демпартия, составившие ядра указанных избирательных блоков 1998 г. и участвующие в кампании в 2001 г. самостоятельно, получают соответственно 5,79% и 5,02%, а ПДС — 1,22%. [См.:2].

Вследствие этого может возникнуть неразрешаемый конфликт между старым и правым (левым) президентом и новым левым (правым) парламентом и соответственно таким же правительством (условно возможны 9 основных вариантов сочетаний дихотомий президент – парламент по 1 шкале).

Такая ситуация обусловлена, по крайней мере, тремя моментами: 1) несколько близко отстоят друг от друга даты выборов президента и парламента; 2) насколько быстро меняется соотношение политических сил; 3) насколько велика амплитуда указанной маятникообразной политической траектории.

Роль самого по себе **институционального конфликта** неоднозначна для осуществления реформ и формирования гражданского общества. Очевидно, что он вреден, когда реформаторскому большинству парламента (правительству) противостоит президент-антиреформатор и полезен, когда антиреформаторскому левому (правому) парламента противостоит правый (левый) президент-реформатор.

Аналогична роль институционального конфликта и в слу-

чае разного, порой противоположного отношения президента и парламентского большинства (правительства) к социальной политике в интересах народных масс.

Осуществлённая 5 июля 2000 г., после многолетних дискуссий, конституционная реформа, согласно которой РМ превратилась, образно выражаясь на 4/5 в парламентскую республику и президент стал избираться в парламенте и парламентом - была на тот момент и в последующее десятилетие правильной.

Ибо опыт политической истории XX в. свидетельствует, что, во-первых, именно парламентская республика способствует лучшей выживаемости политической демократии, лучшей демократической консолидации власти и общества. Смешанные формы правления для этой цели годятся меньше, не говоря уже о президентской республике (среди президентских, только в одной стране — США— демократия устойчива в течение многих десятилетий вследствие сочетания уникальных факторов). [3].

Как установил известный западный политолог **А.Лейпхарт**, обобщив мировой опыт становления различных типов демократических конституционных устройств с точки их оптимальности, парламентская республика в сочетании с пропорциональной избирательной системой почти неизменно показывала и показывает наилучшие результаты в отношении представительности, защиты интересов меньшинств (а для РМ, с её полиэтническим народом это крайне важно), активности избирателей, многих экономических показателей. [См.:4].

Девяностые годы в основном подтвердили вывод А.Лейпхарта. Наибольших успехов реформы в странах, пребывающих в переходном периоде достигали именно при парламентских системах, в то время как в президентских республиках достижения реформы минимальны.

Здесь необходимо развёрнутое отступление для сравнения достоинств и недостатков парламентской и президентской республик в связи с тем, что дважды действующие президенты РМ — **М.Снегур** в 1995-96 гг. и **П.Лучински** в 1999-2000 гг. (до этого, в 1995-1996 гг. критиковавший первого Президента именно за его

намерение учредить в стране президентскую республику) – ратовали за установление в РМ президентской республики. Да и сейчас, в 2017 г. имеются политики и политологи, ратующие за учреждение в нашей республике президентской формы правления. Одним из рьяных сторонников этой идеи является бывший лидер фракции коммунистов в Парламенте, экс-вице-премьер, ныне лидер народно-социалистической партии **В. Степанюк**.

III.

Специалисты по конституционному праву и сравнительной политологии констатируют, что парламентская система, по сравнению с президентской формой правления, характеризуется большей открытостью, гибкостью, профессионализмом.[5]. Что, в свою очередь, является следствием целого ряда особенностей строения и функционирования парламентской республики, которые оцениваются как её достоинства:

1)единство, сотрудничество высших эшелонов власти, поскольку глава исполнительной власти – премьер-министр – и его правительство назначаются и контролируются парламентским большинством (то ли в виде партийной коалиции, то ли – мажоритарной партии);

2)минимальная возможность конфликта между двумя ветвями власти вследствие того, что, при всех существующих практических вариантах, президент играет незначительную роль, а исполнительная власть в условиях парламентаризма является, по сути, продолжением законодательной;

3)большая управляемость в условиях многопартийности;

4)большая возможность и необходимость для главы правительства действовать строго в конституционных рамках;

5)меньшая склонность к военным переворотам;

6)более длительные политические карьеры, позволяющие накопить опыт и наладить отношения.

Рассмотрим некоторые из особенностей подробнее.

Опора на большинство в парламенте раскрепощает правительство, избавляет его от необходимости искать сомнительные, обходные пути. Для президентской республики о подобной прак-

тике приходится только мечтать. Факты политической истории на этот счёт более чем убедительны. Так, если в парламентских республиках, в тех странах “третьего мира”, где хотя бы год, в период с 1973 по 1987 гг., существовало демократическое правление, правительства опирались на поддержку большинства парламентариев 83% времени пребывания у власти, то в президентских - 48%.

Другими словами, большая часть времени президентские кабинеты были правительствами меньшинства, не имеющими поддержки парламента, что неизбежно вело к конфликтам между двумя ветвями власти – президентом во главе исполнительной и парламентом.

Конечно, излишне фрагментированная многопартийная система, также может создавать трудноразрешимые проблемы для любой формы правления. Так, при неразвитой партийной системе (как в РМ), даже миноритарная (тем более - антисистемная, экстремистская) партия может оказаться частью парламентской коалиции большинства. Подобный расклад политических сил (а у нас в РМ именно такой) может стать не менее пагубным для стабильности политической системы, чем тупик во взаимоотношениях исполнительной и законодательной властей.

Кроме того, возникают проблемы в принятии современных и правильных решений в управлении обществом.

И, тем не менее, хотя фрагментированная многопартийность и осложняет политическую жизнь в парламентской республике, в подавляющем большинстве случаев она не губит её. Ведь даже миноритарные партии (речь, конечно, не идёт об антисистемных), входящие в правящую коалицию и представленные в правительстве, заинтересованы в его выживании и не склонны дестабилизировать ситуацию. И исторические факты подтверждают тезис о повышенной устойчивости парламентской республики.

Так, с **1945 по 1987 гг.** в индустриально развитых странах, в которых существовали парламентские демократии, **111 правительств из 345** были правительствами меньшинства со средним сроком жизни 14 месяцев. И все же, парламентские системы во всех этих случаях устояли перед подобными превратностями судьбы.

В президентских же республиках стимулы для межпартийного сотрудничества гораздо слабее. В отличие от коалиционного правительства, президентство неделимо. Вследствие чего президент может пригласить членов других партий в свой кабинет только на индивидуальной основе, а не в составе коалиции. Поэтому логика борьбы за власть быстро выталкивает парламентариев, включая оставшихся вне администрации, от правящей партии в оппозицию. Происходит своеобразный паралич власти.

Суть парламентаризма – взаимозависимость законодательной и исполнительной властей. Премьер-министр со своим правительством не может выжить без хотя бы пассивной поддержки парламентского большинства. А так как правительство и парламент, словно скованны одной цепью – центральная исполнительная власть вправе распустить высший орган законодательной власти, а парламент вправе выразить недоверие правительству, - то они застрахованы от патовых, тупиковых ситуаций.

В противовес этому, суть президентской системы – независимость ветвей власти друг от друга. Президент и парламент избираются народом независимо друг от друга со своими самостоятельными мандатами на фиксированный срок. И если они, по образному выражению российского политолога **В.Кувалдина**, “сойдутся в клинче”, как порой случается, из него почти невозможно будет выйти законным путём. Не имеющий опоры в Парламенте президент испытывает сильный соблазн править при помощи указов, декретов в обход высшего законодательного органа.

В свою очередь, Парламенту, чтобы убрать политически изолированного или действующего вразрез с Конституцией президента, надо прибегнуть к сложной политико-судебной процедуре импичмента, успешное осуществление которой требует уйму времени и мобилизации всех властных ресурсов. Поэтому в президентских (и, отчасти, в полупрезидентских) республиках велик риск прогрессирующей эскалации кризиса: социально-экономического – в политический, парламентского – в правительственный, конституционного – в тотальный кризис власти, вплоть до паралича.

Именно поэтому, в поисках выхода конфликтующие стороны, лишённые конституционных средств и ресурсов, часто апеллируют к силовым структурам, прежде всего к армии. Именно поэтому, неизменным спутником президентских режимов, особенно в странах недавно расставшихся с авторитарно-тоталитарным прошлым, без демократических традиций, являются военные перевороты.

Наконец, парламентские формы правления создают более благоприятные условия и для профессиональной политической карьеры, а значит – и для компетентного управления. Министры, назначенные президентом, чаще всего приходят и уходят и, как правило, не возвращаются. Парламентские же министры работают не в одном кабинете. Если проанализировать все министерские назначения в Западной Европе, Соединённых Штатах и Латинской Америке с 1950 по 1980 гг., то процент долгожителей, не единожды занимавших министерский пост в парламентских демократиях, **почти в три раза выше, чем в президентских.**

И ещё один парадоксальный факт: в правительствах, ответственных перед парламентом, министры каждый раз задерживаются **почти в два раза дольше**, чем в президентских. Специалисты находят этим фактам простое и убедительное объяснение.

Президенты, не имеющие парламентского большинства, вынуждены часто менять своих министров, чтобы улаживать законодателей и заручиться их поддержкой по ключевым для себя вопросам. В течение президентского срока подобные ситуации возникают многократно, и всякий раз приходится кого-то отдавать на закланье. В парламентских же системах сами министры от различных политических сил являются важным фактором стабильности. Представляя свои партии в коалиционных кабинетах, они олицетворяют и скрепляют политическое межпартийное сотрудничество и большинство. Для их отставки нужны очень серьезные основания (личные причины, внутрипартийная борьба, переход партии в оппозицию), в противном случае, разражается правительственный кризис, а вслед за этим – парламентский.

Правда, у парламентских республик есть один потенци-

ально крупный недостаток. Эффективность и стабильность парламентской формы правления в значительной мере зависят от характера партийной системы в целом и политических партий в частности, соревнующихся за места в парламенте и соответственно составляющих парламентское большинство. Поэтому в ситуации, когда значительное количество мест получает экстремистская (ие) партия (ии), возникает реальная угроза тирании, которую в состоянии создать простое большинство депутатов в высшем законодательном органе.

Заметим, что в только что описанном случае, мы сталкиваемся с так называемым первым парадоксом демократии, когда антисистемная (ые) партия (ии), пришедшая демократическим путём в демократический парламент, может демократическим же способом проголосовать за свёртывание или даже упразднение демократии (или государства, как у нас в Молдове). Данный парадокс свидетельствует об определённой хрупкости либеральной демократии, о том, что для её поддержания в стабильном состоянии необходима целая система взаимосвязанных объективных и субъективных факторов.

В свою очередь, судьба партий и структура партийной системы в немалой степени определяется способом избрания законодателей, т.е. тем, какая избирательная система – мажоритарная, пропорциональная или смешанная – установлена в стране.

Установление той или иной избирательной системы есть результат субъективного выбора, который нередко определяется соотношением политических сил в законодательном органе, зависит от конкретных социально-политических условий и является вопросом политической целесообразности. Те или иные способы определения выборов часто оказываются более выгодными отдельным партиям и, естественно, что они добиваются включения в избирательное законодательство именно этих выгодных им способов.

Например, в 1993 году Италия перешла от пропорциональной системы к смешанной, преимущественно мажоритарной, а Новая Зеландия – наоборот, от мажоритарной к пропорциональ-

ной. Примечательно, что в обеих странах вопрос этот решался путём общенационального референдума.

Другой наглядный пример – изменение избирательной системы в России: С 1993 г. по 2007 г. Государственная дума РФ избиралась по смешанной системе - половина депутатов (225) - по одномандатным округам по мажоритарной системе, а вторая половина – по единому избирательному округу по пропорциональной системе с проходным барьером в 5 % для политических партий. По этой схеме проходили выборы в Государственную Думу I—IV созывов. Затем в электоральную формулу были внесены изменения и дважды с 2007 по 2011 годы выборы в Государственную думу проходили только по пропорциональной системе, причём проходной барьер составлял 7 % . С 2016 года в РФ вновь вернулись к смешанной избирательной системе и выборы в Госдуму VII созыва проходили именно по ней[6].

В любом случае, в своей политике партии учитывают установленную избирательную систему и приспособливают к ней свою деятельность по улавливанию голосов избирателей. Избирательная система оказывает значительное влияние и на партийную систему, и на форму правления, и на устойчивость новой демократии.

Вместе с тем, характеристика президентской республики будет неполной, если мы, наряду с недостатками, не отметим и ряд её достоинств.

Первое из них состоит в самом факте прямого избрания всеми гражданами страны главы государства и исполнительной власти, ибо всенародно избранный президент являет собой средоточие общенациональных интересов, выступает символом нации, принадлежности граждан к единому государству. Эта форма даёт значительные полномочия одному лицу, которое может осуществить руководство в чрезвычайных обстоятельствах. И в качестве примера успешной деятельности в чрезвычайной ситуации президентской республики, благодаря именно данному достоинству, её сторонники, в том числе у нас в РМ, любят ссылаться на Францию, где в 1958 г. Ш. де Голлем была

осуществлена конституционная реформа и вместо парламентской республики была установлена полупрезидентская (я бы даже сказал - на 2/3 президентская) республика.

Однако данное достоинство, как замечают специалисты, не следует интерпретировать однозначно. Ибо даже достоинство может обернуться недостатком. Я полагаю, что рьяным сторонникам президентской республики будет полезно познакомиться с мыслями по поводу применения Конституции Франции 1958 г., высказанными известным французским юристом **Б.Лавернем**. По его мнению, приобретённый исторический опыт Франции (с момента принятия Конституции 1958 года) содержит в себе как положительные, так и отрицательные итоги.

Несомненным успехом стало достижение стабильности власти и прекращение правительственной чехарды. Благодаря этому удалось уже при де Голле, освободить страну *“от тяжёлой опеки США со времён окончания Второй мировой войны”*, а при сменившем его Президенте Помпиду, привести государство *“к самому высокому уровню индустриализации, когда-либо достигнутому в прошлом”*. Франции удалось восстановить свою независимость и международный престиж. [См.:7].

Отрицательным моментом, как считает Лавернь, стало ослабление парламента и значительное возрастание роли исполнительной власти, получившей неоспоримое превосходство над законодательной властью. Притом, что гарантией эффективности государственной системы в этом случае становятся **личные качества главы страны**. Поскольку подобных гарантий заранее дать нельзя, Лавернь объявляет себя твёрдым противником президентского правления.

Иной недостаток он видит в том, что ответственность правительства перед парламентом приобретает явно формальный характер (напоминаю, что в полупрезидентской республике правительство несёт двойную ответственность – и перед президентом, и перед парламентом).

Важным представляется и то обстоятельство, что парламент и президент как “два суверенных института”, избираемых путём

всеобщего голосования, противостоят друг другу. Но из двух суверенных властей в государстве одно становится излишней, и сложившееся положение возможно без особых осложнений лишь до тех пор, пока парламент не окажется в оппозиции к президенту. Необходимо, заключает Лавернь, установление конституционного равновесия между законодательной и исполнительной властью. Образование сильного государства не должно происходить *“путём молчаливого устранения суверенитета нации и установления на руинах демократии личной диктатуры одного вождя”*. [7,с.34].

Другим достоинством президентской республики является большая раскрепощенность и одновременно ответственность парламентариев в законотворческой деятельности вследствие того, что они не несут прямой ответственности за действие правительства.

Наконец, президентская республика, рассуждая абстрактно, в принципе, обеспечивает большую степень стабильности правительства в целом (не отдельных министров), чем парламентская, так как президент, как глава исполнительной власти, избирается на фиксированный в Конституции срок. И изменение политической конъюнктуры в течение этого срока в меньшей мере влияет на состав правительства, а главное – на проводимую политику, чем в парламентской республике, где дело может доходить до самой обыкновенной правительственной чехарды.

Однако повторяю, отмеченные достоинства президентской республики присуще ей в принципе, при благоприятном раскладе политических сил. Но как только возникают кризисные ситуации, а в переходном периоде подобные ситуации являются своего рода нормой, то начинаются трения во взаимоотношениях исполнительной и законодательной ветвей власти и провоцирование конституционного кризиса. Вероятность последнего особенно возрастает, если, как я уже подчёркивал, президент и парламентское большинство принадлежат к различным политическим силам.

Ведь даже в полупрезидентской республике в этой ситуации возникает серьёзный конфликт между президентом, с одной стороны, и правительством и парламентом, с другой, как это, к

примеру, произошло, к примеру, во Франции в середине 80-х – начале 90-х годов, когда Елисейский дворец занимал представитель социалистической партии Ф. Миттеран, а пост премьер-министра – представитель правоцентристских сил. А что же говорить о президентской республике.

Но зачем так далеко ходить? Вспомним два конституционных кризиса в Р. Молдова: в 1995-1996 гг. и в 1999-2000 гг.

Таким образом, в общем плане и в краткосрочной перспективе выбор между парламентской и президентской формами правления может означать выбор между единым, но нестабильным руководством и руководством стабильным, но чреватым конфликтами двух властей.

Кроме того, показательно, что в 70-х – 80-х годах XX в., в условиях неуклонного усиления реальных прерогатив в руках исполнительной власти, многие аналитики не без основания забили тревогу относительно наметившихся авторитарных тенденций в ряде индустриально развитых стран, прежде всего, с президентскими и полупрезидентскими режимами.

Так, известный американский историк и политолог **А.М. Шлезингер-мл.** написал объёмный труд под красноречивым названием “*Имперское президентство*”, в котором указывалось, что президент США по объёму сосредоточившихся в его руках реальных властных полномочий далеко превзошёл многих монархов и императоров прошлого. А крупнейший французский политолог и социолог **М.Дюверже**, используя подобные же аргументы, охарактеризовал режим, установленный Ш.де Голлем во Франции, как *республиканскую монархию*.

В подтверждении главного тезиса о преимуществе парламентской республики перед президентской в деле консолидации демократии, приведу дополнительно 4 аргумента, основанных на историческом опыте, сравнительных исследованиях западных политологов и выраженных в убедительных цифрах. Их воспроизводит в своих сочинениях и российский политолог **В.Б.Кувалдин**. [См.3].

Первый аргумент contra президентской республики и pro

парламентской. Политологи-компаративисты проанализировали тенденции политического развития всех 93 стран, которые получили независимость между 1945 и 1979 гг. и результаты анализа более чем впечатляют. Из отмеченных 93 стран, к 80-м годам только 15 консолидировались в стабильные демократические режимы. Причём, все 15, подчёркиваю, все, выбрали в момент обретения независимости парламентскую форму правления (наряду с ещё другими 26 странами, которые, выбрав такую же форму правления, не удалось перейти к устойчивым демократиям).

В то же время, из 52 стран, которые избрали другие формы правления (36 – президентские, 3 – полупрезидентские, 13 – монархии), ни одна не достигла устойчивой демократии. Вдумайтесь в этот вывод, основанный на фактах политической истории – ни одна из президентских республик, установленная в государствах, получивших независимость после 1945 г., не способствовали установлению устойчивой, плюралистической, либеральной демократии, ни одна! Все страны с президентской формой правления скатились к той или иной форме авторитаризма, к той или иной форме диктатуры. Только парламентская республика содействовала упрочению демократии. Хотя, конечно, парламентская форма не обеспечивает 100% результат, не является панацеей от диктатуры. Но лишь она предоставляла и предоставляет шанс на консолидацию демократии. Только она одна.

Второй аргумент. Компаративисты обобщили опыт и более широкой группы государств, практически всех, которые существовали в интервале с 1973 по 1989 гг., т.е. в первые 15 лет третьей демократической волны. Выяснилось, что в этот период в 77 из 168 государств, хотя бы в течение одного года, существовал демократический режим. И если исключить из их числа 24 старые демократии, входящие тогда в Организацию экономического сотрудничества и развития, остаётся 53 страны, из которых 28 были парламентскими, а 25 – президентскими республиками. Так вот, демократиями в течение десяти лет подряд оставались 17 из 28 парламентских республик (т.е. 61%) и только 5 из 25 президентских (т.е. 20%).

Таким образом, и в этом случае, в краткосрочном плане, **уровень выживаемости парламентских демократий оказался в 3 раза выше, чем президентских.**

Несомненно, эти цифры не надо абсолютизировать. Есть обстоятельства, которые корректируют, но отнюдь не перечёркивают сравнения в пользу парламентских республик в краткосрочном плане. А если в ходе сопоставления принять во внимание также и характер партийных систем, то обнаружится, что в условиях многопартийности перевес в пользу парламентской формы правления становится столь же неоспоримым, как и в долгосрочном плане.

Третий аргумент. Политологи, исследуя все 31 устойчивые демократии, которые существовали не менее 25 лет подряд, выявили ещё один неоспоримый факт преимущества парламентского режима: Только 4 из 31 (Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика и США) имеют президентскую форму правления, и ни в одной из указанных стран не было многопартийной системы (есть только одно исключение на этот счёт: Чили с 1933 по 1973гг. Но и здесь, как известно, в 1973 г. произошёл военный переворот, и установилась диктатура А. Пиночета).

Итак, исторические факты свидетельствуют, что многопартийность, тем более та, которая существует в излишне фрагментированном и поляризованном виде в РМ, в сочетании с президентской республикой, которую хотят установить в РМ некоторые силы, образуют, по образному выражению В.Кувалдина, “взрывчатую смесь”, которая сводит шансы демократической консолидации к нулю, зато открывает двери настежь диктатуре.

Таким образом, вопреки утверждению, что президентская республика является оптимальной формой управления государством, которая обеспечит стабильность и прогресс молдавского общества, на самом деле, как, безусловно, свидетельствует политический опыт, её установление в условиях многопартийности неизбежно приведёт к ещё большей дестабилизации страны.

Ведущие специалисты мира на основе неопровержимых фактов доказывают: чем больше в президентских демократиях

партий, тем неустойчивее политическая система. Многопартийность делает особенно уязвимой президентскую республику вследствие трёх негативных эффектов: 1) большая вероятность паралича власти вследствие противостояния президента и парламента; 2) сильная идеологическая поляризация политической жизни; 3) сложность создания в парламенте межпартийных коалиций президентского большинства.

А ведь все эти “негативные эффекты” дали о себе знать почти в полной мере в РМ в период с 1994 г., после принятия Конституции-94 до конституционной реформы 5 июля 2000 г., когда РМ была на 3/4 парламентской республикой. Тогда дважды, как мы помним, возникал полупаралич власти, вследствие противостояния президента и парламента. Первый раз, в 1995-96 гг., - между Президентом РМ М.Снегуром, с одной стороны и агросоциалистическим большинством Парламентом во главе со Спикером Парламента П.Лучински и Правительством РМ А.Сангели, с другой стороны. Второй раз, вначале в 1998-1999 гг., - между Президентом РМ П.Лучински, с одной стороны и парламентским большинством АДР во главе лидером АДР М.Снегуром и Правительством И.Стурзы, с другой. Затем, в 2000 г., когда изменилась политическая конфигурация в Парламенте, возникло противостояние между Президентом РМ П.Лучински и Премьер-министром Д.Брагишем, с одной стороны и Спикером Парламента Д.Дьяковым при поддержке значительной части депутатов, с другой.

Конституционная реформа 5 июля 2000 г. институционально улучшила ситуацию в РМ. Однако сильная идеологическая поляризация политической жизни в РМ как была, так и осталась до сих пор. Как и сложность создания межпартийных коалиций. И дело здесь не только в том, что в РМ наличествуют антигосударственные партии и этот фактор крайне негативен. Но и в том, что существует, как показывает драматический опыт 2009 г., и внешнее воздействие на принятие решений со стороны политических сил РМ, в результате чего они не свободны в их принятии. А если к этому добавить конфронтационную политическую культуру, доминирующую среди политической элиты,

то становится понятным, что **установление президентской республики – самоубийственно для молодой становящейся молдавской демократии.**

И, тем не менее, несмотря на все противопоказания, которые, вероятно, были известны многим специалистам в постсоциалистических странах, многие из этих государств, а точнее – их политический класс выбрал именно президентскую форму правления. Или, в крайнем случае, на 2/3 президентскую или полупрезидентскую.

В поисках ответа на вопрос, чем обусловлен выбор той или иной формы правления, политологи выделяют в качестве решающего фактора **степень преемственности на уровне элит.** Чем она выше, чем прочнее позиции старой номенклатуры в новой системе власти, тем вероятнее выбор президентской формы правления.

Кроме того, выбор той или иной формы правления определяется логикой борьбы за властные ресурсы государства. Представители старых элит в момент конституирования нового независимого государства предпочитали президентскую республику потому, что так легче было держать все под контролем, не подпуская чужаков. А политические нувориши, вошедшие на рубеже 80-90-гг. в мир политики на антикоммунистической волне, выбирали парламентскую систему, поскольку она им открывала более широкие возможности доступа к власти.

Четвёртый аргумент. Сравнительный анализ тенденций политического развития в 90-х годах стран Центральной Европы (ЦЕ) постсоветских государств (ПГ) убеждает, что парламентские республики ЦЕ более предпочтительны для демократической консолидации, чем даже смешанные форму правления в виде полупрезидентских республик, учреждённых в подавляющем большинстве государств бывшего Советского Союза, не говоря уже о президентских.

В то время как в ЦЕ все попытки президентов увеличить свою власть жёстко блокировались правительством и парламентом, на постсоветском пространстве президенты почти повсюду уверенно подмяли (или подминают) под себя своих оппонентов.

Я хочу ещё раз специально оговориться, что до сих пор сопоставление парламентской и президентской республик шло под одним, единственным углом зрения – какая из форм правления в большей или меньшей мере способствует демократической консолидации власти и общества, какая из форм правления способствует лучшей выживаемости политической демократии. Вывод политической истории XX века ясен, однозначен, определён – парламентская республика.

Но есть и другой вопрос, который мы здесь не рассматриваем, и не будем здесь рассматривать – какой политический режим предпочтительнее для переходного периода к рынку – демократический или авторитарный, демократия или диктатура? И вытекающий отсюда третий – какая форма правления адекватнее авторитарному режиму, диктатуре – президентская, смешанная или парламентская республика?

И здесь вывод политической истории XX века тоже определён, ясен, однозначен – президентская республика.

Но мы же в РМ уже перешли к рынку. Так что нет никакой транзитологической экономической необходимости устанавливать политический режим со значительными элементами авторитаризма.

Но если сторонники президентской республики полагают, что спасение РМ в диктатуре, то тогда все правильно – для диктатуры в Молдове необходимо установить президентскую республику. Я же полагаю, исходя из опыта Европы, в которой мы живём, что в XXI веке следует жить в условиях правовой, плюралистической, либеральной демократии, а лучшей оптимальной формой правления для неё является парламентская республика. С одним, правда, уточнением – в парламентской республике с сильным, стабильным, ответственным и эффективным правительством.

В связи с рассмотрением сравнительных достоинств и недостатков обеих чистых республиканских форм правления, возникает резонный вопрос - не следует ли вообще отказаться от парламентской и президентской республик в новых демократиях с тем, чтобы попытаться сконструировать в них, исходя из специфики той или иной страны, ту или иную модель смешанной

формы, соединяя в единое целое достоинство обеих чистых форм и избавляясь от их недостатков.

Вопрос в абстрактной форме, сам по себе, правомерен. Однако, ответ на него не так уж и прост, как может показаться. Ибо достоинства неразрывно, как обе стороны медали, связаны с недостатками. Кроме того, практическая проблема состоит в ограниченности опыта успешного функционирования смешанных систем (полупрезидентская, к примеру, во Франции и Финляндии). И, наконец, ответ возможен исключительно конкретно-исторически. В связи с чем необходимо рассмотреть вопрос, **какая из основных видов республики наиболее благоприятна целям консолидации демократии в переходный период**

IV.

Как известно, то или иное явление, событие, в том числе и выбор наиболее благоприятной и эффективной в специфических условиях той или иной страны и ситуации формы правления, следует оценивать конкретно-исторически, всесторонне, объективно и в её динамике, а не абстрактно, односторонне и в статике.

До сих пор мы взвешивали на весах политической и юридической науки достоинства и недостатки парламентской и президентской форм правления больше в общетеоретическом и в краткосрочном плане. Поэтому следует предпринять следующий шаг и рассмотреть, как эти формы правления работают в долгосрочной перспективе и в ситуации переходного периода, в целях консолидации демократии.

Современная политология на основе анализа большого опыта политических модернизаций последних двух столетий, прежде всего XX века, пришла к определённым выводам по поводу оптимальных объективных и субъективных факторов становления стабильной политической демократии, в частности, оптимальной формы правления в переходный период от авторитарных и тоталитарных политических режимов к демократическим. Остановимся на четырёх из них, хотя, конечно же, их намного больше.

Практически в любом учебнике по политологии можно прочитать о трёх тенденциях демократизации, проявляющихся практически во всех переходящих к демократии странах:

а) **Стабильность демократии обычно прямо зависит от постепенности перехода к ней и минимальности использованного для этого насилия.** И обязательно этот вывод подкрепят мнением крупнейшего американского политолога С.Хантингтона, который подчёркивал, что жизнеспособную демократию нельзя создать революционным путём под руководством идеологизированного политического движения. *“Все революционные силы, находящиеся в оппозиции к авторитарному режиму, называют себя демократическими, но, придя к власти, они устанавливают ещё более репрессивный, чем прежде, режим”.* [Цит. по: 8].

б) **Оптимальным для демократизации является осуществление преобразований сверху путём соглашения элит.** Этот тезис надо выбить на 4-х каменных скрижалях и установить их висящими на конском волосе в спальнях лидеров наших крупнейших партий, чтобы они были вынуждены ежевечерне с опаской поглядывать вверх и волей-неволей все лучше и лучше запоминать смысл написанного текста.

И продолжением этого тезиса является вывод, что политическая активность масс может играть положительную роль лишь в том случае, если они не слишком идеологизированы и радикализированы и их участие институционализировано, т.е. осуществляется не в форме спонтанных выступлений, пугча, бунта, а через политические институты и контролируется элитами. (Судя по словам и действиям лидеров наших крупнейших партий, они даже не подозревают о существовании этого вывода). Взрывы же стихийной, неинституционализированной политической активности масс чреваты разрушительными последствиями и анархией. И могут привести при определённых обстоятельствах к установлению диктатуры, приходящей к власти под лозунгом восстановления общественного порядка и безопасности.

в) **Утверждению демократии содействует опережающее развитие политической соревновательности, партийного**

плюрализма по отношению к массовому политическому участию.

Важнейшим общим условием успеха демократизации является политическая стабильность, предполагающая реформирование общества в рамках закона при сохранении способности государственных институтов управлять страной. Как указывают специалисты по транзитологии, все эти и другие тенденции демократизации действуют усреднено, именно как тенденции, и претерпевают значительные модификации в зависимости от конкретных условий политического и общественного реформирования.

Наряду с этими общепринятыми выводами существуют ещё и другие выводы, в частности, четыре важнейших, к которым пришли транзитологи и компаративисты по интересующей нас центральной проблеме.

Первый вывод состоит в том, что хотя в подавляющем большинстве случаев рыночная революция шла параллельно с демократической революцией, тем не менее, **переходы к рынку и к демократии не обязательно идут рука об руку.** Об этом свидетельствует тот факт, что если рыночная экономика практически победила в планетарном масштабе, то демократия ещё не консолидировалась в большинство стран мира.

Второй вывод лучше всего сформулировать словами упоминавшегося уже крупнейшего американского политолога С.Хантингтона: *“Демократия не обязательно решает проблемы неравенства, коррупции, неэффективности, несправедливости и некомпетентного принятия решения. Но она обеспечивает институциональные условия, позволяющие гарантировать свободу индивида, защищать его от массовых нарушений прав человека и поправки его человеческого достоинства”*. А вот упомянутые гарантии, в свою очередь и, в конечном счёте, наилучшим образом раскрепощают и стимулируют творческий потенциал человека.

Третий вывод заключается в том, что для новых демократий, т.е. для стран, переживающих период перехода к демократии и конституирование демократической политической систе-

мы, нет ничего более важного, чем **правильный выбор политических институтов** и прежде всего - **формы правления** (парламентской, президентской или одной из форм смешанной) и **избирательной системы** (пропорциональной, мажоритарной или комбинированной, смешанной) [см., например: 4] В указанной работе Арндт Лейпхарт, профессор политологии в университете штата Калифорнии констатирует: *“Для новых демократических и демократизирующихся стран особую привлекательность должно заключать в себе сочетание парламентской формы правления с пропорциональным представительством”*. [4, с.136.Ниже в отдельном параграфе мы приведем всю систему аргументов американского политолога].

И хотя “импорт” и конституирование институциональных форм либеральной демократии более лёгкое дело, чем их укоренение и упрочение в национально-специфической почве той или иной страны, тем более чем имплантация и формирование в течение нескольких поколений социально-культурных, социально-психологических, ментальных и иных предпосылок и факторов стабильной либеральной демократии, которая, в конечном счёте, только и предопределяет успех ее консолидации и живучести, тем не менее и поэтому начинать надо именно с институциональных форм, не дожидаясь, когда созреют все необходимые и достаточные условия и для их прочного укоренения, и для функционирования устойчивой демократии.

Тем паче, что как раз оптимальный институт и будет способствовать формированию благоприятных, для функционирования стабильной либеральной демократий, условий. Такова диалектика переходных процессов. Именно поэтому, крайне важно изначально не ошибиться в выборе той формы правления, которая оптимальным образом консолидирует нарождающуюся демократию.

Четвертый вывод состоит в том, что, несмотря на примерно в два раза более широкое распространение в мире президентских республик, по сравнению с парламентскими, **подавляющее большинство устойчивых демократий, как раз наоборот, являются парламентскими республиками, в то же вре-**

мя как среди президентских республик к этой категории относится только одна страна – США.

Опыт устойчивого политического развития североамериканской модели является уникальным. Многие современные западные политологи Запада - **А.Валенсуэла, Ф.Риггс, Х.Линц** – полагают, что страны Латинской Америки, скопировавшие североамериканскую форму правления, так и не добились устойчивого развития, и, более того, она их привела к политической нестабильности, путчам и переворотам. Например, А.Валенсуэла заключает по этому поводу более чем определённо: *“Президентская форма правления оказалась успешной только в Соединённых Штатах”*. [9].

Сторонники установления президентской республики в РМ любят ссылаться на опыт устойчивого и достаточно эффективного функционирования президентской республики в США. **Но при этом не учитывают уникальность и неповторимость этого опыта.**

Уникальный опыт устойчивого функционирования президентской республики в США политологи объясняют наличием ряда стабилизационных механизмов, отсутствующих в совокупности своей в других странах:1) Система разделения властей, “сдержек и противовесов” по “горизонтали” (между Президентом, Конгрессом и Верховным Судом США);2) Относительная децентрализация в рамках федерации и чёткое разграничение компетенций по “вертикали” (между федеральными органами и региональными и местными структурами штатов); 3) Маятниковая, биполярная система перегруппировки двух основных политических партий (демократов и республиканцев); 4) определённый гражданский контроль и давление снизу посредством использования выборов, самоуправления, СМИ, многочисленных общественных организаций и движений и т.д.;5) Прагматичная партийность; 6) Ротация госслужащих; 7) Функциональный чиновничий карьеризм; 8) Эффективный аппарат государственного управления; 9) Право неучастия в голосовании;10) Принцип старшинства в Конгрессе; 11) Лоббизм и др.

Практически вся политическая история США характеризуется устойчивостью и стабильностью. Конечно, были затяжные кризисы (депрессия конца 1920 – начала 1930-х гг., приведшая к новому курсу Ф. Рузвельту), и острые конфликты (гражданский протест молодёжи в 1960-е гг., связанный с войной во Вьетнаме), и институциональная конфронтация (“Уотергейтское дело”, закончившееся отставкой Президента Р. Никсона). И, тем не менее, за всю свою историю в США только один раз, в период гражданской войны, была поставлена под серьёзное сомнение устойчивость политической системы и режима.

К вышесказанному следует добавить, что устойчивое в целом политическое развитие США в течение более чем двухсот лет обеспечивалось, кроме перечисленных стабилизационных механизмов, также экономическим благополучием большинства народа, обилием материальных ресурсов, устойчивым социальным положением многочисленного “среднего класса”, невысоким уровнем политического участия и относительной умеренностью социальных требований населения, особенностью ценностей и традиций американской политической культуры и её адаптивных механизмов, связанных с нормами права и морали и т.д. [См.: 10].

Так вот, подобной системы стабилизационных механизмов, условий, какие существовали и существуют в США, в других странах, в том числе и у нас в Молдове, нет.

Именно поэтому, повсюду, кроме США, президентская республика в долгосрочном плане способствовала политической дестабилизации, авторитаризму, диктатуре.

И именно поэтому неправомерна и демагогична ссылка на опыт США некоторых политологов в РМ в качестве примера того, что президентская республика функционирует в самом богатом и процветающем государстве мира. Подобная ссылка пытается внедрить незаметно в сознание читателя мысль, что именно благодаря президентской республике и были достигнуты процветание и богатство.

Однако в этом аргументе все перевёрнуто с ног на голову, или предпринимается попытка следствие изобразить в роли

причины: во-первых, когда президентская республика впервые в мире была установлена в 1787 г. в США, последняя не было самой богатой и процветающей, - это, действительно, так. Но, во-вторых, процветание и богатство США были обусловлены воздействием совсем иных общеизвестных благоприятных факторов, а вовсе не установлением президентской республики; в-третьих, как раз, наоборот, именно процветание и богатство явились одним из факторов стабильности президентской республики в США; а вот, в-четвертых, долговременная политическая устойчивость, несомненно, в свою очередь содействовали процветанию США; и, наконец, в-пятых, другой, столь же успешной, как уникальный и неповторимый опыт США, сторонники президентской республики привести не могут.

V.

В РМ по поводу реформы избирательной системы в разное время были высказаны несколько основных точек зрения: 1) **П.Лучински** ещё в годы своего президентства и его команда, а также писатель **И.Друцэ** предлагали вернуться к мажоритарной системе по одномандатным округам. Это предложение реанимирована в последнее время Демпартией во главе с **В. Плахотнюком**; 2) А раньше Демпартия во главе с **Д.Дьяковым** выступали с другой инициативой: перехода от одного вида пропорциональной системы (вся страна – один округ) к её другому виду, основывающемуся на нескольких многомандатных округах (эту идею поддерживал тогда и вице-председатель ПВСМ **В.Жосу**); 3) Партия коммунистов В. Воронина и канувшая в политическое небытие ХДНП **Ю. Рошка** полагали, что необходимо оставить избирательное status quo. Этой позиции сейчас придерживается самая влиятельная политическая партия Молдовы – ПСРМ, которую до вступления в должность возглавлял президент **И.Додон** (Этой позиции И.Додон придерживался до 18 апреля 2017г.); 4) Высказывались и иные точки зрения. Так, в частности, в свое время Председатель Центристского Союза **И. Морей** уже после 25 февраля 2001 г. высказал явно антидемократические предложения: если уж при нынешнем раскладе сил невоз-

можно перейти к мажоритарной системе, то необходимо увеличить избирательный порог для отдельных партий до 10%, для коалиции из двух партий до 12%, а для коалиции из трёх и большего количества – до 15 %.

Политическая и юридическая наука не дают однозначного ответа на вопрос, какой из двух основных видов избирательных систем предпочтительнее как в общем плане, так и для успешного завершения переходного периода и формирования гражданского общества. По общему мнению, совершенной и нейтральной избирательной системы не существует. Каждая из них обладает как своими достоинствами, так и недостатками, которые общеизвестны.

В той полемике, которую ведут между собой сторонники той или другой избирательной системы из числа политиков, поражает то, что они ограничиваются тем, что указывают на отдельные достоинства “полюбившейся” им системы или столь же односторонне абсолютизируют отдельные недостатки отвергаемой. При этом не только полностью игнорируют минусы предполагаемой ими системы (как и плюсы “нелюбимой”), но не пытаются хотя бы показать, почему и как в конкретной ситуации РМ достоинства “своей” системы перевешивают её недостатки. Сошлёмся на два примера.

Первый. Адепты точки зрения П. Лучинского, И.Друцэ и В. Плахотнюка, правомерно указывая на то, что мажоритарная система упрочивает непосредственную связь между депутатом и избирателями, полностью, во-первых, игнорирует тот факт, что эта система создаёт возможность для доминирования в деятельности депутатов групповых и региональных интересов в ущерб общенациональным, а это ослабляет роль парламента как общенационального, общегосударственного органа.

Далее, во-вторых, мажоритарная система создаёт благоприятные условия для манипулирования политической волей избирателей, используя “избирательную географию” (так называемы “джеррименджеринг”), когда результаты выборов в большей мере зависят от умелой раскладки избирательных

округов. В результате чего: а) партия, получившая на выборах меньше голосов, чем её соперники, может оказаться представленной в парламенте большинством депутатских мест; б) две партии, набравшие одинаковое или близкое количество голосов, проводят в органы власти неодинаковое число кандидатов.

Адепты точки зрения П. Лучинского, И.Друцэ и В. Плехотнюка явно не знают или преднамеренно игнорируют эти и другие существенные недостатки мажоритарной системы, вследствие чего она является в высшей степени несправедливой и антидемократической:

В-третьих, мажоритарная система не отражает реальной расстановки политических сил в стране и не обеспечивает адекватного представительства в парламенте. Это распространяется, прежде всего, на систему голосования в один тур при относительной системе большинства, когда выигравшей стороной является кандидат, набравший незначительное количество голосов из числа участвующих в выборах (менее 50%). Даже при мажоритарной системе абсолютного большинства и обязательной явки не менее 50% (как, например, в Республике Беларусь), депутат может быть избран лишь 26 % голосовавших. Так, если на избирательные участки придёт немногим более 50 % граждан и чуть больше половины из них проголосуют за кандидата, то в результате он получит голоса лишь одной четверти избирателей. А интересы остальных 74 % в выборном органе вообще представлены не будут.

Что же касается **Р. Молдова**, то здесь ситуация вообще может сложиться вопиюще недемократической. В 15 июня 2009 году Решением Парламента минимальный порог явки на выборах в законодательный орган страны при которой голосование считается действительным, был снижен с 50% до одной трети избирателей. Таким образом, если на избирательные участки придёт немногим более трети граждан и чуть больше половины из них проголосуют за кандидата, то в результате он получит голоса лишь примерно одной шестой избирателей. А интересы остальных 83 % в выборном органе вообще представлены не будут.

Поэтому многие политические силы вытесняются за пределы

парламентской деятельности. Тем самым создаётся возможность для подмены политического компромисса, в идеале – политического консенсуса, как важнейшего фактора стабильности в обществе, парламентским диктатом по отношению к значительной части населения. Особенно опасно, что действие непредставленных в парламенте слоёв и групп могут быть не только энергичным, но и разрушительным для парламентской системы.

В-четвертых, при мажоритарной системе нарушается принцип всеобщего избирательного права, так как голоса, поданные за проигравшие партии (а это может быть до 49 %) нигде не учитываются. А значит избиратели, проголосовавшие за них, лишаются возможности быть представленными в Парламенте (или другие выборные органы).

В-пятых, партия, получившая на выборах меньше голосов избирателей, чем её конкуренты в совокупности, тем не менее, завоёвывает большинство в Парламенте. Проигравшие довольствуются ролью оппозиционеров. Ярким подтверждением тому являются парламентские выборы в Великобритании. Так, в 1997 году за лейбористов проголосовало лишь 44 %, а депутатских мандатов они получили 64 % и сформировали однопартийное правительство. Консерваторы вместе с либеральными демократами получили 48 % голосов, а депутатских мандатов - всего 32 % - и оказались в оппозиции. Эту систему иногда называют по аналогии со скачками “победитель получает всё”.

В-шестых, глава государства – президент, избираемый непосредственно народом, также может не представлять абсолютного большинства избирательного корпуса.

Таким образом, мажоритарная система по одномандатным округам не обеспечивает адекватного соотношения между поддержкой, получаемой какой-либо партией в стране, и числом её представителей в выборном органе. Так, небольшая партия, имеющая большинство в нескольких избирательных округах, получит несколько мест в Парламенте, а крупная партия, но рассредоточенная по всей стране, не получит ни одного депутатского мандата, хотя в целом за неё проголосовало больше избирателей.

Мажоритарная система не ставит вопрос о том, насколько полно политический состав избранных органов власти соответствует политическим предпочтениям граждан государства.

Вышеперечисленные недостатки исключает пропорциональная избирательная система.

Я уже не говорю о том, в седьмых, что в условиях бедности значительной доли избирателей и коррумпированности многих госслужащих и их сращивания с криминалитетом, резко возрастает вероятность того, что в одномандатных округах победят прямые ставленники преступного мира, если не сами “авторитеты”.

Второй. Что же касается сторонников увеличения избирательного порога до 10-15%, то они совершенно не отдаёт себе отчёта в том, что их инициатива сводит на нет такие достоинства пропорциональной системы, как: а) справедливость; б) наличие обратной связи между государством и организациями гражданского общества; в) политический плюрализм и многопартийность – в то же время сохраняя все её недостатки. Следствием реализации этих, по сути, антидемократических идеи будет то, что при нынешней политической конъюнктуре доля **непредставленных** в Парламенте избирателей увеличится ещё на 10% и дойдёт до 40%.

VI.

Упомянутый уже нами американский политолог с мировым именем Аренд Лейпхарт опубликовал в 1991 г. в журнале “*Джорнел оф демокраси*” [См.:4] крайне важную в теоретическом плане и актуальную в практическом и для современных дискуссий в РФ статью “Конституционные альтернативы для новых демократий”.

В ней он обобщил значительный мировой опыт становления различных типов демократического конституционного устройства под углом зрения основных альтернатив, встающих при выборе: а) форм демократического правления (парламентская или президентская республика) и б) конкретных принципов демократической избирательной системы (пропорциональная или мажоритарная избирательная система), а также в) опти-

мального сочетания какой-либо из этих форм и какого-либо из этих принципов. При этом автор серьёзное внимание уделил обоснованию самых критериев оптимальности.

А) Четыре основные институциональные типы демократии

А. Лейпхарт выделяет 4 основные институциональные типы демократии соответственно 4-м возможным комбинациям двух форм правления и двух основных избирательных систем.

Автор подчёркивает, что цель его работы не просто описать альтернативные институциональные типы демократии, но и *“дать некоторые практические рекомендации тем, кто закладывает основы демократического устройства своих стран”*.

Четыре основные институциональные типы демократии, которые выделяет А. Лейпхарт, следующие: 1) Президентская форма правления с мажоритарной избирательной системой; 2) Президентская форма правления с пропорциональной избирательной системой; 3) Парламентская форма правления с мажоритарной избирательной системой; 4) Парламентская форма правления с пропорциональной избирательной системой.

Наиболее типичный пример **сочетания президентской формы с мажоритарной системой** дают Соединённые Штаты, а также демократии, испытавшие сильное их влияние, - такие, как Филиппины и Пуэрто-Рико.

Латиноамериканские страны в подавляющем большинстве избрали систему, сочетающую **президентскую форму с пропорциональным представительством**.

Парламентско-мажоритарные системы существуют в Соединённом Королевстве и многих бывших британских колониях, включая Индию, Малайзию, Ямайку, а также страны т.н. Старого Содружества (Канаду, Австралию, Новую Зеландию).

И, наконец, системы, **комбинирующие парламентскую форму правления с пропорциональным представительством**, сконцентрированы в континентальной Западной Европе.

Вся картина в целом, как отмечает А. Лейпхарт, в значительной мере определяется географическими, культурными и колониальными факторами.

Стран, которых нельзя подвести под данную классификацию, немного. К исключениям относятся демократии со смешанной формой правления (например, Франция и Швейцария) и со смешанной избирательной системой и применяющие методики, отличные от пропорционального представительства или же от мажоритарной системы в их чистом виде (Ирландия, Япония, Франция).

По мнению А.Лейпхарта, два ключевых фактора повлияли на принятие принципа пропорционального представительства в континентальной Европе.

Одним из них явилась проблема этнических и религиозных меньшинств: пропорциональное представительство предназначалось для обеспечения представительства меньшинств и тем самым для противодействия потенциальным угрозам национальному единству и политической стабильности. *“Не случайно, - констатирует известный норвежский политолог С.Роккан, чьи слова приводит А. Лейпхарт, - самые первые шаги к пропорциональному представительству имели место в этнически наиболее неоднородных странах“*. [4,с.138].

Вторым фактором была динамика процесса демократизации. Пропорциональное представительство было принято под соединившимся давлением снизу и сверху: поднимавшийся рабочий класс стремился понизить барьеры на пути представительству, с тем, чтобы получить доступ в законодательные органы. Одновременно старые, прежде укоренившиеся партии, которые оказались в наиболее угрожаемом положении, также требовали пропорциональной избирательной системы, чтобы оградить свои позиции перед наплывом вновь мобилизованных избирателей, какой породило всеобщее избирательное право.

Оба фактора, подчёркивает А. Лейпхарт, актуальны и применительно к современному конституционному творчеству в новых демократиях, особенно для тех стран, где имеется глубокая разделённость по этническому признаку или где существует необходимость примирения новых демократических сил с противостоящими демократии старыми группами.

Точно так же, как и в первом случае, характер процесса

демократизации решающим образом определил выбор формы правления – парламентской или президентской. Существовали два основных способа, коими монархическая власть могла быть демократизирована: 1) упразднить большую часть личных политических прерогатив монарха и вменить его кабинету ответственность перед всенародно избранным законодательным органом, создавая тем самым парламентскую систему; 2) упразднить наследственного монарха и взамен ввести нового, демократически избранного “монарха”, конструируя тем самым президентскую систему.

Другими историческими основаниями были произвольное имитирование успешных демократий и доминирующее влияние колониальных держав. Как мы уже отмечали, огромную важность имело влияние Великобритании на бывшие свои колонии. Президентская модель США широко имитировалась в Латинской Америке в XIX в.

А в начале XX в. пропорциональное представительство быстро распространилось в континентальной Европе и Латинской Америке, не только в угоду носителям политических пристрастий и ради защиты меньшинств, но и в силу того, что оно широко воспринималось как самый демократичный способ выборов и, стало быть, как *“волна демократического будущего”*.

В своей статье А. Лейпхарт касается и дискуссионного вопроса о качестве демократии, достигаемых во всех четырёх альтернативных институциональных системах.

Качество демократии определяется им по тому, в какой степени та или иная система отвечает таким демократическим принципам, как: 1) представительность, 2) ответственность (подотчётность), 3) равенство и 4) участие.

Не вдаваясь в детали, автор подчёркивает, что расхождение между противоположными позициями не столь велико, как часто полагают. Прежде всего, сторонники пропорциональной и мажоритарной систем не согласны друг с другом не столько в том, каковы, соответственно, последствия этих двух методик проведения выборов, сколько в том, какой вес этим последствиям придавать.

Обе стороны признают, что принцип пропорционального представительства обеспечивает большую пропорциональность представительства вообще, а также представительство меньшинств, а мажоритарный принцип способствует складыванию двухпартийных систем и однопартийных органов исполнительной власти.

Однако расходятся спорящие в том, какой из этих результатов считать предпочтительным, причём сторонники мажоритарного принципа утверждают, что только в двухпартийных системах достижима чёткая ответственность за правительственную политику.

Кроме того, обе стороны спорят об эффективности обеих систем.

Пропорционалисты ценят представительство меньшинств не просто за демократическое качество такого порядка, но и за его способность обеспечивать сохранение единства и мира в разделённых, полиэтнических обществах.

Сходным образом, сторонники мажоритарного принципа настроены в пользу однопартийных кабинетов не только ради их демократической подотчётности, но и ради обеспечиваемой ими, как они полагают, твёрдости руководства и эффективности при разработке и проведении политики.

Обнаруживается также и различная акцентировка, какую обе стороны делают соответственно на качестве и на эффективности.

Пропорционалисты склонны придавать большее значение представительности правления, тогда как мажоритаристы более существенным соображением считают способность управлять.

Наконец, спор между приверженцами президентской и парламентской форм правления, хотя он и не был столь ожесточённым, подобен полемике о плюсах и минусах избирательных системах. И здесь аргументы, и контраргументы вращаются вокруг качества и эффективности.

Сторонники президентской республики рассматривают как важную демократическую ценность прямое всенародное избрание главы исполнительной власти, приверженцы же парламент-

ской формы считают не соответствующей демократическому оптимуму сосредоточение исполнительной власти в руках одного-единственного лица. Но в данном случае, предметом серьёзных дискуссий была в большей мере проблема эффективности, когда одна сторона акцентировала внимание на роль президента, как обеспечивающего сильное и эффективное руководство, а другая – на опасность конфликта и тупика в отношениях исполнительной и законодательной властей.

Б) Критерии оценки 4-х типов демократии в действии

А. Лейпхарт одним из первых (до него первые шаги в этом направлении сделал американский политолог **Г.Пауэлл**) разработал ряд критериев оценки различных институциональных типов демократии в действии: представительность и отзывчивость, экономическое равенство и способность к макроэкономическому регулированию, а также применил пауэлловские – способность поддерживать общественный порядок (исходя из количества его нарушений и случаев гибели людей в результате политического насилия) и уровень участия граждан (измеряемый числом участвующих в голосованиях).

Свои выводы учёный сделал на основе компаративного анализа 14 наиболее индустриально развитых и стабильно демократических стран.

Относительно небольшая выборка из 14 стран объясняется, прежде всего, тем, что в либерально-демократических странах, как отмечает А. Лейпхарт, не являющихся членами Организации экономического сотрудничества и развития, трудно получить надёжные данные для сравнительного анализа. Поэтому они не включены в выборку.

В анализируемых 14 странах функционировали 3 из 4-х альтернативных институциональных вариантов демократии: 1) президентско-мажоритарный тип (был представлен одной страной – США); 2) парламентско-мажоритарный тип (был представлен четырьмя государствами – Австралией, Канадой, Новой Зеландией и Соединённым королевством); 3) парламентско-пропорциональный тип [был представлен 9 странами – Австрией, Бельгией, Данией,

Финляндией, Германией, Италией (с 1995 г. уже перестала входить в их число) Нидерландами, Норвегией и Швецией].

4-ый тип, президентско-пропорциональный, установленный в странах Латинской Америки, компаративному анализу вовсе не подвергался. Как ввиду более низкого уровня экономического развития, сравнительно с 14 странами, так и вследствие того, что латиноамериканская модель – сочетание президентской республики с пропорциональной системой – оказалась наименее устойчивой (или, если угодно – наиболее неустойчивой) проявила особую приверженность к тупиковым ситуациям в отношениях исполнительной и законодательной власти и неэффективности руководства.

Кроме того, для чистоты анализа были исключены из компаративного исследования семь многолетних стабильных демократий – либо потому, что ни под одну из трёх “чистых” категорий не попадали безоговорочно (Франция, Ирландия, Япония и Швейцария), либо слишком подвержены воздействию внешних факторов (Израиль, Исландия и Люксембург).

К каким же выводам приходит А. Лейпхарт на основе эмпирического компаративного анализа по вышеупомянутым критериям 14 стран?

Во-первых, пропорциональная система, в общем и целом, как и предполагалось теоретически изначально, лучше, чем мажоритарная, обеспечивает представительство различных слоёв населения, в том числе этнических и религиозных меньшинств и женщин.

Причём в странах, где этнические меньшинства сформировали этнические политические партии, как в Бельгии [Демократический фронт франкофонов, Социалистическая партия (франкофоны)] и Финляндии (Шведская народная партия), пропорциональная система позволила им получить поистине совершенную пропорциональность представительства. Т.е. доля депутатов, представителей национальных меньшинств, в Парламенте равна доле национальных меньшинств в составе населения.

Точно так же процент женщин – членов низшей (или же единственной) палаты в национальном парламенте в начале 80-х

годов в парламентско-пропорциональной системе был в среднем примерно вчетверо выше, чем в США и в странах с парламентско-мажоритарной системой.

Во-вторых, парламентско-пропорциональная система обеспечивает большее участие избирателей в голосовании (в среднем 84,5% в период с 1971 по 1980 гг. Данные - 90% - стран этого типа, где голосование обязательно – Австрия, Бельгия, Италия – в расчёт не принимались), чем в парламентско-мажоритарных системах (в среднем, примерно, 75%), не говоря уже о США, где в этот временный интервал наблюдался чрезвычайно низкий уровень участия – 54,2%.

В-третьих, в парламентско-пропорциональных системах устанавливается (данные Всемирного банка на середину 80-х годов) несколько меньшая степень неравенства в распределении доходов, по сравнению с парламентско-мажоритарной системой; что касается США, то они занимают промежуточное положение между ними. Нет нужды специально обговаривать, что установление одной из целей демократии – политического равенства – с большой долей вероятности достигается между людьми тогда, когда отсутствует большее различие в их экономическом положении.

В-четвертых, парламентско-пропорциональные системы, как, опять-таки, можно было предвидеть, значительно превосходят президентско-мажоритарные системы и ещё в большей степени – парламентско-мажоритарные системы по показателям качества демократии (результаты получены патриархом американской политологии Р.Далем), такими как: свобода печати; свобода ассоциаций; системы конкурирующих партий; сильные партии и группы интересов; эффективные легислатуры (законодательные органы).

В-пятых, сопоставление 3-х институциональных типов демократии за, почти что, двадцатилетний период времени с 1961 по 1988 гг. по трём важнейшим экономическим показателям: среднегодовому экономическому росту, инфляции и уровню безработицы, - обнаруживает, что парламентско-пропорциональные системы по всем упомянутым показателям выглядят предпочтительнее, чем парламентско-мажоритарные системы.

Что же касается президентско-мажоритарной системы, то она представлена одной страной, да и то уникальной – США.

Экономические успехи, и это, очевидно, не определяется единственно правительственной политикой. Однако, при изучении экономических показателей за длительный период времени, эффект внешних воздействий сводится к минимуму, особенно если сосредоточить внимание на странах со схожими уровнями экономического развития. Именно такого рода сравнительный анализ 3-х институциональных типов демократии – за длительный, почти 20-летний период времени и в 14 странах со схожим уровнем экономического развития – и был осуществлён А.Лейпхартом. Именно поэтому его вводы весьма надёжны.

В) Уроки для развивающихся и демократизирующихся стран

Исходя из вышеизложенных 5-ти выводов, А. Лейпхарт формулирует уроки для развивающихся и демократизирующихся стран.

Как было установлено, парламентско-пропорциональные системы почти неизменно показывали и показывают наилучшие результаты, особенно в отношении представительности, защиты интересов меньшинств, активности избирателей и контроля над безработицей.

Обнаруженные этого обстоятельства, по мнению А.Лейпхарта, заключает в себе важный урок для тех, кто закладывает основы демократического устройства своих стран: сочетание парламентской формы правления с пропорциональной системой представительства это именно тот вариант, которому следует уделять серьёзное внимание.

Вместе с тем, следует быть осмотрительным, ибо умеренное пропорциональное представительство и умеренная многопартийность, как в Германии и Швеции, дают более привлекательные модели, чем крайний вариант того и другого, как в Италии (до 1995 г.) и в Нидерландах.

Но уместны ли эти выводы, задаётся вопросом А. Лейпхарт, в применении к новодемократическим и демократизирующимся

странам в Азии, Африке, Латинской Америке и Восточной Европе, пытающимся заставить демократии работать в условиях недостаточного экономического развития и этнических размежеваний? Не требует ли эти трудные условия руководства сильной исполнительной власти в лице могущественного президента или доминирующего однопартийного кабинета в Вестминстерском стиле? [См.: 4,с.143](А. Лейпхарт, как будто, предвидел аргументацию наших сторонников президентской республики).

Применительно к проблеме глубоких этнических расколов, подчёркивает американский политолог, эти сомнения легко устраняются. Разделённые общества и на Западе, и в других краях нуждаются в мирном сосуществовании противоборствующих друг другу этнических групп. Это требует примирения и компромисса, для чего, в свою очередь, необходимо как можно большее включение представителей этих групп в процесс принятия решений. Такое распределение власти гораздо легче осуществить при парламентском типе правления и системе пропорционального представительства, чем в президентско-мажоритарных системах. Президент почти неизбежно принадлежит к одной этнической группе, и, стало быть, системы с президентской формой правления делает особенно затруднительным межэтническое распределение власти.

Однако ответить на второй ключевой вопрос, какой из институциональных типов демократии наиболее благоприятен для экономического развития, труднее, чем в предыдущем случае. Для вынесения определённой оценки, отмечает А. Лейпхарт, просто нет достаточного числа примеров длительного функционирования демократии в Третьем мире, представляющих каждый из 4-х типов демократических систем. Не говоря уже об отсутствии надёжных экономических данных.

Как бы там ни было, подчёркивает политолог, расхожая мудрость, гласящая, что экономическое развитие требует единого и решительного руководства сильного президента или однопартийного кабинета, отнюдь не внушает доверие.

Во-первых, если бы широкопредставительное коалицион-

ное правительство, которому в большей мере приходится заниматься поисками договорённостей и согласованием позиций, было менее эффективным в области экономической политики, то тогда, наверное, авторитарное правление, свободное от вмешательства то ли парламента, то ли внутренних разногласий в составе коалиционного правительства, было бы оптимальным. Однако этот довод, часто служивший предлогом, чтобы оправдать свержение демократических правительств в Третьем мире в 60-70-е годы, ныне полностью скомпрометирован.

Есть, конечно, несколько примеров экономического чуда, свершённого авторитарными режимами, как в Южной Корее или на Тайване, но более чем достаточным противовесом им служат печальные экономические результаты деятельности едва ли не всех недемократических правительств в Африке, Латинской Америке и Восточной Европе.

Во-вторых, многие английские ученые, из которых А. Лейпхарт особо отмечает видного политолога **С.Файнера**, пришли к выводу, что экономическое развитие требует не столько сильной, сколько прочной руки. Размышляя о скудости экономических достижений послевоенной Британии, они доказывали, что каждая из поочередно правивших партий обеспечивала на самом деле довольно сильное руководство при проведении экономической политики. Однако смены правительств при чередовании партий были слишком “полными и резкими”. Они осуществлялись “двумя отчётливо полярными партиями, консерваторами и лейбористами, каждой из которой не терпелось отметить значительную часть законодательства, проведённого предшественницей”. [4,с.144-145].

Поэтому доказывают ученые, требуется “*большая стабильность и преемственность*” и “*большая умеренность в политике*”, что мог бы дать переход к пропорциональному представительству и коалиционным правительствам, каковые гораздо более склонны к центристской ориентации. Этот довод, указывает А.Лейпхарт, представляется применимым и к развитым, и к развивающимся странам.

В-третьих, аргументация в пользу президентских или однопартийных правительств неотразима в случаях, когда существенное значение имеет быстрое принятие решений. Это значит, что парламентско-пропорциональные системы могут под углом зрения внешней и оборонной политики представить в менее выгодном свете. Но в проведении экономической политике быстрота не столь уж существенна: скорые решения – это не значит, непременно мудрые.

Почему же мы, вопрошает американский политолог, упорствуя в предубеждении, не верим в экономическую эффективность демократических систем, где ведутся широкие консультации и поиски договорённостей, нацеленные на достижение высокой степени консенсуса?

По крайней мере, одна причина очевидна – та, что многопартийные и коалиционные правительства кажутся суматошливыми, подверженными раздорам и неэффективными – в сравнении с отчётливостью властных полномочий сильных президентов и сильных однопартийных кабинетов.

Но нас не должна обманывать эта внешняя видимость. *“Более пристальный взгляд на президентские системы обнаруживает, - подчёркивает американский политолог, - что самые успешные из них – как в Соединённых Штатах, Коста-Рика, в Чили до 1970 г. – по меньшей мере, столь же подвержены раздорам, да и, кроме того, скорее предрасположены к состоянию паралича и ситуациям тупика, нежели к неуклонному и эффективному проведению экономической политики”*. [4, с. С.145].

В любом случае, спорить надо, резонно замечает американский политолог, не об эстетике управления, а о самой работе и её результатах. Неоспоримая элегантность вестминстерской, однопартийной модели не является веским доводом в пользу её принятия.

Распространённый скептицизм в отношении экономической дееспособности парламентско-пропорциональных систем происходит от смешения силы правительства с эффективностью. В краткосрочном плане однопартийные кабинеты или президенты вполне могут быть способны легче и быстрее формулировать экономическую политику.

В долгосрочном же плане, чётко формулирует А.Лейпхарт, политика, опирающаяся на широкий консенсус, имеет больше шансов на успешное осуществление и на то, чтобы выдержать проверку временем, нежели политика, навязываемая сильным правительством вопреки желаниям значительным заинтересованных групп.

VII. Резюме

Итак, обзрев все аргументы “pro“ и “contra“, мы не можем не прийти к следующим двум общим выводам:

1) опыт политической истории XX в. свидетельствует, что именно парламентская республика способствует лучшей выживаемости политической демократии, лучшей демократической консолидации власти и общества. Смешанные формы правления для этой цели годятся меньше, не говоря уже о президентской республике (среди президентских, только в одной стране – США – демократия устойчива в течение многих десятилетий вследствие сочетания уникальных факторов;

2) мировой опыт становления различных типов демократических конституционных устройств свидетельствует, что именно парламентская республика с пропорциональной избирательной системой является оптимальным институциональным типом для переходных процессов в новых независимых государствах, каким является и Республика Молдова, и с точки зрения улаживания в них внутренних социальных и межэтнических конфликтов, и с точки зрения проведения в долгосрочном плане эффективной экономической политики, и с точки зрения представительности и активности избирателей, и с точки зрения формирования у политической элиты и всего народа культуры гражданского мира и согласия, межэтнической толерантности, поиска взаимоприемлемых компромиссов.

VIII.

Итак, каков же оптимальный институциональный дизайн для Р. Молдова.

Наши воззрения за последние 20 лет на проблему, каким должен быть оптимальный институциональный дизайн для РМ, - претерпели определённую **эволюцию**.

Так, первоначально, в 1997-2001 гг., мы полагали, что в РМ должна быть установлена **классическая парламентская республика** (по примеру Италии или ФРГ) и **пропорциональная избирательная система с избирательным порогом в 5 %**. [См.:11].

Как известно, конституционная реформа 2000 г. преобразовала нашу республику в “на 4/5 парламентскую” – президент стал избираться в Парламенте, были несколько увеличены полномочия правительства, а избирательный порог был увеличен с 4 % до 6 %.

Однако парламентские выборы 2001 года показали ошибочность увеличения порога до 6 %, минусы намного перевесили плюсы (намерение было благое – не допустить в парламент мелкие протопартии, а главное – подвинуть их к объединению в более крупные или к слиянию с более крупными, но результаты оказались плачевными – за пределами Парламента оказались не только политические пигмеи, но и влиятельные партии – инициаторы повышения порога – ПВСМ М.Снегура (5,78%) и ДПМ(5,02), что не способствовало формированию устойчивой демократии и гражданского общества.

Порог в 6% привёл к тому, что не были представлены в Парламенте около 30% избирателей, что коммунисты, завоевавшие чуть больше половины голосов, получили в Парламенте 71 мандат. Последний феномен явно абсурден и антидемократичен: голоса более 20% избирателей, отданных за правоцентристские и правые партии, привели в Парламент депутатов-коммунистов.

Проанализировав указанные негативные последствия конституционной реформы 2000 г., я внёс значительную коррективу в своей проект оптимального институционального дизайна для РМ. Эта корректива касалась избирательной системы: сохранив в целом пропорциональную систему, я предлагал трансформировать её в **смешанную пропорциональную систему**: 31 мандат выдвигается по общенациональному округу, а 70 мандатов по уездным (тогда существовали уезды, включающие в себя несколько районов) многомандатным округам, причём количество мандатов по округам распределяются пропорционально количеству избирателей, а избирательный порог необходимо, полагал тогда я, следует снизить до 2%. [См.: 12].

В основе предлагаемого тогда, в начале 2000 годов, проекта лежали следующие аргументы.

Пропорциональную систему необходимо было сохранить как потому, что она, согласно “*закону Дюверже*”, **лучше всего содействует формированию полноценной и полномасштабной многопартийной системы** (крайне важная задача для РМ) и как следствие – гражданского общества, так и потому, что она лучше всего в симбиозе с парламентской республикой консолидирует демократию в переходном периоде (А.Лейпхарт).

Смешанную же пропорциональную систему следует установить как для того, чтобы сочетать общегосударственные интересами с интересами регионов и коммун, так и для пропорционального представительства национальных меньшинств (прежде всего в Кишиневе, Бельцах, Гагаузии, Тараклии, Приднестровском регионе).

Смешанные системы, к примеру, действовали на рубеже 90-х и 2000-х в Дании(179 мандатом в Парламенте, 23 округа в стране,40 мандатов по “общенациональному” округу), Финляндии (соответственно - 200, 16,30), Греции(300,66,12),Исландии (60,8,11) etc.

Величина избирательного порога в 2 % была подобрана эмпирическим путём исходя из реалий современной РМ. Так на выборах 25.02.01 его преодолели (дополнительно к тем трём, что прошли в Парламент) четыре партии: Партия возрождения и согласия Молдовы М.Снегура, Демократическая партия Д.Дьякова, Национал-либеральная партия М.Руссу, Социал-демократическая партия Молдовы О.Нантоя, что существенно скорректировало бы расстановку сил в Парламенте. Порог следовало установить только в общенациональном округе, а в региональных округах его не должно было быть.

Пропорциональная же система с порогом в 6 % фактически отрицает саму себя и уподобляется мажоритарной с её несправедливостью и потерей огромного количества голосов.

Ползучий, в три этапа – с 7 апреля 2009 г по 29 июля 2009 г. - **государственный переворот** и последующие события заставили вновь вернуться к проблеме оптимального институцио-

нального дизайна для РМ. Причём сразу по обоим моментам: и по форме правления и по избирательной системе.

Так, в частности, обнаружилось, что два состава Парламента (XVII и XVIII созывов, соответственно – апрель-июль 2009 г. и 2009-2010 гг.) так и не смогли избрать президента из-за **неумения или нежелания искать и находить взаимоприемлемые компромиссы**. Да и Парламент следующего, XIX созыва (2010-2014 гг.) избрал президента в марте 2012 г. с нарушением действующего законодательства, так как опоздал с его избранием на четыре месяца.

Однако дело было не только в простой неспособности молдавской политической элиты искать и находить компромиссы из-за неумения, политических амбиций или тактического политического расчёта, а в том, что в принципе между различными её частями невозможно было заключить компромисс по стратегическим вопросам, причём по двум причинам. Во-первых, только часть молдавской политической элиты являются государственниками, а другая её часть – румыноунионистами, стремящихся ликвидировать независимое молдавское государство, присоединив его к Румынии. А во-вторых, существует и другой, непримиримый раскол в политической элите, когда одна часть ориентирована на Запад, на Евро-союз и Вашингтон, а другая – на Москву.

В этой ситуации было предложено вновь вернуться к общенародному избранию президента республики. Находящаяся у власти *“роевропейская”* (как она сама себя предпочитала называть, что является нонсенсом, ибо любая коалиция в подлинно демократической стране должна быть **пронародной**, а в Молдове и **про молдавской**) ещё в 2010 инициировала проведение 5 сентября 2010 г. по данному вопросу конституционного референдума. Однако, конституционный референдум по вопросу возврата к общенародным выборам президента, не состоялся из-за низкой явки.

В преддверие президентских выборов 2016 г. “новая” оппозиция в 2015 г. вновь стала требовать возврата к общенародным выборам президента страны.

Конечно, с точки зрения классической парламентской рес-

публики и нормальной страны, в которой нет антипатриотических политических сил, ратующих за ликвидацию своего независимого государства, данное требование **равносильно скрещиванию ужа с ежом.**

Парламентская республика есть взаимосвязанный, подогнанный друг к другу ансамбль политических институтов и правовых норм. Нельзя произвольно менять баланс в этом ансамбле. Во всех парламентских республиках президент избирается парламентом. Возьмите, к примеру, Германию или Италию, Грецию, Латвию или Эстонию.

Поэтому проводить выборы президента в парламентской республике путём прямых общенародных выборах – это все равно, что, повторяю, скрещивать ужа парламентской республики с ежом смешанной или президентской республики.

Правда, есть Австрия - парламентская республика, в которой президент избирается на всенародных выборах. Но там есть два больших “но”, во-первых, Австрия – федерация, а во-вторых, президент там реально обладает незначительными полномочиями – свои функции он осуществляет на основе предложений правительства и все его решения должны быть подписаны федеральным канцлером или соответствующим федеральным министром. Более того, за свою деятельность Президент отвечает перед Федеральным собранием.

Не то у нас в Молдове. У нашего президента есть ряд полномочий, которые отсутствуют у президента Австрии. Но не это - главное.

Уже сам по себе факт выбора президента в парламентской республике на общенародных выборах - контрпродуктивен, ибо сводит на нет один из важнейших плюсов парламентской республики: **сам процесс выбора президента в Парламенте содействует формированию у власти и оппозиции культуры согласия и поиска взаимовыгодных компромиссов.**

У нашей же нынешней политической элиты подобная культура, как показывают события 2009-2010 гг., отсутствует. И наша Р. Молдова, увы, к огорчению и боли в сердце приходится кон-

статировать, “*не относится к классической парламентской республике и к нормальной европейской стране*”, ибо из всех европейских стран только в ней не просто легально действуют, но и входят в правящую коалицию ликвидаторы Р. Молдова.

Поэтому, на первый взгляд, данное решение применительно к Р. Молдова противоречиво, неоднозначно по своим последствиям. С одной стороны, если гарантирована победа государственника – это позитивное решение. Ну, а если сохраняется шанс победы завуалированного униониста, то тогда это решение - ошибочное, рискованное.

Так то, так, однако это только на первый взгляд, ибо если опираться на факты, то позитив указанного решения намного перевешивает негатив: как показывают консультативные референдумы, переписи населения и опросы общественного мнения, проведённые за четверть века независимости, **народ Молдовы в большинстве своём в большей мере является государственником, чем его политическая элита**, всенародные выборы президента РМ на данном этапе являются определённой гарантией, что на всенародных президентских выборах победит политик-государственник. Вот именно поэтому, хотя всенародные выборы президента в парламентской республике являются нонсенсом и, что важнее – контрпродуктивны, так как могут создать ситуацию затяжной конфронтации между президентом, с одной стороны, и парламентским большинством и правительством, с другой, но в условиях Молдовы в целях сохранения её государственности – они необходимы.

4 марта 2016 г. Конституционный суд Молдовы (в дальнейшем - КС Молдовы) вынес решение по запросу депутатов от Либерально-демократической партии от ноября 2015 г., просящих оценить конституционность изменений Основного закона от 5 июля 2000 г.

К большому удивлению, КС Молдовы не только признал неконституционным четыре положения ст. 78 “Выборы президента”: пункт, гласящий, что “*президент Республики Молдовы избирается парламентом тайным голосованием*» (и ещё три пункта, расписывающие процедуру выборов избрания), но, явно выйдя за пределы

своей компетенции и присвоив себе полномочия законодательного органа, своим решением восстановил прежнюю форму избрания президента страны – всенародным голосованием.

Но коли мы сказали “А”, нам необходимо сказать и “Б”: для того, чтобы парламентское большинство не игнорировало те или иные законодательные инициативы президента (в случае, если оно по политическим предпочтениям или геополитической ориентации – контрпрезидентское), необходимо создать такой правовой механизм, который бы вынуждал парламентское большинство искать компромиссы с президентом республики. По нашему мнению, им являются дополнительные полномочия президента по роспуску парламента.

28 февраля 2017 г. Президент РМ Игорь Додон выступил с инициативой изменения Конституции с целью наделения главы государства дополнительными полномочиями для роспуска парламента. [См.:13].

Президент И.Додон совершенно справедливо подчеркнул, что всенародно избранный президент обладает достаточной легитимностью для того, чтобы настаивать на внедрении предлагаемых им во время выборов проектов, которые поддержал народ страны. Тем более что большинство граждан РМ, как показывают опросы общественного мнения, считают, что так называемая “проевропейская” власть ведёт Молдову в неправильном направлении, и выходом из этой ситуации могут стать только досрочные парламентские выборы.

Ныне действующая Конституция РМ предусматривает только два возможных случая роспуска парламента и инициирование досрочных выборов (в случае невозможности формирования правительства (в 45-дневный срок после внесения предложения и только после отклонения предложения не менее двух раз) или блокирования процедуры принятия законов в течение 3 месяцев).

Законопроект Президента И.Додон по изменению ст. 85 Конституции РМ предлагает ещё 5 возможных вариантов, помимо тех, что уже содержатся в этой статье, когда парламент может быть распущен и объявлены досрочные выборы:

1. Роспуск парламента президентом происходит после консультаций с парламентскими фракциями. Это положение на данный момент содержится в Конституции Франции;

2. Президент РМ может распустить парламент, если последний не исполнил в течение 12 месяцев волю народа, выраженную в рамках консультативного референдума. Глава государства отметил, что национальный суверенитет принадлежит народу Молдовы, и что результаты консультативного референдума не могут отрицаться законодательным органом, будучи обязательными для исполнения. Подобная практика есть в Румынии;

3. Парламент может быть распущен, если республиканский референдум по отставке президента завершился негативным результатом или Конституционным судом была подтверждена его недействительность. Додон отметил, что в случае если парламент инициирует референдум по отставке президента, и граждане не поддержат это намерение депутатов, логичным будет распустить законодательный орган, который не обладает поддержкой населения.

Это предусмотрено Конституциями Словакии и Австрии, обе из которых являются парламентскими республиками;

4. Парламент не принял закона о государственном бюджете в течение 2 месяцев со дня начала финансового года. (Перевод этой фразы дан в нашей редакции. На сайте Президента РМ он неточен. – Э.В.). Глава государства отметил, что за последние 7 лет было много ситуаций, когда парламент несвоевременно принимал бюджет, что недопустимо. По его мнению, в этих случаях у президента должно быть право роспуска парламента. Аналогичное положение содержится в Конституциях Эстонии и Венгрии;

5. Парламент может быть распущен через референдум, инициированный президентом страны. Игорь Додон отметил, что на данный момент Конституцией страны не предусмотрены положения, которые могли бы позволить гражданам наказывать депутатов за нарушение взятых на себя обязательств, а нововведение позволило бы сделать это. Такая практика есть в Эстонии, где президент избирается парламентом, однако, у него есть подобное право роспуска парламента.

Можно согласиться со всеми пунктами данной инициативы Президента РМ, за исключением пункта “2.” Ведь на то он и консультативный референдум, что его решение не обязательно. И парламентское большинство может внести частичную коррективу в свою политику уже после проведения референдума, не уходя в отставку, то есть, не соглашаясь на роспуск Парламента.

В отношении избирательной системы тоже необходимо внести коррективы, несмотря на то, что пропорциональная система, как мы уже, вслед за А.Лейпхартом доказали, является наиболее предпочтительнее в комплексе с парламентской республикой.

Дело в том, что в Молдове в высших эшелонах власти сложилась по преимуществу мононациональная демократия. Попадание достойных представителей этнических меньшинств из Кишинева, Бельц, Гагаузии Тараклии, других мест, а также авторитетных (в буквальном смысле, а не криминальном) молдован - из преобладающих молдавских регионов, - в депутатский корпус зависит всецело от доброй (или недоброй и не умной) воли лидеров крупных партий. А так как они в большинстве своём (за исключением ПКРМ, ПСРМ и отчасти ДП) весьма своеобразно (скажем так, максимально дипломатически) понимают современную демократию, то доля достойных представителей этнических меньшинств в депутатском корпусе меньше (это в лучшем случае), или намного меньше, чем их доля в составе населения (а в Правительстве так вообще все министры после 2009 г. только представители мажоритарного этноса). Тем более что не всегда лидеры крупных партий останавливают свой выбор на наиболее авторитетных представителях украинцев, русских, гагаузов, болгар и т.д. и за бортом Парламента оказываются подлинно авторитетные и наиболее квалифицированные представители этнических меньшинств.

Из этой ситуации возможно два выхода: или закрепление за представителями наиболее крупных по численности этнических меньшинств определённых квот мандатов в Парламенте (как, к примеру, в Парламенте Армении), или переход к смешанной избирательной системе, где наряду с выборами большинства мандатов по пропорциональной системе выбирать часть депутатов и

по одномандатным избирательным округам. Первый путь однозначно заказан для РМ, значит остаётся второй.

Итак, по нашему мнению, оптимальный институциональный проект для РМ должен включать, как минимум, следующие 3 момента:

Во-первых, пропорциональная система, безусловно, должна быть сохранена для избрания 71 депутата. Причём избирательный порог для одной партии должен быть установлен в 2% и в течении, как минимум, двух избирательных кампаний не подвергаться изменению;

во-вторых, существующую пропорциональную систему следует трансформировать в смешанную избирательную: 71 мандат выдвигается по общенациональному округу, а 30 мандатов по одномандатным избирательным округам, и, наконец,

в третьих, модифицированная парламентская республика должна быть сохранена, с существующим уже изменением – всенародным выбором президента, - дополненная правом роспуска Парламента, согласно инициативе Президента, за исключением пункта 2.

P.S.: 1. 6 марта 2017 г. Президент И.Додон выдвинул инициативу, которую подтвердил 18 апреля, по сокращению численности законодателей в Парламенте с 101 до 71 депутата.

Мы считаем эту инициативу неудачной, не до конца продуманной, популистской. Во-первых, не существует в Европе демократические страны с численностью населения в 3-4 миллиона, как в Молдове, в которой численность Парламента составляла бы 71 депутатов. К примеру, в **Албании** примерно такая же численность населения, что и в РМ, а в Парламенте – **140 депутатов**; в **Македонии** численность примерно в два раза меньше, чем в РМ, а в Парламенте - **120 депутатов**; и, наконец, в **Эстонии** численность примерно в два с половиной раза меньше, чем в РМ, а в Парламенте - **101 депутат**. Или другой пример – **Армения**, в которой избирателей (около 1,5 миллиона) примерно в два раза меньше чем в Молдове (в которой общее число избирателей, включённых в Государственный регистр избирате-

лей, по ситуации на **31 марта 2017** года, составляло **3 252 645** человек. Причём из общего числа избирателей, включённых в ГРИ, лишь **2 870 500** граждан с правом голоса распределены по соответствующим избирательным округам - [См.: 14], в ней Парламент - Национальное собрание состоит из **131 депутата** (41 депутат избирается по мажоритарным одномандатным избирательным округам, 90 — по пропорциональной системе).

И подобная численность в указанных странах вовсе не случайна. Ведь при численности в 71 депутатов, во-вторых, Парламент не сможет - для такой страны как Молдова - квалифицированно заниматься собственной законодательной деятельностью и эффективно контролировать деятельность правительства. Ведь при такой численности законодателей просто не хватит компетентных, в различных сферах деятельности, человек на все необходимые комиссии (их сейчас в Парламенте - 9, численностью от 10 до 13 депутатов, и все они объединяют несколько направлений, от 2 до 6). Тем более что кроме правящего большинство в комиссии обязательно войдут и депутаты от оппозиции, у которых могут быть альтернативные мнения по тому или иному законопроекту. Так что зачастую, работа маленькой по численности Комиссии может быть также и парализована.

2. Что же касается конкретных пунктов инициативы Президента по изменению избирательной системы от 18 апреля [см.:15], то в целом её можно одобрить, за исключением одного пункта: выборы половины мандатов депутатского корпуса РМ по одномандатным мажоритарным округам – это, учитывая специфику РМ, однозначно, много, тем более, и это тоже однозначно – отдавать половину из них диаспоре и Приднестровскому региону – это большая ошибка. У жителей самопровозглашённой “ПМР” и у диаспоры на Востоке и на Западе, безусловно, есть свои специфические интересы и они должны учитываться, но только в Парламенте может сложиться ситуация, когда четверть депутатов будут блокировать принятие законов, отражающие общереспубликанские интересы. Тем более что некоторые специфические интересы Приднестровья или диаспоры могут входить в противоречие с коренными интересами государственности РМ.

Библиография

1. См.: Гельман В.Я. *Избирательные кампании в России: испытание электоральной формулы* // Полис.1996.№ 2. С.84-100; Голосов Г.В. *Пределы электоральной инженерии: “смешанные несвязанные “ избирательные системы в новых демократиях* // Полис.1997. № 3. С.102-113; Лейпхарт А. *Конституционные альтернативы для новых демократий* // Полис.1995.№ 2.С.135-146; *Политическая наука новые направления*. Пер. с англ. / Научный ред. Е.Б.Шестопал. М.: Вече, 1999.С.149-204,218-232; Таагапера Р., Шугарт М.С. *Описание избирательных систем* // Полис.1997.№ 3.С. 114-136; Гришин Н. В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества //Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2013. — № 2. С.42-48; Скосоренко Е. Е. *Избирательная система России: мифы и политическая реальность* — М.: «Формула права», 2007. — 206 с.; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. *Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы*. М.: Аспект Пресс, 2005. — 333 с.; Cowhey P.F., McCubbins M.D.(eds). *Political structure and public policy in Japan and the United States*: Cambridge University Press, 1966; Weaver R.K., Rockman V.A.(eds). *Do institutions matter?* Washington (D.C.): Brookings Institution, 1993).
2. См.: Результаты досрочных парламентских выборов в Молдове 27 февраля 1994 года// <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1994/opponents/>; Результаты парламентских выборов в Молдове 22 марта 1998 года// <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1998/>; Результаты досрочных парламентских выборов в Молдове 25 февраля 2001 года// <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2001/>; Парламент Молдавии // https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламент_Молдавии.
3. Кувалдин В.Б. *Президентская и парламентская республика как формы демократического транзита* // Полис. 1998. N. 5. С. 134-138.
4. Лейпхарт А. *Конституционные альтернативы для новых демократий*// Полис. 1995. №2.С.135-146. (Источник - Lijphart A. *Constitutional Choices for New Democracies*//*Journal of Democracy*.Winter.1991).
5. См., например: *Общая теория права и государства*: Учебник / Под ред. В.В.Лазарева. – М.: Юрист,1996; *Конституционное (государственное) право зарубежных стран*. Общая часть: Учебник / Под ред. Б.А.Страшуна. Т.1-2. – М.: БЕК , 1996; Пугачёв В.П., Соловьёв А.И. *Введение в политологию*: Учебник. – М.: Аспект Пресс,1996; Гаджиев К.С. *Введение в политическую науку*: Учебник. - М.: “Логос”,1997; Кувалдин В.Б. *Президентская и парламентская республика как формы демократического транзита*. Указ.соч. (Более подробно и детально В. Кувалдин изложил свой материал в статье в “Независимой газете” (Москва). – “Блеск и нищета президентства (Политическая система, созданная под Ельцина, превратилась

- в анахронизм)”. Для более углублённого понимания проблемы см.: *Политическая наука новые направления*. Пер. с англ. / Научный ред. Е.Б.Шестопап. М.: Вече, 1999.С.149-204,218-232.
6. *Выборы в Государственную думу в РФ*// [https://ru.wikipedia.org/ wiki/Выборы_в_Государственную_думу](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу)
  7. См.: *Концепция разделения властей: история и современность*. Научно-аналитический обзор. - М.: ИНИОН, 1992.С.33-34.
  8. Пугачёв В.П., Соловьёв А.И. *Введение в политологию*. – М.: Аспект Пресс,1996.С.246.
  9. Валенсуэла А. *Латинская Америка: Кризис президентской власти*//Пределы власти. 1994.№1.С.73
  10. *Разделенная демократия: сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом*/Под общ. ред. Дж. Тарбера. - М.,1991.С.20-54;См. также: Дегтярёв А.А. *Основы политической теории*. – М.: Высшая школа, 1998.С.204-221.
  11. *Президентская и парламентская республика на весах политической науки (какая форма правления нужна Молдове в переходной период)*// Волков Эдуард. Политический шмекеризм в Молдове (Зарисовки и анализ политического ландшафта РМ: 1996-1998 гг.). – Chişinău,1999.С.XXIV – ХСVII; Volcov Eduard. *Какая избирательная система оптимальна для Республики Молдова в современных условиях* // Filosofia și științele socio-umane în context ecologic/ Materialele conferinței științifice anuale...UASM. 27 iunie 2001. Chişinău, 2001. С.47-53).
  12. Волков Э.Г. *Оптимальный институциональный дизайн и проблемы формирования гражданского общества в Республике Молдова* // Стратегия формирования гражданского общества в России / Материалы Второго российского научно-общественного форума ”Гражданское общество в России как демократический проект “(21-23 февраля 2002 г.)/ Под ред. проф. В.Г.Марахова. – СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2002.С.273-279; Волков Эдуард. *Размышление о системе власти в Молдове (20.04.2010)*// <http://ava.md/034-kommentarii/03887--eduard-volkov-razmishlenie-o-sisteme-vlasti-v-moldove.html27>).
  13. *Игорь Додон представил законопроект по изменению Конституции для роспуска парламента* // <http://www.president.md/rus/comunicate-de-presa/presedintele-republicii-moldova-igor-dodon-a-prezentat-un-proiect-de-lege-de-modificare-a-constitutiei>).
  14. *Общее число избирателей, включённых в Государственный регистр избирателей, по ситуации на 31 марта 2017 года, составляет 3 252 645 человек* // <http://www.cec.md/index.php?pag=news&id=1496&rid=19713&l=ru>
  15. *Президент Игорь Додон предлагает смешанную систему выборов для Республики*// <http://www.presedinte.md/rus/comunicate-de-presa/presedintele-igor-dodon-propune-sistemul-mixt-de-vot-pentru-republica-moldova>)

FENOMENUL PUTERII ÎN VIZIUNEA MARXISTĂ ȘI WEBERIANĂ: ABORDARE TEORETICO-METODOLOGICĂ

*Valeriu EFREMOV, doctor în filosofie, conferențiar universitar,
Academia Militară a Forțelor Armate „Alexandru cel Bun”,
postdoctorand, USM*

Rezumat

În acest articol autorul încearcă să facă investigații bazate pe contribuția lui Karl Marx și Max Weber în cercetarea puterii și relațiilor de putere, importanța teoretică și metodologică a studiului contemporan al puterii și relațiilor de putere.

Studiul acestor probleme are o importanță deosebită pentru Republica Moldova, care a trecut la democratizarea societății, construind statul de drept. Este necesară dezvoltarea în continuare a cunoștințelor despre putere, găsirea celor mai eficiente modalități de armonizare a puterilor.

***Cuvinte-cheie:** puterea, puterea politică, puterea de stat*

POWER AS A PHENOMENON IN KARL MARX AND MAX WEBER'S WORKS

Abstract

In this article, the author tries to do a study on the contribution of Karl Marx and Max Weber in power and power relations research, theoretical and methodological importance of the contemporary study of power and power relations.

The study of these problems is of great significance for the Republic of Moldova passed to the democratization of society, building the rule of law. It is necessary to further develop knowledge on power, finding the most effective ways for harmonizing powers.

***Keywords:** power, political power, state power*

Marxismul a avut un impact destul de contradictoriu asupra dezvoltării lumii. Pentru perioada sa istorică doctrina lui Marx a fost destul de influentă, deoarece includea un spectru larg de chestiuni care aveau o atitudine directă asupra proceselor care aveau loc în societatea capitalistă. Ideea comunismului în forma ei inițială ca tendință istorică și lege a dezvoltării sociale, ca scop spre care trebuie de tins și care va permite de a lichida antagonismele societății capitaliste, de a face viața mai fericită, în ciuda distanțării sale și utopismului

său, era atractivă pentru masele asuprite. În secolul al XX-lea interesul față de doctrina marxistă era stimulat de existența socialismului în URSS și alte țări.

Doctrina marxistă într-un anumit sens este prelungirea căutării căilor de rezolvare a chestiunilor ridicate de către predecesorii săi privind crearea orânduirii sociale perfecte.

Apariția marxismului a fost dictată într-un anumit sens de către particularitățile istorice obiective a dezvoltării sociale. În acest sens, marxismul este o reflectare specifică a problemelor timpului său de pe pozițiile proletariatului. Marxismul în centrul cercetării pune în discuție problema puterii.

În conformitate cu doctrina marxistă, proletariatul trebuia să ducă lupta cu orînduirea exploatoare capitalistă existentă, în care puterea aparținea clasei dominante. Elucidarea esenței puterii de stat, a caracterului ei exploator în societatea capitalistă era una din problemele care trebuiau cercetate de fondatorii marxismului.

Pentru a săvârși revoluția socialistă, trebuia de rezolvat chestiunea cu privire la forțele care ar fi în stare să înlocuiască orînduirea de stat existentă și formele de putere inerente ei, adică de a crea o așa putere revoluționară care ar putea nu numai să se opună puterii vechi, ci și s-o răstoarne.

După săvârșirea revoluției socialiste era necesar măcar în linii generale de a avea o imaginație privind perspectivele dezvoltării în continuare a societății. În calitate de o astfel de idee, fondatorii marxismului înaintează ideea construcției societății comuniste.

Chestiunea cu privire la înlocuirea orânduirii vechi burgheze cu o nouă orînduire socială a fost abordată de Marx în *Manuscrisele economico-filosofice anul 1844*, Marx scrie: „Din raportul muncii înstrăinate față de proprietatea privată rezultă în continuare, că emanciparea societății de proprietatea privată etc, de servitute va lua forma emancipării politice a muncitorilor și aici lucrul nu e numai în emanciparea lor, fiindcă emanciparea lor include în sine și emanciparea întregii omeniri” [12, 570]. Eliberarea societății de proprietatea privată trebuie obligatoriu să ia forma emancipării politice a lucrătorilor. Potrivit lui Marx emanciparea politică a lucrătorilor este

imposibilă fără ca să fie rupte vechile relații sociale și înlocuirea societății vechi cu una nouă.

Un rol important în dezvoltarea reprezentărilor marxiste cu privire la stat, societate a jucat lucrarea lui Marx *Critica filosofiei dreptului hegelian*. De rînd cu critica reprezentărilor idealiste a lui Hegel, în această lucrare și-au găsit argumentarea chestiunile privind stabilirea esenței statului, interacțiunii lui cu societatea. Marx critică relațiile feudale și burgheze, dezvăluie esența birocrăției, atrage atenția asupra democrației în dezvoltarea societății. „*Democrația, - scria Marx, - este enigma rezolvată a tuturor formelor de guvernare. Aici orînduirea de stat nu numai în sine, după esența sa, dar și după existența sa, după realitatea sa, tot din nou și din nou duce la temelia reală, la omul real, la poporul real și se afirmă ca propria lui afacere. Orînduirea de stat aici este aceea ce este ea, - ca un produs al omului... În democrație nu omul există pentru lege, ci legea există pentru om; aici legea este existența umană, întrucît în alte forme de orînduire de stat omul este existența determinată de lege. Aceasta este trăsătura principală distinctă a democrației*” [13, 252]. Acest interes față de „*enigma rezolvată*” permite lui Marx nu numai să determine esența organizării democrației, ci să arate prioritățile ei față de alte orînduiri de stat. În democrație, orînduirea de stat este autodeterminarea poporului. Astfel, concepută într-un sens abstract, puterea poporului este temelia democrației.

Chestiunea cu privire la puterea politică este examinată de către Marx și Enghels de pe poziții de clasă în cadrul abordării formațiunile privind dezvoltarea socială și politică. Pentru conceperea marxistă a acestei chestiuni sunt caracteristice următoarele.

1. Argumentarea teoretică a insolvabilității capitalismului ca orînduire politică, care, chipurile, este incapabil să lichideze contradicțiile antagoniste și exploatarea, să creeze un mecanism adevărat al relațiilor politice în societate. O asemenea argumentare se face pe două căi: cercetarea concret istorică a capitalismului cu folosirea materialului factologic și pe cale logică, unde în baza analizei esențiale a dezvoltării capitalismului, trăsăturilor și semnelor inerente lui se fac concluziile respective. Metoda filosofico-logică domină

pentru perioada tinereții lui Marx. R.Aron scrie: „*în lucrările timpurii a lui Marx, critica poartă un caracter filosofic și are drept scop permutarea subiectului și predicatului*” [3, 312], Metoda concret istorică este folosită de Marx la o vîrstă mai înaintată.

2. Puterea politică este înțeleasă ca violența organizată a unei clase pentru oprimarea alteia. O astfel de concepere a relațiilor politice în societatea burgheză din start excludea căutarea căilor de colaborare, de a găsi decizii de compromis între clasa dominantă și cea asuprită. Lipsa de compromis era concepută ca o înțelegerea a relațiilor de clasă care permitea de a avea o reprezentare corectă privind caracterul real al relațiilor din societate. Această abordare în mare măsură a determinat specificul, particularitățile conținutul construcției teoriei marxiste. În conformitate cu teoria marxistă, răsturnarea orînduirii politice existente putea fi efectuată în principal pe cale revoluționară. *De menționat că posibilitatea rezolvării contradicțiilor existente pe cale pașnică, nerevoluționară nu se excludea, se înainta ca o versiune care avea un caracter predominant abstract, ipotetic.*

La baza teoriei revoluționare marxiste se află conceperea originală a procesului dezvoltării istorice a societății ca schimbare a formațiunilor social-economice. Această legitate este considerată ca tendință generală a dezvoltării lumii. Pentru perioada sa, această descoperire avea o importanță deosebită, deoarece a lărgit cercul reprezentărilor cu privire la factorii care stau la baza unor transformări sociale. Din punctul nostru de vedere neajunsul acestei abordări constă în aceea că schimbul formațiilor social-economice este privit ca un fenomen istoric legitim și în conformitate cu aceasta se făcea concluzia cu privire la schimbul obligatoriu a formației capitaliste cu cea comunistă. O astfel de concepere a dezvoltării istorice pe deplin era în concordanță cu scopurile și sarcinile pe care și le-au pus în fața sa Marx și Enghels, deoarece permitea de a duce la o unitate logică a factorilor care demonstau necesitatea răsturnării orînduirii capitaliste și instaurarea dictaturii proletariatului: „*Abordarea formațională îndreaptă, netezește istoria. Idealizările care figurează în schema formațională nu pur și simplu lipsite de idee în sens umanitar, în mod egal ele sunt eliberate de detalii și întîmplări concrete vitale.*

Dilema clasică „predestinație - libertatea voinței” se rezolvă aici în favoarea tratării predestinației economice” [10, 167].

Vom menționa că argumentarea dictaturii proletariatului ca formă nouă de stat în doctrina marxistă în mare măsură nu a fost elaborată pînă la sfîrșit. Din aceste considerente, acest lucru a fost motivul percepției destul de polemice a esenței dictaturii proletariatului. Vom observa încă un lucru important - în mare măsură nu este pe deplin gîndită chestiunea cu privire la aliații proletariatului, locul și rolul lor în această alianță, evidentă intereselor și drepturilor. Peste măsură a fost scos în relief principiul apartenenței la proletariet. Proletariatul era privit ca o clasă, purtător a tot ce este progresiv, înaintat, ca un adevărat moștenitor și continuator a culturii general umane, valorilor, ca o forță transformatoare progresivă nouă a dezvoltării sociale.

Un loc principal în cercetările marxismului la acea perioadă ocupa critica capitalismului și argumentarea căilor privind răsturnarea lui. Marx și Enghels dau o caracteristică generală a noii formațiuni, sau limitat numai la niște caracteristici abstracte, care dădeau numai o prezentare superficială a formațiunii comuniste. Cercetătorul V.P.Macarenco menționează: „*La Marx nu găsim precizări concrete referitor la organizarea noii societăți*” [11, 235]. Un alt cercetător T.A.Alexeeva scrie: „Marx nu prea multă atenție a acordat chipului viitoareii societăți comuniste. Îl interesa cînd se apropie prăbușirea capitalismului. El considera că contradicțiile și conflictele în capitalism, în mod dialectic vor duce la prăbușirea definitivă a lui, însă el nu considera acesta un proces inevitabil. La timpul potrivit vor fi necesare anumite acțiuni ale oamenilor și societatea comunistă va deveni o realitate. În mîinile capitaliștilor sunt destule resurse pentru a preveni înaintarea comunismului, dar și cu ele este în stare să se isprăvească proletariatul cu conștiința lui de clasă” [1, 44].

Fondatorii teoriei marxiste concepeau politica în strînsă legătură cu existența relațiilor de clasă. *În accepțiunea lor, dispariția claselor va trebuie să ducă la lichidarea domeniului relațiilor politice în societate. Astfel, „conducerea poporului prin intermediul poporului însăși”* trebuie să ducă în ultima instanță la dispariția statului, la aceea că puterea publică va pierde caracterul politic.

Astăzi ne este cunoscut destul de bine că domeniul relațiilor politice este cu mult mai departe de cadrul relațiilor de clasă, dar și însăși politica este concepută neunivoc. Nu observăm dispariția relațiilor politice, ba din contra observăm schimbările lor calitative. R.Aron, în legătură cu acet fenomen social menționează: „*în orice orînduire economică și socială nu va disparea problematica politică, dat fiind faptul că rămân chestiunile: cine conduce, cum se completează organele de conducere, cum se execută puterea, în ce măsură este atinsă concordia (sau în ce măsură nu a fost atinsă concordia) între conducători și conduși. Politica este tot atît de necesară și autonomă, precum și economia*” [2, 205],

Abordarea marxistă este bazată pe faptul că autoconducerea comunistă trebuie să vină în schimbul conducerii de stat, iar cînd aceasta se va întîmpla, va disparea necesitatea în stat. Această afirmație poartă însă un caracter ipotetic. În doctrina marxistă nu este elaborat mecanismul autoconducerii comuniste. *Aceasta ne permite să considerăm într-o măsură oricare utopice reprezentările privind conceperea viitorului societății comuniste.*

În concluzie vom menționa că doctrina marxistă a avut o mare influența asupra dezvoltării lumii. Acest impact a fost neunivoc și contradictoriu. Într-o măsură diferită, impactul acestei doctrine a fost simțit de diferite țări ale lumii. *Fenomenul marxismului, cu toate neajunsurile inerente alei ei, ne face să ne gîndim la rolul pe care poate să-l joace o teorie ideologică rațională, orientată în modul corespunzător spre transformarea existenței reale a oamenilor.* Un asemenea impact impunător nu are orice teorie, pentru aceasta este necesară o anumită etapă istorică, o afluența a unui șir întreg de factori, atît de natură obiectivă. cît și de natură subiectivă.

Cu toate contradicțiile și neajunsurile sale, învățătura marxistă cu privire la putere are o mare însemnătate teoretico-metodologică, are o mare importanță științifică.

Altfel concepe puterea sociologul german Max Weber. În aspect metodologic, pentru Weber este caracteristică abordarea sociologică în cercetarea proceselor dezvoltării societății care este bazată pe cunoașterea profundă a istoriei, pe o analiză clară a stării lucruri-

lor, conceperea specifică a rolului științei în viața societății. Weber nu impune istoriei un scop final, el vorbește despre tendințele posibile pentru țara respectivă, schimbările respective, lăsînd după noi dreptul de a fi sau nu a fi de acord cu sociologul german.

După Weber, puterea este componenta majoră a politicii. Politica este concepută în două aspecte principale. În primul caz, prin politică se subînțelege orice activitate efectuată cu scopul de a conduce, indiferent de faptul unde ar avea loc aceasta. În al doilea caz, prin politică se au în vedere relațiile în care elementul dominant este puterea, tendința spre putere. „Astfel, „politica”, judecînd după toate aparențele, înseamnă tendința de a participa la putere sau a influența distribuirea puterii, fie între state sau între grupurile de oameni pe care ea îi include în sine” [4, 646], Această tendință spre putere poate urmări diferite scopuri (ideale sau egoiste). Puterea se poate manifesta în calitate de mijloc pentru a rezolva problemele corespunzătoare sau poate fi dorită „singură pe sine” ca să savureze sentimentul prestigiului pe care ea îl oferă.

Statul este privit de către Weber ca o comunitate umană, „*uniune politică*” care dispune de mijloace fizice de constrîngere. Din aceste considerente, statul se prezintă drept un institut a puterii, care are dreptul la monopolul aplicării legitime a constrîngerii politice. Aceasta presupune existența în societate a relațiilor de dominație și supunere. Această concepere a statului îl face pe Weber să ajungă la concluzia recunoașterii dominației ca un atribut indispensabil a relațiilor de putere în societate. Acolo unde există statul, acolo are loc „*constrîngerea legitimă*” și ca urmare dominația. „*Desigur, - menționează Weber, - constrîngerea pe nici departe nu este mijlocul normal sau unicul al statului, despre aceasta nu poate fi nici vorba, însă ea, se poate, este mijlocul specific pentru el*” [4, 645],

Weber evidențiază trei tipuri de „*justificare*” a legitimității. În primul rînd, autoritatea „*trecutului etern*”: autoritatea manierelor, sfințite cu importanța excepțională și orientarea obișnuită de a le respecta, în acest caz este vorba de *dominația tradițională*. În al doilea rînd, autoritatea „*harului personal neobișnuit*”. Baza lui o constituie carisma, care se întemeiază pe devotamentul personal deplin și în-

crederea personală. Pricinile unei asemenea atitudini față de putere pot fi diferite, cele mai dese ori ele sunt reduse la posesia omului, care are putere asupra altor oameni unor calități deosebite, excelente de conducător, proroc, conducător de armată, demagog, conducător politic de partid. În *al treilea rînd*, dominația în virtutea legalității, în virtutea credinței în obligație, necesitatea ordinii stabilite, baza cărora o constituie regulile raționale stabilite.

Toate tipurile de legitimitate indicate se prezintă drept o forță autoritară care are dreptul la dominație, adică la aplicarea legală a constrîngerii. Relațiile dintre aceste tipuri de dominație nu întotdeauna sunt strict delimitate. După Weber, tipuri „*curate*” în realitate nu se întîlnesc. Dominația ca institut este comparată de Weber cu o întreprindere care necesită permanent de a fi condusă. Aici sunt importante două momente: uman și material. *Primul* se realizează în orientarea comportamentului omului de a se supune, *al doilea*, în dispoziția cu lucrurile care se folosesc pentru a aplica constrîngerea fizică.

Weber, spre deosebire de Marx, atenția principală o concentrează asupra aspectelor sociologice a organizării dominației puterii de stat, în care locul dominat îl joacă nu factorii economici, materiali, ci *însăși caracterul relațiilor de putere dintre cei ce domină și cei supuși*. Pricinile care determină unul din tipurile legitimității se află în modul relațiilor puterii de stat istoric stabilite. În conceperea dominației ca o întreprindere care necesită de a fi condusă este prezentă o legătură indirectă de percepere a acestui factor. Aici este cazul să menționăm, că unii cercetători, concep de cele mai multe ori dominația, în sensul ei funcțional, de cele mai multe ori ca o formă specifică de realizare a puterii și conducerii. *Weber, însă, concepe dominația ca un sistem, care-și are structura sa organizațională și funcțională și care are nevoie de a fi condusă din partea puterii.*

În plan metodologic, doctrina lui Weber cu privire la dominație în mod cardinal diferă de conceperea de către Marx a acestui fenomen. Marx consideră existența relațiilor de dominație ca un viciu specific, o stare nenormală a societății de care trebuie de izbăvit. Weber consideră dominația din partea statului drept o stare naturală, deoarece pînă ce există statul, va exista constrîngerea fizică legală. Vom atrage atenția

asupra faptului că conceperea de către Marx și Weber a dominației este determinată și este în deplină concordanță cu viziunea conceptuală sistemică cu privire la dezvoltarea istorică a societății.

La Weber domină conceperea evoluționistă a dezvoltării istorice sociale. În calitate de trăsătură principală a modului capitalist de producție, Weber evidențiază tendința de a obține venit prin intermediul posibilităților schimbului. În opinia lui Weber, elemente de astfel de relații capitaliste se întâlnesc la diferite epoci istorice. Însă, în aceste epoci istorice un rol hotărâtor, principal îl jucau alte relații economice. Referitor la înțelegerea capitalismului contemporan, Weber scrie: *„Orînduirea economică capitalistă contemporană este un cosmos monstruos, în care fiecare om în parte este atras din momentul nașterii și hotarele căruia, în orice caz, pentru el ca unui individ aparte, odată și pentru totdeauna date și neschimbate. Individul, în acea măsură cu care intră în împletirea complicată a relațiilor de piață, este silit să se supună normelor de comportament iminente modului capitalist de producție; fabricantul, care un timp îndelungat încalcă aceste norme, este economic înlăturat tot așa de inevitabil, precum și muncitorul, pe care, pur și simplu, îl arunca în stradă, dacă el nu a fost în stare sau nu a dorit să se acomodeze la aceste norme”* [5, 76]. Din această constatare putem afirma, că Weber nu idealizează capitalismul. Îl percepe ca o orînduire care există real și cu care trebuie să ne socotim, deoarece ea dictează regulile principale de comportament. Variațiile sunt posibile, dar cu toată diversitatea care există a activității vitale a oamenilor, comportamentul lor este social orientat. În legătură cu aceasta, el introduce noțiunea *„acțiune social orientată”*. Comportamentul este orientat de împletirea complicată a relațiilor de piață, cărora individul trebuie să se supună.

Weber susține că pentru Occident este specific liderismul. La început această funcție o îndeplinea demagogul liber (orașul - cetate, polisurile), apoi liderul de partid parlamentar, care la crescut statul constituțional.

Schimbările care au avut loc în societate au dus la aceea că în calitate de forță influentă a puterii pe arena vieții de stat au fost înaintați funcționarii și politicienii.

Weber este martorul tuturor transformărilor care au avut în societate după Hegel. Acest proces și-a găsit reflectarea specifică în relațiile dintre funcționari și politicieni care au eșit pe arena luptei politice, care încep să joace un rol tot mai mare în conducerea statului. Aceasta se datorează în mare măsură constituirii și dezvoltării parlamentarismului, apariției partidelor politice, transformărilor democratice. *„Numai atunci când compromisul a stat la baza acțiunilor politice, divizarea societății în tagme profesionale de asemenea a fost necesară. Însă nu acolo unde domină buletinul pentru vot, nu la alegerile parlamentare”* [6, 68]. Democrația este incompatibilă cu divizarea societății în tagme; capitalismul distrugând tagmele deschis calea spre noi forme de relații economice și politice în societate.

Funcționarii sunt priviți de către Weber ca un institut specific al puterii de stat, care participă nemijlocit la exercitarea funcțiilor de putere și conducere încredințate lor. *„În societatea contemporană dominația reală se manifestă nu în cuvântările parlamentarilor și nu în cuvântările monarhilor, ci în realizarea conducerii în viața de toate zilele, care cu necesitate și inevitabilitate este concentrată în mâinile funcționarilor civili și militari”* [7, 126]. După Weber, constituirea dominației funcționarilor, poate servi ca unul din criteriile modernizării, atât a statului democratic, cât și a celui monarhic.

Societatea capitalistă ca sistem este determinată de un șir de factori în baza cărora ea funcționează. Toate domeniile societății sunt legate reciproc și interdependente între ele în cadrul relațiilor capitaliste. De aceea, indiferent de diferențele aparent externe esențiale între stat și fabrică, conținutul intern al relațiilor de putere sunt bazele pe motive similare, care-i permit lui Weber de a vorbi despre ele ca o întreprindere.

Suntem de acord cu punctul de vedere a cercetătorilor P.P. Gaidenko și a lui N.Davîdov care expun punctul de vedere că statul contemporan este înțeles de către Weber drept o dominație „legală” rațională la baza căreia se află acțiunea teleologică. Relațiile de dominație în acest stat sunt privite ca relații din sfera antreprenorialului privat. Weber susținea că *„premisă generală rațională a economiei capitalismului contemporan este calculul rațional a capitalului ca*

normă a tuturor întreprinderilor industriale mari, care lucrează pentru a satisface cerințele zilnice". Anume posibilitatea evidenței stricte, controlul calculat a venitului întreprinderii pe calea alcătuirii bilanțului, care apăsă numai în temeiul unor premise, anterior neexistente, deschide calea dezvoltării unei „*economii raționale*” [9, 88-89].

Weber consideră că dominația originii raționalului, de regulă, are loc în unele organizări bune a lucrurilor și, invers, în cazul unei organizări proaste sunt posibile manifestările recidivelor iraționale. Funcționarea în legătură cu aceasta deja în virtutea organizării, cunoștințelor, competenței sale sunt dispuși de a duce lucrurile rațional. „*Funcționarea întotdeauna formează nucleul aparatului și disciplina lui este premisa succesului absolut*” [7, 139].

Prin urmare, Weber noțiunea de „*stat birocratic*” o folosește nu întâmplător, el își dă destul de bine seama de importanța pe care o are birocrăția în societatea burgheză. Weber vede, că în posibilitățile ei de a influența statul este ascuns un anumit pericol pentru organizația politică în întregime. Creșterea puterii birocrăției, în urma unui concurs de circumstanțe corespunzătoare, poate să prefacă omul într-un apendice a „*întreprinderii de stat*”, de a limita posibilitățile „*tendențelor lui individualiste spre libertate*”. Cu aceasta în strânsă legătură cu chestiunea cu privire la democrație în condițiile conducerii birocratice. Dacă nu va fi organizat un control eficient asupra activității funcționării de stat, atunci întărirea puterii ei poate duce la încălcarea „*drepturilor omului*”, cuceririlor democrației. Controlul asupra activității funcționării trebuie să-l efectueze parlamentul. Această condiție de către Weber este privită ca o primă și de bază sarcină a acestui organ legislativ. Politica trebuie să fie o contrabalantă a dominației funcționării. „*Deoarece maturitatea politică se exprimă nu în voturile de neîncredere, nu în reclamațiile împotriva miniștrilor și nu în alte numere de divertisment a parlamentarismului franco-italian neorganizat, ci în faptul că nația se orientează cum funcționarea administrează lucrurile ei, permanent o controlează și influențează asupra ei*” [7, 173].

Politicienii, în dependență de atitudinea lor față de obligațiile pe care le dețin, Weber îi împarte în politicieni „*după ocazie*”, politi-

cieni „după cumul”, și „politicieni predominant profesionali”. În centrul cercetării sale sunt politicienii predominant profesionali.

Un politic profesional poate fi în două cazuri: sau pe deplin este consacrat activității politice („*trăind pentru politică*”), sau există din contul politicii și cu politica. În primul caz este necesar ca politicianul să fie asigurat material, să dispună de propriile mijloace, care i-ar permite să fie liber și independent de câștigul banilor.

De regulă, acești politicieni, sunt îndemnați preponderent de propriile convingeri. În al doilea caz, politica pentru om este genul lui principal de activitate, care-i asigură existența, lucrul de bază, care-i aduce un venit.

Weber menționează că în virtutea calităților omenești, nu fiecare poate fi politician profesional. Trebuie să ai o predispoziție față de acest gen de activitate, capacități corespunzătoare, înclinații intelectuale, o orientare psihologică de a lucra cu oamenii.

Funcționărima s-a manifestat destul de bine în rezolvarea problemelor departamentale, unde trebuia să-și manifeste simțul datoriei, competența, capacitățile organizatorice. Însă, dominația funcționărimii se dovedește a fi absolut insolvabilă acolo unde este necesar de rezolvat probleme politice. Vocația politicianului, lucrul lui este de a se avînta în lupte, a lupta pentru putere în conformitate cu convingerile sale. Funcționarul, din contra, trebuie să păstreze imparțialitate, depășind propriile înclinații și păreri, pentru a îndeplini conștiincios și în mod rațional aceea ce cer de la el propriile reguli, indicațiile concrete. Aceste cerințe nu se referă la conducătorii funcționărimii, în sarcina cărora intră de a pune în fața funcționărimii sarcini concrete cu caracter politico-autoritar și politico-cultural. Prin urmare, funcționarii și politicienii, în condițiile statului capitalist, îndeplinesc funcții importante pentru societate. Politicienii stabilesc cursul strategic al dezvoltării sociale, rezolvă cele mai importante probleme interne și externe de stat, asigură organizarea democratică și funcționarea sistemului politic. Funcționarii, la rîndul lor, rezolvînd probleme specifice din domeniul lor, contribuie la lucrul coerent a instituțiilor de stat și a altor organizații, satisfac cerințele populației în rezolvarea problemelor curente. Sarcinile care stau în fața politicienilor și

funcționarilor sunt diferite, însă, aici nu există o limită de netrecut, deoarece, după cum menționează Weber, activistul politic după caracterul îndeplinirii obligațiilor sale uneori este aproape de situația funcționarului. Iar eșalonul de sus a conducătorilor funcționarilor este obligat să se ocupe de probleme politico-autoritare.

Cu toată importanța lor socială și de stat, politicienii sunt numai o parte a „*organizației politice*”. De rînd cu ei, din organizația politică fac parte parlamentul, partidele politice, formațiunile social-politice care îndeplinesc funcții de stat și social-politice.

Democrația pentru Weber este un factor care cimentează societatea, care dă posibilitate claselor să lupte în domeniul relațiilor politice pentru executarea puterii politice. Analizînd dezvoltarea democrației în statele Unite ale Americii, Weber evidențiază două perioade: perioada, cînd democrația americană nu era altceva decît conducerea diletanților, și perioada contemporană, caracterizată de birocratizarea „*furtunoasă*” a aparatului funcționărimii. În condițiile primei perioade, aparatul funcționărimii era recrutat în general din reprezentanții partidului care a obținut victoria la alegeri. Criteriul principal pentru a fi numit în funcția respectivă servea meritele în fața partidului. Pregătirea profesională, calificarea unor asemeni funcționari practic nu-i interesa pe nimeni. Verificarea, testarea pentru asemenea democrație nu exista. În ultimul timp, atrage atenția Weber, cu o viteză colosală este răspîndită în SUA funcționărimii profesională și prin aceasta s-a făcut un pas important în vederea reconstruirii vechii democrații. „*Democrația contemporană oriunde, unde este democrația unui stat mare, reprezintă o democrație birocratizată. Așa și trebuie să fie, deoarece democrația contemporană înlocuiește mica nobilime distinsă sau alți funcționari, care lucrează pe principii obșteși, remunerați de funcționărimii. Acest proces are loc peste tot. El are loc chiar și în interiorul partidelor*” [8, 309].

Democrația își găsește deplina sa realizare în oferirea cetățenilor a dreptului electoral care le permite să-și aleagă reprezentanții săi în organele puterii și, în primul rînd, în parlament. Weber, în modul cel mai hotărît, se pronunță pentru oferirea dreptului electoral egal.

Weber altfel în comparație cu Marx privește la contradicțiile de

clasă în societatea capitalistă. El nu este de acord cu afirmația că înstrăinarea lucrătorului de la mijloacele de producție este temei pentru înrobirea muncii angajate. Weber consideră că muncitorul angajat nu poate fi proprietar a mijloacelor de producție, deoarece acesta pot fi numai antreprenorul sau statul. Mai mult ca atât, înstrăinarea lucrătorului de la mijloacele de producție are loc nu numai în industrie, dar și în instituțiile de stat, domeniul culturii, învățământ, domeniul social. *„Cum nu ar fi acolo, o greșeală brutală este atunci când o asemenea înstrăinare a lucrătorului de la mijloacele de producție se consideră ceva specific numai economiei și cu atât mai mult unei economii private. Doar esența situației nu se schimbă, dacă are loc înlocuirea stăpînului acestui aparat, dacă, spre exemplu, în locul producătorului privat de acest aparat dispune președintele statului sau ministrul. În orice caz, „înstrăinarea” oamenilor muncii de la mijloacele de producție continuă”* [8, 312]. Socialismul, negînd modul de producție capitalist, îi contrapune lui economia colectivă sau comună, lichidarea anarhiei producției și concurența antreprenorilor între ei. Însă, etatizarea puțin ce schimbă în situația muncitorului, mai mult ca atât, agravează dependența lui. *„Fiindcă muncitorii pe propria experiență se vor convinge, că soarta muncitorului care lucrează într-o mină, nici într-un fel nu se schimbă de la faptul că această mină trece din mini particulare în mîinile statului. La minile de cărbune din Saara viața trece întocmai, tot așa precum și la minile private: dacă mina este administrată prost, adică ea aduce un venit mic, atunci acolo muncitorii trăiesc prost. Însă, diferența constă în faptul că grevele împotriva statului sunt imposibile, și, înseamnă, că situația dependentă a muncitorului în socialismul de stat de așa tip, crește considerabil”* [8,p.p. 318-319].

Weber atrage atenția asupra faptului că în socialismul de stat puterea politică supunînd puterea economică contribuie la unirea funcționarilor într-o singură corporație, prin ce lipsește cetățenii de posibilitatea de a le controla activitatea.

Ieșirea pe arena luptei politice a politicianilor profesionali în mare măsură se datorează activității partidelor politice. Partidele politice cu scopul de a atrage de partea sa electoratul se străduie prin

agitație să cuprindă pături cât mai largi a populației țării sale. **După Weber, existența partidelor este imposibilă de a fi desfășurată, precum și lupta de partid, deoarece în caz contrar decade „reprezentanța activă a poporului”.**

Liderismul inerent Occidentului este o problemă destul de serioasă, care în mod esențial influențează asupra caracterului relațiilor politice, atât în interiorul partidului, cât și în afara lui. Conducătorul plebiscitar trebuie să aibă o vocație pentru activitatea politică, să posede calități carismatice corespunzătoare („*elementul carismatic a oricărui liderism este una din forțele motrice ale lui*”). Adepții conducătorului, contînd pe efectul demagogic a personalității lui, așteaptă de la el, în cazul victoriei, anumite beneficii sau răsplată pentru sine.

După Weber o altă figură politică importantă care joacă un rol hotărîtor în organizarea activității partidului politic este bosul, care asigură partidul cu mijloacele necesare. El nu tinde să-și înainteze personalitatea sa în prim plan, pe el îl interesează puterea ca sursă de a cîștiga bani sau ca o posibilitate de a domina, rămînînd în umbră. În cele din urmă, Weber face următoarea concluzie: *întreprinderea de partid reprezintă o formațiune capitalistă organizată de sus pînă jos, scopul căreia este de a obține venit prin intermediul dominației capitaliste.*

Lupta politică în condițiile unei concurențe dure asigură posibilitatea folosirii tehnologiilor îndreptate spre a exercita influența corespunzătoare asupra electoratului, cu scopul de ai atrage de partea sa. Pentru a-și atinge scopul pus, politicianul trebuie să fie un bun demagog. *Noțiunea „demagog” Weber o folosește în sensul analogic pe care-l avea în Grecia Antică, ca o artă, capacitatea de a convinge.*

Viața socială reală și activitatea politicianului într-o anumită măsură sunt contradictorii. Existența incertitudinii în sfera relațiilor politice uneori nu-i permite politicianului să prevadă dezvoltarea evenimentelor în continuare. Aspirațiile raționale ale politicianului întîlnesc în calea sa obstacole iraționale care nu totdeauna pot fi depășite. *Meritul lui Weber constă în faptul că el a atras atenția asupra existenței iraționalului.* Acestea sunt instinctele iraționale de masă în politică, formele iraționale în activitatea birocrăției, capitalismul prorațional.

Una din sarcinile politicianului este de a depăși iraționalul în domeniul relațiilor politice, introducerea raționalului în activitatea politică. Pentru aceasta este necesar de a te conduce de anumite reguli și principii. În legătură cu aceasta, Weber consideră că omul politic trebuie să aibă trei calități distincte: pasiunea, simțul răspunderii, a aprecia just distanța din ochi.

Weber concepe pasiunea ca o orientare spre esența cauzei, ca „*devotament pasionat cauzei*”. Responsabilitatea - ca o stea călăuzătoare principală a activității omului politic. Aprecierea justă a distanței din ochi este capacitatea ca prin concentrarea și calmul intern a se lăsa influenței realităților. Aprecierea justă a distanței din ochi necesită o atitudine intermediară față de lucruri și oameni, o „*distanța*” specifică. În opinia lui Weber, puterea personalității politice, în primul rând, depinde de prezența la ea a acestor trei calități. Weber consideră că în sfera politicii, în cele din urmă, doar două feluri de păcate de moarte: *retragerea de la esența cauzei și iresponsabilitatea.*

Tendința spre putere, „*instinctul puterii*” este o calitate normală a omului politic. Atitudinea neserioasă, iresponsabilă față de obligațiile sale, vanitatea - aceste lucruri nu numai că nu sunt dorite, dar și inadmisibile pentru un om politic profesional. Slujirea puterii presupune o anumită credință, care oferă un sprijin intern, un sens cauzei.

În doctrina sa Weber examinează și coraportul dintre politică și etică, chestiune ce merită o atenție deosebită. El nu trece cu vederea acest lucru, deoarece politica operează „*cu un mijloc destul de specific - puterea, după care stă violența*”. Această împrejurare în politică destul de des creează situații destul de complicate, care din punct de vedere etic de diferite părți pot fi tratate diferit, interpretate ambiguu. Weber consideră că orice „*acțiune*” etic orientată în politică trebuie să fie orientată, sau spre „*etica convingerii*” sau spre „*etica responsabilității*”, spre aceste două maxime fundamentale, implacabil contrarii. În plan metodologic esența diferenței constă în gradul diferit de conținut realist obiectiv. Dacă în primul caz predomină factorul sugestibilității dorite, chipurile, ce poate fi realizat în viitor, apoi, în cazul al doilea, domină calculul rațional, argumentarea, pregătirea de a lua asupra sa responsabilitatea pentru îndeplinirea obligațiilor asu-

mate asupra sa. „*Cel care mărturisește etica convingerii se simte „responsabil” pentru faptul ca să nu se stingă flacăra convingerii pure, spre exemplu, flacăra protestului împotriva nedreptății ordinii sociale. A aprinde flacăra din nou și din nou iată scopul lui absolut irațional din punctul de vedere a faptelor succesului posibil, care pot și trebuie să aibă valoare numai pentru exemplu*” [4, 697],

Specifică este atitudinea lui Weber față de doctrina marxistă. El consideră *Manifestul partidului comunist* în felul său „se prezintă ca o realizare științifică de importanță supremă”. „*Acest lucru nu poate fi respins și aceasta nu va fi respins, deoarece celui care va încerca să respingă nimeni nu-i va crede, deoarece aceasta este imposibil să infirmi cu conștiința curată. Chiar și în tezele pe care azi le infirmăm, se conține o înșelare inspirată, care a avut urmări politice destul de importante și, probabil, nu atât de plăcute, însă care au adus pentru știință rezultate cu mult mai fructuoase, decât ce aduce de multe ori corectitudinea lipsită de spirit*” [8, 321]. După Weber, *Manifestul partidului comunist* este un document profetic care a prevestit prăbușirea capitalismului și instaurarea dictaturii proletariatului. Privitor la înțelegerea viitorului noii societăți, atunci despre aceasta, presupune Weber, informația lipsește. „*Dar iată ce va fi pe urmă - aici nu se poate spune nimic anticipat, în afară de un singur lucru - lipsa dominației omului asupra omului*” [8, 322],

În urma celor expuse, putem menționa următoarele: Marx și Weber au lăsat după sine o moștenire științifică considerabilă cu privire la problema puterii. *Ambii au privit politica prin prisma relațiilor de putere în societate*. Există o abordare unică privind evidențierea formelor principale de putere: economică și politică. Marx în lucrarea sa *Capitalul* acordă o atenție esențială structurii *puterii economice*, în timp ce Weber o concepe ca un dat, concentrând atenția principală asupra relațiilor de putere politice în domeniul relațiilor de stat.

Dacă Marx atenția principală o concentrează asupra necesității transformării revoluționare a societății în numele instaurării dictaturii proletariatului și construirea în continuare a societății comuniste, apoi pentru Weber îi este străină tendința de a impune istoriei punctul său de vedere și scopul. Weber își *concentrează* atenția principală

asupra esenței relațiilor politice de putere burgheze, asupra activității structurilor politice a puterii. *Recomandările lui practice sunt îndreptate în general pentru a forma la omul politic atitudinea responsabilă față de îndeplinirea obligațiilor sale de putere.*

Doctrina marxistă care a avut o mare influență asupra mersului dezvoltării lumii poartă un caracter contradictoriu. În virtutea schimbărilor care au avut în lume, învățătura marxistă, într-o măsură oricare și-a pierdut actualitatea sa. *În plan științific, cu siguranță, va prezenta interes ca una din direcțiile gândirii sociale, ca un factor, care a avut impactul asupra dezvoltării unor popoare și țări.*

Doctrina weberiană în mare măsură își păstrează și azi importanța sa teoretică și metodologică. Aceasta se explică prin faptul că *moștenirea lui științifică cu privire la putere și politică se întemeiează pe o analiză adâncă multilaterală a proceselor reale care aveau loc în societatea capitalistă. Doctrina weberiană este lipsită de abordarea ortodoxală cu privire la istorie ca un proces ordonat a dezvoltării sociale. Weber încearcă să înțeleagă realitatea așa cum este ea. În majoritatea cazurilor analiza lui a relațiilor politice în societatea capitalistă își păstrează actualitatea și importanța. Prin aceasta se explică și faptul că interesul față de învățătura lui Weber cu privire la putere și politică nu scade, ci este mereu în creștere. Despre acest lucru confirmă și studiul nostru.*

Referințe bibliografice

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. Опыт запада. – М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2000. - <http://ihtika.net/?qwe=freeviewfile&filein=74853> (vizitat 07.02.17).
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. - <http://nashol.com/2012070165886/etapi-razvitiya-sociologicheskoi-misli-aron-1993.html> (vizitat 07.02.17).
3. Арон Р. Мнимый марксизм. – М: Издательская группа «Прогресс», 1993. - <http://sergii-terepyshchyi.net/wp-content/uploads/2015/06/%D0%90%D1%80%D0%BE%D0%BD-%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D0%BE%D0%BD-%D0%9C%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D0%B9-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%B7%D0%BC-1993.pdf>

4. Вебер М. Политика как призвание и профессия. // Вебер М. Избранные произведения, - М., 1990. (<http://fondint.narod.ru/bibl/al/03v/01/weber/politik.html> (vizitat 07.02.17).
5. Вебер М Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. - http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/sociologija/veber_m_izbrannye_proizvedenija_1990/25-1-0-2231(vizitat 07.02.17).
6. Вебер М. Избирательное право и демократия в Германии (март 1917). // Политические работы. – М., 2003. (<http://www.politizdat.ru/book/14> (vizitat 08.02.17).
7. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918). К политической критике чиновничества и партийной жизни. //ВеберМ.Политическierasботы,-М.,2003. (<http://www.politizdat.ru/book/14/> (vizitat 08.02.17).
8. Вебер М. Социализм (июнь 1918). // Вебер М. Политические работы. - Москва,2003. (<http://www.politizdat.ru/book/14/> (vizitat 08.02.17).
9. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М.Вебера и веберовский ренессанс.–М.,1991.– platona.net/load/knigi_po_filosofii/socialnaja_filosofija/istorija_i_racionalnost_sociologija_m_vebera_i_veberovskij_renessans_p_p_gajdenko_ju_n_davydov_1991/24-1-0-2786 (vizitat 08.02.17).
10. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. // Теоретическая политология: мир России и Россия в мире. – М., МГУ, 1994. - <http://elibrary.ru/item.asp?id=8386344> (vizitat 08.02.17).
11. Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. - Ростов-на-Дону, 1992. - https://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/157807-marksizm-ideya-i-vlast.html (vizitat 08.02.17).
12. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года. // Маркс К. Ф Соч. Из ранних произведений. – М., 1956. - <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2230103> (vizitat 09.02.17).
13. Маркс К. К критике гегелевской философии права. // Маркс К. и Энгельс 2-е изд. - <http://scicenter.online/filosofiya-kultury-knigi/literatura-132895.html> (vizitat 09.02.17).

CERCETAREA ȘTIINȚIFICĂ A PROCESULUI DE TRANSFORMARE POSTCOMUNISTĂ (EXEMPLUL REPUBLICII MOLDOVA)

Ludmila OLEINIC, doctor în științe politice, IRIM

Rezumat

Transformarea post-comunistă necesită a fi analizată științific întru stabilirea căilor și posibilităților democratizării continue a sistemelor politice. Problema transformării politice în Moldova rămîne a fi una destul de semnificativă. Desigur, ea nu mai are acea ascensiune, ce o conținea procesul de transformare politică la începutul anilor '90. Cu toate acestea, problemele de reformare a sistemului politic sunt încă relevante, deși opțiunile de soluționare nu sunt la fel de evidente așa cum sunt condiționate de atribuirea la condițiile schimbătoare interne de dezvoltare a societății.

***Cuvinte-cheie:** democratizare, transformare politică, reformare, sistem politic, dezvoltarea societății*

SCIENTIFIC RESEARCH OF THE PROCESS OF POSTCOMMUNIST TRANSFORMATION (CASE STUDY OF REPUBLIC OF MOLDOVA)

Abstract

Modern post-communist transformation need's scientific analysis to determine ways and means to further democratization of political systems. The problem of political transformations in Moldova continues to be quite significant. Certainly, it no longer has the spiciness, which featured a transformational process early '90-ies. But the problem of reforming the political system is still relevant, although the options aren't as obvious as attributable to the ever-changing inner conditions of the development of society.

***Keywords:** democratization, political transformation, reforming, political system, development of society*

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

Истекшие двадцать шесть лет новейшей политической истории Молдовы явились периодом глубоких радикальных изменений, затрагивающих основы государственного устройства и

политико-властных отношений. История первых лет её независимости сконцентрировала в себе бурные и противоречивые изменения, в ходе которых произошла коренная трансформация всех основных сторон жизнедеятельности молдавского общества. Политический транзит здесь оказался долгим и болезненным. История его развития полна драматических моментов борьбы между старым стилем правления и объективной необходимостью становления системы нового типа.

Предполагаемый демократический процесс натолкнулся на серьезные проблемы: бюрократизация и неэффективность политических институтов, низкий уровень политической культуры, социокультурную гетерогенность, политическую конфронтационность, идеологическую нетерпимость.

Важной причиной неудач на пути демократизации Молдовы является отсутствие концептуального осмысления возможных направлений и последствий политической трансформации общества. Прежняя методология, в соответствии с которой осуществлялось трансформационное реформирование общества, обнаружила свою неэффективность, поскольку основывалась на механическом заимствовании западных моделей, не корреспондируемых с существующей социокультурной средой.

В широком смысле переход социума из одного качественного состояния к другому был всегда предметом пристального влияния научного исследования. В XIX веке классики политической мысли А. де Токвиль [1], К. Маркс, М. Вебер, В. Парето [2] заложили методологические основы анализа переходных процессов. Трансформация политических режимов интересовала их в контексте исследования более масштабных изменений, включая сюда и общественные типы производства и организации общества.

Классики политической мысли второй половины XX века - такие как Р. Даль [3], Й. Шумпетер, А. Лейпхарт [4] посредством своих работ дали новые трактовки переосмысления и определения переходного периода. В '70-е годы XX века содержание и динамика современных переходных периодов рассматривались в основном в рамках теории модернизации, которая интерпретировала политическое развитие как переход от традиционных форм поли-

тической организации общества к современному обществу. В данной области главными теоретиками модернизации (Л. Пай, Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон [5], Г. Алмонд, Б. Мур) было проведено большое количество исследований, посвященных различным аспектам политического развития, в том числе и вопросам создания эффективной политической системы, способствующей экономическому, социальному, культурному прогрессу. В поисках ответа на эти вопросы в рамках западной политической науки закономерно возникли новые концепции, в которых одной из центральных проблем был анализ политических систем переходного периода.

В 1980-1990-е годы в качестве относительно самостоятельного направления в рамках политической теории выделилась транзитология. Ее предметом стало исследование проблем демократизации. Большой вклад в разработку транзитологических проблем внесли такие исследователи, как: Д.А. Растоу, Г. Линц, А. Степан [6], Г. О'Доннелл[7], Ф. Шмитер, А. Пшеворский, Т. Карл и т.д. На ранних этапах, вторая половина '70-'80-е годы, они работали с материалом «классических», т.е. более или менее успешных политических транзитов в частности в странах Южной Европы. По словам С. Хантингтона современный этап переходного периода, в основном происходит в русле анализа «третьей волны» демократизации и ее современного этапа, охватившей многие страны Восточной и Центральной Европы во второй половине '80-х годов прошлого столетия, политико-властное устройство которых представляет собой особый переходный тип, получивший в политологической литературе название «посткоммунистические трансформации». Среди западных исследователей посткоммунистической трансформации можно упомянуть – М. Макфола [8], В. Банса [9], Л. Бальцеровича, З. Бжезинского [10] и др.

Стоит отметить что политика трансформационного процесса связана со многими аспектами политико-властных отношений, непосредственно касающихся функционально-динамических характеристик политической системы, взаимоотношений институтов власти и гражданского общества, роли партий, элит и контрэлит, массовых акторов в динамике политических перемен.

В советской обществоведческой науке переходный период

обычно не выступал в качестве самостоятельного объекта исследования, если не считать перехода от капитализма к социализму. Российские исследователи стали разрабатывать данную тему относительно недавно, с начала 1990-х годов XX века. Среди работ российских авторов в данной области наибольший интерес представляет публикации, Г. Вайнштейна [11], В. Гельмана [12], Ю.А.Красина, В.В. Лапкина, А.Ю. Мельвиля [13], В.И. Пантина, Ю.Г. Сумбатяна, А.П. Цыганкова, Д.Е. Фурмана, Л.Ф. Шевцовой, А.Д. Шутова и др. исследователей.

Аналогично можно сказать и о молдавском обществоведении, где разработки проблем «демократического транзита» применительно к особенностям молдавской реальности также находится в начальной стадии. Попытки объективно оценить происходящие процессы наблюдаются среди таких молдавских обществоведов как В. Мошняга, А. Рошка, В. Сака [14], Л.Г.Олейник [15], О. Серебрян, П. Фрунташ [16] и др., работы которых посвящены проблемам трансформационного процесса в Молдове.

Отдавая должное значительной исследовательской работе, проделанной зарубежными и молдавскими учеными в области теоретического изучения и осмысления процессов посткоммунистической трансформации, следует отметить, что этот аспект политического процесса пока еще не стал объектом комплексных теоретико-методологических исследований. Таким образом, посткоммунистическая транзитология находится еще в начальной стадии развития. Пока делаются лишь первые шаги в этой области исследования. Отсюда значительный разброс мнений в научном дискурсе, эклектичность, фрагментарность, отсутствие концептуального осмысления переходных процессов и их специфики в посткоммунистических обществах. Научный поиск в основном ведется по несколько смежным, но недостаточно связанным между собой направлениям; при этом изучаются лишь отдельные стороны политических трансформационных процессов и явлений, их частные аспекты.

Современный трансформационный процесс в Молдове предполагает превращение формы правления и формы государственного устройства в противоположность, перевод их в иное

качество. Вопрос о выборе оптимальной формы правления приобрел практическую актуальность. С целью преодолеть старый тип системы в Молдове превалировала тенденция создания как сильных парламентских так и президентских режимов. Была также заметна и эйфория преувеличения роли права, которая дает о себе знать и на современном переходном этапе. Но конституировать демократические институты совсем не значит завершить переход, хотя принятие новой конституций в стране знаменует собой определенный рубеж оформления основ нового строя. Этот факт, тем не менее, свидетельствует о начале этапа конституирования переходного государства нового типа.

Политическая модернизация молдавского общества, как один из основных вариантов политических изменений, представляет собой противоречивый и альтернативный процесс, главное содержание которого выражается в изменениях политической сферы, влекущих за собой становление качественного нового институционального дизайна.

Одной из характерных черт которое находится в широком диапазоне переходных политических режимов, является проведение многопартийных выборов. Однако на каких-то стадиях переходного периода она либо урезает полноценные права участия в указанных выборах, либо ограничивает политическую состязательность путем ограничения гражданских свобод.

Таким образом главной «развилкой» в судьбе демократического транзита становится не эпохальное «быть или не быть» демократии, а качество этой демократии: либо развитие политического режима и политического процесса в сторону приближения к европейским стандартам, либо «хронически переходное» состояние, которое в свою очередь может стать едва ли не отрицанием демократических норм.

В этом смысле направленность процесса политической трансформации неоднозначна по причине многофакторной обусловленности, поэтому ее результатом могут выступать как демократия, так и различные модификации проявляющиеся как гибридные политические режимы.

Следует подчеркнуть что главным критерием успешного политического транзита выступает способность политической системы гарантировать и реально обеспечивать стабильность социетальной системы, ее динамическое равновесие в различных сферах, продвижение к демократии в соответствии с цивилизационными основами общества, существующим в нем типом и уровнем политической культуры.

В этом контексте стоит отметить что демократизация является успешной, если приводит к реальному установлению и консолидации демократического политического режима. Главными предпосылками данного процесса должны выступать, прежде всего, структурные факторы, адекватные социокультурному основанию.

В современной политической науке утвердилось мнение, что за последние десятилетие произошло сужение сферы авторитарной власти. Это трактуется, как некое глобальное явление, меняющее в целом политический облик мира. При всей сложности происходящих перемен, неоднозначности и противоречивости общественно-политического развития в странах, переживающих посткоммунистическую трансформацию, постепенное прогрессирующее укрепление демократической формы правления (или по крайней мере демократических тенденций) стало рассматриваться в качестве одной из доминирующих черт в общественной эволюции конца XX столетия.

В итоге следует сказать что после обретения независимости, Республика Молдова прошла через период политико-экономической неуправляемости и гражданской войны. Здесь на первый план выступили конфликты, связанные с проблемой национальной самоидентификации. Можно выявить, что основное содержание трансформационного процесса состоит в преобразовании старой системы со всеми ее институтами, структурами и отношениями в совершенно новую систему – с демократическими атрибутами.

Время мифа об однолинейности демократического процесса ушел в прошлое, в этом смысле Молдова не представляет исключения. Однако на смену эйфории по поводу демократизации все

чаще приходит не трезвый анализ, а новое мифотворчество. Ставшие за последние годы модными рассуждения на тему о невозможности демократии в посткоммунистических странах в духе «столкновения цивилизаций» или «длительных циклов» мировой истории, являются в какой-то степени оборотной стороной недавней эйфории. Опыт политической трансформации, пусть даже на сегодняшний день не приведший к достижению демократии, заслуживает более глубокого анализа, чем очередная констатация факта неудачных реформ. «Забегание вперед» в условиях неподготовленного «введения» сверху демократических форм политической жизни может привести к обратному эффекту – откату общества назад или к «симуляции» демократии. Поэтому важно понять условия и факторы, обуславливающие различные последствия конкретных политических реформ и конкретных событий. Если отказаться от идей предопределенности результатов трансформации, то неизбежно встает вопрос об альтернативах политического развития посткоммунистических стран.

Неправильно полагать, что демократия рождается чуть ли не автоматически по воле людей, провозгласивших себя «демократами», даже если ими движут искренние помыслы. Как показывает практика, реальная политика намного сложнее схемы общеисторических тенденций. Эта политика определяется множеством как существенных, так и второстепенных обстоятельств, от которых зависит конкретный ход событий в данное время и данной ситуации. Поэтому тем важнее и для политиков, и для всех сознательных граждан понимать пределы возможного и невозможного в современных посткоммунистических переходных обществах. Для тех, кто верит в демократическую перспективу своих стран, рациональная ясность массового сознания имеет особенно важное значение. В конечном счете, демократам не на что надеяться, кроме как на здравый смысл и чутье активных, культурных, политически ответственных слоев народа, которые, в итоге и вершат его историю. В целом демократию можно охарактеризовать как общечеловеческую норму. Вместе с тем следует иметь в виду, что цивилизационный фактор не закрывает для каких-то стран путь к достиже-

нию демократии, а лишь делает его более трудным, а время, необходимое для достижения подлинно демократического строя, более или менее длительным.

Библиография

1. Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Весь мир, 2000; Weber M. Politică, o vocație și o profesie. – București.: Ed. Anima, 1992.
2. Парето В. Социалистические системы. // Теоретическая социология. В 2 т. – М.: Университет, 2002. Т. 2.
3. Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003.
4. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997.
5. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.
6. Linz G., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. – Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press. 1996.
7. O'Donnell G. Delegative Democracy. // Journal of Democracy. 1994. Vol 5. N. 1.
8. McFaul M. State Power Institutional Changes and Politics of Privatization in Russia. // World Politics. 1995. Vol. 47. N. 2.
9. Bunce V. Regional Differences in Democratization: The East Versus The South. – Post-Soviet Affairs. 1998. July-September.
10. Brzezinski Z. The privacy of History and Culture. // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. N. 4.
11. Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы пост коммунистических трансформации. // Политические институты на рубеже тысячелетий XX-XXI вв. - М.: Феникс-Дубна, 2001.
12. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории. // Политические исследования. 2001. № 1.
13. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформации. // Политические исследования. 2004. № 2.
14. Saca V. Interese politice și relații politice dimensiunii tranzitorii. – Chișinău: CE USM, 2001.
15. Олейник Л. Современный переходный период: сравнительный анализ – Кишинев, 2009.
16. Frunțaș P. Unele probleme ale stabilității sistemelor politice în perioada de tranziție. Republica Moldova la începutul mileniului trei: Realități și perspective. – Chișinău: CE USM, 2001.

ERODAREA SUVERANITĂȚII NAȚIONALE ÎN CONTEXTUL PROCESELOR INTEGRAȚIONISTE

Nicolai AFANAS, master în științe politice, doctorand, AȘM

Rezumat

Statele s-au format, de-a lungul timpului, ca rezultat al războaielor și al cuceririi de teritorii, prin partaj succesoral, prin căsătorii între familiile monarhice etc. În literatura de specialitate se menționează că „dreptul internațional este din sfera publicului și punctul de pornire este statul”. Statul poate fi definit ca o instituție suprastructurală, care reglementează, pe plan național și internațional, organizarea politică și administrativă a unui teritoriu bine definit, modul de organizare social-politică și administrativă a unei comunități. Procesele politice contemporane au făcut posibilă reorganizarea lumii și stabilirea unui grad de înțâietate tuturor organizațiilor internaționale și relațiilor ce se creează în interiorul lor, datorită interacțiunii și interconexiunii dintre statele membre ale acestor structuri.

Politica statelor membre a Uniunii Europene este condiționată de principiul respectării intereselor naționale, de promovarea valorilor comunitare și astfel, de posibilitatea stabilizării structurii europene, încât să coincidă acestui principiu, iar actualitatea temei cercetate, preponderent este axată pe principalele valori ce țin de stabilitatea, atât a statelor membre, cât și a Uniunii Europene. Uniunea Europeană rămâne a fi acea structură, care în opinia cercetătorilor ar putea deține înțâietate după caracterul său pragmatic, însă ar fi posibil dacă și statele membre, astfel ar putea să-și mențină partea sa de suveranitate, chiar dacă într-un mod sau altul, odată cu semnarea acordului de aderare, ele își pun în pericol statutul lor.

***Cuvinte-cheie:** stat, suveranitate, regionalizare, integrare, instituții politice, interes național, Uniunea Europeană (UE), independență*

THE EROSION OF NATIONAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF INTEGRATIONIST PROCESSES

Abstract

Over time, the states have been built up as a result of the wars, conquest of territories, testamentary partition and marriages between royal families etc. In the scientific literature it is mentioned that ‘the international law belongs to the public sphere and the state represents the starting point’. The state can be defined as a superstructural institution that readjusts the political and administrative organisation of a well defined territory, on the national and international level, the social-political and administrative way of lay-out of a community. The contemporary political processes have made possible the world rearrangement

and the establishment of a degree of primacy to all the international organisations and relations made up within them due to the interaction and interconnection among the member states of these institutions.

The policy of the member states of the European Union is conditioned by the principle of keeping the national interests, by the promotion of the common values and so, of the possibility of european institution stabilization such as to fit with this principle, and the topicality of the subject under research is mostly based on the values that concern the stability of the member states and of the European Union, as well. The European Union is still the institution the researchers consider that it could keep its primacy taking into account its pragmatic character, but it could be possible if the member states could save their sovereignty, even if once the agreement to join the EU is signed, that endanger their status.

Keywords: *state, sovereignty, regionalization, integration, political institutions, national interest, European Union (EU), independence*

Statul suveran de astăzi, în procesul transformărilor contemporane, nu este și nu are cum să fie identic cu statul suveran din secolele trecute sau cu statul suveran din prima jumătate a secolului XX. El trebuie să răspundă nevoilor contemporane și celor viitoare, nevoi unice și complexe, în raport cu care statul suveran trebuie să se adapteze, să se transforme, să se perfecționeze. Fiind principala trăsătură a puterii de stat, care la rândul ei este o componentă importantă a statului, suveranitatea este o trăsătură a statului însuși. La nivelul Uniunii Europene, și pe scena internațională în general, statele sunt, fiecare, suverane. Uniunea Europeană reprezintă astfel o juxtapunere a suveranităților statelor membre. Prin urmare, suveranitatea nu poate fi absolută, ci fiecare stat trebuie să respecte suveranitatea celorlalte state, precum și normele dreptului comunitar. Evoluția statelor este însoțită de evoluția conceptului de suveranitate, care le desemnează. Prin urmare, conceptul de suveranitate trebuie, în contextul europenizării, regândit.

Crearea unui stat independent trebuie să fie bazată pe principiul egalității în drepturi a popoarelor și al dreptului lor de a dispune de ele însele. Încălcarea acestui drept și nerespectarea principiului neamestecului în treburile interne ale statelor reprezintă acte ilicite și pot fi contestate și sancționate potrivit dreptului internațional.

Noile state se bucură de calitatea de subiect de drept internațional din momentul apariției, celelalte state trebuie să respecte drepturile suverane ale acestora. Calitatea statului ca subiect de drept internațional se

exprimă prin capacitatea de a dobândi și de a-și asuma totalitatea drepturilor și obligațiilor cu caracter internațional și obligația benevolă de a le respecta. Statele nu sunt numai subiecte ale dreptului internațional, ci și creatoare ale acestui drept. Calitatea de personalitate juridică internațională a statului se caracterizează prin: suveranitatea asupra teritoriului său și persoanelor care se află pe acest teritoriu. Pentru a putea califica o anumită entitate ca stat, având personalitate juridică internațională, se cer luate în considerare anumite criterii. Suveranitatea, fiind un fenomen social, a apărut odată cu statul, se dezvoltă odată cu statul și determină particularitățile statului. De aceea originea și istoria conceptului de suveranitate sînt strîns legate de natura, originea și istoria statului. În evoluția istorică a societății, doctrina atestă o diversitate de teorii și poziții privind continutul suveranității. [8]

În demersul internațional, începând cu Tratatul de la Westfalia (1648), suveranitatea este înțeleasă drept calitatea de a nu fi subiectul (în sensul feudal de „supus”) niciunui alt subiect (în sensul de subiect de drept internațional). Ea presupune deci independența statului și plenitudinea competențelor sale în sfera relațiilor internaționale. Suveranitatea, deși este o noțiune unitară în esența ei, implică totuși două ipostaze, ce reflectă cele două planuri pe care se manifestă: cel intern și cel extern. Depășindu-se stadiul în care se vorbea de „suveranitate internă” și „suveranitate externă”, astăzi se vorbește de două laturi ale aceluiași fenomen, între care există puternice legături de interdependență, formând un tot unitar. [12]

Trasând cadrul instituțional al UE – competențele pe care ea le deține și valoarea actelor acesteia, ajungem să stabilim care este poziția statelor membre în acest context, dar și să evidențiem imaginea ei pe un plan mai larg – acela al comunității internaționale; să deducem în mod implicit pe cale de consecință, în ce constă, în prezent suveranitatea statelor membre, așadar, să evaluăm deci calitatea de subiect de drept internațional a acestora. [10] Nu subexistă nici un fel de îndoială asupra faptului că statele membre ale UE au în continuare calitatea de subiect de drept și că își exercită toate atributele lor, cu excepția acelor pe care le-au transferat la UE sau care ar fi incompatibile cu calitatea lor de membru al U.E.

Acesta constituie conceptul de bază în sistemul UE:

- Uniunea reprezintă o uniune de state care rămân în continuare suverane și ele sunt cele care, împreună cu elementele de structură proprii ale Uniunii, alcătuiesc stâlpii de rezistență ai întregului edificiu instituțional;

- Uniunea nu poate fi concepută fără statele membre; statele membre reprezintă elementul constitutiv organic al Uniunii care are ca origine și fundament peren, statele membre;

- faptul că Uniunea reprezintă opera statelor fondatoare este atestat prin prevederea "căreia statele membre îi atribuie competențe pentru realizarea obiectivelor lor comune" (art.1 din Tratat);

- documentul în baza căruia există Uniunea – actul constitutiv ca atare, are ca Înalte Părți, statele fondatoare și tot ele sunt cele care fac revizuirea tratatelor institutive; numai statele pot solicita intrarea în U.E.

Tratatele, precum și amendamentele subsecvente (care ocupă un loc central), sunt întotdeauna, produsul conferințelor interguvernamentale (C.I.G.) convenit între guvernele statelor membre; acestea sunt negocieri diplomatice tradiționale între statele membre care participă ca puteri suverane. Drept urmare, toate deciziile se discută și se iau cu acordul tuturor statelor (consensus); orice tratat intră în vigoare în urma ratificării lui de către toate statele semnatare, potrivit cu legislațiile lor constituționale. Amendamentele aduse la tratate sunt acceptate în cadrul C.I.G. și urmează aceeași procedură, ele fiind convenite în afara U.E. (pentru că se referă la transfer de suveranitate și statele membre, în calitatea lor de legiuitori exclusivi, negociază cum va lucra U.E. în viitor); toate angajamentele sunt asumate, iar măsurile respective de luat revin statelor membre - destinatarii ultimi și întreaga activitate a Uniunii se realizează prin conlucrarea dintre instituțiile și statele ei membre, care sunt destinatarele deciziilor adoptate și care asigură, prin mecanismele lor, executarea acestora; acțiunea statelor constituie garanția atingerii obiectivelor Uniunii, iar măsurile întreprinse în cadrul Uniunii nu ar putea căpăta viață în statele membre fără concursul lor, în condițiile în care Uniunea apare ca fiind cea care, împreună cu statele, instituie regulile, iar statele, ca

executante ale acestora; într-un cuvânt, statele sunt destinate ale regulilor comunitare. [11]

Cât de important rămâne, ca premisă și ca factor decisiv, elementul stat membru, ne este confirmat de prevederile din Tratatul de la Lisabona: „Uniunea respectă egalitatea statelor membre în raport cu tratatele, precum și identitatea lor națională, inerentă structurilor fundamentale politice și constituționale, inclusiv în ceea ce privește autonomia locală și regională. Aceasta respectă funcțiile esențiale ale statului și, în special, pe cele care au ca obiect asigurarea integrității sale teritoriale, menținerea ordinii publice și apărarea securității naționale. În special, securitatea națională rămâne în responsabilitatea exclusivă a fiecărui stat membru” (art. 3 a alin.2). „Orice competență care nu este atribuită Uniunii prin tratate aparține statelor membre” (art. 3 a alin.1).

Odată cu semnarea Tratatului de instituire a Comunității Europene a Oțelului și Cărbunelui (CECO) în 1951, fusese pusă prima etapă a integrării europene. Este clar că la începutul celui de-al treilea mileniu Uniunea Europeană conceptual, nu se încadra complet în teritoriul politic Westfalia în calitate de suveran „ideal”, în același timp mai multe lucrări științifice cu privire la Uniunea Europeană îl reprezintă precum un „conglomerat” a statelor membre, sau un super-stat. [5, pp. 66 - 68]. În primul caz, menținerea sistemului european de state suverane în toate elementele sale practic necontestate, în cel de-al doilea - singura modificare este dimensiunea (aspectul de super-stat), însă, de asemenea, esența sistemului nu este pusă în discuție. Mai mult decât atât, în acest din urmă caz, cercetatorii au presupunerea că aprofundarea integrării europene are ca scop construirea integră al unui „stat european”, și este destul de evident faptul că statele își vor pierde total sau/ și parțial suveranitatea. [12]

Dacă suveranitatea națională s-a afirmat odată cu națiunea și statul național, fiind un atribut de bază al acestora, suveranitatea comunitară s-a constituit treptat, în procesul integraționist nu numai pe seama suveranităților naționale, ci și cu concursul statelor naționale. Suveranitatea comunitară decurge din nevoia asigurării organizării și conducerii ansamblului integrat. Sistemul suveranității comunitare are la bază elementele suveranității naționale la care statele au renun-

țat de bună voie. Acest concept este tot mai des invocat în teoria și practica vieții comunitare. [8] Cele două tipuri de suveranitate discutate nu se exclud, ci se condiționează reciproc până la un anumit punct. Rămâne ca viitorul să stabilească care sunt limitele în care atribuțiile suveranității naționale sunt transferabile în seama suveranității comunitare, fără ca prima formă de suveranitate să dispară. Rodul conlucrării dintre ele reprezintă totodată temeiul relației dintre „comunitar” și „național” - una din pârghiile care asigură funcționalitatea atât a întregului, cât și a părților ce-l compun.

Deși originea puterii comunitare rezidă în putere națională, ea este superioară acesteia prin faptul că deciziile primei sunt obligatorii pentru cea de-a doua. Diferența de potențial dintre cele două tipuri de putere face posibilă organizarea și conducerea comunității. Alături de celelalte forme pe care le îmbracă noua putere, puterea politică are un rol deosebit. Caracteristicile acesteia, concretizate în suveranitate și drept legal de constrângere, se afirmă atât la nivel comunitar, cât și la nivel național. O serie de autori au argumentat faptul că suveranitatea statului național este știrbită de procesul de europenizare. Constituțiile statelor europene au reprezentat cel mai propice cadru pentru definirea și afirmarea suveranității ca normă de drept intern, iar Carta ONU și tratatele internaționale și europene au conferit noi valențe acestei norme în dreptul internațional, respectiv, european. Astfel, constituțiile europene stabilesc că suveranitatea (unele adăugând și sintagma „națională”), sau puterea, aparține poporului. Regăsim aceste afirmații în Constituțiile Spaniei, Franței sau Suediei. În accepțiunea altor constituții, suveranitatea aparține națiunii, așa cum apare formulat în textele românesc și belgian. Instituțiile sunt chemate apoi să reprezinte poporul, apărându-i această suveranitate pe care tot ele au construit-o, legiferat-o și afirmat-o. [3, p. 265]

Pentru a servi cât mai bine interesele poporului, într-un sistem democratic, puterea trebuie să-și împartă atribuțiunile în consacrată triadă a Executivului, Legislativului și puterii Judecătorești. În doctrina Revoluției franceze toate aceste puteri erau considerate fracțiuni ale suveranității naționale. Jean Jacques Rousseau spunea, în Contractul Social, că „suveranitatea este inalienabilă și indivizibilă”, dar recunoștea

apoi că politicienii „neputând împărți suveranitatea în principiul ei, o împart în obiectul ei, o împart în forță și voință, în putere legislativă și în putere executivă, în drepturi de impozite, de justiție și de război, în administrație interioară și în puterea de a trata cu străinul; uneori confundă toate aceste părți, alteori le separă”. În dreptul internațional statul suveran este primul subiect de drept în ordinea importanței. [9]

Statul are competențe legale exprimate în sens material și formal. Cele materiale sunt în primul rând de ordine interioară și țin de suveranitatea internă, și anume capacitatea de a-și organiza puterea sa politică, sistemul său economic și social. Competențele în sens formal se referă la jurisdicția statului și capacitatea sa de a acționa în vederea garantării respectării regulilor juridice edictate de el. Apoi, statele au o competență personală care se manifestă în acțiunea lor față de proprii cetățeni, în vederea reglementării statutului cetățeniei, protecției lor în străinătate și acordarea corelativă a drepturilor și obligațiilor. Totuși, cea mai accentuată dintre competențe a fost cea teritorială, acea putere generală, deplină și exclusivă asupra gestionării teritoriului unui stat. Pentru controlul teritoriilor s-au dus războaie, s-au făcut alianțe, s-au promovat tratate de pace, s-au creat instituții internaționale. Până la inovația Uniunii Europene, competența teritorială părea a fi cel mai drag atribut al suveranității statelor europene, exercitat atât pe continent cât și în multe colțuri ale lumii. Autonomia în abordarea acestor competențe conferă statelor dreptul a decide singure asupra folosirii lor. Ca atare, nu se exclude posibilitatea ca statele să delege unele competențe sau materializarea lor, din proprie inițiativă și voință, potrivit angajamentelor asumate prin tratate. Este și calea pe care au ales-o statele Uniunii Europene când au hotărât că unele atribute pot fi servite mai bine prin efortul comun, realizat sub tutela instituțiilor europene. Ne vom referi mai târziu la acestea, explicând și rațiunile care au dus la demersurile amintite.

Prin colaborările internaționale statele și-au întărit suveranitatea, împărțind atât costurile cât și beneficiile, organizând transferul de drepturi suverane în anumite sectoare economice și administrarea lor în comun, prin instituții cu caracter supranațional. Tratatul care a consfințit bazele juridice ale Comunităților este Tratatul instituind

Comunitatea Economică Europeană (C.E.E.), de altfel „un tratat cu unele trăsături asemănătoare unei Constituții, definind un sistem comunitar dotat cu instituții politice comune; un tratat-cadru prin care sunt definite obiectivele, competențele instituțiilor, regulile și procedurile comune, fără a fi categoric asupra metodelor și finalității politice”. [6, pp. 151 - 155] Deși în tratatele institutive nu există nici o referire la structurile sub-statale, în prezent tendințele de descentralizare, de regionalizare sunt de necontestat. Dacă la începutul comunităților exista un singur stat-membru cu structură regională (federal sau descentralizată), astăzi în spațiul comunitar statul a încetat să fie singurul cadru intern de soluționare a diverselor probleme ale societății. Diferitele forme de regionalism instituționalizat au preluat anumite competențe ale statului. Forma cea mai tipică și cea mai eficientă a cooperării transfrontaliere este cea a euroregiunilor care, din punct de vedere al clasificării tipurilor de regionalism aparțin regionalismului transfrontalier. Conceptul s-a impus în spațiul comunitar având la bază forța și colaborarea societății civile și interesele economice și politice comune și pot fi definite ca fiind zone sau regiuni de interferență economică, socială sau culturală, în care două sau mai multe state valorifică în comun resursele materiale și umane prin inițierea și derularea unor activități și programe strategice în acest sens. Din punct de vedere juridic este o asociație înregistrată conform dreptului intern căruia îi aparține din punct de vedere teritorial. Pe plan transfrontalier, organul suprem de decizie este „Adunarea generală a euroregiunilor”. În ceea ce privește regionalismul transfrontalier și transnațional, situația este puțin diferită. Primele cooperări transfrontaliere au apărut cu mult înainte de a fi finanțate prin programe comunitare, iar numărul lor a crescut spectaculos după 1989, moment în care au apărut și programele comunitare pentru acest tip de cooperare (INTERREG, PHARE-CBC). Cooperările transfrontaliere au scopul de a derula în comun proiecte de dezvoltare inter-regionale, acestea din urmă fiind și tipurile de acțiune susținute din fondurile comunitare.

Rolul Uniunii a fost să încurajeze acel model de cooperare regională care s-a dovedit anterior eficient în realizarea dezideratului de Comunitate fără granițe interioare. Actualmente se susțin atât co-

operările transfrontaliere dintre regiuni comunitare, cat și cele dintre regiuni comunitare și regiuni din statele candidate sau limitrofe Uniunii, fapt datorat politicii de extindere a acesteia, Regionalismul, în nici una dintre formele sale instituționalizate nu afectează în vreun fel suveranitatea statului. Granițele unui teritoriu nu sunt doar unele geografice, peste acestea se suprapun, parțial sau în totalitate, granițe istorice, sociologice, antropologice, ideologice etc. În dreptul internațional contemporan, temeiul politic și juridic al personalității internaționale a statului îl constituie suveranitatea sa. Ea aparține tuturor statelor, indiferent de mărime, putere, stadiu de dezvoltare. Cea mai importantă trăsătură a puterii de stat este suveranitatea care presupune supremație în interior și independență în exterior.

Aspirațiile în vederea integrării în comunitatea mondială a țărilor democratice sunt inalienabile de promovarea și asigurarea supremației legii în stat, de asigurarea drepturilor și libertăților fundamentale ale omului consfințite și recunoscute în actele normative internaționale și legislațiile naționale. În contextul integrării europene sau globalizării, ca proces atinge interesele tuturor statelor și prin cooperare a resurselor naturale, energetice, financiare ș.a., poate înlătura decalajul dintre statele dezvoltate și cele în curs de dezvoltare sau, dimpotrivă, să-l intensifice, să-l lărgască. De noi - cetățenii statelor naționale, de conducătorii lor, de maturitatea conștiinței acestora depinde destinul tuturor. Statul este principala instituție politică a societății. Teritoriul, populația și forța publică sunt cele trei elemente esențiale ale statului. Dreptul este ca un „corset” al forței, un calmant al tensiunilor ce apar în procesul exercitării conducerii sociale. Totodată, statul este cel ce garantează realizarea dreptului și reintegrează ordinea juridică, lezată prin activități ilicite. Integrarea europeană reprezintă un proces, care implică atât beneficii, cât și riscuri pentru statele implicate.

Suveranitatea nu este o putere absolută astăzi, așa cum se definește aceasta în sfera juridică clasică. Statul este autoritatea cea mai înaltă în ordinea juridică actuală: această autoritate este, așadar, cea supremă; suntem obișnuiți să o numim suverană, deoarece nu există o altă autoritate stabilă ca fiindu-i superioară. Cu toate acestea, suveranitatea statală apare astfel atacată din toate părțile, atât pentru politologi care mar-

șează pe studiul relațiilor internaționale, cât și pentru juriști care se confruntă cu examinarea regulilor de drept internațional. Totuși, situația unui stat membru în sânul unei organizații internaționale, integrat fiind chiar în NATO sau în UE, permite încă un larg spațiu de dezvoltare suveranității, adică permite statului să păstreze ultimul cuvânt.

Un stat nu poate deveni membru NATO sau UE, manifestându-și unilateral voința de a dobândi această calitate. Trebuie urmată o procedură, care poate părea contradictorie, dar care menajează suveranitatea, nu doar a statelor aparținând acestor organizații, ci și pe cea a statelor candidate. Chiar dacă procedura este diferită pentru NATO și pentru UE, aceasta are ca punct terminus un acord între toate părțile interesate, deci asupra unei manifestări de suveranitate.[9] Proiectul Uniunii Europene, având la bază ideea lui Jean Monnet, părintele său spiritual, transpus în realitate a pus în mișcare o integrare economică pe sectoare. Colaborarea între statele membre conduce spre realizarea unei federații, însă nu în adevăratul sens al conceptului. Federația, în sens clasic, ca structură statală, presupune pierderea suveranității statelor membre.

În iunie 2007, șefii de stat și de guvern din cele douăzeci și șapte de state -membre ale Uniunii Europene au decis să convoace Conferința ministerială. Principala valoare a acestei lucrări este că respinge conceptul de dezvoltare constituțională a procesului de integrare europeană și este de așteptat să adopte Tratatul de reformă, care este unul modificator a Tratatului de instituire a Comunității Europene (Tratatul CE) din 1957 și a celui privind Uniunea Europeană (Tratatul privind Uniunea Europeană) în 1992. După ratificarea procesului de integrare europeană Tratatul de reformă va fi dezvoltat pe o nouă bază. Aceasta înseamnă, în primul rând, că articolele constitutive, așa cum au fost modificate prin Tratatul de reformă nu vor purta un caracter constituțional. Se pare că acesta este obiectivul urmărit de susținătorii ideii unei „Europe a patriilor” în Uniunea Europeană. Astfel, decizia de la adoptarea unei Constituții a Uniunii Europene indică variația modificărilor echilibrului de forțe în cadrul organizațiilor internaționale. [7, pp. 86 - 90]

Cu toate acestea, presa europeană și-a exprimat presupunerea

destul de îndrăzneț ca scopul principal al reformei să fi fost dorința reformării instituționale a UE. Această presupunere nu este fără motiv, pentru că dacă analizăm decizia Consiliului European din 21/22 iunie 2007 putem să o caracterizăm ca fiind o tentativă de a realiza o reformă instituțională. Astfel, în conformitate cu decizia Consiliului din Tratatul de Reformă Europeană, sau cum este numit, Tratatul de la Lisabona, trebuie să includă principalele prevederi ale proiectului de Constituție care a fost respins de majoritatea statelor membre UE și pentru a clarifica chestiunea personalității juridice a Uniunii Europene. Asta este exact ceea ce a fost planificat în proiectul Tratatului de reformă, care a precedat adoptarea Tratatului de la Lisabona.

În ceea ce privește metoda de luare a deciziilor, atunci există un nou acord ce aduce rafinament: conform art. 9 c „Tratatul de la Lisabona” [3]:

„... În cazul în care contractul nu prevede altfel, Consiliul hotărăște majoritate calificată.

Înainte de 1 noiembrie 2014 o majoritate calificată va fi o majoritate de 55% din membrii Consiliului, dintre care cel puțin cinci-sprezece state, care reprezintă 65% din populația Uniunii.”

Trebuie reținut, însă, că pentru statele europene teoria suveranității se bazează pe binomul drepturi/obligații. În virtutea conținutului teoretic acceptat de europeni și de comunitatea internațională, statele au dreptul la o personalitate internațională, dreptul de a li se respecta integritatea teritorială și dreptul la autoapărare, dreptul de a-și stabili singure regimul social politic, dreptul de a-și folosi resursele, de a-și stabili sistemul economico-social și legislația, dreptul de a-și conduce în mod liber relațiile cu alte state, dar și obligațiile corelative de a respecta personalitatea internațională a celorlalte state și suveranitatea acestora și de a-și îndeplini cu bună credință obligațiile internaționale.

Abordarea din dreptul internațional a căutat și o identificare a suveranității cu independența. O speță a Curții Permanente de Arbitraj consfințează chiar această similitudine: „Suveranitatea în relațiile dintre state înseamnă independență. Independența în legătură cu un teritoriu este dreptul de a exercita asupra acestuia funcțiile statului, cu excluderea (drepturilor) oricărui alt stat”. Pornind de la independență ca condiție a suveranității, aceasta din urmă, odată recunoscută, devenea

garant al celei dintâi. Recunoașterea calității de stat independent și suveran avea loc numai la întrunirea cumulativă a trei condiții constitutive: entitatea să aibă teritoriu, populație și guvern. Trebuie remarcată și aici preeminența politicului, care declanșa procedurile juridice de recunoaștere a unui nou stat, instrumentul fiind deseori folosit discreționar de monarhii sau guvernele unor țări europene.

Respectarea egalității suverane s-a dovedit a fi cea mai eficace modalitate de protejare a suveranității statale în sistemul internațional. Există importante diferențe de nuanță în ce privește accepțiunea suveranității în Statele Membre ale Uniunii Europene. Acest capitol va încerca să surprindă polemica dintre eurosceptici și federaliști/funcționaliști în privința suveranității atât sub aspect politicoeconomic cât și juridic, mai întâi în cazul principalelor state ale UE, apoi cu aplicare la nivelul Uniunii. Participarea Statelor Membre la construcția europeană a avut ca bază adaptarea suveranității la imperati-vele interdependențelor internaționale și celor decurgând din dezvoltarea organizațiilor europene constituite de aceste state și nu un demers juridic de limitare a suveranității naționale. [12]

În dezvoltarea societății europene apăreau noi subiecte, care puteau fi soluționate mai bine doar la nivel european. Punctul de plecare a fost punerea în comun a unor resurse economice folosite, la momentul respectiv, pentru susținerea efortului de război: cărbunele și oțelul. Ulterior, s-au adăugat chestiuni precum energia atomică, politica agricolă, politica tarifară comună, poluarea atmosferică, terorismul (cu atât mai mult după 11 septembrie 2001), traficul de droguri, crizele monetare sau contaminarea cu diferiți viruși, care depășeau granițele și deci controlul exclusiv al statului. Statele nu mai puteau oferi soluții pentru rezolvarea eficientă a acestor probleme. Rezolvarea era posibilă doar printr-un efort în comun.

Impactul legislației europene asupra „suveranității” statelor membre este unul dintre cele mai controversate aspecte ale sale. Suveranitatea este în general considerată a fi capacitatea unui stat de a acționa independent, atât în interiorul său, cât și în afara teritoriului său. Această definiție poate fi împărțită în trei elemente. În primul rând, și cel mai important, în cadrul dreptului internațional, este suveranitatea externă sau capacitatea unui stat liber să stabilească relații cu alte state sau orga-

nizații internaționale. Un stat care posedă astfel de capacitate este în mod clar independent de alte state. Deci, în acest context, independența este un sinonim aproape a suveranității externe. O condiție necesară pentru suveranitatea externă este suveranitatea internă care reprezintă dreptul unui stat exclusiv și competența de a stabili propriile instituții interne, pentru a face aranjamentele necesare pentru munca lor, de a legifera pentru toate scopurile și pentru a asigura respectarea de astfel de legislație. În cele din urmă, suveranitatea teritorială este autoritatea exclusivă care un stat poate exercita asupra ceva sau cineva în interiorul, deasupra sau dedesubtul teritoriul său.

Referințe bibliografice

1. Arion C., Suveranitate și integrare europeană. Reflecții asupra implicațiilor constituționale. Iași: Polirom, 2001. 461 p. pag. 236.
2. Aurescu B., Noua suveranitate. București: All Beck, 2005. 369 p. p. 98.
3. Budeanu A., Duțescu O., Suveranitate națională și integrare europeană: evoluția valențelor conceptului de suveranitate// Suveranitate națională și integrare europeană. Iași: Polirom, 2001. 461p.
4. Carpinschi A., Mărgărit D., Organizații internaționale. Iași: Polirom, 2011. 216 p. p. 213.
5. Călinoiu C., Duculescu V., Drept constituțional și instituții politice. București: Lumina Lex, 2003. 490 p.
6. Dacian C. D., Uniunea Europeană – Instituții, mecanisme. Ediția III, București: C.H.Beck, 2007. 168 p.
7. Niculescu A. (coord.), Suveranitate națională și integrare europeană, Iași: Polirom, 2002. 464 p.
8. Roșca L., Dreptul comunitar și dreptul internațional în procesul integrării lumii contemporane// Materialele Conferinței științifico – practice internaționale: "Probleme de prevenire și combatere a delicvenței juvenile, traficului de ființe umane și migrațiunii ilegale" Chișinău: APȘM, 2004. 498 p.
9. Мещерякова О.М., Суверенитет государств — членов европейского союза и Лиссабонский договор// [.http://europa.eu/about-eu/index_ro.htm](http://europa.eu/about-eu/index_ro.htm) (vizualizat la 2 februarie 2017).
10. European Union and sovereignty// <http://www.lawteacher.net/european-law/essays/european-union-sovereignty.php> (vizualizat la 16 februarie 2017).
11. Suveranitate națională versus europenizare// <http://mjm.snspa.ro/uploads/mjm/Revista/Nr.%206.%20Primavara%202009.pdf> (vizualizat la 8 februarie 2017).
12. Suveranitatea și relațiile internaționale europene// <http://fs.legaladviser.ro/f4721a8e20d12eefe568c530992793c1.pdf> (vizualizat la 12 februarie 2017).

REPERE BIBLIOGRAFICE PRIVIND CONTRIBUȚIA AUTORITĂȚILOR PUBLICE ÎN CONSERVAREA ȘI REVITALIZAREA PATRIMONIULUI CULTURAL NAȚIONAL

*Vasile COMENDANT, doctorand,
Academia de Administrare Publică*

Rezumat

Prin prezentul studiu ne-am propus să facem o analiză a lucrărilor științifice ale mai multor cercetători și a elucida contribuția autorităților administrației publice în conservarea și revitalizarea patrimoniului cultural național.

Este determinată etimologia termenului de „patrimoniu”, a sintagmei de „patrimoniu cultural”, totodată fiind reliefate viziunile proprii ale savanților, precum și măsurile, întreprinse de-a lungul timpului de autorități, cu privire la protejarea patrimoniului cultural.

Investigația efectuată ne-a permis să evidențiem că salvagardarea patrimoniului cultural național se poate realiza de către autoritățile administrației publice, atât la nivelul central, cât și la cel local, numai printr-o abordare sistemică a politicilor statului și prin asumarea responsabilităților de organizare, coordonare și control în domeniul conservării și revitalizării acestuia.

***Cuvinte-cheie:** patrimoniu cultural, administrație publică, cercetători, conservare*

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION OF PUBLIC AUTHORITIES' CONTRIBUTION TO PRESERVATION AND REVITALIZATION OF NATIONAL CULTURAL HERITAGE

Abstract

The current research is aimed at analyzing the works of several scientists, but also at elucidating the input of public authorities to preserve and revitalize the national cultural heritage.

The study points out the etymology of the notion "heritage", the word combination "cultural heritage", at the same time highlighting scientists' personal views and the measures undertaken over time by the authorities for the protection of cultural heritage.

The conducted research has allowed us to emphasize the idea that safeguard of national cultural heritage can be achieved by both central and local government authorities, solely through a systemic approach to the state policies and

though accountability concerning the organization, coordination and control in the field of its preservation and revitalization.

Keywords: *cultural heritage, government / public administration, researchers, preservation*

Salvgardarea patrimoniului cultural național prin realizarea unor politici de conservare și revitalizare trebuie să se efectueze de către autoritățile administrației publice prin găsirea unei formule optime de apreciere și de recunoaștere a aportului adus la nivelul incluziunii sociale și al creșterii economice. Subiectul investigației noastre implică o abordare sistemică de cercetare, pornind prin a analiza ce este, din ce este format și cum este caracterizat patrimoniul cultural național de către savanți.

Teoriile culturale contemporane consideră patrimoniul cultural național drept o parte a patrimoniului universal, domeniu în care acesta se completează armonios cu patrimoniul natural. Împreună, cele două subdomenii constituie moștenirea pe care fiecare generație o lasă urmașilor. Cercetările în domeniu au elucidat că geneza cuvântului patrimoniu este „provenită din etimonul latin *patrimonium*, vocabula „patrimoniu” caracterizează ceva bun, interesant, esențial pentru fiecare și, în aceeași măsură, pentru colectivitate. Combinată rând pe rând cu calificative precum ecologic,...genetic, geologic, artizanal sau industrial, local, mondial, natural, religios, universal, vocabula este purtătoarea unei încărcături semantice noi, cu contururi deosebit de fluctuante, mai ales atunci când este prezentă în sintagma **patrimoniu cultural**. .... Atunci când se referă în special la cultura populară, patrimoniul este un factor de educație, de conștientizare cetățenească, de integrare socială, în contextul mondializării, este revendicat ca element de identitate și de diferențiere. Instrument de descoperire și de înțelegere reciprocă, el este în egală măsură o sursă de dezvoltare” [1, p. 527-528].

În același sens, dicționarul explicativ al limbii române redă cuvântul „**patrimoniu**” ca bunuri spirituale care aparțin întregului popor (fiind transmise de la strămoși); moștenire culturală; prin extensiune: bunuri spirituale, culturale etc. care aparțin omenirii întregi. – Din latină *patrimonium*, franceză *patrimoine* [2]. Autorul Elena Ploșniță susține că „termenul de patrimoniu în sens de „bun cultural”

începe să fie utilizat abia de la sfârșitul secolului al XVII-lea. A cunoscut o expansiune în utilizare după 1930. În lumea anglo-saxonă, o perioadă îndelungată a fost folosit termenul *property*, iar din 1950 este utilizat *heritage* [3]. Consecvent, patrimoniul cultural-istoric constituie totalitatea valorilor și bunurilor culturale și istorice [4] create de oameni, popoare, civilizații, state de-a lungul timpului. Astfel, prin patrimoniul cultural ne putem identifica ca popor sau națiune.

Reieșind din etimologia cuvântului patrimoniu, definim patrimoniul cultural atribuindu-i următoarele criterii. Potrivit savantului rus Eduard Baller, în sens larg, definește „**patrimoniul cultural**” ca o **totalitate de relații, atitudini și rezultate de ordin material și spiritual provenite din epocile istorice anterioare**, iar în sens restrâns acest termen stabilește **totalitatea valorilor culturale moștenite de omenire de-a lungul vremii, asimilate în mod critic, dezvoltate și utilizate în contextul unor probleme istorice specifice ale timpului nostru, în conformitate cu criteriile obiective ale progresului social** [5, 47].

Organizația Națiunilor Unite pentru Educație, Știință și Cultură, (UNESCO) reliefează că patrimoniul cultural reunește „întregul corpus de semne materiale – atât artistice, cât și simbolice – transmise din trecut fiecărei culturi și, prin urmare, întregii umanități. Ca parte constituantă a afirmării și îmbogățirii identităților culturale, precum și ca moștenire ce aparține întregii umanități, patrimoniul cultural conferă fiecărui loc caracteristici specifice și este depozitarul experienței umane” [6].

Cercetătorul din Olanda Marilena Vecco analizează evoluția conceptului de patrimoniu cultural în statele vest-europene și observă că acest termen a suferit un proces de expansiune și transfer semantic care a rezultat în generalizarea utilizării sale. Autorul identifică trei etape parcurse în extinderea conceptului de patrimoniu cultural, după cum urmează: [7]

– extindere tipologică și tematică prin includerea în patrimoniu a elementelor care nu făceau în mod tradițional parte din acesta. Astfel, s-a formulat o abordare integratoare a patrimoniului; □

- extinderea criteriilor de selecție a patrimoniului cultural prin includerea, pe lângă valorile istorice și artistice, a valorii culturale, a valorii de identitate și a capacității de interacționare cu memoria;
- trecerea de la o abordare normativ-obiectivă la una bazată pe capacitatea unui obiect de a suscita valori și semnificații.

Cercetătorul român Ioan Oprea susține că patrimoniul cultural național reprezintă **totalitatea bunurilor culturale mobile și imobile care prezintă o valoare deosebită - determinată ca atare - și sunt reprezentative pentru istoria unui popor, având virtutea să o desemneze pe aceasta**. Calitatea de bun cu valoare deosebită se atestă printr-un laborios și îndelung sistem de evaluare și sancționare juridică. Numai în urma acestora se poate vorbi despre existența de jure a patrimoniului cultural național. Patrimoniul cultural are un caracter deschis, el se dezvoltă în permanență, adăugându-i-se noi descoperiri în plan arheologic, istoric, etnografic, artistic, științific, ca și creațiile artistice, științifice și tehnice contemporane [8, p.22].

Istoricul moldovean Ion Xenofontov în lucrarea „Zece curiozități despre patrimoniul cultural al Republicii Moldova” afirmă că patrimoniul cultural al Republicii Moldova reprezintă o totalitate de valori și bunuri culturale (materiale și imateriale, mobile și imobile) de importanță locală, națională și mondială, constituit pe parcursul istoriei [9].

Autorul Sergiu Musteață, în lucrarea „Tendințe curente în protecția patrimoniului arheologic în România și Republica Moldova”, afirmă că **patrimoniul cultural** este elementul care definește într-o manieră sensibilă vechimea și originalitatea tradițiilor fiecărei comunități umane [10, p.7]. Prin urmare, este lesne ca fiecare localitate, comunitate să aibă propria moștenire culturală, iar deosebirea de celelalte să se facă prin identitatea și originalitatea sa.

Definițiile prezentate evidențiază că în centrul tuturor preocupărilor specialiștilor se află, geneza cuvântului – **Patrimoniul**. Nici un popor, indiferent de mărimea teritoriului țării sale, a numărului populației de care dispune ș.a.m.d. - *nu poate exista fără patrimoniul*. Patrimoniul definește, conferă poporului personalitate, dimensiune științifică, individualizează, atrage și trezește interesul propriilor cetățeni, precum și celor străini. Spre exemplu, este foarte important să

definim aceasta sintagmă care îi preocupă, în egală măsură, pe deferi-te categorii de cercetători fie muzeografi, arheologi, restauratori sau chimiști, fizicieni și pe toți ceilalți care formează componența unui muzeu sau a unui obiectiv cultural. Este necesar deci, *să îl definim*, să facem diferența între *ceea ce este și ceea ce nu face parte* din patrimoniul cultural al unui stat, iar ulterior să luăm cunoștință de *responsabilitățile care ne revin* față de patrimoniul cultural.

Reieșind din izvoarele istorice care s-au păstrat până în zilele noastre, constatăm că de-a lungul timpului, problema conservării și revitalizării patrimoniului național cultural a fost elucidată de mai mulți cercetători. Însăși ideea protejării prin conservarea valorilor de patrimoniu cultural apare în zona Moldovei, dar și pe întregul spațiu carpato - danubiano - pontic încă din primele secole după Hristos.

Savantul român Vasile Pârvan, considerat fondatorul arheologiei românești, în lucrarea sa „Cetatea Tropaeum. Considerații istorice” menționează că la început, conceptul de conservare a patrimoniului era oglindit prin refacerea vestigiilor acelor timpuri – cetăți, castele, drumuri etc. În acest sens se poate remarca că drumul din Tracia și Dacia Moesică, de la Marcianopolis la Abrittus-Tropaeum a fost reparat în vederea vizitei împăratului Hadrian în Dobrogea în anul 118 î. Hr. [11, p.4]. Împăratul Constantin cel Mare a restaurat cetatea Beroe, dărâmată de goți în anul 320, cum este notat faptul de o inscripție publicată în CIL III, 6159 [12, p.46]. Același împărat restaurează practic „din temelie” în anul 316, cetatea Tropaeum Traiani [11, p.82].

Tot în sens de conservare, în concept modern, în mediul antic de la Costești, printre cele găsite figurează și un vas grafitat în formă de clopot (sec. I d.Hr.), restaurat de meșterii daci [13].

Actualmente, felul în care obiectivele, complexe de arhitectură și celelalte monumente și-au păstrat neschimbate însemnătatea, particularitățile sau stilul se cauzează în mare măsură și felului în care această avere monumentală a fost transmisă din generație în generație, atitudinii locuitorilor băștinași, precum și administrațiilor publice locale pe care au manifestat-o, mijloacelor de protecție de care acestea au dispus.

Cercetătorul român Ioan Opriș, în lucrarea „Ocrotirea Patrimo-

niului Cultural” scoate în evidență faptul că „toate evenimentele politice mai însemnate care au marcat istoria țărilor române – războaie, răzmerițe și răscoale, mișcarea revoluționară de la 1821, revoluția de la 1848, inclusiv cele din epoca modernă – au contribuit din plin la pierderea multor obiective culturale. Autorul menționează că în ținutul Moldovei, eteriștii, în 1821, distrug și pradă bisericile din Moldova, îndeosebi din Galați [14, p.85].

Monumentele de arhitectură din Republica Moldova, de asemenea, au trebuit să confrunte mai multe fărâdeleghi ale timpului. Unele obiecte ale patrimoniului cultural național au fost distruse urmare a numeroaselor războaie care au avut loc pe meleagurile noastre datând cu evul mediu. Astfel, cercetătorul Mariana Șlapac face referință la cetățile Soroca și Hotin, [15, p.27] dar, de asemenea, pot fi menționate și unele conace boierești care după distrugerea lor nu au mai fost revitalizate. Alte obiective culturale ale patrimoniului cultural național, cum sunt Mănăstirea Căpriană, Mănăstirea Curchi, Mănăstirea Saharna ș.a., numeroase biserici, având la bază motive politico-ideologice, au fost distruse în totalitate sau parțial în perioada postbelică a regimului totalitarist comunist sovietic. Ion Xenofontov menționează că „... la sfârșitul anilor 1970, circa jumătate din bisericile ce au funcționat pe teritoriul Basarabiei interbelice au fost distruse. În a doua jumătate a anilor 1980, anual erau demolate circa 10 clădiri-monumente. În 1987 au fost pierdute pentru totdeauna 350 de monumente de istorie și cultură, iar 80 la sută din clădirile-monumente erau în stare de degradare. ...” [9].

Totodată, inginerii cercetători Pavelescu Dan, și Bratu Ioan, în lucrarea „Soluții constructive” afirmă că factorii naturali, la fel, se constituie printre cauzele pierderii obiectelor de patrimoniu cultural.

Cataclismele naturale, în unele situații chiar și cele provocate de om sunt fenomene care au loc în pofida voinței noastre. Acest fapt creează dificultăți considerabile autorităților administrației publice în a reuși ocrotirea (*ceea ce în esență constituie conservarea și revitalizarea*) patrimoniului național în vederea promovării valorilor culturale și transmiterii lor către generațiile următoare. Bunăoară, în zona Moldovei, drept exemplu sunt aduse urmările cutremurului din 1692 care a înregistrat grave stricăciuni edificiului catedralei episcopale din Huși.

De asemenea, incendiile provocate sau accidentale ca și cutremurele de pământ, inundațiile sau alunecările de teren, dintotdeauna, au constituit un factor fatal pentru monumentele de arhitectură, obiecte de patrimoniu cultural. Întreaga epocă medievală, frământată de lupte politice intensive ce opuneau partidele nobiliare sau boierești, cu o mare insecuritate a vieții și avutului, plină de jaf și de pradă, a cauzat Țării Moldovei pierderi ireparabile. Cel mai mult turcii, dar și polonezii, cazacii și tătarii, au supus la numeroase asedii, distrugându-le parțial sau uneori total, cetăți și castele, cule și palate, deopotrivă cu satele moldovenești. Sunt cunoscute pagubele și distrugerile provocate mănăstirilor și cetăților Moldovei, arse de turci în 1476, apoi în octombrie 1564, cu aprobarea domnitorului Alexandru Lăpușneanu (*o afirmă cronicarul Grigore Ureche*) [16, p.102]. La fel vor face și în iulie 1675, când Dumitrașcu Vodă, tot în înțelegere cu turcii, va „nimici” cetățile Neamț și Suceava [17].

Istoricul Constantin I. Karagea, în lucrarea „Porunci”, abordează problematica ocrotirii și conservării monumentelor din Moldova, ridicată de instituția Domniei în Divanul Țării, de către domnitorul Ioan Sandu Sturza. Astfel, prin actul nr. 4 din 15 februarie 1823 boierii erau chemați să discute asupra restaurării mănăstirii Secu, distrusă de turci la 1821. Profesorul Radu Perianu menționează că uneori autoritățile locale sunt cele care emit măsuri ce conduc la protecția bunurilor culturale. Spre exemplu, hotărârea emisă în 1830 la Brăila, prin care negustorii „sunt opriți a clădi prăvălii căptușite pe dinafară cu scânduri și împotriva întocmirii înfrumusețării orașului” [18, p.389].

Bineînțeles, construcții de acest gen prezentau un real pericol de incendiu. Cercetătorul Opriș Ioan menționează că deja din 1815 la Iași dughenele noi trebuiau construite exclusiv din piatră și cărămidă [19, p.94].

Istoricul Gheorghe Ungureanu, consemnează că practic tot în aceeași perioadă, în vederea protejării și conservării monumentelor de patrimoniu, în 1834, boierii din Divanul Țării îi cereau ispravnicului de Neamț să împiedice distrugerea cetății Neamțului, numită „monument al principatului Moldova” și să asigure „nerisipirea ei în viitorime” [20].

Numeroși domnitori și boieri au întreprins lucrări din conștiința valorii monumentelor sau din alte rațiuni, demersurile lor înscriindu-se pe linia atitudinii de înțelegere a rostului și semnificației obiectelor de patrimoniu. Potrivit academicianului Nicolae Iorga, primul inspector al monumentelor, considerat a fi Grigore Matei Ghica, „singur dentru sini îndemnat”, vizitează în 1632 toate monumentele istorice de pe cuprinsul Moldovei, rămânând impresionat de valoarea, dar și de proasta lor stare de întreținere [21, p.143].

Savantul menționat, în una din lucrările sale scria că „pentru a menține cât mai este vreme vechile monumente trebuie să le știm însă câte sunt, unde sunt și în ce stare adevărată se află, trebuie a le prețui tuturora valoarea de frumuseță și vechime. Avem nevoie de un inventariu întreg, adevărat, competent al bogățiilor de artă veche ce cuprind țara” [22, p.721-723].

Anume din 1923, Comisiunea Monumentelor Istorice aflată sub președinția lui Iorga, a format organismul în jurul căruia s-au polarizat toate forțele culturale. Ea a coordonat, într-o epocă confruntată cu mari probleme economice ale unui sistem intrat în criză, cu instabilități politice și indiferență, opera progresistă de conservare și restaurare a monumentelor istorice, viața și rolul instituțiilor specializate în protejarea patrimoniului cultural – muzee și biblioteci. Tot prin Comisiune s-au constituit fonduri de sprijinire și luptă pentru a reda istoriei naționale și circuitului cultural noi și noi monumente, inclusiv și în Basarabia. Este de menționat că Comisiunea Monumentelor Istorice din Basarabia a fost creată în anul 1919. Ea a adus societății indigene fapte științifice și culturale legate de opera protejării patrimoniului cultural. A promovat idei și practici cu privire la ocrotirea avuției culturale, a susținut și a propagat principiul restaurării istorice, a organizat colecții muzeale.

Studierea evenimentelor istorice derulate în actualul spațiu teritorial al Republicii Moldova relevă că obiectele patrimoniului cultural mobil adesea au fost scoase ilicit din țară. Muzeologul Elena Ploșniță în lucrarea „Protejarea patrimoniului cultural în Basarabia” afirmă că în timpul ocupației țariste, „Basarabia a constituit prin patrimoniul său cultural un important punct de interes rusesc.” În această perioadă inte-

resul sporit al savanților, militarilor și colecționarilor ruși pentru patrimoniul cultural a dus la scoaterea masivă a lui din Basarabia și depozitarea în „instituții și în colecții specializate din Rusia”.

Dorința de conservare a valorilor patrimoniului cultural național, precum și controlul bunurilor printr-o evidență strictă l-au determinat pe mitropolitul Gavriil Bănulescu-Bodoni să efectueze, în anii 1813 - 1820 în toate lăcașele de cult din Basarabia, mai multe inventarieri a întregului patrimoniu bisericesc, conform următoarelor categorii: carte religioasă, obiecte de cult, icoane. Prin aceste acțiuni dânsul a reușit să zădărnicească dispariția dubioasă a mai multor obiecte de patrimoniu care aparțineau bisericilor și mănăstirilor din Basarabia.

Studierea patrimoniului cultural, precum și practica administrației publice au prezentat un deosebit interes pentru cercetătorul Alexandra Zbucnea, care a investigat problematica în lucrarea „Marketingul în slujba patrimoniului cultural”. Autorul remarcă în lucrarea sa importanța patrimoniului cultural pentru economia statului. În acest context este evidențiat că patrimoniul național, precum și valoarea acestuia, sunt văzute de administrația publică centrală ca un factor important al vieții. El poate fi și o sursă de venit importantă. Numeroase țări, pe diferite continente, obțin venituri cu precădere din activitățile turistice generate de patrimoniul cultural de care dispun. Numeroasele lucrări de consolidare, restaurare, preservare, cercetare, amenajare și sau prezentare a patrimoniului cultural au diverse implicații economice. Astfel, este necesară educarea unui număr însemnat de specialiști în domenii variate. Existența unui patrimoniu cultural important din punct de vedere calitativ și / sau cantitativ generează numeroase investiții, foarte diverse, și duce la crearea unui mare număr de locuri de muncă, permanente sau temporare. Acest fenomen duce la creșterea încasărilor la bugetul local și creșterea nivelului de trai al locuitorilor din regiunea respectivă. De asemenea, crește atractivitatea zonei, deci și numărul de turiști din țara respectivă sau de turiști străini [23, p.18].

Aspecte teoretice privind studiul protejării și conservării patrimoniului cultural au fost realizate de cercetătorii străini Brooking D., Rodney H., Conrad M., Solon T., Jordi P., Sanjin D., Baller E.,

Boiarschii P., Artemieva E., Glagolev A., Sîtina T., Alexeev P., Batov V., Diacicov A. și alții. În lucrările lor se regăsesc atât noțiuni ale patrimoniului cultural, cât și diverse concepte, viziuni de protejare a patrimoniului cultural național și mondial.

Cercetarea privind conservarea patrimoniului cultural este un domeniu actual pentru Republica Moldova. Astfel, în țară, de asemenea avem cercetători valoroși care prin studiile sale au contribuit la identificarea problematicilor în domeniu existente în țară, totodată au fost promotorii promovării valorilor patrimoniului cultural național în republică și peste hotare. Relevante sunt studiile elaborate de cercetătorii Ștefăniță I., Postică Gh., Cavruc V., Șlapac M., Musteață S., Ploșniță E., Ursu V., Xenofontov I. și alții.

Cercetătorii Gheorghe Postică și Valeriu Cavruc în lucrarea „Salvgardarea patrimoniului cultural național al Republicii Moldova” abordează ideea că de la declararea independenței, patrimoniului cultural național Republica Moldova „... este supus unei agresiuni fără precedent și se află în continuă degradare. Una dintre cele mai nefaste consecințe ale stării deplorabile a patrimoniului cultural și a cunoașterii precare a acestuia este penuria unor repere identitare certe la mulți cetățeni ai Republicii Moldova, astfel încât o parte semnificativă a populației cu ușurință se lasă manipulată de diverși născocitori de entități false și imaginare.” În aceeași ordine de idei putem menționa că cercetătorul Elena Ploșniță în lucrarea „Protejarea patrimoniului cultural în Basarabia” afirmă că „... Protejarea patrimoniului înseamnă în primul rând atitudine. Iar basarabienii nu întotdeauna erau conștienți de valoarea culturală a patrimoniului ...” [24, p.26]. Acest lucru a contribuit la degradarea sau distrugerea patrimoniului cultural național.

Unii din autorii menționați mai sus (*Cvruc V., Postică Gh.*) remarcă că pentru salvagardarea și conservarea patrimoniului cultural național autoritățile administrației publice centrale de comun cu mai mulți reprezentanți ai mediul academic din Republicii Moldova și România au elaborat programe de salvagardare a patrimoniului prin care au trebuit atinse mai multe obiective, așa ca, elaborarea strategiei naționale de salvagardare a patrimoniului cultural, evaluarea riscurilor la care este supus patrimoniul cultural, adaptarea normelor și

practicilor de prezervare, cercetare și integrare/valorificare a patrimoniului cultural al Republicii Moldova la cele ale Uniunii Europene, armonizarea salvagădării patrimoniului cultural cu activitățile economice care amenință patrimoniul cultural, realizarea parteneriatului dintre instituțiile statului, sectorul privat și societate civilă în domeniul salvagădării patrimoniului național și altele [25, p. 38-43].

O altă problemă studiată de cercetătorii moldoveni este distrugerea masivă, în perioada independenței, a obiectelor de patrimoniu național din municipiul Chișinău. Astfel, în „cartea neagră a patrimoniului cultural a municipiului Chișinău”, al cărei coordonator de volum este Ion Ștefăniță, cunoscut ca unul dintre cei mai activi luptători pentru conservarea edificiilor istorice, expune încălcările săvârșite de către autoritățile publice locale, în rezultatul cărora zeci de obiective de patrimoniu cultural imobil au fost ruinate sau demolate. Una din principalele cauze ale dezastrului, aduse în atenția noastră de către investigatori, o constituie flagelul corupției, al lipsei de transparență și reacție la cele întâmplate de către organele de aplicare a normelor de drept din republică. Autorii volumului conturează ideea că patrimoniul cultural al municipiului Chișinău este într-o permanentă degradare. Prin această lucrare ei încearcă să sensibilizeze societatea civilă și să tragă un semnal de alarmă către autoritățile publice centrale și locale despre distrugerea monumentelor de arhitectură care constituie valori incontestabile ale patrimoniului cultural, precum și asupra intoleranței și luării în regim de urgență a măsurilor de rigoare, în vederea stopării acestor procese, a salvagădării și revitalizării patrimoniului cultural.

Drept consecință a inacțiunilor autorităților publice de resort, în anul 2010 deja erau demolate în municipiul Chișinău 75 de monumente de patrimoniu cultural arhitectural, ruinate 16 edificii, iar lista monumentelor degradate constituia 49 de clădiri ale patrimoniului cultural [26].

Aceleași idei au fost dezvoltate și de savantul Mariana Șlapac care menționează în lucrarea „Cetăți medievale din Moldova” că „... distrugerea vechilor documente, precum și demolarea monumentelor arhitecturale, duc la ruperea legăturilor temporale, la dispariția simțu-

lui tradiției, la falsificarea istoriei, și, ca rezultat, la sărăcirea spirituală a poporului.” Într-un alt comentariu, în anul 2011, investigatorul afirmă că de fapt, „... pentru distrugerea Chișinăului vechi, cineva ar fi trebuit să ajungă după gratii.” [27]. În așa mod, sunt aduse învinuiri autorităților administrației publice locale, funcționarilor din Primăria capitalei, inclusiv Primarului General, care fără a da vreo explicație, în anul 2009 a semnat anularea Registrului monumentelor de importanță municipală de către Consiliul Municipal, sub pretextul elaborării altui nou. Un an de zile, în lipsa respectivului registru, o serie de vinovați cu rea voință au ruinat o bună parte din patrimoniul național.

Într-un alt comentariu cercetătorul Liliana Condraticova remarcă că „este nevoie ca organele administrației publice locale și centrale, inclusiv Ministerul Culturii, dar și alte instituții și organizații, să manifeste un interes constant pentru promovarea imaginii țării prin intermediul monumentelor de cultură ale Republicii Moldova” [28]. Conservarea, revitalizarea și valorificarea de către autorități a obiectivelor de patrimoniu cultural, ar schimba în bine imaginea țării pe plan extern, iar organizațiile de profil, cum sunt agențiile de turism, ar fi foarte interesate de aceste monumente. Drept exemplu sunt aduse conacele familiilor poloneze din nordul republicii, care reconstruite și conservate ar putea deveni puncte de atracție pentru turiștii străini, dar și pentru cetățenii moldoveni. Pentru realizarea acestui dezi-derat „... organele administrației publice locale și centrale, inclusiv Ministerul Culturii, dar și alte instituții și organizații vizate, trebuie să manifeste un interes special pentru promovarea imaginii țării anume prin prestața acestor monumente.”

Analiza tendințelor democrației locale și procesele de descentralizare administrativă și descentralizare a serviciilor publice, problema reformei în administrație sunt reflectate în lucrările autorilor Popa V., Munteanu I., Sîmboteanu A., Platon M., Paladi I., Malcoci L., Tincu V., și alții.

Organisme naționale și internaționale care au ca preocupare problemele ce implică patrimoniul cultural au elaborat legi menite atât a defini acest concept, cât și a stabili principii și norme riguroase care sa-l protejeze.

În contextul celor menționate, elucidăm că statul garantează proprietatea și asigură, în conformitate cu cadrul normativ existent, protejarea bunurilor care fac parte din patrimoniul cultural al Republicii Moldova.

În așa mod, din sursele bibliografice parcurse am putut conchide că **patrimoniul cultural național** reprezintă latura caracteristică a națiunii, reflectă o dezvoltare a adevărului istoric și exprimă nivelul de dezvoltare a societății. Identitatea și originalitatea culturală este marcată la fiecare popor de moștenirea culturală. Investigat prin prismă istorică, patrimoniul cultural reflectă valoarea spirituală a națiunii.

Considerăm că identitatea cultural-istorică a fiecărui popor este un izvor nesecat, prin care studiindu-i și cunoscându-i valorile cultural-patrimoniale moștenite de la predecesori, putem modela și fortifica viitorul națiunii.

În baza celor prezentate anterior se poate concluziona că patrimoniul cultural este un concept în continuă extindere și dezvoltare, ceea ce face dificilă identificarea elementelor componente ale acestuia. Practic, fiecare modificare a conceptului conduce la reevaluarea activelor care intră sau ar putea să intre în sfera patrimoniului cultural.

Protejarea patrimoniului cultural de către autoritățile administrației publice nu poate avea decât o abordare cu perspectivă globală, cu impact deosebit asupra politicilor de dezvoltare a teritoriului Republicii Moldova. În acest sens, remarcăm necesitatea îndeplinirii permanente și în condiții optime de către autoritățile administrației publice a tuturor obligațiilor de organizare, coordonare și control în domeniul conservării și revitalizării patrimoniului cultural atât la nivelul central, cât și la nivelul local.

Referințe bibliografice

1. Dicționarul alterității și al relațiilor interculturale. Coord. G. Ferreol; G. Jucquois. Iași: Polirom, 2005, p. 527-528.
2. Dicționarul explicativ al limbii române, Ediția a II-a revăzută și adăugită. Autor Academia Română, Institutul de Lingvistică „Iorgu Iordan”, Editura Univers Enciclopedic Golg, 2009, tipul: oficial.
3. Ploșniță, E. Patrimoniul și patrimoniologie în sistemul educațional al Republicii Moldova: actualitate și necesitate. // Noi tendințe în protecția și promovarea pa-

- trimoniului cultural național și european, Materialele Conferinței științifice, 27-28 septembrie 2013, Chișinău, Ed. Pontos, 2013, p.9.
4. Legea Republicii Moldova despre cultură, Art.2, în Monitorul Oficial, din 05.08.1999, nr. 83-86, p.I, art. 401.
  5. Баллер, Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. Москва, Наука, 1987, În: Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика. Сборник научных трудов. Москва, 1988, стр. 47.
  6. UNESCO, „Draft Medium Term Plan 1990-1995”, 25 C/4, 1989, p. 57
  7. Vecco, M. A definition of cultural heritage, În: From the tangible to the intangible, Journal of Cultural Heritage , Volume 11, Issue 3, July 2010, p. 321-324.
  8. Opreș, I. Transmuzeographia, București, Ed. Oscar Prinț, 2000, p.22.
  9. http://moldova-suverana.md/article/zece-curiozitati-despre-patrimoniul-cultural-al-r-moldova_12668
  10. Tendințe curente în protecția patrimoniului arheologic în România și Republica Moldova, Editura ARC 2016, Chișinău, Imprimat la Tipografia S.C. PIM S.R.L., Iași. p. 7.
  11. Pârvan, V. Tropaeum Traiani. Cetate, Ed. București, 1921, vol. I, p. 4; vol. II, p. 82.
  12. CIL III, 6159, //inscripții grecești și latine antice //, În: Moisil, Beroe, p. 46.
  13. În catalogul expoziției Civilizația daco-geților în perioada clasică, Die Daker, Koln, 1980, nr. 206.
  14. Opreș, I. Ocrotirea Patrimoniului Cultural, Ed. Meridiane, 1986, p.85.
  15. Șlapac, M. Cetăți Medievale din Moldova, Ed. ARC, 2004, p.27.
  16. Iorga, N. Ștefan cel Mare, p. 102.
  17. Lapedatu, A., Suceava, p. 92; Vătășianu, V. Hunedoara, p. 293
  18. Perianu, R. *Brăila*, p. 389.
  19. Opreș, I., Ocrotirea Patrimoniului Cultural, Ed. Meridiane, 1986, p. 94
  20. Ungureanu, Gh. Măsurile luate la 1834 de către Ocîrmuire pentru neruinarea cetății Neamțului, În: Anuarul Liceului P. Rareș, Piatra Neamț, 1935-1936, p. 138.
  21. Iorga Nicolae, *Cea dintîiu vizită*, p. 143.
  22. Iorga Nicolae, *Cum s-ar cuveni*, p. 721-723.
  23. Zbucea, A. Marketingul în slujba patrimoniului cultural, Ed. Universitară, București, 2008, p. 18.
  24. Ploșniță, E. Protejarea patrimoniului cultural în Basarabia, Ed. Cartier, 2003, p. 26.
  25. Cavruc, V., Postică, Gh. Salvagardarea patrimoniului cultural național al Republicii Moldova, În: Akademos, nr.2(17), 2010, p. 38-43.
  26. Ștefăniță, I. Cartea neagră a patrimoniului cultural a municipiului Chișinău, Ed. Chișinău 2010, p. 24, p. 53, p. 59.
  27. <http://www.azi.md/ro/comment/19504https://sputnik.md/society/20151002/2129682.html>

IMPLICAȚIILE ORGANIZAȚIILOR SOCIETĂȚII CIVILE ÎN ASIGURAREA TEHNICO-MATERIALĂ A INSTITUȚIILOR PREUNIVERSITARE DIN REPUBLICA MOLDOVA

Elena IURAȘCO, doctorandă, USM

Rezumat

În prezent se estimează că peste aproximativ 50 milioane euro pe an sunt acordate direct de către Comisia Europeană pentru ONG-uri pentru educație. ONG-urile au demonstrat, de asemenea, capacități remarcabile privind administrarea, monitorizarea și evaluarea proiectelor finanțate de UE. Contribuția ONG-urilor la reformarea structurală a sistemului de învățământ constă în faptul că inițiativele și proiectele dezvoltate de ONG-uri la nivel local, în parteneriat cu școlile, susțin eforturile Ministerului Educației în eficientizarea prestării serviciilor educaționale cu implicarea tuturor subiecților vizati. Grădinițele și școlile sunt o temă extrem de sensibilă. Toate instituțiile preșcolare și preuniversitare au fost construite în perioada sovietică. În ultimii 20-25 de ani, nu s-au făcut renovări, decât doar pentru întreținere, clădirile acestor instituții fiind în stare deplorabilă. Principalii finanțatori ai ONG-urilor în eforturile lor de a dezvolta a infrastructurii sociale din Republica Moldova sunt: Uniunea Europeană, care în ultimii cinci ani a aprobat pentru țara noastră finanțări de peste 880 mln. de euro prevăzuți pentru drumuri, educație, sănătate, agricultură, dezvoltarea afacerilor și altele. Guvernul Statelor Unite ale Americii este un finanțator de top al ONG-urilor Republicii Moldova, cu peste 310 mln. de euro la realizarea proiectelor de anvergură. Banca Mondială a semnat cu Moldova angajamente de peste 299 mln. de euro. România finanțează astăzi în Republica Moldova proiecte în valoare de peste 105 mln. de euro. Japonia ne-a acordat, din 2009, peste 61 mln. de euro, iar Suedia - peste 44,9. În esență, ONG-urile pot ajuta pe mai multe fronturi cum ar fi: identificarea problemelor și creșterea nivelului de notorietate a acestora, rezolvarea problemelor pe cont propriu sau prin influențarea decidenților și a opiniei publice, creșterea nivelului de participare a cetățenilor la procesul de luare a deciziilor.

Cuvinte-cheie: asistență financiară, asistență tehnică, finanțatori, infrastructură socială, instituții preuniversitare, proiect, sectorul asociativ, sistem educațional, societate civilă, sustenabilitate

THE IMPLICATIONS OF THE CIVIL SOCIETY ORGANIZATIONS IN THE TECHNICAL-MATERIAL INSURANCE OF PRE-UNIVERSITY INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract

It is currently estimated that over € 50 million a year are awarded directly by the European Commission for NGOs, for education. NGOs have also demonstrated remarkable capabilities in managing, monitoring and evaluating EU funded projects. The contribution of NGOs to the structural reform of the education system consists in the fact that initiatives and projects developed by NGOs at local level, in partnership with schools, support the efforts of the Ministry of Education in making education services more efficient with the involvement of all concerned subjects. Kindergartens and schools are an extremely sensitive subject. All pre-school and pre-university institutions were built during the Soviet Union era. In the last 20 to 25 years, no renovations have been made, except for maintenance, the buildings of these institutions being deplorable. The main donors of NGOs in their efforts to develop the social infrastructure in the Republic of Moldova are: The European Union, which over the last five years has approved for our country financing of over 880 mln. euros foreseen for roads, education, health, agriculture, business development and others. The Government of the United States of America is a top financier of the NGOs of the Republic of Moldova, with over 310 mln. euros to large-scale projects. World Bank signed with Moldova commitments of over 299 mln. euros. Romania is financing today projects in the Republic of Moldova worth over 105 mln. euros. Japan has given us more than 61 million euros since 2009, and Sweden - over 44.9 mln. euros. In essence, NGOs can help on several fronts such as: identifying problems and increasing their level of notoriety, solving problems on their own, or influencing decision makers and public opinion, increasing citizens' participation in the process of taking decisions.

Keywords: *associative sector, civil society, educational system, financial assistance, financiers, pre-university institutions, project, social infrastructure, sustainability, technical assistance*

Organizațiile non-guvernamentale (ONG) sunt organizații care promovează sau prestează servicii în favoarea membrilor săi sau a comunității, bazându-se pe sistem non-profit. Prin ONG- uri se înțelege o gamă largă de forme organizatorice voluntare și nelucrative, apolitice: asociații, fundații, societăți, federații. De la înregistrarea primelor organizații obștești, după obținerea independenței, în 1991, până în prezent, numărul lor depășește cifra de 7 000 de ONG-uri.

Conform estimărilor făcute de cei mai importanți donatori în Republica Moldova, doar în jur de 200 de ONG-uri sunt active. În linii generale, statul protejează drepturile sectorului civil. Acestea se bucură de condiții relativ simple de înregistrare și nu se confruntă cu presiuni excesive din partea autorităților.

Venitul acestora provine, de obicei, din cooperarea internațională cu autoritățile publice sau din cooperarea cu segmentul privat, precum și din profituri generate de serviciile prestate de acestea. ONG-urilor le este atribuit rolul de a contribui la dezvoltarea, realizarea și menținerea funcționalității societății democratice. Aportul ONG-urilor se face observat printr-un complex de activități, începând cu îndeplinirea rolului de agent informator de legătură dintre diferite segmente societale și organele puterii de stat și terminând cu promovarea unor modificări în legislație și politicile de stat. De asemenea, ONG-urile monitorizează realizarea angajamentelor luate de stat față de legislația națională și internațională. Prin urmare, existența și activitatea unui număr mare de ONG-uri este o dovadă a realizării dreptului la libertatea pentru asocieri și întruniri de către membrii acestora, demonstrând faptul că ONG-urile se conduc după principiile democrației participative [5].

În prezent se estimează că peste 1,000 milioane euro pe an sunt acordați direct de către Comisia Europeană pentru ONG-uri, mai ales pentru proiecte din domeniul relațiilor externe, drepturile omului, programe democratice și, în particular, pentru ajutor umanitar (în mediu 400 milioane euro). De asemenea, sunt direcționate alocații semnificative pentru sectoarele sociale (aproximativ 70 milioane euro), educație (aproximativ 50 milioane euro) și pentru mediul înconjurător. ONG-urile au demonstrat, de asemenea, capacități remarcabile privind administrarea, monitorizarea și evaluarea proiectelor finanțate de UE.

Timpurile pe care le trăim ne demonstrează că educația nu mai este un domeniu monopolizat de instituțiile statale, iar un sistem educațional performant nu poate fi conceput fără implicarea societății civile, a părinților, a ONG – lor, a partenerilor externi, precum și a oamenilor de afaceri: eforturile constante de aliniere la standardele europene; implicarea în procesul de sensibilizare a familiei și a co-

munității privind incluziunea educațională și socială a copiilor cu cerințe educaționale speciale; promovarea unei atitudini nediscriminatorii față de aceștia, precum și faptul că inițiativa și proiectele dezvoltate de ONG-uri la nivel local, în parteneriat cu școlile, susțin eforturile Ministerului Educației în eficientizarea prestării serviciilor educaționale cu implicarea tuturor subiecților vizați.

Subliniem importanța măsurilor și acțiunilor coerente asumate de sectorul asociativ în vederea creșterii calității în educație. Vedem investiția lor în educație ca fiind prioritară: educarea copiilor și tinerilor este temelia dezvoltării unei societăți bazate pe valori, unde oamenii sunt împliniți ca indivizi și au un rol constructiv în societate.

Grădinițele sunt o temă extrem de sensibilă. Peste 90% din instituțiile preșcolare au fost construite în perioada sovietică. În ultimii 20-25 de ani, nu s-au făcut renovări, decât doar pentru întreținere. Până acum câțiva ani, în sute de sate din R. Moldova ori nu existau grădinițe, ori clădirile acestor instituții erau în stare deplorabilă [2].

Uniunea Europeană este, de departe, principalul finanțator al sectorului asociativ al Republicii Moldova. În ultimii cinci ani, UE a aprobat pentru țara noastră finanțări de peste 880 mln. de euro. Acești bani sunt prevăzuți pentru drumuri, educație, sănătate, agricultură, dezvoltarea afacerilor și altele. Cu sprijinul financiar al Uniunii Europene, din fondurile Proiectului Energie și Biomasă au fost instalate în gimnaziul din Brătuleni, raionul Nisporeni, și în grădinița din comună centrale termice pe biomasă și apă caldă curentă, produsă de colectoare solare. La grantul de peste 163 de mii de euro, comunitatea a contribuit cu 600 de mii de lei, pentru lucrări de reparație a sistemului de încălzire și instalare a geamurilor eficiente energetic. Brătuleni este una din cele 235 de comunități beneficiare ale Proiectului Energie și Biomasă. Conform acestuia, au fost instalate 187 de sisteme de încălzire pe biomasă, alte 40 fiind în construcție. Valoarea totală a investiției, din fonduri europene, este de peste 10.000.000 euro. Proiectul Energie și Biomasă, faza a doua, este un proiect de trei ani realizat în 2015-2017. Proiectul are un buget total de 9,41 milioane euro acordați de Uniunea Europeană și este implementat de Programul Națiunilor Unite pentru Dezvoltare.

Guvernul Statelor Unite ale Americii este un alt finanțator de top al ONG-urilor Republicii Moldova, cu peste 310 mln. de euro la realizarea proiectelor de anvergură.

Banca Mondială a semnat cu Moldova angajamente de peste 299 mln. de euro.

România finanțează astăzi în Republica Moldova proiecte în valoare de peste 105 mln. de euro¹. Suma de douăzeci de milioane de euro a fost direcționată pentru grădinițele din Moldova. Este unul dintre proiectele cele mai ample, lansate și derulate în anul 2014 până în prezent, ține de renovarea tuturor grădinițelor din Republica Moldova. Realizarea acestui plan ambițios de modernizare a instituțiilor preșcolare este posibilă grație României, care a oferit un ajutor financiar nerambursabil în sumă de 20 mln. de euro. De acești bani au beneficiat și vor continua să beneficieze oamenii din peste 800 de localități din toate cele 32 de raioane ale republicii, precum și din Găgăuzia, și din municipiile Chișinău și Bălți. Resursele vor fi folosite pentru reparația capitală a clădirilor și a acoperișurilor grădinițelor, pentru schimbarea ușilor și geamurilor, pentru lucrările de pavaj, de reparație sau de construcție a sistemelor de termoficare, celor de canalizare și de aprovizionare cu apă. De asemenea, este prevăzută dotarea cu mobilier a acestor grădinițe și amenajarea terenurilor de joacă pentru copii sau a pavilioanelor. Acest efort de modernizare a instituțiilor preșcolare va schimba realitățile din satele și orașele

---

¹ În baza Ordinului nr. 913 din 10 aprilie 2014, emis de Ministerul Afacerilor Externe al României, privind publicarea Programului de cooperare pe anul 2014, încheiat prin schimb de scrisori, semnate la București și la Chișinău la 9 aprilie 2014, în baza articolului 1 paragraful 2 al Acordului dintre Guvernul României și Guvernul Republicii Moldova, referitor la implementarea programului de asistență tehnică și financiară în baza unui ajutor financiar nerambursabil în valoare de 100 milioane euro acordat de România Republicii Moldova, semnat la București la 27 aprilie 2010, a fost aprobată spre finanțare o listă de proiecte pentru instituțiile preșcolare din Republica Moldova.

În conformitate cu Hotărârea Guvernului nr.436 din 10.06.2014 privind implementarea Programului de asistență tehnică și financiară acordată de Guvernul României pentru instituțiile preșcolare din Republica Moldova, beneficiari ai acestui Program sînt 797 de instituții preșcolare.

Moldovei și le va oferi copiilor șansa la o educație de calitate. Din grantul oferit de Guvernul României, peste 72.000 de copii beneficiază de condiții mai bune în grădinițe, acestea fiind izolate termic, reparate în interior și exterior, dotate cu sisteme de încălzire, apă și canalizare, cu acoperișuri noi, cu mobilier, terenuri de joacă și pavilioane. De asemenea, s-au îmbunătățit condițiile în care lucrează peste 12.000 de angajați ai instituțiilor preșcolare, au fost deschise peste 200 de grupe noi, sporind și capacitatea de înrolare în grădinițe. Au fost create noi locuri de muncă pentru circa 600 de educatoare și dădace, iar unui număr de 100 de mii de părinți li s-a oferit posibilitatea de a munci liniștit. Suma totală a proiectelor constituie 3 mln euro[1].

Japonia ne-a acordat, din 2009, peste 61 mln. de euro, iar Suedia - peste 44,9. Grantul în mărime de 2,86 milioane dolari SUA, oferit Republicii Moldova de Guvernul Japoniei prin Fondul de Politici de Dezvoltare a Resurselor Umane (PHRD), administrat de Banca Mondială și gestionat la fel de Fondul de Investiții Sociale din Moldova, pentru Proiectul „Integrarea copiilor cu dizabilități în școlile generale”, destinat contribuirii la realizarea Programului de dezvoltare a educației incluzive în Republica Moldova pentru anii 2011-2020. Scopul Proiectului „Integrarea copiilor cu dizabilități în școlile generale” este de a demonstra prin activități- pilot că, autoritățile publice locale pot aplica cu succes politicile naționale ce promovează integrarea copiilor cu dizabilități în școlile generale.

Organizațiile neguvernamentale beneficiare ale unor granturi pentru proiecte educaționale și de reformare a sistemului de învățământ și a infrastructurii acestuia, menționează printre cei mai importanți donatori Fundația Soros - Moldova (24%), USIS și Ambasada SUA (11%), UNICEF (8%), Banca Mondială (6%), USAID (6%), PNUD (5%) etc. Printre principalele instituții cu care organizațiile neguvernamentale preferă să colaboreze se numără ONG-urile (93%), APL și APC(87%), mass-media (78%) și sectorul privat(59%).

Fondul de Investiții Sociale din Moldova (FISM) este un Proiect creat cu suportul Băncii Mondiale și al țărilor donatoare cu scopul de a contribui la implementarea Strategiilor Naționale de Dezvoltare în Moldova prin împuternicirea comunităților sărace și a institu-

țiilor lor în gestionarea necesităților prioritare de dezvoltare. Prin promovarea dezvoltării parteneriatului social cu ONG -uri și elaborarea participativă a planurilor strategice de dezvoltare social economică a comunității, FISM susține obiectivele reformei organelor publice locale și contribuie la dezvoltarea capacităților instituțiilor comunitare, asigurarea respectării principiilor de transparență și participare și ca rezultat la dezvoltarea durabilă a comunității.

De rând cu acordarea asistenței tehnice și financiare, în cazul nostru, instituțiilor preuniversitare, FISM reprezintă și un mecanism de învățare a noilor principii de guvernare locală. Actorii comunitari (APL, organizațiile neguvernamentale, Asociațiile de beneficiari etc.) însușesc diferite modalități de lucru cu comunitatea cum ar fi: implicarea populației în procesul de luare a deciziilor, modalități de identificare a problemelor prioritare, planificarea strategică, monitorizarea implementării proiectelor, menținerea și asigurarea durabilității obiectelor renovate, managementul financiar, dezvoltarea instituțională a administrației publice locale și organizațiilor neguvernamentale.

În baza Hotărârii Guvernului nr.436 din 10.06.2014 privind implementarea Programului de asistență tehnică și financiară acordată de Guvernul României pentru instituțiile preșcolare din Republica Moldova (*vezi mai sus*) [1], Fondul de Investiții Sociale din Moldova (FISM) este desemnat drept entitatea responsabilă de pregătirea, implementarea, asigurarea vizibilității și raportarea Programului de asistență tehnică și financiară acordată de Guvernul României pentru instituțiile preșcolare din Republica Moldova, în valoare totală de 20 000 000 Euro. Angajații FISM au acordat suport tehnic la evaluarea lucrărilor civile necesare în cele 774 de instituții preșcolare și la elaborarea devizelor de cheltuieli pentru 639 obiecte.

Totodată, FISM gestionează și proiectul „Infrastructură socială și eficiență energetică” în baza unui grant în valoare de 5 mln euro, oferit de KfW (Banca germană de stat ”Kreditanstalt fur Wiederaufbau”). Proiectul presupune realizarea unor investiții în infrastructura socială din localitățile din Republica Moldova (apeducte și canalizare, școli, grădinițe, drumuri etc.) cu accent pe eficiența energetică și utilizarea surselor alternative de energie. Scopul proiectului este îmbunătățirea și

asigurarea sustenabilității serviciilor publice din regiunea-țintă a proiectului (10 raioane din Nordul RM și regiunile post-conflict din Transnistria) în vederea îmbunătățirii condițiilor de trai a populației și a stării mediului din aceste zone, dar și pentru a asigura o guvernare locală eficientă [4]. În total, finanțare din grantul KfW au primit 57 de subproiecte pentru lucrări de renovare în școli și grădinițe. În cadrul subproiectelor realizate de FISM din cadrul grantului KfW au fost utilizate diverse elemente de eficiență energetică (încălzire termală, cazane pe biomasă, panouri solare pentru încălzirea apei).

Asociația Obștească „Pro Cooperare Regională”, a fost concepută ca o instituție socială menită să contribuie la crearea condițiilor de cooperare regională în domeniul dezvoltării societății civile din Republica Moldova. Această asociație implementează programul „Îmbunătățirea condițiilor economice și sociale din zonele rurale ale R Moldova” susținut financiar de Fundația HEKS, Elveția și Guvernul Elveției prin Agenția de Dezvoltare și Cooperare SDC. Programul are ca misiune implementarea în zona de Nord a Moldovei (raioanele: Sîngerei, Fălești, Drochia, Rîșcani, Glodeni) a proiecte de dezvoltare socială și economică rurală printre care și reabilitarea infrastructurii sociale (grădinițe, școli, biblioteci).

Începând cu anul 2006, Asociația Obștească „Pro Cooperare Regională” cu suportul financiar al Fundației Elvețiene HEKS implementează proiectul RIS. În cadrul proiectului RIS Instituțiile de învățământ din regiunea de nord a Republicii Moldova pot beneficia de suport financiar sub formă de grant în mărime de pînă la 5000 € echivalentul în lei moldovenești.

În perioada anilor 2006-2015 proiectul RIS a evoluat pozitiv atât din punct de vedere a numărului de beneficiari, cât și din perspectiva ariei geografice de acoperire. Inițial proiectul RIS a oferit suport financiar pentru școli și grădinițe din două raioane din regiunea de nord a Republicii Moldova și anume: rl. Drochia și rl. Râșcani. Ulterior, începând cu anul 2009, proiectul RIS s-a extins în 5 raioane din regiunea de nord a Moldovei astfel cuprinzând 7 raioane și anume: rl. Edineț, rl. Glodeni, rl. Fălești, rl. Sîngerei, rl. Florești, rl. Drochia și rl. Râșcani. În anul 2014, proiectul RIS și-a lărgit aria de finanțare a

proiectelor sociale în alte 4 raioane noi: rl. Ocnița, rl. Briceni, rl. Dondușeni și rl. Soroca. Astfel, în prezent, reprezentanții școlilor și grădinițelor din 11 raioane de nord a Republicii Moldova pot beneficia de suport financiar din partea fundației Elvețiene HEKS, gestionat de Asociația Obștească „Pro Cooperare Regională” Bălți.

ONG „Pro Cooperare Regională” cu susținerea financiară a Fundației HEKS-EPER Moldova, a lansat concursul de granturi pentru anul 2015 în cadrul proiectului „Reabilitarea Infrastructurii Sociale” (RIS). Proiectul avea drept scop îmbunătățirea condițiilor de trai a populației din zona rurală prin renovarea clădirilor infrastructurii sociale: școli și grădinițe. La fel AO „Pro Cooperare Regională” continuă a susține proiecte ce țin de conservarea energiei termice a școlilor și grădinițelor prin schimbarea ușilor și geamurilor. AO „Pro Cooperare Regională” colaborează cu comunitățile rurale pe principii de parteneriat. În continuare prezentăm proiecte realizate în regiunea Nord de către organizația „Pro Cooperare Regională” în parteneriat cu administrația publică locală: r-l Florești, s. Ciutulești: Schimbarea ferestrelor în gimnaziul Ciutulești; r-l Fălești, s. Ilenuța: Renovarea podelei în sala sportivă a Instituției Publice Gimnaziul Ilenuța; r-l Ungheni, s. Florițoaia Nouă: Reabilitarea blocului sanitar al gimnaziului din s. Florițoaia Nouă; r-l Ungheni, s. Alexeevca: Schimbarea geamurilor în sălile de clasă la etajul I, în Gimnaziul Alexeevca; r-l Fălești, s. Sarata Veche: Finisări interioare la Gimnaziu; r-l Drochia, s. Maramonovca: Schimbarea ferestrelor la gimnaziul s. Maramonovca; r-l Ungheni, s. Todirești: Renovarea grupurilor sanitare din interiorul I.P. Gimnaziul Todirești; r-l Rîșcani, s. Șumna: Îmbunătățirea condițiilor sanitaro-igienice pentru copiii Centrului Comunitar de Dezvoltare Timpurie s. Bulhac r-l Rîșcani; r-l Soroca, s. Mălcăuți: Schimbarea ușilor și geamurilor la grădinița de copii din s. Mălcăuți; r-l Soroca, s. Dărcăuți: Renovarea sistemului de încălzire la grădinița de copii din s. Dărcăuți; r-l Ungheni, s. Bumbăta: Conservarea energiei termice; r-l Sîngerei, s. Prepelița: Renovarea blocurilor sanitare interioare; r-l Sîngerei, s. Heciul Nou: Reparația rețelei de canalizare; r-l Ungheni, s. Bușila: Renovarea blocurilor sanitare în Gimnaziul „Savciuc Mihail”, s. Bușila; r-l Edineț, s. Corpaci: Oportunități mai

bune pentru educație și dezvoltare a copiilor din gimnaziul satului Corpaci, raionul Edineț; r-l Ungheni, s. Gherman: Renovarea acoperișului sălii de sport; r-l Edineț, s. Fetești: Renovarea/schimbarea tîmplăriei în grădinița-creșă “Trandafir” s. Fetești; r-l Fălești, s. Năvîrneț: Reparația blocurilor sanitare în Liceul Teoretic “Ștefan Cel Mare” din satul Năvîrneț; r-l Sîngerei, s. Alexandreni: Reparația acoperișului blocului B la gimnaziul Vitalie Ceban; r-l Fălești, s. Horești: Renovarea unor săli de activitate a grădiniței “Albinuța” din s. Horești r-l Fălești; r-l Ocnița, s. Lipnic: Conectarea sălii de sport a gimnaziului “Ștefan cel Mare” Lipnic la rețeaua termică; r-l Glodeni, s. Dușmani: Renovarea sistemului de canalizare la grădinița de copii; r-l Fălești, s. Pietrosul Nou: Construcția blocului sanitar în grădinița Pietrosul Nou; r-l Drochia, s. Țarigrad: Reparația sistemului de canalizare și rețelei de apeduct și apă caldă la cantina Instituției Publice Gimnaziul Țarigrad, raionul Drochia.

Reieșind din repartizarea geografică a proiectelor și din denumirea (titlul) acestora putem deduce că a fost respectat principiul proporționalității în alocarea fondurilor pentru proiecte din partea Asociației Obștești „Pro Cooperare Regională”, pe de o parte, și a fost respectată cerința ca proiectele să fie orientate spre reabilitarea infrastructurii sociale din partea administrației publice locale care a înaintat proiecte spre finanțare, pe de alta.

În concluzie, proiectul RIS a fost conceput ca un instrument de stimulare și responsabilizare a populației din mediul rural, de a se implica activ în viața socială a comunității și dezvoltarea parteneriatelor locale prin mobilizarea tuturor factorilor interesați. A. O. „Pro Cooperare Regională” colaborează cu comunitățile rurale pe principii de parteneriat, oferind suport financiar de cel mult 50% din valoarea totală a proiectului și oferă asistență în facilitarea și monitorizarea comunităților care doresc să implementeze proiecte. Comunitățile contribuie cu cel puțin 50% din valoarea proiectului și sunt responsabile de elaborarea cererii de finanțare, organizarea concursului de oferte, supravegherea realizării lucrărilor din proiect și asigurarea durabilității obiectelor renovate. Prin intermediul proiectului RIS, A.O. „Pro Cooperare Regională” contribuie la dezvoltarea comunităților rurale din regiunea de nord a Republicii

Moldova, oferind tinerei generații acces egal la educație de calitate. Proiectul include și o componentă de instruire pentru cadrele didactice și managerii instituțiilor de învățământ care răspund necesităților profesionale și noilor provocări cu care aceștia se confruntă ca urmare a introducerii noului sistem de autogestiune.

ONG-urile reprezintă de fapt, multitudinea de profiluri, interese și aspirații prezente într-o societate, care devin coerente, reprezentate și vizibile în viața publică doar prin activitatea acestor organizații. Astfel, rolul acestora ar trebui corelat cu următoarele activități: identificarea și promovarea interesului public, construirea de parteneriate între societatea civilă și instituțiile publice și private, informarea și educarea cetățenilor, influențarea politicilor publice în favoarea unui anumit grup de beneficiari [5]. Practic, ONG-urile sunt acele forme structurate ale societății civile prin care cetățenii sunt reprezentați și participă la guvernare. Dacă ele nu ar exista, intervențiile individuale în procesul de elaborare a politicilor publice ar fi extrem de rare. Organizațiile societății civile nu fac altceva decât să servească cauzei unor grupuri dezavantajate ale societății, într-un mod articulat. Mare parte din rolul lor poate fi privit ca un liant, ca o ancoră între cetățean și instituțiile publice sau private [6].

Prin intermediul ONG-urilor, societatea civilă este capabilă să atragă atenția statului asupra neglijării unora dintre responsabilitățile sale, asupra încălcării cu sau fără intenție a unor drepturi legitime ale cetățenilor săi, mai cu seamă în privința celor vulnerabili. Cu alte cuvinte, ONG-urile sunt o portavoce prin care grupurile afectate își expun problema în fața „creatorilor de climat”, adică „acei politicieni, funcționari publici și birocrați care influențează și hotărăsc atât de multe aspecte legate de contextul în care trăim toți”[6].

În esență, ONG-urile pot ajuta pe mai multe fronturi cum ar fi: identificarea problemelor și creșterea nivelului de notorietate a acestora, rezolvarea problemelor pe cont propriu sau prin influențarea decidenților și a opiniei publice, creșterea nivelului de participare a cetățenilor la procesul de luare a deciziilor. Recapitulând, ONG-urile joacă un rol complex în societate, iar în acord cu misiunea civică pe care și-o asumă dau piept cu cele mai dure probleme existente într-un stat democratic, cum ar fi: inegalitatea socială, șomajul, încălcarea drepturilor omului,

corupția, creșterea ratei criminalității, distrugerea patrimoniului cultural, poluarea mediului și militează pentru rezolvarea lor.

Se impune acordarea unei atenții sporite pentru instruirea autorităților publice privind mijloacele de interacțiune cu societatea civilă. Este necesară și valorificarea activă a resurselor de aproximativ 2% din bugetele locale, care pot fi utilizate în scopul instruirii funcționarilor publici și a autorităților.

În ceea ce privește ONG-urile implicate în sistemul educațional, reconsiderarea activității lor ca servicii educaționale și finanțarea activităților ONG-urilor de profil este un imperativ foarte actual. Experiențele de mai sus demonstrează că dezvoltarea unui ajutor mai activ din partea statului pentru sectorul asociativ este un imperativ, și presupune următoarele acțiuni:

- amendarea legislației în vigoare privind facilitarea condițiilor fiscale pentru ONG-uri;
- planificarea/ includerea în bugetul de stat și în cele locale a cheltuielilor referitoare la finanțarea activității ONG-urilor;
- facilitarea procesului de obținere a statutului de utilitate publică pentru toate ONG-urile.

Pe lângă cele menționate, propunem edificarea parteneriatelor inter-sectoriale trilaterale stat – societatea civilă - mediul de afaceri. Pentru aceasta ar fi binevenit:

- elaborarea unor proiecte de parteneriat cu implicarea celor trei sectoare (gubernamental, civil și privat);
- deschiderea unui dialog constructiv între instituțiile de stat și mediul de afaceri, societatea civilă – mediul de afaceri, instituțiile de stat-societatea civilă;
- acordarea sprijinului reciproc între cele trei sectoare (cu caracter legislativ, fiscal, financiar, operațional, intelectual etc.).

Puncte forte ale propunerilor de mai sus:

- ONG-urile vor putea obține facilități fiscale și sprijin financiar din partea statului, precum și un regim favorizat de obținere a statutului de utilitate publică.
- Statul va obține un sector asociativ mai puternic și mai efec-tiv în soluționarea problemelor de interes public.

Vulnerabilitățile pe care le prevăd inițiativele propuse de noi:

- Statul se va confrunta cu problema găsirii unor surse financiare suplimentare pentru a sprijini sectorul neguvernamental.

- Acordarea unor facilități fiscale va fi o problemă, deoarece sectorul asociativ este o sursă sigură de depuneri suplimentare de bani în bugetul de stat.

- Soluția respectivă poate condiționa apariția unui număr mare de agenți economici convertiți în reprezentanți ai sectorului civil.

- Dezvoltarea excesivă a sectorului neguvernamental poate duce la involuția instituțiilor de stat, care vor delega și mai multe responsabilități pe umerii societății civile.

Analizând toate aceste activități implementate de către sectorul asociativ, putem spune că misiunea pe care ONG-urile și-o asumă în mod expres este aceea de a analiza reglementările normative și politicile publice ce vizează sistemul educațional în vederea formulării propunerilor și recomandărilor pentru actorii guvernamentali relevanți sistemului educațional, precum și asigurarea suportului în implementarea proiectelor de asistență tehnică în Molodva prin prestarea serviciilor de instruire și logistică pentru diverse grupuri țintă.

Referințe bibliografice

1. Proiectul de Hotărâre de Guvern pentru inițierea negocierilor privind cel de-al patrulea Protocol Adițional între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României. Disponibil: <http://mdrc.gov.md/pageview.php?l=ro&id=2967&idc=201&t=/Transparenta-decizionala/Proiecte-de-documente/Proiectul-de-Hotarare-de-Guvern-pentru-initierea-negocierilor-privind-cel-de-al-patrulea-Protocol-Adițional-intre-Guvernul-Republicii-Moldova-si-Guvernul-Romaniei/> accesat 29.03.2017
2. SECRIERU, D. Integrarea sistemului educațional din Republica Moldova în spațiul european. Studiu elaborat în cadrul Programului “Politici Educaționale”. Chișinău: Institutul de Politici Publice, 2007. 121 p.
3. Standarde de calitate pentru instituțiile de învățământ primar și secundar general din perspectiva școlii prietenoase copilului (proiect). Disponibil: <http://edu.md/ro/transparenta-proces-decizional/>, accesat 10.09.16.
4. Strategia sectorială de dezvoltare pentru anii 2012 – 2020. Disponibil: http://particip.gov.md/public/documente/137/ro_427_Proiectul-Strategiei-Sectoriale-de-Dezvoltare-Educatia-2020.pdf accesat 10.04.17
5. TROMBIȚKI, Iliia, SINIAIEVA, Tatiana. Pentru ce și cum se înființează asociațiile obștești. Chișinău: Ed. Eco-TIRAS, 2009. 122 p.
6. ȚUGUI, Eduard. Organizațiile neguvernamentale din Republica Moldova: evoluție, activități și perspectivele dezvoltării. Chișinău: IDIS „Viitorul”, 2013. 68 p.

**STATALITATEA MOLDOVEI:
CONTINUITATEA ISTORICĂ
ȘI PERSPECTIVA DEZVOLTĂRII:
*DIMENSIUNEA JURIDICĂ***

DEZVOLTAREA SISTEMULUI NAȚIONAL DE DREPT PRIN PRISMA CONTINUITĂȚII ISTORICE

*Victor PUȘCAȘ, doctor în drept, conferențiar universitar,
ex-judecător al Curții Constituționale a Republicii Moldova*

Rezumat

Fiecare stat suveran și independent dispune de un sistem propriu de drept. Nu constituie o excepție nici Republica Moldova.

Odată cu tranziția de la un stat totalitar la un stat de drept și democratic, de la o economie centralizată la o economie de piață, de la monopolul unui partid, la pluripartitism și pluralismul de opinie, a fost necesar de a asigura și trecerea de la sistemul de drept național fundamentat pe doctrina de drept romano-germanică.

Au favorizat această trecere actele politico-juridice: Declarația de suveranitate, Decretul cu privire la puterea de stat, Concepția reformei judiciare și de drept și Constituția Republicii Moldova.

Odată cu adoptarea Constituției, adoptarea codurilor, reformarea organelor de ocrotire a normelor de drept, formarea cadrului normativ național s-a sfârșit etapa de tranziție de la sistemul socialist de drept la sistemul național de drept.

Cuvinte-cheie: *Sistemul dreptului, sistemul dreptului romano-germanic, tranziție, suveranitatea, independența, actul normativ, dreptul public, dreptul privat, izvorul de drept, precedentul judiciar, practica judiciară, jurisprudența*

HISTORICAL CONTINUITY AND DEVELOPMENT OF THE NATIONAL SYSTEM OF LAW

Abstract

Each sovereign and independent state has its own legal system. Moldova is not an exception.

With the transition from a totalitarian to a democratic state and a state of law, from a centralized economy to a market economy, from a party's multipolitical monopoly and pluralism of opinion, it was necessary to ensure the transition from the system of national law based on the Roman-German legal doctrine.

The political-juridical acts favored this passage: the Declaration of Sovereignty, the Decree on State Power, the Concept of Judicial and Law Reform and the Constitution of the Republic of Moldova.

With the adoption of the Constitution, the adoption of codes, the reform of the law enforcement agencies, the formation of the national normative framework, the transition from the socialist rule of law to the national legal system was completed.

Keywords: *system of law, Roman-German law system, transition, sovereignty, independence, normative act, public law, private law, the source of law, the judicial precedent, the judicial practice, the jurisprudence*

Statul sovietic, din care făcea parte și Republica Sovietică Socialistă Moldovenească, inclusiv știința sovietică, recunoșteam noțiunile de stat, constituție, Soviet Suprem, dar nu se investigau noțiunile de statalitate, constituționalism și parlamentarism.

De exemplu, noțiunea de statalitate n-o s-o găsim nici într-un dicționar fie sovietic, fie DEX-ul, sau alte dicționare. În opinia noastră, noțiunile stat-statalitate, constituție-constituționalism și parlament-parlamentarism nu sunt sinonime. Abia în ultimii 10-15 ani au început să apară interpretări, științifice ale noțiunilor de statalitate, constituționalism și parlamentarism.

Dar ne vom opri la tema „statalitatea”.

După cum afirmă autorul V. Beniuc¹ „Statalitatea” semnifică nu doar componentele structurale ale statului, dar și nivelul, calitatea funcționării acestuia, intensitatea și eficiența cu care instituțiile statului intervin în viața și activitatea cetățeanului. Noțiunea dată nu este una doar explicativă, dar și de evaluare a numărului și eficienței structurilor statale, corespunderii necesităților sociale și intereselor personale ale cetățeanului.

Autorul Gheroghe Rusnac² constată că „Statalitatea înseamnă o etapă de dezvoltare a țărilor care au reușit să-și creeze propriul stat, ori să reanimeze statalitatea pierdută anterior.

Statalitatea nu este doar un atribuit al societății și un indice al dezvoltării acesteia, dar și o ideologie, o orientare social-politică și culturală îndreptată spre dezvoltarea statului, protecția lui și perfecționarea organizării politice a societății”. Și mai departe „Nu statul, nu organizarea de stat ci etapa istorică de dezvoltare a țărilor sau a națiunilor care au reușit să-și creeze propriul stat”.

Fiind de acord cu punctele de vedere ale autorilor V. Beniuc și Gh. Rusnac vom concluziona că și statalitatea, și constituționalismul și parlamentarismul, ne vorbesc, în opinia noastră despre perceperea în masă a acestor națiuni și folosirea largă a lor în folosul poporului.

---

¹ Valentin Beniuc. Statalitatea Republicii Moldova: factorii turbulenți și de stabilizare. Culegere de articole științifice. Chișinău 2017, p.83.

² Gheorghe Rusnac. Statul și societatea polietică. Moldova în anii 90. Materialele simpozionului moldo-german (Chișinău 13-18 octombrie 1996) Chișinău 1997, p.134.

După cum recunoaște autorul Vladislav Grosul¹ că în mod inevitabil crearea statului moldovenesc era însoțită de „Потребность молдаван в своей государственности” (cerința vitală a moldovenilor de a avea stat și statalitate-traducerea V.P.).

Potrivit art.1 alin.(3) din Constituție² „Republica Moldova este un stat de drept, democratic, în care demnitatea omului, drepturile și libertățile lui, libera dezvoltare a personalității umane, dreptatea și pluralismul politic reprezintă valori supreme și sunt garantate”.

Valorile constituționale pot fi protejate prin sistemul național de drept.

Este cunoscut faptul că fiecare stat suveran și independent dispune de un sistem propriu de drept. Dar orice sistem național de drept face parte din „familii de drept” sau „mari sisteme de drept” care se constituie și se dezvoltă în baza unor principii comune caracteristice unor grupuri mari de țări și care au particularități juridice comune.

Majoritatea absolută a cercetătorilor evidențiază următoarele mari sisteme de drept: romano-germanic, anglo-saxon, dreptul musulman, dreptul socialist, dreptul hindus, dreptul chinez, dreptul japonez și altele.

Ne vom opri la primele trei sisteme:

- **Sistemul dreptului romano-germanic.** Statele care aderă la acest sistem dau prioritate legii ca izvor de drept. Se are în vedere în primul rând existența constituțiilor și a legilor constituționale cu acte normative fundamentale ale statelor, precum și toate actele cu caracter normativ.

Perceptul că legea e putere, că legea poate schimba starea lucrurilor se află la baza sistemului romano-germanic, care mai este numit ca sistem european, sau sistem continental.

- **Sistemul dreptului anglo-saxon sau common-law.** Acest sistem este opus sistemului romano-germanic. La baza sistemului se află precedentul judiciar.

---

¹ Vladislav Grosul. Традиции молдавской государственности. Culegere de articole științifice. Chișinău 2017, p.7.

² Constituția Republicii Moldova. Comentariu, Chișinău, 2012.

Autorii români Maria Dvoracec și Gheorghe Lupu¹ constată că: common-law-ul este o creație a judecătorului, conține reguli statornice pe cale judecătorească prin hotărâri, care devin obligatorii – în cazurile similare pentru instanțele inferioare. Norma juridică de common-law urmărește să de-a o soluție într-un proces și nu să formuleze reguli generale de conduită pentru viitor... într-o viziune generală, preocuparea dominantă a normelor de common-law este restabilirea imediată a ordinii juridice tulburate și nu stabilirea normelor de bază a societății.

Statele lumii cum ar fi Marea Britanie, SUA, Australia și altele în activitatea judecătorească folosesc tradițiile și obiceiurile înrădăcinate necodificând legislația, iar unele neavând chiar și constituții.

- **Sistemul dreptului socialist** făcea parte din marile sisteme de drept, fiind fundamentul dreptului dintr-un șir de state: URSS, Europa de Est și Centrală, Asia, America. De obicei împărtășeau acest sistem statele care construiau socialismul și comunismul, fiind contrapuse „dreptului burghez”.

Cum constată unii cercetători² „Dreptul socialist pretindea a fi un sistem de drept superior tuturor tipurilor de drept existent anterior, precum și dreptului existent în statele contemporane care nu se atribuiau la „orînduirea socialistă”. „Deși a preluat, incontestabil, de la sistemul dreptului romano-germanic unele aspecte (de exemplu, împărțirea dreptului pe ramuri) sistemul dreptului socialist nu recunoștea divizarea în drept public și drept privat, considerînd, în virtutea unor rațiuni ideologice, că întreaga reglementară legală este de drept public”.

Vom constata că o trăsătură caracteristică a acestui sistem a fost și organizarea judiciară specifică, și organizarea autorităților publice în genere. După cum știm acest sistem în linii mari s-a prăbușit odată cu dizolvarea federației sovietice.

Mulți cercetători, indiferent de pozițiile care le promovează, nu neagă noțiunea de federație sovietică, precum nici participarea Moldovei ca subiect al acestei federații, în cadrul Uniunii Sovietice. Astfel, nu poate fi negat nici faptul că pînă în 1990 Moldova dispunea de

---

¹ Maria Dvoracec și Gheorghe Lupu. Teoria generală a dreptului. Iași 1966, p.166.

² Boris Negru – Alina Negru. Teoria generală a dreptului și statului. Chișinău, 2006, p.395.

un sistem de drept socialist. Însă, odată cu tranziția de la un stat totalitar la un stat de drept și democratic, de la o economie arhicentralizată la o economie de piață, de la monopolul unui partid, la pluripartitism și pluralismul de opinie, a fost necesar de a asigura și trecerea de la sistemul socialist de drept la sistemul de drept național fundamentat pe doctrina de drept romano-germanică.

Dezvoltarea vertiginoasă a orînduirii statale a Republicii Moldova pe baza democratică a început odată cu constituirea noului parlament (aprilie 1990). Cum menționau primul Președinte al Parlamentului ales în mod democratic și primul Președinte al Republicii Moldova, dl M.Snegur, la începutul anilor „90” în fața guvernării stăteau următoarele obiective:

- **Organizarea cadrului politic și juridic al statului;**
- **Pregătirea premiselor pentru deetatizarea patrimoniului național și trecerea la economia de piață;**
- **Crearea condițiilor prielnice pentru emanciparea intelectuală a poporului, angajarea lui în circuitul valorilor spirituale și morale, dominante în spațiul european.**

Astfel de obiective au fost realizate prin acte istorice politico-juridice cum ar fi:

a) Declarația de suveranitate din 23.06.1990 care a statuat:

- legile unionale urmau să fie puse în aplicare numai după ce erau ratificate de parlamentul moldav;
- stabilirea dreptului suveran la teritoriu și proprietate;
- înlocuirea formelor de proprietate personală și cooperatist-colhoznică cu proprietatea privată și de stat;
- respectarea cartei ONU etc.

b) Decretul cu privire la puterea de stat din 27.07.1990 a fundamentat:

- deideologizarea puterii, depolitizarea colectivelor de muncă și de învățămînt;
- separarea puterilor: legislativă, executivă și judecătorească etc.

c) **Declarația de independență din 27.08.1991** a proclamat că Republica Moldova este un stat suveran, independent și democra-

tic, liber să-și hotărască prezentul și viitorul fără nici un amestec din afară, în conformitate cu idealurile și năzuințele sfinte ale poporului în spațiul istoric și etnic al devenirii sale naționale.

d) **Concepția reformei judiciare și de drept din 21.06.1994**¹ a argumentat necesitatea reformării:

- științei și învățămîntului juridic;
- formării cadrului legislativ național;
- formării noului sistem judecătoresc, a Consiliului Superior al Magistraturii, Curții Constituționale, Procuraturii, avocaturii, notariatului, altor organe de ocrotire a normelor de drept și altele.

Aceste acte istorice și-au găsit locul cuvenit în **Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994** care în art.1 stipulează că:

„(1) Republica Moldova este un stat suveran și independent, unitar și indivizibil.”

Constituția a devenit vârful piramidei a sistemului de drept în Republica Moldova.

Avînt în vedere importanța deosebită a actelor normative, necesitatea instituirii de mijloace, metode și tehnici prin care raporturile sociale iau forma juridică, a realizării unor principii unificate în materie de creație a actelor normative pentru asigurarea elaborării și adoptării unor acte normative de calitate și eficiență, pentru garantarea transparenței procesului decizional, precum și necesitatea asigurării compatibilității actelor normative cu legislația comunitară prin procedura de armonizare Parlamentul a adoptat Legea nr. 780 din 27.12.01 privind actele legislative și Legea nr. 317 din 18.07.2003 privind actele normative ale Guvernului și ale altor autorități ale administrației publice centrale și locale.

Ambele reglementări ale Parlamentului sunt chemate să contribuie la calitatea actelor juridice. La elaborarea, adoptarea și aplicarea actelor normative se respectă principiile:

- oportunității, coerenței, consecvenței și echilibrului între reglementările concurenței;
- consecutivității, stabilității și predictibilității normelor juridice;

---

¹ Hotărîrea Parlamentului nr. 142 din 21.06.1994 privind aprobarea Concepției reformei judiciare și de drept în Republica Moldova (M.O. nr. 006 din 30.06.1994).

- transparenței, publicității și accesibilității;
- fundamentării științifice;
- să fie compatibile cu Constituția și tratatele internaționale la care Republica Moldova este parte.

Vom menționa că principiul supremației legii implică incontestabil adoptarea unui cadru legal adecvat statului de drept¹.

În perioada de după adoptarea Constituției, în linii mari, legislația Republicii Moldova a fost codificată în coduri de legi.

Astfel au fost adoptate codurile: civil și de procedură civilă, penal și de procedură penală, contravențional, al muncii, fiscal, al educației, funciar, vamal, subsolului, transporturilor rutiere și feroviar, electoral și altele.

În literatura de specialitate autorii B.Negru și A.Negru², T.Cîrnaț³, E.Mohorea⁴, E.Botnari și R.Eșanu și alții interpretează în mod diferit componentele sistemului de drept.

T.Cîrnaț de exemplu, socoate că în conceptul cuvîntului „sistem” sunt incluse trei categorii:

„ - sistemul juridic – caracterizează întreaga realitate juridică a societății (sistemul dreptului, sistemul legislației, raporturile juridice, cultura și conștiința juridică etc.);

- sistemul legislației – cuprinde ansamblul tuturor actelor normative care sunt în vigoare;

- sistemul de drept caracterizează structura dreptului”.

Dar sistematizînd opiniile se poate de concluzionat că **„Sistemul dreptului este totalitatea normelor juridice, instituțiilor juridice și ramurilor de drept adoptate și asigurate de către stat în vederea reglementării relațiilor sociale.”**⁵

În sistemul dreptului, un loc deosebit îl ocupă principiile juridice: general-ramurale, interramurale și ramurale, care reprezintă un tot întreg al sistemului de drept.

---

¹ Pușcaș Victor. Supremația legii în statul de drept. Revista națională de Drept. 2003, nr.10.

² B.Negru, A.Negru. Teoria generală a dreptului. Chișinău, 2006, p.381-383.

³ N.Cîrnaț. Dreptul constituțional. Chișinău, 2010, p.27-28.

⁴ E.Mohorea, E.Botnari și R.Eșanu. Dreptul ca sistemul și sistemul dreptului. p.70-79 tinread.usarb.md

⁵ <http://drept.md.wordpress.com/cursuriuniversitare>

Potrivit dicționarului juridic, norma juridică este regula generală de conduită, obligatorie și impersonală instituită prin lege și a cărei aplicare este asigurată în caz de necesitate de forța de constrângere a statului.

În literatura de specialitate sunt admise diferite trăsături ale normelor juridice^{1,2} care explică direcționarea aplicării lor.

Vom analiza acele trăsături ale actelor normative recunoscute de legislația Republicii Moldova.

Potrivit art.3 din Legea privind actele legislative actul normativ poartă un caracter imperativ și este însoțit de următoarele trăsături:

- statul – se adoptă de instituțiile statului cu împuterniciri constituționale în acest domeniu;
- coercitiv și obligatoriu pentru că toate actele se aplică prin convingere.

Dacă nu se respectă intervine constrângerea:

- unipersonal – aplicabil în mod oral și continuu fiecărui individ.
- are un caracter general, servește ca un etalon de conduită.

Astfel putem concluziona că norma juridică este elementul necesar și primar al sistemului dreptului.

Instituțiile juridice reprezintă un ansamblu de norme juridice care au un obiect de reglementare specifică. Gruparea normelor potrivit obiectului de reglementare se pot conține în oricare lege, cod de legi, Constituția.

La rândul său o normă juridică poate fi exprimată fie într-o secțiune, fie capitol, fie titlu.

De exemplu, prin titlul III din Constituție, capitolul IV, secțiunea I, articolele 60-67 este exprimată instituția juridică privind reglementările generale ale statutului Parlamentului, formării Parlamentului și atribuțiilor de bază ale Parlamentului.

În capitolul VII al codului penal este exprimată instituția juridică a infracțiunilor contra familiei și minorilor, în titlul III, capitolul II secțiunea 1 este exprimată instituția juridică a dobândirii și încetării dreptului de proprietate.

---

¹ Armefis - noțiuni-juridice blogsport.md

² www.usem.md/uploads/files.note de curs

Generalizînd cele expuse conținutul sistemului dreptului, după cum afirmă autorul B.Negru¹ poate fi definită ca o „**unitate integrantă a normelor juridice, împărțite pe instituții, subramuri și ramuri în conformitate cu obiectul și metode de reglementare juridică, legate între ele prin relații ierarhice și coordonatoare și care au ca centru principiile juridice, exprimînd într-o formă concentrată esența și menirea socială a dreptului la etapa dată**”.

Știința teoriei generale a dreptului cunoaște mai multe divizări ale dreptului însă la general sunt recunoscute două categorii.

Dreptul public – apără și promovează interesele statului.

Dreptul privat – apără și promovează interesele particularilor (persoane fizice și juridice).

Făcînd o trecere în revistă a ramurilor de drept vom constata că principalele ramuri de drept în Republica Moldova sunt: Dreptul constituțional, dreptul administrativ, dreptul contravențional, dreptul penal, dreptul procesual penal, dreptul execuțional penal, dreptul vamal, dreptul financiar, dreptul funciar, dreptul civil, dreptul procesual civil, dreptul muncii, dreptul protecției sociale, dreptul familiei, dreptul internațional privat, dreptul mediului, dreptul bancar și altele.

La acest capitol vom menționa următoarele:

- În Republica Moldova nu există o listă oficială a ramurilor de drept;

- Ramurile dreptului se află într-o continuă dezvoltare.

Unele din ramuri, de exemplu dreptul constituțional, nerecunoscut de către dreptul socialist a fost introdus în Republica Moldova la începutul anilor „90”. La 5 septembrie 1994 a apărut prima catedră de „Drept constituțional și drept administrativ” în cadrul Universității de Stat din Moldova. În prezent, noțiunea de drept constituțional este utilizată pe larg în toate instituțiile de învățămînt superior în care funcționează facultăți (departamente) de drept.

Am putea concluziona că ramurile de drept precum și desprinderea noilor discipline de drept se află la etapa începătoare de dezvoltare.

---

¹ Boris Negru. Alina Negru. Teoria generală a dreptului și statului. Chișinău, 2006, p. 383.

Cum afirmă diferiți autori^{1,2,3} în Republica Moldova se consideră izvoare formale ale dreptului:

- Constituția;
- Legile constituționale;
- Legile organice;
- Decretele Președintelui Republicii Moldova cu caracter normativ;

- Hotărârile Curții Constituționale;
- Regulamentul și hotărârile Parlamentului;
- Ordonanțele și hotărârile Guvernului;
- Hotărârile normative ale autorităților publice locale;
- Contractul normativ;
- Contractele (tratatele) internaționale;
- Cutuma juridică;
- Codul regulilor religioase;
- Precedentul judiciar, practica judiciară și jurisprudența.

Astfel putem concluziona că „prin izvor de drept se înțelege acea formă specifică, particulară de exprimare a normelor juridice care sunt determinate de modul de adoptare sau de sancționare al or de către stat”.

Ne vom opri mai detaliat la izvorul de drept „**Precedentul judiciar, practica judiciară, jurisprudența**”.

De rînd cu depășirea sistemului de drept socialist, care îngloba în sine caracterul formal al drepturilor cetățenești, începînd cu anii „90” autoritățile publice ale Republicii Moldova au demonstrat o intenție clară privind implementarea în dreptul național a valorilor și standardelor internaționale de protecție a drepturilor și libertăților fundamentale ale omului.

În acest scop, la 28.07.1990¹ Republica Moldova a aderat la Declarația Universală a Drepturilor Omului și a ratificat pactele in-

---

¹ Negru Boris, Negru Alina. Teoria generală a dreptului și a statului. Chișinău, 2006, p. 292-319.

² Cîrnaț Teodor. Drept constituțional. Chișinău 2010. p. 22-25.

³ Noțiunea de izvor de drept și caracteristica izvoarelor formale ale dreptului. www.referate.com/referate.drept

ternaționale cu privire la drepturile civile, politice, economice sociale și culturale, iar la 10.05.1991² a aderat la cele mai importante instrumente juridice internaționale referitoare la drepturile omului.

Prin art.4 din Constituție s-a recunoscut că normele de drept internațional ratificate de Republica Moldova devin parte integră a sistemului de drept național.

La 13 iulie 1995, Republica Moldova a devenit membru al Consiliului Europei³, iar la 24 iulie 1997⁴ a ratificat Convenția Europeană a Drepturilor Omului, deschizând calea pentru cetățenii Republicii Moldova de a se adresa la Curtea Europeană a Drepturilor Omului.

Reorientarea legislației naționale la standardele europene și internaționale de protecție a drepturilor omului a ridicat în doctrina juridică problema oportunității aplicării în sistemul nostru de drept continental a unui izvor de drept caracteristic sistemului anglo-saxon-precedentul judiciar.

În această ordine de idei apar un șir de întrebări: care este rolul precedentului judiciar; este oare necesară această instituție pentru sistemul de drept al Republicii Moldova; și dacă da, ce model de precedent trebuie de implementat în sistemul național de drept pentru aplicarea jurisprudenței CtEDO care este rolul și locul jurisprudenței și practicii judiciare în sistemul de drept național și dacă sunt obligatorii la înfăptuirea justiției?

Autorul acestor rînduri împreună cu alți cercetători⁵ au încercat să răspundă la aceste întrebări și în aprilie 2008 au ajuns la concluzia

---

¹ Hotărîrea Parlamentului din 28.07.1990 (Veștile nr.8/223 1990) „Cu privire la aderarea RSS Moldova la Declarația Universală a Drepturilor Omului și ratificarea pactelor internaționale ale drepturilor omului.”

² Hotărîrea Parlamentului din 10.09.91 privind aderarea Republicii Moldova la instrumentele juridice internaționale referitoare la drepturile omului (M.O. nr.6 din 30.10.1991).

³ Hotărîrea Parlamentului nr. 522 din 12.07.1995 (M.O. nr. 41 din 28.07.95 privind ratificarea statutului Consiliului Europei).

⁴ Hotărîrea Parlamentului nr. 1298 din 24.07.1997 privind ratificarea Convenției pentru apărarea drepturilor omului și a libertăților fundamentale, precum și a unor protocoale adiționale la această Convenție.

⁵ Victor Pușcaș, Veaceslav Zaporojan. Precedentul judiciar, practica judiciară și jurisprudența (similitudini și deosebiri). Revista Națională de Drept nr. 4 aprilie 2008.

că hotărârile CEDO nu pot fi aplicate ca precedente judiciare de instanțele judiciare naționale. Ele pot fi aplicate prin intermediul:

- practicii judiciare formate în baza hotărârilor explicative ale Plenului Curții Supreme de Justiție;
- soluțiilor de aplicare a legilor date pe cauze concrete de Curtea Supremă de Justiție;
- soluțiilor date de Curtea Constituțională pe excepțiile de neconstituționalitate;
- pozițiilor de drept ale instanțelor naționale formate în baza pozițiilor de drept ale CtEDO.

Dar problema uniformității practicii judiciare există și nu numai la nivel de societate Parlamentul nu o singură dată a încercat să intervină în aplicarea uniformă a legislației, reieșind din faptul că potrivit art.66 lit.a) din Constituție anume Parlamentului îi revine atribuția: „**interpretează legile și asigură unitatea reglementărilor legislative pe întreg teritoriul țării**”.

În acest aspect, Parlamentul a abilitat Curtea Supremă de Justiție cu dreptul de a examina **demersurile în interesul legii**, care, fiind obligatorii, orientau instanțele judecătorești spre aplicarea uniformă a legilor. Însă, potrivit art.369⁶ din CPP în redacția Legii nr. 809 din 10.04.1996 s-a recunoscut că „Hotărârile se adoptă numai în interesul legii, nu au efect asupra hotărârilor judecătorești examinate și nici cu privire la situația părților din acele procese”¹.

Paralel, Parlamentul la 21.07.2006 a introdus răspundere disciplinară pentru judecătorii care admiteau **interpretarea sau aplicarea neuniformă a legislației, dacă** acest lucru nu era justificat de schimbarea practicii judiciare. Puteau fi sancționați în mod diferit, inclusiv cu eliberarea din funcție în corespundere cu art.22 din Legea cu privire la statutul judecătorului².

Însă, prin Hotărârea Curții Constituționale din 14.12.2010³ această

---

¹ Legea nr. 809 din 10.04.1996 pentru modificarea Codului de procedură penală (M.O. nr. 61 din 20.09.1996).

² Legea nr. 544 din 20.07.1995 „Cu privire la statutul judecătorului (M.O. nr. 117 din 15.08.2002).

³ Hotărârea Curții Constituționale nr. 28 din 14.12.2010 (M.O. nr. 254 din 24.12.2010).

prevvedere din statutul judecătorului a fost declarată neconstituțională, deoarece nici Colegiul de disciplină nici Consiliul Superior al Magistraturii nu pot deține atribuții de a interveni în aprecierea temeiniciei și legalității hotărârilor judecătorești. Actul justiției poate fi verificat și apreciat numai de instanța judecătorească ierarhic superioară.

Pe linia legislativă și Parlamentul la 31 mai 2009 a exclus demersul în interesul legii din competența Curții Supreme de Justiție.

Însă, Parlamentul urmărind scopul unificării practicii judiciare în 2012 a introdus un nou mecanism – Avizul consultativ al Plenului Curții Supreme de Justiție.

Potrivit art.12² CPC. Dacă în Procesul judecării pricinii într-o instanță de judecată se atestă dificultăți la aplicarea corectă a normelor de drept material sau procedural, instanța de judecată solicită plenului CCJ, din oficiu sau la cererea participanților la proces, să emită un aviz consultativ cu privire la modul de punere în aplicare a legii. Avizul consultativ poartă un caracter obligatoriu pentru toate instanțele judecătorești¹.

Însă instanțele judecătorești au ajuns la concluzia că avizele consultative obligatorii precum și hotărârile explicative le încălcă independența la îndeplinirea justiției. Completul de judecatori ai Curții de Apel Chișinău au ridicat excepția de neconstituționalitate în privința articolelor 2 lit.c) și d), 16 lit.d) și a sintagmei „și adoptă hotărâri cu caracter explicativ” din art.16 lit.c) al Legii nr.789 din 26 martie 1996 cu privire la Curtea Supremă de Justiție, precum și a art.12² din CPC.

Prin decizia nr. 88 din 22.11.2016² Curtea Constituțională a declarat sesizarea privind neconstituționalitatea atribuției Curții supreme de Justiție în privința pronunțării hotărârilor explicative și avizelor consultative inadmisibilă.

Respingînd sesizarea, Curtea Constituțională face trimitere la două hotărâri ale sale anterioare, care în pct. 24 descrie pct.97 din

---

¹ Legea nr. 155 din 05.07.2012 privind modificarea și completarea Codului de Procedură civilă (M.O. nr. 185 din 31.08.2012).

² Decizia nr. 88 din 22.11.2016 a Curții Constituționale privind excepția de neconstituționalitate...

Hotărîrea nr. 2 din 09.02.2016¹ cu următorul conținut „**97. Independența judecătorilor este unul dintre principiile fundamentale de organizare și realizare a justiției. În aplicarea legii, independența judecătorilor exclude noțiunea de ierarhie, subordonare. Având rolul de a soluționa litigiile în mod obiectiv, conform legii, și fiind o putere prin ei înșiși, judecătorii nu pot primi ordine, instrucțiuni sau sugestii de nici un fel cu privire la activitatea lor judiciară, nici din interiorul, nici din afara sistemului judiciar. Principiile internaționale statuează în mod explicit că judecătorii trebuie să ia decizii în deplină libertate și să acționeze fără restricție și fără a fi obiectul unor influențe, incitări, presiuni, amenințări sau intervenții nelegale, directe sau indirecte, indiferent din partea cărei persoane vin și sub ce motiv. Judecătorul, în calitate de deținător al autorității judecătorești, trebuie să-și poată exercita funcția sa în deplină independență în raport cu toate constrângerile/forțele de natură socială, economică și politică și chiar în raport cu alți judecători și în raport cu administrația judecătorească.**”

Tot în hotărîrea din 09.02.2016, Curtea stipulează „**98. Prin urmare, Curtea reține că judecătorii trebuie să dispună de suficientă putere și să fie în măsură a și-o exercita în vederea îndeplinirii atribuțiilor. Independența judecătorului implică cerința soluționării litigiilor fără nicio ingerință, inclusiv din partea instanței ierarhic superioare.**”

Însă, mai concret, în pct.25 din decizie, Curtea și-a expus poziția cu referire la Hotărîrea nr.25 din 22 iulie 2016² „*că asemenea recomandări/explicații în mod individual nu pot sta la baza unei hotărîri judecătorești, care urmează a fi întemeiate exclusiv pe prevederile legale*”.

Vom constata că aceste poziții de drept se întemeiază nemijlocit pe art.116 alin.1 din Constituție, care prevede principiul independenței judecătorilor.

Hotărîrile Curții Constituționale, în opinia noastră, confirmă faptul că nici precedentele judiciare, nici hotărîrile explicative și avi-

---

¹ Hotărîrea Curții Constituționale nr. 2 din 09.02.2016.

² Hotărîrea Curții Constituționale nr. 25 din 22 iulie 2016 (M.O. nr. 355 din 14.10.2016).

zele consultative ale Plenului Curții Supreme de Justiție nu sunt obligatorii pentru instanțele judecătorești de drept comun.

Dar cum poate fi privit precedentul judiciar în jurisprudența Curții Constituționale. Este recunoscut precedentul judiciar sau actul suprem este Constituția. Analizînd jurisprudența Curții Constituționale, putem constata că rezolvînd cauzele de contencios constituțional, Curtea Constituțională recunoaște precedentul în baza căruia pronunță chiar și hotărîri.

De exemplu, prin hotărîrea Curții Constituționale din 27.12.2013¹ înalta instanță a recunoscut că Declarația de Independență prevalează asupra Constituției. Curtea a folosit precedentul consiliului Constituțional Francez și a format blocul de constituționalitate; Declarația de Independență + Preambulul Constituției + Conținutul normativ al Constituției. Noi nu sîmtem de acord cu o asemenea interpretare² deoarece în sistemul național de drept Legea Supremă, care stă în vîrfurile piramidei sistemului de drept este Constituția. Potrivit art. 7 din Constituție „Constituția Republicii Moldova este Legea ei Supremă. Nici o lege și nici un alt act juridic care contravine prevederilor Constituției nu are putere juridică.”

Prin hotărîrea din 14 octombrie 1999³ privind interpretarea art.4 din Constituție. Curtea a recunoscut că în baza art.4 și art.8 din Constituție, tratatele internaționale ratificate de Republica Moldova sunt obligatorii și parte componentă a sistemului de drept a Republicii Moldova. Dar aici Curtea a dat o interpretare foarte importantă, concordantă cu fundamentul sistemului de drept național că „**tratatele internaționale au prioritate numai asupra legilor interne, dar nu și asupra Constituției**”. Această poziție sau că nu este înțeleasă sau chiar este ignorată⁴.

Expunînd dezacordul folosirii precedentului judiciar în juris-

---

¹ Hotărîrea Curții Constituționale nr. 36 din 05.12.2013 privind interpretarea art.13 alin.(1) din Constituție în corelația cu Preambulul Constituției și Declarația de Independență a Republicii Moldova (M.O: nr. 304-310/51 din 27.12.2013).

² Pușcaș Victor. Dacă se dorește, de ce să nu se accepte? Ziarul Săptămîna din 10.01.2014.

³ Hot.Cc nr. 55 din 14.10.1999 privind interpretarea unor prevederi ale art.4 din Constituție (M.O. nr. 118 din 28.10.1999).

⁴ Șterbeț Valeria. Jurisprudența constituțională – izvor al dreptului www.constcourt.md/libview.php

prudența Curții Constituționale, în confirmarea poziției noastre vom face trimitere la cercetătorul științific Ion Guceag¹ care afirmă că „familia juridică romano-germană a adoptat principiul **non exemplis sed legibus juricandum est (verdictul nu se pronunță în temeiul exemplelor ci al legilor)**).

De aici concluzionăm că dacă în sistemul de drept anglo-saxon precedentul judiciar este folosit pe larg, dar credem noi că treptat va fi înlocuit prin lege, atunci sistemul romano-germanic este fundamentat pe lege. Folosind jurisprudența CtEDO, să nu uităm că această instituție înglobează în practica sa ambele sisteme, pe când sistemul de drept al Republicii Moldova ține de familia statelor care împărtășesc sistemul romano-germanic.

Concluzii generale

1. Sistemul de drept al Republicii Moldova se fundamentează pe doctrina de drept romano-germanică (continentală, europeană).

2. Constituția Republicii Moldova este Legea ei Supremă. Nici o lege și nici un act juridic care contravine prevederilor Constituției nu are putere juridică.

3. Odată cu adoptarea Constituției, adoptarea codurilor, reformarea organelor de ocrotire a normelor de drept, formarea cadrului normativ național s-a sfârșit etapa de tranziție de la sistemul socialist de drept la sistemul național de drept.

4. Precedentul judiciar, hotărârile explicative și avizele consultative ale Plenului Curții Supreme de Justiție nu sunt obligatorii la înfăptuirea justiției.

5. Pactele și tratatele internaționale privitoare la drepturile fundamentale ale omului, ratificate de Republica Moldova fac parte din sistemul de drept național.

Referințe bibliografice

1. V. Beniuc. Statalitatea Republicii Moldova: factorii turbulenți și de stabilizare. Culegere de articole științifice. Chișinău 2017.
2. Gh.Rusnac. Statul și societatea polietnică, Moldova în anii 90. materialele simpozionului moldo-german (Chișinău 13-18 octombrie 1996). Chișinău 1997.

---

¹ Guceac Ion. Constituția la răscruce de mileniu. Chișinău, 2013 p.19

3. V.Grosul. Традиции молдавской государственности. Culegere de articole științifice. Chișinău 2017.
4. Constituția Republicii Moldova. Comentariu Chișinău, Editura ARC. 2012.
5. Constituția Republicii Moldova. Curtea Constituțională. Blocul de constituționalitate, 2016.
6. Dvoracec Maria, Lupu Gheorghe. Teoria generală a dreptului. Iași 1966.
7. Negru Boris, Alina Negru. Teoria generală a dreptului și statului. Chișinău 2006.
8. Declarația de suveranitate nr. 148 din 23.06.1990 („Vești” nr. 8/192. 1990).
9. Decretul nr. 201 din 27.02.1990 cu privire la puterea de stat (Veștile nr. 8 din 11.12.1990).
10. Declarația de Independență „Legea nr. 691 din 27.07.1991 (M.O. nr. 011 din 27.08.1991).
11. Concepția reformei judiciare și de drept Hotărîrea Parlamentului nr. 152 din 21.06.1994 (M.O. nr. 006 din 30.06.1994).
12. Legea nr. 780 din 27.12.2001 privind actele Legislative (M.O. nr. 36 din 14.03.2000).
13. Legea nr. 317 din 18.07.2003 privind actele normative ale Guvernului și ale altor autorități ale administrației publice centrale și locale (M.O. nr. 206 din 03.10.2003).
14. Cîrnaț Teodor. Dreptul constituțional. Chișinău 2010.
15. Mohora E., Botnari E., Eșanu R. Dreptul ca sistemul și sistemul dreptului www.tinread.usarl.md
16. Cursuri universitare <http://drept.md.wordpress.com>
17. Noțiunea de izvor de drept și caracteristica izvoarelor formale ale dreptului www.referate.com/referate/drept
18. Pușcaș Victor, Zaporojan Veaceslav. Precedentul judiciar, practica judiciară și jurisprudența (similitudini și deosebiri) Revista națională de drept, nr. 4, 2008.
19. Legea nr. 1107 din 06.06.2002 (M.O.nr.82 din 22.06.2002 Codul civil).
20. Legea nr. 225 din 30.05.2003 (M.O. nr. 111 din 12.06.2003 Codul de procedură civilă).
21. Legea nr. 985 din 18.04.2002 (M.O. nr. 128 din 13.09.2002 Codul penal).
22. Legea nr. 122 din 14.03.2003 (M.O. nr. 104 din 07.06.2003 Codul de procedură penală).
23. Legea nr. 218 din 24.10.2008 (M.O: nr. 3/6 din 16.01.2009 Codul contravențional).
24. Legea nr. 1153 din 24.04.1997 (M.O. nr. 102 din 23.08.2001 Codul fiscal).
25. Legea nr. 828 din 25.12.1991 Codul funciar (republicat în M.O. nr. 107 din 04.09.2001).
26. Lupu Raluca-Oana. Precedentul judiciar în sistemul de drept contemporan www.inaa.md/files/theses/2016/25180/lupuraluca
27. Hotărîrea Curții Constituționale nr. 28 din 14.12.2010 (M.O. nr. 254 din 24.12.2010).

28. Legea nr. 809 din 10.04.1996 pentru modificarea CPP (M.O. nr.66 din 20.09.1996).
29. Legea nr. 155 din 05.07.2012 pentru introducerea art.12² din CPC (M.O. nr. 185 din 31.08.2012).
30. Decizia Curții Constituționale nr. 88 din 22.11.2016 <http://constcourt.md> (republicată în M.O.).
31. Hotărârea Curții Constituționale nr. 2 din 09.02.2016 (M.O. nr. 55 din 11.03.2016).
32. Hotărârea Curții Constituționale nr. 21 din 22.07.2016 (N.O. nr. 355 din 14.10.2016).
33. Hotărârea Curții Constituționale nr. 36 din 05.12.2013 (M.O. nr. 304 din 27.12.2013).
34. Guceac Ion. Constituția la răscrucea de milenii. Chișinău 2013.
35. Pușcaș Victor. Dacă se dorește de ce să nu se accepte. Săptămîna din 10.01.2014.
36. Pușcaș Victor. Consolidarea statalității de la Declarația de Suveranitate spre Declarația de Independență. Săptămîna din 14.08.2015.
37. Pușcaș Victor. Suveranitatea și Independența – baza statalității moldovenești. Ziarul Universitate din 30.08.2016.
38. Pușcaș Victor. Supremația legii în statul de drept. Revista Națională de Drept, 2003, nr.10.
39. Legea nr. 544 din 20.07.1995 „Cu privire la statutul judecătorului (republicată în M.O. nr. 117 din 15.08.2002).
40. Legea nr. 155 din 05.07.2012 privind modificarea și completarea Codului de Procedură civilă (M.O. nr. 185 din 31.08.2012).
41. Șterbeț Valeria. Jurisprudența constituțională – izvor al dreptului (www.constcourt.md/libview.php).
42. Hotărârea Curții Constituționale nr. 55 din 14.10.1999 privind interpretarea unor hotărâri ale art.4 din Constituție (M.O. nr. 118 din 28.10.1999).
43. Guceac Ion. Constituția la răscrucea de milenii. Chișinău 2013.

FORMAREA STATALITĂȚII SLOVACE

Stanislav MRAZ, doctor habilitat în drept, profesor universitar, Rector al Universității „DANUBIUS” din Sladkovicovo, Republica Slovacă

Rezumat

Dezvoltarea istorică a Slovaciei atestă că ea se află într-un extrem de volatil spațiu geopolitic. Republica Slovacă în istoria sa a fost nevoită mereu să lupte pentru cel mai important - pentru teritoriul său. Fiecare teritoriu are limitele sale, astfel încât statul ar trebui să definească limitele de influență, în cadrul cărora statul își exercită puterea supremă. Frontierele de stat au o importanță deosebită, și elementele, care le diferențiază de alte tipuri de frontiere, este faptul că aceste frontiere de stat sunt în același timp și limite decizionale și limite politice cu țările din jur, cu care Republica Slovacă se învecinează.

Cuvinte-cheie: *stat de frontieră, tratate de pace, teritoriul de stat, autonomia, suveranitatea, cedarea teritoriului, sfera de influență geopolitică*

FORMATION OF THE SLOVAK STATEHOOD

Abstract

The historical development of the Slovak Republic has confirmed that it is located in a particularly hectic geopolitical space. In its history, the Slovak Republic, as one of the few states in the world has had to continuously endure struggles for its territory.

As each territory has its borders, so does each state need to determine its domain, where it will exercise its sovereign power. The significance of state borders lies within their difference from other types of borders in that the state borders are simultaneously the borders of governmental and political influence of other states surrounding the Slovak Republic.

Keywords: *state borders, peace treaties, state territory, autonomy, sovereignty, cession of territory, sphere of influence, geopolitics*

ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВАЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Границы сегодняшней Словакии не были в прошлом конкретно определены. До 1918 года установившиеся границы имелись лишь на севере и западе Словакии, которые были сходны с границами Королевства Венгрии с Польшей, Моравией и Ав-

стрией. Южные и восточные границы Словакии были фактически впервые определены мирными соглашениями в 1919 году.

Исходя из вышеизложенного, границы Словакии на юге и востоке не были установлены на основании национального принципа. Это означает, что в то время как в южных районах юго-западной части Словакии многочисленно компактно проживало венгерское население, в приграничных зонах на установленной границе или несколько южнее от нее существовали тогда в Венгрии сёла со словацким населением восточнее от Эстергом, а затем в Новоградской и Абовской жупах, и на востоке в Ужской жупе.

Горные районы Словакии, заселённые представителями словацкой ветви лужицко-силезской культуры, были на периферии культурного развития центральной Европы. Приблизительно в 833 году правитель Моравского княжества Моймир победил князя Прибину и захватил территорию его княжества, которое простиралось в регионе около города Нитра. Таким способом, можно сказать, возникло государство, которое более чем 100 лет спустя византийский император Константин Порфирогенет (Константин VII Багрянородный) назвал в своей книге "Об управлении империей" именем "Великая Моравия".

Следующим историческим этапом в развитии границ Словакии был 890 год, когда король Восточно-Франкского королевства Арнульф Каринтийский уступил Святоплуку, правителю Великой Моравии власть над Чешским воеводством. Это привело к тому, что Святоплук стал королём моравских славян. Критическим был период от 904 до 906 года, когда погиб князь Святоплук, и, таким образом, восточная часть Великой Моравии стала исключительно венгерской сферой интересов.

Современной терминологией Великую Моравию бы можно было назвать моравско-словацким государством. Об этом свидетельствует тот факт, что особенную национальную идентичность со времен Великой Моравии сохранил только словацкий народ.

После 907 года древние венгры стали гегемонами бассейна Дуная и за более чем полвека исчезла и Восточная Марка. Пред-

водители семи венгерских племен разделили между собой всю свою территорию бассейна Дуная.

В X веке и первой половине XI века к Нитрианскому уделу принадлежала территория от нижнего и частично центрального Погронья на запад до Малых Карпат и Моравии. После создания Королевства Венгрии эта географическая область в регионе Нитры исполняла функцию пограничной оборонительной зоны. В начале XIII века на этих землях территориальными частями были Словацкие жупы.

Самовольному укреплению идеи словацкой этнической территории в течение истории Венгрии также значительно способствовало то, что во время турецкого господства, после вторжения турецких войск в Венгрию, территория эта до конца XVII века сузилась на представляющую примерно территорию современной Словакии.

В конце периода османских набегов 29 августа 1526 года состоялась битва при Мохаче. Численное слабое венгерское войско во главе с неопытными военачальниками было полностью разбито османской армией. Битва при Мохаче замыкает целую эпоху развития Словакии и связанных с ней границ. После этого наступает постепенный захват почти всей заселенной венграми части Венгерского королевства Османской империей, владычество которой длилось на протяжении более полутора веков.

Юридически Венгрия вошла в состав Габсбургской империи в 1538 году, когда заключением Варадского мирного договора Фердинанд I Габсбургский на основе статус-кво оставил за собой западную часть а Ян Запольский восточную части Венгрии.¹

29 августа 1541 года турки заняли Замок Буда. Султан объявил территории вдоль Дуная аж до Тисы центром новой Османской империи. Венгрия была разделена на три части: турки контролировали территорию между Дунаем и Тисой, княжество Трансильвания с несколькими престолом существовало на востоке Венгрии и, наконец, северная и западная часть, так

---

¹ Atlas československých dejín. Začiatky habsburského sústátia od roku 1926, mapa 8b

называемое Королевство Венгрия, стали неотъемлемой частью Габсбургского государственного образования. Центром была территория сегодняшней Словакии. В Словакию переехали главные королевские учреждения, административные и церковные институции. Братислава, таким образом, стала местом, в котором заседал венгерский сейм и одновременно столицей этого государственного образования.

Турецкая оккупация центральных регионов Венгрии привела к существенным изменениям в этническом составе населения. Высшее дворянство в Словакии переселялось в сельскую местность, где получало владения, конфискованные у сторонников Яна Запольского. Среднее дворянство и шляхта переселялись, в основном, в города. Они поступали на военную службу в пограничные замки и крепости на юге Словакии. В города сходились с захваченных турками территорий и много представителей мещанства, среди них группы венгерских купцов, которые поселились в основном в Братиславе, Трнаве и Кошицах.

В XVII веке на изменение политической стабильности османско-габсбургской границе повлиял князь Трансильвании Дьёрдь II. Ракоци. Последнее антигабсбургское восстание вспыхнуло в Венгрии 27 сентября 1703 года под руководством Ференца II. Ракоци. Однако императорская армия разбила отряды куруцов 3 августа 1708 года при Тренчине.

На протяжении всего XVIII века миграция населения продолжалась. Основное направление переселения людей, по сравнению с двумя предыдущими веками, было обратным, а именно в направлении с севера на юг. Переселение осуществлялось в южные, после вытеснения турок, малонаселенные регионы Словакии, в центральные и южные части Венгрии, на север сегодняшней Сербии и Хорватии.

В течении XVIII века все сильнее кристаллизовалась идея об этнической территории словацкой национальности и начало углубляться внутреннее политическое единство. Матей Бел, словак энциклопедических знаний, определил пределы населенных словаками земель в 13 северо-венгерских админи-

стративных единицах. Первый знак в вопросе создания самостоятельной национальной словацкой территории находим в речи Людовита Штура перед сеймом в 1840 году.¹ Более точное определение словацкой этнической территории находим в книге П.Й. Шафарика "Словацкое народописание". В ней Шафарик определил границы словацкой этнической группы на основании словацком наречия.

10 мая 1848 года словацкая интеллигенция провозгласила петицию к венской верхушке под названием «Требования словацкого народа». В этом программном документе, помимо прочего, содержался призыв к «определению этнических границ каждого народа с целью участия в национальных парламентах и необходимости организации местных администраций».

На Славянском конгрессе в Праге сам Людовит Штур высказал мнение о вхождении Словакии в "австрийские рамки славянской составляющей", в котором территориальные единицы, населенные отдельными славянскими народами, были бы составляющей частью федеративного образования.² В конце 1848 года обсуждался план относительно возможного создания словацкого королевства.³

Эти усилия не были включены в «октроированной» конституции Австрийской империи 1849 года, которая отвергла словацкие усилия, изложенные в петиции к монарху. В этой петиции содержался, в частности, призыв признать самобытность словацкого народа и выделить ему на этнической основе определенную территорию.

После поражения революции 1848-1849 годов венское правительство в лице министра внутренних дел Александра фон Баха, укрепляло централизацию империи. В Венгрии была введена военная диктатура. Страна управлялась королевским

---

¹ Bokes, F.: Über die Entwicklung des Gebietes der Slowaken. Carpatica Slovaca: Zv. I., II., Bratislava 1943-1944, s. 95.

² Klimko, J.: Vývoj územia Slovenska a utváranie jeho hraníc, Obzor, 1980, s. 64.

³ Berzeviczy, A.: Das Zeitalter des Absolutismus in Ungarn, B I-IV. Budapest 1922/1937, s. 58, 59 (I.)

наместником, который контролировался Венским правительством и императорским двором. Официальным языком во всей монархии стал немецкий. Словакам Венское правительство пошло на мелкие уступки в том, что в словацких жупах в коммуникации с властями также мог использоваться словацкий. В 1853 году Франц-Иосиф I отменил крепостное право, правительство, однако, стремилось сохранить как можно больше привилегий для аристократов.

В 1859 году Австрия потерпела поражение от итальянских национально-освободительных войск, боровшихся за объединение Италии и отделение регионов Италии от австрийской монархии. Народы начали провозглашать свои требования. Тем не менее, император предпочел поддержать венгерские требования - восстановил в Венгрии сейм и, практически, вместо централизованного государства установил существование двуединой монархии, и как следствие вся Венгрия попала под контроль венгерского правительства, сейма и органов жуп, которые сразу же начали реализовывать свои давние планы по мадьяризации. Это привело к усилению национального движения словаков, кульминацией которого стала провозглашение словацкой национальной программы - "Меморандум словацкого народа". В таких условиях словацкий национальный комитет решил предложить по сути уже применённые требования Меморандума прямо монарху. Словацкий округ должен был иметь 16 районов, которые должны быть на юге ограничены словацко-венгерской этнографической границей.¹ Следует констатировать, что Меморандум, как и Привилегии Вена не учла, а требования, вытекающие из них, перемещались из Императорского совета на обсуждение в Королевскую венгерскую дворную канцелярию, пока наконец не затерялись в архивах. Венгерская политика правительства была направлена на усиление государственной централизации. Политика венгерского правительства в отношении меньшинств осталась неизменной. При таком раскладе политических сил, когда Германия поддер-

---

¹ Rapant, D.: Viedenské memorandum slovenské z roku 1961, Zborník Matice slovenskej IXIS, od strany 30.

живала усилия по германизации и мадьяризации Австро-Венгрии, было невозможно собственными силами изменить политическую ситуацию. Изменение могло произойти только в случае радикальных сдвигов в международной ситуации.

Начало Первой мировой войны вызвало во многих европейских странах волну шовинизма и псевдопатриотического энтузиазма. Идея чешско-словацкой государственности среди словацкой общественности во время войны появилась относительно быстро. За границей начало организовываться сопротивление против Австро-Венгрии с целью создания независимого Чехо-Словацкого государства. Свое представление о первом будущем общем государстве чехов и словаков сформулировал Т. Г. Масарик еще в октябре 1914 года. В мае 1915 года Т. Г. Масарик резюмировал для министерства иностранных дел Великобритании свой план к меморандуму, который он назвал Индепендент Богемия. Карта Чехословакии еще в марте 1915 года была составной частью конфиденциального Меморандуму Масарика, предложенного в Лондоне. В главе, посвященной территории и населению планируемого государства, говорилось: «Чешское государство будет состоять из так называемых чешских земель, а именно Чехии, Моравии и Силезии, к ним бы были присоединены словацкие края на севере Венгрии, от Ужгорода через Кошице по этнографической границе, и вниз по реке Ипель до Дуная, включая Братиславу и весь словацкий север аж пограничной линии Венгерской».¹

По просьбе Й. Ротнагла, председателя Чешско-словацкой гильдии в Праге, выработал Ш. Клима предложение по границам Словакии в рамках будущего чешско-словацкого государства. Проект был основан на принципе, что неприемлемо учитывать только этнографические границы, но речь должна идти о их комбинации с границами естественными, а о принятия во внимание экономических аспектов.

---

¹ Beneš, E., Dr.: Světová válka a naše revoluce. Zväzok III. Dokumenty. Praha, 1935, strana 246.

Требование присоединения Словакии к историческим землям в чешской официальной политике в связи с предыдущим формированием взглядов возникло почти в последний момент. Наряду с доминированием радикализма, в чешской официальной политике окончательно утвердилась идея включения Словакии в общее государство. 6 января 1918 года была подготовлена чешскими депутатами Императорского совета и чешскими, моравскими и силезскими земельными сеймами так называемая Декларация Трех королей. Она провозглашена была и от имени "подчинённой и политически подавляемой ветви словацкой в Венгрии" за независимое государство на основе права на самоопределение.¹

Представители чешско-словацкого сопротивления за границей стремились добиться от государств Антанты официального признания самостоятельной Чехословакии. Политические представители Антанты на тот момент все таки не могли решиться на последний шаг, который бы означал ликвидацию Австро-Венгрии.

Чехословацкий национальный совет изменил тактику и попытался получить поддержку не от Антанты в целом, а от отдельных правительств. И эта тактика была успешной. Значительным вкладом в этот процесс было и участие в военных действиях чешско-словацких легионов в Сибири. Первым признало Чехословацкий национальный совет в качестве чехословацкого правительства, а чехословацкие войска как союзные, французское правительство 29 июня 1918 года. 9 августа 1918 года так сделало британское правительство, 3 сентября - правительство США и 3 октября правительство Италии. Т. Г. Масарик также стремился мобилизовать чешских и словацких соотечественников, достичь их единства, чтобы они могли более эффективно поддерживать чешско-словацкое движение. В Соглашении, подписанном 30 мая 1918 года в Питтсбурге, содержался призыв к созданию общего демократического Чешско-Словацкого государства, в котором Словакия должна была иметь автономию.

---

¹ Klimko, j.: Vývoj územia Slovenska a utváranie jeho hraníc, Obzor, 1980, s. 81.

Соглашение дало новый импульс к движению соотечественников в США. Т. Г. Масарик также пытался повлиять на правительство США и специально на президента Вильсона, чтобы тот выступил за независимую Чехословакию.

Председатель чешской ассоциации Франтишек Станек выступил в начале сентября в Императорском Рейхстаге и без церемоний заявил, что чехи уже расстались с Австрией, а чешский вопрос будет решаться на международном форуме. В том же духе выступил в венгерском сейме словацкий депутат Ф. Юрига, который 19 октября провозгласил, что венгерский сейм не имеет право представлять интересы словаков на мирной конференции, а такое право имеет лишь Словацкий национальный совет.

Решающим фактором стала новая чехословацкая государственная власть, которая посредством военного захвата Словакии силами чешских и словацких добровольцев при помощи иностранных войск навязала конкретный способ включения этой территориальной части в республику.

Чехословацкие требования на Парижской мирной конференции зафиксировались на главном требовании признания исторических границ трех основных земель Чешской Короны - Чехии, Моравии и Силезии, а также на определении оптимальных границ "присоединенной" Словакии и Закарпатской Украины, и, наконец, на решении вопроса границы с Польшей. Мирная конференция в Париже началась 18 января 1919 года. На этой конференции была создана так называемая специальная Комиссия по чехословацкому вопросу, которая должна была рассмотреть все территориальные запросы чехословацкой делегации и предложить их Верховному Совету для окончательного утверждения. 27 февраля 1919 года на первом заседании этой Комиссии под председательством представителя Франции Жюля Камбона все ее члены согласились с принципом признания исторических границ в качестве основы для дальнейших действий. В целом можно констатировать, что мирная конференция в Париже акцептировала большую часть чехословацких территориальных требований. Словакия вместе с Закарпатской Украиной были утверждены в

составе Чехословакии. Пограничный спор о Тешинском округе был окончательно решен разделением его на две части.

Линию границы между Словакией и Венгрией регулировал Трианонский мирный договор, заключенный 4 июня 1920 года, согласно которому международно-правовым способом была решена проблема определения южных границ Чехословакии. В соответствии со статьей 50 этого договора, была создана чешско-венгерская комиссия по делимитации, которая должна была установить границы, указанные в статье 24, пункте 4 этого Трианонского мирного договора.¹

Польша связывала с северной границей свои претензии, которые она представила на Парижской мирной конференции. Кроме спорной территории Тешинского округа, Польша имела территориальные претензии в Ораве и в Спишском крае. Польская сторона аргументировала свою позицию, касающуюся пограничных претензии на эти части Словакии, в основном тем, что они населены поляками, и обосновывала это "улучшением своих стратегических позиции в указанных регионах". Чехословацкая Комиссия по делимитации предложила в июле 1921 года этот спор на конференцию послов, которая обратилась с запросом на разъяснение в Совет Лиги наций, а тот в свою очередь передал на рассмотрение этот спор Постоянной палате международного правосудия в Гааге (позднее Международный суд в Гааге). Международный суд поддержал чехословацкую позицию, аргументом для которой послужило действующее решение Совета послов о новых границах от 28 июля 1920 года.² Совет Лиги Наций принял резолюцию, которая была сходной с чехословацкой позицией.

С 1918 года и в течение 1919 года решался вопрос и по восточной части словацкой границы, который был тесно связан с Закарпатской Украиной. Территория Закарпатской Украины или Подкарпатской Руси, так же, как и Словакия, не была ни административной, ни автономной единицей в Венгрии. Историче-

---

¹ Joachim, V.: Slovník veřejného práva československého, zväzok 1, Brno 1929, strany 329-331.

² Houdek, F.: Vznik hraníc Slovenska, Bratislava, 1931, strana 321-323.

ским событием в развитии Закарпатской Украины была декларация венгерских русинов, провозглашенная в Соединенных Штатах, которой они 26 октября 1918 года в Филадельфии высказались за присоединение русинской территории Венгрии к Чехословакии. Заместитель председателя Центральной русской народной рады доктор права Антоний Бескид вместе с представителями чехословацкой делегации на Парижской мирной конференции выступил за присоединение Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике. Мирная конференция приходит к выводу, что не оставит жить русинов в одном государстве с венграми, но выскажется в соответствии с пожеланием всех русинов присоединить Подкарпатскую Русь к Чехословакии.

Границы Словакии с Австрией установил договор, подписанный в Сен-Жермен-ан-Ле 10 октября 1919 года. Этот Договор в статье 27, пункт 6, указывает на старые административные границы между Чехией и Моравией с одной стороны, и Верхней и Нижней Австрией на другой.

Государственные границы Словакии с Чехией по сути не были до 1993 года точно нормативно определены. Историческим переломом стало заключение Договора между Словацкой Республикой и Чешской Республикой об генеральном установлении государственной границы, который был подписан в Праге 19 октября 1992 года, и который был заменен Договором между Словацкой Республикой и Чешской Республикой о совместных государственных границах, подписанный в Жидлоховицах 4 января 1996 года. Этот исторический договор подготовила Объединенная словацко-чешская разграничительная комиссия. Главной задачей этой комиссии было обозначить и замерить на местности неустановленную словацко-чешскую государственную границу. Ее прохождение было определено административной границей республик.

Чехословацкая Республика после Второй мировой войны подписанием Договора "О Закарпатской Украине" от 29 января 1945 года передала Подкарпатскую Русь Советскому Союзу. Граница, которая была между Словакией и Закарпатской Укра-

иной, установленная 12 сентября 1938 года, стала границей между Чехословацкой Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, а позднее между Словацкой Республикой и Украиной.

Историческое развитие Словакии подтверждает, что она расположена в чрезвычайно нестабильном геополитическом пространстве. Словацкая Республика в своей истории вынуждена была всегда бороться за самое главное - за свою территорию. Как каждая территория имеет свои границы, так государству необходимо определить пределы своего влияния, в рамках которых государство осуществляет верховную власть. Государственные границы имеют особое значение, и что их отличает от других типов границ, так это то, что эти государственные границы являются одновременно и границами властных и политических сфер окружающих стран, с которыми Словацкая Республика граничит.

Библиография

1. Andrassy, J. Gr.: Die Sonderfriedensaktion von Oktober 1918 (Neue Freie Presse, 20. marca 1920).
2. Ancel, J.: Peuples et Nations des Balkans, Paris, 1930.
3. Atlas pentru istoria Romaniei, Bucuresti, 1983.
4. Beneš, E.Dr.: Bohemia's case for Independence, London 1916
5. Beneš, E.Dr.: Der Aufstand den nationen, Leipzig, 1928
6. Bokes, F.: Vývin predstáv o slovenskom území v 19. storočí, Martin 1945
7. Bystrický, V.: Vznik Balkánskej dohody a československá zahraničná politika, HČ, č. 3. 1967.
8. Deák, F: Hungary at the Paris Conference. New York 1943
9. Dvorský, V.: Hranice Československej republiky, Praha 1920
10. Horna, R.: Hranice Republiky československé ve světle historie. Bratislava, 1924.
11. Houdek, F.: Vznik hraníc Slovenska, Bratislava, 1931
12. Churchill, S. W.: The Gathering, The Second World War, zv. 1. Houghton Mifflin, Boston, 1948.
13. Dobiáš, J.: Dějiny Československa před vystoupením Slovanu, Praha 1964
14. Dvorský, V.: Hranice československej republiky, Praha 1920.
15. Hantos, E.: The magna charta of the English and of Hungarian constitution. London, 1904.

16. Horna, A.: Hranice Republiky československé vo světle historie, Bratislava 1924
17. Ivanka, M.: O autonomistických snahách na Slovensku, Bratislava, 1923
18. Janšák, Š.: Slovensko v dobe uhorského feudalizmu (1524-1848) Bratislava, 1932.
19. Kafka, F.: Přehled dějin Československa v epoše feudalizmu I., Praha 1963
20. Klimko, J.: Vývoj územia Slovenska a utváranie jeho hraníc, Bratislava 1980.
21. Krčmář, J.: Československo-poľské hranice na území spišského (Javorina) před stálym dvorem mezinárodní spravedlnosti v Haagu a před Řadou Společnosti národů v Paříži. Zahraniční politika, 1924.
22. Krofta, K.Dr.: Stará ústava česká a uherská, Bratislava, 1931
23. Kučera, F. – Kuchař, K. – Paxa, J.: První mapy Čech, Moravy, Slezka a Slovenska. Praha 1968
24. Olivová, V.: Uváření Československa, dejiny Československa, sv. 4, Praha
25. Perman.D.: The Shaping of the Czechoslovak State. Diploamtic History of the Boundaries, of Czechoslovakia 1914 -1920, Leiden, 1962.
26. Peška, Z.Dr.: Ústava Podkarpatské Rusi, Praha, 1929
27. Rotnág, J.: Česi a Slováci. Spomínky a úvahy z let 1907-1918, Praha 1945.
28. Rudinský, J.Dr.: Revizia Trianonskej zmluvy. Praha. 1932.
29. Pekař, J.: Dějiny Československa, Reprint Praha 1991
30. Seton, W.: La Tschecoslova uie et el problém slovaque (Le Monde Slave, 1931).
31. Seton, W.: Slovakia then and now. London. 1931
32. Sked, A.: Úpadok a pád Habsburskej ríše, Praha 1995
33. Spišiak, J.: Martinská deklarácia v štátoprávnom svetle. Prúdy, 12, č 1, 192
34. Škultéty, J.: Prvé zhromaždenie národné v Turčianskom Svätom Martine. Turčiansky Svätý Martin, 1924.
35. Taylor, A.J.P.: The Struggle for Mastery in Europe 1848-198, Oxford University, Oxford 1965
36. Uhlíř, J.: Hlučínsko. Slovník veřejného práva československého, Sv. 1. Brno 1929
37. Vladár, J.: Na križovatke kultúrnych prúdov, Vykopaná pravda, Salus 1997.
38. Wieser, F. Osterreichs Ende. Wien, 1919.

Документы и материалы

39. Archives Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic
40. Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic
41. Munich in documents I, II. Praha 1958
42. Collection of Czechoslovak Public Law, Vol. 1, 2, 3, 4, Brno 1938
43. Official public Collection of Laws since 1918 until present

IDENTITATEA EUROPEANĂ ȘI PROBLEMA STATALITĂȚII ÎN EUROPA CONTEMPORANĂ

*José Luis IRIARTE ÁNGEL, doctor în drept, profesor universitar,
Universitatea Publică din Navarra, Spania*

Rezumat

Se tratează originea și constituirea identității europene în scopul determinării realizărilor și a elementelor crizei sale actuale. Se analizează relația între Uniunea Europeană și Statele membre și perspectiva pe viitor în baza abordărilor din recenta Carte Albă.

Cuvinte-cheie: *Identitate Europeană, State Membre, Cartea Albă*

EUROPEAN IDENTITY AND THE STATEHOOD PROBLEM IN THE CONTEMPORARY EUROPE

Abstract

It is about the origins and construction of the European identity, to arrive to determine its achievements but also the elements of its current crisis. It analyzes the relationship between the European Union and the Member States and the perspective of the future taking into account the contributions of the recent White Paper.

Keywords: *European identity, Member States, White Paper*

LA IDENTIDAD EUROPEA Y EL PROBLEMA DE LA ESTATALIDAD EN LA EUROPA CONTEMPORANEA

INTRODUCCIÓN. Quiero comenzar mi intervención agradeciendo a los organizadores que hayan tenido conmigo la gentileza de invitarme a participar en esta prestigiosa conferencia, en la que estoy aprendiendo muchas cosas sobre la historia y la estatalidad de Moldavia. Quiero personalizar, aunque se que una conferencia como esta es fruto de muchos esfuerzos, mi agradecimiento en dos personas: Valentin Beniuc, Rector del Instituto de Relaciones Internacionales de Moldavia, y Alejandro Burian, querido y admirado colega y amigo.

Vine a Moldavia por primera vez en el año 2000, desde entonces he regresado en multitud de ocasiones a este país y siempre he encontrado hospitalidad, cariño y generosidad. He colaborado y colaboro con Universidades moldavas en distintos proyectos y he

dirigido la tesis a una discípula moldava que hoy vive en Valladolid. Realmente tengo a Moldavia en mi corazón.

LA IDENTIDAD EUROPEA: ORÍGENES Y CRISIS

Ahora cuando hace 60 años de que se fundó la Comunidad Económica Europea (CEE), antecedente de la actual Unión Europea (UE), es muy bueno reflexionar sobre su identidad.

Los fundadores de la CEE optaron por la integración económica como elemento que propiciaría la integración política. Por eso crearon un mercado común, que posteriormente se transformó en un mercado único, en el que circulan libremente, y con muy pocos límites y excepciones, las mercancías y los factores productivos (personas, como trabajadores y beneficiarios de la libertad de establecimiento, servicios y capitales).

La UE ha alcanzado grandes logros en la integración económica, pues las economías de los 28 Estados miembros están profundamente integradas. Y también se han alcanzado otros objetivos muy deseables, como la paz y la estabilidad, un alto nivel de vida y unos buenos servicios sociales. Que quizás los ciudadanos europeos no valoran en toda su magnitud.

Pero los logros en cuanto a la integración política en la UE son mucho más limitados. Muchos europeos tienen la sensación de estar gobernados por una élite lejana, tecnocrática, ajena a los problemas reales de la gente y no elegida democráticamente. Además, la unión monetaria exigía simultáneamente la unión política. En el fondo un Estado es una aduana y una moneda propias y esto varios Estados europeos ya no lo tenemos, por lo que la integración política era imprescindible. El Euro exigía la federalización de la UE, pero este paso no se dio. El fracaso de la Constitución Europea fue algo muy negativo, que la UE sigue padeciendo.

A todo esto ha venido a sumarse la crisis económica mundial de 2008. Ciertamente la UE y el Banco Central Europeo han tomado medidas (Pacto de Estabilidad de 2011, etc.) que han impedido que la crisis haya ido a más. Pero el coste social, especialmente para las clases medias, ha sido enorme. Posiblemente con una mayor integración política de la UE se hubiese podido articular mejores y más eficaces soluciones económicas.

La crisis económica ha aumentado y animado las posiciones antieuropeistas. Fenómenos como el Brexit o los potentes movimientos antieuropeos surgidos en distintos países (Holanda, Francia, Italia, Polonia, Hungría, etc) tiene su origen en gran medida en la crisis económica.

Para muchos europeos el sentimiento de pertenencia a Europa es limitado frente a otros sentimientos de pertenencia; como puede ser el de formar parte de su Estado o el de pertenecer a una región o ente infraestatal (Comunidad Autónoma, Estado Federado, etc.) o incluso a una religión, pensemos en los cada vez más numerosos musulmanes residentes en la Unión Europea, o a un grupo étnico o de género o de tendencia sexual, etc. Por todo esto, el sentido de pertenencia a la Unión Europea y de identificarse con ella es limitado para muchos ciudadanos europeos. Las autoridades europeas están preocupadas con esta realidad y tratan de fomentar el sentimiento de identificación con la Unión Europea. En este sentido, por ejemplo, se han sopesado ideas tan curiosas como formar selecciones europeas de distintos deportes, que vistan una camiseta europea y se enfrenten a equipos de otras partes del mundo.

Posiblemente la solución pasa por construir una identidad europea sin homogeneidad, como en origen concibieron el proyecto europeo los fundadores de la CEE. Ciertamente, Europa tiene elementos comunes que la caracterizan, como puede ser el cristianismo o la democracia, pero también existen en ella muchas particularidades, por ejemplo las lingüísticas, culturales, etc. De esta manera hay que construir una identidad europea aprovechando los elementos comunes pero sin buscar la peligrosa homogeneidad. Posiblemente esta es también una buena solución cuando se construye la identidad de un Estado. El ejemplo de la Confederación Helvética es un magnífico ejemplo en este sentido.

Por otro lado no se puede olvidar nunca la tesis de Habermas, cuando dice que en una sociedad democrática la identificación del ciudadano debe ser con los valores constitucionales, que garantizan sus derechos y libertades.

LA RELACIÓN DE LA UNIÓN EUROPEA Y LOS ESTADOS EN EL TRATADO DE LA UNIÓN EUROPEA

Pero el hecho objetivo es que la UE está formada por Estados, que han realizado una notable cesión de competencia a la UE, pero que siguen conservando muchas competencias. En este sentido el artículo 4.1 del Tratado de la Unión Europea (TUE) dice: “*De conformidad con lo dispuesto en el artículo 5, toda competencia no atribuida a la Unión en los Tratados corresponde a los Estados*” (véase también el artículo 5.1 TUE).

También es muy significativo que el artículo 4.2 TUE establece la obligación de la Unión de respetar la igualdad de los Estados miembros ante los Tratados y de respetar la identidad nacional, inherente a las estructuras fundamentales políticas y constitucionales de los mismos, incluido lo referente a la autonomía regional y local. De la misma manera la UE debe respetar las funciones esenciales del Estado en lo que se refiere a garantizar su integridad territorial, mantenimiento del orden público y salvaguardia de la seguridad nacional. Estas obligaciones y principios han sido ratificados por diversas sentencias del Tribunal de Justicia de la Unión Europea, como la de 12 de junio de 2014 (asunto C-156/13) o la muy reciente de 21 de diciembre de 2016 (asunto C-51/15).

Además, el artículo 4.3 TUE consagra el principio de cooperación leal, que implica que la UE y los Estados se respetarán y asistirán en el cumplimiento de las obligaciones derivadas de los Tratados, los Estados adoptarán las medidas necesarias para el cumplimiento de las obligaciones derivadas del Derecho europeo, los Estados ayudarán a la UE en el cumplimiento de su misión y los Estados se abstendrán de toda medida que pueda poner en peligro los objetivos de la Unión.

Por su parte, el artículo 5.1 TUE dice: “*La delimitación de las competencias de la Unión se rige por el principio de atribución. El ejercicio de las competencias de la Unión se rige por los principios de subsidiariedad y proporcionalidad*”.

El principio de atribución significa que la Unión actúa dentro de los límites de las competencias que le atribuyen los Estados en los Tratados para lograr los objetivos que estos determinan.

El principio de subsidiariedad opera en los ámbitos que no son competencia exclusiva de la Unión. Esta solo intervendrá en caso, y en cuanto, los objetivos de la acción pretendida no puedan ser alcanzados por los Estados, ni a nivel regional ni local, si no que puedan alcanzarse mejor, a escala de la Unión.

El principio de proporcionalidad implica que el contenido y la forma de la acción de la Unión no excederán de lo necesario para alcanzar los objetivos de los Tratados.

De todo esto podemos concluir que el funcionamiento, y la propia existencia, de la UE, se ha sostenido y se sostiene en un equilibrio de competencias entre la Unión y los Estados miembros. Pero la crisis económica, que ha degenerado en crisis política, ha puesto de relieve que en las dificultades las personas tienden a aferrarse a su Estado y a recelar de la UE. Esto explica el Brexit y otros fenómenos antieuropeistas surgidos en diversos países europeos.

LA ENCRUCIJADA DE LA UNIÓN EUROPEA Y LA PERSPECTIVA DE FUTURO

La UE se encuentra en una encrucijada: u opta por una unión más intensa de naturaleza federalizante u opta por la reestatalización, es decir, por devolver competencias a los Estados en detrimento de las competencias de la propia Unión.

Recientemente el Presidente de la Comisión Europea, J. C. Juncker, ha presentado un Libro Blanco al Parlamento Europeo en el que se presentan cinco posibles escenarios para el futuro de la UE.

Habría dos escenarios extremos: uno sería la federalización de Europa, implicaría prácticamente la creación de los Estados Unidos de Europa, los Estados cederían grandes poderes a la Unión, esta tendría un gran presupuesto, se emitirían eurobonos, habría un ejército europeo, la mayor parte de las decisiones se tomarían a nivel de la Unión, etc. La posibilidad absolutamente contraria sería convertir Europa únicamente en un puro Mercado Único con libre circulación de mercancías, servicios y capitales e introduciendo limitaciones a la libre circulación de personas. También se prescindiría de la mayor parte de las políticas europeas.

En medio existirían otros tres escenarios intermedios: el primero sería dejar las cosas como están, es decir pasar a una congelación institucional pero con el Brexit o sea con 27 Estados. Otro posible escenario sería, partiendo de la situación actual, profundizar en la construcción de la Unión en algunos puntos concretos que exigen una acción europea y que posiblemente se pueden acometer mejor desde la UE (emigración, algunas cuestiones económicas, etc.). Finalmente, un tercer escenario intermedio consistiría en la articulación de la UE a varias velocidades, o en círculos concéntricos. Existiría un núcleo duro de Estados que avanzaría en la federalización y otros Estados que se quedarían en una situación más retrasada para avanzar más lentamente en la integración. Se recurriría a la cooperación reforzada de los artículos 326 y siguientes del Tratado de Funcionamiento de la Unión Europea y que tan interesantes resultados está dando en el ámbito del Derecho Internacional Privado de origen europeo.

De los distintos escenarios futuros para la UE el que finalmente se materialice y prevalezca dependerá en gran medida de los resultados de las elecciones que en este año se van a celebrar en distintos Estados europeos (Francia, Alemania etc.).

Esta es la situación actual de la UE, que se debate entre la federalización y la reestatalización.

PROBLEMA ASIGURĂRII PROTECȚIEI DREPTURILOR OMULUI ÎN REPUBLICA MOLDOVA CA UNUL DIN PRINCIPIILE FUNDAMENTALE ALE STATULUI DE DREPT

*Mihail BÎRGĂU, doctor habilitat în drept, profesor universitar,
USEFS*

Rezumat

În acest articol autorul abordează problema garantării și respectării drepturilor omului în Republica Moldova. Un aspect important al fenomenului abordat susține autorul este recunoașterea universală a drepturilor omului și adoptarea bazei juridice a drepturilor omului în dreptul internațional, în dreptul comunitar și național. În anul 1997, Republica Moldova a ratificat Convenția cu privire la protecția drepturilor omului, care reprezintă un element important a sistemului judiciar din Republica Moldova. În concluzie, autorul observă decalajul dintre actele normative și realitatea în domeniul respectării drepturilor omului în Republica Moldova, indicând necesitatea adoptării unui mecanism de control a modului cum sunt respectate legile și actele normative la nivel național.

***Cuvinte-cheie:** drepturile omului, Republica Moldova, stat de drept, drept internațional, lege, act normativ*

THE PROBLEM OF ENSURING THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA AS THE FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF THE LEGAL STATE

Abstract

In this article, the author addresses the issue of guaranteeing and respecting human rights in the Republic of Moldova. An important aspect of the phenomenon advocated by the author is the universal recognition of human rights and the adoption of the legal basis of human rights in international law, in community and national law. In 1997, the Republic of Moldova ratified the Convention on the Protection of Human Rights, which is an important element of the judiciary system in the Republic of Moldova. In conclusion, the author observes the gap between normative acts and the reality in the field of human rights in the Republic of Moldova, indicating the necessity of adopting a mechanism for controlling the way the laws and normative acts are observed at national level.

***Keywords:** human rights, the Republic of Moldova, rule of law, international law, law, normative act*

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВА

Моё научное сообщение отнесется к числу своего рода вечных проблем в обществе – это соблюдения и обеспечения прав человека в нашем государстве.

Права человека - их генезис, социальные корни, назначения – одна из вечных проблем исторического социально - культурного развития человечества, прошедшая через тысячелетие и неизменно находящиеся в центре внимания политической, правовой, этической, религиозной, философской мысли.

Проблемы соблюдения прав человека являются результатом длительного исторического формирования эталонов и стандартов, которые стали нормой для современного демократического общества.

Тысячелетиями шёл поиск способов взаимоотношений индивида и власти; по мере общественного прогресса и развития человечества на пути свободы где все более четко появлялось стремление ограничить всевластие государство, оградить человека от произвольных действий государственных органов и должностных лиц, предоставить личности как можно более широкое поле для самоопределения. “Всемирная история писал Гегель – это прогресс в сознание свободы, прогресс как в мысли познания объективной истины, так и внешний объективизации достигнутых ступеней познания свободы в государственно – правовых формах.”

Мы себе четко сегодня представляем что каждый человек имеет прирождённое неотъемлемое право на определенный объем благ (материальных и духовных), обеспечению которых должны содействовать общество и государство. Объем этих благ всегда определяется положением индивида в классовой структуре общества, в системе материального производства. Резкое поляризация общества на различных этапах его развития своеобразие цивилизации не дали возможности правам человека

обрести признак универсальности, основанный на принципе формального равенства, получить современное звучание.

Идеи прав человека в первые возникли еще в VI - V вв. до н. э в древних полисах (Афины и Рим), где в первые возникли идеи демократии появления принципа гражданства. В древних полисах с гражданством были связаны прежде всего политические права: свобода, права на решение государственных дел и т.д.

Современное представление о правах человека было заложено Французской революции, которая стала не только триумфом но и трагедией народа, испытавшие все ужасы якобинской диктатуры. Однако оно оставило великий правовой документ – Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. Декларация провозгласила о том что люди рождаются свободными и равными в правах. Политико-правовые и нравственные воззрения Вольтера , Монтескье, Руссо и др., явились тем фундаментом на котором базировалось свободомыслие, непримиримость к произволу и абсолютизму, преклонение перед законом и неотъемлемыми не отчуждаемыми правами человека, стремление к общему благу.

К числу таких прав, декларация отнесла свободу, собственность, безопасность и сопротивление учению. Она провозгласила презумпцию невиновности, свободу совести, свободу выражения мнения, свободу печати, гарантии личных и иных прав граждан.

Крупнейшим вкладом XX века, в формировании современных представлений о правах человека, стало их международно-правовое закрепление в качестве одного из основополагающих и универсальных принципов международного общения.

Международно-правовое закрепление и универсальное признание прав человека, неважно формально или не формально, навязанное и выстраданное веками борьбы за их утверждение полностью изменили ситуацию.

Национальное законодательство и механизм защиты прав человека, в настоящее время неотделимы от международных процессов.

В 1997 г. Республика Молдова ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которая всту-

пила в силу 12 сентября 1997 г – в день сдачи ратификационной грамоты Генеральному секретарю Совета Европы. В соответствии со ст.8 Конституция Республики Молдова, конвенция стала составной частью правовой системы страны, что повлекло за собой практическую необходимость изучения практики Европейского суда по правам человека - органа, призванного обеспечить соблюдение обязательств, принятых на себя государством - участниками Конвенции.

Её нормы действуют сегодня, таким образом, как они были истолкованы в процессе их применения Европейским Судом по правам человека.

Знание практики Европейского Суда по правам человека важно не только для государственных органов – законодательных и судебных, но и для жителей Республики Молдова, получивших возможность обращения в Европейский Суд по правам человека, если они полагают, что действиями государственных властей нарушены их права, гарантированы Конвенцией, и на национальном уровне они не получили должной защиты. Право на такое обращение предусмотрено не только конвенции, но и Конституции Республики Молдова.

Жители Республики Молдова достаточно активно использовали это право: за время прошедшее после ратификации Конвенции, ими было подано в Европейский Суд по правам человека тысячи жалоб.

Исходя из анализа и обобщения дел Европейским Судом по правам человека можно выделить несколько групп. Первое это жалоба относящиеся к различным аспектам уголовной процедуры, содержания в местах предварительного заключения и, после вынесения приговора, в исправительных колониях. Ряд жалоб относится к условиям содержания и к длительности уголовного процесса. Имеются жалобы, которые касаются разделов ст. 6 о равенстве сторон в процессе и о справедливом судебном разбирательстве. В некоторых из жалоб, речь идет об отсутствии юриста в течении первых часов задержания и допроса. В другом деле, провокация со стороны органов полиции послужила осно-

ванием для приговора за распространение наркотических веществ. В- третьих, заявители жалуются на то, что окончательные решения судов в их пользу были пересмотрены в порядке надзора. Эта процедура, которая используется и в уголовных и в гражданских делах, может затронуть вопросы, связанные с принципом юридической стабильности. Также, есть жалобы, относящиеся к длительности гражданского судопроизводства.

Многие жалобы касаются неисполнения решений судов государственными органами или вины таких органов в неисполнения решений.

К сожалению на практике не редкость и такие случаи, как - признание жалобы неприемлемой, например, когда граждане злоупотребляют правами при её подаче. Несмотря на то, что Европейская конвенция в принципе не допускает такой возможности. Многие дела не приемлемы “*ratione temporis*“, другие касаются социальных и экономических вопросов, существуют жалобы относительно незаконного и необоснованного пересмотра решений национальных судов по гражданским и уголовным делам.

Так, об этом пишет М.Л. Энтин, доктор юридических наук, профессор, МГИМО, в книге “ Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная Хартия”:

“Дело в том, что, как правило, жалобы составлены без учёта формально-юридических требований. В смысле некоторых из них просто трудно разобраться. Они представляют собой лишь сгусток эмоций. Другие составлены до обращения к конкретным национальным инстанциям. Третьи не имеют непосредственного отношения к сфере регулирования Конвенции, и так далее ...”.

Подобные обращения характерны не только для Республики Молдова, но и для других стран. Необходимо, к сожалению, отметить такую отрицательную тенденцию, когда ряд адвокатов и заявителей начинают своё обращение с нашим национальным судом примерно одинаково: ещё национальная судебная инстанция не выслушала их доводы, а они уже заявляют, что собираются обращаться в Суд в Страсбурге.

Практика Суда по отдельным статьям Конвенции далеко не равнозначна. По одним статьям принято считанное количество решений, по другим – десятки, сотни, что, конечно, отражается на объёме комментариев, а также исключает возможность полного их единообразия.

Aș dori să-mi expun unele sugestii pe marginea problemei date și în limba de stat.

Din cele menționate mai sus, aș vrea să mă axez la un studiu în domeniul dat de o echipă de juriști în frunte cu avocatul Vladislav Gribincea, de la Centru de Resurse Juridice din Moldova.

Acest studiu a fost efectuat din mai multe considerente, în primul rând, din cauza numărului mare de Hotărâri ale Curții Europene a Drepturilor Omului. În al doilea rând, doi dintre membrii echipei Centrului au o experiență bogată în reprezentarea reclamațiilor în fața Curții. În al treilea rând, nivelul și calitatea acestor hotărâri la nivel național și rolul autorităților naționale în asigurarea drepturilor prevăzute de Convenția Europeană a Drepturilor Omului sunt subiecte de un interes major și discutate pe larg în Republica Moldova.

Republica Moldova se află printre primele țări după numărul cererilor depuse la CEDO, cu circa o mie de cereri anual. Din cele 7 406 cereri din RM înregistrate între anii 1998-2011, CEDO a finalizat examinarea a doar 42%. La 1 ianuarie 2012, RM s-a aflat între primele opt țări cu cel mai mare număr de cereri care nu au fost soluționate la CEDO, depășind astfel de țări ca, Franța, Germania, Marea Britanie, Bulgaria și altele.

Numărul mare de cereri depuse împotriva Moldovei s-ar putea datora informării bune a societății moldovenești despre activitatea CEDO, dar și a unor disfuncții serioase în sistemul justiției.

Pînă la 1 ianuarie 2012, CEDO a pronunțat 227 hotărâri în cauzele moldovenești. Doar în două hotărâri nu a fost constatată violarea CEDO. În baza celor 227 de hotărâri, Guvernul RM a plătit 12,8 mln. de euro, dintre acestea peste 9,2 mln. euro au fost acordate prin doar două hotărâri în anul 2008. Suma acordată prin cele două hotărâri este mai mare decît întreg buget instanțelor judecătorești din RM pentru anul 2008.

Potrivit ultimului raport de activitate CEDO, în anul 2016, CEDO a înregistrat 839 de cereri împotriva Moldovei, ne bucură faptul că cu 17% sunt mai puține decât anul 2015.

Lipsa îmbunătățirii respectării drepturilor omului explică și rata înaltă de cereri pe cap de locuitor.

Raportat la populația țării, numărul cererilor depuse la CEDO împotriva RM este foarte mare. La acest capitol, RM în anul 2016 se află pe locul șapte din cele 47 de țări membre a Consiliului Europei.

În 2014, moldovenii s-au adresat la CEDO de patru ori mai des decât media europeană.

Numărul mare de cereri depuse la CEDO vorbește în primul rând, despre încrederea scăzută în sistemul de drept din țară.

Din 1998 până în 2016 CEDO a înregistrat peste 12 650 de cereri îndreptate împotriva Moldovei.

La 31 decembrie 2016, 1 283 dintre aceste cereri încă așteptau să fie examinate.

Din cele 310 hotărâri, doar în 6 hotărâri CEDO a constatat că RM a violat CEDO.

Актуальность Совета Европы состоит в том, что с момента образования этой организации условия жизнедеятельности общества изменились, если основной причиной образования организации явилась предотвращение агрессии которой подверглось человечество после Второй Мировой Войны, то на современном этапе на передний план выходят новые проблемы и вопросы, которым ранее не уделялось достаточного внимания, например: СПИД и Дискриминация страдающих этим заболеванием, необходимость защиты национальных меньшинств, вопросы равноправия мужчин и женщин.

Устав Совета Европы предусматривает, что цель организации Совета Европы – это не только ” поддержание ” но и “ дальнейшее осуществление ” прав человека и основных свобод. В то же время необходимо уделять внимание тому, что не только провозглашались права человека, но и принимались всё более эффективные меры к обеспечению их соблюдения.

Главными источниками юридического регулирования прав человека в Республики Молдова является Конституция РМ, которой в ст.1 провозглашает: “ Республика Молдова – демократическое правовое государство, в котором достоинства человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личность, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются”.

Конституционное положение, закреплённое в ст.4 Конституции РМ, предусматривает соответствие прав и свобод, закреплённых в национальных законодательствах с пактами и другими договорами, одной из сторон которых является Республика Молдова. Данное положение является выражением одного из принципов взаимного доверия государство международного сообщества: добросовестного соблюдения международных обязанностей (*pacta sunt servanda*). В частности это касается документов и соглашений, которые ратифицировала Республика Молдова в рамках организации Совета Европы.

В качестве примеров современной работы Совета Европы следует указать на меры, предпринимаемые по равенству между мужчиной и женщиной, усилие по борьбе с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью, а также по решению одной их самых серьёзных проблем на сегодняшний день – защита прав лиц принадлежащим к национальным меньшинствам.

В национальном законодательстве РМ право равенство было закреплено в ст.16 Конституции, которая предусматривает что все граждане РМ равны перед законом и властями независимо от расы, национальность, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежность, имущественного положения или социального происхождения.

В Уголовном Кодексе РМ ст.176 гласит, что нарушение прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией и другими законами, в зависимости от вышеуказанных признаков, совершённое должностным лицом и повлекшее ущерб в значительных размеров, наказывается штрафом в размере от 300 до 600 условных единиц или лишением свободы на срок до 3 лет с

лишением или без права занимать определённую должность или заниматься определённой деятельностью на срок от 2 до 5 лет.

Принцип равенства граждан более подробно раскрывается в других нормативных актах. Например, “Закон о гражданстве” от 2 июня 2000г., закрепил равенство граждан РМ перед законом и публичными властями, обладание в равной степени всеми социально – экономическими и политическими правами и свободами, провозглашёнными Конституцией и другими законами, международными договорами, одной из сторон которых является РМ.

В Трудовом кодексе РМ указано, что в рамках трудовых отношений действует принцип равноправия всех рабочих. Закон РМ “Об оплате труда” предусматривает, что при установлении заработной платы не допускается дискриминаций работников в зависимости от возраста, пола, расовой и национальной принадлежности, политических убеждений, вероисповедания и материального положения.

По – прежнему остро остаётся проблема насилия над женщинами. Акты насилия в отношении женщин представляют собой посягательство на право женщины на свободу и на неприкосновенность её личность, а также её право на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность. Наиболее распространёнными видами насилия над женщиной является домашнее, психическое, экономическое, физическое и сексуальное, а также торговля живым товаром в целях сексуальной эксплуатации. Женщины Молдовы испытывают насилие, а особенно распространены словесное насилие (15%), экономическое насилие (15%), запугивание (13%), психологическое насилие (11%), угрозы (8%), физическое насилие (6%). Однако эти цифры не дают полной картины так как большинство женщин в силу воспитания, традиции, давления общественного мнения, смиряются с нездоровой атмосферой и не желает раскрывать семейные тайны.

Ст.16 Конституции РМ гарантирует права национальных меньшинств - “все граждане РМ равны перед властями независимо от расы, национальность, этнического происхождения,

языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения”.

Закон РМ “Об общественных объединениях”, представляют представителям национальных меньшинств возможность создавать этнокультурные организации для более эффективного представления, продвижения и достижения своих социальных, языковых, культурных и других интересов.

Государство обязуется всемирно заботиться о сохранении, религиозной, развитии и свободном выражении этнической, культурной, религиозной и языковой самобытности всех этнических сообществ, проживающих в Молдове.

Согласно Концепции, основными принципами национальной политики являются:

1. Равенство прав и свобод человека независимо от этнического происхождения, языка и религии;
2. Уважение, признание и гарантирование прав всех граждан республики на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности;
3. Недопустимость проявлений дискриминаций по этническому, религиозному признаку, а также ограничения прав граждан на использование родных языков, выбор языка воспитания и обучения;
4. Недопустимость любых действий, направленных на ассимиляцию и денационализацию и др.

Посредством принятия Закона РМ “Об особом правовом статусе Гагаузии” Молдова привела в соответствие с международными стандартами положения в области обеспечения, развития и сохранения национальной идентичности меньшинств – в данном случае – по административно – территориальному признаку.

Сближение законодательства РМ с законодательствами стран – участниц Совета Европы, как на теоретическом, так и практическом уровне – это, прежде всего, стремление Молдовы перенять и использовать опыт, накопленный европейскими партнёрами.

РМ являясь молодым европейским государством с относительно широким внутренним рынком, ориентируется на всемирное

использование своего геоэкономического, транзитного положения и массового производства продукции на экспорт. Для этого ей нужны инвестиции, передовые технологии и новые рынки.

Решение Суда обязательно для государств – участников, и за их осуществлением наблюдает Комитет министров Совета Европы. Созданий в соответствии с Европейской конвенцией механизм является наднациональной властью.

Обращение в Европейский Суд по правам человека – это возможность изменить устоявшуюся а государстве законодательную и правоприменительную практику, сделать более эффективной защиту прав человека в РМ, привести её в соответствие с международными стандартами защиты, использовать позитивный опыт Совета Европы для усиления средств защиты внутри РМ. Нередко значимость решений Суда выходит за национальные пределы, воздействуя на право и судебную практику других государств – участников Конвенции.

Необходимо разработать ряд мер, направленных на реализацию конституционного права граждан на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, так как это далеко не автоматический процесс, координационным центром в нём могла бы стать Высшая Судебная Палата Республики Молдова.

Во – первых, целесообразно признать не только Европейскую Конвенцию, но и решения Европейского Суда источником молдавского права. Пленум Высшей судебной палаты мог бы стать той нормативной базой, которая позволила бы судам всех уровней в своих решениях ссылаться на Страсбургское прецедентное право. Его использование в практике молдавских судов позволило бы обезопасить государство от лавины решений Европейского Суда, принятых не в пользу молдавского правительства.

Во- вторых, необходимо систематически обучать судей применять прецеденты Европейского Суда, так как порой для них затруднён доступ не только к страсбургскому праву, но и к международным документам, ратифицированным РМ.

Одним из важнейших шагов, которые должны быть пред-

приняты всеми ветвями власти РМ – это, помимо предоставления облегчённой процедуры обращения в Европейский Суд по правам человека, строгое соблюдение тех решений, которые были приняты в национальных судебных инстанциях.

На сегодняшний день, в Молдове общее количество неиспользованных актов составляют более 100 тыс., из которых более половина – судебные решения по гражданским, уголовным и административным делам.

Соблюдение решений, которые были приняты в национальных судебных инстанциях, обеспечат соблюдение прав человека в действительность и сократят число жалоб, которые можно избежать, и соответственно, сократить непредвиденные расходы, а также поднимут РМ на должный правовой уровень среди других стран Европы, на который мы претендуем.

Поставленные задачи РМ могут быть достигнуты, и это реальность сегодняшнего дня, так как законодательство РМ соответствует общим международным принципам.

Не соблюдаются также конституционные положения, как неделимость и целостность территории, что ослабевает экономику страны непрекращающейся конкуренцией между государственными деятелями РМ непризнанной республики Приднестровья. Мы в силах изменить, образовавшееся положение. Для этого необходимо:

1. Убедить население страны к объединению и высказать свой путь, к решению данной проблемы, и перестать играть роль марионеток в руках государственной власти.

2. Выбрать какие органы государственной власти, которые испытывали бы чувство ответственности за свои действия, которых можно по праву называть элитой общества, характеризующиеся умом, интеллигентностью, честностью, бескорыстием и трудолюбием.

3. Внушить веру сознательному населению страны в искренность и честность намерений государственной элиты, вызвать у населения чувство коллективной борьбы для создания общими усилиями стабильную и устойчивую экономику на благо всей страны, которая сможет обеспечить жизнь в достатке.

4. Продемонстрировать эффективное действие законодательства, основанное на морально – социальных ценностях населения, направленное на то, чтобы справедливость восторжествовала, вызвать чувство уважения к букве закона и тем лицам, обеспечивающим его соблюдения.

В целом, работа Совета Европы на сегодняшний день в качестве гаранта защиты прав человека, эффективна и действенна.

Библиография

1. Соловьев Э.Ю. Личность и право // Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 416.
2. Нерсесянц В. С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до Декларации 1789 г.) // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1989. С. 22.
3. Колотова Н.В. Права человека как сфера взаимодействия права и морали. / Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. Москва: Институт государства и права РАН, 1996.
4. Голубева Г.А. Взаимодействие морали и права (социально-философский анализ опыта гражданского общества). М., 2009. С. 44.
5. Конституция Республики Молдова, от 29.07. 1994 г.
6. Сб. нормативных документов по правам человека, 1994 г. С. 43
7. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования//Права человека в истории человечества и в современном мире.М.,1989. С. 22.
8. Мальцев Г.В. Новое мышление и современная философия прав человека // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1989. С. 35.
9. V. Gribincea, P. Grecu, N. Hriptievsi, S. Macrinici, Executarea Hotărîrilor Curții Europene a Drepturilor Omului de către RM, 2013-2014, Chișinău, 2015, <http://crjm.org/wp-content/uploads/2015/03/CRJM-Raport-CtEDO-31.03.2015.pdf>, vizitat la 11.03.2017.
10. Republica Moldova la Curtea Europeană Pentru Drepturile Omului – 2016, file:///D:/Documents/Downloads/Statistica-CEDO-2016_site-web.pdf, vizitat la 12.03.2017.

STABILITATEA CONSTITUȚIEI – GARANȚIE INDISPENSABILĂ A STATALITĂȚII MOLDOVEI

*Gheorghe COSTACHI, doctor habilitat în drept,
profesor universitar, cercetător științific principal,
Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM*

Rezumat

Studiul de față este axat pe analiza stabilității Constituției ca factor indispensabil al statalității Moldovei. Autorul argumentează necesitatea asigurării unui echilibru între stabilitatea și dinamica Constituției și identificând unele exigențe de natură să asigure menținerea acestuia în condițiile în care Constituția Republicii Moldova va fi supusă revizurii.

***Cuvinte-cheie:** Constituție, echilibru, stabilitate, dinamică, revizuire, statalitate*

CONSTITUTION STABILITY - AN INDISPENSABLE GUARANTEE OF THE MOLDOVAN STATEHOOD

Abstract

The present study focuses on the analysis of Constitution stability as an indispensable factor for Moldovan statehood. The author argues the necessity of ensuring a balance between the stability and dynamics of the Constitution and identifies some requirements that would ensure its preservation in the conditions under which the Constitution of the Republic of Moldova will be subject to revision.

***Keywords:** Constitution, balance, stability, dynamics, revision, statehood*

Introducere. Problema Constituției, a rolului și valorii acesteia într-un stat de drept este una destul de frecvent abordată în literatura de specialitate. În ultimul timp, însă tot mai mult în arealul nostru științific se accentuează necesitatea revizurii Constituției Republicii Moldova în vederea consolidării anumitor instituții juridico-constituționale. Evident, în prezent, o asemenea necesitate este justificată, mai ales că nu putem rămâne la nesfârșit în proces de tranziție. Fiind un act elaborat și adoptat în vîltoarea unor mari transformări sociale (care și-au pus amprenta și pe conținutul Legii Fundamentale), este de la sine înțeles că perioada ce s-a scurs, cu toate reformele sale, a fost o ocazie destul de bună pentru evaluarea și aprecierea

calității și eficienței textului constituțional. Sub acest aspect, considerăm că necesitatea și oportunitatea consolidării actuale a instituțiilor democratice ale statului implică inevitabil și necesitatea consolidării rolului Constituției ca pilon fundamental al statului de drept¹.

Actualitatea studiului. În pofida conștientizării necesității revizuirii Constituției Republicii Moldova și a voinței manifestate în acest sens de către politicieni, totuși în viziunea noastră, mai trebuie conștientizat și luat în calcul un moment, la fel de important: Constituția trebuie revizuită doar cu condiția respectării echilibrului dintre stabilitatea și dinamica ei.

Ținând cont de cele menționate, în continuare ne propunem să precizăm esența echilibrului dintre stabilitatea și dinamica Constituției și să argumentăm necesitatea respectării acestuia în procesul de revizuire constituțională în vederea asigurării stabilității Legii Surpeme – condiție indispensabilă pentru garantarea Statalității Moldovei.

Echilibrul dintre stabilitatea și dinamica Constituției. În majoritatea sistemelor constituționale din lume Constituția s-a impus ca Lege Fundamentală ce stă la baza organizării și funcționării statului. Adoptarea ei este considerată a fi un eveniment deosebit de important, pentru că, pe de o parte, în Constituție sunt reglementate și consacrate principiile fundamentale ale întregii vieți sociale și statale, iar pe de altă parte, aceasta excede juridicului, fiind o realitate politico-statală².

Valoarea deosebită a Constituției derivă în mare parte din funcțiile pe care le îndeplinește aceasta, una din cele mai importante fiind considerată *funcția de stabilizare*, esența căreia rezidă în faptul că Legea Supremă este rezultatul consensului diferitor forțe politice, fiind astfel un factor stabilizator pentru dezvoltarea relațiilor sociale³. Prin reglementarea structurii și sistemului puterii de stat, a competen-

---

¹ Costachi Gh., Iacob I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: *Legea și Viața*, 2014, nr. 2, p. 4.

² Muraru I., Tănăsescu E. S. *Dreptul constituțional și instituții politice*. Ediția a 12-a. Vol. II. București: All Beck, 2005, p. 39-40; Кравец И.А. *Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления*. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2005, p. 129.

³ Тодыка Ю.Н. *Конституция Украины: проблемы теории и практики*. Харьков: «Факт», 2000, p. 80.

ței organelor de stat, a principiilor și formelor activității acestora, Constituția are un rol de stabilizare a statului ca instituție politică, conturează câmpul de funcționare a acestuia și posibilitatea de a influența procesele sociale¹.

În același timp, Constituției îi revine și un rol important în asigurarea stabilității sistemului de drept, continuității acestuia indiferent de transformările politice sau de altă natură din societate. În mare parte, această funcție derivă din caracterul stabil al Constituției marcat de procedura complexă de adoptare, modificare și abrogare a acesteia. Anume datorită exigențelor stabilite pentru modificarea textului constituțional, se asigură continuitatea stabilă a ordinii impuse de normele constituționale.

Așadar, stabilitatea Constituției este baza stabilității sistemului de drept al statului, al regimului constituțional, ce garantează neadmiterea modificării acestora în funcție de diferite considerente politice de conjunctură².

În perioada contemporană, funcția în cauză este considerată a fi deosebit de importantă, deoarece ea are un rol fundamental pentru desfășurarea stabilă a reformelor inițiate, pentru asigurarea vectorului democratic de dezvoltare a societății și a statului, pentru rezistența și consolidarea regimului constituțional³. Mai mult, astfel privită Constituția servește ca garant al stabilității statului și al consensului tuturor structurilor societății⁴.

Prin textul său, Constituțiile reflectă atît sau preponderent necesități ale prezentului, adică specifice momentului adoptării, cît și puterea de previziune a constituentului, care trebuie să țină cont de

---

¹ Costachi Gh., Hlipcă P. *Organizarea și funcționarea puterii în statul de drept*. Ediția a II-a revăzută și completată. Chișinău, 2011, p. 159; Costachi Gh. *Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova*. Tipografia Centrală, Chișinău, 2009, p. 79.

² Тодыка Ю.Н. *Конституционные основы формирования правовой культуры*. Харьков: «Райдер», 2001, p. 34-35.

³ Costachi Gh., Iacob I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: *Legea și Viața*, 2014, nr. 2, p. 5.

⁴ Guceac I. *Constituția la răscruce de milenii*. Chișinău: S.n., 2013 (Tipografia Centrală), p. 120.

posibila evoluție a relațiilor sociale, de necesitatea unei anumite direcționări a vieții politice. Dar oricâtă putere de previziune ar avea cei ce contribuie la elaborarea proiectului, precum și cei ce decid conținutul normativ al Constituției, aceasta poate la un moment dat să nu mai corespundă exigențelor societății. Fie că apar probleme noi care necesită soluții, fie că vechile probleme necesită noi soluții, oricum se ajunge la completarea Constituției cu noi dispoziții. Uneori însă, nu este vorba de adaptarea Constituției la noile exigențe și nici de găsirea unor noi soluții juridice pentru vechile probleme, ci pur și simplu de ameliorarea textului, de perfecționarea reglementărilor privind organizarea autorităților publice, garantarea drepturilor și libertăților cetățenilor, racordarea unor norme la nevoile sociale ce nu au fost just apreciate etc. Totodată, revizuirea poate fi impusă de aderarea statului la anumite pacte internaționale sau de încheierea unor noi tratate și convenții.

Prin urmare, în virtutea faptului că realitățile obiective, activitatea politică și cea socială sunt în permanentă schimbare și evoluție, realitatea juridică este nevoită să țină pasul cu transformările ce intervin în diferite domenii. Nu fac excepție în acest sens nici prevederile constituționale, cu atât mai mult că ele sunt expresia, pe plan normativ, a unor realități sociale aflate în dinamică. Sub acest aspect este evident că stabilitatea normelor constituționale nu poate fi impusă în mod artificial, întrucât un asemenea demers ar deveni o frână în calea evoluției raporturilor sociale pe care aceste norme tocmai le exprimă¹.

În același timp, considerăm că au perfectă dreptate unii autori când susțin că stabilitatea necesară unei Legi Fundamentale trebuie să fie corelată cu posibilitatea acesteia de a se adapta noilor realități politice și sociale și de a-și corecta imperfecțiunile ivite pe parcursul aplicării în timp. Numai îmbinarea armonioasă a durabilității normelor constituționale cu capacitatea lor de a se adapta noilor evoluții în plan politic poate da unei Constituții o viabilitate în timp².

---

¹ Varga A. *Constituționalitatea procesului legislativ*. București: Editura Hamangiu, 2007, p. 289.

² Guceac I. *Revizuirea Constituției – prezent și viitor*. În: Reintegrarea Moldovei. Soluții și modele. Chișinău: TISH, 2005 (F.E.-P. „Tipografia Centrală”), p. 84.

În contextul dat, vom sublinia că la sfârșitul sec. al XX-lea profesorul rus A.A. Belkin susținea că sarcina principală a procedurii de modificare a Constituției constă în păstrarea Constituției în vigoare ca pe o anumită valoare, așa cum a fost pentru cei care au elaborat-o. Constatînd răspîndirea largă a „indestructibilității Constituției” ca principiu al constituționalismului, domnia sa îl consideră ca fiind un principiu de protecție a Constituției, recunoscînd totodată că construcția „indestructibilității absolute” a Constituției nu este justificată nici logic, nici istoric¹.

În aceeași ordine de idei, Iu.L. Șulijenko² notează că dacă în textul Constituției nu vor fi reflectate transformările substanțiale produse în viața statului și a societății, atunci *de facto* ea capătă caracterul unui document istoric care nu reflectă realitatea practică.

Astfel, echilibrul dintre stabilitatea Constituției și dinamica inevitabilă a acesteia este asigurat de procedura complexă de adoptare, modificare și abrogare a acesteia.

În doctrină, valoarea juridică a interdicțiilor de a revizui Constituția, a limitelor revizuirii, a fost adesea contestată, spunîndu-se că autorii Legii Fundamentale nu pot impune voința lor generațiilor următoare, care trebuie să rămîină libere să modifice cum vor textul constituțional. Alți cercetători au respins însă o asemenea argumentare, susținînd că, dimpotrivă, constituentul trebuie să facă o deosebire între cele cîteva momente pe care le consideră esențiale – și care nu pot fi puse în discuție fără o lovitură de forță, și cele mult mai numeroase, care pot fi oricînd modificate³.

În urma acestei dispute doctrinare, s-a ajuns la admiterea ideii unor limite ale revizuirii, păstrîndu-se în continuare controverse asupra conținutului, a întinderii și a formelor revizuirii.

Ceea ce trebuie precizat în acest context, în legătură cu întinderea revizuirii, este aceea că putem vorbi de o revizuire *totală* cînd se

---

¹ Белкин А.А. Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики. СПб.: ТОО "ТК "Петрополис", 1995, p. 9-11.

² Шульженко Ю.Л. О понятии "правовая охрана Конституции". Государство и право, 2002, № 7, p. 9.

³ Pactet P. *Textes de droit constitutionnel*. Paris, 1990, p. 78.

modifică întreaga Constituție și, deci, se modifică, se schimbă instituții și principii fundamentale, moment ce echivalează mai curînd cu o abrogare a Legii Fundamentale și respectiv, o revizuire *parțială* cînd sînt modificate doar cîteva articole (dispoziții). Esențială este conformitatea revizuirii cu procedura prevăzută în Constituție¹.

Procedura de revizuire a Constituției este strict legată de caracterul flexibil sau rigid al Legii Fundamentale. În cazul în care modificarea Constituției se realizează după aceeași procedură după care se modifică legea (ordinară sau organică), suntem în prezența unei Constituții suple sau flexibile. În schimb, dacă revizuirea Constituției se face după alte reguli decît cele obișnuite, ne aflăm în fața unei Constituții rigide. Prin caracterul rigid al Constituției (diverse modalități de realizare a rigidității), se urmărește asigurarea supremației Legii Fundamentale în cadrul sistemului ierarhizat al actelor normative².

În general, prin stabilirea unor condiții obligatorii pentru adoptarea, modificarea și abrogarea Constituției sunt stabilite garanții ale menținerii formei de organizare a statului, evitîndu-se posibilitatea modificării arbitrare și premature a textului Legii Fundamentale și încălcarea acesteia. Important e de a ține cont de faptul că revizuirea Constituției nu trebuie să fie nici prea ușoară și nici excesiv (extrem) de dificilă. În primul caz, ar putea surveni pericolul despotismului parlamentar sau al guvernului, iar în al doilea – reforma necesară fie se amîină pe un timp nedeterminat, fie este declanșată și desfășurată ilegal sau prin violență.

Exigențele revizuirii Constituției Republicii Moldova. Înainte de a aborda subiectul ce ține de revizuirea Constituției Republicii Moldova considerăm necesar a determina caracterul acesteia, adică dacă este o Constituție flexibilă sau rigidă. Potrivit prof. I. Guceac, răspunsul la această întrebare îl regăsim în art. 141-143 din Constituție³. După cum e și firesc, aceste dispoziții constituționale nu dau un răspuns expres, lăsînd ca cel interesat să decidă în funcție de convin-

---

¹ Costachi Gh., Iacob I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: *Legea și Viața*, 2014, nr. 2, p. 6.

² Guceac I. *Constituția la răscruce de milenii*. Chișinău: S.n., 2013 (Tipografia Centrală), p. 120.

³ *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29 iulie 1994. În: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, nr. 1 din 12.08.1994.

gerile și cunoștințele sale. Însă, evaluând intervențiile în textul Legii Fundamentale care s-au soldat cu modificarea acesteia, ea pare a fi mai mult o Constituție flexibilă decât una rigidă¹.

Prin urmare, domnia sa se expune asupra necesității conferirii unei rigidități pronunțate Constituției Republicii Moldova în vigoare, venind cu următoarele argumente:

- din punct de vedere juridic, rigiditatea unei Constituții marchează superioritatea acesteia față de toate actele normative;
- din punct de vedere politic, rigiditatea unei Constituții asigură protecția indivizilor, continuitatea reformelor sociale și integrarea valorilor promovate de societatea statului respectiv;
- rigiditatea exclude practica unor modificări „epidemice” a Constituției și menținerea stabilității sistemului de drept național;
- rigiditatea Constituției este o caracteristică a constituționalismului și, în același timp, un avantaj pentru statul de drept.

În scopul realizării acestor obiective, dl profesor propune completarea Legii Fundamentale a Republicii Moldova (eventual art. 143) cu următoarea dispoziție: „orice inițiativă de revizuire a Constituției să fie supusă examinării în două legislaturi consecutive astfel încât numai ce-a de-a a doua legislatură, în cadrul primei sesiuni, devenind constituantă”².

În ceea ce ne privește considerăm că ar mai fi nevoie și de alte condiții și exigențe pentru sporirea rigidității Constituției Republicii Moldova. Una dintre acestea ar fi implicarea obligatorie a societății civile și a cetățenilor în procesul de elaborare, dezbatere a proiectului de lege cu privire la modificarea Constituției și adoptarea acesteia.

Prin esență, un asemenea proiect este unul ambițios, ce nu poate fi elaborat teoretic și realizat practic peste noapte. Este nevoie de o dezbatere profundă, la care să participe nu numai oamenii politici și partidele politice, ci și specialiștii în teorie politică și constituțională, opinia publică și mass-media. Mai mult, participarea cetățenilor la

---

¹ Guceac I. *Revizuirea Constituției – prezent și viitor*. În: Reintegrarea Moldovei. Soluții și modele. Chișinău: TISH, 2005 (F.E.-P. „Tipografia Centrală”), p. 15.

² Guceac I. *Revizuirea Constituției – prezent și viitor*. În: Reintegrarea Moldovei. Soluții și modele. Chișinău: TISH, 2005 (F.E.-P. „Tipografia Centrală”), p. 16.

dezbaterile pe marginea modificărilor constituționale și la degajarea soluțiilor care să se bucure de cel mai larg sprijin popular reprezintă o etapă democratică necesară și obligatorie¹.

În acest sens, ar fi binevenită crearea unui Forum Constituțional ca structură de dialog instituționalizat al societății civile referitor la revizuirea Constituției – o instituție inspirată de practicile europene de consultare a cetățenilor în legătură cu deciziile politice fundamentale.

Referindu-ne nemijlocit la necesitatea actuală de revizuire a Constituției Republicii Moldova, considerăm că o la moment acest lucru este practic de neevitat, mai ales luînd în considerație conjunctura social-politică în care a fost adoptată și transformările ce s-au produs după data adoptării acesteia. În principiu, nu este doar o viziune proprie.

Dacă e să invocăm cercetările științifice realizate în cadrul Institutului de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei din ultimii 10-15 ani, atunci vom constata că practic în majoritatea lucrărilor realizate în drept constituțional și nu doar, se conțin referințe la necesitatea modificării/ completării unor sau altor dispoziții constituționale.

Paradoxal, însă propunerile date în majoritatea lor nu s-au făcut auzite nici pe culoarele Parlamentului, chiar dacă sunt de o valoare incontestabilă pentru consolidarea unor importante instituții democratice din societatea noastră. În schimb, o rezonanță deosebită a căpătat propunerea de modificare a Constituției parvenită de la principalele forțe politice în legătură cu imposibilitatea alegerii șefului statului (anii 2011-2012), urmate de acțiuni concrete (cum a fost referendumul). Or, mai recent, propunerea de modificare a sistemului electoral (cu introducerea votului uninominal).

Pe cale de consecință, evenimentele derulate pe arena politică din țară, reflectate zilnic de sursele mass-media, creează impresia că clasa politică guvernantă percepe revizuirea Constituției ca o necesitate, dar nu atît pentru beneficiul societății, cît pentru îmbunătățirea tacticii și strategiei în lupta pentru putere. Desigur, este regretabil că interesele societății și ale cetățeanului au fost substituite cu interesele de partid

---

¹ Costachi Gh., Iacob I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: *Legea și Viața*, 2014, nr. 2, p. 6-7.

orientate spre obținerea puterii, dar și mai regretabil e că valorile și principiile democratice pe care și le-au asumat forțele politice spre realizare și consolidare s-au dovedit a fi doar un paravan în spatele căruia înfloresc iresponsabilitatea morală, politică și juridică a acestora¹.

În viziunea noastră, astăzi principala întrebare nu constă în a modifica/completa Constituția sau nu? Întrebarea e cum să o modificăm în așa fel încât să determinăm o optimizare a textului constituțional în beneficiul nu doar al forțelor politice aflate la putere, dar și a societății și cetățeanului. Mai mult, o parte a întrebării e cum să implicăm mai bine societatea civilă și nemijlocit cetățeanul în dialogul politic al procesului de dezbatere a variantelor de revizuire a Constituției. În fine, dar nu mai puțin important, este cum să contribuim la atingerea consensului politic între forțele politice guvernante; cum să sporim responsabilitatea politică și morală a reprezentanților poporului și să-i întoarcem cu fața spre interesele și nevoile societății și a cetățeanului; cum să asigurăm eficiența practică a normelor constituționale întru beneficiul comunității².

Concluzii. În încercarea de a propune o soluție pentru problemele expuse vom sublinia că toți suntem la un început de drum, politicieni, cetățeni, analiști sau comentatori, și că avem cu toții nevoie să învățăm împreună ceea ce alții au învățat deja de câteva decenii: să ne ascultăm reciproc, să cedăm unde e cazul, să ne contrazicem respectându-ne și, mai ales, să reflectăm mai profund asupra opiniilor celorlalți.

Prin urmare, considerăm că doar împreună și doar respectându-ne vom reuși să elaborăm și să implementăm cu succes un proiect bun de revizuire a Constituției Republicii Moldova în beneficiul întregii societăți și a fiecărui cetățean în parte, care să constituie un trainic fundament al statalității Moldovei.

În ceea ce privește însăși procesul revizuirii constituționale subliniem că pentru aceasta trebuie întrunite mai multe condiții, care ar asigura succesul acesteia, cele mai importante fiind:

---

¹ Costachi Gh., Iacob I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: *Legea și Viața*, 2014, nr. 2, p. 7.

² Costachi Gh., Iacob I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: *Legea și Viața*, 2014, nr. 2, p. 7.

- Proiectul de modificare a Constituției nu trebuie să fie o preocupare exclusiv politică, ci un subiect de dezbatere trilaterală: mediul politic, mediul academic și societatea civilă;

- Mediul academic trebuie să asigure latura fundamentării științifice a proiectului, ținând cont atât de experiența celor mai de succes democrații din lume, cât și de aspirațiile și specificul poporului nostru;

- Societatea civilă, la rîndul său, trebuie să asigure legitimitatea modificărilor constituționale, altfel spus consensul popular necesar pentru recunoașterea și respectarea Constituției în ansamblu de către cetățeni;

- Mediului politic trebuie să-i revină sarcina inițiativelor necesare, organizării procesului de elaborare și consultare publică a proiectelor de revizuire constituțională, precum și atribuirea acestora în final a forței juridice necesare.

Doar în condițiile unei colaborări și coordonări responsabile între aceste trei dimensiuni ar fi posibilă o revizuire corespunzătoare a Constituției Republicii Moldova, o adaptare efectivă a acesteia la realitățile vieții politice (interne și externe) a statului, dar și la aspirațiile poporului, interesele comunității și ale cetățeanului.

Revizuirea Constituției în formula prezentată considerăm că este unica soluție pentru a face ca Legea Supremă a statului să devină un fundament stabil și durabil al intereselor comunității și al statalității Moldovei.

Referințe bibliografice

1. *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29 iulie 1994. În: Monitorul Oficial, nr. 1 din 12.08.1994.
2. Costachi Gh. *Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova*. Chișinău: Tipografia Centrală, 2009. 327 p.
3. Costachi Gh., Iacub I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: *Legea și Viața*, 2014, nr. 2, p. 4-7.
4. Costachi Gh., Hlipcă P. *Organizarea și funcționarea puterii în statul de drept*. Ediția a II-a revăzută și completată. Chișinău, 2011. 664 p.
5. Guceac I. *Constituția la răscruce de milenii*. Chișinău: S.n., 2013 (Tipografia Centrală). 416 p.
6. Guceac I. *Revizuirea Constituției – prezent și viitor*. În: *Reintegrarea Moldovei. Soluții și modele*. Chișinău: TISH, 2005 (F.E.-P. „Tipografia Centrală”).

7. Muraru I., Tănăsescu S. *Drept constituțional și instituții politice*. Ediția a IX-a revăzută și completată. București: Editura Lumina Lex, 2001.
8. Muraru I., Tănăsescu E. S. *Dreptul constituțional și instituții politice*. Ediția a 12-a. Vol. II. București: All Beck, 2005.
9. Pactet P. *Textes de droit constitutionnel*. Paris, 1990.
10. Varga A. *Constituționalitatea procesului legislativ*. București: Editura Hamangiu, 2007.
11. Белкин А.А. *Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики*. СПб.: ТОО "ТК "Петрополис", 1995.
12. Кравец И.А. *Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления*. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2005.
13. Тодыка Ю.Н. *Конституционные основы формирования правовой культуры*. Харьков: «Райдер», 2001.
14. Тодыка Ю.Н. *Конституция Украины: проблемы теории и практики*. Харьков: «Факт», 2000.
15. Шульженко Ю.Л. *О понятии "правовая охрана Конституции"*. Государство и право, 2002, № 7.

PARTICULARITĂȚILE REGLEMENTĂRII ECONOMIEI DE PIAȚĂ DIN REPUBLICA MOLDOVA

*Eugenia COJOCARI, doctor habilitat în drept,
profesor universitar, USPEE*

Rezumat

În acest articol autorul descrie particularitățile etapelor dezvoltării economiei de piață (de antreprenoriat) din Moldova. Prezintă interes, menționează autorul, Strategia de dezvoltare socio-economică pentru 7 sate din Republica Moldova în perioada 2016-2020, inclusiv metodologia utilizată, aspectele tehnice ale procesului și modalitățile de colaborare a autorităților publice locale cu experții implicați în proces. Economia de piață este formată din două sectoare: privat și public, iar reglementarea acestui mod de gospodărire se face în baza principiilor: reglementarea activității economice și administrarea proprietății publice ce-i aparține, în condițiile legii; libertatea comerțului și activității de întreprinzător, protecția concurenței loiale, crearea unui cadru favorabil valorificării tuturor factorilor de producție; protejarea intereselor naționale în activitatea economică, financiară și valutară; stimularea cercetărilor științifice) exploatarea rațională a pământului și a celorlalte resurse naturale, în concordanță cu interesele naționale; refacerea și protecția mediului înconjurător, precum și menținerea echilibrului ecologic; sporirea numărului de locuri de muncă, crearea condițiilor pentru creșterea calității vieții; inviolabilitatea investițiilor persoanelor fizice și juridice, inclusiv străine.

***Cuvinte-cheie:** economie de piață, strategie, sectorul public, sectorul privat, activitate economică, relație de producere*

FEATURES OF THE MARKET ECONOMY SETTLEMENT IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract

In this article the author describes the peculiarities of the Moldovan market economy development stages (entrepreneurship). The author mentions that the Socio-Economic Development Strategy for 7 villages from the Republic of Moldova during the period of 2016-2020, including the methodology used, the technical aspects of the process and the way of collaboration of the local public authorities with the experts involved in the process is of great importance. The market economy consists of two sectors: private and public, and the regulation of this mode of management is based on the following principles: the regulation of the economic activity and the administration of the public property belonging to it, according to the law; freedom of trade and entrepreneurship, protection of loyal competition, creation of a framework favorable to the valorisation of all factors of production; Protecting national interests in economic, financial and currency activity; stimu-

lating scientific research; rational exploitation of land and other natural resources, in accordance with national interests; restoring and protecting the environment, and maintaining ecological balance; Increasing the number of jobs, creating the conditions for increasing the quality of life; inviolability of investment by natural and legal persons, including foreigners.

Keywords: *market economy, strategy, public sector, private sector, economic activity, production relationship*

Dezvoltarea economică în Republica Moldova și-a schimbat esența concomitent cu declararea independenței statului. În conformitate cu art.126 al Constituției Republicii Moldova¹, economia națională se va dezvolta după regulile economiei de piață, care trebuie să fie legiferată. Reglementarea economiei prin mecanismele pieții își are originea în ideile liberalismului economic, prefațat prin lucrările fiziocraților și dezvoltat de economiștii clasici englezi, Adam Smith și David Ricardo. Concepția lor asupra vieții economice constă în aceea că societatea se dezvoltă după legi proprii, iar principiile de bază sunt libera concurență și libera inițiativă.²

În Republica Moldova aspectul juridic al apariției și dezvoltării activității economice (de antreprenariat) poate fi divizat în mai multe etape. Nu ne vom referi la toate, vom evidenția doar două: etapa I din 1918 până la declararea independenței statului nostru, adică până în anul 1991 și etapa după declarația independenței statului nostru.

Prima etapă de reglementare a apariției și dezvoltării activității antreprenoriatului are mai multe perioade care se deosebesc între ele prin forma statală ce domina și formele sau regimurile de dezvoltare. Până în 1918 se aplicau actele normative ale Rusiei țariste, care reglementau activități de antreprenariat din țara noastră. După 1 decembrie 1918, această activitate este reglementată de Codul comercial român din 1887 și alte acte normative speciale care au fost extinse pe teritoriul Basarabiei prin decretul nr. 1731 din 4 mai 1919 și până în 1944.³

---

¹ Constituția Republicii Moldova, adoptată prin Legea din 29.07.1994: în Monitorul oficial nr. 12.08.1994: în Monitorul Oficial Nr. 1.

² A. Piettre, *les grandes problemes de l economie contemporaine*, t.I. Ou va le capitalisme. Ed. Cujas, Paris, 1976, p.19.

³ Tașca Mihai. Aspecte din dreptul comercial al Basarabiei. *Revista de drept privat*. 2003, nr.1, p. 66-77.

După război, Basarabia a fost inclusă în componența Uniunii Sovietice trecând pe cale socialistă de dezvoltare, iar activitatea economică era reglementată de diferite coduri: civil, economic, al colhozurilor, funciar și alte acte normative a Uniunii Sovietice. Activitatea economică era desfășurată sub principiile de dezvoltare socialistă, care nu recunoștea proprietatea privată, ci doar cea a statului, iar munca individuală cu scopul de a obține profit era interzisă. Era recunoscută doar proprietatea individuală sau personală care era strict reglementată prin lege (o persoană fizică avea dreptul doar la un apartament sau casă cu metraj limitat la sate și câte un lot de pământ în folosință, un automobil, nu se permiteau să se dispună de mijloace de producție, pământ, tractoare, mașini agricole etc.).

Forma comerțului care se dezvoltă la momentul actual pe teritoriul statului nostru era considerată infracțiune care se numea speculație. Se permitea doar comerțul cu produsele din activitatea gospodăriilor personale, iar aceste persoane trebuiau să demonstreze că ei realizează producția obținută din gospodăriile proprii sau cu munca proprie. Nu se permitea angajarea la muncă de unele persoane fizice a altor persoane, aceasta se considera exploatarea omului de către om și era contra principiilor de dezvoltare socialistă.

A doua etapă care de fapt s-a început încă din 1989, dar de iure din 27 august 1991 când Republica Sovietică Socialistă Moldovenească a fost declarată ca stat independent și cu denumirea de Republica Moldova. Legislația adoptată în această perioadă, a schimbat în esență modul de dezvoltare a statului din stat socialist a trecut la calea capitalistă de dezvoltare, iar economia statului s-a prefăcut într-o economie de piață. Această schimbare a început din momentul adoptării Legii cu privire la proprietate nr. 459-XII, din 22.01.1991, (abrogată)¹ care alături de proprietatea statului a recunoscut și egalat cu aceasta, proprietatea privată, anulând toate limitele existente până atunci. Astfel, de exemplu, în art. 13 al legii era scris, că orice persoană fizică are dreptul să aibă în proprietate loturi de pământ, mijloace de producere pentru înfăptuirea activității economice, case de locuit...” etc.

---

¹ Legea nr. 845 cu privire la antreprenariat și întreprinderi: Monitorul nr.2/33 din 28.02.1994

Dar bineînțeles momentul decisiv al dezvoltării legale a activității economice s-a început din 03.01.1992 când a fost adoptată Legea nr. 845 cu privire la antreprenoriat și întreprinderi prin care s-a permis persoanelor fizice și juridice să practice o activitate economică numită activitate de întreprinzător independent de cea a statului, pe riscul propriu, din proprie inițiativă, care să le aducă venit sau profit. Astfel, p.1 al articolului 1, al Legii prevede, că: “antreprenoriat este activitatea de fabricare a producției, executare a lucrărilor și prestare a serviciilor, desfășurată de cetățeni și de asociațiile acestora în mod independent, din proprie inițiativă, în numele lor, pe riscul propriu și sub răspunderea lor patrimonială cu scopul de a-și asigura o sursă permanentă de venituri”¹.

Un moment nou și important din această lege este și acela că pentru prima dată au fost permisă crearea de persoane fizice a unor noi categorii de persoane juridice cum ar fi Societățile cu răspundere limitată, (SRL), Societățile în nume colectiv, (SNC) Societățile în comandită (SC), Societățile pe acțiuni (SA), Cooperative de producție (CP), Întreprinderi individuale (Î.I.), Asociații, Uniuni de întreprinderi, Concerne etc.

Pentru a dezvolta această activitate în statul nostru s-a început procesul de creare a proprietății private care era fondată, în primul rând, prin restituirea coții valorice cetățenilor care se desprindea din proprietatea statului în formă de Bonuri patrimoniale. Mai apoi, începând cu 1993 au fost adoptate un șir de legi care au legiferat procesul de privatizare a proprietății statului, adică transformării ei în proprietate privată. Aici putem evidenția Legea cu privire la privatizare, Legea cu privire la privatizarea întreprinderilor de stat, Legea cu privire la privatizarea spațiului locativ, Noul cod funciar care reglementa procesul de privatizare a pământului, Codul apelor, etc.

Mai apoi au fost adoptate multe legi și acte normative care reglementează modul de organizare și desfășurare a activității de antreprenoriat, cum ar fi Regulamentul cu privire la societățile economice pe teritoriul RM adoptat prin hotărârea nr.500 a Guvernului din 10 septembrie 1991, Legea cu privire la societățile pe acțiuni,

---

¹ Monitorul nr.2/33 din 28.02.1994.

1992, cu modificări prin cea din 1997, nr. 1137, legea cu privire la cooperatie din 1992 și Legea cu privire la cooperativele de producție din 2002, Legea cu privire la cooperativele de întreprinzător, Legea privind patenta de întreprinzător din 1998, nr.93, M.O. nr.72-7, Lege cu privire la vânzarea - cumpărarea de mărfuri, Lege cu privire la vânzarea - cumpărarea pământului și prețului nominal al acestuia, Lege cu privire la protecția consumatorului etc.

Deși un rol foarte important în dezvoltarea relațiilor economice îl joacă Noul Cod Civil nr.1107 din 06.06.2002 pus în aplicare în 2003, care reglementează relațiile contractuale ce apar în activitatea economică, dreptul de proprietate etc. Codul civil al RM a preluat unele prevederi din Legea cu privire la antreprenariat și întreprinderi, privind unele categorii de persoane juridice creându-le un aspect comercial.

Relațiile de producție, procesul de producere, alte activități economice se reglementează mai puțin. Activitatea de producător a persoanelor juridice din diferite ramuri ale economiei naționale nu este în de ajuns reglementată. Un stat poate deveni puternic și bine dezvoltat numai când are o economie bazată pe propria producție industrială, grea și ușoară, agricolă etc., acesta trebuie să fie scopul dezvoltării unui stat, dezvoltarea economiei proprii de antreprenariat și nu comercializarea produselor altor state. Noi avem o țară cu un potențial care permite dezvoltarea economiei naționale și în cadrul ei a unei industrii proprii.

Un rol deosebit în dezvoltarea economiei naționale îl au actele normative care adoptă Strategiile care direcționează dezvoltarea diferitor ramuri ale acesteia pentru anumite perioade. Astfel am putea evidenția: Strategia Națională de Dezvoltare „Moldova 2020”: Șapte soluții pentru creșterea economică și reducerea sărăciei¹, în care se menționează că creșterea economică din Republica Moldova, în tandem cu tendința de reducere a sărăciei, sunt strâns corelate cu fluxul de remitențe și consumul generat de acestea din urmă. Câștigurile din munca moldovenilor aflați peste hotarele țării au alimentat venitul disponibil al gospodăriilor casnice, conducând astfel la majorarea

---

¹ Strategia Națională de Dezvoltare „Moldova 2020”: Șapte soluții pentru creșterea economică și reducerea sărăciei (aprobată prin Legea nr. 166 din 11 iulie 2012).

cererii agregate de consum. Constrânsă de capacitățile limitate de producție autohtonă, această cerere a fost satisfăcută în mare măsură de importurile de bunuri și servicii. Bugetul public național a beneficiat pe urma acestei situații, însă balanța comercială a evoluat în direcția unui deficit comercial alarmant.

Un alt exemplu este adoptarea Strategiei de Dezvoltare a Agriculturii și Mediului Rural din Moldova 2014-2020¹, în care se concretizează că elaborarea acesteia este o precondiție pentru dezvoltarea pe termen lung a sectorului, care va fi reperul factorilor de decizie în identificarea problemelor majore în sector, dar și a unor soluții optime pentru rezolvarea acestora. Totodată, Strategia în cauză poate fi utilizată drept instrument pentru a obține sprijinul conceptual și financiar al partenerilor de dezvoltare.

Prezintă interes, Strategia de dezvoltare socio-economică pentru 7 sate din Republica Moldova în perioada 2016-2020², inclusiv metodologia utilizată, aspectele tehnice ale procesului și modalității de colaborare a autorităților publice locale cu experții implicați în proces. În această strategie se menționează că, „În prima etapă a proiectului-pilot a fost organizat concursul și selectate localitățile. Astfel, autoritățile locale din Cobusca Nouă, Anenii Noi; Oxentea, Dubăsari; Cotul Morii, Hîncești; Țareuca, Rezina; Zubrești, Strășeni; Verejeni, Telenești; Florițoaia Veche, Ungheni vor beneficia de asistență în procesul de elaborare a documentelor de planificare. Scopul este de a încuraja administrațiile publice locale să elaboreze strategii de dezvoltare pentru a identifica resurse și soluții pentru problemele comunităților”.

Deși în Constituția RM este reglementată forma dezvoltării economice, la moment nu mai sunt alte acte normative care ar reglementa specificul economiei de piață de orientare socială din țara noastră. În literatura de specialitate economică, economia de piață se consideră sistemul social al diviziunii muncii bazat pe proprietatea privată asupra mijloacelor de producție. Este un sistem cooperativ în care fiecare individ se integrează în vederea propriului interes. Statul

---

¹ www.maia.gov.md/public/files/Proiecte/ProiectStrategiaAgriculturaDezvRur.pdf

² <http://mdrc.gov.md/libview.php?l=ro&idc=27&id=3335&t=/Serviciul-de-presa/Noutati/Strategii-de-dezvoltare-socio-economica-pentru-7-sate-din-Republica-Moldova>

nu intervine în acțiunile ce fac obiectul pieței. În viziunea lui Ludwig von Mises, virtuțile economiei de piață sunt:

1. se sprijină pe proprietatea privată;
2. suveranitatea consumatorului (esența capitalismului este dată de punerea producției economice la dispoziția consumatorului);
3. capitalismul, prin sistemul concurenței sociale își asigură proprii stimuli (concurența catalactică);
4. așează libertatea la baza edificiului economic și social (individul este în măsură să aleagă felul în care dorește să se integreze în ansamblul societății, libertatea economică include și libertatea de a greși);
5. face din profit și urmărirea acestuia de către întreprinzător o forță motrice perpetuă;
6. își asigură dinamica și vitalitatea printr-un permanent proces de selecție.

Piața nu înseamnă un loc, ci „un proces, modul în care, prin vânzare și cumpărare, prin producție și consum, indivizii contribuie la mersul de ansamblu al societății”¹. O viziune opusă lui Mises este cea a lui Karl Marx.

Odată cu modificările ce au avut loc în RM prin Constituție a fost stabilit că economia țării se va dezvolta după regulile economiei de piață. Astfel, art. 126, prevede că economia Republicii Moldova este economie de piață, de orientare socială, bazată pe proprietatea privată și pe proprietatea publică, antrenate în concurență liberă.²

Dar ce este economia de piață? Economisții, susțin, că economia de piață reprezintă acel mod de organizare a economiei care se întemeiază pe mecanisme obiective ce pun în valoare forțele pieței și în care raportul dintre cerere și ofertă determină principiile de proprietate în alocarea și utilizarea resurselor materiale, umane și financiare disponibile.³ Într-o astfel de economie, activitățile agenților economici sunt supuse examenului riguros, dar drept al pieței, aceasta răsplătind, sau sancționând după caz munca desfășurată în toate compo-

---

¹ Ludwig von Mises, "Capitalismul și dușmanii săi".

² Constituția RM, p.29.

³ Ion Ignat, Ion Pohoăț, Neculai Clipa, Cheorghe Luțac. Economie politică. Ed.economică. București.1998, p.49.

nentele economiei naționale. Criteriile cu care acestea operează sunt cele ale eficienței și concordanței activității economice cu nevoile efective ale societății. Pentru a supraviețui în condițiile economiei de piață și cu atât mai mult pentru a desfășura activități rentabile, agenții economici trebuie să fie receptivi la semnalele pieții, să aibă o înaltă capacitate de adaptare la schimbările mediului economico-social, flexibilitate în mecanismul de funcționare, să manifeste inventivitate și spirit creator, preocupare permanentă pentru inovare și modernizare.

În cadrul economiei de piață, activitatea economică este pusă în mișcare printr-un mare număr de decizii aparent independente unele față de altele, iar inițiativa aparține individului care este centrul în activitatea economică.

Economia de piață este formată în principal din două sectoare:

1. **sectorul privat** caracterizat prin trecerea de la economia micilor unități numeroase și de forță aproximativ egale, la o economie de mari unități, mai puțin numeroase și de forțe inegale. Dintre factorii care au determinat această evoluție amintim procesul concurenței, care a dus la eliminarea celor slabi de către cei puternici.

Exigențele progresului tehnic și ale formelor moderne de producție care au impus necesitatea acumulării de capital și concentrarea acestuia într-un număr mic de unități; apariția economiei de grup ca urmare a faptului că producătorii din anumite sectoare, animați de grija apărării intereselor profesionale comune, au fost determinați să adopte politici apropiate, ceea ce a avut incidențe asupra inițiativei economice; dezvoltarea societăților transnaționale mai ales de origine americană.

2. **sectorul public** a cărui constituire s-a datorat unor cauze diverse: carențelor inițiativei private, care nu poate rezolva problemele din anumite sectoare caracterizate printr-o rentabilitate scăzută; interesul financiar al statului pentru unele activități fără riscuri, dar care aduc beneficii regulate considerabile (monopoluri ale statului); salvagardarea interesului economic al națiunii; considerații politice etc.¹

Reglementarea economiei de piață se face prin prisma unor principii prevăzute în constituție. Astfel, p.2 al art.126 prevede că Statul

---

¹ Op.cit.p.50.

trebuie să asigure: a) reglementarea activității economice și administrarea proprietății publice ce-i aparține, în condițiile legii; b) libertatea comerțului și activității de întreprinzător, protecția concurenței loiale, crearea unui cadru favorabil valorificării tuturor factorilor de producție; c) protejarea intereselor naționale în activitatea economică, financiară și valutară; d) stimularea cercetărilor științifice; e) exploatarea rațională a pământului și a celorlalte resurse naturale, în concordanță cu interesele naționale; f) refacerea și protecția mediului înconjurător, precum și menținerea echilibrului ecologic; g) sporirea numărului de locuri de muncă, crearea condițiilor pentru creșterea calității vieții; h) inviolabilitatea investițiilor persoanelor fizice și juridice, inclusiv străine.¹ Deci, din conținutul acestui articol selectăm principiul: reglementării activității economice; libertății comerțului și activității de întreprinzător; protecția concurenței loiale; protejarea intereselor naționale în activitatea economică; exploatarea rațională a pământului și a celorlalte resurse naturale; protecția mediului înconjurător, inviolabilitatea investițiilor persoanelor fizice și juridice etc.

Tipul actual de economie de piață existent în țările dezvoltate se caracterizează, în principal, prin următoarele trăsături.²

➤ Este o economie multipolară, în sensul că se caracterizează multitudinea și diversitatea centrelor de decizie economică;

➤ Este o economie descentralizată – întrucât orice agent economic are autonomie de opțiune, de decizie și de acțiune;

➤ Este o economie de întreprindere în care universul macroeconomic este fundamental în activitățile din economia națională;

➤ Este o economie de calcul în expresie monetară – moneda servind drept numitor comun al activităților agenților economici, răspunzând cerințelor de evaluare – cuantificare a cheltuielilor și a rezultatelor;

➤ Este o economie în care statul exercită, în principal, o intervenție indirectă și globală, prin care el nu desființează piața și nici nu îndeplinește funcțiile ei, ci caută s-o completeze, să-i creeze eșecurile și să vegheze asupra funcționării ei;

---

¹ Constituția RM, art.29.

² Sava S. Tranziția spre economia de piață. Tribuna economică, nr. 15, 1990, p. 20-21.

➤ Este o economie în care profitul reprezintă mobilul central al activităților economice.

Sistemul real al economiei de piață nu apare ca ceva unitar, ci se prezintă într-o mare diversitate de situații, de experiențe și de practici naționale. În funcție de gradul, modul și nivelul la care se exercită intervenția statului în economie, de rolul și funcțiile reale ale pieții, doctrina economică are un rol mai mare în adoptarea politicii economice, se pot identifica mai multe tipuri sau forme concrete a economiei de piață:

➤ Tipul anglo-saxon ce cuprinde economiile de piață cele mai liberale și cele mai puțin înclinate spre dirijism, cele mai supuse la intervenția economică a statului, adepte ale ideii de superioritate a întreprinderii private și liberei inițiative;

➤ Tipul vest european ce cuprinde economiile de piață cu o pronunțată tentă dirijistă, variind după coloratura politică a guvernului, adepte ale intervenției active a statului în economie;

➤ Tipul economiei socială de piață ce reprezintă un sistem economic care tinde spre reunirea libertății pieții cu armonia socială, în care sectorul privat cooperează cu cel public, cu angajamente reciproce în vederea satisfacerii acceptabile a unor centre economico sociale;

➤ Tipul de economie paternalistă el se caracterizează prin puternice elemente tradiționale și naționale care facilitează dezvoltarea spiritului de inițiativă și de competiție al agenților economici, rolul de catalizator al statului realizându-se prin modalități specifice.¹

În Republica Moldova, după cum reiese și din conținutul art.126 al Constituției, la baza dezvoltării economiei stă forma economiei sociale de piață ce reprezintă un sistem economic care tinde spre reunirea libertății pieții cu armonia socială, în care sectorul privat cooperează cu cel public, cu angajamente reciproce în vederea satisfacerii acceptabile a unor centre economico - sociale. Însă reieșind din faptul că fosta republică moldovenească construia o econo-

---

¹ Sava S., Ionescu E., Economia de piață contemporană, probleme economice. Nr. 7 din 1990, p. 45Op. Cit. P. 55.

mie monopolistă la momentul actual economia de piață se îmbină cu monopolul de stat și natural care tinde spre limitare¹.

Referințe bibliografice

1. Constituția Republicii Moldova, adoptată prin Legea din 29.07.1994: în Monitorul Oficial nr. 12.08.1994: în Monitorul Oficial Nr. 1.
2. A. Pietre, les grandes problemes de l'economie contemporaine, t.I. Ou va le capitalisme. Ed. Cujas, Paris, 1976, p.19.
3. Tașca Mihai. Aspecte din dreptul comercial al Basarabiei. Revista de drept privat. 2003, nr.1. p. 66-77.
4. Legea nr. 845 cu privire la antreprenariat și întreprinderi: Monitorul Oficial nr.2/33 din 28.02.1994.
5. Monitorul Oficial nr.2/33 din 28.02.1994.
6. Sava S., Ionescu E., Economia de piață contemporană, probleme economice. Nr. 7 din 1990, p. 45.
7. Strategia Națională de Dezvoltare „Moldova 2020”: Șapte soluții pentru creșterea economică și reducerea sărăciei (aprobată prin Legea nr. 166 din 11 iulie, 2012).
8. www.maia.gov.md/public/files/Proiecte/ProiectStrategiaAgriculturaDezvRur.pdf
9. <http://mdrc.gov.md/libview.php?l=ro&idc=27&id=3335&t=/Serviciul-de-presa/Noutati/Strategii-de-dezvoltare-socio-economica-pentru-7-sate-din-Republica-Moldova>
10. Ludwig von Mises, "Capitalismul și dușmanii săi". Traducere din limba engleză de Dan Cristian. [eet.pixel-nline.org/.../V.%20Mises%20Capitalismul%20si%20dusmanii%20sai%20\(n...](http://eet.pixel-nline.org/.../V.%20Mises%20Capitalismul%20si%20dusmanii%20sai%20(n...)
11. Constituția Republicii Moldova, adoptată prin Legea din 29.07.1994: în Monitorul Oficial nr. 1, 12.08.1994.
12. Ion Ignat, Ion Pohoată, Neculai Clipa, Cheorghe Luțac. Economia politică, Ed. Economică, București, 1998, p.49.
13. Op. cit. p. 50.
14. Constituția Republicii Moldova, adoptată prin Legea din 29.07.1994, în Monitorul Oficial nr. 1, 12.08.1994, Oficial Nr. 1.
15. Sava S. Tranziția spre economia de piață. Tribuna economică, nr. 15, 1990, p. 20-21.
16. Cojocari E. Drept economic. Chișinău. Business - Elita. 2007, 187 p.

---

¹ Cojocari E. Drept economic. Chișinău. Business -Elita. 2007, 187 p.

STATUL DE DREPT ȘI DREPTURILE OMULUI: EVOLUȚIE, ASPIRAȚII, REALITATE

*Eugen GUȚANU, doctor în drept, conferențiar universitar, IRIM
Liliana STAYER, doctorandă, Academia MAI „Ștefan cel Mare”*

Rezumat

Articolul cuprinde unele reflecții mai importante în parcursul constituirii unui stat pentru cetățeni, în calea istorică și contemporană, în perioada de tranziție întru constituirea unui stat democratic bazat pe principii și valori europene ce contribuie la prosperarea societății și tuturor cetățenilor țării. Schimbările democratice înfăptuite în Republica Moldova după anul 1990, a deschis o nouă pagină în istoria poporului nostru, permițând afirmarea deplină a identității și valorilor naționale, a umanismului și spiritului de dreptate ale poporului în contextul unei autentici politici de prietenie și colaborare cu toate celelalte popoare. În acest sens s-au creat premisele elaborării unei legislații care să răspundă atât tradiției democrației, cât și cerințelor afirmării țării în actuala sa etapă de dezvoltare. Respectul pentru drepturile omului, pentru legalitate, devine astfel o condiție necesară a edificării ordinii de drept, a preântâmpinării oricărui abuzuri, a statornicirii spiritului de dreptate care trebuie să fie prezent permanent în conștiința cetățenilor.

Cuvinte-cheie: *statul de drept, democrație, drepturile omului, societatea civilă, tranziție*

THE RULE OF LAW AND HUMAN RIGHTS: EVOLUTION, ASPIRATIONS AND REALITY

Abstract

The article includes some more important reflections referring to the course of constitution of a state for citizens in the historical and contemporary course during the transition period in order to establish a democratic state based on European principles and values towards the prosperity of the society and of all the citizens of the country. The democratic changes that have been carried out in the Republic of Moldova since 1990, opened a new page in the history of our people, allowing the full assertion of the national identity and values, of humanism and the spirit of justice of the people in the context of a genuine friendship and cooperation policy with all other peoples. In this sense, the prerequisites for the elaboration of a legislation that would respond to both, the tradition of democracy and the requirements of the country's assertion in its present stage of development were created. The respect of human rights, for the legality, became a necessary condition for the building of the rule of law, the prevention of any abuses, and the establishment of the spirit of justice that must be permanently present in citizens' conscience.

Keywords: *the rule of law, democracy, human rights, civil society, transition*

Indiferent de bunele intenții ale teoriilor care au susținut dreptul statului de a prelua anumite problematici privind drepturile omului, de a apăra prin mijloace adecvate interesele acelor categorii sociale mai dezavantajoase, este de menționat că astfel de teorii au sfârșit în final prin a deveni suportul unor concepții totalitare. Ele au anihilat practic drepturile și libertățile indivizilor sub pretextul apărării lor de către stat, care, folosind o uriașă mașină represivă, în loc să apere drepturile omului, a intrat într-o contradicție flagrantă cu aceste drepturi, cu instituțiile menite să asigure respectarea lor, fapt ce a determinat cunoscutele revoluții cu caracter antitotalitar din țările Europei de Răsărit. Aceste revoluții au repus în activitate trecerea la regândirea sistemului drepturilor omului prin prisma unor reale garanții acordate individului, care să asigure respectarea fermă a drepturilor sale, împiedicarea oricăror acțiuni prin care prerogativele și aspirațiile fundamentale ar fi fost știrbite.

Sub egida Organizației Națiunilor Unite au fost elaborate remarcabile documente internaționale. Unul din cele mai valoroase este Declarația Universală a Drepturilor Omului din 10 decembrie 1948. Au fost adoptate numeroase convenții internaționale prin care drepturile omului au cunoscut substanțiale dezvoltări pe plan mondial.

Declarația Universală a Drepturilor Omului – document care a avut o însemnătate dintre cele mai mari pentru elaborarea și dezvoltarea conceptului despre protecția drepturilor omului, înscrie chiar în primul său alineat că: *„recunoașterea demnității inerente tuturor membrilor familiei umane și a drepturilor egale și inalienabile, constituie fundamentul libertății, dreptății și păcii în lume”* [1].

În textul Declarației se stipulează că: *„orice persoană are dreptul să se adreseze în mod efectiv instanțelor judiciare competente împotriva actelor care violează drepturile fundamentale ce îi sunt recunoscute prin constituție sau prin lege”* [2], învederând importanța unei concepții comune despre aceste drepturi și libertăți pentru realizarea angajamentului luat de statele membre ale O.N.U. de a promova respectul universal și efectiv față de drepturile omului și libertăților lor fundamentale, respectarea lor universală și efectivă.

Declarația Universală a Drepturilor Omului înscrie în conținutul său o serie de principii de cea mai mare însemnătate ca de exem-

plu: *dreptul la viață, la libertate, la securitatea sa personală, egalitatea tuturor în fața legii, dreptul de a nu fi arestat, deținut sau exilat în mod arbitrar, de a nu fi supus unor imixtiuni arbitrare în viața sa particulară, în familia sa, în domiciliul său ori în corespondență, nici al unor atingeri a onoarei sau reputației sale* [3] ș. a. Constituind primul document de mare prestigiu internațional pe planul protecției drepturilor omului, după adoptarea Cartei O.N.U., Declarația Universală a Drepturilor Omului a inspirat și orientat întreaga dezvoltare a acestei problematici în cadrul O.N.U. Ideile sale au fost amplu dezvoltate și fundamentate în numeroase documente ulterioare dintre care unele au căpătat forma unor instrumente juridice obligatorii.

Pactul internațional cu privire la drepturile civile și politice din 1966 înscrie o largă gamă de drepturi, printre care dreptul la viață, interzicerea torturii, dreptul persoanelor arestate sau deținute de a fi tratate în mod uman, egalitatea în fața tribunalelor, dreptul oricărei ființe umane de-a i se recunoaște pretutindeni personalitatea juridică, respectul vieții personale de familie[4] ș. a.

În cazul drepturilor omului, nu este vorba numai de invocarea unor principii de o valoare politico-juridică indiscutabilă, ci și de recunoașterea unei situații reale obiective. Indivizii pot beneficia de drepturi și libertăți pe plan intern numai prin mijlocirea statelor de care aparțin și care, în virtutea suveranității lor, asigură totodată căile concrete de realizare a drepturilor și libertăților respective. Fără înscrierea drepturilor omului în normele constituționale și fără adoptarea măsurilor necesare pentru garantarea lor de către fiecare stat, drepturile și libertățile cetățenești sunt lipsite de orice eficiență.

Schimbările democratice înfăptuite în Republica Moldova după anul 1990, a deschis o nouă pagină în istoria poporului nostru, permițând afirmarea deplină a identității și valorilor naționale, a umanismului și spiritului de dreptate ale poporului în contextul unei autentici politici de prietenie și colaborare cu toate celelalte popoare. În acest sens s-au creat premisele elaborării unei legislații care să răspundă atât tradiției democrației, cât și cerințelor afirmării țării în actuala sa etapă de dezvoltare. Respectul pentru drepturile omului, pentru legalitate, devine astfel o condiție necesară a edificării ordinii de drept, a

preântâmpinării oricăror abuzuri, a statornicirii spiritului de dreptate care trebuie să fie prezent permanent în conștiința cetățenilor.

Edificarea statului de drept în Republica Moldova și garantarea reală a drepturilor omului, constituie o acțiune de perspectivă, care implică neîndoielnic perfecționarea continuă a cadrului legislativ, chemat să asigure traducerea în viață și garantarea acestor drepturi. Axioma „statul pentru cetățean și nu cetățeanul pentru stat” este în vigoare și în perioada de tranziție a R. Moldova, care depășește deja două decenii. Deoarece statul este organul reprezentativ al tuturor cetățenilor care, prin mecanismele instituite conform Constituției, organizează, conduce și contribuie la dezvoltarea și bunăstarea cetățenilor pe care îi reprezintă. Totodată, statul și statalitatea sunt noțiuni diferite, deoarece statul, după cum am menționat anterior, este un mecanism al societății, statalitatea însă reprezintă suveranitatea „*care aparține poporului Republicii Moldova, care o exercită în mod direct și prin organele sale reprezentative, în formele stabilite de Constituție*[5]”, - mai prezintă independență și integritate, care sunt inalienabile și care, ca și viața, se dă o singură dată și se poate pierde pentru totdeauna.

Activitatea legislativă desfășurată în Republica Moldova după transformările radicale din ultimele două decenii, a constituit neîndoielnic o contribuție notabilă la promovarea drepturilor omului, la refacerea întregului edificiu legislativ în consonanță cu imperativele edificării statului de drept, cu prevederile convențiilor internaționale și în special al Cartei de la Paris din 1990, prin care toate statele Europene s-au angajat să-și fundamenteze neabătut sistemul de drept pe baza principiilor democratice.

Transformările fără precedent din viața social-politică, dezvoltarea largă a democrației, mutațiile esențiale în conștiința cetățenilor conduc în mod dialectic și la perfecționarea legislației în concordanță cu prefacerile ce au avut loc, impun elaborarea unor noi norme juridice și principii de drept care să exprime în mod corespunzător schimbărilor produse în societate, să consacre în formă legală noile realități sociale și politice, pentru a crea un cadru superior de asigurare a legalității, de respectare a ordinii de drept, a normelor de conviețuire socială, a protecției drepturilor și libertăților cetățenești.

Studiind problematica ce formează subiectul elaborării de față, ne-am propus să relevăm nu numai conținutul propriu-zis al textului de lege, ci și, mai cu seamă, sensul profund al elaborărilor ce sunt în curs de pregătire, realitățile directe ce stau la baza lor.

La fel nu pretendem în cele relatate și investigate ca adevăr în ultima instanță sau adevăr absolut, considerând-o ca un modest aport la apropierea legislației naționale în acest domeniu la cele mai înalte standarde internaționale atinse deja de unele state europene. Suntem în așteptarea altor opinii, puncte de vedere care, în ansamblul lor, vor contribui la o protecție reală a drepturilor omului în condițiile actualei societăți. În ultimul timp, în contextul reformei judiciare și de drept, legislația națională a cunoscut transformări substanțiale impuse de noile realități sociale și economice, precum și tendința de a pune de acord legislația națională cu privire la protecția drepturilor și libertăților cetățenilor cu normele și principiile unanim recunoscute ale dreptului internațional.

Actualmente a apărut necesitatea elaborării unor legi, destinate, în mod special, spre protecția drepturilor și libertăților omului în conformitate cu principiile constituționale. Unul din principiile constituționale de o importanță majoră ține de ocrotirea drepturilor și libertăților fundamentale ale omului și protecția socială a cetățeanului, în conformitate cu care și au fost inițiate diverse reforme și proceduri însă, în cursul aplicării practice, s-a constatat că și aici nu s-au evitat unele lacune și imperfecțiuni în ceea ce privește implementarea principiilor și valorilor caracteristice unui stat de drept și echitabil pentru toate categoriile de cetățeni a R. Moldova. „*Statul are ca fundament unitatea poporului R. Moldova care este patria comună și indivizibilă a tuturor cetățenilor săi* [6], „ De asemenea, scopul acestei relatări rezidă în elaborarea noilor modalități de realizare a aspirațiilor cetățenilor spre o existență demnă și perfecționarea celor existente prin formularea recomandărilor de perfecționare a cadrului legislativ, economic, social și politic care să corespundă cerințelor, sarcinilor naționale și, totodată, să reflecte în conținutul lor standardele internaționale. Cetățenii R. Moldova beneficiază de drepturile și de libertățile consacrate prin Constituție și prin alte legi. În ce privește respecta-

rea drepturilor, libertăților și intereselor legitime ale cetățenilor în ultimii ani, tot mai frecvent ne atrage atenția la unele abateri de la prevederile internaționale Curtea Europeană pentru Drepturile Omului. În condițiile reformei justiției, transformărilor social economice și tendinței integrării europene a Republicii Moldova este necesar de a efectua, de pe poziții conceptuale noi, cercetarea și implementarea unor modalități mai eficiente de protecție a drepturilor omului în R. Moldova. *„Perspectivele dezvoltării economice și sociale ale unui sau altui stat depinde în mare măsură de nivelul de dezvoltare al așa-numitului factor uman. Propriu-zis, de gradul de instruire, nivelul de cultură, condițiile de viață ale cetățenilor lui,,[6] . Sperăm și credem că în viitorul apropiat aceasta va avea loc, dar neapărat cu contribuția tuturor cetățenilor Republicii Moldova.*

Referințe bibliografice

1. Declarația Universală a Drepturilor Omului, adoptată și declarată la New-York de Adunarea Generală a O.N.U. prin Rezoluția 217 A (III) de la 10 decembrie 1948. (Preambul)
2. Ibidem: (art. 8 al Declarației).
3. Ibidem: (art.art. 3,9,12 al Declarației).
4. Pactul internațional cu privire la drepturile politice și civile, adoptat prin rezoluția 2200 A(XXI) a Adunării Generale a O.N.U de la 16.12. 1966, ratificat prin Hotărârea Parlamentului nr.217-XII din 28.07.1990, în vigoare pentru RM din 25.02.1993.
5. Constituția R. Moldova adoptată la 29 iulie 1994, în Monitorul Oficial nr.1 din 12.08.1994, (alin.1 art. 2).
6. Ibidem: (alin.1 art.10 din Constituție).
7. Convenția Europeană pentru apărarea Drepturilor Omului și Libertăților Fundamentale adoptată la Roma la 04 noiembrie 1950, semnată de R. Moldova la 13.07.1995, ratificată prin Hotărârea Parlamentului nr.1298-XIII din 24.07.1997, în vigoare pentru RM din 12.09.1997.
8. Beniuc V., Boico P., Burian A. ș.a., Istoria Moldovei, vol.III, ed. Chișinău, 2016, p.550.

PROBAȚIUNEA POSTPENITENCIARĂ

Oxana ROTARI, doctor în drept, conferențiar universitar, ULIM

Abstract

Probațiunea nu e alt ceva decât evaluarea psihosocială, controlul persoanelor aflate în conflict cu legea penală și resocializarea acestora, adaptarea persoanelor eliberate din locurile de detenție în vederea săvârșirii de noi infracțiuni. Prin urmare, probațiunea reprezintă o modalitate de sancționare a infractorilor ce constă în organizarea și executarea supravegherii persoanei învinuite, inculpate sau condamnate prin monitorizarea comportamentului, acordarea de asistență individuală și orientarea acestuia spre un mod de viață sănătos.

Cuvinte-cheie: *individ, infracțiune, probațiune, pedeapsă, resocializare*

PROBATION POSTPENITENTIARY

Abstract

Probation is not something other than psychological evaluation, control of persons in conflict with the criminal law and their resocialization, the adaptation of persons released from places of detention in order to commission of new crimes. Therefore, the probation represents a way to sanction offenders what is the organization and execution of supervision of the person changed, convicted or sentenced by monitoring the behavior of individual assistance and its orientation towards a new healthy lifestyle.

Keyword: *person, offence, probation, punishment, re-socialization*

În urma sentinței judiciare, rămase definitive, condamnatul este plasat într-una din instituțiile penitenciare în care urmează să-și execute pedeapsa. Și așa cum una din funcțiile pedepsei constă în reeducarea condamnatului și formarea unei personalități cu o conștiință pozitivă în funcție de categoria penitenciarului și regimul de detenție, deținuții sînt antrenați la munci remunerate în penitenciare sau în afara acestora, în sectoarele, atelierile de producere sau gospodăriile auxiliare ale penitenciarelor, în lucrările de deservire a instituțiilor penitenciare, la întreprinderile din cadrul sistemului penitenciar.

Un element important de reinserție socială a deținuților constă în implicarea acestora în activități culturale. Conform prevederilor Regulilor minime pentru penitenciare, Recomandarea nr. R (87) 3, adoptată de Comitetul Miniștrilor Consiliului Europei la 12 februarie 1987:

- Regimurile penitenciare vor recunoaște importanța sănătății mintale și fizice a deținuților și o vor menține prin activități organizate în mod adecvat care să asigure posibilități de recreare prin exerciții și prin asigurarea condițiilor de recreare.

- Un program de educație fizică organizat în mod adecvat va fi întocmit în cadrul și cu respectarea obiectivelor tratamentului și regimului de pregătire, sportul și celelalte activități recreative vor fi și ele parte a regimului penitenciar. Pentru realizarea acestui lucru, instituțiile vor fi dotate cu echipamentul și instalațiile necesare.

- Administrațiile penitenciare vor asigura participarea deținuților la aceste programe, cu condiția ca aceștia să prezinte o stare fizică adecvată. Amenajările speciale se vor face sub directa îndrumare a medicului în vederea recuperării fizice prin terapie sau educație fizică pentru acei deținuți care au nevoie de aceasta [3].

Astfel, administrația fiecărui penitenciar, propune persoanelor deținute numeroase activități sportive precum: fotbalul, voleiul, tenisul, șahul, damele etc [7, p.54]. Conform prevederilor Ansamblului de Reguli Minime pentru Tratamentul deținuților: „Fiecărui deținut trebuie să i se aprobe, pe măsura posibilităților, să-și satisfacă cerințele vieții sale religioase, participând la slujbe organizate în așezământ și să aibă asupra sa cărțile de educație și instruire religioasă ale religiei sale” [4]. La ora actuală, în penitenciarele din Republica Moldova, se desfășoară multiple activități de asistență religioasă, fiecare penitenciar având un locaș sfânt, unde deținuții găsesc refugiul moral-spiritual. Pe lângă oficierea slujbelor religioase sunt organizate concerte de muzică religioasă, lecții biblice, ajutor material sub forma unor reviste, cărți religioase, precum și mese de binefacere.

Conform prevederilor Ansamblului de Reguli Minime pentru Tratamentul deținuților (Rezoluția nr.663 C (XXIV) din 31 iulie 1957, Congresul Națiunilor Unite) (pct. 40): „Fiecare așezământ trebuie să aibă o bibliotecă pentru uzul tuturor categoriilor de deținuți, dotată suficient cu cărți instructive și recreative. Deținuții trebuie să fie încurajați s-o folosească cât mai mult posibil”. Pe lângă aceasta, câteva din penitenciarele din țară editează propriile ziare, din colegiul de redacție făcând parte deținuții doritori (spre exemplu:

Penitenciarul nr.3 – Leova – ziarul *Ecoul libertății*; Penitenciarul nr.6 – Soroca – ziarul *Talisman*, Penitenciarul nr. 4 - Cricova – ziarul *V.I.P.*) [8].

În cadrul Direcției de activitate educativă, psihologică și asistență socială, sunt elaborate și implementate o serie de programe destinate diferitor categorii de deținuți: programul de inițiere a deținuților în domeniul științelor socio-juridice, programul cu privire la organizarea activității cu deținuții nou sosiți în penitenciar, programul cu privire la pregătirea pentru liberarea deținuților din detenție – „PROSOCIAL”, programul cu privire la organizarea educației fizice și sport cu deținuții – „PROSPORT”, programul cu privire la pregătirea condamnaților pentru liberarea condiționată înainte de termen, programul cu privire la încadrarea deținuților în câmpul muncii, program cu privire la reabilitarea psiho-socială a persoanelor consumatoare de droguri, program cu privire la reducerea violenței în mediul penitenciar, programul de educație pentru sănătate în mediul deținuților, programul de educație pentru sănătate, programul de orientare vocațională pentru deținuții minori, programul cu privire la organizarea și desfășurarea cu deținuții a activităților de creație artistică [9].

În scopul eficientizării asistenței psiho-sociale a condamnaților, dar și a activităților educative în care aceștia sunt antrenați, a fost adoptată Hotărârea de Guvern nr.1624, din 31.12.2003, cu privire la aprobarea Concepției reformării sistemului penitenciar și Planului de măsuri pe anii 2004-2020 pentru realizarea

Concepției reformării sistemului penitenciar unde sunt prevăzute următoarele:

- Asigurarea priorității valorilor social-umane în cadrul tuturor direcțiilor de activitate educativă desfășurată cu condamnații, cultivându-le colaboratorilor sistemului penitenciar aptitudini de muncă individuală și diferențiată cu condamnații în funcție de gradul de pericol pe care aceștia îl prezintă pentru societate, precum și a unei atitudini binevoitoare față de condamnați în baza principiilor dreptății, umanității și parteneriatului.

- Asigurarea unui tratament individual diferențiat, ținându-se

cont de gradul de pericol pe care îl prezintă condamnații pentru societate și de rebutul pedagogic.

- Implementarea metodelor pedagogice și psihologice moderne în procesul educațional, orientate spre corijarea condamnaților.

- Crearea condițiilor și posibilităților pentru realizarea năzuințelor condamnaților de corijare și autoperfecționare prin conștientizarea vinovăției și daunei aduse altor persoane în vederea corectării propriului comportament neadecvat.

- Păstrarea, consolidarea și menținerea legăturilor sociale ale condamnaților, satisfacerea cerințelor lor spirituale.

- Organizarea orientării și pregătirii profesionale a condamnaților care nu posedă profesii (meserii) și a învățămîntului mediu de cultură generală, dirijarea lucrului educativ spre formarea și dezvoltarea aptitudinilor pentru activitățile social-utile.

- Direcționarea întregului potențial al colaboratorilor instituției spre utilizarea permanentă a metodelor psiho-pedagogice de influențare a condamnaților prin diferite activități: muncă, instruire, odihnă, creație.

- Îmbunătățirea lucrului bibliotecilor din cadrul instituțiilor penitenciare prin asigurarea lor cu literatură juridică, artistică și religioasă, care contribuie la ridicarea nivelului de cunoștințe juridice, la dezvoltarea intelectuală și cultural-artistică a deținuților.

Asistarea psihologică, socio-educativă a condamnaților din penitenciarele Republicii Moldova reprezintă un element-cheie în reeducarea, reintegrarea, resocializarea persoanelor private de libertate, întrucât oferă o alternativă pentru o mai bună integrare în sînul comunității în limitele legii. Problema reintegrării sociale a persoanelor liberate din penitenciare din Moldova a fost discutată mai mult de un deceniu în urmă. Drept rezultat, Parlamentul Republicii Moldova în anul 1999 a adoptat *Legea cu privire la adaptarea socială a persoanelor eliberate din locurile de deținuție* [2]. Odată cu implementarea institutului probațiunii în Moldova, în 2007 a fost instituit serviciul de probațiune, iar la 14 februarie 2008 a fost adoptată legea cu privire la probațiune. Conform legii Republicii Moldova cu privire la probațiune: „*probațiunea este o evaluare psi-*

hosocială, control al persoanelor aflate în conflict cu legea penală și resocializarea lor, adaptarea persoanelor eliberate din locurile de detenție, pentru preîntâmpinarea săvârșirii de noi infracțiuni”, astfel, reieșind din aceste caracteristici, probațiunea combină în sine și activități pe plan juridic și cele sociale.

Reglementările *Uniunii Europene* definesc probațiunea drept o implementare în comunitate a sancțiunilor și măsurilor definite de lege și impuse unui delincvent, prin activități și intervenții, care implică supraveghere, îndrumare și asistență cu scopul incluziunii sociale a delicventului, precum și contribuirea la siguranța comunității [3]. Recomandările europene cu privire la probațiune se conțin în special în Recomandarea CM/Rec (2010)1 a Comitetului de Miniștri către statele membre, în Regulile de probațiune ale Consiliului European, precum și în alte acte relevante internaționale, precum: Ansamblul regulilor minime ale Națiunilor Unite cu privire la administrarea justiției pentru minori (Regulile de la Beijing, Organizația Națiunilor Unite – Rezoluția 40/33 din 29 noiembrie 1985); regulile minimale ale Națiunilor Unite pentru elaborarea unor măsuri neprivative de libertate (Regulile de la Tokyo) 45-110 din anul 1990; recomandarea CE Nr. R(92) 16 referitoare la regulile europene privind sancțiunile și măsurile comunitare; recomandarea CE Nr. R(97) 12 privind personalul implicat în implementarea sancțiunilor și măsurilor comunitare; recomandarea CE Nr. (99) 22 privind reducerea creșterii populației din penitenciare și suprapopularea acestora; recomandarea CE Nr. (2000) 22 privind îmbunătățirea implementării Regulilor europene privind sancțiunile și măsurile comunitare; recomandarea CE Nr. (2003) 22 privind liberarea condiționată; recomandarea CE Nr. (2006) 2 privind regulile europene în domeniul penitenciarelor; recomandarea CE Nr. (2008) 11 privind regulile europene pentru infractorii minori subiect al sancțiunilor și măsurilor penale.

Probațiunea dispune de strategii de intervenție în toate etapele procesului de înfăptuire a justiției penale (vezi tabelul 1).

Principalele direcții ale activității de probațiune

➤ reflectarea tabloului psihosocial al persoanei aflate în conflict cu legea penală;
➤ formularea de propuneri, pentru instanța de judecată, referitor la principalele activități care trebuie desfășurate cu persoana aflată în conflict cu legea penală în vederea facilitării procesului de soluționare a problemelor psihosociale;
➤ oferirea de informații referitor la persoana aflată în conflict cu legea penală, la familia ei și la mediul social din care provine;
➤ asigurarea cooperării persoanei aflate în conflict cu legea penală și conformării ei la condițiile care i s-au stabilit prin hotărâre judecătorească;
➤ consilierea subiectului probațiunii în rezolvarea dificultăților personale care au condus la săvârșirea infracțiunii;
➤ desfășurarea programelor individuale și a programelor de grup, concentrarea resurselor din comunitate pentru soluționarea problemelor psihosociale ale subiecților probațiunii;
➤ controlul persoanei aflate în conflict cu legea penală;
➤ coordonarea programelor sociale și a celor terapeutice pentru minori.

Adaptarea socială (reabilitarea postcondamnată, reintegrarea socială, reintegrarea socială, resocializarea) se consideră reușită atunci când au fost refăcute toate relațiile sociale utile ale persoanei și acestea nu prezintă deviații [6, p.476]. Noile modele de tratament ale delincvenților la ora actuală sunt orientate spre reeducarea deținutului, pe implicarea activă și continuă a comunității în soluționarea dificultăților cu care se confruntă aceștea. În acest context, au fost elaborate și propuse spre implementare mai multe programe de instruire și resocializare a celor eliberați din locurile de detenție. Astfel, la inițiativa Institutului de Reforme Penale au fost lansate câteva programe, printre care și Programul Goldstein (bazat pe metoda *de învățare structurată* (SLM) dezvoltată și introdusă în SUA în 1973 de către A.Goldstein) în cadrul căreia se apelează la o serie de tehnici și metode de lucru cu beneficiarii serviciului de probațiune (vezi tabelul 2).

Metode și tehnici de lucru cu beneficiarii serviciului de probațiune

Nr.	Denumirea metodei, tehnicii	Caracteristici
1.	Documentarea	Documentarea este atât o metodă distinctă de evaluare a clientului, cât și un proces care se desfășoară pe toată perioada de instrumentare a cazului. Spre deosebire de celelalte metode de evaluare și intervenție, documentarea se realizează de către consilierul de probațiune, care stabilește un <i>plan de documentare</i> , ce cuprinde resursele-cheie din sistemul-client care pot oferi informații relevante despre acesta.
2.	Observația	Observația este o tehnică de investigație, care are ca scop culegerea de informații cu valoare de fapte, necesare pentru a le completa/confirma pe cele rezultate în urma altor tehnici (documentarea, interviul sau întrevederea). Observația are o mare importanță în mod deosebit în primele etape ale instrumentării cazului (după sesizare/referire, evaluare inițială, evaluare complexă), dar se aplică pe tot parcursul lucrului la caz. Pentru o abordare organizată, coerentă și logică a acestei tehnici se utilizează și se recomandă construirea unui ghid de observație.
3.	Întrevederea	Întrevederea reprezintă o formă de interviu, în care consilierul de probațiune urmărește anumite informații specifice și predeterminate de la client. Consilierul de probațiune adresează întrebări specifice și înregistrează doar răspunsurile relevante pentru scopul său, adesea folosind o fișă de evaluare/înregistrare. Scopul acestei tehnici nu este unul cu precădere terapeutic, ci acordă prioritate oportunităților clientului de a-și exprima anumite emoții, sentimente în legătură cu problema. În funcție de complexitatea cazului, întrevederea poate lua forma unei convorbiri, sau chiar a unei ședințe de consiliere.

Un alt program implementat în Republica Moldova este cel de socializare, avînd menirea corectării logicii antisociale a deținuților, ca premisă pentru reintegrarea lor socială. Tot aici, se accentuează rolul familiei, ca factor stabilizant atât în reintegrarea postcondamnatore, cât și în toate etapele vieții [5, p.33-34]. Funcționarea eficientă a sistemului de probațiune este indispensabilă procesului de edificare

a unui sistem judiciar modern, avînd potențialul de a contribui la reducerea riscului de supra-aglomerare a penitenciarelor, respectiv creșterea încrederii populației în actul de justiție prin oferirea posibilității participării comunității în procesul de reabilitare. Pregătirea pentru liberare și reinserție socială începe imediat după primirea în locul de deținere, stabilirea unui regim de executare a pedepsei private de libertate implicând întocmirea unui *Plan de evaluare și intervenție educativă și terapeutică* pentru fiecare persoană condamnată care trebuie să conțină: aprecierea nivelului riscului de recidivă / aprecierea factorilor prognostici în vederea comportamentului legal pe viitor, măsuri speciale de tratament și ajutor, comportamentul în penitenciar, atitudinea față de muncă, componente ale resocializării [1]. Planul individual de executare a pedepsei are la bază 3 principii:

1. *Principiul riscului* – intensitatea intervenției trebuie să fie adecvată riscului de recidivă a condamnatului.

2. *Principiul nevoii* – programele de resocializare (intervenție) trebuie să se adreseze direct factorilor care sunt relaționați nevoilor criminogene.

3. *Principiul responsabilității* – programele de resocializare trebuie să fie adecvate stilului și abilităților de învățare (motivația) ale condamnatului [10].

Actualmente, în instituțiile penitenciare sunt implementate mai multe programe ce urmăresc procesul educativ al condamnaților. Acestea au început a fi implementate în ultimul deceniu și reprezintă un pas important în activitatea sistemului penitenciar grație faptului că au drept obiectiv principal reinserția socială, respectiv reducerea recidivei și încadrarea foștilor deținuți în mediul social.

Referințe bibliografice

1. Hotărîrea de Guvern nr.1624, din 31.12.2003, cu privire la aprobarea Concepției reformării sistemului penitenciar și Planului de măsuri pe anii 2004-2020 pentru realizarea Concepției reformării sistemului penitenciar.
2. Regulamentul Consiliului Centrului coordonator de adaptare socială a persoanelor eliberate din locurile de detenție din 30.12.2008.
3. Recomandarea Comitetului de Miniștri către statele membre cu privire la Regulile de Probațiune ale Consiliului Europei din 20.01.2010.

4. Rezoluția Congresului Națiunilor Unite cu privire la Ansamblul de Reguli Minime pentru Tratatamentul deținuților nr.663 C (XXIV) din 31 iulie 1957.
5. Bulgaru R. Factori de risc în apariția comportamentului deviant. În: Conferința Științifică, Chișinău, 22.04.2005, p. 33-34.
6. Ciobanu I. Criminologie. Chișinău: Tipografia Centrală, 2013. 476 p.
7. Cojocaru V. Pregătirea pentru liberare a deținuților. Ghid practic. Chișinău: IRP, 2009, 54 p.
8. Rotari O. Probleme actuale ale executării pedepsei. Chișinău: Foxtrot, 2013. 300 p.
9. Ziarele penitenciarelor [online]. <http://www.penitenciar.gov.md/ro/Ziarele-penitenciarelor.html> (citat la 14.03.2017).
10. Ghid informational [online]. <http://penitenciar.gov.md/ro/ghid-informational> (citat la 17.03.2017).
11. Ghidul consilierului de probațiune [online]. http://irp.md/uploads/files/2014-06/1402575317_1233061503_ro.pdf (citat la 17.10.2015).

APLICAREA LEGISLAȚIEI REPUBLICII MOLDOVA REFERITOARE LA RESPONSABILITATEA DISCIPLINARĂ A MUNCITORILOR ȘI FUNCȚIONARILOR

Alexandru SOSNA, doctor în drept, USM, cercetător superior, AȘM
Constantin LUPU, doctor în științe economice,
conferențiar universitar, USEM

Rezumat

Responsabilitatea disciplinară este o varietate a responsabilității juridice a persoanei, aplicată la muncitori și funcționari, care nu-și onorează obligațiunile de serviciu nemotivat sau nu le îndeplinesc în modul cerut de angajator. Autorii și-au propus să actualizeze diferite articole din Codul Muncii ce reglementează subiectul vizat. Analizând diferite situații, autorii expun condițiile de aplicare a penalităților.

Cuvinte-cheie: legislație, codul muncii, responsabilitate juridică, penalitate, responsabilitate disciplinară

THE REPUBLIC OF MOLDOVA'S LAW ENFORCEMENT ON THE DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF WORKERS AND CIVIL SERVANTS

Abstract

Disciplinary responsibility is a variety of legal liability of the person, applied to workers and civil servants, who do not honor their duty service obligations or do not do them in the manner required by the employer. The authors have suggested updating various articles of the Labor Code that regulate the subject. Analyzing different situations, the authors set out the conditions for applying penalties.

Keywords: legislation, labor code, legal responsibility, penalty, disciplinary responsibility

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА, УСТАНОВЛИВАЮЩЕГО ДИСЦИПЛИНАРНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Актуальность темы обусловлена её значением. Дисциплинарная ответственность является одним из видов юридической ответственности, которая применяется к рабочим и служащим,

которые не исполняют без уважительных причин свои трудовые обязанности либо исполняют их ненадлежащим образом.

Примененное к работнику незаконное дисциплинарное взыскание порочит его честь и достоинство.

Дисциплинарное взыскание в виде увольнения записывается в трудовую книжку работника, которая является своеобразным трудовым паспортом работника.

Запись в трудовой книжке работника об увольнении за нарушение трудовой дисциплины, особенно об увольнении за утрату доверия, превращает трудовую книжку в своего рода «волчий билет», ибо устроиться с такой трудовой книжкой на работу в стране с низким уровнем занятости населения и высоким уровнем безработицы весьма и весьма непросто.

Актуальность темы обусловлена также недостатками отдельных норм Трудового кодекса Республики Молдова, регулирующих дисциплинарную ответственность рабочих и служащих.

В частности, пункт g) части (1) ст. 86 ТК РМ, согласно которому работодатель вправе уволить работника за неоднократное нарушение в течение года трудовых обязанностей, если ранее применялись дисциплинарные взыскания, содержит логическое противоречие, которое можно устранить либо путём официального толкования, т.е. путём принятия Парламентом РМ закона о толковании пункта g) части (1) ст. 86 ТК РМ, либо путём принятия Парламентом РМ закона об изменении пункта g) части (1) ст. 86 ТК РМ.

Неоднократным считается второе по счёту нарушение, что даёт основание для вывода, что по пункту g) части (1) ст. 86 ТК РМ можно уволить работника, который совершил второе по счёту нарушение трудовой дисциплины.

Однако, придаточное предложение «если ранее применялись дисциплинарные взыскания» даёт более веские основания для вывода, что увольнение по пункту g) части (1) ст. 86 ТК РМ допускается только при условии, если работник ранее совершил не менее двух нарушений трудовой дисциплины, за которые были наложены дисциплинарные взыскания и после этого работник совершил ещё одно нарушение трудовой дисциплины.

Частью (2) ст. 209 ТК РМ установлен 2-летний срок давности применения дисциплинарных взысканий.

По нашему мнению, данный срок является чрезмерно длительным.

Кодексом Республики Молдова о правонарушениях установлены 12-месячный и 18-месячный сроки давности применения наказаний за правонарушения, которые обладают большей степенью общественной опасности, чем нарушение трудовой дисциплины.

Срок давности применения уголовных наказаний за незначительные преступления установлен Уголовным кодексом РМ продолжительностью 2 года.

По нашему мнению, необходимость сокращения 2-летнего срока, установленного частью (2) ст. 209 ТК РМ, очевидна.

Автор поставил цель осветить основные положения ТК РМ, регулирующие дисциплинарную ответственность рабочих и служащих, обратить внимание на противоречивые и несправедливые нормы ТК РМ.

Изложение основного материала. При применении дисциплинарной ответственности рабочих и служащих работодатели должны руководствоваться пунктами г)-г) части (1), частью (2) ст. 86, ст. 206-211 Трудового кодекса Республики Молдова (далее – ТК РМ) № 154-XV от 28.03.2003 года.¹

При рассмотрении индивидуальных трудовых споров судебные инстанции руководствуются ТК РМ ТК и постановлением Пленума Высшей судебной палаты Республики Молдова № 9 о ТК РМ 22.12.2014 года «О судебной практике рассмотрения споров, которые возникают в процессе заключения, изменения и прекращения индивидуального трудового договора».²

Учёные по-разному определяют понятие «дисциплинарная ответственность».

Отдельные учёные считают, что дисциплинарная ответственность – это «одна из правовых форм воздействия на нарушителей

---

¹ Официальный монитор РМ № 159-162 от 29.07.2003 г.

² «Кадры и заработная плата», № 2 (98), 2015, «Бюллетень Высшей судебной палаты Республики Молдова!», 2015, № 4.

трудовой дисциплины; один из видов юридической ответственности (наряду с уголовной, административной, гражданско-правовой). Заключается в наложении дисциплинарных взысканий администрацией предприятия или учреждения, где трудится работник»¹.

Юридическая ответственность – это «предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия».²

Дисциплинарную ответственность рабочих и служащих можно рассматривать как институт права и как санкцию, установленную этим институтом права.

Дисциплинарная ответственность рабочих и служащих представляет собой совокупность правовых норм, устанавливающих основания, условия, порядок и сроки применения работодателем дисциплинарных взысканий к рабочим и служащим, совершившим нарушение трудовой дисциплины.

Дисциплинарная ответственность рабочих и служащих установлена ст. 206-211 ТК РМ.

Основанием применения дисциплинарного взыскания является дисциплинарный проступок, под которым понимается противоправное виновное неисполнение либо ненадлежащее исполнение работником трудовых обязанностей.³

Обязанности рабочих и служащих (далее – работников) установлены частью (2) ст. 9 ТК РМ, правилами внутреннего распорядка предприятия, должностными инструкциями и другими нормативными актами на уровне предприятия.

Дисциплинарными проступками считаются, в частности, опоздания на работу, самовольный уход с работы, появление на работе в нетрезвом состоянии.⁴

---

¹ Большой юридический словарь, под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е., Москва, 2004 г., стр. 160.

² Большой юридический словарь, под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е., Москва, 2004 г., стр. 694-395.

³ Капша Т., Сосна Б., Захария С., «Трудовое право Молдовы. Учебно-практическое пособие», Германия, 2016, стр. 249.

⁴ Сосна Б.И., Горелко Н.А., «Трудовое право Республики Молдова. Научно-практическое пособие (с комментариями отдельных норм КЗоТа РМ)», Кишинев, 2001, стр. 140.

Основаниями для привлечения к дисциплинарной ответственности являются дисциплинарные проступки, совершенные в рабочее время. Дисциплинарные проступки, совершенные работниками в свободное от работы время, не дают работодателю права привлекать этих работников к дисциплинарной ответственности. В частности, не допускается привлечение к дисциплинарной ответственности работника, который во время своего ежегодного отпуска появился на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения.

Если дисциплинарный проступок повлек причинение предприятию материального ущерба, работодатель вправе применить к работнику дисциплинарное взыскание и привлечь его к материальной ответственности.

Дисциплинарные взыскания – это установленные частью (1) ст. 206 ТК РФ санкции, которые работодатель вправе применить к работнику, совершившему дисциплинарный проступок, в порядке, установленном ст. 206-211 ТК РФ.

Дисциплинарные взыскания установлены частью (1) ст. 206 ТК РФ, согласно которой за нарушение трудовой дисциплины работодатель вправе применить к работнику следующие дисциплинарные взыскания:

- а) предупреждение;
- б) выговор;
- в) строгий выговор;
- г) увольнение (по основаниям, предусмотренным пунктами г) – р) части (1) ст. 86).

Дисциплинарные взыскания в виде увольнения за нарушение трудовой дисциплины установлены пунктами г)-р) части (1) ст. 86 ТК РФ, согласно которым увольнение по инициативе работодателя допускается по следующим основаниям:

- г) неоднократное нарушение в течение года трудовых обязанностей, если ранее применялись дисциплинарные взыскания;
- д) повторное отсутствие на работе без уважительных причин в течение четырех часов подряд (без учета перерыва для питания) в течение рабочего дня;

і) появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, установленного в порядке, предусмотренном в пункте к) ст. 76;

ј) совершение по месту работы хищения (в том числе мелкого) имущества предприятия, установленное решением судебной инстанции или органа, в компетенцию которого входит применение административных взысканий;

к) совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или материальные ценности, если эти действия могут служить основанием для утраты доверия работодателя к данному работнику;

л) неоднократное в течение года грубое нарушение устава учебного заведения педагогическим работником (ст.301);

м) совершение работником, осуществляющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с занимаемой должностью;

н) применение (в том числе однократное) педагогическим работником к воспитанникам физического или психического насилия (ст.301);

о) подписание руководителем предприятия (филиала, подразделения), его заместителями или главным бухгалтером необоснованного правового акта, причинившего материальный ущерб предприятию;

р) однократное грубое нарушение своих служебных полномочий руководителем предприятия, его заместителями или главным бухгалтером;

г) предъявление работником работодателю при заключении индивидуального трудового договора подложных документов (часть (1) ст. 57), подтвержденное в установленном порядке.

Порядок применения всех дисциплинарных взысканий установлен частями (4), (5) ст. 206, ст. 207-211 ТК РМ.

При применении дисциплинарных взысканий в виде увольнений по основаниям, предусмотренным пунктами г) – р) части (1) ст. 86 ТК РМ, работодатель должен соблюдать не только требования частей (4), (5) ст. 206 и ст. 207-211 ТК РМ, но

и требования части (2) ст. 86, части (1) ст. 87, ст. 257 и частей (1) и (2) ст. 387 ТК РМ.

Согласно части (4) ст. 206 ТК РМ за один и тот же дисциплинарный проступок не может быть применено более одного дисциплинарного взыскания.

Согласно части (5) ст. 206 ТК РМ при наложении дисциплинарного взыскания работодатель должен учитывать тяжесть совершенного проступка и другие объективные обстоятельства.

Дисциплинарные наказания имеют право применять органы, указанные в ст. 207 ТК РМ.

Дисциплинарное взыскание применяется органом, которому предоставлено право приема на работу (избрания, утверждения или назначения на должность) данного работника. Дисциплинарные взыскания на работников, несущих дисциплинарную ответственность в соответствии с дисциплинарными уставами или положениями и иными нормативными актами, могут налагаться также органами, вышестоящими по отношению к указанным в части (1).

Работники, занимающие выборные должности, могут быть уволены (пункт d) части (1) ст. 206) только по решению избравшего их органа и только на законных основаниях.

Дисциплинарное взыскание, примененное неуполномоченным органом, признаётся незаконным.

Порядок применения дисциплинарных взысканий установлен ст. 208 ТК РМ,

Согласно части (1) ст. 208 ТК РМ до применения дисциплинарного взыскания работодатель должен письменно затребовать от работника объяснение в письменной форме о совершенном проступке. Объяснение о совершенном проступке может быть представлено работником в течение пяти рабочих дней со дня затребования. В случае отказа работника дать затребованное объяснение составляется соответствующий акт, который подписывается представителем работодателя и представителем работников.

Легальное определение понятия «представители работников»

содержится в ст. 1 ТК РМ, согласно которой представители работников – профсоюзный орган, действующий, как правило, на предприятии в соответствии с действующим законодательством и уставами профессиональных союзов, а в случае его отсутствия – иные представители работников предприятия, избранные ими в порядке, установленном настоящим кодексом (ст. 21).

Нарушение работодателем требований части (1) ст. 208 ТК РМ не является основанием для признания дисциплинарного взыскания незаконным, если вина работника в нарушении трудовой дисциплины доказана, дисциплинарное взыскание применено уполномоченным органом и сроки применения дисциплинарного взыскания не нарушены.

Согласно части (2) ст. 208 ТК РМ при определенной степени тяжести проступка, совершенного работником, работодатель может организовать и служебное расследование, продолжительность которого не может превышать одного месяца. В ходе служебного расследования работник вправе объяснить свою позицию и представить лицу, уполномоченному вести расследование, все доказательства и обоснования, которые считает необходимыми.

Одним из необходимых условий законности применения к работнику дисциплинарного взыскания является соблюдение работодателем пресекательных сроков применения дисциплинарных взысканий, установленных частями (1) и (2) ст. 209 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 209 ТК РМ дисциплинарное взыскание применяется, как правило, сразу же после обнаружения проступка, но не позднее одного месяца со дня обнаружения, без учета времени нахождения работника в ежегодном оплачиваемом отпуске, учебном или медицинском отпуске.

Днем обнаружения дисциплинарного проступка считается день, когда о совершенном дисциплинарном проступке стало известно лицу, которому непосредственно подчинён работник, совершивший дисциплинарный проступок, даже если это лицо не обладает правом приёма и увольнения работников.¹

---

¹ Сосна Б.И., Романдаш Н.Т., Горелко Н.А., Баурчулу А.П., «Трудовые споры. Учебно-практическое пособие», Кишинев, 2004, стр. 117.

Согласно части (2) ст. 209 ТК РМ дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии или проверки финансово-экономической деятельности – позднее двух лет со дня его совершения. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу.

Следует учесть, что дисциплинарное взыскание за дисциплинарный проступок, установленный в результате ревизии, не может быть наложено в случае истечения одномесячного срока, установленного частью (1) ст. 209 ТК РМ. Днем обнаружения такого дисциплинарного проступка является день подписания акта ревизии. И если акт ревизии был подписан 1 июля, то приказ об увольнении за нарушение, выявленное в результате этой ревизии, должен быть издан не позднее 1 августа.¹

По нашему мнению, установленный частью (2) ст. 209 ТК РМ 2-летний срок давности применения дисциплинарных взысканий является чрезмерно длительным, не соответствующим степени тяжести социальной опасности дисциплинарных проступков.

Установленный частью (2) ст. 206 ТК РМ двухлетний срок давности применения дисциплинарных взысканий превышает даже сроки применения наказаний за правонарушения, установленные частями (2) и (3) ст. 30 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях (далее – КоП РМ) № 218-XVI от 24.10.2008 года

Согласно части (2) ст. 30 КоП РМ общий срок давности привлечения к ответственности за правонарушение составляет один год.

Согласно части (3) ст. 30 этого кодекса особый срок давности привлечения к ответственности за правонарушения, предусмотренные ст. 179 КоП РМ, составляет 18 месяцев.

Согласно части (4) ст. 30 этого кодекса срок давности привлечения к ответственности за правонарушение сокращается

---

¹ Сосна Б.И., Горелко Н.А., «Трудовое право Республики Молдова. Научно-практическое пособие (с комментариями отдельных норм КЗоТа РМ)», Кишинев, 2001, стр. 141.

наполовину для лиц, которые на момент совершения правонарушения не достигли совершеннолетия.

Очевидно, что правонарушения характеризуются более высокой степенью социальной опасности, чем дисциплинарные проступки. Поэтому установленный частью (2) ст. 209 ТК РМ двухлетний срок следует сократить до 9 месяцев.

Вряд ли можно признать гуманной норму права, устанавливающую одинаковые сроки давности привлечения к ответственности за нарушение трудовой дисциплины и за совершение незначительных преступлений.

Так, согласно пункту а) части (1) ст. 60 Уголовного кодекса РМ № 985-XV от 18.04.2002 года лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения незначительного преступления истек 2 –летний срок.¹

По нашему мнению, нельзя устанавливать одинаковые сроки давности привлечения к дисциплинарной и к уголовной ответственности. Тем более, что в 2-х летний срок давности применения дисциплинарных взысканий не включается время производства по уголовному делу, которое, как правило, бывает весьма длительным.

Таким образом, часть (2) ст. 209 позволяет привлечь работника к дисциплинарной ответственности даже через 3-4 года после совершения им дисциплинарного проступка, что нельзя признать ни гуманным, ни целесообразным.

При применении дисциплинарных взысканий к лицам, избранным в профсоюзные органы и не освобожденные от основной работы, работодатель обязан учитывать гарантии, установленные ст. 387 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 387 ТК РМ лица, избранные в состав профсоюзных органов всех уровней и не освобожденные от основной работы, не могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям и/или переведены на другую работу без предварительного письменного согласия органа, членами которого они являются.

---

¹ Официальный монитор РМ № 72-74 от 14.04.2009 г.

Согласно части (2) ст. 387 ТК РФ руководители первичных профсоюзных организаций, не освобожденные от основной работы, не могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям без предварительного письменного согласия вышестоящего профсоюзного органа.

Согласно части (1) ст. 210 ТК РФ дисциплинарное взыскание объявляется в приказе (распоряжении, решении, постановлении), в котором в обязательном порядке указываются:

- а) фактические причины и правовые основания применения дисциплинарного взыскания;
- б) срок обжалования взыскания;
- в) орган, в который можно обжаловать взыскание.

Согласно части (2) ст. 210 ТК РФ приказ (распоряжение, решение, постановление) работодателя, за исключением дисциплинарного взыскания в виде увольнения согласно пункту d) части (1) ст. 206, которое применяется с соблюдением части (3) ст. 81, объявляется работнику под расписку не позднее чем в течение пяти рабочих дней со дня издания, а в случае, когда он работает в одном из структурных подразделений предприятия (филиал, представительство, децентрализованная служба и др.), расположенном в другой местности, не позднее чем в течение 15 рабочих дней, и влечет последствия со дня объявления. Отказ работника подтвердить подписью объявление приказа оформляется соответствующим актом, который подписывается представителем работодателя и представителем работников.

Согласно части (3) ст. 210 ТК РФ приказ (распоряжение, решение, постановление) о применении дисциплинарного взыскания может быть обжалован работником в судебную инстанцию в порядке, предусмотренном ст. 355.

Работник вправе обжаловать дисциплинарное взыскание путём обращения непосредственно в суд первой инстанции .

Согласно ост. 353 ТК РФ работники или их представители, обратившиеся в судебные инстанции с заявлениями о разрешении споров и конфликтов, вытекающих из отношений, предусмотренных ст. 348, в том числе для обжалования судебных

решений (определений) по данным спорам и конфликтам, освобождаются от уплаты судебных расходов (государственной пошлины и расходов, связанных с рассмотрением дела).

Согласно ст. 82 Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова (далее – ГПК РМ) № 225-XV от 30.05.2003 года судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.¹

Согласно части (1) ст. 83 ГПК РМ государственная пошлина состоит из денежной суммы, взимаемой судебными инстанциями на основании закона в доход государства с лиц, в интересах которых совершаются процессуальные действия по рассмотрению гражданских дел или которым выдаются копии документов дела.

Согласно ст. 90 ГПК РМ к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся:

- a) суммы, подлежащие выплате свидетелям, переводчику, экспертам и специалистам;
- b) расходы по производству осмотра на месте;
- c) расходы по извещению и вызову сторон в суд;
- d) расходы по проезду и проживанию, понесенные сторонами и другими участниками процесса в связи с явкой в судебную инстанцию;
- e) расходы по оплате услуг переводчика, понесенные иностранными гражданами и лицами без гражданства, если международными договорами, одной из сторон которых является Республика Молдова, не предусмотрено иное;
- f) расходы по розыску ответчика;
- g) расходы по производству экспертизы;
- h) расходы по исполнению судебных актов;
- i) расходы по предоставлению юридической помощи;
- j) расходы по объявлению несостоятельности;
- k) возмещения за потерю рабочего времени;
- l) прочие необходимые расходы, понесенные судебной инстанцией и участниками процесса.

---

¹ Официальный монитор РМ № 130-134 от 21.06.2013 г.

ГПК РМ освобождает работников только от уплаты государственной пошлины.

Однако ст. 353 ТК РМ, который является специальным законом, освобождает работников-истцов от уплаты судебных расходов, которые состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. Часть (3) ст. 6 закона РМ «О законодательных актах» № 780-XV от 27.12.2001 года предусматривает, что в случае противоречия между нормой общего законодательного акта и нормой специального законодательного акта, имеющих равную юридическую силу, применяется норма специального законодательного акта.¹

При обращении в суд работник должен учитывать, что пунктом а) части (1) ст. 355 ТК РМ установлен 3-месячный срок исковой давности, который начинает течь со дня, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Как правило, этот срок исчисляется со дня ознакомления работника с приказом о применении дисциплинарного взыскания, либо со дня, когда работник отказался от ознакомления с приказом.

Согласно части (1) ст. 211 ТК РМ срок действия дисциплинарного взыскания не может превышать одного года со дня его применения. Если в течение этого срока работник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, то он считается не имеющим дисциплинарного взыскания.

Согласно части (2) ст. 211 ТК РМ работодатель, применивший дисциплинарное взыскание, вправе снять его до истечения года по собственной инициативе, по просьбе работника, по ходатайству представителей работников или непосредственного руководителя работника.

Согласно части (3) ст. 211 ТК РМ в течение срока действия дисциплинарного взыскания к работнику, на которого оно наложено, не могут применяться поощрения, предусмотренные ст. 203 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 203 ТК РМ за успехи в работе работодатель может применять следующие виды поощрений:

---

¹ Официальный монитор РМ № 36-38 от 14.03.2002 г.

- a) объявление благодарности;
- b) премирование;
- c) награждение ценным подарком;
- d) награждение почетной грамотой.

Часть (3) ст. 211 ТК РМ запрещает работникам, имеющим дисциплинарные взыскания, выплату поощрительных премий.

Этот запрет не распространяется на премии, установленные положениями о премировании в соответствии с пунктом f) ст. 4 и ст. 137 ТК РМ.

При применении дисциплинарных взысканий в виде увольнения должны быть соблюдены не только требования 206-211, но и требования ст. 87 и 257 и частей (1) и (2) ст. 387 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 87 ТК РМ увольнение работников – членов профсоюза в случаях, предусмотренных пунктами c), e) и g) части (1) ст. 86, допускается только с предварительного письменного согласия профсоюзного органа (профсоюзного организатора) предприятия. В остальных случаях увольнение допускается после предварительной консультации с профсоюзным органом (профсоюзным организатором) предприятия.

Согласно части (2) ст. 87 ТК РМ увольнение лица, избранного в профсоюзный орган и не освобожденного от основной работы, допускается с соблюдением общего порядка и только с предварительного согласия профсоюзного органа, членом которого является данное лицо.

Пункт g) части (1) ст. 86 ТК РМ даёт работодателю право уволить работника за неоднократное нарушение в течение года трудовых обязанностей, если ранее применялись дисциплинарные взыскания.

Данный пункт содержит противоречия, что требует его официального толкования, либо изменения принятым парламентом законом.

Увольнение по пункту g) части (1) ст. 86 ТК РМ будет правомерным, если:

1) на работника было наложено не менее 2 дисциплинарных взысканий, срок действия которых не истёк, и после этого работник совершил ещё одно нарушение трудовой дисциплины,

2) дисциплинарные взыскания были применены с соблюдением требований ст. 206-211 и частей (1) и (2) ст. 387 ТК РФ,

3) увольнение за дисциплинарный проступок, совершенный после применения к работнику не менее 2 дисциплинарных взысканий, произведено с соблюдением требований ст. 87, 206-211 ТК РФ, а также требований ст. 257 ТК РФ, если работник является несовершеннолетним.

Согласно ст. 257 ТК РФ увольнение работников в возрасте до восемнадцати лет, за исключением случая ликвидации предприятия, допускается только с письменного согласия территориального агентства занятости населения с соблюдением общих условий увольнения, предусмотренных ТК РФ.

При увольнении по пункту г) части (1) ст. 86 ТК РФ (а также по пунктам h)-г) части (1) ст. 86 ТК РФ) должны быть соблюдены также требования части (2) ст. 86 ТК РФ, согласно которой не допускается увольнение работника в период пребывания его в медицинском отпуске, ежегодном оплачиваемом отпуске, учебном отпуске, отпуске по беременности и родам, частично оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, дополнительном отпуске без сохранения заработной платы по уходу за ребенком в возрасте от трех до шести лет, в период исполнения государственных или общественных обязанностей, а также в период откомандирования, за исключением случаев ликвидации предприятия.

На основании пункта h) части (1) ст. 86 ТК РФ работодатель вправе уволить работника в случае повторное отсутствие на работе без уважительных причин в течение четырех часов подряд в течение рабочего дня.

Увольнение по пункту h) части (1) ст. 86 ТК РФ будет считаться правомерным, если:

1) работник повторно отсутствовал на работу без уважительных причин более 4 часов подряд в течение рабочего дня без учета перерыва для питания,

2) соблюдены требования части (2) ст. 86, ст. 87, 206-211 и частей (1) и (2) ст. 387 ТК РФ.

Пункт h) части (1) ст. 86 ТК РМ, по нашему мнению, следует изменить, т.к. он не учитывает, что многие работники работают неполное рабочее время 3-4- часа в день. Поэтому пункт h) части (1) ст. 86 ТК РМ следует изменить, предоставив работодателю право уволить работника без уважительных причин повторно отсутствующего на работе в течение всего рабочего дня.

Пункт i) части (1) ст. 86 ТК РМ даёт работодателю право уволить работника, который появился на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, установленного в порядке, предусмотренном в пункте k) ст. 76 ТК РМ.

Согласно пункту k) ст. 76 ТК РМ действие индивидуального трудового договора приостанавливается за появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, установленного заключением компетентного медицинского учреждения или актом комиссии, образованной из равного числа представителей работодателя и работников.

Увольнение по пункту i) части (1) ст. 86 ТК РМ будет считаться правомерным, если:

1. работник появился на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения в рабочее время,

2. состояние опьянения установлено заключением компетентного медицинского учреждения или актом комиссии, образованной из равного числа представителей работодателя и работников,

3. соблюдены требования части (2) ст. 86 , ст. 206-211 и частей (1) и (2) ст. 387 ТК РМ.

Заключение медицинского учреждения, подтверждающее состояние опьянения, должно соответствовать требованиям Положения о порядке проведения теста на алкоголь и медицинского освидетельствования для определения состояния опьянения и его характера, утвержденного постановлением Правительства РМ № 296 от 16.04.2009 года.¹

По этому основанию нельзя увольнять работников,

---

¹ Официальный монитор РМ № 80-81 от 24.04.2009 г.

которые находились на работе в состоянии опьянения в период, когда они не обязаны исполнять свои трудовые обязанности (в период отпуска, после окончания рабочего дня).¹

Увольнение по пункту i) части (1) ст. 86 ТК РМ признается незаконным и в случае, если акт, подтверждающий появление работника на работе в состоянии опьянения, составлен комиссией, образованной только из представителей работодателя.

Пункт j) части (1) ст. 86 ТК РМ даёт работодателю право уволить работника, совершившего по месту работы хищения (в том числе мелкого) имущества предприятия, установленное решением судебной инстанции или органа, в компетенцию которого входит применение административных взысканий.

Увольнение по этому основанию признаётся правомерным, если:

1. увольнение произведено после вступления в силу решения (приговора) суда или иного органа о применении наказания за совершение хищения (в том числе мелкого) имущества предприятия,
2. соблюдены сроки и порядок применения дисциплинарных взысканий.

Пункт k) части (1) ст. 86 ТК РМ предусматривает увольнение по инициативе работодателя за совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или материальные ценности, если эти действия могут служить основанием для утраты доверия работодателя к данному работнику

Увольнение по пункту k) части (1) ст. 86 ТК РМ будет правомерным, если:

- 1) работник непосредственно обслуживает денежные или материальные ценности,
- 2) работник совершил виновные действия, дающие основание для утраты доверия (например, совершил хищение (в том числе мелкое) имущества предприятия, использовал имущество

---

¹ Сосна Б.И., Романдаш Н.Т., Горелко Н.А., Баурчулу А.П., «Трудовые споры. Учебно-практическое пособие», Кишинев, 2004, стр. 120.

предприятия в личных целях, несвоевременно приходовал материальные ценности, допустил недостачу имущества),

3) работодателем соблюдены сроки и порядок применения дисциплинарных взысканий.¹

Пункт 1) части (1) ст. 86 ТК РМ предусматривает увольнение за неоднократное в течение года грубое нарушение устава учебного заведения педагогическим работником (ст.301).

По этому основанию могут быть уволены только педагогические работники.

Увольнение по этому основанию будет правомерным, если:

1) педагогический работник неоднократно в течение года грубо нарушил устав учебного заведения,

2) работодателем были соблюдены сроки и порядок применения дисциплинарных взысканий.

Пункт m) части (1) ст. 86 ТК РМ предусматривает увольнение за совершение работником, осуществляющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с занимаемой должностью.

По этому основанию могут быть уволены только работники, осуществляющие воспитательные функции (воспитатели детских дошкольных учреждений, учителя школ, преподаватели институтов и др.).

Увольнение по пункту m) части (1) ст. 86 ТК РМ будет считаться правомерным, если:

1. уволенный работник выполнял воспитательные функции и совершил аморальный проступок,

2. работодателем соблюдены сроки и порядок увольнения.

Пункт n) части (1) ст. 86 ТК РМ предусматривает увольнение за применение (в том числе однократное) педагогическим работником к воспитанникам физического или психического насилия (ст. 301).

---

¹ Сосна Б.И., Романдаш Н.Т., Горелко Н.А., Баурчулу А.П., «Трудовые споры. Учебно-практическое пособие», Кишинев, 2004, стр. 124-125.

Увольнение по пункту п) части (1) ст. 86 ТК РФ (дублирующего пункт h) части (1) ст. 301 ТК РФ) будет законным, если:

1. педагогический работник применил к воспитаннику физическое или психическое насилие,
2. работодателем соблюдены сроки и порядок применения дисциплинарных взысканий.

Следует учесть также требования части (2) ст. 89 ТК РФ, согласно которой при рассмотрении индивидуального трудового спора судебной инстанцией работодатель обязан доказать законность и привести основания перевода или освобождения работника. В случае обжалования работником–членом профсоюза приказа об увольнении судебная инстанция затребует согласие (консультативное мнение) профсоюзного органа (профсоюзного организатора) относительно увольнения данного работника.

Пункт о) части (1) ст. 86 ТК РФ предусматривает увольнение за подписание руководителем предприятия (филиала, подразделения), его заместителями или главным бухгалтером необоснованного правового акта, причинившего материальный ущерб предприятию.

По этому основанию могут быть уволены только руководитель предприятия, его заместители и главный бухгалтер.

Правовым актом, причинившим ущерб предприятию, может быть приказ об увольнении работника с нарушением закона, повлекший восстановление его на работе и взыскание с предприятия причиненного незаконным увольнением ущерба. Таким правовым актом может быть и договор купли-продажи о приобретении товара для предприятия по завышенной цене.

Если материальный ущерб предприятию причинён хищением, установленным приговором суда или решением компетентного органа, увольнение производится по пункту j) части (1) ст. 86 ТК РФ.

Увольнение будет правомерным, если соблюден порядок применения дисциплинарных взысканий, в том числе и сроки их применения, установленные ст. 209 ТК РФ.

Пункт р) части (1) ст. 86 ТК РФ предусматривает

увольнение за однократное грубое нарушение своих служебных полномочий руководителем предприятия, его заместителями или главным бухгалтером.

ТК РМ не даёт определения понятия «однократное грубое нарушение служебных полномочий». Судебная практика признаёт такими нарушениями нарушения, причинившие вред здоровью работников, неисполнение решения суда о восстановлении на работе незаконно уволенного работника.

Увольнение будет правомерным, если: соблюдены правила применения дисциплинарных взысканий.

Пункт г) части (1) ст. 86 ТК РМ предусматривает увольнение за предъявление работником работодателю при заключении индивидуального трудового договора подложных документов (часть (1) ст. 57), подтвержденное в установленном порядке.

Увольнение по этому основанию может быть произведено, если:

1) работник при поступлении на работу предъявил работодателю подложный документ, необходимый для приёма именно на данную работу (должность),

2) подложность документов подтверждена в установленном порядке, т.е. в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом РМ № 122 –XV от 14.03.2003 года.¹

Работник, предъявивший подложный документ (например, диплом), привлекается к ответственности по ст. 361 УПК РМ.

Представление работником подложного документа, который не требуется при приёме на данную должность, не даёт права на увольнение по пункту г) части (1) ст. 86 ТК РМ.

При увольнении по этому основанию должны быть соблюдены правила применения дисциплинарных взысканий.²

---

¹ Официальный монитор РМ № 248-251 от 05.11.2013 г.

² Сосна Б.И., Романдаш Н.Т., Горелко Н.А., Баурчулу А.П., «Трудовые споры. Учебно-практическое пособие», Кишинев, 2004, стр. 130-131.

UNELE PROBLEME ALE EXECUTĂRII IMPUSE A DOCUMENTELOR EXECUTORII

*Boris SOSNA, doctor în drept, USEM, cercetător științific principal
al ICJP al AȘM*

*Dmitrii TARLEV, master în drept, asistent de judecător, Curtea
Supremă de Justiție a RM*

Rezumat

În acest studiu autorii analizează procedura de executare a hotărârilor judecătorești și acordă atenție în mod deosebit persoanelor care au dreptul de inițiativă legislativă, și dispun de oportunitatea de a modifica în Parlamentul Republicii Moldova partea a (2) din art. 38, art. 89 și partea (1) Art. 161 Codul executiv al Republicii Moldova.

Actualitatea subiectului abordat rezidă în faptul că autorii evidențiază existența deficiențelor în conținutul anumitor norme ale Codului executiv al Republicii Moldova și anume, potrivit părții a (2) a Art. 38 executorul are dreptul de a primi o taxă în sumă de 300.000 lei, iar art. 89 din Cod permite blocarea accesului pe un singur spațiu de locuit ce aparține debitorului în calitate de proprietate privată și evacuarea debitorului și membrii familiei sale, inclusiv copii minori, fără a oferi un alt spațiu de locuit.

***Cuvinte-cheie:** executare, executor judecătoresc, debitor, creditor, taxă, cameră de zi*

SOME ISSUES OF THE EXECUTIVE DOCUMENTS' ENFORCEMENT

Abstract

In this study the authors analyze the procedure for the enforcement of judgments and pay special attention to the persons entitled to legislative initiative, and have the opportunity to amend the 2nd part of art. 38, art. 89 and the 1st part of art. 161 of The Executive Code of the Republic of Moldova in the Republic of Moldova's Parliament.

The relevance of the subject is based on the fact that the authors point out the deficiencies in the content of certain norms of the Executive Code of the Republic of Moldova, namely, according to the 2nd part of art. 38, the bailiff is entitled to receive a fee of 300,000 lei, but art. 89 of the Code allows access to a single living space belonging to the debtor as private property and the eviction of the debtor and his family members, including minors, without providing any other living space.

***Keywords:** execution, bailiff, debtor, creditor, tax, living room*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Авторы предприняли попытку осветить порядок принудительного исполнения исполнительных документов и обратить внимание лиц, обладающих правом законодательной инициативы, на целесообразность внесения в Парламент РМ предложения об изменении части (2) ст. 38, ст. 89 и части (1) ст. 161 Исполнительного кодекса РМ.

Актуальность темы обусловлена существенными недостатками отдельных норм Исполнительного кодекса Республики Молдова (далее – ИК РМ).

В частности, часть (2) ст. 38 ИК РМ позволяет судебному исполнителю получить гонорар в сумме 300 000 лей, а ст. 89 этого кодекса позволяет обратиться взыскание на единственное жилое помещение, принадлежащее должнику на праве частной собственности, и выселить должника и членов его семьи, в том числе несовершеннолетних детей, без предоставления другой жилой площади.

Статья 89 ИК РМ, позволяющая лишить единственного жилья десятки тысяч малоимущих граждан, противоречит части (1) ст. 47 Конституции РМ, согласно которой государство обязано принимать меры для обеспечения любому человеку достойного жизненного уровня, потребного для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, в том числе пищи, одежды, жилища, медицинского ухода и необходимого социального обслуживания.

Часть (1) ст. 161 ИК РМ ограничивает обжалование актов судебных исполнителей, что ограничивает право на свободный доступ к правосудию, гарантированное ст. 20 Конституции РМ, и право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 октября 1950 года.

Принудительное исполнение исполнительных документов регулируется:

1. Исполнительным кодексом Республики Молдова № 443-XV от 24.12.2004 года (в редакции закона РМ № 143 от 02.07.2010 года),¹

2. законом РМ «О судебных исполнителях» № 113 от 14.06.2010 года,²

3. Гражданским процессуальным кодексом Республики Молдова (далее – ГПК РМ) № 225-XV от 30.05.2003 года,³

4. законом РМ «Об административном суде» № 793-XIV от 10.02.2000 года,⁴

5. законом РМ «О «О публичных финансах и бюджетно-налоговой ответственности» № 181 от 25.07.2014 года,⁵

6. Кодексом о правонарушениях Республики Молдова (далее – КоП РМ) № 218-XVI от 24.10.2008 года,⁶

7. законом РМ «Об ипотеке» № 142-XVI от 26.06.2008 года,⁷

8. Налоговым кодексом РМ № 1163-XIII от 24.04.1997 года,⁸

9. Постановлением Правительства РМ № 886 от 23.09.2010 года «Об утверждении Положения о порядке определения размера сборов за совершение актов судебного исполнителя и издержек исполнительного производства».⁹

Согласно части (1) ст. 10 ИК РМ принудительным исполнением является совокупность мер, предусмотренных настоящим кодексом, посредством которых взыскатель реализует через судебного исполнителя при помощи уполномоченных государственных органов свои права, признанные исполнительным документом, в случае, если должник добровольно не выполняет свои обязательства.

---

¹ Официальный монитор РМ № 160-162 от 07.09.2010 г.

² Официальный монитор РМ № 126-128 от 23.07.2010 г.

³ Официальный монитор РМ № 130-134 от 21.06.2013 г.

⁴ Официальный монитор РМ. Специальный выпуск от 03.10.2006 г.

⁵ Официальный монитор РМ № 223-230 от 08.08.2014 г.

⁶ Официальный монитор РМ № 3-6 от 16.01.2009 г.

⁷ Официальный монитор РМ № 165-166 от 02.09.2008 г.

⁸ Официальный монитор РМ № 128-129 от 13.09.2002 г.

⁹ Официальный монитор РМ № 191-193 от 01.10.2010 г.

ИК РМ не даёт легального определения понятия «исполнительный документ».

Учёные Российской Федерации считают исполнительными документами «документы, являющиеся основанием для возбуждения исполнительного производства и совершения судебным приставом действий по принудительной реализации судебных решений, а также актов других органов».¹

Данное определение, на наш взгляд, не совсем точное, т.к. не отражает такие существенные признаки исполнительных документов, как соответствие исполнительных документов требованиям соответствующих законов, и что исполнительный документ обязывает должника уплатить взыскателю определенную денежную сумму, или передать ему определенное имущество, или совершить определенные действия, либо воздержаться от определенных действий.

Исполнительный документ, представленный взыскателем судебному исполнителю, обязывает последнего вынести определение о возбуждении исполнительного производства.

На наш взгляд, исполнительными документами следует считать выданные судами первой инстанции исполнительные листы, судебные приказы и др., а также другими органами в установленном порядке документы, соответствующие требованиям закона, обязывающие должника уплатить взыскателям определенные денежные суммы, либо передать взыскателям указанное в исполнительных документах имущество, либо обязывающие должников совершить определенные действия, либо воздержаться от совершения определенных действий, обязывающие судебных исполнителей вынести определение о возбуждении исполнительного производства.

Согласно части (2) ст. 10 ИК РМ принудительное исполнение начинается с обращения к судебному исполнителю в соответствии с законом и производится в любой предусмотренной настоящим кодексом форме, одновременно или поочередно, до полного

---

¹ «Большой юридический словарь» под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е., Москва, 2004, стр. 238.

удовлетворения признанного исполнительным документом права, уплаты процентов, пени или иных сумм, присужденных в соответствии с законом, а также расходов по исполнению.

Принудительное исполнение согласно части (3) ст. 10 ИК РМ осуществляется на основании исполнительного листа или иного документа, являющегося исполнительным в соответствии с ИК РМ.

Согласно ст. 11 ИК РМ относятся к исполнительным документам и исполняются в соответствии с положениями настоящего кодекса:

а) исполнительные листы, выданные судебной инстанцией в соответствии с законом;

б) решения, вынесенные судебными инстанциями по административным делам, определения, приказы судебных инстанций, если законом не предусмотрено иное;

с) решения (определения) по делам о правонарушениях, в том числе вынесенные констатирующими субъектами в соответствии с установленной законом компетенцией, исполнительные листы по уголовным делам и приговоры по уголовным делам в части взыскания штрафа, а также гражданского иска;

с¹) определения судьи по уголовному преследованию, обязывающие к совершению определенных действий, связанных с переводом/передачей/ возвратом имущества;

д) постановления об освобождении от уголовной ответственности с привлечением к ответственности за правонарушение в виде штрафа;

е) исполнительные листы, выданные на основании арбитражных решений;

ф) исполнительные листы, выданные на основании решений иностранных судебных инстанций и иностранных арбитражных решений, признанные и разрешенные к исполнению на территории Республики Молдова;

г) решения Конституционного суда о наложении штрафа;

h) определения судебного исполнителя, протоколы судебного исполнителя, которыми закрепляются условия мирового соглашения сторон в соответствии со ст. 62 настоящего кодекса;

і) решения Дисциплинарной коллегии Национального союза судебных исполнителей и Дисциплинарной коллегии Союза адвокатов о наложении дисциплинарных санкций денежного характера;

ј) постановления (решения) о применении санкций, принятые органами публичной власти и/или другими органами, наделенными в соответствии с законом функциями регламентирования и контроля;

к) нотариальные акты, наделенные исполнительной силой;

к¹) арбитражные решения, которыми утверждаются мировые соглашения;

л) решения Европейского суда по правам человека, касающиеся суммы справедливого возмещения ущерба и компенсации других затрат, а также соглашения о дружественном урегулировании, заключенные сторонами;

м) решения об урегулировании, составленные Таможенной службой в случаях, предусмотренных ст. 92 и 101 настоящего кодекса;

н) договоры о залоге движимого имущества при условии, что залог может быть опротестован в порядке, установленном законом.

о) решения координаторов территориальных бюро Национального совета по юридической помощи, гарантируемой государством, о возмещении расходов по предоставлению юридической помощи, гарантируемой государством;

р) акты, изданные налоговым органом, о предписании взыскания сумм;

q) акты, изданные Советом по конкуренции, о наложении денежных взысканий.

В ст. 11 ИК РМ приведён примерный перечень исполнительных документов, который может быть дополнен законом.

Содержание исполнительных документов должно соответствовать требованиям ст. 14 ИК РМ.

Согласно части (1) ст. 14 ИК РМ в исполнительном документе, выданном судебной инстанцией, должны содержаться:

- a) наименование судебной инстанции, выдавшей исполнительный документ;
- b) дело, по которому выдан исполнительный документ;
- c) дата вынесения решения и его резолютивная часть (дословно);
- d) дата обретения решением окончательного характера или указание о немедленном исполнении;
- e) фамилия, имя, дата рождения или наименование должника и взыскателя, фискальный код, место жительства или местонахождение, банковские реквизиты;
- f) дата выдачи исполнительного документа;
- g) отметка о принятых мерах по обеспечению иска;
- h) отметка о разрешении принудительного проникновения судебного исполнителя в помещения, которые находятся во владении или собственности должника, в том числе в которых находится имущество должника;
- i) другие указания – при необходимости.

Согласно части (2) ст. 14 ИК РМ исполнительный лист, выданный на основании судебного решения, подписывается судьей и секретарем судебного заседания и заверяется печатью судебной инстанции.

Согласно части (3) ст. 14 ИК РМ иные исполнительные документы, чем выданные судебной инстанцией, за исключением предусмотренных пунктом к) ст. 11, подписываются должностным лицом и заверяются печатью соответствующего органа; при этом в них должны содержаться все сведения, предусмотренные частью (1) ст. 14, за исключением положений пунктов g) и h).

В случае, если исполнительный документ не соответствует требованиям ст. 14 ИК РМ, судебный исполнитель на основании пункта c) части (1) ст. 61 ИК РМ вправе отказать в вынесении определения о возбуждении исполнительного производства.

Содержание судебного приказа должно соответствовать требованиям части (1) ст. 351 ГПК РМ, согласно которой в судебном приказе указываются:

- a) номер дела и дата вынесения приказа;

b) наименование судебной инстанции, имя судьи, вынесшего приказ;

c) имя или наименование кредитора, его место жительства или место нахождения, банковские реквизиты;

d) имя или наименование должника, его место жительства или место нахождения, банковские реквизиты;

e) закон, на основании которого удовлетворено требование кредитора;

f) размер денежной суммы, подлежащей взысканию, или обозначение имущества, подлежащего истребованию, с указанием его стоимости;

g) размер возмещений и неустойки, если их взыскание требуется кредитором и предусмотрено законом или договором;

h) сумма государственной пошлины, подлежащей взысканию с должника в пользу кредитора или государства;

i) срок и порядок обжалования судебного приказа.

Согласно части (1) ст. 12 ИК РМ исполнительный лист выдается взыскателю по его заявлению первой инстанцией после обретения решением окончательного характера.

Согласно части (1) ст. 254 ГПК РМ считаются окончательными судебные решения, вынесенные в первой инстанции, обжалованные в апелляционном порядке, после рассмотрения дела в апелляционной инстанции.

На наш взгляд, часть (1) ст. 12 ИК РМ следует изменить, установив, что исполнительный лист выдаётся после вступления решения суда в законную силу, если законом не предусмотрено иное.

Исключения из общего правила, предусматривающего выдачу исполнительного листа после обретения решением суда окончательного характера, установлены частью (2) ст. 12 ИК РМ и другими законами.

Так, согласно части (2) ст. 12 ИК РМ в случаях, предусмотренных ст. 256 ГПК РМ, исполнительный лист выдается незамедлительно.

Согласно ст. 256 ГПК РМ немедленному исполнению подлежит судебный приказ или судебное решение, которым ответчик обязывается к выплате:

- a) алиментов;
- b) заработной платы и других платежей, вытекающих из трудовых отношений, а также сумм, предусмотренных статусом безработных, в размере одной средней заработной платы;
- c) возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья либо связанного со смертью лица, если возмещение установлено в виде периодических денежных выплат;
- d) одной средней заработной платы за вынужденное отсутствие на работе в случае восстановления работника на работе.

Немедленному исполнению подлежит судебное решение о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного работника.

Согласно ст. 31 закона РМ «Об административном суде» вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в соответствии с настоящим законом, являются исполнительными листами.

Согласно части (1) ст. 6 закона РМ № 87 от 21.04.2011 года «О возмещении государством вреда, причинённого нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок» судебное решение о признании нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок и возмещении вреда, причиненного таким нарушением, исполняется в установленном действующим законодательством порядке после его вступления в законную силу.¹

По общему правилу, уставленному частью (1) ст. 15 ИК РМ, исполнительный документ предъявляется к исполнению взыскателем путём предъявления этого документа судебному исполнителю с соблюдением территориальной компетенции судебных исполнителей, установленной ст. 30 ИК РМ.

Согласно части (1) ст. 30 ИК РМ судебный исполнитель может предпринимать меры по принудительному исполнению только в округе территориальной палаты судебных исполнителей, на территории которого находится его бюро.

---

¹ Официальный монитор РМ № 107-109 от 01.07.2011 г.

Согласно части (2) ст. 30 ИК РМ в отступление от положений части (1):

а) в случае выполнения мер по обеспечению иска или в случае, когда исполнение осуществляется путем обращения взыскания на транспортные средства, денежные средства на счета должника, ценные бумаги или долю участия должника в уставном капитале, территориальная компетенция судебного исполнителя распространяется на всю территорию страны;

б) в случае исполнения исполнительных документов путем обращения взыскания на заработную плату или другие доходы должника полномочия по исполнению принадлежат судебному исполнителю, в территориальной компетенции которого, установленной территориальной палатой судебных исполнителей, находится местонахождение учреждения (организации), обеспечивающей доход должнику.

Согласно части (3) ст. 30 ИК РМ исполнительные документы относительно взыскания периодических платежей и исполнительные документы по делам, предусмотренным в части (2) ст. 15 настоящего кодекса, за исключением предусмотренных в пункте с), предъявляются к исполнению судебному исполнителю, в территориальной компетенции которого, установленной территориальной палатой судебных исполнителей, находится место жительства или местонахождение должника либо местонахождение пенитенциарного учреждения, в котором отбывает наказание должник.

Согласно части (4) ст. 30 ИК РМ исполнительные документы по делам, предусмотренным в пункте с) части (2) ст. 15 настоящего кодекса, передаются судебной инстанцией по собственной инициативе к исполнению судебному исполнителю, указанному взыскателем в заявлении о выдаче исполнительного листа.

Исключение из общего правила, установленного частью (1) ст. 15 ИК РМ, предусмотрено частью (2) ст. 15, согласно которой судебная инстанция по своей инициативе предъявляет к исполнению исполнительный лист по следующим делам:

а) о конфискации имущества;

- b) о взыскании денежных сумм в доход государства;
- c) о взыскании денежных сумм с государства, государственных и муниципальных предприятий, коммерческих обществ с преимущественно государственным капиталом;
- d) о взыскании алиментов;
- e) о взыскании денежных сумм в счет возмещения вреда, причиненного нанесением телесных повреждений или иным повреждением здоровья, а также смертью, если возмещение осуществлялось в виде периодических денежных выплат;
- e¹) о возмещении вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок;
- e²) о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций;
- f) о восстановлении на работе и о взыскании средней заработной платы за весь период вынужденного отсутствия на работе;
- g) о взыскании пособий по временной нетрудоспособности и иных выплат социального страхования, предусмотренных законом;
- h) о взыскании расходов по предоставлению квалифицированной юридической помощи, гарантируемой государством.

Сроки давности предъявления исполнительных документов к исполнению установлены ст. 16 ИК РМ и другими законами.

Согласно части (1) ст. 16 ИК РМ исполнительный лист может быть предъявлен к исполнению в течение трех лет после обретения судебным решением, на основании которого он был выдан, окончательного характера, если законом не предусмотрено иное.

Согласно части (2) ст. 16 ИК РМ исполнительный документ о взыскании периодических платежей сохраняет свою силу в течение всего периода, на протяжении которого должны осуществляться платежи. Срок, установленный в части (1) настоящей статьи, применяется к каждому из периодических платежей в отдельности, а его течение начинается со дня наступления срока каждого платежа.

Согласно части (3) ст. 16 ИК РМ судебные решения по административным делам предъявляются к исполнению в 30-дневный срок со дня истечения срока их добровольного исполнения, установленного законом или судебной инстанцией.

Срок давности предъявления исполнительных документов к исполнению прерывается в соответствии со ст. 17 ИК РМ.

Согласно части (1) ст. 17 ИК РМ срок давности для предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается:

- а) в случае возбуждения исполнительного производства;
- б) в случае частичного исполнения обязательства до возбуждения принудительного исполнения или совершения должником (его представителем или поручителем) какого-либо действия, свидетельствующего о признании обязательства любым иным способом.

Исполнительное производство регулируется ст. 60-156 ИК РМ.

Согласно части (1) ст. 60 ИК РМ исполнительное производство возбуждается по заявлению взыскателя или, в предусмотренных настоящим кодексом случаях, – по представлению судебной инстанции с предъявлением ею исполнительного документа к исполнению.

Согласно части (1¹) ст. 60 ИК РМ в случае осуществления ипотечного права на основании договора ипотеки, наделенного исполнительной надписью/силой, исполнительное производство возбуждается по представлении и рассмотрении документов, предусмотренных пунктом с) части (6) статьи 34 Закона об ипотеке № 142-ХVI от 26 июня 2008 года.

Согласно части (3) ст. 60 ИК РМ судебный исполнитель в 3-дневный срок со дня получения исполнительного документа выносит определение о возбуждении исполнительного производства и направляет его сторонам исполнительного производства не позднее чем в 3-дневный срок со дня его вынесения с предложением об исполнении должником исполнительного документа в 15-дневный срок, без принятия действий по приведению в исполнение исполнительного документа. К определению

о возбуждении исполнительного производства прилагается ведомость расчета расходов по исполнению, связанных с внесением платы за начало и архивирование исполнительного дела. Должнику направляется также заверенная судебным исполнителем копия исполнительного документа. Исчисление срока начинается с момента сообщения должнику определения о возбуждении исполнительного производства в соответствии со ст. 67 ИК РМ. если должник в установленный частью (3) ст. 60 ИК РМ 15-дневный срок исполнит исполнительный документ, гонорар судебного исполнителя, размер которого установлен частью (2) ст. 38 ИК РМ, согласно пункту i) части (1) ст. 38 ИК РМ, уменьшается на 50%. При этом с должника взыскивается 20 лей за возбуждение исполнительного производства и 60 лей за архивирование исполнительного производства.

Согласно части (3¹) ст. 60 ИК РМ в случае предъявления исполнительных документов немедленного исполнения, за исключением указанного в ст. 27 ИК РМ, судебный исполнитель предлагает должнику исполнить исполнительный документ в 3-дневный срок, не предпринимая действий по приведению в исполнение исполнительного документа в этот срок.

В случае неисполнения исполнительного документа в установленный 15-дневный срок должник обязан уплатить гонорар в размере, установленном частью (2) ст. 38 ИК РМ.

Согласно части (2) ст. 38 ИК РМ для исполнительных документов денежного характера гонорар судебного исполнителя рассчитывается в процентном отношении к сумме погашенного долга следующим образом:

а) по суммам, не превышающим 100000 леев, гонорар составляет 10 % от погашенной суммы. Во всех случаях, за исключением исполнительных документов о взыскании периодических платежей и штрафов, гонорар должен составлять не менее 500 леев. В случае исполнительных документов о взыскании штрафов гонорар должен составлять не менее 200 леев;

б) по суммам от 100001 лея до 300000 леев гонорар составляет 10000 леев плюс 5 % от суммы, превышающей 100001 лей;

с) по суммам, превышающим 300000 леев, гонорар составляет 20000 леев плюс 3 % от сумм, превышающих 300000 леев, при этом он не может быть более 300000 леев.

На наш взгляд, предельный размер гонорара судебного исполнителя следует уменьшить до 50 000 лей.

Согласно части (4²) ст. 68 закона РМ «О «О публичных финансах и бюджетно-налоговой ответственности» № 181 от 25.07.2014 года гонорар судебного исполнителя за принудительное исполнение исполнительного документа рассчитывается в соответствии с ИК РМ, но не может превышать 5000 леев.

Согласно части (1) ст. 63 ИК РМ в целях обеспечения исполнения исполнительного документа одновременно с возбуждением исполнительного производства судебный исполнитель вправе:

а) наложить арест на денежные средства или имущество должника;

б) запретить должнику совершать определенные действия;

с) запретить другим лицам передавать имущество должнику или выполнять иные обязательства по отношению к нему.

На наш взгляд, часть (1) ст. 63 ИК РМ следует изменить, установив, что арест и другие меры обеспечения исполнения исполнительного документа могут применяться только в случае, если должник в течение 15-дневного срока, установленного частью (3) ст. 60 ИК РМ, не исполнил исполнительный документ.

Наложение ареста на денежные средства должника – юридического лица, затрудняет его работу, приводит к задержке выплаты заработной платы, что нарушает права работников и Конвенцию Международной организации труда «Об охране заработной платы» № 95 от 01.07.1949 года.¹

В целях охраны заработной платы следовало бы дополнить ст. 63 ИК РМ частью (1²), согласно которой запрещается налагать арест на денежные средства, предназначенные для выплаты заработной платы.

---

¹ Сосна Б.И., Горелко Н.А., «Трудовое право Республики Молдова. Научно-практическое пособие (с комментариями отдельных норм КЗоТа РМ)», Кишинев, 2001, стр. 205.

Согласно части (2) ст. 63 ИК РМ определение об обеспечении исполнения исполнительного документа может быть обжаловано в судебную инстанцию. При рассмотрении заявления об обжаловании наложения обеспечительных мер судебная инстанция не может принять решение о приостановлении исполнения определения о наложении обеспечительных мер.

На наш взгляд, часть (2) ст. 63 ИК РМ следует изменить, установив, что жалоба на определение об обеспечении исполнения исполнительного документа приостанавливает исполнение этого определения.

Согласно части (5) ст. 63 ИК РМ прекращение исполнения определения о применении обеспечительных мер в случае их аннулирования судебной инстанцией допускается лишь на основании окончательного судебного решения и осуществляется незамедлительно судебным исполнителем, в производстве которого находится исполнительный документ, на основе которого предписывается применение мер по обеспечению исполнения.

На наш взгляд, часть (5) ст. 63 ИК РМ следует отменить, т.к. вступившее в законную силу решение судебной инстанции об отмене мер обеспечения является безусловным основанием для отмены этих мер.

Часть (5) ст. 63 ИК РМ противоречит ст. 120 Конституции РМ, согласно которой соблюдение вступивших в законную силу приговоров и других судебных решений, а также содействие судам в ходе судебного процесса, в исполнении вступивших в законную силу приговоров и других судебных решений обязательны.

Часть (5) ст. 63 ИК РМ, придающая большую юридическую силу определению судебного исполнителя, чем определению суда, должна быть отменена. Известны случаи, когда судебные исполнители не отменяли свои определения о наложении ареста на должников, несмотря на то, что должники уплатили долги и расходы по исполнению 2 года назад.

Следовало бы установить санкцию за несвоевременную отмену мер обеспечения.

Согласно части (1) ст. 78 ИК РМ судебный исполнитель обязан приостановить исполнение исполнительного документа в случае:

а) смерти должника, признания его безвестно отсутствующим или объявления его умершим, если установленное судебной инстанцией правоотношение допускает правопреемство – до установления правопреемника и допущения правопреемства в исполнительном производстве;

б) утраты должником дееспособности – до назначения его представителя;

с) регистрации нового юридического лица вследствие реорганизации юридического лица–должника – до допущения правопреемства в исполнительном производстве;

д) несостоятельности должника – до рассмотрения по существу дела о несостоятельности;

е) обжалования должником актов судебного исполнителя, при условии внесения залога – до обретения решением по рассмотрению жалобы окончательного характера;

ф) аннулирования решения, на основании которого был выдан исполнительный лист, с направлением дела на пересмотр – до обретения судебным решением окончательного характера.

Часть (1) ст. 78 ИК РМ содержит неполный перечень оснований приостановления исполнения исполнительных документов, установленных законами, что способствует злоупотреблениям судебных исполнителей.

Так, согласно ст. 363 ГПК РМ срок апелляционного обжалования приостанавливает исполнение решения, вынесенного в первой инстанции, за исключением предусмотренных законом случаев.

Апелляционная жалоба, поданная в срок, также приостанавливает исполнение решения.

Согласно части (3) ст. 448 Кодекса о правонарушениях Республики Молдова (далее – КоП РМ) подача жалобы приостанавливает исполнение наказания, назначенного в протоколе.

Согласно части (1) ст. 470 КоП РМ кассационная жалоба на судебное решение по делу о правонарушении приостанавливает его исполнение, за исключением наказания в виде ареста за правонарушение.

Согласно части (3) ст. 6 закона РМ «О законодательных

актах» № 780-XV от 27.12.2001 года в случае противоречия между нормой общего законодательного акта и нормой специального законодательного акта, имеющих равную юридическую силу, применяется норма специального законодательного акта.

Следует дополнить часть (1) ст. 78 ИК РМ вышеупомянутыми основаниями приостановления исполнительного производства.

Согласно ст. 83 ИК РМ исполнительное производство прекращается в случае, если:

- a) обязательство было погашено;
- b) между взыскателем и должником заключено мировое соглашение в порядке, предусмотренном настоящим кодексом;
- c) после смерти, признания безвестно отсутствующим или объявления умершим взыскателя или должника подтвержденные решением требования или обязанность не могут перейти к правопреемнику этих лиц;
- d) имущества ликвидируемого юридического лица недостаточно для полного удовлетворения требований взыскателя;
- e) решение или определение, на основании которого выдан исполнительный лист, отменено судебным решением, вступившим в законную силу;
- f) должник предъявил к исполнению решение о получении от взыскателя в свою пользу определенной выгоды или суммы, равной сумме, полученной от должника, или превышающей ее;
- g) взыскатель отказался от исполнения.

По запросу взыскателя исполнительное производство о восстановлении на работе или о понуждении должника к совершению определенных действий может быть возобновлено, если выясняется, что после прекращения исполнительного производства в соответствии с пунктом а) части (1) ст. 83 должник продолжает не выполнять обязательства, предписанные исполнительным документом. В этом случае применяются положения о расходах по исполнению данных категорий исполнительных документов. Возобновление производства может быть осуществлено только в течение срока давности исполнения.

Статья 83 ИК РМ не предусматривает такого основания прекращения исполнительного производства как истечение срока давности исполнения и исключение ликвидированного юридического лица из государственного реестра.

Согласно части (10) ст. 30 КоП РМ срок давности в отношении исполнения наказания за правонарушение составляет один год, исчисляемый со дня обретения решением или постановлением, которым наложено наказание, окончательного характера.

Согласно части (1) ст. 97 Уголовного кодекса РМ № 985-XV от 18.04.2002 года обвинительный приговор не приводится в исполнение, если он не был приведен в исполнение в следующие сроки со дня его вступления в законную силу:

- a) 2 года при осуждении за незначительное преступление;
- b) 6 лет при осуждении за преступление средней тяжести;
- c) 10 лет при осуждении за тяжкое преступление;
- d) 15 лет при осуждении за особо тяжкое преступление;
- e) 20 лет при осуждении за чрезвычайно тяжкое преступление.¹

Согласно части (1) ст. 60 Гражданского кодекса РМ № 1107-XV от 06.06.2002 года правоспособность юридического лица приобретается в момент его государственной регистрации и прекращается в момент его исключения из государственного реестра.²

В момент исключения юридического лица из государственного реестра оно прекращает своё существование. Следовательно, исполнительное производство подлежит прекращению.

Следует дополнить ст.83 ИК РМ вышеупомянутыми основаниями прекращения исполнительного производства. Очевидно, что с несуществующего субъекта права невозможно что-либо взыскать, либо взыскать что-либо в его пользу.

Согласно ст. 89 ИК РМ не обращается взыскание на:

- 1) имущество, необходимое должнику–физическому лицу и членам его семьи сугубо для личного пользования или использования в быту:

---

¹ Официальный монитор РМ № 72-74 от 14.04.2009 г.

² Официальный монитор РМ № 82-85 от 22.06.2002 г.

а) одежду – на каждое лицо: одно зимнее пальто, одно демисезонное пальто, один зимний и один летний костюм (для мужчин), два летних и два зимних платья или костюма (для женщин), одна шляпа и одна зимняя шапка, два летних и два зимних платка (для женщин), другая одежда, длительное время находившаяся в употреблении и не представляющая ценности;

б) обувь, белье, постельные принадлежности, кроме предметов, сделанных из драгоценных материалов, а также предметов, имеющих художественную ценность;

с) все детские принадлежности;

д) мебель – по одной кровати и одному стулу на каждое лицо, один стол, один шкаф на семью;

е) семейные иконы и портреты, обручальные кольца;

ф) ордена, медали, другие отличительные знаки, которыми награждены должник или члены его семьи;

г) вещи (в том числе пособия и книги), необходимые должнику для дальнейшего осуществления профессиональной деятельности;

h) специальные транспортные средства для лиц с ограниченными возможностями и вещи, необходимые лицам с ограниченными возможностями и больным и предназначенные для ухода за ними;

и) продукты питания в количестве, необходимом для должника и членов его семьи в течение трех месяцев;

j) топливо, необходимое для приготовления пищи и отопления жилища семьи в холодное время года;

2) семена сельскохозяйственных культур, необходимые для проведения посева и посадки, в количестве, необходимом должнику и его семье для личного пользования, если они принадлежат должнику–физическому лицу, деятельность которого не связана с их производством или продажей;

3) корм для скота, на который не обращалось взыскание, необходимый до сбора новых кормов или, в зависимости от обстоятельств, до выгона на пастбища;

4) скоропортящуюся сельскохозяйственную продукцию – в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством;

5) имущество, относящееся к публичной сфере государства или административно-территориальных единиц;

б) иное имущество, на которое согласно закону не может быть обращено взыскание.

Статья 89 ИК РМ противоречит части (1) ст. 47 Конституции РМ, согласно которой государство обязано принимать меры для обеспечения любому человеку достойного жизненного уровня, потребного для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, в том числе пищи, одежды, жилища, медицинского ухода и необходимого социального обслуживания.

Статья 89 ИК РМ противоречит не только части (1) ст. 47 Конституции РМ, но и Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.2948 года, а также международным договорам «О гражданских и политических правах» и «Об экономических, социальных и культурных правах», принятых 19.12.1966 года Генеральной Ассамблеей ООН.

Все вышеперечисленные международные договоры были ратифицированы постановлением Парламента РМ № 217-ХІІ от 28.07.1990 года «О присоединении ССР Молдова к Всеобщей декларации прав человека и о ратификации международных договоров о правах человека».¹

На наш взгляд, противоречащую части (1) ст. 47 Конституции РМ и международным договорам, участниками которых является Республика Молдова, следует изменить, включив в перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание:

а) единственное жилое помещение, пригодное для проживания должника и членов его семьи в пределах жилищно-санитарного норм, например, 12 м² на каждого члена семьи должника,

б) телевизор – один на семью,

в) холодильник – один на семью.

Изменение ст. 89 ИК РМ необходимо, во-первых, потому, что она противоречит части (1) ст. 47 Конституции РМ и меж-

---

¹ «Вести» № 8/223, 1990 г.

дународным договорам, и согласно части (1) ст. 8 конституции РМ, согласно которой Республика Молдова обязуется соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и договоры, одной из сторон которых она является, строить свои отношения с другими государствами на общепризнанных принципах и нормах международного права.

Во-вторых, ст. 899 ИК РМ следует изменить потому, что она противоречит принципу гуманизма и принципу социальной справедливости и может повлечь выселение десятков тысяч малоимущих граждан.

Следует отметить, что другие государства уважают право своих граждан на жилище.

Так, часть 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 23 октября 2002 года запрещает обращать взыскание по исполнительным документам на жилое помещение (его части), если для гражданина – должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для проживания помещением, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.¹ часть (3) ст. 242 Налогового кодекса Румынии не допускает обращать взыскание на минимальную жилую площадь, необходимую для проживания должника и членов его семьи согласно законодательству.

Согласно части (1) ст. 161 ИК РМ исполнительные акты, составленные судебным исполнителем, или действия/ бездействие такового могут быть обжалованы сторонами и другими участниками исполнительного производства, а также третьими лицами, полагающими, что исполнительные акты или действия/бездействие судебного исполнителя нарушили их охраняемое законом право. Исполнительные акты, составленные су-

---

¹ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный), под общ. ред. Тумановой Л.В., Москва, 2014, стр. 934-936.

дебным исполнителем, не могут быть обжалованы, если с момента их составления прошло более 6 месяцев.

На наш взгляд, следует исключить второе предложение части (1) ст. 161 ИК РМ, которым установлен 6-месячный пресекательный срок, ограничивающий право на свободный доступ к правосудию, установленное ст. 20 Конституции РМ, и право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, установленное пунктом 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Статья 20 Конституции РМ гласит: «Любое лицо имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными судами в случае нарушения его прав, свобод и законных интересов. Ни один закон не может ограничить доступ к правосудию».

По этим же причинам следует исключить и второе предложение части (2) ст. 162 ИК РМ, согласно которому срок обжалования не может быть восстановлен лицом, если со дня вынесения или отказа в вынесении решения по обжалуемому акту прошло более 6 месяцев.

Согласно части (4) ст. 163 ИК РМ решение судебной инстанции, рассмотревшей дело по существу, может быть обжаловано в кассационном порядке.

Кассационный порядок обжалования данных решений установлен ст. 423-428 ГПК РМ.

Согласно части (3) ст. 426 ГПК РМ кассационные жалобы рассматриваются без участия сторон как «определения судов первой инстанции, что противоречит ст.. ГПК РМ.

На наш взгляд, часть (4) ст. 163 ИК РМ следует изменить, установив апелляционный порядок обжалования решений, вынесенных по существу.

EVOLUȚIA INSTITUȚIEI ȘEFULUI STATULUI ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Larisa BUGA, doctor în drept, IȘPCA
Ion NICOLAEVICI, IȘPCA

Rezumat

Acest articol este dedicat studiului instituției șefului de stat în Republica Moldova. Autorii au elucidat evoluția acestei instituții de la declararea independenței până în zilele de azi. Rolul șefului statului este unul semnificativ, pe de o parte, fiind reprezentatul poporului și alesul acestuia. Iar pe de altă parte, din analiza atribuțiilor încredințate conform Constituției, rolul Președintelui Republicii Moldova este unul formal, redus în raport cu alte puteri ale statului. Se ajunge la concluzia că categoria atribuțiilor șefului statului determină forma de guvernământ a Republicii Moldova, care dispune de un regim parlamentar.

Cuvinte-cheie: președinte, șef de stat, atribuții, republică parlamentară

THE HEAD OF STATE INSTITUTION DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract

This article is based on the study of the head of state institution in the Republic of Moldova. The authors have elucidated the evolution of this institution since independence until nowadays. On the one hand, the role of the president is a significant one, being the representative of the people and elected by them. And on the other hand, for the performance of his tasks pursuant to the Constitution, the role of the President of the Republic of Moldova is formal, scaled down in comparison with all other branches of government. It concludes that category of the presidential duties determines the form of government of the Republic of Moldova, which has a parliamentary regime.

Keywords: president, the head of state, duties, parliamentary republic

Instituția șefului statului face parte din mecanismul prin care se exercită puterea de stat, sau altfel spus suveranitatea națională. Șeful statului, în toate regimurile politice, este organul oficial, care formal ocupă locul de vârf în ierarhia instituțiilor statale antrenate în exercitarea suveranității. Rolul acestei instituții, în mod universal include personificarea continuității și legitimității statului, cât și exercitarea puterilor politice, a funcțiilor și obligațiilor oferite șefului de stat,

potrivit constituției și legislației în vigoare ¹. Conform viziunii exprimate de către Alain Monchablon, șeful de stat s-a impus din necesitatea existenței unui arbitru național... însărcinat cu asigurarea funcționării normale a instituțiilor, care să aibă dreptul să recurgă la judecata poporului suveran, care să răspundă, în caz de pericol major, de independența, onoarea, de integritatea statului.² Instituția șefului statului face parte din mecanismul prin care se exercită puterea de stat sau, altfel spus, suveranitatea națională. Șeful statului, în toate regimurile politice, este organul oficial care ocupă locul de vârf în ierarhia instituțiilor statale antrenate în exercitarea suveranității ³.

În sistemul celor trei puteri de stat, instituția șefului de stat se încadrează plenar în puterea executivă, și conform expresiei plastice a lui Alexandru Arsene, acesta este „capul” acesteia.⁴

Potrivit unei axiome a dreptului public, devenite aproape dogmă, statul nu poate fi conceput fără un șef, oricât de simbolic ar fi rolul acestuia în unele sisteme politice⁵.

Instituția șefului de stat își are obârșia în chiar istoria lumii, a sistemelor statale. Dintotdeauna colectivitățile umane organizate au avut un șef, recunoscut sau impus, în contextul împrejurărilor istorice, instituție ce a cunoscut o evidentă evoluție cât privește formele, structurile, împuternicirile, protocoalele ⁶.

Explicarea instituției șefului de stat trebuie realizată în funcție de structura executivului și de locul șefului de stat în acest executiv, loc ce exprimă și relația popor – parlament – șef de stat.

---

¹ Duculescu V. , *Drept constituțional comparat*, vol.1, București: Ed. Lumina Lex, 1999 p. 417.

² Monchablon A. *Cartea cetățeanului*, Ed.Humanitas, București: 1991. p. 73.

³ *Конституционное право зарубежных стран*: Учеб. для студентов вузов обуч. по спец. «Юриспруденция». Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 2000, p. 210.

⁴ Arsene A. *Drept constituțional și instituții politice*, Chișinău: Ed. USM, 2014. p. 323;

⁵ Iorgovan A. *Tratat de drept administrativ*. Vol. II. Ediția a IV-a. București: Editura ALL Beck, 2005, p. 283;

⁶ Muraru I., Tănăsescu E. *Drept constituțional și instituții politice*. Vol. II. Ed. a 12-a. București: C.H. Beck, 2006, p. 236;

Cu alte cuvinte, privind forma de guvernământ ca modalitate în care sunt constituite și funcționează organele statului, o raportăm, de principiu, la trăsăturile definitorii ale șefului de stat și la raporturile sale cu puterea legiuitoare.

Astfel, treptat, noțiunea a dobândit și semnificația definirii statului, din punctul de vedere al modului de desemnare a șefului de stat, unipersonal, și al legăturilor acestuia cu celelalte autorități statale.

În decursul timpului, instituția șefului statului a preluat două forme de organizare și de manifestare:

1) unipersonală (rege, împărat, sultan, domn, principe sau președinte), de regulă, numită, dar în vremurile moderne și aleasă;

2) colegială — aceasta a purtat și poartă diverse denumiri: Prezidiu, Consiliu de stat, Consiliu prezidențial.

Desemnarea sau alegerea șefului statului, atribuțiile și prerogativele acestei instituții țin de o serie de factori: natura sistemului politic; sistemul constituțional și forma de guvernământ; anumite tradiții istorice și naționale.

Nu în toate cazurile și în mod automat modul de desemnare a șefului statului determină locul și rolul acestuia în societate, în stat. Cuantumul și extensiunea acestei funcții este în raport cu celelalte verigi ale puterii, în principiu cu executivul și legislativul, dar și cu categoria puterii în care este încadrată.

Republica Moldova ca stat independent, a ținut în permanență să tindă spre realizarea conceptelor democratice care au fost obținute imediat cu declararea independenței la 27 august 1991, când Parlamentul Republicii Moldova a adoptat Legea Republicii Moldova privind Declarația de Independență a Republicii Moldova, în care menționa că „Republica Moldova este un stat suveran, independent și democratic, liber să-și hotărască prezentul și viitorul, fără nici un amestec din afară, în conformitate cu idealurile și năzuințele sfinte ale poporului în spațiul istoric și etnic al devenirii sale naționale”¹.

În perioada scurtă de când și-a declarat suveranitatea și independența, Republica Moldova a cunoscut mai multe forme de

---

¹ Legea nr. 691 din 27.08.1991 *Cu privire la Declarația de independență a Republicii Moldova*. În: Monitorul Oficial al R.M. nr. 11-12 din 30.12.1991;

guvernământ. Instituția „șefului statului în Republica Moldova“, își are începuturile în anul 1990, perioadă în care actuala Republica Moldova (fosta RSSM) se afla în componența U.R.S.S., perioadă în care a fost instituită funcția șefului statului. Începând cu aprilie 1990 și până în prezent, Republica Moldova a exercitat următoarele forme de guvernământ:

— regimul prezidențial (3 septembrie 1990 — 27 august 1994);

— regimul semi-prezidențial (27 august 1994 — 5 iulie 2000);

— regimul parlamentar (5 iulie 2000 — prezent)¹.

În cadrul puterilor statului, puterea executivă se distinge prin conținutul și trăsăturile sale specifice. Ea este organizată într-un organ statal unic sau în două structuri și activează conform atribuțiilor concretizate, de regulă, în Constituție. În cazul organizării puterii executive din două organe statale, se subliniază caracterul dualist, „bicefal” al acestuia. Tocmai asemenea caracter are puterea executivă în Republica Moldova. Ca urmare, atribuțiile puterii executive sunt repartizate nu numai Guvernului, ci și șefului statului².

Astfel, inițial, funcția de Președinte al Republicii Moldova, a fost instituită la sesiunea extraordinară a Sovietului Suprem al R.S.S.M. prin Legea nr. 250-XII din 3 septembrie 1990 *Cu privire la instituirea funcției de Președinte al Republicii Sovietice Socialiste Moldova și la introducerea unor modificări și completări în Constituția R.S.S.M.*³ Prin această lege a fost modificată Constituția, prin instituirea unor prevederi care stabileau că șeful statului este Președintele Republicii Moldova și este ales direct de cetățenii țării pe baza dreptului electoral universal, egal și direct în condițiile votării libere și secrete.

În legătură cu instituirea funcției de Președinte al țării, Curtea Constituțională, prin Hotărârea din 29.03.1996, a considerat că insti-

---

¹ Cârnaț T. *Drept constituțional*. Ed. a 2-a (rev. și adăug.). Chișinău: „Print-Caro” SRL, 2010, p. 424.

² Creangă I. *Curs de drept administrativ*. Chișinău: „Epigraf” 2003, p. 81.

³ *Legea cu privire la instituirea funcției de Președinte al Republicii Sovietice Socialiste Moldova și la introducerea unor modificări și completări în Constituția RSS Moldova* Nr. 250 din 03.09.1990. În: *Veștile* nr. 9 din 03.09.1990.

tuirea funcției de Președinte al Republicii Sovietice Socialiste Moldova și a introducerii modificărilor și completărilor respective în Constituția R.S.S. Moldova prin legea din 3 septembrie 1990 nr. 250-XII nu a produs efectul juridic de instituire a funcției de șef al statului Republica Moldova, deoarece atât la acel moment, cât și în perioada de până la 27 august 1991, nu exista Statul Republica Moldova ca stat suveran și independent, unitar și indivizibil, ca subiect al comunității statelor lumii, iar teritoriul ocupat în prezent de acest stat era parte componentă al altui stat, care se numea la acel moment Uniunea Republicilor Sovietice Socialiste.

Astfel, până la 15 ianuarie 1992, data depunerii jurământului de către președintele în exercițiu al Republicii Moldova, ales la 8 decembrie 1991 prin vot universal, egal, direct, secret și liber exprimat, nici o persoană nu a exercitat un mandat de șef al statului Republicii Moldova.

Reglementările respective au fost valabile până la adoptarea noii Constituții a Republicii Moldova la 29 iulie 1994, care a stabilit modalitatea de alegere, condițiile pentru a candida la funcția de președinte al țării, mandatul, incompatibilitățile, atribuțiile, răspunderea etc.¹

Noua Constituție (alin. 1 art. 78) determina, cu referire la alegerea Președintelui, că acesta este ales prin vot universal, egal, direct, secret și liber exprimat, de către întreg poporul. În opinia unor specialiști, o astfel de modalitate de alegere s-a dovedit a fi ineficientă, deoarece pe parcursul a două mandate ulterioare doi președinți care s-au succedat au invocat insuficiență de atribuții, fiind nemulțumiți de soluțiile constituționale și solicitând extinderea competențelor președintelui prin trecerea la un regim prezidențial de guvernare.² Acest fapt a generat o criză politică pentru o perioadă de opt ani, în care s-au confruntat Parlamentul, Președintele Republicii Moldova și Guvernul.

Deznodământul crizei politice a survenit în urma modificărilor

---

¹ *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 1 din 12. 08. 1994.

² Creanga I. *Curs de drept administrativ*: [curs universitar]. Chișinău: Epigraf, 2003, p. 41.

operate în Constituție prin Legea nr. 1115-XIV din 5 iulie 2000, care a schimbat modul de alegere a Președintelui Republicii.

Potrivit Constituției, Președintele Republicii Moldova era ales de Parlament prin vot secret (art. 78 alin. (1)). Aceeași normă constituțională stipulează că poate fi ales Președinte al Republicii Moldova cetățeanul cu drept de vot care are 40 de ani împliniți, a locuit sau locuiește permanent pe teritoriul Republicii Moldova nu mai puțin de 10 ani și posedă limba de stat (art. 78 alin. (2)). Va fi ales candidatul care a obținut votul a trei cincimi din numărul deputaților aleși (art. 78 alin. (3)). Pentru realizarea prevederilor art. 78 alin. (6), la 22 septembrie 2000 Parlamentul Republicii Moldova a adoptat Legea nr. 1234 cu privire la procedura de alegere a Președintelui Republicii Moldova (la moment – declarată neconstituțională).

Imediat după stabilirea noului mod de alegere a Președintelui Republicii Moldova, au apărut un șir de interpretări ale modalității de înaintare a candidaturii la funcția de Președinte și modului de votare, fiind invocată îngrădirea acestui drept pentru cetățeni și formațiuni politice¹, astfel, membrii societății pledând pentru alegerea Președintelui Republicii Moldova prin vot universal, egal, direct, secret și liber exprimat de către întreg poporul cu drept de vot, ca în Ucraina, România, Federația Rusă, Kazahstan, Franța, Grecia, S.U.A, Venezuela, Polonia, Austria, Belarus, Azerbaidjan, Armenia, Egipt, Brazilia, Cipru, Turcia etc².

La alegerile ordinare pentru funcția de Președinte al Republicii Moldova puteau participa unul sau mai mulți candidați. Se considera ales candidatul care a obținut votul a trei cincimi din numărul deputaților aleși³.

Ulterior, la data de 04.03.2016 prin hotărârea Curții Constituționale a Republicii Moldova unele prevederi cu privire la alegerea

---

¹ Sesizarea dreptului în Parlament A. Dubrovski către Curtea Constituțională, dosarul nr. 77a din 16.11.2000.

² Guțuleac V. (coautori: Comarnițaia El., capitolul 24 și 25, Spînu I., capitolul 23). *Drept administrativ*. Chișinău: Tipografia Centrală, 2013. p. 126.

³ Legea cu privire la procedura de alegere a Președintelui Republicii Moldova, nr. 1234 din 22.09.2000. În Monitorul Oficial Nr. 139-140 din 02.11.2000 art. 9 alin. (2).

președintelui Republicii Moldova au fost declarate neconstituționale, și anume alin. (1), (3), (4) și (5) art. 78 din Constituția Republicii Moldova, la fel și prevederile art. 89 din Constituție privind demiterea președintelui Republicii Moldova. Totodată, și legea nr. 1234 din 22.09.2000 *Cu privire la procedura de alegere a Președintelui Republicii Moldova* a fost declarată neconstituțională prin Hotărârea Curții Constituționale nr. 7 din 04.03.2016¹. Codul electoral al Republicii Moldova a fost modificat în acest sens, fiind introdus un nou titlu - Titlul IV „Alegerile pentru funcția de președinte al Republicii Moldova” unde este prevăzută modalitatea și procedura de alegere a președintelui Republicii Moldova; iar alin. 1 art. 143 din Codul electoral al Republicii Moldova a fost completat cu un nou tip de referendum, și anume, referendum republican pentru demiterea președintelui Republicii Moldova.

În această ordine de idei, începând cu data de 4 martie 2016 sistemul constituțional al Republicii Moldova a revenit la prevederile constituționale de dinaintea modificărilor din 5 iulie 2000, în conformitate cu care președintele Republicii Moldova este ales prin vot universal, egal, direct, secret și liber exprimat de între poporul moldovenesc.

Astfel, la 30 octombrie 2016, pentru prima dată în ultimii 15 ani în Republica Moldova au fost organizate și desfășurate alegeri republicane pentru funcția de președinte al Republicii Moldova prin vot universal, egal, direct, secret și liber exprimat. Primul tur de scrutin din 30 octombrie 2016 cu o rată de participare de 50.95% a fost validat, fiind depășit baremul de validare al alegerilor de 1/3 din numărul alegătorilor înscriși în listele electorale. Deoarece nici unul dintre cei 9 candidați la funcția de Președinte al Republicii Moldova nu a întrunit 50% din voturile valabil exprimate, un al doilea tur de scrutin a fost organizat pe 13 noiembrie 2016. Lupta s-a dat dintre primii doi candidați care au obținut cel mai mare număr de voturi pe

---

¹ Hotărârea Curții Constituționale privind controlul constituționalității unor prevederi ale Legii nr. 1115-XIV din 5 iulie 2000 cu privire la modificarea și completarea Constituției Republicii Moldova nr. 7, din 04.03.2016. În: Monitorul Oficial Nr. 59-67, din 18.03.2016.

30 octombrie — Igor Dodon și Maia Sandu. Prezența la vot a fost de 53.45%, iar Igor Dodon a fost ales în funcția de Președinte al Republicii Moldova.

Care a fost, totuși, sensul acestor modificări constituționale, odată ce funcțiile șefului statului au rămas neschimbate? Vom încerca să facem o mică analiză a situației în care șeful statului este ales de parlament și de către întreg poporul și să identificăm rolul șefului statului în raport cu alte instituții ale statului. Și acest lucru este posibil prin identificarea atribuțiilor șefului statului.

Președintele Republicii Moldova trebuie să fie un mediator între instituțiile statului și societate. În opinia noastră, funcția președintelui nu este una simbolică, așa cum se menționează deseori. Președintele țării poate dizolva Parlamentul, este comandantul suprem al forțelor armate, în caz de război sau agresiune împotriva țării, ia măsuri pentru respingerea atacului. Președintele Republicii Moldova dispune de responsabilitățile, atribuțiile și competențele sale constituționale. El trebuie să fie arbitru dintre cele trei puteri – Parlament, Guvern și Justiție. Președintele Republicii Moldova reprezintă țara pe arena internațională, încheie tratate internaționale în numele Republicii Moldova. Totodată, președintele este garantul suveranității, independenței naționale, al unității și integrității teritoriale a țării. El transmite mesaje către Parlament cu privire la principalele probleme ale cetățenilor săi, asigură respectarea drepturilor omului, este un barometru al societății, trebuie să reacționeze și să se implice prin transmiterea de mesaje. Șeful țării poate suspenda actele guvernului, până când Curtea Constituțională se va expune asupra lor. El are dreptul să sesizeze Curtea Constituțională, însă în istoria țării noastre cazurile când șeful statului a sesizat Curtea Constituțională au fost destul de puține¹. Este președintele consiliul de securitate.

Cel mai important rol îl joacă președintele în formarea Guvernului și dizolvarea parlamentului. Așadar, președintele numește prim-ministrul, dispune dizolvarea parlamentului dacă guvernul nu este format în timp de trei luni, acreditează misiunile diplomatice și

---

¹ <http://protv.md/stiri/actualitate/ce-poate-face-presedintele-republicii-moldova-poate-promite-multe---1658371.html>, accesat la 20.03.2017;

recheamă ambasadorii la propunerea guvernului. Șeful statului emite decrete obligatorii pe întreg teritoriul țării, poate participa la lucrările parlamentului, poate întruni deputații în ședințe extraordinare sau speciale și mai poate veni cu inițiative legislative. Chiar dacă deține cea mai înaltă funcție în stat, iar unii cred că poate schimba Moldova, președintele țării nu poate elibera și numi în funcție miniștri fără acordul premierului. Nu poate să se implice în activitatea legislativă, executivă și judecătorească. Poate cere poporului, prin referendum consultativ, să-și exprime părerea față de anumite probleme de interes național. Ce înseamnă referendum consultativ? În niciun caz el nu poate fi tratat ca un referendum decizional, cu atât mai mult nu poate fi vorba despre referendumuri constituționale sau ceva de genul acesta¹. Prin urmare, referendumul legislativ poate fi organizat doar cu acordul prealabil al Parlamentului Republicii Moldova. Potrivit Constituției, șeful țării este în drept, în cazul în care are obiecții asupra unei legi, să o trimită, în termen de cel mult două săptămâni, spre reexaminare în parlament. În cazul în care legea este votată cu cel puțin același număr de voturi, președintele Moldovei este obligat să promulge legea respectivă. La fel, președintele Republicii Moldova poate dispune grațierea individuală, acordarea rangurilor diplomatice, decorarea oamenilor de cultură și acordarea gradelor militare pentru judecători, procurori și alți funcționari publici. Președintele nou ales are mandat de la popor, are dreptul să se adreseze parlamentului cu diferite probleme ale națiunii, ceea ce nici un președinte de până acum nu a făcut. Astfel, președintele țării trebuie să fie în serviciul poporului și nu în cel al parlamentului.

Desigur, președintele Republicii Moldova dispune și de alte atribuții, conform prevederilor constituției. Noi am trecut cu vederea doar unele dintre acestea, pentru a vedea care este rolul și locul instituției președintelui în raport cu alte instituții ale statului. Totuși, odată cu declararea prevederilor alin. 1), (3), (4) și (5) art. 87 și 89 neconstituționale, ce s-a schimbat? Poate forma de guvernământ a Republicii Moldova?

---

¹ <http://www.europalibera.org/a/28063728.html>, accesat la 21.03.2017;

Pentru a da răspuns la această întrebare vom recurge, inițial, la trecerea în revistă a formelor regimului de guvernământ, pentru a încadra sistemul constituțional al Republicii Moldova în una din acestea.

Astfel, distingem: *regimul prezidențial* - alegerea președintelui se face pe baza unui proceduri democratice de consultare a poporului, acest regim conferă un mare număr de atribuții președintelui. Adoptarea sau aplicarea regimului prezidențial nu este influențată atât de mult de prerogativele președintelui, de ponderea și tipul ce îi aparțin acestuia, ci de modul în care se încadrează această putere în mecanismele de control democratic și de verificare a felului în care președintele își exercita prerogativele. *Regimul semi-prezidențial* - reprezintă o cale de mijloc între sistemul prezidențial în care președintelui i se acordă prerogative foarte largi și sistemul parlamentar în care președintelui nu i se acordă nimic. În acest regim președintelui îi revine rolul de arbitru între puterile statului, fiind ales de întregul popor, de fapt puterea executivă aparținând Guvernului. Totodată în sistemurile semi-prezidențiale președintele poate dizolva parlamentul, în anumite situații specifice prevăzute în Constituție. *Regimul Parlamentar* acordă importanță deosebită Parlamentului, acesta devenind adevăratul forum politic de guvernare. În cadrul acestui regim, Guvernul este condus de un prim-ministru ce este ținut să răspundă pentru acțiunile sale în fața Parlamentului. Acesta din urmă în condițiile în care apreciază că nu își îndeplinește mandatul îi poate retrage încrederea acordată. Președintelui republicii îi revin atribuții de reprezentare și protocol, acesta având un rol politic minor în raport cu poziția proeminentă a primului ministru, totuși în situații de criză președintele poate acționa cu succes. Ca trăsături principale ale regimului Parlamentar enumerăm următoarele: regula că șeful statului nu răspunde din punct de vedere politic; cea potrivit căreia șeful statului poate dizolva parlamentul; regula că guvernul răspunde din punct de vedere politic în fața parlamentului, atât pentru propriile sale acte cât și pentru cele ale șefului statului; regula potrivit căreia guvernul trebuie să se bucure de încrederea parlamentului, urmând să demisioneze atunci când o pierde.

Din cele expuse anterior, vom concluziona, că determinarea formei de guvernământ a unui stat se face în dependență de atribuțiile pe care le are președintele și alte instituții în stat. Astfel, atribuțiile cu care este înzestrat președintele țării denotă clar că Republica Moldova, actualmente, este un stat cu regim politic democrat, forma de guvernământ fiind republică parlamentară. În acest sens, vom cita spusele președintelui Curții Constituționale a Republicii Moldova, opinie pe care o susținem în totalitate. Astfel, acesta a declarat că „modelul de organizare statală, că este regim parlamentar, prezidențial, semi-prezidențial, monarhie, califat, depind, în principal, de atribuțiile și competențele pe care le are un șef al statului. Republica Moldova este un stat cu regim parlamentar. Chiar dacă s-a revenit la alegerile directe ale șefului statului, s-a modificat doar modalitatea de alegere a șefului statului, nu și competențele acestuia. La ora actuală competențele președintelui Republicii Moldova sunt exact aceleași care au fost și până la hotărârea Curții Constituționale din 4 martie. Curtea Constituțională nu a examinat niciuna dintre competențele constituționale pe care le avea șeful statului. Prin urmare, Republica Moldova rămâne a fi un stat parlamentar cu un șef de stat ales prin alegeri directe”¹.

---

¹ <http://www.europalibera.org/a/28063728.html>, accesat la 21.03.2017.

**STATALITATEA MOLDOVEI:
CONTINUITATEA ISTORICĂ
ȘI PERSPECTIVA DEZVOLTĂRII:
*DIMENSIUNEA ECONOMICĂ***

RELAȚIILE ECONOMICE EXTERNE ALE REPUBLICII SLOVACE ȘI IMPACTUL LOR ASUPRA EDIFICĂRII STATALITĂȚII SLOVACE

Ludmila LIPCOVA, doctor în istorie, decan al Facultății de Relații Internaționale a Universității Economice din Bratislava, doctor habilitat în științe economice, profesor universitar, Republica Slovacă

Rezumat

În articol se cercetează transformarea diferitelor formațiuni statale în cadrul cărora au trăit slovacii, formarea statalității slovace, schimbările istorice de pe teritoriul actual al Slovaciei înainte de apariția Republicii Slovace la 1 ianuarie 1993. În articol atenția este îndreptată spre cercetarea proceselor de dezvoltare a economiei Republicii Slovace. Este analizată chestiunea, pe cât relațiile economice internaționale ale Slovaciei afectează suveranitatea și prosperitatea. Sunt analizate trei forme principale de participare a țării în relațiile economice internaționale - comerțul internațional, mișcarea internațională de investiții și migrația internațională. Se constată, că procesele de globalizare și de aderare a Slovaciei la NATO, Uniunea Europeană și alte organizații internaționale, în esență, limitează influența statului asupra economiei Slovaciei. Prin aceasta este limitată influența și puterea instituțiilor naționale privitor la dezvoltarea economică a statului. Cu toate acestea, Slovacia, ca un stat mic, depinde de procesele de integrare în structurile internaționale. Acest lucru limitează suveranitatea ei, dar nu și prosperitatea economică.

***Cuvinte-cheie:** Schimbări istorice în procesul de edificare statală a Slovaciei, impactul participării la relațiile economice internaționale la suveranitate și statalitate*

FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE SLOVAK REPUBLIC AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMATION OF SLOVAK STATEHOOD

Abstrakt

The article focuses on the transformation of various state forms in which the Slovaks lived, on forming the Slovak statehood, on historical transformations in the territory of present-day Slovakia until the foundation of the Slovak Republic on 1 January 1993. Specifically, the article is focused on the economic development of the Slovak Republic. It examines how Slovakia's international economic relations affect its sovereignty and prosperity. It analyzes three basic forms of Slovakia's participation in international economic relations - international trade, interna-

tional investment movement and international migration. With the processes of globalization and the participation of Slovakia in the NATO, the European Union and other international organizations, the state's influence on the economy of Slovakia is considerably limited. Also the influence and powers of national institutions on economic development in the state are limited. Slovakia, as a small state, is dependent on integration into international structures. This limits its sovereignty, but not its economic well-being.

Keywords: *Historical changes in the state-building structure of Slovakia, the influence of participation in international economic relations on sovereignty and statehood*

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ СЛОВАЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Введение

Словацкая Республика относится к группе так называемых малых государств в мировом сообществе. Малые государства имеют свою специфику в процессе интеграции в мировые политические и экономические процессы. Учитывая их ограниченное политическое и экономическое влияние, малые государства однозначно зависимы от интеграции в более крупные политические и экономические объединения. Этот факт значительно сужает их суверенитет и государственность по сравнению с большими и средними странами.

Существует широкий спектр дефиниций малых государств. Самым простым а безусловным является дефиниция Олава Ф. Кнудсена, который определяет малое государство как субъект с небольшой территорией и небольшим населением.¹

Словацкую Республику, как и Республику Молдова можно к таким государствам однозначно причислить. Словакия имеет площадь 49 035 км², а на ее территории проживает 5,423 миллиона человек (по состоянию на 31.3.2016). Этническая структура населения выглядит следующим образом: словаки как государ-

---

¹ Small States Latent and Extant: Towards and General Perspective
http://ams.hi.is/wp-content/uploads/2014/03/Small_States_Latent_Extant.pdf

ство-образующая нация (80,7%), венгры как самое большое национальное меньшинство (8,5%), ромы (2%), чехи (0,6%), остальные (8,2%) - это русины, украинцы, русские, немцы, поляки, сербы и другие.¹ Славянские племена стали расселяться на территории современной Словакии в V-VI веке.² Эксперты считают первым этапом формирования словацкой нации 1780 - 1820 годы, когда интеллектуалы начали оказывать влияние на национальное сознание и распространялось использование чешского языка.³ Ведь именно язык является важным атрибутом нации. Литературный словацкий язык был кодифицирован Людовитом Штуром в 1843 году.⁴ А до 1918 года словаки жили в полиэтнической Австрийской монархии, а позже в Австро - Венгерской империи, где их права как нации были жестко ограничены. С возникновением Чехословацкой Республики словаки вместе с чешским народом получили свою первую государственность.⁵ Словаки вместе с чехами составляли государство-образующую нацию первой Чехословацкой Республики аж до ее распада в 1938 году. Под влиянием международных событий, в связи с экспансией нацистской Германии и подписанием между великими державами Мюнхенского соглашения 14 марта 1939 года была провозглашена Словацкая Республика, получившая известность как Словацкое государство, которое было союзником фашистской Германии.⁶ После освобождения территории Словакии Красной Армией была вновь восстановлена Чехословацкая Республика, которая опять-таки состояла из двух государство-образующих наций - чехов и словаков. Вторая Чехословацкая Республика распалась 1 января 1993 года, когда возникли

---

¹ Základné údaje www.vlada.gov.sk

² <https://slovakie.eu/sk/intro/slovakia/history>

³ Slovenské národné obrodienie <http://oktava.wbl.sk/dejepis/sno.pdf>

⁴ Kodifikovanie spisovnej slovenčiny http://www.ecav.sk/?p=info/INFHist%C3%B3ria/udalosti/kodifikovanie_spisovnej_sloven

⁵ Kováč, D.: Vznikom Československa začali Slováci budovať svoju modernú identitu <http://www.teraz.sk/slovensko/vznik-csr-dusan-kovac/62593-clanok.html>

⁶ <http://www.upn.gov.sk/sk/14-marec-1939-%E2%80%93-vyhlasenie-slovenskeho-statu-slovenskym-snemom/>

два новых национальных государства: Чешская Республика и Словацкая Республика. На территории Словакии таким образом было создано первое независимое демократическое государство.¹

Позиция Словакии в мировом сообществе

Словакия является членом ООН с 19 января 1993 года² (перед этим была членом этой организации в составе Чехословакии), член ВТО³ с 1 января 1995 года, член НАТО с 29 марта 2004 года⁴, член Европейского Союза с 1 мая 2004 года⁵.

Членство в международных организациях ограничивает суверенитет каждой страны, особенно малого государства. Суверенитет Словакии значительно ослабило главным образом вступление страны в Европейский Союз и НАТО. В рамках НАТО малое государство таким способом может обеспечить свою безопасность. С вступлением в структуры Европейского Союза для Словакии открылись новые возможности, но возникли и ограничения.

Словакия с населением 5,4 млн. человек вносит свой вклад в общую численность населения мира 0,08% в 2014 году, причем этот процент уменьшается (в 1993 году он составлял 0,1%). Доля Словакии в мировом ВВП достигла максимума в докризисный период в 2008 году с показателем 0,16%, с зафиксированным снижением до 0,13% в 2014 году.⁶ В абсолютном выражении ВВП Словакии составляет 87,26 млрд долларов США в 2015 году. Наибольший рост экономики с момента возникновения государства в 1993 году страна достигла в 2007 году с показателем 10,8%. Мировой экономический кризис и финансовый кризис привел к снижению темпов экономического роста в 2009

---

¹ Vznik Slovenskej republiky

<https://tema.aktuality.sk/vznik-slovenskej-republiky/>

² https://www.mzv.sk/zahranicna_politika/slovensko_v_osn_sr_v_osn

³ <http://www.economy.gov.sk/multilateralna-obchodna-spolupraca-medzinarodne-organizacie-6591/128276s>

⁴ <http://www.teraz.sk/slovensko/pred-11-rokmi-vstupila-slovenska-repub/127268-clanok.html>

⁵ <https://euractiv.sk/fokus/slovenske-predsednictvo/slovensko-a-europska-unia/>

⁶ The Global Economy http://www.theglobaleconomy.com/Slovakia/GDP_current_USD/

году до -5.42%. В 2015 году рост экономики Словакии зафиксирован на уровне 3,83%.

ВВП на душу населения в Словацкой Республике составляет 15 962 долларов США в номинальном выражении (номинальный ВВП), а паритетов покупательной способности 28254 долларов США.¹ По показателю ВВП на душу населения Словакия занимает 39 место в мире. Индекс человеческого развития достигает 0,84 (35 место в мире).² Структура ВВП выглядит следующим образом: доля сельского хозяйства составляет 3,6% от ВВП, на производство приходится 27% и на сферу услуг 69,4%.³

Словакия и международные экономические отношения

Словацкая экономика активно участвует во всех трех основных формах международных экономических отношений: в международной торговле товарами, является участником международного движения капитала и международной миграции рабочей силы.

Экономика Словакии тесно связана с международным рынком товаров и рынком капитала. Этот факт существенно влияет на ее независимость. Включение словацкой экономики в мировую торговлю выражается в доле экспорта и импорта в валовом внутреннем продукте. Из общего объема произведенной продукции экспортируется 84%, а импортированные потребляемые товары и услуги составляют 81%. Словакия является десятой самой открытой страной в мире с точки зрения доли экспорта и импорта в ВВП.

Внешняя торговля Словакии играет чрезвычайно важную роль в экономике страны. Экономика Словакии диспонирует ограниченными сырьевыми ресурсами. Главным образом не хватает собственных энергетических ресурсов (нефти и газа). Ограничен и рынок сбыта. Абсолютный ВВП составляет 78,7 млрд евро, экспорт в абсолютном выражении представляет 66,1

---

¹ The Global Economy http://www.theglobaleconomy.com/Slovakia/GDP_current_USD/

² Human Development Index http://www.nationsonline.org/oneworld/human_development.htm

³ Slovenský štatistický úrad http://www.statistics.sk/pls/elisw/objekt.send?uic=3566&m_sso=3&m_so=81&ic=35

млрд евро, а импорт 64 млрд евро в 2015 году, доля экспорта в ВВП составляет 84%, а импорта в ВВП 81%.¹ Из этого следует, что Словакия в значительной степени зависит от внешних рынков. Внешняя торговля Словакии, особенно после ее вступления в Европейский союз, ставши составной частью единого рынка в рамках которого реализуется торговля без барьеров, сосредотачивается главным образом на государства Европейского союза. До 84,7% словацкого экспорта приходится на страны-члены ЕС (Германия 20%, Чехия 14%, Польша 8%) и 65% импорта поступает в Словакию из стран-членов Евросоюза. В доле импорта кроме государств-членов ЕС важную роль играет, в частности, Российская Федерация, из которой Словакия импортирует в основном энергетические ресурсы. Доля Российской Федерации в общем объеме импорта Словакия составляет 11,5%.² Важными неевропейскими торговыми партнерами Словакии также являются Китай и Республикой Корея.³ Внешнеторговый обмен Словакии в значительной степени базируется на капиталовых взаимосвязях главным образом между Германией, Францией и Республикой Корея. Эти страны являются основными инвесторами в Словакии в первую очередь в автомобильной промышленности - Германия с автозаводом Фольксваген, Франция - автозавод Peugeot, Республика Корея - автомобильный завод Kia и электротехнический завод Samsug. Указанные автомобильные заводы являются прямыми иностранными инвестициями в Словакии, которые имеют субподрядные отношения со своими материнскими компаниями, а также экспортируют значительную часть своей продукции за рубеж. Это означает, что прямые иностранные инвестиции поддерживают импорт и экспорт. В частности, три указанные крупные автомобилестроительные компании создали тысячи новых рабочих мест в Словакии прямо на своих заводах, а также стимулировали производство у словацких субподрядчиков. В настоящее время доля экспорта автомо-

---

¹ FOCUSECONOMSICS www.focus-economics.com/countries/slovakia

² <http://www.economy.gov.sk/vysledky-zahranicneho-obchodu-6739/128424s>

³ <http://www.economy.gov.sk/vysledky-zahranicneho-obchodu-6739/128424s>

билей в общем объеме экспорта Словакии составляет 24%, а телевизоров 21%.¹ Значительная доля экспорта этих товаров в период кризиса 2008-2009 годов, когда спрос на внешних рынках снижался, привела к падению объемов производства и кризиса в Словакии. Это один из примеров негативного влияния высокой степени интеграции Словакии в мировую торговлю.

Иностранные инвестиции в Словакии

Словакия инвестирует лишь небольшую часть ВВП (26%) и, следовательно, зависит от притока прямых иностранных инвестиций.² Прямые иностранные инвестиции начали поступать в Словакию еще когда страна была частью общего государства Чехословакии после 1989 года. Значительная волна прямых иностранных инвестиций пришла в словацкую экономику в начале первого десятилетия XXI века, когда государство приватизировало главным образом непромышленные объекты, такие например как банки, страховые компании, дистрибутивные сети, и т.д. В то же время увеличилось количество прямых иностранных инвестиций в новые проекты и началось строительство многих новых производственных предприятий. Увеличение объема прямых иностранных инвестиций было связано с интеграцией Словакии в НАТО и Европейский союз, в котором осуществляется свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. После вступления в Европейский союз словацкая экономика стала более привлекательной для иностранных инвесторов, так как через Словакию для их продукции открылся 500 миллионный рынок сбыта государств-членов ЕС. Прямые иностранные инвестиции территориально распределены неравномерно и сосредоточены в основном в самой богатой западной части Словакии. Это связано с недостроенной инфраструктурой на всей территории страны. Прямые иностранные инвестиции влияют как на ввоз товаров (компоненты для производства финальной продукции в Словакии), так и на вывоз. Как уже упо-

---

¹ <https://ekonomika.sme.sk/c/8064019/najvacsi-podiel-na-exporte-slovenska-mali-auta-a-televizory.html>

² http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/csr2016/cr2016_slovakia_sk.pdf

миналось, наибольшую долю словацкого экспорта составляют автомобили и телевизоры, произведенные на заводах, основанных иностранными собственниками. Значительная доля иностранных инвесторов в экономике Словакии положительно влияет на многие макроэкономические показатели, такие как рост объемов производства, рост экспорта, рост занятости и т.д., но в то же время значительно снижают экономическую самостоятельность государства

Международная миграция населения является важным фактором интернационализации. Самая большая волна эмиграции с территории современной Словакии была зафиксирована между двумя мировыми войнами. Отсутствие возможностей найти работу привело к эмиграции в частности в США, Канаду и Западную Европу. Из довоенной волны эмиграции в западных странах проживало около 2,2 миллионов граждан словацкого происхождения. В связи с их адаптацией и утратой словацкой идентичности их число уменьшается.¹ Политически и экономически интересной является в настоящее время эмиграции словацких граждан за рубеж, либо с целью учебы, или же чтобы работать. В настоящее время за границей обучается в университетах около 30 тысяч словацких студентов, в том числе 24000 человек в Чехии. Большая часть этих людей после окончания учебы не вернется в Словакию.² Большое количество словаков проживает в Чехии (375000 человек, часть которых уже поселились там на постоянно), в Австрии (около 90000), в Великобритании (90000), в Ирландии (30 000) и в других странах.³ Предположительно можно констатировать, что в настоящее время за границей Словакии временно работает почти 500 тысяч словаков, то есть около 10% населения. Миграция имеет свои положительные и отрицательные стороны. Следует подчеркнуть, что денежные переводы словацких граждан, работающих за рубе-

---

¹ <http://niesomdoma.eu/2017/02/slovaci-v-zahranici-v-akych-krajinach-oni-ziju/>

² <http://alianciapas.sk/polovica-z-30-tisic-studentov-v-zahranici-tam-chce-ostat-aj-po-skole-slovensko-straca-elitu/>

³ <http://www.slovenskezahranicie.sk/sk/stranka/7/statistiky-a-odhady>

жом, составляют 10% доходов словаков и повышают уровень жизни части ее населения. На сегодняшний день работает в словацкой экономике 39 000 иностранных граждан.¹

Выводы

Национальная экономика является важной частью каждого государства. Сегодня, во время развития научно - технической революции и последовавших процессов глобализации малое государство, коим является Словакия, не может успешно развиваться вне интеграционных объединений. Словакия является частью НАТО и Европейского союза. Участие в этих объединениях, ее географическое положение, а также экономические характеристики малого государства - с ограниченными сырьевыми ресурсами, лимитированными источниками капитала и малым рынком сбыта, предопределяет интенсивное вовлечения такого государства в процессы глобализации, которые, однако, приводят к значительному ограничению государственного суверенитета. С другой стороны необходимо констатировать, что эти процессы хоть и не всегда однозначны, но являются положительным фактором в экономическом развитии Словакии.

Библиография

1. Knudsen, O.: Small States Latent and Extant: Towards and General Perspective http://ams.hi.is/wp-content/uploads/2014/03/Small_States_Latent_Extant.pdf
2. Základné údaje www.vlada.gov.sk <https://slovakia.eu/sk/intro/slovakia/history>
3. Slovenské národné obrozenie <http://oktava.wbl.sk/dejepis/sno.pdf>
4. Kodifikovanie spisovnej slovenčiny http://www.ecav.sk/?p=info/INFHist%C3%B3ria/udalosti/kodifikovanie_spisovnej_sloven
5. Kováč, D.: Vznikom Československa začali Slováci budovať svoju modernú identitu <http://www.teraz.sk/slovensko/vznik-csr-dusan-kovac/62593-clanok.html>
6. <http://www.upn.gov.sk/sk/14-marec-1939-%E2%80%93-vyhlasenie-slovenskeho-statu-slovenskym-snemom/>
7. Vznik Slovenskej republiky <https://tema.aktuality.sk/vznik-slovenskej-republiky/>
8. https://www.mzv.sk/zahranicna_politika/slovensko_v_osn-sr_v_osn
9. <http://www.economy.gov.sk/multilateralna-obchodna-spolupraca---medzinarodne-organizacie-6591/128276s>

---

¹ www.rtvsk.sk

10. <http://www.teraz.sk/slovensko/pred>
11. <http://www.teraz.sk/slovensko/pred-11-rokmi-vstupila-slovenska-repub/127268-clanok.html>
12. <https://euractiv.sk/fokus/slovenske-predsednictvo/slovensko-a-europska-unia/>
13. The Global Economy http://www.theglobaleconomy.com/Slovakia/GDP_current_USD/
14. Human Development Index http://www.nationsonline.org/oneworld/human_development.htm
15. Slovenský štatistický úrad http://www.statistics.sk/pls/elisw/objekt.send?uic=3566&m_sso=3&m_so=81&ic=35
16. FOCUSECONOMSICS www.focus-economics.com/countries/slovakia
17. <http://www.economy.gov.sk/vysledky-zahranicneho-obchodu-6739/128424s>
18. <https://ekonomika.sme.sk/c/8064019/najvacsi-podiel-na-exporte-slovenska-mali-auta-a-televizory.html>
19. http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/csr2016/cr2016_slovakia_sk.pdf
20. <http://niesomdoma.eu/2017/02/slovaci-v-zahranici-v-akych-krajinach-oni-ziju/>
21. <http://alianciapas.sk/polovica-z-30-tisic-studentov-v-zahranici-tam-chce-ostat-aj-po-skole-slovensko-straca-elitu/>
22. <http://www.slovenskezahranicie.sk/sk/stranka/7/statistiky-a-odhady>
23. <http://www.rtv.slovakia.sk>

NOUA PARADIGMĂ DE STAT A DEZVOLTĂRII SOCIAL-ECONOMICE ECHITABILE

*Gheorghe ILIADI, doctor habilitat în științe economice,
profesor-cercetător, consultant științific INCE al AȘM și ME RM*

Rezumat

În prezentul articol, autorul descrie conținutul paradigmei de stat consacrată necesității creării condițiilor pentru dezvoltarea social-economică echitabilă în Republica Moldova și propune recomandări concrete și științific argumentate. Poziția cheie a circumstanței se înalță în presupunerea că relațiile echitabile se reflectă în susținerea soluționării chestiunii vieții statului, se apreciază elaborarea și respectarea legislației direcțiilor strategice și tactice dezvoltării economiei naționale, în reguli noi ale statului fixate constituțional, care nu sunt justificate în vreun fel. Concepția paradigmei reflectă posibilitatea de a înlătura în procesul „investigațiile-implementările” problema care frânează legătura dialecticii cu conținutul substanțial și activitatea funcțională. Cheia pentru rezolvarea acestei situații este faptul că teoria alegerii publice dezvoltă scara și principiile intervenției statului ce funcționează prin căi democratice în procesul producerii și distribuției echitabile. Cadrul general al paradigmei asigură respectarea acestei direcții.

***Cuvinte-cheie:** paradigmă de stat, dezvoltare social-economică echitabilă, rolul statului, căile statalității, teoria alegerii publice*

THE NEW STATE PARADIGM OF SOCIO-ECONOMIC EQUITABLE DEVELOPMENT

Abstract

In this article, the author describes the content of the state paradigm for the necessity of creating the conditions for equitable social and economic development in the Republic of Moldova and suggests concrete and scientifically reasoned recommendations. The key position of circumstance is based on the assumption that fair relations are reflected in supporting the settlement of the issue of state life, the elaboration and observance of the legislation of strategic and tactical directions to the development of the national economy, in new constitutionally established rules that are not justified in any way. The concept of the paradigm reflects the possibility of removing the "investigations-implementations" process, a problem that breaks the link of dialectics with substantive content and functional activity. The key to solving this situation is that the theory of public choice develops the scale and principles of state intervention that operates through democratic ways in the process of fair production and distribution. The general framework of the paradigm ensures that this direction is respected.

Keywords: *state paradigm, equitable socio-economic development, the role of the state, the ways of statehood, the theory of public choice*

În ultima treime a secolului XX în teoria economică o atenție deosebită se acordă premiselor teoretico-economice ale modelării durabilității dezvoltării economiilor naționale în perioada de instabilitate a acestora, ce a servit drept condiție, pentru apariția a noilor școli - „neoclasică” și „neokeynesiană”.

Ulterior, unirea dintre cele două direcții ale teoriei economice a dus la o îmbunătățire substanțială a pozițiilor lor conceptuale. Adică, motivul integrării lor într-o singură noțiune a generat, în mod formal, nu doar alipirea cuvântului "neo" în numele lor, dar și predeterminarea lor obiectivă comprehensiv - funcțională comună.

Evitarea soluționării celor mai importante chestiuni ale vieții statului, începând cu elaborarea și respectarea legislației fundamentale, elaborarea strategiei și tacticii dezvoltării economiei naționale, elaborarea, aprobarea și controlul asupra executării bugetului de stat și, terminând cu elaborarea dispozițiilor de guvern privind chestiunile curente de ordin social-economic ale țării, este nejustificat nici într-un mod. Perioadele îndelungate de criză în economia mondială alternează cu schimbarea guvernelor și modificări la diferite nivele în conducerea structurii socio-economice a țărilor.

Dar totuși, în mod deosebit această tangență exterioară s-a resimțit în țările cu economiile naționale în stadiul de dezvoltare emergentă. Aceasta și înaintează în Republica Moldova, pe plan primordial, sarcina de a elabora bazele metodologice în fundamentarea sensului noțiunii dezvoltării echitabilității economice în producere și distribuție. De aceea, se presupune, de rând cu diverse ipoteze, abstracții și diferite categorii dialectice, de a elabora o paradigmă, ca parte integrantă a metodologiei, care ar trebui să fie examinată ca totalitate a orientărilor științifice fundamentale la determinarea unei elaborări științifice concrete și aplicative, implementate la un anumit stadiu de dezvoltare a obiectului și subiectului cercetării.

Concepția „paradigmei” reflectă posibilitatea de a înlătura în procesul cercetării dificultățile apărute, de a fixa schimbările în structura cunoștințelor, legate de asimilarea noilor date empirice. Noțiunea con-

ceptuală de „paradigma”, reflectă posibilitatea de a înlătura în procesul cercetării dificultățile apărute, de a fixa schimbările în structura cunoștințelor, legate de asimilarea noilor date empirice. Cum vedem este necesar de a avut în vedere legătura și interconexiunea a două aspecte plin de conținut-substanțială și activitatea –funcțională.

Primul aspect principal – epistemologic, reflectă ansamblul de cunoștințe, valori, convingeri și tehnici fundamentale, care reflectă modelele de activitate științifică.

Al doilea – social, reprezintă diferite părți a stării social-economice a comunității științifice, reflectă posibilitatea de a înlătura în procesul investigațiilor dificultățile apărute, de a fixa schimbările în structura cunoștințelor, legate de asimilarea noilor date empirice.

Lucrările epistemologice referitoare la analiza economică tind să fie exagerat la critice, deoarece neglijează considerații esențiale pentru a înțelege demersul urmat în această disciplină. Iar al doilea aspect caracterizează diferite părți a stării sociale a comunității științifice. În ambele cazuri paradigma reflectă funcțiile îndeplinite: proiectiv-programate și selectiv-prohibitive.

Mai târziu, au fost argumentat schimbarea paradigmei prin mijlocul revoluțiilor tehnico-științifice, cu alte cuvinte, printr-un fel de trecere a comunității științifice la un nou sistem de viziuni ale lumii și valori actualizate. Datorită acestui fapt, în cadrul filosofiei contemporane a științei, paradigma devine una din noțiunile conceptuale cheie, care contribuie la utilizarea mai productivă a argumentărilor teoretico-metodologice ale cunoașterii științifice. Dificultățile inevitabile apărute în procesul investigațiilor fundamentale, comunitatea modernă încearcă să le soluționeze în cadrul paradigmei general acceptate.

Percepția contemporană a teoriei alegerii publice dezvoltă teza, conform căreia scara și principiile intervenției economice a statului, ce funcționează pe principiile democratice de participare acordată și reciproc avantajoasă a tuturor părților cointeresate în realizarea interesului general național, bazat pe hotărâri echitabile și egali de drepturi, și sigur că la etapa actuală necesită noi reguli statale, fixate constituțional.

Conceptul nou de reformare a procedurilor și regulilor politice presupune, în principal, realizarea acordului comun. În cadrul teoriei alegerii publice se presupune acordarea modalităților de finanțare a bugetului și sistemului fiscal pe baza regulilor de unanimitate, majorității calificate sau simple. Totalitatea acestor reguli, norme de comportament sunt numite de către J. Buchanan „constituția comportamentului economic”. În același timp, condiție importantă de realizare a unei decizii echitabile este susținerea unui buget echilibrat și de aceea politiciii trebuie să se lipsească de posibilitatea de a controla masa bănească, pentru că în situația contrară cei care au votat unanim constituția și sunt obligați să o respecte, pierd libertatea alegerii proprii.

Cu alte cuvinte, dacă vorbim despre paradigma în metodologia cercetării economice (împreună cu paradigmele altor specialități, precum și în retorică, programare, educație etc.), atunci se presupune, că semnificația termenului dat reflectă ansamblu rezultatelor inovaționale și a valorilor creative fundamentale. Formal, ele trebuie să fie exprimate în noi metode științifice (care reflectă, la rândul lor, ansamblul de tehnici, procedee și abordări actualizate și îmbunătățite, și care sunt foarte potrivite pentru investigații, utilizând metoda sistemică). Atunci se deschid posibilități de a folosi în calitate de model sau standard, metoda inovativă pentru cercetarea, interpretarea și evaluarea științifică a distinctelor procese ori fenomene economice.

Evitarea soluționării celor mai importante chestiuni ale vieții statului, începând cu elaborarea și respectarea legislației de fundamentale, elaborarea strategiei și tacticii dezvoltării economiei naționale, elaborarea, aprobarea și controlul asupra executării bugetului de stat și, terminând cu elaborarea dispozițiilor de guvern privind chestiunile curente de ordin social-economic ale țării, este nejustificat nici într-un mod.

Particularitățile bazelor științifice de definire a noțiunii de „paradigmă” de stat a dezvoltării procesului economic echitabil în măsură egală are importanță, atât în sfera de producere, cât și în cea de distribuție, ceea ce este un element pozitiv semnificativ al metodei sistemice de acțiune și analizei a influenței reciproce în atingerea unui scop comun în practică.

În dezvoltarea producției problema echitabilă se rezolvă obișnuit în condițiile potențialului economic a oricărei țării, sistemului de relații de producere, nivelul de concentrare, specializare și diviziunea producției sociale, corespunderea înaltă a infrastructurii pieței. O mare importanță în eficientizarea producției o are existența și disponibilitatea în domeniile resurselor material-tehnice, resurselor de muncă, gradul de dezvoltare al relațiilor externe și altor elemente a forțelor de producție și relațiilor de producere în condițiile nivelului înalt al concurenței reale.

Din teoria și practica investigațiilor în domeniul politicii monetare a oricărei economii naționale, este bine cunoscut faptul că obiectivul principal este atingerea unui nivel stabil al prețurilor. Experiența internațională arată, că la stabilizarea nivelului prețurilor se utilizează diferite surse metodologice privind implementarea politicii monetare. Alegerea unui anumit regim de reglare a inflației este dictată de instrumentele monetare, care permit atingerea rezultatul preconizat cu o eficiență mai mare. Adică să are în vedere asamblarea și perfecționarea metodelor de investigație cu scopul adaptării lor pentru ridicarea nivelului metodologic a acestui proces și atingerea modelării mai reală și mai efectivă.

Putem concluziona că măsurile țintirii inflației introduse sunt direcționate spre stabilizarea macroeconomică, fiind condiție prealabilă pentru procesul echitabil în producere și distribuție în economia națională și, prin urmare, conduc la creșterea încrederii în ziua de mâine atât pentru mediul de afaceri, cât și gospodării. Schimbarea regimului politicii monetar-creditare, în practică, poate fi însoțită de schimbări foarte serioase în înțelegerea relațiilor reciproce ale macror regulatorului (adică BNM) și a restului economiei. De fapt, spre deosebire de piața valutară, unde mecanismul de acțiune este destul de simplu și poate fi exprimat cu mai multă coerență prin interesele celor doi actori ai procesului de vânzare-cumpărare, impactul asupra așteptărilor necesită un nivel stabil al încrederii agenților economici în megaregulatorul. Numai în aceste condiții, cuvintele și acțiunile autorităților monetar-creditare se materializează în realității de piață viitoare.

Între timp, relațiile BNM cu piața sunt departe de această stare

și au nevoie de reformare urgentă. În prezent, de multe ori se formează situații imprevizibile atunci, când în fața schimbărilor permanente, piața, în condițiile de incertitudine completă, așteaptă ce va face BNM în cazul dat: va oferi lichiditate sau va răspunde cu refuz. Mai mult decât atât, dacă o astfel de oportunitate există, atunci rămân dimensiuni neclare de lichiditate și direcționare a lor etc.

Este clar, că această metodă de țintire directă a inflației este nedorită, deoarece nu se exclude premisa prin care, în caz de operațiuni pe piața valutară, realizarea deplină a țintirii inflației nu va fi posibilă. În acest caz, atunci când BNM nu va putea să se învețe cum să influențeze așteptările pieței, modificările făcute în politica monetar-creditară, în loc de predictibilitate, ele însuși vor deveni sursa incertitudinilor. În plus, este necesar de menționat că Banca Națională a Moldovei poate să se confrunte și cu dificultăți interne în procesul tranziției.

A fi în calitate de megaregulator și, în același timp, a realiza politica monetară, este foarte dificil. Cel puțin, până acum BNM nu a fost întotdeauna capabilă de a separa aceste activități. Evident, - există o necesitate stringentă a consistenței și acordului intercolegial, care este clar și precis orientat spre echitabilitatea în direcția intereselor naționale.

De aceea în noile condiții de modernizare a economiei naționale actuală, apară nevoia de perfecționarea și urgentarea administrării pentru consolidarea rolului statului și schimbarea modului în care să se asigure anumite bunuri și servicii publice în curs de dezvoltare. Soluția la această problemă se reflectă în bine-cunoscuta versiune mainstream a teoriei alegerii publice, potrivit căreia este considerată, ca fiind necesară sarcina principală a statului de a elimina conflictul de interese ale participanților la relațiile de piață.

Cu toate acestea, autoritățile administrației publice centrale (ministere, departamente), de multe ori acționează cu punctul de vedere al deciziilor raționale, bazată exclusiv pe propriile lor interese birocratice care nu au legătură cu beneficiile așteptate de la respectarea intereselor naționale și a politicii de stat.

Autoritățile administrației publice centrale (ministere, departamente), de multe ori acționează cu punctul de vedere al deciziilor raționale, bazate exclusiv pe propriile lor interese birocratice, care nu

au legătură cu beneficiile așteptate de la respectarea intereselor naționale și a politicii de stat.

Analizând comportamentul birocrăției departamentale, cu ajutorul teoriei alegerii publice, puteți găsi motive suplimentare pentru a pune la îndoială capacitatea guvernului de a „împăca” eficient preferințele diferitelor departamente și pentru a cumula cerințele acestora cu obiectivele economice și sociale naționale.

În conformitate cu orientările metodologice stabilite, aplicarea unor modele de comportament economic la analiza politicilor și dezvoltarea măsurilor sale de îmbunătățire a software-ului, în primul rând, să ia în considerare diferite opțiuni pentru comportament motivațional, având un caracter mai multe niveluri a sistemului și a destinației sale.

În publicația „The Choice III Public” Muller citează faptul că sistemul politic se bazează pe principiile democrației directe și a federalismului eficiente în inhibarea creșterii toate-puternic stat - monstru și ajunge la concluzia că aceste specii îndeplinesc modelul sistemului de stat pe baza cererii cetățenilor. Din acest principiu metodologic și urmați ipotezele noastre cu privire la modelul sistemului de stat, care este capabil să genereze sistemul financiar și punerea în aplicare a politicii anti-inflație, contribuind la echilibrarea și stabilizarea economiei naționale, ca o condiție prealabilă pentru dezvoltarea unor eficiente și echitabile de producere - relații de distribuție.

Răspunsul la întrebarea - care este rolul statului? - a devenit posibil de a se obține numai în versiunea teoriei alegerii publice, potrivit căreia statul este necesar pentru a preveni confruntările apărute, „războiul tuturor împotriva tuturor” etc.

Cât de viu și categoric a spus Mancur Olson : „bandit staționar”, adică statul, oferă o mai mare bunăstare decât „bandiți nomazi”, pe care el este forțat să le încalce și înlocuiască.

În noile condiții de modernizare a economiei naționale actuală, apare nevoia de perfecționare și urgentare a administrării pentru consolidarea rolului statului și schimbarea modului în care să se asigure anumite bunuri și servicii publice în curs de dezvoltare. Soluția la această problemă se reflectă în bine-cunoscuta versiune mainstream a

teoriei alegerii publice, în care se consideră că sarcina principală a statului este de a elimina conflictul de interese ale participanților la relațiile de piață.

În același timp, a devenit tot mai clar că, pentru a asigura cea mai mare bunăstare publică posibilă și eliminarea „eșecurilor” de reglementare a pieței, este nevoie de un obiectiv de intervenție a statului în economie.

Pe baza postulatelor acestei teorii că statul este necesar, în cadrul conceptelor pozitive ale alegerii publice, printre cele mai populare, a apărut necesitatea de a studia mai eficient și de a îndeplini responsabilitățile pentru îmbunătățirea managementului distribuției funcțiilor între autoritățile subordonate.

A devenit evident faptul, că problema principală la formarea și promovarea politicii economice-administrative raționale, în ansamblu, și a politicii bugetar-bancare, în special, constituie asigurarea funcționării în corelație a diverșilor reglatori ai economiei, coordonarea măsurilor pe care le adoptă diferite organe ale puterii și administrației de stat, a obiectivelor și sarcinilor stabilite de acestea

În condițiile actuale, participarea statului la reglarea economică, a strategiei și tacticii dezvoltării mediului de afaceri, ca resursă de bază a formării bunăstării social-economice a țării, pune problema definirii principiilor științific argumentate. Este necesar de presupus reformarea procedurilor și regulilor politice în scopul realizării acordului echitabil și comun. Fără îndoială, ansamblul regulilor, normelor de comportament și procedurilor recomandate, trebuie să fie elaborate și prezentate în programele fracțiilor parlamentare și a guvernului țării. Neîndoielnic, că pentru cauza echitabilă ele trebuie să fie examinate și aprobate de organe administrative de resort, iar activitatea practică a organelor de stat trebuie să fie evaluată în termenii prevăzuți.

PERSPECTIVELE DEZVOLTĂRII ECONOMICE A UNIUNII EUROPENE - PREMISĂ A CREȘTERII ECONOMICE ÎN MOLDOVA

*Iurii CROTENCO, doctor habilitat în științe economice,
profesor universitar, IRIM*

Rezumat

În acest articol autorul supune analizei premisele dezvoltării economice a Moldovei sub influența scenariilor posibile de creștere economică a UE-27 în perspectivă pînă la anul 2025. Sunt prezentate scenariile pentru viitorul UE, care sunt descrise în documentul Comisiei Europene „Cartea albă - 2017”. Sunt formulate consecințele așteptate pentru economia Moldovei sub influența schimbărilor din UE-27.

Cuvinte-cheie: relații economice internaționale, UE-27, premise de dezvoltare economică, perspectivele economiei Moldovei

PROSPECTS FOR THE ECONOMIC GROWTH OF THE EU-27 UNTIL 2025 AS ONE OF THE PREREQUISITES FOR THE ECONOMIC GROWTH OF MOLDOVA

Abstract

In this article, the author submits the analysis of the prerequisites of Moldova's economic development under the influence of the possible scenarios of economic growth of the EU-27 in perspective until 2025. Scenarios for the future of the EU are outlined, which are described in the European Commission document "The White Paper - 2017". The expected consequences for the Moldovan economy are formulated under the influence of the changes in the EU-27.

Keywords: international economic relations, EU-27, prerequisites for economic development, perspectives of Moldova's economy

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕС-27 ДО 2025 ГОДА КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК РОСТА ЭКОНОМИКИ МОЛДОВЫ

Республика Молдова по своему географическому положению находится между двумя экономическими группировками (ЕС и СНГ) и граничит только с двумя странами-соседями (Украиной и Румынией), значительно более крупными чем она

(см. табл.1) и способными влиять на экономическую политику Молдовы (как опосредованно, так и напрямую).

Таблица 1. Сравнительные показатели Молдовы и ее соседей

	Население (млн. чел.)	ВВП		
		номинальный (млрд. долл. США)	ППСВ (млрд. долл. США)	на душу насе- ления (ППСВ) тыс. долл. США
Молдова	3,5	6,4	18	5,0
Румыния	19,8	177	415	20,9
Украина	42,4	91	340	8,0
ЕС	ок. 508	16.600	16.100	32,0
СНГ	ок. 280	2.808	5.429	19,2

Источник: <http://statistica.md>, <http://ec.europa.eu/eurostat>, <http://www.cisstat.com>.

Подобное экономико-географическое положение Молдовы оказывает определяющее влияние на политико-экономическую ситуацию в стране, требуя взвешенного подхода при определении и реализации путей, форм и методов обеспечения национального экономического развития.

Исторически экономика Молдовы была ориентирована на современные страны СНГ, в том числе и Украину.

Однако в последние десятилетия политический ландшафт в Европе резко изменился. Ликвидация СССР и Югославии, создание двух десятков новых малых независимых государств, подписание в 1992 г. Маастрихтского договора об учреждении Европейского союза (вступившего в силу с 1 ноября 1993 г.). Четвертое (1995 г.), пятое (2004-2008 гг.) и шестое (2013 г.) расширение ЕС привели в него еще 16 стран, доведя к 2013 г. общее число стран-членов ЕС до 28. Соответственно возросла численность населения союза и увеличился его экономического потенциала.

Одновременно в валютно-финансовой сфере Европы исчезли Госбанк СССР, советский рубль и его аналог в международных расчетах (переводной рубль), на месте которых появились национальные банки и местные валюты. В эти же годы на

западе Европы ряд стран формируют зону эю, а в последствие и безналичного евро. Центральным банком зоны евро становится Европейский центральный банк (ЕЦБ – European Central Bank), образованный 1 июня 1998 г. С 01.01.2002 в ряде стран ЕС евро вводится в наличное обращение как единая валюта. В короткий срок евро превратился в валюту с самой высокой суммарной стоимостью наличных, циркулирующих в мире (около 1 трлн. евро), опережающую по этому показателю доллар США. Сегодня евро является официальной валютой 19 стран «еврозоны» и национальная валюта ещё 9 государств, 7 из которых расположены в Европе.

В результате, к середине первого десятилетия 2000-х гг. ЕС занял лидирующие позиции в мире по размеру экономики, опередив США по показателю валового внутреннего продукта (ВВП). Лидерство ЕС в мировой и европейской экономической системах отразилось на росте роли и влияния ЕС во всех компонентах международных отношений.

Однако во втором десятилетии XXI века, ЕС и еврозона сместились в экономическом развитии в область нестабильности. Экономический кризис в ЕС и еврозоне в 2009 г., а затем и кризис еврозоны 2012 и 2013 гг.¹ вернули США роль глобального экономического лидера, отодвинув ЕС на второе место по общему размеру экономики. При этом уже в 2014 г. Китай вышел на первое место в мире по размеру экономики, обогнав США по показателю объема ВВП валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности валют (ВВП по ППСВ)². Это отодвинуло ЕС с первого на третье

---

¹ Кротенко Ю.И. Влияние региональной экономической интеграции на формирование двусторонних экономических отношений. Материалы конференции. 24.10.2014. // *Relații bilaterale în contextul diferențelor de opțiuni integraționiste.* / Inst. de Relații Intern. din Moldova. – Chișinău: S.n., 2015. – 217 p. P.164-178. ISBN 978-9975-56-242-3.327(082)=135.1=161.1. C.165.

² Кротенко Ю.И. Особенности развития мировой экономики на современном этапе глобализации. În: *Materialele Conferinței științifico-practice internaționale „Particularitățile dezvoltării economiei mondiale în condițiile globalizării”*, 15 aprilie 2016. – Chișinău: IRIM, 2016. – 570 p. – P.58-85. – ISBN 978-9975-3092-7-1. C.64.

место в мировом экономическом рейтинге. Данный процесс продолжает развиваться и по расчетам PricewaterhouseCoopers (PwC)¹, основанных на базе данных МВФ, до середины текущего века Индия также опередит ЕС по размерам экономики². Одновременно, серьезное влияние на экономическую систему ЕС может оказать Brexit с перспективой выхода второй экономики ЕС (Великобритании) из союза в марте 2019 г. и угрозой сокращения британского финансирования совместных программ и проектов ЕС.

Оценка перспектив изменения доли отдельных стран в мировом ВВП, рассчитанного по ППСВ за период 2014-2050 гг., проведенная PwC исходя из расчетов МВФ, показала, что к 2050 г. доля Китая вырастет с 18% в 2016 г. до 20%, США – снизится с 16% до 12 %, ЕС (27 стран) – снизится с 15% до 9%, а Индии – вырастет с нынешних 7% до 15%. По расчетам PwC к 2050 г. на долю большой четверки (Китай, Индия, США и ЕС) будет приходиться 56% глобального ВВП. Без учета ЕС ожидается, что странами большой тройки к 2050 г. будет производиться почти половина мирового ВВП³.

В этой связи можно констатировать, что отдаленные перспективы в экономическом развитии ЕС не представляются безоблачными. Наряду с Brexit, последствия которого неоднозначны, можно выделить ряд факторов, оказывающих отрицательное влияние на возможности сохранения в перспективе экономической роли и влияния ЕС в мире. Среди прочих, отметим более низкие по сравнению со среднемировыми, темпы роста экономики стран-членов ЕС и особенно стран еврозоны; миграцию из стран Африки, Ближнего Востока, Азии и ЦВЕ в развитые страны Европы; высокую и растущую опережающими темпами по сравнению со

---

¹ Транснациональная корпорация PricewaterhouseCoopers (PwC), представляет собой международную сеть компаний, предлагающих профессиональные услуги в области консалтинга и аудита.

² PricewaterhouseCoopers (PwC). Мир в 2050 году. http://www.pwc.ru/ru/press-releases/2015/economic_forecast_2050.html.

³ PricewaterhouseCoopers (PwC). Мир в 2050 году. http://www.pwc.ru/ru/press-releases/2015/economic_forecast_2050.html.

среднемировыми долю пожилого населения в союзе; необходимость выполнения договорных обязательств в рамках оборонной политики НАТО и увеличение доли военных расходов в 2 и более раз, что может повлечь за собой сокращение финансирования других программ; неоднородность внутренней организационной структуры ЕС и слабая возможность применять в стратегическом управлении экономикой ЕС механизмы, имеющиеся в распоряжении Китая, США, Индии и других стран и экономических систем (транснациональных корпораций) и т.д.

Более низкие по сравнению со среднемировыми, темпы роста экономики стран-членов ЕС и особенно стран еврозоны стали традиционными в мировой экономике. Экономики стран-членов ЕС уступают свои места в глобальном экономическом рейтинге развивающимся странам. Это подтверждают данные ООН, ОЭСР, МВФ, Всемирного банка и др.

По показателю ВВП по паритету покупательной способности валют (ППСВ) Германия, бывшая в начале тысячелетия третьей экономикой мира, к 2012 г. оказалась 6-ой. Утратили свое бывшее лидерство Великобритания и Франция, замыкающие десятку крупнейших экономик мира. Опускаются в мировом рейтинге страны ЕС из второй десятки глобальных лидеров (Италия и Испания), а Польша и Нидерланды покинули двадцатку, неся при этом определенные имиджевые потери. Третий десяток стран глобального экономического рейтинга за последние годы покинули Бельгия и Швейцария, а из четвертого десятка (за пределы 40-го места) ушли Австрия и Румыния. Непрерывно снижаются рейтинги и других европейских стран¹. И как отмечают все объективные прогнозы, процесс этот продолжится в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной (до 2060 г.) перспективе, что окажет свое негативное влияние на место и роль в мировых процессах как ЕС, еврозоны, так и отдельных стран, их составляющих.

Важной характеристикой ЕС, как и любого другого терри-

---

¹ Кротенко Ю. Глобальная экономика на старте третьего тысячелетия. // Analele Universității Libere Internaționale din Moldova. Anul 2014, Vol. 15: Serie Economie. – Ch.: ULIM, 2014. P. 155-164. ISBN 978-9975-9747-5-2. ISSN 1857-1468.

ториального образования, является численность населения и изменение его качественных параметров. Исследования последних лет показывают устойчивую тенденцию снижения доли населения ЕС-27 в общей численности населения мира. Если в 1900 г. на долю этих стран приходилось 25% мирового населения, в 1960 г. – 11%, то в 2015 г. – 6%. По данным ООН (UN Statistical Division) и Eurostat к 2060 г. в странах ЕС-27 будет проживать 4% населения планеты.

При общем снижении доли населения ЕС в мире, высокими темпами изменяется национальный, этнический и религиозный состав европейцев. В частности, в странах ЕС-27 растет и будет возрастать доля африканцев, арабов и лиц, исповедующих ислам. Так, президент Турции Р.Т. Эрдоган обращаясь к этническим туркам, проживающим в ЕС призывает их как «будущее Европы» иметь в семье не трех детей (как это принято в Турции), а по пять, открывать новые бизнес-проекты, устраивать своих детей в лучшие школы, жить в лучших районах и самых красивых домах, водить лучшие автомобили¹. В Германии, например, сегодня общая численность лиц турецкого происхождения (крупнейшем национальном меньшинстве страны) составляет по данным Федерального бюро статистики (Federal Statistical Office, <http://www.destatis.de>) около 2,8 млн. чел. (по другим данным до 4 млн. чел.). По нашему мнению, при высокой рождаемости, их число за два поколения (к 2060 г.) вырастет до 20-25 млн. чел., а доля с нынешних 3,5-5% до 20-24% населения Германии. Еще в 2010 г. канцлер Германии А. Меркель заявляла о полном провале концепции мультикультурализма в стране. Когда ислам стал частью страны, жители Германии должны привыкнуть, что мечети становятся частью облика их городов. С этим в Германии не все согласны, отмечала А. Меркель². Результатом высоких темпов размывания национальной

---

¹ Three children not enough, have five: Erdogan to Turks in EU. March/17/2017. // <https://www.hurrietydailynews.com/erdogan-tell-turks-in-europa-to-have-5-kids.asph>.

² Меркель заявила о провале мультикультурализма. 17 октября 2010. // http://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml.

идентичности в отдельных странах ЕС могут стать дополнительные угрозы для устойчивого функционирования экономики этих стран ЕС как целостной системы. Это в перспективе может проявиться в разных формах, в том числе, и в виде дезинтеграции на базе активизации сепаратистских движений в Великобритании, Испании, Бельгии, Италии, Франции, Румынии.

Важной характеристикой экономического потенциала страны (союза, региона) является возрастной состав населения и способность работающих обеспечить достойный уровень жизни лиц пожилого возраста. Согласно исследованиям Rand Europe (американский стратегический исследовательский центр, являющийся некоммерческой организацией с направлением деятельности — содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности)¹ к 2030 г. в Европе будет самое старое население по показателю среднего возраста по регионам мира — 45 лет, при среднем возрасте в мире в 33 года. В других регионах ожидаются следующие показатели: Северная Америка — 40 лет, Океания — 35, Азия — 35, Латинская Америка и Карибы — 34 и Африка — 21 год². Наиболее высокая доля пожилого населения в Европе серьезно повлияет на уровень и потенциал финансового обеспечения программ социальной поддержки для лиц пожилого возраста в целом в странах Европы и в ЕС и особенности.

Для нормального функционирования национальной (региональной) экономики следует выдерживать оптимальные соотношения по ряду макроэкономических показателей, в том числе между трудовыми ресурсами (работающими и потенциально занятыми) и лицами старше трудоспособного возраста. Демографическое старение населения и дисбаланс его возрастной структуры (в том числе соотношение численности населения в пенсионном возрасте и населения в трудоспособном возрасте)

---

¹ RAND Europe. Employment, Social Inclusion, Population and Migration. <https://www.rand.org/randeuropa/research/employment-social-population.html>.

² White paper on the future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. Annex: Five scenarios offering a glimpse into the potential state of the Union by 2025. — 32 p. (p.10).

ведут к ухудшению показателя демографической нагрузки, и, в результате, оказывают отрицательное влияние на уровень и динамику социально-экономического развития страны.

Анализ возрастной структуры населения стран мира за 2011-2060 гг., проведенный ОЭСР свидетельствует о накапливающихся значительных проблемах в этой области у ряда стран. Так, доля населения старше 65 лет в населении в возрасте 15-64 лет в большинстве европейских стран в 2011 г. составляла от 20% до 30%. Однако к 2030 г. во всех европейских странах доля пожилых людей возрастет до 30-40%, а в Финляндии, Италии, Германии превысит уровень в 40%. Еще более значительные результаты старения населения ожидаются в странах ОЭСР к 2060 г.: Словакия, Польша, Германия – 60% и более, а в Чехии, Словении, Италии, Португалии, Испании, Эстонии, Венгрии – более 55% населения в возрасте старше 65 лет. Для сравнения в Китае этот показатель к 2060 г. составит 51%, в Бразилии – 43%, в России – 42%, США – 37%, в Индии – 25%¹.

Предельно высокая доля пожилых лиц в населении ряда стран ЕС потребует от них в перспективе принятия жестких мер для демпфирования угрозы снижения уровня жизни и социальной защиты, реализуя непопулярные программы повышения налогообложения либо увеличения пенсионного возраста. Уже сегодня ряд экспертов высказывает мнение, что оптимальный трудовой стаж для полноценного пенсионного обеспечения должен составлять 55 лет. Попытки реализации программ жесткой экономии и подобных им будут ухудшать социально-экономическую ситуацию в этих странах, что в свою очередь приведет к оттоку за рубеж наиболее квалифицированных и мобильных групп работающих. Примеры, Стивена Сигала, Жерара Депардьё, американского боксера Роя Джонса и др. могут стать более массовыми.

По данным ОЭСР экономика ЕС сегодня столь велика, что позволяет союзу быть крупнейшим мировым донором в области

---

¹ Populations will age in most countries. OECD. Looking to 2060: Long-term Growth Prospects for the World. http://www.oecd-ilibrary.org/economics/looking-to-2060-long-term-global-growth-prospects_5k8zxpjsggf0-en.

развития и гуманитарной помощи (74 млрд. долл., т.е. 56% от общего объема помощи в мире), в то время как на долю США приходится 24% (32 млрд. долл.), Японии - 7%, Канады - 3% и т.д.¹ Однако, существует угроза ограничения или снижения размеров экономической помощи ЕС другим странам под воздействием Brexit, в условиях роста доли пожилого населения и под влиянием повышения доли военных расходов в бюджетах стран-членов ЕС.

Военные расходы правительства и их доля в национальной экономике могут оказывать определенное влияние на уровень доходов населения. Например, в странах-членах НАТО установлено, что их военные расходы должны составлять 2% от ВВП. В 2016 г. эту норму выполнили лишь Эстония (2,16%), Греция (2,38%), Польша (2,00%), Великобритания (2,21%) и США (3,61%). Большинство стран-членов альянса регулярно не выполняют свои оборонные обязательства². Преодоление хронического невыполнения странами ЕС своих договорных обязательств перед НАТО по 2-х процентному уровню военных расходов (0,85% у Бельгии, 0,91% у Испании и т.д. при абсолютном размере суммы невыполнения около 200 млрд. долл. США) приведет к ограничению социального потенциала бюджета ЕС и отдельных стран и возможностей донорского финансирования в области развития и гуманитарной помощи.

Новый подход администрации США к вопросу военного сотрудничества со странами-союзниками состоит в равном финансовом участии сторон в этом процессе на основе уставных норм и правил НАТО. США требуют от союзников по НАТО выполнить свои финансовые обязательства в оборонной сфере. Выдвигаются также требования компенсировать американские расходы на оборону, что отмечалось президентом США Д. Трампом.

США также планируют пересмотреть ранее заключенные

---

¹ White paper on the future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. Annex: Five scenarios offering a glimpse into the potential state of the Union by 2025. – 32 p. (p.9).

² NATO. Defense expenditures as a percentage of GDP. http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49198.htm.

обязательства в военной сфере в части их финансирования. Так, в интервью информагентству Reuters в апреле 2017 г. президент США Д. Трамп сообщил, что за размещение на территории Корейского полуострова батареи американских противоракетных комплексов THAAD необходимо платить, хотя предыдущее соглашение и не предусматривало этого. Он отметил, что система феноменальна, стоит один миллиард долларов и непонятно почему за нее должна платить не Южная Корея, а США. (Why are we paying a billion dollars?)¹. Подобный подход может затронуть и финансовую сторону договорных отношений США и ЕС в оборонной области.

Институциональная система ЕС сегодня менее эффективна, чем в Китае, США и Индии. Страны-члены ЕС сегодня в рамках одного союза сформировали несколько групп стран «по интересам». Такие интеграционные объединения Европы как Совет Европы, ЕС, еврозона, шенгенская зона, Европейская экономическая зона, таможенный союз, европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), общее экономическое пространство Великобритании и Ирландии, соглашение по использованию евро, Северный совет, Вышеградская группа, Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Балтийская ассамблея, Бенилюкс и др. с одной стороны подчеркивают интеграционное многообразие ЕС². Однако, эксперты нередко отмечают, что это многообразие иногда становится бюрократическим тормозом в развитии союза. Это же касается отсутствия конституции ЕС, проблемы эффективности процесса принятия решений при консенсусном голосовании и др., которые иногда называют причиной нестабильного экономического развития, а также более низких, чем среднемировые, среднегодовых темпов экономического роста ЕС и, особенно, еврозоны.

---

¹ Highlights of Reuters interview with Trump. Fri Apr 28, 2017. <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-interview-highlights-idUSKBN17U0D4>.

² White paper on the future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. Annex: Five scenarios offering a glimpse into the potential state of the Union by 2025. – 32 p. (p.7).

По данным Eurostat деятельность руководящих органов ЕС сегодня одобряет лишь треть европейцев. В руководстве ЕС растут влияние и значимость малых стран и снижаются возможности реализации управленческого потенциала традиционных глобальных экономик. Brexit, высокая доля госдолга, миграционные проблемы и террористические атаки, новые технологии, глобальные вызовы – все они требуют мер по смягчению возможных отрицательных последствий либо полного устранения угроз экономике ЕС. Потребность в поиске механизмов изменения организационной системы ЕС была реализована в «Белой книге - 2017».

1.03.2017 председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер анонсировал, подготовленную для обсуждения на саммите ЕС в Риме 25.03.2017 «Белую книгу», которая представляет собой видение руководства ЕС по его реформированию. В документе изложены перспективы развития ЕС до 2025 года и описаны пять возможных сценариев того, что будет представлять из себя ЕС к 2025 г. В «Белой книге - 2017» представлены следующие сценарии будущего ЕС:

1. Живем, как раньше.
2. Только единый рынок.
3. Кто хочет больше, делает больше.
4. Делаем меньше, но с большей эффективностью.
5. Делаем вместе намного больше¹.

Разработка и реализации сценария будущего ЕС на основе «Белой книги - 2017» предполагает следующие процедуры:

- Обсуждение положений «Белой книги» на Саммите в Риме 25 марта 2017 г.
- Обсуждение аналитических докладов по сферам политик:
  - развитие социального измерения Европы;
  - углубление Экономического и валютного союза на основе Доклада пяти председателей, представленного в июне 2015 г.;

---

¹ White paper on the future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. Annex: Five scenarios offering a glimpse into the potential state of the Union by 2025. – 32 p. (p.5).

- укрощение глобализации;
- будущее европейской обороны;
- будущее финансов ЕС.
- Доклад Председателя ЕК о положении дел в ЕС - сентябрь 2017 г.
- Предварительные выводы по идеям, рекомендациям, вариантам или сценариям для Европы 2025 года на заседании Европейского Совета в декабре 2017 г.
- Определение курса действий ко времени проведения выборов в Европейский Парламент в июне 2019 г.¹

Формирующаяся сегодня институциональная база будущего экономического состояния ЕС будет оказывать определяющее влияние на экономическое развитие как собственно ЕС, так и соседних с ним стран, в частности Молдовы. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

1. ЕС в меру своего территориального расположения, численности населения, ВВП, уровню технологии и др. чрезвычайно важен для экономики Молдовы. Однако тенденция утраты ЕС с начала XXI века своего экономического лидерства на мировых рынках, уступая его последовательно США, Китаю, а в будущем и Индии, предполагает необходимость учета этого фактора.

2. ЕС обладает уникальными для мировой экономики возможностями по всем основным ресурсам: материально-сырьевым, трудовым, финансовым, информационным и научно-техническим.

В то же время сырье, например, является узким местом ресурсного обеспечения экономики стран-членов ЕС, что в перспективе при реализации мировой тенденции роста доли переработки сырья в местах его добычи является угрозой для устойчивого развития экономики ЕС.

Трудовые ресурсы ЕС огромны (около 500 млн. чел. населения), но средний возраст населения выше среднемирового с

---

¹ White paper on the future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. Annex: Five scenarios offering a glimpse into the potential state of the Union by 2025. – 32 p. (p.26).

высокой долей пожилых людей. При этом трудовой потенциал населения ЕС ухудшается за счет роста доли пожилых людей, что тормозит дальнейший экономический рост, снижая социальные возможности экономики отдельных стран и ЕС в целом.

В финансовой сфере уровень государственного долга отдельных стран ЕС и союза в целом более высокий чем среднемировой, и находится по ряду стран-членов ЕС в одном диапазоне с наименее развитыми странами. С выходом Великобритании из ЕС, начиная с 2019 г. обострится проблема компенсации потерь платежного баланса союза в размере нетто-взноса в 10 млрд. евро, что соответствует всей расходной статье на науку и образование либо на безопасность. Одновременно растет потребность в дополнительном финансировании миграционной политики и обеспечении безопасности (в том числе на европейскую пограничную службу Frontex, расходы на которую с 2013 г. выросли в пять раз)¹.

ЕЦБ вслед за ФРС и банком Японии стремится оживить экономику за счет активизации инфляции с помощью реализации агрессивной политики количественных смягчений, в результате которой в марте 2015 г. в ЕС запущена программа дополнительной эмиссии 1,1 трлн евро². Это вызывает беспокойство других участников глобального финансового рынка, входящих в валютную корзину специальных прав заимствования МВФ, как расположенных в Европе (Великобритания), так и вне ее (США, Китай и Япония). Более того, другие страны мировые экономические лидеры разрабатывают и реализуют меры, косвенно противодействующие валютной экспансии евро, что косвенно ослабляет его позиции. Очередной пересмотр формулы расчёта квот МВФ, предстоящий к 2019 г., ожидаемо приведет к снижению доли ЕС в финансовом присутствии в организации. В

---

¹ Добров Д. В ожидании бюджетных войн: кто и сколько заплатит за Brexit. 30.03.2017. <https://ria.ru/analytics/20170330/1491117365.html>

² Ротшильд: Над человечеством проводят глобальный финансовый эксперимент. 16.08.2016. <http://www.finanz.ru/novosti/valyuty/rotshild-nad-chelovechestvom-provodyat-globalny-finansovy-eksperiment-1001355503>

результате снизится доступ стран ЕС к финансированию проектов через МВФ и уменьшится размер финансовой помощи МВФ государствам — участникам фонда при предоставлении кредита.

Обостряется конкуренция ЕС с США на глобальной финансовой арене, т.к. введение в 2002 г. единой валюты ЕС для наличного обращения (евро) сузило сферу хождения доллара на международных рынках и ограничило возможности США в получении эмиссионного дохода (как сеньоража, так и безналичного).

Финансовые угрозы вкупе с высокой долей долга снизят потенциальные возможности внешнего заимствования Молдовы у ЕС и составляющих его стран. В то же время значительная и все растущая доля мировых финансовых ресурсов и мирового инвестиционного потенциала будет сосредотачиваться в группе развивающихся стран и стран с переходной экономикой, особенно в Китае и Индии.

Постепенно под влиянием ресурсов интернета утрачивается научно-техническое превосходство ЕС над Китаем и Индией. При этом новые экономические лидеры в условиях роста своих финансовых возможностей концентрируют усилия на программно-целевом подходе, что повышает эффективность их системе НИОКР.

В целом в рамках современной «Industry 3.0» периода развития «до искусственного интеллекта» («Industry 4.0») Европа, опирающаяся на действующую институциональную систему (вне концепции Соединенных Штатов Европы и без России, интегрированной в единую Европу), стоит перед серьезными вызовами в ресурсном обеспечении своего процветания как одного из глобальных лидеров. Для Молдовы ресурсные проблемы Европы являются предпосылкой обострения вызовов и угроз для национального экономического роста.

Угрозы данной группы снизят потенциальные возможности внешнего заимствования Молдовы у ЕС и составляющих его стран. В то же время значительная и все растущая доля мировых финансовых ресурсов и мирового инвестиционного потенциала будет сосредотачиваться в группе развивающихся стран и стран с переходной экономикой, особенно в Китае и Индии.

3. Институциональная структура ЕС характеризуется наличием проблем, которые отсутствуют у прямых конкурентов союза на глобальном рынке (Китай, США и Индии). Институциональная «отсталость» ЕС от крупных участников глобального рынка (малый объем полномочий «центра» в ведущих сферах, разноуровневое и разнотемпное экономическое развитие стран и регионов ЕС, многонациональность, растущая доля нетрадиционных для Европы религий и др.) способны активизировать в ЕС эффект «Вавилонской башни» с торможением экономического роста.

4. Наряду с внешними угрозами и рисками в Молдове, как и во многих странах ЕС, весьма напряженная демографическая ситуация. Понимая это, правительство постановлением № 768 разработало и утвердило в 2011 г. Национальную стратегическую программу в области демографической безопасности на 2011-2025 гг. и план действий ее реализации на среднесрочный период (2011-2013 годы). Программа и план предусматривают широкий круг мер по продвижению политик демографической стабилизации в стране¹. Однако за прошедшее время выявился ряд фундаментальных недоработок в данной стратегической программе, которые были заложены в ее концепцию. Требуется коренная переработка данной программы, на основе фактически сложившейся в Молдове демографической ситуации и тенденций в ее развитии. Это особенно важно в условиях новой волны эмиграции из Молдовы, когда российский вектор меняется на евросоюзовский. Последствия безвизового режима с ЕС для эмиграции из Молдовы будут для ее экономики более значимы, чем свободное перемещение людей в рамках СНГ в 1990-е годы.

В целом в Молдове сформировалось неэффективное, неквалифицированное и монопольно-олигархически ориентированное управление национальной экономикой. Это привело к

---

¹ Об утверждении Национальной стратегической программы в области демографической безопасности Республики Молдова (2011-2025 гг.). Постановление правительства РМ № 768 от 12.10.2011. // Monitorul Oficial, 2011, № 182-186, 28 окт.

трансформации экономики страны из аграрно-промышленной в аграрную, а затем и услугу. Последовательно разрушались молдавская наука (НИИ, СКБ, лаборатории и др.), промышленность (машиностроение, ряд отраслей пищевой, легкой промышленности, мебельной и деревообрабатывающей, строительных материалов и др.), экспортно-ориентированный товарный аграрный сектор (молочно-товарные фермы, животноводческие комплексы, объединения крестьянских хозяйств). Сегодня в 2016 г. по данным ЦРУ на долю сельского хозяйства Молдовы приходится 14,1% валового внутреннего продукта страны, промышленности – 21,2%, а сферы услуг – 64,7%¹.

При этом в услугах (оптовая и розничная торговля, связь, транспорт, складское хозяйство, аренда, банковско-финансовая деятельность и др.) нередко встречаются предприниматели, официально отражающие в финансовой отчетности (без учета теневого сегмента экономики) рентабельность в 100% и более при торговой надбавке в 200-300%. Это позволяют себе монополю-олигархические структуры, в том числе малые и даже микро предприятия, деятельность которых основана на контрактах эксклюзивных представителей импортируемой продукции транснациональных корпораций.

Деиндустриализация и ликвидация товарного сельского хозяйства Молдовы, не являются уникальным для стран Европы явлением. Аналогичным факты можно отметить в экономики Латвии (Рижский автозавод), Венгрии (автобусный завод Икарус), Польши (Судостроительная верфь Гдыня и Щецинская верфь), Румынии (горнодобывающая промышленность), Болгарии (сельское хозяйство и пищевая промышленность) и др. Вместе с тем, отдельные предприятия, бывшие национальные экономические лидеры, были сохранены за счет продажи их транснациональным корпорациям. Например, румынская Дачия, сегодня является автомобильным подразделением французской автомобилестроительной корпорации Renault. Чешская компания

---

¹ Central Intelligence Agency. The World Factbook. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html>.

Skoda Auto a.s., выпускающая легковые автомобили под торговой маркой Škoda, грузовики, автобусы, авиационные двигатели и сельскохозяйственные машины, после нескольких этапов приватизации с 2000 г. является 100%-ым дочерним предприятием Volkswagen AG (VAG).

Аналогичная ситуация наблюдается и в Молдове. Часть предприятий ликвидирована либо перепрофилирована, а оставшиеся переводятся в собственность не населения страны, а транснациональных корпораций. С одной стороны, это отразилось на судьбе компьютерного, телевизионного заводов, кишиневского вино-коньячного комбината и завода холодильников и др., где были ликвидированы уникальные производства (комбайны, тротуароуборочные машины, экзотермические установки, средства автоматизации и системы управления, компонентные изделия электронной промышленности и т.д.) и потеряны десятки тысяч рабочих мест. С другой стороны, в собственность зарубежных корпораций перешли предприятия, например, сахарной и цементной промышленности страны.

В этих условиях с высокой степенью вероятности можно прогнозировать реализацию органами государственного управления страны под внешним влиянием дальнейшего перевода объектов национальной и муниципальной собственности, а также крупной собственности национальных предпринимательских кругов под юрисдикцию транснациональных корпораций. В условиях исчерпания основных промышленных ресурсов для этих целей будут использованы земельные ресурсы и объекты инфраструктуры сферы услуг (банковская и страховая деятельность, оптовая торговля, торговые сети и супермаркеты, гостиничные и транспортные услуги, связь, услуги питания, развлечения и др.). Уже сегодня в этих отраслях доля транснациональных корпораций значительна и будет нарастать.

Такой подход не находит однозначной поддержки в практике развитых стран Европы, где предусмотрен контроль либо прямое участие государства в управлении стратегическими отраслями национальной экономики, а эти отрасли или сферы четко очерче-

ны. Например, в предвыборной программе лейбористской партии Великобритании «Справедливое будущее для всех» («Future fair for all») (июнь 2017) предусмотрены национализация важных отраслей экономики (железных дорог, почты, электросетей и водопроводов),¹ а консервативная партия обещает совсем не либеральную меру - государственное регулирование цен на энергоносители².

В целом можно констатировать, что долгосрочный сценарий развития мировой и европейской экономики предполагает, что в будущем структуру мирового ВВП драматически изменят демография и бурный рост экономик развивающихся стран.

В демографической сфере

- с одной стороны - резко возрастают роль крупных стран: Китая (1371 млн.), Индии (1311 млн.), США (321 млн.), Индонезии (258 млн.), Пакистана (189 млн.), Нигерии (182 млн.), Бангладеш (161 млн.), России (144 млн.), Мексики (127 млн.).

- с другой стороны – большинство стран мира в ближайшие полвека будут страдать от старения населения, что существенно замедлит рост их экономик. Это особенно скажется на странах ЕС.

В ответ на ухудшение демографии, страны будут поднимать пенсионный возраст. Поэтому рабочая сила сократится незначительно. Старение населения приведет к тому, что во многих странах начнут снижению сбережений. Падение сбережений вызовет рост процентных ставок. Правительствам стран понадобится сберегать для того, чтобы стабилизировать ситуацию с госдолгом. При этом им придется пойти на меры жесткой экономии. Особенно пострадают страны, которые не успеют избавиться от значительной части госдолга.

Особую роль в определении перспектив развития национальной экономики может сыграть сложившееся в мире и ЕС

---

¹ The Labour party manifesto 2017. Creating an economy that works for all. Widening ownership of our economy. <http://www.labour.org.uk/index.php/manifesto2017/economy>.

² The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017. Forward, Together: Our Plan for a Stronger Britain and a Prosperous Future. <https://www.conservatives.com/manifesto>.

разноуровневое развитие отдельных регионов. Периферия, безусловно, на длительную перспективу будет оставаться за бортом среднего уровня региональных доходов.

Препятствием для экономического роста может служить неравенство в доходах, которое увеличивает разрыв в уровне образования, ведет к ухудшению качества рабочей силы. Действующие системы налогообложения и социальной защиты недостаточно эффективны в перераспределении доходов между бедными и богатыми регионами. И это состояние не изменится. Незначительно изменится неравенство в доходах между населением отдельных регионов, стран, и между отдельными группами населения.

Борьба за сферы влияния и рынки сбыта будет способствовать росту протекционизма в глобальной торговле среди крупных участников (Китай, Индия, США, ЕС), что будет трансформироваться во влияние на малые страны.

Обострение межстрановой и межрегиональной экономической конкуренции способствует нарастанию противоречий в глобальной валютно-финансовой сфере, которые обостряются в условиях реализации политики количественных смягчений ЕЦБ и ФРС, а также вытеснения традиционных валют с мирового рынка, что затронет как доллар, так и евро.

Сложившаяся в мировой экономике ситуация и продолжающееся ее обострение приводит к появлению на мировой арене новых форм и методов интеграционных объединений и новых независимых от развитых экономик организационных экономических структур.

Со стороны развитых стран предполагалось, что это будут такие структуры как евро-американская (трансатлантическая) зона свободной торговли (TAFTA) или трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), Транс-Тихоокеанское партнерство (TPSEP или P4) и др. Однако приход к власти в США национально ориентированной администрации во главе с президентом Дональдом Трампом, резко меняет мировой политико-экономический ландшафт. В январе 2017 г. Д. Трамп подписал указ о выходе страны из соглашения

о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), провозглашая, что это сделано для американских рабочих. Важно, что данный указ поддержало не только республиканское большинство в сенате и палате представителей США, но также и часть членов демократической партии. В частности, экс-кандидат в президенты США демократ Берни Сандерс заявил, что "рад тому, что Транстихоокеанское партнерство умерло"¹

Со стороны развивающихся стран и стран с переходной экономикой создаются свои экономико-политические структуры. Это как Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, Шанхайская организация сотрудничества с ее финансовыми органами, экономические структуры и программы БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, экономический пояс Шелкового пути и др. Вступление в июне 2017 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) Индии и Пакистана и рассмотрение на саммите глав государств-участников ШОС заявки Ирана знаменует начало качественно нового этапа в ШОС-овском формате и повышение роли сотрудничества в региональных и мировых делах. Новую и весьма значительную роль на мировой экономической арене в перспективе может играть Межбанковское объединение ШОС

Нарастание межстрановой и межрегиональной конкуренции с высокой степенью вероятности приведет в среднесрочной перспективе к появлению новых угроз, обострению противоречий и коренным изменениям в экономической ситуации в мире, ЕС и еврозоне, к чему Молдова должна быть готова воспользоваться.

---

¹ Трамп подписал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства. 23.01.2017. <https://ria.ru/world/20170123/1486312740.html>.

IMPACTUL INVESTIȚIILOR STRĂINE ȘI A TRANSFERURILOR BĂNEȘTI ASUPRA DEZVOLTĂRII ECONOMIEI MOLDOVEI

*Vitalie CAZACU, doctor în științe economice,
conferențiar universitar, IRIM*

Rezumat

Autorul își propune să explice fenomenul – corporatist, o caracteristică importantă a economiei globale contemporane. O atenție sporită acordă investițiilor străine, estimând valoarea acestora pentru dezvoltarea economiilor naționale. Autorul menționează că potrivit datelor statistice, stocul de investiții directe ale nerezidenților în economia Moldovei în ultimii ani a înregistrat o ușoară scădere. Ca urmare a crizei mondiale, fluxurile de investiții orientate în economia națională au scăzut brusc. Criza economică și financiară a redus puternic încrederea investitorilor străini în capacitatea de relansare a economiilor în tranziție, printre care se află și Republica Moldova.

***Cuvinte-cheie:** investiții, investiții străine, fenomenul corporatist, criza economică, Republica Moldova*

THE IMPACT OF FOREIGN INVESTMENT AND REMITTANCES ON MOLDOVA'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract

The author aims to explain corporate phenomenon - an important feature of the contemporary global economy. Greater attention is paid to foreign investment, estimating its value for the development of national economies. The author points out that, according to statistical data, the stock of non-residents' direct investments in the Moldovan economy has decreased slightly in recent years. As a result of the global crisis, investment flows targeted in the national economy have fallen sharply. The economic and financial crisis has greatly reduced the confidence of foreign investors in the resumption of transition economies, including the Republic of Moldova.

***Keywords:** investment, foreign investment, corporate phenomenon, economic crisis, the Republic of Moldova*

Economia mondială actuală este dominată de fenomenul corporatist. Baza dezvoltării și expansiunii societăților transnaționale o constituie investițiile externe de capital. Investițiile există din cele mai vechi timpuri și actualmente reprezintă o parte componentă a activității

economice a tuturor agenților economici (autohtoni și străini). Investițiile străine se orientează mai ales către țările dezvoltate, unde eficiența în luarea deciziilor, mediul economic stabil și performant, apropierea de piețele de capital și financiare, infrastructura performantă, forța de munca de toate categoriile, piața de desfacere cu putere de cumpărare înaltă, stabilitatea și claritatea mediului legislativ contribuie la asigurarea succesului investițiilor.

Investițiile străine reprezintă fluxuri financiare și de resurse, care traversează granițele juridice și economice ale statelor. Criteriul care deosebește investițiile străine de cele interne este faptul că investitorul și receptorul au rezidențe în diferite țări. Ele apar sub anumite fluxuri de resurse financiare, științifice, tehnologice, informaționale, utilaje, clădiri, experiența managerială etc., care sunt plasate de către investitori în diferite țări, receptoare de investiții. Scopul investițiilor străine este obținerea profitului. Rolul și impactul investițiilor sunt studiate de mai mulți savanți și sub diferite aspecte, însă cele mai frecvente forme sunt investițiile active financiare și active brute și nete, de modernizare, autohtone și străine. Pentru creșterea economică un deosebit rol îl au investițiile reale (directe).

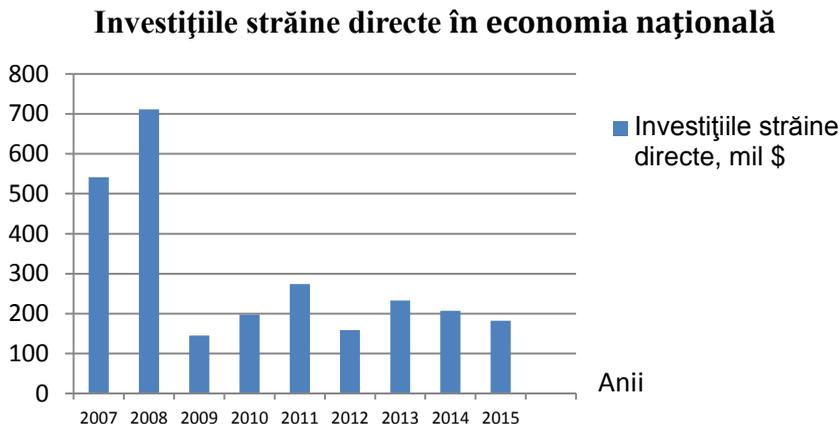
N. Dobrotă menționează, că investițiile reale reprezintă procesul economic al economiilor persoanelor fizice și juridice în vederea creării și achiziționării de noi echipamente de producție, perfecționării celor existente, creșterii stocului de capital, construirii de locuințe proprietate personală, cumpărării unor suprafețe de teren etc., menite să asigure desfășurarea mai bună și dezvoltarea activității economice, financiare, bancare, culturale etc.

V. Feler caracterizează investițiile mai concis: ele reprezintă achizițiile de active reale sau bunuri de capital, în special mașini, utilaje, care sunt produse pentru a servi la producerea altor bunuri. Din această definiție reiese că investițiile reprezintă totalitatea resurselor financiare și materiale alocate pentru reproducția capitalului fix. Astfel de resurse se formează în baza economiilor subiecților economici, rezultate ca diferența dintre veniturile obținute și cheltuielile de consum.

Potrivit datelor statistice, stocul de investiții directe ale nerezidenților în economia Moldovei în ultimii ani a înregistrat o ușoară

scădere. Investițiile străine directe în economia națională, componentele de bază (mil. dolari):

Figura 1

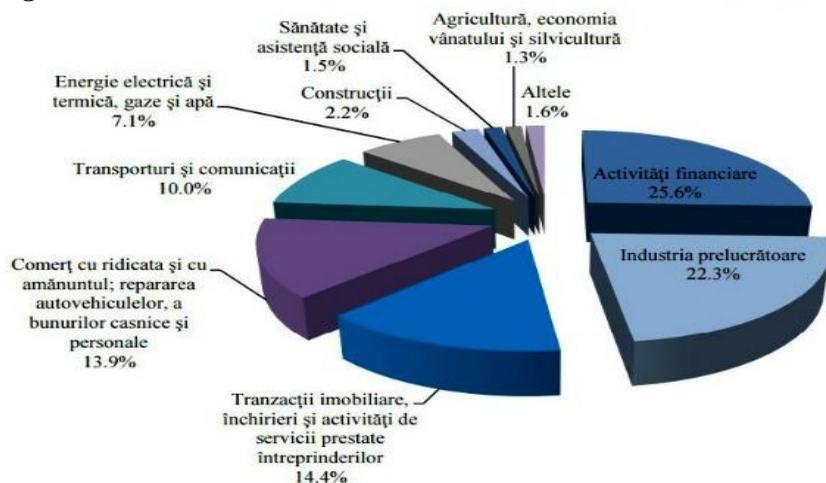
Din datele statistice din ultimii zece ani vedem o creștere și un declin care se menține în ultimii șapte ani. Cele mai multe investiții străine în economia Moldovei au fost în anul 2008, cifra a ajuns la 711,5 milioane dolari americani, apoi, în anul 2009 a avut loc o diminuare drastică, ajungând la 145,3 milioane dolari sau cu 79,6 % mai puțin, care în mare parte s-a datorat crizei economice din SUA.

Investițiile străine directe – capital social acumulat la 30.06.2016, pe activități economice:

Din figura 2 vedem că cea mai mare parte a investițiilor străine sunt îndreptate în activități financiare: 25,6 %, apoi urmează industria prelucrătoare cu 22,3% și pe ultimul loc se află agricultura, economia vînatului și silvicultura cu 1,3%.

În distribuția geografică a capitalului social acumulat, statisticii le arată că investitorilor din țările UE le-a revenit ponderea majoritară – 52,5%. Investitorii din țările CSI au deținut o pondere de 11,2% din totalul capitalului social acumulat, cei proveniți din alte țări dețin investiții în proporție de 36,3%.

Figura 2

Cu toate acestea, în ce privește originea investițiilor, pe primul loc este Rusia, urmată de Olanda și pe locul trei a revenit Cipru. Pe următoarele poziții după ponderea deținută în totalul investițiilor străine la 31 decembrie 2014 se mai regăsesc Franța, Spania, Germania, România, Italia, Marea Britanie și SUA.

Climatul investițional nu este un atu pentru Republica Moldova, fapt pe care îl denotă atât poziția Moldovei în ratingurile internaționale, cât și comparația directă a indicatorilor macroeconomici și de performanță privind atragerea ISD între țări. Începând cu anul 2009, se atestă evoluția general descendentă a fluxurilor de ISD.

Ca urmare a crizei mondiale, fluxurile de investiții orientate în economia națională au scăzut brusc. Criza economică și financiară a redus puternic încrederea investitorilor străini în capacitatea de relansare a economiilor în tranziție, printre care se află și Republica Moldova. La multe proiecte de investiții s-a renunțat, fie au fost amânate.

Potrivit experților, în prezent, corupția, instabilitatea politică și guvernul ineficient țin departe investitorii de economia moldovenească. Alte constrângeri care reduc atractivitatea investițională a țării noastre țin de calificarea forței de muncă, legislația rigidă a muncii, infrastructura, cadrul legal și instituțional slab, ineficiența mecanismelor de protecție a investitorilor.

Abordările instituționale ale Vămii și Fiscului sunt îndreptate împotriva investitorilor, fiind axate doar pe amenzi și sancțiuni, iar bugetul național și acum are drept sursă de venit un plan de amenzi și sancțiuni financiare. Aceste constrângeri reduc simțitor din atractivitatea investițională. Creșterea prețurilor la resursele energetice, prezența impedimentelor de ordin administrativ în atragerea investițiilor celelalte impedimente cum ar fi: competiția regională sporită, concurența acerbă pe piețele de desfacere externe, menținerea în regiune a proceselor migrației de muncă fac ca în ultimul timp volumul investițiilor să se reducă simțitor.

Astfel, economia națională este vulnerabilă la șocurile externe, iar efectele acestor șocuri sunt elemente ale unui cerc vicios, putând dura la nesfârșit. Aceasta, din considerentul că Republica Moldova se confruntă cu importante dezechilibre ale contului curent, care se referă inclusiv la deficitul balanței comerciale; și aceste dezechilibre sunt acoperite în principal prin împrumuturi externe și nu prin investiții, cum ar fi sănătos pentru o economie. Având în vedere că gradul de îndatorare a țării noastre crește, investitorii sunt mult mai sceptici în ce privește stabilitatea economiei Republicii Moldova.

Pentru a atrage investitori străini, autoritățile trebuie să insiste asupra reformelor structurale, dar este nevoie și de schimbarea modului de a gândi și a lucra în instituțiile publice. Avem nevoie de transparență, justiție corectă, cât mai puțină birocrație și corupție. Un rol important în acest context îl are și sistemul bancar, care este o verigă a sistemului financiar, iar stabilitatea financiară atrage investitorii străini.

Cetățenii Republicii Moldova care muncesc în străinătate trimit acasă tot mai puțini bani. În 2016, transferurile de peste hotare au ajuns la 1 miliard 79 de milioane de dolari, mai puțin cu 4,5 la sută față de anul precedent. Este cel mai mic nivel înregistrat în ultimii zece ani, prezentat de Banca Națională a Republicii Moldova. Fluctuațiile cursului de schimb al valutei față de dolarul SUA au contribuit cu 0,2 puncte procentuale la scăderea totală a transferurilor în 2016, în timp ce diminuarea efectivă a transferurilor a constituit 3 la sută. Cel mai mare volum de remiteri a fost efectuat în dolari, cu o

cotă de peste 50 la sută. Urmează euro cu circa 37 la sută și rubla rusească cu - 13 la sută. Transferurile bănești ale migraților moldoveni reprezintă între 20% și 30% din PIB-ul țării. În 2015, concetățenii noștri au trimis acasă 1 miliard 129 de milioane de dolari, în scădere cu 30 la sută față de 2014. Recordul maxim al transferurilor a fost înregistrat în 2008, când moldovenii au expediat în țară 1 miliard 660 de milioane de dolari.

Rusia continuă să rămână lider în privința transferurilor bănești care se fac în Moldova. În 2016, volumul transferurilor din FR în favoarea persoanelor fizice, efectuate prin intermediul băncilor din țară, a constituit 487,96 milioane de dolari SUA sau 43,2% din volumul total de transferuri care s-au făcut în țară, transmite serviciul de presă al Băncii Naționale. Cei mai mulți bani ajung în Moldova din Rusia Pe locul doi după numărul de transferuri în țară se situează Italia (131,91 de milioane de dolari). Pe locul trei se află Israelul (119,55 milioane de dolari), iar pe locul patru — SUA (103,57 milioane de dolari). Top cinci este încheiat de Marea Britanie (35,91 milioane de dolari). Potrivit rezultatelor anului 2015, volumul transferurilor de peste hotare, în favoarea persoanelor fizice, efectuate prin intermediul băncilor din Moldova, a atins 1 miliard 129,36 milioane de dolari SUA, în scădere cu 16,2%. În structura transferurilor valutare domină dolarul, după care urmează euro și rubla rusească. Banca Națională subliniază că transferurile bănești de peste hotare în favoarea persoanelor fizice, efectuate prin intermediul băncilor, nu aparțin doar gasterbeiter-ilor, ci includ și alte transferuri valutare, cum ar fi pensiile, salariile etc.

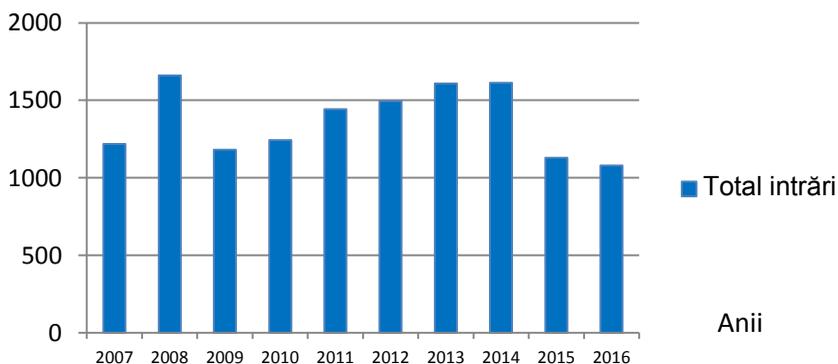
Astfel, în anul 2016, structura valutară a transferurilor (recalculate în USD) a fost următoarea: USD — 530.10 milioane, EUR — 428.60 milioane, RUB — 118.52 milioane și alte valute 2.02 milioane. Conform provenienței geografice a transferurilor în favoarea persoanelor fizice, de menționat transferurile din CSI și din UE. Transferurilor din CSI le-a revenit ponderea de 37.2 la sută, în descreștere cu 21.5 la sută comparativ cu anul 2015. Transferurile din UE au înregistrat o pondere de 31.8 la sută, în creștere cu 9.7 la sută comparativ cu 2015. Respectiv, transferurile din alte state, exceptând CSI și UE, au constituit 31.0 la

sută în 2016 și 27.1 la sută în 2015. În anii 2016 și 2015, ponderea transferurilor din Israel, SUA și Turcia au constituit, respectiv, 82.7 și 77.8 la sută din totalul pe alte state. Cei mai mulți bani vin, în continuare, din Rusia. Transferurile din Rusia dețin o pondere majoră de 96.6 la sută din totalul transferurilor din CSI. Transferurile din alte state CSI au următoarele ponderi: Ucraina — 1.4 la sută, Kazahstan — 0.7 la sută, Belarus — 0.5 la sută, Azerbaidjan — 0.3 la sută, Uzbekistan — 0.2 la sută și restul statelor CSI — 0.3 la sută.

În anul 2016, ponderea transferurilor în RUB prin sistemele de remitere de bani a avut o tendință constantă de diminuare, de la 16.1 la sută în ianuarie, până la 10.1 la sută în decembrie. Ponderea USD, înregistrând unele fluctuații, în general, a consemnat o tendință de creștere. Astfel, cota anuală a transferurilor în ruble rusești (recalculată în USD) s-a diminuat cu 11.8 puncte procentuale, până la 13.0 la sută, iar cota anuală a transferurilor în dolari SUA s-a majorat cu 8.2 puncte procentuale, până la 50.5 la sută. Cota anuală a transferurilor în EUR (recalculată în USD) s-a majorat cu 3.6 puncte procentuale, până la 36.5 la sută. În 2016, în structura valutară a transferurilor din Rusia prin sistemele de remitere de bani, în medie anuală (recalculate în USD), predomină transferurile în ruble rusești (37.5 la sută), urmată de transferurile în dolari SUA cu o pondere de 35.5 la sută și transferurile în euro cu o pondere de 27.0 la sută.

Figura 3

Transferuri bănești de peste hotare

Anii	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<i>din care (ponderea %)</i>										
USA	64,5	49,5	54,1	51,6	42,2	38,9	31,3	27,2	42,3	50,5
EUR	33,8	44,2	40,6	38,7	41,6	37,1	35,1	36,1	32,9	36,5
RUB	1,7	6,3	5,3	9,7	16,2	24,0	33,6	36,7	24,8	13,0

Concluzii:

Potrivit indicatorului, fluxul de ISD ponderat la produsul intern brut (PIB), Republica Moldova, comparativ cu alte țări, s-a poziționat pe locul 5. Aceasta, însă, nu s-a datorat fluxurilor mari de ISD, dar mai degrabă unui nivel mic al PIB. Totodată, fluxul de ISD per capita în Republica Moldova a înregistrat, în anul 2013, valoarea de 66.0 dolari SUA (nivelul maxim a fost atins în anul 2008 și a constituit 196.2 dolari SUA).

Cu referire la clasamentele internaționale, ce prezintă indicatorii care caracterizează atractivitatea economiei unei țări pentru investitori, se cer a fi aduși la cunoștință unii dintre aceștia. Astfel, potrivit datelor unui raport al Băncii Mondiale, „Doing Business 2015”, în anul 2014, după ușurința derulării afacerilor, Moldova s-a situat pe locul 63 din 189 (în anul 2013 – pe locul 82). De asemenea, indicatorul competitivității globale din clasamentul „The Global Competitiveness Index 2014-2015”, elaborat de Forumul Economic Mondial, a poziționat țara noastră pe locul 82 (în anul 2013 – pe locul 89).

Un alt indice important ce caracterizează atractivitatea economiei unei țări pentru investitori este indicele libertății economice, calculat de către Heritage Foundation. Potrivit acestuia, în anul 2014, Moldova se situa pe poziția 111 (similar anului precedent) din 165 de țări, fiind plasată în categoria țărilor „preponderent nelibere”.

Astfel, orientarea în continuare spre dezvoltarea mediului de afaceri și îmbunătățirea climatului investițional va avea urmări pozitive asupra competitivității Republicii Moldova în direcția atragerii investițiilor străine, ce se va exprima prin creșterea exporturilor, majorarea numărului de întreprinderi fiabile, motivate să implementeze inovații, capabile să creeze locuri de muncă atractive, să asigure pro-

ductivitate înaltă și producție competitivă orientată spre export. Aceasta, inevitabil, se va reflecta în îmbunătățirea indicatorilor macroeconomici și avansarea în continuare a Republicii Moldova în clasamentele internaționale

După unele estimări, aproape 85% din transferurile bănești părăsesc hotarele Moldovei, fiind folosite în consum pentru procurarea energiei electrice, carburanților, mărfurilor industriale cât și a produselor alimentare. Este regretat faptul că o parte foarte mică din remitențe sunt îndreptate în dezvoltarea afacerilor.

Referințe bibliografice

1. www.statistica.md
2. www.bnm.md

SECURITATEA ECONOMICĂ A REPUBLICII MOLDOVA ÎN CONTEXTUL COMERȚULUI INTERNAȚIONAL

*Ludmila GOLOVATAIA, doctor în științe economice,
conferențiar universitar, IRIM*

Rezumat

Articolul evidențiază interconexiunea dintre comerțul internațional, globalizare și securitatea economică națională; problemele în structura economică și amenințările la adresa securității economice. Sunt determinate prioritățile strategice pentru prevenirea consecințelor negative posibile la adresa securității economice, definit rolul și locul securității economice în Republica Moldova, precum și analiza măsurilor deja luate și rezultatele acestora. Sunt analizate ultimele șocuri în economia națională, precum sunt embargoul alimentară rusesc, dependența statului de remitențe. Sunt conturate căile de supraviețuire a economiei naționale în condițiile globalizării și legăturilor comerciale strânse, utilizare eficientă a resurselor financiare și a investițiilor, inclusiv a celor de după hotare; scoaterea în evidență a condițiilor ce pot asigura minimizarea șocurilor economice cauzate de comerțul internațional.

Cuvinte-cheie: *securitatea economică, investiții, instabilitatea, economie deschisă, problemele economice, amenințări economice*

THE REPUBLIC OF MOLDOVA'S ECONOMIC SECURITY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL TRADE

Abstract

The article highlights the interconnection between international trade, globalization and national economic security; problems in the economic structure and threats to economic security are concerned as well. Strategic priorities are determined to prevent possible negative consequences for economic security, the role and place of economic security in the Republic of Moldova is defined, as well as the analysis of the measures already taken and their results. The latest shocks in the national economy are being analyzed, such as the Russian food embargo, state's dependence on remittances. The ways of survival of the national economy are outlined in the conditions of globalization and close trade ties, efficient use of financial resources and investments, including those of the post-national level; the conditions that can ensure the minimization of economic shocks caused by international trade are deemed.

Keywords: *economic security, investments, instability, open economy, economic issues, economic threats*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

На протяжении истории человечества потребность в безопасности выступает одной из ключевых потребностей и отдельного человека, и общества в целом. В XXI в. проблема обеспечения национальной безопасности приобрела особую актуальность. Можно выделить целый ряд факторов, которые способствуют данному обстоятельству: динамизм и непредсказуемость общественного развития; стремительный научно-технический прогресс; нарастание и усложнение взаимосвязей и взаимозависимости экономик различных стран; обострение международной конкуренции; возрастание глобальных угроз и факторов риска для жизнедеятельности людей. Все это требует особого внимания к проблеме безопасности страны в целом и в частности - экономической безопасности. Защита национальной экономики от воздействия внутренних и внешних угроз, а также поиск эффективных способов повышения уровня национальной и экономической безопасности становятся приоритетными направлениями при разработке стратегий социально-экономического развития современных государств.

Для стран с переходной экономикой, которые отличаются высокой неустойчивостью и противоречивостью социально-экономического развития, сложными процессами активного вовлечения в современные мирохозяйственные связи, проблема экономической безопасности стоит с наибольшей остротой. Несмотря на многочисленные исследования данной темы специалистами в области политики, экономики, социологии, права, на данный момент не сложилась общепринятая трактовка понятия «экономическая безопасность». В научной литературе существует большое количество определений экономической безопасности, которые, как правило, основываются на самых общих характеристиках данной категории, не затрагивая глубоких причинно-следственных взаимосвязей в хозяйствен-

ной жизни. Весьма популярны следующие характеристики экономической безопасности:

- состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал;

- состояние, в котором народ может суверенно, без вмешательства и давления извне, определять пути и формы своего экономического развития;

- способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей;

- целостность условий и факторов, которая обеспечивает независимость, стабильность и
- способность постоянного обновления и усовершенствования национальной экономики.

На наш взгляд, экономическая безопасность – это способность национальной экономической системы к эффективному и устойчивому развитию. Ее достижение означает создание целостной и независимой национальной экономики, обеспечивающей защиту социально - экономических интересов нации и устойчивой к влиянию дестабилизирующих внутренних и внешних факторов (угроз).

Понятие угрозы является ключевым при определении экономической безопасности. Угрозы по своей сути представляют совокупность условий и факторов, оказывающих дестабилизирующее влияние на функционирование и развитие экономической системы. Перечень угроз весьма разнообразен. Принято выделять угрозы внешние и внутренние; угрозы, касающиеся отдельных отраслей и видов деятельности; реальные и потенциальные угрозы (в зависимости от вероятности их реализации). При оценке угроз, существующих для национальной экономики, важно владеть информацией о вероятности их возникновения и степени интенсивности. В этой связи необходимо использовать особые индикаторы - пороговые значения экономической безопасности. Пороговые (критические) значения характеризуют границы, за пределами которых экономика страны попадает в зону риска и опасностей, нарушающих ход обще-

ственного воспроизводства и вызывающих негативные разрушительные тенденции в национальной экономической системе.

К сожалению, в Республике Молдова в настоящее время еще не разработана стратегия и механизм обеспечения экономической безопасности, данная проблема рассматривается частично, лишь в контексте достижения национальной безопасности. В официальной статистике отсутствует апробированная система пороговых значений экономической безопасности страны.

В современных условиях ни одна страна, не взирая на её размеры, наличие природных ресурсов, экономическую мощь, не может нормально существовать и развиваться без интеграции в мировую экономику, т.е. без участия в процессах международного разделения труда. Республика Молдова относится к группе так называемых малых стран, которые составляют около 90% всех существующих государств, и в которых проживает около 5/6 населения земного шара. Малая страна не может играть значительную роль в международной торговле. А следовательно, ее роль в мировой экономике и ее развитии незначительна. Однако собственная экономическая безопасность малой страны подвержена огромному влиянию извне.

Республика Молдова относится к тем малым странам, для которых состояние, размеры и структура экономики определяются их экономическими взаимоотношениями с другими государствами. Внешняя торговля остается важнейшей формой международных экономических отношений Молдовы. В этом можно убедиться, например, сравнивая оборот внешней торговли страны с оборотом инвестиционных потоков, которые значительно отстают от торговли.

Для наиболее точного прогнозирования экономического состояния Республики необходимо постоянно изучать различные аспекты ее внешнеторговой деятельности, выявлять факторы, которые определяют основные параметры внешнеторговых потоков, и оценивать степень их воздействия на эти параметры. Именно такая деятельность становится основным условием выработки системы экономического состояния страны.

Малые страны, такие, как Молдова из-за ограниченных производственных ресурсов, находятся в высокой зависимости от состояния дел во внешней торговле. При этом мировые рынки и крупные зарубежные страны, в большинстве своем, слабо зависят от экономик малых стран. И все же такая расстановка взаимоотношений (уровень влияния страны и степень её зависимости от внешних рынков) оказывают достаточно сильное воздействие на конкурентоспособность национальной экономики.

Участие Молдовы в мировой торговле незначительно, а объем ее экспорта в страны являющиеся её основными торговыми партнёрами значительно отстает от объема импорта из этих стран. Численность населения, обеспеченность природными ресурсами, объем производства и прочие показатели, характеризующие размер экономики любого из основных экономических партнеров республики, значительно превышают аналогичные показатели по Молдове. В среднем влияние торговых партнеров Молдовы на её экономику посредством внешней торговли в 20-25 раз больше, чем влияние Молдовы на их экономики. Поэтому интересы республики зачастую игнорируются её торговыми партнерами при принятии каких-либо решений, и страна не сможет самостоятельно принять адекватные меры, компенсирующие ей убытки от них, что, несомненно, является угрозой её экономической безопасности.

Примером вышеизложенному служат взаимоотношения Молдовы с её непосредственными соседями Украиной и Румынией. Размеры экономик этих страны значительно превышают объем экономики Молдовы. И именно с этими двумя странами у Молдовы наиболее сложные отношения в области торговли, они оказывают достаточно сильное воздействие на конкурентоспособность национальной экономики. Поэтому, в целях экономической безопасности республики необходимо диверсифицировать структуры своих внешнеторговых связей, в первую очередь географически.

В начале XXI в. ускоренное развитие национальных экономик сопровождается возникновением многочисленных

интеграционных региональных группировок. Открывающиеся перспективы и новые возможности обеспечения экономической безопасности от сближения и сращивания национальных хозяйств, участия в международном экономическом сотрудничестве, обусловленные созданием более стабильной и предсказуемой ситуации для развития взаимной торговли, трансграничного перемещения капиталов и рабочей силы, использованием преимуществ эффекта масштаба, формированием благоприятной внешнеполитической среды и другими факторами, привлекают в процессы интеграции все большее число суверенных государств.

Для обеспечения экономической безопасности необходимо повышать уровень регулирования межгосударственных хозяйственных связей. А для этого требуется ограничение суверенитета каждого интегрирующегося государства посредством создания наднациональных органов управления. Лишь так можно достичь скоординированного и контролируемого развития экономик стран-участниц. Верно и то, что уступка части суверенитета в допустимых пределах, интегрирующегося государства сопровождается приобретением в совместное использование части суверенитета других государств. А это непременно способствует обеспечению экономической безопасности.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., поразивший мировое хозяйство, сильнее сказался на странах-членах СНГ, чем на других региональных объединениях - падение реального ВВП в 2009 г. составило 6,4%, что в 3 раза превысило спад мировой экономики в целом. Столь негативное воздействие кризиса на страны СНГ и на Молдову в том числе, связано также с ухудшением качества развития национальных экономик, сужением технологической базы, спадом производства наукоемких видов продукции, снижением востребованности производством новых технологий и результатов интеллектуального труда, что резко снижает уровень экономической безопасности. Кризис 2008 г. привел к образованию в составе СНГ трех групп стран: 1-ую группу составили страны, которые

сохранили сравнительно высокие показатели развития. Это Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан; 2-ую группу образовали страны, сохранившие незначительные темпы роста на уровне, близком к нулевому. Это Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан; Армения, Молдова, Россия и Украина - 3-ью группу стран, испытавших резкое падение темпов экономического роста из-за сильной зависимости о внешних источников финансирования, масштабного снижения экспорта, падения инвестиционной и потребительской активности. Данные обстоятельства указывают на значимость интеграционных процессов при обеспечении экономической безопасности.

В условиях падения отечественного производства на большинство видов потребительских товаров, нишу на рынке Молдовы все интенсивнее заполняет импортная продукция - до 60-80%. Между тем чрезмерная зависимость от импортных поставок продовольствия и потребительских товаров создает угрозу экономической безопасности страны (в мировой практике предельным уровнем безопасности считается доля импорта во внутреннем потреблении в размере 30%, в том числе 25% по продовольствию).

Проблема неконкурентоспособности молдавских товаров, пожалуй, является наиболее важной из всех проблем, ограничивающих развитие внешнеторговых отношений республики. Хотя, в среднем, уровень конкурентоспособности молдавских товаров сейчас несколько выше, чем в середине 90-х годов XX века, все же его недостаточно для эффективной конкурентной борьбы на мировых рынках.

В первую очередь, низкий уровень конкурентоспособности связан с качеством производимой продукции, которая не дотягивает до среднемирового уровня. Этот уровень, в свою очередь, ограничен, в основном, устаревшим оборудованием большинства молдавских предприятий.

К примеру, в винодельческой промышленности из 60 активных производителей не более 10 оснащены оборудованием на удовлетворительном уровне.

Хотя, согласно официальным данным, производственные мощности во всех отраслях промышленности Молдовы значительно недоиспользуются, очевидно, что на этих мощностях увеличить выпуск будет нельзя. И хотя, из-за того что уровень оплаты труда один из самых низких в регионе, молдавские предприниматели могут производить товары дешевле конкурентов, это весьма плохо компенсирует эту проблему. Единственной возможностью для дальнейшего развития экономики республики является стимулирование и привлечение инвестиций.

Кроме всего прочего в Молдове до сих пор очень мало специалистов по управлению и маркетингу. Несмотря на то, что высшие учебные заведения выпускают в последнее время больше всего студентов экономических специальностей, это мало влияет на уровень управления предприятиями, да еще и большинство выпускников не работают по своим специальностям. Многие молдавские предприниматели предпочитают работать «на глазок», устанавливая цены по принципу «такие как у всех» и «издержки+прибыль», а бизнес-план воспринимают не как для дальнейшего развития предприятия, а как «документ, необходимый для получения кредита». (В результате «неконкурентоспособности по уровню управления» молдавские предприятия часто не используют возможности появляющиеся у них на западных рынках.

К примеру, в 2000 г. когда Европейский Союз в рамках GSP предоставил Молдове дополнительные преференции, представитель Генерального управления торговли Европейской комиссии Вольфганг Плаза, посетивший Молдову, выразил свое недоумение по поводу того, что молдавские предприниматели не пользуются этой системой: «Проблема в том, что Молдова не использует преференции. Существует значительное число товаров, по которым вы могли бы пользоваться преференциями, но не пользуетесь ими и даже не просите о них. В результате вы или европейские импортёры платят полностью таможенную пошлину на эту продукцию. Как оказалось, многие экспортеры или просто не знали о существовании преференций (притом, что

они были предоставлены еще в 1993 г.), или были убеждены, что из этой затеи ничего кроме потери времени и денег не выйдет. Кроме того, они не знали, куда именно обращаться, чтобы получить более подробную информацию.

Низкий уровень управления, кроме всего прочего, приводит к тому, что молдавские экспортеры по собственной вине не могут выполнить условия заключенных контрактов, что существенно ухудшает имидж Молдовы в глазах зарубежных партнёров. Какие же меры требуется принять для того, чтобы молдавские товары стали конкурентоспособными? В данном случае эффективным может быть инвестирование. Поскольку собственных инвестиций Молдове не хватает из-за значительной деградации экономики для нормального развития, очевидно, что нужны иностранные инвестиции. Уровень иностранных инвестиций в Молдове невелик. И тому есть объяснение.

В Молдове, по сути, каждый может стать инвестором, если готов к рискам. В наших условиях достаточно сложно привлекать для этого кредитные ресурсы и вкладывать собственные: тут сказываются и кризисные явления, и нестабильность во всех сферах, и постоянно растущие риски. Инвестиционный климат в стране оценивается как неблагоприятный или малоблагоприятный. Чем же может Молдова заинтересовать инвесторов? Что такое инвестиционный климат, и какова его характеристика? В первую очередь это оценка факторов, привлекающих инвестиции в регион и способствующих эффективности вложений, а также оценка факторов риска.

Даже на взгляд неискушенного наблюдателя, можно отметить, что ситуация в Молдове весьма плачевна. Оценки экспертов различны, но в основном сводятся к тому, что риски множатся, а привлекательность инвестиционного климата уменьшается. И в этой ситуации сохранить, а тем более приумножить капитал весьма проблематично. К сожалению, мы живем в эпоху крайней нестабильности. Это касается не только Молдовы, но мира в целом. Инвесторы опасаются вкладывать, что видно из данных статистики. Также не радует количество

прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Их поток падает во всем мире из-за множества нерешенных проблем: например, цены на энергоресурсы, в Европе проблема с мигрантами, войны в разных регионах и т.д. Понятно, что инвестиции не идут в проблемные регионы. Улучшение ситуации зависит от того, насколько быстро маленький рынок Молдовы интегрируется по всем направлениям большого европейского рынка, одного из крупнейших по объему, по покупательной способности, с высокой инвестиционной привлекательностью. Этот процесс зависит как от работы наших государственных организаций, министерств, правительства, так и от самих предпринимателей в плане технологического развития собственного производства, улучшения качества продукции. Помимо этого, поскольку сейчас ни у общества, ни у бизнеса нет доверия к финансовому сектору как главному фактору, влияющему на инвестиционный климат в стране, первоочередная задача — восстановление этого доверия. Инвестиционная непривлекательность Молдовы объясняется еще и психологическими ощущениями многих людей, ожидающих трагедии. Непонятны варианты выхода из кризиса, нет надежды, что украденный миллиард будет возвращен. Да и решения, принимаемые в Молдове, недостаточно прозрачны.

В то же время, для иностранцев инвестиционный климат достаточно благоприятен даже в плане налогов по сравнению со странами Европы. Власти охотно привлекают иностранных инвесторов, благоволят им. То, что не удастся решить местным предпринимателям, иностранцы решают быстро. МВФ настаивает на создании льготных условий для них. Но у республики нет национальной стратегии развития внутреннего производства, национального бизнеса, стратегии создания местных транснациональных компаний (как это было в свое время в Южной Корее, Японии, Германии), стратегии создания финансовой системы, которая могла бы поддерживать внутренний бизнес. Но есть стратегия SNAIPE 2016–2020 (Национальная стратегия по привлечению инвестиций и продвижению экспорта, разработанная Expert-Grup и Czech Invent), суть

которой фактически не в том, как развивать национальный капитал, импортозамещение, а в привлечении в Молдову глобальных ТНК, создании им условий для максимально беспошлинного реэкспорта произведенной здесь продукции. Это неплохо, но не главное, чем могло бы заняться правительство. После принятия этой стратегии условия еще больше улучшатся для иностранных инвесторов, но не для внутренних. Главная цель SNAIPE 2016–2020 — быстрое освоение экспортного потенциала Молдовы, преимущественно за счет привлечения иностранных инвестиций. Также прописано выполнение обязательств, взятых Молдовой в рамках Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Эксперты, участвовавшие в разработке стратегии, полагают, что сейчас ситуация с привлечением инвестиций заморозилась, а учитывая политическую и экономическую нестабильность, коррупцию и неэффективное управление, может даже ухудшиться. А реформы на рынке труда, в налоговой сфере и пр. помогут улучшить инвестиционный климат. В рамках реализации SNAIPE, к 2020 г., планируется получить чистый приток инвестиций на сумму около \$380 млн, создать до 10 тыс. рабочих мест. По прогнозам, с 2020 г. Молдова сможет привлекать до \$600 млн ежегодно. Выделяются наиболее перспективные сектора для инвесторов: IT-сектор, электронная промышленность, производство одежды, обуви, компонентов для автомобилей, а также бизнес-услуги. Аграрный сектор не перспективен, т. к. для массового производства недостаточно сырья, а иностранные инвесторы лишены права покупать землю.

Модель производства, которая распространялась в Молдове до сих пор, не благоприятствует развитию экономики. Современная ситуация в экономике Молдовы такова: толлинговая форма (Механизм толлинга в общем случае представляет собой переработку иностранного сырья с соблюдением предусмотренного таможенного режима «Переработка товаров на таможенной территории».) производства и ориентация на реэкспорт. Из-за такой модели не развиваются сопутствующие производства. В свободных экономических зонах новые пред-

приятия — это опять же толлинг, направленный на реэкспорт. Это хорошо тем, что у людей есть зарплаты, но недостаточно для разговора об экономике в целом.

Однако, в Молдове есть бизнес-сообщество, прошедшее через многие кризисы и успешно занимающееся инвестиционными проектами. К примеру, рынок молочных продуктов на 70% занят молдавскими компаниями, а один из его участников уже стал фактически транснациональной компанией (Румыния, Казахстан и пр.) и расширяет экспансию. На рынке мясных продуктов все участники — это молдавские компании. Сохранился и укрепился ряд предприятий, занятых переработкой сельхозпродукции, включая виноделие. Неплохие позиции на рынках кондитерских изделий, ковров, сохранились у нас и машиностроительные заводы, есть стекольная, легкая, парфюмерно-косметическая и фармацевтическая промышленность. В стране еще остались и кадры, которые понимают, как строить и развивать производство.

Необходимо разрабатывать стратегию развития импортозамещения. Ведь, несмотря на то, что внутренний рынок кажется маленьким, он достаточен для развития крупных компаний, которые смогут совершать экспансию за пределы страны. Также важно создать систему финансирования бизнеса, в т.ч. кредитования. Сегодня финансовая система построена по рекомендации экспертов (в т.ч. экспертов МВФ). Она обеспечивает здесь, во-первых, сбыт иностранной валюты, во-вторых, сбыт иностранных товаров.

Экономическая безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности. Действия органов центрального публичного управления должны быть направлены на создание внутренних и внешних условий, обеспечивающих независимость национальной экономики, устойчивый экономический рост, удовлетворение потребностей государства и граждан, борьбу с бедностью, конкурентоспособность на внешних рынках.

В целях обеспечения экономической безопасности государства необходим эффективный механизм выявления внутренних и внешних факторов риска с определением нужных дей-

ствий для поддержания безопасности и адекватная система принятия решений на основе программ социально-экономического развития. В этой связи особое значение имеет:

- проведение институциональных преобразований, способствующих координации мер по обеспечению экономической безопасности;
- разработку и внедрение технологий по производству конкурентоспособной продукции;
- развитие инфраструктуры национальной экономики, необходимой для осуществления структурных преобразований;
- обеспечение более эффективного использования ресурсов;
- развитие научно-технического, инновационного и производственного потенциала;
- диверсификацию экспортного потенциала;
- международное сотрудничество в области энергетики и интегрирование в единую европейскую энергетическую систему;
- улучшение инвестиционного климата.

Библиография

1. Абалкин Л., *Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение* // Вопросы экономики. – 1994. - №12. – С. 54.
2. Архипов А. и др., *Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения* // Вопросы экономики. – 1994. - №12. – С. 56.
3. Грунин О., Макаров А., Михайлов Л., Михайлов А. "Экономическая безопасность" Издательство: Дрофа Серия: Высшее педагогическое образование. 272 стр.
4. Департамент Статистики Республики Молдова (<http://www.statistica.md/search.php?go=1&l=ru&searchfield>).
5. Минаев Г. А. *"Безопасность организации"*. Издательство: Логос Серия: Новая университетская библиотека. 368 стр.
6. Мировой Банк (<http://search.worldbank.org/all?qterm=moldova>), Статистический ежегодник Республики Молдова, 2015, с. 275, Годовой отчёт Национального Банка Молдовы, 2015, с. 9-37 (http://www.lan.bnm.org/md/annual_report).
7. *Экономическая безопасность*. – М.: ЗАО Финстатинформ., - 1998. – С. 12.

TENDINȚELE PRINCIPALE ALE COLABORĂRII REPUBLICII MOLDOVA CU UEA: PROBLEME ȘI PERSPECTIVE DE DEZVOLTARE

*Tatiana ANDREEVA, doctor în științe economice,
conferențiar universitar, IRIM*

Rezumat

Formarea unei strategii geopolitice eficiente a Republicii Moldova poate servi drept un impuls puternic pentru crearea unui model economic eficient al țării și realizarea unui consens intern asupra unei idei integrale la nivel național. Principala sarcină a studiului este de a identifica cel mai promițător vector de dezvoltare geopolitică pentru republică. Studiul analizează posibilele direcții de dezvoltare favorabilă a economiei Republicii Moldova, analizează avantajele și dezavantajele integrării europene și euroasiatice, rezumă principalele rezultate ale cooperării cu Uniunea Europeană și discută tendințele actuale în domeniul cooperării dintre Republica Moldova și UEE. Se acordă o atenție deosebită atingerii unui efect pozitiv pentru economia Republicii Moldova și a rolului Uniunii Economice Eurasiatice în acest proces. Un factor cheie în alegerea reperelor geopolitice este posibilitatea de a implementa scopurile și obiectivele strategice ale republicii, care vor asigura dezvoltarea sa stabilă și competitivitatea pe piața mondială.

Cuvinte-cheie: *Uniunea Europeană, integrare, Uniunea Economică Eurasiatică, probleme și perspective de integrare, cooperare cu Federația Rusă*

THE REPUBLIC OF MOLDOVA'S MAIN TENDENCIES OF COOPERATION WITH THE EAEU: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract

The formation of an effective geopolitical strategy of the Republic of Moldova can serve as a powerful impulse to the creation of an efficient economic model of the country and the achievement of an internal consensus on a nationwide integral idea. The main task of the study is to identify the most promising geopolitical development vector for the republic. The study examines possible directions for the favorable development of the Moldovan economy, analyzes the advantages and disadvantages of the European and Eurasian integration, summarizes the main results of cooperation with the European Union, and discusses current trends in the field of cooperation between the Republic of Moldova and the EAEU. Considerable attention is paid to the achievement of a positive effect for the Moldovan economy and the role of the Eurasian Economic Union in this process. A key factor

in the choice of geopolitical landmarks is the possibility of implementing the republic's strategic goals and objectives that will ensure its stable development and competitiveness on the world market.

***Keywords:** the European Union, integration, Eurasian Economic Union, problems and prospects of integration, cooperation with the Russian Federation*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение. Международная экономическая интеграция представляет собой механизм развития региональных экономик путем освобождения движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы от национальных границ государств и создания единого регионального комплекса, способствующего повышению конкурентоспособности на мировом рынке. Республика Молдова является государством с развивающейся экономикой и огромным пластом экономических, политических и социальных проблем, которые не позволяют самостоятельно конкурировать на мировой экономической арене. Незрелость экономической инфраструктуры, несовершенство законодательной базы, политическая ситуация и раздвоенность экономики Республики Молдова, разбалансированность кредитно-финансовой системы и материального производства, разнонаправленность движения структуры воспроизводственных процессов и денежно-кредитных потоков, спад физических объемов производства, поступлений в доходную часть бюджета, сохранение бюджетного дефицита при уменьшении товарной массы, неэквивалентный внешнеэкономический обмен с зарубежными странами, низкий объем ПИИ, неблагоприятный инвестиционный климат, недостаточная роль государства в регулировании всех этих процессов – это далеко не полный список проблем, с которыми сталкивается Республика Молдова в процессе усиления своей конкурентоспособности. Таким образом, возникает острая необходимость рассмотреть возможность присоединения страны к уже существующим экономическим союзам, интеграция в которые

позволит решить часть накопившихся проблем. В сложившейся ситуации, правительству Республики Молдова необходимо решить какой геополитический вектор окажется наиболее благоприятным и перспективным не только с политической, но и с экономической точки зрения.

В современных условиях наметившихся интеграционных тенденций в Республике Молдова наблюдается два противоположных вектора развития: Европейский Союз и Евразийский Экономический союз. Безусловно, приоритетным для Республики Молдова является сотрудничество в экономической, социальной, культурной, технологической и научной сферах, что позволит нашей стране перейти на новый уровень развития и при этом наладить такие внешнеэкономические связи, которые не будут способствовать усилению политического влияния извне, и, как следствие, создадут благоприятные условия для обеспечения национальной (в частности, экономической) безопасности страны. Соответственно, возникает необходимость рассмотреть преимущества и недостатки, возникающие в случае вступления Республики Молдова в ЕС и ЕАЭС.

Республика Молдова и Европейский Союз

Достаточно долгое время приоритетным для Республики Молдова являлось долгосрочное сотрудничество с Европейским Союзом, в результате чего было подписано Соглашение об Ассоциации с ЕС. Причем, большая часть соглашения об Ассоциации с ЕС направлена на экономическое сотрудничество. Приоритетные направления включают в себя следующие области:

- Транспорт и энергетика;
- Сельское хозяйство;
- Внешняя торговля и таможенное регулирование;
- Налогообложение;
- Финансовая, предпринимательская и промышленная политика;
- Вопросы занятости и социальная политика;
- Фитосанитарные нормы;
- Интеллектуальная собственность и т.д.

Одно из основных условий для вступления Молдовы в ЕС состоит во внедрении европейского законодательства в указанные выше направления развития. Наиболее жесткое условие в сближении законодательства Молдовы и ЕС относится к правам Евросоюза в области торговли.

Так, согласно Статье 408 «Отмена несовместимого внутреннего законодательства» действующего соглашения: «В рамках сближения Республика Молдова должна исключить положения своего внутреннего законодательства или упразднить внутренние практики, которые не согласуются с правом Союза или с ее внутренним законодательством, сближенным с законодательством Союза в связанных с торговлей областях Раздела V (Торговля и вопросы, связанные с торговлей) настоящего Соглашения». [1 стр. 197]

Вышеуказанные изменения призваны создать необходимые условия для свободной торговли между членами ЕС и Республикой Молдова, но с другой стороны, экономическое и политическое влияние ЕС повлечет за собой потерю торговой независимости Республики Молдова, и, как следствие, ставит под угрозу экономическую безопасность страны.

Более того, одной из основных особенностей при вступлении в Европейский Союз является квотирование на экспорт товаров из Молдовы. Учитывая тот факт, что отечественные товары в основном не являются конкурентоспособным на европейском рынке, а ЕС выделяет сравнительно небольшое количество квот на экспортируемую продукцию, то едва ли можно говорить о существенном увеличении доли экспорта из Молдовы. К тому же, еще одним препятствием остаются существующие в неизменном виде нетарифные барьеры в торговых отношениях с ЕС. В целом, соглашение об ассоциации и последующее за ним вступление в ЕС должны обеспечить снижение торговых барьеров, а тем самым и рост экономики Молдовы.

Безусловно, к положительным последствиям от присоединения Республики Молдова к ЕС, можно отнести следующие:

- Улучшение качества жизни граждан;

- Доступ к более качественным продуктам, которые соответствуют санитарным нормам Евросоюза;

- Участие малых и средних предприятий Молдовы на европейском рынке в условиях равных конкурентных преимуществ;

- Изменения в структуре образования, здравоохранения и науки;

- Усиление безопасности границ и упрощение таможенных процедур, которые позволят сократить долю нелегальной торговли;

- Изменение в судебной структуре;

- Легальная миграция рабочей силы, что позволит урегулировать проблему незаконного перемещения граждан за пределами Республики Молдова;

- Модернизация коммунального обслуживания, увеличение эффективности предоставления услуг гражданам Республики Молдова;

- Оживление деловой активности и, как следствие, прирост ВВП, а также сокращение затрат при ведении предпринимательской деятельности;

- Интеграция с Европейским союзом откроет некоторые возможности для молдавских производителей, т.к. у них появится доступ к новейшим технологиям производства, следовательно, этот факт стимулирует к производству более качественных и конкурентоспособных товаров;

- Республика Молдова воспользуется финансовой помощью посредством соответствующих механизмов и инструментов финансирования ЕС. Республика Молдова может также воспользоваться займами Европейского инвестиционного банка (EIB), Европейского банка реконструкции и развития (EBRD) и других международных финансовых учреждений. [1 стр. 199]

С другой стороны, нельзя с уверенностью сказать, что присоединение Республики Молдова к ЕС окажет лишь положительное влияние на ее развитие. Невозможно игнорировать тот факт, что мнение общества о возможной интеграции с ЕС весьма неоднозначно. Согласно опросу, проведенному Ассоциацией

социологов и демографов Республики Молдова, среди более чем 1000 опрошенных в 2016, лишь 40,4% сочли членство Молдовы в Европейском Союзе более предпочтительным, тогда как в 2013 году среди такого же количества опрошенных 42% выбрали бы членство в ЕС.

Тенденции к изменению общественного мнения хоть и не значительны, но все же заметны и связаны, в основном, с негативными последствиями от присоединения к ЕС других развивающихся стран:

- Жесткие стандарты качества, не позволяющие новым участникам европейского союза завоевать свою долю рынка;

- Большинство государств-членов претерпели негативные изменения во всех сферах экономики;

- Румыния потеряла около 15% населения после вступления в ЕС. Оставшееся население высказывается против деятельности НАТО. 40% населения живут за чертой бедности;

- 80% рынка Болгарии занято импортируемыми из Европы товарами, которые оказываются дешевле отечественных, тем самым вытесняют их с внутреннего рынка;

- Балтийские страны пострадали от роста цен на энергоресурсы и пищевые продукты, уровень инфляции возрос, сокращается процент работоспособного населения;

- Польша потеряла 90% угольных предприятий, которые составляли основу польской экономики;

- Большими темпами увеличивается отток населения и квалифицированной рабочей силы из стран Восточной Европы.

Соответственно, для Республики Молдова последствия могут быть столь же негативными:

- В связи с европейской стандартизацией в производственной и аграрной политике, Молдова вынуждена будет увеличить цены на отечественные товары, и как следствие, данные товары потеряют конкурентоспособность в сравнении с импортируемыми;

- Требования к транспортным средствам, которые выезжают за пределы Молдовы могут оказаться настолько жесткими, что большая часть из них будет вынуждена покинуть рынок;

- Массовая миграция рабочей силы остановит валютные поступления в страну, что еще больше усугубит состояние национальной экономики;

- Жесткие нетарифные ограничения заставят многих производителей сельскохозяйственной продукции покинуть рынки.

Республика Молдова за последние два года уже ощутила негативные последствия от подписания соглашения об ассоциации, а именно:

- Вместо ожидаемого роста экспорта, в первом квартале 2016 года наблюдается снижение его объема на 7%;

- Рост импортируемых товаров поставил под удар продукцию отечественных производителей, а это в свою очередь привело к ухудшению экономических показателей;

- Молдова потеряла большую долю Российского рынка, тем самым экспорт в Российскую Федерацию сократился на 40%;

- Одним из наиболее существенных недостатков является негативное сальдо платежного баланса страны. Так, в 2015 году сальдо между притоком валюты в Молдову и оплата импорта составила - 600 млн. долларов США.

В связи с этим, становится очевидным, что ориентация на Европейский рынок оказывает в значительной степени негативное влияние на экономику Республики Молдова. Отечественные товары не могут конкурировать с европейскими, а законодательство ЕС не способствует улучшению ситуации, обязуя всех участников союза следовать единым стандартам. Как следствие, Республика Молдова теряет намного больше от перспективы вступления в Евросоюз, к тому же, традиционно экспорт товаров осуществлялся в основном на евразийском пространстве, что в большей степени способствовало развитию страны без ущерба в какой бы то ни было отрасли экономики.

Республика Молдова и ЕАЭС

Образовавшийся в 2014 году Евразийский экономический союз представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции. Данная организация была учреждена договором о Евразийском экономическом союзе и

обеспечивает свободное перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капитала, что в свою очередь призвано укрепить экономики стран-участниц и повысить их конкурентоспособность на мировом рынке. На данный момент участниками союза являются: Российская Федерация, Казахстан, Армения, Белоруссия и Киргизия.

ЕАЭС оказывает благоприятное влияние на внешнеэкономические связи стран-членов, обеспечивая рост экспорта товаров, снижение тарифов на импорт и давая возможность развиваться мелкому и среднему предпринимательству. Естественно, необходимо учитывать, что успех участия государства в деятельности ЕАЭС или другого экономического союза, напрямую зависит от макроэкономических показателей страны, потому что любой интеграционный процесс в той или иной степени оказывает влияние на внутреннее устройство страны. Следовательно, принимая решение о присоединении к ЕАЭС, необходимо рассмотреть каковы преимущества и недостатки данного экономического объединения для национальной экономики.

В настоящий момент, одной из основных задач для Республики Молдова в сотрудничестве с ЕАЭС являются переговоры о присвоении государству статуса наблюдателя. В прошлом, Молдова уже являлась наблюдателем данного экономического сообщества, но утратила это положение в связи с подписанием Соглашения об Ассоциации с ЕС в 2014.

В современных условиях четко прослеживаются недостатки экономического развития Республики Молдова, которые в той или иной степени не позволяют ей получить достойную часть мирового рынка: это и низкая производительность труда, высокие тарифы на любые виды энергии, неразвитая финансовая структура, неэффективная производственная среда сельского хозяйства, неконкурентоспособность экономики, неразвитый рынок капитала и др.

Это лишь малая часть тех проблем, которые должны быть решены, прежде чем страна сможет стать конкурентоспособным членом экономического объединения. Фактически, Республика Молдова выиграет гораздо больше от присоединения к ЕАЭС,

ведь большинство мигрантов из Молдовы работают в странах СНГ и, несмотря на гранты и кредиты, выдаваемые Евросоюзом и Международным Валютным Фондом, большая часть денежных переводов осуществляются также из стран содружества. Нельзя не отметить тот факт, что, будучи еще в составе СССР, Молдова значительно выделялась своим научно-техническим, экономическим и технологическим потенциалом, поставляя на рынки сельскохозяйственную продукцию, вино коньячные и табачные изделия и т. д. Соответственно, используя исторически сложившиеся хозяйственные и экономические связи, Республика Молдова больше выигрывает от внешнеэкономической деятельности в Евразийском регионе.

Таким образом, можно выделить следующие преимущества от вступления Молдовы в ЕАЭС:

- Основное преимущество состоит в возможности урегулировании Приднестровского конфликта, еще более усугубившегося после подписания соглашения об ассоциации с ЕС;
- Защита рыночных и экономических интересов. ЕАЭС представляет собой союз развивающихся государств, это позволит в первую очередь сосредоточить усилия на проведение реформ, необходимых для полноценного развития страны;
- Отсутствие таможенных пошлин, экономических ограничений унифицированных санитарных норм, что позволит Республике Молдова не ограничивать работу отечественных производителей;
- ЕАЭС не предусматривает политическую интеграцию, а преследует объединение на добровольных началах, сохранение принципов равенства, невмешательство во внутренние дела каждого отдельно взятого государства, что позволяет сохранять суверенитет и неприкосновенность границ каждого государства в рамках союза, и носит лишь экономический характер;
- В значительной степени сниженные тарифы на поставляемый газ, снижение тарифов в энергетическом секторе;
- Возможное использование Молдавской государственной тепловой электростанции, что позволит удовлетворить внутренние потребности населения;

- Усовершенствованная образовательная перспектива для молодежи, что позволит им без различного рода ограничений принимать участие в образовательных программах ЕАЭС;

- Сотрудничество с ЕАЭС поможет Молдове привлечь иностранных инвесторов для улучшения бизнес-среды и восстановить потенциал отечественных предприятий;

- Увеличение объемов экспорта, особенно в краткосрочной и среднесрочной перспективе;

- При вступлении в ЕАЭС целесообразно ожидать увеличение уровня дохода государственного бюджета;

- Увеличение поставок агропромышленной продукции на рынки евразийского региона, что приведет к увеличению объемов их производства и как следствие к увеличению прибыли;

- Перспективы в образовании новых промышленных производств путем создания совместных предприятий или филиалов, действующих на рынке ЕАЭС;

- Свободное перемещение квалифицированной рабочей силы и создание рабочих мест в Молдове;

- Рост числа транспортных перевозов вследствие увеличения взаимного товарооборота;

- Привлечение инвестиций для развития транспортной инфраструктуры Республики Молдова;

- Включение Молдовы в транспортные коридоры Евразийского союза;

- Приток денежных переводов в страну от трудовых мигрантов и т.д.

Необходимо отметить, что сотрудничество в рамках Евразийского союза влечет определенные проблемы в отношениях Молдовы с Западом.

- Денонсация Соглашения об Ассоциации с ЕС приведет к сокращению объемов во внешней торговле между Молдовой и Евросоюзом, а также увеличению цен на ряд импортируемых из ЕС товаров вследствие повышения уровня таможенных пошлин;

- Являясь членом ВТО, Молдова имеет ряд обязательств, таким образом, получение статуса наблюдателя и последующее

вступление в ЕАЭС возможно только в случае достижения договоренностей об уровне таможенных ограничений в отношении третьих стран;

- Одним из существенных препятствий для Республики Молдова является отсутствие границ со странами-участницами ЕАЭС, что создает дополнительные трудности при транзите товаров через территорию Украины;

- В случае вступления в ЕАЭС, возможно прекращение финансирования сферах энергетики, транспорта и т.п. со стороны Евросоюза;

- Снижение притока иностранных инвестиций с запада, а также, сравнительно небольшой приток инвестиций из стран ЕАЭС, что обусловлено состоянием бизнес-климата в этих странах и т.п.

Выводы. Очевидно, что, несмотря на существующие трудности, положительный эффект в большей степени будет превосходить недостатки участия Республики Молдова в Евразийском экономическом союзе. В значительной степени можно ожидать укрепления энергетической безопасности, развития внешнеторговых отношений, увеличения объемов экспорта и увеличения объемов отечественных товаров на внутреннем рынке, стабильного притока денежных переводов в государственный бюджет, улучшения положения сельскохозяйственного сектора и возвращение доли российского рынка.

Важно понимать, что положительный эффект для Республики Молдова возможен лишь при проведении эффективной внешней и внутренней экономической политики и определении тех стратегических целей и задач, которые в наибольшей степени позволят раскрыть потенциал Республики Молдова, а также обеспечат ее экономическую безопасность, стабильное развитие и конкурентоспособность на мировом рынке.

Библиография

1. Соглашение об Ассоциации с ЕС. Электронный ресурс: режим доступа [http://www.gov.md/europa/sites/default/files/_-.pdf]
2. Акимова М.В. Перспективы расширения Таможенного Союза ЕврАзЭС на постсоветском пространстве. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. Выпуск № 11 / 2013.
3. Возможные последствия для Молдовы создания зоны свободной торговли с ЕС и Турцией. Электронный ресурс: режим доступа [http://www.noi.md/ru/news_id/48994]
4. ЕАЭС. Электронный ресурс: режим доступа [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Евразийский экономический союз](https://ru.wikipedia.org/wiki/Евразийский_экономический_союз)]
5. Эффекты присоединения Молдавии к Таможенному союзу и ЕЭП: аналитический доклад. Электронный ресурс: режим доступа [<https://regnum.ru/news/1856790.html>]

IMPACTUL TURISMULUI CULTURAL ASUPRA CREȘTERII MÂNDRIEI NAȚIONALE, A PATRIOTISMULUI ȘI STATALITĂȚII

*Alexandru GRIBINCEA, doctor habilitat în științe economice,
profesor universitar, ULIM
Hani ZEADI, manager, Israel
Nimer HAMAD, manager, Israel*

Rezumat

Asupra formării valorilor morale ale societății o influență prioritară îi revine culturii, mândriei naționale, patriotismului, mass-media, și în special a turismului cultural. Problemele etno-culturale și dezvoltarea conștiinței naționale capătă o semnificație deosebită în profunzimea înțelegerii sociale și filosofice. Acesta este conectat cu procesele socio - politice, istorice și culturale, care au loc în prezent în țară – avantajele economice, competitivitatea social-economică. Mândria națională - unul dintre tipurile de atitudini pozitive sociale (atitudine), vizând țara în ansamblu sau realizările sale concrete. Specificul mândriei naționale este legat de contextul său comunicativ, deoarece mândria este un mesaj adresat altora pentru aprobare. În cazul mândriei naționale, important este aprecierea oamenilor din alte țări. A fi patriot, nu înseamnă doar a ne declara, ci de a ne comporta în anumite situații, pe baza unor principii morale înalte, care alcătuiesc sentimentul de patriotism, dragoste față de patria lor, să fie pregătită să lupte pentru ea pentru atingerea victoriei. Cum se pot combina toate aceste componente pentru a atinge scopurile societății. Autorii înaintează ipoteza că acesta poate fi atins prin sporirea atractivității cultural-turistice, prin anumite elemente ale dezvoltării turismului cultural.

***Cuvinte-cheie:** turism cultural, creșterea economică, mândrie națională, patriotism, statalitate*

THE INFLUENCE OF CULTURAL TOURISM ON THE FORMATION OF NATIONAL PRIDE, PATRIOTISM AND STATEHOOD

Abstract

A great influence on the formation of moral values of society belong to culture, national pride, patriotism, media and in particular to cultural tourism. Ethno-cultural issues and developing national consciousness acquires special significance in social and philosophical depth of understanding. It is connected with socio - political, historical and cultural processes that currently take place in the country. National pride is one of the types of positive social attitudes regarding the country as a whole or

its concrete achievements. Specifics of national pride is related to its communicative context, because pride is a message to others for approval. In case of national pride, the appreciation of the people from other countries is important. The authors forward the hypothesis that this can be achieved by increasing the attractiveness of cultural tourism by certain elements of cultural tourism development.

Keywords: *cultural tourism, economic growth, national pride, patriotism, statehood*

Introduction. In the scientific literature there are different interpretations of the concept of "cultural tourism", which is associated with a research perspective, given by the disciplinary boundaries. The most common is the definition of cultural tourism as a form of social and cultural activities of man: "Cultural and educational tourism is a journey to learn about the cultural, historical and architectural values of the region, as well as local traditions and handicrafts." As noted by a number of authors, cultural tourism can be defined as the movement of citizens outside the permanent place of residence: the cultural sights, historical heritage sites, trips to festivals, folk festivals and with the nature of the study objectives, art, pilgrimage.

The purpose of the study is to analyze the impact of cultural tourism on the increase tourist attractiveness, improving the country's image, national pride, patriotism and statehood.

Research and analysis. Any kind of tourism to a certain extent, is cultural, because during the trip the tourist is influenced by unusual social and cultural environment. Accordingly, in this case we are talking about the cultural aspect of the impact of tourism - "the impact that tourism has on the material and spiritual spheres of human activity and, above all, in his system of values, knowledge, and social behavior."

Cultural tourism is tourism for the purpose of acquaintance and knowledge of cultural heritage of different countries and peoples. However, historical monuments, memorial sites, crafts, museums, objects of material and spiritual culture - this is only part of the resources. All socio-cultural environment with traditions and customs, especially domestic and economic life may also be of interest to tourists. In addition, the base of Cultural Tourism are spheres of cultural institutions and cultural processes. Thus, the overall atmosphere is

created by a whole sum of factors including terrain, climate and even the way of communication of local residents. A special attraction of tourism gives the opportunity to get the aesthetic, emotional feelings. The historical and cultural environment of the human delay in their unusual world.

Therefore, the basic condition for the development of cultural tourism is a historical and cultural potential: this or that country, the national heritage of the people, the whole tourism resources located in a specific area.

It is a historical and cultural monuments, historical areas, architectural complexes, crafts and other objects and cultural processes. The main motive appears "need of spiritual development and spiritual appropriation of a culture of peace, direct realization and experience different cultures in various places, when seen in person forever becomes the property, accessory thoughts and feelings tourists, pushing the horizons of his world"

Currently, the international community clearly traced the processes of globalization and internationalization, on the one hand, and increased competition and market saturation of the same type of products, on the other. However, many researchers tend to believe that in terms of cultural 'globalization - a dead-end path of development of mankind, "or, at least, that globalization, understood as the disappearance of nation states and unifying culture," it is still very, very far away"[5].

Changing conditions are reflected in all spheres of public life. Thus, for example, comes to the fore to ensure that the quality policy as a whole current and future needs of the individual, society and the state [2]. The cultural policy of the regions, in addition to these fundamental changes, there has been growth of the tourist offer in general and the development of cultural tourism in particular.

In connection with this problem is updated to create a favorable image of a specific region in the tourist market, the solution of which is possible by drawing attention to the national historical and cultural heritage of the area. This article is an attempt to identify the most important factors for the development of cultural tourism and, conse-

quently, the formation of positive image of the region on the tourist market.

Cultural tourism is of great importance for the effective implementation of the objectives of cultural policy, as it is intended to serve as a statement of the ideals of tolerance in society, respect, acceptance and appreciation of the rich diversity of world cultures as a whole. This is certainly consistent with the objectives of cultural policy in the broad sense, because the interaction of the government, non-state actors, such as political parties, religious denominations, associations, and individuals or social groups focused primarily on the cultural development of society.

Cultural contacts of this kind are carried out in a series of cross-cultural projects of UNESCO (UNESCO) and the World Tourism Organization UNWTO (UNWTO). Among them are also major long-term inter-regional projects to develop cultural - historical routes like "Silk Road" and the "Slave Route", the first of which takes part, and Republic of Moldova [8].

Another leading organization in the field of cultural tourism is the ICOMOS (ISOMOS). According to the documents of the international board, cultural tourism is a "small segment of the market, well organized, informative or educational, and often elitist character, dedicated to the presentation and interpretation of cultural ideas" [1]. Therefore, the main purpose of the Council's activities is support for the idea and methods of protection of monuments and sites.

Activities of international organizations, in particular UNESCO, ICOMOS and UNWTO, on the protection and preservation of cultural and historical sites is actually based on the principles of the Global Code of Ethics for Tourism and the Tourism Charter. According to the documents, cultural tourism assumes familiarity with the customs of the local population and its traditional and religious activities, sacred sites and shrines; artistic, archaeological and cultural values - with all sides of culture that are part of the heritage of humanity.

Development of cultural tourism, in fact, is impossible without cultural heritage, as it involves the use of historical and cultural potential of the country. Historical and cultural resources include the

socio-cultural environment with traditions and customs, especially in the home and business. One of the most important mass of cultural tourism development conditions of a certain concentration of cultural heritage. Another important factor is to attract attention to the cultural heritage through its intelligent and creative organization. The main methods of evaluation of cultural facilities for tourist purposes may include timing that must be expended for the inspection of certain sites, identifying the most important for the world of culture cultural heritage among the available in a particular area, and a comparative analysis of the different areas in terms of their prospects and the size of their potential as a whole [3].

It should also be noted that the idea of the value of cultural complexes may differ from the professionals involved in the conservation, evaluation and updating of cultural heritage and tourist destination, getting acquainted with it. As for the tourists play an important role in the first place, the availability of cultural heritage, such as availability of convenient amenities excursion routes of excursion routes, and secondly, the level of general education and culture tourists and, of course, many other factors. That is why the main objective of the cultural policy in this area is not only the creation of a favorable image of the region itself, but also the formation of stable positive and respect for the specific cultural heritage for a long time [7].

So, the main purpose of cultural tourism is familiar with the architecture, painting, music, theater, folklore, traditions, customs, way of life and style of people - the culture and history of the country. The concepts of "cultural tourism", "educational tourism" in the international tourism are combined for this purpose and are rather traditional. UNESCO, for example, considers cultural tourism as a separate species, taking into account the culture of other nations [4].

Activities of international organizations, in particular UNESCO, ICOMOS and UNWTO, on the protection and preservation of cultural and historical sites is actually based on the principles of the Global Code of Ethics for Tourism. This code is important for historical and cultural potential of the country as regards tourism as a factor in individual and collective fulfillment (article 2), a factor of sustainable

development (article 3), a beneficial activity for host countries and communities (article 5).

The Global Code of Ethics for Tourism, which consists of ten articles, proclaims the right to tourism and the freedom of tourist movements, in particular: considering obligations of participants in tourism development (article 6); the rights of workers and entrepreneurs tourism industry (article 9); the right to tourism as "the ability to directly and personally to discover and enjoy the sights of the world" (article 7).

According to the Global Code of Ethics for Tourism, not only uses the cultural heritage, but also makes a significant contribution to its enrichment. Since Article 4 emphasizes respect for the objects "in order to protect and preserve for future generations' heritage. Consequently, cultural tourism as a whole contributes to the preservation and prosperity of traditional crafts, culture and folklore and counteracts their standardization.

Another legal act, zatarivatsya questions about the relationship of cultural heritage and tourism, is approved by resolution I VI session of the General Assembly of the World Tourism Organization 22 September 1985 Tourism Charter. According to Article VI of the Charter, cultural tourism assumes familiarity with the customs of the local population and its traditional and religious activities, sacred sites and shrines; artistic, archaeological and cultural values - with all sides of culture that are part of the heritage of humanity.

When forming a positive and lasting image of cultural and historical monuments of great importance and use of the specificity of different types of cultural tourism. So, depending on the specificity and uniqueness of cultural heritage, the following are the types of cultural tourism, as a cultural and historical, cultural and event-cultural-religious, cultural, archaeological, cultural, ethnic, cultural, ethnographic, cultural - ecological and others [6].

Conclusions. Thus, the combination of rest with the knowledge of the life of other people brings great humanitarian potential, which includes the moral, spiritual, intellectual and artistic aspects of human life. [8] Increase in the number of cultural contacts

in the region, on the one hand, it contributes to the spread of information about the historical and cultural potential and attract potential tourists, and on the other hand, involves the growth of self-consciousness of the people, increased interest in culture in general.

Thus, the above analysis leads to the conclusion that the potential of historical and cultural tourism is crucial to the successful implementation of cultural policy in general, as the use of specific features of various kinds of cultural tourism, in particular, ethnographic, cultural, ethnic, cultural, religious, cultural-anthropological, cultural and environmental, contribute to the implementation of inter-regional projects and a broad intercultural interaction.

Bibliographie

1. Belskaia S.A. To the problem of international system creation devoted to cultural heritage estimation. <http://human.snauka.ru/2013/04/2621>
2. Declarația privind politica și obiectivele în domeniul calității și securității informației. <https://www.cia.md/ro/nocategory/iso>
3. Iorgulescu Filip. Abordări privind evaluarea și valorificarea patrimoniului cultural. *Economie teoretică și aplicată*. Volumul XVIII (2011), No. 12(565), pp. 13-31.
4. Legea Nr. 58 din 29.03.2012 privind protejarea patrimoniului cultural imaterial Publicat: 20.04.2012 în Monitorul Oficial Nr. 76-80 art Nr.: 255.
5. Lupan M. Globalizarea economiei. Suceava: Universitatea „Ștefan cel Mare”, 2009.
6. Onica Dorina. Peisajul cultural rural dintre Prut și Nistru (sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului al XXI-lea). Chișinău: ASRM, 2016, pp.
7. Păstrarea patrimoniului cultural istoric al moldovei, o provocare a modernității. <http://www.patrimoniuiaterial.md/>
8. R. Moldova, interesată de „Drumul Mătăsiilor”. Ce planuri comune își face cu China. <http://www.ziarulnational.md/r-moldova-interesata-de-drumul-matasii-ce-planuri-comune-isi-face-cu-china/>

CERCETAREA ȘI INOVAREA: FACTORI-CHEIE ÎN SPORIREA COMPETITIVITĂȚII PRODUSELOR MOLDOVENEȘTI PE PIAȚA INTERNAȚIONALĂ

*Petru ROȘCA, doctor habilitat în științe economice,
profesor universitar, ULIM*

*Alexandru GRIBINCEA, doctor habilitat în științe economice,
profesor universitar, ULIM*

Rezumat

În acest articol sunt examinate diverse aspecte ale activității inovaționale la nivel macro, micro- și necesitatea de a dezvolta activitatea inovațională la întreprindere; etapele de inovare tehnologică; factorii care determină nivelul de inovare tehnologică; modalități de obținere a costurilor mai reduse în același timp inovatoare un produs nou; indicatori și criterii de estimare a nivelului calitativ al unui produs nou; stimularea procesului de inovare la întreprindere etc. Concluziile și propunerile vor contribui la dezvoltarea cercetării - activitatea de dezvoltare ca factor decisiv al dezvoltării economice.

***Cuvinte-cheie:** inovare, dezvoltare, creativitate, cercetare, avantaje, competitivitate, imaginea țării*

RESEARCH AND INNOVATION - A KEY LINK IN MOLDOVAN GOODS' COMPETITIVENESS GROWTH ON THE WORLD MARKET

Abstract

In this article various aspects of innovational activity at micro- and macro level are examined: necessity to develop innovational activity at the enterprise; stages of technological innovation; factors which determine the level of technological innovation; modes of obtaining lower costs while innovating a new product; indicators and criteria of estimating the qualitative level of a new product; stimulation of the innovation process at the enterprise etc. Formulated conclusions and proposals will contribute to development of research-and-development activity as a decisive factor of economic development.

***Keywords:** innovation, development, creativity, research, advantages, competitiveness, the country's image*

Introducere. Procesele de globalizare a economiilor naționale obligă unitățile economice la orientarea inovării tehnologice spre proiectarea și utilizarea eficientă a strategiilor tehnologice bazate pe cunoașterea instrumentelor de gestionare a propriilor resurse tehnologice. Acest lucru le permite cunoașterea cu exactitate a posibilului avans tehnologic al concurenților, astfel încât, întreprinderea să ia la timp cele mai adecvate măsuri pentru încorporarea de noi tehnologii în dezvoltarea propriilor produse sau procese și creșterea competitivității. O gestionare corectă a activității de cercetare-dezvoltare în colaborare cu instituțiile de cercetare, permite întreprinderii să pună la punct tehnologii mult mai eficiente. La nivel internațional se observă o accelerare continuă a schimbărilor tehnologice, scurtarea ciclului de viață a noilor produse, ceea ce, implică un risc ridicat al tehnologiilor existente și pune în evidență importanța unui management eficient al procesului de inovare tehnologică. Aceasta are menirea de a permite întreprinderii să dezvolte și să utilizeze noi tehnologii pentru a-și putea consolida poziția pe piață.

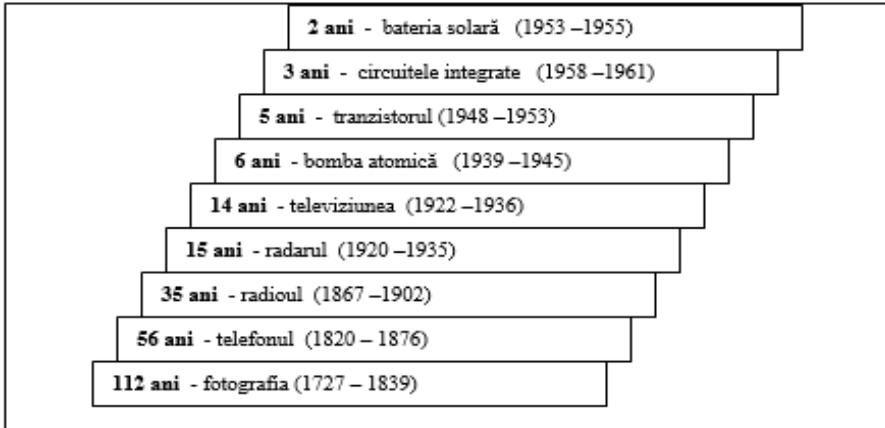
Scopul cercetării constă în dezvoltarea tendințelor și proceselor de cercetare și inovare în sporirea competitivității economiei naționale, creșterea imaginii țării și creșterea mândriei de țară.

Metodologia cercetării include metode de analiză, comparație, inducție, deducție etc.

Rezultate și analiză. *Micșorarea timpului de implementare a inovațiilor.*

În domeniul cercetărilor de specialitate găsim frecvente afirmații legate de micșorarea timpului scurs de la apariția unei descoperiri științifice și până la îndeplinirea unor aplicații practice ale acesteia. Putem afirma că în cazul fotografiei respectivul interval de timp a fost de 112 ani (în anul 1727, fizicianul german *J.H. Schulze* descoperă sensibilitatea la lumină a azotatului de argint, dar, în mod convențional, se consideră că apariția fotografiei s-a realizat în anul 1839, când francezul *D.F. Arago* a prezentat o comunicare asupra unor experimente reușite, concepute de către *Nicephore Niepce* și *Louis Jacques Daquere*, cu circa 2 ani înainte), pentru tranzistor, acest interval a fost de 5 ani (1948-1953), iar pentru bateria solară, de 2 ani (1953-1955). Asemenea fapte (fig. 1)

evidențiază interesul societății de a exploata cât mai devreme rezultatele noilor descoperiri și orientarea constantă a cercetărilor tehnice spre materializarea unor asemenea tendințe.

Fig. 1. Micșorarea perioadei scurse de la descoperirea unui fenomen și până la utilizarea sa în practică

Sursa: prelucrare după [10]

Necesitatea dezvoltării activității inovative la întreprindere

Inovarea este o componentă specifică a evoluției societății umane. În cazul unei întreprinderi, înțelegerea semnificației procesului de inovare presupune respectarea unor cerințe de calitate ce se modifică aproape continuu, cunoașterea etapelor ce însoțesc lansarea unui nou produs. În procesul inovativ, un rol însemnat revine inginerului, fiind necesară o bună pregătire a acestuia, pentru a face față, în condiții cel puțin acceptabile, diversității și complexității problemelor ce pot să apară.

Este absolut clar că orice produs poate avea succes dacă el poate suporta competitivitatea pe piață, ceea ce presupune *capacitatea de a face față unei competiții, deci de a dispune de însușiri cel puțin similare celor ale adversarilor cu care se concurează*. Deci, pentru întreprindere asta înseamnă a fabrica un produs ale cărui proprietăți să corespundă maximal cerințelor clientului, un produs care să fie agreat de către clienți, în cursa pentru câștigarea încrederii acestora.

După opinia specialiștilor în domeniu [10, p.33], există trei grupe de factori care contribuie la sporirea competitivității:

1) *Factori inovatori în sens restrâns* sau *inovarea proceselor și a produselor*, care dețin o pondere de circa 45 % din factorii ce asigură performanța competitivității;

2) *Factori inovatori în sens larg*, care nu sunt direct dependenți de schimbările tehnologice, dar sunt de natură organizatoric – managerială și au o pondere de circa 29,4%. Aceștea sunt: a) diverse inovări la nivelul societății comerciale; b) unele inovări ale produsului de natură netehnologică (de exemplu, construirea unui stil propriu firmei); c) inovări în organizarea producției, altele decât cele privind tehnologia); d) inovări în metodele de gestionare a producției.

3) *Alți factori*, neincluși în grupele anterior menționate, cărora le revine circa 25,5%. Aici se referă: existența unor cunoștințe asupra situației pieței; disponibilitățile oferite de rețelele de distribuție eficiente și corespunzător amplasate; existența capitalului uman; a capitalului financiar; costul împrumuturilor; costul unitar al muncii; contextul social-politic; o economie în creștere; politica publică; regimul tarifar etc.

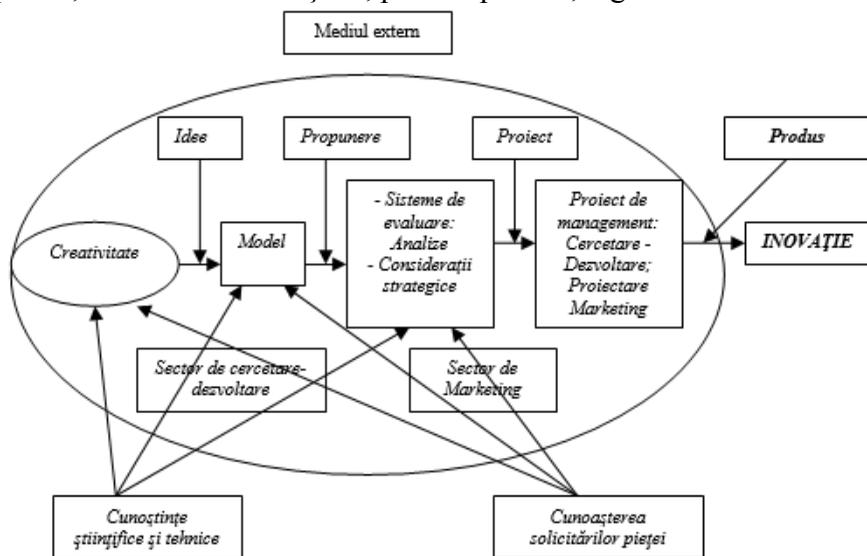

Fig. 2. **Dezvoltarea unei acțiuni inovatoare**
Sursa: Prelucrare după [2]

De menționat, rolul important acordat *inovării, atât de natură tehnologică cât și netehnologică*, în constituirea competitivității unui produs sau unei firme. Dezvoltarea unei inovări devine un proces complex, întreprinderea primind informații de natură tehnico-științifică și de piață și trebuind să reacționeze în mod adecvat, oferind produse care să răspundă mai bine solicitărilor clienților (fig. 2).

Procesul de evoluție a unei inovații tehnologice la întreprindere, după opinia lui *Emilio Esposito* [4, p.77-78], se caracterizează prin existența a șase etape (faze) cu conexiunile respective care sunt redată în fig. 3:

- 1) Recunoașterea unei oportunități;
- 2) Formularea unei idei (constituirea unui concept);
- 3) Rezolvarea unor probleme tehnice și de piață;
- 4) Realizarea prototipului;
- 5) Dezvoltarea comercială;
- 6) Omologarea și/sau generalizarea tehnologiei.

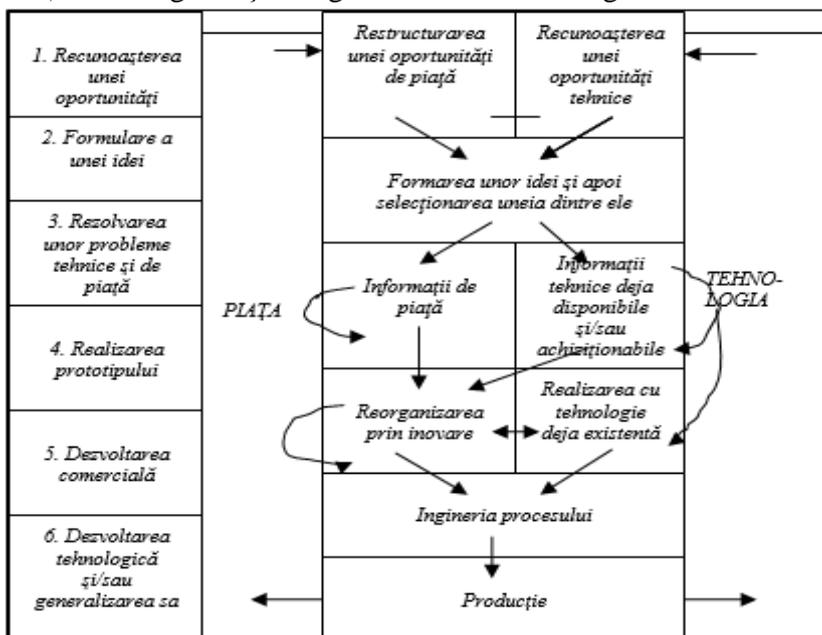

Fig. 3. Faze și conexiuni în cadrul unui proces de inovare (modelul Esposito).

Sursa: Prelucrare după [7]

Analiza activității inovative la întreprindere necesită de a lua în considerare o multitudine de factori de care depinde nivelul inovării tehnologice a unui produs și care, totodată, determină eficiența întreprinderii. Acești factori pot fi grupați în modul următor [10, p.89]:

a) *factori ce țin în mod intrinsec de întreprindere* (acceptare a manifestărilor cu caracter inovativ, capacitate de marketing, condiții de fabricație, disponibilități financiare interne, obiective strategice, flexibilitatea structurii organizatorice, capacitate de proiectare tehnologică, obiective concrete pe care și le propune managerul sau echipa de manageri etc.);

b) *Factorii legați de politica industrială* (existența factorilor de muncă având calificări adecvate, disponibilitățile financiare din afara întreprinderii, cererea publică, existența unor reglementări și/sau a unor norme în domeniu, măsura în care este susținut sectorul de cercetare– dezvoltare etc.);

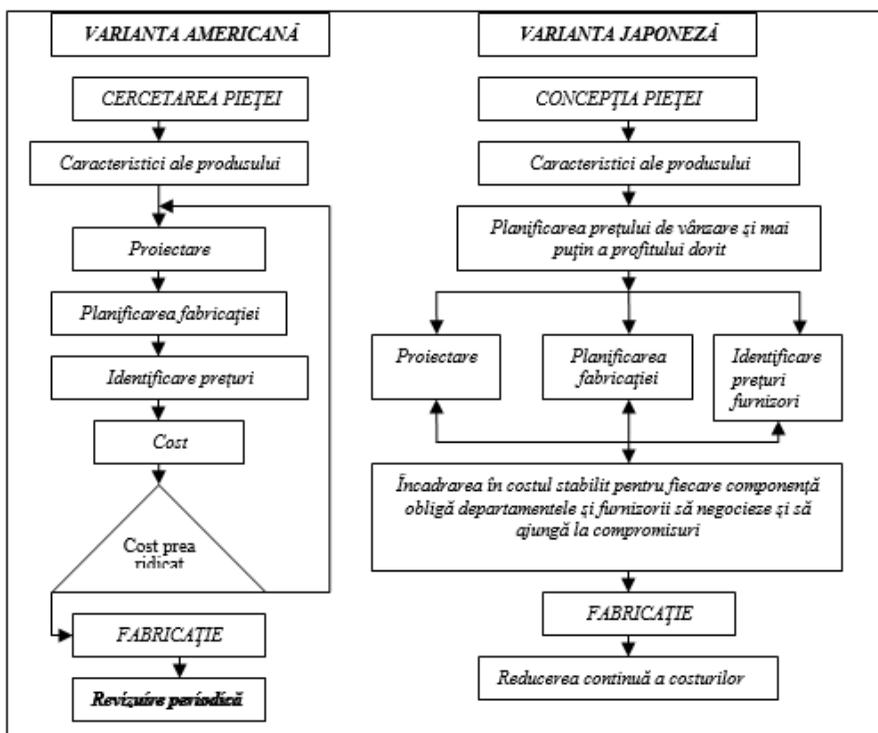
c) *Factorii ce definesc piața și condițiile de mediu* (existența concurenței, solicitările pieței, furnizorii, relațiile cu alte întreprinderi, existența unui climat favorabil procesului de inovare);

Tabelul 1. Caracteristici ale întreprinderilor din punct de vedere al atitudinii adoptate față de un proces inovativ [1]

Caracteristică	Tipul întreprinderii			
	Conservatoare	Stabilizată	Deschisă	Exagerat inovatoare
Structură	<i>Birocratică</i>	<i>Parțial birocratică</i>	<i>Parțial birocratică</i>	<i>De tip colegial</i>
Mod de conducere	<i>Închis pentru noutăți</i>	<i>Lipsit de entuziasm față de noutăți</i>	<i>Acceptând noutățile</i>	<i>Susținere a introducerii noutăților</i>
Eficiență	<i>Redusă</i>	<i>Medie</i>	<i>Înaltă</i>	<i>Medie sau redusă</i>
Comportare generală	<i>Ostilă noutăților, inovare lentă</i>	<i>Se adaptează ușor la noutățile ce conduc la efecte sigure, inovare cu ritm mediu</i>	<i>Acceptare a noutăților, inovare cu ritm mediu</i>	<i>Adoptare a noutăților fără a lua în considerare riscurile, inovare intensă</i>

În depedență de prezența factorilor menționați pot fi determinate patru categorii de întreprinderi: *întreprinderi conservatoare; întreprinderi stabilizate; întreprinderi deschise și întreprinderi exagerat inovatoare*. Câteva caracteristici ale acestor categorii de întreprinderi pot fi observate în tabelul 1.

Prezintă interes experiența firmelor americane și a celor japoneze privind modalitățile de obținere a costurilor scăzute în procesul de inovare a unui produs care poate fi caracterizat în baza datelor prezentate în fig. 4.

Fig. 4. Modalități de obținere a costurilor scăzute în varianta americană și în varianta japoneză

Sursa: Prelucrare după [10]

După cum observăm, în exemplul american se au în vedere cu precădere *interesele clienților* („*clientul nostru – stăpânul nostru*”), iar în Japonia se pune accent în primul rând pe *cerințele producătorului* [10, p.137-138]. Dacă în SUA inovarea vizează preferențial produsele și micșorarea costurilor, în Japonia nu se neglijează gradul de ocupare a forței de muncă disponibile, această din urmă problemă fiind considerată ca un aspect de importanță națională. În SUA, condițiile de conducere ale firmelor – existând în condițiile unui acționarizat difuz – au drept principal obiectiv obținerea profitului într-un termen cât mai scurt și creșterea, ca atare, a valorii acțiunilor; în Japonia o asemenea preocupare este considerată de ordin secundar.

Estimarea nivelului calitativ al unui produs nou

În promovarea unor noi produse, își poate dovedi eficiența o evaluare prealabilă a nivelului calitativ, cunoscând faptul că *un client este dispus să cumpere un produs atunci când raportul calitate/preț se încadrează între anumite limite*, ceea ce presupune, implicit, și acceptarea produsului unei anumite fiabilități [10, p.149].

Pentru estimarea nivelului calitativ al unor produse noi, pot fi utilizați unii indicatori de forma [11]:

$$d_{j1} = X_{j0} - X_{j1}, \quad j \in S_1 \quad (1)$$

$$d_{j1} = X_{j1} - X_{j0}, \quad j \in S_2 \quad (2)$$

$$d_{j2} = X_{j1} / X_{j0}, \quad j \in S_3 \quad (3)$$

$$d_{j2} = X_{j0} / X_{j1}, \quad j \in S_4 \quad (4)$$

în care X_{j0} este valoarea de referință a capacității j , X_{j1} – valoarea aceleiași caracteristici luate în considerare în faza de proiectare, S_1 – submulțimea caracteristicilor optimizate prin maximizare, S_2 – submulțimea caracteristicilor optimizate prin minimizare, d_{j1} fiind un centru de grupare, iar d_{j2} – o utilitate $u(j)$.

Nivelul global al concordanței caracteristicilor unui produs nou cu cerințele poate fi evaluat cu ajutorul relațiilor:

$$N_1 = \sum_{j \in S_1} a(j) u(j) + \sum_{j \in S_2} a(j) u(j) \quad (5)$$

sau
$$N_2 = \prod_{j \in S_1} u(j) a(j) \prod_{j \in S_2} u(j) a(j) \quad (6)$$

în care a_j sunt *coeficienții de elasticitate* sau *probabilitățile* atribuite pe cale intuitivă ($\sum_j a_j = 1, j \in \{S_1 \cup S_2\}$).

Relațiile anterioare pentru calculul nivelului global al concordanței caracteristică – cerințe sunt valabile atunci când indicatorii d_1 și d_2 se definesc pe mulțimea numerelor reale și când sunt acceptate axiomele *von Neumann – Morgenstern*:

$$u(A) > u(B), A > B \quad (7)$$

$$\text{și} \quad u(P(A), A; P(B), B) = P(A) u(A) + P(B) u(B), \quad (8)$$

în care A și B sunt evenimentele direct comparabile, $u(A)$ și $u(B)$ sunt utilități, $P(A)$ și $P(B)$ – probabilități complementare.

Așadar, înainte de a se trece la materializarea unei inovări, mai ales atunci când aceasta are o anumită anvergură, este necesară o evaluare a consecințelor pe care le va genera. În literatura de specialitate [5] se recomandă de a aplica următorii criterii de evaluare a progresului tehnologic:

1) *Timpul în care se produce extinderea unei noi tehnologii într-un anumit sector industrial;*

2) *Durata de înlocuire*, adică intervalul de timp în care se înregistrează, practic, înlocuirea unui produs sau a unui proces cu un altul nou.

În mod convențional, timpul de înlocuire corespunde intervalului de timp în care o tehnologie sau un produs înregistrează, într-un anumit domeniu, o creștere pe piață de la o pondere de 10% la 90%. De exemplu, durata de înlocuire a cauciucului natural de către cauciucul sintetic a fost de 58 de ani, în timp ce pentru calculatoarele electronice sau pentru unele produse software această durată a ajuns la 1,5 ...3 ani. În tabelul 2 sunt date unele informații în legătură cu duratele de înlocuire a anumitor categorii de produse.

d) *Frecvența introducerii de inovații tehnologice* (de exemplu, numărul acțiunilor inovative finalizate în decurs de un an);

e) *Intervalul de timp scurs între momentul apariției unei investiții și cel al comercializării unui produs bazat pe invenția respectivă.* E știut că nu orice invenție brevetată sau susceptibilă de brevetare este generatoare de succes comercial. Specialiștii recunosc faptul că doar 5–10% dintre invențiile înregistrate conduc realmente la apariția unor produse sau tehnologii de succes;

Tabelul 2. Durata de înlocuire [5]

Produs înlocuitor/produs înlocuit	Durata de înlocuire, ani	Anul corespunzător mijlocului intervalului
Cauciuc sintetic / cauciuc natural	58	1956
Margarină / unt	56	1957
Cuptorul cu arc electric /cuptorul Siemens Martin	47	1947
Bărci din plastic /bărci din lemn	20	1966
Pardoseala din material plastic / pardoseala din lemn	25	1966
Detergenți / săpun (SUA)	8,75	1951
Detergenți / săpun (Japonia)	8,25	1962

f) *Timpul de imitare*, adică intervalul de timp în care, după apariția unui produs nou, pe piață apar produse cu caracteristici similare.

Luând în considerare *viteza de adoptare*, se pot clasifica întreprinzătorii în 5 grupe: grupa inovatorilor, grupa primilor adepți, grupa majorității în anticipare, grupa majorității în întârziere, grupa întreprinzătorilor care întârzie în adoptarea unei noutăți tehnologice.

Inovarea tehnologică este orientată spre descoperirea unor produse care, să intre cu succes în competiția comercială, astfel încât întreprinderea să-și mențină sau să-și îmbunătățească poziția pe piață. Proiectarea unor astfel de procese este caracterizată de un grad mare de incertitudine și implică un risc mai mare sau mai mic. De aceea, selecția proiectelor este una dintre cele mai dificile decizii pe care o presupune managementul cercetării-dezvoltării. Criterii care trebuie avute în vedere trebuie să permită depistarea acelor calități ale informațiilor pe baza cărora să poată fi luată decizia alegerii celor mai viabile proiecte, aceasta deoarece și renunțarea la un anumit proiect trebuie decisă pe baza unor factori aproape identici. La evaluarea proiectelor de inovare pot fi folosite următoarele criterii prin introducerea lor în cadrul așa-numitelor *liste de control ponderate* (tabelul 3).

Pentru a aprecia cu un înalt grad de probabilitate a eficienței proiectelor tehnologice trebuie de luat în considerație toate aspectele necesare pentru a putea forma o viziune clară asupra posibilităților reale ale întreprinderii de a duce cu succes la îndeplinire proiectul de inovare tehnologică. De aceea blocul criteriilor de analiză conține aspecte ce țin de posibilitățile tehnice, de posibilitățile comerciale, de capacitatea fi-

nanciară, de capacitatea de producție, de structura cercetării și de aspecte instituționale, cum ar fi, tradiția întreprinderii și atitudinea sa în realizarea unor produse noi și bineînțeles de riscurile pe care este dispusă să și le asume.

Tabelul 3. Lista de control ponderată a criteriilor de evaluare a proiectelor de inovare tehnologică [6, p.197-198]

Criteriu	Foarte bine	Bine	Mediu	Slab	Foarte slab
Criterii de natură tehnică					
1. Probabilitatea de succes tehnic					
2. proprietatea industrială					
3. Posibilitatea dezvoltării viitoare					
4. Efectele asupra mediului ambiant					
5. Timpul și costurile necesare dezvoltării					
Criterii de natură comercială					
1.Oportunitatea și necesitatea					
2. Poziția competitivă					
3. Canalele de distribuție					
4. Probabilitatea succesului comercial					
5. Dimensiunile pieței					
6. Volumul posibil al vânzărilor					
7. Cerințele pieței					
8. Costurile lansării pe piață					
9. Efectul asupra producției actuale					
10. Stabilitatea prețurilor					
11. Durata de viață					
Criterii financiare					
1. Costurile cercetării – dezvoltării					
2. Investițiile în fabricație					
3. Investițiile în comercializare					
4. Fluxul de monetar (<i>cash – flow</i>)					
Criterii de producție					
1. Cerința de noi produse					
2. Disponibilitatea personalului					
3. Compatibilitatea cu activitatea actuală					
4. Costurile și accesul la materie prime					
5. Costurile fabricației					
6. Necesitatea unor echipamente noi					
7. Securitatea fabricației					

8. Valoarea nou creată în producție					
Criterii strategice ale întreprinderii					
1. Tradiția întreprinderii					
2. Atitudinea întreprinderii față de inovare					
3. Atitudinea întreprinderii față de riscuri					
4. Compatibilitatea inovație cu imaginea întreprinderii					
5. Stilul de conducere					
Disponibilitatea față de activitatea de cercetare					
1. Existența de instalații și laboratoare					
2. Existența echipelor inovatoare					
3. Tradiția în inovare					

Utilizarea analizei calitative (foarte bine, bine, satisfăcător, slab și foarte slab) poate fi suficientă pentru a defini corespondența proiectelor din punct de vedere a unui criteriu sau altul, fără a fi necesară recurgera la metode cantitative complicate care, nu permit stabilirea punctelor slabe și a acțiunilor ce trebuiesc întreprinse pentru eliminarea lor. Metoda se bazează pe stabilirea unei corespondențe numerice a criteriilor calitative, ca de exemplu cel din tabelul 4.

Tabelul 4. Valori numerice ale calitativelor calitative [6, p.199]

Calificativul	Punctajul
Foarte bine	10
Bine	8
Satisfăcător	6
Slab	4
Foarte slab	2

La fel ca și în tehnica deciziei impuse, criteriile trebuie ordonate în ordinea importanței lor. Un prim mod de ordonare a criteriilor este printr-o apreciere de ansamblu acordând fiecărui criteriu punctaje pe scala de la zece (0 acordându-se pentru criteriu care se consideră a nu avea nici o influență asupra dezvoltării proiectului, iar 10 se acordă proiectului care are o relevanță cu totul deosebită asupra proiectului în cauză). Cea de a doua metodă, mai riguroasă și ca urmare mai precisă constă în determinarea coeficienților de importanță; criteriile se compară

între ele, două câte două, obținându-se un număr D de decizii. Se acordă astfel punctajul „1” (unu) și respectiv 0” (zero), pentru cazul în care un criteriu este considerat mai important decât celălalt și se acordă punctajul „0,5” ambelor criterii, în cazul în care sunt de aceeași importanță. Metodologia de calcul a diferitor decizii asupra proiectului inovațional este expusă în literatura de specialitate [6, p.199-207; 10, p. 149-156].

În desfășurarea activității inovative trebuie de cunoscut factorii care pot spori eficiența sau din contra duc la reducerea rentabilității, luând la timp diferite măsuri organizatorice, tehnologice, economico-financiare sau de alt gen. În opinia specialiștilor în domeniu [6, 109] acești factori pot fi pot fi incluși într-una din următoarele două grupe:

1. **Factorii interni sau endogeni**, legați intrinsec de persoana inovativă (din această grupă fac parte *factorii de natură biologică* – potențialul genetic, capacitatea de memorare, vârsta, starea de sănătate etc., *factorii de natură predominant psihologică* – calitățile imaginative, aptitudinile, trăsăturile temperamentale, calitățile volitive, motivația, curiozitatea, nivelul de implicare în activitățile inovative etc., *factorii de natură cognitiv-intelectuală* – calitățile intelectuale specializate, nivelul de instruire, factorii gnoseologici, spiritul de observație, discernământul etc.);

2. **Factorii exteriori individuali (exogeni)**, din rândul cărora vom menționa *factorii social-economici* – școala, starea materială, dotarea tehnico-informațională a locului de muncă, climatul din colectivul din interiorul microgrupului, existența unui grup de creație tehnică, cerința socio-economică, stadiul de dezvoltare a tehnologiei, climatul social etc. și *întâmplarea* (se cunosc destule cazuri în care întâmplarea a fost la originea relevării unor soluții neașteptate, a unor descoperiri întru totul remarcabile) etc.

Stimularea procesului de inovare la întreprindere

Orice întreprindere nu v-a fi dispusă să se preocupe de cercetare-inovare, dacă nu se vor asigura anumite privilegii care ar permite exploatarea și obținerea unor beneficii față de investițiile alocate și riscul pe care și l-a asumat atunci când a inițiat activitatea de inovare.

Identificarea și utilizarea unor tehnici și metode apte să asigure stimularea procesului de inovare a constituit un obiect de preocu-

pare atentă pentru cercetători și pentru cei interesați în exploatarea efectelor inovării. Există actualmente un anumit volum de cunoștințe referitoare la modul în care poate fi stimulată identificarea unor noi soluții constructive, tehnologice sau organizatorice.

În opinia specialiștilor în domeniu [1; 10, p.110], *la favorizarea desfășurării unor procese de inovare se consideră că ar putea contribui următoarele:*

a) *Existența unor studii de prognoză, care să ofere echipei de conducere informații pertinente asupra direcțiilor de evoluție ale cerințelor pieței;*

b) *Manifestarea unor situații favorabile la nivelul pieței, sesizate, de exemplu, ca urmare a unor legături strânse cu clienții firmei;*

c) *O atitudine favorabilă proceselor inovative, manifestată de către echipa de conducere a întreprinderii, concretizată, de exemplu, în acceptarea unor soluții sau propuneri care vin și din afara serviciilor specializate sau care dispun de capacitatea de a lua decizii în legătură cu procesele inovative;*

d) *O politică rațională a întreprinderii, de concentrare și repartizare a forțelor de care dispune pe direcțiile de inovare de maximă intensitate și de maximă eficiență;*

e) *Existența unor specialiști care să dispună de cunoștințele și de motivațiile necesare promovării unor procese inovative;*

f) *Posibilitățile de a satisface mai bine exigențele specifice pieței naționale;*

g) *Reducerea competitivității unor produse mai vechi, datorită, de exemplu, creșterii valorii componente salariale din costuri;*

h) *Posibilitățile de imitare a unor procese inovative manifestate deja în alte țări.*

E știut că în procesul de inovare la scara unei țări, există unele *obstacole de natură externă* (bariere create sau favorizate de acele structuri a căror poziție ar putea fi amenințată de inițierea unui eventual proces inovativ, dificultățile derivate din protejarea prin brevete sau secrete ale elementelor tehnologice avansate etc.) și respectiv *de natură internă*.

Dintre obstacolele susceptibile de a fi încadrate în această ultimă grupă pot fi menționate următoarele [10, p. 111]:

- costurile absolute ridicate și riscurile pronunțate;
- lipsa unor posibilități de finanțare din surse proprii sau costuri mari ale creditelor;
- manifestarea unor efecte corespunzătoare perioadelor de depresiune economică (limitarea fondurilor orientate către procesele inovative, reducerea cererii, creșterea riscurilor etc.);
- o orientare exagerată spre perfecționarea doar a proceselor aflate deja în fabricație și care se bucură de un anumit succes comercial;
- tendința conducerii întreprinderii de a nu-și asuma riscurile presupuse de un proces inovativ;
- o politică necorespunzătoare la nivel național, în legătură cu susținerea compartimentelor de cercetare–dezvoltare.

De rând cu cele menționate mai sus, un rol deosebit în are motivația (cointeresarea materială și morală) a persoanelor încadrate în procesul de cercetare–inovare–dezvoltare și mulți alți factori organizatorico-juridici, tehnologici, economică–sociali etc.

Concluzie. *Cercetarea-inovarea este o componentă specifică a evoluției societății umane care joacă un rol decisiv în dezvoltarea economico-socială și sporirea competitivității produselor pe piața internațională. În articolul dat într-o formă succintă sunt studiate diverse aspecte ale activității inovaționale la micro- și macronivel: necesitatea dezvoltării activității inovative; etapele și factorii care determină nivelul inovării tehnologice; modalitățile de obținere a costurilor scăzute în procesul de inovare a produselor; indicatorii și criteriile de estimare a nivelului calitativ a unui produs nou; stimularea procesului de inovare etc. Considerăm că concluziile și propunerile formulate vor contribui la sporirea nivelului activității de cercetare-inovare în cadrul unităților economice din Republica Moldova.*

Referințe bibliografice

1. Baloiu I.M. Managementul inovației. București: Editura Eficient, 1995.
2. Bellandi G. L'innovazione tecnologica e la gestione della qualità. În vol. Innovazione tecnologica e impresa. Napoli: CUEN, 1993, p.123-128.
3. Cozmânca M. ș.a. Inovarea în întreprinderile mici și mijlocii. Chișinău: Ed. Tehnica-info, 2002, 178 p.

4. Esposito E. Il processo di trasmissione dell'innovazione tecnologica all'interno di una azienda. În vol. Innovazione tecnologica e impresa. Napoli: CUEN, 1993, p.77-78.
5. Lorusso S. Tehnologie et innovazione nei processi di produzione. Roma: Edizioni Kappa, 1987.
6. Nagiț Gh. Inovare tehnologică. Chișinău: Ed. Tehnica-info, 2001, 250 p.
7. Poștaru E. Dezvoltarea unui sistem inovativ și eficient de producție. În: Revista Științifică Studii economice. Chișinău, ULIM, 2009, nr.1-2, p.142-146.
8. Roșca P. *Procesul inovațional de cercetare – factor al creșterii eficienței economice*. Analele ULIM, Seria Economie, Chișinău 2004, nr.3, p.33-37.
9. Robert M.L. L'innovazione di prodotto. Milano: McGraw-Hill, 1998.
10. Slătinescu L. Inovare în ingineria calității. Chișinău: Ed. Tehnica-info, 2001, 178 p.
11. Țăran N. Managementul inovației. Timișoara: Editura Amacord, 1995.

REPERE DE DEZVOLTARE A COMERȚULUI EXTERIOR AL REPUBLICII MOLDOVA LA ÎNCEPUTUL SECOLULUI XXI

Elena BĂDĂRĂU, doctorandă, ULIM

Rezumat

Acest articol prevede identificarea problemelor de eficientizare a comerțului exterior și rolului comerțului electronic în epoca proceselor de globalizare, ceea ce va permite aplicabilitatea și creșterea economică a RM prin utilizarea metodelor moderne în tranzacțiile comerciale ale țării. Sunt propuse soluții la actualele provocări în contextul dezvoltării economice a RM.

***Cuvinte-cheie:** comerț exterior, export, import, comerț electronic exterior, tranzacții*

THE FOUNDATIONS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA'S FOREIGN TRADE DEVELOPMENT AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Abstract

This article identifies the issues of foreign trade efficiency and the role of e-commerce in the era of globalization processes, which will allow the applicability and economic growth of the Republic of Moldova by using modern methods in the country's commercial transactions. Solutions are suggested to the current challenges in the context of Moldova's economic development.

***Keywords:** foreign trade, export, import, electronic foreign trade, transaction*

Experții afirmă că structura comerțului exterior, în special a exporturilor, este un indicator al nivelului de dezvoltare și a stabilității țării. În Republica Moldova, exportul este asigurat de mai mult de o treime din reexport. Sarcina principală la momentul dat pentru economia Republicii Moldova este de a crește competitivitatea și eficiența, care va permite companiilor locale să reziste la presiunea producătorilor la nivel mondial. Pentru a accelera reformele structurale în vederea îmbunătățirii climatului investițional și mediului de afaceri, este necesar de a implementa programe naționale pentru dezvoltarea întreprinderilor mici și a promova exportul.

Criza din lume și din regiune nu putea să nu afecteze volumul operațiunilor de export-import a Republicii Moldova. Conform da-

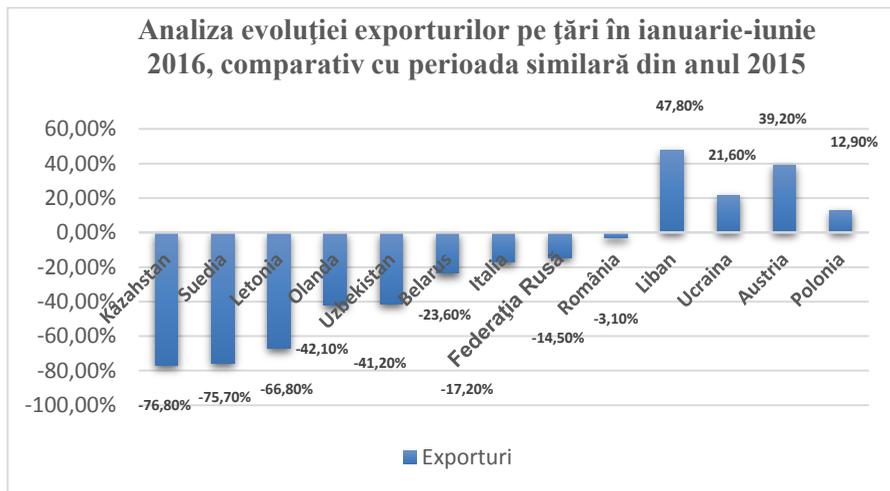
telor Biroului Național de Statistică (BNS), în anul 2015 exportul a constituit 492,3 mln, micșorînduse cu 33,1% față de 2014, iar importul a scăzut cu 25% pînă la 3,97miliarde [1]. În prima jumătate a anului 2016 exportul a constituit 905,4 mln. dolari, micșorînduse cu 8,8% în comparație cu aceeași perioadă a anului 2015. În acelaș timp, importul în perioada ianuarie-iunie 2016 a constituit 1miliard 869 milioane dolari, micșorîndu-se cu 5,9% în comparație cu perioadă a anului 2015[2]. Această scădere a exportului și importului nu a fost așa de semnificativă cum se aștepta.

După semnarea, ZLSAC (Zona de Liber Schimb Aprofundat și Cuprinzător) dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană care este parte a Acordului European de Asociere și aduce beneficii suplimentare economice Moldovei, au apărut premise reale pentru intensificarea schimburilor comerciale cu Uniunea Europeană, care vor duce la extinderea pe piețele europene. Prin urmare, printre principalele priorități ale economiei Republicii Moldova în acest moment sunt reformele, modernizarea, creșterea și eficientizarea competitivității afacerii.

Conform datelor BNS, PIB-ul Moldovei în prima jumătate a anului 2016 a crescut cu 1,3%, comparativ cu aceeași perioadă a anului 2015, în valoare de 58.531 miliarde lei. În același timp, în al doilea trimestru anului 2016 PIB a crescut cu 1,8% față de anul trecut și cu 0,6% față de primul trimestru al acestui an și s-a ridicat la 31.434 miliarde de lei. Cea mai mare creștere, comparativ cu prima jumătate a anului 2015 a fost înregistrată în următoarele sectoare ale economiei (în funcție de tipul de activitate): comerț cu ridicata și cu amănuntul; întreținerea și repararea autovehiculelor (+ 0,6%), servicii de informare și comunicații (+ 0,3%) , agricultură, silvicultură și pescuit, minerit și de fabricație, activități profesionale, științifice și tehnice - fiecare dintre sectoarele date a avut o creștere a PIB-ului cu 0,2%, față de anul 2015 [47].

Țările CSI au fost prezente în exporturile Moldovei cu o pondere de 20,7%, ceea ce corespunde unei valori de 187 miln. dolari. Exporturile de mărfuri către țările CSI s-au micșorat cu 22,3%, comparativ cu ianuarie-iunie 2015.

Analiza evoluției exporturilor pe țări în ianuarie-iunie 2016, comparativ cu perioada similară din anul 2015, relevă reducerea livrărilor către Kazahstan (-76,8%), Suedia (-75,7%), Letonia (-66,8%), Olanda (-42,1%), Uzbekistan (-41,2%), Belarus (-23,6%), Italia (-17,2%), Federația Rusă (-14,5%) și România (-3,1%). În același timp, s-au majorat exporturile către Liban (+47,8%), Ucraina (+21,6%), Austria (+39,2%), Polonia (+12,9%) [3].

Fig.1. Analiza evoluției exporturilor Republicii Moldova pe țări în ianuarie-iunie 2016, comparativ cu perioada similară din anul 2015. (%)

Reieșind din situația în care se află comerțul țării la etapa actuală, pot fi formulate următoarele principii de promovare ale politicii comerciale externe în Republica Moldova, care, în opinia autorului, vor asigura o sporire esențială a operațiunilor de export–import:

- a exlude exportul de materie primă din agricultură și ramurile prelucrătoare ale economiei naționale;
- a diversifica direcțiile exporturilor, asigurând ca nici într-o țară exporturile să nu depășească 25% din volumul total al exporturilor Moldovei;
- crearea mecanismului de asigurare a participării majorității organelor locale, structurilor administrativ-teritoriale în activitatea de export (legume, fructe, struguri, grâne, carne, produse lactate, vinuri etc.);

- Republica Moldova trebuie să tindă a avea niște produse principial originale (vinuri, conserve, sucuri, produse lactate, servicii turistice ș.a.), pentru a asigura o competitivitate înaltă pe piața internațională;

- a exclude exportul tehnologiilor principial noi de fabricare a produselor naționale. Dacă țara are pentru export un produs original, principial nou, tehnologia fabricării acestui produs trebuie să constituie secretul firmei și să rămână în Moldova;

- prețul din export nu acoperă toate cheltuielile producătorilor. Costul produselor finite destinate exportului trebuie să fie determinat ținând cont de cheltuielile totale, calculate în baza balanței legăturilor dintre ramuri, de a analiza și a controla structura taxei pe valoare adăugată și principiul de repartizare a venitului final;

- în structura exportului trebuie incluse produse, mărfuri totalmente de origine națională, asigurând participarea activă a tuturor structurilor teritoriale locale la sporirea potențialului de export al țării;

- eficientizarea operațiunilor de export ale țării poate fi sporită prin impunerea unei coordonări guvernamentale mai bune a subiecților economici, și anume prin:

1. perfectarea managementului în domeniul activității economice externe a agenților economici și crearea unui mecanism motivațional adecvat (exportatorului trebuie să-i convină participarea activă la colaborarea externă a țării);

2. prevederea unor înlesniri în sistemul fiscal al republicii în scopul de a cointeresa agenții economici la sporirea volumului de export al produselor, mărfurilor și serviciilor autohtone de înaltă calitate;

3. experiența mondială demonstrează că activitatea de sporire a calității producției e rațional să fie desfășurată în cadrul dirijării sistemice, ce cuprinde întregul ciclu de viață al producției – de la proiectare până la consum și utilizare;

4. prevederea în bugetul țării a anumitor subvenții pentru producătorii din agricultură care participă activ la exportul produselor alimentare;

5. prevederea anumitor înlesniri la obținerea creditelor la exportarea produselor și serviciilor;

6. asigurarea agenților economici cu informație necesară (despre cererea reală la anumite produse: unde, cât, calitate, prețurile internaționale etc.);

7. studierea cererii la produsele naționale în Uniunea Europeană, CSI și alte țări;

8. perfecționarea elaborării și argumentării contractelor cu partenerii străini ca instrument deosebit de important în activitatea de comerț exterior, asigurând asistența juridică de specialitate, ceea ce ar elimina încheierea unor contracte în dezavantajul Moldovei;

9. stabilirea structurii repartiției finale a profitului de la exportul produselor între producătorii de materie primă, procesori, comercializanți și intermediari (la carne, fructe, grâne, legume etc.); stabilirea prețului minimum de achiziție de la producător, procesor;

10. sporirea volumului de export este imposibilă fără atragerea activă a investițiilor străine și interne pentru crearea noilor locuri de muncă, aplicarea noilor tehnologii inovatoare, cercetări științifice, în învățământ, pregătirea și perfecționarea cadrelor;

11. perfectarea marketingului ca instrumentariu în domeniul relațiilor economice externe. Fiecare firmă trebuie să aibă o strategie de marketing modern bine gândită ca parte componentă a strategiei de dezvoltare economică pentru a putea pătrunde și asigura un înalt succes pe piață.

12. crearea oportunităților pentru o dezvoltare rapidă a comerțului electronic exterior.

În scopul sporirii eficienței **importurilor**, în opinia autorului, este necesar a întreprinde următoarele măsuri:

- a da prioritate importului de materie primă din țările-partenere;

- a diversifica importul țării, asigurând ca importurile dintr-o țară să nu depășească 35% din volumul total al importurilor Moldovei;

- importul produselor cu omogenitate în economia națională nu trebuie să depășească 20% din volumul total necesar pentru acoperirea cererii interne (la fructe, legume, carne, lactate, vinuri etc.);

- a importa tehnică de performanță și a exclude tehnicile și tehnologiile moral depășite;

- a reduce la minimum relațiile economice cu monopoliștii exteriori;
- a efectua studii economice de fezabilitate a produselor importate în scopul argumentării economice a deciziilor de a importa anumite produse;
- structura importului trebuie să fie coordonată de către Guvern în baza cercetărilor științifice respective;
- necesită o coordonare mai bună repartiția tehnologiilor de performanță importate în profil teritorial al republicii;
- a importa inovații, forme de organizare a producției și a muncii, de folosire rațională a resurselor materiale, protecție a mediului etc.;
- a oficializa exportul și importul resurselor de muncă în baza legislației Republicii Moldova și a țărilor respective;
- a stimula importul tehnologiilor de producere netradițională a resurselor energetice (energia solară, a vântului, a biomasei etc.);

Una din soluțiile de eficientizare a problemelor aferente comerțului exterior ar putea fi implementarea comerțului electronic, din motivul că astăzi Internetul a devenit un intermediar eficient între comercianții din întreaga lume. Datorită acestui fapt, tranzacțiile internaționale cu bunuri și servicii au suferit modificări în lanțul de aprovizionare. Integrarea tehnologiilor informaționale și a comunicațiilor (TIC) în tranzacțiile comerciale internaționale ne-a oferit noi oportunități de eficientizare pentru întreprinderi, guverne, consumatori și organizații internaționale.

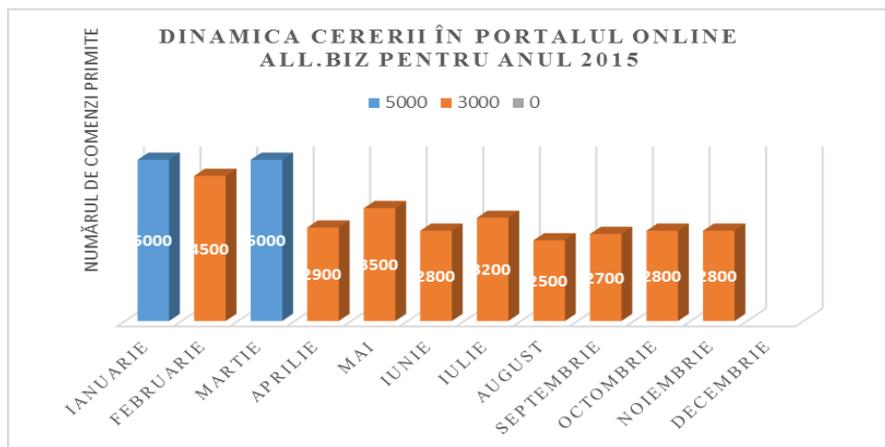
Piața comerțului exterior electronic din Republica Moldova se află la o etapă activă de dezvoltare. La momentul actual tot mai mulți agenți economici văd beneficiile de la transpunere a afacerii lor în afaceri on-line (care nu exclud dezvoltarea paralelă a afacerilor tradiționale). Comerțul electronic în segmentul afacerilor permite, de a primi comenzi fără a atrage personal suplimentar, pentru a efectua comerț exterior cu diferite piețe și țări. Cumpărătorului îi este mai ușor și mai rapid de a găsi produsele necesare pe internet și de a compara ofertele diferiților furnizori, precum prețul, condițiile de livrare, care de obicei sunt mai acceptabile. Conexiunea disponibilă

on-line ca un canal suplimentar de vânzări pentru întreprinderi este justificat, în special în fața crizei economice din Moldova.

Allbiz are 16 ani de experiență în promovarea pe piață a segmentului B2B. Această resursă conține mai mult de 1,4 milioane de companii din 90 de țări și 102 piețe de desfacere pentru bunuri și servicii. În conformitate cu datele Google Analytics, numărul lunar al persoanelor care accesează această platformă ajunge la 22 de milioane de vizitatori și cumpărători din întreaga lume. Numărul comenzilor executate prin intermediul sistemului Allbiz depășește 10 mii pe zi, iar oficiile companiei sunt prezentate în 10 țări.

Centrul Internațional pentru comerț electronic, platforma Allbiz, ajută antreprenorii să dezvolte afaceri în rețea, culegând date statistice privind piața de e-comerț din Moldova și urmărind care produse sunt comandate cel mai frecvent de antreprenorii din rețea în interiorul țării, precum și înafara țării.

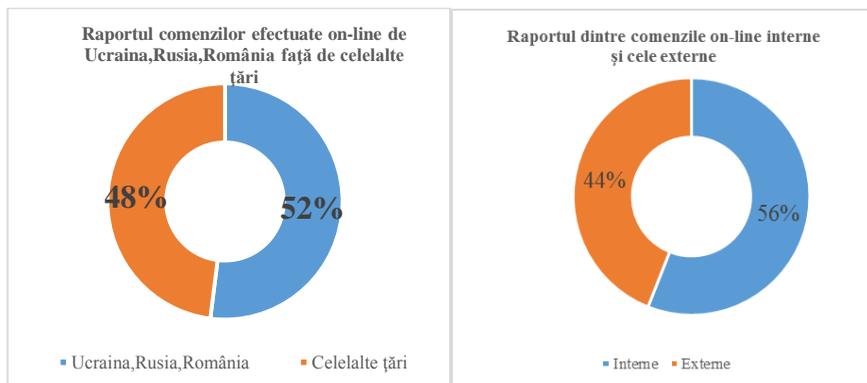
În anul 2015, cele mai multe comenzi antreprenorii din țară le-au primit în primul trimestru (36% din total). În lunile următoare, cererea a scăzut ușor, cu toate acestea, a fost aproximativ la același nivel [4].

Fig.2. Dinamica cererii în portalul online all.biz (numărul de comenzi) în Republica Moldova anul 2015.

Cererea internă de bunuri, care au comercializat-o antreprenorii din țară în rețea a fost caracterizată de un mare interes față de diferite tipuri de puiți și răsaduri. Au fost de asemenea înregistrate, o mulțime de comenzi de confecționare a mobilierului - pentru bucătării, dormitoare, camere comune. Comerțul exterior on-line al Republicii Moldova, potrivit datelor platformei Allbiz, s-a concentrat pe două piețe - agricolă și alimentară. Astfel, în conformitate cu datele platformei, Moldova on line în majoritatea cazurilor trimitea cereri în străinătate pentru fructe proaspete. Iar străinii se interesau de oferte privind nucile. În cele mai dese cazuri antreprenorii moldoveni trimiteau cereri în Ucraina (referitor la uleiul de floarea-soarelui, zahar, șrot etc.), Rusia (fructe, ouă, floarea-soarelui) și Polonia (fructe, vazoane pentru plante și produse chimice de uz casnic). Realizau producția sa online antreprenorii moldoveni în Ucraina (puiți de pomi fructiferi, struguri de vin), Rusia (mere, nuci și puiți de pomi fructiferi) și România (nuci, ulei de floarea-soarelui și răsaduri de pomi fructiferi).

Cu toate acestea, după cum arată statisticile Allbiz mai activ tranzacționarea on-line a Moldovei a fost pe piața internă. Importul din rețea s-a axat pe Ucraina, iar exportul – pe trei țări: Ucraina, Rusia și România [4].

Fig.3. Raportul de tranzacționare on-line dintre cererile interne și cele externe a RM de pe platforma all.biz.

Înțelegerea importanței pieței de comerț electronic în Republica Moldova poate ajuta multe întreprinderi și antreprenori de a se încadra în noua economie, pentru a primi noi comenzi on-line, iar consumatorilor – de-a obține bunuri în condiții mai bune decât cele offline.

În opinia autorului, întreprinderile moldovenești sunt pregătite pentru a utiliza pe scară largă comerțul electronic, aproximativ 66% au conexiune la rețeaua Internet. Tipurile de conexiuni utilizate sunt diferite, dar de preferință, sunt conexiunile prin intermediul liniilor de comutare - aproximativ 57% din companiile conectate la Internet. Afacerile în Internet sunt utilizate în principal pentru a căuta informațiile necesare în activitățile de zi cu zi, cum ar fi: sugestii de căutare, prețuri, clienți, parteneri. Întreprinderile mici folosesc Internetul mai frecvent (35%) decât cele în care sunt mai mult de 250 de angajați (2,5%). Analiza prezenței companiilor moldovenești în spațiul informațional al Internetului arată că doar aproximativ 37% dintre companii au propriile lor pagini web propriul sau site, și doar 5,5% din întreprinderi folosesc Internetul pentru a dezvolta afacerea sa on line [4].

În concluzie, putem afirma că implementarea metodelor noi de comerț vor deschide noi piețe de desfacere. Astfel, comerțul electronic va permite reducerea la minimum a costurilor de distribuție, va putea fi posibilă, reducerea costurilor de la un comerciant la altul. El va permite diminuarea costurilor, reducând tranzacțiile pe hârtie sau înlocuindu-le în întregime prin tranzacții electronice. Astfel, agenții economici trebuie să implementeze comerțul electronic care le va ajuta să fie mai eficienți și flexibili în operațiile interne, le va permite să conlucreze mai strâns cu furnizorii și să fie mai receptivi la nevoile și așteptările clienților, să selecteze cei mai buni furnizori, indiferent de localizarea geografică a acestora și să iasă pe piețe globale.

Referințe bibliografice

1. Anuarul statistic al Republicii Moldova. Chișinău: Statistica, 2015. <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ro&id=2193&idc=263>, accesat la 12.12.2016.
2. Balanța de plăți a Moldovei 2016 /Banca Națională a Moldovei. <https://www.bnm.md/ro/tipuri-de-publicatii/balanta-de-plati-republicii-moldova>, accesat la 1.12.2016.
3. Raportul Băncii Naționale cu privire la Balanța de plăți a Republicii Moldova pentru anul 2015. <http://www.bnm.org/bdi/pages/reports/dbp/DBP12.xhtml?id=0&lang=ro>, accesat la 2.02.2017.
4. Allbiz. E-commerce in Moldova. www.all.biz

PREMISELE TEORETICE ALE FORMĂRII MECANISMELOR STRATEGICE DE DEZVOLTARE A MOLDOVEI PE BAZA EXPERIENȚEI INTERNAȚIONALE

Irina CROTENCO, doctorandă, ASEM

Rezumat

Autorul supune analizei premisele teoretice ale formării mecanismelor strategice de dezvoltare a Moldovei. Sunt descrise mecanismele managementului strategic al dezvoltării regionale (naționale), care permit crearea unui sistem eficient al managementului strategic al țării. Sunt formulate concluzii și recomandări privind formarea mecanismelor strategice de dezvoltare a Moldovei pe baza experienței internaționale.

Cuvinte-cheie: *mecanisme strategice, strategie, management strategic, experiența internațională*

THEORETICAL PREMISES OF THE FORMATION OF STRATEGIC MECHANISMS OF DEVELOPMENT OF MOLDOVA BASED ON INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. *Are researched the theoretical premises of the formation of strategic mechanisms of development of Moldova. Are analyzed the mechanisms of strategic management of regional (national) development, that allow to create an effective system of strategic management of the country. Are formulated conclusions and recommendations on the formation of the strategic mechanisms of development of Moldova based on international experience.*

Keywords: *strategic mechanisms, strategy, strategic management, international experience*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ МОЛДОВЫ НА БАЗЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

Постановка проблемы. Экономика Молдовы в последние годы находится в сложном положении. С одной стороны, растет валовой внутренний продукт, рассчитанный в текущих ценах, повышаются размеры минимальной и средней заработной платы, пенсий и пособий. Однако, при этом реальные доходы населения

находятся сегодня на самом низком уровне в Европе, велика доля лиц, доходы которых ниже уровня крайней нищеты по классификации Всемирного банка (5\$ в день или 3000 лей в месяц). Сложившаяся в стране экономическая ситуация, требует разработки и реализации системы мер стратегического характера, позволяющей приблизиться к среднему по Европе уровню доходов населения и качеству жизни. Именно механизмы стратегического характера, их формирование и внедрение в национальную экономику способны оказать определяющее влияние на обеспечение долгосрочного устойчивого развития экономики Молдовы.

Исследование проблемы. Определяющая роль стратегических решений и проектов общепризнана в экономических системах развитых и динамично развивающихся стран. Однако теоретические аспекты стратегического менеджмента исследованы и реализуются в основном на уровне первичного хозяйственного звена (предприятия, организации, фирмы, корпорации). На региональном (национальном) уровне эта проблема разработана не так детально. Хотя нередко в научной среде можно встретить признание сходства или прямое отождествление методов, форм, принципов, функций и др. категорий менеджмента и стратегического управления применительно к различным уровням хозяйствования. Так, М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури, например, прямо указывают, что деятельность регионального (национального) менеджера (президента США) имеет много общего с деятельностью менеджера низшего звена предприятия (мастера на сборочном конвейере завода фирмы «Хонда» в штате Огайо) [11, с.23]. Такой подход, находит отражение в работах по регионоведению и позволяет, по нашему мнению, возможным использование на макроуровне (страны) большинства методов и механизмов стратегического менеджмента, применяемого на уровне низовых хозяйственных звеньев (предприятия).

Среди современных методов стратегического управления выделим SWOT-анализ, PEST-анализ, GAP-анализ, Матрица ANSOFF, Marketing mix, Модель конкурентных сил Портера и др. Важная роль в системе стратегического управления отводит-

ся бизнес планированию и разработанным на основе современных моделей бизнес планирования бизнес планы. Целесообразна разработка национального стандарта бизнес плана, для которого можно использовать действующие стандарты UNIDO (Организация Объединённых Наций по промышленному развитию) [5], EBRD (Европейский банк реконструкции и развития) [2], TACIS (Техническая помощь Содружеству Независимых Государств) [3], Швейцарской ассоциации “KPMG international” [4] и др.

SWOT-анализ является одним из наиболее популярных исследовательских методов стратегического планирования. Он, представляя собой механизм анализа и разработки региональной стратегии развития, как элемент стратегического планирования позволяет упорядочить разрозненные представления об объекте исследования и его конкурентном окружении и получить схему взаимодействия сил и слабостей, возможностей и угроз. Совокупность факторов и явлений внутренней и внешней среды организации/региона визуально представляют в виде таблицы, где перечисляются сильные и слабые стороны, возможности и угрозы (см. табл.1).

Таблица 1. Форма представления результатов SWOT-анализа [составлено автором]

	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Внутренняя среда	Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
	Внутренние элементы, напрямую относящиеся к рассматриваемым потребителям: менеджмент, маркетинг, инжиниринг и разработка продукта, оперативная деятельность, персонал, ресурсы и прочее.	
Внешняя среда	Благоприятные возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
	Внешние элементы относятся к таким сферам как законодательство, регулирование, политика, экономика, общество (культура), технология, конкуренция, влияние и власть поставщиков, требования и способности потребителей и др.	

Для получения максимального эффекта при использовании SWOT-анализа и избегания ошибок, необходимо тщательно разграничивать внутренние и внешние элементы системы. К внутренним элементам относятся сильные и слабые стороны региона, подвер-

женные соответственно влиянию национальных и местных органов публичного управления. К внешним, неподвластным региону элементам SWOT относятся возможности и угрозы, так как они связаны с характеристиками мирового и европейского рынков.

Примерный набор характеристик, предлагаемый Томпсоном и Стриклендом [14, с.8], положительное заключение по которым должно позволить составить список сильных и слабых сторон организации, а также список возможностей и угроз для нее, заключенных во внешней среде представлен в табл.2. Несмотря на то, что данный список составлен для анализа организации, он по многим позициям подходит и для иных уровней экономики (вплоть до регионального) и позволяет сориентироваться в анализируемых категориях.

Таблица 2. Примерный набор характеристик SWOT-анализа, предложенный Томпсоном А. и Стриклендом А. [14, с.8]

Внутренняя среда	
Сильные стороны:	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> - выдающаяся компетентность; - адекватные финансовые ресурсы; - известный лидер рынка; - изобретательный стратег в функциональных сферах деятельности организации; - подходящая технология; - наличие инновационных способностей и возможности их реализации; - проверенный временем менеджмент и др. 	<ul style="list-style-type: none"> - нет ясных стратегических направлений; - недостаток управленческого таланта и глубины владения проблемами; - плохое отслеживание процесса выполнения стратегии; - конкурентные недостатки; - ниже среднего маркетинговые способности; - неспособность финансировать необходимые изменения в стратегии и др.
Внешняя среда	
Возможности:	Угрозы:
<ul style="list-style-type: none"> - выход на новые рынки или сегменты рынка; - увеличение разнообразия во взаимосвязанных продуктах; - добавление сопутствующих продуктов; - вертикальная интеграция; - возможность перейти в группу с лучшей стратегией; - ускорение роста рынка и др. 	<ul style="list-style-type: none"> - возможность появления новых конкурентов; - замедление роста рынка; - неблагоприятная политика правительства; - возрастающее конкурентное давление; - изменение потребностей и вкуса покупателей; - неблагоприятные демографические изменения и др.

В последние годы в Молдове все чаще в практике стратегического планирования прибегают к методологии SWOT-анализа. Применяют его и государственные органы, в частности, SWOT-анализ использован при разработке Национальной стратегии развития Республики Молдова на 2008–2011 гг. [8], Национальной стратегии устойчивого развития агропромышленного комплекса Республики Молдова (2008-2015 гг.) [12], Стратегии устойчивого развития туризма на 2014-2020 гг. «Туризм 2020» [13] и др. Это свидетельствует о признании практической ценности SWOT-анализа на национальном уровне.

Однако, проведенный нами сравнительный анализ ряда SWOT-матриц, в том числе и разработанных в Республике Молдова, свидетельствует о наличии значительных резервов в повышении качества SWOT-анализа, а в результате и обоснованности будущих управленческих решений. В частности, отметим, что обычно, внешние возможности и угрозы для Республики Молдова не структурируются по направлениям (иностранное и международное законодательство, регулирование, политика, экономика, общество, технология, конкуренция, влияние и власть зарубежных поставщиков, требования иностранных потребителей и др.). Группировка внутренних сил и слабостей не ориентирована на классификацию по основным направлениям (менеджмент, маркетинг, инжиниринг и разработка продукта, оперативная деятельность, персонал, ресурсы и прочие составляющие национальной среды). Кроме того, не проводится на уровне национальной экономики Молдовы систематическое сопоставление заранее созданных списков внешних факторов с внутренними силами и слабостями, не практикуется построение национальных SWOT-матриц с определенной периодичностью.

Таблица 3. Схема формирования стратегий на основе композиционного подхода к анализу элементов внутренней и внешней среды [составлено автором]

	Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
Благоприятные возможности (Opportunities)	SO стратегия	WO стратегия
Угрозы (Threats)	ST стратегия	WT стратегия

Важным методическим приемом формирования стратегических механизмов управления на основе SWOT-анализа является использование композиционного подхода. Схема формирования стратегий на основе композиционного подхода к анализу элементов внутренней и внешней среды представлена в табл. 3, где:

1. SO – стратегии наступления, использующие сильные стороны компании для реализации возможностей внешней среды;

2. WO – стратегии развития, основной концепцией которых является использование возможностей внешней среды с целью минимизации слабых сторон компании;

3. ST – стратегии защиты, предполагающие использование сильных сторон компании с целью устранения или минимизации угроз внешней среды;

4. WT – стратегии сдерживания, направленные на то, чтобы избавиться от слабых сторон компании и избежать угроз внешней среды.

Использование композиционного подхода в SWOT-анализе в процессе принятия управленческих решений позволяет более квалифицированно подойти к процессу разработки стратегий в современном менеджменте, качественно разделяя влияние отдельных факторов на эффективность функционирования экономической системы.

Анализ свидетельствует о наличии значительных резервов в совершенствовании системы стратегического управления региональным комплексом Молдовы, особенно в институциональном плане. В частности, не просматривается четкого, однозначного, единого для всех органов государственного управления и местных органов публичного управления Молдовы регламента формирования заверщенного цикла стратегического управления регионом и всех его составляющих (территориальных, отраслевых, функциональных).

С целью повышения эффективности системы регионального стратегического управления необходимо разработать и внедрить в экономику страны четко налаженный механизм мониторинга и оценки эффективности реализации региональных стратегий, кото-

рый позволит сверять полученные результаты с нормативными параметрами предусмотренными в стратегических планах и программах, уточняя при необходимости траектории регионального развития, превращая стратегии в работающие документы и конкретизируя их в материалы текущего управления.

Рис.1. Схема механизма подведения итогов реализации стратегии развития региона [7]

Для подведения итогов реализации стратегии развития региона и последующей возможной ее корректировки может быть использована схема механизма завершения цикла стратегического управления (рис.1). Схема базируется на нормативно-правовом и организационно-управленческом обеспечении стратегического

менеджмента, включая сбор, обработку и оформление необходимой информации и способна служить основой создания системы периодической отчетности о ходе реализации стратегии для национальных органов власти (исполнительной и законодательной).

Необходимо обеспечить создание завершенного цикла стратегического управления региона (национальной экономики и составляющих ее элементов), базирующегося на четко регламентированной системе механизма обратной связи и корректировке составляющих системы стратегического управления. Для решения этой проблемы, по мнению автора, целесообразно Институту Стандартизации Молдовы разработать и утвердить на базе международного стандарта ISO 9001:2015 национальный стандарт стратегического управления для всех уровней хозяйствования (национальная экономика, отрасли, территориальные образования, предприятия), предусматривающий рекомендации по функциональным элементам механизма стратегического управления (планирования, организация, координация, стимулирование и контроль).

Неотъемлемой частью формирования стратегических механизмов развития страны является создание стратегических механизмов в отраслях ее экономики. Целесообразно создавать систему стратегического управления на базе международного опыта передовых стран по показателям отрасли. Так, например, для туристической сферы, законодательно признанной приоритетной в Республике Молдова, следует ориентироваться на опыт стран-лидеров по числу международных туристических прибытий. Стратегические меры и документы этих стран могут лечь в основу формирования стратегических механизмов устойчивого роста. Среди них отметим Францию (Национальная стратегия развития туризма до 2020 г.) [10], Великобританию (Стратегия роста въездного туризма Великобритании на 2012-2020 гг.) [1], США (Национальная стратегия путешествий и туризма, принятая в 2012 году) [9] и др.

В целом, на современном этапе стратегические механизмы управления оказывает слабое воздействие на развитие национальной экономики Молдовы. Это объясняется недостатками в формировании стратегических механизмов управления нацио-

нальной экономикой как на законодательном уровне, так и в исполнительском звене (президентура, правительство, органы государственного управления второго уровня и органы местного публичного управления). Государственное управление должно обеспечивать практическое достижение стратегических целей и задач.

Механизм реализации национальной стратегии развития представляет собой совокупность принципов, функций, методов и инструментов управленческого воздействия на процесс социально-экономического развития региона (страны), применяемых органами власти для достижения стратегических целей. Назначение и главная функция этого механизма состоит в обеспечении перевода экономики в качественно новое состояние, характеризующееся достижением стратегических целей и задач его развития.

В общем виде, управление развитием экономической системы можно представить, как построение стратегии развития, определяющей основные цели, общие направления их достижения и ее реализацию, что непосредственно связано с принятием стратегических управленческих решений. В теории принятия управленческих решений активно применяются методы математики, психологии, информатики и др. Новое прогрессивное направление современной теории поддержки и принятия решений заключается в когнитивном моделировании при исследовании управления слабоструктурированными системами и ситуаций. Применение когнитивного подхода, изначально сформировавшегося в рамках социальной психологии – когнитивизма, занимающегося изучением процессов восприятия и познания, привело к формированию особой отрасли знаний – когнитологии, концентрирующейся на исследовании проблем управления (особенно, стратегического назначения) и принятия решений в многовариантных ситуациях вероятностного характера.

Когнитивный подход к моделированию и управлению экономическими системами направлен на разработку формальных моделей и методов, поддерживающих интеллектуальный процесс решения проблем, благодаря учету в этих моделях и методах когнитивных возможностей (восприятие, представление,

познание, понимание, объяснение) субъектов управления при решении управленческих задач [6]. Данный подход представляется нам полезным при формировании стратегических механизмов развития Молдовы. Однако следует учитывать значительные угрозы при реализации управленческих решений, основанных на недостаточно профессиональных моделях и методах.

Анализ текущего состояния социально-экономического развития Республики Молдова позволяет сделать вывод о недостаточной обоснованности и результативности действующей системы государственного управления и необходимости ее совершенствования вплоть до кардинальной модернизации. Для более успешного государственного управления экономикой и достижения высоких результатов от применения стратегических механизмов на национальном уровне необходима целенаправленная систематизация и глубокая модернизация существующей системы государственного управления социально-экономическим развитием с учетом стратегических целей и задач долгосрочного развития Молдовы. Добиться видимых результатов здесь возможно лишь на основе проведения всеобъемлющих исследований состояния национальной экономики на базе использования методов стратегического маркетинга и стратегического менеджмента.

Можно предположить, что массовое нецелевое и неэффективное использование механизмов стратегического менеджмента и стратегического маркетинга в стране обусловлено, в частности, пробелами в современном непрерывном экономическом образовании работников органов государственного и местного управления, а также представителей экспертного сообщества, работающих в системе государственного и местного управления. Очевидно целесообразно реформировать образовательную систему для взрослых (непрерывное последипломное обучение) в направлении углубленного изучения практических аспектов совершенствования управления всей экономической системой, отдельными ее отраслями и видами деятельности, на базе современных методов и концепций стратегического менеджмента и стратегического маркетинга. Основной упор в системе непре-

ровного экономического образования работников сферы государственного и местного публичного управления следует сконцентрировать на организации и проведении деловых игр, разборе конкретных ситуаций и других прогрессивных образовательных методик активизации слушателей.

Выводы и рекомендации.

- Теоретические аспекты стратегического менеджмента проработаны для макроуровня не так детально, как для уровня предприятия. Однако схожесть методов, форм, принципов, функций стратегического менеджмента применительно к различным уровням хозяйствования позволяет использовать на региональном (национальном, отраслевом, территориальном, муниципальном) уровне таких методов, как SWOT-анализ, PEST-анализ, GAP-анализ, Матрица ANSOFF, Marketing mix и др.
- SWOT-анализ используется в Республике Молдова на национальном уровне, однако существуют некоторые неточности при его проведении. Целесообразно разработать и довести до всех звеньев экономической системы страны методические нормы и требования при разработке таких форм стратегического менеджмента как, например, SWOT анализ, чтобы избежать в будущем традиционных ошибок в его осуществлении.
- В современных условиях развития Республики Молдова представляется необходимым обеспечить функционирование стратегических механизмов управления региональной (национальной) экономики во всех сферах управления хозяйственным комплексом страны (законодательная и исполнительная власть) и на всех уровнях хозяйственной иерархии (президентура, правительство, органы местного публичного управления).
- Разработку, внедрение и обеспечение функционирования системы стратегических механизмов на базе международного опыта необходимо конкретизировать по отраслям национальной экономики (особенно приоритетным). В частности, в сфере туризма Молдовы целесообразно использовать стратегические наработки таких стран, как Франция, Великобритания, США и др.

- Необходимо разработать завершённый цикл стратегического управления, который позволит повысить эффективность системы регионального стратегического управления, подводя итоги реализации стратегии развития региона и предоставляя возможность последующей ее корректировки.
- В целях создания завершённого цикла стратегического управления национальной экономикой и составляющими ее элементами, Институту Стандартизации Молдовы целесообразно разработать и утвердить на базе международного стандарта ISO 9001:2015 национальный стандарт (регламент) стратегического управления для всех уровней хозяйствования, вобравший в себя наиболее прогрессивные международные наработки в этой области.
- Целесообразно изучить возможность использования в Молдове современных механизмов когнитивного подхода принятия решений по коалиционному управлению плохо определенной динамической системы в условиях неопределенности.
- Нуждается в реформировании система непрерывного экономического образования (повышения квалификации) кадров государственного, местного публичного управления и экспертного сообщества страны, принимающих участие в разработке нормативной базы Молдовы (парламент, президентура, правительство, органы местного публичного управления). Необходимо обеспечить качество экономической грамотности специалистов всех сфер и уровней управления, нацелив образовательный процесс на практические аспекты использования современных методов стратегического менеджмента и стратегического маркетинга на базе проведения деловых игр, разбора конкретных ситуаций и других прогрессивных образовательных методик активизации слушателей.

Библиография

1. Crotenco Irina. Strategic aspects of national tourism sector management in Great Britain. In: Scientific symposium of young researchers: Dedicated to the 25th anniversary of the Academy of Economic Studies of Moldova, Ed. a 14-a,

- April 22-23, 2016, Vol.1. – Chişinău: ASEM, 2016. – 337 p. – P.130-134. – ISBN 978-9975-75-823-9.
2. European Bank for Reconstruction and Development. <http://www.ebrd.com/home>.
  3. European Commission. The TACIS Programme. http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-92-54_en.htm.
  4. KPMG International. <https://home.kpmg.com/xx/en/home.html>.
  5. United Nations Industrial Development Organization. <http://www.unido.org>.
  6. Авдеева З.К. и др. Когнитивный подход в управлении. В: Control Sciences, №3. Институт проблем управления РАН. Москва, 2007. <https://cyberleninka.ru/article/v/kognitivnyu-podhod-v-upravlenii>.
  7. Егоров К. Ю. Оценка процессов формирования и реализации стратегий социально-экономического развития регионов России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Самара, 2010. <http://pandia.ru/144276/>.
  8. Закон РМ об утверждении Национальной стратегии развития на 2008–2011 годы. № 295 от 21.12.2007. В: Monitorul Oficial, 29.01.2008, № 18-20.
  9. Кротенко И.Ю. Опыт стратегического управление системой регионально-го туризма. În: Materialele Conferinței naționale cu participare internațională “Strategii și politici de management în economia contemporană”, 25-26 martie 2016, ed. a V-a. – Chişinău: ASEM, 2016. – 250 p. – P.216-220. – ISBN 978-9975-75-791-1.
  10. Кротенко И.Ю. Организационная основа стратегического менеджмента национальной туристической сферы Франции. În: Materialele Conferinței științifico-practice internaționale „Particularitățile dezvoltării economiei mondiale în condițiile globalizării”, 15 aprilie 2016. – Chişinău: IRIM, 2016. – 570 p. – P.531-546. – ISBN 978-9975-3092-7-1.
  11. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Москва. Издательство «ДЕЛО», 1997. – 493 с.
  12. Постановление правительства РМ об утверждении Национальной стратегии устойчивого развития агропромышленного комплекса Республики Молдова (2008-2015 гг.). № 282 от 11.03.2008. В: Monitorul Oficial, 21.03.2008, № 57-60.
  13. Постановление Правительства РМ об утверждении Стратегии туризма «Туризм 2020» и Плана действий по внедрению Стратегии развития туризма «Туризм 2020» на 2014-2016 гг. № 338 от 19.05.2014. В: Monitorul Oficial, 23.05.2014, № 127-133.
  14. Томпсон А.А.,мл., Стрикленд А.Дж.,III. Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации. М.: ИНФРА-М, 2000. — 411 с.

ROLUL ȘI IMPORTANȚA INOVAȚIEI PENTRU CREȘTEREA COMPETITIVITĂȚII ȚĂRII

Maxim SANDU, manager ITQS

Rezumat

Tendențele globale majore din ce în ce mai mult ne conduc la căutarea inevitabilității de noi oportunități de creștere a eficienței economice și sociale, de îmbunătățire a producției și a proceselor tehnologice. Principalele stimulente ale creșterii economice la nivel mondial se evidențiază doi factori: globalizarea și inovația. Globalizarea, aprofundând interdependența și interacțiunea între diferitele domenii și procese ale economiei mondiale, are o influență mai mare asupra schimbărilor cantitative (cu siguranță, din cauza interferențelor, există modificări calitative), inovațiile - în mod esențial transformă caracteristicile calitative ale creșterii economice. Sub influența acestor factori interdependenți la sfârșitul secolului XX, omenirea a intrat într-o nouă fază a dezvoltării sale - construirea unei societăți post-industriale, în cazul în care rolul principal aparține inovării, sistemelor informatice în procesul de producție și de transformare economică, formării mediului inovațional în diferite domenii ale activității umane. Dezvoltarea durabilă s-a realizat prin trecerea la o cale inovatoare de dezvoltare, reducând, în acest caz, dependența externă și sporirea securității naționale.

Cuvinte-cheie: *inovare, competitivitate, creștere economică, avantaje, dezvoltare, IT-sisteme*

THE ROLE AND IMPORTANCE OF INNOVATION FOR THE GROWTH OF THE COUNTRY'S COMPETITIVENESS

Abstract

Major global trends increasingly lead us to the search for the inevitability of new opportunities for increasing economic and social efficiency, improving production and technological processes. The main incentives for global economic growth are two factors: globalization and innovation. Globalization, deepening interdependence and interaction between the different areas and processes of the world economy, has a greater influence on quantitative changes (certainly because of interference, there are qualitative changes), innovations - essentially transform the qualitative characteristics of economic growth. Under the influence of these interdependent factors at the end of the 20th century, mankind has entered a new phase of its development - building a post-industrial society, where the main role belongs to innovation, information systems in the process of economic production and transformation, forming innovation in different areas of human activity. Sustainable development has been achieved by moving to an innovative development path, reducing external dependence and increasing national security in this case.

Keywords: innovation, competitive, economic growth, advantages, development, IT-systems

Introduction. The main trend of development of modern economy is the process of formation of an innovative economy - economy based on knowledge, subsequently becoming a knowledge economy, as the higher phase of the innovation economy. In terms of actuality, this phenomenon it is superior to all others, because the pace of innovation development in the XXI century will depend not only on the pace of global economic growth, but also the sovereignty of States, and the level of their national security. Considering the historical perspective of economic development, it should be noted that the dynamic economic growth has always been an important factor in the competitiveness of the country in the market system. In the process of historical perfection of market economy model, the priority attention was always given to the development of production based on the continuous improvement of technical and technological base, the activation of activity on implementation in the production of scientific and technological development results, the creation and implementation of new technological processes in the sector of production of goods and services sector.

The purpose of research is to study and identify the main assumptions and factors of the impact of innovation to increase the competitiveness of the country and state approval.

When conducting research the author has resorted to a variety of **research methods**, as the empirical method, analysis, comparison, induction, deduction, and others.

Results and analysis. However, the development of traditional market economy built on the constant increase in the use of extensive factors of production, in the first place, such as natural and human resources, environmental, and financial capacity, the fixed knowledge in the second half of the last century almost exhausted the potential for sustainable growth. In the presented in 1972 to the Rome Club report "The Limits to Growth" argued that the preservation of existing tendencies of development has reached critical limits, and has led to visible horizon depletion of natural resources, substan-

tial pollution of the environment.... Authors of the report - the group under the leadership of J. Forrester and D. Meadows (United States) - . Insisted on the urgent measures to "environmental and economic stabilization" and the transition from economic growth to global equilibrium[2].

Raising to the absolute the negative trends of an unlimited development of humanity, the authors of "The Limits to Growth" revealed the illusory nature of the arising well – being in developed countries, based on the perspective, defectiveness of the principle of maximal growth of production and consumption. At the international level, began the search of for a new development concept - originated the theory of sustainable development. The idea of sustainable development has been developed by the UN Commission's report "Our Common Future" (1987), chaired by Norwegian Prime Minister Mrs. Brundtland. *It is understood as development that meets the needs of the present generation without hindering the ability of future generations to meet their own needs.* From this it follows that sustainable development must be based on a humane idea of improving the quality of life for present and future generations. In the future, an attempt was made at the international level to translate the idea of sustainable development into concrete international commitments and national plans. Thus, into strategies of the international community for the new century, which is presented in the "Agenda of the XXI century", adopted at the UN Conference in 1992, by the leaders of all countries of the world, notes that since much of the planet's natural resources is exhausted and it is threatened by overpopulation, and ecological environment has become increasingly unfavorable, following the same humanity through the development is unacceptable[3]. Hence, it became necessary to move to a model of sustainable development by which the satisfaction of vital needs of the present generation is ensured by the preservation of such opportunity for the next generations. Moreover, the development of stability in modern conditions can give, only permanent, comprehensive, resource saving innovations, especially in the technological sphere. All this required the development of a new philosophy and an

integrated global development strategy, a new understanding of how we live and work, how behave with each other, how and what decisions we take. It has become absolutely clear that the growth can only provide a completely new knowledge, which is becoming an important factor of production, and its level is caused by the increment of new knowledge and the higher the rise, the greater the value of the increment. Emerged an understanding of the innovation economy as the economy with a new type of economic system, when in the production are dominating the high – technologies, there is a continuous and comprehensive flow of implementation of innovation, and at the creation of national product, the leading role becomes to belong to the science and education[1].

In the science exists other points of view on the genesis and factors of occurrence of the innovation economy, on the evolution of views within the meaning of the "innovation" term. Some authors believe that innovations emerged with Homo sapiens in ancient times, in the form of fire, batons, stone ax, etc., and accompanies the mankind so far, that is, under innovations is understood as a continuous improvement of the instruments of labor and means of production. In this understanding the "innovations - a new element in the known phenomenon"[1].

However, the author adheres to the scientific point of view and the theory of economic development of innovative economy, which laid the outstanding scientist, Austrian economist Joseph Schumpeter. His fundamental monograph "The Theory of Economic Development" (which is based on the theory of economic dynamics) was published at the beginning of the twentieth century, and reprinted in 1911, 1926 and 1934. Joseph Schumpeter was the first who introduced the distinction between growth and development of the economy, gave the definition of innovations and classified them[4].

Thus, the main feature of the innovation economy, according to the author, is not the novelty of "in a certain phenomenon" element, but the creation of a new product, a new method of production, i.e. the basis for innovation is the novelty of the object and of the process, not the element[5]. According to Schumpeter, the economic dynamics is based

on the dissemination of innovations in various areas of economic life, economic processes and directly in the production.

- the creation of a new product with which consumers are not yet familiar, or new product quality;	
	- the creation of a new method of production, which has not been yet tested in this industry, which is not necessarily based on a new scientific discovery and may consist in a new form of commercial circulation of the goods;
	- the opening of a new market, i.e. the market in which this industry in the country has not yet traded, regardless of whether or not this market has existed before;
	- the discovery of a new source of production factors, again irrespective of whether this source already exist, or it had to be re-created;
	- the creation of a new organization of industry, for example, to achieve the monopoly or the liquidation of monopolistic positions.

Fig. 1. His concept (innovations) includes five features

Subsequently, the theory of economic dynamics of Schumpeter was developed in the writings of eminent scientists: F. Hayek (the concept of the scattered analysis), D. North (institutional theory), R. Solow (STP role in economic growth), P. Romer and Robert Lucas (the new theory of growth), K. Freeman (Research Institute of scientific practice of Sussex University, Great Britain), B.-A. Lundvall (University of Uppsala, Sweden) and Robert Nelson (Columbia University, USA) on the basis of these studies, as well as on the basis of the performance of the analysis of innovation activities in various countries have laid the foundations of the theory of formation of national innovation systems[6]. The concept of innovation systems allows determining the prerequisites and necessary conditions of cooperation in the innovative development of the economy, which is gradually becoming systemic. With in-depth development of capitalism began to form practical innovation sector of the economy, including

special education, science, creative entrepreneurs and interested in innovations state. For the first time, the practical basis for the innovation economy began to emerge in the United States. As the famous American futurist Alvin Toffler mentioned, back in 1956 .: " Its first symbolic indication appeared the disappearance of the smoke stack economy of the Second Wave and the birth of a new economy of the Third Wave -" white-collar "employees, which surpassed factory workers with "blue – collars". But, according to the author, the sector of the innovation economy began to occupy a dominant position only in the second half of the twentieth century when the leading in scientific and technical terms countries of the world began to form a post-industrial society, when the excess profits, according to the teachings of Daniel Bell on the postindustrial economy, has become created not due to production, but due to the establishment of new industries and markets. The considered in the teachings of Daniel Bell and George Galbraith concept of "post-industrial society" was an important step towards understanding the process of human development in general. In 1990-ies, based on it were formed ideas about the "information society" and then on "a society based on knowledge." Thus, innovative economy became the basis of the following economic structure, which is replacing the industrial economy. Innovation activity implies a continuous updating of knowledge, mentality, technical and technological base of production, development and production of new competitive production, efficient penetration of world markets for goods and services. All this requires reforms in all spheres of public life and economic activity in general[7].

The innovation, innovation activity, innovation processes - concepts that have currently the most diverse and broad interpretation [1]. The spread of these concepts in the processes relating to all new, including new ideas and inventions, new scientific achievements, new knowledge and technologies, new results of fundamental and exploratory research projects gave rise to their unscientific, household understanding that led to the confusion of two concepts: *the innovation one and new*. Interpretation of innovation activity as something new, now covers almost all of what is understood by sci-

entific and technical progress, mixing, at the same time, research and innovation priorities, creating misconceptions about the sameness of infrastructure requirements, providing scientific - technical and innovation development.

To substantiate this thesis we shall extend the understanding of scientific and technological progress, and conditionally divide into two main interconnected and complementary components: scientific, technical and production-technical. The result of scientific and technological progress are the scientific achievements - *new knowledge*, new scientific and technological ideas, discoveries and inventions, new technologies on fundamentally new principles. The result of production and technological progress are the production and technical achievements - innovation, the creation of which involves the purposeful professional development and the creation of new technologies, new systems, machines, equipment, new methods of organization and production planning, etc .; practical implementation of innovations created by the consumer either through the market or through the mechanism of "order - execution"; ensuring effective use of the innovative creative product; research and obtaining new scientific and technical developments necessary for the creation and implementation demanded by the market and customer innovation.

Conclusions. From the above can be concluded that, under the innovative activity should be understood activities aimed at the development and implementation of "turnkey" production- technical and technological advances - innovation, innovation based on scientific achievements and advanced production technologies. Innovative activities should provide innovative growth and to close the gap between the existing level of the already received and verified scientific and technical achievements and their counterparts on the innovative companies in the world. Hence, it follows that the intensity of innovative activity – is the most important condition for the formation of an effective innovation economy and ensures national security.

Bibliographie

1. Ganea V., Nohailfc S. Optimizarea creşterii economice prin intermediul difuzării inovaţiilor în condiţii de risc şi incertitudine. Revista ştiinţifică *Studia Universitatis*, seria Ştiinţe exacte şi economice, 2009, nr. 2(22), p.224-228.
2. Gribincea A. Competitivitatea ţărilor Europei Centrale şi de Est în condiţiile globalizării. Chişinău: *IRIM*, 2009, -142 p.
3. Hoda Salame. Economie inovatoare: precondiţii şi factori de formare şi dezvoltare. Revista *Administrarea Publică*, 2017, nr. 1, pp. 91-99.
4. Maximilian S., Todorova L. Моделирование индикаторов эффективности инновационных технологий: методологический подход. *Anale ULIM*, 2014, vil 15, p.24-34.
5. Oweidah J. Глобализация интеллекта в постиндустриальную эпоху. Revista *Studii Economice*, 2009, nr.3-4, C.106-113.
6. Percinschi N. Corporaţiile transnaţionale ca promotor al dezvoltării durabile economice. Chişinău: *ULIM*, 2014, 230 p.
7. Percinschi N. Теоретические подходы к формированию рынка инновационных ресурсов в Молдове в условиях перехода к новой экономике. *Analele ULIM*, vol.8, Seria Economie, Chişinău: *ULIM*, 2009, nr. 8, p.59-64.

RISCURILE ȘI ÎNCREDREA ÎN SPAȚIUL EUROPEAN DUPĂ BREXIT

*Silvia LAZARI, referent, Parlamentul Republicii Moldova
Virginia COJOCARU, USM*

Rezumat

Uniunea Europeană se îndreaptă spre dezintegrare, astfel încât toți cei care împărtășesc valorile comune pentru care a fost creată Uniunea Europeană, trebuie să se unească în cele din urmă pentru a rezista și a avansa. Sunt convinși că Marea Britanie înaintea referendumului a fost în măsură să convină partenerii asupra cele mai bune dintre toate condițiile posibile de colaborare în cadrul Uniunii Europene, cum ar fi participarea la piața comună, fără obligația de a intra în zona euro, împreună cu câteva excepții de la regulile UE. Cu toate acestea, nu a fost suficient pentru a preveni votul alegătorilor britanici pentru retragerea din UE. Cercetările s-au axat pe investigarea posibilităților de avansare economică în UE, cu diferite viteze. Rezultatele conving că acest lucru este posibil, doar trebuie de ajustat strategiile fiecărui stat.

***Cuvinte-cheie:** Uniunea Europeană, consecințe, perspective, cooperare economică, consultații, politica și viteza de întregire economică*

RISKS AND CONFIDENCE IN THE EUROPEAN AREA AFTER BREXIT

Abstract

The European Union is moving towards disintegration so that all who share the common values for which the European Union has been created must eventually unite to resist advancing. They are convinced that the UK before the referendum was able to agree on the best possible conditions for cooperation within the European Union, such as participation in the common market without the obligation to enter the euro area, with some exceptions from EU rules. However, it was not enough to prevent British voters from withdrawing from the EU. Research has focused on investigating possibilities for economic advancement in the EU at different speeds. The results convinced that this is possible, only the strategies of each state need to be adjusted.

***Keywords:** European Union, consequences, prospects, economic cooperation, consultations, policy and speed of economic integration*

Introducere. Comisia europeană a elaborat Cartea Albă, pe care o va adopta în ajun de 60 de ani a fondării UE. Strategia, prezentată la 1 martie 2017 se poate număra printre realizările UE în cei șapte

decenii de pace și o Uniune extinsă, în care 500 de milioane de cetățeni trăiesc în libertate într-una dintre cele mai prospere economii, în opinia conducătorilor UE. În același timp, UE trebuie să privească înainte, stabilind modul în care își va contura o viziune a viitorului său cu 27 de state membre. Cartea albă prezintă principalele provocări și oportunități ale Europei din următorul deceniu. Sunt prezentate cinci scenarii ale modului în care Europa ar putea evolua până în 2025, în funcție de modul în care alege să răspundă.

Scopul investigației constă în cercetarea problemelor din spațiul UE după Brexit și estimarea perspectivelor dezvoltării spațiului european în viitoarea perspectivă 2025.

Metodologia cercetării include metoda istorică, statistică, de extrapolare, comparație, inducție, deducție etc.

Cercetare și analiză. În pofida faptului că numărul populației UE constituie circa 7% din populația de pe Terra, legăturile și tranzacțiile comerciale cu alte țări și regiuni din lume, care înglobează circa 20% din comerțul mondial (exporturile și importurile). De rând cu SUA și China, UE reprezintă cel de-al treilea actor global important din comerțul mondial. Investigațiile denotă, că recent doi ani exporturile de produse din UE au cifrat 14,9 % din volumul la scară globală. Această cotă a fost devansată din tot parcursul existenței UE de China (15,5 %), fiind peste cota către China de exportul Statelor Unite (12,2 %). Contrar exporturilor, importurile SUA au atins cea mai semnificativă cotă din totalul global (16%), depășind atât UE (14,9 %), cât și China (13 %). Rezultatele economice par mai benefice ca problemele sociale și ale migrației. Răspunsul poate fi găsit în rezultatele cercetărilor privind opinia publică despre criza migrației. În Europa se desfășoară o criză a migrației, pe când în Marea Britanie se discută asupra Brexit, fiind influențate reciproc. Părtașii ieșirii din UE se bazau pe faptul înrăutățirii situației cu refugiații (simbolurile ei devenind tablourile groaznice cu mii de refugiați, adunați la Cale, pentru a pătrunde în Marea Britanie) pentru a declanșa panică în fața imigrației necontrolate din alte state UE. Problema se agrava din cauza tărăgănării deciziilor vizând refugiații, cu tendința de a evita influența lor negativă asupra referendumului britanic, multiplicând opiniile de panică. Politica

Germaniei și deciziile cancelarului A.Merkel (Kasner, 1954) prin deschiderea pe larg porțile în fața refugiaților a devenit un gest mărinimos, fără a fi bine chibzuit, deoarece ignorau totalmente planurile refugiaților [3]. Fluxul de refugiați a bulversat viața cotidiană în multe țări UE - populația locală; autoritățile și organele de menținere a liniștii publice; înșăși refugiații. Situația a deschis calea spre o creștere rapidă a partidelor xenofobe anti-europene (cum ar fi Partidul Independenței Regatului Unit, plasându-se în fruntea campaniei pentru o ieșire din UE), în timp ce guvernele naționale și instituțiile europene păreau complet incapabile să rezolve această criză [4].

Frontul antieuropean. Acum suspiciunea de risc a devenit o realitate, ceea ce poate conduce la dezintegrarea practic ireversibilă a UE. Indiferent dacă Marea Britanie va beneficia în cele din urmă din părăsirea UE sau nu, economia țării și populația vor fi supuse încercărilor dure. Imediat după vot, valuta națională din UE a scăzut, piețele financiare globale sunt în așteptarea schimbărilor. Consecințele pentru economia reală poate fi comparabilă cu o criză financiară.

Acest proces se va confrunta, fără îndoială, cu creșterea incertitudinii și riscul politic, deoarece nu vorbim doar de avantaje pentru Marea Britanie, ci înșăși supraviețuirea proiectului european. Brexit deschide porțile pentru alte forțe anti-europene în cadrul UE. De îndată după referendumul britanic, s-a cerut retragerea Franței din UE (Frexit) și olandezii au declarat în Olanda (Nexit). Sub amenințare s-a dovedit a fi supraviețuirea în Marea Britanie. Scoția și Irlanda de Nord doreșc să rămână în UE [1].

Evenimente în UE. O altă lovitură ar putea deveni răspunsul UE. Liderii europeni, au încercat să sperie celelalte țări ale UE să nu încerce să urmeze exemplul britanic, prin limitarea accesului la piața UE, care s-ar atenua cu procesul de ieșire dureros. UE reprezintă jumătate din comerțul britanic, astfel încât impactul asupra exportatorilor poate fi moartea, chiar și spori competitivitatea valutei naționale. În anii următori, este de așteptat ca instituțiile financiare vor începe să transfere operațiunile și personalul său în centrele financiare din zona euro, în consecință, City of London (Londra, și piața de locuințe), vor avea de suferit [7].

Consecințele pot fi chiar mai rele pentru Europa. Divergențele

între țările UE au ajuns la un nivel periculos, și nu numai din cauza refugiaților, dar, de asemenea, din cauza tensiunii extreme în relațiile dintre țările creditoare și țările debitoare în cadrul zonei euro [9]. Între timp, conducerea Franței și Germaniei, slăbite, în prezent sunt complet concentrate pe probleme interne. Iar în Italia, piața de valori a diminuat cu 10%, imediat după știrile din Londra, demonstrând riscul unei crize bancare cu drepturi depline [5]. O astfel de criză ar putea impulsiona schimbări în politica țărilor-membre UE-27.

Sunt necesare restructurări. Toate acestea reduc șansele pentru o reformă în zona euro, care ar trebui să includă crearea unei uniuni bancare adevărate, uniune fiscală limitată și mecanisme de control democratice mult mai puternice. Timpul, însă, nu este de partea Europei: presiunea externă din țări precum Turcia și alte țări, folosind toate aceste tensiuni în propriile lor interese [6].

Toate țările din Europa, inclusiv Marea Britanie, vor suferi în urma pierderii unei piețe comune și valorilor comune, create pentru protecția Uniunii Europene. Cu toate acestea, Uniunea Europeană într-adevăr este supusă tensiunilor centrifuge și de „fragmentare” [10], nu mai satisface nevoile și aspirațiile cetățenilor săi (fig.1). El se mută la o dezintegrare dezordonată, ca urmare a căreia situația din Europa ar putea deveni mai rea decât ar putea fi în cazul în care UE nu ar fi existat.

Dar nu este cazul să renunțăm. Toată lumea recunoaște că UE este o structură cu deficiențe. După Brexit, toate țările care cred în valorile și principiile UE, trebuie să se unească pentru a salva Uniunea Europeană prin restructurare aprofundată. Suntem convinși că pe viitor situația se va ameliora.

Economia UE crește în mod constant, destul de bune pentru țările industrializate, nici una dintre cele 27 de țări ale UE nu se confruntă cu o recesiune. La sfârșitul anului, în al treilea trimestru din 2016 PIB-ul total a crescut în țările UE, față de aceeași perioadă a anului 2015 cu 1,8%, în timp ce în zona euro – cu 1,6%. Acest lucru este mai bun decât în Statele Unite, în cazul în care în aceeași perioadă a fost doar de 1,5%. Primele trei luni după deciziile britanice demonstrează prin datele Eurostat, că decizia Marii Britanii de a părăsi Uniunea Europeană nu a afectat în mod negativ economia UE [8].

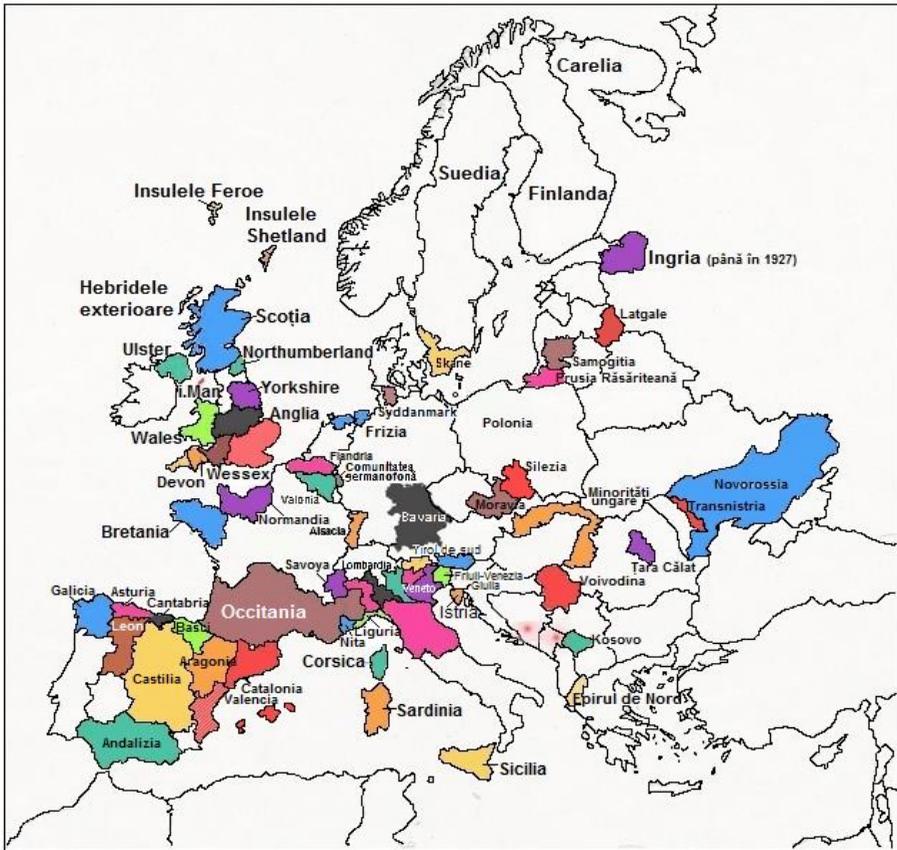

Fig. 1. Harta regiunilor rebele (tensiunilor centrifuge și de „fragmentare”) din spațiul european.

Sursa: investigațiile autorilor

Propunerile făcute pe 1 martie 2017 în cadrul UE prin lansarea Cărții albe, prezintă cinci scenarii, fiecare dintre ele conturând modul în care ar putea arăta Uniunea la orizontul anului 2025, în funcție de alegerile pe care le va face Europa. Strategia cuprinde o gamă de oportunități pentru viitorul UE, de perspectivă și bune de implementat.

1) Scenariul 1: Parcurgerea traseului fixat – pentru membrii UE-27 calea dezvoltării va urma agenda stabilită prin reforme, după genericul „Un nou început pentru Europa” conform celor declarate la Bratislava (2014 și 2016). Scenariul până în anul 2025 semnifică:

- Depășirea obstacolelor existente de natură juridică și tehnică la traversarea hotarelor.
- Înlăturarea pierderilor de timp, legate de controale și stopări în punctele de hotar.

2)Scenariul 2: Baza dezvoltării este piața unică. Cele 27 de state UE trebuie până în 2025 să depășească politicile vizând accesul la piața comunitară, deoarece tensiunile sunt mari:

- Trebuie de depășit problemele de la frontiere, legate de controalele regulate. În prezent aceasta frânează circulația liberă a forței de muncă, transferul drepturilor de pensie în altă țară, asigurarea medicală, taxele pentru serviciile medicale etc.
- Depășirea reticențelor față de utilizarea automobilelor, lipsa unor norme și standarde tehnice pentru spațiul UE.

3)Scenariul 3: Dezvoltarea cooperării și integrării se realizează între țări de comun acord. În cadrul UE-27, până în 2025, se formează „coalitii ale celor care doresc să realizeze mai mult”:

- 15 țări-membre înființează o unitate de poliție și procuratură pentru investigarea infracțiunilor de frontieră. Bazele de date trebuie să fie complet interconectabile pentru toate țările.
- 12 state-membre trebuie să-și armonizeze normele în materie de răspundere și standardele tehnice.

4) Scenariul 4: Cu mijloace mici a făcut lucruri foarte mari (idee ca pe fostul soclu al monumentului lui Ștefan cel Mare) [2]. Țările UE-27 până în 2025 se vor axa pe rezultate rapide și eficiente în:

- A favoriza dezvoltarea telecomunicațiilor, pentru comunicare transfrontaliere rapidă, utilizarea informației de interes reciproc.
- Formarea unor structuri antiteror eficiente.

5) Scenariul 5: Unde sunt mulți – puterea crește. Împreună, până în 2025, statele membre pot decide cu mai multe competențe, resurse și puteri decizionale. Scenariul poate fi realizat în domeniile, unde doar în comun poate fi obținut rezultat pozitiv (energia, ecologia etc.), stabilirea unor norme clare la nivelul UE pentru automobile și șoferii.

Cartea albă trebuie să semnifice un început, prin care UE-27 vor lucra la edificarea UE pe viitor. Pentru aceasta, Comisia Europeană și

Parlamentul European tind să promoveze pe larg strategiile pe termen lung ale UE vizând dezvoltarea dimensiunii sociale a Europei; aprofundarea uniunii economice și monetare; valorificarea oportunităților globalizării; viitorul apărării Europei; viitorul finanțelor UE.

Concluzii. Separatismul, regionalismul și autonomia - aceste cuvinte în Uniunea Europeană sunt din ce în ce mai actuale și frecvente. Parțial de vină este criza economică, consolidarea parțială a integrării europene (țările europene greu se înțeleg unii pe alții), parțial interesele elitelor locale, care-și croiesc „un loc sub soarele” în secolului XXI. Cu toate acestea în Europa locuiesc milioane de minorități naționale, care și ei un cuvânt de spus. În aceste condiții Cartea albă este un pilon firav, de care dorin să ne agățăm, sprijinind valorile UE în perspectiva anului 2025.

Referințe bibliografice

1. Brexit și viitorul Europei: principalele riscuri. <http://www.rbc.ru/opinions/economics/27/06/2016/5770def49a7947c153b09329> (consultat la 02.03.2017).
2. Cui îi încurca statuia lui Ștefan cel Mare și Sfânt. <http://www.ziarulnational.md/cui-ii-incurca-statuia-lui-stefan-cel-mare-si-sfant/> (consultat la 02.03.2017).
3. Gribincea A. European economy and migration problems. Dezvoltarea sistemelor Economice moderne: Provocări și alternative a le secolului XXI». Materialele conferinței internaționale, 26-27 noiembrie 2015, Chișinău: Universitatea Slavonă, 2016. – 259 p. pp. 36-41.
4. Gribincea A. Golovataia L., Brovca Gh. Economie mondială, migrația și securitatea economică. Monografie. Chișinău: IRIM, 2014, 306 p.
5. Gribincea A., Bircă Iu., S.Lazari. Convergența migrației la exigențele Uniunii Europene. Revista *Economie și sociologie*, 2014, nr. 1, p. 84-91.
6. Gribincea A., Cojocar V. Impactul migrației asupra situației economice. Revista *Economie și sociologie*, 2016, nr.1, pp. 87-95.
7. Gribincea A., Cojocar V. Migrația – o problemă majoră pentru membrii Uniunii Europene și țările învecinate. Revista „Economică” nr.4 (98) 2016, pp.33-44.
8. Gribincea A., Lazari S. Imigrația în Uniunea Europeană: probleme și soluții. Revista *Administrarea Publică*, 2016, nr. 1, pp. 97-106.
9. Gribincea A., Lazari S. Migrația economică și efectele sale. În: Revista *Studii Economice*. An. 9, 2015, nr.2, p. 44-52.
10. NATO si UE, tendinte centrifuge si de „fragmentare”. <http://www.contributors.ro/global-europa/nato-si-ue/> (consultat la 02.03.2017).

POLITICA SECURITĂȚII ECONOMICE A STATULUI MIC

Viorica ȚURCANU, doctorandă, ULIM

Ludmila TĂBĂCARU, manager, Federația Moldovenească de Fotbal

Virginia COJOCARU, USM

Silvia LAZARI, referent, Parlamentul Republicii Moldova

Rezumat

Principalele puteri economice caută anumite avantaje personale, care asigură pe termen lung strategiile naționale. În acest context, apar războaiele economice, comerciale în vederea consolidării infrastructurilor naționale pentru crearea intenționată a situației geopolitice convenabile anumitor actori economici internaționali. În stadiul actual al dezvoltării economice mondiale, diferențierea joacă un rol important în puterea economică dintre state, în cazul în care dezvoltarea economică are un rol deosebit în economia mondială. Dezvoltarea continuă a sistemelor economice ale lumii dau avantaje unilaterale în care țările au prioritate economică. Se consideră că poziția economică puternică are adesea un impact mai mare asupra veniturilor decât forța de muncă ieftină, noi tehnologii și o bună guvernare, în timp ce cei mai slabi participanți la economia mondială nu-și pot proteja interesele în mod egal.

Cuvinte-cheie: securitate economică, stat mic, inferioritatea teritorială, avantaj economic, creșterea economică, economia globală, amenințări externe, actori internaționali

SMALL STATES' POLICIES OF ECONOMIC SECURITY

Abstract

The main economic powers are looking for some personal benefits that ensure long-term national strategies. Against this background, economic, commercial wars are emerging to strengthen national infrastructures for the purpose of deliberately creating a geopolitical situation that is suitable for certain international economic actors. In the current state of world economic development, differentiation plays an important role in the economic power between states, where economic development has a particular role in the world economy. The continuous development of the world's economic systems gives unilateral advantages in which countries have economic priority. It is considered that a strong economic position often has a greater impact on incomes than cheap labor, new technologies and good governance, while the weakest participants in the world economy cannot protect their interests equally.

Keywords: economic security, small state, territorial inferiority, economic advantage, economic growth, the global economy, foreign threats, international actors

Introducere. Securitatea economică reprezintă o categorie complexă cu mai multe fațete economice, care are structura internă destul de complicată. Analizând proceselor actuale și înțelegând experiența rezolvării acestor probleme se pot distinge trei elemente majore:

- independența economică, ceea ce înseamnă în primul rând posibilitatea controlului statului asupra resurselor naționale, capacitatea de a utiliza avantaje competitive naționale pentru a asigura o participare egală în comerțul internațional;

- rezistență și stabilitate a economiei naționale, oferind durabilitate și fiabilitate tuturor elementelor sistemului economic, de protecție a tuturor formelor de proprietate, crearea unor garanții eficiente pentru desfășurarea activității de întreprinzător, descurajarea factori destabilizatori;

- capacitatea de auto-dezvoltare și progres, adică, capacitatea de a pune în aplicare în mod independent și de a proteja interesele economice naționale, la modernizarea constantă a producției, a investițiilor eficiente și a politicii de inovare și de a dezvolta potențialul intelectual și forței de muncă.

Astfel, esența securității economice poate fi definită ca o stare a economiei și instituțiile guvernamentale, care prevede protecția garantată a intereselor naționale, independența politicii economice alese, dimensiunea socială a reformelor economice capacităților de apărare suficiente chiar și în condiții nefavorabile ale proceselor interne și externe.

Obiectivul cercetării constă în studierea noțiunii de securitate, securitate națională și securitate economică în scopul aprecierii gradului de risc și securitate al țărilor mici și oportunitatea de sporire al securității economice.

Metodologia cercetării apelează la comparație, analiză, previziune, extrapolare, istorică, deducție, inducție etc.

Rezultate și analiză. Politica de securitate economică se bazează pe anumite principii care creează cadrul politic și juridic pentru evaluarea formării amenințărilor externe și interne a intereselor economice naționale și strategia de securitate economică.

Printre principiile de bază ale securității economice naționale se numără:

- statul de drept în securitatea economică;
- aderarea la un echilibru între interesele economice ale individului, familiei, societății și a statului;
- responsabilitatea reciprocă a individului, familie, societate și de stat pentru a asigura securitatea economică;
- oportunitatea și adecvarea măsurilor legate de amenințarea și protejarea intereselor economice naționale;
- prioritare contractuale (acțiuni pașnice), în abordarea ambelor conflicte economice interne și externe;
- integrarea securității economice naționale pentru securitatea economică internațională.

Securitatea economică trebuie privită ca sistem interdependent de diferite nivele: nivelul structurii internaționale, naționale, luate separat economică a personalității.

Securitatea economică este afectată de mediul intern (național) și extern (internațional). Sub securitatea economică internațională se subînțelege starea economiei mondiale, care prevede cooperarea reciprocă avantajoasă a țărilor în abordarea provocărilor la nivel național și mondial, libera alegere și exercitarea independentă a dezvoltării socio-economice cu participarea activă la diviziunea internațională a muncii. Securitatea economică internațională este asigurată prin intermediul comunității mondiale stabilite de organizații economice internaționale - FMI, Banca Mondială, OMC și altele. În acest rol important în rezolvarea problemelor de securitate economică joacă acorduri de parteneriat privind libera circulație a capitalurilor, bunurilor și serviciilor, reprezentând interesele economice reciproce, refuzul presiunii militare, relații echitabile cu țările mai puțin dezvoltate.

Securitatea mediului este starea mediului, la care echilibrul garantează protecția mediului natural: biosfera, atmosfera, hidrosfera, litosfera, kosmosfera, specii de floră și faună, a resurselor naturale, păstrarea sănătății și a mijloacelor de subzistență și mediul antropic.

Despre securitate se poate spune că a depășit epoca tradițională, a evoluat, accentele moderne ale acesteia fiind evidente. Imperati-vele sociale și mecanismele internaționale au favorizat dezvoltarea condițiilor propice întru ascensiunea și redimensionarea securității.

Necesitatea abordării noi al securității nu o marginalizează în zona peiorativului, ci dimpotrivă, valorizând-o, îi atribuie dimensiuni noi.

Gradul de studiere al problemei. Inventarierea noțiunii de securității se adevărește a fi un demers generos, în contextul intervenției în diverse domenii: economic, politic, tehnologic, ecologic, militar, alimentar, industrial, relații economice internaționale. Analiza bibliografică ne convinge că formularea perfectă a securității este destul de vastă, multidimensională și dificil de sesizat. Așa, de exemplu Charles Schultze: remarcă faptul că noțiunea de securitate națională este complicată, operând cu diverse riscuri, frecvent aleatorii [2]. Joysef Balazs: noțiunea de securitate internațională este motivată de securitatea națională prin diverse filiere sociale, pe care le impun circumstanțele externe. Putem defini securitatea socială ca pe securitatea națională. Scopul ei în profunzime fiind asigurarea puterii politice și economice clasei de mijloc, forțelor de conducere menite să asigure supraviețuirea sistemului social [3]. Jan Bellany, John E. Nroz și Giacomo Luciani remarcă că securitatea este o absență a războiului, punând accent pe partea militară [4; 9]. Penelope Hartland Thunberg convinge că securitatea națională este capacitatea unei națiuni de a-și urmări cu succes interesele naționale, fiind mai apropiate de problemele social-economice ale poporului [10]. Walter Lippmann, Arnold Wolfers și Ole Waever își expun gândul că națiunea este în siguranță când nu trebuie să se sacrifice ineficient [21]. Michael H.H., F.N. Simonie, Louw și Frank N. Trager consideră că securitatea națională include condițiile de supraviețuire ca entitate politică [8]. Pe când Laurence Martin și Richard Ullman consideră că securitatea este asigurarea bunăstării viitoare a unei națiuni [5].

Depolarizarea securității din domeniul exclusiv militar i-a conferit acesteia noi repere valorice, multidimensionale prin ele însele, generând abordări complexe cu interferențe pluridisciplinare.

Prin relațiile economice externe, statele slabe din punct de vedere economic, nu au decât să mențină procesul de reproducere economică, fiind separate prin distribuția veniturilor mondiale. Dezvoltarea inegală a diferitelor țări și interesul inegal în participarea lor în relațiile economice internaționale, fac ca acestea să obțină poziții

inegale, ceea ce creează posibilitatea exercitării unei presiuni și chiar a șantajului economic.

Țările mici din lume pot fi devizate în țări pitice și țări cu suprafața redusă. Către statele pitice putem atribui acele state suverane, care cedează după suprafața teritoriului Luxemburgului (2586 km²). Dacă excludem statele nerecunoscute (de tipul *Principality of Sealand*), către statele mici putem atribui:

În Europa: Luxemburg (2586 km²), Andora (468 km²), Malta (316 km²), Liechtenstein (157 km²), San Marino (în italiană *Serenissima Repubblica di San Marino*) (61 km²), Monaco (2,02 km²), Vatican (0,44 km²), Ordinul Suveran Militar de Malta (OSMM), numit și Ordinul Cavalerilor Ioaniți, (0,012 km²).

În Asia: Singapore (648 km²), Bahrain (620 km²), Maldive (300 km²).

În America (în bazinul Marea Caraibilor):

Tabelul 1. Populația, suprafața țărilor din Marea Caraibilor, 2016

Țara	Populația	Suprafața, km ²	Țara	Populația	Suprafața, km ²
Anguilla	15000	91	Insulele Virgine Americane	109,750	346,36
Antigua si Barbuda	67448	442	Insulele Virgine Britanice	22.016	153
Aruba	101484	193	Jamaica	2.889.187	10.991
Bahamas	321834	13940	Martinica	381.472	1,128
Barbados	287733	430	Montserrat	5.879	102
Bonaire (NL)	10000	294	Porto Rico	3.916.632	9.104
Cuba	11.210.064	109.884	Saba	1424	13
Curaçao (NL)	152760	444	Saint Barthelemy	33.102	25
Dominica	69029	754	Saint Kitts si Nevis	42.696	261
Dominicana (Rep)	9.760.000	48,730	Saint Lucia	173.765	617
Grenada	89502	344	Saint Martin	35.263	53,2
Guadelupa	401.554	1,703	Saint Vincent si Grenadine	109.991	389
Haiti	7.900.000	27,750	Sint Eustatius	2600	21
Insulele Cayman	45.017	260	Sint Maarten	37429	34
Insulele Turks si Caicos	32000	417	Trinidad si Tobago	1.223.916	5.131

Sursa: investigația autorilor [17]

Fig. Amplasarea geografică a țărilor din Marea Caraibilor
 Sursa: investigația autorilor [17]

În Africa:

Tabelul 2. Lista țărilor mai mari și mai mici din Africa, 2016

Țările mari			Țările mici		
Țara	Populația milioane	Suprafața, km ²	Țara	Populația	Suprafața, km ²
Algeria	33	2.381.740	Mauritius	1.291.45	860
Republica Democrată Congo	72	2.344.858	Săo Tomé și Príncipe,	190,428	964
Sudan	67	1.861.484	Seychelles	92,000	459
Libia	6	1.759.540	Capului Verde	418 224	4 033
Ciad	10	1.284.000	Comore	752.438	2 170
Niger	14	1.267.000	Mayotte (Franța)	223.765	374
Angola	16	1.246.700	Ceuta (Spania)	71.505	20
Mali	13,5	1.240.192	Madeira (Portugalia)	245.000	797
Africa de Sud	47,5	1.221.037	Melilla (Spania)	66.411	12
Etiopia	85,2	1.104.300	Swaziland	1.123.913	17.363

Sursa: <https://media.imopedia.ro>

Tabelul 3. Lista țărilor mici din Oceania, 2016

Țara	Populația	Suprafața, km ²	PIB (ppp), USD
Tonga (748 km ²),	106.146	747	816 milioane
Kiribati	101.998	811	612 milioane
Statele Federate ale Microneziei	106.487	702	238,1 milioane
Palau (458 km ²),	21.032	459	164 milioane
Insulele Marshall	68.000	181	133,5 milioane
Tuvalu	10.619	26	36 milioane
Nauru	9,378	21	60 milioane
Samoa	194.320	2,831	1,122 miliarde
Sursa: investigația autorilor in baza [17]			

Din țările mici (la 10 la 100 mii km²) fac parte 53 de țări: Austria, Azerbaidjan, Albania, Bahamas, Belize, Bosnia și Herțegovina, Burundi, Bhutan, Vanuatu, Armenia, Gambia, Haiti, Guineea-Bissau, Grenada, Georgia, Danemarca, Djibouti, Republica Dominicană, Guineea Ecuatorială, Estonia, Israel, Irlanda, Iordania, Qatar, Costa Rica, Kuweit, Letonia, Lesotho, Lituania, Liban, Macedonia, Moldova, Olanda, Emiratele Arabe Unite, Panama, Coreea de Sud, Portugalia, Rwanda, El Salvador, Swaziland, Slovacia, Slovenia, Insulele Solomon, Sierra Leone, Togo, Ungaria, Fiji, Croația, Republica Cehă, Elveția, Sri Lanka, Jamaica.

Majoritatea acestor țări supraviețuiesc pe seama turismului și operațiunilor financiar-creditare, altele, ca Federația Sfântul Kitts și Nevis, care se specializează în trestia de zahăr, Grenada în creșterea nucilor. Dar ponderea principală revine totuși turismului.

Merită atenție și țările europene, ca Monaco, San Marino, Liechtenstein Malta, Andora, Luxembourg, Cipru, Muntenegru. Țara-pitică Monaco se poate mândri cu faptul că are șomajul zero, cu toate că densitatea populației este de 16403,6 per/km². Țara este cunoscută turiștilor și amatorilor de jocuri de noroc, datorită cărora și supraviețuiește. Interesant de remarcat că San Marino este unul din cele mai vechi state, fondată în anul 301. Liech este o țară cu suprafața de doar 62 km². Principalele surse de existență – alpinismul și impozite reduse, fiind atractive pentru atragerea capitalului străin în

țară. Malta și Cipru sunt foarte atractive pentru turiști. Conform estimărilor autorilor, se află pe locul 5 în top-ul destinațiilor turistice după Luxemburg, Andora, Monaco, Vatican.

După numărul populației printre țările mici (1,5-20 milioane) – putem enumera 98 de țări: Australia, Austria, Azerbaidjan, Albania, Angola, Belgia, Benin, Belarus, Bolivia, Bulgaria, Bosnia și Herțegovina, Botswana, Burkina Faso, Burundi, Bhutan, Armenia, Haiti, Ghana, Guatemala, Guineea, Honduras, Grecia, Georgia, Danemarca, Republica Dominicană, Ecuador, Eritreea, Yemen, Zambia, Zimbabwe, Israel, Irak, Irlanda, Iordania, Kazahstan, Cambodgia, Camerun, Kârgâzstan, Congo, Costa Rica, Coasta de Fildeș, Cuba, Kuweit, Laos, Letonia, Lesotho, Lituania, Liberia, Liban, Libia, Mauritania, Madagascar, Macedonia, Malawi, Mali, Mozambic, Moldova, Mongolia, Namibia, Niger, Olanda, Nicaragua, noua Zeelandă, Norvegia, Emiratele Arabe Unite, Oman, Panama, Papua noua Guinee, Paraguay, Portugalia, Rwanda, El Salvador, Arabia Saudita, Senegal, Singapore, Siria, Slovacia, Slovenia, Somalia, Sierra Leone, Tadjikistan, Togo, Tunisia, Turkmenistan Uganda, Ungaria, Uruguay, Finlanda, Croația, CAR, Ciad, Republica Cehă, Chile, Elveția, Suedia, Sri Lanka, Iugoslavia, Jamaica.

Printre țările mici cu populația mai mică de 1,5 milioane putem evidenția - 45 de țări: Antigua și Barbuda, Bahamas, Bahrain, Barbados, Belize, Brunei, Vanuatu, Vatican, Gabon, Guyana, Gambia, Guineea-Bissau, Grenada, Djibouti, Dominica, Vest Samoa, Guineea Ecuatorială, Islanda, Capul Verde, Qatar, Cipru, Kiribati, Insulele Comore, Liechtenstein, Luxemburg, Mauritius, Maldive, Malta, Monaco, Nauru, Palau, Republica Insulele Marshall, San Marino, Sao Tome și Principe, Swaziland, Seychelles, St. Vincent și Grenadine, Sfântul Kitts și Nevis, Sfânta Lucia, Insulele Solomon, Surinam, Tonga, Tuvalu, statele Federate ale Microneziei, Fiji.

De multe ori, relațiile dintre „săraci” și cei „bogați” în spațiul economic internațional, sugerează vulnerabilitatea celor săraci, care oricum se răsfrânge asupra securității în economia mondială. Chiar de la bun început, problema securității economice a apărut în rândul țărilor în curs de dezvoltare. Ratingul nivelului de viață (fig.2) repre-

zintă un indicator, pe care se orientează businessmanii, investorii și imigranții. Acest indicator adesea este contradictoriu, deoarece condițiile și nivelul de trai/securitate este diferit pentru rezidenți și nerezidenți.

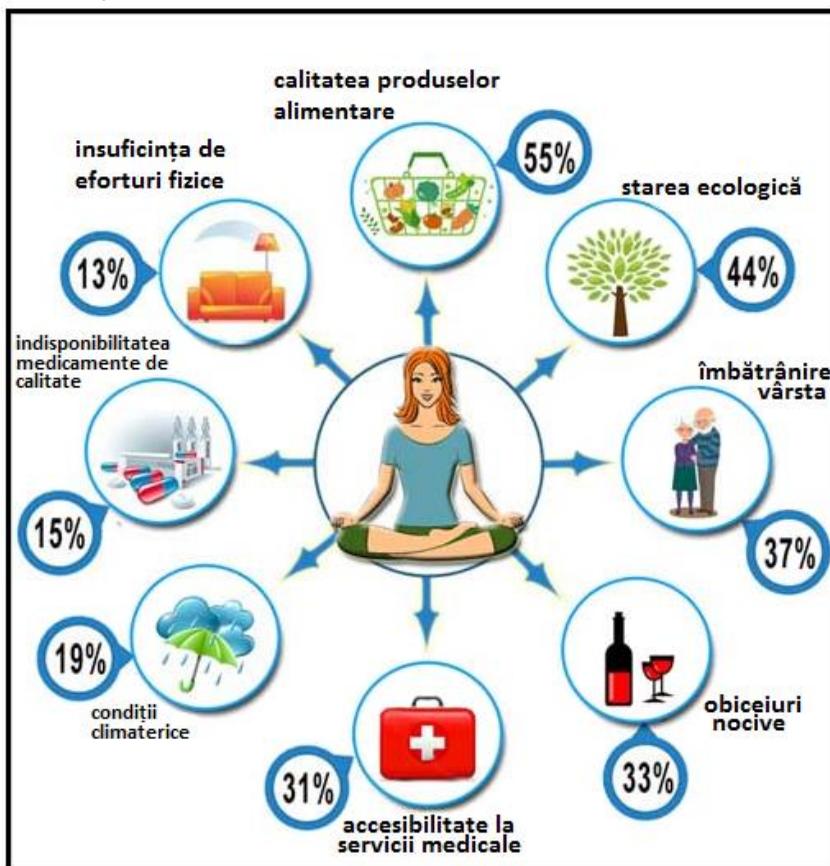

Fig. 2. Factorii de influență asupra calității vieții [7]

Estimările demonstrează că există condiții favorabile pentru viață și unii factori nocivi, vitregi pentru viață și activitate umană. Asupra acestor indicatori influențează factorii interni (strategia și politica statului, tradițiile social-culturale, mediul politic și legislativ, nivelul de dezvoltare tehnologică, rezultatele naturale și înzestrarea cu factori de producție, potențialul uman, transparența și mediul con-

curențial, securitatea economică etc.) și externi (prețul mondial la hidrocarburi, crize financiare mondiale, embargouri, bariere comerciale, situația politică și conflicte militare, declarațiile vizând „zone de interes național”) etc. Țările mici sunt puse în condiții dificile datorită factorilor competitivi mai slabi, comparativ cu țările mari.

Din literatura de specialitate [21] putem deduce că statul reprezintă entitatea juridică, politică, teritorială, care deține puterea suveranității și apără interesele populației care trăiește în limitele acestei entități. Conform specialiștilor din domeniu, prin „stat mic” stabilim o țară cu o populație de mai puțin de 10 de milioane de oameni.

În prezent, sfera internațională are o puternică influență asupra sferei naționale, influențând-o adesea nu în favoarea statului național, ci a intereselor externe. Nivelul securității economice (naționale și internaționale), în natură și în grade diferite, afectează interesele tuturor statelor lumii, reprezentând acea stare de siguranță și protecție economică de amenințările externe și interne.

Trebuie să mai subliniem că scopul unei politici eficiente în domeniul securității economice este de a asigura o dezvoltare economică durabilă pentru a satisface nevoile sociale și economice ale cetățenilor la un cost optim de muncă și utilizarea rațional-ecologică a resurselor naturale și ale mediului.

Accentuăm că un indicator al sporirii nivelului securității economice este creșterea stabilă a productivității muncii de cel puțin 5% pe an. Securitatea economică a țării, de asemenea, depinde de nivelul de dezvoltare a forțelor de producție și a relațiilor economice, precum și de forță de muncă calificată și existența unui sistem de perfecționare al acesteia.

Pentru a finaliza modelul de securitate economică, conturăm principalele amenințări la adresa securității statului, după cum urmează:[17]

- pierderea controlului economic al impozitării în comerțul extern;
- încălcarea echilibrului „intrare-ieșire” în economia națională;
- distrugerea sistemelor monetare, financiare și de creditare;
- creșterea necontrolată a datoriei externe; prăbușirea tehnologiilor de producție,

- stabilirea controlului de capital străin pentru economia națională;

- jaf necontrolat a resurselor naturale, scurgeri și prăbușirea potențialului intelectual;

- inconsecvența forțelor de producție și a relațiilor la nivel de producție de dezvoltare tehnologică.

Nivelul securității economice în Republica Moldova se află sub limita minimă care i-ar garanta siguranță și o oarecare poziție pe arena internațională. Un stat mic din punct de vedere teritorial, cu puține resurse economice care ar putea fi valorificate, cu un sistem politic corupt care nu permite și o dezvoltare economică strategică – toate acestea condamnă statul la o stagnare continuă, și nu doar în domeniul economic.

Interesul geopolitic al Uniunii Europene și SUA față de Republica Moldova, determină vulnerabilitatea poziției economice și politice a celei din urmă, în acest context fiind necesară schimbarea în primul rând, a priorităților politicilor naționale de gestionare economică[19]. Aici pot fi menționate câteva carențe în domeniul dezvoltării strategice în economia națională, și anume:

- dependența economică înaltă a Republicii Moldova față de remitențele externe. Limitarea acestora sau anularea lor sub orice formă, poate aduce la un declin economic, consecințele căruia va fi greu de înlăturat;

- stagnarea domeniului agricol al statului, prin „subnutrirea financiară” a acestuia. Cu toate că Republica Moldova este considerată un stat agrar, agricultura este foarte puțin subvenționată, antreprenorii nu izbutesc să își mențină gospodăriile agricole, în contextul ultimilor măsuri de restricții din parte Federației Ruse, impuse încă în anul 2014. Mijloacele fondului de subvenționare agricolă a producătorilor pentru anul curent (2015) sunt repartizate selectiv și nu rambursează pe deplin pierderile producătorilor autohtoni.[1; 18];

- lipsa inovațiilor, aici avînduse în vedere inovațiile tehnologice, financiar-bancare, în domeniul securității, în agricultură etc.

- raportul productivitate – competitivitate autohtonă se află la nivelul zero. Aici este necesar ca să fie create condițiile legale de dezvoltare, prin implementări legislative reale. Tentativa de creare a

unui organ specializat în domeniu, responsabil de acest sector, a fost realizată încă în anul 2008, atunci creîndu-se prin hotărîre de guvern Centrul pentru competitivitate și Productivitatea din Moldova, însă de atunci și pînă în prezent nu au fost atestate rezultate în sectorul productivității și competitivității economice, organul astfel demonstrîndu-și nefuncționalitatea [4].

Cu toate că există convingeri că economia mondială se va dezvolta în continuare, economia țărilor mici nu este atît de optimistă, fiind umbrită de unele riscuri și amenințări. Forumul Economic Mondial (WEF) a prezentat recent un studiu prin care prezintă lista celor mai mari 10 amenințări ale economiei globale și ordinii internaționale. Printre ele se regăsesc: Sporirea discrepanțelor în venituri; Sporirea ponderii șomerilor în societate; Lipsa unui leadership eficient; Sporirea concurenței geoeconomice; Diminuarea democrației eficiente; Sporirea nivelului de degradare al mediului global; Schimbări climatice grave; Agravarea mișcărilor naționaliste; Insuficiența aprovizionării cu apă potabilă; Necesitatea unei strategii economice „prospere” [13].

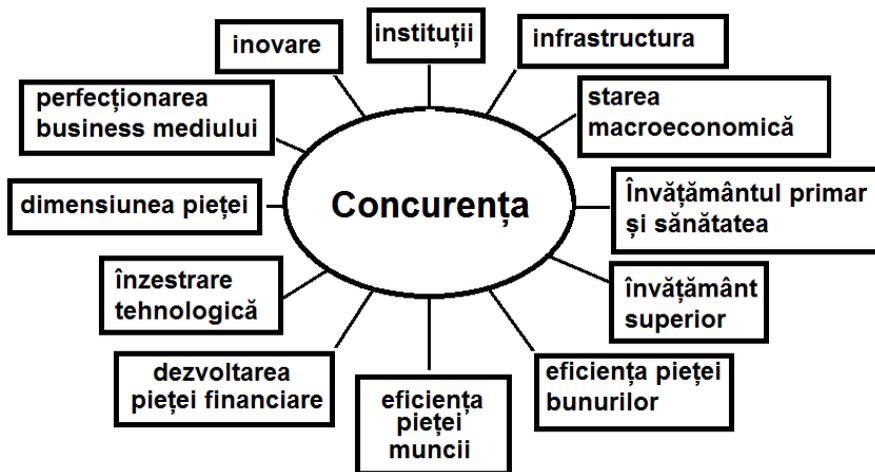

Fig. 3. Accentuarea pilonilor dezvoltării pentru formarea competitivității țărilor mici [7]

Republica Moldova, cu toate că reprezintă un stat mic, cu o economie la fel, suficient de restrânsă, poate să preia modelele statelor, care au traversat acest parcurs economic, atingând rezultate și nivele semnificative.

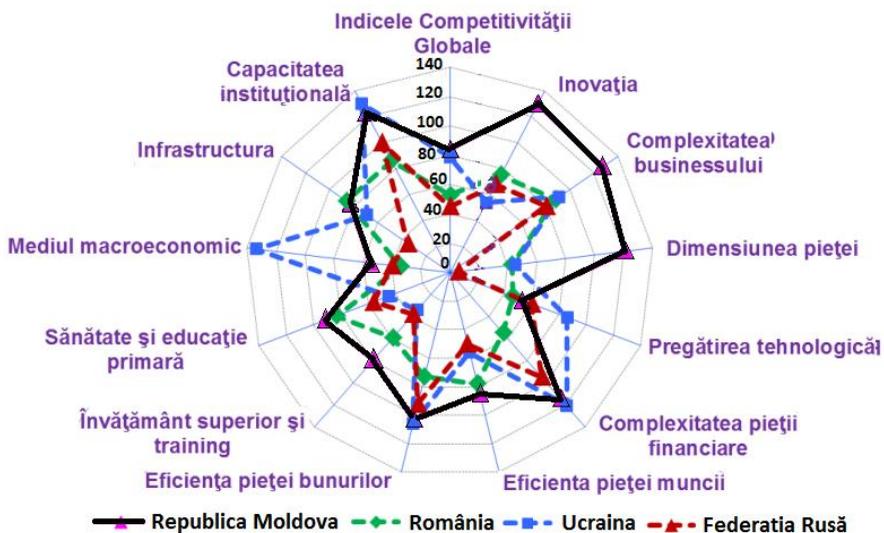

Fig. 4. Ponderea factorilor ce influențează competitivitatea țărilor [1; 19]

La etapa actuală, o activitate răspândită se manifestă în rândul statelor mici prin creșterea așa-ziselor economii mici. Un model în acest sens servește Scoția – principalul motor al industriei energetice al Marii Britanii.

În conformitate cu clasamentul PIB-ului pe cap de locuitor, putem determina ratingurile de bunăstare a cetățenilor, pe primele poziții situându-se așa state ca - Qatar, Luxemburg, Singapore, Liechtenstein. (Graficul 1)

Din figura 5 observăm că nivelul de trai depinde de politica și strategia statelor, nivelul de industrializare, înzestrarea cu factori de producție, resurse naturale. Dimensiunile teritoriului și numărul populației nu sunt factori determinați.

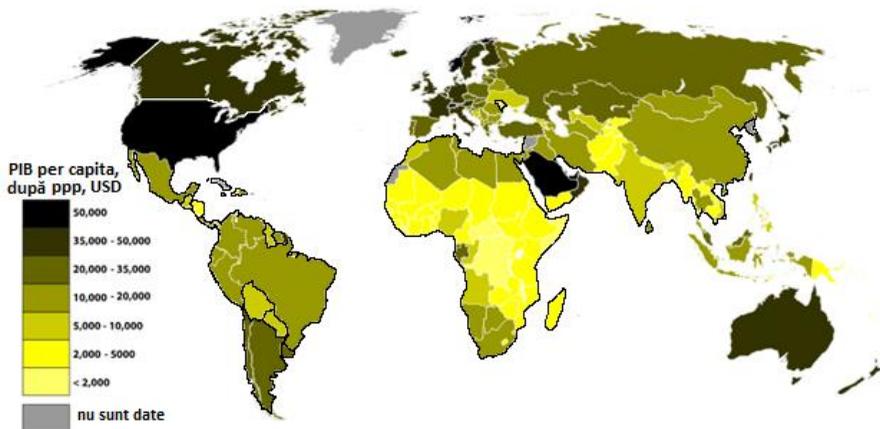

Fig. 5. Clasarea țărilor după PIB pe cap de locuitor după PPP, 2015 [17]

Tabelul 4. Top-10 după cel mai mare IDU din Europa, 2015 [17]

Locul	Țara	IDU	Populația	Suprafața, km ²	PIB, milioane USD	PIB-ul pe cap de locuitor, USD	Ratingul securității	
							ni-velu l	Numărul total de omucideri
1	Norvegia	0,944	4.671.700	323.802	67.619	84444	0,6	29
2	Elveția	0,930	7.252.000	41.277	651,770	67246	1,0	91
3	Danemarca	0,923	5.580.516	43.094	45.800	56147	0,9	47
4	Olanda	0,922	16.787.689	41.543	48.797	47172	1,1	179
5	Germania	0,916	80.399.300	357.022	3,467,780	40631	0,8	690
6	Irlanda	0,916	4.588.252	70.273	254,596	58373	1,2	54
7	Liechtenstein	0,908	35.000	160	5.488	140102	2,8	1
8	Suedia	0,907	9.573.466	450.295	512,748	54988	1,0	91
9	Marea Britanie	0,907	64.100.000	243.610	2,760,960	36120	1,2	722
10	Islanda	0,899		70.273	18,633	39026	0,3	1

Tabelul 5.Top-10 după IDU mijlociu și mic din Europa [17]

Ilocul	Țara	IDU	Populația	Suprafața, km2	PIB, milioane USD	PIB-ul pe cap de locuitor, USD	Ratingul securității	
							nivelul	Numărul total de omucideri
1	Albania	0,733	3.130.000	28.748	12,269	3,677	4,0	127
2	Bosnia și Herțegovina	0,733	3.907.000	51.197	16,324	4,319	1,5	56
3	Armenia	0,733	3.229.900	29.743	10,774	2,846	1,4	44
4	Ucraina	0,747	46.398.114	603.550	83,550	3,000	5,2	2356
5	Macedonia	0,747	2.034.000	25.713	10,424	4,431	1,9	40
6	Azerbaidjan	0,751	8.621.000	86.600	35,141	6,008	2,2	206
7	Georgia	0,754	4.661.473	69.700	13,942	2,658	4,3	187
8	Turcia	0,761	71.517.100	783.562	751,186	10,399	3,3	2320
9	Serbia	0,771	9.465.507	88.361	37,381	5,233	1,2	123
10	R.Moldova	0,693	3,553000	33.851	6,084	1971,05	7,5	267

În calitate de criteriu pentru clasarea țărilor după nivelul de securitate au fost luați numărul de omucideri la 100 mii populație din fiecare țară. Uneori pare paradoxal că unele țări cu nivelul IDU înalt, cu nivelul de trai înalt au un nivel de securitate jos. Aceasta se datorează situațiilor de conflict sau numărului mare de refugiați și migrați, situațiilor de conflicte recente. R.Moldova ocupă în loc inter-medial-mediu, cauzele crimei adesea sunt cele mai banale ca invidia și conflicte de familie. În ultimii ani (2015-2016) în R.Moldova au crescut numărul de infracțiuni – grave – cu 3,32%, mai puțin grave – 9,24%, omoruri – 17,19%, vătămări corporale – 9,47%, din care grave – 7,34%, furturile din transport -34,21% [12].

În cursa dezvoltării economice startul nu a fost sincron pentru statele lumii, fiecare variabilă având rolul ei bine definit în funcție de: tipul economiei, poziția geo-economică, resursele și bogățiile naturale ca acceleratoare ale progresului, politicile economice naționale coerente, aliniate politicilor de dezvoltare economică regională. Prima care a simțit povara preluării economiei de tip planificat a fost Germania, care s-a confruntat cu probleme legate de creșterea ratei

șomajului, de integrarea economică și a forței de muncă, de converșia monetară. O situație care a creat nemulțumirea unora dintre statele europene a fost cea determinată de criza generată și alimentată de relația tensionată dintre Rusia și Ucraina, în ceea ce privește transportul hidrocarburilor spre Occident.

Securitatea economică – este parte-componentă a securității naționale. Dacă luăm în considerare securitatea economică al entităților economice, componentele sale, cele mai semnificative elemente ar fi cea financiară (utilizarea cât mai eficientă a resurselor); politică și juridică (respectarea legislației în vigoare, susținerea juridică deplină a afacerilor juridice); intelectuală și a resurselor umane (conservarea și dezvoltarea potențialului intelectual al companiei, resurse umane eficiente); tehnico-tehnologică (gradul de conformitate cu tehnologia aplicată de întreprindere la nivelul standardelor mondiale moderne, costuri de resurse de optimizare); informațională (informații eficiente și de sprijin analitic al afacerilor); mediu (conformitatea cu reglementările de mediu aplicabile); putere (securitatea fizică și spirituală a angajaților).

Amenințările la adresa securității economice – sunt factorii, fenomenele și procesele care au un impact negativ asupra economiei țării, intereselor economice ale oamenilor, societății și a statului. Indicatorii de securitate economică – sunt cei mai importanți parametri care oferă o imagine de ansamblu a stării sistemului economic în ansamblul său, stabilitatea și mobilitatea: PIB-ul și rata de creștere și a calității vieții populației, inflația, șomajul, structura economică, stratificarea populației, criminalizarea economiei, baza stării tehnice a economiei, cheltuielile pentru cercetarea științifică, competitivitatea, dependența de importuri, gradul de deschidere a economiei, datoria internă și externă.

Referințe bibliografice

1. Agenția de intervenție și plăți pentru agricultură. <http://aipa.gov.md/ro/content/peste-6-mii-de-fermieri-au-solicitat-compensa%C8%9Bii-la-mere-prune-%C8%99i-struguri-tehnici>
2. Balazs Joysef Security Studies Is The Main Focus Politics Essay. <https://www.ukessays.com/essays/politics/security-studies-is-the-main-focus-politics-essay.php>
3. Balazs Joysef. A note of the interpretation of security. Development and Peace. 6, 1985, note 39, p.146.

4. Bellany I. Towards a Theory of International Security. Political Studies, Vol. 29, No. 1, 1981, p. 102.
5. Buzzan, Barry. *Popoarele, statele și teama*, Ediția a doua, Editura Cartier, Chișinău, 2000, p. 28.
6. Charles L. Schultze, economist in two Democratic administrations, dies at 91". Washington Post. Retrieved 6 October 2016.
7. Dezvoltarea regională în uniunea europeană. <http://www.mdrc.gov.md/libview.php?l=ro&idc=24&id=1280&t=/Dezvoltare-regionala/Activitatii-curente/DEZVOLTAREA-REGIONALA-IN-UNIUNEA-EUROPEANA>
8. Frank N. Trager and Frank L., Simone. An introduction to the study of national security. In: F.N.Trager and P.S.Kronenberg, National Security and American Society. Lawrence: University Press of Kansas, 1973, p.36.
9. Giacomo Luciani. The Economic Content of Security. Journal of Public Policy. Volume 8, Issue 2. April 1988, pp. 151-173.
10. Hartland-Thunberg, Peleope. "National Economic Security: Interdependence and Vulnerability." In National Economic Security: Perceptions, Threats, and Policies, Alting von Geusau, Frans A. M. von Geusau, and Jacques Pelkmans (47–61). Netherlands: John F. Kennedy Institute, 1982.
11. Hotărîrea nr. 975 din 12.08.2008, <http://lex.justice.md/md/328919/>
12. Informația-operativă privind starea infracționalității (fără clasate) pe teritoriul republicii moldova. Pentru luna 10 2016, <http://www.mai.gov.md/ro/content/informatia-operativa-privind-starea-infracionalitatii-fara-clasate-pe-teritoriul-43>
13. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 2014)*. Vol. 60, No. 1 (Winter, 2014, pp. 41-51).
14. Mohammed Ayoob. Security in the Third World: The Worm about to Turn?
15. Moldova este cutremurată de numeroase crime. <http://www.timpul.md/articol/moldova-este-cutremurata-de-numeroase-crime-41506.html>
16. Moran, Daniel. Energy Security and Global Politics, The militarization of resource management http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/43261/Moran_Russell_Militarization_of_Energy_Security.pdf?sequence=3
17. Raport PNUD, 2015, <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>, <http://www.tradingeconomics.com/moldova/gdp-per-capita>, <http://jumaks.ru/o-slovenii/kachestvo-zhizni/reiting-bezopasnosti-stran-mira.html>
18. Revista de filosofie, sociologie și științe politice, 3(154), Chișinău 2010, <http://iiesp.asm.md/wp-content/uploads/2011/03/Revista-2010-3-JIS-B5.pdf>, accesat 15.12.2015.
19. Strategia națională de cercetare, dezvoltare și inovare 2014 – 2020. https://www.edu.ro/sites/default/files/_fi%C8%99iere/Minister/2016/strategii/strategia-cdi-2020_-proiect-hg.pdf
20. Walter Lippmann. Beyond the American Century. http://centaur.reading.ac.uk/26030/1/Patrick_Porter_Beyond_the_American_Century.pdf
21. Ломакин В.К., Мировая экономика, 2002, 5.3. Взаимозависимость и экономическая безопасность, <http://textbook.news/ekonomika-mirovaya/vzaimozavisimost-ekonomicheskaya-bezopasnost.html>, accesat 15.12.2015.

STRUCTURA COMERCIALĂ ȘI DINAMICA INVESTIȚIILOR DIRECTE ÎN CONDIȚII CONTEMPORANE

*Ibrahim Mustafa SHARFELDIN,
Mohammedelkhatim, doctorand, ULIM*

Rezumat

Activitățile de afaceri internaționale sunt influențate de tipul operațiunilor de afaceri. Activitățile de afaceri internaționale sunt împărțite în operațiuni comerciale și de investiții. Activitatea comercială poate fi divizată în mai multe niveluri, în funcție de locul în care se desfășoară comerțul. De asemenea, poate fi împărțită în funcție de alte criterii care vor fi prezentate mai jos. Alți factori influențează, de asemenea, activitățile de investiții directe, și anume umane și resursele naturale. Activitățile umane influențează investițiile în multe feluri. În mod similar, resursele disponibile afectează semnificativ activitățile de afaceri. Scopurile acestei lucrări sunt de a demonstra structura comerțului și modul în care structura afectează activitatea comercială. Lucrarea urmărește, de asemenea, să dezvăluie forța care influențează operațiunile de investiții directe și modul în care aceste forțe afectează aceste operațiuni. Această lucrare are în vedere, în general, modul în care poate influența activitatea de afaceri, influența omului și a naturii asupra operațiunilor internaționale de afaceri.

Cuvinte-cheie: structura comerțului, investițiile străine directe (ISD), dinamica ISD, stabilitatea socială, politică și economică

THE TRADE STRUCTURE AND DYNAMICS OF DIRECT INVESTMENTS IN CONTEMPORARY CONDITIONS

Abstract

International business activities are influenced by the type of business operation. International business activities are divided into trade and investment operations. Trade activity may be divided into many levels depending on the place where trade is conducted. It can also be divided according to other criteria that will be shown below. Other factors also impact the direct investment activities, namely human and nature. Human activities influence investment in many ways. Similarly resources available affect business activities significantly. The aims of this work are to demonstrate structure of trade and how the structure affect the trade activity. The work aims also to reveal the force that influence direct investment operations and how these forces affect these operations. This work is meant in general to reflect how can the type of business activity, human and nature impact international business operations.

Keywords: Trade structure, Foreign direct investment (FDI), Dynamics of FDI, social, political and economic stability

Introduction. The current work defines the trade process, its types, features of trade's types and the importance of the trade process. It also describes the concept of investment, its types, characteristics and its significance. The paper explains the dynamics of direct investment in contemporary conditions. The article reveals the role of economic, social and political stability besides legal environment in promoting trade and investment activities.

Trade structure exerts a sizeable influence on international business activities. Trade is the process of purchase, sale or exchange of commodities inside a country or between countries. It involves the exchange of one party's goods or services for desired goods or services that another party possesses after participation of both parties in a negotiation. Trade can be divided into two types internal and external. Internal trade denotes the exchange of goods or services within a single country. In internal trade products are bought and sold by people living within the national market. It provides benefits to society as it encourages investment within the country. External trade refers to the exchange of goods and services between countries. It is about importing products from outside the country and exporting products to other countries. Trade affords expansion of economic opportunities, thus promotes national economies [1, p.139].

Internal trade is conducted at local, regional and national levels. It may similarly be referred to as domestic or home trade. It can be divided into wholesale and retail trade. Wholesale trade involves purchase of big quantities from producers and sale in lesser to retailers. Retail trade includes purchase of small quantities from wholesalers and sell them in smaller amounts to consumers. In contrast, external trade refers to the purchase and sale between two or more countries. It is also recognized as foreign trade. It may be divided into export, import and entrepot trade. Export occurs when a merchant from a country sells his goods or services to a trader located in another country. Import takes place when a trader in a country purchase goods or services from a trader situated outside the country. Entrepot occurs when imported goods are processed and then re-exported.

Trade may possibly be divided into traditional, electronic and par-

tial electronic. Traditional trade also called brick and mortar entails the presence of a customer in a market where items are displayed for sale. In this type of trade customer pay to get tangible commodities. Electronic trade similarly called on-line is the process of purchase of goods or services via internet. On-line trade occurs when a customer buy goods or services and pay electronically. This type of trade avails greater flexibility and assisted in reducing operation costs. Partial electronic trade also known as click-and-mortar is a combination of traditional and electronic methods. It offers benefits of fast online transactions and traditional direct service. Trade structure impact trade activities and influence commercial processes significantly [2, p.52].

Investment activities influence international business operations considerably. Investment refers to the process of purchasing an asset bearing in mind that the asset will either provide income thus making more money or it will be sold at a higher price to make profits. As previously shown, investment is divided into foreign portfolio investment (FPI) and foreign direct investment (FDI). While in FPI the investor obtains a passive ownership of foreign financial instruments such as stocks and bonds. In FDI the investor obtains a durable interest in a corporate operating in another country. The FDI gives investors the right to have a significant degree of influence and control over the firm into which the investment is made. As FDI activities may face obstacles that undermine the investment operations and weaken investors' desires to start a business, nevertheless, there are dynamics that encourage and promote it.

Dynamics of direct investments refer to the forces that influence direct investments activities. This include two major dynamics; the human and the nature. Human is the basis of the society. S/he managed to develop a civilized style of life comprising members of families who live together in a society. Within the society peoples managed to learn and thus develop the concept of awareness. Peoples' awareness about the importance of education contributed the development made in all aspects of life, for instance health and knowledge. Improvement made in health led to the decrease of mortality percentages and to the increase of human growth rates. The expansion made in knowledge contributed

also to the improvement of health but it had a major impact in rising peoples' consciousness to exploit the elements of nature. Man sought to allocate more natural resources to eliminate groups' competition and to promote stable societies [3, p.115].

Needless to say, that, availability of different resources assisted in avoiding conflicts between groups thus helped in promoting social, political and economic stability. The stability of these forces remains the main goal that societies wanted to achieve and to keep unceasingly. The issue of stability has always been in an eminent place in societies interests as stability is a basic requirement in life. Economic, political and social stability represent one of the most influential dynamics of direct investments in contemporary conditions. Economic stability assist in creating necessary conditions for sustainable investments. Political stability provides secure environment thus encourage investors to bring capitals and launch investments. Social stability creates stable economic and political setting, so contribute in stimulating investments operations. Economic, political and social stability are major determinants for FDI inflows [4, p.45].

Economic stability means maintaining the economy in good form without a significant retreat. It is interconnected with political and social stability. Governments aim to achieve and maintain economic stability as it influences countries' political stability and societies' security. Economic stability affect state's ability to raise economic growth rates and to attract investment. Regimes generally aim to avoid disturbances and conflicts as much as possible and to continue in office up to the end of their terms. To attain these goals, they launch certain economic policies to support the political and social stability. They aimed to enhance the opportunities for economic growth in order to prevent economic crisis that would harm the economic stability and would cause at a later stage political and social clashes. The economic crisis in some countries raised poverty levels, consequently riots erupted and caused political and social unrests [5, p.48].

In addition to the policies adopted and meant for economic stability, governments support economic stability by attracting investors through adopting smart economic policies such as free market econ-

omy policy where government does not interfere in the business activity. This strategy allow different firms competing for a business and often leads to lower prices and better quality products. Nevertheless, regimes may intervene through introducing incentive packages such as freedom of entry and exit of capital. They also motivate investments by permitting free transference of profits and assets when investors wishes to do so. States equally enable importing investment assets required to build or run or expand projects and exempt machinery and equipment needed for these projects from import duty. Grating investors full or partial exemption of import tax and duty facilities would certainly encourage investment [6, p.56].

Besides economic policies related to duty exemptions and free transferences of capitals and profits that would motivate investors, providing them with information about investment sectors would assist significantly in investment decisions. Based on the available data and information, states familiarize businesses with the information and studies on selected projects for investment. Acknowledging the growing role of trade and investment in strengthening the national economy and investors' need for some assistance with abundant resources in a country, governments intervene to encourage investors by establishing investment institutions to assist investors in many issues such as providing them with feasibility studies for projects and programs to be sponsored and implemented in addition to organizing and holding seminars and forums for investors to familiarize them with the benefits of investment in the country.

Good economic environment also assist states to encourage and promote trade and investment in many other ways. The nature of the land would definitely facilitate transport and consequently motivates investors. The existence of infrastructure facilities such as roads and ports, the availability of an industrial area with complete services for industrial operations would encourage businesses to build plants and launch production projects. The disposal of electric power supply, petroleum and water for purposes of production at a competitive price stimulate significantly foreign investment activities. Research clearly indicate that infrastructure represent an important determinant

of both FDI inflows and outflows [7, p.1915]. The existence of reliable infrastructure facilities certainly encourage foreign investment operations, but it also influence the social and political stability as will be demonstrated in the following pages.

As previously mentioned, human and nature are the dynamics of direct investments. As revealed earlier, human managed in developing many human aspects through knowledge. Human sought to exploit the nature to improve the economic conditions since nature provides life with many potentials such as land, water, wind and sun. These elements contributed significantly in the development and prosperity of human life. Through the optimal exploitation of these resources, human managed in developing agriculture. Furthermore, people succeeded in transforming lands to constructs plants for different industries. They also made maximum use of petrol, sun, water and wind as sources of energy to run these plants. The plants in turn produced machines that contributed in the development of transport and communication and in consequence contributed to the improvement of economic conditions and subsequently social stability.

Social stability refers to a state of calm that a society feel. Maintenance of social stability is one of the significant challenges that faces all societies. Social stability supports the society to achieve its aspirations and objectives without any constraints preventing society's ability to work effectively. It also denotes the freedom of a society from social disorder features exhibited in forms of conflicts and violence between groups. Social stability is a prerequisite for society's development. It is very important to the economic development and well-being of the people. On the contrary, social instability causes revolutions and unrest in any group. Social stability promote trade and investment activities. Foreign businesses seek to launch investment activities within stable societies to avoid any losses. FDI is the only major solution to create prosperity and social stability linked to education, it is a key aspect in encouraging investment [8, p.260].

Besides social stability, conducting an investment activity in any country generally requires acquaintance with the local social norms. Launching business anywhere necessitates certain procedures

to be followed such as filling certain forms, attaching specific documents and paying administrative fees. These procedures often entail certain sequence to be followed. They also necessitate dealing with officials from government institutions. As diverse procedures have to be followed in different countries and besides differences in cultures, dealing with local officials may perhaps result in misunderstanding cases. These misconception cases can further lead to undesirable consequences which can in turn cause failure of investment activities. Thus businesses need be acquainted with different societies, to consider societies' diverse styles of communication in order to ease resolve any problems that may hinder investment.

In addition to social factors, political stability is also an important aspect in investment. It refers to the ability of a government to access, share and compete for power through peaceful political processes. It also signifies the ability of a government's regime to complete at least its full term. It demonstrates as well the government's ability to establish and maintain security in cases of conflicts and violence. Governments work constantly on inspiring confidence on society so as to maintain a stable political life. Regimes' crucial role to promote business and stimulate investment activities starts with their efforts to minimize security threats and to create a stable political life, since political stability remains the key to investor confidence. Political stability plays a central role in stimulating business activities and operations. Investors consider political stability a significant factor as it plays an essential role in attracting investment [9, p.239].

The political factor also influence other aspects such as the legal environment. The legal factor influences FDI activities in numerous ways. In contemporary conditions, because of the abundance of alternatives and the escalation of competitiveness, investors tend to choose the best available options for investment. Governments attempt to promote direct investment and attract investors through modifying and developing legal systems that suit investor's desires. Regimes enact regulations exempting investors from taxes and customs. They also legislate rules that allow investors benefitting from land and real estate. Enacting these laws certainly provide incentives

and facilities that would raise the profitability rates of investment projects. Governments strategies to promote FDI can take different forms yet the most common are exemptions from business taxes and import duties either partially or completely [10, p.3].

Flexible legislations and procedures for the registration of commercial activities and industrial facilities stimulate investors. Starting business activities anywhere requires adhering to domestic and foreign regulations organizing business activities. These internal and external laws necessitate approval of many government institutions. The institutions in turn are governed by certain processes and require some conditions to be satisfied. The conditions to be fulfilled are mainly related to nature and type of industry and their impact on national economy, environment and laborers. Businesses are to meet the terms and to satisfy the prerequisite conditions to obtain government institutions' approval. Government seeking to promote investment and to stimulate investors adopted simple procedures for the business activities registration. Solutions have been introduced in many country to make registration processes flexible to attract investment.

The legal environment in a country certainly motivates investors if certain prerequisites are met. Efficient, effective and independent judicial system and mechanism of law enforcement encourage businesses to bring their capitals and start business activities without hesitation and fear. The integrity of the legal system in many countries inspired a lot of investors, in the past, to launch business activities in many countries. The Possibility for resolving investment disputes through commercial arbitration in accordance with the legitimate jurisdiction also ensure that investors' properties and rights are protected. Legal procedures are generally executed by other governments institutions often police forces. The integrity of police institutions also ensures that all parties rights are protected, thus encouraging investors to conduct business activities. Researches demonstrate that corruption negatively influence FDI inflows [11, p.411].

Beside the integrity of the judicial and law enforcement systems in a country, the national investment law adopted in a country impact the investment activities in both positive and negative ways.

Governments tend to introduce investment laws in order to encourage and stimulate businesses bring their capitals. Investment laws generally organize the relations between investors and other parties such as government institutions and labor syndicates. These laws aim as well to protect the investors and their investments and to facilitate their production activities. Flexible systems and procedures to bring manufacturing employment certainly allow investors to bring laborers required to run projects from any country as businesses tended to recruit cheap laborers from certain countries in order to reduce costs. Foreign investors look for cost effective business conditions and proficient inexpensive workers [12, p.59].

Conclusion

Trade structure exerts a considerable influence on international business. Trade can be divided into internal and external. Internal trade denotes the exchange of goods or services within a single country. External trade refers to the exchange of goods and services between countries. Internal trade is conducted at local, regional and national levels. It may be referred to as domestic or home trade. It can be divided into wholesale and retail trade. External trade, also recognized as foreign trade refers to the purchase and sale between two or more countries. It may be divided into export, import and entrepot trade. Trade may be divided into traditional, electronic and partial electronic. Traditional trade entails the presence of a customer in a market where items are displayed for sale. Electronic trade is the process of purchase of goods or services via internet. Partial electronic trade is a combination of traditional and electronic methods.

Dynamics of direct investments refer to the forces that influence direct investments activities. This include two major dynamics; the human and the nature. Human managed to develop a civilized society. Within a society peoples learned and developed the concept of awareness. Peoples' awareness about the importance of education contributed the development made in health and knowledge. Improvement made in health led to the increase of human growth rates. The expansion made in knowledge contributed also to the improvement of health and in rising peoples' consciousness to exploit the elements of nature to increase re-

sources and decrease competition to create stable societies as stability is a basic requirement in life. Thus, availability of different resources assisted in avoiding conflicts between groups thus helped in promoting social, political and economic stability.

Governments aim to achieve and maintain economic stability as it influence countries' political and social stability. Economic stability also affect state's ability to raise economic growth rates and to attract investment. Governments support economic stability by attracting investors through adopting smart economic policies such as free market economy that raise competition and often leads to lower prices and better qualities. They may intervene through introducing incentive packages such as freedom of entry and exit of capital. They can similarly stimulate business by providing investors with feasibility studies in addition to organizing forums about the benefits of investment in the country. The availability of reliable infrastructure facilities such as constant electric power supply and the existence of petroleum and water for production purposes at competitive prices stimulate significantly foreign investment activities.

Economic stability also contribute in producing stable societies. The increase of skilled laborers and the optimum utilization of natural resources, both, assisted in the improvement of economic conditions of most societies and hence contributed to the social stability which in turn assists in promoting trade and investment activities as foreign investors strive for launching investment activities in stable societies. In addition to social stability, political stability is also an important aspect in investment. Political stability plays a central role in stimulating business activities and operations. The political factor also influence other aspects such as the legal environment. The legal factor influences FDI activities in numerous ways. Governments attempt to promote direct investment and attract investors through modifying and developing legal systems that suit investor's desires.

Regimes also enact regulations exempting investors from taxes and customs thus providing incentives and facilities that would raise the profitability rates of investment. Flexible legislation and procedures for the registration of commercial activities and industrial facil-

ities stimulate investors. Government adopted simple procedures for the business activities registration promote investment and stimulate investors. Efficient, impartial and independent judicial system and mechanism of law enforcement encourage businesses to bring their capitals and start business activities without hesitation and fear. National investment law adopted in a country impact the investment activities in many way. Flexible systems and procedures to bring manufacturing employment certainly allow investors to bring laborers required to run projects from any country as businesses tended to recruit cheap laborers from certain countries in order to reduce costs.

Bibliography

1. Carbaugh, Robert. "International Economics, 15th." Edition, Cengage Learning, 2014, 139p.
2. Zeng, Ka, and Zeng Ka. Trade threats, trade wars: bargaining, retaliation, and American coercive diplomacy. University of Michigan Press, 2010, 52 p.
3. Falk, Thomas. Communal Farmers' Natural Resource Use and Biodiversity Preservation: A New Institutional Economic Analysis from Case Studies in Namibia and South Africa; [Biodiversity Transect Monitoring Analysis in Southern Africa, BIOTA]. Cuvillier Verlag, 2008, 115 p.
4. Urata, Shujiro, Chia Siow Yue, and Fukunari Kimura, eds. Multinationals and Economic Growth in East Asia: Foreign Direct Investment, Corporate Strategies and National Economic Development. Routledge, 2006, 45 p.
5. Iwan Jaya Azis. Crisis, complexity and conflict. Vol. 9. Emerald Group Publishing, 2009, 48 p.
6. Davidson, Paul, and Franca Ciambella. Investment in South East Asia. Routledge, 2012, 56 p.
7. Globerman, Steven, and Daniel Shapiro. "Global foreign direct investment flows: The role of governance infrastructure." *World development* 30.11 (2002): 1899-1919, 1915 p.
8. Howes, Rodney, and Joseph HM Tah. Strategic management applied to international construction. Thomas Telford, 2003, 260 p.
9. Shirazi, Farid, and Anton Ravindran, eds. Business Review: Advanced Applications. Cambridge Scholars Publishing, 2013, 239 p.
10. Hanson, Gordon H. Should countries promote foreign direct investment? Vol. 9. UN, 2001, 3 p.
11. Oxelheim, Lars, ed. Corporate and institutional transparency for economic growth in Europe. Vol. 19. Emerald Group Publishing, 2006, 411 p.
12. Benjamin, Russell, and Gregory O. Hall. Eternal colonialism. University Press of America, 2010, 59 p.